This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Включено
в каталог
Хранилища

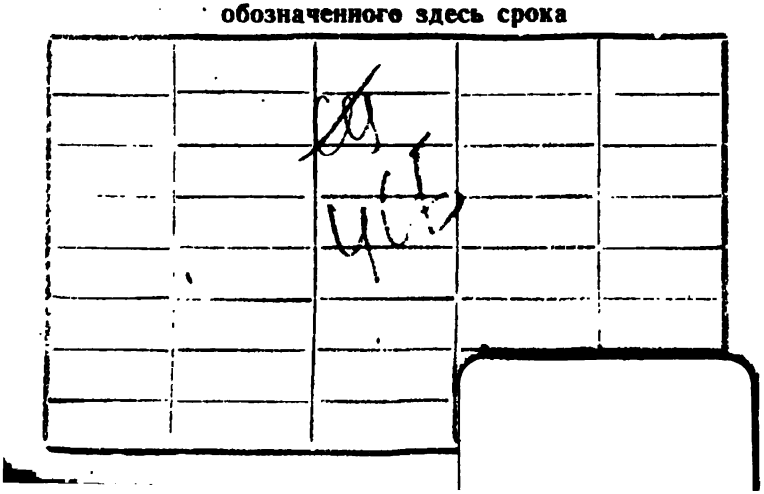
P Slav 484.25.7

357
Г-48

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока



1591/4

378
Г-484

ГИМНАЗІЯ ВЫСШИХЪ НАУКЪ

И

ЛИЦЕЙ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

105624

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1881

СМ 232690

PSlav. 484.25.7

74 *2

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ ДОРОГУ!

Одинъ я бродилъ по аллеямъ густымъ
Родного лицейскаго сада —
И снова мелькали предъ взоромъ моимъ
Деревья, дорожки, ограда:

Тѣ самыя липы, та ива, тотъ вязъ,
Подъ лиственной тѣнью которыхъ
Такъ сладко мечталось — дремалось не разъ
Подъ ихъ нескончаемый шорохъ.

По прежнему садъ былъ тѣнистъ и угрюмъ,
По прежнему вѣялъ прохладой
И, полный какихъ-то таинственныхъ думъ,
Нависъ надъ высокой оградой.

И даже тропинка, любимая мной,
По прежнему въ чащѣ терялась,
По прежнему въ ней извивалась змѣёй,
И ива надъ нею склонялась.

Глядѣлъ я — въ душѣ всё яснѣй и яснѣй
Прошедшіе дни оживали
И милые образы старыхъ друзей
Опять предо мной возникали

Они проносились одинъ за другимъ,
Какъ тѣни подъ пологомъ ночи,
Являлись и вновь исчезали, какъ дымъ
И снова глядѣли мнѣ въ очи.

Я сердцемъ встрѣчалъ ихъ, я сердцемъ слѣдилъ
Ихъ мирный полётъ — и, лелѣемъ
Завѣтнымъ прошедшимъ, мечталъ и бродилъ
По тёмнымъ лицейскимъ аллеямъ.

Въ дорогу, въ дорогу! Ужь жизненный путь
Ковромъ предо мной разостлался.
Въ дорогу! Часы за часами бѣгутъ,
А я ещё въ путь не собрался.

Но прежде чѣмъ путь свой избрать я рѣшусь,
Мой путь, не богатый дарами,
Къ кому, какъ не къ вамъ, я душой обращусь?
И я преклоняюсь предъ вами —

Предъ вами, которые здѣсь до меня
Росли въ этомъ самомъ Лицеѣ,
Здѣсь такъ же мечтали въ саду, какъ и я
И можетъ-быть въ этой аллеѣ;

А нынѣ, во славу родимой земли
Пропѣвъ пѣсни вѣщія міру,
Въ сырую могилу съ собой унесли
Вѣнокъ и разбитую лиру.

Къ кому я изъ дѣтства стремился душой
И чьи благородныя тѣни
Незримо витаютъ теперь надо мной,
Покинувъ могильныя сѣни.

И ты, возмужавшій въ безвѣстной тиши,
Людей сердцевѣдецъ великой,
Чьё слово проникло въ тайникъ ихъ души
И сдѣлалось думъ ихъ владыкой!

Творецъ «Ревизора», пѣвецъ «Вечеровъ»,
Степей поднѣпровскихъ и Сѣни!
Кто, полнъ вдохновенья, уже былъ готовъ
Начать величавыя рѣчи —

И славное имя въ безсмертья скрижаль
Вписавшій чертами созданья,
Въ которомъ улыбка скрываетъ печаль
И смѣхъ заглушаетъ рыданья!

И ты, многодумный поэтъ и пѣвецъ
Пѣвца вдохновеннаго Тасса,
Украсившій барда лавровый вѣнецъ
Цвѣтами съ родного Парнасса!

Поэтъ и пѣвецъ исполина Петра,
Реформъ его славныхъ и плановъ,
Пѣвецъ имъ свершоннаго въ жизни добра,
Невы и полтавскихъ кургановъ!

И ты, живописецъ неправды людской,
Разскащикъ вседневныхъ дѣяній,
Интригъ измельчавшихъ и спѣси смѣшной,
А съ ними и слёзъ и страданій!

Пѣвецъ Малороссіи милой своей,
Съ ея вѣковыми садами,
Гдѣ въ кущѣ черёмухъ поётъ соловей
И вѣтеръ играетъ листами!

Пѣвецъ ея неба, полей и лѣсовъ,
Съ крестами ея у дороги
Надъ прахомъ умершихъ въ пути чумаковъ,
Вдали отъ родимой берлоги!

Широкій путь жизни ужь манитъ давно
Меня на борьбу и тревогу.
Часы прозвучали — и такъ рѣшено —
Въ дорогу, въ дорогу, въ дорогу!

Н. Гербель.

НѢЖИНЪ.

Нѣжинъ принадлежитъ къ числу многолюднѣйшихъ уѣздныхъ городовъ Россіи — и по густотѣ своего населенія и занимаемому имъ пространству смѣло могъ бы стать въ ряды губернскихъ городовъ. Въ этомъ отношеніи онъ даже стоитъ выше многихъ изъ нихъ, такъ-какъ въ нёмъ больше жителей, чѣмъ во Владимірѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Вологдѣ, чѣмъ въ каждомъ изъ губернскихъ городовъ Привислянскаго края — конечно, за исключеніемъ Варшавы — и даже больше, чѣмъ въ главномъ городѣ губерніи, къ которой онъ принадлежитъ, то-есть въ Черниговѣ. Изъ числа же уѣздныхъ городовъ во всей Россіи — европейской и азіатской — едва-ли найдётся болѣе десятка такихъ, которые бы превосходили Нѣжинъ числомъ жителей. Эта значительная цифра жителей даётъ весьма часто поводъ ожидать и требовать отъ Нѣжина бо̀льшаго, чѣмъ онъ даётъ и можетъ дать. Всякій, кому приходится отправляться въ первый разъ въ Нѣжинъ, особенно если при этомъ предвидится болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ нёмъ, при переводѣ, напримѣръ, на службу въ Нѣжинъ, прежде всего, конечно, изъ тѣхъ или иныхъ источниковъ, постарается добыть цифру нѣжинскаго населенія и, увидѣвши, что цифра эта простирается почти до 25,000, рѣшаетъ, что, значитъ, городъ — ничего, что онъ долженъ быть не изъ послѣднихъ, что онъ не трущоба какая-нибудь и въ нёмъ можно будетъ жить сносно. Къ тому же всякій хоть изъ учебника отечественной географіи знаетъ, что въ этомъ городѣ есть высшее учебное заведеніе, значитъ — есть интеллигенція par excellence; знаетъ также хоть по слухамъ о нѣжинскихъ соленьяхъ и нѣжинскихъ корешкахъ, а также о нѣжинскихъ грекахъ-милліонерахъ; однимъ словомъ, оказывается что это городъ съ извѣстностью — съ именемъ и, притомъ, такимъ почтеннымъ, какого не имѣютъ и многіе губернскіе города. Наконецъ, въ довершеніе всего, стоитъ онъ на желѣзной дорогѣ, въ какихъ-нибудь трёхъ съ половиной часахъ ѣзды отъ Кіева. И такъ съ Богомъ — въ Нѣжинъ!

Ѣдите ли вы въ Нѣжинъ изъ Курска, или Кіева, вы подъѣзжаете къ нему по желѣзной дорогѣ — и иллюзія, усвоенная вами гдѣ-нибудь въ Петербургѣ или ещё дальше, не разсѣевается. Расположонный въ четырёхъ верстахъ отъ желѣзнодорожнаго вокзала, на мѣстности совершенно ровной и низменной, Нѣжинъ тѣмъ не менѣе издали довольно красивъ и можетъ претендовать на титулъ хорошенькаго городка. Благодаря своему низменному положенію, длинный рядъ его довольно красивыхъ и многочисленныхъ церквей и нѣсколькихъ выдающихся болѣе значительныхъ каменныхъ зданій дѣлаютъ его весьма красивымъ издали.

Но съ перваго шага отъ вокзала по направленію къ городу иллюзія начинаетъ васъ оставлять. Вы въѣзжаете въ городъ, поселяетесь въ нёмъ, живёте нѣкоторое время и на каждомъ шагу встрѣчаете вещи, совершенно разрушающія всякую иллюзію. Вы недоумѣваете и начинаете обращаться ко всѣмъ съ вопросами: «что же это такое? гдѣ же тотъ городъ, который пользуется чуть не всероссійскою извѣстностью? Откуда этотъ жалкій видъ и отсутствіе чего-нибудь привлекательнаго?» Вы обращаетесь за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ кореннымъ нѣжинцамъ — и всякій истый нѣжинецъ, точно извиняясь предъ вами и чего-то конфузясь, начинаетъ разсказывать вамъ, что нѣкогда Нѣжинъ былъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, что нѣкогда въ нёмъ было то-то и то-то, что вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ начался его упадокъ, доведшій его до нынѣшняго состоянія. Всё сводится такимъ-образомъ къ тому, что значеніе Нѣжина въ прошедшемъ и что онъ имѣлъ свой цвѣтущій періодъ, который, смѣло можно сказать, никогда не повторится. И дѣйствительно, не говоря уже о временахъ болѣе отдалённыхъ, въ не такъ давнее время, когда многіе губернскіе города были только жалкими административными пунктами, едва насчитывавшими какой-нибудь десятокъ тысячъ жителей, Нѣжинъ былъ важнымъ экономическимъ, общественнымъ и даже умственнымъ центромъ, къ которому тяготѣлъ довольно обширный районъ, состоящій изъ частей нѣсколькихъ сосѣднихъ губерній.

Нѣжинъ дѣйствительно можно причислить къ числу древнѣйшихъ городовъ Россіи. По всей вѣроятности онъ принадлежалъ къ числу городовъ, основанныхъ ещё при Ярославѣ I по Остру и составлявшихъ укрѣплённую южную границу владѣній кіевскихъ князей по восточному берегу Днѣпра. Поэтому имя Нѣжина и встрѣчается въ числѣ другихъ безспорно историческихъ мѣстностей, существующихъ и въ настоящее время, каковъ напримѣръ городъ Всеволожь—нынѣ село Соволожь — и Бахмачь. Вмѣстѣ съ этими городами въ лѣтописи подъ 1147 годомъ упоминается и Унѣжемъ, который Карамзинъ и Погодинъ готовы признать за Нѣжинъ. Подъ 1147 годомъ въ «Ипатьевской» лѣтописи въ разсказѣ о борьбѣ князей Мономаховичей съ Ольговичами, говорится, что князья, при походѣ изъ Посемья къ Чернигову, взяли и разорили города: Всеволожь, Бѣловежу, Бахмачъ и Унѣжемъ — и въ самомъ дѣлѣ всѣ эти мѣстности, въ томъ числѣ и Нѣжинъ, лежатъ по дорогѣ изъ Посемья къ Чернигову. Менѣе основаній имѣетъ за себя отождествленіе Нѣжина съ Нѣжатиной нивой, гдѣ въ 1078 году

происходила битва великаго князя Изяслава съ его племянниками, Борисомъ Вячеславичемъ и Олегомъ Святославичемъ. Впрочемъ Барсовъ въ своёмъ «Географическомъ Словарѣ Русской Земли» находитъ, что ничто не мѣшаетъ принять эту Нѣжатину ниву за нынѣшній Нѣжинъ. Послѣ этихъ довольно неопредѣлённыхъ указаній на существованіе Нѣжина уже въ XII вѣкѣ, мы не встрѣчаемъ упоминаній о Нѣжинѣ ни въ одномъ историческомъ источникѣ до самаго того времени, когда казаки, эти рыцари Южной Руси, начали борьбу для защиты своего отечества отъ притѣсненій поляковъ. Вѣроятно во время бѣдствій татарскаго ига онъ подвергся равной участи съ другими городами юго-западной Россіи и остался неважнымъ мѣстомъ.

Испытывая всѣ политическіе перевороты, которымъ подвергалось Черниговское княжество, Нѣжинъ около 1320 года достался князьямъ Литовскимъ, а въ 1386 году, при соединеніи великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ, былъ присоединёнъ къ Польшѣ.

Съ началомъ казачества имя Нѣжина является снова на страницахъ нашихъ лѣтописей и становится въ ряду главнѣйшихъ городовъ Гетманщины. Сначала онъ является сборнымъ мѣстомъ цѣлаго округа, а въ 1514 году, при образованіи гетманомъ Евстафіемъ Рожинскимъ изъ куреней и околицъ двадцати казачьихъ полковъ, переименовывается въ полковой городъ.

Богданъ Хмельницкій, раздѣляя Малороссію на полки, по примѣру Рожинскаго, назначилъ полкъ и въ Нѣжинѣ, гдѣ, по свидѣтельству автора «Исторіи Руссовъ», при тогдашнемъ полковникѣ Прокопѣ Шуменкѣ, было уже 1200 реэстровыхъ казаковъ, не считая другихъ обывателей города. Въ то время Нѣжинъ былъ хорошо укрѣплённый городъ и въ нёмъ находился магистратъ, состоявшій изъ членовъ, избираемыхъ обществомъ, подъ предсѣдательствомъ войта, назначаемаго самими королями. Магистрату подчинялись всѣ жители города по тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ, которыя производились и рѣшались на основаніи магдебургскаго права.

Единственнымъ письменнымъ памятникомъ владычества Польши въ Нѣжинѣ осталась только подлинная грамата короля Іоанна-Казиміра, въ которой помѣщена также и грамата Сигизмунда III и подтвержденіе этой граматы Владиславомъ IV. Это жалованная грамата на магдебургское право, которымъ въ то время пользовались почти всѣ украинскіе города.

Въ послѣдствіи привиллегіи, данныя городу польскими королями, были подтверждены царёмъ Алексѣемъ Михайловичемъ и императоромъ Петромъ Великимъ, а также и всѣми гетманами, что сдѣлалъ и Иванъ Мазепа универсаломъ 1697 года, въ которомъ между прочимъ было сказано, что «мѣсто Нѣжинское изъ среди иныхъ Малороссійскихъ мѣстъ есть знатное и съ начала своего добрыми и прибыльными нравами къ счастливому житію людскому листовно утверждено».

8-го января 1654 года, съ присоединеніемъ Малороссіи къ Мо-

сковскому государству, Нѣжинъ вошолъ въ составъ городовъ Русскаго царства.

27-го мая 1659 года подъ стѣнами Нѣжина, принявшаго сторону Выговскаго, происходило жаркое сраженіе между войсками князя Ромадановскаго и выговцами, кончившееся ничѣмъ; а въ слѣдующемъ году переяславскій полковникъ Цицюра истребилъ въ нёмъ пять польскихъ хоругвей.

Въ это время Нѣжинъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Малороссіи, что можно заключить изъ того, что въ 1663 году былъ назначенъ въ нёмъ общій съѣздъ для выбора гетмана, кончившійся, 18-го іюня, шумнымъ и кровавымъ избраніемъ Брюховецкаго. Между многими тогдашними претендентами на гетманство былъ и герой Смоленска, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, вслѣдъ затѣмъ окончившій несчастнымъ образомъ свою жизнь.

Въ 1668 году Нѣжинъ былъ разграбленъ и сожжонъ войсками Ромодановскаго въ наказанье за-то, что жители его не хотѣли впустить къ себѣ царскаго воеводы. Въ 1712 году, когда въ Малороссію былъ введёнъ корпусъ фельдмаршала Шереметева, для расположенія въ восьми главнѣйшихъ ея городахъ постоянныхъ гарнизоновъ, выборъ палъ и на Нѣжинъ, какъ на одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ полковыхъ городовъ. Онъ раздѣлялся въ то время на двадцать сотенъ: 1, 2 и 3 Полковыя, Лишевскую, Иванъ-Городскую, Короповскую, Воронежскую, Глуховскую, Новомлинскую, Борзенскую, Бахмачскую, Кролевецкую, Батуринскую, Прохорскую, Конотопскую, Мринскую, Шаповаловскую, Веркеевскую, Дѣвицкую и Ямпольскую, въ которыхъ, за исключеніемъ старшинъ и духовенства, считалось: казаковъ — *грунтовыхъ и безгрунтовыхъ*, *мощныхъ и убогихъ* 12,819, *посполитыхъ* 16,947 и *подсосѣдковъ* 1,143. Городъ же былъ *земляной*, то-есть обнесёнъ землянымъ валомъ, имѣлъ монастырь и семь приходскихъ церквей, изъ которыхъ три были каменныя; каменные же ряды и даже нѣсколько каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ тамошнимъ грекамъ, изъ которыхъ многіе вели обширную торговлю съ Востокомъ.

Словомъ, до самаго открытія намѣстничества въ 1782 году, когда Нѣжинъ сдѣлался обыкновеннымъ уѣзднымъ городомъ, онъ сохранялъ всѣ права и преимущества главныхъ малороссійскихъ городовъ.

Въ XVII и XIII столѣтіяхъ Нѣжинъ имѣлъ важное торговое значеніе и былъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи, особенно южной. Такое значеніе Нѣжина вытекало прежде всего изъ его географическаго положенія. Въ это время Нѣжинъ былъ почти пограничнымъ городомъ на южной окраинѣ Россіи и стоялъ на большой торговой дорогѣ изъ южныхъ частей Россіи на сѣверъ изъ Кіева въ Москву и дальше въ Петербургъ; дорога съ запада, изъ-за границы, на югъ и юго-востокъ Россіи также шла чрезъ Нѣжинъ. Это сдѣлало Нѣжинъ важнымъ торговымъ центромъ и способствовало его возвышенію. Даже во всю первую половину нынѣшняго столѣтія, до проведенія желѣзныхъ дорогъ по югу Россіи, къ Нѣжину приливала экономическая и общественная жизнь довольно значительнаго

района: сюда стекались произведенія мѣстнаго хозяйства значительной части Черниговской губерніи, прилегавшихъ частей Полтавской и даже Курской губерній; сюда изъ тѣхъ же мѣстностей съѣзжались дворяне-помѣщики запасаться необходимыми товарами и повеселиться; здѣсь, наконецъ, изливался на нихъ и свѣтъ науки въ Гимназіи Высшихъ Наукъ, а потомъ въ Лицеѣ князя Безбородко. Самое основаніе этого высшаго заведенія именно въ Нѣжинѣ не было случайнымъ явленіемъ, прихотью его основателя, а обусловливалось тѣмъ мѣстомъ, которое занималъ Нѣжинъ въ ряду малороссійскихъ городовъ. Нѣкоторые говорятъ: отчего заведеніе это устроено не въ Кіевѣ, находящемся всего вò сто съ небольшимъ верстахъ и представляющемъ естественный и историческій центръ Малороссіи? Но дѣло въ томъ, что Кіевъ уже лежалъ на другой сторонѣ Днѣпра и въ то время былъ болѣе польскимъ, чѣмъ русскимъ или малороссійскимъ городомъ, какимъ и оставался почти до послѣдняго польскаго возстанія 1863 года.

Торговля Нѣжина въ XVII и XVIII столѣтіяхъ обязана своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ поселившимся въ нёмъ грекамъ. Нѣжинское греческое общество принадлежитъ тоже къ числу такихъ особенностей этого мѣста, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ какомъ другомъ городѣ. Среди русскаго населенія издавна образовалась греческая колонія со своимъ особымъ характеромъ, бытомъ и управленіемъ. Послѣ окончательнаго завоеванія Балканскаго полуострова турками, въ XV столѣтія, угнетенія варварами покорённыхъ христіанъ достигли крайняго предѣла и заставили многихъ изъ послѣднихъ, болѣе смѣлыхъ и предпріимчивыхъ и обладавшихъ болѣе значительными средствами, искать спасенія и пріюта за предѣлами своей несчастной родины. Конечно, единовѣрная Россія наиболѣе привлекала къ себѣ такихъ выходцевъ, гдѣ они встрѣчали радушный пріёмъ, причёмъ особенно щедро бывали одариваемы духовныя лица, прибывавшіе сюда съ православнаго Востока. Малороссія же, кромѣ бòльшей близости къ Балканскому полуострову, имѣла съ греками ещё тѣмъ большую связь, что южно-русская православная церковь продолжала считать своимъ главою константинопольскаго патріарха.

Ещё задолго до Хмельницкаго грекамъ былъ извѣстенъ путь въ Малороссію — и предпріимчивые выходцы, какъ говоритъ преданіе, селились въ Переяславѣ и въ Батуринѣ, откуда вслѣдствіе какихъ-то неудовольствій должны были удалиться и, вѣроятно, тогда же многіе изъ нихъ поселились въ Нѣжинѣ. Въ Нѣжинѣ при Богданѣ Хмельницкомъ уже было много грековъ, почему Богданъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на отдѣльную корпорацію, которая могла принести значительную пользу краю въ торговомъ отношеніи, особенно въ то время, когда всякій, бросая мирныя занятія, брался за оружіе. Оттого-то универсалами 2-го мая и 16-го іюня 1657 года Богданъ, съ цѣлью ихъ постояннаго водворенія въ пограничномъ Нѣжинѣ, предоставилъ имъ свободу отъ всѣхъ службъ и тягостей, изъявъ ихъ отъ зависимости полковниковъ и магистрата. Вмѣстѣ съ тѣмъ для большаго удобства въ торговыхъ дѣлахъ, грековъ, незнавшихъ ни мѣстнаго языка, ни обычаевъ, предоставлено было имъ самимъ право разбора и суда по купе-

ческимъ дѣламъ, возникавшимъ между ними. Указами Хмельницкаго положено было основаніе цѣлому ряду граматъ, которыми потомъ малороссiя гетманы подтверждали права и привиллегіи нѣжинскихъ грековъ. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Великой Россіи процвѣтаніе Нѣжинской греческой колоніи стало ещё болѣе возрастать. Подтвержденіе и расширеніе правъ и привиллегій нѣжинскихъ грековъ граматою Петра Великаго отъ 11-го марта 1710 года привлекло сюда много новыхъ греческихъ выходцевъ изъ Болгаріи, Валахіи и другихъ подвластныхъ Турціи областей. Нѣжинъ сталъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ азіатскихъ и отчасти европейскихъ товаровъ, причёмъ со всѣхъ въ то время извѣстныхъ торговыхъ рынковъ стекались сюда купцы съ товарами. Такъ Турція и Архипелагъ высылали бакалейные товары, табакъ и вино, Смирна — красную бумагу, Венеція — свой бархатъ, Данцигъ, Лейцигъ, Бреславль — сукна и галантерейныя вещи, Венгрія — вино, Москва и Сибирь — пушной товаръ, Астрахань и Таврида — соль и рыбу. Западно-европейскіе города, Турція, Персія и Греція знали Нѣжинъ — и купцы ихъ стекались на знаменитыя его ярмарки. Въ 1692 году нѣжинское греческое общество, по благословенію кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго, общими пожертвованіями соорудило себѣ деревянную церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, впослѣдствіи сгорѣвшую и въ замѣнъ которой въ 1725 году выстроена нынѣшняя каменная Архангело-Михайловская церковь. При этой церкви образовалось братство, получившее важное значеніе въ качествѣ судебной инстанціи для разбора дѣлъ и споровъ въ дѣлахъ торговыхъ между членами братства, а также между ними и ихъ прислугою и рабочими. Данная суду братства печать, съ изображеніемъ Іисуса и всѣхъ Святыхъ и съ означеніемъ 1692 года, въ 1736 году замѣнена была другою, изображающею руку, держащую вѣсы, съ греческою и русскою надписями: «печать Нѣжинскаго греческаго братства компромиссіональнаго суда, 1736 года января 1-го дня». Введеніе городоваго положенія при Екатеринѣ II, въ 1785 году, не коснулось самоуправленія нѣжинскаго греческаго общества. Отправленная обществомъ депутація поднесла императрицѣ просьбу объ утвержденіи прежнихъ пожалованныхъ имъ граматъ, и Екатерина II указомъ отъ 1-го сентября 1785 года подтвердила всѣ данныя нѣжинскимъ грекамъ права и преимущества, измѣнивъ только одно названіе суда братства, переименовавъ его въ Нѣжинскій Греческій Магистратъ, причёмъ бывшіе судьи братства названы были бургомистрами и ратманами. Вмѣстѣ съ этимъ воспрещалось людей другихъ народовъ подъ видомъ грековъ принимать и записывать въ греческое общество. Поводомъ къ этому запрещенію послужило тò, что греческое общество нерѣдко, по личнымъ отношеніямъ и корыстнымъ видамъ, принимало въ среду себя людей другихъ націй валаховъ, болгаръ, турокъ и персіянъ, бѣжавшихъ изъ отечества, а также великороссіянъ и малороссовъ, отбывающихъ отъ повинностей или бѣглецовъ.

Изъ ревизскихъ сказокъ 1782 года видно, что сверхъ 408 грековъ мужескаго и 357 женскаго пола къ греческому обществу приписано было валаховъ, болгаръ и персіянъ 47 мужскаго и 42 женскаго пола и ново-

крещёныхъ турокъ 15 мужескаго и 19 женскаго пола. Греческій магистратъ, утверждённый граматою 1-го сентября 1785 года и подтверждённый граматою императора Александра I, 29-го декабря 1801 года, существовалъ до введенія въ Нѣжинѣ городоваго положенія 1870 года. Онъ вѣдалъ всѣ возникающія среди грековъ судебныя дѣла, кромѣ уголовныхъ, и выдавалъ членамъ греческаго общества паспорты.

Съ концомъ XVIII столѣтія оканчивается собственно и процвѣтаніе торговли нѣжинскихъ грековъ. Расширеніе въ царствованіе Екатерины II территоріи Россіи до естественныхъ ея границъ, пріобрѣтеніе Новороссійскаго края и Черноморскаго прибрежья создали много новыхъ торговыхъ пунктовъ и рынковъ, главнымъ образомъ приморскихъ, куда естественно и отошла торговля съ прежнихъ рынковъ, въ томъ числѣ и изъ Нѣжина, переставшаго быть пограничнымъ городомъ.

Вслѣдствіе этого важнѣйшіе нѣжинскіе коммерсанты-греки или обратили свою торговую дѣятельность въ другую сторону, или же переселились въ новые торговые города. Такъ нѣжинскіе греки Мурантъ и Эліотисъ завели сношенія съ Австріей и вывезли изъ Штирія огромное количество косъ и другихъ желѣзныхъ издѣлій. Расширивъ эту отрасль промышленности, Эліотисъ обратилъ на себя вниманіе австрійскаго правительства и былъ пожалованъ дворянскимъ достоинствомъ Австрійской имперіи. Но самые вліятельные и богатые греки оставили Нѣжинъ и переселились въ южные приморскіе города: Одессу, Керчь, Маріуполь и Таганрогъ, или же поселились навсегда въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ продолжали расширять свою торговлю, такъ что въ настоящее время многіе капиталисты Одессы, Москвы и Петербурга ведутъ своё происхожденіе изъ Нѣжина и разные Бостанжоглы, Бубли, Зосимы, Попандопулы, Папы, Спиридоновы — всё это нѣжинцы. Греки же, оставшіеся въ Нѣжинѣ, замѣнили свою заграничную торговлю мелочною торговлею на мѣстѣ, или же обратились къ занятіямъ ремеслами. Какъ велико число выселившихся изъ Нѣжина грековъ, можно заключить изъ того, что въ 1858 году изъ всего числа принадлежавшихъ къ обществу 957 душъ мужескаго и 804 женскаго пола оставалось въ Нѣжинѣ только 105 душъ мужескаго и 95 женскаго пола, всѣ же прочіе, кромѣ обязанности получать изъ греческаго магистрата паспортъ и участвовать въ содержаніи магистрата и его членовъ добровольными пожертвованіями, жили, внѣ всякой зависимости отъ нѣжинскаго магистрата, въ другихъ городахъ, пользуясь привиллегированнымъ положеніемъ, предоставленнымъ нѣжинскимъ грекамъ.

Съ уничтоженіемъ греческаго магистрата, при введеніи въ Нѣжинѣ городоваго положенія 1870 года, уничтожилась послѣдняя связь, соединявшая между собою членовъ нѣжинскаго греческаго общества, какъ находившихся въ самомъ городѣ, такъ и внѣ его. Нѣжинскіе греки потеряли всѣ свои привиллегіи и имя ихъ осталось только, какъ обозначеніе части городского населенія Нѣжина, чѣмъ-то въ родѣ особаго сословія или званія; ничѣмъ впрочемъ не отличающагося отъ остальныхъ городскихъ сословій и примыкающаго къ мѣщанству. Самое число такихъ «оффиціальныхъ» грековъ ничтожно, а греческій элементъ въ ихъ физическихъ и бытовыхъ чертахъ совершенно отсут-

105624

ствуетъ. Ни одинъ изъ нихъ не знаетъ своего родного языка, всѣ они приняли черты и складъ мѣстнаго малорусскаго населенія и, вслѣдствіе кровнаго смѣшенія съ мѣстнымъ населеніемъ, утратили и физическія особенности своего племени. Для Нѣжина отъ грековъ остались только греческія колбасы — плоскія, съ большимъ количествомъ пряностей и твёрдыя, если не какъ камень, то, по крайней мѣрѣ, какъ самая грубая кожа — и нѣсколько старыхъ греческихъ домовъ, построенныхъ необыкновенно прочно, съ толстѣйшими каменными стѣнами и желѣзными рѣшотками и ставнями даже въ окнахъ вторыхъ этажей, гдѣ за крѣпкими запорами въ былое время богачи-греки хранили свои богатства, что можно заключить изъ того, что въ каждомъ такомъ домѣ встрѣчаются въ стѣнахъ различныя ниши и потайные шкафы. Для самихъ же грековъ осталось нѣсколько десятковъ полуистлѣвшихъ граматъ, какъ воспоминаніе о лучшихъ временахъ нѣжинскаго греческаго общества, греческая церковь, греческіе дома, греческіе капиталы и греческое училище. Греческая церковь, построенная, какъ уже было сказано, въ 1725 году, отличается лёгкой и красивой архитектурой, въ византійскомъ стилѣ, съ высокой, оканчивающейся шпицемъ, колокольней. Прежде при этой церкви было что-то въ родѣ монастыря, такъ-какъ въ нёмъ жили греческіе монахи и богослуженіе отправлялось на греческомъ языкѣ. Ещё недавно, хотя священникъ служилъ уже на славянскомъ языкѣ, пѣніе на клиросѣ происходило на греческомъ; въ настоящее же время исчезли всѣ слѣды греческаго богослуженія, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ и послѣдній причетникъ, знавшій по-гречески. Рядомъ съ греческой церковью находится нѣсколько домовъ, принадлежавшихъ греческому обществу. Эти дома въ настоящее время отдаются въ наёмъ, а въ одномъ изъ нихъ помѣщается теперь нѣжинское уѣздное казначейство. Съ уничтоженіемъ отдѣльности греческаго общества и греческаго магистрата, всѣ ихъ общественныя имущества перешли въ завѣдываніе нѣжинской городской думы. Въ составѣ бывшаго греческаго имущества важнѣйшее мѣсто занимаютъ капиталы, простирающіеся въ настоящее время до 152,000 рублей. Эти капиталы образовались изъ разновременныхъ пожертвованій нѣжинскихъ грековъ-богачей. Многіе изъ этихъ капиталистовъ, выселяясь изъ Нѣжина въ другіе города, не забывали совсѣмъ своей старой метрополіи и дарили ей для ея нуждъ болѣе или менѣе крупныя суммы. Употребленіе процентовъ съ этихъ капиталовъ въ настоящее время самое разнообразное: часть ихъ идётъ на содержаніе греческой церкви и ея причта, а другая на постоянные пансіоны престарѣлымъ и неимущимъ членамъ бывшаго греческаго общества, на пособія для полученія образованія, на приданое выходящимъ замужъ гречанкамъ и прочее и прочее. Въ этотъ же капиталъ входитъ и капиталъ, собранный со спеціальной цѣлью для открытія и содержанія нѣжинскаго греческаго училища.

Въ 1816 году умный и дѣятельный бургомистръ греческаго магистрата, Буба, подалъ мысль устроить училище для греческихъ дѣтей. Не смотря на многія препятствія, Бубѣ удалось образовать капиталъ въ 84,000 рублей ассигнаціями, составившійся большею частью изъ пожертвованій имени-

тыхъ грековъ, живущихъ въ Москвѣ — и въ 1817 году, съ разрѣшенія правительства, училище было открыто подъ именемъ Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища. Помѣщённое въ общественномъ греческой постройки домѣ, училище содержится процентами съ первоначальнаго капитала, которые составляютъ незначительную сумму въ 1228 рублей и 51 копѣйку. Съ 1817 года и по настоящій день основной капиталъ училища не увеличился ни на копѣйку. Греческое училище, соотвѣтствующее по курсу своему уѣзднымъ училищамъ стараго типа, состоитъ изъ трёхъ классовъ съ приготовительнымъ. Отличіе его составляло преподаваніе въ нёмъ греческаго языка, но и оно прекратилось уже лѣтъ десять тому назадъ. Самый составъ учащихся въ нёмъ не заключаетъ въ себѣ почти ничего греческаго: въ настоящее время на 70 человѣкъ учащихся въ нёмъ едва можно насчитать человѣкъ 4 — 5 греческаго происхожденія, остальные — чистокровные малороссы, нѣжинскіе обыватели. Училище состоитъ подъ управленіемъ директора, который избирался прежде греческимъ обществомъ. Въ настоящее время эту должность занимаетъ уже лѣтъ 15 одинъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ нѣжинскаго греческаго общества, Н. Г. Манцовъ, состоящій въ то же время и главнымъ членомъ нѣжинской городской управы, заступающимъ мѣсто головы. Библіотека греческаго училища заключала въ себѣ, среди разнаго хлама, много драгоцѣнныхъ вещей — старинныхъ изданій XVI и XVII вѣка греческихъ и латинскихъ классиковъ. Эти драгоцѣнности перешли теперь въ библіотеку Историко-Филологическаго Института князя Безбородко. Греческое училище давнымъ-давно утратило всякое значеніе. Существуя рядомъ съ уѣзднымъ училищемъ, оно ни въ чёмъ не могло съ нимъ конкурировать и прозябаетъ въ неизвѣстности. Вслѣдствіе этого уже лѣтъ 25 тому назадъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы, воспользовавшись домомъ, въ которомъ помѣщается греческое училище и принадлежащимъ послѣднему капиталомъ (около 25 т. р.), устроить какое-нибудь женское училище. Но эта мысль встрѣтила тупо-упорное сопротивленіе со стороны греческаго магистрата, который всѣми находившимися въ его распоряженіи средствами старался препятствовать осуществленію ея. Вопросъ этотъ съ новою силою былъ возбужденъ послѣ уничтоженія греческаго магистрата; но и новое городское управленіе такъ долго тянуло это дѣло, что Нѣжину пришлось бы, быть-можетъ на вѣки остаться безъ женскаго учебнаго заведенія, если-бы на этотъ запленснѣвшій городъ не свалилась новая благодать въ видѣ пожертвованія 50,000 рублей Андреемъ Ѳёдоровичемъ Кушакевичемъ, уроженцемъ Нѣжина, на каковыя средства и открыта въ 1878 году женская прогимназія, носящая имя покойной супруги жертвователя, Пелагеи Ивановны Кушакевичъ.

Но довольно о прошлой славѣ Нѣжина и о его грекахъ, хотя, говоря правду, самою выдающеюся стороною въ жизни Нѣжина и были его греки, вслѣдствіе чего я и остановился на нихъ можетъ-быть слишкомъ долго. И такъ оставимъ ихъ въ покоѣ и бросимъ взглядъ на то, чѣмъ представляется Нѣжинъ въ настоящее время.

Въ настоящее время Нѣжинъ стоитъ на линіи Курско-Кіевской желѣз-

ной дороги, въ 118 верстахъ отъ Кіева и въ 324 отъ Курска. Отъ вокзала желѣзной дороги до города четыре версты и эти четыре версты составляютъ для Нѣжина и нѣжинцевъ самое больное мѣсто, самый жгучій вопросъ ихъ существованія. Путь этотъ идётъ по полтавскому почтовому тракту и на протяженіи около $1^1/_2$ версты, въ чертѣ самаго города, проходитъ по плотинѣ, устроенной на низкомъ и топкомъ мѣстѣ. Вся эта дорога и въ особенности плотина, въ осеннее и весеннее время представляетъ такую невылазную грязь, о которой можетъ имѣть понятіе — и то приблизительное — только тотъ, кто хорошо извѣдалъ всѣ малороссійскія грязи въ различныхъ оттѣнкахъ ея благодатнаго чернозёма, такъ-какъ въ сѣверной и даже средней части Россіи, при суглинковой и песчаной почвѣ, такая грязь невозможна. Колёса экипажей врѣзываются въ неё выше ступицъ, а ноги лошадей уходятъ выше колѣнъ. Сообщеніе съ вокзаломъ становится до послѣдней крайности затруднительнымъ, а нерѣдко и совсѣмъ прекращается. Только смѣльчаки изъ извощиковъ рѣшаются доставлять къ вокзалу пассажировъ, соблазняясь платой отъ 3 до 5 рублей. Впрочемъ пассажиры предпочитаютъ, если крайняя необходимость гонитъ ихъ къ вокзалу, ради безопасности, совершать это путешествіе въ жидовскомъ экипажѣ, носящемъ на югѣ Россіи названіе «балагуны». Эта длинная, съ широкимъ и высокимъ ходомъ, телѣга въ своёмъ странствованіи по грязи напоминаетъ утлое судно, плывущее по бурному морю: она то ныряетъ въ пол-аршинную яму, то взбирается на бугоръ, извивается и трещитъ во всѣхъ своихъ суставахъ; но она обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ никогда не опрокидываться, а дрянныя жидовскія лошадёнки, побуждаемыя гиканьемъ и кнутомъ Автомедона съ пейсами — свойствомъ не останавливаться ни въ какой грязи. Понятно, что такое состояніе пути отъ города къ вокзалу, кромѣ неудобствъ и непріятностей, влечётъ за собою и прямые матеріальные ущербы для города. Оно производитъ застой въ торговлѣ и заставляетъ нѣжинское купечество приплачивать ежегодно желѣзно-дорожному управленію нѣсколько тысячъ рублей за пролежалый на вокзалѣ во время распутицы товаръ. А что терпятъ въ такую пору нѣжинскіе обыватели, когда совершенно прекращается подвозъ изъ окрестныхъ сёлъ и деревень всякихъ жизненныхъ припасовъ — объ этомъ и говорить ужь нечего!

Этотъ жгучій для Нѣжина вопросъ заставилъ наконецъ задуматься надъ разрѣшеніемъ его. Съ самаго введенія новаго городского управленія, уже лѣтъ 8 тому назадъ, у представителей города, совмѣстно съ мѣстнымъ земствомъ, возникла мысль объ устройствѣ шоссе отъ вокзала къ городу и по главной улицѣ города до Черниговской, такъ называемой, заставы. Сумму, потребную для этого, исчисляли во 100 съ небольшимъ тысячъ рублей. У города, конечно, такихъ средствъ не оказалось — и пришлось обратиться къ частной предпріимчивости. Нашлась какая-то компанія, предложившая свои услуги съ тѣмъ, чтобы ей былъ гарантированъ извѣстный доходъ съ затраченнаго капитала; дѣло почти ужь было совсѣмъ сладилось, но затѣмъ пошли запятыя: начались пререканія города съ земствомъ, затѣмъ пошолъ по мытар-

ствамъ чрезъ министерства внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія вопросъ, повидимому грозящій сдѣлаться неразрѣшимымъ, о разрѣшеніи взыскивать попудный сборъ съ кладей, имѣющихъ провозиться по будущему шоссе. Со дня на день ожидаютъ нѣжинцы разрѣшенія этихъ вопросовъ. Чуть не каждый день кто нибудь прокричитъ по Нѣжину: «Новость, господа, новость! Попудный сборъ разрѣшонъ — и скоро мы будемъ имѣть шоссе!» А шоссе всё нѣтъ, какъ нѣтъ! Въ послѣднее время Нѣжинъ посѣтили два временныхъ харьковскихъ генералъ-губернатора. Оба они внимательно выслушивали повѣствованія о судьбѣ вопроса о нѣжинскомъ шоссе, причёмъ повѣствующіе нѣжинцы съ полнымъ правомъ могли повторить слова Энея:

Infandum, regina, jabes renovare dolorem.

Оба они обѣщали употребить всѣ усилія для разрѣшенія этого злополучнаго вопроса; но нѣжинцы, выслушивая эти сладостныя для нихъ обѣщанія, быть можетъ, въ душѣ съ горестью вспоминали о томъ, что у малороссовъ есть пословица: козавъ панъ: «кожухъ дамъ!»

Та же грязь составляетъ отличительную черту улицъ и внутри города. Трудно себѣ составить, не видѣвши собственными глазами, что дѣлается въ иныхъ улицахъ Нѣжина въ грязный сезонъ. Спасенія отъ этой грязи нѣтъ никакого; только на нѣкоторыхъ главныхъ улицахъ вдоль домовъ и заборовъ лѣпятся кое-какіе досчатые тротуары; перейти же черезъ улицу можно развѣ только въ калошахъ, доходящихъ до колѣнъ. Въ прежнее время впрочемъ въ Нѣжинѣ были и мостовыя. Главная улица его, и теперь называемая «Мостовой» — она же «Московская» — тянущаяся чрезъ весь городъ, отъ въѣзда со стороны желѣзной дороги и до выѣзда на Черниговскій трактъ, на протяженіи болѣе двухъ вёрстъ, и другая — «Лицейская» имѣли бревенчатыя мостовыя. На послѣдней улицѣ давно уже исчезли всякіе слѣды мостовой и существованіе ея помнятъ только нѣжинскіе старожилы; на Мостовой же улицѣ, особенно въ одной ея части, сохранилась ещё мостовая. Но что это за мостовая! Многія брёвна въ ней совсѣмъ уничтожились и во время грязи образуются такія рытвины, что всѣ тогда стараются объѣзжать эту мостовую что называется десятой улицей. Черезъ городъ, раздѣляя его на двѣ неравныя части, протекаетъ рѣка Остёръ, русло которой въ этомъ мѣстѣ расчищено и канализовано. Каналъ этотъ, начатый въ 1809 году комитетомъ, учреждённымъ въ Нѣжинѣ для расширенія рѣки Остра, былъ оконченъ въ 1812 году. Въ настоящее время деревянная его обшивка обветшала и обрушилась и, вмѣстѣ съ иломъ, совершенно занесла каналъ, такъ-что лѣтомъ, когда вода въ нёмъ спадаетъ очень низко, поверхность воды покрывается плесенью и заростаетъ «ряскою» и получаетъ такой грязно-зелёный цвѣтъ, видъ котораго въ сухое лѣто производитъ чрезвычайно тоскливое впечатлѣніе. Но весной, когда сойдётъ лёдъ и прибудетъ вода, Остерскій каналъ дѣлается похожимъ, если не на рѣку, то, по крайней мѣрѣ, на сносную рѣчёнку, и по нему начинается навигація: появляется нѣсколько лодокъ — и нѣжинскій beau monde и мѣщанство начинаютъ увеселяться катаньемъ по рѣкѣ. А лѣтомъ даже какой-то

мудрецъ ухитрился устроить въ Нѣжинѣ и купальню, которую впрочемъ вѣроятно посѣщаютъ только люди, ищущіе даровaго кровопусканья — столько въ водѣ піявокъ — или же желающіе пользоваться сѣрными купаньями, потому-что отъ воды такъ и разитъ сѣрнистымъ водородомъ. Черезъ каналъ перекинуты четыре моста: одинъ изъ нихъ, находящійся въ концѣ Лицейской улицы и ведущій къ Лицею, называется Лицейскимъ или Долговскимъ; другой, въ концѣ Мостовой, къ Черниговской дорогѣ, называется Спасскимъ; два остальные соединяютъ главную часть города съ предмѣстьями: одинъ — Магерками, а другой — съ Воробьёвкой и Могилёвкой.

Центръ города въ Нѣжинѣ составляетъ такъ называемая «Мостовая» улица, оканчивающаяся съ одной стороны Соборной площадью, а съ другой — продолжающаяся, подъ именемъ Милліонной улицы, болѣе чѣмъ на версту до женскаго монастыря. На этихъ улицахъ находятся лучшіе дома Нѣжина, лучшіе магазины, аптеки, конторы нотаріусовъ и прочее. Соборная площадь простирается передъ соборомъ и замыкается съ одной стороны длиннымъ корпусомъ лавокъ, принадлежащихъ монастырю; съ двухъ другихъ сторонъ — также лавками и частными домами. Прежде эта площадь внутри представляла пустырь, по которому спокойно прогуливались коровы, свиньи и другіе звѣри; но за послѣдніе два или три года видъ ея измѣнился. Благодаря заботливости предводителя дворянства Нѣжинскаго уѣзда, В. В. Тарновскаго, на этой площади разведёнъ сквэръ, уже порядочно разросшійся и обѣщающій со временемъ стать украшеніемъ Нѣжина и пріятнымъ мѣстомъ для прогулки его публики. Уже и теперь въ хорошую погоду публика собирается въ сквэръ погулять и послушать преплохую музыку оркестра квартирующей въ Нѣжинѣ 5-й артиллерійской бригады. Наконецъ, въ скоромъ времени этотъ сквэръ украсится бюстомъ геніальнаго нѣжинца, Н. В. Гоголя. Въ настоящее время, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, въ Нѣжинѣ и въ Черниговской губерніи открыта подписка для этой цѣли — и такимъ образомъ Нѣжинъ выполнитъ свой долгъ по отношенію къ писателю, однимъ изъ первыхъ литературныхъ произведеній котораго былъ разсказъ: «Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ». Не мѣшало бы отмѣтить и тѣ мѣста Нѣжина, которыя были пріютомъ Гоголя-гимназиста. Въ лицейскомъ саду и теперь ещё сохраняется дерево, на которомъ Гоголь собственноручно вырѣзалъ инициалы своего имени: Н. В. Г. Буквы эти всё болѣе и болѣе изглаживаются, но всё-таки всякій нѣжинецъ, проходя по саду, поищетъ этого дерева и взглянетъ на дорогой всѣмъ вензель. Впрочемъ, къ сожалѣнію, съ преобразованіемъ Лицея въ Институтъ, такъ какъ послѣдній есть закрытое заведеніе, входъ въ институтскій садъ для постороннихъ лицъ закрытъ; во время же существованія Лицея его садъ былъ любимымъ мѣстомъ прогулки фэшенебельной нѣжинской публики. Другимъ любимымъ мѣстомъ гулянья въ весеннюю и лѣтнюю пору, особенно для средняго класса и для мѣщанства, служитъ хорошенькая рощица на греческомъ кладбищѣ. Хотя при рѣдкомъ домѣ въ Нѣжинѣ нѣтъ сада или садика, но вообще порядочными садами

Нѣжинъ не богатъ. Извѣстностью пользуется только садъ купца Чернова, большой и хорошо содержимый, даже съ нѣкоторыми затѣями. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что плодовыя деревья плохо растутъ въ Нѣжинѣ и Нѣжинъ въ этомъ отношеніи положительно бѣденъ. Причиной этого слѣдуетъ считать нѣжинскую почву — слишкомъ тучный черноземъ, безъ малѣйшей примѣси глины или песку. Почва эта безподобна для огородныхъ растеній и табаку; но плодовыя деревья плохо растутъ на ней и скоро пропадаютъ. Осенью же и зимою мѣстомъ гулянья служитъ Мостовая, причёмъ воздухъ оглашается говоромъ и смѣхомъ нѣжинскихъ барышенъ и дэнди, а въ праздничные дни къ нимъ прибавляется ещё лёгкій трескъ, производимый «мѣшаночками», грызущими съ азартомъ сѣмена подсолнечника. Кромѣ соборной площади, въ Нѣжинѣ есть ещё три или четыре большихъ площади: базарная, бывшая ярмарочная и другія. Послѣдняя, окружонная принадлежащими собору каменными лавками и деревянными корпусами гостиннаго двора, въ настоящее время пуста; но прежде на ней происходила знаменитая масляницкая ярмарка, обороты которой простирались на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ настоящее время ярмарки въ Нѣжинѣ собираются на площади, находящейся при выѣздѣ изъ города по кіевской дорогѣ. Въ Нѣжинѣ бываетъ ежегодно четыре ярмарки: масляницкая, покровская, троицкая и проводская (на ѳоминой недѣлѣ). Эти ярмарки ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ сельскихъ малороссійскихъ ярмарокъ. Онѣ главнымъ образомъ «чорныя», то-есть торговля здѣсь производится чорнымъ товаромъ: скотомъ, хлѣбомъ и вообще сырьёмъ и продуктами мѣстной кустарной промышленности. Оборотовъ нѣжинскихъ ярмарокъ нельзя съ точностью опредѣлить; но во всякомъ случаѣ они не особенно значительны и не превышаютъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей.

Въ старину Нѣжинъ владѣлъ гораздо большимъ пространствомъ земли, нежели теперь, и хотя, по неимѣнію плана и неясности опредѣленія ея границъ въ упомянутой выше грамотѣ короля Яна-Казиміра, нельзя опредѣлить съ точностью сколько именно въ то время городская земля заключала въ себѣ десятинъ, однако, судя по тому, что рѣчка Дѣвица, находящаяся въ двѣнадцати верстахъ отъ города, показана въ числѣ мѣстъ, граничащихъ городскія земли, надо полагать, что онѣ были весьма обширны.

Церквей въ Нѣжинѣ двадцать одна, именно: одна соборная, девять приходскихъ, четыре монастырскихъ, одна при Институтѣ князя Безбородко, одна при богоугодномъ заведеніи, три кладбищныхъ и двѣ греческихъ; сверхъ того, католическая каплица. Монастырей въ Нѣжинѣ два: мужескій и дѣвичій. Первый, Благовѣщенскій, называемый Назоретъ Пресвятыя Богородицы, заложенъ въ 1702 года уроженцемъ Нѣжина, блюстителемъ патріаршаго престола, Стефаномъ Яворскимъ. Монастырь этотъ находится въ самомъ центрѣ города. Онъ состоитъ изъ двухъ церквей, холодной и тёплой, изъ которыхъ первая выстроена по срединѣ монастырскаго двора, обнесённаго съ двухъ сторонъ высокою каменною стѣною, а съ другихъ двухъ — рядами лавокъ, выходящихъ однимъ фасомъ на Мостовую, а другимъ на Лицейскую ули-

цы. Надъ этими лавками, во 2-мъ этажѣ, устроена тёплая монастырская церковь. Внутри двора находится домъ для настоятеля и келіи для братій. Сначала Стефанъ Яворскій намѣренъ былъ построить въ Нѣжинѣ одну приходскую церковь; но когда эта церковь была окончена и торжественно освящена 25-го іюля 1716 года соборомъ архіереевъ, тогда же было положено ими — Благовѣщенскую церковь обратить въ монастырь Назоретъ Пресвятыя Богородицы.

Во всё продолженіе своей жизни Стефанъ не переставалъ благодѣтельствовать воздвигнутому имъ монастырю и даже на смертномъ одрѣ не забылъ о нёмъ въ своёмъ завѣщаніи, которымъ отказалъ ему свою богатую библіотеку, впослѣдствіи перевезённую въ Харьковскій коллегіумъ. У Яворскаго была идея учредить при нѣжинскомъ монастырѣ высшее духовное училище, но идея эта почему-то не осуществилась. Стефанъ Яворскій далъ своему монастырю нѣкоторыя почётныя отличія и права въ духовномъ отношеніи. Эти права подтверждены были и граматою кіевскаго митрополита Іоасафа Кроновскаго; грамата Петра Великаго, отъ 6-го іюля 1718 года, утвердила за нѣжинскимъ монастырёмъ довольно значительныя поземельныя владѣнія.

Въ 1796 году монастырь сгорѣлъ и до начала 18[illegible]3 года оставался въ развалинахъ. Съ этого года онъ началъ мало по малу возникать изъ пепла и къ концу 1815 года былъ отстроенъ снова. Изъ рѣдкостей, принадлежащихъ этому монастырю, въ особенности замѣчательны слѣдующія: часть камня отъ Гроба Господня и отъ пещеры Іоанна Крестителя; алмазная панагія, въ которой находятся частицы вселенскихъ учителей; ризы настоятельскія изъ царской порфиры, подарённыя императоромъ Петромъ Великимъ; образъ Успенія Богоматери, писанный въ Римѣ въ 1400 году; образъ Корсунской Богоматери, писанный кіевскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ.

Кромѣ Благовѣщенскаго монастыря, ещё замѣчательны по своей древности: соборная церковь во имя Святого Николая Чудотворца и приходская Успенская, существовавшія уже при Петрѣ Великомъ, а также упомянутая уже греческая церковь, замѣчательная какъ по прекрасной архитектурѣ, такъ и по лёгкости и вышинѣ своей колокольни, далеко превышающей всё остальныя.

Въ Нѣжинѣ считается до 3300 домовъ, въ числѣ которыхъ много каменныхъ. Лучшія зданія въ городѣ казённыя, именно: Институтъ князя Безбородко, бывшій Лицей, зданіе окружного суда и богоугодное заведеніе, прекрасное двухъ-этажное зданіе съ двумя трехъ-этажными флигелями. Жителей въ Нѣжинѣ въ настоящее время насчитываютъ до тридцати тысячъ. Главную массу ихъ составляютъ малороссы и отъ двухъ до трехъ тысячъ жидовъ. Впрочемъ количество собственно городского населенія въ Нѣжинѣ сравнительно не велико. Пространство, занимаемое Нѣжиномъ и цифра его населенія значительно увеличиваются входящими въ составъ Нѣжина предмѣстьями. Эти предмѣстья — Магерки, Авдѣевка, Воробьёвка и другіе имѣютъ совершенно сельскій, а не городской характеръ: населеніе ихъ по большей части занимается сельскими промыслами — огородничествомъ, воздѣлываніемъ табаку и

обработкой прилегающихъ къ Нѣжину земель. Городская промышленность среди этой части нѣжинскаго населенія развита весьма слабо: рѣдко можно встрѣтить мастеровыхъ или ремесленниковъ — кустарей или работающихъ у подрядчиковъ. Къ спеціально нѣжинскому кустарному промыслу можно отнести только производство въ значительныхъ размѣрахъ «скрынь», или деревянныхъ сундуковъ и деревянной посуды, расходящихся какъ въ самомъ Нѣжинѣ, такъ и въ окружающихъ его мѣстностяхъ. Это неразвитіе промышленности въ Нѣжинѣ отражается конечно и на внѣшнемъ видѣ этого города. Годичный бюджетъ этого города съ населеніемъ около тридцати тысячъ человѣкъ едва доходитъ до двадцати шести тысячъ рублей. При томъ изъ этихъ 26 тысячъ около пяти тысячъ идётъ на содержаніе городской управы, столько же на содержаніе городской полиціи и столько же на пожарную команду. Что же можно сдѣлать съ остающимся десяткомъ тысячъ рублей? Возможно ли вымостить городъ, освѣтить его и сдѣлать другія, необходимыя для жителей, улучшенія? Конечно, отъ представителей нѣжинскаго городского самоуправленія можно бы ожидать болѣе энергіи, болѣе заботливости о нуждахъ города; но при бѣдности Нѣжина и матеріальными и интеллектуальными силами приходится утѣшаться нашей пословицей: «съ голаго, какъ со святого».

Въ Нѣжинѣ особенно развились два вида промышленности, составляющіе его особенность и далеко по всей Россіи разнёсшіе его извѣстность. Первую особенность составляетъ соленье огурцовъ и маринованіе вишенъ, сливъ, грибовъ и тому подобныхъ продуктовъ. Этою отраслью домашняго хозяйства занимаются и въ другихъ мѣстахъ Россіи, но нигдѣ кромѣ Нѣжина не составляетъ она предмета торговли. Нечего распространяться о достоинствѣ всѣхъ этихъ соленій и маринованій, потому-что слава ихъ и безъ того довольно громка и не нуждается въ другихъ панегирикахъ. Кто ихъ ѣлъ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ отъ нихъ въ восторгѣ, а кто не ѣлъ, такъ, по-крайней-мѣрѣ, слышалъ, что подобныхъ огурцовъ не приготовляется въ цѣлой Европѣ. Достоинство этихъ огурцовъ зависитъ не только отъ способа ихъ соленья, но и отъ самой породы этого произрастенія, воздѣлываемой въ Нѣжинѣ. Съ улучшеніемъ путей сообщенія и проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, эта отрасль нѣжинской промышленности всё болѣе развивается и находитъ себѣ хорошій сбытъ. Во всѣхъ главныхъ городахъ нашихъ, особенно на югѣ, а также и въ столицахъ, вы можете встрѣтить на вывѣскахъ гастрономическихъ магазиновъ: «нѣжинскія соленья»; наибольшее же количество этого нѣжинскаго продукта отпускается въ Одессу, откуда, кто знаетъ, быть-можетъ, онъ проникаетъ и въ заморскіе края. Въ послѣднее время производится въ годъ нѣжинскихъ соленій до 42 тысячъ бочёнковъ, на сумму болѣе 30,000 рублей. Но ещё болѣе важную и прибыльную отрасль нѣжинской промышленности составляетъ табакъ, разводимый жителями города въ большомъ количествѣ. Купцы, торгующіе табакомъ, въ главѣ которыхъ стоитъ Куликовъ, собираютъ его какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, складываютъ въ особо для того выстроенныхъ лавкахъ и продаютъ потомъ, отправляя по желѣзной

дорогѣ въ Ригу, Петербургъ, Москву, а иногда и прямо заграницу. Табачная промышленность составляетъ здѣсь общее хозяйственное занятіе и основана на естественныхъ условіяхъ мѣстности, почему и укоренилась съ давнихъ временъ. Обработываемый жителями табакъ раздѣляется на нѣсколько сортовъ: махорку, шнуровку, рубанку и другіе. Лучшимъ считается и дороже другихъ цѣнится — махорка. Кромѣ того, въ послѣднее время въ нѣжинскомъ уѣздѣ пошло въ ходъ разведеніе американскаго табаку, изъ котораго дѣлаются довольно порядочныя сигары. Такого табаку добывается теперь болѣе 30,000 пудовъ въ годъ. Въ самомъ городѣ собирается до 100,000 пудовъ табаку, да здѣшними купцами закупается въ уѣздѣ около 300,000. Вообще можно сказать, что, несмотря на увеличивающееся производство табаку въ мѣстностяхъ, окружающихъ Нѣжинъ, торговля Нѣжина табакомъ не увеличивается, а скорѣе уменьшается; это слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что съ проведеніемъ желѣзной дороги Нѣжинъ пересталъ быть единственнымъ центромъ табачной торговли. Табакъ какъ изъ Нѣжинскаго, такъ и изъ Борзенскаго, Конотопскаго и другихъ, смѣжныхъ съ нимъ уѣздовъ, идётъ не въ Нѣжинъ, какъ прежде, а на ближайшія станціи желѣзной дороги: Мену, Бахмачъ и другіе, такъ что собственно черезъ Нѣжинскій вокзалъ отпускается табаку, пожалуй, не болѣе 200,000 пудовъ.

П. Сребницкій.

ГИМНАЗІЯ ВЫСШИХЪ НАУКЪ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко возникла въ 1820 году и просуществовала съ разными перемѣнами до 1833 года, причёмъ имѣла всего восемь выпусковъ. Этотъ первый періодъ существованія гимназіи знаменателенъ не только потому, что далъ ей окончательное устройство, завершившееся уставомъ, высочайше утверждённымъ только въ концѣ его, 19-го февраля 1825 года, но и потому, что далъ Россіи троихъ извѣстныхъ писателей — Гоголя, Кукольника и Гребёнку, изъ которыхъ первый по справедливости составляетъ славу и гордость русской литературы, и образовалъ Рѣдкина, Базили, Рославскаго-Петровскаго и другихъ, пріобрѣтшихъ въ послѣдствіи почётную извѣстность въ наукѣ и на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія обязано тому потоку просвѣтительныхъ идей, который, исходя отъ воцарившагося не задолго предъ тѣмъ императора Александра Перваго, охватилъ всё, что способно было усвоить эти идеи и проникнуться ими. Наибольшее господство послѣднихъ и стремленіе выразить ихъ въ распространеніи учебныхъ заведеній падаютъ, какъ извѣстно, на первые годы царствованія Александра Павловича, столь богатое начинаніями и въ другихъ направленіяхъ. Подъ вліяніемъ этого потока идей, графъ Илья Андреевичъ Безбородко измѣнилъ первоначальное назначеніе пожертвованія своего знаменитаго брата, князя Александра Андреевича, завѣщавшаго употребить значительныи капиталъ въ пользу богоугодныхъ заведеній и, присоединивъ къ нимъ ещё бо́льшія изъ своихъ обширныхъ средствъ, обезпечилъ существованіе высшаго учебнаго заведенія въ Нѣжинѣ.

19-го іюля 1805 года была подана Александру Благословенному достопамятная всеподданнѣйшая записка графа Ильи Андреевича, ко-

торою былъ положонъ краеугольный камень заведенію, воспитавшему Гоголя — и съ нея начинается исторія послѣдняго.

«Всемилостивѣйшій Государь! Послѣ смерти покойнаго брата моего, князя Безбородко, нашолъ я въ бумагахъ его записку, въ коей означено желаніе его, чтобъ изъ доходовъ его имѣнія взносимо было въ Воспитательный Домъ, въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ по смерти его, по 10,000 рублей и по истеченіи сего времени, чрезъ восемь лѣтъ, по 20,000 рублей. Воля брата моего была, чтобъ собираемые съ сихъ суммъ по взносѣ проценты обращаемы были въ пользу богоугодныхъ заведеній.

«Получивъ въ наслѣдство имѣніе покойнаго брата моего, не могъ я до-сихъ-поръ, по разнымъ обстоятельствамъ домашнимъ, привести сего предположенія его въ дѣйствіе. Теперь, желая исполнить оное въ точности и обратить сіе пожертвованіе наиполезнѣйшимъ образомъ для общества, я купно разсуждалъ, что нигдѣ удобнѣе оно употреблено быть не можетъ, какъ въ Малороссіи, отчизнѣ покойнаго моего брата.

«Въ семъ предположеніи я изыскивалъ на какое бы именно полезное заведеніе сумма сія, которую я взнести располагаюсь, обращена быть могла; и находя, что попеченіемъ правительства въ семъ краю уже основано и ещё предназначается довольно пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, я сужу, что всего удобнѣе и съ видами Вашего Императорскаго Величества къ распространенію просвѣщенія сообразнѣе быть можетъ устроить въ Малороссіи на счётъ сего пожертвованія училище высшихъ наукъ, которое здѣсь ещё не существуетъ и отъ котораго можно ожидать великой пользы, какъ для всѣхъ, такъ особливо для тѣхъ неимущихъ дворянъ и другого состоянія молодыхъ людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованію себя и коимъ, съ учрежденіемъ сего заведенія, открыться можетъ новое средство къ приготовленію себя на службу Вашего Императорскаго Величества.

«Изложивъ намѣреніе моё, долженъ я всеподданнѣйше представить о тѣхъ способахъ, кои могутъ быть преподаны къ приведенію его въ дѣйствіе. Они состоятъ въ слѣдующемъ: какъ шесть лѣтъ по смерти брата моего минуло, то въ слѣдствіе воли его взносить въ первыя пять лѣтъ по 10,000 рублей, а послѣднія восемь по 20,000 рублей въ Воспитательный Домъ, я имѣю въ готовности за шесть лѣтъ 70,000 рублей съ процентами, на сумму сію причитающимися за прошедшіе годы, что всего и составляетъ по сей 1805 годъ апрѣля по 6-е число 81,920 рублей. А въ остающіяся впредь семь лѣтъ взносимо будетъ каждый годъ по 20,000 рублей отъ меня или наслѣдниковъ моихъ въ то самое мѣсто, куда взнесётся сумма, нынѣ представляемая мною. Моё желаніе есть, чтобъ суммы сіи отданы были въ государственный заёмный банкъ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ обращались на счётъ суммъ, на содержаніе предполагаемаго училища нужныхъ.

«Но какъ одни проценты сіи были бы недостаточны для основанія и содержанія сего училища, то въ дополненіе недостатка суммъ, на сіе потребныхъ, я полагаю отъ себя: дать подъ означенное училище на-

всегда мѣсто съ садомъ, принадлежащее мнѣ въ городѣ Нѣжинѣ, коему и планъ при сёмъ представляю, и заготовленный для строенія дому матеріалъ, состоящій въ кирпичѣ, сколько онаго есть въ наличности. И, споспѣшествуя съ своей стороны благонамѣреніямъ покойнаго брата моего, съ сего времени и впредь на вѣчныя времена ежегодно изъ доходовъ имѣнія моего назначаю давать по 15,000 рублей, взносъ которыхъ чиню нынѣ съ тѣмъ, чтобъ къ построенію дома для училища употребить изъ сей ежегодной суммы, отъ меня жертвуемой, съ процентами, кои нынѣ за шесть лѣтъ, за внесенную сумму 70,000 рублей, составляютъ 11,920 рублей. А по отстроеніи уже дома, когда откроется училище, то оная сумма, по 15,000 рублей, должна обращаема быть на содержаніе того училища. А дабы предположеніе сіе не было подвержено никакой неопредѣлительности, я предоставляю, чтобы изъ недвижимаго моего имѣнія, состоящаго въ Малороссіи, 3000 душъ служили бы навсегда обезпеченіемъ училищу къ полученію съ нихъ дохода вышеозначеннаго, жертвуемаго отъ меня особо, такъ чтобы имѣніе сіе, оставаясь во владѣніи моёмъ и наслѣдниковъ моихъ, не могло быть ни продано, ни заложено, и чтобъ въ случаѣ если-бы въ послѣдствіи встрѣтились какія затрудненія со стороны наслѣдниковъ моихъ въ доставленіи вышеупомянутаго дохода, училище на узаконенныхъ правилахъ право имѣло оныя съ имѣнія сего взыскать, кому бы оно ни доставалось; развѣ бы, по предварительному моему или наслѣдниковъ моихъ съ правительствомъ соглашенію, предоставлено было мнѣ или наслѣдникамъ моимъ снять съ имѣнія сего условіе сіе и переложить оное на другое недвижимое имѣніе.

«До времени жь, пока я представлю на обезпеченіе училищу къ полученію предназначаемыхъ отъ меня 15,000 рублей, съ сего года навсегда жертвуемыхъ каждогодно, опредѣляемое мною имѣніе въ 3000 душахъ, которое будетъ залогомъ и безпечностію на будущія времена, отвѣтствую я всѣмъ моимъ имѣніемъ въ вѣрности и благонадежности сего платежа.

«Въ семъ состоятъ способы, предназначаемые мною къ основанію въ Малороссіи училища высшихъ наукъ. При пожертвованіи семъ, какъ соотвѣтственно волѣ покойнаго брата моего, такъ и по собственному усердію моему къ общему благу, всеподданнѣйше испрашиваю: чтобъ училище сіе было устроено въ городѣ Нѣжинѣ на мѣстѣ, уступаемомъ мною и чтобъ оно наименовано было: «Гимназія Высшихъ Наукъ». Повергая сіе на высочайшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе, я смѣю ласкаться, что приношеніе сіе, бывъ сообразно благотворительнымъ попеченіямъ Вашего Величества о просвѣщеніи народномъ, привлечётъ на себя всемилостивѣйшее благоволеніе Ваше и удостоится монаршаго утвержденія.»

Императоръ указомъ Сенату 29-го іюля утвердилъ пожертвованіе, возложивъ на графа Илью Андреевича орденъ Владиміра 1-го класса и повелѣвъ поставить бюсты обоихъ жертвователей въ залѣ собранія училища, «чтобъ они были залогомъ общей признательности къ столь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества».

Вслѣдъ за тѣмъ предпринята была постройка самаго зданія, въ которомъ должно было помѣститься новое заведеніе, при чёмъ графъ далеко не ограничивался средствами, указанными на то въ запискѣ: не смотря на предварительно заготовленный матеріалъ, крѣпостной трудъ и разныя пособія со стороны прилежащихъ къ Нѣжину имѣній графа Безбородко, стоимость зданія возросла до 604,034 рублей. Постройка столь обширнаго зданія на болотистой нѣжинской почвѣ, конечно, заняла много времени; встрѣтились и другія затрудненія замедлившія на цѣлыя пятнадцать лѣтъ открытіе гимназіи. Графу Ильѣ Андреевичу не суждено было дождаться осуществленія завѣтной мысли: онъ скончался 3-го іюня 1815 года. Ближайшій наслѣдникъ его въ мужской линіи, пятнадцати-лѣтній сынъ старшей дочери, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, въ то время ещё продолжалъ своё образованіе. Только въ 1820 году 19-го апрѣля послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, окончательно утвердившій высшее учебное заведеніе въ Нѣжинѣ, съ назначеніемъ графа Александра Григорьевича почётнымъ его попечителемъ, а по нёмъ — всегда старшаго въ его родѣ. Проэктъ устава гимназіи высшихъ наукъ составленъ былъ ещё за годъ передъ тѣмъ; но утвержденіе его также замедлилось слишкомъ на пять лѣтъ, въ слѣдствіе недоумѣній, возникшихъ въ главномъ правленіи училищъ, гдѣ онъ разсматривался: въ проэктѣ не было назначено окладовъ секретарю правленія, кассиру, расходовъ на учебныя пособія воспитанникамъ и прочее; кромѣ того, главное правленіе училищъ признавало необходимымъ удѣлять часть доходовъ въ пособіе къ содержанію преподавателей. Были, безъ сомнѣнія, недоумѣнія и относительно организаціи учебнаго дѣла, такъ-какъ въ слѣдъ за тѣмъ были предлагаемы первому директору относящіеся сюда вопросы. Всѣ эти недоумѣнія своевременно сообщались почётному попечителю.

Не предвидя скораго ихъ рѣшенія, графъ обратился къ министру съ просьбой о дозволеніи открыть, впредь до утвержденія устава, курсъ ученія въ гимназіи. Разрѣшеніе было дано и въ то же время предписано попечителю харьковскаго учебнаго округа распорядиться открытіемъ гимназіи.

Къ тому же времени удалось пріискать и вполнѣ достойнаго директора гимназіи. Замѣчательно, что первые два директора и, притомъ, лучшіе, Кукольникъ и Орлай, были карпато-руссы. Послѣдній, раньше переселившійся въ Россію и успѣвшій скоро обратить на себя вниманіе высшей медицинской администраціи, указалъ на Кукольника, какъ достойнаго кандидата на одну изъ каѳедръ при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ. Назначенный профессоромъ римскаго права, онъ въ то же время читалъ студентамъ химію, технологію и сельское хозяйство, а въ открытыхъ послѣ публичныхъ курсахъ для чиновниковъ — физику, римское право и частное русское право. Серьёзное отношеніе Кукольника къ своему дѣлу выразилось рядомъ печатныхъ курсовъ по наибольшей части упомянутыхъ предметовъ, что и доставило ему весьма почётную извѣстность. Въ 1813 году онъ назначенъ былъ преподавателемъ римскаго и гражданскаго русскаго права великимъ

князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, а въ мартѣ 1819 года онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ конференціи въ только-что открывшемся С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ перваго взгляда не легко объяснить рѣшеніе Кукольника, продолжительною службою и учоными трудами достигшаго столь прочнаго и почётнаго положенія въ Петербургѣ, переселиться въ отдалённый и глухой край: это рѣшеніе можно объяснять только его слабымъ здоровьемъ, требовавшимъ и лучшаго климата и болѣе покойной жизни, здоровьемъ любимой дочери, на что указываетъ его сынъ, а также убѣжденіями графа, его ученика.

Какъ бы то ни было, Кукольникъ, снабжонный всѣмъ необходимымъ и девятью тысячами на первоначальныя нужды при открытіи новаго заведенія, немедленно отправился въ путь и прибылъ въ Нѣжинъ въ концѣ августа 1820-го года. Тогдашній попечитель харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнеевъ, которому Кукольникъ двумя письмами, изъ С.-Петербурга и Нѣжина, сообщилъ о своёмъ назначеніи и прибытіи на мѣсто службы, съ большимъ уваженіемъ отнёсся къ достоинствамъ перваго директора гимназіи высшихъ наукъ. «Будучи удостовѣренъ въ отличныхъ вашихъ достоинствахъ», пишетъ Карнѣевъ, «я сердечно радъ, что Богъ благословилъ имѣть мнѣ васъ помощникомъ въ устроеніи такого учебнаго заведенія, которое обѣщаетъ великую для мало-россійскаго края пользу. Весьма жаль, что вамъ не можно было побывать у меня въ проѣздъ вашъ изъ С.-Петербурга. Намъ непремѣнно нужно побесѣдовать лично о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, какія потребны къ неукоснительному устройству ввѣренной вамъ гимназіи, въ чёмъ чрезъ переписку весьма трудно успѣть, потому болѣе, что уставъ для Нѣжинской гимназіи не составленъ и ещё неизвѣстны мнѣ въ подробности всѣ способы, г. почётнымъ попечителемъ предлагаемые.»

Вслѣдъ за тѣмъ начинается весьма энергическая дѣятельность Кукольника по первоначальному устройству заведенія и по открытію курсовъ. Нужно было обзаводиться всѣмъ, нужны были деньги, рабочія руки, прислуга, помощники, наконецъ преподаватели. А между-тѣмъ ещё въ сентябрѣ собралось «значительное число юношества, изъявившаго желаніе поступить въ нѣжинскую гимназію, что обязывало директора ускорить открытіемъ курсовъ. Понятна та тревога, тѣ хлопоты, непріятности, среди которыхъ вдругъ очутился почтенный, но слабый здоровьемъ, директоръ. Должно съ глубокимъ сочувствіемъ относиться къ той готовности удовлетворять всѣмъ нуждамъ зарождавшагося заведенія, какую въ своей перепискѣ постоянно обнаруживалъ почётный попечитель; но онъ былъ далеко и на переписку съ нимъ, какъ и съ харьковскимъ попечителемъ, уходило много времени, а нужды, требовавшія немедленнаго удовлетворенія, возникали непрерывно.

О деньгахъ меньше всего приходилось безпокоиться. На 210 тысячъ, пожертвованныхъ княземъ А. А. Безбородко, къ 1820 году наросло процентовъ 169,108 рублей 57 копѣекъ; изъ нихъ девять тысячъ выдано было Кукольнику, при отъѣздѣ изъ Петербурга, на первоначальныя нужды гимназіи. «По сношенію моему съ министромъ финансовъ», пишетъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ отъ

4-го августа 1820 года, «капиталъ сей переведёнъ изъ банка въ коммиссію погашенія долговъ для внесенія въ разрядъ долговъ неприкосновенныхъ, а упомянутые проценты переданы департаменту Министерства Народнаго Просвѣщенія и на нихъ взятъ банковый билетъ, при чёмъ сдѣлано распоряженіе впредь о правильной ежегодной высылкѣ слѣдующихъ процентовъ съ 210 тысячъ». Въ то же время графъ Кушелевъ-Безбородко предписалъ своей Веркіевской экономіи выдать за первую треть 1821 года пять тысячъ изъ назначенныхъ графомъ Ильёю Андреевичемъ къ ежегодному жертвованію на вѣчныя времена 15 тысячъ. Та же Веркіевская экономія получила предписаніе графа всячески содѣйствовать устройству гимназіи, такъ-что къ услугамъ послѣдней являлись, по крайней мѣрѣ въ первое время, столяры, плотники и другіе рабочіе, въ экономіи приготовлялись классные столы, скамейки, шкафы и прочее; самъ же графъ, сколько было возможно, принималъ живѣйшее участіе во всёмъ, что касалось первоначальнаго устройства заведенія.

Труднѣе было устроиться съ людьми. Прежде всего далъ себя чувствовать крайній недостатокъ въ прислугѣ. Для устраненія его Кукольникъ обратился къ харьковскому попечителю съ просьбою о доставленіи тринадцати инвалидовъ «добраго поведенія». «Гимназія», пишетъ директоръ, «открывая своё дѣйствіе по всѣмъ частямъ, нуждается въ людяхъ, потребныхъ для услуги въ заводимомъ при оной казённомъ пансіонѣ и для стражи, коей требуетъ обширное зданіе, садъ и прочія службы — и она имѣетъ поводъ ожидать отъ военнаго начальства просимаго содѣйствія потому, что въ состоящемъ при ней казённомъ пансіонѣ будутъ также принимать участіе въ воспитаніи осиротѣвшія дѣти военныхъ высшихъ чиновниковъ, для содержанія коихъ основатели сего заведенія сдѣлали особое пожертвованіе.» Эта инвалидная команда, потребовавшая большой переписки, не удовлетворила однако нуждамъ заведенія: часто приходилось отсылать назадъ военныхъ чиновъ, оказывавшихся негодными. Запросы на неё скоро прекратились. На запросъ директора объ опредѣленіи расхода на прислугу почётный попечитель совѣтуетъ «умѣрить, сколько возможно, расходы училища, ибо всё должно клониться къ дѣлу, а ничего — къ блеску». Значительнымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи послужила даровая прислуга, которую предлагали родители и родственники пансіонеровъ. Желая предоставить наиболѣе удобствъ своимъ дѣтямъ и родственникамъ, они не рѣдко обращались къ начальству гимназіи съ убѣдительною просьбой о дозволеніи оставаться при дѣтяхъ крѣпостной прислугѣ, съ предоставленіемъ полнаго права обращать её на службу заведенія, смотря по ея спеціальностямъ. Съ такою же просьбою обращался къ директору и отецъ Гоголя, предлагая своего повара безъ всякой за-то платы. Въ послѣдствіи правленіе входило съ особымъ представленіемъ къ почётному попечителю о дозволеніи принимать эту даровую прислугу и получило на то разрѣшеніе.

Ещё труднѣе было директору обходиться безъ помощниковъ, особенно въ первое время. Не было эконома—и директору приходилось самому исполнять его обязанности. Впрочемъ эта должность, благодаря заботливости графа, была скоро замѣщена студентомъ философіи Кіев-

ской духовной академіи, изъ дворянъ, Тарнавскимъ. Особой должности бухгалтера вовсе не было положено по штату — и этотъ недостатокъ былъ особенно чувствителенъ для директора. «Хотя бухгалтеръ въ проэктѣ штата не предположенъ», пишетъ онъ попечителю, «однакоже я нахожу совершенную невозможность обойтись безъ него. Я объяснялъ письменно сіе обстоятельство его сіятельству и убѣдительно просилъ о присылкѣ таковаго чиновника для веденія счётовъ покрайней-мѣрѣ до открытія правленія гимназіи и надлежащаго устроенія оной, ибо мнѣ, при многочисленныхъ предметахъ и управленіи по всѣмъ частямъ, невозможно заняться дѣлопроизводствомъ по счётной части, требующей особеннаго и опытнаго чиновника».

Наконецъ Кукольникъ нашолъ въ Нѣжинѣ «значительное число юношества, желавшаго поступить въ гимназію». Преподавателей не было, а медлить было нельзя, въ виду высочайшаго повелѣнія открыть заведеніе и въ интересахъ юношества. Притомъ всѣ первые кандидаты въ гимназію, дѣти 8—12 лѣтъ, были крайне неравнаго приготовленія: «изъ нихъ большая часть есть такихъ», писалъ директоръ попечителю, «которые нѣсколько лѣтъ уже обучались въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и пріобрѣли хорошія познанія въ предметахъ наукъ, по коимъ можно бы было размѣстить ихъ по разнымъ классамъ; но въ языкахъ, особенно же въ латинскомъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ слабыя только начала, или же вовсе имъ не обучались». Такъ-какъ по проэкту устава требовались непремѣнно достаточныя познанія въ языкахъ русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французкомъ для первыхъ трёхъ классовъ, то-есть для перваго трехлѣтія, и безъ этихъ познаній не дозволялось переводить учениковъ въ слѣдующіе классы, то, слѣдуя строго проэкту, или должно было совсѣмъ отказывать большинству въ пріёмѣ, или всѣхъ принимать въ первый классъ, хотя «ни то, ни другое», по мнѣнію директора, «не соотвѣтствовало бы ни отеческому попеченію правительства о народномъ просвѣщеніи, ниже цѣли сего заведенія, которое обязано всѣми мѣрами облегчать, а не затруднять воспитаніе отечественнаго юношества». Вслѣдствіе того, директоръ предлагалъ, по прибытіи профессоровъ, произвести общее испытаніе въ предметахъ и языкахъ, а до формальнаго открытія гимназіи употребить всевозможныя усилія къ восполненію познаній учениковъ особенно по языкамъ; предъ открытіемъ же гимназіи произвести новое испытаніе, по которому и распредѣлить учениковъ по классамъ. «Я питаюсь несомнѣнною надеждою», заключаетъ своё донесеніе директоръ, «что такимъ образомъ, при помощи Всевышняго и при особенномъ усердіи наставниковъ, можно до такой степени уравнить свѣдѣнія прилежныхъ учениковъ, что и время прежняго ихъ ученія не будетъ для нихъ потеряннымъ, и поддержится уваженіе заведеній, въ коихъ они прежде сего обучались, и предписанія устава гимназіи, при самомъ объявленіи онаго, будутъ въ надлежащей мѣрѣ исполнены». Распоряженіе это было утверждено министромъ, при чёмъ предписано объявить родителямъ, что «они должны уже оставаться довольными имѣющимъ быть, по состоянію устава, распредѣленіемъ дѣтей ихъ по классамъ, какое, на основаніи

устава, начальствомъ гимназіи, по открытіи оной, сдѣлано будетъ». Изъ приложеннаго къ представленію директора распредѣленія часовъ ученія, начавшагося съ сентября, видно, что двухчасовые уроки продолжались ежедневно отъ 8 часовъ утра до 12 и отъ 2 до 4 по полудни, что наибольшая ихъ часть посвящаема была языкамъ, остальные же — закону Божію, арифметикѣ, исторіи, географіи, рисованію и чистописанію. Въ шесть часовъ по полудни воспитанники ежедневно должны были заниматься «чтеніемъ книги, составленной изъ четырёхъ евангелистовъ и дѣяній апостольскихъ»; остальное время посвящалось на повтореніе уроковъ и на отдохновеніе. Всѣхъ поступившихъ въ гимназію въ первый разъ было 17. Преподаваніе, до прибытія профессоровъ и притомъ безмездно, было поручено слѣдующимъ лицамъ: преподаваніе закона Божія —священнику Григоровичу, законоучителю повѣтоваго училища, французскаго языка — «иностранцу французской націи» Аману, нѣмецкаго— представленному къ утвержденію въ надзиратели Зельднеру, рисованіе— художнику Павлову; всѣ же остальные предметы — латинскій языкъ, русскую грамматику, арифметику, исторію и географію — принялъ на себя самъ директоръ. Вскорѣ прибыли въ Нѣжинъ и вступили въ должность младшій профессоръ нѣмецкаго языка Миллеръ и русскаго Чекіевъ. Обученіе языкамъ, при всей неравномѣрности познаній, по недостатку наставниковъ, происходило одновременно и совмѣстно. Но ещё въ это время предполагалось установить особое распредѣленіе учениковъ по обученію языкамъ, независимое отъ распредѣленія ихъ по классамъ по обученію остальнымъ предметамъ.

Такова была дѣятельность перваго директора нѣжинскаго высшаго училища имени князя Безбородко. Его слабое здоровье не выдержало усиленнаго труда, соединённаго притомъ, безъ сомнѣнія, со множествомъ мелкихъ и крупныхъ непріятностей: онъ впалъ въ ипохондрію, къ которой, по свидѣтельству сына, имѣлъ предрасположеніе, и 6-го февраля 1821 года скончался.

Изъ оффиціальныхъ бумагъ того времени видно, что внезапная смерть директора произвела большую тревогу не только въ средѣ преподавателей, но и родителей воспитанниковъ. На другой день первые донесли обоимъ попечителямъ, что директоръ, «будучи одержимъ внутреннею гемороидальною болѣзнью и сильнымъ біеніемъ сердца», сего февраля 6-го дня, въ семь часовъ утра, къ крайнему нашему прискорбію и къ сердечному сокрушенію оставленнаго имъ семейства, внезапною смертію скончался, по свидѣтельству доктора, отъ апоплексическаго удара». Вслѣдъ затѣмъ преподаватели, «собравшись для принятія мѣръ къ сохраненію порядка гимназіи, къ содержанію воспитанниковъ и къ продолженію преподаванія наукъ, съ общаго согласія, впредь до разрѣшенія высшаго начальства, составили общее управленіе на таковыхъ правилахъ, какія, по необходимости внезапныхъ обстоятельствъ, сочли лучшими». Въ то-же время приняты были временнымъ правленіемъ всѣ казённыя вещи и суммы и послѣднія препровождены на храненіе въ нѣжинское повѣтовое казначейство.

Отсутствіе единства власти и направляющей руки, повидимому,

очень скоро дало себя почувствовать. Небольшое собраніе младшихъ профессоровъ, только-что съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ въ Нѣжинъ, не успѣвшихъ ещё достаточно ознакомиться другъ съ другомъ и считавшихъ себя равными по званію и службѣ, не могло оказаться удобнымъ для управленія сложнымъ механизмомъ высшаго учебнаго заведенія и притомъ съ интернатомъ. Ещё въ представленіи почётному попечителю 11-го февраля собраніе откровенно признаётъ себя «непривыкшимся къ обычаю сея страны и совершенно неимѣющимъ свѣдѣній о жителяхъ сего города», а потому проситъ не оставить безъ руководителя и избрать въ директоры «изъ извѣстныхъ, опытнѣйшихъ и какъ ученостію, такъ и правотою сердца, знаменитыхъ мужей, и чрезъ то какъ насъ, кои не успѣли ещё снискать себѣ довѣрія, такъ наиболѣе знаменитое учебное заведеніе, вывести въ самомъ началѣ изъ обстоящихъ нынѣ весьма великихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что родители воспитанниковъ гимназіи, имѣя личное довѣріе къ покойному директору, къ намъ же весьма сомнительное, по незнанію насъ, хотятъ брать ихъ назадъ въ домы свои, какъ слышали о сёмъ со стороны». Опасенія временнаго правленія были не напрасны, а равно и причины тревоги родителей понятны: нѣтъ сомнѣнія, что только-что установившіеся гимназическіе порядки, не успѣвшіе ещё окрѣпнуть, не замедлили быстро пошатнуться; между наставниками не замедлили появиться несогласія; слухи о возникшихъ нестроеніяхъ въ преувеличенныхъ размѣрахъ быстро доходили до родителей воспитанниковъ.

Вскорѣ по смерти директора начинается дѣло «о зазорныхъ поступкахъ» младшаго профессора нѣмецкаго языка Миллера. Въ засѣданіи 27-го февраля исправляющій должность инспектора Чекіевъ заявилъ, что Миллеръ, «творя до сего времени многократно неприличія, наканунѣ, въ пять часовъ пополудни, въ то самое время, когда воспитанники, послѣ христіанскаго говѣнія и принятія святыхъ таинъ евхаристіи, располагались къ нѣкоему отдохновенію, явившись въ комнаты воспитанниковъ въ неблагообразномъ видѣ отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ, дѣлалъ, въ совершенной потерѣ даже общаго смысла, разныя, нисколько не соотвѣтствующія званію профессора, неприличія и оскорбительные соблазны, побуждая однихъ къ пляскѣ, а другихъ къ другимъ подобнымъ неблагопристойностямъ». При этомъ Платонъ Кукольникъ отъ имени матери своей заявилъ, что въ тотъ же день и въ томъ же неблагообразномъ видѣ Миллеръ «нанёсъ великое огорченіе ихъ семейственному спокойствію и безъ того горестями сопровождаемому». Вызванный въ засѣданіе, Миллеръ явился въ томъ же видѣ и отвѣчалъ одними грубостями. Временное правленіе «съ крайнимъ сокрушеніемъ сердца» опредѣлило донести попечителю о порочномъ поведеніи Миллера и просить о его увольненіи и замѣнѣ по преподаванію нѣмецкаго языка надзирателемъ Зельднеромъ. Въ этомъ донесеніи, а равно и во вторичномъ отъ 4-го марта, правленіе указываетъ на «предосудительные отзывы», распространявшіеся какъ въ городѣ, такъ и въ окрестномъ дворянствѣ. Дѣло окончилось удаленіемъ Миллера отъ должности «въ отвращеніе дѣтей отъ дурныхъ его примѣровъ».

Въ то же время происходила сильная распря между правленіемъ и семействомъ покойнаго директора, остававшимся ещё въ прежнемъ помѣщеніи и даже пользовавшимся по прежнему казённымъ содержаніемъ. Распря эта, будучи любопытна сама по себѣ, какъ эпизодъ изъ первоначальной исторіи заведенія, въ то-же время, бросая свѣтъ на семейную среду директора, имѣетъ біографическій интересъ и въ отношеніи къ Кукольнику-отцу, и къ Кукольнику-сыну, тогда одиннадцатилѣтнему мальчику, а впослѣдствіи — даровитому и плодовитому русскому литератору.

Сначала правленіе, изъ уваженія къ заслугамъ директора, относилось съ большимъ вниманіемъ и заботливостью къ осиротѣлому семейству и въ своихъ донесеніяхъ почётному попечителю ходатайствовало о предоставленіи ему казённаго содержанія впредь до полученія вдовою Кукольника вида для свободнаго жительства. Но такія отношенія прекратились скоро. 25-го мая въ общее собраніе правленія явились учитель французскаго языка Аманъ и надзиратель Зельднеръ и заявили, что они «не желаютъ и не могутъ долѣе исправлять надзирательской должности, такъ-какъ статская совѣтница Кукольникъ, почасту приглашая къ столу своему или на чай нѣкоторыхъ воспитанниковъ, не извѣстно изъ какихъ видовъ или своекорыстныхъ интересовъ, внушаетъ имъ неприличный для юношества образъ мыслей противъ надлежащаго уваженія ихъ наставниковъ и надзирателей, вперяетъ имъ, что Аманъ не есть настоящій учитель, что онъ по состоянію своему происходитъ изъ мѣщанъ и не свѣдущъ въ порученной ему должности, что будто покойный мужъ ея составилъ ему, Аману, счастіе, извлёкши его изъ состоянія мѣщанства, что Зельднеръ, какъ иностранецъ, будучи неизвѣстнаго состоянія, едва ли можетъ принадлежать къ благородному сословію; что Пилянкевичь, провождая всё время у своей сестры (вдовы Кукольника) и во всёмъ отъ нея интересуясь, а потому во всёмъ потворствуя и угождая ей, не только не отклоняетъ дѣтей или сестру свою отъ вышеизъяснённыхъ внушеній, но, въ угодность ей и какъ бы изъ собственныхъ личныхъ какихъ выгодъ, подтверждаетъ рѣчи ея и тѣмъ болѣе въ юношескихъ сердцахъ возжигаетъ искру неповиновенія и непослушанія, изъ чего слѣдствіемъ можетъ произойти одна не малая утрата и даже порча ихъ нравственности, особенно неминуемое уклоненіе отъ общихъ правилъ благоповеденія». Пилянкевичь, присутствовавшій въ собраніи, «всталъ съ своего мѣста и, вмѣсто надлежащаго изъясненія дѣла, причинъ и обстоятельствъ его, сталъ поносить Амана и Зельднера, произносилъ на нихъ весьма неприличныя и самыя оскорбительныя рѣчи, называя ихъ разными именами, одному ремесленному состоянію мѣщанства принадлежащими, причёмъ не удержался въ дерзости своей изречь оскорбительную хулу даже на всё собраніе, именуя оное какимъ-то скопищемъ и преунизительнымъ словомъ — шайкою, и таковую, столь неприличную, столь же и явно нарушающую общій порядокъ дерзость свою заключилъ самымъ грубымъ выходомъ изъ собранія и крѣпкимъ при затвореніи дверей ударомъ съ неблагонамѣренными вѣщаніями и, что всего неприличнѣе, съ угрозами, ссылаясь осо-

бенно на сестру свою, что она дотолѣ здѣсь проживать и за всѣми профессорами, учителями и гувернёрами соглядатайствовать будетъ, доколѣ не получитъ чего-то желаемаго и доколѣ на своёмъ не поставитъ того.»

Собраніе, выслушавъ обѣ стороны, «подивясь столь неумѣстному и изступительному разгоряченію ума и сердца Пилянкевича и почудившись странности столь неприличнаго своенравія», опредѣлило донести о всёмъ обоимъ попечителямъ, а Амана и Зельднера убѣдило продолжать по прежнему свои занятія. Донесеній однако не послѣдовало, такъ-какъ правленіе всё ещё надѣялось, что безпорядки прекратятся сами собою, и притомъ не желало «выставлять на видъ интриги столь хитрыхъ сплетеній».

Между-тѣмъ вдова Кукольника, получивъ видъ для свободнаго жительства, обратилась къ окружному попечителю съ просьбой о дозволеніи ей продлить пребываніе въ Нѣжинѣ и пользоваться казённымъ содержаніемъ до назначенія пенсіи и до оставленія за нею аренды, пожалованной ея мужу, прибавляя, что правленіе отказываетъ ей въ содержаніи, не смотря на разрѣшеніе почётнаго попечителя. Попечитель предписалъ сохранить распоряженіе о казённомъ содержаніи въ полной силѣ. Тогда правленіе рѣшило донести обоимъ попечителямъ о всѣхъ «возмущеніяхъ», происходящихъ отъ семейства покойнаго директора, объяснивъ, что ежемѣсячное содержаніе его обходится казнѣ свыше 300 рублей, не считая помѣщенія и отопленія. Донесенія эти заключаютъ въ себѣ новыя черты, характеризующія и семейство директора, и состояніе самаго заведенія въ это смутное время. Въ нихъ, между прочимъ, объясняются и причины возникшей распри: негодованіе вдовы Кукольника на правленіе произошло частію отъ того, что оно отклонило ея попытки принимать участіе въ распоряженіи всѣми дѣлами, частію — и это главное — отъ того, что оно «не согласилось на ея предложеніе представить почётному попечителю, будто всё здѣшнее и окружныхъ мѣстъ дворянство на мѣсто покойнаго мужа ея желаетъ опредѣленія въ директоры старшаго сына ея, Павла Кукольника». Преслѣдуя личныя цѣли, она, по мнѣнію правленія, старалась всячески разстроить заведённые порядки, подорвать дисциплину, внушить воспитанникамъ неповиновеніе начальству. Съ этою цѣлью Платонъ Кукольникъ, лишившійся, по распоряженію правленія, возможности непосредственно сообщаться съ воспитанниками, сталъ, подъ разными благовидными предлогами, посѣщать послѣднихъ въ свободные отъ ученія часы и внушать имъ возмутительныя мысли противъ порядка, послушанія и повиновенія, и даже увѣрять, что всѣ служащіе въ гимназіи чиновники скоро изгнаны будутъ, а для бо́льшаго привлеченія къ себѣ воспитанниковъ сталъ сообщать имъ соблазнительныя пѣсни, «изъ коихъ нѣкоторыя самъ нарочно для того сочинялъ». При этомъ правленіе указываетъ на случай 29-го августа, когда Кукольникъ, «войдя, въ видѣ нѣкоего свободнаго франта, въ сборный залъ воспитанниковъ въ утреннее предъ литургіею время, когда они, по установленному порядку, выслушавъ въ половинѣ восьмаго часа чтеніе изъ «Новаго Завѣта», готовились идти къ литургіи, взявъ книгу завѣта, сталъ декламировать

со всѣми актёрскими жестами, дерзнувъ даже дѣлать политическія изъясненія на тексты, каковое изъясненіе и въ простомъ смыслѣ совершенно воспрещено при ономъ чтеніи и самимъ учителямъ». Въ заключеніе правленіе проситъ о скорѣйшемъ удаленіи изъ гимназическаго дома вдовы Кукольника съ семействомъ, такъ-какъ оно совершенно увѣрено, что, «при дальнѣйшемъ ея здѣсь пребываніи и при ожесточённомъ ея озлобленіи на всѣхъ служащихъ, неминуемо произойти можетъ глубокое разстройтсво». Слѣдствіемъ этого донесенія было предписаніе попечителя отъ 19-го сентября «немедленно выслать Кукольника изъ гимназіи и впредь въ оную ни подъ какимъ предлогомъ не допущать; равнымъ образомъ госпожѣ статской совѣтницѣ Кукольниковой, давшей поводъ къ существующимъ въ гимназіи безпокойствамъ и присылавшей ко мнѣ на всѣхъ вообще профессоровъ, кромѣ брата своего Пилянкевича, жалобу, которая, по строгому разысканію моему чрезъ заслуженнаго и достойнаго чиновника, оказалась совершенно неправильною, объявить ей съ должнымъ приличіемъ, чтобы она тотчасъ оставила гимназію и избрала для себя съ семействомъ своимъ жительство по данному отъ меня пашпорту, гдѣ пожелаетъ; младшему профессору Пилянкевичу, вышедшему изъ границъ благопристойности, сдѣлать замѣчаніе и подтвердить, чтобы онъ былъ внимательнѣе къ долгу службы, къ пользѣ казённой и къ присягѣ, на всё то имъ данной. О всёмъ таковомъ распоряженіи моёмъ», заключаетъ попечитель, «донёсъ я господину министру и увѣдомилъ господина почётнаго попечителя.»

Октября 7-го правленіе донесло попечителю, что госпожа Кукольникъ, по предъявленіи ей предписанія, въ тотъ же день оставила занимаемую въ гимназическомъ зданіи квартиру и помѣстилась въ частномъ наёмномъ домѣ въ Нѣжинѣ. Сынъ ея, Платонъ, ещё нѣкоторое время преподававшій латинскій языкъ, пожертвовалъ въ слѣдъ за тѣмъ гимназіи значительное число книгъ. «Ревнуя усердію благотворителей рода человѣческаго, пишетъ онъ въ правленіе, а основавшихъ и старающихся усовершенствовать въ мало-русскомъ краѣ гимназію высшихъ наукъ, при образованіи коей отецъ мой истощалъ всѣ свои усилія и которой я самъ желаю посвятить себя на службу, осмѣливаюсь предложить въ даръ принадлежащее мнѣ собраніе отборныхъ классическихъ сочиненій, состоящее изъ 500 томовъ. Я осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что хотя приношеніе моё не можетъ равняться съ безчисленными пожертвованіями господина почётнаго попечителя, коего усердію, щедротѣ и попеченіямъ о благѣ сего заведенія едва ли найдутся примѣры не только въ имперіи, но и во всей вселенной; но снисходительное правительство не отринетъ моей дани, которую я, по силѣ возможности своей, предлагаю, и пріиметъ оную съ тѣмъ человѣколюбіемъ и благосклонностію, съ какими Отецъ небесный принялъ отъ бѣдной вдовицы два лепта». Попечитель разрѣшилъ принять это пожертвованіе съ благодарностію. Не долго однако и Платонъ Кукольникъ оставался въ Нѣжинѣ: въ октябрѣ онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы, а 3-го декабря состоялся приказъ о его увольненіи. Вскорѣ и всё семейство Кукольника переселилось изъ Нѣ-

жина въ небольшое, принадлежащее вдовѣ, имѣніе въ Виленской губерніи.

Такъ окончилась распря гимназическаго правленія съ семействомъ перваго директора. Теперь трудно рѣшить, кто былъ правъ и кто виноватъ, кто былъ обидчикъ и кто обиженный. По всей вѣроятности, какъ это обыкновенно бываетъ, вина и увлеченіе были обоюдны: съ одной стороны преподаватели, члены правленія, почувствовавшіе силу неожиданно доставшейся власти, въ то же время почувствовали и наклонность къ упражненію этой власти и обратили её, сначала осторожно и не безъ достаточнаго повода, противъ семейства, къ которому прежде относились со всѣми, покрайней, мѣрѣ внѣшними, знаками вниманія и почтенія; съ другой стороны вдова директора, пользовавшаяся прежде этими знаками вниманія и почтенія, а можетъ-быть и нѣкоторымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ, замѣчая ихъ уменьшеніе и даже утрату и раздражаясь тѣмъ, пыталась удержать за собою прежнее положеніе и, въ порывахъ раздраженія, была не разборчива въ средствахъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ этой цѣли, она находила поддержку въ собственномъ семействѣ, въ сынѣ и братѣ, и попытка, указанная въ донесеніи правленія, сохранить своё положеніе замѣной мужа сыномъ въ должности директора весьма правдоподобна. Неудача же въ привлеченіи правленія къ участію въ осуществленіи задуманнаго плана естественно усиливала раздраженіе. Во всякомъ случаѣ вся эта исторія, при безпристрастномъ отношеніи къ содержанію донесеній и при убѣжденіи, что многое въ нихъ преувеличено, любопытна для характеристики семейной среды перваго директора гимназіи.

Всѣ эти безпокойства, сопровождавшіяся, безъ сомнѣнія, множествомъ мелкихъ интригъ и замѣшательствъ, наполняли собою смутное время отъ смерти перваго директора до вступленія въ должность новаго. Слухи о происходившихъ въ гимназіи безпорядкахъ съ быстротой народной молвы распространялись не только въ Нѣжинѣ, но и далеко за его предѣлами, причёмъ производили большую тревогу между родителями и родственниками воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, какъ видно изъ донесеній, были не только зрителями смуты, но и дѣйствующими лицами, привлекались къ участію въ смутѣ. Сохранилось любопытное письмо одного изъ родителей, подполковника Бороздина, двое сыновей котораго не задолго передъ тѣмъ поступили въ гимназію, писанное къ дѣтямъ спустя двѣ недѣли по смерти директора. «Съ душевнымъ прискорбіемъ», пишетъ Бороздинъ, «читалъ письмо отъ знакомаго моего, извѣщающее о васъ, милые друзья мои, и о перемѣнахъ, происшедшихъ со смертію почтеннаго бывшаго директора гимназіи, въ коей вы помѣщены. Извѣщаетъ меня: 1) присмотра за пансіонарами вовсе никакого нѣтъ; 2) въ болѣзняхъ пансіонеровъ призрѣнія и пособія никакого не дѣлается, да и докторъ посѣщать гимназію пересталъ; 3) науки, особливо языки, преподаются плохо и въ иные дни вовсе классовъ не бываетъ; 4) изъ числа профессоровъ есть предавшіеся совершенно пьянству. Какую нравственность можетъ поселять таковой

въ воспитанникахъ? — не иное что, какъ образецъ разврата; 5) столъ для пансіонеровъ сталъ хуже; 6) для ученья ни книгъ, слѣдующихъ по предметамъ преподаванія нѣкоторыхъ наукъ и языковъ, равно даже и бумаги, не даютъ. Всѣ сіи причины, ежели онѣ только справедливы, столь убѣдительны, что не остаётся болѣе никакъ надѣяться, какъ оставить гимназію. А посему прошу васъ, друзья мои, по полученіи сего письма, объявите всѣмъ гимназіи профессорамъ и учителямъ, которые нынѣ завѣдываютъ въ управленіи гимназіей, что долѣе оставлять васъ въ оной по выше писаннымъ причинамъ, ежели оныя вѣроятны, я никакъ не хочу и не могу, ибо не только что время теряется невозвратно въ безполезной праздности, но я даже опасаюсь на счётъ вашего здоровья. И такъ прошу ихъ о возвращеніи взятой съ меня за полгода впередъ суммы денегъ, вычтя за время пребыванія вашего въ гимназіи.» Слухи были, очевидно, преувеличены, какъ видно изъ послѣдствій письма. Правленіе не замедлило отправить Бороздину оправдательное письмо, въ которомъ доказывалось, что всѣ обвиненія «внушены какою-нибудь язвительною клеветою»; что надзоръ порученъ тропмъ комнатнымъ прекрасной нравственности надзирателямъ; что языки и науки преподаются «въ полномъ смыслѣ надлежащаго ученія, такъ-какъ это составляетъ честь и существенную пользу занятій преподавателей». Относительно учебныхъ пособій правленіе сознаётся въ ихъ недостаточности какъ по недавнему началу ученія и по дальнему разстоянію отъ Петербурга, гдѣ они покупаются, такъ и «по самой необрѣтаемости въ отпечатаніи по нѣкоторымъ предметамъ знаній, въ коихъ уроки будутъ преподаваться письменно». Въ заключеніе, правленіе выражаетъ сожалѣніе, что Бороздинъ не можетъ лично удостовѣриться въ добромъ состояніи заведенія, и увѣряетъ, что неизвѣстный пріятель или самъ погрѣшилъ вышеозначеннымъ оклеветаніемъ, или кто-нибудь то клеветнически внушилъ ему». Письмо подѣйствовало: Бороздинъ извинился предъ правленіемъ и просилъ «великодушно простить мгновенному изступленію отца, любящаго своихъ дѣтей и пекущагося о ихъ благѣ» и такъ далѣе.

Наконецъ 3-го сентября 1821 года состоялось назначеніе новаго директора, также карпато-росса, Ивана Семеновича Орлая. Въ концѣ октября онъ прибылъ въ Нѣжинъ и 1-го ноября вступилъ въ должность.

Если первому директору, по кратковременности его управленія, гимназія обязана только первоначальными основаніями, то второму она обязана полнымъ устройствомъ, внѣшнимъ и внутреннимъ и введеніемъ въ дѣйствіе проэкта устава во всёмъ его объёмѣ. Изъ внимательнаго пересмотра его распоряженій по дѣламъ архива выносишь убѣжденіе, что всѣ они отличались основательностію, строгою обдуманностію и живымъ стремленіемъ къ благоустройству ввѣреннаго ему заведенія.

Нѣсколько словъ о нёмъ самомъ.

Вступивъ въ должность 1-го ноября 1821 года, Орлай немедленно принялся за устройство гимназіи во всѣхъ ея частяхъ и прежде всего въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Открывши засѣданія конференція 8-го ноября, онъ заявилъ всѣмъ членамъ своё желаніе, «чтобы каждый

изъ нихъ свободно изъявлялъ свои мысли по управленію гимназіей, хотя бы случилось то противъ какой-либо мѣры, предлагаемой самимъ директоромъ, и чьи окажутся основательнѣйшими сужденія, записывать въ параграфахъ журнала». Къ сожалѣнію, дѣятельность директора не находила себѣ точнаго опредѣленія и направленія въ уставѣ, который былъ утвержденъ только къ концу его управленія гимназіей.

Было уже замѣчено, что утвержденіе устава замедлилось вслѣдствіе недоумѣній, возникшихъ въ главномъ правленіи училищъ. Недоумѣнія эти не разрѣшались до половины 1824 года. Только 27-го іюня этого года почётный попечитель увѣдомилъ о состоявшемся утвержденіи устава и препроводилъ копію послѣдняго, замѣтивъ, что грамата также скоро будетъ поднесена къ подписи. Въ заключеніе, графъ предписываетъ «грамату, по полученіи ея, прочитать съ должнымъ приличіемъ въ храмѣ Божіемъ въ присутствіи конференціи, правленія, чиновниковъ, воспитанниковъ и посѣтителей». Пришлось однако довольно долго ждать утвержденія граматы: она была утверждена 19-го февраля 1825 года и, вмѣстѣ съ уставомъ и штатомъ, получена въ гимназіи въ половинѣ апрѣля. Въ засѣданіи конференціи 25-го апрѣля было опредѣлено грамату хранить въ библіотекѣ подъ отвѣтственностью библіотекаря въ особенномъ ящикѣ краснаго дерева или корельской березы со стекломъ. Дѣло этимъ не кончилось. Оказались какія-то неправильности на первыхъ трёхъ страницахъ устава. 5-го мая начальникъ отдѣленія департамента министерства народнаго просвѣщенія Языковъ обращается къ директору съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Препровождая при сёмъ списокъ съ первыхъ трёхъ страницъ устава гимназіи, покорнѣйше прошу приказать свѣрить оныя съ подлиннымъ уставомъ, доставленнымъ уже въ гимназію и увѣдомить меня, точно ли *въ томъ видѣ и порядкѣ* страницы сіи написаны въ подлинникѣ, и притомъ снять особо копіи съ сихъ же самыхъ трёхъ страницъ съ подлинника въ томъ же именно видѣ и порядкѣ, какъ онѣ въ нёмъ написаны, и доставить ихъ ко мнѣ, вмѣстѣ съ моимъ спискомъ, если возможно, съ первою почтою». 7-го іюля 1825 года исправлявшій должность окружнаго попечителя, Перовскій, предписалъ, по требованію министра, «немедленно препроводить въ подлинникѣ Высочайше утверждённый уставъ гимназіи и штатъ оной». Трудно рождался уставъ и, по рожденіи, исчезъ внезапно и безвозвратно, не оставивъ даже слѣдовъ въ мѣстномъ архивѣ. Видно, съ усердіемъ позаботились объ истребленіи этихъ слѣдовъ. Къ сожалѣнію, по мѣстнымъ средствамъ не возможно удовлетворить любознательности ни читателей, ни собственной, относительно злополучныхъ трёхъ первыхъ страницъ устава, хотя справка въ архивѣ департамента безъ сомнѣнія могла бы открыть секретъ. Этой катастрофой, должно полагать, объясняется и то съ перваго взгляда непонятное обстоятельство, что въ «Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи» вовсе неоказывается ни устава ни граматы Нѣжинской гимназіи, между тѣмъ какъ вошолъ въ него уставъ Ярославскаго Училища Высшихъ Наукъ», какъ не потерпѣвшій крушенія.

Общее устройство Нѣжинской гимназіи весьма сходно съ устрой-

ствомъ Ярославскаго училища, что естественно: пожертвованія на то и другое учебное заведеніе сдѣланы въ одно время; почти въ одно время обдумывались и составлялись ихъ уставы; оба они отличаются энциклопедическимъ характеромъ, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль— сообщенія возможно бо́льшаго и разнообразнаго учебнаго матеріала, цѣль, объясняемую господствомъ того же взгляда на учебное дѣло на западѣ и, пожалуй, избыткомъ усердія, не руководимаго ясными педагогическими и дидактическими представленіями. Дѣйствительно, учебные предметы, назначенные для обоихъ заведеній, были одни и тѣ же съ весьма незначительнымъ различіемъ, а именно: законъ Божій, словесность древнихъ языковъ, россійская словесность (краснорѣчіе по уставу Ярославскаго училища), философія, право естественное и народное, чистая и смѣшанная математика, естественная исторія и технологія съ химіей, политическая исторія со вспомогательными науками, государственное хозяйство (политическая экономія по Ярославскому уставу) и наука финансовъ, римское право съ его исторіей, россійское гражданское и уголовное право и судопроизводство съ исторіей права — предметы преподаванія въ Нѣжинской гимназіи, должно полагать, входили въ составъ учебныхъ предметовъ и въ Ярославскомъ училищѣ.

Полный курсъ ученія въ Нѣжинской гимназіи, продолжавшійся девять лѣтъ, раздѣлялся по трехлѣтіямъ на девять классовъ, по три въ каждомъ трехлѣтіи. Первое трехлѣтіе назначалось для низшаго курса, второе — для средняго и третье — для высшаго.

Съ начала учебнаго года, съ августа 1822 года, открылся 6-й классъ, а затѣмъ въ началѣ каждаго новаго учебнаго года открывались слѣдующіе классы; въ августѣ 1825 года открытъ былъ послѣдній, 6-й классъ, а въ іюнѣ 1826 года былъ первый выпускъ воспитанниковъ гимназіи.

Распредѣленіе учениковъ по отдѣленіямъ одновременно съ распредѣленіемъ по классамъ объясняется неравномѣрностію познаній, препятствовавшею правильному движенію учебнаго дѣла; неравномѣрность же познаній въ свою очередь объясняется незнакомствомъ въ первое время съ программой заведенія, разнообразіемъ первоначальной подготовки, а также понятнымъ желаніемъ собрать, по возможности, бо́льшее число учениковъ къ открытію ученія. Для того же «единообразнаго и единоуспѣшнаго хода языковъ съ ходомъ наукъ», Орлай въ томъ же 1822 году предложилъ конференціи слѣдующую мѣру: раздѣлить учениковъ на шесть разрядовъ: на принципистовъ, или обучающихся началамъ языка, на грамматистовъ, или обучающихся этимологіи, на синтаксистовъ, риторовъ, піитовъ и эстетиковъ, или обучающихся эстетикѣ, съ чтеніемъ которой должно быть соединено чтеніе и разборъ классическихъ авторовъ: по латинской словесности — Горація, Виргилія, Лукреція и другихъ, по нѣмецкой — Виланда, Гердера и другихъ, по французской — Лагарпа, Корнеля, Расина и другихъ, по русской — Ломоносова, Державина, Карамзина и другихъ. «Таковое раздѣленіе», замѣчаетъ Орлай, «должно начаться, идти и окончиться постепенно, смотря по успѣхамъ учениковъ. Такъ, поелику изъ мѣсячныхъ рапортовъ

профессоровъ видно, что въ 3-мъ отдѣленіи нѣкоторые хорошо знаютъ синтаксисъ, то изъ таковыхъ составить разрядъ риторовъ и такъ далѣе, что черезъ два или три года окончится само собою, и въ то же время можно будетъ уже таковые шесть разрядовъ соединить съ шестью классами двухъ первыхъ трехлѣтій, такъ-что въ послѣднемъ трехлѣтіи, или академическомъ курсѣ, будутъ студенты упражняться практически въ сочиненіяхъ на всѣхъ, преподающихся въ гимназіи, языкахъ, проходя философскія науки». Такое раздѣленіе учениковъ существовало въ школахъ іезуитовъ, піаровъ, хорошо извѣстныхъ Орлаю. Впрочемъ его не оказывается впослѣдствіи въ Нѣжинской гимназіи. Распредѣленіе же учениковъ по отдѣленіямъ для обученія языкамъ оставалось въ силѣ во всё время существованія гимназіи съ энциклопедическимъ характеромъ, то-есть до 1832 года и эту мѣру нельзя не признать полезною и раціональною. То же явленіе, какъ извѣстно, продолжаетъ сохранять своё значеніе и до настоящей минуты: сила вещей и въ университетахъ, и въ институтахъ, привела къ обособленію преподаванія новыхъ языковъ отъ преподаванія факультетскихъ предметовъ въ тѣсномъ смыслѣ, а въ послѣднихъ, то-есть обоихъ институтахъ, къ образованію тѣхъ же отдѣленій, что и въ гимназіи высшихъ наукъ. Затрудненія отъ этого обособленія въ сущности остаются тѣ же, хотя и не въ равной степени: на университетскихъ окончательныхъ испытаніяхъ не рѣдкость составляютъ студенты, съ отличіемъ оканчивающіе испытаніе по всѣмъ факультетскимъ предметамъ и весьма слабые даже въ одномъ, обязательномъ для нихъ, новомъ языкѣ. То же было и въ Нѣжинской гимназіи. Послабленія неизбѣжны и вытекаютъ изъ той же силы вещей. Затрудненія эти постоянно озабочивали почётнаго попечителя, требовавшаго отъ воспитанниковъ вполнѣ удовлетворительнаго усвоенія обоихъ новыхъ языковъ. Въ дѣлахъ сохранилось нѣсколько его отношеній, строго запрещающихъ послабленія по испытанію въ языкахъ въ виду удовлетворительности познаній по основнымъ предметамъ.

Латинскій языкъ представлялъ едва ли не бо́льшія затрудненія, такъ-какъ онъ рѣдко входилъ въ домашнее приготовленіе, а въ повѣтовыхъ училищахъ поставленъ былъ плохо по недостатку достойныхъ преподавателей, причёмъ отмѣтки по латинскому языку въ экзаменныхъ вѣдомостяхъ обыкновенно бывали ниже отмѣтокъ по новымъ языкамъ. Явленіе это, между прочимъ, объясняется неблагопріятнымъ взглядомъ на этотъ предметъ и въ то время. Такъ сохранились письма родителей изъ богатыхъ чиновниковъ дворянъ съ просьбой освободить ихъ дѣтей отъ обученія латинскому языку, а въ конференціи 1-го декабря 1821 года доложено было предписаніе министра объ увольненіи отъ латинскаго языка вольныхъ пансіонеровъ, пажей Сергѣя и Льва Милорадовичей, сыновей тайнаго совѣтника Милорадовича; частыя же перемѣщенія дѣтей изъ гимназіи въ военно-учебныя заведенія, вѣроятно, отчасти объясняются тѣмъ же взглядомъ. Орлай, какъ отличный латинистъ, весьма серьёзно и строго относился къ занятіямъ учениковъ этимъ предметомъ, чѣмъ, быть-можетъ, и объясняется строгая оцѣнка успѣховъ.

Къ тому же времени, къ первымъ годамъ по открытіи гимназіи,

относится рядъ учебно-воспитательныхъ мѣръ, принятыхъ конференціей, по предложенію Орлая. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Въ видахъ возбужденія въ ученикахъ наибольшаго соревнованія какъ относительно занятій, такъ и относительно поведенія, Орлай предложилъ: 1) размѣщать учениковъ каждый мѣсяцъ въ классахъ сообразно отмѣткамъ въ профессорскихъ вѣдомостяхъ, такъ, чтобы превосходные сидѣли по старшинству на первой скамейкѣ и такъ далѣе, каковое старшинство соблюдать и при столѣ; 2) изъ числа превосходныхъ и благонравнѣйшихъ назначать аудиторовъ, которымъ должны быть подчинены нѣсколько учениковъ, отъ которыхъ они спрашиваютъ отчёта въ урокахъ; 3) превосходнѣйшіе и благонравнѣйшіе дѣлаются старшими въ комнатахъ для занятій и въ прогулкахъ; 4) чтобы старшіе или аудиторы не ослабѣвали по безпечности въ своёмъ ученіи и посредственные имѣли надежду быть старшими, позволить всѣмъ ученикамъ безпрепятственно просить, посредствомъ испытанія или состязанія, о высшемъ мѣстѣ; 5) для сего завести двѣ книги: одну для награды отличныхъ, а другую, чорную, для наказанія неисправляющихся — и записи, въ нихъ сдѣланныя, читать въ общей залѣ предъ всѣми учениками.

Въ то же время было принято конференціей предложеніе директора, касающееся наблюденія за занятіями воспитанниковъ и ихъ испытаній. «Такъ-какъ гимназія высшихъ наукъ, заявляетъ Орлай, по проэкту ея устава, есть непосредственно первое учебное заведеніе послѣ университетовъ и заключаетъ въ себѣ три учебныхъ трёхъ-лѣтія, въ коихъ предназначены къ преподаванію науки, положенныя для губернскихъ гимназій, а по выслушаніи оныхъ—высшія знанія, обыкновенно преподаваемыя въ лицеяхъ, академіяхъ и университетахъ, подъ раздѣленіями на факультеты, каковыхъ, по общимъ ученымъ положеніямъ, лицеи имѣютъ одинъ, академіи два и университеты четыре, помянутая же гимназія въ послѣднемъ трёхлѣтіи, хотя въ проэктѣ устава ея ясно то не означено, имѣетъ два — философскій и юридическій, и такъ-какъ воспитанникамъ ея, на основаніи проэкта устава, по окончаніи курса наукъ, присвоиваются степени кандидатовъ или дѣйствительныхъ студентовъ, а на основаніи указа 14-го февраля 1818 года предназначается полученіе классныхъ чиновъ отъ 14-го до 10-го включительно, равно, по проэкту устава, освобожденіе отъ экзаменовъ при производствѣ въ высшіе чины: то, дабы каждый воспитанникъ, по окончаніи курса наукъ въ гимназіи, удостоиваемъ былъ какъ аттестацій и степени кандидата или студента, такъ и назначенія въ которой-либо изъ классныхъ чиновъ справедливымъ образомъ, для достиженія сего вѣрнѣйшимъ средствомъ можетъ служить слѣдующее распоряженіе: 1) каждый профессоръ и учитель долженъ вести ежедневную записку объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и подавать ежемѣсячную о томъ вѣдомость, означая успѣхи и поведеніе «вмѣсто похвалъ» цифрами, а по окончаніи года, предъ испытаніями, годовую съ общей классификаціей учениковъ; 2) по окончаніи каждаго учебнаго года, дѣлать во всѣхъ классахъ, до публичнаго испытанія, строгое испытаніе частное въ присутствіи всѣхъ профессоровъ и учителей, подъ предсѣдательствомъ директора; 3) по

окончаніи частнаго испытанія, производить публичное, «о чёмъ нарочитыми программами обвѣщаются какъ всѣ сословія изъ жителей города, такъ особенно родители питомцевъ»; 4) частное годичное испытаніе производится по билетамъ, въ видѣ краткихъ предложеній, при чёмъ билеты влагаются въ закрытое мѣсто и двое воспитанниковъ вынимаютъ изъ онаго по два предложенія, одинъ отвѣчаетъ, а другой обдумываетъ и приготовляется къ отвѣту; при семъ замѣчается, если воспитанникъ на оба предложенія отвѣчалъ удовлетворительно, то считать его превосходнымъ, въ 1-мъ разрядѣ, если медленно и съ ошибками — во 2-мъ, если отвѣчалъ только на одно предложеніе въ 3-мъ и если не отвѣчалъ вовсе — въ 4-мъ, причёмъ однако должно брать въ уваженіе и различную трудность вопросовъ; 5) публичное испытаніе, во избѣжаніе весьма продолжительнаго времени, располагается съ нѣкоторою удобностію изъ однихъ главныхъ пунктовъ каждой науки или изъ положеній всеобщаго ея обозрѣнія, по предложеніямъ профессора или учителя; равно назначаются чтенія собственныхъ сочиненій воспитанниковъ какъ по словесности россійской и другихъ языковъ, такъ и по прочимъ наукамъ изъ матерій, наиболѣе занимательныхъ; при семъ дозволяется посѣтителямъ отъ себя предлагать вопросы которому пожелаютъ воспитаннику, только сообразные съ положеніями программы. Впрочемъ, если, по случаю, воспитанникъ будетъ или останавливаться, или ошибаться, то изъ всѣхъ прочихъ знающихъ предоставляется свобода встать съ своего мѣста въ знакъ желанія ихъ отвѣчать на предложенный вопросъ — и тогда который-нибудь изъ нихъ къ тому назначается; 6) по окончаніи публичнаго испытанія, воспитанники двухъ первыхъ разрядовъ переводятся въ слѣдующіе классы съ публичною и каждымъ заслуженною похвалою, которая въ спискѣ противъ имени ихъ отмѣчается; третьяго разряда ученики также съ оными переводятся, но не считаются съ оными равными, «и единственно изъ уваженія къ той надеждѣ, что они въ новый учебный годъ могутъ сколько-нибудь сблизиться съ первыми и о семъ тщательно постараются, или самыя ихъ дарованія, имѣя свой естественный ходъ къ разверзанію, какимъ-либо особымъ естественнымъ своимъ раскрытіемъ къ тому будутъ способствовать, или и по случаямъ благодати»; четвёртаго же разряда воспитанники остаются ещё на годъ въ прежнемъ классѣ...

Благодаря такой заботливости директора объ устройствѣ ввѣреннаго ему заведенія, уваженію и довѣрію, которыми онъ пользовался, и, конечно, тому обстоятельству, что Нѣжинская гимназія на огромномъ пространствѣ была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ и притомъ съ интернатомъ, представлявшимъ столько удобствъ окрестному дворянству для помѣщенія своихъ дѣтей и родственниковъ, число учениковъ начало быстро возрастать и къ концу пятилѣтняго управленія Орлая гимназіей достигло до 250.

Такое быстрое возрастаніе числа учениковъ естественно должно было производить значительныя затрудненія въ ходѣ учебнаго дѣла, а потому оно не замедлило обратить на себя вниманіе высшаго начальства. Министръ, въ началѣ 1827 года, въ особомъ отношеніи на имя

почётнаго попечителя гимназіи, выразилъ убѣжденіе, что, «для лучшаго успѣха воспитанниковъ какъ въ наукахъ, такъ и въ языкахъ, нужно положить преграду чрезмѣрному увеличенію числа учениковъ какъ въ классахъ наукъ, такъ и въ отдѣленіяхъ языковъ». Вслѣдствіе того, почётный попечитель предложилъ конференціи къ исполненію слѣдующую мѣру: въ тѣхъ классахъ по наукамъ, или отдѣленіяхъ по языкамъ, въ которыхъ число учащихся достигнетъ 60, остановить пріёмъ вольноприходящихъ и принимать послѣднихъ только въ тѣ классы и отдѣленія, въ которыхъ число учениковъ менѣе 60. Мѣра эта однако не распространялась на пріёмъ пансіонеровъ...

Пансіонеры всѣхъ наименованій, помѣщавшіеся въ самомъ зданіи гимназіи, разумѣется, обращали на себя особенное вниманіе начальства. Непосредственный надзоръ за ихъ поведеніемъ принадлежалъ дежурнымъ надзирателямъ, число которыхъ, съ увеличеніемъ числа пансіонеровъ, съ двухъ, положенныхъ по штату, увеличилось до пяти, а впослѣдствіи, съ 30-го марта 1822 года, кромѣ того, инспектору, не получавшему впрочемъ за-то никакого вознагражденія. Инспекторъ и дежурные надзиратели, по предписанію Орлая, должны были представлять ему ежемѣсячныя вѣдомости съ отмѣтками о поведеніи пансіонеровъ.

Въ своихъ помѣщеніяхъ пансіонеры распредѣлялись по отдѣленіямъ, которыя назывались *музеями*. Число музеевъ первоначально, повидимому, соотвѣтствовало числу отдѣленій и за тѣмъ — классовъ. Съ открытіемъ же высшихъ классовъ, по предложенію Орлая, число музеевъ было ограничено тремя, по числу трёхлѣтій: въ первомъ находились пансіонеры трёхъ высшихъ классовъ, съ надзирателями Зельднеромъ и Аманомъ, во второмъ — пансіонеры только двухъ классовъ, 4-го и 5-го, какъ болѣе многолюдныхъ, съ надзирателями Павловымъ и Филибертомъ, и въ третьемъ — пансіонеры 6-го, 7-го и 8-го классовъ (9-й классъ былъ открытъ только въ 1825 году), съ надзирателями Аманомъ и Періономъ. Цѣль этого распредѣленія воспитанниковъ по музеямъ, какъ она выражена въ предложеніи Орлая, состояла въ предоставленіи надзирателямъ болѣе удобства слѣдить какъ за ихъ поведеніемъ, такъ и за приготовленіемъ къ классамъ, а равно и за практикою въ новыхъ языкахъ. Пансіонеровъ каждаго музея Орлай предлагалъ, кромѣ того, раздѣлить по жребію на двѣ части для того, «чтобы каждый надзиратель наблюдалъ за воспитанниками, доставшимися ему по жребію, въ разсужденіи учебныхъ пособій, бѣлья, одежды, обуви и чистоты тѣла.

Время пансіонеровъ распредѣлено было весьма точно и подробно особыми правилами, составленными Орлаемъ и утверждёнными конференціей. По этимъ правиламъ они должны были вставать въ $5^1/_2$ часовъ «и привѣтствовать гувернёра»; въ $6^1/_2$ часовъ являться на утреннюю молитву и за тѣмъ на чай; полчаса предъ классными занятіями посвящалось чтенію «Новаго Завѣта»; до-обѣденные уроки продолжались отъ 9 до 12 часовъ включительно; за тѣмъ $^1/_4$ часа, передъ обѣдомъ, назначалась «для движенія»; за тѣмъ обѣдъ до часу; 2-й часъ на-

значался «для свободнаго приготовленія къ классамъ, безъ обремененія вольности отдохновенія», 3-й и 4-й часы — на классныя занятія, 5-й — на свободное отдохновеніе; 5 — $5^1/_2$—чай; $5^1/_2$ — $6^1/_2$ — на повтореніе уроковъ; затѣмъ полчаса «для пріятнѣйшаго и благородно-шутливаго препровожденія времени, на чтеніе Лафонтеновыхъ басенъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, съ помощію изъясненій словъ и выраженій гувернёромъ»; $^1/_4$ часа на приготовленіе классныхъ принадлежностей къ слѣдующему дню; $^1/_4$ часа на движеніе передъ ужиномъ; $7^1/_2$ — 8 часовъ — ужинъ; $^1/_4$ часа на движеніе послѣ ужина; $8^1/_4$—$8^3/_4$ — на повтореніе уроковъ; $8^3/_4$ — 9 — вечерняя молитва, послѣ которой пансіонеры «отходятъ къ постелямъ для раздѣванія и положенія себя въ оныхъ»; 9 — $5^1/_2$ — для сна. Въ свободное отъ занятій время воспитанникъ, по желанію, могъ отправиться, «въ сопровожденіи надежнаго человѣка изъ прислуги», къ профессору или учителю для вразумленія въ мѣстахъ, тёмно имъ понимаемыхъ. Въ воскресные и праздничные дни, по полученіи отпуска отъ инспектора, пансіонеры могли отправляться къ родителямъ, родственникамъ или знакомымъ, съ надёжнымъ проводникомъ отъ послѣднихъ. Дисциплинарныя мѣры: совѣтъ надзирателя, выговоръ «съ кроткимъ увѣщаніемъ», наказаніе по усмотрѣнію инспектора; внесеніе въ чорную книгу; «если же кто и послѣ упомянутыхъ наказаній не исправляется и дѣлаетъ грубости, будучи замѣченъ въ томъ многократно, таковой инспекторомъ, по усмотрѣнію, *наказывается болѣе*; о имени же того воспитаника инспекторъ доноситъ директору». Для внесенія имёнъ благонравныхъ воспитанниковъ, «для вознагражденія ихъ за хорошее поведеніе», заведена была «бѣлая книга».

Если и почётный попечитель, и директоръ, обращали особенное вниманіе на обученіе новымъ языкамъ вообще, то они были ещё болѣе озабочены успѣхами пансіонеровъ въ этихъ языкахъ и притомъ въ практическомъ ихъ употребленіи. Съ цѣлію облегчить и ускорить усвоеніе новыхъ языковъ путёмъ практическимъ, назначались въ надзиратели къ пансіонерамъ иностранцы, французъ и нѣмецъ, которые должны были постоянно говорить съ ними на иностранныхъ языкахъ. Съ этою же цѣлію Орлай въ конференціи 1-го ноября 1824 года. предложилъ раздѣлить воспитанниковъ каждаго музея на три разряда: на хорошо объясняющихся на новыхъ языкахъ, средственно и наконецъ мало или ничего не знающихъ. Объ успѣхахъ ихъ надзиратели должны доносить инспектору, а послѣдній — директору. По истеченіи каждаго полугодія, назначались испытанія по новымъ языкамъ въ присутствіи директора и всѣхъ чиновниковъ пансіона гимназіи. По этимъ испытаніямъ директоръ предоставлялъ себѣ отличать ревностнѣйшихъ надзирателей. Почётный попечитель часто обращался къ директору съ особыми отношеніями о непрерывномъ наблюденіи за неуклоннымъ исполненіемъ надзирателями этой обязанности. Напоминанія были впрочемъ излишни, такъ-какъ Орлай и по собственнымъ убѣжденіямъ относился къ этой обязанности надзирателей даже съ избыткомъ усердія и ревности — и почётному попечителю приходилось не разъ умѣрять порывы

этой ревности. Такъ, когда Орлай просилъ о замѣнѣ русскаго надзирателя, Павлова, иностранцемъ, почётный попечитель отвѣчалъ: «находя мнѣніе ваше весьма справедливымъ, что нужно имѣть въ гимназіи гувернёрами иностранцевъ для лучшаго обученія воспитанниковъ иностраннымъ языкамъ, нужнымъ почитаю замѣтить, что столь же необходимо обратить вниманіе на правильное и чистое употребленіе отечественнаго языка, наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произношеніе и выговоръ имѣютъ ощущительную разность; по сему полагаю, что можно съ пользою для питомцевъ гимназіи оставить г. Павлова въ надзирательской должности». Спустя недѣлю по вступленіи въ должность, 8-го ноября 1821 года, Орлай, заявивъ конференціи о необходимости, «чтобы надзиратели во время дежурства не говорили иными языками, какъ иностранными», въ то же время указалъ на необходимость, «чтобы даже служители, всегда окружающіе пансіонеровъ, какъ-то: буфетчикъ и лакеи, знали какой-либо изъ иностранныхъ языковъ», то-есть французскій или нѣмецкій. Не рѣшившись самъ привести въ исполненіе послѣднюю мѣру, онъ обратился за разрѣшеніемъ къ почётному попечителю и получилъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: «что касается до служителей, то не могу вамъ не замѣтить, что, во-первыхъ, выборъ въ оные иностранцевъ сопряженъ съ большими трудностями и даже, можетъ-быть, съ излишними расходами; во-вторыхъ, питомцы гимназіи не должны никогда оставаться безъ надзирателя и какъ можно менѣе имѣть сношенія съ служителями вообще. Не смотря на сіе, если найдутся нѣкоторые французы или нѣмцы, коихъ съ удобностію можно нанимать въ служители гимназіи, то можете ихъ принимать». Съ тою же цѣлію усилить знаніе новыхъ языковъ почётный попечитель требовалъ, чтобы «профессоры словесностей, по крайней мѣрѣ въ четвёртомъ, пятомъ и шестомъ отдѣленіяхъ, преподавали на иностранныхъ языкахъ». Въ приведённыхъ выше «правилахъ распредѣленія времени воспитанниковъ пансіона» съ величайшею заботливостію преслѣдуется та же цѣль: вставши въ $5^1/_2$ часовъ, пансіонеры привѣтствуютъ гувернёра и «разговариваютъ на языкѣ французскомъ, если гувернёръ въ дежурствѣ французъ, или на нѣмецкомъ, если нѣмецъ»; вторые полчаса шестаго «употребляютъ на одѣваніе и умовеніе, причёмъ разговариваютъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ» и такъ далѣе.

По ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ инспектора и надзирателей *о поведеніи* пансіонеровъ можно заключить, что бывали выдающіеся случаи уклоненія отъ установленнаго порядка, лѣности, непослушанія и прочее. Приведу, для примѣра, хотя одно указаніе, въ которомъ довольно видное мѣсто занимаетъ Гоголь. Въ вѣдомостяхъ за февраль 1824 года записано: «многіе изъ учениковъ, особливо перваго и втораго отдѣленія (по языкамъ), отмѣченные въ спискахъ единицею, или ничѣмъ, не успѣли и не успѣваютъ, потому-что приходятъ въ классъ неготовыми и неисправными, то-есть безъ учебныхъ пособій, безъ упражненій и безъ знанія заданныхъ уроковъ. Отмѣтку за поведеніе получили по единицѣ: Яновскій — *за неопрятность*, *шутовство*, *упрямство и неповиновеніе*, Лёвъ Милорадовичь — за совершенное неповиновеніе и дерзость,

Кобеляцкій — за отлично-худую нравственность, которую скрытнымъ образомъ переливать старается своимъ товарищамъ, пріобрѣтая ихъ на свою сторону разными скрытными и непозволительными средствами». Директоръ приказалъ записать въ журналъ конференціи и объявить о томъ пансіонерамъ, а вольноприходящимъ подтвердить, что, если не исправятся, будутъ исключены изъ гимназіи по годичномъ испытаніи и такъ далѣе. Впрочемъ такія замѣчанія попадаются довольно рѣдко, если принять во вниманіе общее число учениковъ. Вообще же, повидимому, поведеніе пансіонеровъ при Орлаѣ не отличалось злокачественнымъ характеромъ, а потому и не часто вызывало начальство на особенно-сильныя дисциплинарныя мѣры. Такъ Гоголь, отмѣченный въ февралѣ за поведеніе единицей, въ мартѣ вёлъ себя «отлично-хорошо». По всему видно, что Орлай съ большимъ тактомъ, какъ истый педагогъ, относился къ воспитательному дѣлу, что воспитанники относились къ нему съ уваженіемъ, довѣріемъ и расположеніемъ, которыя, какъ извѣстно, всегда обезпечиваютъ нормальный порядокъ въ интернатѣ — и мы готовы вѣрить относящимся сюда разсказамъ Кукольника, вообще не чуждымъ гиперболизма.

Подтвержденіемъ для такого заключенія можетъ служить и тò, что поведеніе пансіонеровъ видимо начинаетъ измѣняться къ худшему, причёмъ начинается какое-то тревожное состояніе въ пансіонѣ, послѣдовавшее вслѣдъ за отъѣздомъ Орлая изъ Нѣжина лѣтомъ 1826 года. Жалобы на пансіонеровъ поднимаются одна за другой, начинаются разслѣдованія, примѣняются крутыя мѣры; становится очевиднымъ, что чего-то не стало, что порвались нити, державшія до-сихъ-поръ всё въ порядкѣ, что начинается опять смутное, промежуточное время; въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ инспектора и надзирателей можно замѣтить признаки недовольства излишнею, по ихъ мнѣнію, свободою, предоставленною пансіонерамъ, излишнею снисходительностію директора. Очень вѣроятно, что, съ отъѣздомъ директора, новое начальство начало по-своему прибирать къ рукамъ пансіонеровъ, что и не замедлило породить между ними тревогу и смуту. Можно даже допустить, что предоставленная прежде пансіонерамъ свобода не вполнѣ соотвѣтствовала ихъ возрасту, что бывали случаи злоупотребленія этой свободой, что совокупность этихъ случаевъ бросала тѣнь на порядки, заведённые въ гимназіи; но не подлежитъ сомнѣнію и тò, что общее состояніе пансіона при Орлаѣ было вполнѣ благонадёжно; что авторитетъ Орлая, уваженіе и расположеніе къ нему и учащихъ и учащихся устраняли тотъ вредъ, который, при другихъ условіяхъ, могъ бы произойти отъ частныхъ послабленій, отъ излишней иногда снисходительности. Впрочемъ указанія этого рода на порядки въ пансіонѣ при Орлаѣ идутъ отъ того времени, когда сильно воспламенены были страсти не только между преподавателями, но и между пансіонерами, когда естественны были преувеличенія, а потому имъ и нельзя довѣрять безъ большихъ оговорокъ и ограниченій. Новый инспекторъ, Бѣлоусовъ, опредѣлённый незадолго до отъѣзда Орлая изъ Нѣжина, естественно старается объяснить начавшуюся между пансіонерами тревогу и смуту безпорядками въ пансіонѣ при прежнемъ

инспекторѣ, Моисеевѣ. Послѣдній, энергически отстаивая своё время и основательно опираясь на отсутствіе оффиціальныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ, возлагаетъ всю вину на новаго инспектора. Моисеевъ и его сторонники доносятъ конференціи, что «пансіонеры начинаютъ читать непозволенныя книги; въ классахъ, при задаваемыхъ имъ вопросахъ, оказываются занятыми не столько ученіемъ, сколько выучиваніемъ театральныхъ ролей; что ученики въ городѣ проигрываютъ своё платье въ карты, изъ оконъ пансіона обидно кричатъ и свищутъ на проходящихъ мимо гимназіи благородныхъ дамъ въ сопровожденіи офицеровъ, прохаживаются въ саду въ неблагопристойномъ и безобразномъ видѣ» и такъ далѣе. Бѣлоусовъ въ свою очередь доказываетъ, что распущенность пансіонеровъ достигла крайнихъ предѣловъ ещё при Орлаѣ и при прежнемъ инспекторѣ, что Орлай самъ признавалъ необходимость ихъ укрощенія и съ этою цѣлію убѣдилъ его принять на себя должность инспектора. «Я долго отказывался отъ предложенной мнѣ должности», пишетъ Бѣлоусовъ, «ибо видѣлъ, сколько труда, безпокойства и непріятностей должно было переносить при столь развращённомъ состояніи пансіона; но когда сей почтенный своими заслугами въ нашемъ отечествѣ мужъ началъ меня почти со слезами убѣждать, представляя и гибель юношества, и обманутую надежду родителей, и пагубу, угрожающую цѣлому заведенію, присовокупляя, что на меня только онъ единственно полагаетъ надежду — тогда только я рѣшился принять на себя тяжкое бремя. Богъ помогъ мнѣ въ сёмъ моёмъ подвигѣ — и въ то время, когда подавлено ужаснѣйшее буйство пансіонеровъ, когда они не только потеряли навыкъ, но и не думаютъ, какъ прежде было, бродить толпами по трактирамъ для пьянства, по подозрительнымъ мѣстамъ для произведенія постыдныхъ безчинствъ, когда не видны болѣе въ музеяхъ толпы юнкеровъ, извнѣ приносившихъ съ собою неопытнымъ дѣтямъ всякого рода развратъ, когда вмѣсто прежняго занятія пущаніемъ ракетъ въ саду и музеяхъ и стрѣльбою, бродя по Магеркамъ, они занимаются науками, или забавляются приличными и позволенными имъ играми, когда скромность и послушаніе отличаютъ пансіонеровъ предъ прочими, вздумали утверждать, что за пансіонерами нѣтъ надлежащаго смотрѣнія со стороны инспектора». Въ другомъ рапортѣ Бѣлоусовъ доноситъ конференціи, что враждебные ему преподаватели «вооружаютъ противъ него не только надзирателей и воспитанниковъ пансіона, но даже и служителей онаго», говоритъ даже о нѣкоторыхъ старшихъ профессорахъ, «извѣстныхъ своимъ непохвальнымъ и даже пагубнымъ для юношей поведеніемъ, или неисправнымъ исполненіемъ своей должности, соединившихся совокупными силами препятствовать его добрымъ намѣреніямъ».

Главными распространителями безпорядковъ въ пансіонѣ были *вольноприходящіе ученики*, число которыхъ, какъ мы видѣли, увеличивалось съ каждымъ годомъ и даже имѣло вредное вліяніе на ходъ обученія. Жизнь при совершенно иныхъ условіяхъ, большая свобода и безнаказанность и притомъ непрерывное общеніе съ пансіонерами — всё это не могло не отражаться на порядкахъ пансіона. Вскорѣ по прибытіи

въ Нѣжинъ, Орлай обратилъ вниманіе на положеніе вольноприходящихъ учениковъ. Въ конференціи 24-го января 1822 года онъ заявилъ, что «необходимо поручить общее надъ ними смотрѣніе надзирателямъ Зельднеру и Аману, съ тѣмъ, чтобы они ежели не каждодневно, то покрайней-мѣрѣ нѣсколько разъ въ недѣлю обходили и осматривали ихъ по квартирамъ, замѣчая ихъ занятія и удобность самыхъ квартиръ». При Орлаѣ не оказывалось большихъ безпорядковъ и между вольноприходящими. Иное дѣло послѣ. Орлай былъ утвержденъ директоромъ Одесскаго Лицея 1-го августа 1826 года, а 28-го августа надзиратель Аманъ въ мѣсячномъ рапортѣ жалуется на буйство и безнравственность вольноприходящихъ, на вредное вліяніе ихъ на пансіонеровъ. «Извѣстно, доноситъ онъ конференціи, что бо̀льшая часть вольноприходящихъ суть дѣти, происходящія отъ родителей низкаго состоянія не имѣющія ни малѣйшаго понятія о благовоспитаніи, да и квартиры ихъ у хозяевъ съ дурными правилами, а потому они дѣлаются самыми развратными». Сообщество ихъ съ пансіонерами, по мнѣнію Амана, имѣло своимъ послѣдствіемъ то̀, что послѣдніе часто оказывались пьяными, уходили безъ позволенія въ городъ и укрывались въ квартирахъ вольноприходящихъ, что зачастую стала обнаруживаться дерзость въ обращеніи съ надзирателями и буйство въ классахъ во время перемѣнъ, что у пансіонеровъ стали появляться непозволительные стихи и книги, огнестрѣльное оружіе, порохъ, изъ котораго они дѣлали шутихи и такъ далѣе. Въ заключеніе, Аманъ проситъ принять мѣры и назначить особыхъ чиновниковъ для наблюденія за нравственностью вольноприходящихъ. Въ октябрѣ назначенъ исправляющимъ должность директора старшій профессоръ математическихъ наукъ Шапалинскій, а 25-го октября Бѣлоусовъ донёсъ, что «нѣкоторые воспитанники пансіона, скрываясь отъ начальства, пишутъ стихи, не показывающіе чистой нравственности, и читаютъ ихъ между собою, читаютъ книги неприличныя для ихъ возраста, держать у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ». Дѣло дошло до почётнаго попечителя, который въ то время находился въ Черниговѣ. Отношеніемъ отъ 31-го октября онъ предписываетъ произвести строжайшее изслѣдованіе, откуда воспитанники достаютъ непозволительныя сочиненія. Въ ноябрской мѣсячной вѣдомости инспекторъ донёсъ, что нравственность пансіонеровъ начинаетъ исправляться и что они «подаютъ надежду къ лучшему нравственному поведенію». Въ этой вѣдомости Кукольникъ остался совсѣмъ безъ отмѣтки по поведенію и получилъ слѣдующую аттестацію: «характеръ его исполненъ величайшихъ неровностей, а потому весьма трудно ему исправиться». Къ рапорту инспектора 14-го ноября приложенъ отрывокъ рукописной оды Пушкина «На свободу», отнятый у пансіонера Гребёнкина, а въ рапортѣ 20-го ноября замѣчено, что пансіонеръ Данилевскій посаженъ на послѣднее мѣсто за то̀, что «пѣлъ пѣсенку, давно сочинённую противъ надзирателя Зельднера» и такъ далѣе. Безпорядки не прекращались и, повидимому, поддерживались сильными раздорами, возникшими вслѣдъ за тѣмъ между преподавателями. 7-го мая 1827 года старшій профессоръ политическихъ наукъ, Билевичъ,

подалъ въ конференцію рапортъ съ яркимъ изображеніемъ буйства пансіонеровъ и вольноприходящихъ, послабленій со стороны надзирателей и нравонаблюдателей и самого инспектора, который при томъ самъ и его лекціи по естественному праву обличаются въ вольнодумствѣ. Этотъ рапортъ достопамятенъ въ исторіи гимназіи высшихъ наукъ тѣмъ, что послужилъ исходной точкой для разыгравшейся вслѣдъ за тѣмъ длинной и шумной исторіи, окончившейся весьма печально для нѣкоторыхъ преподавателей.

Институтъ вольноприходящихъ учениковъ не входилъ въ первоначальный планъ устройства гимназіи и возникъ впослѣдствіи по особому ходатайству Орлая. Н. В. Кукольникъ, въ біографіи Орлая, говоритъ что этотъ институтъ «много содѣйствовалъ нарочитому возвышенію заведенія.» Мнѣніе это справедливо въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе многочисленности вольноприходящихъ, расширялись размѣры образовательной дѣятельности гимназіи и распространялась извѣстность послѣдней; но нельзя не пожалѣть, что, при самомъ возникновеніи института, не были приняты энергическія мѣры для его организаціи: не былъ установленъ надзоръ съ достаточнымъ для того числомъ лицъ, не были устроены общія квартиры и такъ далѣе. Даже преподаватели и надзиратели, за весьма немногими исключеніями, не содержали у себя учениковъ съ обязанностію наблюденія за ними въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ и, повидимому, имѣли къ тому основанія: въ дѣлахъ архива сохранились указанія на содержаніе немногихъ учениковъ надзирателями Аманомъ и Зельднеромъ, возбуждавшее въ то время вопросы и сомнѣнія.

Одна изъ первыхъ бумагъ, полученныхъ Орлаемъ по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, заключала въ себѣ запросъ окружнаго попечителя: «какъ осмѣлились надзиратели, Аманъ и Зельднеръ, завести пансіонъ въ Нѣжинѣ». Оказалось, что въ это время у обоихъ надзирателей было девять пансіонеровъ и три полупансіонера. Орлай донёсъ, что означенные надзиратели занимаются только приготовленіемъ въ гимназію учениковъ, помѣщающихся у нихъ на квартирахъ. Попечитель не нашолъ «никакой надобности воспрещать помянутымъ чиновникамъ имѣть у себя нѣсколькихъ питомцевъ въ родѣ квартирантовъ, находящихся подъ одною ихъ инспекціею», причёмъ поручилъ директору строго наблюдать, «чтобы въ Нѣжинѣ никто не учреждалъ мужского пансіона, могущаго дѣлать вредъ самой гимназіи». Въ началѣ 1822 года заѣхалъ въ Нѣжинъ къ своему дядѣ, Томарѣ помѣщикъ Краснокутскій и послалъ за своимъ племянникомъ, жившимъ у Амана и Зельднера, «содержателей какого-то пансіона при гимназіи». Племянника не пустили и Томара объяснилъ, что ему запрещено къ нему ходить, что онъ даже получилъ отъ племянника Краснокутскаго дерзкое письмо, совершенно противное правиламъ почтительности къ родственникамъ», написанное, какъ объяснялъ Томара, по наущенію надзирателей. Всё это Краснокутскій изложилъ въ письмѣ къ попечителю и, кромѣ того, сообщилъ о дошедшемъ до него слухѣ, «что нѣкоторые изъ сихъ молодыхъ воспитанниковъ заражены венерическою болѣзнію». Въ ту же ми-

нуту», такъ заключается письмо, «племянникъ былъ удалёнъ отъ чуждыхъ сихъ пришельцевъ, такъ-какъ они въ ничто вмѣняютъ священное уваженіе дѣтей къ родителямъ». Попечитель препроводилъ письмо въ подлинникѣ къ Орлаю и потребовалъ заключенія — заслуживаютъ ли Аманъ и Зельднеръ по своимъ нравственнымъ качествамъ быть квартиросодержателями. Директоръ въ свою очередь, въ отвѣтъ на письмо, препроводилъ къ попечителю объясненіе Амана и Зельднера, что «родителямъ содержимыхъ ими дѣтей извѣстно, что они всегда въ связяхъ общежитія вели себя благородно и отличались добронравіемъ, почему многіе изъ родителей ввѣряли имъ дѣтей своихъ для наставническаго смотрѣнія и упражненія въ иностранныхъ языкахъ, что таковое довѣріе всегда было оправдываемо особеннымъ о дѣтяхъ попеченіемъ, что съ своей стороны родители находятъ оное таковымъ, каковаго только желать имъ можно» — и такъ далѣе. Въ оправданіе приложено нѣсколько одобрительныхъ свидѣтельствъ отъ «значительныхъ» дворянъ Нѣжина и его окрестностей. Дѣло это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Неблагопріятные слухи и отзывы о поведеніи вольноприходящихъ учениковъ сильно озабочивали почётнаго попечителя и окружное начальство, тѣмъ болѣе, что мѣстное дворянство, мнѣніемъ котораго гимназія должна была дорожить, такъ-какъ это мнѣніе могло отражаться на комплектѣ пансіонеровъ, не было въ состояніи отдѣлять послѣднихъ отъ вольноприходящихъ. Чтобы оградить репутацію и интересы пансіона, почётный попечитель въ маѣ 1824 года обратился къ министру съ просьбою обязать вольноприходящихъ особою формою одежды, отличною отъ формы пансіонеровъ, «на тотъ конецъ, чтобы поступки вольноприходящихъ учениковъ, живущихъ въ городѣ безъ особаго присмотра, не были относимы на счётъ пансіонеровъ и чтобы сіе не наносило нареканія родителей ихъ и сомнѣнія въ поведеніи воспитанниковъ гимназіи, которое состоитъ на совершенной отвѣтственности начальства оной». Министръ однако не призналъ эту мѣру удобною, «такъ-какъ многіе ученики могли быть недостаточнаго состоянія; при томъ пансіонеры, писалъ министръ, имѣющіе мундиры, тѣмъ самымъ отличаются отъ вольноприходящихъ, не имѣющихъ послѣднихъ; необходимо только строго наблюдать, чтобы пансіонеры не появлялись въ городѣ безъ мундировъ».

Въ числѣ пансіонеровъ первыхъ пріёмовъ находились, какъ извѣстно, Гоголь и Кукольникъ. Собранныя въ мѣстномъ архивѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ пребываніи въ гимназіи имѣютъ понятный интересъ и сообщаютъ самой исторіи гимназіи за ихъ время большое значеніе. Къ нимъ должно присоединить и почтеннаго писателя и профессора-юриста, П. Г. Рѣдкина. О нёмъ впрочемъ не придётся говорить много: такъ у него всё обстояло благополучно, такъ скромно, тихо и въ то же время производительно протекла его жизнь въ гимназіи. И по поведенію, и по успѣхамъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, и то по предметамъ несущественнымъ, въ родѣ рисованія, онъ получалъ всегда отмѣтки высшаго достоинства: онѣ, такъ сказать,

встрѣтили его въ гимназіи, сопровождали его во всё время пребыванія въ ней, онѣ же и проводили его изъ гимназіи.

Опредѣливши сына сначала своекоштнымъ пансіонеромъ, отецъ Гоголя въ слѣдъ за тѣмъ началъ хлопотать о помѣщеніи его на казённое содержаніе, безъ сомнѣнія, будучи не въ состояніи платить за него ежегодно тысячу рублей. Почётный попечитель, въ отношеніи отъ 3-го марта 1822 года, предложилъ директору «состоящаго нынѣ въ гимназіи высшихъ наукъ пансіонеромъ *Василья Гогольяновскаго сына 1-на коллежскаго ассесора Гогольяновскаго* включить въ число воспитанниковъ, содержимыхъ на гимназіальномъ иждивеніи. Въ общемъ спискѣ всѣхъ пансіонеровъ, отъ 5-го августа 1820 года по 1-е января 1824 года, время поступленія Гоголя въ казённые пансіонеры означено 1-е іюля 1822 года, то-есть концомъ учебнаго года; затѣмъ во всё время пребыванія въ гимназіи Гоголь состоялъ на казённомъ содержаніи.

Гоголь, какъ извѣстно, плохо учился въ гимназіи и вёлъ себя не всегда одобрительно. Такъ отзывались о нёмъ и его товарищи и нѣкоторые преподаватели, и наконецъ онъ самъ неоднократно жаловался на потерянное время въ гимназіи.

Въ одномъ письмѣ къ матери отъ 1-го марта 1828 года, слѣдовательно ровно за четыре мѣсяца до окончанія курса, Гоголь весьма недоброжелательно отзывается о заведеніи, въ которомъ онъ обучался въ теченіе семи лѣтъ. «Я не говорилъ вамъ никогда», пишетъ онъ, «что утерялъ цѣлыя *шесть* лѣтъ даромъ. Скажу только, что надо удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать ещё. Я не тревожилъ васъ увѣдомленіемъ объ этомъ, зная, что лучшаго воспитанія вы дать мнѣ были не въ состояніи и что не во всякое заведеніе можно было такъ счастливо на казённый счётъ попасть. Кромѣ неискуснаго преподаванія наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и прочее, здѣсь языкамъ совершенно не учатъ. Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія, если не совершенно достигъ того, что мнѣ нужно. У меня не было другихъ путеводителей. кромѣ меня самого, а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди ещё много, силы и стараніе имѣю.»

Какъ смотрѣть на этотъ отзывъ Гоголя о гимназіи? Нѣтъ сомнѣнія, что весь онъ отличается крайнимъ преувеличеніемъ, всѣми признаками мрачнаго настроенія духа, овладѣвшаго Гоголемъ передъ наступавшимъ экзаменомъ, когда приходилось сводить счёты за потерянное время, за небрежность и лѣнность, въ виду возможной неудачи экзамена, или не полной удачи. Любопытно сопоставить эту характеристику заведенія съ характеристикой почти товарища его, Кукольника, повидимому, также не чуждой преувеличенія. «Съ прибытіемъ Орлая въ Нѣжинъ», говоритъ Кукольникъ, «гимназія получила внѣшнюю и внутреннюю организацію, которая имѣла весьма хорошія послѣдствія, Заведеніе пріобрѣло характеръ своеобразный, самостоятельный... У насъ

многіе гнушались проходить исторію по Кайданову. Крестовые походы проходятъ — и всѣ читаютъ Мишо и отвѣчаютъ иногда къ видимому смущенію учёности профессора; проходятъ ли исторію тридцатилѣтней войны — всѣ читаютъ собственный переводъ Шиллера; во время преподаванія исторіи римскаго права были ученики, которые могли разсказать внутреннюю домашнюю жизнь римлянъ, какъ-будто сами тамъ и въ тоже время жили, а самое право учили по римскому своду законовъ, то-есть по Юстиніановымъ институціямъ на языкѣ подлинника; да и вообще многіе предметы проходили ex fontibus. Есть живые свидѣтели. И всѣмъ этимъ мы были обязаны духу заведенія, тому высокому, поэтическому и весёлому направленію, которое въ воспитанниковъ умѣлъ вдохнуть достойный начальникъ.» И тамъ и здѣсь преувеличеніе. Гдѣ же правда? Правда, конечно, въ среднемъ, примиряющемъ обѣ крайности, мнѣніи; правда въ томъ, что гимназія высшихъ наукъ была не блестящимъ, но и никакъ не глупымъ заведеніемъ, съ безспорно даровитымъ и преданнымъ своему дѣлу педагогомъ во главѣ, съ наставниками, тоже не блестящими, но и не глупыми, такими, какіе были въ то время возможны и какіе составляли большинство во всѣхъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и университетовъ. Оправданіемъ этого заключенія можетъ служить всё предлагаемое обозрѣніе хода обученія въ гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Гоголь, когда писалъ письмо, чувствовалъ сильную потребность оправдать себя передъ матерью, оправдать сдѣланные имъ расходы изъ ея небольшихъ средствъ, а для этого оправданія ему нужно было найти мѣсто, куда бы онъ могъ сложить безотвѣтственно собственные грѣхи — и этимъ мѣстомъ ему послужило заведеніе, въ которомъ онъ воспитывался семь лѣтъ. Гоголь пишетъ, что онъ тратилъ деньги на учебныя пособія и въ одномъ письмѣ къ матери проситъ её выслать для этой цѣли 60 рублей. Учебныя пособія были и даже, какъ увѣряетъ Кукольникъ, первые источники; тратилъ же онъ деньги, по собственному признанію въ другихъ письмахъ, между прочимъ, на покупку литературныхъ произведеній, иностранныхъ и появлявшихся тогда русскихъ. Гоголь пишетъ, что языкамъ въ гимназіи не учили, а между-тѣмъ учили имъ и французы Аманъ и Ландражинъ, и нѣмцы Зельднеръ и Зингеръ, учили, безъ сомнѣнія, такъ, какъ до-сихъ-поръ учатъ французы и нѣмцы во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и университетовъ. Кто хотѣлъ учиться, могъ выучиться, особенно при нѣкоторой долѣ самостоятельнаго труда. Интересно, что не болѣе какъ за полгода наиболѣе уважаемый воспитанниками старшихъ классовъ профессоръ Бѣлоусовъ вотъ что писалъ по поводу экзаменовъ въ іюнѣ 1828 года: «Тѣ профессоры, кои знаютъ предметы, ими преподаваемые, съ удовольствіемъ принимали предлагаемые мною вопросы; ибо гдѣ болѣе можетъ преподающій показать своё стараніе и успѣхи своихъ учениковъ, какъ не при испытаніи. Профессоръ французской словесности самъ приходилъ меня приглашать на экзамены учениковъ 5-го и 6-го отдѣленій и, по приходѣ моёмъ, объявивъ, что у него пройдено, просилъ меня спрашивать, кого и какъ угодно. И дѣйствительно я ихъ испытывалъ одинъ, причёмъ были и посторонніе свидѣтели, оставшіеся

весьма довольными симъ экзаменомъ.» Замѣтимъ также, что въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ надзиратели часто жалуются на небрежное отношеніе учениковъ къ новымъ языкамъ. Такъ въ вѣдомости отъ 13-го марта 1826 года заявлено, что нѣкоторые воспитанники или рѣдко, или вовсе не ходятъ на уроки по языкамъ; въ числѣ ихъ поименованъ и Гоголь. Вообще, даже независимо отъ учебныхъ занятій въ тѣсномъ смыслѣ, нельзя утверждать, что семь лѣтъ, проведённыхъ въ гимназіи Гоголемъ, были потеряннымъ временемъ: сообщество товарищей, непрерывный обмѣнъ мыслей и чувствъ, удовлетвореніе возникавшимъ литературнымъ наклонностямъ, товарищеская оцѣнка его первоначальныхъ литературныхъ опытовъ—всё это питало, возбуждало и укрѣпляло дарованія Гоголя и приготовляло ихъ къ послѣдующему блестящему выраженію безъ вѣдома самого обладателя дарованій. Письмо, очевидно, тенденціозно и написано въ мрачномъ расположеніи духа; оно можетъ служить доказательствомъ того, какъ рано Гоголь началъ обнаруживать наклонность къ крайнимъ увлеченіямъ въ оцѣнкѣ явленій своей собственной жизни.

Что касается въ частности отмѣтокъ Гоголя по успѣхамъ и поведенію, то онѣ, послѣ внимательнаго ихъ пересмотра отъ поступленія его въ гимназію до выхода изъ нея, для рѣшенія вопроса о достоинствѣ его школьнаго образованія, можетъ быть разрѣшонъ довольно вѣрно по отмѣткамъ, пересмотръ которыхъ, подкрѣплённый соображеніями о дарованіяхъ Гоголя, приводитъ къ заключенію, что онъ относился къ дѣлу небрежно и лѣниво — и въ этомъ смыслѣ должно понимать его признаніе о потерянномъ времени; но, говоря вообще, отмѣтки вовсе не такъ плохи, какъ можно бы было предположить по приведеннымъ выше печатнымъ отзывамъ о занятіяхъ Гоголя: между вовсе не такъ частыми двойками и единицами и частыми тройками встрѣчается нерѣдко и отмѣтка 4, особенно по словесности, исторіи и географіи и даже естественной исторіи и физикѣ. Что тройки давались Гоголю легко — этому можно вѣрить; но несправедливо заключеніе, будто онъ ничему не научился въ гимназіи, если допустить нѣкоторую точность въ оцѣнкѣ познаній отмѣтками. Новые языки и математика дѣйствительно оказываются слабѣе остальныхъ предметовъ. Въ послѣднее трехлѣтіе вообще замѣтно значительное улучшеніе въ отмѣткахъ.

Поведеніе Гоголя, какъ замѣчено выше, было не всегда одобрительно. Особыя аттестаціи въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ, въ родѣ слѣдующихъ: «непослушенъ, очень требуетъ исправленія, дерзокъ, грубъ, неопрятенъ» и прочее приведены и въ книгѣ Кулиша. Въ мѣстномъ архивѣ, кромѣ того, сохранились свѣдѣнія о двухъ случаяхъ, подавшихъ поводъ къ особымъ донесеніямъ въ конференцію о поведеніи Гоголя. Оба случая находятся въ связи съ заведёнными въ гимназіи театральными представленіями.

О театрѣ въ Нѣжинской гимназіи и его успѣхахъ, о горячемъ участіи въ нёмъ Гоголя, доходившемъ до увлеченія, было говорено неоднократно. О нёмъ распространяется съ большимъ увлеченіемъ самъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ къ матери отъ 26-го февраля 1827 года, напе-

чатанномъ въ книгѣ г. Кулиша. Возникъ театръ послѣ Орлая и до пріѣзда въ Нѣжинъ его преемника, Ясновскаго, въ началѣ 1827 года, во время исправленія должности директора профессоромъ Шапалинскимъ. Если принять во вниманіе встрѣчающіяся въ это время въ рапортахъ надзирателей, инспектора и даже профессоровъ заявленія о поведеніи воспитанниковъ, указывающія на недовольство предоставленною имъ значительною свободою и происходившею отсюда небрежностію въ отношеніяхъ къ лицамъ, обязаннымъ слѣдить за ихъ поведеніемъ, если принять во вниманіе намёки Кукольника на то же недовольство, то легко понять, почему новая театральная затѣя, заведённая притомъ по почину лица, имѣвшаго своихъ недоброжелателей въ средѣ сослуживцевъ, была встрѣчена далеко не общимъ сочувствіемъ, почему было не мало лицъ, относившихся къ ней съ явнымъ неудовольствіемъ. Ещё 29-го января 1827 года профессоръ Билевичь донёсъ конференціи, что утромъ этого дня, услышавъ стукъ возлѣ классовъ, онъ отправился туда и нашолъ работающихъ плотниковъ, а также приготовленія къ театру, кулисы, палатки и возвышенные для сцены полы. «А такъ-какъ таковыя театральныя представленія въ учебныхъ заведеніяхъ», пишетъ Билевичь, «не могутъ быть допущены безъ особаго дозволенія высшаго начальства, то дабы мнѣ, какъ члену конференціи, на которой лежитъ отвѣтственность смотрѣнія за нравственнымъ воспитаніемъ обучающагося юношества, безвинно не отвѣтствовать за моё о сёмъ молчаніе передъ высшимъ начальствомъ, въ случаѣ отъ онаго нѣтъ на это особаго позволенія, доводя о сёмъ до свѣдѣнія конференціи, всепокорнѣйше оную прошу увольнить меня по сему предмету отъ всякой отвѣтственности и, записавъ сіе моё прошеніе въ журналъ конференціи, учинить о томъ надлежащее опредѣленіе и донести о послѣдствіи сего гг. окружному и почётному попечителямъ, ежели не имѣется на то отъ нихъ позволенія.» Исправляющій должность директора Шапалинскій сдѣлалъ слѣдующую надпись на этомъ прошеніи: «такъ-какъ отъ 28-го декабря истекшаго 1826 года послѣдовало на моё имя позволеніе высшаго начальства, то симъ профессору Билевичу и объясняется о бытности сего позволенія.» 16-го апрѣля того же года профессоръ россійской словесности, Никольскій, представилъ въ конференцію длинный, написанный по всѣмъ правиламъ реторики, рапортъ о разныхъ предметахъ и, въ числѣ ихъ, о театрѣ. «Публичный театръ гимназіи», пишетъ Никольскій, «который безъ строжайшаго разсматриванія и выбора пьесъ вмѣсто какой-либо пользы одинъ только вредъ принести можетъ, по какому поводу, кѣмъ и съ чьего дозволенія открытъ, такъ-какъ ни мнѣ, ни другимъ членамъ конференціи о томъ неизвѣстно, и имѣется ли отъ начальства на заведеніе сего театра разрѣшеніе, или не имѣется. Ежели не имѣется, то по чьему разрѣшенію открыты здѣсь оныя театральныя зрѣлища; если же имѣется, то для чего оно скрыто или утаено отъ конференціи, на которую предписаніемъ его сіятельства и уставомъ гимназіи возложена общая строгая отвѣтственность за поведеніе и за порядокъ дѣйствій обучающагося юношества; посему, въ случаѣ какихъ-либо по тому предмету востребованій, кто берётъ на себя за-то отвѣтствовать.

Притомъ, ежели бы подлинно находилось разрѣшеніе начальства на заведеніе театра, то кому предоставленъ выборъ театральныхъ сочиненій для назначенія къ разыгрыванію — вообще ли конференціи, или частно которому-либо изъ членовъ оной. Ежели сіе кому-либо частно одному предоставлено, то для чего конференціи за извѣстіе о томъ знать не дано; если же вообще предоставленъ выборъ пьесъ всей конференціи, то для чего и кѣмъ, безъ вѣдома оной, назначаемы были театральныя пьесы, *кои уже шесть разъ разыгрывались, при стеченіи немалой публики, и притомъ разыгрывались, какъ слышно, съ какими-то собственными, только неизвѣстно чьими, дополненіями и прибавленіями.* Между тѣмъ, поелику неизвѣстна цѣль заведенія здѣсь театральныхъ зрѣлищъ, то объ оной остаётся только догадываться, и по догадкѣ кажется, едва ли не для того особенно приглашается публика на зрѣлищныя представленія, чтобы наиболѣе выиграть ея вниманіе, по вниманію расположить и по расположенію заохотить отдавать дѣтей въ пансіонъ гимназическій. Впрочемъ ежели подлинно есть желаніе привлечь публику для славы и пользы сего заведенія, то къ этому есть мѣры благовиднѣйшія, благороднѣйшія, а потому вѣрнѣйшія и дѣйствительнѣйшія, которыя, если бы благоугодно было принять, я готовъ изобразить и представить особымъ мнѣніемъ.» Въ заключеніе, Никольскій проситъ представить всѣ его соображенія на благоусмотрѣніе обоихъ попечителей. Конференція, однако, въ большинствѣ членовъ, осталась при прежнемъ мнѣніи въ пользу театра и даже не полюбопытствовала узнать, въ чёмъ состояли благороднѣйшія и вѣрнѣйшія средства къ привлеченію публики въ гимназію, которыя такъ обязательно предлагалъ Никольскій. Такое невниманіе къ протесту противъ «зрѣлищныхъ представленій» ещё болѣе раздражило противниковъ театра. Взаимное раздраженіе усиливалось быстро и, что въ особенности прискорбно, сообщалось воспитанникамъ, стоявшимъ горячо за театръ.

Между послѣдними первое мѣсто занималъ Гоголь — и этимъ обстоятельствомъ больше всего должно объяснять раздраженіе его противъ наставниковъ, ратовавшихъ въ конференціи противъ театра.

7-го мая 1827 года профессоръ Билевичь подалъ въ конференцію пространный рапортъ, съ котораго начинается длинная и шумная исторія, окончившаяся трагически для нѣкоторыхъ преподавателей. Въ нёмъ заключался доносъ на буйство пансіонеровъ и вольноприходящихъ, на вольнодумство, распространяемое между ними профессоромъ Бѣлоусовымъ на лекціяхъ естественнаго права, на послабленія надзирателей, нравонаблюдателей (такъ назывались надзиратели за вольноприходящими учениками) и самого инспектора, того же Бѣлоусова. Такъ-какъ та часть рапорта, которая касается поведенія пансіонеровъ и театра, какъ и слѣдовавшій за тѣмъ рапортъ Билевича, характеризуютъ настроеніе Гоголя не задолго до окончанія имъ курса въ гимназіи, а равно и среду, въ которой онъ находился, то я остановлюсь на нихъ съ нѣкоторою подробностію.

27-го апрѣля Билевичь, увидѣвши въ корридорѣ толпу учениковъ, окружавшую учителя русскаго языка и нравонаблюдателя Персидскаго,

котораго только-что «съ намѣреніемъ толкнулъ въ бокъ ученикъ Григоровъ», приказалъ всѣмъ разойтись по классамъ, что и было исполнено. Въ это время проходилъ по корридору мимо Билевича пансіонеръ Яновскій, который на вопросъ Билевича, почему онъ не въ классѣ, отвѣчалъ, что «въ 8-мъ классѣ ученія нѣтъ, ибо Бѣлоусовъ не будетъ въ классѣ».—«Вотъ смотрите», сказалъ находившійся тутъ экзекуторъ и тоже нравонаблюдатель, «какое неуваженіе воспитанниковъ къ своимъ наставникамъ: не захотѣлъ и остановиться, когда его спрашивали.» — «Потому-то и должно дѣтей на квартирахъ ихъ и на всякомъ мѣстѣ наставлять и къ учтивости пріучать», замѣтилъ Билевичъ, посмотрѣвшій на поступокъ Гоголя, какъ на одну вѣтренность. — «Что же мы можемъ успѣть», сказалъ нравонаблюдатель, «когда не всѣ такъ дѣлаютъ, какъ должно. Иные наставники часто съ учениками, побравшись подъ руки, по корридору прохаживаютъ и слишкомъ фамиліарно съ ними обращаются.» — «Не хорошо дѣло идётъ», сказалъ Билевичъ, потому-что надзиратели и нравонаблюдатели въ общемъ дѣлѣ раздѣляютъ смотрѣніе за учениками», причёмъ старался обратить особенное вниманіе на поведеніе учениковъ, «ибо неблагопріятные для всѣхъ насъ слышны толки на-счётъ поступковъ учениковъ, особливо пансіонеровъ, а междутѣмъ мы и сами знаемъ, что нѣкоторые ученики изъ пансіонеровъ въ городѣ проигрывали въ карты шинели, или, проигравшись въ карты и и не имѣя чѣмъ заплатить, постыдно уходили» — и такъ далѣе.

Интереснѣе другой рапортъ Билевича, касающійся поведенія Гоголя, отъ 2-го октября 1827 года. «26-го сентября, пополудни, въ началѣ 5-го часа», пишетъ Билевичъ, «когда я и Іеропесъ (профессоръ греческаго языка), возвращаясь отъ библіотеки, не нашедъ оную отпертою, шли по корридору, къ классамъ ведущему, и, примѣтивъ какого-то ученика, бѣжавшаго и за углы прятавшагося, пожелали узнать, кто таковъ оный ученикъ; но ученикъ тотъ съ поспѣшностію бросился къ дверямъ той залы, въ которой учреждёнъ театръ, и приклонившись къ замку тѣхъ дверей, позвалъ кого-то извнутри и, сказавъ довольно вслухъ «свой», былъ тотчасъ впущенъ въ оную залу; послѣ чего дверь опять съ поспѣшностію затворили и ключомъ извнутри заперли.» Дверь была отперта только по требованію призваннаго экзекутора. Вошедши въ залу театра, увидѣли въ ней одного Яновскаго, остальныхъ же четверыхъ пансіонеровъ нашли спрятавшимися за кулисами. Когда Билевичъ спросилъ Яновскаго, зачѣмъ они прятались и не отворяли дверей, Яновскій вмѣсто должнаго вины своей сознанія началъ съ необыкновенною дерзостью отвѣчать мнѣ разныя свои сужденія и притомъ болѣе чѣмъ позволяли ученическія границы благопристойности. Я, видя его разгорячонность и даже колкость въ преслѣдованіи меня, вмѣсто наставленій, ему до сего дѣланныхъ, началъ уже просить его, чтобы онъ оставилъ меня; но онъ, какъ бы не слыша сего, съ упорствомъ до дверей и за двери преслѣдовалъ меня, съ необыкновенною дерзостію кричалъ противъ меня и симъ возродилъ во мнѣ опасеніе, не разгорячонъ ли онъ какимъ крѣпкимъ напиткомъ; почему я, обратясь къ экзекутору, сказалъ: «да не пьянъ ли онъ». Экзекуторъ отвѣчалъ мнѣ

что онъ не пьянъ; я же не могъ иначе объ нёмъ заключить, видя его необычайную дерзость и странное его объясненіе; притомъ ещё и потому, что я его, Яновскаго, давно уже знаю въ семъ заведеніи и никогда такъ дерзкимъ и наглымъ не видалъ.» Предложивъ за тѣмъ мнѣніе, что не должно оставлять пансіонеровъ безъ надзирателя «особливо внѣ музеевъ и внѣ спаленъ», Билевичъ заключаетъ: «въ разсужденіи же дерзкаго противу меня поступка, сдѣланнаго ученикомъ Яновскимъ, я оставляю его у себя на замѣчаніи впредь до его исправленія».

Исправляющій должность директора, Шапалинскій, державшій сторону Бѣлоусова и крайне раздражонный непрерывными доносами Билевича, узнавъ о происшествіи 26-го сентября, немедленно, въ восемь часовъ вечера, созвалъ чрезвычайное собраніе конференціи, пригласивъ и доктора Фибинга для удостовѣренія, дѣйствительно ли Гоголь былъ въ нетрезвомъ видѣ. «Господинъ исправляющій должность директора», записано въ журналѣ конференціи, «намѣренъ дѣйствовать рѣшительно и въ полной конференціи произвесть слѣдствіе». Послѣ изложенія происшествія Билевичемъ, «введены были въ конференцію обвиняемые пансіонеры Марковъ, Яновскій, Гютень, Тимоѳей и Андрей Пащенковы по одиночкѣ и на спросъ о случившемся показали: когда въ театръ къ нимъ кто-то стучался, не объявляя своего имени, то они, думая, что это были вольноприходящіе ученики, которые имъ часто мѣшали въ театрѣ производить работу, дверей не отворяли; а когда господинъ экзекуторъ, постучавшись, объявилъ своё имя, то они дверь тотчасъ отперли; профессоръ же Билевичь, вошедши къ нимъ въ театръ съ профессоромъ Іеропесомъ и экзекуторомъ Шишкинымъ, упрекалъ ихъ, что они занимаются не своимъ дѣломъ и что они безъ надзирателя; когда же пансіонеръ Яновскій сказалъ, что они въ театрѣ находятся съ позволенія ихъ начальства и подъ наблюденіемъ старшаго пансіонера Маркова, и профессоръ Билевичь напрасно хочетъ лишить ихъ удовольствія заниматься пріуготовленіемъ театра. Тогда онъ, господинъ Билевичь, ему, Яновскому, сказалъ: «ты пьянъ и потому такъ много говоришь». По освидѣтельствованіи Фибингомъ всѣхъ обвиняемыхъ пансіонеровъ, оказалось, что они были «не только совершенно трезвыми, но и безъ малѣйшаго признака хмельныхъ напитковъ». Введены были въ конференцію и вольноприходящіе ученики Артюховы, на которыхъ указалъ Бѣлоусовъ, что они слышали слова Билевича, обращённыя къ Яновскому. Артюховы отвѣчали, что «они не слышали и о семъ ничего не знаютъ».

Сопоставляя содержаніе обоихъ приведённыхъ рапортовъ съ господствовавшимъ въ то время въ гимназіи безпокойствомъ, приходишь къ заключенію, что крайнее раздраженіе Гоголя объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ раздоровъ между преподавателями и крайнимъ увлеченіемъ театральными представленіями. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ воспитанники держали сторону своего инспектора, Бѣлоусова, на котораго всею тяжестію разнообразныхъ обвиненій, касавшихся и театральныхъ представленій, обрушился Билевичь. Гоголь былъ вовлечёнъ въ смуту

и общимъ возбужденіемъ пансіонеровъ, и какъ одинъ изъ главныхъ устроителей театра; онъ является защитникомъ дѣла, которому предался страстно. Та характеристика гимназіи, которая приведена выше изъ письма къ матери отъ 26-го февраля, объясняется, между-прочимъ, крайне возбуждённымъ состояніемъ его духа, доведшимъ его до безусловнаго отрицанія пользы отъ семилѣтняго пребыванія въ гимназіи.

Нѣсколько словъ о Н. В. Кукольникѣ. Изъ отношенія почётнаго попечителя отъ 16-го сентября 1823 года видно, что онъ, будучи 14-ти лѣтъ, принятъ въ число сверхкомплетныхъ воспитанниковъ. Въ гимназію онъ явился съ такимъ запасомъ свѣдѣній, который сразу поставилъ его въ число лучшихъ учениковъ — и это мѣсто сохранилъ онъ до выхода изъ заведенія. По его словамъ, въ Житомирскомъ уѣздномъ училищѣ онъ выучился писать польскіе стихи, а его біографъ говоритъ, что «и обученіе вообще шло хорошо, и любовь къ поэзіи и литературѣ рано развились въ нёмъ». Его способности и познанія пріобрѣли ему уваженіе товарищей. «Передъ Кукольникомъ всѣ мы благоговѣли, говоритъ одинъ изъ нихъ. Онъ когда ещё пріѣхалъ изъ Петербурга съ отцомъ своимъ, то уже зналъ отлично языки: французскій, нѣмецкій и итальянскій; онъ былъ, можно сказать, учоный студентъ и стоялъ выше всѣхъ насъ цѣлою головою». Поведеніе Кукольника, какъ это видно изъ отмѣтокъ и отзывовъ надзирателей, было также, какъ и поведеніе Гоголя, далеко не всегда одобрительно, съ чѣмъ согласенъ и отзывъ того же товарища: «оно — правду сказать — и Кукольникъ былъ порядочный гуляка. Особенно любилъ онъ игру на биліардѣ. Бывало, цѣлыя ночи просиживалъ онъ для этого въ трактирахъ и только къ шести часамъ утра возвращался въ корпусъ; при этомъ отлично умѣлъ надувать надзирателей».

Трудную задачу для Орлая составляло образованіе состава преподавателей. И университеты въ то время, какъ извѣстно, крайне нуждалась въ достойныхъ преподавателяхъ: что же могло привлечь послѣднихъ въ Нѣжинъ, гдѣ они должны были встрѣтить неодолимыя затрудненія, даже въ средствахъ для собственныхъ занятій? Требовались большія усилія; но и они не всегда достигали цѣли, тѣмъ болѣе, что въ наибольшей части случаевъ не было никакой возможности личнаго удостовѣренія въ дарованіяхъ и познаніяхъ и приходилось полагаться на рекомендаціи.

Какъ серьёзно смотрѣлъ Орлай на выборъ преподавателей, видно изъ слѣдующаго мнѣнія его, записаннаго въ журналѣ конференціи 30-го іюня 1822 года, по поводу предложенія почётнаго попечителя на должность младшаго профессора россійской словесности Рашкова: «желательно», пишетъ Орлай, «чтобы всѣ, имѣющіе вступить на поприще наставниковъ гимназіи высшихъ наукъ, имѣли: 1) достовѣрныя, за подписаніемъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, подъ которыми они учились, свидѣтельства о пройденныхъ ими съ похвалою не только предуготовительныхъ гимназическихъ наукъ, но и академическихъ, чего у Рашкова не видно; 2) чтобы они возведены были на университетское достоинство или кандидата, или магистра, или доктора, которыя степени ещё со времёнъ

Карла Великаго учреждены для того, чтобы пріобрѣсть хорошихъ наставниковъ, для чего и въ дипломахъ, возведённымъ въ таковыя достоинства выдаваемыхъ, помѣщается право преподавать науки въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ университетахъ, академіяхъ и лицеяхъ; 3) чтобы тѣ, кои хотятъ быть профессорами, извѣстны были высшему начальству по долговременной ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ службѣ, способностію своею и усердіемъ въ наставленіи юношества и притомъ имѣли бы столько другихъ учоныхъ познаній, чтобы, въ случаѣ отлучки или болѣзни кого-либо изъ профессоровъ, могли на время занимать его мѣсто». Требованія эти, особенно для того времени, конечно, могутъ показаться идеальными — и Орлаю самому на опытѣ приходилось спускаться съ ихъ высоты; но они важны по выраженію взгляда, которымъ онъ руководился въ практическомъ рѣшеніи вопроса о выборѣ лицъ на преподавательскія должности въ гимназію.

Орлай нашолъ въ Нѣжинѣ, кромѣ законоучителя, слѣдующихъ преподавателей, приглашонныхъ предшественникомъ: Пилянкевича — латинской словесности, выбывшаго спустя пять мѣсяцевъ въ Кіевскую гимназію, Никольскаго — россійской словесности, Шапалинскаго — математики и физики, Моисеева — исторіи, географіи и статистики, Амана — учителя французскаго языка и надзирателя — Зельднера.

По выбору и ходатайству Орлая опредѣлены въ гимназію слѣдующіе преподаватели: Билевичь — нѣмецкой словесности и политическихъ наукъ, Андрущенко — латинской словесности, Ландражинъ — французской словесности, Іеропесъ — греческой словесности, Зингеръ — нѣмецкой словесности, Урсо — военныхъ наукъ, Бѣлоусовъ — юридическихъ наукъ, Соловьёвъ — естественныхъ наукъ. Для низшихъ классовъ были опредѣлены учителями слѣдующіе лица: Лопушевскій — ариѳметики, Самойленко — географіи, Персидскій — русскаго языка, Кулжинскій — латинскаго языка, надзиратели Аманъ, Боаргардъ, впослѣдствіи учитель французскаго языка и Филибертъ.

Приведёмъ нѣсколько свѣдѣній о профессорахъ гимназіи, извлечённыхъ изъ дѣлъ архива, причёмъ раздѣлимъ всѣхъ профессоровъ на двѣ группы, на которыя они къ концу директорства Орлая дѣйствительно раздѣлились. Къ первой группѣ относятся: Бѣлоусовъ, Шапалинскій, Ландражинъ, Зингеръ, Андрущенко и Соловьёвъ; ко второй: Билевичь, Никольскій, Моисеевъ и Іеропесъ.

Нѣсколько словъ о законоучителѣ. Законоучителемъ гимназіи послѣ священника Григоровича, вскорѣ оставившаго эту должность, былъ протоіерей Спасо-преображенской Нѣжинской церкви, Павелъ Ивановичъ Волынскій, бывшій прежде учителемъ въ Черниговской семинаріи. Не касаясь его преподаванія, которое совершалось въ общепринятомъ порядкѣ, мы отмѣтимъ только слѣдующее предложеніе Орлая, записанное въ журналѣ конференціи 26-го января 1824 года: «учитель Закона Божія, получающій штатнаго жалованья въ годъ по двѣ тысячи рублей, сверхъ преподаванія катихизиса и священной исторіи съ географіей Святой Земли, можетъ присовокупить къ трудамъ своимъ преподаваніе нравственной философіи или этики, и читалъ бы оную

въ третьемъ разрядѣ гимназіи. Опредѣлено: такъ-какъ предметъ нравственной философіи или этики состоитъ въ томъ, чтобы объяснять правила и предлогать средства, которыми воля человѣческая должна руководствоваться въ избраніи добра и въ уклоненіи отъ зла, а для того опредѣлять — въ чёмъ заключается добро и зло, въ нравственномъ смыслѣ понимаемыя, то поручить Закона Божія учителю преподаваніе нравственной философіи съ тѣмъ, чтобы онъ ученіе сей науки не только основывалъ на словѣ Божіемъ, но и приводилъ бы изъ онаго, а паче изъ Новаго Завѣта, приличные тексты и задавалъ бы ученикамъ къ изученію на память, сообразно устава гимназіи».

Бѣлоусовъ, принадлежавшій къ лучшимъ профессорамъ и съумѣвшій пріобрѣсти довѣренность и благодарныя воспоминанія своихъ учениковъ, такъ описываетъ самъ своё опредѣленіе въ Нѣжинскую гимназію: «Директоръ Орлай приглашалъ меня неоднократно и употреблялъ, для убѣжденія меня, заслужонныхъ людей, имѣющихъ пребываніе въ Кіевѣ. Пользуясь особеннымъ уваженіемъ публики кіевской и имѣя въ Кіевѣ свой домъ и сопряжонныя съ тѣмъ выгоды и отличаемъ будучи не только мѣстнымъ, но и университетскимъ начальствомъ, желавшимъ меня перемѣстить въ университетъ, я не соглашался перемѣститься въ здѣшнюю гимназію. Наконецъ, когда убѣжденія Орлая сдѣлались очень часты и обѣщанія велики, то я ему отвѣчалъ, что не могу перемѣститься младшимъ профессоромъ по той причинѣ, что товарищи мои въ Нѣжинской гимназіи — Моисеевъ и Никольскій — старшими профессорами. Но Орлай не переставалъ съ своими приглашеніями, обѣщая мнѣ всевозможныя выгоды. Въ собственноручномъ письмѣ своёмъ ко мнѣ отъ 15-го ноября 1824 года, послѣ комплиментовъ моимъ дарованіямъ и способностямъ, онъ говоритъ: «не находя возможности нынѣ представить васъ въ званіе старшаго профессора, я даю вамъ слово употребить всё зависящее отъ меня, чтобы вамъ доставить другія выгоды» — и тутъ же обѣщалъ доставить мнѣ орденъ Владиміра 4-й степени. Я не ожидалъ себѣ много выгодъ въ Нѣжинской гимназіи и убѣждёнъ былъ единственно обѣщаніями Орлая, которыя простирались за предѣлы учоной службы. Такъ-какъ ещё въ 1819 году члены юридическаго факультета Харьковскаго университета желали меня имѣть адъюнктъ-профессоромъ по извѣстнымъ для нихъ познаніямъ моимъ въ юридическихъ наукъ, то могъ ли я, спустя пять лѣтъ послѣ того, безъ особенныхъ лестныхъ обѣщаній, желать перейти въ здѣшнюю гимназію профессоромъ, а наипаче младшимъ». Объясненія эти живо характеризуютъ Бѣлоусова, обладавшаго сильнымъ убѣжденіемъ въ собственныхъ достоинствахъ, хотя многое въ нихъ объясняется временемъ, когда они были писаны. Должно замѣтить, что главный обвинитель Бѣлоусова въ распущенности пансіона и вольнодумствѣ, Билевичь, повидимому, сильно опасался, чтобы опредѣленіе Бѣлоусова въ старшіе профессоры не произошло въ ущербъ его собственному положенію, какъ старшаго профессора политическихъ наукъ. Въ томъ же рапортѣ Бѣлоусовъ старается доказать, что ему вовсе не было нужды домогаться смѣщенія Билевича, такъ-какъ, при откры-

вавшейся новой каѳедрѣ юридическихъ наукъ, онъ могъ быть и при нёмъ назначенъ старшимъ профессоромъ, или получить то же званіе по другому предмету, «ибо онъ съ отличіемъ кончилъ курсъ въ университетѣ и по словесному факультету и былъ старшимъ учителемъ словесныхъ наукъ въ Кіевской гимназіи не по искательству, а по письменному приглашенію изъ училищнаго комитета Харьковскаго университета.

Послѣднее объясненіе Бѣлоусова должно признать справедливымъ, такъ-какъ оно вполнѣ согласно съ содержаніемъ обольстительныхъ писемъ Моисеева, приложенныхъ къ дѣлу, и не противорѣчитъ показаніямъ Билевича. Понятно, что Бѣлоусовъ желалъ получить званіе старшаго профессора, особенно по соображенію достоинствъ лицъ, которыя имъ уже пользовались. Понятно также, что онъ, при своей обстановкѣ въ Кіевѣ, не находилъ особенныхъ побужденій къ перемѣщенію въ Нѣжинъ; понятно, наконецъ, что Орлай, искавшій повсюду кандидатовъ на профессорство и имѣвшій обширныя связи въ Кіевѣ, узнавъ о Бѣлоусовѣ, какъ достойномъ преподавателѣ, употреблялъ всѣ средства привлечь его въ Нѣжинъ и не скупился на обѣщанія, даже «выходившія за предѣлы учоной службы». Изъ внимательнаго же разбора всѣхъ препирательствъ между Билевичемъ и Бѣлоусовымъ, разрѣшившихся злокачественнымъ доносомъ и слѣдствіемъ, можно вывести также, кажется, вѣрное заключеніе, что послѣдній обладалъ неумѣреннымъ самолюбіемъ, что, вслѣдствіе того, онъ, смотрѣлъ свысока на своихъ сослуживцевъ, не стѣснялся оскорбленіемъ ихъ самолюбія, пользуясь каждымъ къ тому случаемъ. «Съ начала вступленія въ должность, писалъ Билевичъ въ конференцію, Бѣлоусовъ наносилъ мнѣ различныя непріятности и оскорбленія, которыя я переносилъ терпѣливо. Такъ въ іюнѣ 1826 года, на экзаменѣ учениковъ изъ государственнаго хозяйства, онъ нанёсъ мнѣ тяжкую обиду, сказавъ: «я вижу, что ни ученики, ни профессоръ ничего не знаютъ»; на экзаменѣ въ іюнѣ слѣдующаго года, на моё замѣчаніе, что не мѣсто и не время заводить диспуты о системахъ преподаванія, Бѣлоусовъ, подошедши къ ученикамъ и взявъ изъ рукъ ученика Бороздина «Записки», сталъ изъяснять оныя, къ обидѣ моей, въ превратномъ смыслѣ, называя оныя глупыми и безтолковыми; въ конференціи же 4-го іюля 1827 года онъ «дѣлалъ похвалки меня выгнать изъ гимназіи, говоря, что давно бы уже это сдѣлалъ, но только жалѣетъ моего семейства». Оскорблённое самолюбіе, воспламенённое непримиримою враждою, искало повода объявить войну оскорбителю на быть или не быть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства погубить врага и остановилось на средствѣ дѣйствительно вѣрнѣйшемъ: на обвиненіи профессора въ вольнодумствѣ. «Нѣтъ сильнѣйшаго противъ профессора обвиненія», справедливо замѣтилъ Бѣлоусовъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ, «какъ обвиненіе въ вольнодумствѣ».

Поступивъ въ Нѣжинскую гимназію, Бѣлоусовъ читалъ естественное, государственное и народное право, а также римское право съ его исторіей. Курсъ былъ, очевидно, весьма краткій и сжатый. Для ознакомленія съ нимъ въ немногихъ словахъ, укажемъ, по его конспектамъ, съ опредѣленіемъ времени помѣсячно, на курсъ 182⁶/₇ учебнаго года въ седь-

момъ классѣ, гдѣ былъ Кукольникъ, и въ восьмомъ, гдѣ былъ Гоголь. Въ седьмомъ классѣ было прочитано: въ августѣ — исторія естественнаго права до Вольфа; въ сентябрѣ — отъ Вольфа до нашихъ временъ: въ октябрѣ — понятіе о правѣ естественномъ вообще, различіе между естественнымъ правомъ и этикой, о врожденныхъ и первоначальныхъ правахъ и о правахъ пріобрѣтенныхъ; въ ноябрѣ — о собственности, обидахъ и договорахъ; въ декабрѣ — государственное право; въ январѣ — народное право; въ февралѣ — изъ исторіи римскаго права о законахъ царей римскихъ; въ мартѣ — изложена исторія законовъ XII таблицъ и объяснена первая таблица; въ апрѣлѣ — объяснены остальныя таблицы; въ маѣ — источники римскаго права отъ изданія законовъ XII таблицъ до императора Августа; въ іюнѣ — повтореніе пройденнаго. Въ восьмомъ классѣ пройдено: въ августѣ — исторія римскаго права до законовъ XII таблицъ; въ сентябрѣ — таблицы, ихъ содержаніе и достоинство; въ октябрѣ — исторія римскаго права до Августа; въ ноябрѣ — до Юстиніана; въ декабрѣ — законадательство Юстиніана и исторія римскаго законовѣдѣнія до нашихъ временъ; въ январѣ — раздѣленіе лицъ по римскому праву, о бракѣ, правахъ и обязанностяхъ родителей относительно къ дѣтямъ и обратно, объ усыновленіи малолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ; въ февралѣ — объ опекѣ и попечительствѣ у римлянъ, о вещахъ вообще и ихъ раздѣленіи, о естественныхъ способахъ пріобрѣтенія обладанія, о давности, дареніи, о повинностяхъ, о наслѣдованіи по завѣщанію, объ отказахъ по завѣщанію (legata), о фидеикоммиссахъ; въ апрѣлѣ — о договорахъ вообще и о контрактахъ, о вещественныхъ контрактахъ, о словесномъ и письменномъ контрактѣ; въ маѣ — о контрактахъ, совершаемыхъ однимъ согласіемъ заключающихъ оные, о безымённыхъ контрактахъ и обязанностяхъ, основывающихся на предполагаемомъ согласіи; въ іюнѣ — о способахъ, коими прекращаются обязанности по контрактамъ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ за оныя.

О достоинствѣ преподаванія Бѣлоусова судить въ настоящее время нѣтъ никакой возможности по отсутствію слѣдовъ курса. Остаётся положиться на позднѣйшія воспоминанія его слушателей, по всей вѣроятности, не чуждыя гиперболизма. «Съ необычайнымъ искусствомъ Николай Григорьевичъ изложилъ намъ всю исторію философіи», говоритъ Кукольникъ, «а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественнаго права въ нѣсколько лекцій, такъ что въ головѣ каждаго изъ насъ установился прочно стройный систематическій скелетъ науки наукъ, который каждый изъ насъ могъ уже облекать въ тѣло по желанію, способностямъ и ученымъ средствамъ. Безконечную, неисчислимую пользу нашимъ студентамъ принесли лекціи Николая Григорьевича.» На этотъ отзывъ могло повліять и сохранившееся общее впечатлѣніе о личности наставника: «справедливость, честность, доступность, добрый совѣтъ, въ приличныхъ случаяхъ необходимое ободреніе — всё это благодѣтельно дѣйствовало на кружокъ студентовъ», говоритъ тотъ же слушатель.

Кромѣ Бѣлоусова, наилучшія впечатлѣнія оставилъ въ памяти воспитанниковъ первыхъ выпусковъ профессоръ математики и физики, Шапалинскій. Образованіе получилъ онъ въ Виленской гимназіи и Виленскомъ

университетѣ на философскомъ факультетѣ, въ отдѣленіи физико-математическомъ. По окончаніи курса, для приготовленія себя къ учительской должности, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ, гдѣ окончилъ курсъ въ началѣ 1816 года и вслѣдъ за тѣмъ опредѣленъ учителемъ естественныхъ наукъ въ Могилёвскую гимназію, откуда онъ вызванъ былъ Кукольникомъ въ Нѣжинскую гимназію. Біографическій очеркъ Шапалинскаго, составленный почтеннымъ П. Г. Рѣдкинымъ и напечатанный въ лицейскомъ сборникѣ, проникнутъ живымъ сочувствіемъ къ нему и искреннею признательностію. Ученики его, по словамъ біографа, питали къ нему благоговѣйное уваженіе. «Безукоризненная честность, неумытная справедливость, правдолюбивое прямодушіе, скромная молчаливость, тихая серьёзность, строгая умѣренность и воздержаніе въ жизни, отсутствіе всякаго эгоизма, всегдашняя готовность ко всякого рода самопожертвованіямъ для пользы ближняго — вотъ основныя черты нравственнаго характера этого чистаго человѣка, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучшей участи. Какъ профессоръ, онъ горячо любилъ и хорошо зналъ преподаваемые имъ предметы и излагалъ ихъ съ краткою, но ясною сжатостію, безъ всякаго фразёрства, но съ увлеченіемъ, умѣя заохочивать къ ихъ изученію тѣхъ изъ учениковъ, въ которыхъ таилась искра безкорыстной преданности истинѣ, наукѣ». По опредѣленіи въ низшіе классы учителя ариѳметики, Лопушевскаго, курсъ Шапалинскаго въ высшихъ классахъ, начиная съ 5-го, обнималъ собою алгебру, геометрію, тригонометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе, общую физику съ выводами законовъ механики, статики, оптики, катоптрики и діоптрики, а также правилъ распространенія звука и начала химіи. Всѣ эти предметы читались «по книгамъ, начальствомъ назначеннымъ». Съ 182⁷/₈ учебнаго года въ своихъ конспектахъ Шапалинскій назначаетъ для девятаго класса «правила полевой фортификаціи и основанія артиллеріи, буде конференція доставитъ для сего руководство». Впрочемъ для военныхъ наукъ скоро былъ назначенъ особый профессоръ.

Шапалинскій впослѣдствіи былъ одной изъ жертвъ исторіи о вольнодумствѣ: онъ былъ отрѣшонъ отъ должности въ 1830 году. Разсмотрѣніе относящихся сюда оффиціальныхъ бумагъ удостовѣряетъ, что онъ склонялся постоянно на сторону Бѣлоусова, всячески противодѣйствовалъ злокачественному обороту, какой принимало дѣло, что онъ старался замять исторію — и это, конечно, нельзя поставить ему въ вину. Это, обнаруженное слѣдствіемъ «послабленіе» и было причиною обрушившагося на него бѣдствія, а не «клевета враговъ его пріятелей - профессоровъ, съ которыми онъ водился, или, лучше сказать, чаще видѣлся».

Къ числу пріятелей Бѣлоусова и лучшихъ профессоровъ принадлежалъ Ландражинъ, профессоръ французской словесности. Получившій образованіе на родинѣ, въ Ретельской коллегіи и Парижскомъ филотехническомъ училищѣ, онъ въ 1812 году, вѣроятно, вмѣстѣ съ великою арміею очутился въ Россіи и сначала занимался обученіемъ французскому языку въ частныхъ домахъ въ Минской губерніи, причёмъ выучился русскому и польскому языкамъ. Съ 1816 года онъ состоялъ, съ чиномъ канцеляриста, переводчикомъ въ Минскомъ губернскомъ правленіи, а въ 1818 году, по

выдержаніи экзамена въ Виленскомъ университетѣ, опредѣлёнъ учителемъ французскаго языка въ Кіевскую гимназію, откуда, по приглашенію почётнаго попечителя, перемѣщёнъ въ Нѣжинскую. По вопросу объ опредѣленіи Ландражина, Орлай, въ конференціи 29-го апрѣля 1822 года, выразился, что онъ «сколько службою по своему предмету съ хорошей стороны извѣстенъ, столько и свѣдѣніями по оному начальствомъ и посторонними лицами много засвидѣтельствованъ, какъ мужъ, окончившій курсъ въ Парижскомъ филотехническомъ училищѣ, испытанный во французской словесности и одобренный въ Виленскомъ университетѣ, уже многіе годы съ особенною похвалою оную преподающій и притомъ съ сими свѣдѣніями соединающій ещё познаніе россійскаго и латинскаго языковъ, изъ коихъ безъ перваго никто не можетъ быть полезнымъ наставникомъ въ Россіи, а безъ послѣдняго не можетъ хорошо разумѣть основанія французской словесности». Его преподаваніе, расширявшееся по мѣрѣ открытія высшихъ классовъ, съ 1825 года обнимало шесть отдѣленій по слѣдующимъ четырёмъ курсамъ: *грамматическому* (первыя три отдѣленія), *реторическому* (четвёртое), въ которомъ сообщалась краткая исторія французской словесности до Людовика XIV, прочитывались лучшіе французскіе прозаики, происходили упражненія на французскомъ языкѣ и переводы съ русскаго языка на французскій, *піитическому* (пятое отдѣленіе), въ которомъ оканчивалась исторія словесности, объяснялось стихосложеніе, прочитывались лучшіе поэты и происходили упражненія, въ сочиненіяхъ прозой и стихами, наконецъ *эстетическому* (шестое отдѣленіе), въ которомъ продолжались упражненія въ прозѣ и стихахъ и читались лучшіе писатели съ критическимъ разборомъ. Съ 1827 года первыя два отдѣленія отошли къ другому преподавателю французскаго языка, Боаргарду, бывшему передъ тѣмъ учителемъ въ Могилевской гимназіи. Кукольникъ съ большимъ сочувствіемъ вспоминаетъ о Ландражинѣ, о его добротѣ, благородствѣ, кротости и весёломъ характерѣ. Въ 1830 году по слѣдствію о вольнодумствѣ онъ также лишился мѣста.

Профессоръ нѣмецкой словесности, Зингеръ, также потерявшій мѣсто въ 1830 году, принадлежалъ къ числу преподавателей, оставившихъ пріятныя воспоминанія въ своихъ слушателяхъ. Родомъ изъ Львова въ Галиціи, сынъ купца, онъ обучался съ 1804 по 1809 — въ Львовскомъ университетѣ, въ 1810 году въ Хемницкой горной академіи въ Венгріи изучалъ химію, въ 1811 держалъ экзаменъ въ Вѣнскомъ университетѣ, въ 1815 путешествовалъ по Италіи, Германіи и Даніи и былъ домашнимъ секретарёмъ у датскаго посланника при Вестфальскомъ дворѣ. Прибывъ въ Ригу, онъ занимался обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ до опредѣленія въ Нѣжинскую гимназію. Его преподаваніе распредѣлялось сначала по тѣмъ же четырёмъ курсамъ, какъ и у Ландражина, но впослѣдствіи онъ отмѣнилъ это распредѣленіе и установилъ слѣдующій порядокъ: въ четвёртомъ отдѣленіи, съ котораго начиналось его преподаваніе, онъ оканчивалъ синтаксисъ; здѣсь же, вмѣстѣ съ практическими письменными упражненіями, прочитывались лучшія прозаическія сочиненія, съ показаніемъ ихъ красотъ; въ пятомъ прочитывалась исторія нѣмецкой словесности и въ шестомъ сообщались правила стихосложенія и

прочитывались лучшія поэтическія произведенія. «Своимъ поэтическимъ настроеніемъ, говоритъ одинъ изъ его слушателей, онъ открылъ ученикамъ новый живоносный родникъ истинной поэзіи и тѣмъ разгонялъ послѣобѣденный сонъ, господствовавшій на прежнихъ нѣмецкихъ лекціяхъ» (Пилянкевича, Билевича и надзирателя Зельднера). Замѣтные признаки гиперболизма въ отзывахъ объ успѣхахъ его преподаванія, по которымъ «всѣ классики германской литературы въ теченіе четырёхъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ», во всякомъ случаѣ могутъ служить свидѣтельствомъ, что, съ его опредѣленіемъ, преподаваніе нѣмецкой словесности пошло успѣшно.

Профессоръ латинской словесности, Андрущенко, обучавшійся въ Кіевской академіи и Полтавской семинаріи и состоявшій учителемъ въ послѣдней до опредѣленія въ Нѣжинскую гимназію, преподавалъ въ томъ же порядкѣ, какъ и Ландражинъ, въ тѣхъ же четырёхъ курсахъ, съ содержаніемъ, соотвѣтствовавшимъ наименованію каждаго курса. Въ риторическомъ отдѣленіи сообщалось высшее словосочиненіе, или о порядкѣ и замѣнѣ словъ въ рѣчи, о красотѣ выраженій и употребленіи частицъ, прочитывались нѣкоторыя біографіи изъ Корнелія Непота и производились письменныя упражненія; въ піитическомъ — просодія и роды стихотвореній; въ эстетическомъ — критическій разборъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній и исторія латинской словесности. Въ конспектахъ по обыкновенію назначалось больше, чѣмъ сколько выполнялось, а потому можно усомниться, чтобы въ послѣднемъ отдѣленіи, въ теченіе одного учебнаго года, могли быть критически разобраны, съ указаніемъ красотъ, цѣлая рѣчь Цицерона за Лигарія, три эклоги Виргилія, седьмая книга Энеиды и десять одъ Горація; въ томъ же отдѣленіи прочитывалась исторія римской словесности и задавались сочиненія, а также письменныя упражненія въ переводахъ. По отзыву одного изъ его учениковъ, можетъ-быть нѣсколько прикрашенному благодарною памятью о наставникѣ, преподаваніе его отличалось замѣчательною точностію и ясностію изложенія, переводы — лёгкостію и пріятностію, а разборы классиковъ, особенно Виргилія — вкусомъ и вѣрностію взгляда, невольно увлекавшими слушателей и обличавшими въ нёмъ глубокаго знатока римскихъ древностей».

Съ открытіемъ старшихъ классовъ послѣдняго трёхлѣтія, предстояло замѣщеніе каѳедры естественной исторіи и технологіи. Орлай обратился къ С.-Петербургскому университету и исправлявшій въ то время должность ректора, Зябловскій, рекомендовалъ только-что окончившаго курсъ въ университетѣ, Соловьёва, который и былъ опредѣлёнъ въ Нѣжинскую гимназію въ августѣ 1825 года. Соловьёвъ оказался вполнѣ достойнымъ прекрасной рекомендаціи университетскаго начальства. «Въ своёмъ преподаваніи, по словамъ Кукольника, онъ умѣлъ найти для каждаго предмета размѣры, удобовмѣстимые для памяти учащихся. Наука въ томъ видѣ, какъ онъ её преподавалъ, казалась полною и удовлетворительною, такъ-что всѣ могли успѣвать приготовленіемъ уроковъ и успѣвали.» Въ седьмомъ классѣ, съ котораго начиналось его преподаваніе, послѣ предварительныхъ свѣдѣній о природѣ, ея тѣлахъ, о системѣ естественной исторіи,

прочитывалась минералогія — теоретическая (предметъ минералогіи, понятіе о происхожденіи правильныхъ и неправильныхъ видовъ минераловъ, геометрическіе, физическіе и химическіе признаки, отличающіе минералы между собою) и практическая, въ которой разсматривались важнѣйшіе виды минераловъ, съ возможнымъ приложеніемъ технологическихъ свѣдѣній. Въ восьмомъ классѣ излагалась ботаника по собственнымъ запискамъ: анатомическое строеніе растеній, питательные органы, питаніе, о цвѣткѣ вообще, цвѣторасположеніе, органы плодородные, взаимное ихъ дѣйствіе или оплодотвореніе, плодъ и сѣмя, разсѣяніе сѣмянъ, понятіе о болѣзняхъ и смерти растеній, система ботаники и ботаническая номенклатура, изложеніе употребительнѣйшихъ системъ и показаніе практическаго способа опредѣленія по онымъ растеній. Въ девятомъ классѣ зоологія, по руководству Блюменбаха, съ пополненіями и нѣкоторыми измѣненіями по сочиненію Кювье «Le règne animal distribué d'après son organisation». Въ томъ же отдѣленіи Соловьёвъ читалъ *частную* физику по руководству Шрадера, съ пополненіями изъ физики Біо и химію по сочиненію Тенара: о теплородѣ, свѣтѣ, электричествѣ, магнетизмѣ, воздухѣ и его составѣ.

Во главѣ второй группы профессоровъ, крайне враждебной Бѣлоусову и его сторонникамъ, стоялъ Билевичъ. Получившій образованіе въ Львовской гимназіи, въ университетахъ Львовскомъ и Пештскомъ и Пресбургской академіи, онъ въ 1806 году вызванъ былъ Харьковскимъ университетомъ на должность учителя философіи и латинскаго языка въ Новгородъ-сѣверскую гимназію, откуда перемѣщёнъ въ Нѣжинскую. Біографическій очеркъ его въ Лицейскомъ Сборникѣ отличается бросающимися въ глаза краткостію и безцвѣтностію, особенно если принять въ соображеніе продолжительность его службы въ гимназіи и важность преподаваемаго имъ предмета: онъ заключаетъ въ себѣ небольшую выписку изъ послужнаго списка и однимъ изъ немногихъ безъ подписи составителя. По всему видно, что дурного говорить не хотѣлось, а добраго не нашлось, или не нашло себѣ мѣста, вслѣдствіе сохранившихся неблагопріятныхъ воспоминаній. Читатель, ознакомившійся съ помѣщёнными выше выписками изъ его пространныхъ и отличающихся особымъ отпечаткомъ рапортовъ, поймётъ, почему всѣ симпатіи воспитанниковъ были на сторонѣ Бѣлоусова и всѣ антипатіи на сторонѣ Билевича. Можно полагать, что на привлеченіе его въ Нѣжинскую гимназію изъ Новгородъ-сѣверской имѣло вліяніе его происхожденіе. Въ министерскомъ приказѣ объ опредѣленіи его въ Нѣжинскую гимназію профессоромъ нѣмецкой словесности сказано, что онъ утверждается «по отличному одобренію многими, его знающими». Такъ-какъ Билевичъ въ то же время просился на каѳедру политическихъ наукъ, которая ещё не была открыта, то въ томъ же приказѣ предписывалось предоставить эту каѳедру ему, по ея открытіи. Между-тѣмъ на послѣдовавшее, по открытіи седьмого класса въ 1823 году, представленіе о назначеніи его на каѳедру политическихъ наукъ изъ министерства получёнъ былъ отвѣтъ, что «онъ прежде долженъ выдержать надлежащій экзаменъ и представить о томъ приличные аттестаты какого-нибудь рос-

сійскаго университета»; въ противномъ случаѣ ему предписывалось остаться при нѣмецкой словесности. Билевичъ немедленно отправился въ Харьковъ и уже 2-го ноября того же года увѣдомилъ Орлая объ успѣшномъ окончаніи экзамена, причёмъ препроводилъ свидѣтельство о томъ отъ Харьковскаго университета. Такимъ-образомъ онъ пріобрѣлъ полное право на занятіе каѳедры политическихъ наукъ и съ другой стороны Орлай имѣлъ также полное право ходатайствовать о его опредѣленіи на эту каѳедру.

Преподаваніе Билевича происходило по извѣстнымъ и общеупотребительнымъ въ то время руководствамъ и, безъ сомнѣнія, сообщало существенныя свѣдѣнія, заключавшіяся въ этихъ руководствахъ. Изъ представленныхъ имъ конспектовъ видно, что, съ открытіемъ высшихъ трёхъ классовъ, онъ преподавалъ въ нихъ свои предметы въ слѣдующемъ порядкѣ: въ седьмомъ классѣ въ 1824—25 годовъ, послѣ общаго обозрѣнія политическихъ наукъ, имъ прочитаны: 1) теорія права естественнаго, частнаго, внѣобщественнаго и общественнаго, по руководству де-Мартини (Positiones de lege naturae. Viennae. 1782), и 2) право государственное и народное, по руководству того же автора (Positiones de jure civitatis et gentium. Viennae. 1782) и теорія права общаго уголовнаго, по руководству Фейербаха. Въ восьмомъ классѣ прочитаны: 1) исторія римскаго права по руководству де-Мартини (Ordo historiae juris civilis), съ примѣчаніями къ древностямъ римскаго права Швеппія (Römische Rechtsgeschichte und Alterthümer. Göttingen. 1822) и римское гражданское право по руководству Кукольника. Въ девятомъ классѣ въ 1825—26 годахъ прочитаны: 1) практическая часть частнаго россійскаго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства по руководству Кукольника и 2) основанія государственнаго хозяйства по системѣ Адама Смита.

Профессоръ россійской словесности, Никольскій, окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и съ конца 1807 года состоялъ учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи въ Новгородской губернской гимназіи. Получивши литературное образованіе по теоріи и образцамъ ложно-классическимъ, онъ никакъ не могъ примириться съ позднѣйшими литературными явленіями, съ произведеніями Жуковскаго и особенно Пушкина, а потому молодому поколѣнію двадцатыхъ годовъ, съ жадностію поглощавшему произведенія этихъ поэтовъ, естественно казался «старовѣромъ въ литературѣ и философіи». Спѣшимъ впрочемъ напомнить, что въ то же время и съ той же каѳедры въ Московскомъ университетѣ Мерзляковъ излагалъ ту же теорію и объяснялъ тѣ же ложно-классическіе образцы, причёмъ выражалась та же подозрительность и недовѣрчивость относительно появлявшагося тогда новаго направленія въ литературѣ. Изъ воспоминаній же слушателей Никольскаго видно, что онъ, съ точки зрѣнія своихъ литературныхъ вѣрованій, относился вполнѣ добросовѣстно къ обязанностямъ преподавателя, увлекалъ въ изученіе русской литературы до Пушкина и возбуждалъ охоту къ литературнымъ занятіямъ.

Сначала, съ 1821 года, при раздѣленіи воспитанниковъ на три отдѣленія, Никольскій преподавалъ логику по руководствамъ Лодія и

Баумейстера въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ; въ первомъ же преподавалъ элементарную грамматику Чекіевъ. Но уже съ 1823 — 24 годахъ преподаваніе русскаго языка и словесности распредѣлено было по классамъ: въ первыхъ трёхъ учитель Персидскій, занявшій мѣсто Чекіева, преподавалъ грамматику, а въ остальныхъ Никольскій — словесность въ слѣдующемъ порядкѣ: въ четвёртомъ классѣ о періодахъ «съ предварительными письменными уроками о краснорѣчіи вообще, какъ искусствѣ, о риторикѣ, какъ о наукѣ, раздѣленіе ея и первую часть — объ изобрѣтеніи; въ пятомъ классѣ — объ украшеніи «съ предварительнымъ но письменнымъ урокамъ изъясненіемъ общихъ мѣстъ риторическихъ для обильнѣйшаго распространенія періодовъ»; въ шестомъ о расположеніи какъ малыхъ подробно, такъ и большихъ рѣчей сокращенно; краткія правила всей вообще поэзіи съ механизмомъ стихосложенія и съ упражненіемъ въ сочиненіи мелкихъ стихотвореній. Во всѣхъ упомянутыхъ трёхъ классахъ преподаваніе происходило по руководству Никольскаго. Въ седьмомъ классѣ «пространнѣйшія и подробнѣйшія правила основательнаго или подлиннаго (fundamentalis) краснорѣчія въ изложеніи расположенія важнѣйшихъ большихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, съ присовокупленіемъ изъ эстетики о слогахъ, приличныхъ каждому сочиненію, о возбужденіи страстей, о прекрасномъ и высокомъ, о вкусѣ и безвкусіи, о правилахъ здравой критики». Всё это содержаніе заимствовалось изъ Лагарпа, Баттё, аббата Сабатье де Кастра (Dictionnaire de litterature. Paris. 1770) и Блера, «ибо у русскихъ риторовъ», замѣчалъ Никольскій, «сихъ правилъ въ полномъ, или по-крайней-мѣрѣ въ удовлетворительномъ, развитіи вовсе не находится, ни у Ломоносова, ни у Рижскаго, ни у Могилевскаго, ни у Гальяра, переведённаго съ французскаго языка, ни у Никольскаго, ни въ руководствѣ къ церковному краснорѣчію, изданномъ отъ «безъимённаго въ 1804 году». Сюда же входила и логика по Баумейстеру. Всё преподаваніе, по конспекту, должно непрерывно сопровождаться упражненіями въ сочиненіяхъ. «Впрочемъ», говоритъ Никольскій, повторяя извѣстное мнѣніе Ломоносова, «упражняющимся въ сочиненіяхъ не много принесутъ пользы риторика и поэзія: «краснорѣчіе обоихъ родовъ, то-есть, прозаическое и стихотворное, состоитъ единственно въ словоживописномъ изображеніи всѣхъ или всяческихъ предметовъ, слѣдственно кругъ свой имѣетъ самый обширный и, пріобрѣтаясь навыкомъ и опытностію (per habitum et experientiam), требуетъ только возможно частаго и почти безпрерывнаго упражненія въ подражаніи и сочиненіи разныхъ пьесъ объ оныхъ предметахъ, о коихъ впрочемъ вступающему въ сей кругъ ученія юношѣ ни риторика, ни поэзія, составныхъ подлинныхъ идей, кромѣ сухихъ правилъ, непосредственно отнюдь не доставляетъ».

Оказалось однако, что не только обширная программа для седьмого класса не была выполнена, но и вообще ученики высшихъ классовъ, седьмаго и открывавшагося восьмого, въ теченіе двухъ лѣтъ, по собственному заявленію Никольскаго, «практически не упражнялись въ предметахъ россійской словесности и совершенно оставлены были безъ занятій по словесности и чрезъ то не только къ сочиненіямъ въ прозѣ

и стихахъ не пріобрѣли надлежащаго навыка, не говоря уже о разборахъ твореній лучшихъ писателей, чего вовсе не дѣлали, но даже и изъ правилъ теоріи не мало забыли». Такое печальное явленіе Никольскій объясняетъ многопредметностію занятій и недостаткомъ времени, предоставленнаго его предмету.

По уставу гимназіи, утверждённому въ 1825 году, назначены были для послѣдняго трехлѣтія *упражненія учениковъ въ высшей словесности*. Для этихъ упражненій сначала назначена была для трёхъ высшихъ классовъ еженедѣльно одна сводная лекція; но уже съ 1826 — 27 года они были ограничены двумя высшими классами, восьмымъ и девятымъ, въ остальныхъ же классахъ (четвёртомъ, пятомъ и шестомъ, преподавалась риторика по Могилевскому, поэзія по руководству Рижскаго и словарю Остолопова, а для седьмого класса, теоретическая и практическая логика—по Баумейстеру). Содержаніе высшей словесности, по конспекту Никольскаго, было слѣдующее: «понятіе объ изящной словесности, происхожденіе изящныхъ искусствъ и словесности, *съ указаніемъ на исторію россійской словесности* (конспектъ 1827—28 годовъ), объ изящномъ подражаніи природѣ, какъ общемъ началѣ изящныхъ произведеній, объ основныхъ правилахъ словесно-изящныхъ произведеній и въ особенности о совершенствѣ плановъ ихъ и частей въ каждомъ планѣ, о израженіи или о слогахъ съ ихъ свойствами, о высокомъ, умѣ, вкусѣ, геніи и критикѣ, съ практическими упражненіями въ сочиненіяхъ и разборомъ красотъ въ твореніяхъ отличнѣйшихъ авторовъ сколько время позволитъ». Впрочемъ должно полагать, что преподаваніе высшей словесности встрѣчало сильныя затрудненія, такъ-какъ съ 1828—29 годовъ она замѣнена была «аналитическимъ разборомъ лучшихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ — похвальныхъ словъ Ломоносова, Державина, рѣчей Филарета, одъ, элегій, гимновъ — причёмъ требовалось, чтобы каждый ученикъ въ теченіе года подалъ не менѣе трёхъ или четырёхъ разсужденій и такого же числа стихотворныхъ пьесъ.

На Никольскаго же возложено было преподаваніе въ четвёртомъ классѣ славянской грамматики, отъ которой онъ впрочемъ старался освободиться, какъ отъ предмета, не находившагося въ связи со всѣмъ его курсомъ. Въ конспектѣ 1826 года онъ замѣчаетъ, что будетъ преподавать славянскую грамматику «до усмотрѣнія, не будетъ ли сочтено за лучшее проходить её въ параллель съ грамматикой россійской и для того поручить тогда преподаваніе оной учителю сей россійской грамматики». Въ слѣдующемъ же году онъ уже подробно доказываетъ необходимость параллельнаго преподаванія двухъ грамматикъ въ низшихъ классахъ, «такъ какъ грамматика россійскаго языка, да и всякаго другаго», пишетъ Никольскій, «начинается съ первыхъ классовъ послѣ выученія юношества чтенію и письму и продолжается чрезъ три года, то видится, что и славянскую грамматику, какъ ничего реторическаго кромѣ правилъ грамматическихъ въ себѣ не заключающую, гораздо и удобнѣе и полезнѣе преподавать въ теченіе оныхъ же трёхъ лѣтъ въ параллели съ россійскою грамматикою. При этомъ во всѣхъ частяхъ обѣихъ грамматикъ, при изъясненіи правилъ, держаться параллели, а именно: по-

казывая правила россійской грамматики, тотчасъ указывать на подобныя въ славянской и чрезъ то основанія одного языка подводить къ основаніямъ другого, съ замѣчаніями случайныхъ, временемъ произведённыхъ въ нихъ, разностей, равно какъ и того, что остаётся сходственнаго въ корняхъ ихъ. Такое расположеніе преподаванія обѣихъ грамматикъ на три года, во-первыхъ, удобно, потому-что разности въ правилахъ ихъ весьма немного, коренныя же части рѣчи въ обѣихъ суть одиѣ и тѣ же, а во-вторыхъ, ещё и весьма полезно, потому-что ученики, облегчаясь трехлѣтнимъ временемъ и параллелью правилъ, взаимно себя объясняющихъ, основательнѣе будутъ знать и самую грамматику языка россійскаго чрезъ совокупное знаніе языка кореннаго и чрезъ то въ слѣдующіе высшіе классы поступать будутъ для слушанія высшихъ правилъ словесности съ вящшими грамматическими свѣдѣніями». Эта мысль Никольскаго о параллельномъ или сравнительномъ преподаваніи грамматикъ славянской и русской, высказанная пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, заслуживаетъ вниманія, такъ-какъ извѣстно, что только въ послѣднее время она признана вполнѣ законною и единственно вѣрною, хотя и до-сихъ-поръ нуждается въ болѣе точныхъ опредѣленіяхъ относительно практическаго примѣненія. Она доказываетъ, что Никольскій основательно вдумывался въ своё дѣло и старался разумно распредѣлить относившійся къ нему учебный матеріалъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что онъ въ своихъ конспектахъ часто жаловался на неврѣлость учениковъ по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ чего они въ четвёртомъ классѣ оказывались не вполнѣ способными къ слушанію курса россійской словесности, а въ высшихъ — къ слушанію высшей словесности, на «развлечённость въ занятіяхъ по многимъ вдругъ учебнымъ предметамъ», наконецъ на недостатокъ удовлетворительныхъ печатныхъ руководствъ, отъ чего «воспитанниками при занятіяхъ бо̀льшая половина времени употребляется на списываніе уроковъ». Всѣ эти жалобы должно признать вполнѣ справедливыми: введённое уставомъ энциклопедическое направленіе и происшедшая отъ того многопредметность не могли благопріятствовать основательности обученія; составленіе записокъ и для болѣе развитыхъ учениковъ всегда сопровождается потерою времени безъ пользы для существа дѣла; возрастъ же учениковъ дѣйствительно не соотвѣтствовалъ установленнымъ для каждаго класса курсамъ: по общей вѣдомости воспитанниковъ, отъ 31-го декабря 1824 года, въ четвёртомъ классѣ изъ 15 учениковъ большинство было 14 лѣтъ, двое 12 и только двое 16; въ пятомъ двое 13, одинъ 14 и трое 16; въ шестомъ одинъ 13, одинъ 14, трое 15, четверо 16 и двое 17; въ седьмомъ всѣ не старше 15; въ восьмомъ только одинъ изъ осьми 19 лѣтъ девятаго же класса ещё не было.

Профессоръ исторіи, географіи и статистики, Моисеевъ изъ малороссійскихъ казаковъ, окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и въ Харьковскомъ университетѣ на словесномъ факультетѣ, гдѣ слушалъ «россійскую поэзію и эстетику» у И. Е. Срезневскаго, латинскую у Роммеля, философію у Шада, русскую исторію, статистику и древности у Успенскаго, всеобщую исторію у Рейта и Дегурова, былъ

прежде учителемъ французскаго языка въ Новгородъ-сѣверской и потомъ Кіевской гимназіи. Онъ видимо не пользовался расположеніемъ учениковъ ни какъ преподаватель, ни какъ инспекторъ. Помѣщённая въ Лицейскомъ сборникѣ его біографія составлена, очевидно, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ впечатлѣній. Моисеевъ больше всѣхъ оставался въ Нѣжинской гимназіи — со времени ея открытія до конца 1837 года. Ни буря 1827 — 1828 годовъ, разнёсшая многихъ преподавателей, ни преобразованіе гимназіи въ физико-математическую школу, послѣдовавшее въ 1832 году, не поколебали его укрѣплённой позиціи. Внимательный пересмотръ его ежегодныхъ конспектовъ и отчётовъ, составленныхъ неумѣло и даже не совсѣмъ грамотно, не приводитъ къ благопріятнымъ заключеніямъ о достоинствѣ его преподаванія.

Географію, до опредѣленія на этотъ предметъ особаго учителя, Самойленка, онъ преподавалъ по руководству, изданному главнымъ правленіемъ училищъ, причёмъ относительно географіи Россіи «съ обращеніемъ особеннаго вниманія на мѣста, достопамятныя отечественными историческими происшествіями, дабы заранѣе поселять въ юныхъ сердцахъ должное высокое почтеніе и любовь къ своему отечеству». Русскую исторію преподавалъ Моисеевъ по такому же руководству «съ дополненіями по Татищеву, Стриттеру, Карамзину и вообще тѣмъ историкамъ, въ сочиненіяхъ коихъ, болѣе нежели у другихъ, видна любовь и почтеніе къ нашему отечеству»; дополненія же касались только того, «что производя въ учащихся сильное впечатлѣніе о великости славяно-русскаго народа, можетъ вмѣстѣ развивать и возвышать въ нихъ до безпредѣльности почтеніе и любовь къ своему Государю и своему отечеству». И не смотря на эти патріотическія заявленія, конспектъ его на 182⁶/₇ годъ удостоился слѣдующей надписи исправлявшаго въ то время должность директора, Шапалинскаго: «замѣчено мною, что исторія отечественная, главный во всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ предметъ занятій при воспитаніи юношества, для выпускныхъ учениковъ отдѣльно читана не была, да и вся исторія вообще проходится не въ надлежащемъ порядкѣ и безъ указанія ученикамъ на картѣ мѣстъ, гдѣ достопамятнѣйшія происшествія происходили». Въ заключеніе требуется представленіе болѣе удовлетворительнаго конспекта. Наконецъ всеобщая исторія преподавалась по Кайданову «со всегдашнимъ указаніемъ на преуспѣяніе христіанской церкви и на возстановленіе наукъ и просвѣщенія». Чтеніе всеобщей исторіи конспектъ обѣщаетъ заключать, при открытіи девятаго класса, въ которомъ назначалось чтеніе общей статистики, «философскимъ взглядомъ на важнѣйшія ея эпохи по руководству «Духъ исторіи» Феранда и извѣстной рѣчи Боссюэта.

Преподаваніе греческаго языка, по уставу, не было обязательно въ Нѣжинской гимназіи и введеніе его, безъ сомнѣнія, обязано появленію въ ней дѣтей грековъ. Преподавателя не приходилось искать далеко: кровный грекъ, Христофоръ Іеропесъ, состоялъ тогда учителемъ греческаго языка въ Нѣжинскомъ Александровскомъ греческомъ училищѣ. Орлай обратился къ нему. Въ своёмъ прошеніи Іеропесъ предлагаетъ обучать цѣлый годъ греческому языку по шести часовъ въ не-

дѣлю безъ жалованья, а по истеченіи этого срока — съ жалованьемъ, назначеннымъ для учителей, съ тѣмъ однако жъ, чтобы, когда дѣти греческія изъ выходцевъ, числомъ пять, доведены будутъ до четвёртаго отдѣленія, въ коемъ преподаётся словесность, онъ былъ представленъ высшему начальству на утвержденіе профессоромъ греческой словесности, съ предоставленіемъ правъ, сему званію присвоенныхъ. Въ этомъ смыслѣ состоялось его опредѣленіе, съ оставленіемъ при греческомъ училищѣ. 25-го сентября 1824 года Іеропесъ былъ произведёнъ въ младшіе профессоры греческаго языка и словесности. Въ архивѣ сохранилась автобіографія Іеропеса, изъ которой видно, что онъ родился 1790 году въ г. Трикалѣ въ Ѳессаліи, до двѣнадцати лѣтъ учился дома простому греческому языку, съ 1803 обучался у своего дяди, игумена монастыря св. Стефана, церковному обряду, затѣмъ въ Трикальскомъ училищѣ — эллино-греческому языку и наконецъ въ Ѳессалоникѣ и Смирнѣ обучался десять лѣтъ въ гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему изъ Смирнской гимназіи, сказано, что онъ «обучался съ отличнымъ прилежаніемъ и пріобрѣлъ преимущественно познанія въ эллино-греческомъ языкѣ, прошолъ многихъ древнихъ писателей въ прозѣ и стихахъ»; обучался математикѣ, физикѣ, химіи, географіи, логикѣ, метафизикѣ и нравственности. Изъ Смирны въ 1819 году онъ переселился въ Тріестъ на должность учителя эллино-греческаго языка, а оттуда, по приглашенію нѣжинскихъ грековъ — въ Нѣжинъ.

Поступленіе Іеропеса въ Нѣжинскую гимназію подняло бурю въ греческомъ училищѣ. Небезполезно привести здѣсь нѣсколько оффиціальныхъ свѣдѣній объ этомъ столкновеніи, такъ-какъ они характеризуютъ отношенія греческаго нѣжинскаго общества къ только-что возникшему въ Нѣжинѣ высшему учебному заведенію.

Нѣжинскіе греки, какъ извѣстно, всегда относившіеся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ общимъ интересамъ и пользѣ не только города, но и своего общества, крайне вознегодовали на Іеропеса за-то, что онъ принялъ новую должность «безъ ихъ вѣдома и согласія». Орлай, разумѣется, не обращалъ никакого вниманія на многочисленныя бумаги къ нему отъ греческаго магистрата, ограничиваясь помѣтами: «не вписывать въ журналъ, а только при дѣлахъ оставить». Труднѣе было положеніе директора греческаго училища, Прихова, только-что опредѣлённаго на эту должность. Какъ утверждённый правительствомъ, онъ долженъ былъ отстаивать законную почву, которой знать не хотѣли нѣжинскіе греки, ссылаясь съ толкомъ и безъ толка на свои привилегіи. На предписаніе магистрата отрѣшить немедленно Іеропеса отъ должности и лишить квартиры въ училищѣ, Приховъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить предписанія, такъ-какъ «по Высочайшему указу объ Александровскомъ училищѣ учители онаго состоятъ въ дѣйствительной государственной службѣ, а потому и отрѣшеніе ихъ отъ должности предоставлено тому мѣсту по учебной части, которое ихъ въ сей должности утверждаетъ». Когда же магистратъ вновь и упорно настаивалъ на своёмъ требованіи, Приховъ отправилъ къ нему запечатанный пакетъ для вскрытія въ полномъ собраніи общества. Въ своей бумагѣ онъ за-

являетъ обществу, что хотя, по усиленнымъ просьбамъ, и согласился на должность директора училища, но теперь, видя невозможность «продолжать службу въ надлежащемъ видѣ, не уклоняясь отъ истины», отказывается отъ нея. Указавъ на беззаконность требованія магистрата, онъ доказывалъ, что «поступленіе въ гимназію не только не должно вмѣнять въ преступленіе Іеропесу, но ещё онъ заслуживаетъ особенной благодарности за-то, что принялъ трудъ распространять въ новомъ своёмъ отечествѣ языкъ нашихъ отцовъ. Дѣти нашихъ собратій, писалъ Приховъ, погибшихъ въ нынѣшнюю патріотическую войну, принятыя въ гимназію по волѣ Государя Императора на содержаніе графа Кушелева-Безбородко, должны бы остаться безъ всякаго изученія отечественнаго языка» и такъ далѣе. Въ заключеніе, замѣчаетъ, что въ условіи, заключённомъ обществомъ съ Іеропесомъ, вовсе нѣтъ запрещенія обучать въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Аргументы Прихова нимало не подѣйствовали на выходившихъ изъ себя нѣжинскихъ грековъ. Магистратъ потребовалъ его къ отвѣту и получилъ отвѣтъ, что уже сдѣлано о всёмъ донесеніе куда слѣдуетъ и что до полученія окончательнаго рѣшенія не предстоитъ надобности ни въ явкѣ въ магистратъ, ни въ дальнѣйшей перепискѣ. Наконецъ въ апрѣлѣ получено рѣшеніе отъ Харьковскаго попечителя, по которому дѣйствія магистрата признаны незаконными и Іеропесъ оставленъ при греческомъ училищѣ въ прежней должности. Впрочемъ враждебныя отношенія и преслѣдованія грековъ не прекращались и послѣ того: сохранился рапортъ Іеропеса отъ 23-го февраля 1825 года о томъ, что, когда онъ ночью 20-го февраля подходилъ къ своей квартирѣ, на него напалъ сторожъ греческаго училища, «билъ его до крови, разбилъ голову» и такъ далѣе.

Что касается до принадлежности Іеропеса къ партіи, враждебной Бѣлоусову и его сторонникамъ, то она объясняется, кажется, не столько личными симпатіями, сколько родствомъ съ Билевичемъ: онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго. Въ біографіи его, помѣщённой въ Лицейскомъ сборникѣ, замѣчено, что «когда всѣ профессоры раздѣлились на двѣ партіи, старую и новую, одинъ Іеропесъ смиренно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми».

Въ конспектахъ, начинающихся съ 182⁵/₆ года, курсъ Іеропеса является довольно обширнымъ. Онъ раздѣлялся на шесть отдѣленій: начальное чтеніе — чтеніе и письмо — грамматическое, синтаксическое, реторическое; піитическое и аналитическое — разборъ плановъ и особенныхъ красотъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, преимущественно Гомера, Софокла, Пиндара. Въ дѣйствительности же, должно полагать, содержаніе курса было ограниченно, такъ-какъ предметъ былъ не обязателенъ и отношеніе къ нему учениковъ, число которыхъ было притомъ весьма небольшое и часто мѣнялось, поверхностно; для преподаванія греческаго языка назначены были даже послѣобѣденные часы, какъ для искусствъ, на что часто жаловался Іеропесъ. Изъ ежемѣсячныхъ отмѣтокъ можно заключать, что и успѣхи учениковъ были далеко неудовлетворительны.

По уставу гимназіи назначены были, какъ особый предметъ, воен-

ныя науки. Для замѣщенія должности преподавателя военныхъ наукъ, Орлай въ концѣ 1824 года обращался къ подполковнику Терлецкому, герою Смоленска, Бородина и Малоярославца — и получилъ отъ него согласіе. Въ письмѣ отъ 10-го ноября Терлецкій благодарилъ за сдѣланное ему предложеніе и просилъ увѣдомить, «какіе именно предметы придётся ему преподавать, такъ-какъ ему необходимо озаботиться составленіемъ программы и урочныхъ записокъ». Дѣло не состоялось. Въ маѣ 1825 года Терлецкій отказался «отъ предложенной функціи по недавнему оставленію воинской службы и крайне разстроенному здоровью. Нѣкоторое время преподавалъ военныя науки, артиллерію и фортификацію, Шапалинскій.

Изъ учителей низшихъ классовъ должно упомянуть объ И. Г. Кулжинскомъ, обучавшемъ латинскому языку и бывшемъ въ послѣдствіи инспекторомъ Лицея князя Безбородко. Дѣятельное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу всегда было отличительною чертою Ивана Григорьевича, много потрудившагося и на педагогическомъ, и на литературномъ поприщахъ. Автобіографія его, съ перечнемъ сочиненій 1827 — 54 годовъ, помѣщена въ Лицейскомъ сборникѣ. И теперь, проживая въ Нѣжинѣ на пенсіи, близь зданія, въ которомъ прослужилъ нѣсколько лучшихъ лѣтъ своей жизни и съ которымъ связаны стародавнія воспоминанія, почтенный старецъ, сохранившій замѣчательную бодрость духа, продолжаетъ откликаться на явленія общественной жизни, строго охраняя и усердно защищая однажды усвоенныя представленія. Составителю настоящаго очерка не разъ приходилось обращаться къ прекрасно сохранившейся памяти Ивана Григорьевича за повѣркою впечатлѣній, вынесенныхъ изъ архива.

Кромѣ профессоровъ и учителей низшихъ классовъ, при гимназіи состояли ещё учители искусствъ: рисованія — Павловъ, танцованія и пѣнія — Севрюгинъ и фехтованія — Урсо.

Павловъ, свободный художникъ, принадлежалъ къ числу способныхъ, добросовѣстно относившихся къ своимъ обязанностямъ, преподавателей, и пользовался расположеніемъ своихъ учениковъ. Въ 1821 году Орлай, отдавая справедливую похвалу его хорошему поведенію и усердію, представилъ его на должность надзирателя, въ которой онъ и былъ утвержденъ, съ оставленіемъ въ должности учителя рисованія. Преподаваніе видимо затруднялось недостаткомъ пособій, на что Павловъ часто жаловался: «лучшимъ ученикамъ», пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчётовъ, «давно слѣдовало бы начать цѣлыя головы и фигуры, но, за неимѣніемъ сихъ оригиналовъ, продолжаютъ рисовать ландшафты» — и такъ далѣе.

Севрюгинъ переведёнъ изъ Новгородской гимназіи и служилъ сначала безъ жалованья, пользуясь платой за обученіе вольноприходящихъ, такъ-какъ уставъ не назначилъ учителя танцованія и пѣнія. Вскорѣ однако почётный попечитель предписалъ Веркіевской экономіи выдавать ему по 250 рублей въ годъ «за стараніе и раченіе въ обученіи танцованію и музыкѣ». Впослѣдствіи Орлай ходатайствовалъ о назначеніи ему особаго жалованья, объясняя, что, «при образованіи юношества въ

умственныхъ и нравственныхъ знаніяхъ, по общему нынѣ употребленію, принято въ содѣйствіе къ оному и образованіе самыхъ чувствъ и тѣлесныхъ движеній посредствомъ музыки и танцованія для вящшей благовидности благовоспитанія, чего и родители пансіонеровъ многіе желаютъ». Въ ноябрѣ 1824 года ему назначено было 400 рублей въ годъ. Преподаваніе шло довольно успѣшно. Въ одномъ изъ первыхъ отчётовъ Севрюгинъ доноситъ директору, что «какъ по музыкѣ, такъ и по танцовальнымъ классамъ, я надѣюсь, что скоро ученики возмогутъ показать себя вашему высокородію отличными въ составляющихся оркестрахъ, какъ въ музыкальномъ, такъ и вокальномъ». Разыгрывались увертюры, хоры съ пѣніемъ и музыкой и «разныя музыкальныя штуки»; разучивались минуэты, польскіе па, экосезы, альманы, вальсы, матрадуры, матлоты и пр. Севрюгинъ завѣдывалъ и церковнымъ хоромъ. Обученіе было необязательно, и учитель часто жалуется, что «учатся не старательно и въ классѣ весьма шумятъ».

Учитель фехтованія, Іосифъ Урсо, имѣлъ ещё меньше учениковъ.

Дѣятельность всѣхъ преподавателей, кромѣ непосредственнаго и непрерывнаго наблюденія со стороны директора, находилась и подъ общимъ наблюденіемъ почётнаго попечителя, графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко. Внимательный пересмотръ архивныхъ бумагъ приводитъ къ заключенію, что онъ былъ дѣйствительнымъ, не номинальнымъ, попечителемъ: онъ принималъ живѣйшее участіе не только въ первоначальномъ устройствѣ заведенія, облегчая и ускоряя это устройство своими пожертвованіями, но и впослѣдствіи, до конца своей жизни, относился съ неизмѣннымъ вниманіемъ и заботливостью къ его интересамъ. Гимназія постоянно находилась въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ нимъ, такъ что всѣ ея представленія и донесенія обыкновенно заготовлялись въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ назначался ему, а другой—окружному попечителю. Директоръ, въ особенности сначала, часто обращался къ почётному попечителю за разрѣшеніемъ даже мелочныхъ распоряженій и расходовъ въ родѣ принятія, для экономіи, дворовыхъ людей отъ родителей воспитанниковъ, или прибавки двухъ прачекъ къ трёмъ «для мытья рубашекъ, косынокъ и манишекъ въ лѣтнее время во избѣжаніе вредныхъ для здравія слѣдствій отъ тѣлеснаго пота и внѣшней пыли произойти могущихъ». Отправляясь посланникомъ во Франкфуртъ, въ августѣ 1824 года, графъ проситъ директора доставлять ему чрезъ каждые два мѣсяца извѣстія о ходѣ дѣлъ въ гимназіи, а на возвратномъ пути оттуда, изъ Варшавы—возобновить присылку въ Петербургъ всѣхъ представленій. Не рѣдко и лично посѣщалъ онъ гимназію, присутствовалъ на испытаніяхъ и результаты своихъ наблюденій сообщалъ не только устно, но и письменно, производилъ общую ревизію, вникалъ въ матеріальное положеніе служащихъ и всячески старался о его улучшеніи.

О нѣкоторыхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ къ преуспѣянію заведенія въ разныхъ отношеніяхъ, упомянуто выше. Для общей же характеристики отношеній почётнаго попечителя къ гимназіи, приведу здѣсь нѣсколько свѣдѣній о ревизіи, произведённой имъ лично въ 1823 году.

Избираю этотъ годъ потому, что тогда же—и это былъ единственный случай—посѣтилъ гимназію и окружной попечитель, оставившій также свои замѣчанія по ревизіи.

Графъ видимо остался вполнѣ доволенъ гимназіей. Немногія, сдѣланныя имъ, замѣчанія касаются подробностей, не оказавшихъ вліянія на общее впечатлѣніе. «Пріятнымъ долгомъ почитаю объявить, пишетъ онъ въ своёмъ предложеніи директору отъ 18-го сентября 1823 года, что во время пребыванія моего въ Нѣжинѣ и обревизованія хода гимназіи высшихъ наукъ замѣчены мною большіе успѣхи воспитанниковъ со времени послѣдней моей ревидаціи какъ въ наукахъ, такъ и въ языкахъ. Въ экзаменахъ, производимыхъ мною, я нашолъ, что воспитанники въ классахъ математики, исторіи, словесности и въ языкахъ большею частію ясно понимаютъ и объясняютъ предметы, что доказываетъ стараніе гг. профессоровъ и ваше попеченіе». Въ заключеніи предложенія состояніе гимназіи названо цвѣтущимъ и выражено желаніе, чтобы гимназія достигла «высшей степени совершенства».

Интересно сопоставить это предложеніе съ предложеніемъ окружного попечителя, Е. Я. Карнеева. Хотя общее впечатлѣніе, выраженное въ послѣднемъ, также можно назвать благопріятнымъ, однако указанные недостатки такъ важны, что общее заключеніе бумаги не оказывается въ строгой связи съ выраженнымъ въ началѣ ея общимъ впечатлѣніемъ. Впрочемъ должно замѣтить, что всѣ указанія относятся къ распредѣленію помѣщеній и вообще къ хозяйственной части и не касаются существенной стороны заведенія, учебнаго дѣла, которымъ попечитель видимо остался доволенъ. «Осмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ и во всей подробности Нѣжинскую гимназію, пишетъ попечитель директору изъ Чернигова 20-го сентября, я нахожу устройство оной, въ особенности его учебной части, заслуживающимъ всякаго уваженія. Преподаваніе наукъ, наипаче же изученіе языковъ, производятся съ надлежащимъ успѣхомъ. Постепенный порядокъ ученія, доведённый уже до седьмого класса, доказываетъ и достаточныя свѣдѣнія гг. профессоровъ, и отличное ваше объ усовершенствованіи сего предмета попеченіе; равнымъ образомъ не могу я не отдать справедливости трудамъ вашимъ и по части введенія нравственнаго и хозяйственнаго въ заведеніи благоустройства, которое наиболѣе собственно вамъ принадлежитъ. Обо всёмъ семъ не премину я довести до свѣдѣнія вышняго начальства, и надѣюсь, что оно обратитъ къ заслугамъ вашимъ и къ усердію вашему на пользу службы должное вниманіе». Относительно учебной части попечитель ограничивается собственно двумя замѣчаніями: о необходимости требовать отъ профессоровъ конспектовъ преподаваемыхъ ими наукъ, которые, по разсмотрѣніи, исправленіи и одобреніи въ конференціи, особенно со стороны директора, «какъ обязаннаго руководствовать и наставлять профессоровъ къ избранію лучшей и легчайшей методы ученія», должны приводиться въ точное исполненіе, и о наблюденіи, особенно въ высшихъ классахъ, «чтобы воспитанники, *преимущественно въ классѣ законоученія*, занимались не однимъ выучиваніемъ наизусть уроковъ, но ясно понимали и объясняли бы оные отъ себя своими словами».

Орлай не оставилъ съ своей стороны сдѣланныхъ обоими попечителями указаній на недостатки гимназіи безъ замѣчаній. Замѣчанія эти были внесены въ журналъ конференціи 29-го сентября 1823 года. «Конспекты», замѣчаетъ Орлай, «требовались и прежде, и вообще въ преподаваніи наукъ прилагается тщательное стараніе, чтобы понятія учащихся развивались постепенно поучительными объясненіями наставниковъ и принимаются всѣ мѣры, чтобы никто изъ учащихся не пріобрѣталъ знанія преподанныхъ уроковъ посредствомъ выучиванія ихъ только наизусть. Такъ-какъ одно знаніе закона Божія озаряетъ человѣковъ истиннымъ просвѣщеніемъ, то постановлено въ неукоснительную обязанность законоучителю, Павлу Волынскому, вперять въ юныя сердца питомцевъ любовь къ Богу и ближнему, повиновеніе властямъ и вообще страхъ Божій». На указаніе, что лучше было бы принимать вольноприходящихъ учениковъ съ четвёртаго класса, Орлай справедливо замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ первые три класса могутъ остаться безъ учениковъ, а учителя безъ дѣла, не говоря о томъ, что, по требованіямъ относительно пріёма учениковъ по уставу гимназіи съ одной стороны — знаніе чтенія и письма россійскаго, общеупотребительныхъ молитвъ, краткаго катихизиса и четырёхъ правилъ ариѳметики — и соображеніямъ относительно курса повѣтовыхъ училищъ съ другой, изъ послѣднихъ только и могутъ поступать ученики второго класса въ первый классъ гимназіи и изъ третьяго во второй, такъ-какъ курсъ четвёртаго класса повѣтоваго училища совершенно не соотвѣтствуетъ четвёртому классу гимназіи. — Относительно однообразія въ платьѣ, бѣльѣ и пр. Орлай замѣтилъ, что «пансіонеры гимназіи одѣты хорошо, прилично и однообразно; позволено имъ однакоже во время классовъ носить и своё платье, чрезъ что сберегается казённый интересъ; всѣ вещи находятся подъ надзоромъ инспектора и четырёхъ надзирателей и ревизуются ежемѣсячно профессорами. Малочисленность поступающихъ въ пансіонъ Орлай объясняетъ тѣмъ, что родители находятся въ неизвѣстности относительно преимуществъ гимназіи, такъ-какъ не утвержденъ ещё уставъ, а также мѣстоположеніемъ города: «весь городъ Нѣжинъ имѣетъ низменное положеніе, а гимназія сама окружена болотами, зловредный воздухъ испускающими, что также родителей отвлекаетъ отъ гимназіи»; наконецъ, указываетъ на слишкомъ высокую плату, вносимую за пансіонеровъ, затрудняющую малороссійскихъ дворянъ: «всѣмъ извѣстно, что въ Малороссіи богатыхъ дворянъ немного, а посему полагать можно, что число вольноприходящихъ умножится впредь значительно, а пансіонеровъ будетъ мало; ученіемъ, содержаніемъ и вообще порядкомъ родители всѣ весьма довольны, но на производимую ими плату жалуются по неимуществу своему». На указаніе почётнаго попечителя, что полезно было бы увеличить число часовъ для обученія языкамъ, Орлай замѣчаетъ, что «изученіе языковъ считается вездѣ экстраординарнымъ ученіемъ и обыкновенно отдаётся на произволъ учащихся, исключая отечественный и латинскій; посему, ежели опредѣлить болѣе часовъ для языковъ, то не воспрепятствуетъ ли это успѣхамъ въ наукахъ, которыя однакожъ однѣ образуютъ государственнаго человѣка». Распоряженіе о размѣщеніи учениковъ въ столовой и классахъ по успѣхамъ и поведенію

было сдѣлано Орлаемъ прежде. Наконецъ, важнымъ слѣдствіемъ ревизіи почётнаго попечителя было учрежденіе особаго хозяйственнаго правленія, членами котораго, подъ предсѣдательствомъ директора, были—инспекторъ и одинъ изъ членовъ конференціи, по выбору послѣдней.

Озабоченный мыслью о приведеніи гимназіи въ цвѣтущее состояніе, почётный попечитель, вскорѣ послѣ ея открытія, задумалъ устроить при ней *учоное общество*. Ещё въ январѣ 1822 года окружной попечитель предлагалъ директору доставить заключеніе конференціи по содержанію полученнаго имъ отъ министра мнѣнія объ учрежденіи общества. «Почётный попечитель, графъ Кушелевъ-Безбородко», пишетъ Карнеевъ, «желая учредить при гимназіи сей учёное общество, которое въ собственности занималось бы историческими изслѣдованіями, до того края относящимися, испрашиваетъ его сіятельства согласія на учрежденіе онаго, по примѣру существованія таковаго же общества при Ярославскомъ Демидовскомъ Высшихъ Наукъ Училищѣ, котораго привиллегіи всемилостивѣйше распространены и на означенную гимназію». Конференція, въ засѣданіи 10-го февраля, нашла слѣдующія «препятствующія затрудненія къ учрежденію общества»: 1) малочисленность профессоровъ и учителей; 2) «источники, состоящіе въ разныхъ сочиненіяхъ или замѣчаніяхъ, относящихся къ сему краю, каковы: лѣтописи, народныя повѣсти, даже пѣсни, особенно древнія граматы, жалованныя дворянству, волостнымъ правленіямъ, монастырямъ и прочимъ, изъ коихъ бы можно было заимствовать вѣрные историческіе матеріалы, по новости существованія своего, гимназія ещё не успѣла пріобрѣсти; равно и народный духъ края сего съ своими обыкновеніями, по недавнему наставниковъ вступленію въ должности, нѣкоторымъ совсѣмъ почти неизвѣстенъ. Слѣдственно, всѣ сіи принадлежности требуютъ ещё нарочито-продолжительнаго времени для предварительнаго соображенія оныхъ, дабы впослѣдствіи можно было извлекать изъ нихъ что-либо существенное; 3) гимназія, будучи въ совершенно новомъ обзаведеніи, имѣя во многомъ нужду касательно собственнаго устроенія и преимущественно поставляя первымъ и главнымъ для себя предметомъ постепенно открывать полные всѣ девять классовъ, или полное теченіе предназначеннаго ей учебнаго курса, всё же прочее считая болѣе за постороннее, такъ сказать, не въ правѣ употреблять и время, и свои усилія на оное, не поставивши на твёрдую степень самаго главнаго и существеннаго». Соображенія эти, безъ сомнѣнія, были внушены Орлаемъ, что видно изъ его собственнаго мнѣнія, приложеннаго къ опредѣленію конференціи. Мнѣніе это весьма любопытно: отклоняя отъ гимназіи проэктированное почётнымъ попечителемъ учоное общество, онъ въ то же время, какъ горячій патріотъ, доказываетъ крайнюю необходимость общества для изученія южной Россіи и преимущественно той ея части, которая лежитъ внѣ теперешнихъ предѣловъ Россіи и заселена кореннымъ русскимъ населеніемъ, причёмъ упрекаетъ русскихъ въ равнодушіи и незнаніи этой древней Руси, отторженной отъ своей матери, великой Руси. Заключеніе конференціи и мнѣніе директора подѣйствовали: министръ не призналъ удобнымъ учреждать учёное общество при Нѣжинской гимназіи. Увѣдомляя объ этомъ директора, окружной попечитель присовокупляетъ: «въ

сему не лишнимъ считаю замѣтить, что примѣръ подобнаго общества при Демидовскомъ училищѣ не весьма одобрителенъ по мнѣнію его сіятельства, ибо учреждённое при ономъ общество не оказало никакого успѣха и вообще не сдѣлало ничего».

Въ то же время начинается дѣятельность почётнаго попечителя по устройству домовой церкви при гимназіи. Воспитанники ходили въ приходскую церковь, отстоящую на значительное разстояніе отъ гимназіи, что, по причинѣ непроходимой Нѣжинской грязи въ осеннее и весеннее время, дѣйствительно представляло большія затрудненія. Затрудненія эти заставили Орлая обратиться къ графу съ просьбой ускорить устройство церкви. «Рачительнѣйшій присмотръ за воспитанниками», пишетъ онъ, «истинное, на христіанствѣ основанное, ихъ ученіе, надёжно служащее къ образованію ихъ сердца и ума, всегда составляетъ важнѣйшее наше занятіе. Но при таковомъ руководствѣ ко всему истинному и доброму, остаётся желать, чтобы они во всѣ воскресные и праздничные дни неупустительно бывали въ храмѣ Божіемъ и въ ономъ, благоговѣйно слушая христіанское богослуженіе, наравнѣ съ науками, выучивали бы христіанскія душеспасительныя обязанности. Сіе и нынѣ составляетъ ихъ первѣйшую обязанность. Но при всей, поселённой въ нихъ, къ сему ревности не всегда они могутъ выполнить сей священный долгъ христіанина, по причинѣ грязи, стужи, мятелей и отдалённости приходской церкви. Ежегодныхъ издержекъ на содержаніе церкви я не предвижу: но ещё навѣрное полагаю, что, при нынѣшнемъ въ гимназіи хорошемъ ходѣ наукъ, устроеніе въ гимназіи церкви послужило бы къ большему приращенію вольныхъ пансіонеровъ, а слѣдовательно и доходовъ гимназіи. Хоръ могъ бы образоваться изъ воспитанниковъ.» Выразивъ желаніе, чтобы церковь была открыта къ 30-му августа того же года, Орлай заключаетъ: «я съ удовольствіемъ буду ждать того времени, когда вашему сіятельству угодно будетъ лично посмотрѣть на сіе заведеніе, счастливо и успѣшно шествующее къ высокой, предназначенной ему, цѣли, и заранѣе порадоваться пріятнѣйшими плодами ревностнѣйшаго объ ономъ попеченія вашего сіятельства». 17-го августа графъ увѣдомляетъ директора, что церковь будетъ учреждена во имя священномученика Александра, иже въ Пиднѣ, въ память князя Безбородко, и что иконы для нея уже заказаны въ Петербургѣ. Сношенія однако съ Синодомъ, а послѣдняго съ мѣстнымъ архіереемъ Лаврентіемъ, замедлили дѣло — и церковь была освящена только 22-го іюня 1824 года. Это событіе, о которомъ Орлай такъ хлопоталъ и котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ, занесено въ журналъ конференціи 5-го іюля 1824 года: «сего 1824 года, іюня 1-го дня, къ общей радости чиновниковъ и воспитанниковъ гимназіи, прибылъ изъ С.-Петербурга г. почётный попечитель, немедленно обозрѣлъ всѣ части сего учебнаго заведенія, а съ 16-го по 19-е число присутствовалъ при годичномъ воспитанниковъ испытаніи. Между-тѣмъ, въ теченіи экзаменовъ, именно 22-го іюня, по благословенію епархіальнаго епископа, его сіятельство назначилъ посвятить предварительно къ тому пріуготовленную въ гимназіи церковь. Къ освященію сего храма, кромѣ чиновниковъ гимназіи и обучающагося юношества, приглашены были воин-

скіе и гражданскіе чиновники, находящіеся въ Нѣжинѣ, равно повѣтовые помѣщики и родители воспитанниковъ. Духовенство отъ всѣхъ церквей города, подъ ликоначальствомъ архимандрита Евгенія, совершило чиноположеніе освященія храма, причёмъ архимандритомъ было произнесено приличное слово какъ въ возблагодареніе и безсмертную память основателямъ сего знаменитаго учебнаго заведенія, такъ и соревнователю ихъ, внуку, графу А. Г. Кушелеву-Безбородко. Послѣ литургіи, молебствія и многолѣтія, духовенство крестнымъ ходомъ шествовало въ библіотечный залъ, гдѣ, особо освятивъ воду, знаменовало крестомъ и кропило оною освящённою водою какъ залъ сей, такъ и прочія комнаты и классы съ священнымъ въ шествіи пѣніемъ. Наконецъ духовенство, по сложеніи церковнаго облаченія, также чиновники и дворянство, были угощаемы господиномъ почётнымъ попечителемъ въ занимаемыхъ имъ покояхъ завтракомъ, а потомъ, въ 4 часа пополудни, обѣденнымъ столомъ. Въ вечеру данъ былъ великолѣпный балъ, который продолжался до 2-хъ часовъ по полночи. Господинъ директоръ и собраніе конференціи, для незабвенной о таковомъ событіи памяти, опредѣлило внесть сіе въ журналъ, что симъ и исполняется».

Послѣ общаго обозрѣнія гимназіи необходимо сообщить свѣдѣнія о пресловутой *исторіи о вольнодумствѣ*, на которую не разъ было указано выше, исторіи, волновавшей три года умы всѣхъ, не только учившихъ, но и учившихся, окончившейся разгромомъ состава преподавателей и создавшей для гимназіи такое положеніе, что оказался необходимымъ выходъ ея въ другую сторону, въ другое направленіе. Считаемъ необходимымъ остановиться на этой исторіи и потому, что въ ней, вмѣстѣ со всѣми учениками, принимали живое участіе и Гоголь, крайне возбуждённое состояніе котораго въ послѣднее время пребыванія въ гимназіи и многое въ его письмахъ отъ этого времени объясняются именно этимъ участіемъ, и Кукольникъ, который въ этой исторіи игралъ особенно видную роль.

Интриги, враждебныя отношенія между преподавателями, вслѣдствіе личныхъ столкновеній, раздѣленіе на партіи — явленіе обычное въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ провинціальныхъ городовъ, объясняемое прежде всего однообразіемъ и ограниченностью круга дѣятельности, сосредоточеніемъ интересовъ въ этомъ тѣсномъ кругѣ безъ достаточно-сильнаго отвлеченія ихъ въ сторону. Отъ скопленія интересовъ въ тѣсномъ пространствѣ легко сообщается личный характеръ дѣлу общаго характера, причёмъ также легко возбуждаются страсти, приводящія часто къ положеніямъ, неожиданнымъ для самихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ Нѣжинѣ, какъ маломъ городѣ, явленіе это ещё понятнѣе. И должно отдать полную справедливость такту Орлая, его умѣнью обобщать интересы и направлять ихъ къ пользѣ заведенія. Въ его почти пятилѣтнее управленіе гимназіей явленіе это оказывается почти незамѣтнымъ. Оно выдвигается на первый планъ вслѣдъ за его увольненіемъ, и когда явился новый директоръ, Ясновскій, страсти были уже воспламенены дотого, что ихъ нельзя было потушить обычными домашними средствами.

По содержанію своему, нѣжинская исторія совершенно однородна съ извѣстными исторіями въ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ универси-

тетахъ, такъ-что представляетъ собою только отдѣльный, доселѣ неизвѣстный, эпизодъ общей университетской исторіи о пресловутомъ вольнодумствѣ профессоровъ, обличаемомъ тогдашними ревнителями просвѣщенія въ родѣ Магницкаго, Рунича и другихъ. Бѣлоусовъ представлялъ собою въ маломъ видѣ Германа, Арсеньева, Раупаха, Шада, а Билевичъ и К°— Магницкаго и Рунича, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдніе, руководясь высшими соображеніями, прикидывались защитниками истиннаго просвѣщенія, которому якобы угрожало вольнодумство профессоровъ, между-тѣмъ какъ Билевичъ руководился просто личною ненавистью къ Бѣлоусову, обличавшему его въ невѣжествѣ и неспособности.

Дѣло началось, какъ мы видѣли, съ лёгкихъ обвиненій Бѣлоусова въ небрежномъ отношеніи къ обязанностямъ инспектора, породившемъ безчинство и распущенность пансіонеровъ; но когда эти обвиненія, безъ важныхъ послѣдствій для обвиняемаго, истощились, а страсти воспламенялись, обвинители обратились къ болѣе благодарному и горючему матеріалу — къ обвиненію въ вольнодумствѣ, которымъ притомъ легко объяснялась и распущенность пансіона. Въ первый разъ Билевичъ коснулся этого матеріала въ рапортѣ отъ 7-го мая 1827 года, заявивъ, что онъ «примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго», которое, вопреки предписанію попечителя, читается не по системѣ де-Мартини, а по основаніямъ философіи Канта и Шада.

Въ отвѣтѣ своёмъ отъ 2-го іюля Бѣлоусовъ, замѣтивъ объ опасностяхъ для преподающихъ естественное право «вслѣдствіе смѣшенія его нѣкоторыми писателями съ политикой и другими посторонностями», утверждаетъ, что Билевичъ о Кантовой философіи не имѣетъ ни малѣйшаго понятія и для доказательства проситъ конференцію сличить его записки по естественному праву этого года съ записками предъидущаго. Что же касается до Шадова естественнаго права, котораго Билевичъ также не читалъ, то въ его запискахъ нѣтъ ничего общаго съ системой Шада; ссылкою же на послѣдняго Билевичъ, очевидно, думалъ придать болѣе вѣса своему обвиненію, такъ-какъ слышалъ, что Шадъ высланъ за границу и его естественное право запрещено. При этомъ Бѣлоусовъ представилъ въ конференцію записки, составленныя имъ и взятыя у одного изъ учениковъ. «Записки эти», замѣчаетъ онъ, «суть только краткое, сообразное съ понятіями слушателей, извлеченіе изъ того автора (де-Мартини), коимъ правительство позволило руководствоваться при преподаваніи въ русскихъ училищахъ. Въ нихъ излагаются истины полезныя и необходимыя для человѣка, въ гражданскомъ обществѣ живущаго, и могущія подавить самыя сѣмена вольнодумства. Въ заключеніе же проситъ конференцію, оставивъ естественное право за Билевичемъ, какъ профессоромъ политическихъ наукъ, поручить ему преподаваніе россійскаго гражданскаго и уголовнаго права, такъ-какъ онъ слушалъ эти права въ университетѣ, а Билевичъ нигдѣ имъ не учился, а не учившись не можетъ онъ знать легчайшаго способа преподаванія; притомъ онъ русскій, а Билевичъ иностранецъ; наконецъ онъ имѣлъ случай теорію

русскаго права усовершенствовать практикой, занимаясь, по приглашенію Кіевскаго губернатора, въ его канцеляріи.

Представленныя Бѣлоусовымъ въ конференцію записки Билевичъ называетъ подложными и доноситъ, что 21-го іюня Бѣлоусовъ отбиралъ отъ учениковъ тетради съ цѣлію ихъ исправленія, но что онъ однако успѣлъ захватить у двоихъ учениковъ подлинныя записки, писанныя со словъ преподавателя. Эти-то послѣднія онъ и представилъ въ конференцію вмѣстѣ съ ихъ критическимъ разборомъ. Такимъ-образомъ въ конференцію разомъ поступили записки Бѣлоусова въ двухъ видахъ — представленныя самимъ профессоромъ, въ которыя не вѣрилъ Билевичъ, и представленныя Билевичемъ, въ которыя не вѣрилъ профессоръ, какъ злоумышленно измѣнённыя и искажонныя. Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о разборѣ Билевичемъ записокъ, перехваченныхъ у учениковъ и, по всей вѣроятности, сомнительнаго достоинства, нѣтъ надобности тѣмъ болѣе, что намъ придётся остановиться сейчасъ же на другомъ, болѣе любопытномъ, разборѣ тѣхъ же записокъ, составленномъ, очевидно, по внушеніямъ того же Билевича. Замѣтимъ только, что, по мнѣнію послѣдняго, записки «преисполнены такихъ мнѣній и положеній, которыя неопытное юношество дѣйствительно могутъ вовлечь въ заблужденіе»; что въ нихъ совершенно не упоминается о должностяхъ къ Богу, къ самому себѣ, къ ближнему, къ родителямъ, къ дѣтямъ, къ роднымъ, къ семейственной жизни и прочее.

И тѣ, и другія записки, по предложенію исправляющаго должность директора, Шапалинскаго, конференція передала на разсмотрѣніе законоучителю, протоіерею Волынскому — и это привлеченіе къ дѣлу законоучителя составляетъ оригинальную часть нѣжинской исторіи, не находящую себѣ соотвѣтствія ни въ Петербургской, ни въ Харьковской исторіяхъ. По всему оказывается, что протоіерей Волынскій принялъ на себя въ этомъ дѣлѣ весьма незавидную роль. Впрочемъ, представленный имъ въ конференцію 20-го іюля рапортъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Въ нёмъ онъ заявляетъ, что «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ нашолъ мысли, при наученіи юношества, къ сбивчивымъ и ложнымъ понятіямъ ведущія». Такъ Бѣлоусовъ начала права по системѣ Томазія — справедливое, честное и приличное — назвалъ не важными, «тогда какъ справедливаго и честнаго законъ Божій держаться повелѣваетъ» (Филиппис. IV. 8). Бѣлоусовъ замѣчаетъ, что не важною названа система Томазія, излагающая *только* начала честнаго, справедливаго и приличнаго, изъ чего видно, что Томазій смѣшивалъ этику съ естественнымъ правомъ. «Можно взять въ систему самыя лучшія, божественныя начала, но система не сдѣлается отъ нихъ лучшею, ежели сіи начала или не всѣ къ ней принадлежатъ, или не преподаны надлежащимъ образомъ.»

О Вольфовомъ началѣ «perfice te et perfice alios» не выражено собственнаго мнѣнія, а только неопредѣлительно упоминается о критикѣ чистаго практическаго ума Канта, «съ примѣтнымъ преимуществомъ онаго предъ прочими системами». — Въ запискахъ прямо сказано, отвѣчаетъ Бѣлоусовъ, что «сіе начало усовершенія, равно какъ и начало соціализма, не могутъ служить основаніемъ естественнаго права». Предметъ права

есть то̀, чѣмъ человѣкъ посредствомъ своего права исключительно располагать можетъ, а потому слѣдующее затѣмъ замѣчаніе Волынскаго, что въ его опредѣленіи «нѣтъ ограниченія чрезъ понятіе о сообразности съ закономъ, ибо никакъ предполагать не можно никакого человѣческаго права прежде существованія закона»—несправедливо, потому-что предметъ права долженъ быть опредѣлёнъ прежде изложенія науки о правахъ, дабы дать точное о нёмъ понятіе и дабы мы тотчасъ усмотрѣли то̀, что не есть предметъ нашего права. Коль скоро мы потеряемъ изъ виду предметъ права, то будемъ считать предметомъ нашихъ правъ то̀, на что мы никакихъ правъ не имѣемъ, какъ напримѣръ 18-го іюня сего года г. Билевичь, экзаменовавшій слушавшихъ у него естественное право учениковъ, кончавшихъ курсъ, не только не соглашался, что мы не имѣемъ правъ на Бога, но и рѣшительно утверждалъ, что мы имѣемъ право на Бога. Въ словахъ Бѣлоусова: «человѣкъ имѣетъ право на своё лицо, то есть онъ имѣетъ право быть такъ, какъ природа образовала его душу и тѣло, а потому достоинство разумной природы въ чувственномъ мірѣ составляетъ ненарушимость лица», Волынскій видитъ два заблужденія: при такомъ опредѣленіи, «можно отрицать всякое повиновеніе закону; при нёмъ же уничтожается власть родителей на дѣтей, воспитаніе или ученіе ихъ дѣлаются ненужными; въ чёмъ же состоитъ достоинство разумной природы неизвѣстно». Во-первыхъ, «нѣтъ положительнаго закона, замѣчаетъ Бѣлоусовъ, «который бы запрещалъ человѣку быть такъ, какъ природа образовала его душу и тѣло; напротивъ, законы положительные охраняютъ наипаче врождённыя права человѣка на его душу и тѣло; во-вторыхъ, развѣ властію родителей уничтожаются душа и тѣло ихъ дѣтей, развѣ человѣкъ, сохраняя душу и тѣло, долженъ непремѣнно не терпѣть сей власти надъ собою, развѣ родители могутъ лишить дитя тѣла или губить ихъ душу, развѣ воспитаніе и ученіе уничтожаютъ душу и тѣло? По мнѣнію всѣхъ просвѣщённыхъ людей, они развиваютъ способности души. О достоинствѣ же разумной природы въ запискахъ прямо сказано, что оно состоитъ въ ненарушимости лица.

На мнѣніе Бѣлоусова, что «нѣкоторые писатели, не сдѣлавъ себѣ точнаго понятія о первоначальномъ правѣ, иногда почитали онымъ то̀, что не только первоначальнаго, но даже и простаго права составить не можетъ, напримѣръ право на справедливость словъ другаго, на доброе имя и прочее», Волынскій замѣчаетъ: «ежели право на справедливость словъ другаго и на доброе имя не заключается въ понятіи первоначальнаго права, то покрайней-мѣрѣ отнюдь не можетъ быть совершенно исключено вообще изъ права, хотя бы оно и простое было, и паче сіе противно святому писанію и ученію церкви».—«Развѣ изъ того», отвѣчаетъ Бѣлоусовъ, «что человѣкъ не имѣетъ врождённаго права на справедливость словъ другаго, слѣдуетъ, что человѣкъ долженъ лгать? Отецъ Павелъ здѣсь и впослѣдствіи смѣшиваетъ внутреннія, нравственныя обязанности съ правами внѣшними. Всякая несправедливость словъ есть нарушеніе обязанности внутренней къ самому себѣ; слѣдовательно, кто такимъ образомъ поступаетъ, тотъ дѣлаетъ поступокъ и въ отношеніи себя безнравственный; но чтобы имѣть право на справедливость словъ другаго, требуется доказать,

что не справедливостью словъ другаго нарушены наши права.» Относительно права на доброе имя Бѣлоусовъ замѣчаетъ: «если бы многія другія обстоятельства не доказывали, что не отецъ Павелъ писалъ сей разборъ, то одно сіе замѣчаніе касательно права на доброе имя могло бы каждаго удостовѣрить въ истинѣ сего: въ той самой книгѣ, по которой отецъ Павелъ учитъ нравственной философіи въ здѣшней гимназіи (§ 86 стр. 137) сказано: «честь не состоитъ во власти нашей такъ, чтобы мы оную отъ иныхъ людей насильно могли требовать, ибо кто душами другихъ людей такъ повелѣвать будетъ, чтобъ тѣхъ, отъ коихъ почтенъ быть желаетъ, могъ принудить къ доброму и почтенному о себѣ мнѣнію»? Выходитъ, что отецъ Павелъ преподавалъ нравственную философію противно святому писанію и ученію церкви».

Мнѣніе, что «всѣ врождённыя права находятся для всѣхъ людей въ безусловномъ равенствѣ», пишетъ отецъ Павелъ, «можетъ относиться развѣ только къ инстинкту животныхъ; но инстинктъ не есть источникъ права, ибо всякое право должно проистекать изъ нравственнаго, божескаго закона». Показавъ, что де-Мартини, по которому читалъ Билевичъ и который былъ разрѣшонъ правительствомъ, ещё рѣзче выражается въ томъ же смыслѣ о врождённыхъ правахъ, Бѣлоусовъ замѣчаетъ, что въ запискахъ говорится о правахъ, а отецъ Павелъ распространяется о дарованіяхъ. «Можно ли было допускать такого рода разборъ и не будетъ ли онъ для конференціи позоромъ пристрастія? Можно ли удивляться, если, при чуждомъ вліяніи, нѣкоторые ученики, составивъ себѣ записки, написали въ противномъ значеніи тò, что имъ въ поясненіи было сказываемо профессоромъ, когда здѣсь, въ рапортѣ, заставили законоучителя употреблять такіе непростительные извороты и уловки?

Положеніе записокъ, что «обиженный имѣетъ право на наказаніе того, кто его обидѣлъ», по мнѣнію отца Павла, несправедливо, такъ-какъ право наказанія принадлежитъ не обиженному, а закону; притомъ оно ведётъ къ самоуправству и безпрерывной войнѣ». — Бѣлоусовъ обращаетъ вниманіе, что непосредственно слѣдующее за выписаннымъ мѣсто записокъ, «хотя внутренне нравственная обязанность повелѣваетъ примиреніе и великодушіе», которое могло бы найти себѣ полное подтвержденіе въ приведённыхъ отцомъ Павломъ текстахъ, намѣренно выпущено. «Въ главѣ «о обидахъ» показывается только, какія права по естеству принадлежатъ человѣку, если онъ бываетъ обиженъ, и какія юридическія обязанности со стороны обиженнаго; а что право наказывать въ государствѣ принадлежитъ верховной власти, отъ коей и законы проистекаютъ, сіе показано въ другихъ мѣстахъ записокъ, причёмъ прямо сказано, что «никто въ государствѣ не можетъ самовластно управляться».

Слова записокъ: «вынужденное обѣщаніе никогда не обязываетъ», по мнѣнію критика, несправедливо исключаетъ законные случаи, а потому могутъ внушать юношеству вредное понятіе на счётъ законныхъ обѣщаній». — «Что есть законное, отвѣчаетъ Бѣлоусовъ, не есть вынужденное, ибо верховная власть, отъ коей проистекаютъ законы въ государствѣ, соединяетъ въ себѣ воли всѣхъ, въ государствѣ живущихъ, какъ о семъ и въ запискахъ сказано. Слѣдовательно всё, отъ законовъ

происходящее, никогда не можетъ назваться вынужденнымъ; да и положительные законы не считаютъ дѣйствительными тѣхъ договоровъ, въ коихъ обѣщаніе вынуждено какимъ бы то ни было образомъ; посему-то, при сдѣлкахъ разнаго рода, употребляютъ слова: *добровольное* согласіе, *добровольное* условіе и прочее.»

«Таковыя и подобныя имъ наставленія», заключаетъ отецъ Павелъ, «въ классической наукѣ положительнымъ образомъ юношеству преподаваемаго естественнаго права нахожу я цѣли воспитанія юношей несоотвѣтственными и съ самымъ благочестіемъ несообразными, тѣмъ паче, что въ оной, вручённой мнѣ для пересмотрѣнія, тетрадкѣ между правилами нигдѣ ничего не было преподано о должностяхъ къ Богу, къ родителямъ, наставникамъ, къ начальству и вообще къ ближнему, даже и къ самимъ себѣ». — «Дѣлавшему разборъ показалось мало того», говоритъ Бѣлоусовъ, «что онъ съ величайшими натяжками и превратнымъ толкованіемъ нашолъ въ запискахъ несообразнымъ, по его мнѣнію, съ цѣлію воспитанія юношества, онъ порицаетъ меня и за-то, чего въ запискахъ нѣтъ и чего въ нихъ быть не могло, такъ-какъ: ученіе о должностяхъ къ Богу принадлежитъ къ естественному Богословію, а не къ праву естественному; да и самъ де-Мартини говоритъ о нихъ только потому, что «онъ здѣсь руководствовался примѣромъ древнихъ, коему послѣдовали и нѣкоторые изъ новѣйшихъ»; о должностяхъ же къ родителямъ не упоминается и въ запискахъ Билевича, безусловно одобренныхъ отцомъ Павломъ; о должностяхъ къ начальству учитъ всё государственное право, на которое отецъ Павелъ не обратилъ никакого вниманія; также несправедливо, будто не показаны обязанности къ ближнему, ибо естественное право и состоитъ въ томъ, чтобы показать сіи обязанности, но только внѣшнія, юридическія, такъ-какъ внутренне-нравственныя не принадлежатъ къ естественному праву. Чистое же естественное право, изучающее внѣшнія права человѣка, принадлежащія ему по одному его существованію въ чувственномъ мірѣ, изложено имъ по руководству, которое переведено на русскій языкъ и посвящено тому, «коего заслуги по учебной части въ Россіи для насъ драгоцѣнны, коего свѣдѣнія употреблены были при воспитаніи всеавгустѣйшаго монарха нашего». Переводчикъ, въ предисловіи, выразился объ этомъ руководствѣ, что «читатель найдётъ въ нёмъ *аріаднину нить, которая предохранитъ его отъ соблазна постороннихъ и ложныхъ умствованій*». Въ заключеніе, Бѣлоусовъ высказываетъ убѣжденіе, что «никто изъ членовъ конференціи внутренно не вѣритъ, чтобы отецъ протоіерей самъ сей разборъ дѣлалъ, а напротивъ всѣ увѣрены, что оный ему составленъ тѣмъ же самымъ чиновникомъ, который и Билевичу таковый рапортъ писалъ.»

Отвергнувъ обвиненіе въ отбираніи 21-го іюня записокъ у учениковъ, Бѣлоусовъ, въ особомъ рапортѣ, высказалъ мнѣніе о четырёхъ тетрадяхъ записокъ, перехваченныхъ у двоихъ учениковъ и представленныхъ Билевичемъ въ конференцію. Одинъ изъ этихъ учениковъ на его вопросъ: точно ли онъ въ своей тетради писалъ только то, что было изъясняемо на лекціяхъ, съ плачемъ признался, что онъ не знаетъ, а что онъ списалъ ихъ такъ, какъ ему составлено и надиктовано другими. «Для меня достаточно было одного сего признанія», пишетъ Бѣлоусовъ. «Разсмат-

ривая такъ называемыя изъясненія въ запискахъ, я нашолъ, что оныя составлены весьма глупо, что многія самыя превосходныя истины уничтожались худо пріисканнымъ сказуемымъ, что начало періода, показывающее самое благое ученіе, заключалось такою второю частію онаго, отъ которой самое начало теряло смыслъ. Примѣтно нѣкоторое желаніе растолковать другимъ образомъ мои слова и дать имъ дурное направленіе, а индѣ является такое, чего я не упоминалъ; то, что было опровергаемо, оставлено безъ опроверженія. Людямъ, обращавшимся хотя мало въ учоныхъ занятіяхъ, извѣстно, что одинъ союзъ, одна запятая, одно слово, умолченное или прибавленное, или поставленное не на своёмъ мѣстѣ, даётъ особенный смыслъ и часто совершенно противный: что же сказать, если при этомъ дѣйствовало особенное намѣреніе или наущеніе измѣнить смыслъ? Въ заключеніе, просить слѣдствія и прежде всего, не упуская времени, допроса учениковъ, давалъ ли онъ имъ другія записки по естественному праву кромѣ представленныхъ имъ въ конференцію. Разборъ Билевича, какъ обращённый къ запискамъ, не имъ составленнымъ, онъ оставляетъ безъ вниманія, изъявляя готовность, по требованію начальства, объяснить, что въ нихъ измѣнено, прибавлено, для доказательства, что «во всёмъ преподаваніи имъ руководствовало единственное желаніе поселить въ слушателяхъ своихъ повиновеніе начальству, сдѣлать ихъ честными и добродѣтельными».

Замѣчательно, что дѣло о вольнодумствѣ Бѣлоусова и о распущенности пансіонеровъ происходило въ конференціи безъ всякаго донесенія о томъ высшему начальству. Молчаніе въ теченіе полугода (считая съ 7-го мая, когда былъ поданъ первый рапортъ Билевича) исправлявшаго тогда должность директора, Шапалинскаго, объясняется прежде всего естественнымъ желаніемъ его устранить себя отъ разслѣдованія столь непріятнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ со дня на день ожидалъ прибытія въ Нѣжинъ новаго директора, Ясновскаго, опредѣленіе котораго уже состоялось, но прибытіе на мѣсто службы замедлилось, можетъ-быть, по тѣмъ же соображеніямъ; притомъ же самъ Билевичь въ первомъ своёмъ рапортѣ, указывая на послабленіе по этому дѣлу Шапалинскаго и на *зрѣлюнность* его къ Бѣлоусову, просилъ конференцію отложить обсужденіе дѣла до прибытія новаго директора; кромѣ того, не прерывавшееся поступленіе въ конференцію новыхъ бумагъ крайне затрудняло обсужденіе дѣла; наконецъ, должно сказать и то, что Шапалинскій, безъ сомнѣнія, не терялъ надежды какъ-нибудь уладить дѣло мирнымъ образомъ и тѣмъ освободить заведеніе отъ весьма непріятной исторіи; по крайней-мѣрѣ онъ, по словамъ Ландражина въ одномъ изъ его рапортовъ, неоднократно заявлялъ конференціи, что «не хочетъ симъ дѣломъ чернить Гимназію», или, какъ замѣчено въ другомъ мѣстѣ, «исторію гимназіи». Какъ бы то ни было, дѣло дошло до свѣдѣнія высшаго начальства, очевидно, не прямымъ и не оффиціальнымъ путёмъ и, какъ должно полагать, со стороны обвиненія. 27-го октября 1827 года только-что пріѣхавшій новый директоръ разомъ получилъ двѣ бумаги исправлявшаго должность Харьковскаго попечителя, графа Віельгорскаго. «До свѣдѣнія моего дошло», пишетъ Віельгорскій, «что въ сей гимназіи преподаётся естественное право

не въ томъ духѣ и не съ тою цѣлію, какъ бы слѣдовало, что профессоръ Бѣлоусовъ, увлекаемый личными неудовольствіями, или другимъ чѣмъ, противъ профессора Билевича, входитъ при публичныхъ экзаменахъ въ такіе споры, возраженія и толкованія, которыя оскорбляютъ г. Билевича и служатъ къ явному соблазну другихъ особенно учащихся». Вслѣдствіе того, предписываетъ директору принять необходимыя мѣры къ устраненію такого соблазна, требуетъ немедленнаго доставленія въ подлинникахъ относящихся къ этому дѣлу бумагъ и представленныхъ въ конференцію ученическихъ тетрадей, а также объясненія, «какое со стороны конференціи дѣлано по всему тому распоряженіе и почему оная конференція не донесла ему доселѣ о вышеизложенныхъ, столь важныхъ въ сущности своей, обстоятельствахъ» и наконецъ требуетъ свѣдѣній «кѣмъ и когда разрѣшено для гимназіи обученіе естественному праву послѣ сдѣланнаго повсемѣстно въ 1824 году запрещенія преподавать оное въ гимназіи».

Не слишкомъ торопилась конференція представленіемъ требуемыхъ бумагъ и свѣдѣній, да и дѣйствительно трудно было ей опознаться во всёмъ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что она чуть не ежедневно продолжала получать рапорты и со стороны нападавшей и со стороны защищавшейся. Реэстръ препровождённыхъ бумагъ заключалъ въ себѣ 24 №№, да отправленный послѣ того дополнительный — 11 №№. Самое объясненіе конференціи, вмѣстѣ съ первымъ реэстромъ, препровождено въ Харьковъ только 30-го декабря 1827 года.

Спустя три дня по полученіи предписаній исправляющаго должность попечителя, директоръ предложилъ конференціи «учинить распоряженіе объ отобраніи у учениковъ всѣхъ тетрадей и записокъ, касающихся естественнаго права, какія бы онѣ ни были, такъ-какъ съ одной стороны изъ поданнаго господиномъ законоучителемъ Волынскимъ въ конференцію рапорта явствуетъ, что онъ въ ученическихъ тетрадяхъ о естественномъ правѣ находитъ нѣкоторыя выраженія сомнительными, а съ другой и самъ профессоръ Бѣлоусовъ въ поданныхъ имъ въ конференцію бумагахъ объясняетъ, что тетрадки, подъ именемъ его изъясненій или замѣчаній, несообразно его изъясненіямъ составлены». Конференція, какъ видно, сильно затруднялась въ своихъ объясненіяхъ по самому существу дѣла; затрудненія усиливались и отъ того, что поступавшія въ конференцію бумаги, вслѣдствіе упомянутаго настроенія исправлявшаго должность директора, не записывались въ журналы. Наконецъ, 17-го декабря состоялся объяснительный журналъ конференціи, къ которому приложены были отдѣльныя мнѣнія Ландражина, Зингера и Соловьёва.

На вопросъ, кѣмъ и когда разрѣшено преподаваніе естественнаго права въ Гимназіи послѣ запрещенія въ 1824 году, конференція отвѣчала, что естественное право, на основаніи проэкта устава, съ открытіемъ седьмого класса, преподавалось въ Гимназіи съ 1-го августа 1823 года. Когда же послѣдовало запрещеніе въ 1824 году, конференція, по предложенію директора, въ октябрѣ 1824 года вошла съ представленіемъ къ попечителю—слѣдуетъ ли въ Нѣжинской Гимназіи исключить изъ числа учебныхъ предметовъ естественное право и политическія науки, «такъ-

какъ оныя науки, по проэкту устава, къ преподаванію въ гимназіи назначены; при томъ же и гимназія состоитъ на особенныхъ правахъ и постановленіяхъ, нежели губернскія гимназіи, и занимаетъ непосредственное мѣсто послѣ россійскихъ университетовъ, а между-тѣмъ изъ предписанія не видно, чтобы сіи науки исключены были изъ числа предметовъ въ университетахъ, да и неизвѣстно, какіе именно учебные предметы входятъ въ кругъ наукъ политическихъ». Отвѣта на вопросъ конференціи не послѣдовало, а между-тѣмъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года въ Гимназіи полученъ былъ Высочайше утвержденный 19-го февраля 1825 года уставъ Гимназіи, въ которомъ положены естественное право и политическія науки: «тогда же, *по волѣ бывшаго директора*, вторично начато преподаваніе и продолжалось до іюля 1827 года». При томъ же, заключаетъ конференція, высшее начальство знало о преподаваніи упомянутыхъ наукъ въ гимназіи, такъ-какъ ежегодно посылались окружному попечителю журналы конференціи съ конспектами и распредѣленіемъ часовъ для каждаго предмета. Относительно ссылки на «волю бывшаго директора» Ландражинъ, въ своёмъ отдѣльномъ мнѣніи, приложенномъ къ журналу, замѣчаетъ, что «объ оной волѣ директора Орлая никогда не было объявлено конференціи и оное право не было читано до августа 1825 года и изъ онаго не экзаменовано при испытаніяхъ того же года; только помнится, что, до прибытія Бѣлоусова въ Нѣжинъ, при прочтеніи опредѣленія его въ здѣшнюю гимназію, по полученіи уже устава, опредѣлено было журналомъ конференціи читать сему чиновнику естественное право, если на то воспослѣдуетъ разрѣшеніе высшаго начальства; за прибытіемъ же Бѣлоусова въ августѣ 1825 года началось опять преподаваніе естественнаго права и продолжалось до февраля сего 1827 года; на какомъ же основаніи онъ, г. Бѣлоусовъ, читалъ сіе право, это конференціи не болѣе извѣстно, какъ и о политическихъ наукахъ, которыя читалъ г. Билевичъ въ двухъ прошлыхъ учебныхъ годахъ и имѣетъ ещё читать и въ семъ учебномъ году, какъ въ конспектѣ его, Билевича, значится. Нынѣ же, когда исправляющій должность попечителя требуетъ по сему объясненія, ссылаться на одну волю выбывшаго директора, скрывая предъ его сіятельствомъ, для извиненія своего, собственныя дѣйствія конференціи, считаю неприличнымъ».

По вопросу, почему о дѣлѣ не было доселѣ сообщено высшему начальству, конференція доноситъ, что было опредѣленіе въ этомъ смыслѣ, но оно осталось безъ послѣдствій. Между тѣмъ въ отдѣльномъ мнѣніи Ландражина, съ которымъ были согласны Зингеръ и Соловьёвъ, прямо утверждается, что такого опредѣленія конференціи никогда не было, а потому и донесенія не могло быть. «Конференція», пишетъ Ландражинъ, «или покрайней-мѣрѣ часть ея, считала неприличнымъ доносить высшему начальству о дѣлѣ не разсмотрѣнномъ и о которомъ ни одинъ членъ не могъ и теперь ещё не можетъ основать какое-либо правильное и законное сужденіе; ибо, кромѣ того что дѣло ещё не изслѣдовано, за бумагою отъ одной стороны слѣдовала сейчасъ бумага и отъ другой, и даже въ послѣднемъ, упомянутомъ въ самомъ объясненіи конференціи, рапортѣ г. Бѣлоусова онъ объясняетъ, что имѣетъ ещё представить возраженіе.»

Относительно же записокъ по естественному праву, представленныхъ Бѣлоусовымъ и ученическихъ Билевичемъ, конференція доноситъ, что онѣ переданы были только законоучителю на заключеніе о томъ, «нѣтъ ли въ нихъ чего, противнаго догматамъ вѣры»; профессора же, сначала Моисеевъ, а за нимъ и остальные, отказались отъ ихъ разсмотрѣнія; безъ разсмотрѣнія же конференція не могла представить ихъ высшему начальству. Дѣйствительно и предписаніемъ графа Віельгорскаго 15-го октября требовалось донесеніе конференціи и о ея собственныхъ распоряженіяхъ по всему дѣлу о преподаваніи естественнаго права. Разъясненія по содержанію записокъ были необходимы и потому, что оно возбудило горячія пререканія съ обѣихъ сторонъ, какъ со стороны обвиненія, такъ и со стороны защиты. Билевичь утверждалъ, что представленныя въ конференцію Бѣлоусовымъ тетради заключали въ себѣ часть курса—и то измѣнённую—предшествовавшаго учебнаго года, подлинныя же записки были имъ отобраны отъ учениковъ 21-го іюня 1827 года; Бѣлоусовъ же доказывалъ, что представленныя Билевичемъ ученическія записки подложны, будучи продиктованы ученикамъ съ искаженіемъ смысла въ извѣстномъ направленіи. Вопросъ о подлинности и характерѣ записокъ, очевидно, могъ быть рѣшонъ только допросомъ самихъ учениковъ — и этотъ допросъ, производившійся въ присутствіи всѣхъ членовъ конференціи отъ 29-го октября до 3-го ноября 1827 года, составляетъ также особенность Нѣжинской исторіи сравнительно съ исторіями С.-Петербургской и Харьковской.

До этого времени, то-есть до 29-го октября, были привлекаемы къ допросу — и то внѣ конференціи — владѣтели записокъ, перехваченныхъ Билевичемъ, а ученикъ Зміевъ въ самой конференціи, по вопросу, находившемуся въ связи съ исторіей о вольнодумствѣ. Такъ-какъ послѣдній допросъ любопытенъ по характеристикѣ настроенія профессоровъ и отношеній ихъ къ ученикамъ въ то время, то я считаю не безполезнымъ сообщить о нёмъ нѣсколько свѣдѣній.

Зміева привлекла къ допросу обвиняющая сторона, утверждая, будто бы онъ, наканунѣ экзамена по естественному праву, по секрету заявилъ о намѣреніи Бѣлоусова и Зингера сбивать учениковъ на экзаменѣ. «Наканунѣ оныхъ экзаменовъ», доносятъ конференціи въ общемъ рапортѣ Моисеевъ и Никольскій, «случайно, во время прогулки, подъ вечеръ, сошлись мы на новомъ, такъ называемомъ купца Долгова, мосту, сѣли за пѣшеходною перегородкою на лавочку и, пока вечеряло, занимались разговорами. Черезъ нѣсколько минутъ проходитъ мимо насъ ученикъ Зміевъ съ двумя его сёстрами и съ дядею, поручикомъ Бугскаго уланскаго полка Рубаномъ. Пройдя мимо насъ немного, Зміевъ отстаётъ отъ сестёръ и дяди, обращается къ намъ и дѣлаетъ призывные знаки рукою. Профессору Никольскому показалось, что будто ученикъ Зміевъ зовётъ его, почему и подошолъ къ нему; но Зміевъ сказалъ, что имѣетъ надобность поговорить съ профессоромъ Моисеевымъ, котораго Никольскій и позвалъ. Когда подошолъ Моисеевъ, то Зміевъ, между-прочимъ, вполголоса сказалъ слѣдующее: «я слышалъ отъ учениковъ, что профессоръ Бѣлоусовъ съ профессоромъ Зин-

геромъ сговорились завтра на экзаменѣ сбивать учениковъ въ отвѣтахъ.» Зміевъ сказалъ то, самъ будучи въ нѣкоторомъ страхѣ отъ предстоявшаго ему экзамена». Эти и подобныя имъ усилія наставниковъ привлечь къ дѣлу учениковъ, безъ сомнѣнія, производили на послѣднихъ крайне вредное, развращавшее вліяніе, и должно полагать, что заявленіе Зміева было искусственно подготовлено. Покрайней-мѣрѣ призванный въ конференцію Зміевъ отвѣчалъ, что *не помнитъ* о такомъ заявленіи, потомъ — *кажется, что не говорилъ* и наконецъ — *точно не говорилъ*. Показаніе это Билевичъ и его сторонники, разумѣется, объясняли сильными внушеніями противной стороны, что, по ихъ мнѣнію, подтверждалось и тѣмъ, что Ландражинъ, «занявшій въ конференціи не обыкновенное своё мѣсто, а ближайшее къ дверямъ, усильно настаивалъ на немедленное призваніе Зміева, съ примѣтною заботливостію отправилъ за нимъ свои дрожки и своего человѣка, по отправленіи безпрестанно поглядывалъ въ двери, ожидая прибытія Зміева, и какъ скоро сей прибылъ и показался въ оныя, то, поспѣшно вставши съ мѣста, бросился къ нему навстрѣчу, обратилъ его въ переднюю передъ конференціею комнату и скоро опять назадъ возвратился». Ландражинъ же, съ своей стороны, утверждалъ, что дѣйствительно спрашивалъ Зміева о заявленіи, будучи увѣренъ, что онъ, по привязанности къ нему, скажетъ сущую правду, и получилъ въ отвѣтъ, что «это совершенно неправда», причёмъ Зміевъ выразилъ готовность «хоть предъ кѣмъ сказать и присягнуть, что этого никогда не говорилъ».

Впрочемъ не подлежитъ сомнѣнію, что и до допроса въ общихъ чертахъ ученики знали о ходѣ дѣла, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были профессорскими пансіонерами. Что они знали, чѣмъ занимались ихъ наставники, просиживая за полночь въ конференціи, доказываетъ ихъ крайне возбуждённое состояніе, порождавшее новыя жалобы, новыя донесенія въ конференцію о ихъ продерзостяхъ. Возбуждённое состояніе учениковъ усиливалось, какъ видно, внушеніями самихъ профессоровъ, сторонниковъ Билевича, старавшихся всячески раздуть исторію. Такъ Бѣлоусовъ 13-го ноября, по поводу неоднократныхъ тайныхъ отлучекъ въ городъ одного пансіонера, доноситъ директору, что этого пансіонера вольноприходящіе ученики увѣщевали на отлучку въ городъ тѣмъ, что «по причинѣ конференцій, долго въ ночь продолжающихся, инспекторъ не замѣтитъ, что самому инспектору угрожаетъ бѣда, потому-что профессоръ Іеропесъ съ другимъ профессоромъ ищутъ только случая вредить инспектору, что Іеропесъ обѣщалъ не объявлять никому имени пансіонера, отлучающагося въ городъ». Инспекторъ обращаетъ вниманіе директора на вредъ, происходящій для учениковъ «отъ дружескихъ какихъ-то особеннаго рода разговоровъ и обращенія наставниковъ съ учениками».

Съ 29-го октября начался въ конференціи допросъ всѣхъ учениковъ восьмого и девятаго классовъ, слушавшихъ въ 182⁶/₇ году естественное право у Бѣлоусова. Не касаясь подробностей ихъ показаній о томъ, кто у кого списывалъ тетради, какъ онѣ переходили изъ рукъ

въ руки и какъ дошли до Билевича, я замѣчу только, что большинство учениковъ показало, что введеніе, изъ котораго извлечено было наибольшее число мѣстъ для обличенія въ вольнодумствѣ Бѣлоусова, послѣдній дѣйствительно читалъ, причёмъ одни утверждали, что — по книгѣ, другіе — по собственнымъ запискамъ, нѣкоторые — по запискамъ, которыя онъ бралъ у одного изъ учениковъ и что лекціи по самому естественному праву вообще читалъ по собственнымъ запискамъ; что ученики составляли записки послѣ лекцій, приводя мысли въ порядокъ и что ученики позволяли себѣ часто дѣлать нѣкоторыя замѣчанія и дополненія по собственнымъ соображеніямъ. Послѣднее показаніе, наиболѣе благопріятное для Бѣлоусова, представляется въ разныхъ видахъ: одни ученики приписывали себѣ эти дополнительныя замѣчанія; другіе утверждали, что писали подъ диктовку Кукольника, который эти замѣчанія раздѣлялъ на параграфы и давалъ послѣднимъ названія; наконецъ самъ Кукольникъ далъ показаніе, которымъ, очевидно, думалъ снять всякую отвѣтственность съ Бѣлоусова и перенести её на себя. По вниманію къ лицу, давшему такое показаніе, по оригинальности самаго показанія и потому, что оно возбудило продолжительную переписку, я приведу его вполнѣ, какъ и небольшое показаніе Гоголя.

«1827 года, ноября 1-го дня, ученикъ восьмого класса, пансіонеръ Несторъ Кукольникъ, осемнадцати лѣтъ отъ роду, истребованныя отъ него несшитыя тетради, съ надписью «о естественномъ правѣ», въ восьми номерахъ, признавалъ своими, объявляя, что составилъ ихъ *какъ матеріалъ для диссертаціи о естественномъ правѣ*, въ теченіе учебнаго курса естественнаго права, по выметкамъ изъ разныхъ авторовъ, читанныхъ имъ въ пятомъ и шестомъ классахъ до преподаванія естественнаго права; книги же сіи, сколько помнитъ, слѣдующія: 1) Dictionnaire philosophique par Voltaire, 2) Contrat social dé J. J. Rousseau, 3) Emman. Kant's, Zum ewigen Frieden и 4) L'harmonie du monde, каковыя книги онъ бралъ у ученика Родзянки (показаніе Родзянки весьма близко къ показанію Кукольника). 5) L'ésprit des lois, par Montesquieu — бралъ у пансіонера Романовича-Любича, 6) писанныя пансіонеромъ Высоцкимъ замѣчанія изъ Ж. Ж. Руссо и Юма, 7) писанныя замѣчанія Кукольника. отца ученика Кукольника, 8) Телеграфъ на 1836 годъ.» Объ одной изъ тетрадокъ Кукольникъ показалъ, что она переписана съ тетрадокъ ученика девятаго класса, Яновскаго, безъ всякихъ прибавокъ и что сія тетрадка писана подъ диктовку съ тетрадокъ профессора Бѣлоусова. Наконецъ Кукольникъ подтвердилъ показанія учениковъ, что имъ составляемы были дополнительныя замѣчанія къ запискамъ по собственнымъ соображеніямъ.

Что жь до показанія Гоголя, то вотъ оно: «1827 года, ноября 3-го дня, ученикъ девятаго класса, Николай Яновскій, 19 лѣтъ, призванъ будучи въ конференцію, показаніе Новохацкаго подтвердилъ въ томъ, что онъ тетрадь исторіи естественнаго права и самое естественное право отдалъ въ пользованіе Кукольнику; сверхъ того Яновскій добавилъ, что объясненіе о различіи права и этики профессоръ Бѣлоусовъ дѣлалъ по книгѣ.»

Показаніе Кукольника, какъ прямо направленное противъ обвиняющей стороны, не могло не обратить на себя особеннаго вниманія послѣдней. «Съ перваго взгляда на сіе показаніе», пишетъ вслѣдъ за тѣмъ въ конференцію Моисеевъ, «всякій признаетъ оное совершенно несправедливымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы онъ, будучи ещё въ тѣхъ низшихъ классахъ сей гимназіи—пятаго и шестаго—и, какъ по спискамъ значится, въ третьемъ отдѣленіи по языкамъ, гдѣ читается одна только грамматика языковъ, занимался уже изъ оныхъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ составленіемъ на россійскомъ языкѣ записокъ, и при томъ о естественномъ правѣ, то-есть о такой наукѣ, которая отъ него впереди была ещё далеко и о которой онъ тогда ещё никакого понятія не имѣлъ и имѣть не могъ.» «При томъ же», замѣчаетъ Моисеевъ, «въ бытность инспекторомъ долгое время, онъ никогда книгъ этого рода ни у кого, а равно и у Кукольника, не замѣчалъ.» Ссылка Кукольника на рукописныя замѣчанія его отца о естественномъ правѣ вызвала со стороны Моисеева слѣдующій отзывъ: «Сіе Кукольника показаніе также совершенно несправедливо, ибо таковыхъ о естественномъ правѣ рукописей отца его никогда у него не было; а еслибы онѣ тогда у него имѣлись, то онѣ и теперь у него были бы, ибо сжечь оныя безъ причины, какъ онъ утверждалъ въ конференціи, во-первыхъ, могло бы ему попренятствовать самое уваженіе къ памяти отца своего, котораго рукописи, какъ отца и мужа учонаго, должны быть ему всегда дороги; во-вторыхъ, чтобы онъ сжогъ ихъ потому, что самъ нашолъ въ нихъ много нелѣпаго и вреднаго, то сего допустить никакъ неможно; инако слѣдовало бы признать, что онъ, Кукольникъ, умнѣе и благоразумнѣе своего отца, мужа учоностію своею и образомъ мыслей въ учоному свѣтѣ извѣстнаго. При томъ же, если сіи пагубныя записки о естественномъ правѣ были извлечены изъ объявленныхъ имъ книгъ и рукописей, коихъ, какъ онъ въ показаніяхъ своихъ объявилъ, не могши по вредному ихъ содержанію долѣе у себя держать, частію будто оныя возвратилъ тѣмъ, у кого бралъ, а частію сжогъ, то почему же онъ, Кукольникъ, оное извлеченіе, какъ самую вредную оныхъ сущность, держалъ у себя во всё время преподаванія господиномъ Бѣлоусовымъ естественнаго права во всё продолженіе истекшаго учебнаго года.»

Снятіемъ допросовъ съ учениковъ окончилось на время дѣлопроизводство въ конференціи и всё оно было препровождено къ высшему начальству. Не безъ страха, конечно, ожидали рѣшенія изъ Петербурга заинтересованныя лица. Болѣе полугода продолжавшееся дѣлопроизводство довело и наставниковъ, и учениковъ до такого возбужденія, до такого извращенія ихъ взаимныхъ отношеній, породило столь ненормальное состояніе всего заведенія, что необходимо было принять быстрыя и рѣшительныя мѣры для прекращенія зла. До какой степени возбуждены были страсти между преподавателями, видно напримѣръ изъ рапорта Іеропеса отъ 29-го ноября, въ которомъ онъ доноситъ, что въ одномъ изъ засѣданій конференціи Бѣлоусовъ обратился къ нему съ словами: «я тебя задушу».

Такому настроенію умовъ много содѣйствовали и самыя показа-

нія учениковъ, которыя, будучи направлены къ оправданію Бѣлоусова, очевидно, представлялись его обвинителямъ явно внушенными и подготовленными. Послѣдніе естественно истощали всѣ усилія привлечь учениковъ на свою сторону и склонить ихъ къ измѣненію показаній въ свою пользу. Къ тому же и новый директоръ Ясновскій, ознакомившись подробно съ дѣломъ, принявшимъ весьма злокачественный характеръ и угрожавшимъ большою отвѣтственностію, рѣшительно принялъ сторону противниковъ Бѣлоусова, чему послѣдній, быть-можетъ, самъ содѣйствовалъ своимъ образомъ дѣйствій. Сами ученики — съ одной стороны подъ вліяніемъ увѣщаній и внушеній, съ другой опасаясь вредныхъ для себя послѣдствій на предстоявшихъ экзаменахъ, особенно тѣ, которые въ томъ же году должны были окончить курсъ — начали колебаться въ своихъ мнѣніяхъ, признаваться въ невѣрности данныхъ показаній и даже открывать новыя данныя, не только послужившія къ отягченію вины Бѣлоусова, но и привлекшія къ отвѣтственности его сторонниковъ — Зингера и Ландражина. Наконецъ, въ городѣ и за его предѣлами стали распространяться слухи, по всей вѣроятности, преувеличенные, о разныхъ мнѣніяхъ, противныхъ вѣрѣ, государственному устройству и нравственности, высказанныхъ на лекціяхъ обвиняемыми профессорами. Всё это заставило директора подвергнуть въ маѣ 1828 года нѣкоторыхъ учениковъ новому допросу.

На этомъ допросѣ, производившемся 17 — 29-го мая, ученики Колышкевичъ и двое Котляревскихъ показали, что Бѣлоусовъ позволялъ себѣ на лекціяхъ преступныя въ политическомъ отношеніи выраженія; что въ городѣ толкуютъ: «чуть ли Бѣлоусовъ съ нѣкоторыми учениками не поѣдутъ въ кибиткѣ». Зингеръ, переводя въ классѣ статью Канта «О высокомъ и изящномъ», выражался пренебрежительно о ношеніи крестовъ на тѣлѣ, а также о значеніи присяги и на замѣчаніе Котляревскаго, что «въ Россіи нельзя такъ говорить и при экзаменѣ не можно этого читать», отвѣчалъ, что имѣетъ дѣло съ благородными людьми; что Зингеръ вообще часто замѣнялъ лекціи разсужденіями политическими, хотя, со времени пріѣзда новаго директора, пересталъ это дѣлать; что, до пріѣзда новаго директора, Кукольникъ и другіе изъ меньшаго возраста въ саду и въ классѣ, до прихода Зингера, говорили свои наставленія съ каѳедры, подобно лекціямъ, о метафизикѣ, эстетикѣ и магнетизмѣ, причёмъ вольно и непристойно говорили о религіи; что Кукольникъ давалъ ученикамъ своего сочиненія трагедію «Марію», дерзко и непристойно написанную, и читалъ её въ классѣ большею частію передъ лекціями Бѣлоусова, которыя иногда не скоро и даже спустя $^3/_4$ часа начинались; читалъ и другую трагедію «Тассъ» и одинъ романъ». При этомъ Котляревскіе представили свои классныя тетради, въ которыхъ дѣйствительно оказались выраженія «противныя греко-россійской церкви». Заявленіе Зингера при допросѣ, что «ученики приведённыя выраженія могли сами выписать изъ книги Канта, которую онъ носилъ въ классъ», директоръ отвергаетъ, такъ-какъ тетради писаны одинаковымъ скорымъ почеркомъ, подъ диктовку, со многими погрѣшностями; при этомъ директоръ замѣтилъ, что

«и прочія показанія Котляревскихъ, по свойствамъ Зингера, онъ считаетъ вѣроятными». Тѣ же ученики показали, что Ландражинъ раздавалъ ученикамъ разныя книги для чтенія: сочиненія Вольтера, Гельвеція, Монтескьё, Локка, Филоконнери, Грекура и Пирона; что Кукольникъ на лекціяхъ дѣлалъ выписки изъ книги Филоконнери въ тетрадь, на заглавномъ листѣ которой написано «Ботаника»; что когда Ландражинъ предоставилъ однажды ученикамъ переводить на французскій языкъ стихи по ихъ собственному выбору, ученикъ Зміевъ перевёлъ стихи Кондратія Рылѣева, «касающіеся до призыванія къ свободѣ». На этомъ допросѣ нѣкоторые ученики представили свои тетради о естественномъ правѣ, писанныя, какъ они утверждали, со словъ Бѣлоусова и прежде ими утаённыя, причёмъ заявили, что Кукольникъ совѣтовалъ имъ сжечь эти тетради.

Въ то же время, передъ началомъ экзамена (21-го мая), отказался отъ своихъ показаній и одинъ изъ защитниковъ Бѣлоусова, Родзянко, которому приходилось оканчивать курсъ. Отецъ его, явившись къ директору, объявилъ, что сынъ его далъ ложное показаніе по наущенію Кукольника и что онъ давалъ Кукольнику всего только двѣ книги «L'Harmonie du monde» и «Zum ewigen Frieden» Канта. Отрёкся отъ своихъ показаній и Кукольникъ въ іюнѣ слѣдующаго 1829 года, уже послѣ окончательнаго экзамена. Пріѣхалъ за нимъ изъ Вильны въ Нѣжинъ братъ, Платонъ, прежній учитель латинскаго языка въ Нѣжинской Гимназіи, а теперь экзекуторъ Виленскаго университета, и представилъ директору письменное подробное признаніе своего брата въ ложности данныхъ имъ въ конференціи показаній. Признаніе это очень интересно и мы приведёмъ здѣсь существенное его содержаніе.

Всѣ свои прежнія показанія Кукольникъ объясняетъ боязнью мщенія со стороны Бѣлоусова, какъ профессора и инспектора. «Находясь въ ближайшемъ надзорѣ и власти инспектора», говорилъ онъ, «и будучи молодымъ и неопытнымъ, страшась и избѣгая преслѣдователей, приведёнъ былъ въ горестную необходимость отвѣчать неисправно и принимать на себя такія обстоятельства, о коихъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Въ семъ положеніи, не желая подвергнуться негодованію, а съ другой стороны остаться въ отвѣтственности, я хотя и рѣшился принять многое на себя, но въ то же время показать такимъ образомъ, чтобы конференція легко удостовѣриться могла въ невѣроятности моихъ показаній, а чрезъ то удостовѣрилась бы въ моей невинности. Нынѣ, оставляя, по окончаніи полнаго курса наукъ, гимназію и будучи совершенно свободенъ, нахожу необходимымъ объяснить съ совершенною искренностію прежнія мои ложныя показанія, въ полной мѣрѣ уничтожая и опровергая оныя, а чрезъ то оправдать себя и очистить отъ всякаго пятна труды мои, коихъ вы, начальникъ мой и благодѣтель, были ближайшимъ свидѣтелемъ, а также поведенія моего ничѣмъ въ теченіе всего времени прибыванія моего въ гимназіи не помрачённаго. Записки мои начали быть мною составляемы съ того времени, какъ началъ я слушать естественное право. Никогда я не полагалъ и не воображалъ, чтобы въ оныхъ могло находиться что-либо вредное, ибо оныя составляли классныя мои замѣчанія и находились не

только въ классахъ, но и въ музеяхъ; а посему, еслибъ въ нихъ оказалось что-либо вредное, основанное на собственныхъ моихъ мысляхъ, тогда бы я старался ихъ скрывать, какъ между-тѣмъ господинъ инспекторъ могъ во всякое время ихъ разсмотрѣть, меня предостеречь, дурное исправить или уничтожить; но я напротивъ ни отъ кого никакого замѣчанія не получалъ и не слышалъ. Если же я и диктовалъ въ музеяхъ ученикамъ свои записки, то оныя составлены были или почерпнуты въ классахъ, а посему я и полагалъ, что въ тетрадяхъ моихъ, содержащихъ классическія мои замѣчанія, не могло быть ничего вреднаго. При семъ нахожу нужнымъ объяснить и то, что до призыва меня въ конференцію былъ я у профессора Зингера, съ которымъ я совѣтывался, что мнѣ отвѣчать, и который, прежде о таковомъ призывѣ меня предувѣдомивъ, совершенно расположилъ меня къ изъясненію вышеупомянутыхъ показаній и увѣрялъ меня, что я не могу подвергнуться за-то никакой отвѣтственности.» Въ заключеніе, Кукольникъ изъявляетъ готовность подтвердить присягой истину своихъ настоящихъ показаній.

Признаніе однако не помогло — и Кукольникъ дорого поплатился за своё увлеченіе. Окончательный экзаменъ, какъ и должно было ожидать, онъ сдалъ съ отличіемъ и конференція большинствомъ своихъ членовъ, не смотря на рѣзкій протестъ, заявленный письменно Моисеевымъ, Никольскимъ и Билевичемъ, опредѣлила предоставить ему чинъ XII-го класса и наградить золотой медалью. Опредѣленіе конференціи было представлено на благоусмотрѣніе министра. Долго пришлось ждать рѣшенія: только въ февралѣ 1831 года, по окончательномъ рѣшеніи дѣла о вольнодумствѣ, состоялась резолюція министра. «По случаю открывшихся безпорядковъ въ гимназіи», сообщаетъ попечитель, «по которымъ обвиняемы были Кукольникъ и Родзянко, утвержденіе ихъ въ классныхъ чинахъ было его свѣтлостью отложено до времени. Нынѣ господинъ министръ соглашается дозволить Родзянкѣ выдачу свидѣтельства на присуждённый ему XII-й классъ, а Кукольнику дать просто свидѣтельство о томъ, какимъ предметамъ и съ какимъ успѣхомъ онъ обучался, безъ назначенія класса; медалей же не выдавать ни тому, ни другому. Вслѣдствіе чего, предлагаю конференціи къ немедленному исполненію сего.»

Наконецъ, въ февралѣ 1830 года прибылъ изъ Петербурга въ Нѣжинъ, для секретнаго слѣдствія по дѣлу о вольнодумствѣ и для обревизованія гимназіи во всѣхъ ея частяхъ, командированный министромъ членъ Главнаго Правленія Училищъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Эммануилъ Богдановичъ Адеркасъ. Отъ 5-го февраля министръ предписываетъ директору «во всё время пребыванія господина Адеркаса въ Нѣжинѣ находиться въ полной отъ него зависимости и всѣ приказанія его исполнять въ точности и немедленно».

Ознакомившись съ дѣломъ ещё въ Петербургѣ, Адеркасъ, немедленно по прибытіи въ Нѣжинъ, предложилъ всѣмъ прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ доставить дополнительныя свѣдѣнія, а директору — представить общее и подробное заключеніе по всему содержанію дѣла. Я не буду останавливаться на дополнительныхъ показаніяхъ преподавателей, такъ-какъ они не прибавляютъ почти ничего къ извѣстному содержанію дѣла.

Замѣчу только, что Бѣлоусовъ и въ это время обнаружилъ большую самоувѣренность и недостатокъ воздержанности, представляя пространныя бумаги, повторяющія старое и извѣстное и наполненныя голословными или мало доказательными обвиненіями противниковъ. Такъ онъ называетъ второе показаніе Кукольника вынужденнымъ, утверждая, что «ещё прежде окончанія курса Кукольнику было объявлено, что показаніе его, данное прежде въ конференціи, повредитъ ему при выпускѣ, а во время окончательныхъ экзаменовъ рѣшительно объявлено, что за таковое показаніе онъ не получитъ никакой степени». Директору не трудно было отвѣтить, что Кукольникъ далъ своё второе показаніе, уже получивъ свидѣтельство объ окончаніи курса, да и до того могъ быть совершенно покойнымъ, зная свои отмѣтки по мѣсячнымъ вѣдомостямъ и отмѣтки, полученныя на экзаменахъ; второе показаніе вызвано совѣтомъ брата изъявить раскаяніе въ томъ, что сдѣлано изъ страха и по внушенію. «Такъ объясняются только виноватые», заключаетъ директоръ. Своё объясненіе на другую бумагу Бѣлоусова, поданную Адеркасу, директоръ заключаетъ слѣдующими словами: «остаётся мнѣ, во исполненіе воли вашего превосходительства, объявить моё мнѣніе, что профессоръ Бѣлоусовъ, не находя никакихъ средствъ къ оправданію своему во вредномъ преподаваніи естественнаго права, рѣшился, для потемненія и продолженія дѣла, обвинять другихъ; но таковыя бумаги, какую онъ подалъ вашему превосходительству, государственными законами отвергаются и сочинители оныхъ называются ябедниками.

Другое дѣло — подробное донесеніе директора. Съ нимъ необходимо нѣсколько ознакомиться какъ по тому, что оно представляетъ сводъ всего содержанія дѣла съ личной точки зрѣнія начальника заведенія, такъ и потому, что оно, безъ сомнѣнія, имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу обвиняемыхъ; наконецъ это донесеніе важно и потому, что заключаетъ въ себѣ обозрѣніе тогдашняго состоянія гимназіи и предлагаетъ мѣры къ его улучшенію.

Изложивъ исторію всего дѣла, директоръ приходитъ къ заключенію, что Бѣлоусовъ, кромѣ чистаго естественнаго права, излагалъ понятіе объ ономъ вообще и показывалъ различіе между естественнымъ правомъ и этикой, закономъ положительнымъ и естественнымъ, говорилъ о вспомогательныхъ наукахъ и о разныхъ системахъ права — и эти предварительныя объясненія ученики въ своихъ запискахъ назвали *введеніемъ* къ праву. Между-тѣмъ записки, представленныя въ конференцію Бѣлоусовымъ, касались только чистаго естественнаго права, на что не было обращено должнаго вниманія исправляющимъ должность директора Шапалинскимъ. Не обращено было послѣднимъ вниманіе и на отобраніе Бѣлоусовымъ тетрадей отъ учениковъ, что было необходимо для удостовѣренія — не уничтожена ли при отборѣ нѣкоторая часть ученическихъ тетрадей. Самое чтеніе естественнаго права, послѣ наложеннаго на него общаго для всѣхъ гимназій запрещенія, директоръ находитъ противозаконнымъ. Далѣе — содержаніе записокъ по естественному праву подвергается весьма строгой критикѣ, доказывающей крайне вредное ихъ направленіе. Для характеристики взгляда директора на дѣло, приведу два мѣста. «Въ

запискахъ утверждается, что Евангеліе заключаетъ въ себѣ справедливыя и высочайшія мысли, ничѣмъ не опровергаемыя истины и однако эти истины не всегда и не совершенно сходствуютъ съ истинами естественнаго права». Въ доказательство приводится заповѣдь любить враговъ своихъ. «Подъ именемъ естественнаго права», возражаетъ директоръ, «разумѣется ученіе, въ коемъ излагаются законы естественные, или постановленія ума о томъ, что̀ люди, для достиженія нравственнаго совершенства и постояннаго счастія, должны дѣлать и чего удаляться. Евангеліе представляетъ сіи законы въ яснѣйшемъ свѣтѣ и совершеннѣйшей чистотѣ; слѣдовательно Евангеліе не противно праву естественному, а тёмныя представленія ума человѣческаго озаряетъ свѣтомъ божественнымъ. Но ежели наставникъ собственныя свои, или отъ другихъ пріобрѣтённыя, мечты и ложныя понятія внушаетъ ученикамъ подъ именемъ естественнаго права, то такое право, какъ произведеніе помрачённаго ума или злого сердца, или того и другого, будетъ противно Евангелію. Что же касается заповѣди Спасителя, то надобно совсѣмъ отказаться отъ разума и человѣчества, чтобы *отвращать людей отъ любви ко всѣмъ* и внушать имъ, что такая любовь можетъ быть вредною для нихъ лично и для общества. Если бы всѣ люди исполняли заповѣдь Христову, то не было бы и враговъ; но какъ они бываютъ, то законъ Христовъ съ одной стороны вручаетъ мечъ властямъ для наказанія нарушителей общаго и частнаго покоя и для удовлетворенія обижаемыхъ, а съ другой велитъ повиноваться безусловно всякой земной власти, какъ отъ Бога происходящей. Вотъ твёрдое и непреоборимое огражденіе обществъ! Въ сей, противъ вѣры устремлённой, статьѣ вѣра смѣшивается съ этикой, дабы на мѣсто первой, подъ именемъ права естественнаго, поставить всякое нечестіе». Въ запискахъ сказано: «правительства воспитываютъ юношей сообразно своимъ видамъ, и такое воспитаніе, привычка и другія причины измѣнили человѣка, усилили въ нёмъ чувственность на счётъ ума». «Такое ложное и возмутительное мнѣніе», замѣчаетъ директоръ, «весьма способно внушить юношеству недовѣрчивость къ правительству и ко всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ для его образованія. И сіе происходитъ въ нѣдрахъ благодѣтельнаго заведенія, и тогда, когда не щадятъ никакихъ трудовъ и никакого иждивенія для распространенія и приведенія въ цвѣтущее состояніе училищъ и когда уставы Его Величества полагаютъ главнѣйшимъ основаніемъ вѣру, благочестіе и страхъ Божій, а потомъ полезныя науки и искусства» и такъ далѣе.

Въ томъ же донесеніи директора находятся интересныя свѣдѣнія о состояніи пансіона при его вступленіи въ должность, объ измѣненіи къ лучшему въ его управленіе и о мѣрахъ къ приведенію пансіона въ нормальное состояніе въ матеріальномъ, учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Извѣстно, что Бѣлоусовъ постоянно изображалъ самыми мрачными красками пансіонъ въ инспекторство Моисеева, приписывая себѣ заслугу его исправленія; того же содержанія рапортъ представленъ имъ и Адеркасу. Въ своёмъ донесеніи директоръ заявляетъ, что онъ засталъ пансіонъ въ плохомъ состояніи, что его встрѣтили всевозможныя безчинства пансіонеровъ, жалобы отъ учителей и чиновниковъ

на ихъ непослушаніе, грубость и наглость. Особенно такое поведеніе пансіонеровъ обращено было противъ тѣхъ наставниковъ, къ которымъ враждебно относился Бѣлоусовъ: наставники эти жаловались, что для нихъ опасно ходить ночью по корридорамъ, ибо пансіонеры не только не уступаютъ имъ дороги, но и толкаютъ ихъ. Пансіонеры въ свою очередь приходили къ директору съ жалобами на профессоровъ. Между ними даже распространено было мнѣніе, что они подчинены только инспектору и что директоръ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла пансіона. На урокахъ законоучителя производили такой шумъ, что невозможно было оставаться въ классѣ, а когда имъ объявлено было о приказаніи директора записывать шалуновъ, то подняли страшный крикъ и выгнали экзекутора, объявившаго имъ о приказаніи директора; производили безпорядки даже въ храмѣ. «Видя, изъ какого источника проистекаютъ всѣ сіи неустройства», пишетъ директоръ, «и удостовѣрившись, что юноши сами по себѣ не могли дойти до такой крайности, я рѣшился поступать съ ними, какъ съ больными, и хотя употребляемы были пристойныя и соотвѣтствующія обстоятельствамъ и качествамъ лицъ обузданія, но больше дѣйствовалъ я увѣщаніями, которыя—съ Божіею помощію — и не остались тщетными, ибо вскорѣ пансіонеры начали иначе поступать и судить, причёмъ дерзость и непослушаніе прекратились. Во всѣхъ сихъ случаяхъ я желалъ сберечь юношей, въ которыхъ, при сообщенныхъ имъ заблужденіяхъ, видѣлъ я доброту, раскаяніе и слёзы».

Конференція, продолжаетъ директоръ, также привлечена была «къ ускромленію пансіона», причёмъ обнаружились противуположныя мнѣнія, характеризующія обѣ стороны, на которыя раздѣлились всѣ преподаватели. «При сужденіи о сёмъ предметѣ, нѣкоторые профессоры упомянули и о тѣлесномъ наказаніи, но когда Билевичъ съ своей стороны отозвался, что такое наказаніе считаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужнымъ, то Шапалинскій, ударивъ сильно рукою по столу, закричалъ: «протестуюсь, профессоръ Билевичъ говоритъ противъ узаконеній»; при этомъ Шапалинскій находилъ неумѣстнымъ говорить въ конференціи о тѣлесномъ наказаніи и старался доказать, что «пониженіе шаровъ за нерадѣніе или худое поведеніе есть уже наказаніе, послѣ котораго не должно подвергать другому; директоръ же полагаетъ, что пониженіе шаровъ означаетъ только степень нерадѣнія или неблагонравія, къ исправленію же заслужившихъ неодобреніе учениковъ нужны: увѣщаніе, истязаніе и наказаніе». Вообще Шапалинскій, Ландражинъ и Зингеръ въ донесеніи директора привлекаются къ отвѣтственности за распущенность пансіона. «Я долженъ сказать вашему превосходительству извѣстную всѣмъ правду: когда Шапалинскій, который излишними послабленіями старается угождать юношеству и всегда сообразно съ сими правилами поступаетъ и говоритъ, приблизился къ директору Орлаю, то пансіонеры начали пользоваться неумѣренною свободою, такъ-что воспитанники того времени, остававшіеся ещё при мнѣ въ гимназіи, называли оное золотымъ вѣкомъ. Тогда же профессоры Ландражинъ и Зингеръ, поступавшіе слишкомъ дружественно съ учениками и напоённые правилами, вовсе съ общеполезными постановленіями несходными, получили свободный доступъ къ пан-

сіонерамъ.» Вообще заключеніе директора въ высшей степени неблагопріятно для Бѣлоусова и его сторонниковъ: «поступки и дѣйствія перваго противны законамъ и его должности, а Шапалинскій во всёмъ ономъ дѣлѣ отступалъ отъ законнаго порядка и не исполнялъ своей обязанности, причёмъ Ландражинъ и Зингеръ дѣйствовали съ ними въ полномъ согласіи».

Въ частности о Бѣлоусовѣ директоръ доносилъ, что, по должности инспектора, онъ «всячески старался не допускать до меня свѣдѣній о безпорядкахъ въ пансіонѣ, а если доходили оныя ко мнѣ черезъ другихъ, то послѣдніе испытывали его негодованіе, а ученики — и самыя преслѣдованія, и не только отъ него, но и отъ Ландражина и Зингера». Приказаній директора не исполнялъ, или исполнялъ худо, а донесенія его, устныя и письменныя, бывали такъ неясны, что по нимъ нельзя было знать настоящаго положенія обстоятельствъ; старался возбудить враждебныя отношенія пансіонеровъ къ начальству; такъ порицалъ столъ, хотя онъ состоялъ въ обыкновенные дни изъ четырёхъ блюдъ и былъ не хуже, а иногда и лучше, теперешнихъ; покушался завести невозможную роскошь (такъ однажды заказалъ къ обѣду пуддингъ на всѣхъ, стоившій $^2/_3$ суточнаго содержанія пансіона) и запрещеніе ея ставилъ въ вину директору; «безпрерывно отрекался отъ моихъ и своихъ словъ, или приписывалъ себѣ и мнѣ такія слова, которыхъ ни я, ни онъ не говорили; нѣсколько разъ даже говорилъ, что подавалъ мнѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ письменные рапорты, которыхъ я никогда не имѣлъ». При всей рѣзкости Бѣлоусова во всѣхъ отношеніяхъ, директоръ однако отзывается одобрительно о его преподаваніи: «учительскую должность исполняетъ при мнѣ съ замѣтнымъ успѣхомъ; ибо хотя первый годъ моего здѣсь пребыванія и поздно ходилъ въ классы, но ученики его всегда на испытаніяхъ оказывали отличныя познанія».

На запросъ Адеркаса о направленіи преподаванія, а равно и о нравственномъ состояніи учениковъ въ послѣднее время, директоръ далъ такой отвѣтъ: «немедленно по вступленіи въ должность, по поводу возникшаго дѣла о вредномъ преподаваніи естественнаго права и разныхъ слуховъ о неблагомысліи Шапалинскаго, Бѣлоусова, Ландражина и Зингера, я не скрылъ отъ всѣхъ наставниковъ сего тяжкаго, падающаго на гимназію, порицанія и увѣщевалъ всѣхъ и каждаго, дабы они, помня святость присяги, не только остерегались говорить что-либо ученикамъ противное нравственности, но при всякомъ случаѣ внушали бы имъ всё доброе, а паче благоговѣніе къ религіи и вѣрность и преданность къ Государю Императору. Для предупрежденія же всякаго произвола въ ученіи, по предложенію моему, въ конференціи опредѣлено: кромѣ изложенія предметовъ и порядка преподаванія въ конспектахъ, вносить предварительно въ конференцію на разсмотрѣніе книги, изъ которыхъ берутся статьи для переводовъ по словесности, объяснительныя записки, составляемыя наставниками, и предложенія, задаваемыя ученикамъ для упражненія по словесности. Сверхъ-того я разсматривалъ классныя записки учениковъ и разговаривалъ съ ними, подъ видомъ испытанія ихъ успѣховъ, о томъ, что и какимъ образомъ въ классахъ преподаётся. За принятіемъ таковыхъ мѣръ, я ничего не

находилъ въ ученіи Бѣлоусова и другихъ наставниковъ предосудительнаго и никакихъ свѣдѣній ко мнѣ о томъ не доходило. Также не обнаруживали они въ моёмъ присутствіи и вольнодумства, кромѣ профессора Андрущенка, говорившаго при мнѣ и другихъ профессорахъ непристойно о религіи, отъ какой дерзости онъ мною удержанъ».

Объ успѣхахъ и поведеніи вольноприходящихъ учениковъ, какъ и объ успѣхахъ пансіонеровъ, директоръ отозвался вообще одобрительно. «Между учениками непримѣтно духа вольнодумства. Они большею частію добры и легко исправляются. Что ученики вообще теперь гораздо тише и нравственнѣе прежняго, въ томъ я ссылаюсь на городъ Нѣжинъ и всю Малороссію. Къ усовершенствованію надзора, я намѣренъ прибавить ещё одного нравонаблюдателя, а родителей уговариваю—и не безъ успѣха—чтобы они брали къ дѣтямъ въ надзиратели изъ старшихъ учениковъ за весьма умѣренную плату. Наказанія тѣлесныя употребляются рѣдко: для малолѣтнихъ за крайнюю лѣность и опасныя шалости; для взрослыхъ за бродяжничество по ночамъ, буянство, карточную игру и питьё; для всѣхъ же возрастовъ за непослушаніе и грубость. Никто при мнѣ изъ учениковъ не былъ выключенъ изъ училища формально; но въ два года съ половиною отосланы шесть учениковъ къ родителямъ, какъ не подавшіе никакой надежды къ исправленію въ важнѣйшихъ поступкахъ, за всѣми кроткими мѣрами и истязаніями. Успѣхи пансіонеровъ, при моёмъ вступленіи въ должность, были въ среднемъ, а особливо въ меньшемъ возрастѣ, очень посредственны: поелику инспекторъ Бѣлоусовъ за подаваемыя отъ учителей записки о незнаніи пансіонерами уроковъ всегда негодовалъ на учителей и меня хотѣлъ увѣрить, что они несправедливо показываютъ, отъ того произошло, что нѣкоторые наставники рѣдко подавали, другіе же и не подавали таковыхъ записокъ; обстоятельство сіе весьма препятствовало успѣхамъ».

Наконецъ, по предложенію Адеркаса, директоръ представилъ обозрѣніе необходимыхъ мѣръ для приведенія гимназіи и особенно пансіона въ лучшее состояніе. Такъ, по его мнѣнію, необходимо запретить наставникамъ, живущимъ въ зданіи гимназіи, держать въ своихъ квартирахъ учениковъ, на что указывалъ давно уже и почётный попечитель. «Отъ множества этихъ постояльцевъ», пишетъ директоръ, о которыхъ теперь находится 50 и надъ которыми въ самыхъ комнатахъ, при отсутствіи наставниковъ, прекращается надзоръ, а на дворѣ никогда не бываетъ, происходитъ тѣснота, нечистота, шумъ, крикъ, непристойные поступки по корридорамъ и на дворѣ, порча въ саду не только дико растущихъ, но и плодовитыхъ деревъ, истребленіе огородины и крайняя опасность отъ пожара. Принимаемыя мною противъ всего того мѣры весьма мало имѣли успѣха. Кромѣ того, множество служителей, находящихся при ученикахъ, наносятъ часто своимъ поведеніемъ и неповиновеніемъ гимназической полиціи безпокойство. Особенно же не малое число нанятыхъ для мытья бѣлья молодыхъ женщинъ и дѣвокъ бываетъ причиною весьма соблазнительныхъ происшествій, которыхъ и предупредить невозможно. Наконецъ, при множествѣ постояльцевъ у наставни-

ковъ, гимназія терпитъ большіе убытки, такъ-какъ, по предписанію начальства, наставники получаютъ для своего стола огородину и квасъ.» Но этимъ, по мнѣнію директора, далеко не исчерпывается вредъ отъ постояльцевъ у наставниковъ. Главный вредъ — въ потворствѣ и послабленіи послѣднихъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ. «Родители, вмѣстѣ съ дѣтьми, прельщаются щедростью наставниковъ въ шарахъ, по коимъ дѣти и безъ успѣховъ переходятъ въ высшіе классы и получаютъ награды. Наставники въ семъ случаѣ, не смотря даже на несогласіе во всёмъ прочемъ, помогаютъ другъ другу. Напротивъ того, пансіонеры часто не получаютъ и заслуженныхъ ими шаровъ. Въ прошлогоднемъ курсѣ случился разительный тому примѣръ: по выведеніи результатовъ изъ годовыхъ шаровъ, для назначенія наградъ, не удостоился ни одинъ изъ пансіонеровъ никакого отличія, хотя многіе изъ нихъ превосходно учатся и наилучшимъ образомъ себя ведутъ, что свидѣтельствуетъ о необыкновенной холодности наставниковъ къ пансіонерамъ. Надобно къ сему присовокупить, что дѣти плѣняются большею свободностію, какою они у наставниковъ пользуются, и защитою отъ заслуженныхъ наказаній. Всё сіе огорчаетъ пансіонеровъ и заставляетъ просить родителей о помѣщеніи ихъ у наставниковъ. Полученіе одобрительныхъ шаровъ не по заслугамъ не только вредно для пансіона, но и пагубно для гимназіи: дѣти съ малолѣтства заражаются мнѣніемъ, что можно достигать наградъ и безъ заслугъ.» Въ этомъ мѣстѣ донесенія Ясновскій указываетъ на зло, господствовавшее прежде и въ провинціальныхъ университетахъ въ видѣ пансіонерства у профессоровъ.

Директоръ находитъ также неудобнымъ соединеніе обязанностей инспектора и преподавателя въ одномъ лицѣ и предлагаетъ назначать на должность инспектора «изъ военныхъ штабъ-офицеровъ, среднихъ лѣтъ, имѣющихъ нѣкоторое просвѣщеніе, каковые бываютъ изъ воспитанниковъ корпусныхъ». Содержаніе инспектору предлагаетъ назначить 1500 рублей съ квартирою и столомъ вмѣстѣ съ воспитанниками.

По мнѣнію директора, для гимназіи весьма полезно и выгодно было бы обязывать пансіонеровъ, какъ то принято во всѣхъ училищахъ съ казёнными пансіонерами, по окончаніи курса, прослужить шесть лѣтъ по учебной части и преимущественно въ Нѣжинской гимназіи: тогда послѣдняя могла бы имѣть въ собственныхъ лучшихъ воспитанникахъ учителей и надзирателей пансіона; остальныхъ же предоставлять въ распоряженіе главнаго учебнаго начальства.

Обращается вниманіе въ донесеніи директора и на недостатокъ надзирателей, которые могли бы говорить съ дѣтьми по-французски, недостатокъ, препятствующій, какъ полагаетъ директоръ, увеличенію числа пансіонеровъ, такъ-какъ «большая часть родителей предпочитаетъ французскій языкъ всѣмъ другимъ познаніямъ».

Окончивши слѣдствіе и ревизію гимназіи, передъ отъѣздомъ, 17-го мая, Адеркасъ собралъ всѣхъ преподавателей въ конференцію и указалъ имъ на ихъ обязанности, подлежащія точному и непремѣнному исполненію, а именно: посѣщать засѣданія конференціи, имѣющія цѣлію благо заведенія, «которое, происходя отъ частной щедроты и будучи

облагодѣтельствовано монархомъ преимуществами, представляетъ рѣдкій примѣръ», причёмъ обратилъ вниманіе на существовавшій прежде въ этомъ отношеніи безпорядокъ; не только преподавать ученіе, но и внимательно слѣдить за его усвоеніемъ учениками, для чего предлагать послѣднимъ вопросы и испытанія «не по извѣстному порядку, дабы ученики были всегда въ осторожности»; исправлять ихъ упражненія, чего прежде наставники не дѣлали; не употреблять въ преподаваніи старыхъ тетрадей и конспектовъ, но исправлять ихъ и улучшать ежегодно по сдѣланнымъ опытамъ во время годичнаго ученія; способствовать директору въ надзорѣ за вольноприходящими учениками; обращать особенное вниманіе на ежемѣсячныя вѣдомости о поведеніи и успѣхахъ учениковъ; озаботиться устройствомъ библіотеки и кабинетовъ и вообще учебными пособіями; наконецъ, имѣть всегда въ памяти священное правило, изображенное въ уставѣ Гимназіи, что «самое вѣрное средство къ внушенію юношеству любви ко всему истинному и доброму есть страхъ Божій, добрые примѣры и христіанскій образъ жизни наставниковъ. Исполняя въ точности сіе послѣднее правило, наставники будутъ единодушны въ ихъ священномъ званіи, съ пожертвованіемъ всѣхъ личностей и такимъ-образомъ оправдаютъ благія намѣренія знаменитыхъ основателей сего общеполезнаго заведенія, труды ихъ обратятся къ славѣ Божіей, къ удовольствію Государя, къ пользѣ отечества и къ собственному ихъ утѣшенію и счастію, равномѣрно и ученики ихъ исполнятъ ожиданія правительства и родителей».

Въ день отъѣзда, 21-го мая, Адеркасъ обратился къ директору съ слѣдующимъ письмомъ. «Отъѣзжая нынѣ обратно въ С.-Петербургъ, считаю пріятнѣйшимъ долгомъ засвидѣтельствовать вамъ мою искреннюю признательность за содѣйствіе при исполненіи возложеннаго на меня господиномъ министромъ порученія. Я не премину увѣдомить его свѣтлость какъ о семъ, такъ и вообще о замѣченномъ мною, при точнѣйшемъ осмотрѣ всѣхъ частей гимназіи, усердіи, съ которымъ вы, съ самаго вступленія въ настоящую должность директора, постоянно старались ввести хорошій порядокъ и усовершенствовать образованіе юношества какъ въ нравственности, такъ и въ наукахъ. Будучи совершенно убѣжденъ, что уже видимые плоды благословенія, ниспосланные Всевышнимъ на ваши попеченія, послужатъ для васъ усладительнымъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ неослабнымъ трудамъ, я смѣло питаю себя надеждою, что Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко будетъ всё болѣе соотвѣтствовать прекраснымъ цѣлямъ ея основанія, болѣе достигать своего совершенства и пріобрѣтать достойную ея благосклонность правительства и всѣхъ начальниковъ». Предусматривая суровыя послѣдствія для всѣхъ преподавателей, наиболѣе привлечённыхъ къ дѣлу, Адеркасъ, передъ отъѣздомъ изъ Нѣжина, запросилъ директора «о состояніи имущества и семейственныхъ обстоятельствахъ» Шапалинскаго, Бѣлоусова, Ландражина и Зингера. Директоръ донёсъ, что Шапалинскій былъ женатъ, дѣтей не имѣетъ, при нёмъ живётъ мать его жены; капиталъ его простирается до 15 тысячъ рублей, «ибо онъ самъ мнѣ говорилъ», замѣчаетъ директоръ, «что помѣщикъ Самойловичъ такое количество ему долженъ. Говорятъ, что и въ Нѣжинѣ нѣкоторые люди должны ему около 10 тысячъ»; «Бѣло-

усовъ холостъ; мать его, кіевская гражданка, достаточная и занимается разными промыслами, а также винными откупами и содержаніемъ почтъ; Ландражинъ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей и домъ въ Нѣжинѣ, стоющій 12 тысячъ рублей. Зингеръ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей и при нёмъ живётъ мать жены; отецъ его достаточный купецъ въ заграничномъ городѣ Львовѣ. Зингеръ мнѣ говорилъ», прибавляетъ директоръ, «что отецъ его нѣсколько помогаетъ ему въ содержаніи.»

Слѣдствіе, произведённое Адеркасомъ, какъ и должно было ожидать по соображенію злокачественнаго оборота дѣла особенно въ послѣднее время, привело всю исторію о вольнодумствѣ къ весьма печальному концу. Министръ отъ 27-го октября 1830 года, за № 8036, сообщилъ на имя директора слѣдующее окончательное рѣшеніе дѣла: «Государь Императоръ, въ 26-й день сего октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: «профессоровъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко Шапалинскаго и Бѣлоусова, за вредное на юношество вліяніе, а Ландражина и Зингера сверхъ того и за дурное поведеніе, отрѣшить отъ должности, со внесеніемъ сихъ обстоятельствъ въ ихъ паспорты, дабы таковымъ образомъ они и впредь не могли быть нигдѣ терпимы въ службѣ по учебному вѣдомству, а тѣхъ изъ нихъ, кои не русскіе, выслать за границу, русскихъ же — на мѣста ихъ родины, отдавъ подъ присмотръ полиціи». Предписывается вышеизложенное Высочайшее повелѣніе немедленно привести въ исполненіе и донести о томъ высшему начальству. «При семъ даю знать», продолжаетъ министръ, «что вмѣстѣ съ симъ отнёсся я къ г. управляющему министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объ учиненіи отъ него зависящаго распоряженія касательно высылки за границу и на мѣста родины сказанныхъ четырёхъ профессоровъ.» Немедленно по полученіи предписанія, директоръ внёсъ въ конференцію 13-го ноября слѣдующее предложенія: 1) «объявить въ конференціи о семъ Высочайшемъ повелѣніи помянутымъ профессорамъ, со взятіемъ отъ нихъ въ выслушаніи того повелѣнія росписокъ; 2) назначить къ замѣщенію классовъ способныхъ чиновниковъ впредь до опредѣленія настоящихъ профессоровъ; 3) всѣмъ должностнымъ чиновникамъ, какъ-то инспектору, библіотекарю, секретарямъ, эконому и кассиру объявить, дабы они, если что поручали упомянутымъ профессорамъ изъ принадлежащаго Гимназіи имущества, отобрали отъ нихъ и объ исполненіи сего меня тотчасъ письменно увѣдомили; 4) о кабинетахъ физическомъ и минералогическомъ, находящихся въ общемъ завѣдываніи у гг. Шапалинскаго и Соловьёва, сдѣлать надлежащее распоряженіе». Въ томъ же засѣданіи конференціи всѣ предметы преподаванія отрѣшонныхъ отъ должностей профессоровъ распредѣлены были временно между наличными преподавателями слѣдующимъ образомъ: римское право и нѣмецкая словесность поручены были Билевичу, математика — Самойленко, физика — Соловьёву, французская словесность — Никольскому и Моисееву, нѣмецкая грамматика — надзирателю при пансіонѣ Бестерскому, славянская грамматика — учителю Хандожинскому. Членомъ правленія на мѣсто Шапалинскаго большинствомъ голосовъ избранъ Билевичъ. Отрѣшонныхъ отъ должностей профессоровъ опре-

дѣлено удовлетворить жалованьемъ по день объявленія имъ Высочайшаго повелѣнія, то-есть по 13-го ноября, за 12 дней.

Андрущенко и Соловьёвъ, принадлежавшіе къ той же группѣ «достойныхъ», по замѣчанію П. Г. Рѣдкина, профессоровъ, пережили катастрофу 1830 года и оставались на службѣ въ Нѣжинской гимназіи — первый до 1832 года, а второй до смерти въ 1837 году. Въ 1832 году попечитель отъ 3-го декабря сообщилъ конференціи слѣдующее рѣшеніе министра: «профессора латинской словесности, Андрущенко, за предосудительные его поступки удалить немедленно отъ службы, выдавъ ему законное свидѣтельство, съ означеніемъ причинъ удаленія отъ должности: что онъ удалёнъ по причинѣ неспокойнаго характера и дурного образа мыслей». Въ дѣлахъ архива не сохранилось указаній, въ чёмъ именно въ послѣдніе два года выразились неспокойный характеръ и дурной образъ мыслей Андрущенко. Должно полагать, что отношенія къ нему директора не были благопріятны, такъ-какъ ещё во время слѣдствія директоръ счёлъ нужнымъ заявить Адеркасу въ одномъ изъ своихъ рапортовъ о его вольномысліи въ религіозномъ отношеніи.

Отъ того же 1832 года сохранилось интересное прошеніе Ландражина, проживавшаго въ Тотьмѣ подъ надзоромъ полиціи, поданное имъ Вологодскому губернатору и чрезъ Бенкендорфа, министра и Харьковскаго попечителя, дошедшее до конференціи Нѣжинской Гимназіи. Въ этомъ прошеніи Ландражинъ проситъ объ исходатайствованіи слѣдующихъ ему квартирныхъ денегъ съ февраля по день отрѣшенія отъ должности, по 500 рублей въ годъ, согласно состоявшемуся тогда разрѣшенію почётнаго попечителя, такъ-какъ онъ «нынѣ лишонъ всѣхъ средствъ къ пропитанію себя и осиротѣвшаго семейства своего»; проситъ выдать деньги или лично ему, или «бѣдной женѣ его, оставшейся съ дѣтьми въ Нѣжинѣ». По наведеніи всѣхъ справокъ, конференція 29-го апрѣля опредѣлила донести, что можно удовлетворить Ландражина квартирными деньгами за время съ 3-го февраля 1824 года только по 4-е декабря 1826 года, когда онъ перешолъ въ собственный домъ и отказался отъ предложенной ему квартиры, то-есть за два года и десять мѣсяцевъ, въ количествѣ 1416 рублей 66$^{2}/_{3}$ копѣекъ. Но и это опредѣленіе конференціи не обошлось безъ противорѣчій. Замѣчательно, что починъ въ противорѣчіяхъ принадлежитъ законоучителю Мерцалову, не задолго передъ тѣмъ опредѣлённому въ Гимназію. Законоучитель рѣшительно возсталъ противъ удовлетворенія Ландражина квартирными деньгами, такъ-какъ онъ вполнѣ заслуженно отрѣшонъ отъ должности, какъ имѣвшій вредное вліяніе на юношество. «Совсѣмъ неестественно давать плату такому дѣлателю», пишетъ Мерцаловъ, «который, бывъ принятъ на извѣстныхъ, выгодныхъ для него, условіяхъ (здѣсь разумѣются права и преимущества профессоровъ гимназіи, дарованныя уставомъ) починить домъ, совершенно бы оный разрушилъ, или построить новый, вмѣсто сего попортилъ бы матеріалы, къ построенію приготовленные. При томъ же онъ оставилъ казённую квартиру, купивъ собственный домъ, въ надеждѣ на большія выгоды

отъ пансіона для дѣвицъ, который онъ сначала содержалъ, а потомъ отъ множества учениковъ гимназіи, которыхъ онъ привлекалъ къ себѣ предоставляемою имъ свободою, въ явный подрывъ доходамъ пансіона. Наконецъ, по существующимъ узаконеніямъ, чиновники, получающіе половинное жалованье во время производства надъ ними слѣдствія, лишаются недополученнаго въ случаѣ ихъ осужденія—и Ландражинъ долженъ благодарить милостивое начальство, удовлетворившее его полнымъ жалованьемъ». Къ этому мнѣнію присоединилъ своё Никольскій, доказывая, что средства пансіона разстроились именно отъ перехода учениковъ къ Ландражину. Соловьёвъ въ своёмъ мнѣніи утверждалъ, что необходимо удовлетворить квартирными деньгами не только Ландражина, но и другихъ чиновниковъ, не пользующихся квартирными деньгами.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что исторія о вольнодумствѣ, поглотившая совершенно непроизводительно столько труда и времени, принесшая столько вреда существу дѣла, надѣлавшая столько шума, тревогъ и волненій, въ дѣйствительности вовсе не имѣла тѣхъ размѣровъ и того вида, какіе она получила впослѣдствіи въ процессѣ постепеннаго своего развитія. Возникши первоначально изъ личныхъ и мелкихъ неудовольствій, она поддерживалась, возбуждалась и возрастала подъ вліяніемъ съ одной стороны всё болѣе и болѣе оскорбляемаго самолюбія, искавшаго себѣ во что бы то ни стало удовлетворенія и всё болѣе и болѣе усиливавшихся самонадѣянности и заносчивости съ другой. Извѣстно, что первый рапортъ Билевича, направленный главнымъ образомъ противъ театральныхъ представленій и безпорядковъ пансіона, слегка и мимоходомъ касается преподаванія естественнаго права, указывая только на то, что преподаватель не руководствуется предписаннымъ сочиненіемъ де-Мартини. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что отобранныя отъ учениковъ записки потерпѣли сильныя искаженія отъ учениковъ, особенно при участіи Кукольника, и, по всей вѣроятности, нѣкоторыя измѣненія въ интересахъ обвинявшей стороны; что и устныя показанія учениковъ также не были свободны отъ вліянія и внушеній съ той и другой стороны, какъ то и обнаружилось впослѣдствіи. Страсти, при продолжительномъ и непрерывномъ возбужденіи, воспламенились наконецъ до той степени, на которой теряется равновѣсіе, исчезаетъ чувство мѣры и правды и не разбираются средства для достиженія цѣли. Нельзя не пожалѣть, что Шапалинскій, во время исправленія должности директора, излишнею снисходительностію къ одной сторонѣ, соединённою съ невниманіемъ къ установленнымъ закономъ порядкамъ и формамъ, и небрежнымъ отношеніемъ къ другой усиливалъ вражду и тѣмъ осложнялъ исторію. Болѣе всего пострадало заведеніе. Три года было парализовано обученіе: и учившіе, и учившіеся, находясь въ ненормальномъ состояніи, конечно, относились и къ обученію ненормально. Самое преобразованіе Гимназіи, послѣдовавшее спустя два года послѣ слѣдствія, совершилось, должно полагать, подъ вліяніемъ той же исторіи.

Само собою разумѣется, что исторія должна была произвести крайне непріятное впечатлѣніе на почётнаго попечителя. 1-го августа 1830

года онъ обратился къ директору и всѣмъ служившимъ въ гимназіи съ слѣдующимъ строгимъ внушеніемъ: «проѣзжая чрезъ Нѣжинъ, я не могу не изъяснить, сколько я соболѣзную о безпорядкахъ, вкравшихся въ сіе учебное заведеніе. Не въ качествѣ начальника, но какъ основатель, должнымъ почитаю объявить всѣмъ господамъ профессорамъ и чиновникамъ, участвовавшимъ въ оныхъ, крайнее моё неудовольствіе. Всякій наставникъ долженъ всегда имѣть въ виду важность своей должности и принятую имъ отвѣтственность предъ правительствомъ, родителями и совѣстію своею, не токмо наставленіями, но ещё болѣе примѣромъ научать учениковъ своихъ всѣмъ христіанскимъ и гражданскимъ добродѣтелямъ. Посему ссоры, личности, ученія ложнымъ началамъ, худое поведеніе, неисполненіе своей должности со стороны наставниковъ не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ учебномъ заведеніи. Я не вхожу въ подробное разсмотрѣніе вины или невинности каждаго, пока не получу заключенія высшаго училищнаго начальства, по повелѣнію коего уже произведено слѣдствіе и отъ котораго сужденіе по сему дѣлу по Высочайше утверждённому уставу зависитъ; но единственно присовокупляю къ сему, что послѣ онаго я съ удовольствіемъ готовъ буду возвратить прежнее моё благорасположеніе тѣмъ, которые окажутся совершенно невинными. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не замѣтить, что г. директоръ долженъ бы съ бо̀льшею твёрдостію прекращать всякое неустройство, ибо Высочайше утверждённый уставъ предоставляетъ ему власть и возлагаетъ на него сію обязанность».

Послѣ исторіи о вольнодумствѣ, Гимназія, обезсиленная въ своёмъ учебномъ составѣ, просуществовала съ прежнимъ энциклопедическимъ направленіемъ ещё два года безъ особыхъ приключеній и въ 1832 году была преобразована въ гимназію съ спеціальнымъ физико-математическимъ направленіемъ. Вскорѣ по окончаніи слѣдствія, 17-го августа 1830 года, министръ «нашолъ удобнѣйшимъ, чтобы въ этомъ году не принимать воспитанниковъ въ нижній классъ сей гимназіи», а почётный попечитель отъ 27-го декабря того же года сообщилъ конференціи распоряженіе «воздержаться отъ опредѣленія вновь чиновниковъ и даже отъ положительнаго утвержденія въ высшихъ должностяхъ чиновниковъ, уже служащихъ нынѣ, до утвержденія новаго устава; а дабы не было остановки въ преподаваніи, до того времени поручить должности способнѣйшимъ».

Н. Лавровскій.

ЛИЦЕЙ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

I.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Начавшаяся въ 1827 году и длившаяся до 1830 года исторія отразилась въ высшей степени пагубно на самой Гимназіи Высшихъ Наукъ. Лучшіе профессора были смѣщены, а Гимназію постигъ полный разгромъ. Среди разгара всяческихъ страстей, среди борьбы мелкихъ самолюбій и честолюбій въ средѣ профессоровъ, среди обвиненій послѣдними другъ друга въ вольнодумствѣ и вредномъ вліяніи на юношество, среди допросовъ, которые устраивались ученикамъ Гимназій о содержаніи лекцій профессора Бѣлоусова — среди всѣхъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ и преподавателямъ и учащимся было не до ученія, и оно пришло въ полный упадокъ. Хотя производившій въ 1830 году ревизію и слѣдствіе по обвиненію профессора Бѣлоусова во вредномъ преподаваніи естественнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ Адеркасъ и далъ одобрительный отзывъ о поведеніи и успѣхахъ учениковъ Гимназіи, но очевидно этотъ отзывъ проистекалъ не болѣе, какъ изъ желанія позолотить ту пилюлю, которую онъ преподнёсъ Гимназіи, какъ результатъ своей ревизіи. Напротивъ, цѣлый рядъ документальныхъ данныхъ, относящихся къ непосредственно слѣдующимъ затѣмъ годамъ, удостовѣряетъ, что Гимназія въ учебно-воспитательномъ отношеніи пришла въ полный упадокъ. Эти данныя будутъ приведены нами ниже. Такое состояніе Гимназіи Высшихъ Наукъ и вызвало, конечно, ея преобразованіе въ физико-математическій лицей. Но очевидно тутъ слѣдуетъ предполагать и другую причину. Исторія профессора Бѣлоусова набросила тѣнь на политическую благонадёжность Нѣжинской Гимназіи и, при господствовавшемъ въ то время въ высшихъ сферахъ недовѣрчивомъ отношеніи къ политической доброкачественности наукъ гуманныхъ и соціально-политическихъ, признано болѣе удобнымъ и безопаснымъ замѣнить ихъ безобидными физико-математическими науками. 7-го октября 1832 года утвержденъ былъ уставъ «Лицея Князя Безбородко». Гимназическіе классы были унич-

тожены и оставлены только три высшіе класса, составлявшіе шесть полугодичныхъ курсовъ. Для преподаванія наукъ назначены были законоучитель и шесть профессоровъ для шести слѣдующихъ каѳедръ: 1) чистой математики, 2) прикладной математики, 3) физики, 4) химіи и технологіи, 5) естественной исторіи и 6) одной каѳедры: русской словесности и русской исторіи и статистики, и наконецъ два лектора для французской и нѣмецкой литературы. Въ замѣнъ всѣхъ прежнихъ преимуществъ, студентамъ, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ ученія и удостоеннымъ похвальныхъ аттестатовъ, предоставленъ, при вступленіи въ гражданскую службу, 14-й классъ, а на полученіе офицерскаго чина одинаковое право съ студентами университетовъ, съ оговоркою: «ежели познаніемъ службы достойны будутъ производства». § 17 новаго устава давалъ право студентамъ, отличившимся своимъ поведеніемъ и особенными способностями, быть отправленными, на счётъ хозяйственныхъ суммъ заведенія, для усовершенствованія въ наукахъ въ одинъ изъ россійскихъ университетовъ. Наконецъ, по § 30, окончившіе курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко освобождались отъ испытанія, установленнаго указомъ 6-го августа 1809 года для производства въ чины VIII и V классовъ. Но и это преобразованіе мало помогло дѣлу и десятилѣтній періодъ (1830—1840) представляется самымъ тёмнымъ періодомъ во внутренней жизни заведенія, носящаго имя князя Безбородко. При преобразованіи Гимназіи въ Лицей сначала имѣлось въ виду сразу закрыть гимназическіе классы, предоставивши ученикамъ перейдти въ другія учебныя заведенія — и это, быть-можетъ, было бы и лучше для дальнѣйшаго состоянія Лицея. Но потомъ, въ интересахъ учащихся, предписано было постепенное закрытіе гимназическихъ классовъ, по одному ежегодно, такъ что они продолжали существовать при Лицеѣ до 1837 года. Они-то и составляли истинный тормозъ для Лицея, такъ-какъ служащіе въ нихъ очевидно относились къ нимъ, какъ къ учрежденію умирающему, которое нужно было только какъ-нибудь дотянуть до послѣдняго издыханія. Съ другой стороны, въ Лицеѣ, какъ заведеніи только ещё зарождавшемся, тоже ещё порядокъ устанавливался плохо. Старая исторія 1827 — 30 годовъ не совсѣмъ затихла; отголоски ея мы встрѣчаемъ ещё гораздо позднѣе—и послѣднею жертвою ея былъ ещё одинъ изъ лучшихъ профессоровъ гимназіи высшихъ наукъ, Андрущенко, удалённый въ декабрѣ 1832 года отъ службы съ прописаніемъ въ выданномъ ему свидѣтельствѣ, что онъ удалёнъ по причинѣ неспокойнаго характера и дурного образа мыслей. Благомъ для Лицея въ это тяжолое время послужило хоть то, что, съ открытіемъ въ 1832 году Кіевскаго учебнаго округа, у него явилось ближайшее начальство, руководившее его дѣйствіями и направлявшее ихъ по возможности въ хорошую сторону; а начальство это заключалось въ лицѣ перваго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, прекраснаго администратора и благороднѣйшаго человѣка, Е. Ѳ. фонъ-Брадке. Но за-то директоръ Гимназіи и Лицея, на долю котораго выпала тяжолая задача вынести на своихъ плечахъ всю эту неурядицу, Д. Е. Ясновскій (1827—1835), видимо оказался не въ соотвѣтствіи съ по-

ложеніемъ дѣлъ. Ясновскій, не смотря на свои нравственныя качества, на прекрасное образованіе и разностороннія познанія, не смотря даже на свой чрезвычайно красивый, чёткій почеркъ, какъ начальникъ, администраторъ и даже воспитатель, едва ли обладалъ нужными для всего этаго качествами. Онъ не съумѣлъ разобраться въ той кашѣ, въ которую попалъ при самомъ вступленіи своёмъ въ должность директора, не умѣлъ и послѣ твёрдо, рѣшительно и правильно вести дѣла въ конференціи и хозяйственномъ правленіи. Отсюда — несогласія, отдѣльныя мнѣнія, отказы профессоровъ подписывать протоколы, счёты и тому подобное и всяческія пререканія, а въ заключеніе всего — масса строгихъ и строжайшихъ выговоровъ и замѣчаній, сыпавшихся на голову почтеннаго Даніила Емельяновича, за разныя упущенія по службѣ, отъ окружного начальства.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1833 года Нѣжинскій Лицей въ первый разъ посѣтилъ попечитель фонъ-Брадке. Послѣ трёхдневнаго осмотра заведеній, лицейскихъ курсовъ и гимназическихъ классовъ, попечитель въ особой бумагѣ на имя директора, данной здѣсь же въ Нѣжинѣ, изложилъ выводы, сдѣланные имъ изъ этого осмотра. Попечитель нашолъ неудовлетворительными успѣхи учениковъ въ большей части предметовъ, особенно въ низшихъ классахъ гимназіи, неудовлетворительность которыхъ происходила отъ неумѣлости преподавателей, и ихъ небрежнаго отношенія къ своему дѣлу и обязанностямъ, такъ что попечитель вознамѣрился было немедленно нѣкоторыхъ преподавателей отрѣшить отъ должности и оставилъ ихъ только по ходатайству добраго директора. Нашолъ также попечитель недостатки и упущенія и въ дисциплинарно-воспитательной части въ заведеніи. Поэтому фонъ-Брадке предписывалъ директору всѣми мѣрами и способами склонять и побуждать своихъ подчинённыхъ къ добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей и къ поднятію уровня заведенія во всѣхъ отношеніяхъ. Только состояніемъ гимназическихъ зданій, господствовавшею въ нихъ чистотою и опрятностью попечитель остался доволенъ и выразилъ директору свою благодарность.

Но и послѣ этого посѣщенія и замѣчаній дѣла въ Нѣжинѣ не пошли лучше. Въ ноябрѣ того же 1833 года посѣтилъ свои заведенія почётный ихъ попечитель, графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко. Изъ осмотра Гимназіи и Лицея онъ вынесъ ещё болѣе неблагопріятное впечатлѣніе, чѣмъ окружной попечитель. Послѣ отъѣзда графа, попечитель округа въ предложеніи своёмъ рѣзче и рѣшительнѣе выразился о состояніи Гимназіи и Лицея Князя Безбородко. Онъ говоритъ, что почётный попечитель нашолъ заведеніе и съ внѣшней, и съ внутренней стороны въ состояніи неудовлетворительномъ; поразили графа и слабые успѣхи учениковъ, особенно въ новыхъ языкахъ; вообще же заведеніе показалось графу «замѣтно склоняющимся къ упадку». Поэтому попечитель округа опять убѣждаетъ директора употребить всѣ усилія къ приведенію заведенія въ лучшее состояніе, позаботиться возстановить и поддержать его прежнее достоинство, «отклонить отъ упадка, къ которому оно съ давняго времени быстро приближается».

Наконецъ въ 1835 году, при посѣщеніи Лицея попечителемъ фонъ-Брадке, Д. Е. Ясновскій подалъ ему — волей или неволей — лично прошеніе объ отставкѣ, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго здоровья.

Въ томъ же году прибылъ въ Лицей новый директоръ, Х. А. Экебладъ. Человѣкъ ещё молодой, прекрасно образованный, съ солидными познаніями въ предметѣ своей спеціальности, знающій службу и строгій ревнитель служебныхъ порядковъ — онъ въ лицѣ своёмъ представлялъ всѣ данныя для коренного исправленія и возрожденія пришедшаго въ такой упадокъ заведенія. И дѣйствительно Экебладъ въ довольно скоромъ времени поставилъ Лицей на лучшую ногу. Въ 1839 году по вопросу о представленіи Экеблада къ награжденію орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, Совѣтъ Лицея въ длинномъ протоколѣ изложилъ заслуги Христіана Адольфовича и то, что сдѣлано имъ для Лицея Князя Безбородко въ теченіи управленія имъ. Экебладъ прежде всего улучшилъ внѣшнюю сторону заведенія, начиная съ самаго зданія и кончая учащимися. Аккуратность вездѣ завелась чисто нѣмецкая, на поведеніе учениковъ и студентовъ обращено было самое строгое вниманіе, выработаны были точныя правила надзора за поведеніемъ — однимъ словомъ, воспитательно-дисциплинарная часть приведена была въ лучшій порядокъ. Дѣла въ Совѣтѣ и въ хозяйственномъ правленіи стала вести твёрдая рука, нерѣдко исполнявшая секретарскія обязанности и сама писавшая длинные протоколы по важнѣйшимъ дѣламъ. Отчётность передъ высшимъ начальствомъ велась правильно и своевременно — и на Лицей перестали сыпаться выговоры и замѣчанія. Но что касается до части учебной, до успѣховъ учениковъ въ ученіи, то, естественно, здѣсь многаго нельзя было сдѣлать однѣми административными мѣрами безъ надлежащаго состава преподавателей и безъ надлежащаго отношенія наличныхъ къ своимъ обязанностямъ. Гимназическіе классы продолжали быть ахиллесовой пятой заведенія. Въ октябрѣ 1836 года директоръ подалъ въ Совѣтъ записку, въ которой обращалъ его вниманіе на неудовлетворительность успѣховъ учениковъ гимназіи, особенно въ математикѣ и новыхъ иностранныхъ языкахъ, и предлагалъ обсудить мѣры къ устраненію замѣченныхъ имъ недостатковъ.

Какъ на главнѣйшую причину неуспѣшности учениковъ въ названныхъ предметахъ, директоръ указывалъ на то обстоятельство, что, по практиковавшимся тогда правиламъ о переводныхъ испытаніяхъ, право на переходъ въ высшій классъ давалось ученику не достаточной отмѣткой по каждому отдѣльному предмету, а общею суммою балловъ вмѣстѣ по всѣмъ предметамъ, такъ что высокая отмѣтка по однимъ предметамъ могла покрывать низкія — по другимъ. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію директора, ученики, зная заранѣе, что плохіе успѣхи по нѣкоторымъ предметамъ не будутъ служить препятствіемъ къ переходу ихъ въ высшіе классы, предпочитали усерднѣе заниматься болѣе занимательными предметами — исторіей, словесностью — и относились небрежно къ предметамъ болѣе труднымъ и менѣе интереснымъ, какова математика. Но едва ли здѣсь директоръ напалъ на настоящую при-

чину. Есть основаніе представлять себѣ дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ. Нѣсколько раньше попечитель округа поставилъ Совѣту Лицея на видъ, что переводные экзамены въ гимназическихъ классахъ произведены были довольно своеобразно: такъ какъ вслѣдствіе ежегоднаго закрытія по одному изъ классовъ бывшей гимназіи высшихъ наукъ, ученикамъ уже невозможно было оставаться на второй годъ въ томъ же классѣ, а тѣмъ, которые не удостоились бы перевода, приходилось увольняться, то экзаменаторы и переводили всѣхъ учениковъ безъ исключенія изъ одного класса въ другой. Понятно, что подобный способъ производства переводныхъ экзаменовъ заключалъ въ себѣ мало побужденій для учениковъ усердно учиться въ теченіи года. Въ вышеупомянутой запискѣ своей директоръ, въ числѣ мѣръ къ усиленію занятій учениковъ «незанимательными» предметами, предложилъ репетиторство учениками старшихъ классовъ учениковъ младшихъ. Совѣтъ согласился со всѣмъ, предложеннымъ директоромъ.

Что касается въ частности до физико-математическаго Лицея Князя Безбородко, то здѣсь порядка было нѣсколько больше. Преподаваніе шло правильнѣе и успѣхи студентовъ были лучше. Составъ профессоровъ Лицея былъ довольно хорошъ, хотя, къ сожалѣнію, они часто мѣнялись и выбывали именно лучшіе профессора. Хорошій профессоръ чистой математики и въ полномъ смыслѣ человѣкъ науки, К. Г. Купферъ, не пробылъ и двухъ лѣтъ въ Лицеѣ и похищенъ былъ смертью отъ болѣзни, полученной имъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Другой, ещё лучшій, профессоръ по каѳедрѣ прикладной математики, К. А. Будзынскій, оставившій въ своихъ слушателяхъ самое свѣтлое воспоминаніе своими превосходными лекціями и приносившій имъ громадную пользу, внезапно, въ 1838 году, по распоряженію министра, былъ уволенъ отъ службы «за безпокойное поведеніе и неуваженіе къ начальству». Это увольненіе профессора Будзынскаго было, можно сказать, громовымъ ударомъ для всего Лицея. Подъ конецъ существованія Лицея сюда перешолъ также прекрасный профессоръ по каѳедрѣ естественныхъ наукъ, адъюнктъ Кіевскаго университета А. Л. Андржеевскій. Большой симпатіей слушателей пользовались также лекціи другого профессора естественныхъ наукъ, Н. Ѳ. Соловьёва, бывшаго ещё профессоромъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ.

Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ остатковъ лекцій этихъ профессоровъ, по которымъ можно было бы судить о характерѣ преподаванія въ физико-математическомъ Лицеѣ. Впрочемъ сохранились ежегодныя программы преподаванія всѣхъ профессоровъ. Эти программы показываютъ, что преподаваніе естественно-математическихъ наукъ въ Лицеѣ вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему состоянію этихъ наукъ въ Россіи и что профессора владѣли съ полною авторитетностью своими предметами. Преподаваніе отличалось достаточной обширностью и происходило по лучшимъ руководствамъ — русскимъ и частью иностраннымъ. Но программы эти поражаютъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было перемѣнъ, какого бы то ни было движенія: изъ года въ годъ у одного и того же профессора онѣ только переписывались съ стерео-

типной точностью безъ всякихъ измѣненій. Было ли причиной этого отсутствіе научнаго движенія и усовершенствованія въ самихъ профессорахъ, или что нибудь иное? Покрайней-мѣрѣ въ это время, начиная съ знаменитаго Уваровскаго циркуляра о повсемѣстномъ преподаваніи въ соединённомъ духѣ православія, самодержавія и народности, ежегодно повторялись предписанія, чтобы преподаваніе наукъ происходило по руководствамъ, одобреннымъ высшимъ начальствомъ. Въ 1836 году, по мысли директора Х. А. Экеблада, въ Лицеѣ заведены были литературныя бесѣды: разъ или два въ мѣсяцъ происходили собранія, на которыхъ студенты Лицея и ученики гимназіи читали свои сочиненія, написанныя ими на заданныя преподавателями темы, а изъ среды присутствовавшихъ являлись оппоненты и критики, заранѣе ознакомившіеся съ прочитанной работой. Всему происходившему на этихъ бесѣдахъ велись протоколы. Темы для разсужденій, читанныхъ на литературныхъ бесѣдахъ, равно какъ и для годичныхъ сочиненій, отличались удивительнымъ однообразіемъ, такъ-какъ въ нихъ постоянно фигурировала христіанская вѣра въ ея вліяніи на всемірную цивилизацію, на развитіе просвѣщенія въ Россіи, на развитіе въ человѣкѣ гражданскихъ доблестей и тому подобное. Быть можетъ, причиной такого однообразія темъ было и то обстоятельство, что въ это время преподавателемъ риторики въ гимназіи былъ законоучитель, протоіерей Іоаннъ Мерцаловъ.

Помимо всего этого, научная производительность профессоровъ физико-математическаго Лицея, можно сказать, равнялась нулю. Къ годичнымъ отчётамъ по Лицею всѣ профессора должны были прилагать собственноручно ими писанные отвѣты на слѣдующіе вопросы, присылавшіеся изъ управленія округомъ: съ кѣмъ вступалъ въ сношенія по дѣламъ, до науки относящимся, какія получалъ отношенія и что на нихъ отвѣчалъ? какія дѣлалъ научныя наблюденія? что написалъ, что перевёлъ и что издалъ въ свѣтъ? На эти вопросы ежегодно всѣ профессора Лицея единодушно отвѣчали, что ни съ кѣмъ въ научныхъ сношеніяхъ не находились, никакихъ научныхъ наблюденій не дѣлали, ничего не сочиняли, ничего не переводили и ничего въ свѣтъ не издавали.

Когда въ 1833 году основанъ былъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», то профессора Лицея, въ числѣ другихъ, получили приглашеніе принять участіе въ этомъ изданіи присылкою статей, научныхъ сочиненій и тому подобное; но изъ нѣжинскихъ никто на это приглашеніе не отозвался. Въ 1839 году министръ графъ С. С. Уваровъ преобразовалъ программу журнала министерства по новому плану, и профессора Лицея получили опять такое же приглашеніе, или даже, правильнѣе сказать, просьбу, какъ и въ 1833 году. На этотъ разъ директоръ затребовалъ отъ всѣхъ профессоровъ письменные отвѣты, и оказалось, что только самъ директоръ, Экебладъ, предложилъ для журнала съ дюжину своихъ статей, профессоръ русской исторіи и статистики Шульговскій предложилъ три имѣвшіяся у него въ рукописяхъ небольшія статейки, да инспекторъ, преподававшій въ то же время и словесность, Македонскій, заявилъ, что когда у него окажется досугъ, онъ не отказывается написать что-нибудь для журнала. Всѣ же осталь-

ные профессора, ссылаясь — кто на слабое здоровье, кто на многосложныя и многотрудныя служебныя обязанности — отъ всякаго участія въ журналѣ министерства отказались.

Въ эту пору непригляднаго внутренняго состоянія Лицея его постигло ещё и физическое бѣдствіе: ночью съ 3-го на 4-е февраля 1836 года въ правомъ крылѣ главнаго лицейскаго зданія отъ причины, слѣдствіемъ не обнаруженной, произошолъ пожаръ, отъ котораго пострадала крыша и потолки въ третьемъ этажѣ того крыла.

Физико-математическій Лицей князя Безбородко служитъ какъ нельзя болѣе нагляднымъ доказательствомъ того, какъ скоро заведенія, возникновеніе которыхъ вызвано не общими цѣлями просвѣщенія, не какими нибудь мѣстными потребностями, а причинами случайными, посторонними, даже чуждыми просвѣтительнымъ цѣлямъ, умираютъ естественною смертью отъ истощенія силъ, отъ худосочія, съ которымъ они появляются на свѣтъ. Такая смерть постигла и Лицей — созданіе 7-го октября 1832 года. Въ 1839 году для Лицея наступилъ кризисъ: въ этомъ году не оказалось поступающихъ на первый курсъ, что и повлекло за собою закрытіе этого курса. Этотъ кризисъ заставилъ наконецъ обратить вниманіе на злополучное заведеніе и вызвалъ новое его преобразованіе. 24-го апрѣля 1840 года утвержденъ былъ уставъ юридическаго Лицея князя Безбородко. Съ этого времени начинается новый, болѣе свѣтлый и самый продолжительный періодъ въ исторіи этого заведенія, по важности и плодотворности своего существованія смѣло могущій быть поставленнымъ рядомъ съ періодомъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Но и въ этотъ повидимому безслѣдно-прошедшій для исторіи русскаго просвѣщенія періодъ (1832—1840) жизни Нѣжинскаго Высшаго Учебнаго Заведенія Князя Безбородко, надъ этимъ заведеніемъ не вполнѣ оскудѣла та благодать свыше, которая въ первомъ періодѣ (1820—1832) связала съ его именемъ столько славныхъ и даже великихъ имёнъ въ русской исторіи. Воспитанники физико-математическаго Лицея П. И. Собко, Д. И. Журавскій и Ѳ. Е. Миклуха могли бы служить украшеніемъ исторіи любого учебнаго заведенія.

Но и независимо отъ этихъ выдающихся имёнъ, Лицей выпустилъ не мало людей, съ честью и пользою подвизавшихся на поприщѣ литературы, науки и служенія государству. Въ одномъ отношеніи особенно оставилъ по себѣ слѣдъ физико-математическій Лицей. Его воспитанниками была почти исключительно мѣстная дворянская молодёжь. Обезпеченное матеріально дворянство охотно избирало для себя военную службу, которая въ то время ещё считалась наиболѣе почётной, особенно для дворянъ средней руки, не имѣвшихъ возможности избрать себѣ дипломатической или придворной карьеры. Для военной службы математическій Лицей и давалъ прекрасную подготовку. Значительная часть окончившихъ въ нёмъ курсъ служили именно въ военной службѣ. При маломъ въ то время количествѣ въ Россіи военно-учебныхъ заведеній, при низкомъ уровнѣ и спеціальнаго, и общаго образованія нашего армейскаго офицерства, лицеисты должны были вносить новую, освѣ-

жающую струю въ армейскіе полки и служить хорошимъ примѣромъ для своихъ менѣе образованныхъ товарищей. Благодаря своему спеціально-математическому образованію, лицеисты избирали преимущественно такъ называемые ученые роды войскъ, особенно артиллерію, и математическій Лицей за короткое время своего существованія далъ русской арміи не мало прекрасныхъ артиллерійскихъ офицеровъ. И такъ въ этомъ отношеніи физико-математическій Лицей сослужилъ Россіи свою службу и долженъ быть помянутъ добрымъ словомъ; имена же двухъ воспитанниковъ — командира Прагскаго пѣхотнаго полка полковника Ферейнда и начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Каталея, павшихъ геройскою смертью — первый на Малаховомъ курганѣ, а второй на Балканахъ — должны занять мѣсто не только въ исторіи Лицея Князя Безбородко, но и на страницахъ русскихъ военныхъ лѣтописей.

Всѣхъ выпусковъ изъ физико-математическаго Лицея было 8; выпущено студентовъ съ правомъ на чинъ XIV класса — 147.

II.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

24-го апрѣля 1840 года данъ былъ именной Высочайшій указъ о преобразованіи физико-математическаго Лицея Князя Безбородко, на основаніи новаго устава, «въ видахъ улучшенія настоящаго состоянія Лицея и доставленія оному большихъ средствъ къ успѣшному образованію юношества, приготовляющагося въ гражданскую службу», какъ сказано въ этомъ указѣ. Того же числа получилъ Высочайшее утвержденіе и новый уставъ, причёмъ третій параграфъ этого устава гласилъ, что, со времени новаго преобразованія Лицея изъ математическаго въ юридическій, главная цѣль Лицея будетъ распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства. Такимъ-образомъ цѣль была поставлена чисто практическая: Лицей сдѣланъ былъ спеціальной юридической школой для подготовленія опытныхъ чиновниковъ, причёмъ чисто научный элементъ игнорировался уставомъ, хотя въ выработкѣ его, о чемъ нельзя умолчать, принималъ дѣятельное участіе и лучшій русскій ученый юристъ того времени, тогдашній ректоръ Кіевскаго университета К. А. Неволинъ. Самый составъ и распредѣленіе каѳедръ, назначенныхъ въ Лицеѣ по уставу 1840 года, указываетъ на исключительно практически-спеціальный характеръ этого заведенія. Такъ за исключеніемъ энциклопедіи законовѣдѣнія, въ Лицеѣ не положено было ни одного научно-теоретическаго предмета изъ области права: ни римскаго права, ни политической экономіи, ни международнаго права. Всё дѣло сводилось къ основательному усвоенію учащимися «Свода Законовъ», почему и

преподаваніе въ Лицеѣ и самыя каѳедры въ уставѣ распредѣлены были по «Своду Законовъ», именно: 1) Энциклопедія Законовѣдѣнія и Государственное Право, законы основные, учрежденія государственыя и губернскія, вмѣстѣ съ уставами о службѣ гражданской и законами о состояніяхъ («Сводъ Законовъ» томы I, II, III и IX); 2) законы казённаго управленія, уставы о повинностяхъ и уставы казённаго управленія (томы IV, V, VI, VII, и VIII); 3) законы гражданскіе, общіе, мѣстные и межевые и законы государственнаго благоустройства (томы X, XI и XII) и 4) законы полицейскіе и уголовные съ судопроизводствомъ (томы XIII, XIV и XV). Такимъ-образомъ предметы не совсѣмъ однородные, какъ гражданское право и государственное благоустройство, соединены были въ одной каѳедрѣ, чтобы охватить по возможности одинаковое число томовъ «Свода Законовъ», идущихъ при томъ послѣдовательно въ порядкѣ нумераціи ихъ. Для предметовъ обще-образовательныхъ въ Лицеѣ учреждены были двѣ каѳедры: 1) Русской Исторіи и Русской и Всеобщей Статистики и 2) Теоріи Поэзіи и Русской Словесности. Въ составъ предметовъ каѳедры богословія входила церковная исторія и каноническое право. Сверхъ того, при Лицеѣ состояло два лектора: для французской и нѣмецкой словесностей. Полный курсъ ученія въ Лицеѣ былъ трёхлѣтній, раздѣлявшійся на 6 семестровъ. Воспитанники, окончившіе курсъ съ хорошими успѣхами, получали право на чинъ XII класса при вступленіи въ гражданскую службу, а окончившіе съ успѣхомъ вообще удовлетворительнымъ — право на чинъ XIV класса. По правамъ на производство въ офицерскій чинъ въ военной службѣ студенты Лицея приравнивались къ студентамъ университетовъ. Студенты, окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ Лицеѣ, принимались безъ испытанія въ 1-й курсъ университетовъ, а въ прочіе курсы — съ соотвѣтственнымъ испытаніемъ. Существенно-важной особенностью преобразованія Лицея по уставу 24-го апрѣля 1840 года было учрежденіе при нёмъ гимназіи, «какъ пріуготовительнаго къ поступленію въ Лицей заведенія». Эта гимназія, помѣщаясь въ лицейскомъ зданіи, должна была содержаться на сумму, отпускаемую изъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 5828 рублей въ годъ.

Во внутреннемъ своёмъ устройствѣ Нѣжинская гимназія не представляла никакихъ отступленій отъ общаго устава гимназій, утверждённаго 8-го декабря 1828 года. Начальство — директоръ и инспекторъ, а также нѣкоторыя другія должностныя лица, были у ней общія съ Лицеемъ. Въ Лицеѣ остались прежніе двадцать четыре студента, помѣщавшіеся въ лицейскомъ пансіонѣ, въ который принимались и своекоштные пансіонеры. Право пользоваться казённымъ содержаніемъ было новымъ уставомъ распространено и на учениковъ гимназіи, которые, по выбору мѣстнаго начальства и съ утвержденія почётнаго попечителя, могли быть принимаемы на казённое содержаніе и продолжали пользоваться имъ и послѣ поступленія въ Лицей, по окончаніи гимназическаго курса.

Не смотря на категорическое положеніе устава, что никто не можетъ быть профессоромъ въ Лицеѣ, не имѣя покрайней-мѣрѣ степени

магистра по одному изъ предметовъ того факультета, къ которому относится преподаваемый имъ предметъ, невозможность удовлетворить этому требованію обнаружилась съ перваго же раза. На каѳедры въ Лицеѣ не нашлось людей съ требуемыми учоными степенями. И не удивительно! Въ то время и въ университетахъ нашихъ далеко не всѣ преподавательскія мѣста были заняты людьми, имѣвшими надлежащія учоныя степени; должности же адъюнктовъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали профессурѣ въ Нѣжинѣ, сплошь и рядомъ занимаемы были не магистрами, а кандидатами. На первый разъ, при назначеніи профессоровъ или, лучше сказать, исправляющихъ ихъ должность, въ Лицей ограничились самымъ необходимымъ составомъ, съ тѣмъ чтобы со временемъ подыскать для другихъ каѳедръ профессоровъ съ правами, требуемыми уставомъ. Законоучителемъ остался по прежнему протоіерей отецъ Іоаннъ Мерцаловъ; остались и прежніе лекторы иностранныхъ языковъ: французскаго — баккалавръ Парижскаго университета Я. Я. Лельевръ и нѣмецкаго — И. И. Лембахъ; послѣдній впрочемъ очень скоро вышелъ въ отставку и былъ замѣнёнъ кандидатомъ Дерптскаго университета И. Ѳ. Клернеромъ. Въ 1841 году назначены были исправляющими должность профессоровъ: по каѳедрѣ Энциклопедіи, Законовѣдѣнія и Государственнаго Права — кандидатъ законовѣдѣнія, въ томъ же году окончившій курсъ въ университетѣ св. Владиміра, А. К. Циммерманъ; по каѳедрѣ же гражданскаго права — кандидатъ законовѣдѣнія, вышедшій въ 1839 году, Н. И. Пилянкевичъ, а въ 1840 году исправляющимъ должность профессора русской словесности назначенъ былъ, также окончившій въ 1839 году курсъ въ университетѣ св. Владиміра, кандидатъ философіи М. А. Туловъ.

Всѣ эти люди, не смотря на свою молодость и недавній только выходъ ихъ самихъ изъ университета, смѣло можно сказать, вполнѣ стояли на высотѣ своего дѣла. Всѣ они или остались превосходными профессорами въ Лицеѣ, или пріобрѣли почётную извѣстность своими учоными заслугами внѣ Лицея. Циммерманъ преподавалъ въ Лицеѣ до 1859 года и всѣ бывшіе его слушатели съ удовольствіемъ вспоминаютъ о его лекціяхъ и съ почтеніемъ о нихъ отзываются за ихъ содержательность, удобопонятность и увлекательное изложеніе. Программа преподаваемаго имъ государственнаго права отличалась полнотою и вполнѣ удовлетворяла потребностямъ будущихъ практическихъ юристовъ, а съ преподаваніемъ Энциклопедіи Законовѣдѣнія онъ связывалъ изложеніе и исторіи философіи права. Пилянкевичъ, послѣ двухлѣтняго преподаванія въ Лицеѣ, обратилъ на себя вниманіе и, по ходатайству высшаго начальства, съ Высочайшаго соизволенія, отправленъ для усовершенствованія въ Германію, Англію и Францію и по возвращеніи изъ-за границы, послѣ трёхлѣтняго тамъ пребыванія, назначенъ былъ адъюнктомъ въ Университетѣ св. Владиміра, и только ранняя смерть, отъ усиленныхъ занятій, похитила его у науки. Преподаваніе М. А. Тулова имѣло въ высшей степени благодѣтельное вліяніе на его слушателей, оно увлекало ихъ и развивало въ нихъ эстетическій и литературный вкусъ и литературныя наклонности. При чисто практическихъ цѣляхъ

и такомъ же направленіи преподаванія въ Лицеѣ юридическихъ предметовъ, словесность, да ещё русская исторія, были въ составѣ лицейскаго преподаванія главнымъ образомъ предметами съ характеромъ чисто научнымъ, изложеніе которыхъ не стѣснялось никакими практическими соображеніями. Такими и являлись эти предметы въ рукахъ лучшихъ профессоровъ. Исторію русской словесности Туловъ, правда, читалъ, покрайней-мѣрѣ въ началѣ своего профессорства, по запискамъ своего бывшаго профессора, извѣстнаго М. А. Максимовича; что же касается теоріи словесности, то здѣсь Тулову самому приходилось создавать курсъ, а каковъ былъ этотъ курсъ, то всякій можетъ знакомиться самъ по лекціямъ Михаила Андреевича по теоріи словесности, напечатаннымъ въ его книгѣ: «Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи», которая была въ своё время чуть ли не классическимъ руководствомъ въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ. Кромѣ этого капитальнаго труда, Туловъ и во время пребыванія своего въ Лицеѣ и послѣ выхода своего изъ послѣдняго, издалъ не мало и другихъ сочиненій. Даже и въ настоящее время, не смотря на преклонный возрастъ, Михаилъ Андреевичъ не перестаётъ трудиться для науки — и всѣ его работы отличаются солидностью содержанія, научностью наблюденія и методомъ изслѣдованія.

Преемникъ М. А. Тулова по каѳедрѣ словесности, А. И. Линниченко, также пріобрѣлъ себѣ извѣстность многолѣтнимъ преподаваніемъ въ Кіевскомъ университетѣ русской и всеобщей литературы, причёмъ онъ служилъ единственнымъ представителемъ послѣдней въ Кіевскомъ университетѣ около десяти лѣтъ. Здѣсь уже кстати будетъ сказать и о красѣ Нѣжинскаго юридическаго Лицея профессорѣ русской исторіи И. В. Лашнюковѣ. Самъ воспитанникъ Лицея, онъ ещё будучи студентомъ, благодаря своему уму, способностямъ и развитію, имѣлъ вліяніе на своихъ товарищей, дѣйствуя на развитіе въ нихъ научно-литературныхъ стремленій и помогая имъ уяснять себѣ трудныя мѣста изъ слушаемыхъ ими наукъ. Назначенный черезъ два года послѣ окончанія курса въ Университетѣ св. Владиміра профессоромъ въ Нѣжинскій Лицей, Иванъ Васильевичъ пятнадцать лѣтъ занималъ свою каѳедру и подъ конецъ своей дѣятельности въ Лицеѣ оставался, пожалуй, единственнымъ представителемъ прежняго блестящаго періода жизни Лицея. Его лекціи поражали слушателей своей живостью и необыкновеннымъ остроуміемъ, которое, къ сожалѣнію, иногда переходило даже въ жёлчь и сарказмъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ вполнѣ удовлетворяли и самымъ строгимъ требованіямъ науки. Записки Ивана Васильевича по русской исторіи изданы уже послѣ его смерти и, можно сказать, съ честью предупредили извѣстный превосходный университетскій compendium К. Н. Бестужева-Рюмина. Изложенію своего курса Лашнюковъ придавалъ историко-критическій характеръ. О всѣхъ главныхъ эпохахъ нашей исторіи, о значеніи великихъ историческихъ лицъ, о спорныхъ вопросахъ, которыхъ такъ много въ русской исторіи, онъ приводилъ всѣ существующія въ нашей исторической литературѣ сколько-нибудь выдающіяся мнѣнія и теоріи и подвергалъ ихъ вполнѣ основательной и остроумной

критикѣ. Такимъ же строго-критическимъ характеромъ отличались и другія историческія работы Лашнюкова, напримѣръ о Владимірѣ Мономахѣ. Въ 1868 году Иванъ Васильевичъ приглашонъ былъ въ Кіевскій университетъ доцентомъ русской исторіи. Вступательная его лекція, несмотря на видимую сухость ея предмета («О составѣ древней русской лѣтописи») и на то, что она произносилась слабымъ и прерывающимся голосомъ человѣка, снѣдаемого злою чахоткою, произвела положительный фуроръ среди многочисленныхъ слушателей, наполнявшихъ громадную аудиторію.

Въ 1842 году явилась необходимость замѣстить въ Лицеѣ и двѣ другія юридическія каѳедры и министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, что, по невозможности найти лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ устава для занятія каѳедры въ Лицеѣ, то есть имѣющихъ магистерскую степень, онъ, министръ, временно назначилъ исправляющими должность профессоровъ кандидатовъ университета Св. Владиміра А. А. Глушановскаго и И. А. Максимовича, одного на каѳедру законовъ казённаго управленія, а другого — на каѳедру уголовныхъ законовъ. Первый изъ нихъ оказался для Лицея случайнымъ человѣкомъ и черезъ два года оставилъ Лицей для болѣе выгодной должности; второй же, посвятивъ всю свою дальнѣйшую дѣятельность Лицею, цѣлыя двадцать семь лѣтъ, до 1869 года, занималъ съ честью въ нёмъ каѳедру. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что всѣ эти лица, назначенныя профессорами въ Лицей, имѣя только степень кандидатовъ, добросовѣстно выполняли своё обязательство и въ скоромъ времени пріобрѣтали магистерскія степени. Къ числу такихъ молодыхъ кандидатовъ, начавшихъ въ Лицеѣ свою учоную и служебную дѣятельность, принадлежитъ и извѣстный нашъ учоный и финансистъ, занимающій нынѣ высокій служебный постъ, Н. Х. Бунге. Учоная слава Николая Христіановича и служебно-административная дѣятельность его достаточно извѣстны, чтобы распространяться о нихъ. Онъ занялъ въ Лицеѣ послѣ Глушановскаго каѳедру законовъ казённаго управленія въ 1845 году и оставался на ней до 1850 года. Послѣ Н. Х. Бунге эту каѳедру въ теченіи трёхъ лѣтъ занималъ также извѣстный профессоръ университета Св. Владиміра (по каѳедрѣ международнаго права) дѣйствительный статскій совѣтникъ В. А. Незабитовскій. Въ 1843 году каѳедру гражданскаго права занялъ, послѣ Пилянкевича, также магистръ правъ, П. Н. Даневскій, нынѣ сенаторъ, авторъ сочиненія: «Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи». П. Н. Даневскій оставался въ Лицеѣ до 1853 года.

И такъ въ этотъ первый, блестящій періодъ исторіи Юридическаго Лицея Князя Безбородко, который можно считать до конца пятидесятыхъ годовъ, учоная и учебная машина въ Лицеѣ дѣйствовала исправно, хорошо и вполнѣ цѣлесообразно. Съ внѣшней стороны въ нёмъ вполнѣ соблюдалась обстановка высшихъ учебныхъ заведеній, напримѣръ торжественные акты съ чтеніемъ историческихъ записокъ и рѣчей, которыя потомъ печатались и иногда представляли довольно солидныя учоныя разсужденія и изслѣдованія. Профессорами были молодые люди, съ горячимъ и искреннимъ одушевленіемъ относившіеся къ своему дѣлу, быстро совершенствовавшіеся

въ этомъ дѣлѣ и благодѣтельно вліявшіе на своихъ слушателей. Они не ограничивались однимъ чтеніемъ лекцій, какъ бы хорошо оно ни шло, но независимо отъ него вели и научныя работы, дававшія право на занятіе почётныхъ мѣстъ въ учёномъ мірѣ. Поэтому многіе изъ этихъ профессоровъ скоро переходили на каѳедры въ университеты, что, конечно, было невыгодно для самого Лицея, но за-то давало ему право на почётное титло разсадника университетскихъ профессоровъ. Согласитесь, что для заведенія съ цѣлями спеціально-практическими, для технической школы, это является уже, пожалуй, заслугой сверхъ-должной, которая тѣмъ цѣннѣе.

Ту же свѣжесть молодости, ту же жизненность въ этотъ первый періодъ замѣчаемъ мы и въ мірѣ учащихся въ Лицеѣ Князя Безбородко. Уроженцы преимущественно мѣстностей, окружающихъ Нѣжинъ: губерній Полтавской, Черниговской и далѣе на югъ Россіи, окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и, въ значительномъ меньшенствѣ, въ семинаріяхъ — они стекались въ Нѣжинъ, какъ въ свою метрополію, шли въ его высшую школу съ довѣріемъ, вслѣдствіе преданій, установившихся въ ней ещё со времени гимназіи высшихъ наукъ. Здѣсь они встрѣчали удовлетвореніе своимъ стремленіямъ къ знанію и, руководимые и одушевлённые любимыми профессорами, серьёзно и дѣльно учились. Доказательства этому легко найти, хоть бы въ слѣдующемъ. По уставу Лицея, ежегодно совѣтомъ его предлагались студентамъ темы для сочиненій на соисканіе наградъ медалями, при чёмъ за лучшее сочиненіе назначалась золотая медаль, а за слѣдующее за нимъ по достоинству — серебряная. И ежегодно представлялась студентами не одно сочиненіе, удостоиваемое совѣтомъ наградъ медалями. Это не была одна формальность, безразборчивая раздача наградъ, положенныхъ по штату. Конкурсныя работы строго разбирались рецензентами-профессорами, а иногда сочиненія, представлявшія многія хорошія стороны, бывали лишаемы награды за небольшую неточность автора въ пріёмахъ или за нѣкоторое отступленіе отъ предложенной совѣтомъ темы. Каковы бывали иногда эти премированныя сочиненія — можно судить по сочиненію студента 1847 года К. Е. Троцины, обратившему на себя въ своё время вниманіе критики: «Историческое развитіе судоустройства въ Россіи отъ времёнъ в. кн. Іоанна III до нашихъ дней. Кіевъ 1847». Во второмъ изданіи оно вышло подъ заглавіемъ: «Исторіи судебныхъ учрежденій въ Россіи. Спб. 1851».

Половина студентовъ этого времени жила въ зданіи Лицея пансіонерами, частью на иждивеніи основателей заведенія, частью на своёмъ собственномъ. Подобнаго рода общежитія, что бы противъ нихъ ни говорили, имѣютъ много хорошихъ и привлекательныхъ сторонъ. Пансіонъ служилъ объединяющимъ центромъ и для тѣхъ студентовъ, которые жили на частныхъ квартирахъ. Благодаря этому, среди молодёжи развитъ былъ корпоративный духъ, забота объ поддержаніи чести заведенія. И дѣйствительно, за всё это время въ лицейскомъ архивѣ, въ которомъ ярко отражается вся жизнь заведенія, нельзя найти и слѣдовъ какого бы то ни было не только нечестнаго или неблагороднаго поступка со стороны кого-либо изъ студентовъ, но даже чего-нибудь несогласнаго съ добрыми приличіями. Конечно, не обходилось дѣло безъ маленькихъ шалостей и

дебошей; обращались иногда нѣжинскіе греки и ихъ достойные конкурренты — евреи къ лицейскому начальству съ просьбами о взысканіи со студентовъ должишекъ; но — «блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!» Близкое, внутреннее, такъ сказать, общеніе студентовъ между собою вліяло хорошо и на умственный уровень студенчества: здѣсь менѣе развитые и менѣе знающіе учились у болѣе знающихъ, здѣсь юноши, съ ещё неустановившимися понятіями, находили руководство у людей зрѣлыхъ умственно и нравственно. Въ полумракѣ вѣковыхъ липъ и вязовъ лицейскаго сада, гдѣ надъ юношествомъ витала тѣнь великаго Гоголя, сладко мечталось этому юношеству и вѣрилось во всё истинное, доброе и прекрасное, укрѣплялась любовь къ тому, противорѣчія чему имъ приходилось потомъ встрѣчать за порогомъ этого самаго сада. Всѣми этими условіями лицейской студенческой жизни вѣроятно объясняется та горячая, чтобы не сказать — страстная, любовь, какую сохраняютъ нѣжинскіе студенты описаннаго періода къ воспитавшему ихъ заведенію.

И если Нѣжинскій юридическій Лицей не имѣлъ счастья видѣть, какъ досталось Гимназіи Высшихъ Наукъ, въ стѣнахъ своихъ мірового генія; если онъ не произвёлъ никакой знаменитости въ области науки и литературы; если въ нёмъ не образовались важные и видные государственные и общественные дѣятели, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи Лицей виноватъ только отчасти: вѣдь заведеніе находилось въ провинціальной глуши, да ещё въ Хохландіи — то за-то онъ далъ Россіи нѣсколько сотенъ честныхъ и просвѣщённыхъ людей, вѣрныхъ слугъ отечеству, хорошо подготовленныхъ и опытныхъ чиновниковъ, которые не торговали совѣстью и закономъ. А всё это по отношенію къ Россіи сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ является заслугой, доказывающей, что Лицей честно выполнялъ свой долгъ — такой заслугой, за которую слѣдуетъ помянуть добрымъ словомъ заведеніе, память котораго лягаетъ всякій, кто только имѣетъ копыто.

Съ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ и въ оффиціальныхъ сферахъ, и въ періодической печати начинаются толки объ упадкѣ лицеевъ, причёмъ рѣчь всегда шла только о двухъ лицеяхъ: Демидовскомъ въ Ярославлѣ и Князя Безбородко въ Нѣжинѣ и о необходимости ихъ преобразованія. Въ ряду тысячи и одного вопросовъ, неизвѣстно откуда всплывавшихъ у насъ на верхъ и быстро затѣмъ погружавшихся въ Лету, возникъ и «вопросъ о преобразованіи лицеевъ». Въ газетахъ очень часто можно было встрѣтить статью, начинающуюся словами: «Вопросъ о преобразованіи лицеевъ обращаетъ на себя общее вниманіе; необходимость преобразованія вызывается упадкомъ лицеевъ» — и прочее, или что-нибудь въ такомъ родѣ. Но едва ли многіе изъ писавшихъ эти разглагольствованія знали какъ слѣдуетъ состояніе лицеевъ, понимали, отчего происходитъ ихъ упадокъ и въ чёмъ должно было состоять преобразованіе. Поэтому здѣсь будетъ умѣстно коснуться этого вопроса, на столько, конечно, на сколько онъ относился къ Нѣжинскому Лицею. Никто изъ трактовавшихъ о преобразованіи Лицея ничего не возражалъ ни противъ цѣли Лицея, ни противъ его устава, ни даже противъ его дѣйствій, на сколько они зависѣли отъ него самого. Всё

дѣло въ концѣ концовъ сводилось къ недостатку матеріальныхъ средствъ Лицея; это и былъ пунктъ, на который всѣ били. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно сказать: высшее спеціальное учебное заведеніе содержалось всего на $12^1/_2$ тысячъ рублей въ годъ! По штатамъ 1840 года профессора лицея получали жалованья 750 рублей въ годъ, директоръ — 571 рубль, да столько же отъ гимназіи. О низшихъ чинахъ ужъ и говорить нечего: секретарь и кассиръ, напримѣръ, получали по 250 рублей, а канцелярскій чиновникъ — 100 рублей «съ пайкомъ и одеждою». На первыхъ порахъ существованія Лицея, въ сороковыхъ годахъ, когда адъюнктъ въ университетѣ получалъ, кажется, 800 рублей, ординарный профессоръ 1200 рублей, старшій учитель гимназіи 391 рубль, а директоръ гимназіи 800 рублей, да ещё при необыкновенной дешевизнѣ и простотѣ жизни въ Нѣжинѣ въ то время, жалованье въ 750 рублей было, конечно, привлекательнымъ не только для молодыхъ людей, только-что окончившихъ университетъ, но и для людей, уже послужившихъ и семейныхъ, и помимо другихъ условій, привлекало на лицейскія каѳедры людей способныхъ и достойныхъ, которые и оставались на мѣстѣ на болѣе или менѣе продолжительное время и посвящали всѣ свои силы и способности Лицею. Но съ теченіемъ времени условія измѣнились: деньги наши стали падать въ цѣнѣ, а предметы потребленія, напротивъ, дорожать. Сообразно съ этимъ вездѣ, покрайней-мѣрѣ въ учоно-учебномъ вѣдомствѣ, стали измѣняться и служебныя условія. Съ изданіемъ новыхъ штатовъ для университетовъ и гимназій, въ 1863 и 1864 годахъ, служба въ лицеяхъ потеряла всякую привлекательность. Дѣйствительно, не говоря уже о службѣ въ университетѣ, которая привлекала и матеріальными условіями и почётомъ, даже матеріальное положеніе учителей гимназій могло назваться блестящимъ сравнительно съ положеніемъ профессоровъ Лицея. Молодой кандидатъ университета прямо со скамьи могъ поступить въ гимназію учителемъ съ жалованьемъ въ полторы и даже двѣ тысячи рублей. Эта перемѣна условій и отразилась прежде всего на количественномъ и, можетъ-быть, даже и на качественномъ составѣ профессоровъ Лицея. Профессора стали чаще мѣняться: на каѳедры являлись кандидаты на короткое время, желая напримѣръ воспользоваться сравнительнымъ необремененіемъ служебными обязанностями и происходящимъ отсюда досугомъ для подготовки себя къ высшимъ учонымъ степенямъ или для другихъ цѣлей. Достигнувъ своей цѣли, профессоръ уходилъ изъ Лицея и замѣнялся другимъ, который также не долго оставался. Такъ напримѣръ каѳедру законовъ казённаго управленія, послѣ перемѣщенія въ Кіевъ профессора В. А. Незабитовскаго, занимали слѣдующія лица: А. Ф. Янишевскій (1853 — 1861), Л. И. Ждановичъ (1861 — 1862), И. Ю. Патлаевскій (1863 — 1866), опять Ждановичъ (1866 — 1873), Н. П. Яснопольскій (1873 — 1876). Каѳедру гражданскаго права послѣ П. Н. Даневскаго занимали: К. А. Царевскій (1853 — 1866), А. М. Череповъ (1866 — 1867) и И. П. Зобугинъ (1867 — 1875). Только каѳедры уголовнаго права испытали мало перемѣнъ въ профессорахъ: первая оставалась до 1869 года занятою И. А. Максимовичемъ, а вторую послѣ Цимермана занялъ М. Д Затыркевичъ (1859 — 1875). На каѳедрѣ словесности послѣ

А. И. Линниченка мы видимъ: Е. М. Бѣлоброва (1855 — 1863), Ѳ. Я. Воронаго (1864 — 1872) и П. С. Иващенка (1873 — 1874). Вслѣдствіе уменьшенія числа желающихъ поступать профессорами въ Лицей, нѣкоторыя каѳедры оставались иногда довольно продолжительное время вакантными: такъ послѣ перехода И. В. Лашнюкова въ Кіевъ каѳедра русской исторіи оставалась незанятою пять лѣтъ (1868 — 1873) и русская исторія читалась профессорами другихъ каѳедръ. Но не смотря на эти частыя перемѣны профессоровъ, не смотря на большую или меньшую случайность пребыванія послѣднихъ въ Лицеѣ, никогда бездарность и недобросовѣстность не сидѣла на лицейской каѳедрѣ. Конечно, матеріальная необезпеченность и необходимость заботиться о насущномъ содержаніи заставляла профессоровъ иногда искать средствъ на сторонѣ, быть можетъ, и не безъ нѣкотораго ущерба для своихъ прямыхъ обязанностей. Одинъ, напримѣръ, брался за частные уроки, другой посвящалъ немного болѣе чѣмъ слѣдовало времени своему подгородному имѣнію, третій держалъ пансіонеровъ. И, къ сожалѣнію, этотъ послѣдній способъ увеличенія своихъ средствъ, хотя и практиковавшійся въ малыхъ размѣрахъ, подавалъ, кажется, болѣе всего поводовъ злонамѣреннымъ людямъ къ разнымъ толкованіямъ. Дѣло въ томъ, что пріискъ молодыхъ людей въ студенты Лицея производился двоякимъ способомъ: имѣвшіе аттестатъ объ окончаніи курса въ гимназіи принимались въ Лицей безъ экзамена; тѣ же, которые такого аттестата не имѣли, подвергались при Лицеѣ полному гимназическому экзамену. Эти-то послѣдніе и бывали чаще всего профессорскими пансіонерами. Экзамены призводились учителями состоявшей при Лицеѣ гимназіи, подъ наблюденіемъ профессоровъ... не совсѣмъ чистыми выходили тутъ и нѣкоторые учители гимназіи. Впрочемъ при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ Лицей продолжалъ держать себя съ достоинствомъ и всѣ его функціи отправлялись исправно; профессора читали полные и вполнѣ удовлетворительные курсы и въ то же время научная ихъ дѣятельность не прекращалась. Въ 1863 году, когда вопросъ о преобразованіи Лицея былъ уже въ ходу, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Головнинымъ, были затребованы отъ всѣхъ служащихъ по его министерству свѣдѣнія объ изданныхъ ими и предназначаемыхъ къ изданію учёныхъ и литературныхъ трудахъ, объ участіи ихъ въ учёныхъ экспедиціяхъ и такъ далѣе. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ всѣми профессорами Лицея представлены были списки ихъ изслѣдованій и статей, показывающіе, что они не бездѣйствовали въ научно-литературномъ отношеніи. При этомъ нѣкоторые профессора заявляли, что ими приготовлены къ печати цѣлыя руководства и курсы преподаваемыхъ ими предметовъ, но напечатаны не могутъ быть по недостатку ни своихъ собственныхъ у профессоровъ, ни лицейскихъ денежныхъ средствъ.

Итакъ всѣ слабыя стороны Лицея происходили единственно отъ скудости его матеріальныхъ денежныхъ средствъ. Можно ли это поставить въ вину лично, такъ сказать, заведенію? Можно ли было изъ этого дѣлать выводъ, что самое существованіе заведенія безцѣльно и безполезно? Не думаемъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что за-

веденіе это не стоило государству ни копѣйки, содержалось на свои собственныя спеціальныя средства и, вдобавокъ, ещё давало у себя помѣщеніе для правительственной гимназіи, которой уступило также и нѣкоторыя изъ своихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, напримѣръ богатый физическій кабинетъ. Между-тѣмъ это заведеніе съ доступною для него исправностью выполняло всѣ свои обязанности. Такъ, напримѣръ, при своихъ скудныхъ средствахъ оно ежегодно пополняло библіотеку, пріобрѣтая лучшія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ по наукамъ юридическимъ и политическимъ, такъ-что наконецъ образовалась хорошая и довольно полная библіотека въ этомъ родѣ. Наконецъ Лицей ежегодно выпускалъ нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе образованныхъ юристовъ, хотя бы то для должностей не выше столоначальниковъ и секретарей. Заслуживало ли подобное заведеніе полнаго уничтоженія? Смѣемъ думать — нѣтъ? Единственная вещь, въ которой оно нуждалось — это денежныя средства, которыя и помогли бы ему развивать ещё съ большимъ успѣхомъ его учёную и учебную дѣятельность.

Въ 1856 году посѣтилъ Лицей министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій. Онъ внимательно знакомился со всѣми сторонами Лицея, посѣщалъ неоднократно лекціи всѣхъ профессоровъ, самъ провѣрялъ успѣхи студентовъ и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частностей, вообще состояніемъ Лицея остался вполнѣ доволенъ. Но уже вскорѣ послѣ этого одобрительнаго отзыва о состояніи Лицея со стороны лица, завѣдывавшаго народнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи, въ самомъ Лицеѣ возникаетъ вопросъ о необходимости его преобразованія. Въ 1859 г. совѣтомъ Лицея составленъ былъ проэктъ преобразованія этого заведенія. Преобразованіе это впрочемъ далеко не предполагалось кореннымъ. Имѣлось въ виду только нѣсколько расширить преподаваніе въ Лицеѣ введеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ юридическаго факультета, не входившихъ въ составъ лицейскаго курса; затѣмъ дѣло касалось измѣненія нѣкоторыхъ частностей устава 1840 года. Однимъ словомъ, этотъ проэктъ вполнѣ походилъ на то преобразованіе, какому подвергся, десять лѣтъ позже, Ярославскій Лицей. Главнымъ же образомъ проэктъ требовалъ усиленія денежныхъ средствъ Лицея, лучшаго обезпеченія преподавателей въ матеріальномъ отношеніи. Быть-можетъ, поэтому самому проэктъ этотъ дальнѣйшаго хода и не получилъ.

На сколько въ это время толковъ о преобразованіи Лицея отсутствовала какая бы то ни было идея объ этомъ преобразованіи, какое бы то ни было понятіе о томъ, что̀ можно и что̀ должно сдѣлать съ Лицеемъ, даже въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія — можно видѣть изъ проэкта преобразованія, составленнаго въ 1866 году въ министерство Головина. Министерство, даже совмѣстно съ лицами, своимъ рожденіемъ поставленными, такъ сказать, на стражѣ неприкосновенности Лицея, не могли придумать ничего лучшаго, какъ полное уничтоженіе Лицея. Министерство, выступая со своимъ проэктомъ, мотивировало его слѣдующимъ образомъ: «Уставъ Нѣжинскаго Лицея, въ теченіи сорокашестилѣтняго существованія этого заведенія,

три раза подвергался измѣненіямъ, съ цѣлью болѣе спеціализировать и приблизить курсъ онаго къ потребностямъ края; но опытъ убѣдилъ, что заведеніе это, не смотря на всѣ усилія правительства, не достигаетъ цѣли, и потому постоянно имѣетъ крайне ограниченное число учащихся *) и весьма неполный комплектъ преподавателей **), и что въ настоящее время, при введеніи новыхъ штатовъ въ университетѣ и гимназіи, Лицею будетъ ещё труднѣе имѣть преподавателей, которые бы согласились принять меньшій окладъ въ Лицеѣ, когда въ университетахъ и гимназіяхъ находятся многія вакансіи преподавательскихъ должностей съ большимъ содержаніемъ». Поэтому министерство обратилось къ попечителямъ округовъ и совѣтамъ университетовъ. спрашивая ихъ мнѣнія о мѣрахъ къ преобразованію Лицея. «По соображеніи полученныхъ вслѣдствіе сего предположеній о преобразованіи Нѣжинскаго Лицея, оказалось необходимымъ остановиться на томъ изъ нихъ, которое представляетъ уклоненіе отъ воли учредителей Лицея, и на осуществленіе котораго не потребуется увеличенія денежныхъ средствъ, такъ-какъ на подобное увеличеніе нельзя разсчитывать ни со стороны потомства учредителя, ни изъ государственнаго казначейства». Поэтому министерство остановилось на проэктѣ, предложенномъ, какъ говорится въ министерской запискѣ, самимъ почётнымъ попечителемъ Лицея, графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, и состоявшемъ въ слѣдующемъ:

1) Курсы Лицея закрыть, а изъ получаемыхъ на ихъ содержаніе 12.541 р. 64 к. въ годъ отдѣлять по 10.500 р. въ годъ университету Св. Владиміра на учрежденіе 42 стипендій князя Безбородко, въ 250 р. каждая, для уроженцевъ Черниговской и Полтавской губерній, преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ Нѣжинской гимназіи.

2) Остальные изъ доходовъ Лицея, по 2041 руб. 64 коп. въ годъ, передать Нѣжинской гимназіи на содержаніе лицейскаго зданія, церкви и настоятеля съ причтомъ; гимназіи же передать библіотеку, учебные кабинеты и коллекціи Лицея, съ тѣмъ, чтобы она была переименована въ Лицей князя Безбородко, но содержалась, какъ и нынѣ, сполна на суммы государственнаго казначейства.

Такое преобразованіе нынѣшняго Лицея не считать окончательнымъ, предоставивъ почётному попечителю право, при перемѣнѣ обстоятельствъ, возстановить въ Нѣжинѣ высшее учебное заведеніе и возвратить ему, въ этомъ случаѣ, все настоящее его имущество».

Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, принимая этотъ проэктъ для внесенія его въ государственный совѣтъ, не могъ не выразить «искренняго сожалѣнія», что недостатокъ денежныхъ средствъ не даётъ никакой возможности сохранить Лицей, какъ отдѣльное высшее учебное заведеніе, сдѣлавъ въ нёмъ необходимыя для сего улучшенія.

Хотя этотъ проэктъ остался безъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе въ

---

*) Дѣйствительно въ 1865 г. въ Лицеѣ окончило курсъ всего 12 человѣкъ; но затѣмъ число это быстро стало увеличиваться: въ 1866 — 24, въ 1867 — 23, въ 1868 — 34, въ 1869 — 38, а въ 1872 и 1873 — около 70 человѣкъ.

**) И комплектъ преподавателей въ это время былъ полный.

это самое время, т.-е. въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Лицей былъ уже приговорёнъ къ смерти, отъ которой только на время спасся, онъ вдругъ началъ обнаруживать всѣ признаки возрожденія. Возрожденіе выразилось прежде всего быстрымъ увеличеніемъ числа студентовъ. Различныя причины вліяли на это увеличеніе. Во-первыхъ, въ это время начала вводиться судебная реформа 1864 г., вызвавшая большую потребность въ образованныхъ юристахъ, какъ для коронной службы, такъ и для адвокатуры; и Лицей не мало послужилъ для удовлетворенія этой потребности. Масса лицъ, искавшихъ образовательнаго ценза для юридической службы, устремилась въ Лицей, чтобы здѣсь съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ въ университетѣ, благодаря большей спеціализаціи курса, и въ менѣе продолжительное время получить этотъ цензъ. Черезъ три года они выходили изъ Лицея съ тѣми же правами на службѣ, какъ дѣйствительные студенты университетовъ. И не однихъ олуховъ и невѣждъ выпускалъ Лицей въ министерство юстиціи: многіе изъ его воспитанниковъ довольно быстро подымались по ступенямъ храма русской Ѳемиды.

Охватившее въ это время чуть не всю Россію «юридическое» одушевленіе отразилось и на студентахъ Лицея: они ревностно занимались изученіемъ гражданскаго и уголовнаго права. Въ 1863 году напримѣръ въ Лицеѣ явилась мысль устроить, какъ выразился въ своёмъ представленіи директоръ, «юридическую клинику» — именно: студенты, подъ руководствомъ профессоровъ гражданскаго и уголовнаго права, должны были помогать, преимущественно бѣднымъ людямъ, въ веденіи ихъ судебныхъ дѣлъ, составленіемъ бумагъ и всякими указаніями. Но на открытіе этой «клиники» не послѣдовало разрѣшенія отъ высшаго начальства на томъ основаніи, что даже въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ учащимся доставляются всѣ средства къ практическому изученію судопроизводства, подобная практика не дозволяется, потому-что такое вмѣшательство въ частныя дѣла могло бы подать поводъ къ разнымъ столкновеніямъ.

Далѣе, въ эту же пору уничтожены были пріёмныя испытанія въ университетахъ, и въ студенты университетовъ стали приниматься только лица съ гимназическими аттестатами, а пріобрѣтеніе этихъ аттестатовъ всё становилось дѣломъ болѣе и болѣе труднымъ, вслѣдствіе начавшагося царства классицизма. Между-тѣмъ Лицей продолжалъ сохранять право, или, скорѣе, *usus*, какъ любили выражаться нѣжинскіе юристы, собственныхъ пріёмныхъ испытаній. И вотъ опять масса искателей благъ земныхъ являлась въ Нѣжинъ и здѣсь, конечно, съ бо̀льшимъ удобствомъ выдерживала экзаменъ, чѣмъ гдѣ-либо въ гимназіи. Этотъ экзаменъ имѣлъ для нихъ и другое значеніе: будучи приняты въ Лицей, они, въ качествѣ его студентовъ, имѣли право перехода въ университетъ и пользовались этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ. Начиная съ 1869—70 года, число лицъ, являвшихся на экзамены для поступленія въ Лицей, доходило иногда человѣкъ до 200, и, покрайней-мѣрѣ, добрая половина ихъ оказывалась принятою. Нѣкоторые изъ желавшихъ поступить въ Лицей, сознавая сами малые размѣры своихъ познаній, или же не выдержавъ въ первый разъ экзамена, посылись на

годъ, а иногда и болѣе, въ Нѣжинѣ и подготовлялись къ вступительному испытанію. Такіе получали названіе *futurus*'овъ. Они по бо́льшей части жили пансіонерами у кого-либо изъ профессоровъ или, ещё чаще, учителей гимназіи. Такимъ-образомъ оказывался первый курсъ Лицея человѣкъ во сто. Но вслѣдъ затѣмъ начинался отливъ: записавшись въ студенты Лицея и уплативъ деньги за слушаніе лекцій, значительная часть этихъ первокурсниковъ подавали прошеніе о переводѣ въ какой-либо университетъ, главнымъ образомъ въ ближайшіе — Кіевскій и особенно Новороссійскій, гдѣ легче всего принимали такихъ пришлецовъ. Такимъ путёмъ проникло въ университеты множество гимназистовъ, которымъ безъ этого не видать бы аттестата, какъ своихъ ушей, множество семинаристовъ далеко не перваго сорта. Сначала студентовъ изъ Лицея принимали въ университеты безъ всякой задержки, но наконецъ штука эта обратила на себя вниманіе, и поступающихъ изъ Нѣжина стали подвергать, покрайней-мѣрѣ въ Кіевскомъ университетѣ, повѣрочному испытанію. При этомъ и начали обнаруживаться вещи довольно странныя. Въ 1871 году въ университетѣ Св. Владиміра коммиссія изъ профессоровъ, производившая повѣрочныя испытанія поступающимъ въ университетъ, въ отчётѣ своёмъ говоритъ, что поступающіе изъ Нѣжина обнаруживаютъ наименьшія познанія въ нѣкоторыхъ предметахъ; такъ студенты Лицея князя Безбородко Александръ Г., Абрамъ П. и Петръ К. на повѣрочномъ испытаніи по русскому языку обнаружили малограмотность.

Наконецъ, въ средѣ лицейскихъ студентовъ появляется ещё одинъ и довольно многочисленный, контигентъ. Это — студенты, переходившіе въ Лицей изъ университетовъ. Они слагались изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: малоспособные, убоявшіеся бездны университетской науки и отчаявшіеся въ возможности справиться съ нею; невыдержавшіе полукурсоваго или окончательнаго экзамена въ университетѣ; женатые студенты, иногда обремененные семействомъ и потому торопившіеся скорѣе окончить науку и поступить на службу или заняться частной дѣятельностью; наконецъ, ещё особый отдѣлъ — люди, иногда и съ большими способностями, но ещё съ большими денежными средствами, перебывавшіе во многихъ университетахъ, иногда отъ Петербурга до Казани и Одессы, вездѣ прожигавшіе жизнь, прокучивавшіе родительскія денежки, мало учившіеся, но за-то бойкіе, развитые, иногда блестящіе, съ нахватанными верхушками всего и съ значительнымъ запасомъ уже жизненнаго опыта. Въ Нѣжинъ являлись они, какъ въ послѣднее прибѣжище, когда наступала пора покончить разсчёты съ періодомъ кутежей и прожиганія жизни и занять опредѣлённое общественное положеніе. Въ Нѣжинѣ иногда оканчивали курсъ господа, начавшіе его въ Московскомъ университетѣ и продолжавшіе гдѣ-нибудь въ Гейдельбергѣ. Не въ диковину были среди нѣжинскихъ студентовъ и титулованныя имена. Студенты всѣхъ перечисленныхъ категорій этого послѣдняго отдѣла поступали въ Лицей прямо на второй и даже чаще всего на третій курсъ, и потому третій курсъ и бывалъ самый многолюдный и выпуски лицейскіе достигали такой большой численности, какъ въ 1872, 73 и 74 годахъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ состава нѣжинскаго студенчества измѣнился и его характеръ сравнительно съ характеромъ его въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Это уже не были, какъ прежде, мѣстные «панычи», черниговскіе и полтавскіе, учившіеся подъ надзоромъ своихъ папенекъ иногда затѣмъ только, чтобы по окончаніи курса засѣсть въ своёмъ имѣніи или служить по выборамъ. Теперь, какъ видно изъ всего сказаннаго выше, составъ студенчества сталъ самый разношорстный, отчего, конечно, уничтожилась прежняя солидарность и корпоративность студентовъ. Первый ударъ ей нанесёнъ былъ закрытіемъ въ 1863 году лицейскаго пансіона, послѣ чего студенты разбрелись по всему городу. Затѣмъ послѣдовало уничтоженіе форменной одежды и подчиненіе студентовъ внѣ стѣнъ заведенія общей полиціи. Всё это разобщило студентовъ между собою. Въ то время какъ бѣдняки-студенты ютились по предмѣстьямъ города на квартирахъ у мѣщанъ или же, какъ это дѣлалось и въ университетахъ, числясь студентами, уѣзжали на цѣлый годъ куда-нибудь въ деревню «на кондиціи» — студенты состоятельные, особенно изъ пріѣзжихъ «знатныхъ иностранцевъ», наполняли центръ города и бросались здѣсь въ глаза на каждомъ шагу. Впрочемъ эта часть студенчества для нѣжинцевъ была наиболѣе желательною и пріятною. Эти студенты вносили оживленіе и интересъ въ нѣжинскую общественную жизнь: нерѣдко изящные и остроумные молодые люди, они блистали въ качествѣ кавалеровъ на всѣхъ балахъ, устраивали любительскіе спектакли и концерты; своими кутежами и разными затѣями они поощряли нѣжинскую промышленность и ещё болѣе нѣжинскихъ ростовщиковъ. За-то и въ образѣ жизни и въ поведеніи студентовъ исчезаетъ прежняя простота и дисциплина. То студенты судятся у мироваго судьи за буйство, произведённое ими въ кондитерской, съ разбитіемъ оконъ, посуды и тому подобное, то въ Лицеѣ заводится объёмистое дѣло объ оскорбленіи студентомъ А — скимъ жены полковника, В. Ю. Р — а, или о буйствѣ, учинённомъ студентомъ Л — мъ на нѣжинской почтовой станціи, причёмъ хромой Л. своимъ костылёмъ порядкомъ нагрѣлъ бока и писарю, и старостѣ, и сбѣжавшимся ямщикамъ.

При всёмъ этомъ, ученіе въ Лицеѣ шло, вообще говоря, удовлетворительно: всѣ профессорскія каѳедры были заняты и студенты, за исключеніемъ развѣ полныхъ природныхъ бездарностей или невозможныхъ лѣнтяевъ, хорошо усвоивали себѣ суть юридической мудрости, и въ качествѣ «софистовъ XIX вѣка» оказывались не хуже другихъ. Были даже случаи, что студентъ, окончивши курсъ въ Лицеѣ, непосредственно вслѣдъ затѣмъ отправлялся въ университетъ и выдерживалъ экзаменъ на степень кандидата.

Въ 1872 году къ Лицею совершенно незамѣтно и безъ всякаго участія его Совѣта, вслѣдствіе одной административной переписки, подкралась реформа, бывшая для Лицея чуть ли не смертельнымъ ударомъ. Распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія, 11-го марта 1872 года, у Совѣта Лицея отнято было право производить пріёмныя испытанія для поступленія въ Лицей, и въ студенты стали допускаться только лица, имѣющія гимназическій аттестатъ. Эта мѣра вызвана была представленіемъ тогдашняго директора Лицея, М. К. Чалаго, который при этомъ не имѣлъ

совсѣмъ въ виду Лицея — почему вѣроятно и не провёлъ своего представленія чрезъ лицейскій Совѣтъ — а заботился объ интересахъ гимназій и даже бралъ подъ свою защиту интересы университетовъ. Въ то время въ гимназіяхъ, вмѣсто восьмого класса, существовалъ двухъ-годичный седьмой классъ, изъ котораго только отличнѣйшіе ученики, съ разрѣшенія окружного начальства, допускались къ окончательному испытанію по истеченіи перваго года пребыванія ихъ въ седьмомъ классѣ. «Затѣмъ», говоритъ въ своёмъ представленіи господинъ Чалый, «для не желающихъ остаться на второй годъ въ седьмомъ классѣ предвидится два выхода: или они явятся къ экзамену въ гимназіи, въ качествѣ такъ называемыхъ постороннихъ лицъ домашняго приготовленія, или прибудутъ въ Нѣжинъ держать вступительный экзаменъ въ Лицей князя Безбородко, чтобы потомъ перейти въ университетъ, какъ это показали предшествовавшіе годы». Совѣтъ узналъ объ этой мѣрѣ только тогда, когда она явилась уже въ видѣ министерскаго предписанія. Тогда профессора составили протестъ, который въ видѣ особаго мнѣнія одного изъ нихъ — и мнѣнія вполнѣ основательнаго — былъ представленъ по начальству, но, какъ и слѣдовало ожидать, остался безъ всякихъ результатовъ.

Эта мѣра дѣйствительно произвела переворотъ въ Лицеѣ: число студентовъ въ нёмъ сразу стало уменьшаться. Правда, второй и третій курсъ продолжали пополняться переходившими изъ университетовъ, и потому лицейскіе выпуски оставались довольно многочисленны. Но за-то поступающихъ на первый курсъ являлось немного. Изъ окончившихъ гимназіи въ Лицей поступали почти исключительно только нѣжинскіе гимназисты, привлекаемые стипендіями, большей дешевизной жизни, чѣмъ напримѣръ въ Кіевѣ, и трёхлѣтнимъ курсомъ. Это былъ народъ, за немногими исключеніями, не особенно бойкій. Кромѣ того, въ Лицей стали поступать семинаристы, не надѣявшіеся выдержать повѣрочнаго экзамена въ университетѣ. Такимъ образомъ юридическому Лицею стала грозить та же участь, которая нѣкогда постигла физико-математическій, то-есть опасность въ одно прекрасное утро очутиться безъ перваго курса.

Въ 1871 году явился наконецъ тотъ философскій камень, та панацея, которую такъ долго и тщетно искали для Лицея — явились денежныя средства, при которыхъ можно было бы исправить его, улучшить и поддержать къ его собственной и общей пользѣ. Это было пожертвованіе княгиней Е. И. Суворовой-Рымникской, бывшей во второй разъ замужемъ за графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородкой, роднымъ братомъ старшаго почётнаго попечителя Лицея, въ пользу Лицея капитала въ 105,000 рублей. Проценты съ этого капитала, болѣе 5,000 рублей въ годъ, могли бы помочь поставить Лицей на лучшую ногу; но министерство сейчасъ же распорядилось, чтобы проценты эти оставались неприкосновенными до предполагаемаго преобразованія Лицея. Преобразованіе это въ принципѣ было рѣшено уже давно, но характеръ и существо этого преобразованія, видно, никакъ ещё не могли опредѣлить.

Въ 1870 году исполнилось пятидесятилѣтіе существованія Лицея и Совѣтъ его обратился въ министерство съ просьбою о разрѣшеніи отпраздновать торжественно день 4-го сентября 1870 года. На это ходатайство

послѣдовалъ отвѣтъ министра черезъ попечителя: «принимая во вниманіе, что означенный Лицей, при совершенной недостаточности нынѣ своихъ денежныхъ способовъ содержанія, не соотвѣтствуетъ уже болѣе ни въ учебномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ первоначальному своему назначенію и въ настоящемъ его положеніи лишонъ всѣхъ средствъ къ развитію своей учоной и учебной дѣятельности, господинъ министръ народнаго просвѣщенія затрудняется при такомъ прискорбномъ положеніи Лицея, указывающемъ на настоятельную необходимость преобразованія сего заведенія, на что обращено уже и Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества вниманіе, ходатайствовать о Высочайшемъ разрѣшеніи праздновать 50-лѣтній юбилей лицея».

Въ 1873 году прибылъ въ Нѣжинъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой. Наканунѣ самаго его прибытія профессора Лицея, съ почётнымъ попечителемъ, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, во главѣ, разсуждали о томъ, какъ бы испросить у министра разрѣшенія пользоваться процентами съ Суворовскаго капитала для нуждъ Лицея. Графъ Александръ Ивановичъ много разсчитывалъ на личное свиданіе съ министромъ; но всѣ разсчёты и надежды оказались тщетными. Никто не зналъ, что судьба Лицея уже рѣшена. 7-го октября прибылъ графъ Толстой. При ревизіи своей онъ почти всё своё вниманіе посвящалъ гимназіи, а на Лицей едва взглянулъ, какъ на заведеніе уже обречённое на смерть. При прощаньѣ со служащими министръ, послѣ пространной рѣчи къ гимназіи, обратился къ профессорамъ только съ слѣдующими словами: «о Лицеѣ ничего не могу сказать опредѣлённаго; заведеніе это десятки лѣтъ находится въ переходномъ состояніи; всё будетъ зависѣть отъ тѣхъ средствъ, какія будетъ угодно Государю Императору дать на него». Вслѣдъ затѣмъ, въ ноябрѣ, пришла бумага о томъ, что министръ повергалъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе преобразованіе Лицея князя Безбородко въ Историко-Филологическій Институтъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Поэтому съ 1874 года прекращёнъ былъ пріёмъ на первый курсъ Лицея, а въ 1875 — 76 академическомъ году рядомъ съ послѣднимъ курсомъ Лицея уже появился первый курсъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко.

Всѣхъ выпусковъ изъ юридическаго Лицея, съ 1842 по 1876 годъ, было 34; выпущено студентовъ съ правомъ на чинъ XII класса 436 и XIV класса — 402.

Такъ умеръ Лицей князя Безбородко — заведеніе, безспорно имѣвшее свою исторію и принесшее свою долю пользы Россіи, давъ ей не мало полезныхъ и образованныхъ дѣятелей. Конечно, всякій воленъ судить о Лицеѣ, какъ кому угодно; но если для большинства русской публики отъ существованія или уничтоженія Лицея, по меньшей мѣрѣ, ни тепло, ни холодно, то тѣмъ не менѣе, можно смѣло сказать, что не мало найдётся въ Россіи и такихъ, особенно въ средѣ многочисленныхъ воспитанниковъ Лицея, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ Русской Земли,

От финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды

и отъ Варшавы до Ташкента, которые съ любовью вспоминаютъ о старомъ Лицеѣ и искренно сожалѣютъ о его смерти.

А. ебницкій.

ОСНОВАТЕЛИ И ПОЧЕТНЫЕ ПОПЕЧИТЕЛИ.

I.

КНЯЗЬ А. А. БЕЗБОРОДКО.

Свѣтлѣйшій князъ Александръ Андреевичъ Безбородко, дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, государственный канцлеръ, сенаторъ, главный директоръ почтъ, гофмейстеръ, имѣвшій портретъ императора Павла I, алмазами украшенный, кавалеръ орденовъ: Св. Андрея Первозваннаго, Св. Владиміра 1-й степени, Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1-го класса съ алмазами и бальи ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, родился 14-го марта 1747 года въ наслѣдственномъ помѣстьѣ, селѣ Стольномъ, Глуховскаго уѣзда, находящемся въ пятидесяти верстахъ отъ города Чернигова. Отецъ его, Андрей Яковлевичъ, служившій малороссійскимъ генеральнымъ писаремъ — должности, равной званію государственнаго секретаря — и уволенный въ царствованіе императора Петра III съ чиномъ генеральнаго судьи, соотвѣтствующимъ предсѣдателю государственнаго совѣта, происходилъ отъ древняго благороднаго польскаго поколѣнія Ксёнжицкихъ, изъ которыхъ одинъ поселился въ Малороссіи, гдѣ потомки его и сохраняли это прозваніе до 1648 года, то-есть до войны, открывшейся между Польшею и Украйной. Во время этого народнаго возстанія за независимость и вѣру предковъ, одинъ изъ Ксёнжицкихъ, по имени Демьянъ, по своему православному вѣроисповѣданію и по находившимся въ Малороссіи владѣніямъ, принялъ чинъ и службу въ тамошнемъ казацкомъ войскѣ и участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ походахъ и битвахъ этой войны, исходомъ которой было освобожденіе Малороссіи отъ польской зависимости. Не щадя себя для новаго своего отечества, Демьянъ Ксёнжицкій, будучи раненъ въ одной горячей схваткѣ съ поляками, лишился подбородка и съ той поры, по казацкому обычаю, получилъ почётное военное прозвище *Безбородко*, которое и удержалось за всѣми его потомками. Такъ, покрайней-мѣрѣ — и весьма правдоподобно — повѣствуетъ народное преданіе. Александръ Андреевичъ приходился праправнукомъ этому первому изъ Безбородокъ.

По недостатку матеріаловъ, такъ-какъ послѣ князя Александра Андреевича не сохранилось никакихъ документовъ, кромѣ славныхъ дѣлъ на поприщѣ служенія отечеству, мы ничего не знаемъ о первыхъ годахъ его отрочества. До самаго того времени, когда онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ наукъ въ Кіевской академіи, молодость его темна. Въ 1765 году, девятьнадцати лѣтъ отъ роду, Безбородко состоялъ уже на службѣ въ чинѣ малороссійскаго бунчуковаго товарища. Намѣстникомъ Малороссійскаго края былъ тогда знаменитый графъ Румянцовъ-Задунайскій, вступившій въ управленіе Украйной послѣ гетмана графа Разумовскаго. Основательное знаніе наукъ, языковъ французскаго, нѣмецкаго и латинскаго, необыкновенная смѣтливость, проницательность и скромность Безбородко не замедлили обратить на себя особенное вниманіе генералъ-фельдмаршала. Графъ Румянцовъ приблизилъ его къ себѣ и ввѣрилъ двадцатилѣтнему бунчуковому товарищу управленіе своею канцеляріей, послѣ двухъ-лѣтняго служенія. Замѣчательная проницательность фельдмаршала, безошибочно разпознавшаго способности съ перваго взгляда и умѣвшаго употреблять ихъ на пользу, обширныя основательныя познанія его во всѣхъ частяхъ, какъ полководца, такъ и великаго министра, его ясность выраженія мыслей, самыхъ глубокихъ и необычайное его краснорѣчіе были наилучшимъ училищемъ для природныхъ дарованій Александра Андреевича. Въ этомъ-то училищѣ, вмѣстѣ съ неменѣе замѣчательнымъ товарищемъ своимъ Завадовскимъ, бывшимъ впослѣдствіи графомъ, а по образованіи министерствъ, первымъ въ Россіи министромъ Народнаго Просвѣщенія, приготовлялся молодой Безбородко къ тому высокому пути, который надлежало послѣ проходить ему. При остромъ умѣ и схоластическихъ свѣдѣніяхъ, въ особенности поражала всѣхъ въ Александрѣ Андреевичѣ необъятная громадность его памяти, про которую сохранилось множество правдивыхъ фактовъ и которая удивляла даже императрицу Екатерину, окружонную столькими геніальными личностями и умѣвшую отличать истинныя достоинства. Такъ, напримѣръ, сохранилось преданіе, что, будучи ещё отрокомъ, онъ прочёлъ своему отцу вслухъ три раза съ ряду, сначала до конца, славянскую библію и такъ познакомился съ ея краснорѣчивыми оборотами, что цѣлыя главы читалъ потомъ наизусть. Впослѣдствіи, когда онъ находился уже въ Кіевской академіи и наконецъ служилъ у графа Румянцова-Задунайскаго, близкіе пріятели Александра Андреевича не рѣдко дѣлали странныя и оригинальныя испытанія этому чудному дару памяти. Лишь только засыпалъ Безбородко, они будили его, спрашивая о времени различныхъ давнишнихъ происшествій. Опыты сыпались со всѣхъ сторонъ и полупробуждённый Александръ Андреевичъ, въ просонкахъ, отвѣчалъ на всѣ самые сложные и запутанные вопросы, безо всякой ошибки и потомъ снова засыпалъ, какъ ни въ чёмъ не бывало. Однажды, въ обществѣ, гдѣ онъ находился, зашолъ разговоръ объ одномъ пожиломъ офицерѣ, незадолго до того назначенномъ комендантомъ въ одну какую-то незначительную кавказскую крѣпостцу. Передавая всё ему извѣстное объ этомъ офицерѣ, Безбородко тутъ же, кстати, перечислилъ и всѣхъ прежде бывшихъ

комендантовъ въ этой крѣпостцѣ, назвалъ ихъ по имени и чинамъ и опредѣлилъ точный срокъ времени — сколько каждый изъ нихъ находился въ этой должности. Одинъ изъ присутствовавшихъ, усомнившись въ справедливости сказаннаго, записалъ всѣ слова Безбородко и, справясь впослѣдствіи въ Военной Коллегіи, къ величайшему своему удивленію убѣдился, что разсказчикъ не ошибся ни въ чёмъ.

Въ началѣ 1769 года двадцати-двухъ-лѣтній Безбородко былъ уже членомъ Малороссійскаго Генеральнаго Суда; но открылась турецкая война и онъ, по собственному желанію, снова взялся за оставленный имъ мечъ. Пылкій характеръ его не согласовался съ мирнымъ пріютомъ гражданскаго судилища; при раздавшемся шумѣ оружія, на поляхъ брани, подъ развивающимися знаменами искалъ онъ новыхъ почестей и, принявъ начальство надъ малороссійскимъ Нѣжинскимъ полкомъ, двинулся изъ родной Украйны къ рѣкамъ Бугу и Днѣстру, отличаясь попеременно въ полкахъ Лубенскомъ и Миргородскомъ и Компанейскомъ въ преслѣдованіи непріятеля.

Судьба и на этомъ новомъ поприщѣ улыбнулась неустрашимому Безбородко. Вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій, главнокомандующимъ арміей назначенъ былъ прежній его начальникъ и покровитель графъ Румянцовъ — и Александръ Андреевичъ снова началъ находиться при нёмъ безотлучно, дѣлилъ съ великимъ полководцемъ безсонныя ночи и воинскіе труды; не щадя жизни и молодости бросался онъ во всѣ сраженія и въ Ларгской битвѣ, предвозвѣстившей Кагульскую, находился въ числѣ передовыхъ охотниковъ. Въ знаменитый Кагульскій день, подтвердившій одну изъ неоспоримыхъ истинъ, что не число войска, а умъ полководца ведётъ къ побѣдѣ, и покрывшій Румянцова вѣнцомъ безсмертія, Безбородко ознаменовалъ себя новымъ отличнымъ мужествомъ. Наконецъ, когда русская армія перешла черезъ Дунай и между прочими крѣпостями осадила Силистрію, Безбородко снова вызвался, въ числѣ прочихъ охотниковъ, взять приступомъ силистрійскіе ретраншаменты. Силистрія пала и въ числѣ героевъ, способствовавшихъ ея занятію, фельдмаршалъ, въ своёмъ донесеніи Императрицѣ, вписалъ съ самою лестною похвалою и имя Александра Андреевича. Но не одними воинскими подвигами ознаменовалъ онъ себя въ эту кампанію. Дѣйствуя въ строю, какъ храбрый офицеръ, онъ вмѣстѣ дѣйствовалъ и какъ дипломатъ — въ палаткѣ главнокомандующаго. Графъ Румянцовъ ввѣрилъ ему переписку тайныхъ сношеній, ведённыхъ по переговорамъ о мирѣ. Ясность изложенія, краткость и сила дипломатическаго слога этихъ трактатовъ обратили вниманіе знаменитаго русскаго министра графа Панина — и заслуги Безбородко не остались безъ вознагражденія: 22-го марта 1774 года онъ былъ произведёнъ въ полковники Малороссійскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775, по прибытіи вмѣстѣ съ генералъ-фельдмаршаломъ въ Москву, для участія въ торжествѣ по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, опредѣлёнъ императрицею Екатериною II къ принятію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее Имя. Этому мѣсту и сближенію съ императорскимъ дворомъ, открывшими Александру Андреевичу Безбородко прямой путь къ важ-

нымъ государственнымъ заслугамъ и къ той огромной дипломатической пользѣ, которую принёсъ Россіи, онъ обязанъ былъ личной рекомендаціи графа Румянцова-Задунайскаго, откомандировавшаго Безбородко вмѣстѣ съ Завадовскимъ, бывшимъ тогда тоже полковникомъ и правителемъ тайной канцеляріи фельдмаршала, какъ лучшихъ своихъ чиновниковъ и секретарей для доклада бумагъ Ея Величеству. Можно сказать, что собственно начало настоящей дѣятельности, какъ на гражданскомъ, такъ и на дипломатическомъ поприщѣ, началось именно съ перваго представленія Безбородко Императрицѣ. Въ самое короткое время онъ пріобрѣлъ полную довѣренность Государыни. Она поручила ему всѣ собственныя свои тайныя бумаги и вскорѣ потомъ наименовала его первымъ своимъ кабинетнымъ секретарёмъ. Тогда открылась полная свобода его административной дѣятельности и занялась заря заслуженной славы, явившейся послѣ въ такомъ яркомъ блескѣ, который до-сихъ-поръ удивляетъ потомство. Обширный умъ, необыкновенная смѣтливость, способность излагать дѣла, самыя большія, сложныя и запутанныя кратко и вразумительно, всегдашняя неутомимая готовность къ занятіямъ и безпримѣрная дѣятельность, соединённая съ тою почти сверхъ-естественною памятью, о которой было уже упомянуто и которая такъ необходима человѣку, обязанному вести многочисленныя и разнородныя дѣла, не замедлили поставить Александра Андреевича на одно изъ первыхъ мѣстъ между знаменитыми мужами екатерининскаго вѣка. Государыня, узнавъ всю цѣну его дарованій, всю его безкорыстную преданность правдѣ, долгу чести и службы, соединённую съ благоразумною умѣренностію и человѣколюбіемъ, обнаружила своё благоволеніе и уваженіе къ достоинствамъ Безбородко рядомъ самыхъ блестящихъ наградъ, слѣдовавшихъ одна за другою быстро и послѣдовательно. Она вполнѣ взвѣсила всю пользу и исключительность дарованій, отличавшихъ Безбородко отъ прочихъ, и ещё болѣе придала важности своей расположенности и вниманію тою снисходительностію и истинно-материнскою добротою, которая крѣпко привязала къ ней Александра Андреевича на всю его жизнь. Въ жизни Безбородко извѣстенъ одинъ случай, вѣрный и несомнѣнный, подтверждённый печатно и устно, случай, свидѣтельствующій о томъ, какъ дорожила Великая Екатерина своимъ будущимъ, также великимъ государственнымъ мужемъ. Однажды императрица приказала Александру Андреевичу написать указъ, довольно важный и требовавшій глубокихъ соображеній. Срокъ былъ коротокъ, обстоятельства не требовали ни малѣйшихъ отлагательствъ, но Безбородко, занятый вѣроятно другими скопившимися важными дѣлами, можетъ-быть въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни измѣнившій громадной памяти, явился предъ Екатериной, совсѣмъ позабывъ о повелѣніи Императрицы. Государыня, озабоченная даннымъ приказаніемъ, поставила первымъ вопросомъ — исполнено ли порученное? Ни сколько не смѣшавшись, Александръ Андреевичъ вынулъ изъ портфеля листъ бумаги и сталъ читать тó, что было повелѣно ему Екатериной. За каждымъ новымъ параграфомъ Государыня одобряла написанное и, совершенно довольная цѣлымъ содержаніемъ, потребовала мнимый указъ

для подписанія. Безбородко, не ожидавшій такой скорой развязки и разсчитывавшій на нѣкоторыя замѣчанія, дополненія и измѣненія въ частяхъ, дававшихъ ему возможность совершить въ дѣйствительности импровизованное, замялся и медлилъ. Государыня повторила своё требованіе. Смущонный Безбородко подалъ наконецъ прочитанное имъ такъ гладко, плавно и съ такимъ умомъ и знаніемъ дѣла: листъ бумаги оказался совершенно дѣвственнымъ; на нёмъ не было ни капли чернилъ, ни единаго штриха карандаша. Великая съ удивленіемъ посмотрѣла на докладчика и, вмѣсто ожидаемаго гнѣва, похвалила необыкновенный даръ Александра Андреевича. Современники Безбородко передавали, что это происшествіе, вмѣсто того, чтобы отдалить отъ него Императрицу, ещё болѣе послужило къ его счастію, увеличило къ нему высочайшую милость и средства — новыми неусыпными трудами доказать свою готовность къ дѣятельному исполненію мудрыхъ предначертаній благодѣтельствовавшей ему монархини. Благодѣянія эти не замедлили. Подкрѣплённый искреннею, глубокою дружбою Румянцова, часто совѣтовавшагося съ нимъ въ дѣлахъ политическихъ, въ теченіе какихъ-нибудь семи лѣтъ, къ общему удивленію и зависти многихъ, всѣми средствами домогавшихся почестей, Александръ Андреевичъ Безбородко изъ полковниковъ Кіевскаго малороссійскаго полка сдѣлался вдругъ тайнымъ совѣтникомъ, графомъ, вице-канцлеромъ, гофмейстеромъ, имѣлъ орденъ Св. Владиміра I-й степени, Св. Александра Невскаго и владѣлъ уже слишкомъ *одиннадцатью тысячами* душъ крестьянъ, подарённыхъ ему въ тотъ же самый срокъ времени щедрою Государыней.

Такія быстрыя повышенія и награды населёнными землями, въ самыхъ лучшихъ полосахъ Россіи, шли за подвигами Александра Андреевича въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ первый день января 1779 года Александръ Андреевичъ былъ произведёнъ, по старшинству, въ бригадиры; 5-го мая того же года былъ награждёнъ тысячью четырьмя-стами душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Впрочемъ и заслуга Безбородко была не маловажная и выказывала въ тридцатидвухъ-лѣтнемъ дипломатѣ уже будущаго замѣчательнаго русскаго канцлера. Для возвышенія и обогащенія въ Южной Россіи нашей промышленности недоставало намъ на югѣ твёрдаго оплота, по причинѣ владычества татаръ и турокъ подъ Чорнымъ моремъ. Для проложенія удобнѣйшаго пути нашимъ купеческимъ кораблямъ надлежало или вытѣснить татаръ и турокъ, или, вооруженною рукою, заставить ихъ признать свободу нашей торговли. Для этого положено было построить при устьѣ Днѣпра городъ съ пристанью — и князь Потёмкинъ соорудилъ Херсонъ, основаніемъ котораго пресѣкался запорожскимъ казакамъ и татарамъ путь къ грабежамъ. Предвидя невыгодныя послѣдствія, Порта требовала, чтобы крымскіе татары состояли по прежнему въ ея зависимости, чтобы возвращены были ей Керчь и Эниколь, угрожая, въ противномъ случаѣ, нарушеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора. Для истолкованія недоумѣній по этимъ разногласіямъ, назначены были уполномоченными — съ нашей стороны, состоявшій при Оттоманской Портѣ русскій посланникъ статскій совѣтникъ Стахіевъ, а съ турецкой Рейссъ-Эффенди-

Багиръ. Уполномоченнымъ удалось примирить двѣ недовольныя державы, но не надолго. Татары, подстрекаемые Диваномъ дѣйствовать за свою независимость, самовластно избрали себѣ новаго хана, изгнавъ изъ Крыма преданнаго Россіи хана Сагинъ-Гирея. Для водворенія порядка и возстановленія на престолѣ Сагинъ-Гирея Императрица нарочно послала въ Крымъ князя Потёмкина, назначивъ ему помощникомъ Александра Андреевича. На дипломатическую тонкость послѣдняго въ особенности надѣялась Государыня — и не обманулась. Умъ Безбородко развернулся здѣсь во всей своей силѣ и, благодаря его тонкой дипломаціи, опасные раздоры были прекращены: прежнее правленіе въ Крыму было возстановлено и съ татарами, подчинившимися снова покровительству Россіи, заключёнъ трактатъ, по которому всѣ внутреннія и внѣшнія дѣла крымскія предавались на судъ Екатерины. Это было только началомъ гласныхъ, блистательныхъ дѣлъ Безбородко. Не прошло и года, какъ онъ заявилъ себя въ новомъ свѣтѣ — и 24-го ноября 1780 года произведёнъ былъ въ генералъ-маіоры, въ знакъ особеннаго благоволенія Императрицы, за поданный имъ меморіалъ по дѣламъ политическимъ, на которомъ съ того времени основана была вся наша государственная система, продолжавшаяся до вступленія на россійскій престолъ императора Александра I Благословеннаго. Съ этимъ вмѣстѣ Безбородко, сдѣлавшійся такъ необходимымъ для кабинетныхъ трудовъ Екатерины, причисленъ былъ, по ея желанію, къ министерству иностранныхъ дѣлъ полномочнымъ для всѣхъ дипломатическихъ негоціацій.

Такая оффиціальная должность дала полную свободу дипломатическимъ дарованіямъ Безбородко — и вскорѣ онъ проявилъ ихъ въ новомъ блескѣ своимъ непосредственнымъ участіемъ въ проэктѣ вооружоннаго нейтралитета, возникшемъ отъ намѣренія князя Потёмкина изгнать изъ Европы турокъ. Полный единственно этой мыслію, Потёмкинъ склонилъ Англію содѣйствовать его планамъ. Тогда Императрица, убѣждённая своимъ любимцемъ, повелѣла составить Совѣтъ изъ избраннѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи и подъ ея предсѣдательствомъ. Въ среду этихъ-то самыхъ главныхъ сановниковъ назначенъ былъ и Безбородко. Мнѣнія были различны и въ особенности упорно возставалъ противъ проэкта Потёмкина первенствующій министръ графъ Панинъ. Императрица уже колебалась, но магическое краснорѣчіе Безбородко дало вдругъ новое направленіе ходу дѣла.

Неизвѣстно, но очень можетъ быть, что изъ одного угожденія Потёмкину Александръ Андреевичъ кратко и ясно доказалъ возможность уничтоженія турецкаго владычества въ Европѣ — и графъ Панинъ принужденъ былъ оставить Совѣтъ. Подкрѣплённый краснорѣчіемъ Безбородко, Потёмкинъ восторжествовалъ. Пруссія и Австрія, желавшія поддержать спокойствіе Европы, замѣтивъ намѣреніе императрицы Екатерины привести въ исполненіе планъ Потёмкина и безъ ихъ участія, даже спѣшили искать союза съ Россіей, въ особенности, когда Іосифъ II, своею рѣшимостію — двинуть къ услугамъ Россіи сто-двадцати-тысячную армію, отстранилъ всякое намѣреніе Версальскаго двора воспрепятствовать этому нейтралитету. Только одна вскорѣ послѣдовавшая, неожиданная смерть Потём-

кина уничтожила этотъ гигантскій политическій планъ, который измѣнилъ бы видъ цѣлой Европы и въ которомъ имя Безбородко, безъ всякаго сомнѣнія, заняло бы одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Графъ Панинъ, признававшій себя оскорблённымъ и униженнымъ, сказался больнымъ и начальствующимъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, впредь до его выздоровленія, назначенъ былъ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, меньшой сынъ замѣчательнѣйшаго русскаго дипломата временъ императрицы Анны Іоанновны. Но значеніе графа Остермана, какъ во время болѣзни графа Панина, такъ и по кончинѣ его, послѣдовавшей въ 1783 году, когда Остерманъ утвержденъ былъ въ своёмъ званіи, было только номинальное, такъ-какъ дѣлами и управленіемъ всей Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ двигалъ и управлялъ генералъ-маіоръ и полковникъ Кіевскаго малороссійскаго полка Александръ Андреевичъ Безбородко, вспомоществуемый тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Васильевичемъ Бакунинымъ меньшимъ. Въ самое непродолжительное время послѣ своего назначенія, Александръ Андреевичъ успѣлъ уже своимъ вліяніемъ заглушить первое начавшееся несогласіе Швеціи съ Россіею, отдалить срокъ готовой вспыхнуть войны и склонить короля Густава III приступить къ морскимъ конвенціямъ, заключённымъ Генеральными Штатами соединённыхъ нидерландскихъ провинцій съ королёмъ Датскимъ. Вскорѣ послѣ этой удачной дипломатической сдѣлки, чрезъ посредство Александра Андреевича Безбородко заключёнъ былъ 8-го мая 1781 года и другой важный актъ: сохраненія торговли и мореплаванія нейтральныхъ народовъ съ королёмъ Прусскимъ, а въ слѣдующемъ 1782 году — конвенція для сохраненія свободы нейтральнаго торговаго мореплаванія съ королевою Португальской; за тѣмъ актъ, которымъ король Обѣихъ Сицилій приступалъ къ системѣ нейтралитета и трактатъ о дружбѣ и торговлѣ съ королевствомъ Датскимъ. Одновременно со всѣми этими трактатами графъ Безбородко вёлъ переговоры съ послѣднимъ герцогомъ Курляндскимъ Петромъ Бирономъ, который, чувствуя свою слабость въ правленіи, видя раздоры курляндскихъ чиновъ, безсиліе герцогства и беззащитное его положеніе, рѣшился добровольно первоначально заключить въ этомъ году конвенцію о торговлѣ и границахъ, а потомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до совершоннаго послѣдняго раздѣла Польши, торжественно покориться русскому скиптру, о чёмъ въ подробности мы укажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Важные дипломатическіе труды эти не остались безъ достойнаго вознагражденія и 23-го октября 1782 года Александръ Андреевичъ Безбородко, въ чинѣ генералъ-маіора, пожалованъ былъ Императрицею однимъ изъ главнѣйшихъ орденовъ Россіи—орденомъ св. Владиміра первой степени, а въ слѣдующемъ 1783 году, за приращеніе государственныхъ доходовъ, получилъ въ потомственное владѣніе тысячу-семь-сотъ душъ въ Малороссіи. Въ концѣ этого же года дипломатическія дарованія Безбородко были опять употреблены на болѣе важное государственное дѣло, доставившее Потёмкину наименованіе Таврическаго. Для исполненія плана его относительно турецкаго владычества въ Европѣ, требовалось утвержденіе могущества Россіи на Чорномъ морѣ, чего нельзя было достигнуть

безъ завоеванія Крыма. И что же? — къ удивленію всей Европы, русскія войска, безъ всякого кровопролитія, вступили въ Тавриду и заняли Тамань и всѣ Крымскія владѣнія. Незамѣтнымъ виновникомъ такого мирнаго присоединенія Крыма былъ Безбородко. Склонивъ Сагинъ-Гирея принять подданство Россіи, онъ составилъ актъ, которымъ ханъ признавалъ владычество Россіи надъ всѣми крымскими и кубанскими татарами и который безпрекословно подтверждёнъ былъ Портою, за скрѣпою нашего посланника при Цареградскомъ дворѣ Булгакова и великаго визиря Гассанъ-Паши (27-го декабря 1783 года). Императрица блистательно вознаградила такой важный политическій успѣхъ Безбородко. 2-го февраля 1784 года онъ пожалованъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника, кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, назначенъ вторымъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на всѣхъ правахъ вице-канцлера, и, кромѣ того, получилъ слишкомъ три тысячи душъ крестьянъ также въ Малороссіи.

Пріобрѣтеніе Тавриды такимъ однимъ искуснымъ дипломатическимъ путёмъ возбудило и зависть и вмѣстѣ страхъ во всѣхъ кабинетахъ Европы. Политическія страсти пришли въ движеніе, но и тутъ благоразумная предусмотрительность Безбородко съумѣла, хотя только на время, отклонить новую войну съ Турціей, тѣмъ болѣе затруднительную для Россіи, что на сѣверѣ возгорѣлась война съ шведскимъ королёмъ Густавомъ III, вознамѣрившимся возвратить себѣ Финляндію. Подобный политическій успѣхъ былъ почти безпримѣренъ—и Безбородко сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Австрійскій императоръ Іосифъ II, сознавая важность политическаго значенія Безбородко, желая сохранить дружбу съ русскимъ императорскимъ дворомъ и движимый чувствомъ личнаго уваженія къ Александру Андреевичу, возвёлъ его 12-го октября 1784 года — по другимъ источникамъ 3-го декабря 1783 года — въ достоинство графовъ Римской имперіи, которое Императрица, всё болѣе и болѣе благоволившая къ Безбородко, подтвердила съ особеннымъ удовольствіемъ въ самый день полученія графскаго диплома изъ Вѣны.

Извѣстіе объ этой новой милости двухъ монарховъ Безбородко получилъ при собственноручной необыкновенно лестной и дружеской запискѣ Екатеринѣ II, которую онъ перевёлъ на французскій языкъ и которая свидѣтельствуетъ его основательное знаніе этого языка. Рескриптъ былъ слѣдующаго содержанія: «L'application et le travail attirent des distinctions. L'Empereur vous confère le titre de comte. Soyez donc comte! Votre zèle pour moi n'en deviendra pas moindre, ma confiance en vous sera toujours la même. C'est l'Imperatrice qui vous à parlé — Catherine vous conseille et vous prie, en amie, de ne pas vous relacher ou de vous enorgueillir.»

Такое быстрое возвышеніе Безбородко не осталось безъ неминуемыхъ послѣдствій — зависти и недоброжелательства. Не смотря на всю безукоризненность своей службы, честность и готовность на помощь, графъ Александръ Андреевичъ не избѣгъ враговъ, и число ихъ въ особенности увеличилось, когда дружба его съ графами Александромъ и Семёномъ Романовичами Воронцовыми отдалила его отъ могущественнаго

Потёмкина. Но Безбородко былъ нуженъ Екатеринѣ по своему умному, быстрому и полезному исполненію государственныхъ порученій. Зависть и недоброжелательство кишили только въ тѣни. Безпрестанныя войны, умноженія морскихъ и сухопутныхъ силъ, увеличеніе числа чиновниковъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, учрежденіе новыхъ городовъ и другія потребности сопряжены были со многими расходами, а въ казнѣ между-тѣмъ оставалось тогда не болѣе 6.600,000 рублей, сумма очень маловажная для огромной имперіи, не говоря уже о государственномъ долгѣ, умножавшемъ затруднительное положеніе Россіи. По предложенію графа Безбородко, правительство, чтобы обезпечить независимость свою отъ иностранныхъ ссудъ, стѣсняющихъ торговлю, обратилось къ мѣрамъ внутренняго займа и учредило (24-го іюня 1786 года) Государственный Заёмный Банкъ, въ устроеніи котораго также принималъ графъ Безбородко самое дѣятельное участіе. За особенные неутомимые труды свои по банковымъ распоряженіямъ графъ Безбородко награжденъ былъ снова слишкомъ четырьмя тысячами душъ крестьянъ, также въ одной изъ лучшихъ малороссійскихъ губерній, а 20-го августа того же года наименованъ гофмейстеромъ Высочайшаго двора.

Озабоченный столькими государственными трудами, графъ Безбородко не позабывалъ между-тѣмъ о родной своей Малороссіи и, пользуясь первымъ благопріятнымъ случаемъ, доказалъ Украйнѣ всю свою любовь къ ней и привязанность. Случай этотъ представился ему во время блистательнаго путешествія императрицы изъ Петербурга въ Симферополь. Сопутствуемая императоромъ Іосифомъ II, множествомъ принцевъ, полководцевъ, министровъ и посланниковъ, Екатерина повсюду щедрою рукою разсыпала обильныя благодѣянія. Пышный поѣздъ Ея украшалъ и графъ Безбородко, домъ котораго, въ проѣздъ черезъ городъ Нѣжинъ, Она почтила своимъ посѣщеніемъ. Воспользовавшись благопріятною минутой, когда Государыня, восхищённая красотою Малороссіи, разспрашивала о средствахъ къ благоустройству края, богато-надѣлённаго природой, графъ Безбородко указалъ Императрицѣ на всѣ ближайшіе пути. Приведеніе въ исполненіе плана было пріостановлено только важнымъ для Россіи событіемъ, требовавшимъ отъ Безбородко новой дѣятельности и его тонкаго, изворотливаго дипломатическаго ума. Султанъ Абдулъ Гамедъ, ослѣплённый фанатизмомъ и надѣясь на счастье, двинулъ свои войска противъ Россіи въ то самое время, когда волновалась Польша, горѣла война въ Финляндіи и угрожала намъ своимъ вмѣшательствомъ Англія. Не смотря на паденіе Очакова, Бендеръ и другихъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей, льстившее честолюбію князя Таврическаго, всё ещё мечтавшаго объ изгнаніи турокъ, не смотря на неудачи Густава III, на безуспѣшное ополченіе Польши, положеніе Россіи всё-таки было затруднительно отъ столкновенія трёхъ разнородныхъ войнъ. Графъ Безбородко началъ дѣйствовать такъ рѣшительно и такъ искусно, что, потрясённая въ своёмъ основаніи, Турція клонилась заключить миръ, а изнеможонная и обманутая въ своихъ расчётахъ Швеція — договоръ, извѣстный подъ именемъ Варсальскаго трактата (3-го августа 1790 года). Относя пріобрѣтеніе выгодъ отъ этого трактата къ непосредственному содѣй-

ствію графа Безбородко, Императрица, въ день торжественнаго объявленія этого мира (15-го августа), пожаловала Александра Андреевича въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Отношенія съ Швеціею были условлены; оставалось покончить съ Турціею, уже выславшею своихъ министровъ въ Яссы, для вступленія въ переговоры съ княземъ Таврическимъ, какъ внезапная его смерть остановила въ самомъ началѣ всѣ мирныя предположенія. Наслѣдникъ султана Абдулъ-Гамеда, Селимъ III, возобновилъ военныя дѣйствія и съ ожесточеніемъ продолжалъ ихъ у южныхъ береговъ Тавриды. Напрасно, послѣ паденія Измаила, почитаемаго неприступнымъ, Диванъ представлялъ султану о необходимости мира, Селимъ III поклялся знаменемъ Магомета лучше умереть съ мечомъ въ рукахъ — и началъ дѣйствовать ещё рѣшительнѣе. Ни разбитіе Голенищевымъ-Кутузовымъ турокъ на голову при Бабадаѣ, ни отнятіе Гудовичемъ Анапы, ни сокрушеніе визиря при Мачинѣ княземъ Рѣпнинымъ и Дерфельденомъ, ни пораженіе турецкаго флота Ушаковымъ не перемѣнили намѣренія султана. Обнадеженный постыднымъ миромъ, заключённымъ съ нимъ въ Чистовѣ австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ II и вмѣшательствомъ въ интересы Турціи Англіи и Пруссіи, склонявшихъ Голландію и Данію пристать къ ихъ союзу, Селимъ III истощалъ свои послѣднія средства. Рѣшимость Екатерины II измѣнила всѣ враждебные планы и дѣла приняли вдругъ такой оборотъ, что тѣ же самыя державы опредѣлили, чтобы Порта уступила Россіи Очаковъ и всё пространство между Бугомъ и Днѣстромъ, протестуя, что иначе онѣ отступаются отъ всякаго посредничества. Турціи оставалось только прибѣгнуть къ одному великодушію Екатерины II. Не желая излишнихъ пріобрѣтеній, Императрица назначила, для окончательныхъ переговоровъ, графа Безбородко уполномоченнымъ министромъ, вмѣсто генераловъ Самойлова и Рибаса, заболѣвшихъ въ Яссахъ болѣзненною эпидеміей, имѣвшею вліяніе на бо́льшую часть русскаго войска.

Многочисленныя занятія по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отсрочили на нѣкоторое время отъѣздъ графа Безбородко, требовавшій поспѣшности — и враги его не замедлили воспользоваться этою случайностью, чтобы набросить на него неблагопріятную тѣнь и повредить во мнѣніи Императрицы. Называя его *тяжолымъ* и *безполезнымъ*, они распустили молву о совершенной его неспособности къ такому важному государственному дѣлу. Такая клевета напротивъ ещё болѣе возвысила графа Александра Андреевича въ глазахъ Екатерины — и *тяжолый*, *безполезный* Безбородко въ самомъ скоромъ времени совершилъ одинъ то̀, надъ чѣмъ задумывался самъ Потёмкинъ и генералы Самойловъ и Рибасъ, которые, вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ, должны были заключить Ясскій договоръ.

Графъ Безбородко прибылъ въ Яссы въ половинѣ ноября и тотчасъ же убѣдился въ необходимости мира. При всѣхъ громкихъ побѣдахъ Россіи, онъ увидѣлъ, что переговоры, ведённые до него, были очень запутаны и что Порта, послѣ временнаго отдыха, опять можетъ начать войну. На домогательства турецкихъ уполномоченныхъ — уступки земель между Днѣстромъ и Бугомъ, графъ Безбородко требовалъ: уплаты за

военныя издержки 20,000,000 рублей, безпрекословной уступки пространства между Бугомъ и Днѣстромъ, со включеніемъ Очакова, и грозилъ, въ случаѣ разрыва, поддержать свои требованія оружіемъ. 15-го декабря каждымъ изъ пословъ былъ отправленъ нарочный къ своему двору съ извѣстіемъ о состояніи дѣлъ — и конгрессъ, въ ожиданіи отвѣта, пріостановился. Отвѣтомъ петербургскаго кабинета предоставлялось министру «дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ». 29-го декабря графъ Безбородко собралъ послѣдній съѣздъ и объявилъ прежнія рѣшительныя условія. Турецкіе уполномоченные долго упорствовали, но всё-таки должны были наконецъ согласиться, не видя никакого снисхожденія. Тогда графъ Безбородко объявилъ Рейссъ-Эффендію Юсуфъ-Пашѣ, что Государыня, по своему великодушію, отмѣняетъ требованную сумму 20,000,000 рублей. Такое извѣстіе изумило турецкаго посланника. «Это спасло жизнь нашего великаго визиря, столь много нами любимаго», сказалъ онъ со слезами. «Онъ поручился султану головою, что, ежели мы согласимся на уплату военныхъ издержекъ, то сама Екатерина, по великодушію своему, отъ нихъ откажется.»

Окончательный договоръ, постановленный графомъ Безбородко въ Яссахъ, состоялъ въ томъ, что возстановлялся миръ и дружба между обѣими державами; всѣ статьи мирныхъ договоровъ, заключённыхъ Турціею съ Россіею со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, если только не противны настоящему, подтверждались во всей силѣ: Турція уступала Россіи всё пространство отъ Днѣпра и Буга до Днѣстра, со включеніемъ Очакова. Рѣка Днѣстръ дѣлалась границею обѣихъ державъ: правый берегъ долженъ былъ принадлежать Турціи, а лѣвый Россіи. Россія же возвращала: Бессарабію, Бендеры, Аккерманъ, Килію, Измаилъ и Молдавію съ тѣмъ, чтобы Турція приняла на себя всѣ обязанности къ образованію независимаго государства, монархъ котораго долженъ быть греческаго закона; Порта же обѣщала удерживать жителей лѣвой стороны Кубани отъ набѣговъ и хищенія и охранять русскую торговлю отъ варварскихъ народовъ, а въ случаѣ убытка — за всё вознаградить.

Послѣдствія этого договора были весьма важны и ставятъ имя Безбородко на одной страницѣ въ исторіи съ именемъ Потёмкина, которому Россія обязана пріобрѣтеніемъ Крыма, Кинбурна, Очакова, уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, построеніемъ Херсона, Николаева, Севастополя, сооруженіемъ черноморскаго флота и заселеніемъ Новороссійской области. Ясскій договоръ, утвердивъ за Россіею владычество на Чорномъ морѣ, оградилъ ея безопасность со стороны турокъ и оживилъ южную нашу промышленность и торговлю.

За такія важныя услуги графъ Безбородко награждёнъ былъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, пятьюдесятью тысячами рублей серебромъ, похвальною грамотою, съ прописаніемъ его дѣяній, масличною вѣтвью, для ношенія на шляпѣ, и пятью тысячами душъ крестьянъ въ Подольской губерніи. Всѣ эти награды послѣдовали единовременно въ день торжествованія мира съ Оттоманскою Портою, совершившагося 2-го сентября 1793 года. А между-тѣмъ, среди этихъ новыхъ знаковъ императорскаго благоволенія, готовилась графу Безбородко и важная служебная перемѣна.

Непріятели, воспользовавшись его отсутствіемъ въ Яссы, успѣли лишить его прежней силы. Дипломатъ, награжденный полною довѣренностію Екатерины, имѣвшій перевѣсъ надъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, образовавшій своимъ примѣромъ графа Моркова, графа Ростопчина, Самойлова, графа Зубова, Разумовскаго, двухъ Штакельберговъ, Репнина, Булгакова, Куракина, Кочубея и многихъ другихъ и ясскій миротворецъ былъ отстраненъ, а дѣла иностранной коллегіи поручены были графу Зубову, который управлялъ этою коллегіею по самую кончину Императрицы. Вмѣсто коллегіальной службы, графъ Безбородко назначенъ былъ главнымъ директоромъ почтъ, управленіе которыми до того времени находилось подъ вѣдѣніемъ Посольскаго Приказа, а потомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ теченіи почти трёхъ столѣтій. При графѣ Безбородко почтовая часть совершенно отдѣлилась, составила особенное вѣдомство и подчинилась непосредственному его управленію, какъ своему почтъ-директору. Неутомимый во многотрудныхъ занятіяхъ, графъ Безбородко съ неменьшею ревностію началъ трудиться и надъ улучшеніемъ почтоваго вѣдомства. Съ самаго вступленія въ должность, онъ вникнулъ въ многосложный почтовый составъ, устроилъ дороги, ускорилъ ходъ гоньбы, уменьшилъ денежный сборъ съ писемъ и со всѣхъ посылокъ, доставивъ тѣмъ всякому болѣе удобности въ сношеніяхъ, ограничилъ самовольное требованіе денегъ за разноску и собираніе, подъ предлогомъ перевѣса или недовѣса, писемъ. Изгнавъ и многія другія злоупотребленія, графъ Безбородко доставилъ государству доходъ на многіе милліоны рублей, чего, до его времени, казна никогда не получала. За такое неожиданное приращеніе государственныхъ доходовъ Императрица наградила графа Безбородко единовременно 80,000 рублей серебромъ и ежегоднымъ пожизненнымъ пенсіономъ въ 10,000 рублей изъ почтовыхъ доходовъ.

Но этимъ не ограничилась ещё вся служебная дѣятельность Александра Андреевича. Императрица не могла не понять — сколько могъ быть ещё полезенъ графъ Безбородко во внѣшнихъ государственныхъ сношеніяхъ. Она ещё живо помнила его необыкновенную проницательность и опытность и потому, не смотря на его отстраненіе отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, не переставала поручать ему разрѣшеніе многихъ дипломатическихъ вопросовъ. Такъ участвовалъ онъ въ Петербургскомъ союзномъ договорѣ, постановленномъ въ 1792 году 3—15 іюля съ Австріей, которая, не надѣясь на собственныя свои силы, обратилась къ Россіи съ просьбою объ отвращеніи бѣдствій, грозившихъ ей отъ французской революціи. Исполненію этого предварительнаго договора, начатаго въ формѣ оборонительнаго союза между Россіей и Австріей и подписаннаго уполномоченными, вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, графомъ Безбородко и графомъ Морковымъ съ нашей стороны, и графомъ Кобенцелемъ со стороны Австріи, единственно помѣшали польскія дѣла. Польшѣ предстояло новое измѣненіе въ ея политической судьбѣ. Настроенная вліяніемъ идей французскихъ революціонеровъ, чувствовавшая уроны отъ перваго раздѣла и мечтавшая о возстановленіи своей независимости, какими бы то ни было средствами, Польша раздѣлилась на двѣ партіи, оживлённыя взаимною ненавистью. Первая, такъ называемая патріоти-

ческая, почитала русскихъ своими непримиримыми врагами, вторая, болѣе умѣренная, собравшись близь Браилова, въ мѣстечкѣ Торговицѣ, обратилась къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою о покровительствѣ, увѣряя, что ея воззваніе есть голосъ цѣлаго польскаго народа. Противная партія патріотовъ прибѣгла съ прошеніемъ о защитѣ къ Пруссіи и Австріи, которыя обѣ рѣшительно отказались отъ поддержанія ея правъ. Началась кровопролитная война, окончившаяся пораженіемъ знаменитаго польскаго полководца Костюшко и вторичнымъ раздѣленіемъ Польши. Изнемогающая Польша спѣшила заключить союзный договоръ, въ которомъ утверждала за Россіею всѣ прежніе договоры и взаимное защищеніе владѣній. Политическія несогласія начали уже улаживаться, когда Костюшко, желая быть спасителемъ Польши, снова привёлъ въ движеніе весь край. Подъ знамена его отвсюду собирались новыя силы и вскорѣ Варшава сдѣлалась зрѣлищемъ новыхъ сицилійскихъ вечерень и варѳоломеевской ночи. Заговорщики устремились въ глубокую полночь на сонныхъ, ничего не ожидавшихъ русскихъ — и вырѣзали ихъ. Предательскій поступокъ взывалъ объ отмщеніи. Русскія силы двинулись въ Польшу и завязались новыя отчаянныя битвы. Напрасно австрійскій кабинетъ старался вразумить инсургентовъ, что они своимъ сопротивленіемъ навлекаютъ на себя только новыя бѣдствія. Всѣ благоразумныя представленія были отвергнуты и поляки упорствовали до-тѣхъ-поръ, покуда не были поражены 29-го сентября въ 1795 году Ферзеномъ при Маціевцахъ, не былъ взятъ въ плѣнъ самъ Костюшко и не пала Прага предъ оружіемъ Суворова. Жребій Польши былъ рѣшонъ и этимъ рѣшеніемъ руководствовалъ Александръ Андреевичъ. Онъ дѣятельно занимался, во всё продолженіе военныхъ дѣйствій, дѣлами Польши и по его направленію петербургскій и вѣнскій кабинеты издали декларацію, что Россія, Австрія и Пруссія, увѣрившись въ неспособности поляковъ учредить у себя надлежащій образъ правленія, рѣшились, для общаго блага, прекратить безпокойства въ Польскомъ королевствѣ раздѣленіемъ его между собою. Россія пріобрѣла, кромѣ прежней части Виленскаго воеводства, Польши, Подоліи и Украйны, Самогитію и остальную часть воеводствъ: Трокскаго, Виленскаго, Новогрудскаго, Брестскаго, Волынскаго и Холмскаго. Остальная часть Польши раздѣлена была между Австріею и Пруссіей. Во время этого третьяго раздѣла Польши графъ Александръ Андреевичъ вёлъ также переговоры съ герцогомъ Курляндскимъ Петромъ Бирономъ, и 5-го и 6-го марта 1795 года составилъ акты, въ силу которыхъ Курляндія и Пильтенскій округъ присоединены были на вѣчныя времена къ русскимъ владѣніямъ. Это приращеніе доставило важныя выгоды: Россія пріобрѣла ещё новыя балтійскія гавани — Либавскую, Виндавскую и другія, и тѣмъ расширила свою внѣшнюю торговлю.

Но этимъ не ограничиваются ещё всѣ дипломатическія услуги графа Александра Андреевича въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-й. Въ то самое время, когда онъ заботился объ опредѣленіи нашихъ политическихъ отношеній къ Польшѣ и опредѣлилъ обязанности Курляндіи, онъ много ещё содѣйствовалъ, своимъ вліяніемъ и опытностію, къ заключенію трактата съ англійскимъ посланникомъ при русскомъ

дворѣ лордомъ Витвортомъ, хотя имя его и не было упомянуто въ трактатѣ этомъ оффиціально. Главнѣйшее содержаніе этого договора, заключённаго на восемь лѣтъ, состояло въ томъ, что Россія и Англія обязывались взаимно помогать другъ другу. Съ этимъ вмѣстѣ было условлено, что если русскія войска будутъ проходить чрезъ постороннія владѣнія, то Англія должна снабжать ихъ съѣстными припасами и, наконецъ, что русскія войска не будутъ отправлены въ Италію и тѣмъ болѣе за предѣлы Европы. Къ сожалѣнію единственнымъ результатомъ этого трактата было крейсерство адмирала Ханыкова съ соединённой англійской эскадрою, вплоть до осени того года, у береговъ Голландіи. По случаю рѣшенія окончательной судьбы Польскаго королевства, прочія статьи договора остались также безъ желанныхъ послѣдствій. Таковы были государственные подвиги графа Безбородко до кончины Екатерины Великой, милостями которой онъ не переставалъ пользоваться до наступленія того рокового часа, когда, по сказанію современника, знаменитаго въ событіяхъ отечественной войны, московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Ростопчина, самъ гордый и недоступный вельможа князь Зубовъ, назначенный на двадцати восьми лѣтнемъ возрастѣ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и приводившій своимъ упроченнымъ значеніемъ въ уныніе самого великолѣпнаго князя Тавриды, нетерпѣвшаго совмѣстниковъ, былъ избѣгаемъ придворными, какъ заразжонный, и, сидя въ углу, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ ни у кого выпросить себѣ даже стакана воды. Внезапная кончина Императрицы и послѣдовавшій затѣмъ новый порядокъ дѣлъ могли, конечно, точно также, какъ и на князя Зубова, имѣть вліяніе и на служебную карьеру графа Александра Андреевича; но почему, при всёмъ своёмъ безкорыстіи и безукоризной чистотѣ служебной, могъ графъ Безбородко опасаться перемѣны въ своёмъ положеніи — неизвѣстно. Поэтому не будетъ лишнимъ помѣстить здѣсь разсказъ того же самаго графа Ростопчина о событіяхъ того важнаго дня, въ которомъ онъ касается и графа Александра Андреевича Безбородко, вѣроятно только одною своею безпредѣльною преданностію покойной вѣнценосной своей благодѣтельницѣ опасавшагося навлечь на себя чѣмъ нибудь первый порывъ неблаговоленія новаго Монарха Россіи, усиленный давнишними недоброжелателями.

«Графъ Безбородко», пишетъ графъ Ростопчинъ въ своихъ запискахъ, «болѣе тридцати часовъ находился во дворцѣ, въ которомъ, въ опочивальнѣ умирающей Императрицы, собралось духовенство съ митрополитомъ Гавріиломъ, въ присутствіи великаго князя Павла Петровича. Неизвѣстность судьбы, опасеніе быть подъ гнѣвомъ новаго государя и живое воспоминаніе благотвореній умирающей Императрицы наполняли глаза графа Александра Андреевича слезами, сердце горестію, а духъ уныніемъ.» Два раза подходилъ онъ къ Ростопчину, говоря, что онъ старъ, боленъ и желалъ бы, какъ милости, быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія. При этомъ, всегда благородный, безпристрастный и признательный, доставившій когда-то своею настойчивостію мѣсто чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра во Франкфуртѣ на Майнѣ, графу Н. П. Румянцову, сыну своего покровителя — графъ Безбородко не позабылъ въ критическую для него минуту и о прочихъ предан-

ныхъ ему людяхъ: упоминая о себѣ, онъ вмѣстѣ настойчиво ходатайствовалъ и о томъ, чтобы Ростопчинъ просилъ великаго князя, въ память прежнихъ его заслугъ, объ отправленіи въ Правительствующій Сенатъ указа, подписаннаго Государынею 1-го ноября, которымъ любимецъ его Трощинскій произведёнъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Ростопчинъ, давно знавшій и уважавшій графа Безбородко и дѣлившій съ нимъ дипломатическіе труды, подъ начальствомъ графа Остермана, описалъ Наслѣднику престола отчаяніе достойнаго министра и передалъ его просьбу. Великій Князь поручилъ увѣрить графа Безбородко, «что онъ не имѣетъ никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ забыть всё прошедшее и расчитываетъ на его усердіе, дарованія и способности въ дѣлахъ». Указъ о награжденіи Трощинскаго, по ходатайству графа Александра Андреевича, былъ немедленно отправленъ въ Сенатъ. Въ пять часовъ по полудни Великій Князь приказалъ графу Ростопчину спросить графа Безбородко: «Нѣтъ ли у него какихъ дѣлъ, нетерпящихъ отлагательства?» Безбородко явился съ бумагами; Ростопчинъ получилъ приказаніе остаться на время доклада. Удивительная память и ловкость графа Безбородко изумили Великаго Князя: графъ не только по надписямъ узнавалъ отъ кого были донесенія, но и называлъ даже каждаго по имени. «Безбородко», отозвался потомъ Императоръ Ростопчину, «для меня даръ Божій; спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ».

Въ ознаменованіе искренности своихъ словъ, Императоръ тотчасъ же наименовалъ графа Безбородко министромъ перваго класса и вслѣдъ за этимъ поручилъ Александру Андреевичу привести въ исполненіе давнишнюю и задушевную свою мысль, таившуюся въ нёмъ еще тогда, когда онъ былъ отрокомъ и читалъ «Исторію мальтійскихъ рыцарей», сочинённую Вертотомъ. Къ этому представился слѣдующій случай. Бальи ордена мальтійскихъ рыцарей, графъ Литта, ходатайствовалъ предъ Императоромъ о возвращеніи орденскому пріорству, находившемуся въ городѣ Острогѣ, прежнихъ его доходовъ, простиравшихся до 120,000 польскихъ злотыхъ. Разсмотрѣніе этого прошенія поручено было графу Александру Андреевичу, который, вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ и заключилъ, по желанію Императора, слѣдующую конвенцію съ графомъ Литтою: «Императоръ Павелъ I установляетъ Мальтійскій Орденъ въ своей имперіи; прежніе доходы Острогскаго пріорства увеличиваетъ ежегодною суммой въ 300,000 злотыхъ; Императоръ опредѣляетъ доходы и число командорствъ, предоставляя достоинства великаго пріора и командоровъ имѣть однимъ только русскимъ.» При заключеніи этой конвенціи графъ Безбородко возведёнъ былъ въ достоинство бальи Мальтійскаго Ордена и награждёнъ большимъ крестомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, осыпаннымъ крупными бриллiантами. Чрезъ одинадцать дней послѣ этой дипломатической сдѣлки (15-го января), графъ Александръ Андреевичъ снова принялъ участіе въ заключеніи конвенціи съ Австріею и Пруссіей, объ окончаніи дѣлъ Польши, по предмету ея долговъ и суммы потребной на содержаніе бывшаго короля Станислава Августа, удалившагося въ Гродно и котораго императоръ Павелъ пригласилъ въ Петербургъ. По этой конвенціи, при господствующемъ вліяніи графа Александра Андреевича, между имъ и уполномоченными — австрій-

скимъ графомъ Кобенцелемъ и прусскимъ графомъ Тауенциномъ — постановлено было: что Россія, Австрія и Пруссія принимаютъ на себя уплату долговъ бывшей Польской республики и ея короля по слѣдующей раскладкѣ: Россія и Пруссія обязались заплатить за республику $^{13}/_{30}$ частей, а Австрія $^{4}/_{30}$; за короля — первыя двѣ державы $^{2}/_{5}$ частей, а послѣдняя $^{1}/_{5}$ часть. Королю предоставлялось полное право располагать своимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ; двѣсти тысячъ червонныхъ, ассигнованныхъ на его содержаніе, условлено выдавать всѣмъ трёмъ державамъ поровну; польскимъ жителямъ данъ пятилѣтній срокъ на избраніе — которой изъ трёхъ державъ желаютъ присягнуть въ вѣрности на подданство и столько же времени на продажу имѣнія, при переселеніи во владѣнія одного изъ трёхъ договаривающихся государствъ.

Въ торжественный день высочайшаго коронованія императора Павла I-го, совершившагося 5-го апрѣля 1797 года, въ числѣ прочихъ, щедрою рукою награждённыхъ Императоромъ, находился и графъ Александръ Андреевичъ. Въ ознаменованіе долговременныхъ и полезныхъ услугъ, оказанныхъ отечеству, онъ возведёнъ былъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство съ титуломъ свѣтлости, получилъ отчину въ Орловской губерніи, поступившую въ казну по кончинѣ князя Кантемира, тридцать тысячъ десятинъ земли въ Воронежской губерніи и шесть тысячъ крестьянъ на собственный выборъ. Въ самомъ благосклонномъ вниманіи къ князю Безбородко, Государь не забылъ и о его любимцѣ Трощинскомъ: ему также пожаловано было тысячу двѣсти душъ крестьянъ. Вскорѣ за этимъ, по увольненіи графа Остермана по прошенію отъ канцлерскихъ дѣлъ, Императоръ возвёлъ князя Безбородко въ достоинство государственнаго канцлера Россійской Имперіи и вмѣстѣ съ этимъ пожаловалъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами.

Продолжая дѣлать добро и доблестно служить отечеству, тридцать два года позабывая о своихъ личныхъ выгодахъ и смѣло обнаруживая свои убѣжденія, если только они могли принести пользу Россіи, князь Александръ Андреевичъ сильно разстроилъ своё здоровье и принуждёнъ былъ просить Императора уволить его отъ многотрудныхъ занятій. Не желая разстаться съ нимъ, Государь отвѣтствовалъ только одно, что въ нёмъ нуждается отечество. И точно — съ запада, со стороны Франціи, собрались надъ Европой тёмныя политическія тучи. Наполеонъ, подавившій революцію и завоевавъ сѣверную Италію, Германію и Голландію, устремился наконецъ на Австрію, Пруссію и Неаполитанское королевство. Устрашонные государи воззвали о защитѣ ихъ отъ общаго порабощенія — и неаполитанскій король Фердинандъ IV-й первый поспѣшилъ воспользоваться намѣреніемъ Императора освободить Европу отъ ужасовъ такого преобладательнаго вторженія. При посредствѣ министра своего дюка Серракапріола, онъ заключилъ 19-го ноября 1798 года съ Россіей союзный договоръ на восемь лѣтъ, подъ названіемъ неаполитанскаго. Руководимый княземъ Безбородко, онъ подписанъ былъ имъ и графами Кочубеемъ и Ростопчинымъ. Въ договорѣ этомъ императоръ Павелъ I-й обѣщался не только своимъ флотомъ, соединённымъ съ турецкимъ, охранять берега Сициліи, но даже сдѣлать неаполитанскому

королю вспоможеніе войскомъ, которое обязался снабжать самъ военными снарядами и жалованьемъ, съ тѣмъ только, чтобы неаполитанское правительство озаботилось о доставленіи жизненныхъ потребностей.

Вслѣдъ за этимъ князь Безбородко заключилъ также договоръ съ Англіею, обязуясь, отъ имени Россіи, помочь ей 45,000 русскихъ войскъ, всё содержаніе которыхъ послѣдняя должна была взять на себя. Привести договоръ въ дѣйствіе положено было тотчасъ же, когда король прусскій также рѣшится обратить противъ Франціи свои силы. Въ противномъ случаѣ обѣ договаривавшіяся стороны должны были принять каждая свои собственныя мѣры для общаго блага. Къ подобному же оберегательному восьмилѣтнему союзу готова была, подъ вліяніемъ князя Безбородко, приступить и Турція, устрашонная покореніемъ Египта.

Но это было ещё не всё. Недоставало мудраго плана для начатія военныхъ дѣйствій — и этотъ планъ также не замедлилъ. Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, зная политическія достоинства князя Безбородко, изъ глуши своего Боровичевскаго уединенія прислалъ къ нему письмо для представленія на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Князь Безбородко, глубокомысленно обсудивъ доставленный ему планъ военныхъ дѣйствій, упорно настаивалъ, о приведеніи его въ дѣйствіе и долго, хотя на этотъ разъ и безуспѣшно, поддерживалъ предложеніе опытнаго полководца, краснорѣчиво доказывая всю глубину высказанныхъ имъ военныхъ соображеній.

Одинъ французскій писатель говоритъ, что объявленіе войны французской республикѣ есть дѣло князя Безбородко, счастливо продолженное графомъ Рымникскимъ. И точно, видя, что надежды его напрасны, что расположеніе императора Павла I-го вдругъ измѣнилось и начало клониться къ миролюбію, князь Александръ Андреевичъ поспѣшилъ преводить замѣчательный лаконическій планъ Суворова на обсужденіе германскихъ державъ. Вся Германія восхитилась предложеніями русскаго кабинета и австрійскій императоръ началъ убѣдительно просить императора Павла ввѣрить исполненіе этого важнаго дѣла удалённому отъ командованія русскому фельдмаршалу. Послѣдствія этой просьбы извѣстны. Князь Безбородко, исполнивъ этотъ послѣдній, важный для всей Европы, дипломатическій подвигъ, снова почувствовалъ возвращеніе своего стараго недуга.

Среди неусыпныхъ послѣднихъ трудовъ въ пользу освобожденія Европы и сильныхъ напряженій ума, болѣзненные припадки, сопровождавшіеся круженіемъ головы и ослабленіемъ памяти, до-того усилились, что, изнемогая силами и видимо угасая, князь Безбородко опять началъ умолять Государя о своёмъ увольненіи; но Императоръ, какъ бы предчувствуя скорую разлуку съ нимъ навѣки, вторично напомнилъ ему, какъ онъ необходимъ отечеству. Такъ-какъ Александръ Андреевичъ испрашивалъ только временнаго увольненія, то Государь, снисходя его просьбѣ, наконецъ простился съ нимъ, какъ съ другомъ, прося не оставлять его полезными совѣтами. И Безбородко воспользовался этимъ высокимъ приглашеніемъ, чтобы въ послѣдній разъ доказать свою любовь къ Россіи, своё безпристрастіе и благородное чувство благодарности, которымъ

онъ всегда отличался. Помимо нѣжно любимаго племянника В. П. Кочубея, бывшаго впослѣдствіи также канцлеромъ и княземъ, князь Александръ Андреевичъ указалъ Императору на графа Ростопчина, какъ на достойнѣйшаго наслѣдника своего важнаго званія. По совѣту врачей, князь Безбородко собирался уже ѣхать за границу, когда, во время самыхъ приготовленій, болѣзнь усилилась и прекратила его славную жизнь. Онъ умеръ на пятьдесятъ второмъ году, въ своёмъ домѣ, въ Почтамтской улицѣ, принадлежащемъ нынѣ почтовому вѣдомству, 6-го апрѣля 1799 года.

Князь Александръ Андреевичъ не былъ женатъ и умеръ безъ завѣщанія, оставилъ болѣе одиннадцати тысячъ душъ, полученныхъ отъ щедротъ Екатерины II и Павла I, въ наслѣдство брату своему, графу Ильѣ Андреевичу; но въ его бумагахъ сохранилась одна простая и немногосложная записка, заключавшая въ себѣ его послѣднюю кратко-выраженную предсмертную волю — и этой простой записки было довольно, чтобы Малороссія могла считать его главнымъ своимъ благодѣтелемъ.

Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко погребёнъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ церкви Благовѣщенія, въ тёмномъ придѣлѣ, именуемомъ палаткою. Надъ прахомъ его воздвигнутъ памятникъ замѣчательный и по искусству и по мысли. Онъ мѣдный и раздѣлёнъ на три части. Надъ верхней возвышается мѣдная колонна съ бюстомъ князя Александра Андреевича и надписью: «Родился 1747 года 14-го марта, скончался 1799 года 6-го апрѣля». Съ правой стороны памятника изображонъ геній мира, въ натуральную величину человѣка, задумчиво наклонившійся и держащій масличную вѣтвь; съ лѣвой стороны другой геній освѣщаетъ факеломъ открытый свитокъ, показывая на слова: «Миръ съ турками въ 1791 году». Третій геній держитъ въ одной рукѣ вѣнокъ, а другою скрываетъ свои слёзы. У самаго подножія памятника изображонъ орёлъ съ опущенными крыльями и княжескій щитъ съ словами: Labore et Zelo — «трудомъ и усердіемъ». Вверху, гдѣ геній мира держитъ масличную вѣтвь, вложена въ стѣну мѣдная доска съ надписью: Александръ Безбородко, Князь Имперіи Всероссійскія съ титуломъ Свѣтлости и графъ Римскія; родился въ Глуховѣ марта 14 дня 1747 года. Трудомъ и дарованіемъ пріобрѣлъ довѣренность Государей. Въ царствованіе Екатерины II-й и Павла I-го управлялъ внутренными и внѣшними дѣлами; возведёнъ ими на высшую степень достоинства; былъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ Совѣта, сенаторомъ, главнымъ директоромъ Почтъ, гофмейстеромъ, кавалеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ и Бальи Св. Іоанна Іерусалимскаго. Скончался апрѣля 6 дня 1799 года.»

Занимаясь почти всю жизнь дѣлами по внѣшнимъ государственнымъ сношеніямъ, князь Александръ Андреевичъ не оставилъ однако же въ бумагахъ своихъ никакихъ извѣстій и документовъ, относящихся къ этимъ трудамъ его. Всѣ свои инструкціи посланникамъ, оффиціальныя донесенія и манифесты, почитающіеся и понынѣ дипломатами за образцовые, онъ, для сбереженія времени, писалъ обыкновенно карандашомъ, столь сокращённо, то не многіе только секретари его могли разбирать ихъ и приводить въ надлежащее правильное изложеніе.

Изобразивъ общественную и гражданскую жизнь князя Александра Андреевича, необходимо заключить его біографію описаніемъ его личныхъ качествъ, какъ частнаго человѣка.

Князь Александръ Андреевичъ былъ росту выше средняго и имѣлъ благородную наружность: круглое, доброе лицо, широкій и возвышенный лобъ, осѣнённый сѣдыми волосами, пріятный взглядъ и добродушную улыбку. Такимъ покрайней-мѣрѣ изображонъ онъ извѣстнымъ живописцемъ Лампи, а также и на другихъ портретахъ того времени. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ находится слѣдующая надпись, подтверждающая душевное сходство съ наружнымъ:

Се образъ, въ коемъ зримъ блистательны черты
Высокаго ума, душевной доброты.
Вельможа и министръ, и титломъ и дѣлами,
Достигъ величія великими трудами.
Сынъ, другъ отечества, всегда неколебимъ,
Почтёнъ для общихъ пользъ, и славенъ и любимъ,
Князь Безбородко симъ блистать въ потомствѣ будетъ:
Отечество его во вѣки не забудетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, по увѣренію современниковъ, князь Александръ Андреевичъ былъ добръ, покровительствовалъ гонимымъ и почиталъ удовольствіемъ облегчать судьбу несчастливцевъ. Обыкновенная его поговорка, обращаемая къ просителямъ: «будьте батюшка благонадежны!» была достаточна для полнаго успокоенія, потому-что данное имъ слово становилось для него святыней. Самымъ своимъ явнымъ недоброжелателямъ онъ никогда не платилъ равнымъ чувствомъ и съ гордой усмѣшкой переносилъ всѣ ихъ козни, охраняемый только однимъ своимъ неотъемлемымъ благородствомъ.

«Въ толстомъ тѣлѣ Безбородко скрывалъ умъ тончайшій», говорилъ про него графъ Сегюръ. Онъ былъ предусмотрителенъ и твёрдъ въ своихъ начертаніяхъ, рѣшителенъ и благонамѣренъ. Всѣ его дѣйствія въ политикѣ были чужды всякого корыстолюбія. Имъ постоянно руководили только — польза и слава Россіи, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь. Обширныя свѣдѣнія въ отечественной статистикѣ открывали ему многіе новые источники къ познанію народнаго обогащенія и возвышенію государственнаго кредита, а глубокое знаніе дипломатики много способствовало его успѣхамъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. При отличномъ классическомъ образованіи, основательномъ знаніи языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и латинскаго, а — по увѣренію многихъ — даже и греческаго, князь Безбородко, получившій, какъ извѣстно, образованіе въ Кіевской Академіи, часто любилъ играть софизмами въ кругу друзей, для доставленія имъ удовольствія. Какъ малороссіянинъ, онъ хотя и не могъ никогда привыкнуть къ чистому великороссійскому произношенію и его родныя выраженія часто заставляли русскихъ улыбаться, но писалъ онъ плавно и прекраснымъ слогомъ. Любимыми его науками, которыми князь не переставалъ никогда заниматься, были: отечественная статистика, географіи и, въ особенности, исторія. Для послѣдней онъ находилъ всегда свободныя минуты, не смо-

тря на всѣ важныя государственныя обязанности, и даже составилъ лѣтопись Малороссіи съ 1737 по 1776 годъ, отрывки которой помѣщены въ «Краткой Лѣтописи Малыя Россіи», изданной Рубаномъ. Вѣроятно, это не единственный трудъ князя Александра Андреевича, но къ сожалѣнію о прочихъ его трудахъ ничего неизвѣстно — покрайней-мѣрѣ печатно. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что Императорская Академія Наукъ, уважая его знанія и заслуги, почтила его 1783 года 2-го октября званіемъ дѣйствительнаго своего члена; а это ещё важнѣе тѣмъ, что со времени ея основанія, князь Безбородко состоялъ въ спискѣ двѣнадцатымъ членомъ. Любя изящныя искусства и покровительствуя молодымъ дарованіямъ, князь Александръ Андреевичъ собралъ отличную картинную галлерею, въ которой, въ особенности, преобладали произведенія извѣстнаго французскаго живописца Карла Вернета. Двадцать двѣ картины этого художника украшали даже его спальню. Съ пышностію, свойственною великолѣпному двору Екатерины II, и собственною склонностію къ удовольствіямъ князь Безбородко соединялъ самый изящнѣйшій вкусъ. Его именемъ славились роскошные праздники и самые богатые балы и Императрица никогда почти не отказывалась удостоивать ихъ своимъ посѣщеніемъ. Великолѣпный домъ его блисталъ изысканнымъ богатствомъ: лѣстницы были устланы азіатскими коврами; стѣны убраны изящнѣйшими произведеніями художествъ; потолки горѣли люстрами и перекрестнымъ огнёмъ хрусталей; софы обиты были атласомъ съ золотыми кистями; окна украшены шолковыми занавѣсами; вазы съ цвѣтами, осыпанныя перлами, изумрудами и другими драгоцѣнностями, изумляли гостей. Князь Александръ Андреевичъ жилъ открыто, принималъ всѣхъ радушно и отличался примѣрнымъ хлѣбосольствомъ. Въ залахъ его тѣснилось всё, что только было знаменитаго въ Петербургѣ, или по своему высокому происхожденію и государственнымъ заслугамъ, или по проблескамъ таланта, выходящаго изъ ряду обыкновеннаго, и всѣмъ былъ отъ него одинаковый, равный почётъ. Каждый гость былъ для него равно личностью почтенной, для которой всегда приберегалось самое ласковое слово, самый лучшій кусокъ. Короля польскій, Станиславъ-Августъ и шведскій, Густавъ III, иностранные послы и уполномоченные министры разныхъ державъ, пріѣзжіе замѣчательные иностранцы, остроумный принцъ де-Линь, многоначитанный графъ Сегюръ, оставившій любопытные записки о достойнѣйшихъ сановникахъ екатерининскаго вѣка, французскіе благородные эмигранты, находившіе въ нёмъ своего покровителя и помощника нуждъ вдали отъ родины, встрѣчались въ домѣ его не рѣдко съ русскими, знаменитыми только одною своею геніальностію, оцѣнку которой впослѣдствіи уже сдѣлало лишь потомство. Знаменитый русскій самоучка-механикъ Кулибинъ, одинаково цѣнимый Потёмкинымъ, Румянцовыми и Безбородко, бывалъ также въ числѣ гостей канцлера, которыхъ набиралось иногда до трёхъ-сотъ. Данный имъ балъ шведскому королю Густаву III, стоившій до пятидесяти тысячъ тогдашнихъ рублей, оставилъ преданіе, что король, удивлённый великолѣпіемъ празднества, воскликнулъ: «это волшебный дворецъ!»

А межь-тѣмъ, при всей этой наружной роскоши, при такихъ огромныхъ средствахъ, самъ князь Александръ Андреевичъ не любилъ заниматься собою и пренебрегалъ всякими лишними украшеніями. Только въ торжественные дни являлся онъ во дворецъ съ чрезвычайною пышностію, въ обыкновенные же не узнавали его. Простой темнозелёный, долгополый сюртукъ, загрязненные сапоги, небрежно повязанный платокъ на шеѣ, сплятая шляпа и трость въ рукѣ — таковъ былъ обычный костюмъ Князя въ прогулкахъ по городу. Даже являясь къ Императрицѣ, въ французскомъ кафтанѣ, при всёмъ щегольскомъ нарядѣ придворнаго, Князь не замѣчалъ иногда осунувшихся чулковъ и оборвавшихся пряжекъ на башмакахъ. Въ обращеніи былъ онъ простъ, и даже нѣсколько неловокъ и тяжолъ; въ разговорахъ то веселъ, то задумчивъ и часто любилъ разгонять свою скуку самыми простыми бесѣдами. Прогуливаясь безвѣстно по петербургскимъ улицамъ, свѣтлѣйшій любилъ заводить знакомства съ простолюдинами, вникалъ въ ихъ бытъ, справлялся объ ихъ нуждахъ, изучалъ необходимости низшаго класса и по своей приближонности къ Императрицѣ можетъ-быть не мало способствовалъ къ изданію тѣхъ мудрыхъ постановленій, которыми Екатерина облагодѣтельствовала и среднія сословія своей обширной имперіи. Не рѣдко, возвращаясь домой, князь Александръ Андреевичъ дѣлался даже адвокатомъ и заступникомъ своихъ уличныхъ знакомыхъ, и они, избавляемые то отъ тягостныхъ процессовъ, то отъ несправедливыхъ притѣсненій и самой бѣдности, не знали — кто ихъ невѣдомый благодѣтель и кого должны они были благодарить за полученныя блага. Люди приближонные къ нему: секретари, чиновники и служители были щедро имъ награждаемы и, въ этомъ отношеніи, онъ смѣло могъ подать въ великодушіи руку извѣстному графу Разумовскому. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое близкое столкновеніе съ бѣдностію, какое встрѣчалось князю Безбородко имѣть въ отдалённыхъ кварталахъ Петербурга, безвѣстность ея положенія въ столицѣ, наполненной роскошью и всѣми способами помочь ей, и мысль о томъ, что же должна терпѣть бѣдность отдалённая, провинціальная, и была поводомъ къ тому пожертвованію, которое свѣтлѣйшій сдѣлалъ предъ смертію и которое, безъ его сознанія, получило такое высокое, безсмертное осуществленіе въ рукахъ его наслѣдника. Но князь Александръ Андреевичъ былъ человѣкъ — и этого уже довольно, чтобы ему ни что человѣческое не было чуждо. И онъ, какъ и прочіе, какъ и многіе великіе люди, имѣлъ свои слабости и свои страсти, но онѣ никому не дѣлали вреда, никто не роптал на нихъ и потому потомство, за столькое ему обязанное, должно судить о нёмъ только по перевѣсу его добрыхъ и полезныхъ дѣлъ. Утомлённый важными своими занятіями, князь Александръ Андреевичъ часто любилъ отдыхать «на розахъ нѣги», но никогда однако жь не былъ сибаритомъ, упоённымъ одною чувственностію. Давая истинно-лукулловскія пиршества, самъ онъ никогда не предавался пресыщенію; имѣя подвалы, ломившіеся отъ дорогихъ, избранныхъ винъ, онъ постоянно отличался умѣренностію; простыя, національныя малороссійскія кушанья были его любимыми блюдами, свѣжую невскую воду предпочиталъ онъ всевозможнымъ напиткамъ; но одинъ Богъ безъ грѣха, говорятъ

старинная русская поговорка — и императрица Екатерина, высоко цѣнившая добродѣтели и умѣвшая снисходить къ слабостямъ человѣческимъ, часто журила Князя за его *bonnes fortunes*. Вотъ и всё, что можно сказать про слабости князя Александра Андреевича. Про добро же, сдѣланное имъ, говоритъ Нѣжинъ, говоритъ цѣлая Малороссія и этого довольно, чтобы память Свѣтлѣйшаго была навсегда почтена.

В. Толбинъ.

II.

ГРАФЪ И. А. БЕЗБОРОДКО.

Графъ Илья Андреевичъ Безбородко, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, С.-Петербургскій предводитель дворянства, кавалеръ орденовъ: Св. Владиміра 1-й степени, Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1-го класса, Св. Георгія 3-й степени, имѣвшій золотую, алмазами украшенную шпагу съ надписью: «за храбрость», меньшой братъ князя Александра Андреевича и благоразумный исполнитель его послѣдней воли, родился въ томъ же родовомъ ихъ имѣніи селѣ Стольномъ, близь Глухова, 16-го февраля 1756 года, и въ 1771 году, на шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, вступилъ уже въ военную службу.

Въ біографіи графа, составленной Бантышъ-Каменскимъ, не сказано, въ какой именно полкъ опредѣлился Илья Андреевичъ, но нѣтъ ничего вѣрнѣе, что въ одинъ изъ тѣхъ, которыми уже начальствовалъ братъ его Александръ Андреевичъ. Вѣроятно также и тò, что онъ участвовалъ въ однихъ и тѣхъ же сраженіяхъ противъ турокъ въ 1773 и 1774 годахъ, въ которыя водилъ свои малороссійскія, нѣжинскія и кіевскія дружины будущій князь и канцлеръ Россійской Имперіи. Огромное, возрастающее вліяніе князя Александра Андреевича и существенныя услуги, оказанныя имъ уже и въ то время отечеству, отразились и на меньшомъ братѣ. Въ 1785 году двадцатидевятилѣтній Илья Андреевичъ былъ уже бригадиромъ, членомъ главной провіантской коммисіи и кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени, ордена жалуемаго тогда, какъ и нынѣ, съ большою осмотрительностію и за заслуги важныя; но за какія именно получилъ этотъ орденъ Илья Андреевичъ — къ сожалѣнію не извѣстно. Въ слѣдующемъ году онъ произведёнъ былъ въ генералъ-маіоры, оставаясь постоянно членомъ той же главной провіантской коммисіи до 1790 года. Но вспыхнула вторая Турецкая война — и Илья Андреевичъ, покинувъ бюрократическое и счётное начальствованіе, поспѣшилъ подъ начальство Суворова, котораго военный геній былъ вполнѣ уже понятъ Императрицею.

Наступило 11-е декабря, памятно-грозный день паденія Измаила. Русскія войска, по распоряженію главнокомандующаго раздѣлённыя на двѣ части, должны были идти на приступъ крѣпости, комендантомъ ко-

торой Суворовъ впередъ уже назначилъ Кутузова. Графу Ильѣ Андреевичу поручено было Кутузовымъ командованіе четвёртою и пятою колоннами лѣваго фланга. На долю этихъ колоннъ палъ самый важный и опасный подвигъ: имъ приходилось быть впереди, подавать первымъ примѣръ самоотверженія и отважности прочимъ. Илья Андреевичъ, не смотря на сильный перекрестный огонь, поражавшій охотниковъ справа и слѣва, достигнулъ во главѣ своего отряда крѣпостнаго рва, наполненнаго водою, овладѣлъ бастіономъ и, тяжело раненый въ руку, не прежде сдалъ команду бригадиру Платову, какъ совершенно ослабнувъ отъ истеченія крови. Донося императрицѣ Екатеринѣ II о взятіи Измаила и превознося Кутузова, который «шолъ у него на лѣвомъ крылѣ, но былъ правою его рукою», Суворовъ не позабылъ въ своёмъ донесеніи и графа Илью Андреевича. Мужественное его самоотверженіе было награждено (25-го марта 1791 года) военнымъ орденомъ Св. Великомученника Георгія 3-го класса, Анненскою лентой и, кромѣ этого, въ день торжества мира съ Турціей, 2-го сентября 1793 года, золотою шпагой, украшенною алмазами, съ надписью «за храбрость».

По постановленный мирный договоръ съ Портою не прекратилъ нашихъ военныхъ дѣйствій — и графу Ильѣ Андреевичу открылся новый случай завоёвывать себѣ новую славу. Россіи предстояло смирить Польшу, раздираемую внутренними раздорами и мятежомъ — и русскія войска, подъ предводительствомъ двухъ генераловъ, Кречетникова и Каховскаго, двинулись въ Польшу и Литву. Графъ Илья Андреевичъ, только-что излечившійся отъ полученной раны, поспѣшилъ присоединиться къ дѣйствующей арміи. Совершивъ весь польскій походъ, онъ закончилъ его въ 1794 году, подъ личнымъ начальствомъ Суворова, знаменитымъ приступомъ Варшавы, причёмъ, какъ и въ турецкую кампанію, не щадилъ жизни, бросался во всѣ опасности, но вышелъ невредимъ и былъ произведёнъ за отличіе (1-го января 1795 года) въ генералъ-поручики. Императоръ Павелъ I, цѣня способности и личную храбрость графа Ильи Андреевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благоволя къ высокимъ государственнымъ доблестямъ князя Александра Андреевича, пожаловалъ ему въ день своего коронованія, 5-го апрѣля 1797 года, орденъ Св. Александра Невскаго, а въ слѣдующемъ году произвёлъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначилъ сенаторомъ. Осыпанный вниманіемъ и милостію двухъ монарховъ, сопричисленный къ графамъ Римской имперіи императоромъ Іосифомъ II, высоко уважавшимъ дипломатическія заслуги князя Александра Андреевича, графъ Илья Андреевичъ не оставленъ былъ и милостями императора Александра Благословеннаго. Мудрый и высокоблаготворительный подвигъ, облагодѣтельствовавшій цѣлый край и обогатившій Малороссію недостававшимъ ей правильнымъ, энциклопедическимъ просвѣщеніемъ, доставилъ ему, 29-го іюля 1805 года, орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-го класса, при самомъ лестномъ рескриптѣ Императора.

Было уже сказано, что князь Александръ Андреевичъ умеръ бездѣтнымъ и всё его огромное имѣніе, полученное отъ щедротъ императрицы Екатерины II и императора Павла I, досталось, какъ прямому

наслѣднику, графу Ильѣ Андреевичу, безъ всякой духовной, безъ всякихъ, облечённыхъ въ законную форму, распоряженій, по которымъ бы слѣдовало необходимо исполнить и осуществить послѣднюю волю покойнаго. Одна только простая записка, найденная въ бумагахъ канцлера, въ которой онъ изъявлялъ желаніе, чтобы въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ, по его смерти, вносимо было каждогодно въ Воспитательный Домъ *въ пользу богоугодныхъ заведеній* по десяти тысячъ рублей, а по истеченіи этого времени, въ теченіи восьми лѣтъ, по двадцати тысячъ рублей, что составляло съ процентами до двухъ сотъ дес. 3 тысячъ — руководила графа Илью Андреевича совершить дѣло безпримѣрное по своей вѣковѣчной пользѣ. Разсудивъ и обдумавъ, что нигдѣ нельзя лучше употребить назначенную сумму съ большею пользою, какъ на родинѣ завѣщателя-брата, и зная, что попеченіемъ правительства довольно уже основано въ томъ краю пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, графъ Илья Андреевичъ почёлъ благоразумнѣе употребить суммы, опредѣлённыя старшимъ братомъ, на учрежденіе въ Нѣжинѣ Училища Высшихъ Наукъ. Такого училища ещё не существовало въ Малороссіи. Въ особенности, было оно благодѣтельно для дворянъ, а также и для другихъ сословій молодыхъ людей, неимѣвшихъ, по своему недостаточному состоянію, способовъ къ приличному образованію. Преслѣдуемый этою полезною мыслію, графъ Илья Андреевичъ уступилъ въ пользу задуманнаго учебнаго заведенія принадлежавшее ему въ этомъ городѣ мѣсто съ огромнымъ садомъ, прибавивъ къ опредѣлённымъ уже княземъ Безбородко двухъ-стамъ-десяти тысячамъ рублямъ, изъ собственныхъ своихъ доходовъ, *на вѣчныя времена* ежегодно по пятнадцати-тысячъ рублей ассигнаціями. Вѣрный платёжъ этой суммы, во всеподданнѣйшемъ прошеніи Государю Императору, графъ обезпечилъ тремя-тысячами душъ, съ непремѣннымъ обязательствомъ, какъ за себя, такъ и за своихъ наслѣдниковъ, на вѣчныя времена. Пожертвованіе, сдѣланное графомъ Ильёй Андреевичемъ, видимо превышало благотворительное завѣщаніе князя Безбородко, но скромный и не честолюбивый, не желавшій для себя ни малѣйшей части общественной благодарности и относя всё будущее благо Малороссіи единственно къ мыслѣ, мелькнувшей первоначально въ умѣ покойнаго канцлера, графъ Илья Андреевичъ, испрашивая у Государя Императора дозволеніе на учрежденіе училища, поставилъ для себя первою обязанностію имѣть право именовать его: Гимназіею Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Одобривъ это патріотическое пожертвованіе и утвердивъ за Гимназіею просимое графомъ Ильёй Андреевичемъ наименованіе, императоръ Александръ I повелѣлъ: поставить въ залѣ собранія гимназіи бюсты обоихъ учредителей съ надписью подъ ними, что это сдѣлано «отъ Него имъ въ память». «Дабы бюсты сіи», какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату объ открытіи Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ: «были залогомъ общей признательности къ столь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества». Бывшій сослуживецъ покойнаго свѣтлѣйшаго князя Безбородко ещё по канцеляріи графа Румянцова-Задунайскаго, а въ то время — первый ещё въ Россіи министръ Народнаго

Просвѣщенія графъ Завадовскій немедленно объявилъ графу это Высочайшее соизволеніе. Выраженная мысль не долго оставалась безъ осуществленія. Графъ Илья Андреевичъ, достойный, не менѣе своего брата, именоваться истиннымъ благодѣтелемъ Малороссіи, дѣятельно слѣдилъ за приведеніемъ ея къ концу и въ 1820 году Гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко была уже открыта, на всѣхъ правахъ прочихъ высшихъ училищъ, существовавшихъ въ то время въ Россіи.

Приложивъ такъ мудро къ дѣлу благотворительную мысль своего брата, графъ Илья Андреевичъ, болѣе чѣмъ прочими своими гражданскими и военными подвигами, навсегда увѣковѣчилъ имя своё не только въ возрождённой имъ къ новой умственной жизни Малороссіи, но и въ цѣлой Россіи. Графъ Илья Андреевичъ скончался въ С.-Петербургѣ 3-го іюня 1815 года на шестидесятомъ году отъ рожденія въ почётномъ званіи предводителя дворянства С.-Петербургской губерніи и похоронёнъ также въ Александроневской лаврѣ, въ церкви Св. Духа. На томъ мѣстѣ, гдѣ покоится онъ, на мѣдной доскѣ, вдѣланной въ стѣну, находится слѣдующая надпись: «Здѣсь погребёнъ графъ Илья Андреевичъ Безбородко, санктпетербургскій губернскій предводитель дворянства и орденовъ россійскихъ Св. Владиміра 1-й степени большаго креста, Св. Александра Невскаго, Св. Георгія 3-го класса кавалеръ; родился 1756 года февраля 16-го, скончался 1815 года іюня 3-го дня; жилъ 59 лѣтъ 3 мѣсяца и 18 дней.» Въ той же церкви погребена супруга его, графиня Анна Андреевна, урождённая Ширяева, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины меньшаго креста, родившаяся 1765 году 9-го сентября и скончавшаяся 27-го іюля 1824 года. Огромное имѣніе графа Ильи Андреевича перешло къ двумъ его дочерямъ, изъ которыхъ одна была въ замужествѣ за адмираломъ графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Кушелевымъ, а другая — за генералъ-маіоромъ княземъ Александромъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Старшій сынъ первой дочери графа Ильи Андреевича тайный совѣтникъ, сенаторъ и камергеръ графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ получилъ отъ блаженной памяти государя императора Александра I позволеніе принять на себя, прекратившуюся въ мужескомъ колѣнѣ, фамилію Безбородко и вмѣстѣ съ этимъ повелѣно было пользоваться всегда старшему въ этомъ родѣ званіемъ почётнаго попечителя Лицея Князя Безбородко.

Не обладая вполнѣ тѣмъ гибкимъ и проницательнымъ умомъ, которымъ ознаменовалъ себя покойный Канцлеръ, графъ Илья Андреевичъ отличался добротою характера, отсутствіемъ всякаго щепетильнаго тщеславія, ласковостію, обходительностію и твёрдымъ, безропотнымъ христіанскимъ смиреніемъ, которое доказалъ онъ въ продолженіе своей тяжкой, предсмертной, шестинедѣльной болѣзни. Нравственнымъ девизомъ графа Ильи Андреевича была любовь и помощь ближнему, и это постоянное его правило ни что не подтверждаетъ такъ наглядно, какъ его великое дѣло, пользу котораго надолго, навсегда, не перестанетъ ощущать Малороссія.

В. Толбинъ.

III.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ КУШЕЛЕВЪ-БЕЗБОРОДКО.

Великія историческія эпохи не проходятъ безслѣдно въ исторіи народовъ. Полныя движенія, шума и блеска, онѣ выдвигаютъ на историческую сцену людей съ громадными силами и громадными способностями. Эти люди вѣка дѣйствуютъ, борются, жертвуютъ собой, совершаютъ великіе подвиги или заблуждаются — и, сходя со сцены, уступая въ свою очередь мѣсто послѣдующимъ поколѣніямъ, даютъ имъ почву уже подготовленную. И на этой почвѣ выростаютъ новые историческіе дѣятели, избирающіе иной путь, иное поприще для своей общественной дѣятельности, но тѣсно связанные съ предшествующею великою эпохою и родовыми преданіями, и семейными нравами, и общественнымъ положеніемъ.

Эта историческая «преемственность», связывающая двѣ близкія эпохи, воплощающая историческихъ дѣятелей въ ихъ потомствѣ — особенно рѣзко выясняется намъ въ той тѣсной связи, которую мы находимъ между вѣкомъ Екатерины и вѣкомъ Александра I. «Екатерининскіе орлы» — эти цѣльные, непосредственные, вполнѣ русскіе люди, эти истые представители своего вѣка, блиставшіе умомъ и талантами, упоённые славою, одинаково-мощно проявлявшіеся и въ трудѣ, и въ разгулѣ, и въ дурномъ, и въ великомъ — произвели въ потомствѣ своёмъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей Александровской эпохи. Къ числу такихъ именно дѣятелей принадлежитъ графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, и по рожденію, и по воспитанію своему принадлежавшій Александровской эпохѣ, а по женской линіи тѣсно связанный съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ Екатерининскихъ вельможъ — свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Андреевичемъ Безбородко.

Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ и искуснѣйшій дипломатъ Екатерининскаго времени, по справедливому замѣчанію графа Сегюра «скрывавшій въ своёмъ тучномъ тѣлѣ тончайшій умъ» — умеръ бездѣтнымъ въ 1799 году. По кончинѣ князя, родной братъ его, графъ Илья Андреевичъ Безбородко, одинъ изъ сподвижниковъ Суворова, получилъ въ наслѣдство всё его колоссальное состояніе — громадный капиталъ, около сорока тысячъ душъ крестьянъ въ лучшихъ и плодороднѣйшихъ губерніяхъ, и богатѣйшую движимость: бриллiанты, груды серебра и золота, обширную картинную галлерею, драгоцѣннѣйшіе гобелены, полученныя покойнымъ канцлеромъ въ подарокъ отъ царственныхъ особъ, и не менѣе драгоцѣнные запасы старинной мебели и другихъ предметовъ

роскоши XVIII вѣка, которые князь Безбородко цѣлыми кораблями выписывалъ изъ Франціи въ первые годы революціи.

Графъ Илья Андреевичъ Безбородко, не обладавшій гибкимъ и обширнымъ умомъ брата, былъ только храбрый солдатъ и добрый человѣкъ. Унаслѣдовавъ отъ брата его громадное состояніе, онъ не унаслѣдовалъ, вмѣстѣ съ состояніемъ, широкой натуры и роскошныхъ привычекъ покойнаго канцлера, который любилъ соперничать въ блескѣ съ великолѣпнымъ княземъ Тавриды. Вотъ почему всё состояніе князя А. А. Безбородко перешло по смерти графа Ильи Андреевича Безбородко, умершаго въ 1815 году, къ двумъ дочерямъ его: Клеопатрѣ Ильиничнѣ, бывшей въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ княземъ Александромъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и Любовь Ильиничнѣ, выданной замужъ за адмирала графа Григорія Григорьевича Кушелева. Отъ этого-то послѣдняго брака и родился графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, которому мы посвящаемъ настоящій біографическій очеркъ.

Графиня Любовь Ильинична Безбородко была одною изъ первыхъ красавицъ при дворѣ Павла I, и свѣтлѣйшій князь, ея дядя, любуясь и гордясь ею, не разъ говаривалъ: «для моей племянницы нѣтъ жениха». Но женихъ нашолся.

Въ послѣдній годъ царствованіи Павла Петровича особенною его милостію и полнымъ довѣріемъ пользовался генералъ-адмиралъ графъ Г. Г. Кушелевъ. Наградивъ его графскимъ титуломъ, пожаловавъ его громадными помѣстьями, пылкій Императоръ, сильно привязавшійся къ нему, искалъ возможности ещё чѣмъ-нибудь доказать ему свою пріязнь и расположеніе. Онъ вздумалъ подыскать ему и невѣсту, достойную его, и выборъ его палъ на графиню Любовь Ильиничну Безбородко. Недолго думая, Императоръ высваталъ её за своего любимца и самъ великолѣпно отпраздновалъ его свадьбу въ Зимнемъ дворцѣ. Здѣсь и родился графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ, первенецъ этого брака (4-го сентября 1800 года). Вскорѣ послѣ того, въ ночь на 11-ое марта 1801 года, скончался Императоръ Павелъ, обстоятельства политическія круто повернули въ другую сторону — и любимецъ покойнаго Императора, подъ предлогомъ тяжкаго недуга, принужденъ былъ удалиться изъ Петербурга въ свои помѣстья. Онъ избралъ мѣстопребываніемъ своимъ знаменитые *Краснопольцы* (Псковской губерніи, Холмскаго уѣзда) и тамъ въ своёмъ громадномъ и великолѣпномъ дворцѣ провёлъ почти безвыѣздно всю остальную жизнь, держась въ сторонѣ не только отъ новой дворской среды, но даже и вообще отъ столичной жизни. Самую столицу графъ Григорій Григорьевичъ посѣщалъ рѣдко и то только для свиданія съ своею свояченицей, княгиней Клеопатрой Ильиничной Лобановой-Ростовской. Ея-то попеченіямъ предоставилъ онъ и воспитаніе своихъ сыновей — Александра и Григорія.

Княгиня не жила въ самомъ городѣ, а въ подгородномъ имѣніи Полюстрово, нѣкогда принадлежавшемъ дядѣ ея, свѣтлѣйшему князю А. А. Безбородко. Кто знаетъ нынѣшнее Полюстрово и нынѣшнюю Кушелевку, давно уже слившіеся съ городомъ и въ настоящее время забытые и заброшенные уголки окраинъ огромной столицы, тому, ко-

нечно, и въ голову не прійдётъ, что Полюстрово было любимымъ мѣстопребываніемъ одного изъ самыхъ роскошныхъ вельможъ Екатерининскаго царствованія. Князь А. А. Безбородко ничего не жалѣлъ на устройство этого подгороднаго имѣнія: онъ выстроилъ въ нёмъ великолѣпный дворецъ, развёлъ около дворца садъ и паркъ, которые въ маломъ видѣ повторяли общій планъ Царскосельскаго сада. Здѣсь онъ самъ разбивалъ аллеи, придумывалъ украшенія, гроты, мостики и «сюрпризы»; сюда выписывалъ онъ изъ-за границы рѣдкія деревья и растенія, мраморныя группы, бюсты и статуи. Полюстрово было однимъ изъ «капризовъ» свѣтлѣйшаго, его слабостью, и онъ даже не прочь былъ похвастать своимъ Полюстровскимъ уединеніемъ передъ тою толпою знати и гостей всякаго рода, которую онъ, въ часы досуга, любилъ созывать къ себѣ въ Полюстрово, и угощалъ и тѣшилъ здѣсь съ истинно-царственной роскошью.

Племянница свѣтлѣйшаго, княгиня Клеопатра Ильинична, которой досталось на долю Полюстрово, продолжая поддерживать дядино имѣнье, увлеклась въ нёмъ другою стороною: она завела въ немъ обширное хозяйство и всѣми силами старалась довести его до возможнаго совершенства.

Здѣсь-то, въ Полюстровскомъ дворцѣ, среди «громкихъ воспоминаній вѣка Екатерины» росъ дитятей графъ Александръ Григорьевичъ и въ душу ребёнка должны были западать впечатлѣнія, которыя въ значительной степени повліяли потомъ на его жизнь. Онъ съ одной стороны видѣлъ около себя остатокъ былого великолѣпія, славы и блеска, съ другой — тихую, семейную жизнь, постоянныя заботы о хозяйствѣ, объ улучшеніяхъ его различныхъ отраслей, о мельчайшихъ подробностяхъ его. Серьёзному и простому направленію въ воспитаніи молодого графа много способствовалъ не только нанятый княгинею-тетушкой гувернеръ-швейцарецъ, но и тѣ наставленія, которыя, вѣроятно, слышалъ ребёнокъ отъ отца, когда тотъ изъ своихъ Краснополицъ наѣзжалъ въ Полюстровскій дворецъ и гостилъ у своей свояченицы, присматриваясь къ воспитанію, которое получали его дѣти въ домѣ Клеопатры Ильиничны. Заключаемъ о вліяніи, оказанномъ на воспитаніе молодыхъ графовъ отцомъ, по той обширной и замѣчательной перепискѣ стараго графа съ старшимъ сыномъ, Александромъ Григорьевичемъ, которая, по счастію, сохранилась до нашего времени и отчасти служитъ для насъ ключёмъ къ разгадкѣ такого замѣчательнаго историческаго характера, какъ графъ Александръ Григорьевичъ.

Есть основаніе думать, что старый графъ Кушелевъ былъ доволенъ воспитаніемъ, которое его сыновья получали въ домѣ его свояченицы, потому-что онъ оставилъ ихъ тамъ до самаго поступленія въ учебное заведеніе, подъ руководствомъ всё того же швейцарца-воспитателя и подъ надзоромъ стараго дядьки, который не разъ имѣлъ случай докладывать графу, что «старшій его сынъ къ ученью охочъ и пристрастенъ» и удивляетъ нѣмца «своей памятью, сообразительностью и твёрдымъ характеромъ».

Выборъ заведенія, въ которое бы могъ поступить талантливый маль-

чикъ, вѣроятно затруднилъ бы и графа, и его свояченицу, если бы въ то время, когда мальчикъ достигъ одиннадцати-лѣтняго возраста, не открылось заведеніе вполнѣ приспособленное къ воспитанію современнаго юношества.

Но прежде, чѣмъ мы коснёмся того времени, которое юный графъ Александръ Григорьевичъ провёлъ въ учебномъ заведеніи, намъ придётся вернуться нѣсколько назадъ и упомянуть здѣсь о фактѣ, который имѣлъ впослѣдствіи весьма важное значеніе въ общественной дѣятельности графа Александра Григорьевича.

Съ воцареніемъ юнаго Императора Александра Перваго наступила для Россіи эпоха преобразованій, которыхъ уже давно и нетерпѣливо ожидала Россія. Преобразованія эти, начавшіяся учрежденіемъ министерствъ, не замедлили коснуться и системы народнаго просвѣщенія, болѣе всего нуждавшейся въ коренныхъ измѣненіяхъ. Сначала явились «Предварительныя правила 1803 года», а затѣмъ въ 1804 году «Уставъ учебныхъ заведеній», вносившій уже нѣкоторую стройность въ ту систему низшаго, средняго и высшаго образованія, которое могло быть доступно русскому учащемуся юношеству. Но система эта ещё не скоро могла дать дѣятелей, которые бы удовлетворили современной потребности въ образованныхъ и свѣдущихъ чиновникахъ — потребности, вызванной массою перемѣнъ въ администраціи и законодательствѣ. Тогда-то и зародилась въ высшихъ сферахъ идея созданія такого особаго, исключительнаго рода учебно-воспитательныхъ заведеній, къ которымъ бы дворянство могло отнестись съ бо́льшимъ довѣріемъ, нежели къ гимназіямъ, «благодѣтельными попеченіями высшаго правительства открытымъ для людей всякаго состоянія». Ни Московскій университетскій благородный пансіонъ, ни іезуитскія коллегіи не удовлетворяли болѣе общество. Желали такихъ заведеній, которыя бы составляли нѣчто среднее между гимназіей и университетомъ и, по курсу будучи выше гимназій, давали бы однако-же воспитанникамъ возможность оканчивать курсъ въ болѣе ограниченное количество лѣтъ, доставляли имъ обезпеченное положеніе по службѣ. Изъ этого стремленія и народились наши лицеи: Царскосельскій, Нѣжинскій, Одесскій и Ярославскій — теперь давно уже отжившіе свой вѣкъ и представляющіе странную аномалію въ нынѣшней системѣ просвѣщенія Россіи. Въ такое время, полное новыхъ вѣяній и просвѣтительныхъ идей, графъ Илья Андреевичъ Безбородко, при разборѣ бумагъ своего «свѣтлѣйшаго» брата, нашолъ записку, въ которой означено было желаніе покойнаго, чтобы изъ доходовъ съ его имѣній взносимо было въ Воспитательный Домъ «въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ по смерти его по 10,000 рублей, а по истеченіи сего времени, черезъ восемь лѣтъ, по 20,000 рублей; проценты-же, собираемые съ сихъ суммъ по взносѣ обращаемы были въ пользу богоугодныхъ заведеній».

Отыскавъ эту записку и спѣша привести въ исполненіе волю покойнаго брата, графъ Илья Андреевичъ подалъ Государю 19-го іюля 1805 года всеподданнѣйшую записку, въ которой, очевидно уже подъ вліяніемъ новой эпохи, предлагалъ нѣсколько видоизмѣнить назначеніе суммъ, завѣщанныхъ знаменитымъ канцлеромъ.

Полагая, что «пожертвованіе сіе ни гдѣ удобнѣе употреблено быть не можетъ, какъ въ Малороссіи, отчизнѣ покойнаго брата», графъ Илья Андреевичъ добавлялъ однако-же въ своей запискѣ слѣдующее: «находя, что попеченіемъ правительства въ семъ краю уже основано и ещё предназначается довольно пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, я сужу, что *всего удобнѣе и съ видами Вашего Императорскаго Величества въ распространеніи просвѣщенія сообразнѣе* быть можетъ устроить въ Малороссіи на счётъ сего пожертвованія училище высшихъ наукъ, которое здѣсь ещё не существуетъ и отъ котораго можно ожидать великой пользы, какъ для всѣхъ, такъ особливо для тѣхъ неимущихъ дворянъ и другого состоянія молодыхъ людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованіи себя и коимъ, съ учрежденіемъ сего заведенія, открыться можетъ новое средство къ приготовленію себя на службу Вашего Императорскаго Величества».

Въ заключеніе своей записки, графъ, «соотвѣтственно волѣ покойнаго брата и собственному усердію къ общему благу», всеподданнѣйше испрашивалъ: 1) «чтобы училище сіе было устроено въ Нѣжинѣ» и 2) «чтобы оно наименовано было гимназіей высшихъ наукъ».

Къ пожертвованіямъ канцлера благодушный графъ прибавилъ отъ себя новыя пожертвованія, подарилъ вновь учреждаемому заведенію мѣсто съ садомъ, принадлежавшее ему въ Нѣжинѣ, и обезпечилъ будущность заведенія доходами со своего недвижимаго имѣнія въ 3,000 душъ, состоявшаго въ Малороссіи. Императоръ милостиво принялъ пожертвованіе, благодарилъ жертвователя и разрѣшилъ открыть то заведеніе, на которое онъ жертвовалъ такія значительныя средства. Приступлено было даже къ постройкѣ обширнаго зданія, въ которомъ это новое дѣтище русскаго просвѣщенія должно было помѣщаться. Но зданіе строилось такъ вяло и медленно, что щедрый жертвователь скончался въ іюнѣ 1815 года, не дождавшись открытія гимназіи высшихъ наукъ и даже пять лѣтъ спустя послѣ его смерти уставъ новаго заведенія всё ещё оставался не утверждённымъ.

Такая медленность не удивитъ насъ, если мы примемъ въ соображеніе, что самый идеалъ заведенія, подобнаго «Гимназія высшихъ наукъ», ещё не былъ выработанъ въ ту пору, когда графъ И. А. Безбородко представилъ Государю свою записку и просилъ принять пожертвованіе, соотвѣтствовавшее его «усердію къ общему благу». Идеалъ этотъ созрѣлъ только гораздо позже и нашолъ себѣ выраженіе въ томъ Царскосельскомъ лицеѣ, который былъ долгое время любимымъ дѣтищемъ Императора Александра и постояннымъ предметомъ его нѣжнѣйшихъ заботъ и попеченій.

Есть основаніе думать, что между пожертвованіемъ графа И. А. Безбородко и основаніемъ Царскосельскаго лицея существуетъ нѣкоторая отдалённая связь въ томъ именно смыслѣ, что гласно заявленная графомъ потребность въ учрежденіи высшаго образовательнаго заведенія для Малороссіи заставила нѣсколько ускорить учрежденіе подобнаго же заведенія въ столицѣ. Въ свою очередь нельзя отрицать и того несомнѣн-

наго факта, что Царскосельскій лицей послужилъ типомъ, на основаніи котораго созданы были и всѣ остальныя, подобныя ему высшія учебныя заведенія въ другихъ мѣстахъ Имперіи. Этой преемственности много способствовало и то обстоятельство, что будущій покровитель и дѣйствительный основатель Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ самъ получилъ воспитаніе въ заведеніи, тѣсно связанномъ съ Царскосельскимъ лицеемъ — въ лицейскомъ пансіонѣ, въ который, дѣйствительно, на одиннадцатомъ году и былъ помѣщёнъ отцомъ графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ.

Проэктъ «Образованія Лицея», написанный, какъ кажется, Лагарпомъ, былъ переданъ Государемъ въ 1810 году графу А. К. Разумовскому по вступленіи его въ должность министра народнаго просвѣщенія; вмѣстѣ съ тѣмъ выражено было министру и желаніе основать Лицей «съ цѣлію образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной и составляемаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій».

Графъ Разумовскій отнёсся очень серьёзно къ вопросу объ основаніи такого важнаго общеобразовательнаго заведенія и, разсмотрѣвъ проэктъ, переданный ему Государемъ, изложилъ своё мнѣніе о нёмъ въ «всеподданнѣйшей запискѣ», которая представляетъ много замѣчательнаго и любопытнаго и весьма наглядно рисуетъ намъ потребности современнаго общества и отчасти идеалъ того образованія, которое почиталось необходимымъ для государственныхъ дѣятелей въ Александровскую эпоху. «Знанія, всякому благовоспитанному приличныя», говоритъ графъ въ своей запискѣ «надлежитъ различать отъ наукъ, въ особенности нужныхъ только нѣкотораго состоянія людямъ. Но въ начертаніи Лицея на сіе вниманіе не обращено. Предписывается въ нёмъ обучать, напримѣръ, химіи, астрономіи и другимъ отвлечённѣйшимъ частямъ математики. *Нужны-ли науки сіи министру, судьѣ, дипломату и другимъ состояніямъ обыкновенной гражданской службы?* Нѣтъ сомнѣнія, что и между воспитанниками Лицея будутъ рѣдкіе таланты, кои, по особенной склонности, могутъ углубиться въ сіи науки; но таковымъ открытъ путь въ университетъ, «гдѣ преподаютъ науки во всей обширности. Исторія мнѣній философскихъ о душѣ, идеяхъ и мірѣ, *большею частью нелѣпыхъ* и противорѣчащихъ между собою, не озаряетъ ума полезными истинами, но помрачаетъ заблужденіями и недоумѣніями. Естественную исторію нарочитымъ образомъ и въ обширности преподавать такому роду юношества, котораго воспитаніе имѣетъ другое, а не учоное назначеніе, излишне. Греческій языкъ, также нуженъ состоянію учоному, а въ государственной службѣ, по многимъ отношеніямъ, несравненно нужнѣе языкъ нѣмецкій, который въ Лицеѣ вовсе не полагается».

Въ виду всѣхъ этихъ сторонъ проэкта, графъ Разумовскій испрашивалъ разрѣшенія Государя на составленіе новаго проэкта, который былъ имъ дѣйствительно вскорѣ представленъ Государю и удостоился Высочайшаго одобренія. Проэктъ этотъ принадлежалъ перу извѣстнаго учонаго переводчика древнихъ классиковъ И. И. Мартынова, въ то время бывшаго директоромъ департамента министерства народнаго про-

свѣщенія, былъ написанъ имъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ графа и при участіи со стороны знаменитаго Сперанскаго. Многіе пункты проэкта были измѣнены самимъ Государемъ. При этомъ новому заведенію дано первостепенное значеніе; въ постановленіи о Лицеѣ сказано, что Лицей и члены его пріемлются подъ особое Его Императорскаго Величества покровительство, «состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, а въ правахъ и преимуществахъ — совершенно равняются съ россійскими университетами».

Программа Лицея составлена была разумно и притомъ сообразована съ потребностями времени. Всѣ могли ожидать, что воспитаніе въ Лицеѣ будетъ отличное; да и кромѣ того многое привлекало къ новому заведенію: его преимущества, вниманіе, оказанное ему Государемъ, даже помѣщеніе Лицея въ царскихъ покояхъ, въ любимомъ мѣстопребываніи Императора. Желающихъ явилось много — и Лицей, какъ извѣстно, былъ торжественно открытъ 19-го октября 1811 года.

Но графъ Разумовскій, постоянно и неусыпно заботившійся «о прочномъ основаніи въ возникавшемъ Лицеѣ того устройства, которое содѣлываетъ сіё заведеніе почти единственнымъ въ своёмъ родѣ», вскорѣ увидѣлъ и вполнѣ понялъ тѣ неудобства, какія встрѣтились въ Лицеѣ, послѣ перваго пріёма, отъ неравенства въ развитіи и кругѣ познаній вступившихъ въ него юношей. Въ виду устраненія подобныхъ неудобствъ, графъ пришолъ къ мысли объ учрежденіи приготовительнаго заведенія, которое бы могло снабжать Лицей отличнѣйшими учениками. При этомъ имѣлась въ виду и другая цѣль — «доставить россійскому дворянству новый способъ образовать дѣтей своихъ, не отдавая ихъ въ частные пансіоны, по большей части содержимые иностранцами и не соотвѣтствующіе цѣли благороднаго воспитанія». Проэктъ Разумовскаго объ учрежденіи благороднаго пансіона при Лицеѣ вскорѣ и былъ приведёнъ имъ въ исполненіе, хотя офиціальное утвержденіе его, замедленное бурными историческими событіями 1812 — 1813 годовъ, послѣдовало не ранѣе 27-го января 1814 года.

Благородный лицейскій пансіонъ, въ который съ самаго его основанія поступилъ и графъ А. Г. Кушелевъ, былъ неразрывно связанъ съ Лицеемъ и долженъ былъ служить ему разсадникомъ. Изъ этого разсадника только отличнѣйшіе ученики могли перейти въ Лицей, съ успѣхомъ окончивъ трёхъ-лѣтній курсъ ученія въ пансіонѣ. Курсъ ученія въ пансіонѣ ничѣмъ не отличался отъ курса ученія въ Лицеѣ (въ младшихъ трёхъ классахъ), а въ послѣдствіе пансіонъ пріобрѣлъ даже значеніе заведенія самостоятельнаго, изъ котораго менѣе успѣвавшіе ученики, неудостоенные перевода въ Лицей, могли даже выходить на службу съ опредѣлёнными правами. Главною и отличительною стороною пансіонскаго быта было то же самое (и при томъ полнѣйшее) отсутствіе казёнщины, которымъ въ началѣ отличался и Лицей. Начальники пансіона, какъ и начальники Лицея старались поставить себя въ значеніе родителей и воспитателей, а не представителей власти, какъ это бываетъ теперь въ большей части нашихъ учебныхъ заведеній. На характеръ и наклонности каждаго воспитанника обращаемо было осо-

бенное вниманіе; незамѣтно было ни малѣйшаго стремленія подвести ученіе и поведеніе всѣхъ воспитанниковъ подъ одинъ общій фрунтовой ранжиръ; большія заботы прилагались къ тому, чтобы всякими и притомъ весьма строго-обдуманными способами облегчить ходъ развитія воспитанниковъ и питать духъ ихъ занятіями, которыя бы дѣйствительно могли быть имъ полезны впослѣдствіи. Вообще, какъ въ Лицеѣ, какъ и въ пансіонѣ, ученіе не было исключительною цѣлію заведенія, а только однимъ изъ важныхъ элементовъ общаго воспитанія, въ которомъ всѣ части были уравновѣшены.

Въ такой-то средѣ, подъ надзоромъ опытныхъ воспитателей, подъ руководствомъ лучшихъ преподавателей того времени, удалось закончить своё развитіе юному графу Александру Григорьевичу Кушелеву. Мы сочли своимъ долгомъ нѣсколько долѣе остановиться на очеркѣ этой среды именно потому, что считаемъ періодъ пребыванія графа въ благородномъ пансіонѣ Лицея — лучшимъ періодомъ въ исторіи этого оригинальнаго заведенія и думаемъ, что годы, проведённые тамъ, единственные «годы ученія», выпавшіе на долю графа А. Г. Кушелева, должны были оставить въ его душѣ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Въ 1816 году, за годъ до Пушкина, Дельвига и другихъ воспитанниковъ перваго выпуска Лицея, юный шестнадцатилѣтній графъ вышелъ изъ благороднаго пансіона и явился въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ на экзаменъ, установленный указомъ 6-го августа 1809 года, для безпрепятственнаго производства въ чины.

Вскорѣ послѣ того, а именно въ іюлѣ того же года, по экзамену въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, графъ Александръ Григорьевичъ удостоенъ былъ степени доктора этико-политическихъ наукъ — «примѣръ почти единственный для такихъ молодыхъ лѣтъ», восклицаетъ одинъ изъ біографовъ графа. Но если мы вспомнимъ, за что фонъ-Визинъ получалъ медали на экзаменѣ и заглянемъ въ нашъ университетскій бытъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, то мы, конечно, поймёмъ, что этотъ экзаменъ на доктора едва-ли можетъ быть поставленъ выше простой формальности, которую даже и очень не трудно было выполнить молодому человѣку съ такими связями и съ такимъ образованіемъ, какое имѣлъ графъ Александръ Григорьевичъ. Докторская степень, очевидно, нужна была также, какъ ступень для служебной лѣстницы, на которую въ слѣдующемъ же году и вступилъ молодой графъ. На основаніи правъ, сопряженныхъ съ докторскою степенью, онъ въ началѣ 1817 году переименованъ былъ въ коллежскіе ассесоры и, нѣсколько дней спустя, опредѣлёнъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Не задолго передъ тѣмъ Именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно было молодому графу Кушелеву, «во уваженіе къ отличному служенію покойнаго князя Безбородко, на пользу и славу отечества всю жизнь посвятившему, именоваться впредь *графомъ Кушелевымъ-Безбородко*, дабы знаменитая заслугами фамилія сія съ кончиною послѣдняго въ родѣ не угасла, но паки обновясь, пребыла навсегда въ незабвенной памяти россійскаго дворянства».

Изъ всего этого видно, что за молодымъ графомъ постоянно и зорко слѣдили люди, пользовавшіеся большою силою при Дворѣ и при томъ нѣжно заботившіеся объ устройствѣ карьеры будущаго вельможи. Изъ фамильной переписки графа съ отцомъ узнаёмъ отчасти, на сколько велики и сильны были связи стараго графа Кушелева и какимъ уваженіемъ пользовался бывшій любимецъ Павла Петровича въ придворной средѣ, окружавшей Александра; узнаёмъ также и тò, до какой степени простиралась нѣжная заботливость отца о старшемъ сынѣ, который по уму и способностямъ далеко превосходилъ младшаго и много обѣщалъ въ будущемъ.

Опредѣливъ сына въ иностранную коллегію, старый графъ не успокоился на этомъ. Желая дать ему въ коллегіи особое исключительное положеніе, онъ выхлопоталъ ему порученіе за границей — и 8-го августа 1818 года юный графъ Кушелевъ-Безбородко, въ сопровожденіи С. С. Бека, выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ дормёзѣ за границу. Къ молодому графу, для ближайшаго наблюденія и заботъ о нёмъ, приставленъ былъ его старый дядька Яковъ Козловъ съ племянникомъ, въ качествѣ камердинеровъ. Отецъ проводилъ его до Краснаго Кабачка, благословилъ и напутствовалъ наставленіями житейской мудрости, которыя очень пригодились юношѣ за границею. Начиная съ этой минуты, между отцомъ и сыномъ завелась переписка, которая заключаетъ въ себѣ много чрезвычайно любопытнаго и важнаго не только въ смыслѣ частномъ, какъ матерьялъ для біографіи графа Кушелева-Безбородко и для характеристики его отца, но даже и въ смыслѣ общаго историческаго матерьяла, рисующаго намъ Александровскую эпоху и ея выдающихся дѣятелей.

Уже во второмъ письмѣ изъ Кёнигсберга графъ жалуется отцу на тò, что, во время проѣзда черезъ Курляндію, нашолъ «постой весьма дорогъ» и цѣны не уступающія прусскимъ; «впрочемъ», прибавляетъ онъ, «я стараюсь экономить и до границы не токмо не издержалъ лишнихъ противу того, что дано мнѣ русскими монетами, но даже нѣкоторую часть ихъ черезъ банкира перевёлъ въ Мемель, гдѣ уже употребилъ на проѣздъ сюда».

Въ концѣ того же письма сообщаетъ графъ отцу, что во время своего пребыванія въ Дерптѣ онъ имѣлъ случай познакомиться «со многими учоными въ Дерптѣ: съ *Пакотомъ*, профессоромъ физики, съ *Моргенштерномъ*, профессоромъ древности, извѣстными въ Германіи, и другими профессорами математики и правъ, что весьма пріятно и полезно».

Въ отвѣтъ на это письмо, отецъ, сообщая графу о придворныхъ новостяхъ, прежде всего указывалъ на необходимость представиться берлинскому двору при проѣздѣ черезъ Берлинъ, а затѣмъ, исполнивъ возложенное на него порученіе при дворѣ вюртембергскомъ, спѣшить въ Ахенъ къ графу Каподистрія. «Свидѣтельствуй ему моё почтеніе и проси моимъ именемъ, чтобы онъ тебя употребилъ при себѣ, за что я навсегда пребуду ему благодаренъ». За тѣмъ, опытный и умный старикъ даётъ сыну и такіе практическіе совѣты:

«Хорошо», пишетъ онъ, «что ты познакомился въ Дерптѣ съ учоными

профессорами; не худо, чтобы и во всѣхъ университетахъ знакомиться съ учоными, такъ-чтобы можно было переписку имѣть; когда будетъ время и случай, то не худо бы отъ котораго нибудь нѣмецкаго университета получить дипломъ на докторское достоинство по математикѣ и физикѣ». Въ концѣ того же самаго письма отецъ ещё разъ напоминаетъ сыну, чтобы онъ замѣчалъ внимательно «всё достойное каждаго правительства, а равно обычаи, промышленность, торговлю, состояніе и изобиліе крестьянъ, то-есть земледѣльцевъ и какія для земледѣлія употребляются орудія; словомъ — всё. «Надобно, чтобы сей твой вояжъ принёсъ тебѣ пользу.»

И сынъ видимо не терялъ времени даромъ и «вояжъ» свой устроивалъ на пользу себѣ и на истинное удовольствіе отцу. Въ Берлинѣ, посѣтивъ университетъ и подробно ознакомившись съ его библіотекой и кабинетомъ, юный графъ Кушелевъ-Безбородко сдѣлалъ мимоходомъ даже весьма любопытное открытіе. Показывая ему рукописное отдѣленіе библіотеки университета, нѣмцы, между прочимъ, обратили его вниманіе и на три русскія рукописи, на которыхъ значилось въ нѣмецкой подписи: «исторія Александра Невскаго». Но когда графъ началъ ихъ разбирать, то нашолъ въ нихъ статьи, «совершенно не къ Невскому, а къ Македонскому относящіяся». Двѣ рукописи оказались принадлежащими къ циклу сказаній объ Александрѣ, а по письму къ XIV столѣтію, а третья — исторіей Казанскаго царства.

Сообщеніе извѣстія объ этомъ открытіи очень обрадовало отца — и онъ тотчасъ же отписалъ сыну: «весьма хорошо, что въ хранилищѣ манускриптовъ ты вывелъ изъ заблужденія считавшихъ рукопись о Александрѣ Невскомъ, когда онѣ суть о Александрѣ Македонскомъ». Хваля за вниманіе къ тому, что вниманія заслуживаетъ, отецъ остерегаетъ сына отъ увлеченій удовольствіями нечистыми. «Непослѣдуй таковымъ путешественникамъ, которые, къ стыду нашего отечества, токмо знаютъ, гдѣ каковые трактиры и соблазнительные домы. Таковымъ всё отечественное не нравится, а принимаютъ чужеземное худшее, вмѣсто своего лучшаго, поелику не знаютъ своего отечества». И вслѣдъ за этимъ умный старикъ вдаётся въ подробное разсмотрѣніе «англійской вольности» парламентскаго устройства, при которомъ «почти треть народа умираетъ съ голоду и кормится подаяніемъ», чрезвычайно вѣрно и остроумно замѣчая, что общественный строй Англіи оказался бы у насъ совершенно непригоднымъ «по изобилію земель и малолюдству». Указывая на это, отецъ напоминаетъ сыну, что и въ наблюденіи иноземныхъ законовъ, нравовъ и обычаевъ необходимо соблюдать извѣстнаго рода мѣру. «Какъ въ каждомъ планѣ, чтобы знать всѣ размѣры онаго, нуженъ масштабъ, такъ и въ политическомъ разсмотрѣніи каждаго государства тоже нуженъ масштабъ, то-есть надобно знать пространство земель, границы, населеніе, образъ жизни, обычаи; а потомъ видѣть уже можно будетъ то̀, что полезно въ одномъ государствѣ и весьма будетъ вредно въ другомъ, *такъ какъ кафтанъ снятый съ карла, не годится для великана.*

Въ слѣдующемъ письмѣ къ сыну видимъ опять рядъ совѣтовъ, выказывающихъ въ старомъ графѣ истинно-русскаго человѣка и опыт-

наго государственнаго дѣятеля съ самымъ благороднымъ направленіемъ, которое онъ старается передать и сыну. «Буде тебѣ удастся быть во время конгресса въ Ахенѣ, то ты будешь имѣть прекрасный случай познакомиться со всѣми дѣловыми министрами важнѣйшихъ дворовъ, и потому старайся воспользоваться симъ случаемъ — не только познакомиться съ ними, но и узнать каждаго характеръ и къ чему каждый наклоненъ. Также старайся проникнуть каждаго двора интересы и какъ они согласуются съ нашими пользами? Хотя и считаютъ, что политика ищетъ, хоть съ обманомъ, но токмо достичь своихъ выгодъ; *но сіе самое несправедливое дѣло. Истинная политика состоитъ, чтобы быть во всѣхъ случаяхъ справедливу и вѣрну, такъ чтобы сказанное было сдержано ненарушимо.* Въ такомъ случаѣ, когда утвердится совершенная довѣренность, гораздо больше выиграть можно, нежели обманами и хитростями».

Въ слѣдующихъ письмахъ, располагая дальнѣйшимъ путешествіемъ сына и предвидя, что ему придётся посѣтить Францію, графъ снова напоминаетъ ему, чтобы онъ «не забывалъ объ интересахъ нашего любезнаго отечества» и ихъ имѣлъ бы въ виду постоянно. «Старайся», говоритъ онъ, «по возможности удаляться во Франціи отъ вольнодумцовъ или новомодныхъ философовъ, которые напрасно принимаютъ на себя сіе почётное названіе, а также остерегайся и тѣхъ молодыхъ людей, которые, проповѣдывая филантропію и равенство, сами хотятъ надо всѣми быть деспотами. Презирай также тѣ пошлые и ничего незначущіе упрёки нашего отечества, будто у насъ есть невольничество. У насъ господа имѣютъ крестьянъ, но невольниковъ не имѣютъ: такъ какъ и отецъ дѣтей не считаетъ невольниками, хотя ими и повелѣваетъ? У насъ крестьяне пользуются господскою землёю, яко собственною своею; за-то возмужалый работникъ работаетъ на господина три дня въ недѣлѣ и три дня на себя, а воскресенье — въ церковь и остальное на себя. Притомъ же господинъ во всѣхъ недостаткахъ ему помогаетъ, въ болѣзняхъ лечитъ, не допускаетъ ни до какихъ обидъ и притѣсненій и во всѣхъ случаяхъ помогаетъ. Такъ сіе ли иностранцы называютъ невольничествомъ?»

Проѣхавъ черезъ Германію, послѣ небольшой поѣздки по Рейну, молодой графъ прибылъ въ Ахенъ въ половинѣ октября 1818 года и былъ весьма привѣтливо и радушно принятъ графомъ Каподистрія, который оставилъ юнаго дипломата на время конгресса въ Ахенѣ при себѣ, а за тѣмъ нашолъ ему въ Парижѣ работу, вполнѣ достойную его образованія и способностей. Вотъ что пишетъ объ этомъ самъ графъ Александръ Григорьевичъ къ своему умному и дальновидному отцу.

«Каподистрія хочетъ меня занять. Онъ мнѣ говорилъ, что я долженъ сочинить «сравненіе политики новѣйшихъ времёнъ съ прежней, а въ особенности слѣдствій и правилъ, произведённыхъ вестфальскими мирами съ духомъ и слѣдствіями вѣнскаго конгресса и мира парижскаго». Таковое сочиненіе требуетъ не токмо познаній въ интересахъ тѣхъ народовъ и трактатовъ и правилъ политики, но даже частныхъ подробностей, которыя въ книгахъ не содержатся и кои находятся въ секрет-

номъ музеумѣ архива въ Парижѣ. Для того онъ мнѣ совѣтуетъ и часто повторяетъ, даже и къ вамъ писать хотѣлъ, чтобы я туда, то-есть въ Парижъ, поѣхалъ, ибо теперь уже весьма близко, и чтобъ по окончаніи конгресса занялся бы тѣмъ сочиненіемъ по оригинальнымъ актамъ, которые тамъ находятся и коихъ нѣтъ даже и въ Петербургѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ дать собственноручныя замѣчанія и наставленія и инструкцію и даже показать — подъ секретомъ — причины нѣкоторыхъ поступковъ нашего правительства въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Онъ сказалъ наконецъ, что когда сію работу окончу и ему подамъ; и если, какъ онъ надѣется, найдётъ её хорошею, что онъ её напечатаетъ безъ имени, дабы знать сужденія другихъ учоныхъ и дипломатиковъ.

Отвѣчая на это письмо, графъ-отецъ вполнѣ «апробовалъ» намѣреніе сына послѣдовать совѣту графа Каподистрія, и въ томъ же письмѣ добавлялъ подробность, важную для исторіи Нѣжинскаго Лицея:

«Тебѣ хочется» — пишетъ старый графъ — Нѣжинскаго училища планы въ Парижѣ напечатать. Сіе хорошо, но пересылка станетъ дорого. Когда сіе исполнишь, то доски будетъ надобно съ собою привести, а печатать въ Петербургѣ».

Ясно, что мысль о дорогомъ дѣтищѣ, которое должно было увѣковѣчить имя сына и связать его съ именемъ дѣда, не оставляла юнаго графа во время путешествія и не переставала заботить стараго графа въ его Краснопольцахъ. Но Парижъ всё-же нѣсколько тревожилъ осторожнаго отца, который боялся вліянія его соблазновъ на юношу и потому, совѣтуя сыну «черезъ графа Каподистрія и Г. Ришелье» добиваться представленія къ Парижскому Двору и знакомства съ хорошими домами, отецъ ещё разъ напоминалъ ему:

«Остерегайся какъ возможно сумнительныхъ обществъ, а особливо не посѣщай Пале-Рояль, гдѣ всѣ соблазнительныя общества такъ сказать собраны вкупѣ, кромѣ всякаго рода азартныхъ игръ, и всѣ средства для разврата молодыхъ людей въ изобиліи находятся.» При этомъ противополагая Англію Франціи, отецъ, предполагая, что сынъ успѣетъ посѣтить и Англію, добавлялъ: «Когда будешь въ Единбургскомъ университетѣ, старайся познакомиться съ лучшими профессорами, примѣчать англійское земледѣліе, хозяйство, манифактуры, машины, что всё тамъ доведено до совершенства. Хорошо и когда бы ты могъ получить въ тамошнемъ университетѣ степень докторства по физикѣ и математикѣ.» Въ письмѣ отъ 12-го декабря 1818 года новыя напоминанія: «Старайся осмотрѣть всѣ любопытства, какъ по наукамъ, такъ и по художествамъ въ Парижѣ, знакомься съ учоными, осматривай училища и книгохранительницы, манифактуры, машины и всѣ полезныя заведенія.» Но и заботы и предостереженія отца оказывались излишними по отношенію къ сыну, который и въ 18 лѣтъ былъ уже одарёнъ такимъ пристрастіемъ къ наукѣ и такимъ запасомъ любознательности, при которомъ ничтожныя увеселенія и мелкій развратъ не могли привлечь его вниманія въ Парижѣ. Это особенно ясно видно изъ его письма къ отцу отъ 1-го января 1819 года:

«Осматривать Парижъ, видѣть засѣданіе камеръ, судовъ, лекціи въ

разныхъ училищахъ (какъ напр. нѣмыхъ и слѣпыхъ и проч.), слушать и знакомиться (хоть и трудно) съ умными профессорами, уже извѣстными своими сочиненіями по правамъ и дипломатикѣ, работать заданное мнѣ г. Каподистріемъ, отыскивать книги дешовыя и хорошія — вотъ что меня занимаетъ въ Парижѣ.»

Любопытныя подробности о Парижскомъ житьѣ графа Александра Григорьевича находимъ въ другомъ его письмѣ къ отцу отъ 6-го января: «Я слушаю лекціи у г. Сея (Say) по политической экономіи; также теперь я членъ въ королевскомъ Аѳенеѣ, гдѣ многіе ученые читаютъ рѣчи, также и *Benjamin Constant* (какъ по политическимъ, такъ и по математическимъ предметамъ); книгъ накупилъ я тысячи двѣ томовъ съ половиною и хотя тутъ книги въ обыкновенной покупкѣ довольно дороги, но какъ я вездѣ таскался по лавкамъ, то ихъ купилъ не такъ дорого.» Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 5-го февраля, сынъ извѣщаетъ, что слушалъ также лекціи *по физикѣ и натуральной исторіи.*

Несмотря на эти оживлённыя занятія, мысль о «Нѣжинскомъ училищѣ», которое сдѣлалось однимъ изъ главныхъ фамильныхъ интересовъ для графа Кушелева-Безбородко, не оставляла его и въ Парижѣ—и онъ оттуда ещё разъ запрашивалъ о ходѣ дѣла по открытію училища, и слышалъ отъ отца всё тотъ же неутѣшительный отвѣтъ: «Я уже писалъ тебѣ, что о Нѣжинскомъ училищѣ всё-то ещё ничего не рѣшено. Графъ Кочубей сказывалъ, что много затрудненій; но ещё думаю не такъ скоро кончать. Я бы желалъ, чтобы до твоего пріѣзда и не окончили: при тебѣ бы гораздо лучше всё сдѣлалось. Послѣ четырёхмѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, молодой графъ, покончивъ съ своей дипломатической задачей, захотѣлъ нѣсколько сократить своё путешествіе, почему отложилъ намѣреніе ѣхать въ Англію и предпочёлъ возвратиться въ Россію, проѣхавъ по южной Франціи, Италіи, Швейцаріи и Австріи.

Письма, писанныя имъ къ отцу изъ этой поѣздки, вполнѣ заслуживали бы напечатанія, какъ выраженія живого впечатлѣнія пылкаго и наблюдательнаго юноши, который однако же умѣлъ уже на всё смотрѣть очами благоразумнаго человѣка.

Вслѣдствіе этой перемѣны въ планѣ путешествія чертежи Нѣжинской гимназіи уже не застали графа въ Парижѣ. Не застало его и сопровождавшее чертежи письмо отца, въ которомъ старый графъ извѣщалъ сына, что его присутствіе въ Петербургѣ необходимо нужно, дабы «о гимназіи рѣшительное сдѣлать положеніе». О томъ же самомъ писалъ графу и Кукольникъ, съ которымъ очевидно сношенія по вопросу о будущемъ директорствѣ завязаны были графомъ ещё задолго до отъѣзда Александра Григорьевича за границу.

И между-тѣмъ какъ дѣло съ гимназіей ни на шагъ не двигалось въ Петербургѣ, молодой графъ, на пути своёмъ по Италіи и Швейцаріи не упускалъ ни одного случая къ бесѣдѣ съ учоными о своёмъ «любезномъ отечествѣ» или къ посѣщенію замѣчательныхъ учебныхъ заведеній. Приводимъ въ доказательство слѣдующія любопытныя выдержки изъ его переписки съ отцомъ. Отъ 12-го мая 1819 года онъ пишетъ между прочимъ: «Въ Болоньѣ я познакомился съ профессоромъ Mezofanti, библіоте-

каремъ университета, который хотя никогда не выѣзжалъ изъ Болоньи, но знаетъ 18 языковъ. Онъ преподаётъ тамъ персидской и арабской. Такимъ же образомъ онъ знаетъ и по-русски. Онъ провёлъ у меня вечеръ. Онъ читалъ и ему весьма нравятся Ломоносовъ, Херасковъ, Несторъ; новѣйшихъ же нашихъ писателей не знаетъ: ни Державина, ни Озерова, изъ которыхъ я ему прочёлъ нѣсколько пассажей и которые его удивили.»

Въ Женевѣ графъ Александръ Григорьевичъ проводилъ время въ обществѣ съ Дюмономъ, Бонстэтомъ, другими учоными, «извѣстными по своимъ сочиненіямъ.» Въ Иверденѣ съ любопытствомъ осматривалъ очень замѣчательное заведеніе знаменитаго Песталоцци и пишетъ отцу подробный отчётъ о вынесенномъ впечатлѣніи (въ письмѣ отъ $^{7}/_{19}$ іюня 1811): «Въ Иверденѣ осматривали институтъ Песталоцци. Онъ самъ старикъ лѣтъ восьмидесяти, но весёлый и любитъ толковать; такъ-какъ я ему показалъ любопытство не токмо видѣть наружное строеніе, но и методу преподаванія вообще и частную систему каждой науки, а особливо математики, которую онъ дѣлаетъ, такъ сказать, преддверіемъ другихъ наукъ, чтобы пріучить дѣтей не летать на крыліяхъ въ философическихъ разсужденіяхъ, но пріучаться съ точностью математическою разсматривать всѣ вещи. Увидя моё любопытство, онъ мнѣ подробно и съ великимъ раченіемъ показывалъ всѣ классы, всѣ методы и системы. Я нахожу систему ученія его довольно основательною и въ примѣрахъ учениковъ его видны рѣдкіе успѣхи. Дитя 11-ти лѣтъ дѣлаетъ у него самыя трудныя ариѳметическія задачи безъ помощи пера или доски, но въ головѣ. Фелембергова система различается тѣмъ, что она болѣе обращаетъ вниманія на исторію.»

Наконецъ, 22-го августа 1819 года графъ Кушелевъ-Безбородко вернулся изъ-за границы и, послѣ краткаго пребыванія въ деревнѣ у отца, поѣхалъ въ Петербургъ, такъ-какъ срокъ его отпуска за границу уже приходилъ къ концу. На другой же день послѣ пріѣзда своего въ столицу (5-го сентября 1819 года) онъ уже писалъ отцу: «Съ графомъ Кочубеемъ имѣлъ я довольно долгій разговоръ, но не о гимназіи, *о которой ничего не сдѣлано, но хорошо, что ничего не уступлено безъ меня*, но о чужихъ краяхъ.» Затѣмъ между отцомъ и сыномъ начинается оживлённѣйшая переписка по поводу гимназіи, въ высшей степени замѣчательная, указывающая, во-первыхъ, на то̀, что и отецъ, и сынъ одинаково горячо стремились къ осуществленію своей цѣли, а во-вторыхъ, и на то̀, что препятствія, встрѣченныя ими, были весьма значительны. Отъ 25-го сентября отецъ пишетъ къ сыну:

«Не знаю, что дѣлается у тебя по гимназіи. Пора бы ужь чѣмъ-нибудь да кончить. Часто видаешься-ли съ графомъ Викторомъ Павловичемъ и что онъ совѣтуетъ дѣлать по гимназіи? Также и Кукольниковъ остаётся ли при прежнемъ намѣреніи? Ко мнѣ писалъ Сандуновъ, что и онъ былъ бы согласенъ перейтить въ твою гимназію, но это было давно.» Не въ отвѣтъ на вопросы и напоминаніе отца, но одновременно съ этимъ письмомъ, а именно 26-го сентября 1819 года, сынъ сообщаетъ отцу весьма неутѣшительное свѣдѣніе о ходѣ своихъ хлопотъ по гимназіи:

«Графъ Кочубей всё ещё живётъ въ Царскомъ Селѣ; однако въ понедѣльникъ я его видѣлъ нѣсколько минутъ; о гимназіи же сказалъ только

тó, что и прежде: *что проэктъ ихъ хорошъ токмо для грековъ*, но ничего не рѣшилъ, что дѣлать. Я думаю лучше теперь попросить у него этотъ проэктъ и сдѣлать самому на оный замѣчанія и подать въ комитетъ, судя по обстоятельствамъ, либо мнѣ одному, либо вмѣстѣ съ графомъ Викторомъ Павловичемъ. Притомъ я познакомился съ Тургеневыми, изъ коихъ старшій — директоръ департамента духовнаго у князя Голицына; да и мнѣ князя Голицына можно видѣть и говорить въ воскресенье, послѣ обѣдни. Но прежде надобно рѣшить съ Кочубеемъ. Если въ понедѣльникъ не успѣю съ нимъ поговорить, то на будущей недѣлѣ непремѣнно ѣду въ Царское: пора кончать! *Уже домъ два года готовъ и скоро гнить начнётъ, я думаю.*» «Давно пора кончить», писалъ въ отвѣтъ на это отецъ, поддерживая въ сынѣ желаніе энергически отстаивать дѣло гимназіи: «ибо стыдно, что всё-то домъ *стоитъ пустой и гніётъ.*» Графъ Александръ Григорьевичъ между-тѣмъ хлопоталъ упорно, пуская въ ходъ всѣ пружины, которыя могли благопріятно повліять на ходъ дѣла. Отъ 10-го октября онъ писалъ отцу: «Въ воскресенье я обѣдалъ у бабушки съ графомъ Кочубеемъ; на этихъ дняхъ я ещё былъ у него, чтобы торопить о гимназіи. Наконецъ онъ назначилъ воскресенье, чтобы я къ нему вечеромъ пріѣхалъ съ Кукольниковымъ, чтобы вмѣстѣ положить, что дѣлать, и когда приступить къ дѣлу. Я думаю между тѣмъ не худо мнѣ, пользуясь старою привычкою, какъ прежде съ вами, съѣздить къ князю Голицыну въ воскресенье поутру до обѣдни и тѣмъ найти случай что-нибудь поговорить съ нимъ?»

Затѣмъ начались еженедѣльныя собранія у Кочубея по поводу обсужденія проэкта о гимназіи и продолжались, какъ видно изъ писемъ графа Кушелева-Безбородко, весь октябрь и ноябрь: «Вчера вечеромъ», пишетъ онъ отцу, «я былъ съ Кукольникомъ у графа Виктора Павловича. Онъ мнѣ прочёлъ проэктъ, поданный ему комитетомъ *уже въ прошедшемъ году и на который онъ понынѣ не отвѣчалъ.* Я взялся сдѣлать замѣчаніе на оный — и въ воскресенье вечеромъ опять у него соберёмся; тогда я ему ихъ прочту. Онъ рекомендовалъ — и весьма основательно — токмо важные и судныя вещи оспаривать, а мелкія и маловажныя уступать, отъ того, что часто ещё болѣе за пустыя вещи спорятъ и упрямятся.»

Видя, что сынъ принимаетъ такъ горячо къ сердцу дѣло о гимназіи, осторожный графъ Григорій Григорьевичъ рѣшился очень тонко намекнуть сыну, что ему въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ и себя позабыть: «Хорошо, что о гимназіи ты съ графомъ Викторомъ Павловичемъ сносишься; я надѣюсь, что сіе послужитъ уже къ скорѣйшему рѣшенію; *но нужно, чтобы не былъ ты забытъ при докладѣ и какъ открыть оную, думаю, что тебѣ самому притомъ должно тамъ быть*; не худо и къ князю Голицыну тебѣ по воскресеньямъ ѣздить.»

Но прошолъ октябрь, наступилъ ноябрь, а дѣло о гимназіи не подвинулось ни на шагъ впередъ. Занятый службою въ иностранной коллегіи и работами въ канцеляріи Нессельроде, графъ Александръ Григорьевичъ усердно работалъ и надъ примѣчаніями къ комитетскому проэкту, видимо теряя всякую надежду на возможность открытія гимназіи въ близкомъ будущемъ. «Я, сколько время мнѣ позволяетъ», писалъ онъ къ отцу: «за-

нимаюсь сочиненіемъ контръ-проэкта, который, по общемъ разсмотрѣніи, графъ Кочубей подастъ отъ себя. Но всего болѣе желаю, чтобы по-крайней мѣрѣ къ январю или по веснѣ открытіе сдѣлать и наконецъ начать ученіе.»

Въ довершеніе всего, графъ В. П. Кочубей призванъ былъ къ управленію министерствомъ и еженедѣльныя конференціи его съ графомъ Александромъ Григорьевичемъ и съ Кукольникомъ совсѣмъ прекратились. Въ ноябрѣ графъ пишетъ къ отцу въ Краснопольцы: «О гимназіи не знаю, скоро-ли графъ Кочубей окончитъ, отъ того, что онъ теперь занятъ министерствомъ.» И опять въ одномъ изъ декабрьскихъ своихъ писемъ съ видимымъ огорченіемъ повторяетъ: «Дѣло о гимназіи совсѣмъ нейдётъ впередъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ графъ Кочубей принялъ министерство, онъ отговаривается дѣлами, а отстать отъ него теперь нельзя. Я всё его понуждаю; не знаю, скоро ли окончится?» *)

Видно, что «московская волокита», въ которую попало дѣло о гимназіи высшихъ наукъ, крѣпко начинала надоѣдать графу и заставляла его терять терпѣніе. Мы нарочно привели здѣсь этотъ рядъ выписокъ изъ переписки, чтобы показать, какъ нелегко было привести графу Александру Григорьевичу свою любимую мысль въ исполненіе, какъ притомъ было трудно охранить её отъ казёнщины, которую старался навязать новому учрежденію комитетъ. Грустная исторія многихъ великодушныхъ русскихъ пожертвованій повторилась и здѣсь: съ одной стороны — готовность всё принести на пользу дѣла, самоотверженная преданность идеѣ, труды и усилія для ея осуществленія; съ другой—мелкія придирки, канцелярскія формальности, пренебреженіе къ основной идеѣ пожертвованія.

Наступилъ и 1820 годъ, а уставъ гимназіи всё ещё не былъ утвержденъ министерствомъ. Наконецъ, благодаря усиленнымъ хлопотамъ и огромнымъ своимъ связямъ, графъ Александръ Григорьевичъ добился того, что 19-го апрѣля 1820 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, окончательно утвердившій высшее учебное заведеніе въ Нѣжинѣ и назначавшій графа Кушелева-Безбородко почётнымъ попечителемъ Нѣжинской гимназіи, а по нёмъ — всегда старшаго въ его родѣ. Но даже и этотъ рескриптъ не побудилъ канцелярію министерства къ ускоренію дѣла съ уставомъ новаго заведенія. Этотъ уставъ былъ утвержденъ уже только пять лѣтъ спустя.

Послѣ долгихъ ходатайствъ и настояній графу Кушелеву-Безбородко удалось добиться и того, чтобы въ сентябрѣ 1820 года дозволено было «частнымъ образомъ» открыть курсъ наукъ въ ново-учреждённой гимназіи, впредь до утвержденія ея устава. Ко времени открытія курса, молодой попечитель пожертвовалъ новому заведенію библіотеку въ 2500 томовъ «отборнѣйшихъ сочиненій».

Вся дальнѣйшая общественная жизнь графа дѣлилась поровну между его дѣятельностью служебною и его заботами о дорогомъ Нѣжинскомъ училищѣ. Дѣятельность служебная не представляла собою ничего выходящаго изъ ряда тѣхъ обычно-блестящихъ карьеръ, которыя совершаются людьми

*) Этимъ письмомъ, къ сожалѣнію, кончается тотъ интересный сборникъ который былъ любезно сообщенъ намъ П. А. Кочубеемъ.

высшихъ аристократическихъ фамилій на поприщѣ русской гражданской службы. Сначала графъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ перешолъ въ министерство финансовъ, въ которомъ и нёсъ службу до конца своей жизни. Незадолго до смерти своей, онъ былъ Высочайше утверждёнъ въ должности государственнаго контролёра. Чины, кресты, почётныя должности по другимъ вѣдомствамъ — всё шло въ жизни дѣятельнаго и трудолюбиваго графа своимъ чередомъ — и мы вовсе не желаемъ утомлять вниманіе читателя длинной выпиской изъ формулярнаго его списка.

Для насъ болѣе важна другая сторона жизни графа: его дѣятельность какъ попечителя Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ. Несмотря на то, что открытіе этого учебнаго заведенія и утвержденіе его устава стоили графу Александру Григорьевичу такихъ большихъ хлопотъ и усилій, онъ не довольствовался тѣмъ, что далъ Малороссіи только «высшую гимназію»; графу хотѣлось непремѣнно обратить эту «высшую гимназію» въ лицей, который бы, по общему преподаванію, могъ равняться съ университетами, оставаясь въ то же время закрытымъ заведеніемъ. Мысль графа была приведена въ исполненіе въ 1832 году. 7-го октября этого года государемъ подписанъ уставъ Лицея князя Безбородко, а 31-го обнародованъ указъ Его Величества о Высочайше утверждённомъ уставѣ и штатѣ Лицея. Нѣсколько позже, при Лицеѣ открыта была и гимназія, которая должна была служить для него подготовительнымъ разсадникомъ.

Нечего и говорить о томъ, что такая существенная реформа высшаго учебнаго заведенія, да притомъ ещё въ началѣ 30-хъ годовъ, должна была стóить графу большихъ заботъ и усилій. Но эти заботы о Лицеѣ видимо составляли для него цѣль жизни. Онъ не забываетъ о нёмъ никогда и является однимъ изъ такихъ попечителей учебнаго заведенія, которые могутъ быть поставлены въ образецъ всѣмъ русскимъ дѣятелямъ на подобномъ же служебномъ поприщѣ. Почти не проходитъ года, чтобы графъ Кушелевъ-Безбородко не вносилъ чего-нибудь въ библіотеку Лицея, въ физическій кабинетъ его, во внѣшнее украшеніе зданія или церкви, находившейся при нёмъ. Ко дню 25-ти-лѣтняго юбилея заведенія графъ сдѣлалъ и ещё одно крупное пожертвованіе въ его пользу: онъ подарилъ Лицею цѣлую картинную галлерею, состоявшую изъ 175 картинъ, принадлежавшихъ различнымъ школамъ живописи: итальянской, испанской, французской, нѣмецкой, фламандской и русской. Пожертвованіе это дѣлалось съ тѣмъ, «чтобы картины сіи, бывъ размѣщены въ свободныхъ залахъ зданія Лицея, могли служить къ развитію изящнаго вкуса воспитанниковъ и оставались бы навсегда собственностью сего заведенія.»

Всѣ эти заботы графа Кушелева-Безбородки о заведеніи, ввѣренномъ его попеченію, дорисовываютъ намъ съ самой лучшей стороны тотъ прекрасный и симпатическій типъ, съ которымъ познакомили насъ отчасти его молодыя письма изъ заграничной поѣздки. Воспитаніе, данное разумнымъ отцомъ, серьёзный и спокойный взглядъ на жизнь и внутренняя потребность въ постоянной дѣятельности — всё это привело къ тому, что графъ Александръ Григорьевичъ, не смотря на своё высокое поло-

женіе въ обществѣ и на свои громадныя средства, всю жизнь свою оставался неутомимымъ и дѣльнымъ работникомъ, для котораго трудъ составлялъ необходимость и наслажденіе. Отвлекаемый и сложными занятіями государственной службы, и ещё болѣе сложными заботами по управленію своими имѣніями, разбросанными по всей Россіи, отъ Финляндіи до Крыма — графъ въ теченіи всей своей жизни не отставалъ отъ постоянныхъ занятій наукою, не переставалъ читать, не переставалъ слѣдить за дѣятельностью нашихъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ участвовалъ охотно и не по имени только былъ членомъ.

«Позднимъ вечеромъ» — пишетъ одинъ изъ біографовъ графа — «въ тиши своеобразнаго кабинета, положительно обложенный кипами книгъ и рукописей, онъ зорко слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ общественнаго просвѣщенія. Много помѣтокъ понятныхъ только графу, можно отыскать въ книгахъ его домашней библіотеки. Ни одно замѣчательное явленіе въ мірѣ знанія и искусства не ускользало отъ его пытливаго взора и всегда находило примѣненіе. «Педагогическія усовершенствованія наиболѣе привлекали его вниманіе, и понятно почему: росли *свои* дѣти и лежала на душѣ тяжолая обязанность — заботиться о правильномъ умственномъ развитіи *чужихъ* дѣтей.»

Графъ Александръ Григорьевичъ ещё въ 1828 году женился на княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ Репниной, знаменитой и родомъ, и, красотою и богатствомъ. Но гораздо важнѣе всего этого были тѣ внутреннія качества, которыми обладала молодая красавица-супруга. Вступивъ въ великолѣпный домъ графа Александра Григорьевича, она на нѣсколько лѣтъ подарила его рѣдкимъ семейнымъ счастіемъ. Къ сожалѣнію, это счастіе было непродолжительно: въ 1836 году супруга графа скончалась, оставивъ на рукахъ его четырёхъ малолѣтнихъ дѣтей — двухъ сыновей и двухъ дочерей. Эта смерть до такой степени сильно потрясла графа, что онъ на время бросилъ и службу, и столицу, и года три сряду провёлъ въ разъѣздахъ по Россіи, въ заботахъ объ устройствѣ своихъ имѣній и быта крестьянъ, къ которымъ, подобно отцу своему, всегда относился съ величайшимъ участіемъ и человѣколюбіемъ.

Необходимость заняться воспитаніемъ дѣтей вынудила наконецъ графа вернуться въ Петербургъ и вновь приняться за служебную дѣятельность, которую онъ неутомимо нёсъ до самой своей смерти. 6-го апрѣля 1855 года графъ скончался въ Москвѣ. Тѣло его было привезено оттуда въ С.-Петербургъ и погребено въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ. На его могилѣ — на одной изъ немногихъ пышныхъ могилъ — можно было бы смѣло начертать извѣстную Шекспировскую эпитафію: «Человѣкъ онъ былъ».

П. Полевой.

IV.

ГРАФЪ Г. А. КУШЕЛЕВЪ-БЕЗБОРОДКО.

По смерти графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко, на основаніи Высочайшаго рескрипта отъ 19-го апрѣля 1820 года, въ 1855 году званіе почётнаго попечителя Нѣжинскаго Лицея принялъ старшій сынъ покойнаго, графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко.

Какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, родился онъ 20-го января 1832 года. По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, онъ 17-го іюня 1850 года поступилъ на государственную службу въ канцелярію Комитета Министровъ, съ чиномъ титулярнаго совѣтника; за тѣмъ въ 1852 году онъ былъ произведёнъ въ коллежскіе ассессоры, въ 1855 году сдѣланъ камеръ-юнкеромъ и назначенъ почётнымъ попечителемъ Лицея Князя Безбородко, а 17-го іюня 1857 года произведёнъ въ надворные совѣтники, 30-го декабря 1858 года — въ коллежскіе совѣтники и, наконецъ, 2-го января 1859 года — въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ попечителемъ подвѣдомственнаго Императорскому Человѣколюбивому Обществу женской богадѣльни на Малой Охтѣ. Что же касается орденовъ; то онъ имѣлъ почётный знакъ ордена Св. Александра Невскаго, для ношенія въ петлицѣ, и орденъ Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени.

О дѣятельности графа, какъ почётнаго попечителя Лицея, приведёмъ только оффиціальныя свѣдѣнія.

Такъ въ 1850 году покойнымъ графомъ Александромъ Григорьевичемъ было заявлено министру Народнаго Просвѣщенія, бумагой отъ 14-го іюня слѣдующее: «Старшій сынъ мой, графъ Григорій, долженствующій, на основаніи устава Лицея Князя Безбородко, быть послѣ меня почётнымъ попечителемъ онаго Лицея, по случаю окончанія курса ученія въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и поступленія въ государственную службу, просилъ моего дозволенія пожертвовать въ пользу Лицея Князя Безбородко зоологическій кабинетъ изъ двухсотъ изображеній животныхъ изъ картонъ-піерра. Препроводивъ этотъ кабинетъ въ Нѣжинъ, для пріобщенія къ другимъ кабинетамъ Лицея Князя Безбородко, уже прежде мною оному подарённымъ, я долгомъ счёлъ о сёмъ довести до свѣдѣнія нашего сіятельства, прилагая при сёмъ и списокъ этого кабинета.»

Вступивъ въ должность почётнаго попечителя Лицея, графъ Григорій Александровичъ сдѣлалъ ещё три пожертвованія въ пользу ввѣреннаго его попеченіямъ заведенія. Во-первыхъ, онъ пріобрѣлъ, для лицейской библіотеки, подлинныя рукописи Гоголя: «Мёртвыхъ Душъ» (перваго тома, въ первоначальномъ его видѣ), «Тараса Бульбы», «Портрета» (обѣ въ исправленномъ видѣ), «Игроковъ», «Тяжбы», «Лакейской» и «Те-

атральнаго разъѣзда», а также 32 подлинныя письма Гоголя къ покойному Н. Я. Прокоповичу. Этотъ подарокъ, цѣнный уже и въ матеріальномъ отношеніи (рукописи пріобрѣтены за 1,200 рублей), со временемъ, какъ ненаходимая болѣе нигдѣ библіографическая рѣдкость, обратится въ драгоцѣнную собственность Лицея. Во-вторыхъ, графъ заказалъ петербургскимъ художникамъ портреты масляными красками, въ богатыхъ золотыхъ рамахъ: 1) покойнаго отца своего графа Александра Григорьевича — копія съ Крюгера, 2) Н. В. Гоголя — копія съ Ѳ. А. Моллера, Н. В. Кукольника — копія съ извѣстнаго портрета, писаннаго покойнымъ К. П. Брюловымъ, и 4) Е. П. Гребёнки — копія съ А. Н. Мокрицкаго.

Что же касается улучшеній и преобразованій собственно по учебной части Лицея, а также измѣненія методовъ преподаванія, то всё это какъ и теперь зависило тогда непосредственно отъ предначертаній Министерства Народнаго Просвѣщенія и ввѣрено было попеченію ближайшаго лицейскаго начальства. Почётный же попечитель Лицея могъ слѣдить только за учебными успѣхами воспитанниковъ по представляемымъ ему отчётамъ и по кратковременнымъ посѣщеніямъ — и потому неослабленый и прямой надзоръ, при извѣстныхъ условіяхъ, ему былъ невозможенъ. Тѣмъ не менѣе сношенія съ ближайшимъ начальствомъ заведенія дозволяли почётному попечителю, руководствуясь общимъ направленіемъ воспитанія, привносить и личныя соображенія, клонящіяся къ нравственно-разумному развитію юношества.

Заключимъ нашъ краткій очеркъ извѣстіемъ о двухъ, весьма значительныхъ, пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ графомъ въ пятидесятыхъ годахъ на основаніе и содержаніе двухъ благотворительныхъ заведеній въ Санктпетербургѣ.

1) Желая почтить память покойнаго отца своего какимъ-нибудь общеполезнымъ дѣломъ, графъ Григорій Александровичъ, въ самый годъ его смерти, основалъ Пріютъ для вскармливанія дѣтей до двухъ-лѣтняго возраста и для снабженія жителей Санктпетербурга благонадёжными кормилицами, названный: «пріютомъ для пріёма кормилецъ и вскармливанія дѣтей, въ память графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко». Для помѣщенія Пріюта былъ купленъ имъ каменный домъ на Васильевскомъ Островѣ, по Большому проспекту, рядомъ съ церковью Св. Андрея Первозваннаго, куда самое заведеніе и переведено въ началѣ 1857 года, причёмъ съ слѣдующаго года было уже призрѣно въ нёмъ 70 дѣтей и нашли себѣ пріютъ, до прінсканія мѣстъ, около 600 кормилицъ.

2) Въ концѣ 1858 года, по службѣ своей въ званіи члена-благотворителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, графъ Григорій Александровичъ изъявилъ совѣту общества готовность свою принять съ 1-го января 1859 года на собственный счётъ содержаніе учреждённой Совѣтомъ на Малой Охтѣ женской богадѣльни, въ которой призрѣвались сто человѣкъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ, причёмъ обязывался жертвовать на этотъ предметъ ежегодно по 11,000 рублей, обезпечивъ этотъ взносъ за себя и своихъ наслѣдниковъ капиталомъ, или недвижимою собственностію. Государь Императоръ изъявилъ Своё согласіе на принятіе таковаго пожертвованія и повелѣлъ впредь именовать вновь открываемую

богадѣльню, по имени ея основателя: «Богадѣльнею Графа Григорія Кушелева-Безбородко», а графу — быть ея потомственнымъ попечителемъ съ тѣмъ, чтобы это званіе переходило послѣ него всегда къ старшему въ его родѣ. Кромѣ того, графъ, произведённый за нѣсколько дней передъ тѣмъ, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе совѣтники, былъ произведёнъ, 2-го января 1859 года, въ чинъ статскаго совѣтника, а два года спустя въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени.

Дѣятельность графа, какъ издателя и редактора журнала «Русское Слово» и какъ издателя сочиненій многихъ извѣстныхъ нашихъ писателей, какъ-то: А. Н. Майкова, А. Н. Островскаго, М. Л. Михайлова и другихъ, извѣстна всей читающей публикѣ.

Графъ Григорій Александровичъ скончался въ Петербургѣ 7-го мая 1870 года и погребёнъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Л. Мей.

V.

ГРАФЪ А. И. МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

Третій почётный попечитель Лицея Князя Безбородко, гофмейстеръ двора Его Величества, графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла, Св. Анны и Св. Станислава первыхъ степеней и Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-го класса, родился въ 1824 году. Службу свою онъ началъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1844 году откомандированъ былъ къ миссіи нашей въ Штутгартѣ сверхъ штата. Черезъ два года, въ 1846 году, онъ былъ отозванъ въ Россію и причисленъ для занятій къ департаменту внутреннихъ сношеній. Съ этого же времени начинается и служба графа Алексѣя Ивановича по министерству народнаго просвѣщенія. Такъ въ 1848 году онъ утвержденъ былъ почётнымъ смотрителемъ С.-Петербургскихъ Владимірскаго и Рождественскаго уѣздныхъ училищъ, а въ слѣдующемъ 1849 году получилъ штатное мѣсто младшаго помощника столоначальника въ департаментѣ внутреннихъ сношеній; но въ 1852 году, по случаю упраздненія занимаемой имъ должности, оставленъ былъ за штатомъ, съ причисленіемъ въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ. При этомъ онъ продолжалъ и за выслугу, и за отличіе получать чины и, начавъ въ 1846 году, съ коллежскаго регистратора, въ 1856 году былъ уже коллежскимъ асессоромъ. 5-го августа 1856 года, передъ коронаціей Государя Императора, графъ былъ назначенъ въ должность корона-

ціоннаго церемоніймейстера, а въ самый день коронаціи, 26-го августа, назначенъ былъ церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора. Во концѣ того же года, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ назначенъ почётнымъ секретарёмъ при орденѣ Св. Александра Невскаго съ правомъ ношенія оффиціальнаго знака. Въ 1857 году петербургское дворянство вдвойнѣ почтило графа, выбравши его почётнымъ попечителемъ Петербургскихъ гимназій и предводителемъ дворянства Петербургскаго уѣзда. Съ 1859 года начинается дѣятельная служба графа по придворному вѣдомству: онъ былъ назначенъ присутствующимъ въ придворной конторѣ съ правомъ голоса. Состоя въ этой должности и возведённый въ 1861 году въ званіе гофмаршала двора Его Величества, онъ неоднократно исполнялъ должность вице-президента придворной конторы и въ ноябрѣ того же 1861 года назначенъ былъ на эту послѣднюю должность. Въ этой должности, въ которой онъ состоялъ до 1869 года, онъ нѣсколько разъ, и по нѣсколько мѣсяцевъ сряду, исполнялъ должность президента придворной конторы. Въ 1863 году произведёнъ былъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 26-го декабря 1869 года по прошенію былъ уволенъ отъ должности вице-президента придворной конторы съ переименованіемъ въ гофмейстеры Двора Его Величества.

Послѣ смерти послѣдняго изъ графовъ Кушелевыхъ-Безбородко и почётнаго попечителя Лицея Князя Безбородко, графа Григорія Александровича, Лицей остался безъ почётнаго попечителя. Между-тѣмъ сестра Григорія Александровича, графиня Любовь Александровна, супруга графа А. И. Мусина-Пушкина, за отказомъ старшей сестры ея, Варвары Александровны Кочубей, отъ всякаго участія въ наслѣдствѣ послѣ графа Григорія Александровича, соединила въ своихъ рукахъ всѣ безбородкинскія имущества, въ томъ числѣ и тѣ имѣнія, которыми обезпечивалось содержанія Лицея Князя Безбородко. Поэтому графиня Любовь Александровна въ 1873 году обратилась съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на предоставленіе званія почётнаго попечителя Лицея Князя Безбородко мужу ея, графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, съ переходомъ сего званія послѣ его смерти на старшаго въ родѣ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. На это ходатайство 12-го марта 1873 года и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Немедленно по принятіи на себя званія почётнаго попечителя Лицея Князя Безбородко, графъ Алексѣй Ивановичъ заявилъ себя довольно щедрымъ даромъ: отъ имени своей супруги онъ увеличилъ ежегодное содержаніе Лицея на 2,000 рублей, которые обращены были главнымъ образомъ на увеличеніе содержанія профессорамъ, въ видѣ ежегодной прибавки къ жалованью по 200 рублей каждому. Прибывши въ первый разъ въ Лицей къ торжественному акту его, 4-го сентября 1873 года, графъ принялъ близко къ сердцу интересы своего заведенія и началъ имѣть частыя и продолжительныя совѣщанія съ директоромъ и профессорами о мѣрахъ къ его улучшенію. Необходимыя для этого средства были на лицо. Въ 1870 году княгиня Е. И. Суворова-Рымникская, вдова графа Николая Александровича Кушелева-Безбородко, пожертво-

вала въ пользу Лицея Князя Безбородко капиталъ въ 105,000 рублей, проценты съ котораго въ количествѣ пяти слишкомъ тысячъ рублей и стали поступать въ Лицей съ 1871 года. Впрочемъ эти проценты, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, были сдѣланы неприкосновенными до тѣхъ поръ, пока будетъ рѣшонъ вопросъ о преобразованіи Лицея, о чёмъ толки и проэкты начались уже задолго до этого времени. Этими-то процентами съ капитала княгини Суворовой и думалъ воспользоваться графъ не для преобразованія Лицея въ новое, совсѣмъ иное заведеніе, а для его улучшенія, для увеличенія его ученыхъ и учебныхъ силъ и средствъ. Въ это самое время, именно въ началѣ октября 1873 года, Нѣжинъ посѣтилъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой. Графъ Мусинъ-Пушкинъ надѣялся при личномъ свиданіи съ министромъ устроить это дѣло въ пользу Лицея. Но надежды эти разлетѣлись, какъ дымъ: участь Лицея уже была рѣшена и вслѣдъ за посѣщеніемъ его графомъ Толстымъ послѣдовало распоряженіе о преобразованіи Лицея въ Историко-Филологическій Институтъ. Впрочемъ Историко-Филологическому Институту не достались суворовскіе капиталы: княгиня Елизавета Ивановна, послѣ преобразованія Лицея, взяла обратно не только свой капиталъ, но даже и свой портретъ, который она прислала-было въ Лицей, такъ-что Институтъ воспользовался только накопившимися на капиталъ процентами, въ количествѣ 30,000 рублей.

Послѣ преобразованія графъ Алексѣй Ивановичъ продолжалъ также благосклонно относиться къ Институту, какъ прежде къ Лицею, оказывая ему иногда матеріальное содѣйствіе, напримѣръ уступивши значительную часть своей великолѣпной квартиры въ Лицеѣ, такъ называемыхъ «графскихъ покоевъ», подъ помѣщеніе институтской библіотеки.

Графъ Алексѣй Ивановичъ скончался 17-го ноября 1879 года въ Ниццѣ, откуда тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено 14-го марта 1880 года на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Кромѣ исчисленныхъ въ началѣ предлагаемой біографіи орденовъ, покойный имѣлъ знакъ отличія въ память введенія въ дѣйствіе положенія 19-го февраля 1861 года и бронзовую медаль на андреевской лентѣ въ память войны 1853 — 56 годовъ. Служба же по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ придворномъ вѣдомствѣ доставила графу слѣдующіе иностранные ордена: именно: Прусскій — Краснаго Орла 2-й степени, Датскій — Данеброга 1-й степени, Виртембергскій — Фридриха большаго креста и Виртембергской Короны, Саксенъ-Веймарскій — Бѣлаго Сокола 1-й степени, Сардинскихъ — Маврикія и Лазаря командорскихъ креста со звѣздою, Баденскій — Церингенскаго льва командорскаго креста 2-й степени со звѣздою, Греческій — Спасителя большаго креста и Черногорскаго князя Даніила 1-й степени.

А. Сребницкій.

ДИРЕКТОРЫ ГИМНАЗІИ ВЫСШИХЪ НАУКЪ КН. БЕЗБОРОДКО.

I.

В. Г. КУКОЛЬНИКЪ.

(Изъ памятной книжки.)

Трудно сохранить безпристрастіе въ описаніи жизни родного отца. Какъ бы я ни клялся, что буду говорить только сущую правду, вы не повѣрите, хотя и знаете съ какимъ всегда уваженіемъ я предстою предъ судилищемъ вашимъ, читатели. И такъ — вѣрьте, не вѣрьте — а я постараюсь исполнить долгъ мой добросовѣстно. Хотя я остался послѣ отца моего всего по двѣнадцатому году, но, благодаря его же заботливости, умственныя способности мои были, можетъ-быть, даже слишкомъ рано развиты: девяти лѣтъ я уже порядочно говорилъ по латыни и читалъ «Autores Minores», что́ ещё помнятъ многіе посѣщавшіе домъ родителей моихъ въ Петербургѣ. Преданія, жившія въ семействѣ нашемъ, наконецъ письменные документы и записки — всё это вмѣстѣ поставило меня въ возможность сообщить нѣкоторыя черты жизни одного изъ первыхъ по хронологіи и достоинству дѣятелей на поприщѣ русской учоности и педагогики.

Отецъ мой, Василій Григорьевичъ Кукольникъ, статскій совѣтникъ и первый директоръ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, родился 30-го января 1765 года въ Венгріи, но гдѣ именно — положительно не знаю; вѣроятнѣе всего въ Мункачѣ и конечно уже не въ Княжествѣ Кукольникахъ, потому-что ещё во время гоненія православныхъ за вѣру Кукольники потеряли своё княжество и въ зàмокъ ихъ переселились іезуиты, овладѣвшіе не только имуществомъ, но и всѣми бумагами Кукольниковъ. Бумаги эти можетъ-быть и теперь хранятся въ государственномъ вѣнскомъ архивѣ, гдѣ ихъ видѣлъ отецъ мой и многіе другіе. Принадлежа къ старому дворянству, Василій Григорьевичъ могъ бы искать мѣстъ и честей въ Венгріи, но тогда мадьяры уже рѣшительно господствовали надъ другими племенами. Карпато-россу и уніату не представлялось никакихъ средствъ проложить себѣ въ Венгріи или Австріи почётную до-

рогу. Василій Григорьевичъ избралъ путь ученый, ведущій, между-прочимъ, къ наибольшей космополитической независимости. Кто зналъ его въ молодости, тотъ никакъ бы не рѣшилъ, по какой именно отрасли наукъ пойдётъ Кукольникъ. Всѣ науки, всѣ языки были ему равно любезны; онъ предавался изученію каждаго предмета съ любовію специалиста. Куда какъ измѣнились начала педагогики! Увѣряютъ, что всё, являющееся позже — лучше прежняго. Полно, такъ ли? Неужели александрійская школа была умнѣе Сократа и Платона, арабскіе схоластики — Аристотеля, канціанцы — Канта?

Во время оно, когда Василій Григорьевичъ изучалъ философію, Кантъ, хотя уже и существовалъ, но ученіе его ещё не распространилось. Правда, къ аудиторіи его въ Кёнигсбергѣ принуждены были съ улицы пристроить подмостки; но и сами слушатели этого амфитеатра, по крайней мѣрѣ не всѣ, понимали, могли понимать условный языкъ трансцедентальной философіи; Лейбницъ и Вольфъ продолжали господствовать въ Германіи, энциклопедисты — во Франціи; собственно же въ Австріи — философіи боялись, какъ чумы, подразумѣвая подъ именемъ науки наукъ — демагогическую болтовню краснобаевъ. И не въ одномъ философическомъ отношеніи Австрія отличалась обскурантизмомъ. Вообще вся ея педагогика основана была на іезуитскихъ началахъ, на военномъ спеціализмѣ и укрощеніи умственныхъ способностей. Не смотря на тѣсноту системы образованія, отецъ мой, подобно немногимъ избранникамъ, умѣлъ учиться, такъ сказать, тайкомъ. Многосторонность и разнообразіе пріобрѣтённыхъ имъ свѣдѣній послужили и мнѣ указаніемъ на идею политехнической системы образованія, о чёмъ не разъ я уже намекалъ и о чёмъ, кажется скоро, побесѣдую вплотную. Здѣсь скажу только, что Василій Григорьевичъ на опытѣ доказалъ нелѣпость факультетскихъ раздѣленій, такъ что, окончивъ курсъ наукъ въ Лембергской академіи, онъ могъ ad libitum занять каѳедры правъ ли, естественной исторіи, математики, наукъ политическихъ, любаго изъ древнихъ (включительно съ еврейскимъ) и многихъ новыхъ языковъ и литературъ. Не надѣясь на Венгрію, не любя Австріи, Василій Григорьевичъ рѣшился посвятить труды свои славянамъ. Ему удалось получить мѣсто профессора физики и естественной исторіи въ Замосцьскомъ Лицеѣ, а черезъ годъ послѣ того въ томъ же Лицеѣ — каѳедру сельскаго хозяйства. Василій Григорьевичъ женился тамъ же, въ Замосцѣ, на двадцать восьмомъ году возраста, на Софьѣ Николаевнѣ Пилянкевичевой. Тамъ же послалъ имъ Богъ пятерыхъ дѣтей: сыновей — Николая, Павла, Александра, Платона и дочь Марію. Я, а потомъ Владиміръ, родились уже въ Петербургѣ. Дѣятельность Василія Григорьевича на поприщѣ сельскаго хозяйства совпадаетъ именно съ тѣмъ временемъ, когда агрономія, до того простой полевой промыселъ, практическое ремесло, усиліями ученыхъ и преимущественно Альбрехта Тера, преобразовывалась въ науку. Въ общемъ трудѣ есть и значительная доля Василія Григорьевича. Въ агрономическомъ журналѣ, который Кукольникъ издавалъ въ Лембергѣ на польскомъ языкѣ, многія положенія предупредили извѣстныя начала Тера, изложенныя въ сочиненіи его «Grundsätze der rationellen Landwirthschaft», изданное въ 1809 году и

появленіе коего можно считать исторической эрой агрономіи, какъ науки. Независимо отъ извѣстности, какую пріобрѣлъ молодой агрономъ преподаваніемъ и сочиненіями, не могу не упомянуть о механико-экономическомъ подвигѣ, сохранившемся въ семейныхъ преданіяхъ. Василій Григорьевичъ имѣлъ собственный, небольшой домикъ, но безъ сада и въ тѣсной улицѣ. Купивъ просторное, удобное и пустое мѣсто, Василій Григорьевичъ, уже не знаю какъ, воздвигъ отъ земли домъ свой съ фундаментомъ, поставилъ цѣликомъ на катки и, къ удивленію горожанъ, моему и, вѣроятно, вашему, перевёзъ его и поставилъ на новое мѣсто съ полнымъ успѣхомъ. Многообразныя свѣдѣнія, всегда правильныя, юридическія консультаціи, безукоризненная, честная жизнь — всё это вмѣстѣ было причиною общаго уваженія къ молодому профессору. Извѣстность его проникла и въ Петербургъ, гдѣ новое царствованіе, въ самомъ началѣ, исполняло патріотовъ самыми радужными надеждами. Приписывая неуспѣхъ — не людямъ, а учрежденіямъ, правительство нашло необходимыми многія реформы. Главнѣйшею было — уничтоженіе коллегій, на которыхъ Пётръ Великій воздвигъ, а Екатерина Великая упрочила величіе Россіи. Возникли министерства, въ томъ числѣ и министерство Народнаго Просвѣщенія. Министромъ назначенъ былъ графъ П. В. Завадовскій.

Простите, если нѣкоторые факты у меня не будутъ согласны съ такъ называемыми историческими статьями о С.-Петербургскомъ Университетѣ и Педагогическомъ Институтѣ. Право, не я виноватъ. Для соглашенія съ этими статьями не могу измѣнить имѣющихся у меня подлинныхъ документовъ. Просвѣщеніемъ занимались тогда не одинъ министръ, но и нѣкоторыя, казалось бы, совершенно постороннія лица; правда, между этими лицами были: Н. Н. Новосильцевъ, М. М. Сперанскій, князь Чарторижскій, графъ Разумовскій и Трощинскій — другихъ не исчисляю; но никто изъ нихъ не хлопоталъ такъ много о просвѣщеніи, какъ Новосильцевъ. Устраняя полемику, не могу однако же не сказать, что три профессора — М. А. Балугьянскій, П. Д. Лоди и отецъ мой — были выписаны изъ Австріи Новосильцевымъ, по совѣту карпаторосса И. С. Орлая, прибывшаго и поселившагося въ Россіи нѣсколько раньше. По пріѣздѣ въ Россію всѣ трое явились прежде всего къ Новосильцеву. Тутъ ужь я рѣшительно не знаю, какъ согласить мои матеріалы съ книгой, глаголемой: «Актъ двадцатипятилѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго Института». Тамъ, на страницѣ 5 — 6, сказано, что графъ Завадовскій испросилъ Высочайшее соизволеніе 20-го мая 1803 года учредить въ С.-Петербургѣ Учительскую Гимназію, которая, по окончательномъ устроеніи, 16-го апрѣля 1804 года переименована въ Педагогическій Институтъ. А между-тѣмъ въ письменномъ актахъ и въ послужномъ спискѣ отца моего ясно сказано, что онъ назначается ординарнымъ профессоромъ опытной физики при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, 6-го августа 1803 года. Надо ещё и то сказать, что это было только оффиціальнымъ разрѣшеніемъ довольно забавнаго случая. Отецъ мой былъ выписанъ, какъ видно изъ писемъ Новосильцева и Орлая, для занятія каѳедры римскаго права, но когда пріѣхалъ

въ С.-Петербургъ — каѳедра была замѣщена и графъ Завадовскій, не безъ затрудненія, принуждёнъ былъ спросить у отца моего: «не можетъ ли онъ преподавать что-либо другое?» — «Всё тò, что прописано въ докторскихъ моихъ дипломахъ.» — «Неужто и физику?» — «Охотно!» И вотъ почему отецъ мой 6-го августа 1803 года попалъ въ профессоры физики. Забавное сближеніе! Отецъ мой тогда ещё не зналъ русскаго языка; студенты не знали иностранныхъ языковъ — и дѣти священниковъ и церковниковъ, составлявшихъ тогда всероссійскій разсадникъ будущихъ наставниковъ юношества, слушали физику на языкѣ — славянскомъ. Въ двойныхъ трудахъ преподаванія и изученія русскаго языка Василій Григорьевичъ проводилъ безсонныя ночи, но въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже удовлетворительно изъяснялся по-русски, тогда-какъ Михайло Андреевичъ Балугьянскій, когда всѣхъ трёхъ утвердили въ седьмомъ классѣ и они по этому случаю представлялись Государю, на вопросъ императора Александра I, въ какой чинъ ихъ переименовали, отвѣчалъ добродушно: «Въ надворные совѣтники, ваше благородіе!» И такъ Россія была обезпечена сколько нибудь на счётъ будущихъ ея просвѣтителей. Но невѣжество чиновниковъ тѣмъ не нарушилось. Служба терпѣла. Признано было въ этомъ отношеніи полезнымъ открыть публичные курсы, собственно для чиновниковъ. Хотя въ томъ же «Актѣ» было сказано, что «науки публичнаго курса преподавали профессоры и адъюнкты менѣе занятые», но это, вѣроятно, не относится къ Василію Григорьевичу Кукольнику, потому-что онъ, независимо отъ преподаванія физики въ институтѣ, читалъ студентамъ химію — два года, технологію — годъ, сельское домоводство — восемь лѣтъ, и всё безъ особаго вознагражденія. Въ то же время онъ преподавалъ опытную физику въ С.-Петербургской гимназіи и сверхъ того читалъ чиновникамъ публичные курсы физики и римскаго права — три, а частнаго россійскаго права — четыре года. Правительство, желая помочь горю, замѣщеніемъ юридическихъ служебныхъ мѣстъ сколько-нибудь свѣдущими людьми, признало полезнымъ учредить Высшее Училище Правовѣдѣнія, при семъ преподаваніе римскаго права поручено было Василію Григорьевичу. Между-тѣмъ труды его и по части сельскаго хозяйства обратили на себя вниманіе правительства — и для напечатанія, какъ сказано, экономическаго журнала отъ щедротъ монаршихъ назначено было 1,000 рублей.

Наступилъ 1809 годъ, слишкомъ мнѣ памятный, хотя я его рѣшительно не помню и не могу помнить, потому-что это годъ моего рожденія. Нѣсколько дней спустя послѣ моего рожденія, послѣдовалъ указъ, который, по мнѣнію моему, важнѣе и дѣйствительнѣе Legis Pareae Poreae. При Петрѣ Великомъ служили неохотно, а потому употреблять службу, какъ средство для возбужденія охоты къ просвѣщенію, было бы безполезно — и Пётръ Великій воспретилъ вступать въ бракъ тѣмъ, которые не знаютъ грамоты. Но впослѣдствіи съумѣли перетолковать, что подобное узаконеніе, не принося ожидаемой пользы, можетъ повести къ безженству, а между-тѣмъ чиновность расплодилась, служба сдѣлалась для многихъ промысломъ, чины — цѣлію; и, по весьма мудрому разсчёту, чинолюбіе обратили въ сильную мѣру къ возбужденію желанія если не учиться,

то ужь по-крайней-мѣрѣ учить дѣтей своихъ. Невѣжеству чиновниковъ объявлена была истребительная война — на дорогѣ служебной поставлены заставы: безъ необходимѣйшихъ познаній въ наукахъ и языкахъ, ни въ коллежскіе ассессоры, ни въ статскіе совѣтники нельзя было прорваться. Для того, чтобы свободно пройдти черезъ эти заставы, необходимо было выдержать экзаменъ въ особомъ комитетѣ, учреждённомъ при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ. Въ этотъ комитетъ непремѣннымъ членомъ былъ назначенъ и отецъ мой. Припоминая разсказы и анекдоты, порождённые этимъ указомъ, невольно удивляешься, какъ это никому не пришло въ голову написать комедію съ натуры изъ этого превосходнаго сюжета. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Вообразите напримѣръ человѣка, рѣшительно не знающаго ни одного иностраннаго языка, заучивающаго смыслъ и произношеніе первыхъ двухъ страничекъ «Телемака», которыя, по снисходительности экзаменатора, служили поприщемъ для испытуемыхъ во французскомъ языкѣ. Были храбрые, изучавшіе эти двѣ странички безъ пособія учителя и произносившіе французскія слова по-латыни, какъ написано. Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ орденовъ Анны на шеѣ и Владиміра въ петлицѣ, И. И. С., приготовляясь къ роковому испытанію, ежедневно ввечеру за чаемъ за великую новость разсказывалъ женѣ и домочадцамъ про побѣды Аннибала и Сципіона. Исторія чиновной учоности не обошлась и безъ примѣровъ сумасшествія. Напримѣръ, столоначальникъ Антонъ Ивановичъ былъ женатъ на нѣмкѣ Розѣ Карловнѣ. Поражонный эффектомъ римской исторіи, онъ привёлъ жену свою въ православную вѣру собственно для того, чтобы назвать её Клеопатрой, самъ же подписывался не Антономъ, а высокимъ стилемъ — Антоніемъ. На несчастіе, или для бо̀льшаго сходства съ исторіей, нашолся какой-то Августъ Леонтьичъ, ревизоръ — и Антоній кончилъ по-римски: видя неизбѣжную необходимость бѣгства на казенный счётъ къ сибирскимъ скиѳамъ, бросился въ Неву, а перепуганной такой римской катастрофой Клеопатрѣ пришлось приставить къ груди, вмѣсто аспида, 60 піявокъ. Но не одна исторія производила чудеса. Одинъ титулярный совѣтникъ — и этотъ былъ ученикомъ моего отца — изо всего добывалъ электричество. Что бы ни попадало ему подъ руку, живое, неодушевлённое, подвергалось страшному тренію. Онъ былъ человѣкъ ни бѣдный, ни богатый; но весь достатокъ его извели физическіе эксперименты. Онъ нарочно собиралъ гостей, запиралъ ихъ въ тёмную комнату съ внутренними ставнями и, пропуская солнечный лучъ сквозь призму, тѣшилъ ихъ радугой, или, закрывъ плотно солнечную въ ставнѣ скважину, ставилъ передъ зрителями картину; жена вертѣла колесо электрической машины, а онъ торжественно объяснялъ молнію, пробѣгавшую по картинѣ и освѣщавшую пейзажъ, какого теперь не удастся встрѣтить и на табакеркахъ. Начальникъ, ещё до указа проскочившій въ статскіе совѣтники, почувствовалъ къ подчинённому такой страхъ и отвращеніе, что наконецъ не выдержалъ и, скрѣпя сердце, объявилъ ему, безъ шутокъ, что онъ долѣе съ колдуномъ служить не намѣренъ.

Случайно у меня набралось множество анекдотовъ того времени; но сколько такихъ анекдотовъ въ лицахъ удалось видѣть отцу моему, за-

сѣдавшему почти четыре года въ этомъ и забавномъ и вмѣстѣ печальномъ комитетѣ того и не перечесть. Отъ этой непріятной должности освободила его новая обязанность. 20-го апрѣля 1813 года на Василія Григорьевича возложено было преподаваніе римскаго и гражданскаго россійскаго правъ великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. Преподаваніе продолжалось съ небольшимъ четыре года, то-есть по 1-е іюля 1817 года — и послѣднія два лѣта сохранились въ моей памяти въ совершенной свѣжести, какъ-будто всё это случилось вчера. Въ 1816 году въ продолженіе всего лѣта отецъ мой, отправляясь въ Павловскъ, каждый разъ бралъ съ собою и меня, а лѣто слѣдующаго года всё наше семейство провело въ Павловскѣ, въ казённомъ домикѣ. Въ это же самое лѣто зародилась у отца гибельная мысль переселенія изъ Петербурга. Около этого времени сестра моя Марія Васильевна вышла изъ Екатерининскаго Института, причёмъ здоровье ея оказалось совершенно разстроено и врачи объявили, что помочь ей можетъ только одинъ тёплый климатъ. Какъ нарочно и случай къ тому вскорѣ представился, хотя въ этотъ же періодъ дѣятельность Василія Григорьевича значительно увеличилась: въ 1814 году онъ былъ назначенъ членомъ Временнаго Департамента Коммерцъ-Коллегіи, причёмъ, въ качествѣ визитатора, обязанъ былъ обозрѣвать всѣ учебныя, какъ казённыя, такъ и частныя заведенія, сначала въ С.-Петербургѣ, потомъ въ Псковской губерніи; затѣмъ былъ назначенъ совѣтникомъ правленія Главнаго Педагогическаго Института, причёмъ два раза исполнялъ должность директора этого института, а когда, въ 1816 году, заведеніе это было закрыто, Василій Григорьевичъ былъ назначенъ преподавателемъ права римскаго и отечественнаго на публичныхъ курсахъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.

Но во всѣ эти годы всѣ труды и мысли Василія Григорьевича принадлежали уже не Главному Педагогическому Институту, а новому заведенію, затѣянному по идеямъ и педагогическимъ его видамъ. Въ числѣ учениковъ его находился въ то время молодой графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, которому предлежало исполнить завѣтъ графа Ильи Андреевича Безбородко — основать и устроить высшее учебное заведеніе на родинѣ графа, въ Малороссіи, а именно — въ Нѣжинѣ. Въ Кіевѣ тогда университета ещё не было; Харьковскій былъ не близко, да и выборъ мѣста казался удачнымъ: небо благословенной Малороссіи было соблазнительно, а ещё болѣе увлекала возможность создать по собственнымъ педагогическимъ соображеніямъ, провѣреннымъ столь продолжительнымъ опытомъ — новое, высшее учебное заведеніе. Казалось, судьба хотѣла вознаградить труженика исполненіемъ лучшихъ его желаній, обѣщавшихъ любимой дочери исцѣленіе, а себѣ — любимую, независимую, самостоятельную дѣятельность, тѣмъ болѣе, что и всё по наружности благопріятствовало и обѣщало содѣйствіе предпріятію. Мысль Василія Григорьевича оставить Петербургъ встрѣтила однако же и противорѣчіе, даже противодѣйствіе во многихъ, знавшихъ и цѣнившихъ его. Къ сожалѣнію, не смѣю наименовать бывшихъ въ томъ числѣ священной памяти особъ, хотя и онѣ уже оста-

вили земную обитель. Ни что не помогало. Fatum, судьба увлекала. Напрасно 2-го марта 1819 года Василій Григорьевичъ назначенъ былъ предсѣдательствующимъ въ конференціи новорождённаго С.-Петербургскаго университета, въ видахъ улучшенія средствъ жизни пожалована аренда въ Виленской губерніи и, наконецъ, съ приближеніемъ срока открытія Петербургскаго университета общій голосъ назначалъ его первымъ ректоромъ. Судьба шла своимъ путёмъ. Въ день, назначенный для избранія ректора, Василій Григорьевичъ въ заключеніи рѣчи, по этому случаю произнесённой, впередъ поблагодаривъ тѣхъ, которые бы, по расположенію своему, вздумали дать за него свой избирательный голосъ, объявилъ, что дѣло уже кончено и онъ въ Петербургѣ ни въ какомъ случаѣ не останется. Вслѣдствіе того большинствомъ голосовъ былъ избранъ первымъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета М. А. Балугьянскій, соотечественникъ и соученикъ моего отца.

Сложивъ 1-го октября того же года должность главы университета, Василій Григорьевичъ занялся исключительно своимъ малороссійскимъ дѣтищемъ. Безусловное къ нему довѣріе почётнаго попечителя новаго заведенія графа А. Г. Кушелева-Безбородко и высшаго начальства — было безпримѣрно. Онъ закупалъ въ Петербургѣ всё, необходимое для первоначальнаго устройства заведенія, не отдавая никому отчёта, не испрашивая ни у кого разрѣшенія; онъ самъ избралъ и назначилъ преподавателей — и утвержденіе ихъ въ предположенныхъ имъ должностяхъ было обѣщано. 21-го іюля 1820 года послѣдовало увольненіе его отъ должности профессора и совѣтника при С.-Петербургскомъ университетѣ, а 5-го августа мы были уже на пути въ благословенную Малороссію.

Гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко — такъ называлось новое заведеніе — организаціей своей представляла учрежденіе для доставленія юношеству, такъ сказать, необходимѣйшаго общественнаго образованія, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ такихъ размѣрахъ, въ которыхъ бы воспитанники достаточно приготовлялись для дальнѣйшихъ, если бы захотѣли, спеціальныхъ занятій. Тогдашняя педагогика справедливо сознавала непригодность спеціальныхъ заведеній съ низшими классами. Страннымъ казалось предуказывать ребёнку тотъ или другой путь, насилуя способности его и характеръ, такъ какъ рѣшительная склонность къ той или другой отрасли наукъ или искусствъ положительно обнаруживается весьма поздно. Если ребёнокъ любитъ стучать въ дѣтскій барабанъ, или играть деревянной саблей — это ещё не есть ручательство въ наклонности его къ военному ремеслу. Назначать впередъ этому быть воиномъ, этому врачомъ, этому юристомъ, похоже на способъ устройства нашихъ полковыхъ оркестровъ, гдѣ, сортируя рекрутъ, назначаютъ: ты будешь фаготъ, а ты кларнетъ, а ты флейта. Тѣ же послѣдствія видимъ и въ образованіи спеціальномъ, если оно начинается съ низшихъ классовъ. И неужели юристъ долженъ знать другой катехизисъ, другую ариѳметику, другую географію и такъ далѣе, а не ту, которую долженъ знать офицеръ, негоціантъ и члены прочихъ сословій. Науки спеціально могутъ преподаваться съ успѣхомъ только слушателямъ, приготовленнымъ энциклопедически и то въ такомъ только случаѣ, когда охота и стремленіе къ спеціальному

изученію проявились и положительно обнаружились въ возрастѣ сознательномъ. Эти-то начала имѣлись въ виду при учрежденіи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Курсъ ученія продолжался девять лѣтъ и вѣроятно только потому, что нельзя было такимъ продолжительнымъ опытомъ не убѣдиться, что у насъ ещё не любятъ долго учиться, такъ какъ мы хотимъ знать всё, скоро, на лету и окончательно, кончивъ же курсъ, считаемъ, что исчерпали источникъ образованности и бросаемъ книги, читаемъ журналы и газеты политико-литературные, не догадываясь, что не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ насъ учили только какъ учиться, какъ приняться за подвигъ — истиннаго и необходимаго просвѣщенія. Не смотря однако же на столь продолжительный курсъ ученія, какъ тогда казалось многимъ, съ перваго шага явилось много охотниковъ, больше чѣмъ ожидали. Прибывъ въ Нѣжинъ, Василій Григорьевичъ принуждёнъ былъ черезъ мѣсяцъ открыть курсъ ученія. Воспитанниковъ набралось до 50 и ихъ раздѣлили на два класса: больше и меньше знающихъ. Видя, что преподаватели не ѣдутъ, отецъ, съ помощію сына Платона, сталъ учить всему самъ. Помаленьку стали являться и профессора, но на бѣду не всѣ тѣ, которыхъ просилъ отецъ, и какъ обѣщали. Это былъ первый и слишкомъ чувствительный ударъ добросовѣстному педагогу. Надежды — разомъ были уничтожены; средства — отняты; къ тому присоединилась тяжкая скука учонаго, совершенно изолированнаго, потому-что не только общество, но и тѣ, которые должны были служить ему помощниками, не могли вполнѣ понимать видовъ его, раздѣлять его мысли и чувства, и тоска слишкомъ скоро потрясла чувствительный его организмъ. Онъ впалъ въ гипохондрію, быстро и неотразимо увлёкшую его въ преждевременную могилу. Рано утромъ, 6-го февраля 1821 года, ни кѣмъ не замѣченный, онъ выбросился изъ окна третьяго этажа и убился до смерти на пятьдесятъ шестомъ году жизни. Тѣло Василія Григорьевича похоронено въ оградѣ стараго нѣжинскаго монастыря, по желанію единственнаго въ Нѣжинѣ друга его и соотечественника архимандрита Виктора.

Для полноты этого біографическаго очерка считаю необходимымъ присовокупить, что Василіемъ Григорьевичемъ Кукольникомъ были изданы въ Замостьѣ слѣдующія его сочиненія на польскомъ языкѣ: 1) Dzieło Ekonomiczne — въ пяти частяхъ и 2) Dziennik Ekonomiczny — въ двѣнадцати нумерахъ, а въ Россіи: 1) Курсъ хозяйственныхъ свѣдѣній. Спб. 1805. 2) Экономическій Журналъ, издаваемый Василіемъ Кукольникомъ. Три части. Спб. 1807. 3) Начальныя основанія римскаго гражданскаго права, для руководства въ преподаваніи онаго на публичныхъ курсахъ. Сочиненіе Кукольника. Спб. 1810. 4) Начальныя основанія сельскаго домоводства. Сочиненіе Василія Кукольника. Издано Главнымъ Правленіемъ Училищъ, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи. Спб. 1810. 5) Начальныя основанія Россійскаго Частнаго Гражданскаго Права, для руководства къ преподаванію онаго на публичныхъ курсахъ. Сочиненіе Василія Кукольника. Спб. 1813. 6) Частное Гражданское Право. Двѣ части. Часть I. Изложеніе законовъ по предметамъ частнаго гражданскаго права, лицамъ,

вещамъ и дѣяніямъ. Часть II. Обрядъ гражданскаго судебнаго дѣлопроизводства. Сочиненіе Василія Кукольника. Спб. 1815 — 1816. 7) Руководство къ преподаванію Римскаго Права. Сочиненіе Василія Кукольника. Издано Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Двѣ части. Спб. 1821.

Н. Кукольникъ.

II.

И. С. ОРЛАЙ.

(Изъ памятной книжки.)

1.

Послѣ кончины отца моего, наступилъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко довольно продолжительный Interregnum. Онъ длился, если не ошибаюсь, до октября мѣсяца того же 1821 года. Матушка моя, вдова покойнаго директора, питала надежду, что на мѣсто Василія Григорьевича назначенъ будетъ старшій сынъ его, который могъ занять эту должность какъ по чину, такъ и потому, что былъ уже директоромъ одного небольшого благотворительнаго заведенія въ С.-Петербургѣ. Лѣтомъ, проѣздомъ, посѣтили насъ гости: вдова извѣстнаго въ исторіи XII года генерала Дорохова съ семействомъ. Съ ними былъ и лейбъ-медикъ Иванъ Семёновичъ Орлай, землякъ и другъ покойнаго отца моего. Понравилась ли Орлаю уединённая наша Гимназія, увлекла ли его мысль приложить свои педагогическія соображенія къ дѣлу въ заведеніи новомъ, ещё не сложившемся, или другія причины руководили имъ, только Иванъ Семёновичъ тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ сталъ искать этого мѣста — и вскорѣ получилъ его. Это послѣднее обстоятельство заставило матушку со всѣми дѣтьми переселиться въ пожалованное отцу моему имѣніе, небольшое, но хорошо устроенное — фольварокъ близь Вильно, съ небольшимъ числомъ крестьянъ, носившій названіе Бебрусы. Мы разстались съ Нѣжиномъ и, казалось, навсегда, хотя, признаюсь, я послѣ крѣпко жалѣлъ, что меня не оставили въ Гимназіи. Когда, два года спустя, пришлось воротиться въ Нѣжинъ, товарищи мои П. Г. Рѣдкинъ и В. В. Тарновскій тремя, а другіе — въ томъ числѣ и Н. В. Гоголь — однимъ классомъ были уже выше меня. Иванъ Семёновичъ, когда я воротился въ Нѣжинъ, принялъ меня по истинѣ какъ сына, такъ-что я сдѣлался у него въ домѣ своимъ и до самаго отъѣзда пользовался особеннымъ его расположеніемъ, чему многимъ обязанъ. Правда, я въ Житомирскомъ уѣздномъ училищѣ, куда меня забросила своенравная судьба, писалъ уже стихи, но Орлаю лично обязанъ я направленіемъ моихъ занятій, пополненіемъ свѣдѣній,

которыхъ я не могъ пріобрѣсти въ нашихъ классахъ, указаніемъ системы, какъ учиться и руководствомъ во время самаго ученія. Я нашолъ въ Гимназіи порядокъ преподаванія переустроеннымъ. Курсъ наукъ и языковъ, по первоначальному плану, продолжался девять лѣтъ. Иванъ Семёновичъ передѣлалъ: науки по прежнему преподавались девять лѣтъ, а языки только шесть, въ особыхъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ могли быть ученики изо всѣхъ классовъ. Такъ напримѣръ воспитанники изъ девятаго высшаго класса по языкамъ ходили въ четвёртое отдѣленіе и наоборотъ, такъ-что въ шестомъ лингвистическомъ отдѣленіи были воспитанники изъ четвёртаго класса. По воскресеніямъ я уже постоянно проводилъ время въ кругу директорскаго семейства; но и въ будни, особенно по вторникамъ, когда въ классахъ учили рисованію, я имѣлъ право приходить къ директору, безъ всякой церемоніи садился за фортепьяно и барабанилъ какія-то варіаціи Калькбреннера на Rule Britania. Можетъ-быть музыка моя начинала надоѣдать хозяину, только обыкновенно кончалось тѣмъ, что Иванъ Семёновичъ изъ ближайшей комнаты, гдѣ по обычаю сидѣлъ одинъ, высунетъ бывало голову, скажетъ: «Несторъ Васильевичъ, пожалуйте сюда!» — и музыкѣ конецъ и начинается бесѣда обо всёмъ: и китайцы, любимцы Ивана Семёновича, и греки, и римляне, и всѣ науки, и всѣ искусства. Чистая энциклопедія въ пріятныхъ разсказахъ! И, не смотря на мою ещё сильно зелёную молодость, право, я любилъ больше вторники, чѣмъ воскресенія. Это была моя аѳинская академія. Съ нѣжнаго дѣтства я уже учился по-латыни и говорилъ довольно порядочно на этомъ языкѣ, что много способствовало мнѣ держаться въ постоянной милости у Ивана Семёновича, не смотря на шалости разнаго масштаба, которыми испещрена не только студенческая жизнь, но и вся моя молодость. Многія жалобы на меня, какъ инспектора, такъ и надзирателей, принимались часто съ улыбкой, а нѣкоторыя даже обращались на голову самихъ доносителей. Зналъ ли достойный педагогъ съ такою подробностію моё сердце, въ которомъ дѣйствительно, съ помощью Божіей, зла никогда не было, что̀ и до-сихъ-поръ составляетъ моё безпредѣльное и невозмутимое блаженство, или толковалъ эти шалости рѣзвостью, необходимою для дѣятельности молодыхъ и живыхъ нравственныхъ силъ? Мнѣ кажется, снисходительность его имѣла и тотъ и другой источникъ, хотя онъ не оставлялъ моихъ фокусъ-покусовъ безъ особеннаго вниманія и журилъ за нихъ по вторникамъ не рѣдко, но всегда по латыни, всегда съ улыбкой, иногда угрожая наказать меня — чѣмъ бы вы думали? — лишеніемъ права пользоваться гимназической библіотекой!

Нынче такъ много пишутъ о педагогіи, что нашему брату, дилетанту въ этомъ дѣлѣ, и говорить бы на этотъ счётъ ничего не слѣдовало. Но таково свойство врождённыхъ увлеченій, наслѣдственныхъ наклонностей! Я ещё мальчишкой прочилъ себя въ профессоры, мечталъ только о профессурѣ, всякую службу, кромѣ ученой, презиралъ, какъ занятіе недостойное человѣка — и хотя съ нѣмцами познакомился нѣсколько позже, но уже въ 1824 году былъ по инстинкту нѣмцемъ и не рѣдко выманивалъ у Ивана Семёновича различныя свѣдѣнія, относив-

шіяся до учоного и учебнаго быта въ Германіи. Въ другомъ мѣстѣ моей «Памятной Книжки» разскажу со временемъ, какъ два раза меня подшибли на педагогическомъ поприщѣ: первый разъ, когда я былъ уже преподавателемъ, а другой разъ гораздо позднѣе, такъ-что по неволѣ я потерялъ всякую охоту къ учебной службѣ. Но тогда я чувствовалъ горячо, смотрѣлъ на всё a priori, а потому и не допускалъ, чтобы просвѣщеніе могло гдѣ-нибудь быть чѣмъ-то ограниченнымъ, орудіемъ для чего-нибудь, чтобы оно могло подчиняться милліонамъ разныхъ безобразныхъ формъ, условій, порядковъ; я вѣровалъ въ чистоту и безграничную пользу просвѣщенія, въ свободу науки и ея приложеній. Не удивительно: я былъ въ то время — дитя и ничего ещё не успѣлъ видѣть на свѣтѣ, кромѣ узенькой комнатки, гдѣ говорилъ такъ покойно, но такъ тепло Иванъ Семёновичъ о наукѣ, о преподаваніи. Именно въ это время — въ 1824 и 1825 годахъ — я писалъ подъ диктовку Ивана Семёновича большую педагогическую статью, напечатанную въ одной изъ тогдашнихъ газетъ, но въ какой — теперь не припомню. Знаю только, что газета эта мѣсяца три валялась на окнѣ той же узкой комнаты и я, по приказанію Ивана Семёновича, долженъ былъ читать её вслухъ многимъ посѣтителямъ, въ томъ числѣ и генералъ-штабъ-доктору 1-й арміи Баталину. Какъ теперь помню послѣдовавшій за чтеніемъ разговоръ. Иванъ Семёновичъ сильно возставалъ противу закрытыхъ училищъ и называлъ этотъ способъ іезуитскимъ. Въ Нѣжинской Гимназіи при нёмъ допущены были вольноприходящіе — и эта мѣра много содѣйствовала къ особенному возвышенію заведенія.

Безпрестанно вслушиваясь въ педагогическія соображенія Ивана Семёновича, невольно захотѣлось мнѣ знать, какими путями самъ онъ дошолъ до такой высокой ступени въ учоному и учебному мірѣ. Но этотъ этюдъ оказался гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ я думалъ. Иванъ Семёновичъ о прошедшей служебной дѣятельности, да и вообще о себѣ говорилъ неохотно. Изъ самыхъ утончённыхъ, осторожныхъ и, разумѣется, робкихъ распросовъ, какіе, по положенію и по возрасту моему, могли быть дозволены шестнадцати-лѣтнему шалуну, я узналъ только то, что Иванъ Семёновичъ былъ точно также, какъ и отецъ мой, карпаторосъ, точно также, какъ и отецъ мой, носилъ двойную фамилію — Орлай де Карва и происходилъ отъ старыхъ венгерскихъ дворянъ, у которыхъ унія отняла достояніе, что онъ родился въ 1771 году въ Венгріи въ Мораво-Россійскомъ комитатѣ, въ городѣ Тустѣ, отъ благородныхъ родителей Семёна Орлая и Екатерины Белезроевой, учился сначала въ мѣстныхъ школахъ, былъ всегда и по ученью и по шалостямъ — первый. Пополнивъ образованіе своё въ разныхъ университетахъ, какъ въ Германіи и теперь ещё въ модѣ, Иванъ Семёновичъ вступилъ на любимое, то-есть учительское поприще.

Въ 1834 году въ журналѣ «Москвитянинъ» помѣщены были «Воспоминанія учителя», составленныя бывшимъ въ Нѣжинской Гимназіи учителемъ латинскаго языка Кулжинскимъ. Авторъ говоритъ и объ Иванѣ Семёновичѣ Орлаѣ — и между прочимъ разсказываетъ, будто онъ, будучи учителемъ въ низшихъ классахъ австрійской гимназіи, искалъ

мѣста старшаго учителя и выдержалъ по конкурсу экзаменъ лучше другихъ, но ректоръ, іезуитъ, мѣста ему не далъ якобы потому, что Орлай — русинъ. «Ну, когда я русинъ», сказалъ будто на это Иванъ Семёновичъ, «такъ поѣду же я на Русь» — и поѣхалъ. Откуда взялъ господинъ Кулжинской это извѣстіе — не знаю, но изъ оффиціальныхъ фактовъ видно, что Иванъ Семёновичъ въ 1790 году былъ уже профессоромъ словесныхъ наукъ въ Велико-Карловской Гимназіи, откуда перебрался въ С.-Петербургъ. Бросивъ учительское поприще, онъ опредѣлился въ Медико-Хирургическое училище студентомъ, а черезъ полтора года выдержалъ экзаменъ въ Государственной Коллегіи и былъ назначенъ лекаремъ въ генеральную сухопутную гошпиталь. Способности и познанія Орлая обратили на него тогда же вниманіе начальства, такъ-что въ сентябрѣ того же года онъ былъ сдѣланъ помощникомъ учонаго секретаря той же Коллегіи, которая поручила ему привести въ порядокъ находившіеся при Коллегіи весьма разстроенную библіотеку и анатомико-физіологическій кабинетъ. Иванъ Семёновичъ предложилъ Коллегіи и, съ ея разрѣшенія, открылъ и сталъ объяснять этотъ кабинетъ петербургской публикѣ. Лѣтомъ слѣдующаго 1794 года Коллегія отправила Ивана Семёновича за границу для усовершенствованія — прямо въ Вѣнскій университетъ, гдѣ онъ и пробылъ три года, а возвратясь, занялъ прежнее мѣсто. 14-го февраля 1798 года, произведённый въ штабъ-лекари, Иванъ Семёновичъ назначенъ былъ, сверхъ занимаемой имъ должности, лекаремъ лейбъ-гвардіи въ Семёновскій полкъ, но тамъ оставался всего годъ, а 30-го сентября 1799 года перешолъ лекаремъ въ Почтамтъ, постоянно сохраняя званіе помощника учонаго секретаря въ Государственной Медицинской Коллегіи. Во всё время служенія при Коллегіи Иванъ Семёновичъ тщательно собиралъ всё, что являлось замѣчательнаго по части медицины въ Россіи, всё это переводилъ съ разныхъ языковъ на латинскій, нѣкоторыя статьи пополнялъ и даже обработывалъ вновь. Государственная Медицинская Коллегія нашла этотъ трудъ столь важнымъ, что рѣшилась напечатать отъ себя подъ заглавіемъ: «Observationes Medico-Chirurgorum Ruthenici Imperii». 9-го марта 1800 года Иванъ Семёновичъ окончательно оставилъ Коллегію и назначенъ былъ гофъ-хирургомъ Его Императорскаго Величества; въ этомъ званіи, по случаю кончины Павла I, ему Высочайше повелѣно было находиться неотлучно при тѣлѣ Императора, что̀ и продолжалось съ 12-го марта до дня погребенія.

Насталъ новый вѣкъ для всей Европы, а для Россіи и ея просвѣщенія въ особенности, о чёмъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ. Правительство, при всѣхъ усиліяхъ, не могло не затрудниться совершеннымъ недостаткомъ наставниковъ, а создать ихъ вдругъ было невозможно. Иванъ Семёновичъ въ 1803 года подалъ статсъ-секретарю Николаю Николаевичу Новосильцеву записку, въ которой предложилъ весьма лёгкое, вѣрное и дѣйствительное средство имѣть въ самомъ скоромъ времени способныхъ и знающихъ преподавателей, которые бы могли въ самый непродолжительный срокъ излагать науки по-русски. Средство это заключалось въ приглашеніи иноземныхъ наставниковъ

славянскаго происхожденія, и преимущественно карпато-россовъ, такъ-какъ они обыкновенно знаютъ основательно церковно-славянскій языкъ. Я уже имѣлъ случай неоднократно указывать, какъ въ то время, обильное благодѣтельнѣйшими начинаніями, точно такъ же, какъ и при Петрѣ Великомъ, мало обращали вниманія на китайскія церемоніи оффиціальной формальности, когда представлялась государственная народная польза. Такъ и проэктъ Ивана Семёновича не только былъ одобренъ безъ малѣйшей проволочки, но ему же самому, надворному совѣтнику, и тò, такъ-сказать вчера только пожалованному, поручено было лично заняться этимъ дѣломъ и пригласить кого знаетъ и считаетъ способнѣйшимъ. Иванъ Семёновичъ такимъ порученіемъ не затруднился — и по его приглашенію пріѣхали въ Россію: отецъ мой, профессоръ политическихъ наукъ въ Велико-Варадской Академіи М. А. Балугьянскій, профессоръ любомудрія и математики во Львовскомъ университетѣ П. Д. Лоди, профессоръ А. П. Стойковичь, профессоръ Терлаичъ (оба изъ венгерскихъ сербовъ) и нѣкоторые другіе. Начальство не ошиблось въ довѣренности своей и оффиціально благодарило Ивана Семёновича за оказанную услугу, со внесеніемъ этой признательности въ послужной его списокъ.

7-го марта 1805 года Иванъ Семёновичъ оставилъ службу въ Почтамтѣ и былъ назначенъ помощникомъ лейбъ-хирурга баронета Вилліе. Въ это именно время возникли и утвердились самыя дружескія отношенія между Иваномъ Семёновичемъ и баронетомъ Вилліе, который, въ царствованіе императора Александра I, по медицинской части имѣлъ огромное вліяніе и силу. Жажда познаній увлекла Ивана Семёновича опять за границу. 4-го мая 1806 года онъ уволенъ за границу, а 1-го ноября того же года — возвратился въ Россію. Всего шесть мѣсяцевъ, а между-тѣмъ въ этомъ короткій срокъ онъ успѣлъ въ Кёнигсбергскомъ университетѣ получить званіе магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи, а въ Дерптскомъ званіе доктора медицины и хирургіи. Какія именно были тѣ сочиненія, за которыя Иванъ Семёновичъ получилъ ученыя званія къ Кёнигсбергскомъ университетѣ, я не могъ доискаться. Полагаю, что сочиненія эти относились до филологіи по части латинскаго языка, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Докторское званіе въ тѣ времена въ Германіи пріобрѣталось легко и недорого; но это не могло относиться до Кёнигсбергскаго университета, осіяннаго, да позволено будетъ такъ выразиться, славою величайшаго мыслителя всѣхъ вѣковъ — безсмертнаго Канта, который освободилъ человѣческую мысль отъ тяжкаго гнёта схоластической тиранніи и необинуясь, можно сказать, создалъ XIX вѣкъ цѣликомъ, уничтоживъ рогатки для философіи и всѣхъ послѣдующихъ столѣтій. Иванъ Семёновичъ не засталъ уже великаго философа въ живыхъ; но менѣе того Кёнигсбергъ былъ полонъ ещё его свѣжей славой. Званіе доктора философіи ужь конечно нельзя было тамъ получить иначе, какъ по тетрадкамъ, такъ сказать, Канта; а это ручалось за правильность воззрѣній и отсутствіе схоластики въ новомъ докторѣ. На возвратномъ пути Иванъ Семёновичъ заѣхалъ въ Дерптъ, и тамъ, какъ тогда говорили, докторизовался. Для полученія доктора медицины и хирургіи онъ представилъ: «Dissertatio sistens doctrinas de viribus na-

turae medicatricibus, historiam brevem, expositionem, vindicias» и пр. Эта диссертація была напечатана. Вѣроятно въ это же путешествіе Иванъ Семёновичъ успѣлъ пріобрѣсти, а въ Россіи пополнить собраніе птицъ, которое онъ и принёсъ въ даръ Педагогическому Институту, за что Государь пожаловалъ ему бриллiантовой перстень. Труды и познанія Ивана Семёновича не могли не обратить на себя вниманіе ученаго сословія, которому онъ служилъ украшеніемъ; Императорская Медико-Хирургическая Академія избрала, а министръ Внутреннихъ Дѣлъ утвердилъ его 27-го августа 1808 года въ званіи ученаго секретаря Академіи, въ чинѣ ещё надворнаго совѣтника, потому-что въ коллежскіе онъ произведёнъ годомъ позже, и въ томъ же 1809 году награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, а 7-го мая 1810 года назначенъ докторомъ къ Его Императорскому Величеству. Вслѣдъ за тѣмъ Иванъ Семёновичъ отправился на 5 мѣсяцевъ за границу, а по возвращеніи его, комитетъ, учреждённый для изданія «Всеобщаго Журнала Врачебной Науки», избралъ его своимъ редакторомъ. Хотя Иванъ Семёновичъ прослужилъ въ государственной россійской службѣ всего 18 лѣтъ, не смотря на то, за особенныя заслуги и ученые труды онъ въ томъ же 1811 году, 6-го октября, получилъ пенсію въ тысячу рублей въ годъ по смерть. Доказательство, какъ въ то время не стѣснялись формами и порядками, когда представлялся случай награждать ученую заслугу.

Наступилъ многославный и тяжкій годъ испытанія. Число военныхъ больныхъ въ 1812 году возрастало, въ особенности въ С.-Петербургскомъ Сухопутномъ Госпиталѣ. 8-го апрѣля 1812 года Иванъ Семёновичъ охотно вызвался лечить въ этомъ госпиталѣ и полтора года самымъ рачительнымъ образомъ исполнялъ званіе ординатора, за что и удостоился получить орденъ Св. Анны 2-й степени. Произведённый въ статскіе совѣтники, Иванъ Семёновичъ, по разстроенному здоровью, сталъ чувствовать тягость лежавшихъ на нёмъ обязанностей, почему согласно прошенію и уволенъ отъ званія ученаго секретаря Академіи, но оставленъ докторомъ Государя Императора и состоящимъ по особымъ порученіямъ при президентѣ Академіи баронетѣ Виллiе, съ производствомъ ему, сверхъ пенсіи, 2,000 рублей содержанія изъ Государственнаго Казначейства. Медико-Хирургическая Академія обязана Ивану Семёновичу устройствомъ бюрократическаго порядка. Онъ завёлъ по Академіи правильную отчётность, порядокъ по теченію дѣлъ и составилъ формы на латинскомъ языкѣ для дипломовъ, свидѣтельствъ, инструкцій и проч.

Это назначеніе представило возможность заняться устройствомъ собственныхъ дѣлъ, что́ и служило поводомъ къ поѣздкѣ въ южную Россію. Въ это время Иванъ Семёновичъ пріобрѣлъ въ Полтавской губерніи, въ Миргородскомъ уѣздѣ, крошечное имѣніе, при которомъ было всего шесть душъ. Имѣніе это находилось въ сосѣдствѣ съ деревней матери Гоголя-Яновскаго. Кстати замѣчу, что въ Гимназіи Гоголь, какъ между товарищами, такъ и по оффиціальнымъ спискамъ — Гоголемъ не назывался, а просто Яновскимъ. Едва-ли удастся сказать въ другомъ мѣстѣ,

такъ да позволено будетъ здѣсь прибавить, что однажды, уже въ Петербургѣ, одинъ изъ товарищей при мнѣ спросилъ у Гоголя: «Съ чего ты это перемѣнилъ фамилію?» — «И не думалъ.» — «Да вѣдь ты Яновскій.» — «И Гоголь — тожъ.» Да что значитъ Гоголь? «Селезень», отвѣчалъ Гоголь сухо и свернулъ разговоръ на другую матерію. Я вспомнилъ и о Гоголѣ и о крошечномъ имѣніи Ивана Семёновича по забавному обстоятельству. Иванъ Семёновичъ не жаловалъ, если ученики, во время лекцій, оставляли классы и прогуливались по корридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки и потому не мудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ изъ бѣды сухъ и всегда одною и той же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семёновича издали, Гоголь не прятался, шолъ прямо къ нему на встрѣчу, раскланивался и докладывалъ: «Ваше Превосходительство! Я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать Вашему Превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идётъ всё очень хорошо....» — «Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться и отъ меня, и поблагодарить....» Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семёновича, и Гоголь безнаказанно продолжалъ свою прогулку по корридорамъ.

Во время этихъ поѣздокъ, какъ я уже упомянулъ въ другомъ мѣстѣ, случилось Ивану Семёновичу побывать въ Нѣжинѣ и полюбить нашъ уединённый городокъ и нашу матушку Гимназію, куда вскорѣ (3-го сентября 1821 года) и назначенъ онъ директоромъ, съ оставленіемъ въ званіи доктора Двора Его Императорскаго Величества.

Есть мгновенія въ жизни человѣка, когда всѣ способности и наклонности его вдругъ сказываются, облекаются въ стройный порядокъ и направляются по пути, ясно опредѣлённому; подобные моменты случаются и въ жизни отдѣльныхъ заведеній, и даже цѣлыхъ государствъ. Назначеніе Ивана Семёновича директоромъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко конечно и безпрекословно принадлежитъ къ числу такихъ событій. Съ его прибытіемъ въ Нѣжинъ, Гимназія получила внѣшнюю организацію, которая имѣла весьма хорошія послѣдствія. Заведеніе пріобрѣло характеръ своеобразный, самостоятельный. Не въ наукахъ сила; науки всѣ писаны тѣми же мёртвыми буквами, и часто самыя великолѣпнѣйшія программы, самыя утончённыя педагогическія системы лопаются, какъ мыльные пузыри, если исполнители не согрѣты любовію къ дѣлу, а ещё болѣе любовію къ учащимся. Мнѣ легко было впослѣдствіи понять и систему и успѣхи учениковъ несравненнаго Песталоцци, передъ которымъ всѣ эти напыщенные, мудро разглагольствующіе педагоги кажутся такими чопорными пигмеями, такими забавными лилипутами, и могъ я понять Песталоцци только потому, что имѣлъ счастіе учиться подъ крыломъ Ивана Семёновича, всегда на видъ строгаго, всегда важнаго, почти суроваго, но, подъ этой наружной холодностью, носившаго безграничную любовь къ человѣчеству, во всѣхъ его возрастахъ. Иванъ Семёновичъ былъ роста болѣе чѣмъ средняго. Не смотря на важное выраженіе, лицо его внушало чувство глубокаго уваженія безъ примѣси

боязни. Всегда въ бѣломъ галстухѣ, повязанномъ, по тогдашнему, вѣрёвочкой, всегда одѣтый, такъ что я и не помню, былъ-ли у Ивана Семёновича шлафрокъ. Семейныя преданія утверждали, что онъ въ своё время былъ даже щёголемъ. Вѣрный и ровный въ дружбѣ, онъ сохранялъ вообще всѣ сердечныя привязанности до преклонныхъ лѣтъ въ юношеской свѣжести, горячо и неизмѣнно. Недостойно было бы памяти Ивана Семёновича, если бы я умолчалъ о нѣкоторыхъ слабостяхъ и странностяхъ его характера, безъ которыхъ человѣкъ не человѣкъ. Тогда бы разсказъ мой походилъ на оффиціальные панегирики, которыми угощаютъ на всѣхъ торжественныхъ актахъ добродушныхъ, но маловѣрныхъ посѣтителей.

Иванъ Семёновичъ легко раздражался; постепенно разгорячаясь, онъ иногда прибѣгалъ къ пріёмамъ петровскимъ, не только въ отношеніи къ ученикамъ, но и къ преподавателямъ. Какъ не любилъ онъ ученическихъ прогулокъ по корридорамъ, такъ не жаловалъ, чтобы и преподаватели, при смѣнѣ лекцій, теряли время въ неумѣстныхъ бесѣдахъ въ тѣхъ же корридорахъ; такъ, однажды, набѣжавъ, спустя уже съ полчаса послѣ смѣннаго колокольчика, на профессора, который, за недостаткомъ матеріи для лекціи, сокращалъ время урока бесѣдой съ гувернёромъ, Иванъ Семёновичъ безъ церемоніи взялъ профессора за воротникъ, ввёлъ въ классъ; «пора, пора!» сказалъ гнѣвно и ушолъ, хлопнувъ дверью. Мы чуть не померли со смѣху. Но мы смѣялись не надъ Иваномъ Семёновичемъ, а надъ трусомъ профессоромъ, который пренелѣпо храбрился передъ нами. Ставъ въ фехтовальную позицію и обратясь къ запертой двери, герой восклицалъ: «а ну, ну! попробуй!» Тѣмъ и кончилось. Ввечеру того же дня я игралъ въ директорской столовой на фортепіано, а тотъ же профессоръ въ гостинной низко кланялся, слёзно извинялся. Иванъ Семёновичъ всё простилъ ему, даже собственную горячность и удостоилъ своей бесѣдой. Я уже имѣлъ случай говорить, что Иванъ Семёновичъ любилъ китайцевъ, или правильнѣе сказать этическую сторону философіи Кунъ-Дзи. Профессоръ на свою голову зналъ это и завёлъ разговоръ про далёкую Хину. Вдругъ — слышу: «Пошолъ вонъ! Самъ ты Конфуціусъ!» — и профессоръ подвергся постыдному изгнанію изъ гостинной. И по дѣломъ: во-первыхъ потому, что того вполнѣ заслуживалъ, во-вторыхъ потому, что Конфуціусъ есть слово бранное, изобрѣтённое іезуитами, въ насмѣшку надъ великимъ китайскимъ философомъ Кунъ-Дзи. Хотя и теперь ещё многіе называютъ философа Конфуціемъ, но такого названія Иванъ Семёновичъ не прощалъ никому, а тѣмъ болѣе профессору.

Иванъ Семёновичъ имѣлъ также великую *предилекцію* къ своимъ соотечественникамъ, карпато-россамъ. Я думаю, что и мнѣ многое сходило съ рукъ потому, что, кромѣ другихъ правъ, всё-таки я былъ сынъ карпато-росса, хотя и до-сихъ-поръ ещё не видалъ родныхъ Карпатовъ. Эта любовь къ далёкой родинѣ никогда не угасала. Въ Петербургѣ ещё, у насъ, на домашнемъ театрѣ, играли трагедію моего брата Павла Васильевича: «Эмерикъ». Во второмъ актѣ приготовлена была декорація, довольно вѣрно изображавшая общій видъ столицы

Венгріи, Оффена. Когда подняли занавѣсъ — и Иванъ Семёновичъ и Пётръ Дмитріевичъ Лоди и даже отецъ мой — не выдержали, вскочили и всѣ трое, будто условясь, закричали: «Бу̀да, Бу̀да!!»

Частенько, когда я игралъ па фортепіано, Иванъ Семёновичъ выдвинетъ, бывало, голову черезъ дверь и, улыбаясь, скажетъ «Ita!» Это означало: сыграй нашу венгерскую. И я разыгрывалъ съ разными варіаціями, какія по возрасту умѣлъ слѣпить, кухонно-латинскую пѣсню:

Extra Hungariam, non est vita,
Si est vita, non est ita.

Эта предилекція къ карпато-россамъ была не малою слабостью, которою люди смѣтливые умѣли пользоваться. Этой дорожкой влѣзъ на профессорскую каѳедру — простой сутяга, о чёмъ потомъ много жалѣлъ Иванъ Семёновичъ. Но люди такой организаціи вообще легко вѣрятъ, потому-что любятъ человѣчество искренно, и этимъ многіе, да и я самъ много грѣшный, не рѣдко пользовались. Какъ теперь помню, въ графскомъ саду, внѣ гувернёрскаго надзора, мы устроили осенью огромную дерновую скамью, куда собирались читать, и, что грѣха таить (вѣдь вы никому не скажете?), курить; а ужь если пошло на откровенность, такъ и полюбезничать съ двумя толстѣйшими нифмами съ пустыннаго предмѣстія Магерокъ, служившими огородницами — у кого бы вы думали? — у одного почтеннаго пустынника. Право такъ! Какъ подумаешь, чего въ старину не бывало. Подмѣтилъ ревнивецъ и командировалъ молодого приспѣшника своего, а тотъ въ одну ночь разорилъ нашъ эрмитажъ до основанія. Это взбѣсило насъ! Хотя начались уже утренники и вода покрылась тонкимъ ледянымъ стекломъ, но мы съ усиленнымъ усердіемъ возобновили нашъ эрмитажъ, разставили стражу — и поймали злодѣя, когда онъ шолъ вторично разорять наше гнѣздышко. Преступленіе требовало примѣрнаго наказанія и мы постановили такъ: держать приспѣшника четырёмъ сильнѣйшимъ за воротъ и мокать его въ подмерзавшій прудъ — ad effectum, то-есть пока не сознается въ побужденіяхъ и во всѣхъ обстоятельствахъ злодѣянія. Преступникъ тотчасъ повинился. Члены эрмитажа за обѣдомъ вооружились столовыми ножами; въ сумерки сдѣлана вылазка на Магерки и великолѣпная капуста въ двухъ огородахъ почтеннаго старца утромъ представила глазамъ хозяина печальную картину побоища. Онъ не выдержалъ и отправился къ Ивану Семёновичу съ жалобой; но я предвидѣлъ эту выходку и часомъ прежде успѣлъ представить Ивану Семёновичу о предосудительномъ поведеніи сосѣда и о разныхъ притязаніяхъ, къ намъ простираемыхъ. Явился пустынникъ, но узнавъ о намѣреніи Ивана Семёновича пожаловаться на него начальству, упалъ въ ноги и вымолилъ прощеніе, но съ тѣмъ, чтобы онъ, т. е. пустынникъ, оставилъ насъ въ покоѣ и не смѣлъ мѣшаться въ наши невинныя и притомъ учебныя забавы....

Обвиняйте, если угодно, Ивана Семёновича въ слабости. Я этого никогда не сдѣлаю. «Я самъ шалилъ», говаривалъ Иванъ Семеновичъ: «и знаю, что степенный опаснѣе рѣзваго.»

И этотъ повидимому слабый, раздражительный, странный начальникъ умѣлъ снискивать любовь къ себѣ дѣтей почти неограниченную. Никто въ присутствіи его никогда не забывался, но никто и не стѣснялся его присутствіемъ. Шалили напропалую, учились ещё пуще и наблюдали только за тѣмъ, чтобы въ шалости тля подлости не залѣзла. Такое направленіе получило характеръ рыцарскій въ особенности съ открытіемъ 7-го класса. Тогда Иванъ Семёновичъ останавливалъ молодёжь, если больно шалила, словами: «не ловко, господа! вѣдь вы уже офицеры.» И юношество равнялось, укладывалось въ благородныя формы, лѣзло, рвалось быть образованнымъ, даже ученымъ. Я помню, напримѣръ, что П. Г. Рѣдкинъ и я, между дѣломъ и бездѣльемъ, въ часы досуга, перевели почти цѣлый томъ продолженія исторіи Роллена Кревье. У насъ многіе гнушались проходить исторію по Кайданову. Проходятъ крестовые походы—всѣ читаютъ Мишо и отвѣчаютъ иногда даже къ видимому смущенію учености профессора; проходятъ исторію тридцатилѣтней войны — всѣ читаютъ собственый переводъ Шиллера. Каковъ былъ переводъ — это дѣло другое, но точность его была исправлена профессоромъ Зингеромъ — и факты отъ того не могли измѣниться. Во время преподаванія исторіи Римскаго права были ученики, которые могли разсказать внутреннюю домашнюю жизнь римлянъ, какъ будто сами тамъ въ то время жили, а самое право учили по Римскому своду законовъ, то-есть по Юстиніановымъ Институціямъ, на языкѣ подлинника. Да и вообще многіе предметы проходили ex fontibus. Есть живые свидѣтели. Это ещё не больно древняя исторія. И всѣмъ этимъ мы были обязаны духу заведенія, тому высокому, поэтическому и весёлому направленію, которое въ воспитанниковъ умѣлъ вдохнуть достойный начальникъ. Въ послѣднее время ему удалось пріискать себѣ и помощника такого же, въ лицѣ профессора Николая Григорьевича Бѣлоусова.

Нѣкоторые наставники, ещё въ бурсѣ привыкшіе къ раболѣпству, называли этотъ періодъ существованія Гимназіи періодомъ безпорядка. Толковали, что въ оно время профессора не слушались директора и спорили до глубокой ночи въ конференціяхъ. Такъ понимали педагоги по титулу пренія ученаго сословія! Иванъ Семёновичъ съ умысломъ предоставлялъ наставникамъ свободу споровъ, въ надеждѣ и изъ нихъ образовать самостоятельное и разумное общество и видѣть въ нихъ не игрушечныхъ человѣчковъ съ ниточкой, за которую дёргаетъ невѣжественная рука по утверждённой программѣ, а разсуждающихъ помощниковъ.

Но сколько добрымъ, сколько снисходительнымъ, даже до наружной слабости, казался Иванъ Семёновичъ, столько же строгимъ, неумолимымъ являлся онъ въ дѣлахъ и поступкахъ, которые могли повести къ направленію, вредному для юношества. Онъ не слѣдовалъ въ этомъ отношеніи теоріямъ гуманистовъ, а придерживался тѣхъ же началъ, которыя такъ краснорѣчиво выразились подъ перомъ Песталоцци. И потому тѣлесное наказаніе, эта чуть не смертная казнь въ педагогическомъ смыслѣ, у насъ существовало. Не легко было заслужить эту

казнь, потому-что Иванъ Семёновичъ, подписывая приговоръ, долго страдалъ самъ, медлилъ, даже хворалъ, но признавая, что подобною уклончивостью, какъ говоритъ Песталоцци, «руководитъ не нѣжность нашего человѣколюбія, а слабость, что въ этихъ случаяхъ наша любовь не довольно сильна, не довольно чиста», Иванъ Семёновичъ одолѣвалъ свою врождённую доброту и предавалъ преступника ликторамъ. При этомъ случаѣ я вспомнилъ забавное происшествіе: Яновскій (Гоголь — тожъ), ещё въ низшихъ классахъ, какъ-то провинился, такъ-что попалъ въ уголовную категорію. «Плохо, братъ!» сказалъ кто-то изъ товарищей: «высѣкутъ.» — «Завтра!» отвѣчалъ Гоголь. Но приговоръ утверждёнъ, ликторы явились. Гоголь вскрикиваетъ такъ пронзительно, что мы всѣ испугались — и сходитъ съ ума. Подымается суматоха. Гоголя ведутъ въ больницу; Иванъ Семёновичъ два раза въ день навѣщаетъ его; его лечатъ; мы ходимъ къ нему въ больницу тайкомъ и возвращаемся съ грустью. Помѣшался, рѣшительно помѣшался! Словомъ, до того искусно притворился, что мы всѣ были убѣждены въ его помѣшательствѣ и когда, послѣ двухъ недѣль удачнаго леченія, его выпустили изъ больницы, мы долго ещё поглядывали на него съ сомнѣніемъ и опасеніемъ, пока не попривыклось и текущія новости не вытѣснили воспоминаній. Больница вообще играла важную роль въ нашей студенческой жизни. Отлучаться изъ музеевъ — такъ назывались рабочія наши залы — куда-нибудь подальше было затруднительно: гувернёръ долго не видитъ, какъ-нибудь замѣтитъ, станетъ искать, догадается; а больница, подъ непосредственнымъ надзоромъ любознательнаго сторожа Евлампія, представляла всѣ удобства для экскурсій. Докторъ зайдётъ разъ въ день, инспекторъ разъ въ день — и кончено; подсунулъ Евлампію мадамъ Радклифъ со всѣми ужасами разныхъ аббатствъ и ступай себѣ куда хочешь. Къ тому же и мѣстоположеніе отъ вседневной дѣятельности гимназической удалённое. На лѣстницѣ никто не попадётся. Встрѣтилась и мнѣ надобность воспользоваться выгодами нашей удобной больницы. Разумѣется я захворалъ съ утра. Иванъ Семёновичъ пришолъ въ столовую. «А гдѣ Несторъ Васильевичъ?» Не удивляйтесь! Не одного меня изволилъ онъ звать по имени и отчеству. «Боленъ», отвѣчали товарищи. Тогда прямо изъ столовой Иванъ Семёновичъ является въ больницу. У меня всё какъ слѣдуетъ — и жаръ ожиданія и языкъ бѣлый: всё въ порядкѣ. Прописано лекарство, Евлампію даны приличныя наставленія. Ушолъ; но черезъ часа два не больше опять является. Я долженъ былъ выпить лекарство въ его присутствіи лечь въ постель, укутаться и потѣть. Евлампій торчитъ надо мной съ сухой рубашкой въ рукахъ. Иванъ Семёновичъ уходитъ. Слава Богу! съ Евлампіемъ сладимъ. Но, увы! онъ на порогѣ говоритъ: «если заснётъ, не буди, а попозже я самъ зайду. Жду, жду, смеркается, смерклось и уже поздно вечеромъ, часу въ десятомъ, онъ зашолъ; но я-то ужь не могъ никуда выйдти. Такъ даромъ и пропала моя хитрость.

Я разсказалъ эту пустую исторію собственно для того, чтобы указать на отеческую заботливость о насъ Ивана Семёновича. Два года онъ безплатно исполнялъ должность гимназическаго врача и всегда съ

такою же рачительностію. Наконецъ здоровые посѣтители больницы утѣшились назначеніемъ къ намъ штатнымъ лекаремъ доктора Фибинга.

О честности, безкорыстіи Ивана Семёновича и говорить бы не слѣдовало. Но теперь вѣкъ такой, что многіе сами себѣ не вѣрятъ и сомнѣваются: честны ли они или нѣтъ? Поэтому только упоминаю о безкорыстіи Ивана Семёновича, хотя и боюсь, что этимъ оскорбляю его память. Малѣйшій намёкъ въ этомъ смыслѣ приводилъ Ивана Семёновича въ такое раздраженіе, что онъ даже забывалъ, что говорилъ, тогда какъ рѣчь его всегда отличалась самой точной логикой. Я помню, какъ меньшому сыну Ивана Семёновича товарищъ, именно — Гинтовтъ подарилъ крохотную живую лошадку. Иванъ Семёновичъ ничего не зналъ объ этомъ. Однажды, въ сырую погоду, онъ гуляетъ въ портикѣ Гимназіи. Лошадку ведутъ на водопой. «Чей это коникъ?» — «Андрея Ивановича.» — «Какого Андрея Ивановича?» — «Вашего сына.» — «Откуда онъ взялъ?» Сказали. Иванъ Семёновичъ нѣсколько минутъ не могъ вымолвить слова отъ душевнаго волненія. «Вонъ!» наконецъ закричалъ онъ, забываясь отъ досады: «выведи её вонъ за ворота и скажи ей: пусть себѣ домой *пѣшкомъ* идётъ.»

Странное дѣло! Сколько забавнаго; а мнѣ разсказывать совсѣмъ не весело. Невольно думаю о печальномъ днѣ, когда Иванъ Семёновичъ, разлюбивъ нашъ Нѣжинъ, попросился въ Одессу и, назначенный директоромъ Ришельевскаго Лицея, оставилъ насъ, къ крайнему прискорбію всѣхъ, моему наиболѣе. Я и теперь не перестаю сожалѣть о томъ, потому-что по его же милости, слава Богу, въ состояніи исчислить, сколько я лично потерялъ съ его отъѣздомъ. И зачѣмъ ему было уѣзжать отъ насъ? Чтобы преждевременной кончиной осиротить прекрасную семью, лишить учоное сословіе достойнаго дѣятеля, а учебный міръ педагога, какого впослѣдствіи мнѣ уже не удалось встрѣтить.

Въ Нѣжинѣ Иванъ Семёновичъ оставался до 1826-го года. 15-го января онъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 1-го августа назначенъ директоромъ Ришельевскаго Лицея. Въ правленіи этого Лицея обыкновенно предсѣдательствовалъ Одесскій градоначальникъ, но, по предложенію управлявшаго Лицеемъ графа Витте, 6-го ноября того же 1826 года назначенъ предсѣдателемъ Иванъ Семёновичъ. Онъ оставилъ послѣ себя многочисленную семью: четырёхъ дочерей и трёхъ сыновей. Михайло Ивановичъ, старшій сынъ, отличился въ венгерскую кампанію, командуя гусарскимъ полкомъ Ея Императорскаго Высочества Ольги Николаевны; второй — Александръ Ивановичъ — нынѣ генералъ-маіоръ, а третій, Андрей Ивановичъ. Оба служили съ отличіемъ тамъ же, въ Одессѣ, при генералъ-губернаторѣ князѣ Воронцовѣ. Послѣдній изъ нихъ началъ своё воспитаніе въ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Учоные и литературные труды Ивана Семёновича чрезвычайно многочисленны и разнообразны; но далако не всѣ напечатаны. Учоная слава его была извѣстна не только у насъ, но и за границей, какъ это явствуетъ изъ дипломовъ его. Изъ нихъ видно, что Иванъ Семёновичъ былъ членомъ учоныхъ обществъ: Іенскаго — физическаго, Москов-

скаго — соревнователей врачебныхъ и физическихъ наукъ, Альтенбургскаго — ботаническаго, Московскаго — испытателей природы, Іенскаго — минералогическаго, фитографическаго, что̀ въ Горинкѣ, Эрлангенскаго — физико-медицинскаго, Виленскаго — медицинскаго, Московскаго — исторіи и древностей Россійскихъ и Казанскаго — любителей отечественной словесности. Важнѣйшимъ трудомъ его считалась: «Полевая Фармакопея» (Pharmacopoea Castrensis Ruthenica), изданная отъ имени баронета Виллiе. Объ участіи въ составленіи и трёхъ первыхъ изданіяхъ этой фармакопеи сказано даже въ послужномъ спискѣ Ивана Семёновича, но изъ словъ его же и отзывовъ многихъ другихъ должно заключить, что мѣра участія Ивана Семёновича въ этомъ трудѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ полагали. «Фармакопея» и до-сихъ-поръ не утратила своихъ достоинствъ. Изъ историческихъ трудовъ, болѣе извѣстна «Краткая Исторія о Карпато-Россахъ», напечатанная въ 1804 году въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», лучшемъ изъ пятнадцати тогда издававшихся журналовъ. Н. М. Карамзинъ въ своей «Исторіи Государства Россійскаго» ссылается на эту замѣчательную статью. Не смотря на объёмъ, весьма незначительный, статья эта обнаруживаетъ въ авторѣ замѣчательную историческую эрудицію. Изъ нея видно, что Иванъ Семёновичъ былъ отлично хорошо знакомъ не только съ источниками венгерскими и византійскими, но и съ Шлецеромъ, Миллеромъ и всѣми изыскателями нашей древней исторіи, писавшими въ Россіи и за границей объ этомъ предметѣ. Владѣя въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ, Иванъ Семёновичъ любилъ писать латинскіе стихи, иногда и макароническіе, какъ тогда называли. Лучшимъ изъ этихъ стихотвореній, сколько я помню, была элегія на смерть императора Александра I, къ которому Иванъ Семёновичъ питалъ безграничное благоговѣніе. Какъ теперь помню, было воскресенье. По обыкновенію собрались гости; танцовали; а Иванъ Семёновичъ, какъ-будто томимый тяжкимъ предчувствіемъ, ходилъ одинъ по своей узенькой комнатѣ и не принималъ въ потѣхахъ нашихъ никакого участія. Воскресные балы обыкновенно оканчивались часовъ около 12-ти. Вдругъ въ десять часовъ Иванъ Семёновичъ входитъ въ залу, останавливаетъ мою музыку, говоритъ громко: «довольно! ступайте домой!» и скрывается. Мы всѣ были поражены такою выходкой. Этого ещё никогда не случалось. Гости поспѣшили разъѣхаться; остались только домашніе, въ томъ числѣ и я; тогда Иванъ Семёновичъ вышелъ къ намъ и зарыдалъ, какъ ребёнокъ. Испуганная Шарлотта Ивановна бросилась къ мужу. «Скончался!» едва могъ вымолвить Иванъ Семёновичъ: «Государь скончался!» махнулъ рукой и, уйдя въ свою комнату, заперъ дверь на замокъ. Мы заревѣли хоромъ; такой же плачъ поднялся и въ спальняхъ воспитанниковъ, когда я воротился на верхъ и за тайну сообщилъ товарищамъ страшную новость. Тяжкія мысли не дали многимъ зажмурить глазъ въ эту памятную ночь, хотя мы по возрасту ещё не могли и понимать всей необъятной важности неожиданной утраты.

На другой день оказалось, что это было не оффиціальное, а частное извѣстіе, сообщённое изъ Таганрога другомъ Ивана Семёновича,

баронетомъ Виллiе. Не менѣе того отслужена была торжественная панихида въ гимназической церкви, а ввечеру того же дня Иванъ Семёновичъ написалъ свою элегiю, которая была для него едва ли не послѣднею пѣснью лебедя.

Н. Кукольникъ.

2.

Не имѣя въ виду полной бiографiи Орлая, которая увлекла бы далеко и притомъ потребовала бы оцѣнки его заслугъ по медицинской спецiальности, я ограничусь сообщенiемъ точныхъ свѣдѣнiй, преимущественно не вошедшихъ въ очеркъ Н. В. Кукольника. Послѣднiй написалъ съ большою теплотою, но фактическая его сторона основана только на данныхъ послужного списка и на личныхъ воспоминанiяхъ. Авторъ очерка не зналъ о существованiи и краткой автобiографiи Орлая, помѣщённой въ журналѣ конференцiи 29-го августа 1822 года. Эта автобiографiя для насъ имѣетъ особенную важность, такъ-какъ она сообщаетъ точныя свѣдѣнiя объ образованiи Орлая въ его отечествѣ, о чёмъ до-сихъ-поръ ничего не было извѣстно.

И. С. Орлай, карпато-россъ, магистръ словесныхъ наукъ и философiи, докторъ медицины и хирургiи, русскiй подданный съ декабря 1810 года, гофъ-хирургъ съ 1800, гофъ-медикъ съ 1810 и авторъ многихъ пользовавшихся большою извѣстностiю сочиненiй, родился съ 1771 году въ Венгрiи, въ Марамо-Россiйскомъ комитатѣ, въ городѣ Густѣ, отъ благородныхъ родителей, Семёна Орлая и Екатерины Белезнаевой. Первоначальное образованiе получилъ онъ въ Мункачскомъ училищѣ, куда поступилъ въ 1778 году и гдѣ обучался начаткамъ грамоты и закону Божiю на карпато-русскомъ нарѣчiи; отсюда перешолъ въ Унгварское народное училище для обученiя языкамъ латинскому и венгерскому. Затѣмъ въ 1872 году онъ былъ признанъ способнымъ слушать съ пользою профессоровъ въ Унгварской архи-гимназiи, гдѣ обучался три года, подъ руководствомъ профессора Катаны. Отсюда перешолъ въ Велико-Карловскую высшихъ наукъ гимназiю, гдѣ, подъ руководствомъ профессоровъ Ганнулика и Пештiя, обучался словесности латинской и другимъ наукамъ, а въ 1787 году — въ Велико-Варадскую академiю, гдѣ обучался чистой математикѣ, логикѣ и исторiи. Въ 1788 году Орлай поступилъ во Львовскiй университетъ, гдѣ посвятилъ себя философскимъ наукамъ: занимался прикладною и высшею математикой у Кодеша, опытною физикой у Мартиновича, всеобщей исторiей у Ценмарка, нумизматикой и дипломатикой у Гана, нравственнымъ любомудрiемъ у Уреха, естественной исторiей и технологiей у Гильдебрандта и нѣмецкой словесностью у Вольфштейна. Въ слѣдующемъ году, возвратившись въ Венгрiю, онъ выдержалъ испытанiе по философскимъ наукамъ въ Эрлавской консисторiи, въ присутствiи графа Эстергази, архiепископа Эрлавскаго, и принятъ на казённое содержанiе въ генеральную Iозефинскую семи-

нарію, составляющую богословскій факультетъ Пештскаго университета. Здѣсь онъ изучалъ церковную исторію у Тота, герменевтику обоихъ завѣтовъ у Зазіо, сельское домоводство у Миттермахера, еврейскій, халдейскій и греческій языки у Зазіо. Въ 1790 году удостоенъ званія профессора низшихъ классовъ въ Велико-Карловской высшихъ наукъ гимназіи, гдѣ и преподавалъ ариѳметику, географію, исторію, греческій и латинскій языки. Въ началѣ 1791 года Орлай отправился въ Вѣну, а отсюда въ Петербургъ и поступилъ въ медико-хирургическое училище. Здѣсь изучалъ анатомію у Карпинскаго, физіологію у Конради, патологію и терапію у Гофмана, ботанику, фармакологію и химію у Тереховскаго, хирургію и судебную медицину у Сапаловича, повивальное искусство у Сутгофа, а подъ руководствомъ Тихорскаго, управлявшаго генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ, обучался практической медицинѣ. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1793 году, онъ состоялъ въ разныхъ медицинскихъ должностяхъ, а съ 1808 года былъ учонымъ секретарёмъ медицинской Академіи до 1817 года, когда прикомандированъ былъ къ лейбъ-медику Вилье съ жалованьемъ въ 2000 рублей и 1000 рублей пенсіи, полученной имъ ещё въ 1811 году.

Это послѣднее назначеніе, хотя и достаточно обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, но не представлявшее опредѣлённой и самостоятельной дѣятельности и притомъ зависимое отъ личнаго усмотрѣнія, безъ сомнѣнія не могло удовлетворять человѣка, полнаго силъ и стремленій и прекрасно приготовленнаго къ разнообразной дѣятельности. Выходъ изъ этого положенія для него скоро оказался необходимымъ.

Въ архивѣ сохранилось указаніе, что Орлаю въ концѣ 1820 года сдѣлано было предложеніе поступить въ Московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по медицинскому факультету, на что и было изъявлено имъ согласіе. Попечитель Московскаго учебнаго округа, князь Оболенскій, 3-го февраля 1821 года просилъ ходатайства министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о высочайшемъ соизволеніи на опредѣленіе Орлая профессоромъ «по врачебному отдѣленію до имѣющей открыться штатной каѳедры, съ жалованьемъ профессора астронома-обсерватора, которая каѳедра, по неимѣнію въ университетѣ обсерваторіи, остаётся праздною.» Изъ этого же представленія видно, что Орлай, «изъявляя своё согласіе на вступленіе въ службу университета, просилъ объ оставленіи ему, сверхъ университетскаго жалованья, получаемыхъ имъ въ пенсіонъ трёхъ тысячъ рублей. 16-го февраля министръ отнёсся къ Вилье съ запросомъ, согласенъ ли онъ на увольненіе Орлая отъ должности, которую онъ по Высочайшему повелѣнію при нёмъ исправляетъ. Сохранилась и копія интереснаго отвѣта Вилье министру отъ 16-го марта съ собственноручными замѣтками на ней Орлая. Приведу этотъ отвѣтъ вполнѣ, такъ-какъ онъ бросаетъ свѣтъ на отношенія между Вилье и Орлаемъ. «Г. Орлай», пишетъ Вилье, «или посредственно или непосредственно находится при мнѣ уже 20 лѣтъ единственно изъ уваженія моего къ честности, талантамъ и отличнымъ свѣдѣніямъ въ медицинѣ, преимущественно же въ латинской словесности. Въ семъ послѣднемъ отношеніи я доселѣ имѣлъ въ нёмъ хорошаго руководителя и

онъ помогалъ мнѣ при изданіи полевой фармакопеи для арміи и особенно при составленіи устава и штата для Медико-Хирургической академіи при начальномъ ея образованіи. Послѣ сихъ опытовъ я не могу не отдавать ему всей моей справедливости. Но при семъ я долженъ представить вашему сіятельству нѣкоторыя обстоятельства. Не безъизвѣстно вамъ самимъ, что г. Орлай чрезъ долгое время былъ ученымъ секретарёмъ Медицинской Академіи; по уваженію его разстроеннаго здоровья и многолюднаго семейства, по представленію моему, Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ на опредѣленіе его въ придворные гофъ-медики, повелѣвъ ему состоять при мнѣ, съ предоставленіемъ ему всего жалованья, получаемаго изъ Академіи по званію ученаго секретаря. Для поправленія его здоровья, я призналъ нужнымъ дать ему безсрочный отпускъ, и теперь уже три года, какъ онъ по службѣ ничѣмъ не занимается. Посему мнѣ кажется, что теперешнее его жалованье несравненно болѣе того, какое можетъ доставить ему должность профессора при Московскомъ университетѣ. Впрочемъ, сколь бы для меня ни была важна потеря столь полезнаго помощника, который, въ случаѣ поправленія его здоровья, могъ бы много участвовать въ предполагаемомъ мною составленіи всеобщей фармакопеи для россійской имперіи, и для Медико-Хирургической академіи, особенно при настоящемъ случаѣ исправленія и улучшенія устава и штата для оной, не менѣе былъ бы полезенъ, какъ и при Московскомъ университетѣ, при всёмъ томъ я охотно согласился бы на его увольненіе, если бы онъ будущимъ жалованьемъ своимъ могъ быть доволенъ и обезпеченъ со стороны содержанія своего большого семейства. Сіе обстоятельство едва ли господинъ Орлай имѣлъ у себя въ виду при намѣреніи поступить въ Московскій университетъ. Наконецъ, я сомнѣваюсь, чтобы, при поступленіи его въ профессоры, Его Императорское Величество соизволилъ пожаловать ему въ пенсіонъ всё получаемое имъ теперь жалованье. Представивъ вашему сіятельству всѣ сіи обстоятельства, я нахожу, что какъ для пользы общей, такъ и для самого господина Орлая, полезнѣе и лучше бы было остаться ему по прежнему и заниматься по медицинской части, состоя при мнѣ, когда сіе позволитъ здоровье его». Этотъ отвѣтъ Вилье, по своему содержанію и тону, доказываетъ, что отношенія между нимъ и Орлаемъ, покрайней-мѣрѣ съ 1817 года, были не особенно благопріятны, какъ то подтверждается и другими свидѣтельствами, что Вилье однако весьма дорожилъ Орлаемъ и непремѣнно хотѣлъ удержать его при себѣ, отказываясь отъ ходатайства объ обращеніи въ пенсіонъ всего получаемаго имъ содержанія и тѣмъ создавая для него затруднительное положеніе въ случаѣ перехода въ другое вѣдомство. Препровождая отзывъ Вилье Московскому попечителю, министръ проситъ доставить ему свѣдѣніе, остаётся ли Орлай при прежнемъ рѣшеніи поступить въ Московскій университетъ, и въ послѣднемъ случаѣ обѣщаетъ довести всѣ обстоятельства дѣла до свѣдѣнія государя императора.

Между-тѣмъ Вилье настоятельно вызывалъ Орлая въ Петербургъ. Сохранилось любопытное письмо одного изъ его пріятелей отъ 4-го іюля, тоже состоявшаго при Вилье, изъ котораго видно, что Орлай въ

это время, въ концѣ іюня, обращался изъ Москвы, къ своему начальнику съ просьбой о разрѣшеніи остановиться въ Москвѣ и даже о предоставленіи ему, чрезъ его посредство, помѣщенія въ кремлевскомъ дворцѣ. Пріятель увѣдомляетъ, что Вилье былъ сильно раздражонъ письмомъ Орлая и приказалъ немедленно написать ему, что если онъ къ концу іюля не явится въ Петербургъ, то будетъ исключёнъ изъ списка служащихъ и потеряетъ всё своё содержаніе. Въ половинѣ іюля Орлай былъ уже въ Петербургѣ.

Къ этому времени, безъ сомнѣнія, относится личное знакомство его съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко и переговоры о Нѣжинскомъ мѣстѣ. Начало переговоровъ могло возникнуть и раньше; быть можетъ, и проѣздъ Орлая черезъ Нѣжинъ лѣтомъ того же года, о чёмъ упоминаетъ Кукольникъ въ своёмъ біографическомъ очеркѣ, находился въ связи съ переговорами и объясняется желаніемъ лично ознакомиться съ мѣстностью; но не подлежитъ сомнѣнію тò, что ещё 1-го августа не состоялся окончательный выборъ между Москвой и Нѣжиномъ. «Я твёрдо рѣшился, пишетъ Орлай 1-го августа директору департамента министерства народнаго просвѣщенія Попову, остаться при своёмъ намѣреніи избрать другой родъ службы, то-есть быть опредѣлённымъ или въ Московскій университетъ профессоромъ, или въ Нѣжинскую гимназію директоромъ. Послѣднее мѣсто было бы гораздо для меня предпочтительнѣе какъ по причинѣ умѣреннаго тамошняго климата, могущаго служить къ поправленію слабаго моего здоровья, такъ и потому, что попечитель сей гимнаназіи графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко расположонъ уже къ помѣщенію меня въ директоры, паче при соизволеніи его сіятельства, господина министра. Нѣтъ сомнѣнія, что баронетъ Я. В. Вилье, по неоднократнымъ настояніямъ котораго и прибылъ уже я въ Петербургъ, не оставитъ по прежнему отклонять меня отъ предпринятаго мною намѣренія; но я употреблю всѣ мѣры къ достиженію желаемой цѣли и въ семъ отношеніи полагаюсь совершенно на благорасположеніе ко мнѣ вашего превосходительства, коего опытами имѣлъ я уже честь пользоваться». Дѣло пошло, какъ видно, очень быстро, такъ-какъ 3-го сентября состоялось назначеніе Орлая въ директоры Нѣжинской гимназіи. Приведёнными свѣдѣніями опровергается мнѣніе Кукольника, будто Орлай, побывавши лѣтомъ 1821 года въ Нѣжинѣ, сталъ искать мѣста директора и тѣмъ разрушилъ надежды его матери видѣть директоромъ своего сына. Нельзя же допустить выбора между молодымъ и неизвѣстнымъ Кукольникомъ и Орлаемъ, которому положеніе, заслуги и извѣстность открывали доступъ къ лучшимъ мѣстамъ. Почётный попечитель, съ своей стороны, безъ сомнѣнія, старался склонить Орлая въ пользу Нѣжина и должно согласиться, что лучшаго выбора онъ и не могъ сдѣлать.

Н. Лавровскій.

III.

Д. Е. ЯСНОВСКІЙ.

Данило Емельяновичъ Ясновскій, коллежскій совѣтникъ и третій директоръ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, съ 1827 по 1835 годъ, родился въ селѣ Чеплѣевкѣ, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, между 1767 и 1769 годами. Съ точностью нельзя опредѣлить годъ его рожденія; но когда онъ въ 1827 году пріѣхалъ въ Нѣжинъ директоромъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, то говорили, что ему въ то время было шестьдесятъ лѣтъ, а 15-го іюля 1834 года, въ бытность въ Кіевѣ на торжествѣ открытія Университета Св. Владиміра, Ясновскій самъ при одномъ случаѣ сказалъ, что ему тогда было 65 лѣтъ. Отецъ Данилы Емельяновича былъ протоіереемъ, дворяниномъ и помѣщикомъ небольшого населённаго имѣнія. По обычаю всѣхъ достаточныхъ малороссіянъ того времени, Данило Емельяновичъ воспитывался въ Кіевской духовной академіи, которая не ограничивалась только высшими курсами философіи и богословія, но заключала въ себѣ и всѣ низшіе семинарскіе классы ab infima. Отличаясь необыкновенною памятью и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, онъ зналъ наизусть всѣхъ латинскихъ классиковъ и въ особенности любилъ Виргилія. И это было тогда, когда онъ имѣлъ только 16 лѣтъ. По его собственнымъ словамъ, онъ окончилъ курсъ Академіи 18 лѣтъ отъ роду. Незадолго предъ выпускомъ одинъ нечаянный случай указалъ ему родъ его будущей жизни и службы. Онъ квартировалъ тогда у одной доброй старушки, которая любила его, какъ сына, и не разъ предостерегала и спасала отъ юношескихъ увлеченій. Видя, что Ясновскій, приготовляясь къ окончательному экзамену, очень похудѣлъ отъ постоянныхъ занятій, она уговаривала его, чтобъ онъ пересталъ учиться, «а то совсѣмъ здоровье занапастишь. Да и на что тебѣ науки?» говорила старушка: «ну скажи, на что? вѣдь тебя не постригутъ священникомъ, потому-что ты ещё дитя молодое; скажи на милость: ну куда ты пойдёшь съ твоими науками, кончивши Академію?» Ясновскій, дотолѣ никогда не думавшій о выборѣ состоянія, вслушался въ представленія хозяйки и, чтобъ отвязаться отъ нихъ, отвѣчалъ ей: «Я пойду къ фельдмаршалу Задунайскому и буду у него адъютантомъ.» Старушка пристально посмотрѣла на Ясновскаго, перекрестила его и сказала какимъ-то особенно-торжественнымъ голосомъ: «Смотри же не забывай. Если ужь ты непремѣнно хочешь быть адъютантомъ у фельдмаршала, то и будешь, непремѣнно будешь.»

Такъ и случилось. Ясновскій, по окончаніи курса Академіи, поступилъ сперва на службу въ канцелярію Новгородъ-Сѣверскаго намѣстника прямо протоколистомъ, а потомъ въ скоромъ времени былъ пере-

ведёнъ въ канцелярію фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ всей Малороссіи. Огромныя познанія Ясновскаго въ самомъ скоромъ времени обратили на него особенное вниманіе этого образованнаго вельможи — и онъ сдѣлалъ его своимъ секретарёмъ, переименовавъ въ военный чинъ подпоручика и потомъ, въ непродолжительномъ времени, взялъ его къ себѣ генеральсъ-адъютантомъ. Въ этой должности, произведённый наконецъ въ чинъ капитана, онъ оставался до самой смерти героя и собственными руками закрылъ глаза великому человѣку и своему покровителю.

Когда, по смерти фельдмаршала, три сына его, графы Михаилъ, Сергѣй и Николай Петровичи Румянцовы, приступили къ раздѣлу между собою огромнаго имѣнія своего отца, то Ясновскій, по приглашенію ихъ, какъ ближе всѣхъ знавшій состояніе дѣлъ покойнаго, былъ при этомъ дѣлежѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Раздѣлились безъ шуму и безъ споровъ. Тогда одинъ изъ графовъ предложилъ своимъ братьямъ поблагодарить Ясновскаго за его труды — и съ общаго согласія было рѣшено подарить ему особую деревню въ 300 душъ крестьянъ, по его выбору. Графъ Сергѣй Петровичъ отдѣлилъ ему изъ своей части село Разлёты на берегу Десны, въ шести верстахъ отъ его родины, Чешлѣевки. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Сергѣй Петровичъ началъ особеннымъ образомъ ласкать Ясновскаго, перезвалъ его на службу въ С.-Петербургъ и доставилъ ему мѣсто директора Банка. Потомъ вскорѣ самъ графъ предложилъ ему жениться на одной изъ побочныхъ своихъ дочерей. Сдѣлавшись семьяниномъ, Ясновскій отказался отъ всѣхъ видовъ честолюбія и, по убѣжденію графа, вышелъ въ отставку, съ чиномъ надворнаго совѣтника, чтобъ удобнѣе заниматься управленіемъ огромнаго его имѣнія.

Однажды, когда Ясновскій работалъ въ графской конторѣ, во дворцѣ встрѣтился съ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ бывшій тогда наслѣдникомъ престола великій князь Александръ Павловичъ, что было за нѣсколько мѣсяцевъ предъ кончиною императора Павла Петровича. Вотъ разговоръ Великаго Князя съ графомъ, какъ неоднократно вспоминалъ и разсказывалъ о томъ Ясновскій:

— Кстати, графъ, я давно хочу спросить васъ, куда дѣвался послѣдній адъютантъ вашего батюшки Ясновскій? спросилъ Цесаревичъ.

— Осмѣлюсь спросить: для чего онъ нуженъ Вашему Императорскому Высочеству?

— Да мнѣ рекомендовали его, какъ отличнаго дѣлового человѣка, и я хотѣлъ бы взять его къ себя въ правители канцеляріи по моей должности петербургскаго генералъ-губернатора.

Ясновскому представлялась прекрасная служебная будущность, но личный эгоизмъ восторжествовалъ надъ чувствомъ справедливости и дружбы. Желая удержать Ясновскаго при себѣ для управленія помѣстьями, графъ Сергѣй Петровичъ увѣрилъ Наслѣдника Престола, что Ясновскій отсталъ отъ службы, что онъ нездоровъ и не хочетъ, да и не можетъ служить.

Въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго столѣтія у насъ не

такъ ещё много было способныхъ людей, какъ теперь, и всякій чиновникъ, мало-мальски отличавшійся отъ толпы, былъ замѣтенъ и могъ сдѣлать себѣ блестящую карьеру. Независимо отъ этого, Д. Е. Ясновскій былъ такъ образованъ и имѣлъ столько достоинствъ, что не только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но даже и теперь ещё могъ бы стоять въ ряду передовыхъ людей. Онъ былъ очень красивъ, милъ, вкрадчивъ, обязателенъ, умёнъ и добръ; даръ слова имѣлъ необыкновенный и могъ безъ устали говорить о чёмъ угодно и сколько угодно. Откуда у него что бралось? и всё это текло изъ устъ такъ свободно, такъ мило и увлекательно, что слушаешь, бывало, не наслушаешься: Однимъ словомъ, онъ былъ живою исторіей XVIII вѣка. Кромѣ энциклопедическихъ свѣдѣній обо всѣхъ наукахъ, онъ превосходно зналъ языки латинскій, нѣмецкій и польскій, и свободно говорилъ и писалъ на этихъ языкахъ; а на русскомъ языкѣ не было, кажется, такой книги, которой бы онъ не прочиталъ и о которой бы не могъ дать самаго правильнаго сужденія. Ко всему этому надобно прибавить, что и почеркъ онъ имѣлъ чрезвычайно красивый для тогдашняго времени и очень чёткій. Чего не зналъ, чего не видалъ онъ? съ кѣмъ изъ знаменитыхъ людей своего времени не былъ онъ въ сношеніяхъ? Даже въ послѣдствіи, нѣкоторые сановники нарочно пріѣзжали въ Нѣжинъ, чтобы повидаться съ прежнимъ своимъ товарищемъ, добрымъ Данилою Емельяновичемъ. Съ такими способностями и достоинствами — какихъ успѣховъ по службѣ онъ достигнуть бы могъ, если бы поступилъ въ правители канцеляріи къ наслѣднику престола?

Мѣсто было предоставлено другому — и Ясновскій вскорѣ затѣмъ выѣхалъ изъ Петербурга для осмотра графскихъ имѣній. Въ подобномъ занятіи, переѣзжая съ мѣста на мѣсто по обширной Россіи, провёлъ онъ около двадцати лѣтъ. Жена его между-тѣмъ умерла, оставивъ ему четверыхъ дѣтей. Разъѣзжая по имѣніямъ графа, Ясновскій не заботился вовсе объ устройствѣ своего собственнаго и вошолъ въ неоплатные долги. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, уважая душевныя достоинства Ясновскаго и его многостороннія свѣдѣнія, дворянство Черниговской губерніи единодушно избрало его, противъ его желанія, сначала въ должность подкомораго то-есть межеваго судьи, Кролевецкаго уѣзда, а потомъ въ должность генеральнаго судьи и предсѣдателя Уголовной Палаты, по тогдашнему — съ титуломъ превосходительства, но безъ всякаго жалованья. Тогда онъ переѣхалъ жить въ Черниговъ — и здѣсь въ короткое время сдѣлался любимцемъ цѣлаго города, а преимущественно тогдашняго генералъ-губернатора князя Н. Г. Рѣпнина и гражданскаго губернатора А. А. Фролова-Багрѣева, женатаго на единственной дочери графа М. М. Сперанскаго. Радушно принимаемый въ его семействѣ, Ясновскій имѣлъ случай познакомиться и съ этимъ знаменитымъ сановникомъ въ пріѣздъ его въ Черниговъ для свиданія съ дочерью. Ясновскій прослужилъ по выборамъ дворянства два трехлѣтія, за что получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1826 году, когда директоръ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко Орлай былъ перемѣщёнъ въ Одесскій Лицей, графъ А. Г. Ку-

шелевъ-Безбородко лично пригласилъ Ясновскаго въ должность директора основаннаго имъ училища, въ которую онъ и былъ опредѣлёнъ 22-го января 1827 года. Но Ясновскій болѣе полугода не являлся къ должности и пріѣхалъ въ Нѣжинъ только 8-го октября того же года. Должность директора Гимназіи Высшихъ Наукъ, которая подъ его начальствомъ была преобразована въ 1832 году въ Лицей Князя Безбородко, занималъ Ясновскій до 1835 года, въ которомъ, согласно прошенію, былъ уволенъ въ отставку.

Начальство Кіевскаго учебнаго округа нѣсколько разъ вызывалось ходатайствовать о производствѣ ему пенсіи и только требовало, чтобъ онъ представилъ формулярный списокъ о службѣ своей. Но онъ списка не выслалъ и пенсіи не получилъ. Имѣніе его, Разлёты, было продано за долги съ публичнаго торгу и — Богъ знаетъ, чѣмъ бы дожилъ онъ свой вѣкъ, если бы графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ не завѣщалъ производить ему изъ своихъ имѣній пенсію, по пяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегодно, по день его смерти. Пользуясь этой пенсіей, Ясновскій и дожилъ свой вѣкъ, поселившись въ Нѣжинѣ, недалеко отъ Лицея въ наёмной квартирѣ въ домѣ купца Галицкаго. Незадолго предъ своею смертью онъ заболѣлъ особаго рода и рѣдкою болѣзнью, которая называется fames canina. За нѣсколько дней предъ кончиною онъ опамятовался, приготовился, какъ слѣдуетъ, къ переходу въ вѣчность и 2-го февраля 1840 года скончался какъ истинный христіанинъ. Начальство, наставники и студенты Лицея почтили его похороны своимъ присутствіемъ, а законоучитель Лицея, отецъ Іоаннъ Мерцаловъ, произнёсъ надгробное слово. Похоронили его въ Нѣжинѣ на Троицкомъ кладбищѣ. Долго не было никакого памятника надъ его могилою; наконецъ двое изъ бывшихъ его подчинённыхъ сложились и на свой счётъ поставили надъ могилою Данилы Емельяновича большой дубовый крестъ, окрашенный чорною краскою.

И. Кулжинскій.

ДИРЕКТОРЫ ЛИЦЕЯ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

I.

Х. А. ЭКЕБЛАДЪ.

Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и первый директоръ Лицея Князя Безбородко, родился 11-го мая 1800 года въ нынѣшней столицѣ Финляндіи, Гельсингфорсѣ, бывшемъ въ то время неважнымъ портовымъ городомъ, принадлежавшимъ Швеціи. Раннее дѣтство Христіана Адольфовича прошло среди грома оружія свирѣпствовавшей въ то время упорной двухлѣтней войны между Россіей и Швеціей, окончившейся въ 1809 году, не смотря на геройское сопротивленіе шведовъ, полнымъ завоеваніемъ Финляндіи. Въ числѣ городовъ, покорённыхъ нашимъ оружіемъ, былъ и Гельсингфорсъ, родина Экеблада. Занесённый туда вихремъ войны, штабъ-докторъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ 1808 году противъ шведовъ, Илья Ивановичъ Энегольмъ, совершенно почти случайно натолкнулся на восьми-лѣтняго сироту Экеблада, взялъ его къ себѣ и, по окончаніи войны, привёзъ въ Петербургъ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ своего благодѣтеля, Экебладъ не былъ имъ оставленъ и впослѣдствіи. Назначенный президентомъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, Энегольмъ помѣстилъ своего питомца въ число студентовъ этого заведенія. По окончаніи полнаго академическаго курса со степенью лекаря медицины 1-го отдѣленія и ветеринарнаго лекаря того же отдѣленія, съ отличіемъ (cum eximia laude), Христіанъ Адольфовичъ былъ опредѣлёнъ въ Харьковскій университетъ адъюнктомъ ветеринарныхъ наукъ, а 23-го октября 1829 года — утверждёнъ экстраординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Во время службы своей въ Харьковскомъ университетѣ, независимо отъ занятій по званію профессора, онъ исправлялъ также и должность помощника библіотекаря, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора и библіомана Игнатія Даниловича, а съ 10-го января 1831 года, за отсутствіемъ профессоровъ, занималъ каѳедру физіологіи, судеб-

вой медицины и медицинской полиціи съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что слушать его лекціи стекались студенты другихъ факультетовъ и посторонніе лица. Но этимъ не ограничилась служебная дѣятельность Христіана Адольфовича. Такъ въ 1831 году онъ былъ командированъ въ губерніи Харьковскую, Курскую и Екатеринославскую для поданія помощи страждущимъ во время свирѣпствовавшей въ тѣхъ мѣстахъ эпидемической болѣзни — холеры. Порученіе это исполнилъ онъ съ истинно христіанскимъ самоотверженіемъ, неусыпною дѣятельностію и возможнымъ успѣхомъ, за что и удостоился получить высочайшее благоволеніе и подарокъ въ 750 рублей. Кстати замѣтимъ, что вообще, какъ практическій медикъ, Христіанъ Адольфовичъ, по отзыву всѣхъ, имѣвшихъ случай пользоваться его совѣтами и пособіемъ, отличался необыкновенною добросовѣстностью и безкорыстіемъ, лечилъ большею частью успѣшно и гнушался всякаго шарлатанства. Освободившись отъ должности помощника библіотекаря, Христіанъ Адольфовичъ занялъ, 23-го сентября 1833 года, мѣсто штатнаго врача при больницѣ Харьковскаго Духовнаго Коллегіума.

Въ 1834 году новое испытаніе постигло Харьковскую губернію — и Экебладъ опять явился достойнымъ имени христіанина и человѣка. По случаю неурожая хлѣба, бѣдный классъ жителей Харькова терпѣлъ сильную нужду и страдалъ болѣзнями, происходившими по большей части отъ вануренія и голода — и Христіанъ Адольфовичъ, позабывая о собственныхъ недостаточныхъ средствахъ, являлся всюду, какъ врачъ и какъ благотворитель, на помощь страждущимъ.

10-го октября 1834 года Христіанъ Адольфовичъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности профессора Харьковскаго университета, съ выдачею ему въ награжденіе 1000 рублей ассигнаціями за преподаваніе, сверхъ прямой своей обязанности, лекцій носологической хирургіи. Въ отставкѣ впрочемъ оставался онъ не долго, всего какихъ-нибудь семь мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ получилъ новое назначеніе и навсегда простился съ Харьковомъ, оставивъ тамъ по себѣ добрую память, какъ врачъ и человѣкъ. Вслѣдствіе представленія бывшаго въ то время попечителя Кіевскаго учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке, Христіанъ Адольфовичъ былъ назначенъ, 11-го мая 1835 года, исправляющимъ должность директора Лицея Князя Безбородко.

Цѣлые двадцать лѣтъ своей жизни посвятилъ онъ управленію сначала однимъ Лицеемъ, а со времени преобразованія этого заведенія, по мысли тогдашняго ректора Кіевскаго университета извѣстнаго ученаго К. А. Невелина, изъ математическаго въ юридическое и открытія при нёмъ Нѣжинской гимназіи, управленіемъ обоими заведеніями и много способствовалъ тому, чтобы поставить эти заведенія на возможно-удовлетворительную степень, чѣмъ и пріобрѣлъ неоспоримое право на признательность всѣхъ тѣхъ, которые неравнодушны къ судьбѣ Лицея, причёмъ, кромѣ исполненія прямой обязанности директора, Христіанъ Адольфовичъ читалъ два года студентамъ 3-го курса лекціи зоологіи, безъ особеннаго за-то вознагражденія, и исправлялъ нѣкоторое время, также безвозмездно, должность библіотекаря Лицея.

Во время своего долголѣтняго служенія директоромъ Лицея Князя Безбородко, Христіанъ Адольфовичъ, независимо отъ полученія чиновъ въ общемъ порядкѣ службы, былъ удостоенъ награжденія орденами св. Станислава и св. Анны 2-хъ степеней, а 30-го декабря 1847 года — чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

13-го января 1855 года, прослуживъ слишкомъ тридцать лѣтъ по учебной части, Экебладъ былъ уволенъ, по прошенію, отъ службы съ мундиромъ, присвоеннымъ должности и полнымъ пенсіономъ и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, изъ котораго уже не выѣзжалъ до самой смерти.

Изъ сочиненій его напечатаны: «Краткое обозрѣніе душевныхъ способностей животныхъ» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1839, ч. XXIV, отд. II, стр. 69) и 2) «Опытъ обозрѣнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа». (Санктпетербургъ. 1872.)

Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ скончался 17-го февраля 1877 года въ Петербургѣ, гдѣ и похоронёнъ на лютеранскомъ Волковомъ кладбищѣ, причёмъ тѣло его было положено въ одинъ склепъ съ прахомъ друга его А. П. Энегольма, сына его воспитателя.

Покойный Экебладъ былъ всегда поклонникомъ философіи, которую ставилъ выше всѣхъ наукъ, называя её матерью всѣхъ знаній. Отличительными же чертами его характера были: строгая честность, безкорыстіе и страстная любовь къ Россіи и всему русскому, выражавшаяся постояннымъ сожалѣніемъ о томъ, что онъ носилъ не русскую фамилію «Дуболистовъ», а шведскую — «Экебладъ».

П. Даневскій.

II.

М. М. МОГИЛЯНСКІЙ.

Матвѣй Матвѣевичъ Могилянскій, тайный совѣтникъ и второй директоръ Лицея Князя Безбородко, родился въ 1807 году. Получивъ образованіе за границею, онъ, по окончанію курса наукъ въ Страсбургскомъ университетѣ, поступилъ 17-го сентября 1826 года на службу въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, откуда, черезъ годъ, перешолъ на службу въ Кіевъ, гдѣ впослѣдствіи прошла большая часть времени его служебной дѣятельности. Перейдя затѣмъ изъ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора въ правленіе Санктпетербургскаго Заёмнаго Государственнаго Банка, а оттуда въ канцелярію Комитета Министровъ, Могилянскій — пять лѣтъ спустя — снова вернулся въ Кіевъ, гдѣ его хорошее и весьма многостороннее образованіе доставило ему новое и болѣе сродное служебное

поприще, а именно: въ 1837 году Матвѣй Матвѣевичъ перешолъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора въ вѣдомство попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ началѣ 1838 года назначенъ былъ начальникомъ типографіи университета Св. Владиміра, годъ спустя — инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона при 1-й Кіевской гимназіи, въ 1843 году инспекторомъ казённыхъ училищъ, въ 1846 году инспекторомъ студентовъ университета Св. Владиміра, а 13-го января 1855 года директоромъ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи. Въ этой послѣдней должности Могилянскій оставался два года, по 16-е января 1857 года, то-есть до пріѣзда въ Нѣжинъ новаго директора Стеблинъ-Каминскаго, хотя 21-го августа 1856 года уже былъ самъ назначенъ помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Не желая такъ скоро разстаться съ Лицеемъ и гимназіею, онъ очень обрадовался, когда узналъ, что можетъ пробыть ещё нѣкоторое время въ Нѣжинѣ, продолжая завѣдывать заведеніями, къ которымъ былъ такъ сильно привязанъ, воспользовавшись случаемъ отсутствія новаго ихъ начальника, задержаннаго сдачей своей прежней должности. Затѣмъ, 28-го февраля 1859 года, Могилянскій былъ назначенъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, 17-го апрѣля 1862 года — членомъ Главнаго Правленія Училищъ, съ увольненіемъ отъ должности попечителя, а 1-го іюля 1863 года — членомъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія. Во время исправленія послѣдней должности, а именно 4-го мая 1865 года, Могилянскій избранъ былъ почётнымъ членомъ Новороссійскаго университета за труды его по преобразованію Одесскаго Лицея въ Новороссійскій университетъ. Бывши членомъ Совѣта, онъ исполнялъ разныя командировки и, оставаясь на службѣ, постоянно энергически приводилъ въ исполненіе всё ему поручаемое до-тѣхъ-поръ, пока въ 1873 году здоровье его внезапно разстроилось и онъ былъ признанъ Санктпетербургскимъ губернскимъ правленіемъ страдающимъ параличнымъ умопомѣшательствомъ. Тогда совершенно разслабленный и умственно, и физически, онъ былъ помѣщёнъ въ домъ призрѣнія душевно-больныхъ Государя Наслѣдника Цесаревича, гдѣ и умеръ 27-го іюля 1874 года. Будучи холостъ и не имѣя близкихъ родныхъ, онъ находился послѣднее время на попеченіи профессора Санктпетербургскаго университета Янсона. Получая въ теченіи почти двадцати лѣтъ хорошее содержаніе, Могилянскій къ концу жизни оказался почти лишоннымъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ что, если бы не благосклонное вниманіе Государя Императора, по чьей державной волѣ оставлено было Могилянскому получаемое имъ на службѣ содержаніе по должности члена Совѣта Министра, Матвѣю Матвѣевичу пришлось бы испытать, при крайне болѣзненномъ его состояніи, въ которое онъ впалъ въ послѣднее время, большія лишенія. Объ этомъ обстоятельствѣ мы упомянули потому, что Могилянскій никогда не придавалъ значенія деньгамъ и хотя любилъ хорошо жить — тѣмъ не менѣе значительную часть получаемаго имъ содержанія, какъ мы увидимъ ниже, издерживалъ ради пользы того дѣла, которому искренно служилъ.

Матвѣй Матвѣевичъ, не смотря на всю краткость своего управ-

ленія Лицеемъ Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіею, оставилъ тамъ весьма существенный слѣдъ. Получивъ образованіе за границею, онъ прежде всего обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе новѣйшихъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, признавая ихъ вообще могущественнымъ средствомъ для ознакомленія со всѣмъ образованнымъ міромъ и — въ частности — съ лучшими юридическими сочиненіями, которыя въ то время можно было читать лишь на языкахъ иностранныхъ. Этотъ взглядъ онъ старался практически примѣнить, какъ въ Лицеѣ, такъ и въ гимназіи. Относительно Лицея, по этому поводу, мы встрѣчаемъ въ отчётѣ этого заведенія за 1854 — 55 учебный годъ слѣдующее: «Знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ очень важно для молодыхъ людей, посвящающихъ себя законовѣдѣнію. Знаніе этихъ языковъ открываетъ имъ доступъ къ богатствамъ юридической литературы. Кромѣ того, знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ можетъ имѣть для такихъ молодыхъ людей и самостоятельную важность, когда они, по окончаніи курса своего ученія поступятъ уже на службу. Совѣтъ Лицея, сознавая всю пользу для студентовъ отъ знанія преподаваемыхъ въ нёмъ языковъ французскаго и нѣмецкаго, всегда старался побуждать студентовъ заниматься прилежно обоими языками. Не смотря на это, успѣхи студентовъ въ поименованныхъ двухъ новыхъ языкахъ не вполнѣ удовлетворяли до-сихъ-поръ ожиданіямъ Совѣта. Въ истекшемъ учебномъ году Совѣтъ Лицея принялъ новую мѣру, чтобы сообщить болѣе успѣшности изученію студентами Лицея языковъ французскаго и нѣмецкаго. Мѣра эта состоитъ въ устройствѣ занятія студентовъ новыми языками такъ, чтобы они сами видѣли непосредственную пользу отъ успѣховъ въ этихъ языкахъ для наукъ, ими изучаемыхъ. Съ этой цѣлью Совѣтъ постановилъ для переводовъ употреблять въ Лицеѣ ученыя сочиненія, преимущественно юридическія. Совѣтъ ожидаетъ отъ сей новой мѣры благопріятнаго результата, о которомъ онъ не преминетъ сообщить въ своё время.»

Кромѣ языковъ, Могилянскій обращалъ особенное вниманіе на расширеніе лицейской библіотеки, на сколько позволяли небольшія средства заведенія. При Могилянскомъ лицейская библіотека пополнилась лучшими сочиненіями, какъ по отдѣлу изящной словесности, такъ и по наукамъ, которыя преподаются въ Лицеѣ. Въ теченіи 1854 — 55 учебнаго года поступило въ библіотеку 151 названіе въ 252 томахъ. Періодическихъ изданій въ этомъ году выписывалось двадцать три, въ томъ числѣ три иностранныхъ. При этомъ, по распоряженію Могилянскаго, библіотека была перенесена изъ нижняго этажа, гдѣ она до того времени помѣщалась, во второй, гдѣ найдено лучшее помѣщеніе, такъ-что и заниматься въ этомъ помѣщеніи было удобнѣе для студентовъ.

Останавливаясь на дѣятельности Матвѣя Матвѣевича, какъ директора гимназіи, нужно сказать, что онъ оставилъ по себѣ воспоминаніе какъ о преобразователѣ пансіона, существовавшаго при гимназіи до этого времени въ печальномъ видѣ. Кромѣ пансіона онъ предполагалъ также преобразовать и общую квартиру. Послѣдняя предназначалась для дѣтей бѣдныхъ родителей, которые платили за содержаніе дѣтей по восьмиде-

сяти рублей въ годъ, а пансіонъ — для состоятельныхъ, которые платили 214 рублей ежегодно. Матвѣй Матвѣевичъ былъ всегда поклонникомъ закрытыхъ заведеній и старался поддерживать всѣми силами развитіе ихъ, уничтожая по возможности тѣ недостатки, которые встрѣчаются не рѣдко и въ нихъ, какъ и въ остальныхъ заведеніяхъ, возбуждая такія ожесточённыя нападенія, что одно время считалось самое существованіе закрытыхъ заведеній большимъ зломъ. Проводя въ жизнь свои взгляды по этому поводу и упрашивая родителей помогать ему въ осуществленіи ихъ, Матвѣй Матвѣевичъ говорилъ съ жаромъ: «У меня нѣтъ средствъ и возможности слѣдить за всѣми учениками, живущими на частныхъ квартирахъ. Надзоръ за воспитаніемъ дѣтей долженъ быть поручаемъ особымъ лицамъ, спеціально для этого приготовленнымъ. Учителя заняты своимъ дѣломъ: они учатъ вашихъ дѣтей; для надзора же за ихъ воспитаніемъ нужны особыя лица. Этимъ послѣднимъ нужно платить порядочныя деньги, а это можно дѣлать лишь тогда, когда много дѣтей живётъ вмѣстѣ. Такое общежительство, кромѣ этого, даётъ возможность съ наименьшими расходами достигать лучшаго результата въ содержаніи дѣтей, относительно пищи, одежды, обуви и прочаго. Пансіонъ и общая квартира даютъ такое помѣщеніе въ казённомъ зданіи, какого невозможно найти въ частномъ помѣщеніи, особенно въ такой глуши, какъ Нѣжинъ.» Эти слова очень памятны для всѣхъ, кто обращался къ Матвѣю Матвѣевичу за совѣтомъ — куда помѣстить ребёнка. Отвѣтъ всегда былъ одинъ и тотъ же: «прошу васъ, отдавайте въ пансіонъ или общую квартиру, смотря по вашимъ средствамъ».

Заботы Могилянскаго объ улучшеніи пансіона достигли блистательныхъ результатовъ. Число пансіонеровъ при нёмъ въ теченіи года утроилось. Если того же не произошло и въ общей квартирѣ, такъ это случилось именно потому, что Матвѣй Матвѣевичъ принялся прежде за преобразованіе пансіона. Для улучшенія пансіона имъ были принимаемы слѣдующія мѣры. Были приглашены два гувернёра: французъ и нѣмецъ, которые жили вмѣстѣ съ пансіонерами. Каждому изъ нихъ было поручено, кромѣ общаго надзора за дѣтьми, ещё отдѣльныя обязанности. Французъ завѣдывалъ ученическими принадлежностями, а нѣмецъ — наблюдалъ за платьемъ, бѣльёмъ и обувью. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы поставить воспитанниковъ въ возможно-близкія отношенія съ гувернёрами и тѣмъ способствовать къ возможно-большему развитію практическаго изученія языковъ нѣмецкаго и французскаго. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, было ещё два надзирателя, которые обязаны были дежурить, поочереди, 24 часа, не выходя изъ пансіона. Назначеніемъ этихъ четырёхъ лицъ Могилянскій хотѣлъ достигнуть наилучшаго надзора за дѣтьми, такъ-какъ двое изъ нихъ должны были состоять постоянно на лицо. Для лучшаго практическаго развитія французскаго языка ежедневно устраивались частныя бесѣды, при помощи картины, подъ наблюденіемъ и руководствомъ одного изъ надзирателей, именно — лектора лицея Ю. Н. Ганота. Въ этихъ бесѣдахъ принимали участіе всѣ пансіонеры. Онѣ состояли въ томъ, что воспитанники вели между собою на французскомъ языкѣ бесѣду, какую можно было вывести по

поводу находившейся передъ ихъ глазами картины. Для правильнаго и успѣшнаго занятія другими учебными предметами, Матвѣй Матвѣевичъ приглашалъ учителей гимназіи для вечернихъ занятій съ пансіонерами, по классамъ. При помощи этихъ занятій всегда достигалось надлежащее приготовленіе воспитанниками своихъ уроковъ. Самъ же Могилянскій непосредственно вникалъ во всѣ мелочи содержанія пансіонеровъ, относительно пищи, одежды и прочаго. Малѣйшая неисправность въ чёмъ-нибудь строго имъ преслѣдовалась, причёмъ Матвѣй Матвѣевичъ, не стѣсняясь присутствіемъ воспитанниковъ, за малѣйшій безпорядокъ или недосмотръ дѣлалъ строгіе выговоры своимъ подчинённымъ. Будучи холостымъ человѣкомъ, онъ отдавалъ всё время службѣ, удѣляя воспитанникамъ даже часть своихъ средствъ. Онъ присутствовалъ, ежедневно, за обѣдомъ, бывалъ потомъ вечеромъ, иногда ночью и даже рано утромъ. Симпатіи Матвѣя Матвѣевича были всегда на сторонѣ воспитанниковъ младшихъ классовъ, причёмъ послѣднихъ называлъ онъ своими родными дѣтьми, а взрослыхъ пасынками, желая тѣмъ указать на ту посильную и относительную пользу, которую онъ былъ въ силахъ приносить въ воспитаніи взрослыхъ, оканчивавшихъ при нёмъ своё образованіе. Воспитанники низшихъ классовъ почти ежедневно приглашались къ обѣду директора. При этомъ Матвѣй Матвѣевичъ обращалъ всегда вниманіе на внѣшнюю выправку, стараясь выработать въ дѣтяхъ хорошія манеры, умѣніе держать себя въ обществѣ и вообще способствовалъ къ развитію такъ называемаго внѣшняго воспитанія и порядочности. Воспитанниковъ же низшихъ классовъ Матвѣй Матвѣевичъ одѣлялъ, на собственныя средства, разнаго рода необходимыми для обученія предметами и всевозможными дѣтскими образовательными играми, чтобы занять воспитанниковъ въ свободное отъ занятій время, а также фруктами и конфектами. Подобный образъ дѣйствій директора привязывалъ къ нему воспитанниковъ, которые искренно его любили. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое отношеніе Могилянскаго къ пансіону располагало родителей отдавать своихъ дѣтей въ это закрытое заведеніе, въ слѣдствіе чего число пансіонеровъ всё болѣе и болѣе увеличивалось. Относительно же подчинённыхъ, Матвѣй Матвѣевичъ былъ иногда очень требователенъ и нѣсколько суровъ, что мѣшало до извѣстной степени тому сближенію, которое необходимо въ дѣлѣ воспитанія и возбуждало противъ него, какъ директора, весьма многихъ. Этимъ объясняются тѣ дурные, а иногда и враждебные отзывы, которые приходилось слышать намъ о нёмъ. Его считали человѣкомъ умнымъ, образованнымъ, глубоко честнымъ и искренно преданнымъ тому дѣлу, которому служилъ, но находили, что всѣ предпринимаемыя имъ мѣры имѣли нѣсколько внѣшній характеръ; говорили, что онъ не былъ педагогъ, такъ-какъ въ заведённыхъ имъ порядкахъ и вообще въ дѣлѣ образованія и воспитанія онъ самъ не принималъ непосредственнаго участія, какъ образованный и свѣдущій человѣкъ, а слѣдилъ только за точнымъ ихъ исполненіемъ. Въ подобномъ воззрѣніи много справедливаго. Дѣйствительно, Матвѣй Матвѣевичъ былъ болѣе хорошимъ администраторомъ, чѣмъ педагогомъ. Но его вполнѣ честное исполненіе своихъ обязанностей относительно над-

зора за воспитаніемъ и образованіемъ, получаемымъ юношами ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній и принятыя имъ въ этомъ отношеніи разнаго рода мѣры приносили большую пользу. Матвѣй Матвѣевичъ своею неутомимою энергіею, искреннею преданностью тому дѣлу, которому служилъ, и любовію къ дѣтямъ, за кратковременное пребываніе своё директоромъ Нѣжинскаго Лицея и гимназіи, съумѣлъ такъ поставить себя, что его новое назначеніе было сочтено всѣми за большую потерю для Лицея и гимназіи, что чистосердечно ему и было высказано на прощальномъ вечерѣ всѣми подчинёнными и со слезами на глазахъ учащимися.

П. Коровка.

III.

Е. П. СТЕБЛИНЪ-КАМИНСКІЙ.

Егоръ Павловичъ Стеблинъ-Каминскій, третій директоръ Лицея Князя Безбородко съ 1856 по 1866 годъ, а нынѣ тайный совѣтникъ и Виленскій губернаторъ, родился 17-го апрѣля 1815 года въ имѣніи своего дѣда, съ материной стороны, помѣщика Левенца, въ селеніи Мыльцахъ, находящемся въ семи верстахъ отъ Полтавы. Отецъ его, несмотря на недостаточное состояніе, заключавшееся всего въ 60 душахъ крестьянъ, старался дать ему сколько возможно хорошее образованіе. Первоначальные уроки онъ проходилъ дома, подъ руководствомъ отставного инженера, нѣмца родомъ и человѣка очень образованнаго для тогдашняго времени. Всѣ немногочисленные русскіе журналы того времени, находившіеся въ домашней библіотекѣ Левенца, развили въ мальчикѣ охоту къ чтенію и къ русской словесности; своею же любовію къ литературѣ и выборомъ ученаго поприща онъ обязанъ почти исключительно другу своего отца, Ивану Петровичу Котляревскому, подарившему Малороссію остроумной передѣлкою «Энеиды» на украинскій языкъ. Вмѣстѣ съ любовію къ литературѣ Котляревскій имѣлъ также большое вліяніе и на нравственное развитіе молодого Каминскаго. Будучи главнымъ членомъ Библейскаго Полтавскаго Общества и сходный понятіями и правилами съ отцомъ Егора Павловича, Котляревскій бывалъ почти ежедневно у него, причёмъ постоянно говорилъ о любви къ человѣчеству и объ обязанности неуклонной справедливости. Отецъ Каминскаго, раздѣляя это нравственное убѣжденіе, прежде всего старался развить въ мальчикѣ чувство долга, чести и правды — и сѣмя пало на плодотворную почву, что Егоръ Павловичъ и доказалъ всей своей жизнію, стараясь прежде всего быть человѣкомъ, а потомъ уже начальникомъ, администраторомъ и ученымъ спеціалистомъ. Поступивъ въ Полтавскую гимназію, состоявшую, какъ и всѣ тогдашнія гимназіи, изъ четырёхъ

высшихъ классовъ и, окончивъ въ ней полный курсъ, онъ поступилъ въ 1832 году въ Харьковскій университетъ по этико-филологическому факультету. Тамъ онъ занимался преимущественно изученіемъ языковъ и чтеніемъ латинскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, потому-что французскій языкъ онъ зналъ основательно ещё до поступленія въ университетъ. Изученіе нѣмецкой литературы спасло его отъ увлеченія тогдашней французской литературою во всѣхъ ея видахъ, литературой, имѣвшей тогда огромное, преобладающее вліяніе на всѣ классы русской публики и преимущественно на молодёжь, увлечённую новымъ направленіемъ такъ называемой французской школы. Окончивъ курсъ въ 1835 году, Егоръ Павловичъ провёлъ цѣлый годъ дома, въ Полтавѣ, посвятивъ всё своё время изученію англійскаго языка и философіи Бэкона, что дало совершенно-особенное направленіе воззрѣнію на вещи и самому характеру молодого чѣловѣка, воспитаннаго во французско-германскихъ идеяхъ, въ принципахъ романтиковъ и Шеллинговой философіи. Чувствуя призваніе къ учонымъ занятіямъ, онъ, вопреки предразсудкамъ того времени, по которымъ учительское званіе считалось неприличнымъ для дворянина и продолжительное сопротивленіе отца, всё-таки посвятилъ себя педагогіи — и въ 1836 году Стеблинъ-Каминскій поступилъ младшимъ учителемъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію для преподаванія языковъ русскаго и нѣмецкаго въ двухъ низшихъ классахъ. Талантливость натуры, знанія и способности быстро подвинули его по службѣ. Изъ Каменецъ-Подольска онъ переведёнъ былъ въ 1837 году въ Винницкую гимназію, изъ которой снова перешолъ въ прежнюю Каменецъ-Подольскую уже старшимъ учителемъ. Исправляя потомъ послѣдовательно должность учителя въ Кіевской первой гимназіи, въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и старшаго надзирателя благороднаго пансіона при первой Кіевской гимназіи, Стеблинъ-Каминскій назначенъ былъ въ 1849 году инспекторомъ этихъ двухъ послѣднихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ въ 1850 году — директоромъ училищъ Кіевской губерніи, въ 1854 году — инспекторомъ всѣхъ казённыхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа, а 2-го декабря 1856 года — директоромъ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской Гимназіи. Здѣсь, кромѣ обычныхъ наградъ орденами за усердіе по службѣ, онъ былъ произведёнъ 25-го января 1862 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ маѣ 1866 года Егоръ Павловичъ оставилъ Лицей и Нѣжинъ и уѣхалъ въ Вильну, гдѣ онъ получилъ совершенно иное административное назначеніе, именно — мѣсто правителя канцеляріи генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ этой должности, Егоръ Павловичъ занялъ ещё болѣе видный постъ Виленскаго губернатора, каковую должность занимаетъ и нынѣ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Егоръ Павловичъ, какъ директоръ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, приносилъ особенно-большую пользу воспитанникамъ послѣдняго заведенія, принимая самое энергичное и тёплое участіе въ образованіи и воспитаніи ея учениковъ вообще и относительно пансіонеровъ въ особенности. Всякій пансіонеръ гимназіи того времени живо помнитъ, какъ этотъ директоръ посѣщалъ часто пансіонъ не для формальности,

а всегда съ тою или другою воспитательною или образовательною цѣлью. Посѣщая пансіонъ, Егоръ Павловичъ всегда подмѣчалъ ту или другую сторону жизни пансіона, указывая на условія хорошаго общежитія, на выгоду или невыгоду тѣхъ или другихъ сторонъ жизни, которыя проявлялись въ пансіонерахъ, стараясь при этомъ развить въ воспитанникахъ честность, правдивость, аккуратность, любовь къ ближнему, наклонность къ самодѣятельному труду и вообще всѣ хорошія качества; всё же дурное имъ жестоко преслѣдовалось, въ особенности наушничество, причёмъ онъ умѣлъ какъ-то особенно-рельефно выставить дурной поступокъ виновнаго предъ его товарищами и довести перваго до такого глубокаго сознанія своей вины, что ему дѣлалось стыдно за самого себя. Словомъ, Стеблинъ-Каминскій слѣдилъ за обученіемъ каждаго пансіонера, и малѣйшій неуспѣхъ имъ всегда замѣчался во-время, причёмъ принимались и мѣры къ исправленію. Мѣры же эти состояли чуть-ли не въ ежедневныхъ наблюденіяхъ директора за обученіемъ неуспѣвавшаго воспитанника и въ извѣстной помощи, которую, по его указанію, оказывали ему товарищи, учителя, а иногда и онъ самъ. Всѣ занятія подобнаго рода имѣли въ виду такую помощь воспитаннику, чтобы онъ могъ самъ сдѣлать лучшіе успѣхи.

Образовательное и воспитательное вліяніе Егора Павловича лучше всего выказывалось на такъ называемыхъ литературныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ по мысли Н. И. Пирогова. Вечера эти состояли въ томъ, что лучшія сочиненія учениковъ гимназіи 6-го и 7-го классовъ читались и подвергались разбору въ ученическихъ собраніяхъ, подъ наблюденіемъ директора и при участіи учителей. Собранія эти бывали почти каждую недѣлю, вечеромъ — предъ праздникомъ. На эти вечера приглашались и ученики 5-го класса, но принимали участіе только 6-ой и 7-ой классы. По прочтеніи однимъ изъ воспитанниковъ своего сочиненія, вызывались охотники написать разборъ прочитаннаго, который прочитывался въ одинъ изъ послѣдующихъ вечеровъ. Всё же происходившее на вечерѣ записывалось двумя воспитанниками, по очереди, которые послѣ составляли отчётъ, прочитываемый въ первый слѣдующій затѣмъ вечеръ. Всякій литературный вечеръ обыкновенно начинался съ чтенія этого отчёта. Вечера эти отличались необыкновенною живостью и способствовали къ развитію и, такъ сказать, къ возбужденію умственной жизни юношей, которые были на порогѣ къ университетской жизни. Если литературные вечера эти имѣли такое значеніе, то единственно благодаря Егору Павловичу, который своею начитанностью, умомъ и живою, ясною и простою рѣчью, умѣлъ заинтересовать воспитанниковъ учиться и, такъ сказать, наталкивалъ на путь къ самостоятельному труду. Въ бесѣдахъ Егоръ Павловичъ всегда самъ принималъ живое участіе, помогая своими указаніями и ссылками на книги. Эта помощь всего болѣе памятна гимназистамъ-пансіонерамъ. Егоръ Павловичъ часто приходилъ съ книгою въ пансіонъ, по поводу недавно происходившаго литературнаго вечера, и читалъ выдержки, а за тѣмъ остальное предоставлялъ воспитаннику, которому предназначалась эта книга. Конечно, каждый поймётъ, съ какою охотою читалась подобная книга. При этомъ

нужно замѣтить, что читалъ Егоръ Павловичъ очень увлекательно и выразительно. Онъ занимался иногда чтеніемъ и для всѣхъ учениковъ 6-го и 7-го классовъ на такъ называемой практикѣ. Послѣдняя состояла въ томъ, что для двухъ высшихъ классовъ назначалось два послѣобѣденные часа въ недѣлю, для чтенія отрывковъ изъ лучшихъ сочиненій русскихъ авторовъ, съ необходимыми поясненіями. Очень интересны также тѣ напутствія, которыя давалъ Стеблинъ-Каминскій своимъ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ, которые отправлялись въ университетъ. Литературные вечера давали возможность Егору Павловичу узнавать способности, степень развитія и наклонности каждаго воспитанника. Этими наблюденіями онъ пользовался, чтобы указать молодому человѣку подходящій для него родъ занятій въ университетѣ, то-есть выборъ факультета; причёмъ знакомилъ каждаго съ университетскою жизнію и порядками университетскихъ занятій. Словомъ, можно сказать, что онъ не упускалъ случая быть полезнымъ своимъ воспитанникамъ. Онъ былъ всегда простъ въ обращеніи, но умѣлъ держать себя такъ, что его уважали, а заслужить его нерасположеніе было большимъ наказаніемъ. Студенты же Лицея составляли какъ-бы его семью, гдѣ они бывали запросто, что, конечно, не могло оставаться безъ хорошаго вліянія на молодыхъ людей.

Что же касается его подчинённыхъ, то, будучи рабочимъ человѣкомъ, онъ съумѣлъ сплотить всѣхъ ихъ въ одинъ тѣсный, единодушный кружокъ людей, дружно работающихъ для одной общей цѣли. Вліяніемъ своей благородной и гуманной личности, по словамъ его подчинённыхъ, Стеблинъ-Каминскій умѣлъ направить и давать постоянный толчёкъ дѣятельности всѣхъ служащихъ подъ его начальствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Егоръ Павловичъ сдѣлалъ Лицей въ полномъ смыслѣ центромъ общественной и умственной жизни Нѣжина и даже уѣзда, такъ-что Лицей при Каминскомъ стоялъ во главѣ общественной жизни города Нѣжина. Егоръ Павловичъ читалъ много и слѣдилъ за всѣми явленіями общественной жизни. Въ его гостинной можно было слышать обсужденіе всѣхъ жизненныхъ вопросовъ того времени. Домъ Егора Павловича былъ также всегда открытъ и родителямъ учащихся, которыхъ онъ зналъ не только поимённо, но и какъ своихъ питомцевъ. Стеблинъ-Каминскій оставилъ самое свѣтлое воспоминаніе въ Нѣжинѣ, какъ директоръ Лицея и гимназіи и какъ вполнѣ хорошій человѣкъ. Даже и теперь, когда съ его отъѣзда изъ Нѣжина истекло цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, тамъ можно услыхать, что положеніе гимназіи, бывшее при Стеблинѣ, всегда желаемое, и что при такомъ только отношеніи учебнаго заведенія къ воспитанникамъ, родителямъ и обществу, какъ было при Егорѣ Павловичѣ, оно дѣйствительно принесётъ большую пользу, какъ для воспитанниковъ, такъ и для мѣстнаго общества.

П. Коробка.

IV.

Е. В. ГУДИМА.

Егоръ Васильевичъ Гудима, четвёртый директоръ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи съ 1866 по 1869 годъ, родился въ 1812 году въ дворянской семьѣ, въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Образованіе Гудима получилъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Безбородко, откуда вышелъ въ 1832 году, какъ студентъ VII выпуска, съ степенью кандидата и правомъ на 12-й классъ. Продолжая своё ученье въ Гимназіи, Гудима всегда былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ и по успѣхамъ, и по поведенію, о чёмъ и до настоящаго времени сохранились документальныя свидѣтельства. Въ архивѣ библіотеки нынѣшняго Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко сохранилась объёмистая книга, въ листъ, въ красномъ кожаномъ переплётѣ, на которомъ выбита надпись «Liber honoris». Въ эту книгу отъ времени до времени вносились имена учениковъ Гимназіи, лучшихъ по поведенію и успѣхамъ. Въ этой-то «Liber honoris» имя Георгія Гудимы встрѣчается чуть не на каждой страницѣ.

Трудны были первые шаги въ самостоятельной жизни двадцатилѣтняго кандидата. Въ теченіи около двухъ лѣтъ послѣ окончанія гимназическаго курса, онъ занимался неблагодарнымъ трудомъ домашняго учителя у нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ въ Кіевѣ и Полтавской губерніи. Пишущему это недавно пришлось слышать воспоминанія одного престарѣлаго француза, бывшаго сотрудника Гудимы по педагогической дѣятельности въ домѣ одного изъ такихъ магнатовъ. Въ то время, какъ вышеупомянутый французъ, благодаря своей живости, ловкости, умѣнью поставить себя, а прежде всего — благодаря тому, что онъ былъ французъ, игралъ въ домѣ видную роль, бѣдный Егоръ Васильевичъ, по милости своей скромности и уступчивости, которыя сохранились въ нёмъ и до старости, былъ третируемъ, чуть не какъ лакей. Тотъ же пріятель-французъ внушилъ наконецъ Гудимѣ мысль бросить это неблагодарное учительство и отправиться въ Петербургъ искать счастья на государственной службѣ. Гудима послѣдовалъ этому совѣту — и въ октябрѣ 1834 года мы видимъ его въ Петербургѣ канцелярскимъ чиновникомъ въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, въ которой онъ въ октябрѣ 1836 года занимаетъ мѣсто младшаго помощника экспедитора по экономической экспедиціи. Отсюда начинается рядъ служебныхъ перемѣщеній и постепенныхъ повышеній Гудимы. Съ августа мѣсяца 1835 года онъ, оставаясь въ прежней должности, началъ преподавать географію въ Дворянскомъ Полку; но въ 1837 году совсѣмъ оставилъ Коммиссію Духовныхъ Училищъ и получилъ утвержденіе въ должности преподавателя въ Дворянскомъ Полку. Служба Егора Васильевича скоро обратила на себя вниманіе — и 19-го января 1838 года ему было объявлено особое монаршее благоволеніе за найденный государемъ императоромъ, при посѣщеніи Дворянскаго Полка, значительный

успѣхъ вообще въ образованіи и устройствѣ заведенія; а въ декабрѣ того же года Гудима получилъ денежную награду въ 800 рублей ассигнаціями. Въ апрѣлѣ 1842 года Гудима оставилъ службу въ Дворянскомъ Полку и былъ опредѣлёнъ помощникомъ секретаря товарища министра Удѣловъ. Оставаясь въ этой должности до 1850 года, Гудима около того же времени, то-есть въ 1845 году, причисленъ былъ къ министерству Внутреннихъ Дѣлъ и, помимо неоднократныхъ денежныхъ наградъ, за службу по послѣднему вѣдомству награждёнъ былъ, 18-го октября 1846 года, орденомъ св. Анны 3-й степени. Въ 1850 году Гудима получилъ болѣе видное назначеніе — начальника перваго отдѣленія департамента Удѣловъ и состоялъ въ этой должности до 1854 года. 27-го мая 1854 года Гудима по прошенію вышелъ въ отставку и три года провёлъ на родинѣ, занимаясь устройствомъ своего небольшого имѣнія. 3-го марта 1857 года ему было поручено исправленіе должности директора училищъ Черниговской губерніи, а 7-го января 1858 года онъ былъ утвержденъ въ этой должности. Въ Черниговѣ Егоръ Васильевичъ, кромѣ директорской, исполнялъ ещё нѣсколько должностей: завѣдывалъ землемѣро-таксаторскими классами, преподавалъ географію въ женскомъ училищѣ перваго разряда и состоялъ директоромъ губернскаго тюремнаго комитета, при чёмъ за всю свою черниговскую службу былъ награждёнъ орденомъ св. Станислава 2-й степени.

Послѣднимъ перемѣщеніемъ Гудимы было назначеніе его, 14-го августа 1866 года, директоромъ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи. Состоя въ этой должности, онъ получилъ свою послѣднюю награду — орденъ св. Анны 2-й степени. Послѣднюю должность Гудима исполнялъ по 1-е іюля 1869 года, когда, за выслугой лѣтъ, былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника. Уѣхавъ въ декабрѣ 1869 года изъ Нѣжина, онъ поселился въ своёмъ родовомъ хуторкѣ близь Пирятина, но прожилъ здѣсь недолго и скончался въ слѣдующемъ 1870 году на пятьдесятъ девятомъ году жизни.

Какъ директоръ Лицея, Егоръ Васильевичъ не отличался представительностью и вліяніемъ своего предшественника Е. П. Стеблина-Каминскаго. Впрочемъ, его благодушіе и доброта, граничившія со слабостью, отзывались прежде всего на нёмъ самомъ, давая поводъ нѣкоторымъ изъ его подчинённыхъ, чьи честолюбивые и властолюбивые замыслы шли дальше предѣловъ, указанныхъ силою вещей, считать себя выше «неучонаго», по ихъ мнѣнію, Гудимы, и поощряли къ разнаго рода «вылазкамъ» противъ него. Но Егоръ Васильевичъ добродушнѣйшимъ образомъ относился къ этимъ вылазкамъ, отвѣчая на нихъ развѣ блёстками своего хохлацкаго юмора.

А. Сребницкій.

V.

М. К. ЧАЛЫЙ.

Михаилъ Корнѣевичъ Чалый, пятый директоръ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, съ 1870 по 1875 годъ, родился въ 1816 году въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Получивши первоначальное образованіе, по тогдашнему патріархальному способу, сначала у дьячка, а потомъ у разныхъ «мастеровъ» и «мастерицъ» сего дѣла и, наконецъ, въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, Чалый поступилъ въ Новгородсѣверскую гимназію, которая тогда состояла, какъ и всѣ остальныя, изъ четырёхъ высшихъ классовъ. Современниками его по ученію въ Новгородсѣверской гимназіи были, между-прочимъ, К. Д. Ушинскій и П. А. Антоновичъ, бывшій впослѣдствіи кіевскимъ попечителемъ. Новгородсѣверская гимназія стояла въ это время на высотѣ своего призванія, руководимая директоромъ И. И. Тимковскимъ, о которомъ съ благоговѣніемъ вспоминаютъ всѣ его ученики. Благодаря Тимковскому, Чалый вынесъ изъ гимназіи значительныя литературныя познанія и литературныя наклонности, что и обусловило вѣроятно его вступленіе на словесный, или, какъ тогда называлось, первое отдѣленіе философскаго факультета. Въ 1844 году Чалый, бывшій въ университетѣ св. Владиміра казённокоштнымъ студентомъ, окончилъ курсъ со степенью кандидата и въ томъ же году былъ опредѣлёнъ младшимъ учителемъ русскаго языка и исторіи въ Винницкую гимназію; но въ слѣдующемъ же году переведёнъ былъ старшимъ учителемъ русской словесности въ Немировскую гимназію. Теперь только Михаилъ Корнѣевичъ, можно сказать, очутился на настоящемъ мѣстѣ, такъ-какъ основательныя познанія не только въ русской, но и въ иностранныхъ литературахъ, даръ вполнѣ литературнаго изложенія и необыкновенная способность выразительнаго чтенія сдѣлали его образцовымъ преподавателемъ словесности. Это не могло не обратить на себя вниманіе кого слѣдуетъ — и въ августѣ 1852 года Чалый переведёнъ былъ на ту же должность въ Кіевскую вторую гимназію. Здѣсь также, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, Чалый нёсъ и нѣкоторыя другія: исправлялъ около года должность инспектора, былъ надзирателемъ общей ученической квартиры и цѣлый годъ преподавалъ словесность въ женскомъ училищѣ графини Левашовой. Наконецъ 9-го августа 1858 года Чалый былъ назначенъ инспекторомъ той же гимназіи и во время нахожденія въ этой должности около году, именно въ 1860 и 1861 годахъ, исполнялъ должность директора. Это было трудное время въ Кіевѣ и вообще во всёмъ юго-западномъ краѣ, время, когда уже начиналось броженіе, вполнѣ выразившееся наконецъ въ мятежѣ 1863 года. Это броженіе противу-русскихъ и противу-правительственныхъ элементовъ, сопровождавшееся упадкомъ значенія русской власти, заставлявшее не-

рѣдко volens nolens дѣлать себѣ уступки даже въ матери городовъ русскихъ, проникало и въ школу, такъ-что нужно было зорко стоять на стражѣ русскаго дѣла и достоинства русскаго имени. Такимъ стражемъ русскаго дѣла во второй гимназіи явился Чалый. Этотъ, смѣло можно сказать, подвигъ имѣлъ полное право на награду — и таковою явилось назначеніе Чалаго 19-го февраля 1861 года директоромъ Бѣлоцерковской гимназіи. Присущій ему дѣятельный духъ не ослабѣвалъ и здѣсь. Чалый явился устроителемъ гимназіи, причёмъ завёлъ, напримѣръ, ученическую библіотеку и сдѣлалъ много другихъ улучшеній. Наградой за эти труды были ордена святыхъ Станислава и Анны вторыхъ степеней и, наконецъ, 26-го ноября 1869 года, назначеніе на болѣе почётную должность директора Лицея Князя Безбородко.

Сдѣлавшись директоромъ Лицея, Чалый употребилъ не мало усилій, чтобы поддержать и поднять это падавшее и забытое всѣми заведеніе. По его представленію, состоялось въ 1871 году распоряженіе министра графа Толстаго, уничтожившее право Лицея самому производить вступительные экзамены и требовававшее отъ поступающихъ въ Лицей гимназическаго аттестата зрѣлости. Но это распоряженіе ещё болѣе пошатнуло Лицей: при равныхъ условіяхъ, лучшій контингентъ, естественно, устремился въ университеты — и первый курсъ Лицея сталъ наполняться семинаристами, убоявшимися бездны университетской премудрости или торопившимися получить служебныя права послѣ трёхъ лѣтъ, вмѣсто четырёхъ и притомъ съ меньшей затратой труда вообще. На второй же и третій курсъ Лицея начали поступать университетскіе юристы, почему-либо отчаявшіеся въ полученіи университетскаго диплома. Больно иногда бывало видѣть, съ какимъ циничнымъ презрѣніемъ относились эти искатели, если не приключеній, то дипломовъ на служебныя права, и къ наукѣ, и къ заведенію, въ которое они со всѣхъ концовъ обширной Россіи стекались въ чаяніи благъ земныхъ. По иниціативѣ же директора Чалаго совѣтомъ Лицея были редактированы правила для студентовъ и въ частности правила объ экзаменахъ. Наконецъ, Михаилъ Корнѣевичъ заботился о пополненіи порѣдѣвшаго профессорскаго персонала Лицея — и при нёмъ въ 1873 году разомъ поступили три новыхъ профессора на вакантныя каѳедры. Лицей, повидимому, началъ оживать, но дни его были уже сочтены и посѣщеніе его министромъ, графомъ Толстымъ, въ октябрѣ 1873 года рѣшило его участь. Вслѣдствіе преобразованія Лицея въ Историко-филологическій Институтъ, Чалый вышелъ въ отставку 1-го января 1875 года, послѣ тридцати-лѣтней службы по учебному вѣдомству, получивши за годъ до отставки послѣднюю награду — орденъ св. Владиміра третьей степени.

Выйдя въ отставку, Чалый поселился въ Кіевѣ и, несмотря на представлявшіяся ему довольно видныя мѣста по учебно-административной службѣ, предпочитаетъ пользоваться заслуженнымъ отдыхомъ послѣ многотрудной служебной дѣятельности. Изъ литературныхъ трудовъ Чалаго намъ извѣстна: «Записки украинца изъ временъ польскаго возстанія 1861—69 годовъ. Кіевъ. 1869» и два біографическихъ очерка: «Андрей Ивановичъ Дикій» и «Иванъ Максимовичъ Сошенко». Пользуясь досу-

гомъ по выходѣ въ отставку, Михаилъ Корнѣевичъ приводитъ въ порядокъ свои обширныя записки, которыя, если когда-нибудь увидятъ свѣтъ, представятъ рядъ чрезвычайно интересныхъ и живыхъ картинъ административной и общественной жизни юго-западнаго края за послѣдніе сорокъ лѣтъ, написанныхъ, можно сказать, мастерской кистью.

А. Сребницкій.

VI.

Н. А. Лавровскій.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій, тайный совѣтникъ, докторъ славяно-русской филологіи и директоръ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко, родился въ Тверской губерніи въ 1827 году. Окончательное образованіе получилъ онъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1851 году, съ награжденіемъ золотой медалью, причёмъ тогда же былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ греческой и латинской словесности въ томъ же институтѣ, а черезъ годъ, то-есть въ 1852 году, былъ переведёнъ въ Харьковскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ педагогики — и съ этого времени въ теченіи безъ малаго четверть вѣка вся учоно-педагогическая дѣятельность Николая Алексѣевича принадлежала Харьковскому университету, гдѣ онъ воспиталъ не одно поколѣніе благодарныхъ слушателей. Но послѣ назначенія своего, Лавровскій не сейчасъ отправился въ Харьковъ: съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, онъ провёлъ въ Петербургѣ ещё пять мѣсяцевъ для ближайшаго ознакомленія съ литературой педагогики, а главнымъ образомъ — съ цѣлью окончанія своей магистерской диссертаціи, и только въ февралѣ 1853 года прибылъ къ своему новому мѣсту службы — въ Харьковъ, а 9-го марта былъ утвержденъ въ степени магистра русской словесности. Черезъ два года, въ январѣ 1855 года, Николай Алексѣевичъ былъ уже докторомъ славяно-русской филологіи, а въ октябрѣ 1858 года министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ педагогики въ Петербургскій Педагогическій Институтъ. Но Николай Алексѣевичъ предпочёлъ остаться въ Харьковѣ и черезъ мѣсяцъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора русской словесности въ Харьковскомъ университетѣ, въ каковой должности и оставался цѣлые пятнадцать лѣтъ, до 1-го января 1875 года. Здѣсь, кромѣ прямыхъ профессорскихъ обязанностей, Николай Алексѣевичъ исполнялъ и многія другія, какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его: былъ цензоромъ неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей, руководилъ педагогическими курсами, былъ депутатомъ отъ

Харьковскаго университета при открытіи политехнической выставки въ Москвѣ, въ 1872 году; наконецъ, въ университетѣ съ 1862 года до самаго выхода изъ него былъ почти безсмѣннымъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Разнообразные труды Николая Алексѣевича не остались безъ оцѣнки. На службѣ въ Харьковѣ онъ получилъ ордена: Св. Анны 2-й степени въ ознаменованіе Высочайшаго благоволенія къ его ученымъ трудамъ, Владиміра 3-й степени, Станислава 1-го класса и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. При преобразованіи Лицея Князя Безбородко въ Историко-Филологическій Институтъ, Лавровскій, 1-го января 1875 года былъ назначенъ директоромъ новаго заведенія, вслѣдствіе чего ему пришлось цѣлые полтора года завѣдывать двумя заведеніями — Лицеемъ и Институтомъ, изъ которыхъ одно доживало свои дни, а другое зарождалось. Конечно, по отношенію къ Лицею всё дѣло Николая Алексѣевича заключалось только въ томъ, чтобы похоронить по возможности съ честью это обойдённое заведеніе, причёмъ вся дѣятельность директора, естественно, посвящена была вновь открывавшемуся Институту — и дѣятельность эта имѣла вполнѣ творческій характеръ.

И. Срезневскій.

БІОГРАФІИ
ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ГИМНАЗІИ ВЫСШИХЪ НАУКЪ
и
ЛИЦЕЯ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

А. Л. Андржіевскій.

Антонъ Лукьяновичъ Андржіевскій, надворный совѣтникъ и исправлявшій должность профессора естественныхъ наукъ въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1839 по 1841 годъ, родился въ 1790 году въ Волынской губерніи и, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, опредѣлёнъ былъ въ ней же помощникомъ учителя рисованія. Конечно, эта незначительная должность не представляла Андржіевскому ничего утѣшительнаго для будущности, но твёрдая воля, трудъ и врождённая любовь къ наукѣ помогли ему выдти на болѣе торную дорогу и сдѣлать иную, лучшую карьеру. Отправляя должность помощника, онъ всё остальное свободное время посвящалъ изученію ботаники. Эта наклонность къ естественнымъ наукамъ, овладѣвавшая имъ всё болѣе и болѣе, побудила его наконецъ пожертвовать ей всѣмъ, что только представляло ему матеріальныхъ выгодъ настоящее, то-есть обезпеченнымъ, хотя и далеко не богатымъ существованьемъ — и, бросивъ рисовальные классы, онъ весь погрузился въ ботаническія экскурсіи, которыя до того ограничивались только окрестностями Житомира. Получивъ по прошенію увольненіе отъ должности, Андржіевскій обошолъ и объѣхалъ послѣдовательно почти всѣ мѣста Волынской, Подольской и Кіевской губерній, Тарнопольскую область, часть Екатеринославской и Херсонской губерній и возвратился обогащённый такими практическими и теоретическими свѣдѣніями, что въ 1818 году былъ уже учителемъ ботаники и издалъ разсужденіе объ открытомъ имъ новомъ родѣ растеній, который онъ назвалъ «чацкія».

Трудъ этотъ доставилъ ему каѳедру зоологіи и ботаники и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новую возможность продолжать свои изысканія. По распоряженію попечителя Виленскаго учебнаго округа, онъ былъ отправленъ путешествовать по берегамъ Буга отъ истока этой рѣки въ Проскуровскомъ уѣздѣ до самаго ея устья, подъ Очаковымъ. Отчётъ Андржіевскаго объ этомъ учоном странствованіи, поданный имъ въ Виленскій университетъ, былъ признанъ замѣчательнымъ и отпечатанъ на счётъ казны. Принимая въ уваженіе пользу, оказанную Андржіевскимъ, какъ вообще естественной исторіи, такъ и въ особенности ботаникѣ, Московское Общество Испытателей Природы приняло его въ 1823 году въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Въ этомъ же году, по порученію Виленскаго учебнаго начальства, Андржіевскій, какъ опытный преподаватель, назначенъ былъ читать лекціи ботанической терминологіи и системы Линнея. Въ 1823 и 1830 году онъ издалъ два свои сочиненія: «Rys Botaniczny ets». Въ 1829 году Андржіевскій, по новому распоряженію Виленскаго университетскаго правленія, посланъ былъ въ Волынскую, Подольскую и Херсонскую губерніи съ извѣстнымъ натуралистомъ Виленскаго университета, профессоромъ Эйхвальдомъ, для дальнѣйшихъ учоныхъ наблюденій по части естественной исторіи, а въ 1834 году опредѣлёнъ въ университетъ Св. Владиміра по каѳедрѣ зоологіи и избранъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества Любителей Садоводства. Наконецъ въ 1839 году, съ разрѣшенія министра Народнаго Просвѣщенія, Андржіевскій назначенъ былъ въ Лицей Князя Безбородко исправляющимъ должность профессора естественныхъ наукъ, сперва временно, впредь до открытія лекцій въ Кіевскомъ университетѣ, а потомъ, по предложенію министра Народнаго Просвѣщенія отъ 28-го апрѣля того же года, совершенно перемѣщёнъ въ Нѣжинскій Лицей съ отчисленіемъ отъ Кіевскаго университета.

«Профессоръ Андржіевскій, говоритъ г. Шульгинъ («Русское Слово» 1859, № XI, стр. 45), обозрѣвая его дѣятельность въ университетѣ Св. Владиміра, «не получилъ правильнаго, учонаго образованія въ естественныхъ наукахъ, а только изучилъ одну часть ихъ — ботанику, и то болѣе практически въ экскурсіяхъ и, такъ сказать, самоучкою. Такой образъ предварительнаго приготовленія къ профессурѣ отражался и въ преподаваніи Андржіевскаго и въ учоныхъ трудахъ его — отсутствіемъ учоной точности и основательности. Онъ могъ быть полезенъ въ Кременцѣ, гдѣ педагогическая дѣятельность его обращена была на ботанику, предметъ его спеціальныхъ занятій, и гдѣ онъ занимался подъ руководствомъ учонаго Бессера; но въ университетѣ Св. Владиміра, зоологія, въ которой Андржіевскій рѣшительно былъ самоучка, была совершенно ему не по силамъ и потому преподаваніе шло довольно плохо. Студенты, не смотря на громкія учоныя имена, которыми Андржіевскій обставлялъ лекціи, скоро разгадывали своего учителя.» То же самое можно сказать о преподаваніи Андржіевскаго и въ Лицеѣ князя Безбородко, въ которомъ онъ занималъ ту же каѳедру.

Во время своего служенія въ Нѣжинѣ, Андржіевскій избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ Одесскаго Общества Сельскаго Хозяйства Юж-

ной Россіи и членомъ Французскаго Зоологическаго Общества. Впрочемъ служба Андріевскаго въ Лицеѣ Князя Безбородко длилась не долго. Окончивъ двадцати-лѣтнюю службу, онъ вышелъ въ отставку въ 1841 году и поселился сначала въ Житомірѣ, потомъ въ домѣ графа Браницкаго. Уже будучи въ отставкѣ былъ онъ избранъ въ дѣйствительные члены коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа. Умеръ въ 1869 году въ мѣстечкѣ Ставищахъ, около города Таращи, лежащемъ въ Кіевской губерніи.

Н. Гервель.

А. Г. Андріевскій.

Александръ Герасимовичъ Андріевскій, коллежскій совѣтникъ и инспекторъ Лицея Князя Безбородко съ 1859 по 1863 годъ, сынъ священника, родился въ 1814 году въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи и затѣмъ въ главномъ Педагогическомъ Институтѣ со степенью студента, назначенъ былъ 13-го января 1839 года старшимъ учителемъ русскаго языка въ Полтавскую гимназію, откуда 19-го ноября того же года перемѣстился учителемъ математики въ Немировскую гимназію, гдѣ, сверхъ учительской должности, былъ ещё надзирателемъ общей ученической квартиры, а потомъ исполнялъ обязанности инспектора по той же общей квартирѣ. Затѣмъ въ мартѣ 1846 года Андріевскій назначенъ былъ инспекторомъ Винницкой гимназіи и исправляющимъ должность предсѣдателя Винницкой еврейской училищной коммиссіи; въ іюлѣ же 1847 года, когда Винницкая гимназія была переведена въ Бѣлую Церковь, съ нею вмѣстѣ перешолъ туда и Андріевскій и оставался здѣсь до ноября 1859 года, когда былъ назначенъ инспекторомъ Нѣжинскаго Лицея. Но недолго пробылъ онъ и въ Нѣжинѣ. Внезапное разстройство здоровья — слѣдствіе усиленныхъ учительскихъ и инспекторскихъ занятій — заставило его просить отставки до выслуги 25-лѣтія, которую онъ и получилъ въ 1863 году съ полнымъ пенсіономъ, послѣ чего поселился на родинѣ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

И. Срезневскій.

С. М. Андрущенко.

Семёнъ Матвѣевичъ Андрущенко, надворный совѣтникъ и младшій профессоръ латинской словесности въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко съ 1822 по 1832 годъ, родился въ 1782 году въ Лубенскомъ

уѣздѣ Полтавской губерніи, на хуторѣ своего отца, бывшаго сельскимъ священникомъ и имѣвшаго не въ дальнемъ разстояніи отъ своего прихода небольшую усадьбу въ двадцать десятинъ земли и девять душъ крестьянъ. Онъ началъ своё воспитаніе въ Кіевской академіи и продолжалъ въ Полтавской семинаріи, гдѣ и окончилъ, въ 1805 году, полный курсъ наукъ, съ званіемъ студента богословія, а 11-го декабря того же года получилъ мѣсто учителя въ той же семинаріи. Здѣсь, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, онъ занимался преподаваніемъ, въ разное время, языковъ: латинскаго, греческаго, французскаго и нѣмецкаго, русской и латинской грамматики, поэзіи, алгебры, геометріи и ариѳметики. 5-го ноября 1819 года онъ былъ уволенъ отъ должности учителя и опредѣлёнъ Полтавскимъ губернскимъ правленіемъ къ прокурорскимъ дѣламъ, имѣя чинъ девятаго класса; но занималъ это мѣсто всего съ небольшимъ годъ, до 8-го декабря 1820 года, когда былъ, по его просьбѣ, опредѣлёнъ снова учителемъ латинскаго языка въ Кіевскую гимназію, и уже оттуда, 11-го февраля 1822 года, перемѣщёнъ младшимъ профессоромъ латинской словесности въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, незадолго передъ тѣмъ открытую. Здѣсь Семёнъ Матвѣевичъ преподавалъ въ четырёхъ высшихъ отдѣленіяхъ или курсахъ латинскую словесность, начиная съ синтаксиса и оканчивая переводомъ и разборомъ древнихъ классиковъ. Преподаваніе его отличалось замѣчательною точностью и ясностію изложенія, переводы — лёгкостью и пріятностію, а разборы классиковъ, особенно Виргилія — вкусомъ и вѣрностію взгляда, невольно увлекавшими слушателей и обличавшими въ нёмъ глубокаго знатока римскихъ древностей. Его воспитанники, прослушавъ два курса, свободно переводили съ русскаго на латинскій и обратно и даже составляли цѣлыя сочиненія на латинскомъ языкѣ, а избиравшіе медицинскую карьеру легко выдерживали экзаменъ въ Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи, въ которой латынь, какъ извѣстно, играетъ весьма важную роль. Кромѣ преподаванія латинской словесности, Андрущенко, въ 1822 году, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, читалъ въ низшихъ классахъ Гимназіи ариѳметику; затѣмъ, въ теченіи слишкомъ восьми лѣтъ, исправлялъ должность учонаго секретаря конференціи и, наконецъ, въ 1830 и 31 годахъ, занимался, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, обревизованіемъ учебныхъ пособій, составляющихъ собственность Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Въ продолженіи своей службы въ Нѣжинѣ, Андрущенко, вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, былъ пожалованъ 15-го января 1826 года за отлично-усердную и полезную службу кавалеромъ ордена Св. Анны 3-й степени, а 11-го февраля 1827 — произведёнъ въ надворные совѣтники. Это было послѣднею наградой, полученною имъ въ продолженіи 27-лѣтней службы на поприщѣ педагогики. Въ 1832 году онъ былъ уволенъ отъ службы и поселился въ Пирятинскомъ уѣздѣ, гдѣ провёлъ остатокъ жизни въ совершенномъ уединеніи, и умеръ въ 1850 году.

В. Каминскій.

М. В. Билевичъ.

Михаилъ Васильевичъ Билевичъ, родившійся въ 1779 году въ Трансильванскомъ городѣ Быстрицѣ и получившій образованіе въ Львовской гимназіи, въ университетахъ Львовскомъ и Пештскомъ и Пресбургской академіи, былъ вызванъ въ 1806 году Харьковскимъ университетомъ на должность учителя философіи и латинскаго языка въ Новгородъ-сѣверскую гимназію, откуда перемѣщёнъ въ Нѣжинскую. Біографическій его очеркъ въ первомъ изданіи Лицейскаго Сборника отличается бросающимися въ глаза краткостію и безцвѣтностію, особенно если принять въ соображеніе продолжительность его службы въ Гимназіи и важность преподаваемаго имъ предмета: онъ заключаетъ въ себѣ небольшую выписку изъ послужного списка и одинъ изъ немногихъ безъ подписи составителя. По всему видно, что дурного говорить не хотѣлось, а добраго не нашлось, или не нашло себѣ мѣста, вслѣдствіе сохранившихся неблагопріятныхъ воспоминаній. Читатель, ознакомившійся съ помѣщёнными выше выписками изъ его пространныхъ и отличающихся особымъ отпечаткомъ рапортовъ, поймётъ, почему всѣ симпатіи воспитанниковъ были на сторонѣ Бѣлоусова и всѣ антипатіи на сторонѣ Билевича. Можно полагать, что на привлеченіе его въ Нѣжинскую гимназію изъ Новгородъ-сѣверской имѣло вліяніе его происхожденіе. Въ министерскомъ приказѣ объ опредѣленіи его въ Нѣжинскую гимназію профессоромъ нѣмецкой словесности сказано, что онъ утверждается «по отличному одобренію многими, его знающими». Такъ-какъ Билевичъ въ то же время просился на каѳедру политическихъ наукъ, которая ещё не была открыта, то въ томъ же приказѣ предписывалось предоставить эту каѳедру ему, по ея открытіи. Между-тѣмъ на послѣдовавшее, по открытіи седьмого класса въ 1823 году, представленіе о назначеніи его на каѳедру политическихъ наукъ, изъ министерства получёнъ былъ отвѣтъ, что «онъ прежде долженъ выдержать надлежащій экзаменъ и представить о томъ приличные аттестаты какого-нибудь россійскаго университета»; въ противномъ случаѣ ему предписывалось остаться при нѣмецкой словесности. Билевичъ немедленно отправился въ Харьковъ и уже 2-го ноября того же года увѣдомилъ Орлая объ успѣшномъ окончаніи экзамена, при чёмъ препроводилъ свидѣтельство о томъ отъ Харьковскаго университета. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ полное право на занятіе каѳедры политическихъ наукъ и съ другой стороны Орлай имѣлъ также полное право ходатайствовать о его опредѣленіи на эту каѳедру.

Преподаваніе Билевича происходило по извѣстнымъ и общеупотребительнымъ въ то время руководствамъ и, безъ сомнѣнія, сообщало существенныя свѣдѣнія, заключавшіяся въ этихъ руководствахъ. Изъ представленныхъ имъ конспектовъ видно, что, съ открытіемъ высшихъ трёхъ классовъ, онъ преподавалъ въ нихъ свои предметы въ слѣдующемъ порядкѣ: въ седьмомъ классѣ въ 182⁴/₅ году, послѣ общаго обозрѣнія политическихъ наукъ, имъ прочитаны: 1) теорія права естественнаго,

частнаго, внѣ-общественнаго и общественнаго, по руководству де-Мартини (Positiones de lege naturae. Viennae. 1782), 2) право государственное и народное, по руководству того же автора (Positiones de jure civitatis et gentium. Viennae. 1782) и 3) теорія права общаго уголовнаго, по руководству Фейербаха. Въ восьмомъ классѣ прочитаны: 1) исторія римскаго права по руководству де-Мартини (Ordo historiae juris civilis), съ примѣчаніями къ древностямъ римскаго права Швеппія (Römische Rechtsgeschichte und Alterthümer. Gött. 1822) и римское гражданское право по руководству Кукольника. Въ девятомъ классѣ въ 182⁵/₆ годъ прочитаны: 1) практическая часть частнаго россійскаго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства по руководству Кукольника и 2) основанія государственнаго хозяйства по системѣ Адама Смита.

Прослуживъ ещё около двухъ лѣтъ въ Нѣжинѣ по преобразованію гимназіи Высшихъ Наукъ въ Лицей князя Безбородко, Билевичъ оставилъ наконецъ и службу и городъ и уѣхалъ въ 1833 году изъ Нѣжина навсегда. Затѣмъ, приглашонный въ Петербургъ, онъ занималъ тамъ нѣкоторое время мѣсто инспектора училища дѣтей придворныхъ служителей, а вскорѣ оставилъ и это послѣднее мѣсто и поселился въ Кишиневѣ на постоянное жительство, гдѣ и скончался.

Н. Лавровскій.

К. А. Будзынскій.

Константинъ Андреевичъ Будзынскій, коллежскій асессоръ, магистръ философіи и профессоръ прикладной математики въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1834 по 1838 годъ, родился въ 1807 году. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Свислочской гимназіи, Гродненской губерніи, онъ поступилъ въ 1823 году въ бывшій Виленскій университетъ на физико-математическій факультетъ, гдѣ, въ 1826 году, получилъ степень кандидата философіи, а въ 1828 году держалъ экзаменъ на степень магистра, но, по причинѣ закрытія университета, получилъ эту степень въ университетѣ Св. Владиміра, въ 1836 году.

Послѣ кратковременной службы старшимъ учителемъ физики и математики въ Житомирской гимназіи, Будзынскій назначенъ былъ 20-го января 1834 года въ должность профессора Лицея Князя Безбородко, по каѳедрѣ прикладной математики. Въ 1836 году онъ былъ утвержденъ въ этой должности и занималъ её до 5-го іюля 1838 года, когда, къ общему сожалѣнію всѣхъ студентовъ, былъ вынужденъ оставить службу въ Лицеѣ.

Константинъ Андреевичъ былъ профессоромъ наиболѣе любимымъ и уважаемымъ студентами Лицея, что я могу засвидѣтельствовать, какъ бывшій его слушатель. За отсутствіемъ другихъ профессоровъ, Будзынскій читалъ нѣкоторое время чистую математику и ботанику. Хорошій выборъ руководствъ и, особенно, ясность изложенія дѣлали его лекціи

драгоцѣнными для слушателей. Нашъ извѣстный профессоръ П. И. Собко говорилъ мнѣ, что онъ прочнымъ началомъ познаній своихъ въ математическихъ наукахъ обязанъ Константину Андреевичу, и съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ всегда его лекціи дифференціальнаго исчисленія.

Въ 1839 году Будзынскій поступилъ наставникомъ-наблюдателемъ и преподавателемъ математическихъ наукъ въ Лѣсной и Межевой Институтъ.

Д. Журавскій.

Н. Х. Бунге.

Николай Христіановичъ Бунге, бывшій профессоромъ Лицея Князя Безбородко, съ 1845 по 1850 годъ, по каѳедрѣ законовъ казённаго управленія, потомъ ординарнымъ профессоромъ университета Св. Владиміра и ректоромъ того же университета и управляющимъ кіевскою конторою Государственнаго Банка, а нынѣ докторъ политическихъ наукъ, заслуженный профессоръ, тайный совѣтникъ, товарищъ министра Финансовъ и кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла, Святаго равноапостольнаго князя Владиміра 2-го класса и Святыхъ Анны и Станислава 1-хъ степеней, родился въ Кіевѣ 11-го ноября 1823 года. Первоначальное воспитаніе Николай Христіановичъ получилъ въ Кіевской 1-й гимназіи, откуда поступилъ въ Университетъ Св. Владиміра. По окончаніи въ 1845 году полнаго университетскаго курса наукъ въ юридическомъ факультетѣ, со степенью кандидата законовѣдѣнія, онъ былъ опредѣлёнъ 31-го октября того же года преподавателемъ законовъ казённаго управленія въ Лицей Князя Безбородко, а по выдержаніи испытанія на степень магистра государственнаго права, утверждёнъ 19-го декабря 1847 года профессоромъ Лицея, въ каковой должности и оставался до 31-го октября 1850 года.

Переведённый въ 1850 году въ Университетъ Св. Владиміра адъюнктомъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, Николай Христіановичъ былъ удостоенъ, 26-го іюня 1852 года, степени доктора политическихъ наукъ, за публичное защищеніе диссертаціи «Теорія кредита», напечатанной въ Кіевѣ въ 1852 году, и въ томъ же году утверждёнъ экстраординарнымъ профессоромъ и опредѣлёнъ секретарёмъ Коммиссіи Высочайше учреждённой для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа. Ординарнымъ профессоромъ Бунге утверждёнъ 26-го марта 1854 года.

Перейдя въ 1850 году въ университетъ св. Владиміра на каѳедру политической экономіи и статистики и утверждённый затѣмъ 26-го марта 1854 года въ званіи ординарнаго профессора, Николай Христіановичъ не оставлялъ профессорской дѣятельности до своего назначенія

въ 1880 году на должность товарища министра Финансовъ. Уже одно это указаніе дѣятельности Николая Христіановича свидѣтельствуетъ о требовавшемся отъ него запасѣ умственной силы, которая дѣйствительно выразилась, помимо его выдающагося служебнаго положенія, въ цѣлой литературѣ по экономическимъ и другимъ общественнымъ вопросамъ и доставила ему то высокое положеніе и извѣстность, какими онъ пользуется. Начавъ свою преподавательскую дѣятельность въ Нѣжинскомъ Лицеѣ, гдѣ онъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между тамошними профессорами, Николай Христіановичъ тамъ же началъ и свои ученыя занятія. Для торжественнаго акта въ Лицеѣ въ 1849 году была написана имъ рѣчь «О кредитѣ», заключающая въ себѣ общее изслѣдованіе объ этой важной отрасли финансовой науки. Эта рѣчь составляетъ, такъ сказать, приготовительный трудъ къ тому капитальному сочиненію, которое въ 1852 году дало ему докторскій дипломъ и сразу указало на него, какъ на замѣчательнаго изслѣдователя науки о финансахъ. Не стану повторять отзывовъ, какими сочиненіе «Теорія кредита» было встрѣчено въ литературѣ; скажу только, что уже въ этомъ изслѣдованіи выразился его взглядъ на теорію по финансовымъ вопросамъ, по которому теорія, ограничивающаяся одними общими началами, открывающая общіе законы, безъ связи съ фактами, въ коихъ эти законы обнаруживаются, легко вырождается, говоря его словами, въ сухую и отвлечённую схоластику, могущую имѣть интересъ для спеціалистовъ, но для прочихъ остающуюся загадочною формулою, неразрѣшающею жизненныхъ вопросовъ. Такой взглядъ на науку о финансахъ былъ характеристическимъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ Николая Христіановича, и конечно отчасти благодаря этому, имя его, какъ финансиста, сдѣлалось извѣстнымъ не только въ ученомъ мірѣ, но и въ сферѣ практической. Николай Христіановичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, не особенно многочисленныхъ у насъ профессоровъ, преподавательскія занятія которыхъ не поглощаютъ всей ихъ дѣятельности. Обладая свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, онъ не могъ не отзываться на выдвигавшіеся въ его время общественные вопросы. Результатомъ такой его отзывчивости былъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе капитальныхъ статей, помѣщённыхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, начиная съ 1852 года, статей, отличающихся ясностью изложенія и вѣрностью взгляда. Таковы статьи, относящіяся къ ожидавшейся тогда крестьянской реформѣ, къ возникавшему новому виду промышленныхъ предпріятій въ формѣ акціонерныхъ обществъ и многія другія, между которыми нельзя не обратить вниманія на его замѣчанія объ устройствѣ учебной части въ университетахъ, а въ послѣдніе годы — на способы возстановленія у насъ правильнаго денежнаго обращенія, потрясённаго, между-прочимъ, чрезмѣрнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Всѣ эти труды всё болѣе и болѣе распространяли и упрочивали извѣстность Николая Христіановича, какъ финансиста и ученаго. Но въ нихъ была и другая сторона. Читая многіе изъ нихъ, чувствуется, что онѣ писаны человѣкомъ, который видитъ въ открывающихся передъ нимъ неправильныхъ явленіяхъ жизни не одинъ только предметъ отвлечённыхъ изслѣдованій; нѣтъ,

онѣ затрогиваютъ его душу, вызываютъ въ нёмъ то тёплое слово участія къ бѣдствіямъ человѣчества, которое дѣлаетъ изъ него симпатическаго писателя. Вообще, какъ въ сферѣ науки, такъ и въ общественной дѣятельности отличительнымъ направленіемъ Николая Христіановича было отсутствіе мёртвенности, съ какою весьма часто люди науки относятся къ живымъ фактамъ. Это-то ясное пониманіе условій и требованій жизни и гуманное отношеніе къ людямъ составляли его нравственную силу, руководившую имъ и въ его отношеніяхъ къ Университету во время неоднократнаго исполненія имъ обязанностей ректора. Было время, когда университеты переживали трудные дни, сопровождавшіеся лишеніемъ самоуправленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своей внутренней самостоятельности; но и въ эти критическія времена Николай Христіановичъ съ достоинствомъ стоялъ во главѣ Кіевскаго университета. Что ученая его корпорація видѣла въ своёмъ ректорѣ не только представителя правительственныхъ интересовъ доказывается тѣмъ, что, и по возвращеніи университетамъ избирательнаго права, Николай Христіановичъ въ семидесятыхъ годахъ два раза былъ избираемъ ректоромъ того же Кіевскаго университета. Это же пониманіе жизни и ея требованій дало ему возможность привести къ мирной развязкѣ недоразумѣнія, возникшія въ концѣ 1878 года между студентами и не принявшія слишкомъ остраго характера можетъ-быть именно благодаря тому, что ректоромъ университета избранъ былъ снова Николай Христіановичъ.

Съ 1859 года общественная дѣятельность Николая Христіановича начинаетъ расширяться. Это былъ годъ, когда созрѣвала крестьянская реформа и правительство, созидавшее это великое дѣло, рѣшило обратиться за содѣйствіемъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса къ людямъ, стоявшимъ внѣ тѣснаго административнаго круга, вслѣдствіе чего при главномъ крестьянскомъ комитетѣ, состоявшемъ при Государственномъ Совѣтѣ, учреждены были въ 1859 году редакціонныя коммиссіи для начертанія общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости — и по Высочайшему повелѣнію отъ 27-го апрѣля того же года при этихъ коммиссіяхъ образована была особая финансовая коммиссія, имѣвшая своею обязанностью пріисканіе основаній и способовъ окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса посредствомъ выкупа крестьянскаго надѣла при содѣйствіи правительства. Для участія въ трудахъ этой коммиссіи приглашены были отъ Высочайшаго имени опытнѣйшіе финансисты и въ числѣ ихъ Николай Христіановичъ. Такимъ образомъ время занятій финансовой коммиссіи — съ мая 1859 года по октябрь 1860 года — было посвящено Николаемъ Христіановичемъ участію въ разрѣшеніи одной изъ важнѣйшихъ сторонъ крестьянской реформы.

Вскорѣ послѣ того пришлось ему посвятить свои труды дѣлу, которое должно было имѣть важное общественное значеніе для Россіи. Въ 1863 году онъ былъ призванъ преподавать науку финансовъ и политической экономіи покойному наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Публика наша не призвана произносить своё сужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ удовлетворительно была выполнена имъ возложенная на него обязанность, но мы имѣемъ право обсуждать тѣ источники, изъ коихъ преподаватель чер-

палъ предлагаемыя имъ своему высокому слушателю знанія, коль скоро эти источники указаны публикѣ самимъ преподавателемъ, и такимъ образомъ мы можемъ составить себѣ понятіе о тѣхъ истинахъ, которые выставлялись какъ идеалъ основныхъ положеній преподаваемой науки. Однимъ изъ такихъ источниковъ была книга нѣмецкаго финансиста Карла фонъ-Гока «О налогахъ и государственныхъ долгахъ», изданная въ переводѣ на русскій языкъ въ 1865 году въ Кіевѣ. Не входя въ разсмотрѣніе научнаго достоинства этого труда, скажемъ по поводу его экономическихъ положеній только тó, что страна, правитель коей усвоилъ бы себѣ воззрѣніе Гока на налоги и государственное хозяйство, могла бы быть счастливою. Въ оправданіе такого заявленія, достаточно указать, напримѣръ, на ученіе Гока о соразмѣрности подати съ доходомъ народнымъ и отдѣльныхъ лицъ, на замѣчаніе что подать не должна препятствовать хозяйственному успѣху и затруднять пользованіе естественными богатствами страны, дѣятельности рыцковъ и свободнаго употребленія капиталовъ, и что если налоги дошли до крайняго предѣла, допускаемаго народнымъ хозяйствомъ, то равновѣсіе между доходами и расходами государства достигается только сбереженіями, а не новыми налогами; что абсолютизмъ не представляетъ ручательства въ постоянствѣ мнѣній и воззрѣній правительственной сферы, относительно хозяйственныхъ дѣлъ, почему и не гарантируетъ государственную бережливость и заботливое вниманіе къ интересамъ государственныхъ кредитовъ. Всё это истины, давно признанныя наукой, а потому имѣвшія полное право быть указываемыми какъ конечный выводъ современнаго ученія о государственномъ хозяйствѣ.

По возвращеніи своёмъ въ Кіевъ и по избраніи новаго ректора, Николай Христіановичъ, не оставляя университетскихъ занятій, принялъ предложенную ему должность управляющаго кіевскою конторою Государственнаго Банка. Стоя такимъ образомъ у самаго источника кредитныхъ операцій въ нашемъ отечествѣ, онъ получилъ возможность на практикѣ провѣрять указанія теоріи финансовъ; въ то же время онъ видѣлъ на дѣлѣ на сколько отступленіе отъ требованій науки выводили насъ всё болѣе и болѣе на ложную дорогу, на которой мы наконецъ совсѣмъ запутались въ массѣ бумажныхъ денегъ. Съ этого времени голосъ его пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ финансовыхъ и общественное мнѣніе начинаетъ обращаться къ нему за указаніями, какъ выйти изъ нашего далеко не блестящаго финансоваго положенія. И дѣйствительно, въ обществѣ стали ходить слухи, что Николаю Христіановичу предлагается видный постъ въ финансовой администраціи, но что онъ отказывается отъ принятія его, отговариваясь семейными обстоятельствами; публика же по своему объяснила причину этого отказа. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могла мириться его опредѣлённая, научная финансовая програма съ политикою случайныхъ мѣропріятій, которую до того исповѣдывала наша финансовая администрація, а потому вступленіе Н. Х. Бунге въ прошломъ году въ должность товарища министра Финансовъ было встрѣчено обществомъ какъ поворотъ къ лучшему, свидѣтельствовавшій, что наступила возможность существованія програмы Николая Христіано-

вича. И дѣйствительно, въ самомъ скоромъ времени по вступленіи новаго министра въ должность послѣдовала отмѣна соляного налога, этого злополучнаго налога, возможности избавить народъ отъ котораго искала ещё императрица Екатерина II, составившая въ 1764 году особую коммиссію для соображеній о томъ, не можетъ ли съ выгодою казнѣ быть допущена вольная продажа соли, налога, который въ самое послѣднее время считался зломъ на столько, что день, когда должна была наступить его отмѣна, объявлялся счастливѣйшимъ въ жизни министра, и не смотря на то, заря этого дня могла наступить только тогда, когда къ управленію финансами были призваны новыя, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, лица, опубликованы распоряженія, относящіяся до упроченія цѣнности кредитнаго рубля и представленъ на текущій годъ финансовой бюджетъ, чуждый всякаго самообольщенія относительно экономическаго благосостоянія страны. Всѣ эти указанія свидѣтельствуютъ, что наступила новая эра въ финансовой практикѣ, обѣщающая возможность дѣйствительныхъ улучшеній въ народной жизни, на сколько, разумѣется, эти улучшенія зависятъ отъ одного финансоваго управленія, къ сожалѣнію весьма часто обязаннаго подчиняться независящимъ отъ него высшимъ требованіямъ. Будемъ желать, чтобы сами эти требованія истекали только изъ указаній разумно-понятой государственной пользы и чтобы такимъ образомъ лица, стоящія нынѣ во главѣ финансоваго дѣла, сохраняли свободу приводить въ исполненіе задуманныя ими органическія мѣры, при помощи коихъ Россія перестала бы считаться страною бѣдною, каковою она есть и въ самомъ дѣлѣ, не смотря на огромныя ея природныя богатства; будемъ желать, чтобы явились и другіе дѣятели, подобные Николаю Христіановичу Бунге, которые помогли бы наконецъ Россіи ступить на путь богатства и просвѣщенія — и тогда мы, граждане ея, съ признательностію произнесёмъ имена, прославившія наше отечество.

Закончимъ нашъ краткій очеркъ учоной дѣятельности Николая Христіановича исчисленіемъ его сочиненій, какъ помѣщённыхъ въ журналахъ, такъ и напечатанныхъ отдѣльно. Вотъ они:

1) Рѣчь о кредитѣ, написанная профессоромъ Лицея Князя Безбородко, магистромъ Н. Бунге. («Актъ Лицея Князя Безбородко въ 1849 году».) 2) Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго. («Отечественныя Записки», 1850, т. LXVIII, № I, отд. II, стр. 1.) 3) Теорія кредита. Соч. Н. Бунге. Кіевъ. 1852. 4) Отвѣтъ рецензенту, по поводу разбора «Теоріи кредита», помѣщённаго въ іюльской книжкѣ «Современника». («Современникъ», 1852, т. XXXVI, отд. VI, стр. 155.) 5) Отвѣтъ г. Михайлову на разборъ «Теоріи кредита», помѣщённый въ октябрской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» на 1852 годъ. («Библіотека для Чтенія», 1853, т. CXVIII, отд. V, стр. 1.) 6) Разборъ сочиненія г. Бабста: «Джонъ-Ло, или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы Регентства». Двѣ статьи. («Отечественныя Записки», 1853, т. LXXXVIII и LXXXIX, отд. IV, стр. 23 и 1.) 7) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Рецензія. (Тамъ же, 1854 г.). 8) Изслѣдованіе о желѣзной промышленности въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа. («Труды Коммиссіи Высочайше учреждённой для описанія губерній Кіевскаго учеб-

наго округа», 1855, т. III, отд. V, стр. 93.) 9) Значеніе промышленныхъ товариществъ и условія ихъ распространенія. («Журналъ для Акціонеровъ», 1855, №№ 26, 44, 45, 48, 52, 61, 65 и 66.) 10) О мѣстѣ, занимаемомъ политическою экономіею въ системѣ народнаго образованія и объ отношеніи ея къ практической дѣятельности. Рѣчь, написанная ординарнымъ профессоромъ Университета Св. Владиміра Николаемъ Бунге для произнесенія въ торжественномъ собраніи Университета 9-го іюня 1856 года. («Рѣчь и Краткій Отчётъ, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Университета Св. Владиміра», 1856, стр. 1.) Перепечатана въ «Экономическомъ Указателѣ» (1857, №№ 27, 29, 32, 34, 37 и 38). 11) Д. П. Журавскій. Некрологъ. («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1856, № 272.) 12) Промышленность и ея ограниченія во внѣшней торговлѣ. Четыре статьи. («Отечественныя Записки», 1857, т. CX, CXII и CXV, №№ 2, 6, 11 и 12, отд. I, стр. 709, 473, 1 и 589.) 13) Письма объ изученіи политической экономіи. («Русскій Вѣстникъ», 1857, т. XI, № 17, отд. I, стр. 5.) 14) Цѣны стараго и новаго времени въ Кіевѣ. («Экономическій Указатель», 1857, № 40, стр. 925). 15) Объ измѣненіи сословнаго состава населенія Россіи въ промежуткахъ времени между 7 и 8-ю, 8 и 9-ю ревизіями. («Экономическій Указатель», 1857, № 44, стр. 1021.) 16) Отвѣтъ П. А. Кулишу. («Русскій Вѣстникъ», 1857, т. XII, № 24, отд. II, стр. 234.) 17) Письмо къ редактору. («Русскій Вѣстникъ», 1858, т. XIII, № 4, отд. II, стр. 366.) 18) Желѣзныя дороги земнаго шара. («Отечественныя Записки», 1858, т. CXVII, № 3, отд. I, стр. 372.) 19) Объ измѣненіи юридическихъ отношеній въ Россіи, вслѣдствіе предстоящаго преобразованія крѣпостнаго права. (Тамъ же, т. CXIX, № 8, отд. IV, стр. 55.) 20) Письма къ читателю о народномъ образованіи. (Тамъ-же, т. 124, № 5, отд. I, стр. 75.) 21) Гармонія хозяйственныхъ отношеній. Первая политико-экономическая система Керри. Двѣ статьи. (Тамъ же, т. 127, №№ 11 и 12, отд. I, стр. 4 и 435.) 22) Новый послѣдователь школы Григорія Бланка. («Русскій Вѣстникъ», 1858, т. XVI, № 16, отд. II, 385.) 23) Объ устройствѣ учебной части въ нашихъ университетахъ. (Тамъ же, т. XVII, № 19, отд. I, стр. 441.) 24) Политико-экономическій журналъ Пикфорда и ученые конгрессы. (Тамъ же, т. XVIII, № 21, отд. II, стр. 12.) 25) Письмо къ редактору. (Тамъ же, стр. 124.) 26) О современномъ направленіи русскихъ университетовъ и о потребности высшаго образованія. (Тамъ же, 1858, т. XVII, отд. I, стр. 441.) 27) Новости политико-экономической литературы. («Экономическій Указатель, 1858, № 4, стр. 92.) 28) Акціонерныя земледѣльческія предпріятія. («Журналъ для Акціонеровъ», 1858, № 102.) 29) Кредитъ и крѣпостное право. Двѣ статьи. («Русскій Вѣстникъ», 1859, т. XIX и XX, №№ 2 и 8, отд. II, стр. 125 и 350.) 30) Главное банковое и торговое общество въ Санктпетербургѣ. («Журналъ для Акціонеровъ», 1859). Перепечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1859, № 176.) 31) Экономическій кризисъ 1857 года. («Отечественныя Записки», 1859, т. 122, 123, 125 и 126, №№ 2, 3, 8 и 9, отд. I, стр. 385, 87, 421 и 159.) 32) Гармонія хозяйственныхъ отношеній. Первая политико-эконо-

мическая система Кери, изложенная Н. Бунге. Спб. 1860. 33) Замѣтки объ акціонерныхъ компаніяхъ въ истекшемъ году. («Вѣкъ», 1861, № 8, стр. 266.) 34) Экономическія доктрины «Дня». (Тамъ же, № 38, стр. 170.) 35) Отвѣтъ на статью Н. И. Пирогова: «Замѣчанія на проэктъ общаго устава Императорскихъ русскихъ университетовъ». («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1862, № 25.) 36) Налоги и государственные долги. Карла фонъ-Гока. Переводъ Н. Бунге. Кіевъ. 1865. 37) Бумажныя деньги и банковая система Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. («Русскій Вѣстникъ», 1867, № 6, стр. 311.) 38) Общій оборотъ внѣшней торговли, торговый балансъ и таможенныя пошлины первостепенныхъ державъ въ XIX столѣтіи. (Тамъ же, т. LXXI, стр. 432.) 39) Курсъ статистики, составленный въ первой половинѣ 1865 года для студентовъ Императорскаго Университета Св. Владиміра. Н. Х. Бунге. Кіевъ. Изданіе 1-е — 1865. Изданіе 2-е — 1876. 40) Джонъ Стюартъ Милль, какъ экономистъ («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1868, т. CXL, стр. 1.) 41) Основанія политической экономіи. Н. Бунге. Кіевъ. 1870. 42) Товарные склады и варанты. Н. Бунге. Кіевъ. 1871. 43) Русскія бумажныя деньги. Сочиненіе А. Вагнера. Переводъ съ дополненіями Н. Бунге. Кіевъ. 1871. 44) Полицейское право. Курсъ, читанный въ Университетѣ Св. Владиміра. Н. Х. Бунге. Пять выпусковъ. Кіевъ. 1873 — 1877. 45) De la circulation fiduciaire et des banques en Russie. («Journal des économistes», 1874, Novembre, № 187.) 46) Государство и народное образованіе, начальное и професіональное, то-есть учоное, реальное и художественное, въ Германіи, Англіи и Франціи. Очерки изслѣдованія Лоренца Штейна. Составилъ Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1877. 47) Банковые законы и банковая политика. («Сборникъ Государственныхъ Знаній», 1874, т. I, стр. 67.) 48) Монополія желѣзнодорожнаго царства и ея ограниченія. («Вѣстникъ Европы», 1876, т. II, № 3, стр. 314.) 49) Государство и законы о народномъ образованіи. («Сборникъ Государственныхъ Знаній» т. IV, 1877). 50) О возстановленіи металическаго обращенія въ Россіи. Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1877. 51) О возстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи. Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1878. 52) Неразмѣнные банковые билеты во Франціи съ 1870 по 1878 годъ. («Сборникъ Государственныхъ Знаній», 1878, т. VI, стр. 44.) 53) Замѣтки о настоящемъ положеніи нашей денежной системы и средствахъ къ ея улучшенію. (Тамъ же, 1880, т. VIII, стр. 89.)

К. Троцина.

Е. М. Бѣлобровъ.

Емельянъ Максимовичъ Бѣлобровъ, коллежскій ассессоръ, кандидатъ философіи и исправлявшій должность профессора русской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1856 по 1875 годъ, родился 5-го августа

1821 года въ уѣздномъ городѣ Кіевской губерніи Черкасахъ. По окончаніи курса въ Университетѣ Св. Владиміра, съ награжденіемъ ученою степенью кандидата, онъ, какъ казённокошный воспитанникъ, назначенъ былъ въ 1847 году младшимъ учителемъ въ Ровенскую гимназію, изъ которой черезъ годъ перешолъ старшимъ учителемъ въ гимназію Бѣлоцерковскую. Состоя въ ней съ 20-го октября 1848 года, Бѣлобровъ, кромѣ прямой своей обязанности преподавателя, исправлялъ во всё время своего пребыванія въ заведеніи ещё должность секретаря этого учебнаго заведенія и надзирателя въ находившихся при Гимназіи такъ называемыхъ ученическихъ квартирахъ. Классическое образованіе, служебное рвеніе и успѣхи воспитанниковъ по преподаваемому имъ предмету, постоянно обращавшіе на Бѣлоброва вниманіе высшаго начальства Кіевскаго учебнаго округа, доставили ему въ 1856 году новое и при томъ болѣе почётное назначеніе, состоящее въ томъ, что 11-го января онъ былъ опредѣлёнъ, въ чинѣ коллежскаго ассессора, исправляющимъ должность профессора Лицея Князя Безбородко по каѳедрѣ русской словесности, которую онъ и занималъ до самаго закрытія этого заведенія въ 1875 году, хотя, начиная съ 1863 года и занималъ должность инспектора Лицея и Гимназіи. Не смотря на всю тягость своей новой обязанности, ему приходилось весьма часто, за отсутствіемъ профессоровъ по каѳедрѣ русской словесности, читать студентамъ лекціи иногда въ теченіе цѣлаго года. При преобразованіи въ 1875 году Лицея въ Институтъ, Бѣлобровъ вышелъ въ отставку. Но не долго пожилъ онъ внѣ заведенія, которому посвятилъ лучшіе годы своей жизни: надломленный чрезмѣрными трудами при исполненіи своихъ обязанностей какъ профессора и инспектора Лицея и Гимназіи, онъ вскорѣ по оставленіи службы слёгъ въ постель и ровно черезъ два мѣсяца по оставленіи службы въ Лицеѣ, то-есть 29-го августа 1875 года, скончался. Емельянъ Максимовичъ посвящалъ свободное время и литературѣ, причёмъ написалъ нѣсколько статей по предмету своей спеціальности, частью изъ области народной словесности, частью теоретико-эстетическаго характера. Надъ этимъ послѣднимъ отдѣломъ своей спеціальности Бѣлобровъ работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Статьи его помѣщались въ «Вѣстникѣ Юго-западнаго края Россіи», «Циркулярахъ» Кіевскаго учебнаго округа и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

И. Сребницкій.

Н. Г. Бѣлоусовъ.

Николай Григорьевичъ Бѣлоусовъ, бывшій профессоръ римскаго права въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко съ 1825 по 1830 годъ, родился 24-го апрѣля 1799 года въ Кіевѣ. Онъ принадлежалъ къ сословію кіевскихъ гражданъ. Родители его были люди достаточные и состояли

въ близкомъ родствѣ съ семействомъ Киселевскихъ, едва-ли не важнѣйшимъ домомъ въ кіевскомъ гражданствѣ по магдебургскому праву. Рано сталъ смекать Николай Григорьевичъ грамоту, хотя тогда не только въ Кіевѣ, но ещё и во всей Россіи, кромѣ Москвы, не было ни одного университета, да и въ самомъ Кіевѣ на врядъ-ли въ то время была гимназія. Не смотря на то, Кіевъ всё-таки былъ однимъ изъ тѣхъ крайне немногихъ городовъ, въ которыхъ можно было получить ещё какое-нибудь, хотя и одностороннее, образованіе. Кіевская духовная академія тогда процвѣтала. Богобоязливые родители одобряли усердіе сына къ ученымъ трудамъ — и Бѣлоусовъ окончилъ курсъ философскихъ наукъ въ названной Академіи едва-ли не четырнадцати и ужъ ни какъ не старше пятнадцати лѣтъ отъ роду. Въ то время Харьковскій университетъ уже былъ открытъ и раньше, нежели гдѣ-либо, философія Канта имѣла въ нёмъ достойнаго истолкователя въ лицѣ профессора Шаде, чему доказательствомъ служитъ изданная имъ на латинскомъ языкѣ логика, основанная на ученіи о категоріяхъ, до-сихъ-поръ не утратившая своего высокаго достоинства, такъ-что послѣднее слово въ настоящей философіи, принадлежащее, на зло германцамъ, поляку, профессору Краковскаго университета Кремеру, не противорѣчитъ чистымъ основаніямъ логики, изданной пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Я не могъ отыскать въ оффиціальныхъ актахъ былъ-ли Николай Григорьевичъ непосредственно ученикомъ Шаде, который, какъ всякій толкователь новаго и непривычнаго ученія, былъ объявленъ человѣкомъ опаснымъ и съ почётомъ удалёнъ изъ Россіи, или же Бѣлоусовъ сталъ изучать философію Канта, руководствуясь преданіями, оставленными въ Харьковѣ знаменитымъ профессоромъ. Изъ этихъ актовъ видно только, что Бѣлоусовъ въ Харьковѣ изучалъ преимущественно науки словесныя и юридическія и оставилъ Университетъ, окончивъ въ нёмъ курсъ наукъ въ 1818 году. Гдѣ онъ былъ и что̀ дѣлалъ въ послѣдовавшіе полтора года — мнѣ неизвѣстно; знаю только, что 21-го января 1820 же года училищнымъ начальствомъ Харьковскаго университета онъ былъ опредѣлёнъ въ Кіевскую губернскую гимназію учителемъ русской словесности. Николай Григорьевичъ зналъ этотъ предметъ превосходно. Одарённый необычайною памятью, онъ помнилъ годы рожденія и смерти всѣхъ важнѣйшихъ русскихъ литераторовъ; но знаніе Бѣлоусовымъ исторіи русской литературы отъ Кирилла и Меѳодія до Пушкина не ограничивалось одной хронологіей. Напротивъ, онъ разумѣлъ критически характеръ, достоинства, недостатки, складъ слога каждаго писателя, цитируя наизусть иногда отрывки изъ малоизвѣстныхъ сочиненій цѣлыми страницами. И при всёмъ томъ литература для него была — знаніемъ постороннимъ, вспомогательнымъ, такъ-какъ главнымъ предметомъ его занятій были науки юридическія. Узнавъ, что въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко для этихъ наукъ полагаются двѣ каѳедры и что вторая (младшаго профессора) не замѣщена, Бѣлоусовъ сталъ искать этого мѣста и 6-го мая 1825 года былъ назначенъ къ нимъ младшимъ профессоромъ. Въ $182^5/_6$ учебномъ году онъ читалъ въ восьмомъ классѣ римское право, а въ седьмомъ исторію того же права; но съ наступленіемъ новаго $182^6/_7$ учебнаго года,

именно въ тотъ годъ, когда и я перешолъ въ седьмой классъ, онъ открылъ преподаваніе естественнаго права, какъ курсъ предварительный и продолжавшійся не болѣе двухъ мѣсяцевъ; но эти два мѣсяца были для насъ важнѣе цѣлыхъ годовъ. Съ необычайнымъ искусствомъ Николай Григорьевичъ изложилъ намъ всю исторію философіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественнаго права, въ нѣсколько лекцій, такъ-что въ головѣ каждаго изъ насъ установился прочно стройный систематическій скелетъ науки наукъ, который каждый изъ насъ могъ уже облекать въ тѣло по желанію, способностямъ и учонымъ средствамъ. Не меньшую пользу доставило намъ въ нравственномъ отношеніи и то, что Орлай назначилъ Бѣлоусова нашимъ инспекторомъ; до того-же онъ исправлялъ должность секретаря хозяйственнаго правленія. Справедливость, честность, доступность, добрый совѣтъ, въ приличныхъ случаяхъ необходимое ободреніе — всё это благодѣтельно дѣйствовало на кружокъ студентовъ, о духѣ и направленіи которыхъ я уже имѣлъ случай говорить въ другихъ статьяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и лекціи и инспекторство Николая Григорьевича дали бы этому направленію ещё большее развитіе, если бы интриги и внутреннія несогласія между профессорами не причинили паралича, разрѣшившагося тѣмъ, что Бѣлоусовъ въ числѣ другихъ былъ 26-го октября 1830 года удалёнъ отъ должности.

Кто не испыталъ ядовитаго жала клеветы на этомъ свѣтѣ, который за-частую неправильно называютъ *бѣлымъ?* Кто обвинитъ и высшее начальство, которое, по человѣчеству, также доступно заблужденію? Оправданіе Бѣлоусова на лицо. Кто изъ молодыхъ людей, бывшихъ въ Нѣжинѣ подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, поступкомъ или словомъ подтвердилъ клевету обвинителей, которыхъ, должно сказать правду, онъ презиралъ глубоко и не скрывалъ своего презрѣнія, за что можетъ-быть Господь и взыскалъ его гордость тяжкимъ испытаніемъ? Убѣждённый въ чистотѣ своихъ дѣйствій, Бѣлоусовъ ѣздилъ въ Петербургъ въ томъ же 1830 году; но это не помогло. Начальство было сильно предупреждено противу него и нѣкоторыхъ его товарищей — и Бѣлоусовъ ни съ чѣмъ возвратился въ Нѣжинъ, чтобы оттуда отправиться въ Кіевъ, безъ надежды когда-нибудь очиститься отъ взведённыхъ на него обвиненій. Четыре слишкомъ года провёлъ Николай Григорьевичъ въ такомъ тяжкомъ положеніи, но, по ходатайству людей, знавшихъ его коротко и по извѣстности его качествъ мѣстнымъ властямъ, для начала онъ былъ избранъ секретарёмъ Кіевскаго попечительнаго комитета о тюрьмахъ, на что и послѣдовало Высочайшее утвержденіе 20-го апрѣля 1835 года, а 7-го мая Высочайше повелѣно дозволить ему поступить на службу по гражданской части, такъ-какъ интрига не могла уже скрыть истины предъ царскимъ престоломъ. Бѣлоусовъ въ томъ же маѣ поступилъ на дѣйствительную службу въ канцелярію кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора помощникомъ секретаря. Само собою разумѣется, что новый чиновникъ не могъ не обратить на себя вниманія главнаго начальника, почему въ слѣдующемъ же 1836 году былъ назначенъ въ той же канцеляріи секретарёмъ по судной части.

Не больно давно у насъ повсемѣстно, по всѣмъ служебнымъ вѣдомствамъ, жило и процвѣтало такое хитрое мнѣніе, что литераторъ и ученый къ казённой службѣ рѣшительно неспособны. Не знаю, какъ теперь: разрушилось-ли это убѣжденіе, когда именно литераторы разоблачили недѣльность и другія качества многихъ дѣловыхъ людей. Да, я не знаю, какъ тамъ нынче, но въ наше время приходилось не только часто слышать, но ещё чаще испытывать на дѣлѣ такое пріятное объ ученыхъ и летераторахъ мнѣніе. Мнѣ самому довелось благодарить вельможу за лестный обо мнѣ отзывъ, а именно, что онъ удивляется тому, что я, по мнѣнію вельможи, соединяю способности литературныя со служебными. Что было дѣлать? Кланялся, благодарилъ и за это.

При всёмъ усердіи, при всёмъ знаніи дѣла, Бѣлоусовъ не могъ видѣть для себя никакой высшей цѣли, оставаясь на службѣ въ провинціи, а потому и не удивительно, что онъ искалъ какой бы то ни было возможности перейти на службу въ столицу. Случай тому поблагопріятствовалъ. Директоромъ Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ былъ тогда родственникъ Бѣлоусова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Киселевскій — и Николай Григорьевичъ безъ затрудненія перешолъ на службу въ Капитулъ. Этотъ переходъ на службу въ С.-Петербургъ представилъ ему по-крайней-мѣрѣ возможность возвратить хотя нѣкоторую часть своихъ служебныхъ правъ. Здѣсь Бѣлоусовъ прослужилъ слишкомъ семнадцать лѣтъ и, пройдя всю служебную лѣстницу до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, достигъ до мѣста начальника отдѣленія.

Исполняя довольно многосложную должность съ свойственнымъ ему неутомимымъ усердіемъ и затѣявъ трудъ, о которомъ скажу ниже, Николай Григорьевичъ подвергъ здоровье своё сильному разстройству, такъ-что врачи признали для него необходимымъ леченіе крымскими грязями; но поѣздка эта не принесла ожидаемой пользы, а въ слѣдующемъ году болѣзнь возобновилась съ новою силою — и 14-го августа 1854 года Николай Григорьевичъ, къ неутѣшной скорби многочисленнаго семейства и всѣхъ знавшихъ его, окончилъ земное поприще на 56 году жизни, не оставивъ по себѣ такъ сказать никакого гласнаго свидѣтельства обширной и разнообразной своей учености, но, какъ мы видѣли, не по своей винѣ, а по неожиданному стеченію обстоятельствъ. Главнѣйшая часть труда, о которомъ я упомянулъ выше, пропала безъ вѣсти и слѣда: это историческая записка объ императорскихъ и царскихъ орденахъ, въ которой многія подробности извлечены изъ матеріаловъ, не бывшихъ въ рукахъ у другихъ изыскателей. Осталась прикладная и, надо сказать правду, громадная часть труда: это подробные именные списки кавалеровъ разныхъ орденовъ, съ историческими отмѣтками противу каждаго, за что получилъ орденъ. Очевидно, что и эта одна часть составляетъ драгоцѣнный историческій справочный сборникъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ отношеніяхъ онъ совершенно половъ и докончить его не составило бы особеннаго труда.

Н. Кукольникъ.

Бѣлоусовъ, принадлежавшій къ лучшимъ профессорамъ и съумѣвшій пріобрѣсти довѣренность и благодарныя воспоминанія своихъ учениковъ, такъ описываетъ самъ своё опредѣленіе въ Нѣжинскую гимназію: «директоръ Орлай приглашалъ меня неоднократно и употреблялъ, для убѣжденія меня, заслуженныхъ людей, имѣющихъ пребываніе въ Кіевѣ. Пользуясь особеннымъ уваженіемъ кіевской публики и имѣя въ Кіевѣ свой домъ и сопряжонныя съ тѣмъ выгоды и отличаемъ будучи не только мѣстнымъ, но и университетскимъ начальствомъ, желавшимъ меня перемѣстить въ университетъ, я не соглашался перемѣститься въ здѣшнюю гимназію. Наконецъ, когда убѣжденія Орлая сдѣлались очень часты, а обѣщанія велики, то я ему отвѣчалъ, что не могу перемѣститься младшимъ профессоромъ по той причинѣ, что товарищи мои въ Нѣжинской гимназіи, Моисеевъ и Никольскій, старшими профессорами. Но Орлай не переставалъ съ своими приглашеніями, обѣщая мнѣ всевозможныя выгоды. Въ собственноручномъ письмѣ своёмъ ко мнѣ отъ 15-го ноября 1824 года, послѣ комплиментовъ моимъ дарованіямъ и способностямъ, онъ говоритъ: «не находя возможности нынѣ представить васъ въ званіе старшаго профессора, я даю вамъ слово употребить всё зависящее отъ меня, чтобы вамъ доставить другія выгоды» — и тутъ же обѣщалъ доставить мнѣ орденъ Владиміра 4-й степени. Я не ожидалъ себѣ много выгодъ въ Нѣжинской гимназіи, а убѣждёнъ былъ единственно обѣщаніями Орлая, которыя простирались за предѣлы учоной службы. Такъ-какъ ещё въ 1819 году члены юридическаго факультета Харьковскаго университа желали меня имѣть адъюнктъ-профессоромъ по извѣстнымъ для нихъ познаніямъ моимъ въ юридическихъ наукахъ, то могъ ли я, спустя пять лѣтъ послѣ того, безъ особенныхъ лестныхъ обѣщаній, желать перейти въ здѣшнюю гимназію профессоромъ, а наипаче младшимъ». Объясненія эти живо характеризуютъ Бѣлоусова, обладавшаго сильнымъ убѣжденіемъ въ собственныхъ достоинствахъ, хотя многое въ нихъ объясняется временемъ, когда они были писаны. Должно замѣтить, что главный обвинитель Бѣлоусова въ распущенности пансіона и вольнодуиствѣ, Билевичь, повидимому, сильно опасался, чтобы опредѣленіе Бѣлоусова въ старшіе профессоры не произошло въ ущербъ его собственному положенію, какъ старшаго профессора политическихъ наукъ. Въ томъ же рапортѣ Бѣлоусовъ старается доказать, что ему вовсе не было нужды домогаться смѣщенія Билевича, такъ-какъ, при открывшейся новой каѳедрѣ юридическихъ наукъ, онъ могъ быть и при нёмъ назначенъ старшимъ профессоромъ, или получить тоже званіе по другому предмету, «ибо онъ съ отличіемъ кончилъ курсъ въ университетѣ и по словесному факультету и былъ старшимъ учителемъ словесныхъ наукъ въ Кіевской гимназіи, не по искательству, а по письменному приглашенію изъ училищнаго комитета Харьковскаго университета».

Послѣднее объясненіе Бѣлоусова должно признать справедливымъ, такъ-какъ оно вполнѣ согласно съ содержаніемъ обольстительныхъ писемъ Моисеева, приложенныхъ къ дѣлу, и не противорѣчитъ показаніямъ Билевича. Понятно, что Бѣлоусовъ желалъ получить званіе старшаго профессора, особенно по соображенію достоинствъ лицъ, которыя

имъ уже пользовались; понятно также, что онъ, при своей обстановкѣ въ Кіевѣ, не находилъ особенныхъ побужденій къ перемѣщенію въ Нѣжинъ; понятно, наконецъ, что Орлай, искавшій повсюду кандидатовъ на профессорство и имѣвшій обширныя связи въ Кіевѣ, узнавъ о Бѣлоусовѣ, какъ достойномъ преподавателѣ, употреблялъ всѣ средства привлечь его въ Нѣжинъ и не скупился на обѣщанія, даже «выходившія за предѣлы ученой службы». Изъ внимательнаго же разбора всѣхъ препирательствъ между Билевичемъ и Бѣлоусовымъ, разрѣшившихся злокачественнымъ доносомъ и слѣдствіемъ, можно вывести также, кажется, вѣрное заключеніе, что послѣдній обладалъ неумѣреннымъ самолюбіемъ что, вслѣдствіе того, онъ смотрѣлъ свысока на своихъ сослуживцевъ, и не стѣснялся оскорбленіемъ ихъ самолюбія, пользуясь каждымъ къ тому случаемъ. «Съ начала вступленія въ должность», писалъ Билевичъ въ конференцію отъ 9-го декабря 1827 года, «Бѣлоусовъ наносилъ мнѣ различныя непріятности и оскорбленія, которыя я переносилъ терпѣливо. Такъ въ іюнѣ 1826 года, на экзаменѣ учениковъ изъ государственнаго хозяйства, онъ нанёсъ мнѣ тяжкую обиду, сказавъ: «я вижу, что ни ученики, ни профессоръ ничего не знаютъ»; на экзаменѣ въ іюнѣ слѣдующаго года, на моё замѣчаніе, что не мѣсто и не время заводить диспуты о системахъ преподаванія, Бѣлоусовъ, подошедши къ ученикамъ и взявъ изъ рукъ ученика Бороздина записки, сталъ изъяснять оныя, къ обидѣ моей, въ превратномъ смыслѣ, называя оныя глупыми и безтолковыми; въ конференціи 4-го іюля 1827 года онъ «дѣлалъ похвалки меня выгнать изъ гимназіи, говоря, что давно бы уже это сдѣлалъ, но только жалѣетъ моего семейства.» Оскорблённое самолюбіе, воспламенённое непримиримою враждою, искало повода объявить войну оскорбителю на быть или не быть, искало средства погубить врага и остановилось на средствѣ, дѣйствительно вѣрнѣйшемъ — *на обвиненіи профессора въ вольнодумствѣ.* «Нѣтъ сильнѣйшаго противъ профессора обвиненія», справедливо замѣтилъ Бѣлоусовъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ, «какъ обвиненіе въ вольнодумствѣ».

Н. Лавровскій.

П. И. Волынскій.

Павелъ Ивановичъ Волынскій, протоіерей и законоучитель въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко съ 1821 по 1829 годъ, родился въ 1770 году въ селѣ Олёновѣ (Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда) и, происходя изъ духовнаго званія, учился въ Черниговской семинаріи. Окончивъ курсъ наукъ, Павелъ Ивановичъ въ 1795 году опредѣлёнъ былъ въ ту же семинарію учителемъ первой части грамматики, географіи и исторіи. Такъ тогда соединяли преподаваніе совершенно разнородныхъ предметовъ. Въ 1798 году Павелъ Ивановичъ былъ повышенъ, то-есть назначенъ учителемъ синтаксиса, географіи, исторіи и ариѳметики, а въ 1801 году возвышенъ ещё на одну ступень, то-есть

произведёнъ въ учители піитики. Тѣмъ по семинаріи Волынскій и покончилъ. Въ 1803 году Павелъ Ивановичъ оставилъ педагогическое поприще, женился и поступилъ въ священство, причёмъ получилъ званіе намѣстника, набедренникъ и опредѣлёнъ въ Нѣжинское духовное правленіе присутствующимъ.

Съ открытіемъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, какъ старшій въ Нѣжинѣ изъ духовныхъ лицъ, Павелъ Ивановичъ приглашонъ былъ къ преподаванію Закона Божія, а 20-го августа 1821 года утверждёнъ въ званіи нашего законоучителя. Классы открывались постепенно, а потому въ началѣ Павелъ Ивановичъ не затруднялся преподаваніемъ сокращённаго катихизиса, священной исторіи, пространнаго катихизиса и сверхъ того читалъ съ нами превосходную книжку, которой, къ сожалѣнію, теперь уже не встрѣчаю. Это толкованіе Евангелій. Но съ открытіемъ 7-го класса или философскаго курса надо было и законоучителю открыть чтенія совершенно новаго предмета, который тогда и по-гречески — этикой и по-русски — нравственной философіей неправильно называли. Въ руководство избрана была книга Баумейстера. Но какъ она написана была по-латынѣ, то Павелъ Ивановичъ принуждёнъ былъ, пока достали печатную, самъ переводить Баумейстера на русскій языкъ. Я помню много образчиковъ этого перевода; напримѣръ. Вопросъ: «Что есть добро?» Отвѣтъ: «Добро есть тò, что съ нашимъ *концомъ* сходно» — и тому подобное. Наконецъ мы получили печатную книгу и съ жадностію бросились смотрѣть, какъ тамъ переведено то же мѣсто. Слово въ слово точно такъ же, какъ и у Павла Ивановича. Значитъ, такъ и быть должно. Впрочемъ въ 1827 году Павелъ Ивановичъ досталъ какія-то записки, въ которыхъ этика названа была наукой о внутреннихъ правахъ и обязанностяхъ человѣка; но прочёлъ всего одну лекцію по этимъ запискамъ. Ссора между профессорами, возникшая яко бы по поводу естественнаго права, заставила Павла Ивановича бросить записки и преподавать этику по печатному Баумейстеру — и внутреннія права и обязанности человѣка опять по прежнему перемѣшались со внѣшними.

Въ 1825 году Павелъ Ивановичъ былъ пожаловалъ золотымъ наперстнымъ крестомъ, а въ 1829 по прошенію уволенъ отъ должности законоучителя Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Воспитанники любили своего законоучителя и духовника и всѣ мы, бывшіе въ его время въ Гимназіи, сохранили о нёмъ память, какъ о чрезвычайно добромъ и снисходительномъ наставникѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ Павелъ Ивановичъ любилъ поучать прихожанъ проповѣдью слова Божія, чѣмъ заслужилъ особенное вниманіе начальства. И въ черниговскомъ Преображенскомъ, и въ нѣжинскомъ Николаевскомъ, и въ своей приходской Преображенской церкви Павелъ Ивановичъ часто читалъ поученія, но въ нашей гимназической, не знаю почему, сколько я помню, мы ни разу не слыхали его проповѣди, такъ-что когда умеръ воспитанникъ Пащенко (съ основанія Гимназіи до 1829 года единственный смертный случай), Павелъ Ивановичъ поручилъ мнѣ сказать надгробное слово надъ прахомъ товарища. Однажды тольно намъ уда-

лось слышать проповѣдь Павла Ивановича въ его приходской Преображенской церкви и только потому, что по случаю храмового въ ней праздника, Павелъ Ивановичъ просилъ разрѣшенія, чтобы на хорахъ церкви пѣли воспитанники Гимназіи. Орлай долго отказывалъ, но, по убѣдительнѣйшей просьбѣ самихъ воспитанниковъ, наконецъ согласился. Многіе, я думаю, и теперь помнятъ и этотъ праздникъ, и по случаю его произнесённое Павломъ Ивановичемъ слово, въ которомъ, въ блистательномъ заключеніи, онъ не забылъ, воздѣвъ очи горѣ, то-есть къ намъ на хоры, чувствительно поблагодарить своихъ питомцевъ за ихъ усердіе.

Вамъ, постороннимъ читателямъ, отъ этихъ незанимательныхъ подробностей ни тепло, ни холодно; скорѣе — холодно; а намъ — нѣжинцамъ — нѣтъ, намъ дорогъ малѣйшій намёкъ на поэтическую старину нашей молодости. Два раза не жить на этомъ свѣтѣ и потому съ невыразимою любовью, съ отраднымъ упоеніемъ собираешь самые мелкіе лоскутки прошедшаго и любуешься ими, и цалуешь ихъ, какъ землю родины послѣ долгой разлуки.

По оставленіи гимназической службы отецъ Павелъ ещё десять лѣтъ оставался при прочихъ своихъ должностяхъ въ званіи нѣжинскаго протоіерея и настоятеля нѣжинской Преображенской церкви. Онъ скончался 21-го декабря 1839 года, на 69 году жизни, отъ простуды, оставивъ по себѣ добрую и свѣтлую память не только среди всѣхъ бывшихъ своихъ сослуживцевъ и воспитанникахъ по Гимназіи Высшихъ Наукъ, но и среди прихожанъ своихъ и всѣхъ нѣжинцевъ, которые и доселѣ воспоминаютъ о нёмъ съ признательностію и молятся за него съ любовію.

Тѣло отца Павла покоится на греческомъ Нѣжинскомъ кладбищѣ, подъ скромнымъ памятникомъ, который поставленъ на могилѣ дѣтьми покойнаго.

Н. Кукольникъ.

Ѳ. Я. Вороной.

Исправлявшій должность профессора русской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1864 до 1872 годъ, а нынѣ директоръ Бердянской гимназіи, статскій совѣтникъ и магистръ русской словесности Ѳеодосій Яковлевичъ Вороной, изъ дворянъ Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, родился въ 1837 году, а первоначальное образованіе получилъ въ Полтавской гимназіи. Затѣмъ, окончивъ въ 1861 году курсъ въ университетѣ Св. Владиміра по историко-филологическому факультету дѣйствительнымъ студентомъ съ правомъ получить степень кандидата, онъ тогда же былъ опредѣлёнъ младшимъ учителемъ словесности въ Немировскую гимназію, а черезъ годъ, въ 1862 году, получилъ степень кандидата и сдѣланъ былъ старшимъ учителемъ, причёмъ, сверхъ учительской должности, занималъ должность библіотекаря гимназіи. Въ

февралѣ 1864 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность профессора русской словесности въ Лицеѣ, а въ 1869 году, выдержалъ при Петербургскомъ университетѣ испытаніе на степень магистра, обративъ при этомъ своими основательными познаніями на себя вниманіе покойнаго И. И. Срезневскаго, по ходатайству котораго ему продолжена была командировка въ Петербургъ и выдано изъ суммъ министерства пособіе въ 300 рублей. Возвратившись въ Нѣжинъ, Воропой продолжалъ свои занятія по должности профессора до 1871 года, занимаясь въ свободное отъ прямыхъ своихъ обязанностей время изданіемъ записокъ по русской исторіи покойнаго профессора И. В. Лашнюкова. Въ 1872 году Ѳеодосій Яковлевичъ былъ назначенъ директоромъ Кишинёвской гимназіи; въ настоящее же время состоитъ на той же должности въ Бердянскѣ.

И. Срезневскій.

В. С. Вѣшеневскій.

Вильгельмъ Станиславовичъ Вѣшеневскій, кандидатъ философіи и преподаватель чистой и прикладной математики въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1838 по 1841 годъ, родился въ 1806 году и, по окончаніи въ 1827 году курса наукъ въ Виленскомъ университетѣ, по физико-математическому факультету, со степенью кандидата философіи, опредѣлёнъ былъ учителемъ математическихъ наукъ въ Клеванское уѣздное училище, въ которомъ и оставался до 1832 года, когда былъ переведёнъ старшимъ учителемъ математическихъ наукъ въ Черниговскую гимназію, въ которой и оставался по 2-е декабря 1838 года, когда былъ назначенъ преподавателемъ чистой и прикладной математики въ Лицей Князя Безбородко. Здѣсь, въ слѣдующемъ же году, ему было поручено временно сверхъ того и преподаваніе ботаники, а 21-го августа 1841 года онъ былъ перемѣщёнъ старшимъ учителемъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію.

В. Толбинъ.

Ю. Н. Ганнотъ.

Юстинъ Николаевичъ Ганнотъ, титулярный совѣтникъ и лекторъ французской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1850 по 1866 годъ, родился 16-го мая 1816 года. Онъ началъ свою служебную карьеру въ 1837 году должностью надзирателя при пансіонѣ Лицея Князя Безбородко, которую исправлялъ до 28-го октября 1853 года. По выдержаніи испытанія 27-го октября 1845 года на званіе учителя гимназіи, Ганнотъ опредѣлёнъ былъ 4-го іюля слѣдующаго года младшимъ учи-

телемъ французскаго языка въ Нѣжинскую гимназію, а 29-го марта 1850 года назначенъ лекторомъ французской словесности въ Лицей Князя Безбородко, съ оставленіемъ учителемъ гимназіи. Независимо отъ должностей учителя и лектора, Юстинъ Николаевичъ два раза былъ назначаемъ завѣдывать библіотекою Лицея Князя Безбородко, въ первый разъ съ половины 1837 по 1-е апрѣля 1849, а второй разъ съ 26-го мая 1849 года по 20-е апрѣля 1866 года.

В. Толвинъ.

А. А. Глушановскій.

Антонъ Андреевичъ Глушановскій, бывшій преподаватель законовъ казённаго управленія въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1842 по 1844 годъ, а нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, состоящій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ — есть потомокъ древней казачей фамиліи издавно проживающей въ нынѣшней Черниговской губерніи. По сохранившимся фамильнымъ документамъ, предки его именовались Глушанами, прозвищемъ, вѣроятно, основаннымъ на личныхъ качествахъ родоначальника ихъ въ боевой казацкой жизни, какъ вообще древнія малороссійскія фамиліи: Палій, Безбородко, Паливода, Козыръ и такъ далѣе. При пожалованіи одному изъ предковъ этого рода населённаго имѣнія въ нынѣшнемъ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, въ 25-ти верстахъ отъ Батурина, гетманъ Богданъ Хмельницкій назвалъ его въ своёмъ универсалѣ *паномъ Глушановскимъ* и при внесеніи герольдіею рода Глушановскихъ въ 6-ю часть родословной книги, въ число древнихъ дворянскихъ родовъ, удержана настоящая фамилія, хотя ещё въ одномъ изъ патентовъ на чинъ, данномъ одному изъ Глушановскихъ при императорѣ Павлѣ I-мъ, удержано казацкое прозвище Глушанъ.

Антонъ Андреевичъ родился въ 1816 году въ Полтавской губерніи, въ родовомъ имѣніи матери его урожденной Зарудной, въ степномъ хуторѣ Зарудновскомъ, между Лохвицей и Ромномъ. Мать Антона Андреевича, черезъ четыре года послѣ его рожденія, потерявъ мать свою и многихъ изъ дѣтей, не хотѣла оставаться тамъ, гдѣ всё говорило ей о ея утратахъ — и рѣшено было навсегда переѣхать въ имѣніе отца Антона Андреевича, село Николаевку, Борзенскаго уѣзда. Оба эти родовыя имѣнія въ двухъ губерніяхъ не мѣшали однакожь Антону Андреевичу быть сыномъ благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, такъ-какъ имѣнія эти, по общему характеру жизни древняго, да и новаго малороссійскаго общества, не увеличивались пріобрѣтеніями и не улучшались, а по древнимъ и новымъ законамъ о наслѣдствѣ дробились до *нельзя*. И вотъ эти-то *нельзя* и составляютъ теперь достояніе потомковъ, не доставляя уже имъ средствъ жить по батьковски, а только служа имъ какъ бы документами на принадлежность къ своей фамиліи.

Отецъ Антона Андреевича былъ человѣкъ замѣчательный во мно-

гихъ отношеніяхъ. Вотъ что разсказываетъ объ нёмъ самъ Антонъ Андреевичъ: «Отецъ мой, Андрей Павловичъ, былъ совершенный Тарасъ Бульба, только при другихъ соціальныхъ условіяхъ. Онъ учился въ Кіевской академіи, по древнему обычаю малороссійскихъ дворянъ; зналъ латинскій языкъ по своему, въ пословицахъ и изреченіяхъ; съ горечью и солью подсмѣивался надъ современными ему стремленіями малороссійскаго дворянства, хотя самъ нигдѣ не служилъ, записавшись только — и то на короткое время, для чина — въ канцелярію своего друга повѣтоваго маршала и самъ не зналъ, когда и какъ сдѣлался коллежскимъ секретарёмъ; терпѣть не могъ не только тяжебныхъ дѣлъ, но и вообще всякаго разговора о *судовыхъ*, какъ онъ выражался, дѣлахъ; рѣзалъ правду всѣмъ въ глаза безъ обиняковъ и властовалъ дома такъ, какъ и прототипъ его Бульба. Любилъ онъ разгульную, но непремѣнно разумную компанію и никогда не садился за обѣдъ безъ десяти по-крайней-мѣрѣ гостей. Сосѣди глубоко уважали благородную натуру Андрея Павловича и съ охотой повиновались его велѣніямъ: непремѣнно всѣ были въ столовой въ 12 часовъ, ибо Андрей Павловичъ обыкновенно за пять минутъ до 12 часовъ пилъ большую рюмку водки, ходилъ остающіяся пять минутъ по комнатѣ, кряхтя и охая какъ-то особенно энергически и безъ всякой закуски садился за столъ съ послѣднимъ ударомъ 12-ти часовъ, не обращая вниманія ни на кого и ни на что, причёмъ, указывая на подаваемую ему тарелку, обыкновенно говорилъ: «Знайте, панове, что такого борщу и царь не ѣстъ». Онъ не любилъ сложныхъ обѣдовъ, морщился, когда подавали сладкія блюда и почти всегда вставалъ послѣ жаркого, оставляя гостей за столомъ, съ ярко-краснорѣчивымъ укоромъ тѣмъ, кто ѣлъ пирожное. Онъ всегда выражался рѣзко, но чрезвычайно мѣтко и ярко, прибѣгая чаще всего къ чистымъ малороссійскимъ изреченіямъ и утверждая, что только римляне и малороссіяне могли говорить такъ, что и въ головѣ останется и въ сердце попадётъ. Какъ истый казакъ, отецъ мой любилъ до страсти лошадей, имѣлъ хорошій конскій заводъ и продавалъ свой ремонтъ на родныхъ роменскихъ, вознесенской и ильинской, ярмаркахъ, куда непремѣнно пріѣзжалъ самъ и жилъ, какъ и бóльшая часть малороссійскихъ заводчиковъ, на конной площади въ палаткѣ. Теперь не поймутъ заманчивой прелести кочевого приволья ярмарочной жизни малороссійскихъ конскихъ заводчиковъ; теперь и ярмарка ильинская уже не въ Ромнахъ и заводчики живутъ не въ палаткахъ.»

Но вотъ въ 1831 году нахлынула на Русскую Землю въ первый разъ, какъ за 600 лѣтъ полчища Батыя, губительная холера. Но Андрей Павловичъ не устрашился ея — и, по обыкновенію, отправился въ Ромны на вознесенскую ярмарку, хотя и съ предчувствіемъ, что это была послѣдняя его поѣздка. Почувствовавъ тамъ себя больнымъ, онъ не захотѣлъ лечиться, а велѣлъ везти себя въ свой хуторъ, въ 25 верстахъ отъ Ромёнъ, гдѣ далъ послѣднія приказанія прикащику, что̀ и какъ дѣлать послѣ его смерти и черезъ три дня умеръ далеко отъ семьи своей.

Отецъ Антона Андреевича выражалъ не рѣдко и во всеуслышанье свою непреклонную волю по отношенію къ будущему поприщу своихъ сыно-

вей намёками на будущую карьеру каждаго. Старшаго сына онъ называлъ министромъ, втораго — фельдмаршаломъ, а указывая на Антона Андреевича, обыкновенно говорилъ: «этотъ долженъ самъ себя вылечить. Онъ будетъ славнымъ медикомъ — medicus nec non philosophus — и вы увидите, что и medici ipsi se curare possunt.» Надобно знать, что мальчикъ съ трёхлѣтняго возраста страдалъ сильной золотухой и съ шести лѣтъ навсегда сталъ хромать на правую ногу. Строгъ и суровъ былъ старикъ съ дѣтьми; за-то дорого цѣнили они его ласки, не легко заслуживаемыя. Не любилъ онъ долго держать сыновей дома, чтобъ *не обабились*, какъ онъ выражался, *подъ юбкою матери*, да и въ дѣтствѣ не позволялъ матери ихъ нѣжить, такъ-что мать только въ отсутствіе отца кормила ихъ варенъемъ и всякими лакомствами, поставивши на-сторожѣ дѣвку. Домашній учитель изъ бурсаковъ, окончившій семинарскій курсъ, могъ наказывать ихъ за что хотѣлъ и какъ хотѣлъ, и только горькія слёзы матери, ея ласки, утѣшенія и лакомства облегчали жестокость учителя; жаловаться же отцу никто не смѣлъ, а тѣмъ больше мать. Не было старшему сыну полныхъ 10, а второму 9 лѣтъ, какъ уже были они отосланы съ кѣмъ-то въ Москву и не смѣли ни пріѣхать, ни писать домой, пока не кончили курса въ гимназіи и университетѣ. Антонъ Андреевичъ былъ моложе своихъ братьевъ семью годами и потому оставался дома одинъ; учился же также у бурсака, вмѣстѣ съ сверстниками обоего пола, дѣтьми дальнихъ родственниковъ и сосѣдей, приходившими прямо въ такъ-называемую учительскую комнату во флигелѣ. Особенная нѣжность матери и старшей сестры, а также способности и прилежаніе избавляли его отъ учительскихъ наказаній; но въ 9 лѣтъ и онъ, омытый слезами матери, проплакавшей надъ постелью его всю ночь, послѣднюю предъ назначеннымъ для отъѣзда днёмъ, отвезёнъ былъ отцомъ въ Черниговъ, опредѣлёнъ тамъ въ уѣздное училище и оставленъ на квартирѣ у какого-то дьякона, гдѣ, кромѣ его, жило больше 20-ти оборванныхъ семинаристовъ. Впрочемъ скоро и онъ былъ такимъ же оборванцемъ, промѣнявъ всё, что имѣлъ, даже мѣдныя пуговицы съ сюртука и фуражку, на игрушки, пляшущихъ казачковъ и тому подобную дрянь воспитанникамъ приказа общественнаго призрѣнія, ходившимъ въ то время въ уѣздное училище и гимназію, вмѣстѣ съ другими вольноприходящими. Больше полугода ходилъ онъ въ уѣздное училище, довольно далеко отъ своей квартиры, въ сюртукѣ безъ пуговицъ и безъ шапки, пока наконецъ пріѣхавшее по дѣламъ въ Черниговъ сосѣднее помѣщичье семейство не экипировало его вновь по секретному порученію матери, не смѣвшей напомнить о дитяти отцу, хотя до Чернигова было только 100 верстъ. Только черезъ два года привезли его на лѣтнюю вакацію изъ Чернигова какіе-то чумаки, всего оборваннаго и съ распухшимъ отъ солнца лицомъ. Затѣмъ его отдали въ Борзенское уѣздное училище, а послѣ годичнаго курса въ послѣднемъ классѣ этого училища, въ августѣ 1827 года, отвезли въ Нѣжинъ и опредѣлили въ тамошнюю Гимназію Высшихъ Наукъ. По тогдашнему распредѣленію курсовъ на девять классовъ, онъ поступилъ въ третій классъ и оставался въ Нѣжинѣ три года, при управленіи Гимназіею временно профессоромъ Шапалинскимъ, а потомъ при директорѣ Ясновскомъ.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ самъ Антонъ Андреевичъ о своёмъ пребываніи въ Нѣжинѣ: «Изъ нѣжинской школьной жизни въ памяти моей осталось только тò, что я состоялъ въ пѣвческомъ хорѣ, какъ альтъ, при басахъ Кукольникѣ, Новохацкомъ и другихъ, причёмъ учился плохо, такъ-что только хорошія способности и страхъ отца непозволяли мнѣ оставаться въ классахъ на другой годъ. Это и особенно тò, что въ Нѣжинской гимназіи не процвѣталъ латинскій языкъ, необходимый для поступленія въ Медико-Хирургическую Академію, заставило отца перевести меня въ Черниговскую гимназію. Поручённый здѣсь учителю латинскаго языка Павлу Ивановичу Мокіевскому, этому дивному воспитателю, не имѣющему уже себѣ подражателей въ новомъ поколѣніи педагоговъ, я, какъ и всѣ поручаемые Мокіевскому, а съ ними также и посторонніе — желавшіе, а нѣкоторые и противъ желанія — долженъ былъ приходить къ нему каждый день въ шесть часовъ утра съ готовымъ латинскимъ упражненіемъ или переводомъ, а въ послѣднемъ классѣ и съ собственными сочиненіями на латинскомъ языкѣ на заданную тему. Мокіевскій умѣлъ возбудить въ своихъ ученикахъ такое благородное самолюбіе и соревнованіе, что у него не было лѣнивыхъ, я же, какъ любимый его ученикъ, не могъ допустить и мысли о томъ, чтобы не быть первымъ въ своёмъ классѣ, въ слѣдствіе чего я такъ много занимался латинскимъ языкомъ, что сочиненія на этомъ языкѣ писалъ съ бòльшею лёгкостью, чѣмъ на русскомъ. Но не долго тѣшился отецъ успѣхами моими. Въ 1831 году не стало этого замѣчательнаго человѣка по желѣзной волѣ, по благородству натуры и по самой наружности, такъ-какъ онъ былъ атлетически и величественно сложонъ и имѣлъ правильную римскую красоту. Онъ вѣрилъ въ постепенное измельчаніе рода человѣческаго и часто говорилъ, что уже такихъ молодцовъ, какъ онъ, не будетъ. Свято повинуясь волѣ отца, по окончаніи полнаго гимназическаго курса, я отправился въ Петербургъ въ Медико-Хирургическую Академію. Моя латынь отворила мнѣ туда легко двери, но я не могъ побороть отвращенія къ анатоміи, а тѣмъ болѣе къ операціямъ надъ живыми, при разстроенной нервной системѣ своей — и, не пробывъ въ Академіи года, переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ въ 1834 году открылся университетъ. Поступивъ сначала на историко-филологическій факультетъ третьимъ по порядку вступленія студентовъ въ это вновь открытое святилище, я перешолъ черезъ годъ въ юридическій и вышелъ кандидатомъ съ первымъ же выпускомъ въ 1838 году.»

Кіевскій университетъ и Кіевскій учебный округъ, казалось, переродились подъ тёплымъ управленіемъ незабвеннаго перваго своего попечителя Егора Ѳёдоровича фонъ-Брадке. Студенты и воспитанники учебныхъ заведеній свято чтили его, какъ начальника и горячо любили, какъ самаго попечительнаго и нѣжнаго отца. Онъ ѣздилъ въ квартиры больныхъ студентовъ, привозилъ съ собою медиковъ для консультацій и всѣ лакомства, какія разрѣшали медики. Всё это должна была приготовлять добрѣйшая изъ женщинъ, супруга его — Роза Ивановна. Больницу учебныхъ заведеній онъ посѣщалъ ежедневно, а иногда два и три раза въ день. Его такъ высоко чтили въ Кіевѣ, какъ очень рѣдко чтятъ мѣстныхъ сановниковъ въ провинціяхъ. Заслуги его для универ-

ситета и для учебнаго округа такъ велики, что вѣроятно найдётся кто-нибудь выставить ихъ вѣрно, ярко и назидательно. Глушановскій пользовался особеннымъ вниманіемъ Егора Өёдоровича и самъ такъ былъ глубоко привязанъ къ нему, что не могъ допустить и мысли быть далеко отъ него; поэтому, по выходѣ изъ университета, онъ опредѣлился къ нему въ канцелярію помощникомъ столоначальника. Но не судилась ему ненавидимая имъ канцелярская служба. Въ концѣ 1838 года Егоръ Өёдоровичъ былъ отозванъ отъ управленія Кіевскимъ округомъ, а при другомъ попечителѣ не лестно было молодому кандидату быть канцелярскимъ чиновникомъ. Онъ объяснилъ своё положеніе Егору Өёдоровичу и ещё имъ же былъ переведёнъ на педагогическую службу. Три года преподавалъ онъ исторію и статистику, два года — въ Каменецъ-Подольской и одинъ — въ Новгородъ-Сѣверской гимназіяхъ, а 2-го октября 1842 года, при открытіи третьяго курса въ преобразованномъ за два года передъ тѣмъ Лицеѣ Князя Безбородко, ему предоставлена была каѳедра финансоваго права. Онъ читалъ въ Лицеѣ финансы въ теченіи двухъ годичныхъ курсовъ и при нёмъ были два первые прекрасные выпуска изъ Лицея. Дружескія отношенія между профессорами, товарищами по университетскому образованію, ихъ молодость, не отдалявшая ихъ отъ юныхъ ихъ слушателей, условили тѣ близкія отношенія между профессорами и студентами, которыя не могутъ не приносить существенной пользы и наукѣ и юнымъ ея адептамъ. Это была одна родная семья и каждому профессору былъ дорогъ по сердцу каждый изъ его слушателей.

Затѣмъ, 9-го сентября 1844 года Антонъ Андреевичъ назначенъ былъ синдикомъ университета Св. Владиміра, должность котораго исправлялъ въ теченіи шести лѣтъ, до 1850 года, когда назначенъ былъ директоромъ училищъ Полтавской губерніи. Тутъ открылось широкое поле для осуществленія внушонныхъ ему управленіемъ Егора Өёдоровича фонъ-Брадке идей по воспитанію и вообще по учебной администраціи — и онъ сталъ смѣло прививать ихъ въ своей дирекціи. Правда, его теорія часто порождала борьбу съ главнымъ управленіемъ округа, но Глушановскій не унывалъ, видя, что труды его вознаграждались процвѣтаніемъ его заведеній и укрѣпленіемъ добрыхъ началъ въ его воспитанникахъ.

Въ 1855 году Глушановскій рѣшился перемѣнить родъ службы — и въ томъ же году былъ причисленъ къ министерству Государственныхъ Имуществъ, причёмъ ему было поручено управленіе Минской палатой государственныхъ имуществъ, которой онъ и управлялъ до августа 1856 года. Затѣмъ, въ томъ же году, ему поручено было управленіе Новгородской палатой, гдѣ онъ оставался до 28-го мая 1857 года, когда послѣдовалъ Высочайшій приказъ о назначеніи его управляющимъ Виленской палатой. Эту послѣднюю должность Глушановскій занималъ до начала шестидесятыхъ годовъ, когда былъ причисленъ къ министерству Государственныхъ Имуществъ. Затѣмъ, перейдя на службу въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ, онъ въ теченіи семи лѣтъ былъ цензоромъ, сначало — въ Кіевѣ, а потомъ — въ Одессѣ; а въ настоящее время состо-

итъ при Одесскомъ генералъ-губернаторѣ, числясь по министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Н. Гервель.

А. П. Гораинъ.

Антонъ Павловичъ Гораинъ, бывшій священникомъ и законоучителемъ Лицея Князя Безбородко въ 1861 году, родился въ 1823 году въ Семёновкѣ, небольшомъ селѣ Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Отецъ Антоній воспитывался, по обычаю, сначала въ Черниговской духовной семинаріи, откуда, по окончаніи полнаго курса наукъ въ 1843 году, поступилъ въ Кіевскую духовную академію. По окончаніи курса въ этомъ послѣднемъ заведеніи, съ причисленіемъ къ первому разряду, онъ былъ опредѣлёнъ 31-го октября 1847 года въ Саратовскую духовную семинарію учителемъ по классу логики, психологіи и латинскаго языка, а въ слѣдующемъ году поручено было ему сверхъ того преподаваніе нѣмецкаго языка. Въ ноябрѣ же 1848 года онъ былъ перемѣщёнъ на должность смотрителя Камышинскаго уѣзднаго и приходскаго училищъ и учителя въ высшемъ отдѣленіи того же училища по классу латинскаго языка съ соединёнными съ нимъ другими предметами. Затѣмъ 22-го апрѣля 1849 года отецъ Антоній былъ возведёнъ на степень магистра и въ этомъ же году, по обычаю того времени, былъ переименованъ въ званіе ректора училища, а 10-го февраля 1859 года, согласно собственному прошенію, былъ перемѣщёнъ на родину ректоромъ Черниговскаго духовнаго училища, а отсюда, отъ 7-го февраля 1861 года, опредѣлёнъ законоучителемъ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи и облеченъ въ званіе настоятеля лицейской церкви.

Но отцу Антонію не суждено было долго служить въ Нѣжинѣ. Онъ пріѣхалъ сюда уже больной, и по свидѣтельству его сослуживцевъ, только на первыхъ порахъ могъ кое-какъ исправлять свои обязанности. Съ открытіемъ весны, таившаяся въ нёмъ уже давно чахотка усилилась въ значительной степени и вскорѣ сложила его сначала въ постель, а потомъ и въ могилу. Отецъ Антоній скончался 31-го іюля 1861 же года на тридцать восьмомъ году жизни и былъ погребёнъ на Мѵроносицкомъ или такъ называемомъ Троицкомъ кладбищѣ — въ Нѣжинѣ.

Всѣ знавшіе отца Антонія и доселѣ вспоминаютъ объ нёмъ, какъ объ весьма умномъ и образованномъ человѣкѣ.

А. Хойнацкій.

П. Н. Даневскій.

Пій Никодимовичъ Даневскій, магистръ гражданскаго права и бывшій профессоръ Законовъ Гражданскихъ и Законовъ Государственнаго

Благоустройства въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1843 по 1853 годъ, а въ настоящее время тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ орденовъ Святого равноапостольнаго князя Владиміра 2-го класса и Святыхъ Анны и Станислава 1-хъ степеней, родился 5-го мая 1820 года въ Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, въ деревнѣ Мойсійкахъ, небольшомъ помѣстьи своего отца.

Даневскій началъ своё воспитаніе въ бывшемъ Овручскомъ уѣздномъ и Радомысльскомъ дворянскомъ училищахъ и продолжалъ его потомъ въ Кіевской Второй Гимназіи, гдѣ, за отличные успѣхи въ наукахъ, составляющихъ гимназическій курсъ, и въ особенности за успѣхи въ русской словесности и греческомъ языкѣ, награжденъ золотою медалью и аттестатомъ съ правомъ на чинъ XIV класса. По окончаніи гимназическаго курса, онъ былъ принятъ въ число казённокоштныхъ студентовъ юридическаго факультета Университета Св. Владиміра, гдѣ и былъ удостоенъ степеней кандидата законовѣдѣнія и магистра гражданскаго права. Во время своего пребыванія въ университетѣ, Пій Никодимовичъ написалъ двѣ диссертаціи: 1) «Объ управленіи въ Россіи со времени великаго князя Іоанна III до императора Петра Великаго», удостоенную награжденія серебряною медалью, и 2) разсужденіе на степень кандидата — «De donationibus inter virum et uxorem secundum jus romanum» («О дареніяхъ между мужемъ и женою по началамъ римскаго права»). По выходѣ изъ университета, онъ былъ опредѣленъ 11-го октября 1843 года въ Лицей Князя Безбородко, сначала преподавателемъ, а потомъ профессоромъ по каѳедрѣ Законовъ Гражданскихъ и Законовъ Государственнаго Благоустройства. Въ этой должности Даневскій состоялъ по 26-е августа 1853 года, когда былъ опредѣлёнъ экспедиторомъ Государственной Канцеляріи.

При преподаваніи Законовъ Гражданскихъ Пій Никодимовичъ слѣдовалъ историко-догматической методѣ, а при преподаваніи Законовъ Государственнаго Благоустройства — теоретико-историческо-догматической, и руководствовался, при изложеніи теоріи этой послѣдней науки, преимущественно сочиненіями Рау и Роберта Моля.

Во время своей профессорской дѣятельности въ Лицеѣ, Даневскій написалъ два сочиненія: «О выкупѣ родовыхъ имуществъ» — разсужденіе на степень магистра, и «Исторію Межеваго Законодательства въ Россіи», и напечаталъ: «Рѣчь объ источникахъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Россійской Имперіи» («Рѣчь и Историческая Записка, написанная для прочтенія въ торжественномъ собраніи Лицея Князя Безбородко. Кіевъ. 1846».) По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ къ новому мѣсту служенія, онъ пересмотрѣлъ своё сочиненіе и издалъ его снова, подъ заглавіемъ: «Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи. Сочиненіе экспедитора Государственной Канцеляріи, магистра гражданскаго права П. Даневскаго. Спб. 1857». Наконецъ, въ 1859 году, Даневскимъ издано было послѣднее его печатное сочиненіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи. Составлена помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта Даневскимъ.»

Проходя лѣстницу чиновъ, Даневскій былъ произведёнъ 2-го января 1859 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 2-го октября того же года ему было всемилостивѣйшее повелѣніе быть помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, причёмъ въ теченіе того же времени былъ награжденъ орденами Святыхъ Станислава и Анны первыхъ степеней и Святого Владиміра 2-го класса. Состоя въ послѣдней должности Даневскій управлялъ нѣсколько разъ, за отсутствіемъ статсъ-секретаря Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, дѣлами этого департамента, и затѣмъ, по приглашенію статсъ-секретаря М. А. Корфа, былъ переведёнъ на службу во второе отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи старшимъ чиновникомъ оной съ назначеніемъ редакторомъ перваго и второго томовъ «Свода Законовъ». Съ 1865 по 1869 годъ Даневскій состоялъ членомъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учреждённой, когда, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента Одесской Судебной Палаты, причёмъ съ ноября того же года по мартъ 1869 годъ провёлъ за границей, куда былъ командированъ съ цѣлью собранія подробныхъ свѣдѣній объ устройствѣ судебной части въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. Наконецъ — 2-го іюля 1870 года — былъ назначенъ сенаторомъ.

Во время службы своей Пій Никодимовичъ участвовалъ во многихъ законодательныхъ работахъ и былъ назначаемъ членомъ разныхъ коммиссій и комитетовъ. Такъ онъ участвовалъ въ работахъ по приготовленію Положенія 19-го февраля 1861 года о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, былъ: 1) членомъ въ комитетѣ по вопросу объ устройствѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ во владѣльческихъ имѣніяхъ, 2) въ коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, 3) въ коммиссіи для составленія проэктовъ законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части въ имперіи, 4) въ податной коммиссіи для изготовленія новаго изданія уставовъ о земскихъ повинностяхъ для тѣхъ губерній, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, 5) въ коммиссіи для начертанія проэкта новаго устава Россійско-Сѣверо-Американской компаніи, 6) въ коммиссіи для разсмотрѣнія проэктовъ новыхъ положеній и штатовъ учрежденій Кавказскаго намѣстничества и 7) въ коммиссіи для разсмотрѣнія предположеній о средствахъ вознагражденія бывшей Россійско-Американской компаніи за уступку Соединённымъ Штатамъ бывшихъ владѣній нашихъ въ Америкѣ и другихъ. Сверхъ того, Даневскій участвовалъ въ трудахъ по изданію Государственною Канцеляріею судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, съ изложеніемъ разсужденій, на которыхъ они основаны. Кромѣ того Даневскій разновременно помѣстилъ въ разныхъ повременныхъ русскихъ и нѣмецкихъ изданіяхъ цѣлый рядъ статей юридическаго содержанія, которыя были въ своё время оцѣнены по достоинству въ кругу спеціалистовъ.

Н. Гербель.

Л. И. Ждановичъ.

Исправляющій должность профессора по каѳедрѣ законовъ казённаго управленія въ Лицеѣ Князя Безбородко, съ 1862 по 1873 годъ, нынѣ директоръ Дерптской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Лёвъ Ивановичъ Ждановичъ родился въ 1832 году. Мѣстомъ его первоначальнаго образованія была Нѣжинская гимназія, по окончаніи которой онъ, въ 1855 году, поступилъ на службу канцелярскимъ служителемъ въ С.-Петербургское губернское правленіе, откуда черезъ годъ перемѣстился по прошенію канцелярскимъ служителемъ въ канцелярію предводителя дворянства Новгородсѣверскаго уѣзда. Но служба эта была номинальная, чисто дворянская служба того времени, въ которую вступали только для виду, чтобы выслужить первый чинъ и которая дозволяла жить гдѣ угодно и заниматься чѣмъ угодно. Эта служба не помѣшала и Ждановичу выдержать при университетѣ Св. Владиміра испытаніе и получить степень кандидата законовѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе Ждановичъ продолжалъ службу въ канцеляріи предводителя дворянства до февраля мѣсяца 1861 года, когда былъ избранъ исправляющимъ должность профессора законовъ казённаго управленія въ Лицеѣ Князя Безбородко. Но научныя стремленія влекли Льва Ивановича дальше. Такъ въ ноябрѣ слѣдующаго 1862 года онъ оставляетъ лицейскую каѳедру, причисляется къ министерству Народнаго Просвѣщенія и непосредственно затѣмъ Высочайшимъ приказомъ командируется за границу на два года, съ содержаніемъ по 1600 рублей въ годъ, для приготовленія къ профессорскому званію по финансовому праву и государственному благоустройству. По истеченіи двухъ лѣтъ, командировка была продолжена по 1-е іюля 1865 года и затѣмъ ещё на полгода, по 1-е января 1866 года. Въ теченіи этого времени Ждановичъ слушалъ въ различныхъ германскихъ университетахъ, главнымъ образомъ въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, лекціи у многихъ свѣтилъ нѣмецкой финансовой и экономической науки, въ томъ числѣ у Рау, Ромера и другихъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Францію, и нѣкоторыя славянскія земли, а въ декабрѣ 1865 года вернулся въ Россію. Въ это время въ Лицеѣ снова сдѣлалась вакантною каѳедра законовъ казённаго управленія, вслѣдствіе перехода профессора Патлаевскаго въ Новороссійскій университетъ — и 1-го октября 1866 года Ждановичъ занялъ свою каѳедру во второй разъ. Около семи лѣтъ преподавалъ онъ въ Лицеѣ финансы и сверхъ того, послѣ перехода профессора Лашкукова въ Кіевскій университетъ, съ 1868 по 1873 годъ, статистику. Въ апрѣлѣ 1873 года Ждановичъ, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и въ томъ же году былъ приглашонъ черниговскимъ губернскимъ земствомъ въ директоры черниговской земской учительской семинаріи. Въ этой должности онъ оставался до 1876 года, когда, вслѣдствіе перехода власти въ руки земской партіи, враждебной той, которая избрала Ждановича въ директоры семинаріи, у него начались недоразумѣнія съ земствомъ, получившія такую печальную огласку въ газетахъ. Ждановичъ оставилъ Черниговъ и,

будучи лично извѣстенъ министру графу Толстому, получилъ мѣсто директора министерской учительской семинаріи въ Дерптѣ, гдѣ состоитъ и въ настоящее время.

А. Сребницкій.

Н. Г. Жокпасъ.

Николай Григорьевичъ Жокпасъ, бывшій лекторомъ французской литературы въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1870 по 1872 годъ, родился въ 1845 году. По выдержаніи въ 1868 году при Кіевскомъ университетѣ испытанія на званіе учителя гимназіи, онъ былъ назначенъ учителемъ французскаго языка въ Кіевскую прогимназію, откуда 11-го іюня 1870 года былъ переведёнъ лекторомъ французской литературы въ Лицей Князя Безбородко. Впрочемъ здѣсь онъ оставался недолго, такъ-какъ вслѣдствіе непріятной исторіи, случившейся съ нимъ въ Нѣжинскомъ городскомъ клубѣ, онъ былъ 18-го февраля 1872 года удалёнъ изъ Нѣжина и переведёнъ учителемъ французскаго языка въ Бѣлоцерковскую гимназію, вскорѣ послѣ того переименованную въ реальное училище, гдѣ находится и въ настоящее время.

А. Сребницкій.

И. П. Забугинъ.

Исправляющій должность профессора гражданскихъ законовъ въ Лицеѣ Князя Безбородко, съ 1868 по 1875 годъ, Иванъ Платоновичъ Забугинъ родился въ Кіевѣ въ 1846 году. Благодаря домашнимъ условіямъ, онъ получилъ, можно сказать, блестящее воспитаніе, которое развило его богатыя способности. Окончивъ курсъ въ одной изъ Кіевскихъ гимназій, онъ поступилъ въ университетъ, откуда вышелъ въ 1867 г. со степенью кандидата законовѣдѣнія. Его кандидатская диссертація: «Духъ законовъ Монтескьё и его значеніе въ наукѣ о правѣ и государствѣ»—обратила на себя вниманіе юридическаго факультета, и Иванъ Платоновичъ оставленъ былъ стипендіатомъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по предмету государственнаго права. Богатыя способности Забугина, прекрасное общее образованіе, знаніе въ совершенствѣ иностранныхъ языковъ—французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, всё это обѣщало, что изъ Ивана Платоновича выйдетъ недюжинный ученый, что онъ и обнаруживалъ въ теченіе года своего стипендіатства. Но, къ несчастью, измѣнившіяся житейскія условія Забугина заставили его уѣхать изъ Кіева, и въ сентябрѣ 1868 года онъ занялъ каѳедру гражданскаго права въ Лицеѣ Князя Безбородко. Занявъ каѳедру, къ которой мало готовился, Иванъ Платоновичъ, конечно, не былъ блестящимъ профессоромъ, хотя, усвоивъ прекрасно

догматическую сторону своего предмета, онъ излагалъ её вполнѣ обстоятельно. Большую часть своего времени онъ посвящалъ своему любимому занятію, въ которомъ онъ находилъ забвеніе преслѣдовавшихъ его неудачъ—музыкѣ; онъ въ полномъ смыслѣ слова артистически игралъ на фортепіано, и любимой его музыкой были произведенія Листа. Послѣ смерти Ивана Платоновича осталась довольно значительная полная вообще музыкальная библіотека. Сверхъ преподаванія гражданскаго права студентамъ Лицея, Забугинъ ещё съ 1873 года въ теченіи полутора года преподавалъ французскій языкъ въ Нѣжинской гимназіи, и преподавалъ такъ, какъ немногіе бывшіе до его иностранцы. Но усилившіяся въ Нѣжинѣ ещё болѣе семейныя затрудненія повліяли слишкомъ сильно на воспріимчивую нервную систему Забугина, и 4-го марта 1875 года рановременная смерть унесла въ могилу этого даровитаго и симпатичнаго человѣка, которому можно было пожелать развѣ немного больше характера.

А. Срезневскій.

М. Д. Затыркевичъ.

Михаилъ Дмитріевичъ Затыркевичъ, статскій совѣтникъ, магистръ государственнаго права и профессоръ Лицея Князя Безбородко, съ 1859 по 1875 годъ, по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ, потомокъ стариннаго дворянскаго рода Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, родился въ 1831 году. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Нѣжинской гимназіи, изъ которой поступилъ въ университетъ Святого Владиміра. Въ 1855 году Михаилъ Дмитріевичъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата законовѣдѣнія и 21-го марта 1856 года назначенъ былъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности секретаря Совѣта. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1859 года онъ былъ избранъ и утвержденъ исправляющимъ должность профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ въ Лицеѣ Князя Безбородко, въ 1866 году выдержалъ магистерскій экзаменъ, а въ 1875 году, по защищеніи диссертаціи, получилъ степень магистра и вслѣдъ затѣмъ утвержденъ былъ въ должности профессора.

При преподаваніи энциклопедіи законовѣдѣнія Михаиломъ Дмитріевичемъ, у него въ эту рубрику входила и собственно энциклопедія, и исторія философіи права, и исторія государственнаго права важнѣйшихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Вообще въ своихъ чтеніяхъ Михаилъ Дмитріевичъ отводилъ очень много мѣста элементу чисто историческому; это былъ его любимый пунктъ, что обнаружилось вполнѣ и въ его диссертаціи: «О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя русскаго государства въ до-монгольскій періодъ. Москва, 1874». Эта объёмистая книга, плодъ долголѣтнихъ усидчивыхъ трудовъ Затыркевича, представляетъ массу историческаго матеріала, собраннаго

изъ различныхъ источниковъ. Выработавъ себѣ своеобразную теорію образованія политическаго строя всѣхъ государствъ, древнихъ и новыхъ, какъ конечнаго результата борьбы между различными національностями и сословіями, Михаилъ Дмитріевичъ старается прослѣдить ту же борьбу и въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Это была, по его мнѣнію, сначала борьба туземнаго населенія съ прошлымъ, а потомъ борьба различныхъ общественныхъ элементовъ, главнымъ образомъ борьба общинно-городского населенія съ княжескимъ и дружиннымъ элементами. Несмотря на нѣкоторыя натяжки, подъ вліяніемъ предвзятой теоріи, и происходящіе отсюда промахи въ пріёмахъ, трудъ этотъ, по массѣ собраннаго историческаго матеріала и умѣньи автора обращаться съ нимъ, представляетъ выдающееся явленіе. Рецензія этого труда, быть-можетъ, нѣсколько рѣзкая, вслѣдствіе того, что Михаилъ Дмитріевичъ идётъ вопреки обще-принятымъ мнѣніямъ, принадлежитъ профессору Сергіевичу, помѣстившему её въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1875 годъ.

Покончивши съ этимъ трудомъ, Михаилъ Дмитріевичъ принялся-было за новый, который имѣлъ цѣлью критическій разборъ государственныхъ воззрѣній французскихъ политическихъ писателей прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Для этого труда собрано было уже имъ не мало матеріаловъ, но преобразованіе Лицея прервало эту работу — и Затыркевичъ, несмотря на полученное имъ отъ Кіевскаго юридическаго факультета приглашеніе занять каѳедру исторіи русскаго права, въ іюлѣ 1875 года вышелъ въ отставку съ половинной пенсіей и поселился въ имѣніи своёмъ, въ Сосницкомъ уѣздѣ, гдѣ живётъ и нынѣ, посвятивъ себя главнымъ образомъ занятію сельскимъ хозяйствомъ.

А. Сребницкій.

Е. Я. Зимовской.

Егоръ Яковлевичъ Зимовской, статскій совѣтникъ и бывшій инспекторъ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи въ 1840 и 1841 годахъ, затѣмъ — директоромъ училищъ Орловской губерніи, а нынѣ находящійся въ отставкѣ, родился въ 1811 году. По окончаніи курса наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, Зимовской въ 1832 году поступилъ на службу въ департаментъ Министерства Юстиціи, откуда, согласно прошенію его, въ 1833 году перемѣщёнъ въ канцелярію попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Служа здѣсь, онъ въ 1835 году исправлялъ должность синдика университета Св. Владиміра и затѣмъ въ 1836 году назначенъ былъ инспекторомъ во 2-ю Кіевскую гимназію, а черезъ три года перемѣщёнъ на ту же должность въ Волынскую гимназію. Отсюда онъ былъ откомандированъ 12-го октября 1840 года исправлять должность инспектора Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, и въ томъ же году утвержденъ въ этой должности, которую онъ исполнялъ всего годъ, до 19-го сентября

1841 года, когда былъ назначенъ исправляющимъ должность директора Немировской гимназіи. Затѣмъ, въ 1843 году Зимовской утвержденъ былъ въ должности директора, а въ 1853 году перемѣщенъ директоромъ училищъ Орловской губерніи. Въ 1859 году уволенъ въ отставку по прошенію.

Этотъ краткій перечень служебнаго движенія Егора Яковлевича свидѣтельствуетъ о способностяхъ, трудахъ и знаніи дѣла, которые отличали его предъ начальствомъ на поприщѣ служенія по учебной части. Пребываніемъ въ должности инспектора Лицея Князя Безбородко, хотя и недолговременнымъ, Егоръ Яковлевичъ оставилъ по себѣ добрую память. Будучи дѣятельнымъ и ловкимъ исполнителемъ своихъ обязанностей, онъ умѣлъ въ начальническихъ отношеніяхъ своихъ къ студентамъ соединять строгость съ снисхожденіемъ; былъ взыскателенъ, но не придирался къ мелочамъ; выговоры и замѣчанія свои студентамъ выражалъ въ формѣ совѣтовъ и наставленій и старался не убивать, а напротивъ возбуждать въ молодыхъ людяхъ сознаніе личности, ставя ихъ самихъ нерѣдко судьями ихъ поступковъ. Къ этому надо присовокупить гуманность Егора Яковлевича, выражавшуюся въ живомъ участіи, которое онъ принималъ въ положеніи недостаточныхъ студентовъ и въ заботливости устроить ихъ участь.

Н. Петровъ.

Ѳ. О. Зингеръ.

Ѳёдоръ Осиповичъ, или, правильнѣе, Фридрихъ-Іосифъ Зингеръ, явился въ Нѣжинскую Гимназію Высшихъ Наукъ, въ званіи младшаго профессора нѣмецкой словесности, 11-го іюня 1824 года, въ то самое время, когда любознательность воспитанниковъ была возбуждена въ высшей степени остроумными мѣрами и личнымъ вліяніемъ Ивана Семёновича Орлая. О прошедшей жизни маленькаго Зингера, потому что онъ ростомъ былъ чуть не карликъ, мы не могли получить никакихъ свѣдѣній. Всё, что могли мы узнать о нёмъ, такъ это то̀, что Ѳёдоръ Осиповичъ былъ родомъ изъ Львова, что у отца его въ Львовѣ есть домъ и фабрика, а въ Баденѣ другой домъ, что Зингеръ, благодаря своимъ образованнымъ родителямъ, получилъ отличное образованіе, а «Подъ небомъ Шиллера и Гетё» поэтическое настроеніе, что не могло не имѣть и на насъ особенно важнаго вліянія. Изъ формулярнаго же списка его извѣстно, что онъ воспитывался съ 1804 по 1809 годъ въ Львовскомъ университетѣ, въ 1810 — въ Хемницкой горной академіи въ Венгріи изучалъ химію, въ 1811 — выдержалъ экзаменъ въ Вѣнскомъ университетѣ, въ 1815 — путешествовалъ по Италіи, Германіи и Даніи и былъ домашнимъ секретарёмъ у Датскаго посланника при Вестфальскомъ дворѣ. Прибывъ въ Ригу, онъ занимался обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ до опредѣленія въ Нѣжинскую гимназію.

Русская литература того времени была проникнута духомъ Байрона: Чайльдъ-Гарольдовъ и Онѣгиныхъ можно было встрѣчать не только въ

столицахъ, но даже у насъ въ гимназическомъ саду. Зингеръ открылъ намъ новый, живоносный родникъ истинной поэзіи. Любовь къ человѣчеству, составляющая поэтическій элементъ твореній Шиллера, по свойству своему прилипчивая, быстро привилась и къ намъ — и много способствовала развитію характера многихъ. До Зингера на нѣмецкихъ лекціяхъ обыкновенно отдыхали сномъ послѣ-обѣденнымъ. Онъ умѣлъ разогнать эту сонливость увлекательнымъ преподаваніемъ, и не прошло и года, у новаго профессора были ученики, переводившіе «Донъ Карлоса» и другія драмы Шиллера, а вслѣдъ за тѣмъ и Гетё, и Кёрнеръ, и Виландъ, и Клопштокъ, и всѣ, какъ называли классики германской литературы, не исключая даже своеобразнаго Жанъ-Поль-Рихтера, въ теченіе четырёхъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ Зингера. Какъ теперь помню, товарищъ нашъ И. Д. Халчинскій, ничего не понимая по-нѣмецки, а при переводахъ и комментаріяхъ предвкушая сладость германской литературы, рѣшился во что бы то ни стало догнать старшихъ по званіямъ соучениковъ, и во время каникулъ показалъ необычайный опытъ воли: изучилъ чуть не цѣлый нѣмецкій лексиконъ и такъ наторѣлъ въ переводахъ, что удивилъ профессора и товарищей, и въ слѣдующій учебный годъ, въ компаніи съ другими и едва ли не больше всѣхъ другихъ, перевёлъ «Исторію тридцатилѣтней войны», о которой упоминать я уже имѣлъ случай. Я долженъ здѣсь кстати замѣтить, что развитію германизма между нѣжинцами много способствовалъ «Московскій Телеграфъ», издаваемый тогда въ Москвѣ Полевымъ. Мы вообще мало признательны, а потому и не удивительно, что теперь не встрѣтишь и помину о дѣдушкѣ русскихъ журналовъ новаго времени, который по системѣ, содержанію, направленію и духу далеко превосходилъ всѣ другіе того времени и позднѣйшіе журналы и былъ такъ сказать началомъ серьёзной русской журналистики. Вслѣдъ за «Московскимъ Телеграфомъ» явились «Телескопъ», «Московскій Вѣстникъ» и такъ далѣе. Замѣчательно, что лучшіе журналы тогда были московскіе. Петербургскіе же занимались недостойною перебранкою и тривіальными пересмѣшками, причёмъ во всёмъ господствовало не дѣло, а личность. Мы невзлюбили ихъ и наслаждались только петербургскими альманахами, на которые была тогда мода не только у насъ, но и въ Германіи. Ѳёдоръ Осиповичъ снабжалъ насъ этими новинками; но мы не видали ни одного переплёта его нѣмецкихъ альманаховъ. Зингеръ обвёртывалъ ихъ толстой бумагой и до того опечатывалъ, что никакое искусство не могло проникнуть подъ эти экономическіе покровы. Эта снисходительность дорого обошлась ему. Когда между профессорами послѣдовало междоусобіе и Зингеръ присталъ естественно къ сторонѣ, которую считалъ правильною и чистѣйшею, при досмотрѣ ученическихъ ящиковъ найдены были въ нихъ многія книги съ надписью: «ex libris F. J. Singeri» и послужили сильнымъ и рѣшительнымъ противу него обвиненіемъ, такъ-что онъ лишился мѣста и принуждёнъ былъ возвратиться въ Германію, что послѣдовало въ 1830 году, осенью. Говоря вообще, Зингеръ принадлежалъ къ числу преподавателей, оставившихъ самыя пріятныя воспоминанія въ своихъ слушателяхъ.

Н. Кукольникъ.

П. С. Иващенко.

Бывшій исправляющимъ должность профессора русской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко, нынѣ учитель Кіевской 1-й гимназіи и воспитатель пансіона при ней, надворный совѣтникъ Пётръ Семёновичъ Иващенко родился въ Гадяцкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, 12-го іюня 1846 года. Окончивши Гадячское уѣздное училище, Пётръ Семёновичъ поступилъ въ Полтавскую гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1868 году съ серебряною медалью. Поступивши затѣмъ въ Кіевскій университетъ по славяно-русскому отдѣленію историко-филологическаго факультета, окончилъ курсъ въ 1872 году со степенью кандидата и былъ опредѣлёнъ учителемъ русскаго и латинскаго языка въ Кіевскую гимназію. Затѣмъ въ іюнѣ слѣдующаго 1873 года утвержденъ исправляющимъ должность профессора Лицея Князя Безбородко по каѳедрѣ русской словесности и читалъ лекціи въ теченіи года; въ іюлѣ же мѣсяцѣ 1874 года, въ виду рѣшоннаго уже преобразованія Лицея въ Институтъ, перешолъ обратно въ первую Кіевскую гимназію, гдѣ въ настоящее время преподаётъ словесность въ высшихъ классахъ.

Учоно-литературные труды Петра Семёновича слѣдующіе: 1) Очеркъ содержанія сатиръ А. П. Сумарокова. Нѣжинъ, 1874. 2) Бытъ южно-русскаго народа въ его пословицахъ. («Записки Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», т. 2-й). 3) Слѣды языческихъ вѣрованій въ мало-русскихъ шептаньяхъ. («Труды третьяго Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.») 4) Рѣчь на юбилейномъ актѣ Кіевской 1-й гимназіи 12-го декабря 1875 года. Кіевъ. 1875.

И. Срезневскій.

П. Н. Іеропесъ.

Павелъ Николаевичъ Іеропесъ, коллежскій совѣтникъ и бывшій инспекторъ Лицея Князя Безбородко съ 1843 по 1849 годъ, родился въ Малой Азіи. Окончательное образованіе Іеропесъ получилъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ въ Смирнѣ и, по прибытіи въ Россію, въ 1818 году поступилъ на службу учителемъ греческаго языка въ Таганрогскую коммерческую гимназію, потомъ, въ 1822 году, былъ перемѣщёнъ на ту же должность въ Кіевскую гимназію и, прослуживъ тамъ около четырнадцати лѣтъ, въ 1836 году назначенъ былъ инспекторомъ въ Волынскую гимназію, откуда въ 1839 году перемѣщёнъ инспекторомъ же во 2-ю Кіевскую гимназію и затѣмъ, 13-го августа 1843 года, назначенъ исправляющимъ должность инспектора Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи. Эту послѣднюю должность онъ исправлялъ около 6 лѣтъ, до 24-го марта 1849 года, когда, согласно прошенію, былъ уволенъ въ отставку.

Во время инспекторства Павла Николаевича въ Лицеѣ надъ нимъ тяготѣло уже много десятковъ лѣтъ жизненнаго поприща: въ нёмъ ясно замѣтны были слѣды утомленія долговременною служебною дѣятельностію. Въ способѣ исполненію своихъ обязанностей и въ отношеніяхъ своихъ къ студентамъ онъ держался прежней рутины, оставленной уже его предшественниками, и потому мало возбуждалъ къ себѣ сочувствія въ студентахъ; а между-тѣмъ въ душѣ былъ добрый человѣкъ.

Н. Питровъ.

Х. Н. Іеропесъ.

Преподаваніе греческаго языка, по уставу, не было обязательно въ Нѣжинской гимназіи и введеніе его, безъ сомнѣнія, обязано появленію въ ней дѣтей грековъ. Преподавателя не приходилось искать далёко: кровный грекъ, Христофоръ Іеропесъ, состоялъ тогда учителемъ греческаго языка въ Нѣжинскомъ Александровскомъ греческомъ училищѣ. Орлай обратился къ нему. Въ своёмъ прошеніи отъ 12-го сентября 1822 года Іеропесъ предлагаетъ обучать цѣлый годъ греческому языку по шести часовъ въ недѣлю безъ жалованья, а по истеченіи этого срока — съ жалованьемъ, назначеннымъ для учителей, «съ тѣмъ однако жъ, чтобы, когда дѣти греческія изъ выходцевъ, числомъ пять, доведены будутъ до четвёртаго отдѣленія, въ коемъ преподаётся словесность, онъ былъ представленъ высшему начальству на утвержденіе профессоромъ греческой словесности, съ предоставленіемъ правъ, сему званію присвоенныхъ». Въ этомъ смыслѣ состоялось его опредѣленіе съ оставленіемъ при греческомъ училищѣ. 25-го сентября 1824 года Іеропесъ былъ произведёнъ въ младшіе профессоры греческаго языка и словесности. Въ архивѣ сохранилась автобіографія Іеропеса, изъ которой видно, что онъ родился 1790 года въ городѣ Трикалѣ, въ Өессаліи, до 12 лѣтъ учился дома простому греческому языку, съ 1803 обучался у своего дяди, игумена монастыря св. Стефана, церковному обряду, затѣмъ въ Трикальскомъ училищѣ — эллино-греческому языку и наконецъ въ Өессалоникѣ и Смирнѣ обучался десять лѣтъ въ гимназіи, въ которой и окончилъ курсъ. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему изъ Смирнской гимназіи, сказано, что онъ «обучался съ отличнымъ прилежаніемъ и пріобрѣлъ преимущественно познанія въ эллино-греческомъ языкѣ, прошолъ многихъ древнихъ писателей въ прозѣ и стихахъ»; обучался математикѣ, физикѣ, химіи, географіи, логикѣ, метафизикѣ и нравственности. Изъ Смирны въ 1819 году онъ переселился въ Тріестъ на должность учителя эллино-греческаго языка, а оттуда, по приглашенію Нѣжинскихъ грековъ, въ Нѣжинъ.

Поступленіе Іеропеса въ Нѣжинскую гимназію подняло бурю въ греческомъ училищѣ. Не безполезно привести здѣсь нѣсколько оффиціальныхъ свѣдѣній объ этомъ столкновеніи, такъ-какъ они характеризуютъ отношенія греческаго нѣжинскаго общества къ только что возникшему въ Нѣжинѣ высшему учебному заведенію.

Нѣжинскіе греки, какъ извѣстно, всегда относившіеся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ общимъ интересамъ и пользѣ не только города, но и своего общества, крайне вознегодовали на Іеропеса за-то, что онъ принялъ новую должность «безъ ихъ вѣдома и согласія». Орлай, разумѣется, не обращалъ никакого вниманія на многочисленныя бумаги къ нему отъ греческаго магистрата, ограничиваясь помѣтами: «не вписывать въ журналъ, а только при дѣлахъ оставить». Труднѣе было положеніе директора греческаго училища, Прихова, только-что опредѣлённаго на эту должность 23-го марта 1822 года. Какъ утверждённый правительствомъ, онъ долженъ былъ отстаивать законную почву, которой знать не хотѣли Нѣжинскіе греки, ссылаясь съ толкомъ и безъ толка на свои привиллегіи. На предписаніе магистрата отрѣшить немедленно Іеропеса отъ должности и лишить квартиры въ училищѣ, Приховъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить предписанія, такъ-какъ «по высочайшему указу объ Александровскомъ училищѣ учители онаго состоятъ въ дѣйствительной государственной службѣ, а потому и отрѣшеніе ихъ отъ должности предоставлено тому мѣсту по учебной части, которое ихъ въ сей должности утверждаетъ». Когда же магистратъ вновь и упорно настаивалъ на своёмъ требованіи, Приховъ отправилъ къ нему запечатанный пакетъ для вскрытія въ полномъ собраніи общества. Въ своей бумагѣ онъ заявляетъ обществу, что хотя, по усиленнымъ просьбамъ, и согласился на должность директора училища, но теперь, видя невозможность «продолжать службу въ надлежащемъ видѣ, не уклоняясь отъ истины», отказывается отъ нея. Указавъ на беззаконность требованія магистрата, онъ доказывалъ, что «поступленіе въ Гимназію не только не должно вмѣнять въ преступленіе Іеропесу, но ещё онъ заслуживаетъ особенную благодарность за-то, что принялъ трудъ распространять въ новомъ своёмъ отечествѣ языкъ нашихъ отцовъ. «Дѣти нашихъ собратій», писалъ Приховъ, «погибшихъ въ нынѣшнюю патріотическую войну, принятыя въ Гимназію по волѣ Государя Императора на содержаніе графа Кушелева-Безбородко, должны бы остаться безъ всякаго изученія отечественнаго языка» и такъ далѣе. Въ заключеніе, замѣчаетъ, что въ условіи, заключённомъ обществомъ съ Іеропесомъ, вовсе нѣтъ запрещенія обучать въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Аргументы Прихова нимало не подѣйствовали на выходившихъ изъ себя нѣжинскихъ грековъ. Магистратъ потребовалъ его къ отвѣту и получилъ отвѣтъ, что уже сдѣлано о всёмъ донесеніе куда слѣдуетъ и что до полученія окончательнаго рѣшенія не предстоитъ надобности ни въ явкѣ въ магистратъ, ни въ дальнѣйшей перепискѣ. Наконецъ въ апрѣлѣ получено рѣшеніе отъ харьковскаго попечителя, по которому дѣйствія магистрата признаны незаконными и Іеропесъ оставленъ при греческомъ училищѣ въ прежней должности. Впрочемъ враждебныя отношенія и преслѣдованія грековъ не прекращались и послѣ того: сохранился рапортъ Іеропеса отъ 23-го февраля 1825 года о томъ, что, когда онъ ночью 20-го февраля подходилъ къ своей квартирѣ, на него напалъ сторожъ греческаго училища, «билъ его до крови, разбилъ голову» и такъ далѣе.

Что касается до принадлежности Іеропеса къ партіи, враждебной Бѣлоусову и его сторонникамъ, то она объясняется, кажется, не столько

личными симпатіями, сколько родствомъ съ Билевичемъ: онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго. Въ біографіи его, помѣщённой въ Лицейскомъ Сборникѣ, замѣчено, что «когда всѣ профессоры раздѣлились на двѣ партіи, старую и новую, Іеропесъ смиренно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми».

Въ конспектахъ, начинающихся съ 1825 года, курсъ Іеропеса является довольно обширнымъ. Онъ раздѣлялся на шесть отдѣленій: начальное чтеніе (чтеніе и письмо), грамматическое, синтаксическое, риторическое, піитическое и аналитическое (разборъ плановъ и особенныхъ красотъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, преимущественно Гомера, Софокла, Пиндара). Въ дѣйствительности же, должно полагать, содержаніе курса было ограниченно, такъ-какъ предметъ былъ не обязателенъ и отношеніе къ нему учениковъ, число которыхъ было притомъ весьма небольшое и часто мѣнялось, поверхностно; для преподаванія греческаго языка назначены были даже послѣобѣденные часы, какъ для искусствъ, на что часто жаловался Іеропесъ. Изъ ежемѣсячныхъ отмѣтокъ можно заключать, что и успѣхи учениковъ были далеко неудовлетворительны.

По преобразованіи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко въ Лицей и по упраздненіи каѳедры греческаго языка, Іеропесъ былъ уволенъ, 11-го октября 1833 года, отъ должности профессора, съ оставленіемъ учителемъ въ Александровскомъ греческомъ училищѣ. Съ открытіемъ ваканціи старшаго учителя греческаго языка въ Кіевской 2-й гимназіи, Христофоръ Николаевичъ былъ переведёнъ 5-го сентября 1841 года туда, съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники, и занималъ эту должность въ продолженіи десяти лѣтъ, до 22-го ноября 1851 г., когда былъ уволенъ, по прошенію, отъ службы съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Н. Лавровскій.

А. О. Казелли.

Александръ Осиповичъ Казелли, надворный совѣтникъ и лекторъ французской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко, получилъ воспитаніе за границей, откуда выѣхалъ въ Россію въ концѣ 1825 года. 6-го февраля слѣдующаго года онъ уже былъ опредѣлёнъ въ Харьковскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ учителемъ французскаго языка, но оставался тамъ не долго, именно до 29-го октября 1827 года, когда былъ перемѣщёнъ младшимъ учителемъ въ Кіевскую гимназію. По учрежденіи въ 1836 году въ Кіевѣ двухъ гимназій, 1-й и 2-й Губернской, Казелли былъ назначенъ на ту же должность во 2-ю Гимназію, а 11-го августа того же года, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ службы. Въ 1840 году ему снова было поручено преподаваніе французскаго языка въ Кіевскомъ Дворянскомъ уѣздномъ училищѣ, а 3-го мая 1848 года онъ былъ опредѣлёнъ лекторомъ французской словесности въ Ли-

цей Князя Безбородко и учителемъ французскаго языка въ Нѣжинскую Гимназію; но эти послѣднія должности онъ занималъ не долго. 4-го декабря того же года Казелли снова вышелъ въ отставку и поселился въ Кіевѣ.

В. Толвинъ.

И. Ѳ. Клернеръ.

Иванъ Ѳёдоровичъ Клернеръ, коллежскій совѣтникъ и лекторъ нѣмецкой словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1841 по 1854 годъ, родился въ 1806 году. Первоначальное образованіе Клернеръ получилъ въ Кейданскомъ училищѣ, по выпускѣ изъ котораго въ 1820 году поступилъ въ Виленскій университетъ, оттуда — въ Дерптскій и наконецъ въ С.-Петербургскій, гдѣ, въ 1828 году, получилъ степень дѣйствительнаго студента. Затѣмъ въ 1829 году Клернеръ опредѣлёнъ былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Слуцкую гимназію и черезъ пять лѣтъ утверждёнъ учителемъ. Трудами своими въ этой должности и основательнымъ знаніемъ нѣмецкаго языка и литературы онъ обратилъ на себя вниманіе начальства и 14-го марта 1841 года назначенъ былъ лекторомъ нѣмецкой словесности въ Лицей Князя Безбородко и учителемъ Нѣжинской гимназіи. Прослуживъ здѣсь около 13-ти лѣтъ, за окончаніемъ двадцати-пяти-лѣтняго срока службы по учебной части, онъ вышелъ въ отставку 5-го октября 1854 года. Иванъ Ѳёдоровичъ, пробывъ въ трёхъ университетахъ около 8-ми лѣтъ, пріобрѣлъ достаточное энциклопедическое образованіе, имѣлъ основательныя, можно даже сказать, глубокія познанія въ нѣмецкой литературѣ, весьма хорошо зналъ русскій языкъ, обладалъ звучнымъ голосомъ и читалъ лекціи весьма внятно, словомъ — онъ соединялъ всѣ условія хорошаго лектора.

Въ моё время весьма немногіе изъ студентовъ любили нѣмецкій языкъ и были въ нёмъ достаточно приготовлены, поэтому Иванъ Ѳёдоровичъ, такъ сказать, внѣ себя встрѣчалъ затрудненія придать занимательность своимъ лекціямъ, которыя, особенно въ первыхъ курсахъ, ограничивались переводами сочиненій Шиллера, красотами языка котораго онъ увлекался и любилъ объяснять ихъ. Исторію литературы онъ читалъ довольно коротко. Что же касается характера Ивана Ѳёдоровича, то скромность мнѣ позволяетъ сказать только, что его добродушіе, кроткій нравъ, обходительность и вѣжливость располагали къ нему студентовъ и онъ пользовался общимъ ихъ уваженіемъ.

Н. Петровъ.

П. В. Кукольникъ.

Платонъ Васильевичъ Кукольникъ, коллежскій ассесоръ, четвёртый сынъ Василія Григорьевича Кукольника, родился въ Замосцѣ, въ бытность ещё тамъ родителей нашихъ. Окончивъ курсъ наукъ въ С.-Пе-

тербургской гимназіи, онъ по собственному желанію поступилъ на службу въ департаментъ Римско-Католической Духовной Коллегіи, но какъ въ то время на пути чиновъ гимназическаго образованія было недостаточно, то братъ мой выдержалъ установленный для того экзаменъ въ С.-Петербургскомъ новорождённомъ университетѣ въ 1820 году и, оставивъ службу въ Коллегіи, поступилъ учителемъ для низшихъ классовъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, о чёмъ въ воспоминаніяхъ объ отцѣ я имѣлъ случай упомянуть. Неожиданная смерть отца положила конецъ педагогическому поприщу брата; семейство наше перебралось въ Вильно; матушка стала хозяйничать въ имѣніяхъ, пожалованныхъ въ аренду отцу нашему на 12 лѣтъ; братъ помогалъ ей, но какъ нельзя же было, хотя для виду, оставаться безъ службы, какъ тогда требовали законы и государственные и общественные, то и братъ Платонъ, тоже для виду, опредѣлился въ Литовскій почтамтъ безъ содержанія. По кончинѣ матушки въ 1824 году, онъ перемѣщёнъ былъ въ Виленскій университетъ экзекуторомъ и въ продолженіе 8-ми лѣтъ службы удостоился получить шесть наградъ. Въ 1832 году онъ переведёнъ въ канцелярію попечителя Виленскаго учебнаго округа, гдѣ и продолжалъ службу съ отличіемъ до уничтоженія Виленскаго учебнаго округа, послѣдовавшаго 1-го мая того же года. Три года онъ оставался внѣ службы, но съ назначеніемъ Николая Николаевича Новосильцова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ въ 1835 году, братъ Платонъ вновь поступилъ на службу и состоялъ при Новосильцовѣ для занятія по дѣламъ Царства Польскаго, но въ 1838 году, по разстроенному здоровью, принуждёнъ былъ совершенно отказаться отъ службы. Предоставленный собственнымъ средствамъ, братъ Платонъ принуждёнъ былъ заниматься частными дѣлами, которыя требовали не только усиленныхъ трудовъ, но и продолжительныхъ разъѣздовъ; болѣзнь непримѣтно развивалась, а въ 1848 году, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, страданія усилились и опасность обнаружилась во всёмъ своёмъ ужасающемъ видѣ. Всѣ усилія опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ врачей остались безуспѣшными и зимою въ декабрѣ того же года братъ Платонъ окончилъ земное поприще къ общему родныхъ и знакомыхъ соболѣзнованію. Не мнѣ хвалить брата, но безъ сомнѣнія у многихъ и многихъ ещё остались на памяти его хлѣбосольство, весёлый характеръ и всегдашняя готовность на доброе дѣло. Въ «Сѣверной Пчелѣ» помѣщался ежегодно некрологъ за истекшій годъ. Въ одномъ изъ такихъ некрологовъ братъ Платонъ причисленъ былъ къ семьѣ русскихъ литераторовъ, но я долженъ исправить эту ошибку. П. Кукольникъ, подписавшійся подъ весьма немногими статьями и стихотвореніями, не Платонъ, а старшій братъ мой Павелъ Васильевичъ Кукольникъ, нынѣ здравствующій заслуженный профессоръ бывшаго Виленскаго университета, который на вѣку своёмъ писалъ весьма много стихами и прозой, но печаталъ чрезвычайно мало, такъ-что печатныхъ его произведеній гораздо больше въ польскихъ переводахъ, принадлежащихъ лучшимъ польскимъ литераторамъ, чѣмъ въ подлинникахъ.

Н. Кукольникъ.

И. Г. Кулжинскій.

(АВТОБІОГРАФІЯ.)

Родился я 1803 года апрѣля 14-го въ городѣ Глуховѣ, гдѣ отецъ мой былъ тогда діакономъ при церкви Св. Анастасіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего рожденія, отецъ былъ рукоположонъ въ священники Троицкой церкви въ мѣстечкѣ Воронежъ. Здѣсь я выросъ, и потому привыкъ почитать мѣстечко Воронежъ моею родиною. На восьмомъ году я кончилъ курсъ въ нашей деревенской школѣ и въ утѣшеніе моихъ родителей могъ свободно читать «Библію». Меня начали приготовлять въ семинарію и для этого я каждый день началъ ходить къ молодому священнику сосѣдней церкви, изъ студентовъ, къ которому ходило со мною ещё нѣсколько мальчиковъ. Болѣе года продолжалось такое приготовленіе, но я, признаюсь, здѣсь не научился ничему болѣе, какъ только читать по-латыни да четырёмъ дѣйствіямъ ариѳметики. Съ такимъ приготовленіемъ отвезли меня въ Черниговъ въ семинарію. Въ семинаріи я учился двѣнадцать лѣтъ и, признаюсь откровенно, ничему не научился такъ, какъ бы слѣдовало и какъ бы можно было при другихъ обстоятельствахъ. Сперва насъ учили по-старинному одной только латини, учили машинально, безъ всякой методы, ограничиваясь выслушиваніемъ уроковъ и приказаніемъ: *выучить оттоль дотоль*. Праздность и скука томили меня. Не знаю, что сталось бы со мною, еслибъ Богъ для моего образованія не послалъ слѣдующаго случая. Чрезъ четыре года пребыванія въ семинаріи, по окончаніи *курса піитики*, пріѣхалъ я домой на лѣтнюю вакацію. Покойный отецъ, давши мнѣ недѣлю времени погулять дома, отвёзъ меня въ село Чеплѣевку учиться къ умному и учоному протоіерею, отцу Андрею Нарановичу. Здѣсь я въ первый разъ узналъ, что̀ значитъ учиться, что значитъ умная метода и какое великое дѣло — умѣть располагать временемъ. По прошествіи ещё одного года моей семинарской жизни, я снова на лѣтнюю вакацію былъ отправленъ въ Чеплѣевку и четыре мѣсяца проведённаго мною времени подъ наставленіями и руководствомъ достойнѣйшаго наставника были для меня гораздо полезнѣе, нежели пять лѣтъ семинарскихъ. Возвратившись изъ Чеплѣевки въ семинарію, я сталъ по познаніямъ цѣлою головою выше всѣхъ моихъ товарищей.

Въ половинѣ 1817 года послѣдовало такъ называемое *преобразованіе семинаріи*. Вмѣсто старыхъ нашихъ учителей, прислали къ намъ молодыхъ профессоровъ, большею частью изъ магистровъ Духовной Академіи. Кромѣ латинскаго языка, начали учить насъ греческому и еврейскому. Риторика, философія и богословіе были преподаваемы по-прежнему на латинскомъ языкѣ. Одинъ молодой профессоръ преподавалъ всеобщую и церковную исторію. Языки французскій и нѣмецкій были для желающихъ. Я ходилъ въ нѣмецкій классъ, а французскому языку выучился самоучкою, имѣя богатыя средства къ тому въ знаніи латинскаго языка. Преобразованіе сначала пошло очень хорошо и обѣщало прекрасные плоды. Примѣтно было, что Академія щедрою рукою пере-

дала нашимъ наставникамъ многія сокровища духовнаго образованія; но эти сокровища, къ сожалѣнію, иногда переливались въ скудельные сосуды, которые не могли удержать даннаго имъ сокровища, сокрушались — и сокровище погибало.

Окончивъ полный курсъ въ семинаріи и не желая поступить въ Академію, я опредѣлился учителемъ въ Черниговское духовное уѣздное училище, для преподаванія пространнаго катихизиса, греческаго языка, русской и славянской грамматики. Мнѣ было 20 лѣтъ отъ роду; учениковъ у меня было около 150 — полная огромная зала. Безъ всякаго особеннаго приготовленія, я началъ моё учительство инстинктуально съ того, что искренно полюбилъ моихъ учениковъ и мою должность. Послѣ этого не успѣлъ ещё я хорошенько осмотрѣться, какъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что и всѣ ученики крѣпко полюбили меня, да не только меня, но и мои уроки. Ученье пошло хорошо; и я каждый разъ выходилъ изъ моего класса крайне изнурённый, но съ самосознаніемъ честно и хорошо исполненнаго долга. Богъ сохранилъ меня отъ ремесленности въ исполненіи учительской должности; а надобно признаться, что я видѣлъ нѣсколько горькихъ случаевъ, какъ иногда искусство, талантъ и даже святыня долга были подтачиваемы ремесленностью исполненія. Въ началѣ второго года моего учительства я женился, и до-сихъ-поръ не только никогда не раскаивался, но всегда благодарю Бога за раннюю, своевременную женитьбу.

Будучи уже семейнымъ человѣкомъ и оканчивая двухлѣтіе моего учительства, я началъ задумываться объ избраніи для себя опредѣлённаго и постояннаго званія и состоянія. Надобно было просить священническаго мѣста и рукоположиться въ священники. Но я искренно, глубоко и совершенно логически былъ убѣждёнъ въ томъ, что я не достоинъ такого великаго сана. Мнѣ казалось лучше не принимать священства, нежели, принявши, быть недостойнымъ его. Богъ видимо благословилъ мою рѣшимость: въ маѣ мѣсяцѣ 1825 года я совершенно неожиданно былъ вызванъ въ Нѣжинъ, чтобъ познакомиться съ директоромъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко И. С. Орлаемъ, который искалъ учителя латинскаго языка для Гимназіи. Орлай довольно оригинально проэкзаменовалъ меня: попросилъ къ себѣ обѣдать, и во время обѣда заставилъ меня говорить по-латини съ собою и съ своимъ пансіонеромъ Любичемъ-Романовичемъ. А послѣ обѣда приказалъ мнѣ подать прошеніе объ опредѣленіи.

Къ началу новаго учебнаго года, въ августѣ мѣсяцѣ 1825 года, я переѣхалъ въ Нѣжинъ учителемъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Служилъ я въ Гимназіи Высшихъ Наукъ по августъ 1829 года, и, признаюсь, эти четыре года моей службы оставили во мнѣ грустное о себѣ воспоминаніе. О тогдашней Гимназіи Высшихъ Наукъ можно было сказать словами лѣтописца: «Гимназія наша велика и пространна, а порядка въ ней нѣтъ». Основано было это высшее училище въ самое благопріятное время и въ самомъ выгодномъ мѣстѣ. Самый ближайшій университетъ, Харьковскій, отстоялъ отъ Нѣжина болѣе чѣмъ на 400 вёрстъ; самый ближайшій Лицей, Ришельевскій, былъ далѣе 600 вёрстъ. Губернскія гимназіи отживали тогда свой вѣкъ по старому уставу

и находились въ дряхлѣвшемъ состояніи. Вдругъ въ Нѣжинѣ явилась Гимназія Высшихъ Наукъ съ энциклопедіей всѣхъ университетскихъ наукъ, кромѣ медицинскихъ, и съ благороднымъ при ней пансіономъ, какого не было тогда нигдѣ. Вся знать, всѣ достаточные дворяне со всѣхъ окружныхъ губерній привезли своихъ сыновей въ Нѣжинъ. Въ короткое время Нѣжинская Гимназія сформировала у себя всѣ, по своему уставу, девять классовъ. Въ пансіонѣ ея было около 100 воспитанниковъ; сверхъ того каждый профессоръ и учитель также содержалъ пансіонеровъ. Но управленіе этой Гимназіи было самое несчастное, то-есть коллегіальное. Управлялъ ею не директоръ, какъ бы слѣдовало, но вмѣстѣ съ директоромъ и конференція профессоровъ. Правители-профессоры не имѣли никакого контроля надъ своимъ преподаваніемъ. Для нравственнаго управленія заведеніемъ не было никакихъ средствъ: надъ пансіономъ хотя и считался инспекторомъ одинъ изъ профессоровъ, но, не получая за сію должность особаго жалованья, онъ её почиталъ болѣе почётною, нежели обязательною; а надъ классами и надъ Гимназіей вообще не было инспектора. Директоръ съ утра до ночи бился, какъ рыба объ лёдъ, и рѣдко въ комъ находилъ сочувствіе, или пособіе. Можно представить, *какъ много* порядка было при такомъ устройствѣ училища. Да вотъ, напримѣръ, одинъ случай изъ множества подобныхъ: директоръ представилъ одного учителя къ награжденію пятью стами рублей ассигнаціями за его усердіе къ службѣ. Почётный попечитель, разрѣшавшій тогда подобныя представленія, съ первою почтою разрѣшилъ награду. Но когда дошло дѣло до предписанія кассиру о выдачѣ учителю наградныхъ денегъ, профессоры воспротивились этому, возстали на директора, почему онъ одного N почитаетъ достойнымъ награды — и не дали кассиру предписанія. Учитель до-сихъ-поръ не получилъ своей награды, и, увы! этотъ учитель — былъ я. Умный и учоный директоръ нашъ И. С. Орлай чрезвычайно тяготился своимъ положеніемъ въ Нѣжинѣ, и, воспользовавшись временемъ коронаціи Государя Императора Николая Павловича въ 1826 году, поѣхалъ въ Москву и тамъ у Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова выпросилъ себѣ перемѣщеніе въ Ришельевскій Лицей.

Не смотря на такую организацію Гимназіи Высшихъ Наукъ, между ея воспитанниками того времени много было прекрасныхъ талантовъ. Во главѣ ихъ стояли: Кукольникъ, Рѣдкинъ, Базили, Гоголь и впослѣдствіи времени Гребёнка. Два послѣдніе были моими учениками, а послѣдній сверхъ того и любимцемъ моимъ. Отъ Гоголя менѣе всѣхъ можно было ожидать такой извѣстности, какою онъ пользуется въ нашей литературѣ. Это была terra rudis et inculta. Чтобъ грамматикальнымъ образомъ оцѣнить познанія Гоголя при выпускѣ изъ Гимназіи, я не обинуясь могу сказать, что онъ тогда не зналъ спряженія глаголовъ ни на одномъ языкѣ. Впрочемъ это не помѣшало ему сдѣлаться первоклассным писателемъ-художникомъ.

Въ половинѣ 1829 года я, по приглашенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскаго (Погорѣльскаго), перемѣстился старшимъ учителемъ въ Харьковскую гимназію. Три года моего тамъ служенія я почитаю самыми лучшими годами моей службы. Находясь

въ Харьковѣ, кромѣ Гимназіи, я преподавалъ въ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ, въ трёхъ частныхъ пансіонахъ и наконецъ былъ приглашонъ читать русскую словесную въ Университетѣ. У меня было 42 часа лекцій въ недѣлю. Здоровье служило мнѣ; ученики любили меня и мои лекціи; начальство видимо отличало, а съ этимъ вмѣстѣ и матеріальная часть моего существованія чрезвычайно улучшилась. Не знаю, какъ теперь, но въ моё время Харьковъ не даромъ называли украинскими Аѳинами: весело тамъ было жить, учить и учиться. Съ особеннымъ чувствомъ удовольствія и благодарности вспоминаю я о тогдашнихъ членахъ тамошняго Университета, между которыми первое мѣсто у меня занимали П. П. Артемовскій-Гулакъ — неоцѣнённый поэтъ малороссійскій и И. Я. Кронебергъ — великій латинистъ.

6-го августа 1832 года позвалъ меня къ себѣ попечитель Университета В. И. Филатьевъ и совершенно неожиданно предложилъ мѣсто директора гимназіи, предположенной тогда къ открытію въ городѣ Луцкѣ. Дѣло было вотъ какъ: училища Волынской и Подольской губерній, состоявшія дотолѣ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, отошли къ Харьковскому. Кременецкій Лицей былъ закрытъ, а вмѣсто него велѣно было открыть въ Волынской губерніи двѣ гимназіи, одну въ Житомірѣ, другую въ Луцкѣ. Честь открытія послѣдней была предложена мнѣ. Я поѣхалъ на Волынь, и 6-го декабря 1832 года открылъ въ Луцкѣ гимназію. Торжество происходило съ молитвою, съ рѣчами, музыкой и иллюминаціей.

Семь лѣтъ прослужилъ я на Волыни директоромъ гимназіи, да сверхъ того два года на Подолѣ въ Немировской гимназіи. Дѣти мои подросли; мнѣ было уже около сорока лѣтъ отъ роду, а на земномъ шарѣ — ни малѣйшаго *своего* уголка, гдѣ могъ бы я сколотить какой-нибудь пріютъ для себя на старость и для прикрытія дѣтей отъ дождя и холода. Я началъ хлопотать о перемѣщеніи на службу въ Кіевъ. Если бы это осуществилось, я хотѣлъ построить въ Кіевѣ домишко около церкви Св. Андрея Первозваннаго, съ видами на окрестность едва ли не самыми лучшими въ мірѣ. Но желаніе моё не исполнилось. Вдругъ получаю газеты и читаю въ нихъ новый уставъ Лицея Князя Безбородко. Правительствующей конференціи тамъ уже нѣтъ, Лицей преобразованъ по подобію юридическаго университетскаго факультета, и при нёмъ вновь основана гимназія. Что же для меня лучше? Я тотчасъ рѣшился перемѣститься въ Лицей — и перепросился туда инспекторомъ. Это было въ 1841 году. Поступивъ инспекторомъ въ Лицей, я рѣшился завестись собственнымъ домомъ, для чего продалъ всё, что было у меня драгоцѣннаго, всѣ жалованные мнѣ Высочайшіе подарки, даже серебряныя столовыя ложки, и на вырученныя деньги купилъ около Лицея мѣсто, построилъ на нёмъ домикъ и развёлъ садъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ и домъ мой поспѣлъ, и семейныя дѣла мои устроились. Къ этому времени подоспѣло слѣдующее обстоятельство: благодѣтель мой, покойный князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, предложилъ мнѣ мѣсто директора Закавказскихъ училищъ — и я въ августѣ мѣсяцѣ 1843 года поѣхалъ съ семействомъ въ Тифлисъ.

Въ Тифлисской гимназіи я засталъ болѣе 400 учениковъ, большею частью грузинъ и армянъ. Кромѣ гимназіи, дирекція моя состояла изъ

15 уѣздныхъ училищъ и двухъ частныхъ пансіоновъ. Сверхъ того я былъ членомъ Совѣта и инспекторомъ Института Дѣвицъ: поприще для дѣятельности обширное и довольно трудное. Подъ конецъ четвёртаго года моей службы я сильно заболѣлъ и былъ близокъ къ смерти. Доктора совѣтовали мнѣ бросить всѣ занятія и выѣхать изъ Грузіи. Я такъ и сдѣлалъ — и 12-го мая 1847 года по прошенію моему былъ увольненъ отъ службы съ мундиромъ и полною пенсіей. Изъ Грузіи я поѣхалъ къ моему куреню въ Нѣжинъ, гдѣ и теперь живу, слава Богу.

Можетъ-быть въ заключеніе всего надобно будетъ сказать что-нибудь о моихъ сочиненіяхъ. Писалъ и печаталъ я очень много въ разныхъ журналахъ; но какъ черновыхъ я у себя не оставлялъ, то теперь не помню не только содержанія, но даже и названія большей части моихъ сочиненій *), изъ чего видно, что они не стоятъ памяти. Я говорю это не по чувству смиренія и уничиженія, но просто потому, что такъ оно есть. Полезнѣйшимъ сочиненіемъ моимъ я почитаю изданныя мною таблицы латинской этимологіи и синтаксиса, которыя два раза были печатаемы въ Харьковѣ и Кіевѣ.

Кажется, всё написалъ. Отъ искренняго сердца благодарю милосердаго Господа за всѣ великія милости, оказанныя Имъ мнѣ и моему се-

---

*) Такъ какъ авторъ отказывается наименовать самъ свои сочиненія, то мы берёмъ этотъ трудъ на себя и помѣщаемъ здѣсь полный списокъ печатныхъ его сочиненій.

1) Малороссійская деревня. Сочиненіе И. Кулжинскаго. Москва. 1827. 2) Рѣчь о различіи между классической и романтической поэзіей. Произнесена И. Кулжинскимъ. Харьковъ. 1830. 3) Ѳедюша Мотавильскій. Украинскій романъ. Сочиненіе Ивана Кулжинскаго. Москва. 1833. 4) Эмеритъ. Литературные очерки. Сочиненіе И. Кулжинскаго. Москва. 1836. 5) О значеніи Россіи въ семействѣ европейскихъ народовъ. И. Кулжинскаго. Москва. 1840. 6) Русская книга для грамотныхъ людей. Сочиненіе И. Кулжинскаго. Спб. 1841. 7) Курсъ исторіи всеобщей. Три тома. Спб. 1859. 8) Русская Правда. Кіевъ. 1860. 9) Исторія Польши. Спб. 1864. 10) Разсказы изъ Русской исторіи. Спб. 1863.

Кромѣ того въ журналахъ были помѣщены слѣдующія статьи г. Кулжинскаго: Въ «Дамскомъ Журналѣ», 1825 года стихотворенія: *Эпитафія* (№ 19, стр. 10); 1826 г. — *Мой геній* (№ 4, стр. 159), *Эпитафія* (№ 10, стр. 150), *Блаженство* (№ 12, стр. 237), *Е. И. Бажанову* (№ 13, стр. 58), *Казацкая пѣсня* (№ 18, стр. 222); 1829 г. — *Безсонница* (№ 23, стр. 167), *Казацкія шапки* (№ 32, стр. 81), *Знакомство съ меценатомъ* (№ 33, стр. 97), *Терешка, малороссійская повѣсть* (№№ 34 и 35, стр. 113 и 129) и *Три сестры, аллегорическая повѣсть* (№ 36, стр. 145). Въ «Московскомъ Вѣстникѣ», 1830 года: *Отрывокъ изъ украинскаго романа: «Ѳедюша Мотавильскій»* (т. IV, стр. 9). Въ «Украинскомъ Журналѣ», 1825 года: *Нѣкоторыя замѣчанія касательно исторіи и характера малороссійской поэзіи* (ч. V, №№ 1, 2 и 3, стр. 43, 89 и 178). *Нѣкоторыя черты о воспитаніи* (№ 4, стр. 235), *Пѣсня* (№ 5, стр. 305) и *О латинскомъ языкѣ* (ч. VIII, № 23 и 24, стр. 323). Въ «Русской Бесѣдѣ», 1841 года: *Кочубей, драма въ трёхъ дѣйствіяхъ* (т. I, отд. IX, стр. 1). Въ «Маякѣ», 1842 года: *Уѣздный судья нашего уѣзда* (№№ 5, 7 и 9, стр. 45, 6 и 25), *Юродивый, драма въ четырёхъ дѣйствіяхъ* (№ 7, стр. 31); 1843 года: *Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь* (№ 14, стр. 109), *Очная ставка русскимъ обычаямъ* (№ 21, стр. 1), *Утренняя молитва* (№ 24, стр. 136); 1844 года: *Поѣздка изъ Малороссіи въ Грузію* (т. XV, стр. 120). Въ «Москвитянинѣ», 1851 года: *Послѣдній день Помпеи* (24, стр. 529), 1852 года: *Семенъ Середа, куренный атаманъ Запорожскаго войска* (т. IV, стр. 16 и 25) и 1854 года: *Воспоминанія учителя* (№ 21, стр. 1).

мейству! Благодарю всѣхъ бывшихъ моихъ учителей, начальниковъ, товарищей и учениковъ за ихъ вниманіе и любовь ко мнѣ. А ежели я кого-либо изъ нихъ оскорбилъ или обидѣлъ, то покорнѣйше прошу простить меня, какъ всѣхъ насъ прощаетъ общій Отецъ нашъ Небесный! Ежели же наконецъ мои добрые бывшіе ученики услышатъ въ своё время, что я умеръ, братски прошу ихъ помолиться обо мнѣ.

И. Кулжинскій.

К. Г. Купферъ.

Карлъ-Генрихъ Купферъ, коллежскій совѣтникъ, докторъ философіи и профессоръ чистой математики въ Лицеѣ Князя Безбородко въ 1835 и 1836 годахъ, родился въ 1790 году. Отецъ его былъ купцомъ въ Митавѣ. Служебное поприще своё Купферъ началъ въ Дерптскомъ университетѣ, куда въ сентябрѣ 1820 года былъ опредѣлёнъ приватъ-доцентомъ. Въ декабрѣ того же года онъ поступилъ учителемъ математическихъ наукъ въ Ревельскую губернскую гимназію, гдѣ въ 1829 году пожалованъ въ надворные, а въ 1833 — въ коллежскіе совѣтники. Занимая эту должность, Купферъ издавалъ «Математическій Журналъ» едва ли не первый на русскомъ языкѣ и «Геометрическія Задачи»; сверхъ того напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ «Алгебру». Въ Лицей Князя Безбородко онъ переведёнъ былъ 19-го сентября 1835 года профессоромъ чистой математики. Не ограничиваясь лекціями по этой каѳедрѣ, Купферъ, впродолженіе службы своей въ Лицеѣ, преподавалъ, по порученію начальства, въ первомъ курсѣ — минералогію и въ состоявшихъ при Лицеѣ пятомъ и шестомъ математическихъ классахъ низшія части математики, а сверхъ того временно, въ шестомъ классѣ, географію. Кромѣ лекцій минералогіи, всё прочее преподавалъ онъ безвозмездно. При обширныхъ и глубокихъ познаніяхъ въ наукахъ математическихъ, Купферъ былъ не по силамъ намъ, своимъ слушателямъ, плохо приготовленнымъ къ пониманію высшихъ отдѣловъ чистой математики, назначенныхъ къ преподаванію въ Лицеѣ. Къ этому, съ другой стороны, присоединилось ещё затрудненіе для самого Купфера — читать лекціи на русскомъ языкѣ, къ чему онъ не могъ сдѣлать привычки въ Ревельской гимназіи, гдѣ преподаваніе производилось на нѣмецкомъ языкѣ. Отъ этихъ двухъ причинъ успѣхи наши у Купфера были вообще неудовлетворительны и слушатели предпочитали свободныя, бойкія и ближе приноровленныя къ нашимъ познаніямъ лекціи К. А. Будзынскаго, профессора по каѳедрѣ прикладной математики. Тѣмъ не менѣе однако же благородная личность Купфера осталась глубоко запечатлѣнною въ нашихъ воспоминаніяхъ. Какъ ни мало мы были развиты, умѣли однако же понять и оцѣнить его безграничную любовь къ наукѣ, его высокія нравственныя правила, такъ-какъ онъ дѣйствительно осуществлялъ собою идеалъ ученаго, всею душою преданнаго своему дѣлу. Домашнія заботы были предоставлены его по-

чтенной супругѣ: самъ же онъ жилъ наукою и для науки. Свободное отъ служебныхъ занятій время посвящалось разнымъ научнымъ изслѣдованіямъ и перепискѣ съ учоными по предметамъ любимыхъ занятій профессора. Даже во время прогулокъ мы видѣли его не иначе, какъ погруженнымъ въ размышленіе до-того, что всё внѣшнее, вкругъ его происходящее, какъ бы не существовало для него и только невольное, прерывистое движеніе губъ и рукъ обличало усиленную работу мысли. Съ другой стороны, спокойный, ровный характеръ, достойный истиннаго мудреца, добродушіе, строгое безпристрастіе, въ соединеніи съ рѣдкимъ безкорыстіемъ, наконецъ самое совѣстливое исполненіе своихъ обязанностей, пріобрѣли ему общую любовь и неограниченное уваженіе слушателей. Это въ особенности обнаружилось по кончинѣ Купфера, которой предшествовали обстоятельства, заслуживающія особаго воспоминанія. Во время пожара въ зданіяхъ Лицея, въ 1836 году, основная библіотека была приведена въ безпорядокъ. Въ іюнѣ 1837 года лицейское начальство поручило Купферу привести её вновь въ систему и устройство. Онъ занялся этимъ дѣломъ, какъ свидѣтельствуетъ формулярный его списокъ, *съ рѣдкимъ усердіемъ и ревностію*. Нѣсколько человѣкъ студентовъ помогали ему въ этихъ занятіяхъ. Наступила зима 1837 года, причёмъ залы, гдѣ хранилась библіотека, оставались нетопленными; занимаясь тамъ ежедневно по нѣскольку часовъ, Купферъ простудился, получилъ горячку, отъ которой 11-го января 1838 года и умеръ, запечатлѣвъ смертью своею истинно примѣрное исполненіе обязанностей своихъ. Такъ-какъ покойный былъ лютеранинъ, то, въ ожиданіи прибытія пастора для погребенія, его тѣло оставалось въ домѣ болѣе десяти дней. Всё это время студенты постоянно дежурили при гробѣ его, а въ день погребенія сдѣлали денежную подписку, на которую былъ нанятъ оркестръ, сопровождавшій тѣло въ шествіи къ мѣсту вѣчнаго покоя. Надъ могилою одинъ изъ студентовъ сказалъ рѣчь, которая, отзываясь молодостію произносившаго её, была однако же вѣрнымъ отголоскомъ чувствъ искренней любви и уваженія къ усопшему всѣхъ студентовъ Лицея.

К. Сементовскій.

В. Г. Лавровъ.

Владиміръ Григорьевичъ Лавровъ, надворный совѣтникъ и лекторъ нѣмецкой словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1854 по 1861 годъ, родился 1-го іюля 1811 года въ австрійской Галиціи. По окончаніи курса въ реальномъ Бродскомъ училищѣ, въ Галиціи, онъ выѣхалъ въ Россію и, по выдержаніи экзамена, былъ опредѣлёнъ, 24-го октября 1836 года, исправляющимъ должность учителя нѣмецкаго языка въ Острогское дворянское училище, отсюда перемѣщёнъ въ Менджибожское уѣздное училище, затѣмъ въ слѣдующемъ году — въ Каменецъ-Подольскую гимназію младшимъ учителемъ, а 4-го іюля 1846 года въ

Нѣжинскую гимназію старшимъ учителемъ нѣмецкаго же языка. Здѣсь, независимо отъ должности учителя, онъ исправлялъ съ 9-го октября 1848 по 3-е мая 1849 года должность комнатнаго надзирателя при пансіонѣ Лицея Князя Безбородко. Пробывъ слишкомъ восемь лѣтъ учителемъ Нѣжинской гимназіи, Лавровъ назначенъ былъ 27-го октября 1854 года лекторомъ нѣмецкой словесности въ Лицей Князя Безбородко, съ оставленіемъ учителемъ Гимназіи. Обѣ эти должности Владиміръ Григорьевичъ занималъ до 1861 года, когда вышелъ въ отставку. Потомъ служилъ нѣкоторое время учителемъ въ Житомирскомъ раввинскомъ училищѣ. Нынѣ въ отставкѣ и живётъ въ Житомирѣ.

А. Сревницкій.

И. Я. Ландражинъ.

Иванъ Яковлевичъ Ландражинъ, коллежскій ассесоръ и профессоръ французской словесности въ Гимназіи Высшихъ Наукъ съ 1822 по 1838 годъ, родился въ 1794 году въ Шампаніи, въ городѣ Ретелѣ. Первые періоды жизни почти всякаго преподавателя французскаго языка въ Россіи, какъ всякому извѣстно, бываютъ тёмны и баснословны. Многіе изъ нихъ слывутъ у насъ маркизами, графами и такъ далѣе за недостаткомъ историческихъ свѣдѣній о жизни ихъ до нашествія на Россію. Иванъ Яковлевичъ, то-есть Jean Jacques Ландражинъ не выдавалъ себя ни за маркиза, ни за графа, но разсказывалъ, что у отца его во Франціи, въ какомъ-то провинціальномъ городкѣ, есть цѣлыхъ два дома и мыза, у которой есть и кличка à la Louis XIV — Тріомонтъ. Какимъ образомъ изъ этого Тріомонта Иванъ Яковлевичъ попалъ въ Могилевскую губернію — это обстоятельство покрыто мракомъ неизвѣстности. Знаю только, что Иванъ Яковлевичъ началъ службу не блистательно, поступивъ въ 1816 году въ Могилёвское губернское правленіе помощникомъ переводчика, съ званіемъ канцеляриста; но черезъ два года догадался, что ему, какъ истому французу, служить въ Россіи по гражданскому вѣдомству, какъ говорится, не-лафа; что для французовъ, особенно тогда, открыто было у насъ гораздо выгоднѣйшее поприще — учебное, по которому многіе, даже барабанщики великой арміи, пошли скорымъ маршемъ. Вслѣдствіе всего этого, въ 1818 году училищный комитетъ Виленскаго университета назначилъ Ландражина въ Кіевскую губернскую гимназію учителемъ французскаго языка, а 17-го мая 1822 года былъ онъ переведёнъ въ Нѣжинъ младшимъ профессоромъ французской словесности. По вопросу объ опредѣленіи Ландражина, Орлай, въ конференціи 29-го апрѣля 1822 года, выразился, что онъ «сколько службою по своему предмету съ хорошей стороны извѣстенъ, столько и свѣдѣніями по оному начальствомъ и посторонними лицами много засвидѣтельствованъ, какъ мужъ, окончившій курсъ въ Парижскомъ филотехническомъ училищѣ, испытанный во французской словесности и одобренный въ Виленскомъ университетѣ, уже

многіе годы съ особенною похвалою оную преподающій и притомъ съ сими свѣдѣніями соединяющій ещё познаніе россійскаго и латинскаго языковъ, изъ коихъ безъ перваго никто не можетъ быть полезнымъ наставникомъ въ Россіи, а безъ послѣдняго не можетъ хорошо разумѣть основанія французской словесности. Надо отдать справедливость Ивану Яковлевичу, онъ зналъ языкъ свой основательно и никогда не оставлялъ его дальнѣйшаго изученія, такъ-что мы одно время слушали даже философическую грамматику по-французски. Относительно же словесности Иванъ Яковлевичъ зналъ главнѣйшія творенія французскихъ классиковъ, преподавалъ и исторію французской литературы, но строго придерживаясь принятаго имъ руководства. Необыкновенная доброта, благородство и кротость его весёлаго характера доставили ему общую любовь воспитанниковъ; собственные его пансіонеры, которыхъ, въ качествѣ француза, онъ имѣлъ не мало, не могли нахвалиться его обращеніемъ; содержаніе же такого полупансіона, потому-что пансіонеры ходили въ классы, какъ вольноприходящіе, доставляло Ландражину не малый доходъ, такъ-что въ самое короткое время Иванъ Яковлевичъ нашолъ возможнымъ купить въ Нѣжинѣ порядочный домъ, съ обширнымъ садомъ, находившійся насупротивъ зданія Гимназіи.

Иванъ Яковлевичъ, старательностію и усердіемъ къ службѣ, обратилъ на себя вниманіе Ивана Семёновича Орлая, такъ-что въ 1823 году получилъ значительное по тогдашнему награжденіе въ тысячу рублей. Сверхъ занимаемой должности, онъ принялъ на себя завѣдываніе гимназической библіотекой, къ особенному нашему удовольствію, потому-что мы имѣли случай чаще пользоваться его бесѣдой и совѣтами. Вы можете изо всего сказаннаго сами догадаться, какой стороны придерживался Ландражинъ во время распри, возникшей между профессорами, и какія отъ того были послѣдствія. Когда въ 1830 году разразилась гимназическая буря — Ландражинъ лишился мѣста. Куда перебросила его судьба изъ Нѣжина — мнѣ неизвѣстно. Слышалъ я однако, будто Иванъ Яковлевичъ остался въ Россіи и проживалъ въ горькомъ уединеніи и крайнемъ недостаткѣ въ одной изъ русскихъ провинцій.

Н. Кукольникъ.

Я. Я. Лельевръ.

Яковъ Яковлевичъ Лельевръ, надворный совѣтникъ, баккалавръ Парижскаго университета и лекторъ французской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1832 по 1847 годъ, родился 1794 году въ Парижѣ. Получивъ образованіе въ Парижскомъ университетѣ, Лельевръ въ 1819 году отправился въ Россію, съ цѣлію занять наставническую должность въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и, по прибытіи въ Одессу, въ томъ же году поступилъ въ Ришельевскій Лицей, гдѣ занималъ должности: надзирателя, адъюнкта и профессора по іюль мѣсяцъ

1820 года. Съ этого же времени по 1832 годъ Лельевръ не состоялъ на службѣ, а занимался преподаваніемъ частныхъ уроковъ и изученіемъ русскаго языка.

Принявъ русское подданство, онъ снова поступилъ на службу по учебной части и 17-го. декабря 1832 года опредѣлёнъ былъ лекторомъ французской словесности въ Лицей Князя Безбородко, а въ 1840 году, вслѣдствіе открытія при нёмъ Нѣжинской гимназіи, утверждёнъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа учителемъ французскаго языка въ той Гимназіи. Обѣ эти должности Лельевръ исправлялъ до 1847 года, когда, согласно прошенію его, былъ уволенъ отъ службы.

Наставническая дѣятельность почтеннаго Якова Яковлевича въ Лицеѣ обнимаетъ почти пятнадцать лѣтъ, впродолженіи которыхъ онъ постоянно читалъ французскій языкъ и словесность, передавая слушателямъ своимъ пріобрѣтённыя имъ обширныя филологическія и литературныя познанія. Многіе изъ воспитывавшихся въ Лицеѣ помнятъ полныя интереса лекціи Якова Яковлевича, особенно въ прежнее время, когда онъ былъ ещё въ силахъ. Въ послѣдніе годы и даже, какъ я помню, въ 1841 году, онъ уже былъ подъ гнётомъ разныхъ тѣлесныхъ немощей и, чувствуя слабость въ груди, говорилъ едва слышнымъ голосомъ, не могъ продолжать чтенія болѣе получаса и то монотонною скороговоркою; къ этому присоединялся природный недостатокъ органа — шепелявость, и потому лекціями его могли пользоваться только тѣ изъ студентовъ, которые сидѣли ближе къ каѳедрѣ и были притомъ достаточно приготовлены въ языкѣ. Будучи холерическаго темперамента, при болѣзненномъ состояніи въ послѣдніе годы, Яковъ Яковлевичъ во время лекцій иногда впадалъ въ раздражительность, которая возбуждалась не рѣдко отъ самыхъ ничтожныхъ случаевъ, но надобно замѣтить, что онъ никогда не переходилъ за предѣлы вѣжливости.

Къ чести и филологической любознательности Якова Яковлевича относится то, что онъ, пріѣхавши въ Россію, не послѣдовалъ примѣру многихъ изъ своихъ соотечественниковъ: не ограничился тѣмъ, чтобы выучиться незнакомому ему языку, какъ говорится, для домашняго обихода, и коверкать его цѣлую жизнь, но изучилъ русскій языкъ основательно, грамматически и ознакомился съ русскою литературою. Кромѣ того, какъ филологъ, онъ занимался изученіемъ церковнославянскаго языка и имѣлъ въ нёмъ достаточныя познанія. Разсказывали даже, что онъ имѣлъ намѣреніе составить славянскую грамматику съ переводомъ на французскій языкъ и только разстроенное здоровье не позволило ему выполнить этотъ трудъ.

Независимо отъ обширныхъ познаній въ преподаваемомъ предметѣ, Яковъ Яковлевичъ обладалъ разносторонними научными познаніями. Въ знакомомъ кругу онъ любилъ побесѣдовать и потолковать о разныхъ предметахъ и въ подобныхъ бесѣдахъ часто высказывалась замѣчательная его учоность и свѣтлый взглядъ на многіе жизненные вопросы.

Внѣ сферы служебной, въ жизни общественной Яковъ Яковлевичъ отличался любезностію и пріятнымъ обхожденіемъ. Въ домѣ у него знакомые всегда встрѣчали радушный пріёмъ и гостепріимство. На скром-

ные вечера свои онъ часто приглашалъ студентовъ, былъ необыкновенно ласковъ, старался занять каждаго и угощалъ, какъ русскій хлѣбосолъ. Выйдя въ отставку, Яковъ Яковлевичъ поселился съ семействомъ въ Нѣжинѣ, гдѣ у него свой домъ, очень мило и удобно устроенный. Затѣмъ, выдавъ дочерей замужъ и оставшись одинъ, онъ переселился въ небольшой флигель, построенный имъ въ саду, гдѣ скромно и дожилъ остатокъ дней своихъ, окружонный книгами и уважаемый всѣми.

Н. Петровъ.

И. И. Лембахъ.

Иванъ Ильичъ Лембахъ, коллежскій ассессоръ и лекторъ нѣмецкой словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1833 по 1840 годъ, родился въ 1789 году, обучался въ Нейстатскомъ, что въ Нижней Австріи, училищѣ и потомъ слушалъ лекціи нѣмецкой и французской литературы въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1815 году онъ поступилъ на государственную службу въ Елисаветградскій уѣздный судъ, въ которомъ прослужилъ впрочемъ только годъ. Въ 1821 году Лембахъ былъ опредѣлёнъ учителемъ нѣмецкаго языка сперва въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, а потомъ учителемъ нѣмецкаго же языка и въ Харьковскую гимназію, въ которой преподавалъ также и французскій языкъ. Въ 1824 году Лембахъ переведёнъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Кіевскую гимназію, гдѣ и оставался до 1833 года, въ которомъ былъ назначенъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Лицей Князя Безбородко. Здѣсь, кромѣ учебной обязанности, завѣдывалъ онъ, съ 15-го января 1836 по 18-е декабря 1837 года, продажной библіотекой Лицея. Въ 1840 году Лембахъ былъ уволенъ по прошенію отъ службы и отбылъ въ Харьковъ, въ которомъ и умеръ.

В. Толбинъ.

А. И. Линниченко.

Андрей Ивановичъ Линниченко, магистръ философіи и бывшій профессоръ русской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1853 по 1855 годъ, а нынѣ действительный статскій совѣтникъ, штатный доцентъ университета Святаго Владиміра по каѳедрѣ всеобщей литературы и начальникъ Фундуклеевской Кіево-Подольской женской гимназіи, родился 1823 года въ Кіевѣ. По окончаніи съ отличнымъ успѣхомъ курса въ Кіевскомъ университетѣ, Линниченко былъ удостоенъ въ 1844 году учоной степени кандидата, съ назначеніемъ младшимъ учителемъ въ Волынскую гимназію, куда однако жъ не поѣхалъ, въ слѣдствіе чего, по представленію университетскаго Совѣта, былъ вскорѣ перемѣщёнъ исправляющимъ должность помощника библіотекаря уни-

верситета Св. Владиміра, состоя въ которой получилъ, въ 1846 году, учоную степень магистра словесныхъ наукъ и, по переименованіи въ соотвѣтственный гражданскій чинъ титулярнаго совѣтника, опредѣлёнъ былъ въ томъ же году старшимъ учителемъ въ Кіевскую 1-ю гимназію для преподаванія исторіи. Здѣсь преподавалъ онъ пять лѣтъ до новаго назначенія учителемъ русской словесности въ Кіевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. На этомъ новомъ мѣстѣ онъ награжденъ былъ въ 1852 году чиномъ коллежскаго ассессора, а въ слѣдующемъ 1853 году назначенъ профессоромъ Лицея Князя Безбородко на каѳедру русской словесности, которую занималъ всего только два года, такъ-какъ 27-го апрѣля 1855 года онъ снова переселился въ Кіевъ, въ Университетѣ котораго занялъ каѳедру адъюнктъ-профессора съ назначеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ училища графини Левашовой, а въ скоромъ времени и въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Затѣмъ въ 1856 году былъ произведёнъ въ надворные совѣтники, въ 1859 — въ коллежскіе совѣтники, а 10-го января 1860 назначенъ начальникомъ Кіевскаго Фундуклеевскаго училища для приходящихъ дѣвицъ. Послѣ введенія уставомъ 1863 года въ университетѣ ихъ каѳедръ всеобщей литературы, Линниченко занялъ въ университетѣ Св. Владиміра эту каѳедру со званіемъ штатнаго доцента и оставался въ этой должности до 1867 года, когда вышелъ въ отставку. За труды по Фундуклеевской гимназіи, для которой Линниченко издалъ учебники исторіи всеобщей литературы и исторіи русской литературы, получилъ много наградъ, а въ числѣ ихъ и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кромѣ того, онъ извѣстенъ Кіеву и какъ хорошій ораторъ, являющійся со своимъ словомъ при всевозможныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то — похоронахъ, обѣдахъ и тому подобныхъ случаяхъ.

Изъ напечатанныхъ сочиненій Линниченко извѣстна намъ его рѣчь, произнесённая въ торжественномъ собраніи Лицея Князя Безбородко 18-го іюня 1855 года, подъ заглавіемъ: «Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія учоныхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно-исторической науки о языкѣ», и напечатанная въ «Отчетѣ Лицея Князя Безбородко на 1856 годъ».

В. Толвинъ.

А. В. Лопушевскій.

Антонъ Васильевичъ Лопушевскій, бывшій Въ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко учителемъ ариѳметики съ 1823 по 1834 годъ, впродолженіи одиннадцати лѣтъ, родился въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія и получилъ образованіе въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ. По окончаніи курса въ 1813 году, онъ былъ опредѣлёнъ въ Херсонское уѣздное училище учителемъ математическихъ

наукъ, гдѣ преподавалъ также и французскій языкъ; затѣмъ въ 1821 году былъ перемѣщёнъ въ Алешковское уѣздное училище учителемъ историческихъ наукъ, а 13-го января 1823 года переведёнъ учителемъ ариѳметики въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, гдѣ и былъ преподавателемъ въ четырёхъ низшихъ классахъ. Въ 1823 году Лопушевскій былъ произведёнъ въ коллежскіе секретари, въ 1828 — въ титулярные совѣтники, а въ 1830 ему поручено исправленіе должности учителя французскаго языка въ трёхъ низшихъ отдѣленіяхъ. Я говорю *отдѣленіяхъ*, а не классахъ, потому-что языки преподавались въ Нѣжинѣ совершенно отдѣльно отъ прочихъ учебныхъ предметовъ и воспитанники всѣхъ девяти классовъ раздѣлены были, по изученію языковъ, только на шесть отдѣленій, смотря по степени познанія ихъ въ языкахъ, причёмъ не обращалось вниманія на то́, въ какомъ кто классѣ, такъ-что воспитанники младшихъ классовъ могли быть по языкамъ въ высшемъ отдѣленіи противъ товарищей своихъ, находившихся въ высшихъ классахъ и на оборотъ. Пройти по языкамъ всѣ шесть отдѣленій не было обязательно: нужно было кончить непремѣнно только четыре отдѣленія. Такимъ образомъ пятаго и шестого отдѣленій, гдѣ изучалась высшая иностранная литература, достигали не всѣ; такъ, напримѣръ, даже Гоголь, не очень сильный въ иностранныхъ языкахъ, кончилъ только четвёртое отдѣленіе.

Назначеніе учителя ариѳметики Лопушевскаго въ преподаватели французскаго языка было не новостью въ Нѣжинской гимназіи. Случалось и другимъ наставникамъ исполнять эту должность даже въ 5-мъ и 6-мъ отдѣленіяхъ. Живо помню, какъ исполнялъ эту обязанность профессоръ русской словесности Парфеній Ивановичъ Никольскій. Не слишкомъ далёкій во французской словесности, онъ съ перваго шага объявилъ объ этомъ воспитанникамъ и предложилъ, для бо́льшей пользы, заняться переложеніемъ французскихъ стиховъ на русскіе. Раскрывъ принесённую съ собою «Французскую Хрестоматію», онъ прочёлъ четыре стиха не помню какого автора и пригласилъ воспитанниковъ испробовать на нихъ своё вдохновеніе. Мы молчали. Тогда профессоръ рѣшился наконецъ самъ показать намъ примѣръ переложенія французской поэзіи на русскіе стихи. Вотъ эти четыре стиха въ его изустномъ переводѣ:

Подвигнулся весь адъ, Нептунъ какъ возшумѣлъ;
Плутонъ съ престола вдругъ вскочилъ, вскричалъ, взблѣднѣлъ,
Страшася, чтобъ сей богъ въ ужасные вертепы
Трезубцемъ не пробилъ путь свѣту сквозь заклепы.

Но поэзія эта не возбудила сочувствія въ студентахъ — и поэтическіе переводы на этомъ и остановились.

Не знаю, не примѣнялъ ли и Лопушевскій къ преподаванію французскаго языка своего главнаго предмета — ариѳметики, но помню, что онъ любилъ пощеголять разговоромъ по-французски.

Въ памяти многихъ остались также нѣкоторыя особенности жизни Антона Васильевича. Въ то время, когда, при поступленіи въ Лицей, я съ братомъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ у незабвеннаго нашего инспектора

Н. Г. Бѣлоусова, Лопушевскій также занималъ одну комнату въ его квартирѣ. Въ самую зимнюю пору двойныя рамы въ этой комнатѣ въ окна не вставлялись, и почтенный Антонъ Васильевичъ находилъ особенное наслажденіе сидѣть на морозѣ у открытаго окна, раздѣвшись и даже безъ халата. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій изъ лицейскихъ воспитанниковъ, кто только помнитъ Лопушевскаго, не можетъ себѣ представить его иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ небольшихъ мохнатыхъ собакъ, носившихъ имена Вулкановъ, которыя были постоянными спутниками низенькаго, лысаго, съ длинными только на вискахъ волосами, хозяина ихъ — Антона Васильевича Лопушевскаго.

Прослуживъ въ Нѣжинѣ слишкомъ одиннадцать лѣтъ, Лопушевскій въ 1834 году вышелъ въ отставку и умеръ въ 1841 году.

А. Бородинъ.

Г. П. Македонскій.

Григорій Прокофьевичъ Македонскій, надворный совѣтникъ, инспекторъ и преподаватель русской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1837 по 1840 годъ, родился въ 1785 году; первоначальное же образованіе получилъ онъ въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, въ которомъ онъ находился съ 1799 по 1816 годъ. Въ этомъ году, по указу Святѣйшаго Синода, Македонскій поступилъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ обучался въ двухъ отдѣленіяхъ: словесномъ и нравственно-политическомъ. Слушая лекціи этихъ двухъ факультетовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ и должность помощника инспектора во всё продолженіе трехлѣтняго курса. Окончивъ съ отличіемъ воспитаніе, Македонскій опредѣлёнъ былъ Совѣтомъ Харьковскаго университета, въ 1809 году, учителемъ философіи естественнаго права и политической экономіи въ Харьковскую гимназію, изъ которой черезъ годъ перемѣщёнъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію преподавателемъ, кромѣ вышесказанныхъ наукъ, ещё эстетики и русской словесности. Въ 1812 году Македонскій удостоенъ былъ званія кандидата философіи. Находясь въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, Македонскій разновременно преподавалъ языки французскій, нѣмецкій и латинскій, а также всеобщую и россійскую исторію и, кромѣ всего этого, завѣдывалъ при Гимназіи магазиномъ учебныхъ книгъ и пособій, участвовалъ въ составленіи историческихъ записокъ о Гимназіи и приведеніи въ порядокъ гимназической библіотеки. Македонскій учительствовалъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи двадцать-два года и съ сожалѣніемъ покинулъ её въ 1832 году для Житомирской гимназіи, въ которую онъ назначенъ былъ инспекторомъ и учителемъ логики и русской словесности. Онъ пробылъ въ Житомирѣ пять лѣтъ, исправляя въ гимназіи, съ 1833 по 1834 годъ, должность директора. За годъ до своего новаго перемѣщенія, по преобразованіи Гимназіи, Македонскій уволенъ былъ отъ преподаванія логики и россійской словесно-

сти и 17-го ноября 1837 года, по приказу министра Народнаго Просвѣщенія, опредѣлёнъ преподавателемъ русской словесности и инспекторомъ въ Лицей Князя Безбородко. Впродолженіи своей трёхлѣтней службы въ Лицеѣ, Македонскій три раза, за отсутствіемъ директора, исправлялъ его должность, послѣ чего, 2-го сентября 1840 года, былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ и поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, гдѣ провёлъ лучшіе годы своей жизни.

В. Толбинъ.

И. А. Максимовичъ.

Иванъ Андреевичъ Максимовичъ, статскій совѣтникъ, магистръ права, бывшій профессоръ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1842 по 1869 годъ и членъ-корреспондентъ Королевскаго Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, родился 23-го сентября 1810 года въ Малороссіи. По окончаніи курса наукъ въ университетѣ Св. Владиміра, со степенью дѣйствительнаго студента, онъ былъ опредѣлёнъ въ 1839 году учителемъ въ Острогское дворянское училище, гдѣ пробылъ всего четыре мѣсяца, по истеченіи которыхъ былъ переведёнъ 28-го ноября на ту же должность въ Каменецъ-Подольскую губернскую гимназію. Вскорѣ послѣ того, именно — 29-го января 1840 года, онъ былъ удостоенъ степени кандидата законовѣдѣнія, 2-го октября 1842 года назначенъ преподавателемъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ въ Лицей Князя Безбородко, 20-го іюля 1845 года удостоенъ степени магистра государственнаго права, а 13-го января 1854 года утвержденъ въ должности профессора Лицея.

Въ своёмъ преподаваніи Максимовичъ держался историческаго метода. Благодаря ученымъ трудамъ Савиньи, Захаріа, Тибо, Гегеля, Ганса и другихъ, историческое направленіе получило обширное примѣненіе къ юридическимъ наукамъ Германіи, гдѣ въ то время находились многіе изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, приготовлявшихся къ занятію профессорскихъ каѳедръ въ своёмъ отечествѣ. Изъ числа ихъ Неволинъ, Богородскій и Орнатскій, возвратившіеся въ 1832—1834 годахъ изъ-за границы, ввели тотъ же методъ въ преподаваніе русскаго права въ Кіевскомъ университетѣ, въ числѣ студентовъ котораго былъ въ то время и Максимовичъ. Распространеніе историческаго метода оказалось особенно полезно для разработки нашего законовѣдѣнія, мало знакомаго до того времени съ своимъ прошедшимъ, тогда-какъ прошлое нерѣдко оправдываетъ настоящія явленія жизни; съ другой стороны, недостатокъ историческаго объясненія часто приводитъ къ тому, что многія формы общественной жизни продолжаютъ своё бытіё только потому, что не остаётся извѣстною историческая причина, породившая ихъ въ своё время, какъ явленія, оправдываемыя прошедшею жизнью. Поставить каждое событіе въ надлежащемъ свѣтѣ, показать степень не-

обходимости его существованія — есть одна изъ задачъ исторической разработки вопроса.

И такъ Иванъ Андреевичъ въ изложеніи предмета своего преподаванія явился послѣдователемъ своихъ наставниковъ. Въ теоретической части уголовныхъ законовъ онъ излагалъ воззрѣнія на предметы уголовнаго права извѣстнѣйшихъ философовъ и криминалистовъ, какъ-то: Беккаріа, Бентама, Монтескьё, Фейербаха, Канта, Шеллинга, Фихте, Гегеля и другихъ; затѣмъ, держась въ изложеніи положительнаго законодательства системы «Свода Законовъ», каждой части сего изложенія онъ предпосылалъ довольно подробное историческое развитіе нашего уголовнаго законодательства. Такой же способъ изложенія принятъ былъ имъ и для полицейскихъ законовъ.

Какъ выраженіе способа историческаго объясненія Иваномъ Андреевичемъ предметовъ уголовнаго права, могутъ служить рѣчи, написанныя имъ для произнесенія въ торжественныхъ собраніяхъ Лицея Князя Безбородко 29-го іюля 1845 и 18-го іюня 1853 годовъ и отпечатанныя въ Кіевѣ отдѣльными книжками. Вотъ ихъ полныя заглавія:

1) Рѣчь о развитіи идеи преступленія, по смыслу памятниковъ русскаго законодательства. Ивана Максимовича. («Рѣчь и Историческая Записка, написанныя для прочтенія въ торжественномъ собраніи Лицея Князя Безбородко». Кіевъ. 1845. Стр. 1.) 2) Рѣчь объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи. И. Максимовича. («Актъ Лицея Князя Безбородко». Кіевъ. 18 3. Стр. 1.)

Въ 1869 году, по истеченіи тридцати лѣтъ службы, Иванъ Андреевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ своёмъ имѣніи, селѣ Монастырищѣ, гдѣ проживаетъ и въ настоящее время.

К. Троцина.

І. Ѳ. Мерцаловъ.

Іоаннъ Ѳёдоровичъ Мерцаловъ, протоіерей, магистръ богословія и словесныхъ наукъ и законоучитель въ Лицеѣ Князя Безбородко въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, то-есть съ 1829 по 1860 годъ, родился 29-го мая 1796 года въ одномъ изъ сёлъ Тульской губерніи, въ которомъ отецъ его былъ діакономъ. Окончательное образованіе получилъ онъ въ Московской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса, удостоенъ степени кандидата, съ правомъ на магистерство.

Въ 1820 году Мерцаловъ опредѣлёнъ былъ учителемъ въ Черниговскую семинарію, черезъ два года возведёнъ въ степень магистра, съ присвоеніемъ ему профессорскаго званія, а въ 1828 году занялъ каѳедру словесности въ той же семинаріи. Затѣмъ, въ 1829 году, по рукоположеніи въ священническій санъ, назначенъ былъ настоятелемъ Александровской церкви при Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко и въ томъ же году опредѣлёнъ законоучителемъ въ названную Гимназію.

Въ 1860 году истёкъ тридцатый годъ постоянныхъ занятій отца

Іоанна въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, его наставническихъ трудовъ по каѳедрѣ богословія и исполненія священнослужительскихъ обязанностей при лицейской церкви, причёмъ нельзя не замѣтить, что въ 1840 году, по преобразованіи Лицея, обязанность профессора Лицея соединилась съ обязанностію законоучителя Нѣжинской гимназіи, открытой при Лицеѣ, вслѣдствіе чего педагогическія занятія отца Іоанна, можно сказать, утроились. Впрочемъ, почтенный наставникъ впродолженіи долговременнаго служенія своего никогда не отступалъ передъ трудомъ, начиная съ службы своей въ Черниговской семинаріи и сверхъ прямыхъ обязанностей своихъ по званію профессора и священнослужителя, весьма часто имѣлъ другія оффиціальныя занятія, по порученію или назначенію духовнаго и свѣтскаго начальствъ. Вотъ краткій перечень этихъ занятій: будучи учителемъ и потомъ профессоромъ въ Черниговской семинаріи, съ 1820 по 1829 годъ, Мерцаловъ исполнялъ обязанность секретаря правленія, а въ 1828 году должность инспектора и ректора семинаріи. За тѣмъ, по перемѣщеніи въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, онъ болѣе двухъ лѣтъ исправлялъ должность инспектора при благородномъ пансіонѣ той Гимназіи, послѣ чего былъ членомъ хозяйственнаго правленія до закрытія его. Въ 1834 году поручено было ему преподаваніе реторики и логики, что продолжалось до 1837 года, и въ этомъ же году читалъ безвозмездно исторію. Наконецъ въ 1838 году епархіальное начальство назначило его благочиннымъ нѣжинскихъ городскихъ церквей, а въ 1854 году опредѣлило членомъ Нѣжинскаго духовнаго правленія.

Исполненіе этихъ такъ сказать не прямыхъ обязанностей, свидѣтельствуя о трудахъ отца Іоанна, въ то же время указываетъ на способность его къ разносторонней дѣятельности, въ фактическомъ приложеніи которой проявляется сознаніе высокаго значенія долга.

Полезное служеніе и труды уважаемаго наставника, подавая назидательный примѣръ для среды, въ которой онъ дѣйствовалъ, не остались безъ нѣкотораго вниманія начальства: кромѣ магистерскаго креста, скуфьи, камилавки и сана протоіерея, которые отецъ Іоаннъ получалъ постепенно, онъ награжденъ былъ наперстнымъ крестомъ со стороны духовнаго начальства, а за службу по министерству Народнаго Просвѣщенія Всемилостивѣйше пожалованъ также наперстнымъ крестомъ изъ кабинета Его Величества. Къ этому надобно присовокупить, что ещё въ 1845 году окончился двадцати-пяти-лѣтній срокъ службы отца Іоанна по учебной части, причёмъ онъ получилъ въ пенсію не только полный окладъ жалованья, но, во вниманіе къ трудамъ и полезной дѣятельности его, былъ оставляемъ въ той же должности при Лицеѣ послѣдовательно на цѣлыхъ три сверхъ-срочныхъ пятилѣтія до 1860 года, такъ-что всего времени служенія его въ Нѣжинѣ, при Гимназіи Высшихъ Наукъ и Лицеѣ Князя Безбородко, было свыше тридцати лѣтъ.

Съ 1860 года достопочтенный наставникъ пережилъ 39-й годъ педагогическаго своего поприща, на которомъ онъ всегда безъискуственно, просто, но вразумительно и толково изъяснялъ слушателямъ своимъ догматическія и нравственныя истины христіанскаго ученія. Нельзя умолчать объ осо-

бенномъ тактѣ отца Іоанна вести бесѣду съ своими слушателями по поводу богословско-философскихъ вопросовъ, которые студенты часто предлагали его разрѣшенію. Я помню, съ какою необыкновенною кротостію и терпѣніемъ онъ выслушивалъ всѣ діалектическія хитросплетенія юныхъ умовъ. Объясненія или опроверженія онъ начиналъ краткимъ логическимъ анализомъ сказаннаго, обнажалъ софизмы отъ діалектической драпировки, въ опроверженіямъ своихъ употреблялъ логическій анализъ тамъ, гдѣ онъ не могъ возбуждать новыхъ вопросовъ или оставлять слушателя въ сомнѣніи; но если вопросъ касался таинственной стороны христіанскаго ученія, то онъ избѣгалъ безплодной діалектики, а увѣренный въ истинѣ словъ Апостола: «сердцемъ вѣруется въ правду», достигалъ убѣжденія умѣніемъ подѣйствовать на сердца своихъ слушателей. Говоря объ отцѣ Іоаннѣ, какъ о наставникѣ, нельзя не вспомнить о нёмъ, какъ о священнослужителѣ. Обладая тихимъ, но выразительнымъ и пріятнымъ тембромъ голоса, онъ исполнялъ священнодѣйствіе просто, внятно, съ подобающимъ благоговѣніемъ, не допуская никакой аффектаціи въ голосѣ и движеніяхъ. Это, такъ сказать, гармоническое сочетаніе звука и пластики въ священнодѣйствіи, соединённое съ простотою, ложилось на душу стоящихъ въ храмѣ, удерживало часто разсѣивающееся у молодыхъ людей вниманіе къ богослуженію, окрыляло душу къ молитвѣ и возбуждало умиленіе. Пишущій эти строки самъ испытывалъ благотворное вліяніе священнодѣйствія отца Іоанна и впечатлѣнія эти остаются неизгладимыми въ душѣ.

По минованіи въ 1860 году сорока лѣтъ со времени вступленія отца Іоанна на поприще учебной дѣятельности, онъ былъ уволенъ, по собственному прошенію, отъ службы при Лицеѣ. Затѣмъ онъ оставался ещё два года въ должности соборнаго протоіерея и настоятеля Николаевскаго собора, но и отъ этой должности былъ уволенъ по собственному прошенію въ «заштатъ» 2-го января 1862 года. Послѣдніе года своей жизни онъ провёлъ вмѣстѣ съ своей супругой въ собственномъ хуторѣ, недалеко отъ Нѣжина, рѣдко пріѣзжая въ городъ за пенсіономъ и иногда для священнослуженія, которое, несмотря на преклонныя лѣта, отецъ Іоаннъ совершалъ всегда съ необычайною любовью и неизмѣннымъ благоговѣніемъ. Отецъ Іоаннъ скончался 12-го августа 1868 года въ Нѣжинѣ, куда онъ переѣхалъ незадолго до смерти, на семьдесять пятомъ году своей жизни и погребёнъ на греческомъ кладбищѣ рядомъ съ своимъ предшественникомъ отцомъ Павловъ Волынскимъ.

Н. Петровъ.

Ѳ. Э. Мерцъ.

Ѳёдоръ Эдуардовичъ Мерцъ, лекторъ нѣмецкой словесности въ Лицеѣ съ 1861 по 1867 годъ, прусскій подданный и сынъ поручика прусской службы, родился въ 1821 году. По выдержаніи въ 1848 году

испытанія на званіе учителя нѣмецкаго языка, онъ былъ опредѣлёнъ учителемъ въ Черноостровское уѣздное дворянское училище, находящееся въ Проскуровскомъ уѣздѣ (Подольской губерніи), откуда въ мартѣ 1862 года получилъ назначеніе быть лекторомъ нѣмецкой словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко и откуда 7-го іюля 1767 года переведёнъ въ Полтавскую гимназію снова учителемъ.

А. Сребницкій.

I. В. Месонье.

Осипъ Вильгельмовичъ Месонье, титулярный совѣтникъ и лекторъ французской словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко въ 1847 году, родился въ 1792 году. Прибывъ изъ Франціи въ Россію, онъ былъ опредѣлёнъ въ 1822 году Совѣтомъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ въ это заведеніе учителемъ французскаго языка, но пробылъ въ этомъ первомъ мѣстѣ своего учебнаго служенія только два года, послѣ чего по прошенію уволенъ былъ въ отставку. Въ 1826 году Месонье снова поступилъ въ тотъ же институтъ, а въ 1834 году опредѣлёнъ былъ также учителемъ французскаго языка и въ Харьковскую гимназію. Въ 1838 году онъ снова подалъ въ отставку изъ Институтта, а чрезъ годъ и изъ Харьковской гимназіи. Просуществовавъ пять лѣтъ частными уроками, Месонье въ 1844 году снова вступилъ въ коронную службу учителемъ французскаго языка Кавказской областной гимназіи, изъ которой въ томъ же году, чрезъ три мѣсяца, перемѣщёнъ былъ въ Курскую гимназію, гдѣ пробылъ три года, до опредѣленія въ апрѣлѣ 1848 года лекторомъ французскаго языка и словесности въ Лицей Князя Безбородко и учителемъ того же языка въ Нѣжинскую гимназію. Но и въ Нѣжинскомъ Лицеѣ оставался онъ не долго, перейдя въ декабрѣ того же года учителемъ же французскаго языка въ Кіевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Мѣсто это было послѣднимъ мѣстомъ его служенія въ Россіи. Уволенный изъ института въ отставку, по прошенію, Месонье покинулъ Россію навсегда и возвратился въ своё отечество — Францію.

В. Толвинъ.

К. А. Моисеевъ.

Кириллъ Абрамовичъ Моисеевъ, коллежскій совѣтникъ и профессоръ исторіи и статистики въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко съ 1820 по 1837 годъ, родился въ 1790 году въ одномъ изъ сёлъ, лежащихъ неподалёку отъ Чернигова, въ казацкой малоросійской семьѣ. По обычаю

всѣхъ казаковъ, искавшихъ просвѣщенія, онъ отправился въ Кіевъ и тамъ, окончивъ курсъ наукъ въ тамошней духовной академіи, перешолъ для окончанія образованія на другой конецъ Малороссіи въ Харьковъ, гдѣ около того времени возсіяло солнце науки въ видѣ и образѣ Харьковскаго университета. Окончивъ курсъ наукъ, въ качествѣ вольнаго слушателя, причёмъ прослушалъ, какъ студентъ словеснаго факультета, россійскую поэзію и эстетику у И. Е. Срезневскаго, отца знаменитаго нашего слависта, недавно умершаго, латинскую — у Роммеля, философію у Шада, русскую исторію, статистику и древности — у Успѣнскаго, а всеобщую и русскую исторію — у Рейта и Дегурова, Моисеевъ получилъ званіе кандидата въ 1815 году и мѣсто учителя — чего бы вы думали? — французскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Это и теперь рѣдкость, чтобы русскій преподавалъ французскій языкъ, а тогда такое назначеніе могло по истинѣ почесться диковинкой. Разностороннія свѣдѣнія Кирилла Абрамовича были поводомъ, что смышлёный директоръ не преминулъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ и французскій учитель, смотря по открывавшейся надобности, сверхъ своего, я хотѣлъ сказать, французскаго, преподавалъ то латинскій языкъ, то исторію, географію и статистику. Въ 1819 году Моисеевъ разстался наконецъ съ французской каѳедрой, причёмъ былъ переведёнъ въ Кіевскую гимназію учителемъ исторіи, географіи и статистики, затѣмъ въ 1820 году назначенъ былъ младшимъ профессоромъ тѣхъ же наукъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, а въ 1823 году возведёнъ и въ званіе старшаго профессора. Впродолженіе многолѣтней службы своей въ Нѣжинѣ, Моисеевъ, сверхъ главной своей профессуры, исполнялъ весьма разнородныя должности: былъ и секретарёмъ, и членомъ хозяйственнаго правленія, преподавалъ временно и французскую, по старой привычкѣ, и русскую, или, правильнѣе, россійскую словесность, съ 1822 по 1826 былъ инспекторомъ гимназическаго пансіона, а въ 1836 году инспекторомъ надъ вольноприходящими; наконецъ неоднократно заступалъ мѣсто директора Гимназіи. Столь разнообразное и многотрудное поприще наконецъ утомило Кирилла Абрамовича — и въ исходѣ 1837 года, по разстроенному здоровью, онъ оставилъ службу съ чиномъ коллежскаго совѣтника и съ пенсіономъ въ 750 рублей ассигнаціями. Время отставки, до самой кончины, Моисеевъ провёлъ въ Москвѣ. Впрочемъ въ 1842 году онъ побывалъ въ Петербургѣ и навѣстилъ всѣхъ нѣжинскихъ воспитанниковъ, въ томъ числѣ и меня. Хотя ему тогда было уже далеко за пятьдесятъ лѣтъ, но Кириллъ Абрамовичъ не измѣнилъ своимъ привычкамъ: одѣтъ былъ щоголемъ, изъяснялся изысканно, съ притязаніями на остроуміе и любезность, которая иногда обходилась ему недёшево. Многіе изъ насъ помнятъ, какъ Кириллъ Абрамовичъ въ Нѣжинѣ, въ качествѣ инспектора, ухаживалъ за роскошной мѣстной красавицей, дочерью богатаго торговца краснымъ товаромъ. Преклонясь предъ дочерью, надо было угождать и отцу, а у этого отца, какъ нарочно, залежалось нѣсколько сотъ аршинъ голубого демикотона. Товаръ не шолъ съ рукъ — Кириллъ Абрамовичъ выручилъ: подошла весна — и пансіонеры въ одинъ прекрасный вечеръ вдругъ высыпали на площадку передъ гимназической

колоннадой въ лѣтней одеждѣ цвѣта южно-небеснаго, къ крайнему своему смущенію и на потѣху проходящихъ. Какъ нарочно случись, что Орлай въ тотъ же вечеръ вышелъ въ портикъ, увидѣлъ, поблѣднѣлъ и воскликнулъ: «Это что такое? Попугаи, чистые попугаи! Кто это васъ нарядилъ такъ?» За отвѣтомъ дѣло не стало. Досада и стыдъ оправдываютъ нѣсколько нескромность воспитанниковъ. Поднялась буря. Кому слѣдуетъ досталось по заслугѣ; но намъ отъ того было не легче: великъ былъ бы расходъ, если бы пришлось перерядить насъ въ одежду земную — и мы цѣлое лѣто прощеголяли въ небесной. Но за-то съ перемѣною нашего платья перемѣнился и инспекторъ. О характерѣ Кирилла Абрамовича я не могу сказать ничего положительнаго. Какъ про инспектора скажу, что не могу его назвать ни злымъ, ни добрымъ. Какъ теперь раздумываю, то мнѣ кажется, что онъ объ насъ вовсе не думалъ. На лекціяхъ говорилъ много, на инспекціи пребывалъ сухъ, молчаливъ и холоденъ. Наказанія исполнялись какъ по военному приказу и наставленіями не сопровождались. Утромъ Кириллъ Абрамовичъ, изъ-за туалета, обыкновенно поспѣвалъ едва къ открытію лекцій; за обѣдомъ мы видѣли его стоявшимъ, почти неподвижно, въ головѣ столовой и безпрестанно наблюдавшимъ благочиніе. За пять минутъ до молитвы, инспекторъ исчезалъ и потомъ мы его видѣли минутъ на десять въ музеяхъ, да ночью, часу въ первомъ, когда онъ со свѣчою въ рукахъ проходилъ на цыпочкахъ по спальнямъ. Скрипъ его щегольскихъ сапогъ, а скрипъ въ сапогахъ былъ тогда въ модѣ, заблаговременно предувѣдомлялъ о шествіи инспектора, а какъ мы по ночамъ занимались очень долго чтеніемъ, иногда учоныхъ книгъ, а иногда и романовъ Вальтеръ-Скотта въ переводѣ Дюкре-де-Мениля, а нѣкоторые въ тотъ же ночной часъ чинили скрипки или бесѣдовали, такъ-что наша спальня походила болѣе на Валленштейновъ лагерь; но едва по корридору раздавался скрипъ щегольскихъ сапогъ, по знаку сторожевого махальнаго, шумный станъ обращался чуть не въ монастырское кладбище изъ «Роберта Дьявола». А когда инспекторъ, скрипя сапожками, съ таинственнымъ свѣточемъ исчезалъ изъ виду, по знаку того же махальнаго, какой-нибудь Бертранъ воздвигался отъ одра и возглашалъ: «Возстаньте всѣ!» — и каждый снова принимался за своё дѣло. Изъ этого видно, что Кириллъ Абрамовичъ далеко не былъ Песталоцци, не читалъ германскихъ педагоговъ и инспекторствовалъ по собственной своей системѣ. Но сколько на инспекціи онъ былъ молчаливъ, столько на историческихъ лекціяхъ былъ словоохотливъ, по любви къ словесности, истощая обильное краснорѣчіе на остроумное словопроизводство. Помню, какъ теперь, знаменитую лекцію объ исконійцахъ. Два часа употребилъ онъ на тò, чтобы доказать, что аборигены — были не что иное, какъ исконійцы, то-есть народъ, обитавшій въ Россіи ab origine, то-есть искони—и не кончилъ, такъ-какъ колокольчикъ зазвенѣлъ и прервалъ рядъ остроумныхъ лингвистическихъ соображеній. «Въ слѣдующій разъ поговоримъ объ этомъ предметѣ подробнѣе», прервалъ онъ, запинаясь—и тѣмъ заключилъ прерванную лекцію.

Писалъ-ли и печаталъ ли что-либо Кириллъ Абрамовичъ на своёмъ вѣку, мнѣ неизвѣстно, но чтобы заключить свою статью, я долженъ ска-

зать, что Кириллъ Абрамовичъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ моихъ воспоминаніяхъ принадлежитъ нашему періоду, то-есть ко времени до 1829 года. Люди иногда совершенно измѣняются, перейдя черезъ зенитъ жизни. Кириллъ Абрамовичъ, какъ обнаружилось, имѣлъ и почитателей, что свидѣтельствуетъ тёплая статья, помѣщённая въ 126 нумерѣ «Русскаго Инвалида» за 1853 годъ, видимо написанная однимъ изъ учениковъ его времёнъ лицейскихъ, въ которой сказано, во-первыхъ, что онъ скончался 13-го мая 1853 года въ Москвѣ, въ совершенномъ уединеніи, а во-вторыхъ, что вся служба его, или, лучше сказать, вся жизнь была постояннымъ подвигомъ добра. Прямота души и любовь къ порядку были отличительными чертами его характера всѣ же воспитанники Лицея любили его за справедливость и безпристрастіе.

Я отъ души порадовался этому отзыву. Намъ, воспитанникамъ Гимназіи, Кириллъ Абрамовичъ казался ни злымъ, ни добрымъ; но изъ приведённаго нами отзыва видно, что доброе начало впослѣдствіи взяло рѣшительный перевѣсъ въ его натурѣ и сплело на могилу его неувядающій вѣнокъ признательности учениковъ, лучшее и вѣрнѣйшее свидѣтельство достоинствъ покойнаго.

Н. Кукольникъ.

Ф. С. Морачевскій.

Филиппъ Семёновичъ Морачевскій, коллежскій совѣтникъ и инспекторъ Лицея Князя Безбородко съ 1849 по 1859 годъ, родился 14-го ноября 1806 года. По окончаніи курса наукъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1828 году, Морачевскій опредѣлёнъ былъ черезъ годъ учителемъ въ Сумское уѣздное училище, въ которомъ и оставался до перемѣщенія своего въ 1832 году въ Луцкую гимназію, гдѣ, кромѣ обязанности преподавателя, исправлялъ одно время и должность письмоводителя. Въ 1835 году онъ перемѣщёнъ былъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, въ которой также исполнялъ нѣкоторыя обязанности независимо отъ преподаванія уроковъ. Такъ былъ онъ временно членомъ коммиссіи для возведенія зданія Каменецъ-Подольской гимназіи и исправляющимъ должность инспектора, въ которой былъ утверждёнъ въ 1842 году и, наконецъ, также временно, управлялъ дирекціею училищъ Подольской губерніи. Въ 1849 году, 27-го апрѣля, Морачевскій назначенъ былъ инспекторомъ Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, въ каковой должности и состоялъ до 1859 года.

Событія восточной войны 1853—56 годовъ вызвали Филиппа Семёновича на скользкое литературное поприще. Вдохновлённый мыслью о грядущихъ успѣхахъ нашего оружія на Дунаѣ, онъ явился впервые предъ публикой съ стихотвореніемъ: «На проходъ 2-й Драгунской дивизіи чрезъ Нѣжинъ къ Дунайской Арміи», помѣщённымъ въ 75 № «Русскаго Инвалида» за 1854 годъ, а въ слѣдующемъ году напечаталъ и

издалъ въ Кіевѣ одна за другою пять брошюръ на малороссійскомъ языкѣ, подъ общимъ заглавіемъ: «До чумака, або война ягло-хранцузо-турецька у 1853 и 54 рокахъ. Стихотвореніе Ф. Морачевскаго. Кіевъ. 1855».

Впрочемъ Морачевскій занимался и не одною поэзіею, какъ это видно изъ «Отчёта Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго Языка и Словесности за 1853 годъ», гдѣ между-прочимъ сказано: «Инспекторъ Лицея Князя Безбородко, Ф. С. Морачевскій, препроводилъ на разсмотрѣніе Отдѣленія начало составляемаго имъ «Словаря Малороссійскаго Языка», по полтавскому нарѣчію, какъ онъ прибавляетъ. Въ собраніи своёмъ онъ помѣстилъ всѣ употребительныя слова, не исключая иностранныхъ и русскихъ, когда они усвоены народомъ; значеніе же чисто-малороссійскихъ словъ онъ подкрѣпляетъ выраженіями, заимствованными изъ древнихъ и новыхъ памятниковъ народной поэзіи, изъ сочиненій Котляревскаго, Основьяненка, Гулака-Артемовскаго и изъ живой народной рѣчи.» Этотъ переводъ словъ изъ одной области рѣчи въ другую доставилъ случай академику И. И. Срезневскому развить очень справедливую мысль, которая, въ отношеніи къ областнымъ нарѣчіямъ, давно нуждается въ гласности и распространеніи. Собраніе областныхъ словъ, каковы малороссійскія, не есть языкъ въ собственномъ значеніи. Это одно изъ простонародныхъ нарѣчій. Тутъ нѣтъ словъ для выраженія многихъ самыхъ обыкновенныхъ понятій. Малороссіянинъ, напримѣръ, говоря по своему, безпрестанно долженъ вставлять въ рѣчь свою то слова общаго русскаго языка, то иностранныя. Хотя заимствованныя такимъ образомъ слова и будутъ выговариваемы по-малороссійски, но изъ этого не слѣдуетъ, что они составляютъ органическую часть малороссійскаго нарѣчія: имъ нѣтъ мѣста въ словарѣ собственно малороссійскомъ. «Съ другой стороны», прибавляетъ академикъ, «авторитетъ писателей, упражнявшихъ своё искусство владѣть нарѣчіемъ малороссійскимъ, не можетъ въ малороссійскомъ словарѣ имѣть той силы, какая обыкновенно даётся авторитету писателей въ словаряхъ того или другого литературнаго языка. Единственный источникъ словаря простонароднаго нарѣчія есть самъ народъ. Писатель же, измѣняющій смыслъ словъ народныхъ, не авторитетъ, но образецъ искаженія народнаго говора; а неизмѣняющій его не даётъ словарю ничего того, что́ не можетъ быть въ нёмъ безъ его помощи. Ни слова, извѣстныя только изъ писателей, ни выраженія писателей не необходимы въ областномъ словарѣ.» Эти замѣчанія были сообщены Морачевскому; но что онъ отвѣтилъ на нихъ — неизвѣстно.

Морачевскимъ былъ ещё сдѣланъ переводъ «Новаго Завѣта» на малороссійскомъ языкѣ. Переводъ этотъ былъ одобренъ вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, но не былъ разрѣшонъ къ печати Святѣйшимъ Синодомъ.

В. Толбинъ.

В. А. Незабитовскій.

Василій Андреевичъ Незабитовскій, магистръ правъ и бывшій профессоръ законовъ казённаго управленія въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1851 по 1855 годъ а нынѣ надворный совѣтникъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора международнаго права въ университетѣ Св. Владиміра, родился въ 1827 году и, по окончаніи курса въ университетѣ Св. Владиміра, со степенью кандидата, поступилъ въ 1848 году на службу въ Кіевскую палату гражданскаго суда. Бюрократическая карьера впрочемъ, кажется, не согласовалась съ истинно ученымъ настроеніемъ Незабитовскаго, потому-что не прошло и года, какъ онъ оставилъ статскую службу и опредѣлился учителемъ законовѣдѣнія въ Кіевскую 2-ю гимназію. Но и эта должность была, такъ сказать, переходною къ болѣе серьёзной и почётнѣйшей ученой обязанности, пробнымъ камнемъ его педагогическихъ способностей. Въ 1852 году, 14-го февраля, Незабитовскій былъ уже опредѣлёнъ исправляющимъ должность профессора Лицея Князя Безбородко, по каѳедрѣ законовъ казённаго управленія, а въ 1852 году, августа 16-го, по защищеніи имъ диссертаціи на степень магистра: «О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ, со времени установленія единодержавія до введенія подушнаго оклада», утверждёнъ въ профессорскомъ званіи. Профессорскую каѳедру въ Лицеѣ Князя Безбородко Василій Андреевичъ занималъ до 5-го августа 1853 года, когда былъ перемѣщёнъ адъюнктомъ въ Университетъ Св. Владиміра на каѳедру общенароднаго права. Въ настоящее же время Василій Андреевичъ уже давно состоитъ ординарнымъ професоромъ того же университета и считается однимъ изъ лучшихъ его преподавателей.

В. Толбинъ.

П. И. Никольскій.

Парфеній Ивановичъ Никольскій, коллежскій совѣтникъ и старшій профессоръ россійской словесности въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко съ 1820 по 1833 годъ, родился въ 1782 году. Происходя изъ духовнаго званія, Парфеній Ивановичъ принуждёнъ былъ поступить въ Московскую духовную академію, но, окончивъ тамъ курсъ наукъ, перешолъ въ Санктпетербургскій Педагогическій Институтъ, откуда, по окончаніи полнаго курса, назначенъ былъ 26-го декабря 1807 года старшимъ учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи въ Новгородскую губернскую гимназію. Какъ ни близко было отъ столицы — центра и просвѣщенія и литературы, но Парфенію Ивановичу уже некогда было слѣдить за ходомъ словесности, такъ-какъ впродолженіи тринадцати лѣтъ, проведённыхъ имъ въ Новгородѣ, Никольскій

шестнадцать разъ исправлялъ должность директора и сверхъ своихъ предметовъ преподавалъ ещё и латинскій языкъ. Въ это время Жуковскій успѣлъ пропѣть свои сладкозвучныя пѣсни, Пушкинъ уже сдѣлался извѣстенъ многимъ любителямъ словесности; но Парфеній Ивановичъ не могъ освоиться съ новымъ направленіемъ русской словесности. Когда, въ началѣ 1821 года, назначенный къ намъ младшимъ профессоромъ россійской словесности, онъ явился въ Нѣжинъ, мы не могли знать его литературныхъ вѣрованій, потому-что онъ началъ преподаваніемъ грамматики по Ломоносову. У насъ Парфеній Ивановичъ прослужилъ ровно столько же, какъ и въ Новгородѣ, причёмъ также исправлялъ всевозможныя должности. Чѣмъ онъ не былъ! и секретарёмъ Конференціи, и бухгалтеромъ, и членомъ Правленія, и церковнымъ старостой, и профессоромъ французской словесности, и профессоромъ латинской словесности — и всѣ возлагаемыя на него порученія, какъ гласитъ формулярный списокъ, исправлялъ съ отличнымъ усердіемъ и неутомимою ревностію. Чтобы представить образчикъ, какъ въ тѣ времена цѣнили заслуги, позволяемъ себѣ выписать аттестацію начальства объ одномъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ Парфенія Ивановича:

«По опредѣленію конференціи, октября 6-го дня 1827 года, Никольскій назначенъ членомъ Коммиссіи для освидѣтельствованія многочисленной, за семь тысячь томовъ книгъ простирающейся, гимназической библіотеки и для приведенія той въ извѣстность и точность, тогда какъ библіотека съ самаго начала открытія Гимназіи, съ января 1821 года, оставаясь въ смѣшеніи книгъ, постоянно ей принадлежащихъ, съ продажными учебными пособіями, находилась въ крайней запутанности и съ означеннаго 6-го октября 1827 по 18-е января 1830 года непрерывно и безъ упущенія своей должности занимаясь, чрезъ два года три мѣсяца и двѣнадцать дней оною со премногими затрудненіями сопряженною порученностію безмездно трудился съ примѣрною ревностію и описаніемъ всѣхъ книгъ, года изданія, формата и переплёта, приведя библіотеку въ должный порядокъ и въ совершенную извѣстность, окончательно сдалъ оную, въ присутствіи всѣхъ членовъ Конференціи помянутаго 18-го января 1830 года — библіотекарю.»

Такъ ярко, подробно и вразумительно описывались въ тѣ времена замѣчательные подвиги служебной дѣятельности. Въ такихъ и имъ подобныхъ трудахъ истекло цѣлыхъ 25 лѣтъ службы почтеннаго Никольскаго, когда Гимназію повелѣно было преобразовать въ Физико-Математическій Лицей, причёмъ каѳедра русской словесности была присоединена къ каѳедрѣ исторіи и статистики — и Парфеній Ивановичъ 25-го іюня 1833 года долженъ былъ — волей-неволей — удалиться изъ Нѣжина съ полнымъ пенсіономъ. Покинувъ Нѣжинъ, онъ переселился, если не ошибаюсь, въ Новгородъ, гдѣ провёлъ лучшіе годы юности. Мнѣ удалось встрѣтить его впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, на Павловской желѣзной дорогѣ. Онъ былъ, не смотря на лѣта, по прежнему бодръ, энергиченъ, веселъ. Страсть къ наставленію юношества съ лѣтами не угасла — и въ 1838 году Парфеній Ивановичъ поступилъ на службу вновь и притомъ въ Новгородскій Аракчеевскій кадетскій кор-

пусъ, гдѣ пробылъ до конца 1841 года, рѣшившись наконецъ въ этомъ же году удалиться на совершенный покой и переѣхать на жительство въ Крымъ, въ Симферополь, къ дочери, бывшей замужемъ за учителемъ греческаго языка въ тамошней гимназіи. Съ точностію дня смерти Никольскаго я не знаю; но во всякомъ случаѣ онъ скончался никакъ не позже 1851 года.

Личность Парфенія Ивановича чрезвычайно интересна. Не смотря на то, что въ литературѣ и философіи онъ былъ рѣшительный старовѣръ, намъ собственно оказалъ онъ много пользы своею доступностію, добросердечіемъ, наконецъ самою оппозиціей современнымъ эстетическимъ направленіямъ. Онъ спорилъ съ нами, что называется, до слёзъ; заставлялъ насъ насильно восхищаться Ломоносовымъ, Херасковымъ, даже Сумароковымъ; проповѣдывалъ ex cathedra важность и значеніе эпопеи древнихъ формъ, а байроновскія поэмы тѣхъ временъ называлъ ѣелегласно побасёнками. Это заставило одного изъ учениковъ написать довольно пространную диссертацію о невозможности стараго эпоса въ наше время. Диссертація съ умысломъ замедлилась, такъ, что поспѣла утромъ того дня, когда назначенъ былъ годичный экзаменъ. Въ присутствіи почётнаго попечителя, директора и всѣхъ профессоровъ началось испытаніе. Всѣ удивлялись успѣхамъ воспитанниковъ, даже самъ профессоръ. Наконецъ дошла очередь до онаго коварнаго сочинителя диссертаціи. Добрѣйшій Парфеній Ивановичъ не подозрѣвалъ никогда никого ни въ чёмъ и добродушно распространился въ похвалахъ этому воспитаннику, и вмѣсто того, чтобы экзаменовать его, просилъ позволенія прочесть написанную имъ диссертацію. Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко охотно согласился. Можно себѣ представить изумленіе Парфенія Ивановича, когда началось чтеніе. Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но принужденъ былъ дослушать до конца. Всѣ его литературныя вѣрованія были подвергнуты безпощадному анализу; приведённыя доказательства и примѣры были слишкомъ убѣдительны и блистательны. Диссертація удостоилась единодушнаго одобренія, причёмъ графъ похвалилъ и поблагодарилъ автора, а кстати поздравилъ и профессора. Парфеній Ивановичъ, сначала совершенно смущённый, но похвалами графа нѣсколько успокоенный, хотѣлъ дать дѣлу приличную благовидность и отозвался: «Хотя сочиненіе противорѣчитъ правиламъ Батѣ (такъ произносилъ онъ фамилію французскаго эстетика), но я, для диспута, дозволяю имъ иногда защищать парадоксы.» — «Я тутъ не вижу никакого парадокса», отвѣчалъ графъ сухо, догадываясь, въ чёмъ дѣло.

Это уязвило Парфенія Ивановича и на слѣдующій годъ мы стали учиться съ нимъ по методѣ взаимнаго обученія: онъ знакомилъ насъ съ такъ называвшимися русскими классиками, а мы на каждой лекціи подкладывали ему, для исправленія, вмѣсто своихъ, стихи Пушкина, Козлова, Языкова и другихъ. Онъ маралъ ихъ нещадно, причёмъ мы не могли довольно надивиться изворотливости его отъ природы остраго ума. Замѣтилъ ли Парфеній Ивановичъ обманъ или и самъ сталъ чувствовать неловкость своей оппозиціи, только на одной изъ лекцій вдругъ неожиданно услышали мы разборъ поэмы Пушкина: «Русланъ». Въ концѣ лекціи

Парфеній Ивановичъ, разбивъ въ пухъ и прахъ новую школу, возгласилъ, что если онъ нашолъ въ ней что-либо хорошее и достойное вниманія, такъ это поэма: «Хіосскій Сирота», которая и составила предметъ второй лекціи. «Ну, слава Богу!» думали мы: «прогрессъ! Лиха бѣда начало.» Не тутъ-то было. На третью лекцію Парфеній Ивановичъ притащилъ съ собою огромную тетрадищу. Любопытство наше возрасло до высшей степени. Тетрадь красуется на каѳедрѣ. Хотя Парфеній Ивановичъ въ коррндорѣ и, бесѣдуетъ съ профессорами; но двери отперты и нельзя украдкой взглянуть: какой талмудъ лежитъ на каѳедрѣ? Ждёмъ не дождёмся колокольчика. Но вотъ Парфеній Ивановичъ воздвигся на каѳедру и возгласилъ тако:

«Друзья мои! Въ бесѣдахъ нашихъ постоянно обрѣтаю моральное услажденіе. При точномъ свѣтѣ науки, мы обозрѣли сокровищницу россійскихъ письменъ. Да позволено мнѣ будетъ познакомить васъ и съ твореніемъ собственныхъ словесныхъ силъ моихъ; надъ нимъ же я провёлъ не малые годы въ трудѣ многомъ. Сіе есть дидактическая поэма «Умъ и Рокъ».

И полилось громкое, звучное, всепотрясающее чтеніе. Голосъ у Парфенія Ивановича былъ цицероновскій, будто нарочито созданный для римскаго форума. Не только воспитанники, но и преподаватели въ сосѣднихъ классахъ не могли продолжать своихъ лекцій и у дверей въ коррндорѣ Incognito собрались слушать нашу. Колокольчикъ давно прозвенѣлъ, но Парфеній Ивановичъ за собственнымъ голосомъ его не слышалъ. Шумъ въ коррндорахъ насъ выручилъ, но въ тотъ же вечеръ четыре пансіонера нашего класса, Халчинскій, Гороновичъ, Новохацкій и я, должны были послѣ вечернихъ уроковъ отправиться къ Парфенію Ивановичу на чай и на первую часть дидактической поэмы «Умъ и Рокъ», которую мы, по грѣховному обычаю школьныхъ насмѣшниковъ, переименовали въ поэму: «Умъ за Разумъ». И въ этотъ вечеръ не кончилась бы дидактика, если бы инспекторъ не прислалъ за нами во время ужина. Не помню теперь, что воспрепятствовало намъ дослушать поэму; кажется, мы лавировали такъ, что то одному нельзя, то другому, а хотѣли непремѣнно дослушать вмѣстѣ. Такъ и смылили дидактику. Не знаю, уцѣлѣла ли эта великолѣпная поэма? Не смотря на тяжолый стихъ, отъ котораго не могъ спасти Парфенія Ивановича даже хіосскій прогрессъ, многія мѣста въ ней были исполнены одушевленія, а ужь о морали и говорить нечего. Это была сама нравственность. Но пріятныя впечатлѣнія уничтожались непомѣрными длиннотами и тяжеловѣснымъ слогомъ, который, къ сожалѣнію, господствовалъ и въ торжественныхъ рѣчахъ Парфенія Ивановича; ими же сопровождалъ онъ всѣ замѣчательнѣйшія событія въ нашей Гимназіи. Не знаю, сохранились ли эти интересныя рѣчи. А ихъ было не мало. Я упомянулъ уже объ одномъ, какъ Парфеній Ивановичъ называлъ для отличія отъ другихъ, высокоторжественномъ словѣ, по случаю несостоявшагося пріѣзда въ Нѣжинъ Государя Императора Николая Павловича. Случайно уцѣлѣла ещё одна, просто торжественная рѣчь Парфенія Ивановича, произнесённая 19-го февраля 1828 года по случаю утвержденія устава Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Ораторъ послѣ довольно продолжительнаго вступленія, въ которомъ риторически колебался — съ чего бы начать? — рѣшился начать съ начала, то-есть съ описанія мѣстности, на коей сооружено зданіе гимназіи:

«И такъ — въ началѣ спросить осмѣливаюсь: гдѣ мы теперь? что здѣсь было и было не такъ въ давнемъ времени? Есть свидѣтели, есть самовидцы, которые знаютъ и разсказать могутъ, что было здѣсь мѣсто, къ увеселенію житейскому садами нѣкогда процвѣтавшее, но послѣ почти безъ призора оставленное, что былъ здѣсь небольшой деревянный домикъ и нѣкоторое имѣлъ красотъ достоинство, а послѣ клонился къ разрушенію, ветшалъ и даже обросталъ пустыннымъ мохомъ, что вокругъ его вытягивались изъ земли дикія волчцеобразныя травы, подъ терновидными стеблями коихъ гнѣздились змѣи, проходящимъ страхъ наводившія. Но здѣсь же однако, прежде таковаго упадка, во время путешествія въ Кіевъ и Херсонисъ-Таврическій, для встрѣчи тамъ высокаго гостя Германіи, Екатерина Великая въ ономъ деревянномъ домикѣ принимала и имѣла царскій покой свой, царское отдохновеніе.»

Какъ бы то ни было, мы многимъ обязаны Парфенію Ивановичу. Онъ положительно заставилъ насъ изучить русскую литературу до Пушкина и отрицательно втянулъ насъ въ изученіе литературы новѣйшей. Во всякомъ случаѣ онъ, съ своими вѣрованіями, энергіей, одушевленіемъ и другими качествами, пріохотилъ насъ всѣхъ къ литературнымъ занятіямъ. Провѣряя гимназическое наше поприще, не могу не убѣдиться, что въ дѣлѣ ученія не всё въ рукахъ наставниковъ: въ бо́льшей мѣрѣ развитіе способностей юношества зависитъ отъ общаго характера учебнаго заведенія, отъ того гармоническаго аккорда, какой сложится вліяніемъ прозорливаго начальства, а часто и случайностей. Мы видѣли на опытѣ, что стремленіе юношества увлекало съ собою и самихъ наставниковъ, коихъ личныя качества не только не оставили и слѣда на воспитанникахъ, но, дѣйствуя отрицательно, сообщили душевнымъ ихъ силамъ своевременную и самостоятельную независимость.

Н. Кукольникъ.

О. Ѳ. Паевскій.

Осипъ Ѳаддеевичъ Паевскій, коллежскій совѣтникъ и преподаватель русской исторіи и всеобщей и русской статистики въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1840 по 1853 годъ, родился въ 1805 году. По окончаніи курса наукъ въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ, Паевскій, чувствуя склонность къ наставнической дѣятельности и желая усовершенствоваться въ наукахъ и приготовить себя къ поприщу наставника, поступилъ въ 1827 году въ Педагогическій институтъ при С.-Петербургскомъ университетѣ. Здѣсь онъ преимущественно занимался историческими науками, которыя были его любимымъ предметомъ и во время пребыванія его въ университетѣ.

Служебная дѣятельность Паевскаго начинается въ Меджибожскомъ уѣздномъ училищѣ, куда онъ былъ опредѣлёнъ учителемъ въ 1828 году; затѣмъ, черезъ четыре года, онъ былъ переведёнъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, откуда въ 1839 году былъ перемѣщёнъ въ Черниговскую старшимъ учителемъ исторіи и статистики. Здѣсь Осипъ Ѳаддеевичъ оставался недолго. Будучи извѣстенъ начальству, какъ хорошо приготовленный, дѣятельный и опытный наставникъ, онъ, 13-го іюля 1840 года, назначенъ былъ въ Лицей Князя Безбородко преподавателемъ русской исторіи и всеобщей и русской статистики. Потрудясь на этомъ новомъ поприщѣ слишкомъ тринадцать лѣтъ, Осипъ Ѳаддеевичъ 22-го ноября 1853 года вышелъ въ отставку и поселился въ Нѣжинѣ.

Во время службы въ Лицеѣ, независимо отъ исполненія обязанности преподавателя, онъ былъ совѣтникомъ лицейскаго правленія съ 1841 года до выхода въ отставку и, кромѣ того, въ 1849 году исправлялъ должность инспектора Лицея и Нѣжинской гимназіи. Въ продолженіи службу своей, Осипъ Ѳаддеевичъ былъ всегда дѣятельнымъ и ревностнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей. Будучи преподавателемъ въ Лицеѣ, онъ не останавливался на добытыхъ прежде познаніяхъ по части исторіи и статистики, но, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, трудился надъ изученіемъ предмета, стараясь передать его своимъ слушателямъ въ современномъ его развитіи. Въ системѣ преподаванія его замѣтно было сильное преобладаніе эклектизма и потому лекціи его казались какъ будто нѣсколько вялы, не смотря на интересъ предмета и на видимое стараніе почтеннаго профессора оживить ихъ мѣрною рѣчью и ораторскими пріёмами.

Изъ печатныхъ сочиненій Паевскаго намъ извѣстна его рѣчь, произнесённая имъ 27-го сентября 1842 года на торжественномъ актѣ Лицея подъ заглавіемъ: «Краткое изложеніе понятій объ исторіи и историческомъ искусствѣ», напечатанная въ «Отчетѣ Лицея Князя Безбородко за 1841 — 42 учебный годъ».

Н. Петровъ.

И. І. Патлаевскій.

Иннокентій Юстиновичъ Патлаевскій, исправлявшій должность профессора по каѳедрѣ законовъ казённаго управленія въ Лицеѣ съ 1861 по 1866 годъ, нынѣ ординарный профессоръ Новороссійскаго Университета по каѳедрѣ финансоваго права, окончилъ въ 1862 году курсъ въ Университетѣ Св. Владиміра со степенью кандидата законовѣдѣнія и въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года избранъ былъ Совѣтомъ Лицея на каѳедру, оставшуюся вакантною по случаю командировки за границу профессора Ждановича. Въ Лицеѣ Патлаевскій оставался до 1866 года, когда перешолъ исправляющимъ должность доцента по финансовому праву въ Новороссійскій Университетъ, гдѣ нынѣ и состоитъ ординарнымъ профессоромъ.

А. Сревницкій.

В. Петинье.

Виталій Петинье, исправлявшій должность лектора французской словености въ Лицеѣ Князя Безбородко въ теченіи 1849 и 1850 годовъ, родился въ 1828 году и, по выдержаніи экзамена на званіе домашняго учителя, опредѣлёнъ 24-го февраля 1849 года министромъ Народнаго Просвѣщенія учителемъ французскаго языка въ Нѣжинскую гимназію, съ порученіемъ, на основаніи устава Лицея Князя Безбородко, исправлять въ этомъ Лицеѣ должность лектора французской словесности. Петинье оставался въ Лицеѣ до 1850 года, въ которомъ онъ былъ перемѣщёнъ учителемъ въ Ларинскую гимназію въ Санктпетербургъ.

А. Срезневскій.

И. Н. Пилянкевичъ.

Иванъ Николаевичъ Пилянкевичъ, титулярный совѣтникъ и младшій профессоръ латинской словесности въ Гимназіи Высшихъ Наукъ съ 1820 по 1822 годъ, родился около 1744 года. Съ переѣздомъ въ Россію, отецъ мой взялъ съ собою и двухъ братьевъ матушки, Ивана и Павла Николаевичей Пилянкевичей. Павелъ Николаевичъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, откуда вышелъ штабъ-лекаремъ и продолжалъ службу по военно-медицинской части, а Иванъ Николаевичъ, окончившій курсъ наукъ въ Замостьскомъ лицеумѣ въ 1798 году, по ходатайству отца моего, въ 1804 году опредѣлёнъ учителемъ латинскаго языка въ Черниговскую гимназію. Съ переѣздомъ отца моего въ Нѣжинъ и Пилянкевичъ переведёнъ былъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко младшимъ профессоромъ латинской словесности; но по смерти Василія Григорьевича, Пилянкевичъ не захотѣлъ оставаться въ Нѣжинѣ и по прошенію перемѣщёнъ въ 1822 году въ Кіевскую губернскую гимназію. Въ Кіевѣ Иванъ Николаевичъ прожилъ до конца жизни, окружонный многочисленнымъ семействомъ. Изъ дѣтей его, Николай Ивановичъ былъ также профессоромъ въ преобразованномъ Лицеѣ Князя Безбородко, а потомъ — адъюнктъ-профессоромъ въ университетѣ Св. Владиміра, о чёмъ впрочемъ говорится подробнѣе въ слѣдующей біографіи.

Н. Кукольникъ.

Н. И. Пилянкевичъ.

Николай Ивановичъ Пилянкевичъ, коллежскій совѣтникъ, кандидатъ юридическихъ наукъ и исправлявшій должность профессора Лицея по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ съ 1841 по 1843 годъ, родился въ

1819 году. По окончаніи юридическаго курса въ университетѣ Св. Владиміра въ 1839 году, со степенью кандидата, Николай Ивановичъ опредѣлёнъ былъ въ Кіево-Подольское дворянское училище преподавателемъ исторіи и географіи. Это назначеніе было такъ сказать временное, потому-что во время пребыванія своего въ университетѣ, будучи одарёнъ прекрасными способностями, онъ съ любовію занимался юридическими науками и при окончаніи курса обратилъ на себя вниманіе сочиненіемъ, написаннымъ на заданную отъ юридическаго факультета тему, за которое онъ удостоенъ былъ золотой медали.

Исполняя обязанность преподавателя въ дворянскомъ училищѣ, Пилянкевичъ продолжалъ заниматься юридическими науками и свободное отъ оффиціальныхъ занятій время посвящалъ расширенію познаній своихъ въ области права. Эти труды и природныя способности не ускользнули отъ вниманія начальства Кіевскаго учебнаго округа — и чрезъ два года, то-есть въ 1841 году, онъ назначенъ былъ преподавателемъ въ Лицей Князя Безбородко, а потомъ то же начальство, желая доставить ему болѣе способовъ къ развитію и усовершенствованію, ходатайствовало предъ Государемъ Императоромъ о дозволеніи отправить молодого юриста въ Германію, Францію и Англію, для обширнѣйшаго изученія юридическихъ наукъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе 17-го августа 1843 года. Пилянкевичъ провёлъ три года за границею, слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ и, по возвращеніи въ Россію, назначенъ былъ адъюнктомъ въ университетъ Св. Владиміра, сперва по каѳедрѣ законовъ уголовныхъ и законовъ благочинія, а потомъ энциклопедіи законовѣдѣнія. Усиленныя занятія, какъ за границею, такъ и при преподаваніи въ университетѣ, разстроили здоровье его и въ 1858 году онъ принужденъ былъ оставить службу, не успѣвъ получить и ученой степени и умеръ въ томъ же году, не выѣзжая изъ Кіева. Въ Лицеѣ Князя Безбородко Николай Ивановичъ читалъ гражданскіе законы. Въ системѣ преподаванія его проявлялось направленіе болѣе практическое: онъ не развивалъ пространно той или другой теоріи, а ограничивался положеніями, выработанными наукою права и, держась системы Свода Законовъ, излагалъ хотя кратко, но послѣдовательно, историческое развитіе отечественныхъ законовъ. При чтеніи лекцій онъ не гонялся за витіеватостію, не предавался увлеченію, а излагалъ спокойно и съ безъискусственною простотою; между-тѣмъ лекціи его слушались внимательно и не казались продолжительными. Прекрасныя качества души Николая Ивановича снискали ему общую любовь молодыхъ его слушателей, съ которыми онъ послѣ лекцій и нерѣдко у себя дома вёлъ бесѣды, согрѣтыя тёплымъ чувствомъ участія. Каждый изъ слушавшихъ Николая Ивановича въ Лицеѣ сохранитъ всегда о нёмъ пріятное воспоминаніе и отъ души пожалѣетъ, что разстроенное здоровье а за тѣмъ ранняя смерть лишили его возможности подвизаться на поприщѣ, для котораго онъ себя приготовлялъ и которое такъ рано долженъ былъ оставить.

Н. Петровъ.

И. Я. Скальскій.

Иванъ Яковлевичъ Скальскій, надворный совѣтникъ, магистръ философіи и профессоръ химіи и физики въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1833 по 1841 годъ, родился въ 1788 году. По окончаніи курса наукъ въ Виленскомъ университетѣ въ 1817 году, съ ученой степенью магистра философіи, опредѣлёнъ былъ учителемъ естественныхъ и математическихъ наукъ въ Немировское уѣздное училище, въ которомъ исправлялъ временно и должность смотрителя. Въ 1827 году Скальскій перемѣщёнъ былъ смотрителемъ Барскаго уѣзднаго училища, а въ 1833 утверждёнъ управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія профессоромъ физики въ Лицеѣ Князя Безбородко. Кромѣ должности профессора физики, Скальскій занималъ въ 1835 году каѳедру химіи и разновременно должность совѣтника правленія Лицея и непремѣннаго члена, а 1841 года 9-го октября былъ уволенъ отъ службы по прошенію.

В. Толвинъ.

П. К. Скордели.

Пантелеймонъ Константиновичъ Скордели, магистрантъ Гражданскаго Права, исправлявшій должность профессора въ Лицеѣ съ 1871 по 1875 годъ по каѳедрѣ Уголовныхъ и Полицейскихъ Законовъ, нынѣ нотаріусъ при Кіевскомъ окружномъ судѣ, родился въ родовомъ своёмъ имѣніи — селѣ Манна, Оргѣевскаго уѣзда, Бессарабской губерніи. Въ 1856 году Скордели поступилъ въ Кишиневскую гимназію, которую окончилъ въ 1863 году съ правомъ на чинъ XIV класса и съ награжденіемъ золотою медалью за успѣхи. Въ 1864 году онъ поступилъ въ Кіевскій университетъ на юридическій факультетъ, который окончилъ въ 1868 году со степенью кандидата законовѣдѣнія.

Какъ способности Скордели, такъ равно и отлично выдержанный имъ окончательный экзаменъ обратили на себя вниманіе факультета, который предложилъ Скордели остаться при Университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ этомъ положеніи онъ оставался до 29-го мая 1871 года, когда былъ назначенъ исправляющимъ должность профессора Уголовныхъ и Полицейскихъ Законовъ въ Нѣжинскій Лицей.

Останавливаясь на дѣятельности Пантелеймона Константиновича, какъ преподавателя Лицея, нужно сказать, что онъ вполнѣ добросовѣстно выполнялъ возложенныя на него обязанности и въ отношеніи студентовъ — составленіемъ курса уголовнаго права и судопроизводства и по отношенію къ Лицею вообще, стараясь поднять, оживить и очистить отъ всего дурного это умиравшее учебное заведеніе. Полный жизни, от-

личаясь живостью ума и характера и имѣя всѣ условія для успѣха въ обществѣ, Скордели первое время почти изолировался отъ общества и посвящалъ всё своё время на составленіе курса. При этомъ нужно замѣтить, что чтеніе уголовнаго судопроизводства въ Лицеѣ произведено было имъ впервые, такъ-какъ до этого времени этотъ необходимый предметъ для практическихъ юристовъ вовсе не читался. Результатомъ занятій Скордели было: составленіе курса и добросовѣстное и аккуратное чтеніе лекцій. «Курсъ Уголовнаго Права» изданъ былъ по его запискамъ слушателями въ 1874 году въ Кіевѣ. Такъ-какъ цѣль лицейскаго образованія состояла въ приготовленіи практическихъ юристовъ, то Скордели излагалъ свой курсъ довольно подробно. Способъ изложенія былъ принятъ историко-догматическій, притомъ обращалось вниманіе и на теорію предмета. Исторія каждаго института излагалась кратко, а затѣмъ слѣдовало подробное изложеніе системы дѣйствующаго права, съ указаніемъ на толкованіе закона судебною практикою и съ критическою оцѣнкою русскихъ законовъ сравнительно съ иностранными. Если этотъ курсъ представлялъ хорошую компилятивную переработку лучшихъ современныхъ учебниковъ Уголовнаго Права, то и это былъ почтенный трудъ для человѣка только-что взявшагося за преподавательскую дѣятельность. Предъ этимъ чтеніе Уголовнаго Права въ Лицеѣ было въ рукахъ профессора Максимовича, человѣка почтеннаго и очень уважаемаго, но уже далеко не молодого: поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что широкое и живое изложеніе предмета, весьма важнаго для юриста-практика, сдѣланное молодымъ профессоромъ, имѣло особенное значеніе для лицеистовъ того времени. Независимо отъ составленія курса, въ 1874 году Скордели выдержалъ экзаменъ на степень магистра, не прерывая чтенія лекцій въ Лицеѣ и принимая весьма дѣятельное участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ нѣжинскаго съѣзда мировыхъ судей, какъ почётный мировой судья. Эти засѣданія до-того интересовали Пантелеймона Константиновича, что онъ постоянно участвовалъ въ ихъ занятіяхъ и послѣ, пока не оставилъ Нѣжина навсегда.

Не малую также заслугу оказалъ онъ и какъ членъ Совѣта Лицея, и какъ товарищъ. Патріархальная жизнь Нѣжина выработала между нѣкоторыми преподавателями Лицея, подъ наблюденіемъ тогдашняго его директора, оригинальный взглядъ на профессора Лицея. Хотя зданіе носило названіе «Лицей», но собственно подъ Лицей отведено было три или четыре комнаты, тогда-какъ одинъ этажъ, состоявшій изъ множества комнатъ, былъ отданъ одному преподавателю Лицея, который держалъ у себя воспитанниковъ для приготовленія къ поступленію въ Лицей. Впрочемъ, обычай устраивать подобные пансіоны внѣ Лицея практиковался и другимъ преподавателемъ. Скордели возсталъ противъ этихъ обычаевъ, какъ несогласныхъ съ достоинствомъ профессора — и подобные порядки были вскорѣ уничтожены, а оба профессора ушли изъ Лицея, причёмъ на ихъ мѣсто, благодаря заботамъ Скердели, были приглашены другіе лица, которые имѣли въ виду одну науку, довольствуясь притомъ однимъ скромнымъ содержаніемъ. Обновленіе Лицея новыми силами привлекло туда болѣе 150 студентовъ. Конечно, этому помогала также и по-

требность общества въ юристахъ-практикахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что профессора того времени поставили студентовъ Лицея, по объёму сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, по предметамъ чисто юридическимъ, на одинакую ступень со студентами университетовъ.

Но существованіе Лицея, какъ юридическаго заведенія, не входило въ соображенія министерства. Не смотря на всѣ практическіе результаты, доказывавшіе, что Лицей могъ бы существовать, при всей уродливости своего стараго устава, какъ юридическое заведеніе, въ 1875 году онъ былъ закрытъ. Возможность существованія Лицея доказывалась ещё тѣмъ, что всѣ каѳедры были заняты, хотя содержаніе профессора Лицея не составляло и тысячи рублей, а число студентовъ, не смотря на близость университетскаго города, было около 200 человѣкъ. Такъ-какъ всѣмъ преподавателямъ Лицея, вслѣдствіи его закрытія, пришлось искать другихъ занятій, то и Пантелеймонъ Константиновичъ принужденъ былъ оставить Лицей. Въ 1875 году Скордели перешолъ на должность секретаря и юрисконсульта кіевской конторы государственнаго банка, по приглашенію тогдашняго его управляющаго, а нынѣ товарища министра финансовъ, Н. Х. Бунге. Но въ 1880 году Скордели оставилъ банкъ и открылъ контору нотаріуса въ Кіевѣ.

Нельзя не пожалѣть, что практическое направленіе нашего вѣка, увлекшее не мало талантливыхъ людей изъ области науки на поприще чисто практической дѣятельности, увлекло туда же и Скордели, который могъ бы свои способности и научныя познанія приложить къ занятіямъ, требующимъ болѣе научныхъ знаній, нежели настоящая его дѣятельность.

П. Коробка.

И. А. Сребницкій.

Иванъ Аѳанасьевичъ Сребницкій, исправлявшій съ 1873 по 1875 годъ должность профессора въ Лицеѣ Князя Безбородко по каѳедрѣ русской исторіи и русской и всеобщей статистики, изъ дворянъ Полтавской губерніи, родился 23-го іюня 1850 года. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Полтавской гимназіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1868 году съ золотою медалью. Послѣ сего, въ томъ же году, поступилъ въ университетъ Св. Владиміра на историко-филологическій факультетъ по отдѣленію славяно-русской филологіи. Будучи принятъ въ число такъ называемыхъ учительскихъ стипендіатовъ, съ обязательствомъ сдѣлаться, по окончаніи полнаго курса, учителемъ гимназіи, заявивши при этомъ предметомъ своего будущаго преподаванія русскій языкъ и словесность, Сребницкій тѣмъ не менѣе уже со 2-го университетскаго курса предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій избралъ русскую исторію. Поэтому послѣ окончанія въ 1872 году курса со степенью кандидата славяно-русской филологіи, онъ совѣтомъ университета Св. Владиміра избранъ былъ въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію по

предмету русской исторіи. Въ этомъ званіи Сребницкій оставался до мая мѣсяца 1873 года, когда получилъ приглашеніе на каѳедру русской исторіи въ Лицеѣ Князя Безбородко, причёмъ 10-го іюня того же года былъ утвержденъ исправляющимъ должность профессора. Въ Лицеѣ Иванъ Аѳанасьевичъ оставался до 1-го іюля 1875 года и, въ виду преобразованія этого заведенія въ Историко-Филологическій Институтъ, вышелъ изъ него. Затѣмъ, какъ пользовавшійся во время ученія въ университетѣ обязательной казённой стипендіей, назначенъ былъ въ ноябрѣ 1875 года учителемъ русской словесности въ Черниговскую гимназію, откуда въ іюлѣ 1876 года переведёнъ въ Нѣжинскую гимназію преподавателемъ исторіи и географіи, а въ слѣдующемъ году конференціей Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко избранъ былъ преподавателемъ географіи студентамъ Института. Въ этихъ послѣднихъ должностяхъ Сребницкій состоитъ и въ настоящее время. Изъ печатныхъ сочиненій Ивана Аѳанасьевича нельзя не обратить особеннаго вниманія на двѣ статьи его, помѣщённыя въ предлагаемомъ изданіи: «Нѣжинъ» и «Лицей Князя Безбородко», составленныя очень добросовѣстно и талантливо.

Н. Гервель.

Н. Ѳ. Соловьевъ.

Никита Ѳёдоровичъ Соловьёвъ, надворный совѣтникъ, профессоръ естественныхъ наукъ и непремѣнный членъ совѣта Лицея Князя Безбородко съ 1825 по 1837 годъ, родился въ 1810 году. Есть личности, которыя хотя не очертили особеннаго мѣстечка, тѣмъ не менѣе характеристически отдѣляются въ признательной памяти всѣхъ, кто ихъ зналъ близко. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ и Н. Ѳ. Соловьёвъ. Весьма въ молодыхъ лѣтахъ окончивъ курсъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету, Соловьёвъ тогда же утвержденъ былъ старшимъ учителемъ для занятія соотвѣтственной каѳедры въ губернской гимназіи, но въ 1825 году представилась возможность получить высшее мѣсто — и 6-го мая того же года онъ назначенъ былъ въ Нѣжинъ младшимъ профессоромъ естественныхъ наукъ, что означало тогда ботанику, минералогію и зоологію, и технологіи. Казалось бы, для одного профессора и этого было достаточно, но за неимѣніемъ профессора, ему же препоручено было преподаваніе и физики. Нѣкоторое время, съ 1831 по 1833 годъ, послѣ Ландражина, Соловьёвъ завѣдывалъ и библіотекой, и состоялъ непремѣннымъ членомъ совѣта Лицея Князя Безбородко, послѣ первой реформы онаго, до самой смерти, послѣдовавшей 21-го мая 1837 года. Когда Соловьёвъ пріѣхалъ въ нѣжинскую глушь изъ Петербурга, его новомодная щегольская одежда, его пріятные, благообразные пріёмы въ обращеніи, его безъискусственная, простая, но изящная рѣчь — всё

это сильно подѣйствовало на насъ и расположило въ его пользу. Мы обращались съ нимъ свободно, непринуждённо, будто со старшимъ уважаемымъ товарищемъ; онъ же поддерживалъ это настроеніе охотно. Безъ клички въ нашихъ училищахъ никто не обойдётся. Нѣкоторые иначе его не называли какъ петербургскимъ профессоромъ, другіе гвардейцемъ. По молодости и врождённой робости онъ не могъ увлечь юношества къ страсти естествознанія, да и потому, я думаю, что въ средѣ главнѣйшихъ воспитанниковъ развилась уже страсть изящной литературы и сосѣднихъ съ нею знаній; не менѣе того, ни у одного профессора не было такъ много учениковъ съ хорошими баллами — не по добродушной снисходительности преподавателя — нѣтъ, а потому, что онъ умѣлъ найти для каждаго предмета размѣры, удобовмѣстимые для памяти учащихся. Наука въ томъ видѣ, какъ онъ преподавалъ её, казалась полною, удовлетворительною; всѣ могли успѣвать приготовленіемъ уроковъ и успѣвали и я ручаюсь, что большая часть воспитанниковъ, въ томъ числѣ и я, по выходѣ изъ заведенія, были убѣждены, что они знаютъ ботанику, минералогію, зоологію и физику какъ слѣдуетъ. Впрочемъ я точно также убѣждёнъ и въ томъ, что впослѣдствіи каждый изъ воспитанниковъ, не оставившихъ учоныхъ занятій, сознавался, что Соловьёвъ преподавалъ превосходно: въ слушателей своихъ умѣлъ вложить о каждой наукѣ ясныя понятія и вѣрныя начала, и такимъ образомъ облегчалъ пути дальнѣйшаго изученія. Въ этомъ, мнѣ кажется, и заключается функція преподавателя энциклопедическаго заведенія, и оправданіе несомнѣнной пользы учрежденій этого рода.

Н. Кукольникъ.

П. С. Смирновъ.

Пётръ Семёновичъ Смирновъ, священникъ, бывшій законоучитель Лицея Князя Безбородко въ 1861 и 1862 годахъ, сынъ причетника Ярославской губерніи, родился въ 1826 году. По окончаніи курса въ Ярославской семинаріи, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 году, со степенью магистра и въ томъ же году назначенъ былъ профессоромъ въ Костромскую семинарію по классамъ логики, психологіи, патристики и чтенія латинскихъ писателей. Затѣмъ, въ октябрѣ 1853 года, опредѣлёнъ смотрителемъ Галичскаго духовнаго училища и преподавателемъ священной исторіи въ высшемъ отдѣленіи, а въ ноябрѣ 1861 года рукоположенъ въ священники и назначенъ законоучителемъ Нѣжинскаго Лицея, но черезъ четыре мѣсяца по вступленіи въ должность, именно въ мартѣ 1862 года, былъ переведёнъ въ Кіевскую духовную семинарію профессоромъ словесности.

А. Хойнацкій.

М. А. Туловъ.

Михаилъ Андреевичъ Туловъ, магистръ философіи и профессоръ словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко по каѳедрамъ теоріи поэзіи и исторіи литературы съ 1840 по 1853 годъ, а затѣмъ тайный совѣтникъ и помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, родился 8-го ноября 1814 года въ Гродно, гдѣ отецъ его находился въ то время на службѣ и откуда въ 1825 году былъ переведёнъ на службу въ Житомиръ, куда и переѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, вмѣстѣ съ семействомъ, а въ сентябрѣ отдалъ сына въ тамошнее уѣздное училище. Съ открытіемъ въ Житомирѣ въ 1832 году Волынской губернской гимназіи, Туловъ перешолъ въ это заведеніе и пробылъ въ нёмъ два года. По окончаніи въ 1834 году гимназическаго курса, Михаилъ Андреевичъ поступилъ въ институтъ казённокоштныхъ студентовъ университета Св. Владиміра по 1-му отдѣленію философскаго факультета, но 29-го мая 1837 года, до окончанія полнаго курса, былъ опредѣлёнъ учителемъ въ Остёрское приходское училище. Здѣсь Туловъ пробылъ до 30-го іюня слѣдующаго года, когда былъ снова принятъ въ институтъ университета. Между-тѣмъ приближался 1839 годъ, срокъ выпуска, а съ нимъ и время представить диссертацію на степень кандидата. Михаилъ Андреевичъ занялся своею диссертаціею серьёзно и представилъ её къ сроку подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: «Очеркъ историческаго развитія логики отъ Аристотеля до Гегеля». Извѣстно, что содержаніе логики составляютъ законы и формы нашего мышленія. Но до Гегеля эта наука формы и законовъ мысли не рѣшалась утверждать, что міръ такъ существуетъ въ дѣйствительности, какъ намъ кажется на основаніи законовъ нашей мысли; поэтому и разсматривалась, какъ наука формальная. Гегель сказалъ, что міръ такъ существуетъ, какъ человѣкъ мыслитъ: начала мышленія суть вмѣстѣ и начала бытія — и такимъ образомъ далъ логикѣ содержаніе не только формальное, но и матеріяльное. Диссертація была написана главнымъ образомъ съ цѣлью показать различіе двухъ этихъ взглядовъ и шагъ, который сдѣлала логика съ Гегелемъ. Въ диссертаціи своей Михаилъ Андреевичъ не ограничился одною исторіею постепеннаго развитія содержанія логики до Гегеля, но выразилъ и мысль о возможности дальнѣйшаго ея развитія, именно вслѣдствіе внесенія въ логику и явленій нашего духа, относимыхъ къ области вѣры, которую онъ разсматривалъ, какъ одну изъ естественныхъ сторонъ и силъ нашей разумной природы и поэтому какъ законное достояніе и науки. Диссертація заслужила всеобщее одобреніе факультета, вслѣдствіе чего Туловъ былъ утвержденъ въ степени кандидата философіи и опредѣлёнъ 7-го августа 1839 года въ бывшую Винницкую гимназію (Каменецъ-Подольской губерніи) учителемъ русской словесности; но не прошло и года со времени переѣзда его въ Винницу, какъ онъ былъ вызванъ мѣстнымъ начальствомъ въ Нѣжинъ, для занятія каѳедры словесности въ Лицеѣ Князя Безбородко. Затѣмъ 13-го іюля 1840 года Михаилъ Андреевичъ

былъ утверждёнъ преподавателемъ Лицея, 19-го октября 1844 года — магистромъ философіи и, наконецъ, 7-го декабря того же года — профессоромъ. На степень магистра Михаилъ Андреевичъ написалъ диссертацію «О Романѣ», какъ объ одной изъ основныхъ, типическихъ формъ словеснаго искусства, которая, въ разныхъ видахъ и подъ различными названіями, развилась въ изящной литературѣ всѣхъ образованныхъ народовъ. Диссертацію свою онъ защищалъ публично въ университетѣ Св. Владиміра и защищалъ её блистательно, что могутъ засвидѣтельствовать большинство профессоровъ университета и массы студентовъ и постороннихъ посѣтителей, присутствовавшихъ при защитѣ помянутой диссертаціи.

Впродолженіи тринадцати лѣтъ, то-есть до 18-го мая 1853 года, когда онъ былъ назначенъ директоромъ Немировской гимназіи, Туловъ читалъ для студентовъ 1-го курса Лицея теорію поэзіи, а для 2-го — исторію литературы. Многія поколѣнія нѣжинскихъ лицеистовъ, окончившихъ впродолженіе этого времени курсъ, будутъ всегда съ любовью и благодарностью вспоминать лекціи Михаила Андреевича, имѣвшія такое благотворное вліяніе на ихъ молодые умы и развитіе вкуса. Кромѣ несомнѣнной любви къ своему предмету и своеобразности взгляда, какъ на искусство вообще, такъ и на произведенія разбираемыхъ имъ писателей въ частности, почти всегда вѣрнаго, онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и, такъ сказать, наглядностью изложенія, увлекавшаго слушателей. Не смотря на тò, что Михаилъ Андреевичъ читалъ только для первыхъ двухъ курсовъ, студенты 3-го курса весьма часто посѣщали его лекціи. Уже одно это можетъ свидѣтельствовать въ пользу лекцій Тулова, любимѣйшаго профессора нѣжинскихъ студентовъ. Пишущій эти строки могъ бы ещё многое сказать о Михаилѣ Андреевичѣ, не только какъ о профессорѣ, но и какъ о человѣкѣ, но, по словамъ поэта, скромность налагаетъ «печать молчанья на уста». Скажу одно, что изъ трёхъ лѣтъ лицейскаго курса, проведённыхъ иною въ Нѣжинѣ, я два года прожилъ у Михаила Андреевича — и воспоминаніе объ этихъ двухъ годахъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Куда бы судьба меня ни закинула, я буду всегда вспоминать съ любовью объ этомъ времени надеждъ и невозвратной молодости.

Плодами ученой дѣятельности Тулова, впродолженіи его профессорства въ Лицеѣ, были слѣдующія сочиненія: 1) «О современномъ направленіи изящной словесности на Западѣ Европы. М. Тулова». Кіевъ. 1850. Перепечатано въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1851, ч. LXIX, отд. II, стр. 145. 2) «Объ одномъ изъ современныхъ направленій русской изящной словесности» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1854, ч. LXXXIII, отд. II, стр. 79) и 3) «Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи. М. Тулова, профессора Лицея Князя Безбородко». Кіевъ. 1853.

Такъ-какъ послѣднее сочиненіе есть обширный, многолѣтній трудъ, въ которомъ авторъ излагаетъ своё воззрѣніе на искусство и литературу, то я считаю необходимымъ сказать о нёмъ хотя нѣсколько словъ. Въ сочиненіи этомъ, какъ видно изъ самаго заглавія, должно различать

двѣ части: теоретическую и историческую. «Причины», говоритъ ученый авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, «побудившія меня соединить въ издаваемомъ мною курсѣ теорію поэзіи съ ея исторіею, заключаются какъ въ самой сущности науки, такъ и въ обстоятельствахъ постороннихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что теорія и исторія какъ всякаго предмета, такъ и поэзіи, суть двѣ отдѣльныя науки. Но какъ для всякой теоріи, такъ въ особенности для теоріи поэзіи, единственно-вѣрный путь—наблюденіе исторіи. Только въ исторіи мыслитель встрѣчаетъ въ живомъ развитіи законы, составляющіе существенное содержаніе теоріи; только та теорія, которая основана на исторіи, можетъ предложить вѣрныя правила.»

Теоретическая система Тулова есть нѣсколько видоизмѣнённая система Гегеля. У него также тройственное начало. Вотъ оно: чувство, умъ и воля. Это тройственное начало проявляется въ искусствѣ, какъ чувство прекраснаго, фантазія и вкусъ, въ историческомъ же развитіи искусствъ — какъ символическое искусство Востока, пластика античнаго міра и христіанское искусство ново-европейскихъ народовъ, въ дѣленіи поэзіи на роды — какъ поэзія лирическая, эпическая и драматическая, въ историческомъ развитіи поэзіи — какъ поэзія времёнъ первобытныхъ, средній періодъ и поэзія позднѣйшей гражданственности. Историческая часть сочиненія Тулова, сравнительно, лучше теоретической и преподаватели и учащіеся должны быть очень благодарны автору за его очерки различныхъ родовъ поэзіи. Жаль только, что они не довольно полны.

Теперь скажу нѣсколько словъ о методѣ, которой придерживался Михаилъ Андреевичъ при чтеніи своихъ лекцій въ Лицеѣ и воззрѣніи его на словесность, какъ на предметъ, и на словесность, какъ на науку, или на теорію словесности. Онъ полагалъ, что, по отношенію къ прекрасному, вся совокупность словесныхъ произведеній или литература можетъ быть раздѣлена на два отдѣла: на словесныя произведенія, которыя относятся къ области прекраснаго и по самому содержанію, и на словесныя произведенія, которыя къ области прекраснаго принадлежатъ одною формою своей, а по содержанію могутъ относиться къ области морали, философіи и исторіи, то-есть раздѣлялъ литературу, по отношенію къ прекрасному, на поэзію и краснорѣчіе. Согласно съ этимъ взглядомъ на предметъ, и науку о нёмъ онъ раздѣлилъ на науку о поэзіи — піитику, и науку о краснорѣчіи — риторику. Теорію поэзіи Михаилъ Андреевичъ предварялъ разсмотрѣніемъ главныхъ вопросовъ о прекрасномъ вообще, независимо отъ тѣхъ или другихъ формъ его выраженія, то-есть предварялъ краткимъ курсомъ эстетики. Теорію же поэзіи излагалъ въ связи съ ея исторіею, то-есть законы и коренныя формы поэзіи выводилъ изъ наблюденія надъ историческимъ развитіемъ поэзіи у различныхъ народовъ. Этимъ во-первыхъ расширялъ содержаніе піитики, которая обыкновенно излагала только формы поэзіи греческой, разсматривая ихъ какъ формы типическія то-есть какъ роды и виды, во-вторыхъ, знакомилъ съ формами поэзіи на живой почвѣ исторіи, а не въ отвлечённой области теоріи.

Съ этой же точки зрѣнія Туловъ хотѣлъ составить и курсъ рито-

рики, но не успѣлъ; поэтому, не удовлетворяясь обыкновеннымъ содержаніемъ этой науки, предпочиталъ знакомить своихъ слушателей съ содержаніемъ риторики практически, въ видѣ правилъ, которыя передавалъ имъ при разборѣ на лекціяхъ ихъ сочиненій. Что же касается исторіи русской литературы, то Михаилъ Андреевичъ читалъ её по университетскимъ запискамъ профессора Максимовича, котораго былъ слушателемъ.

18-го мая 1853 года Михаилъ Андреевичъ Туловъ былъ назначенъ директоромъ Немировской гимназіи и занималъ эту должность въ продолженіи четырёхъ лѣтъ, до 26-го мая 1857 года, когда былъ назначенъ инспекторомъ казённыхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа. Въ 1863 году, состоя въ должности окружнаго инспектора Кіевскаго учебнаго округа, Михаилъ Андреевичъ былъ командированъ за границу съ педагогическою цѣлью — ознакомиться съ устройствомъ народныхъ училищъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, чтобы потомъ заняться заведеніемъ и устройствомъ школы для народнаго образованія въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. Дѣло это имѣло въ то время, кромѣ общей, ещё и особенную важность для юго-западнаго края: въ нёмъ видѣли одно изъ средствъ, могущихъ способствовать освобожденію массы русскаго крестьянскаго населенія отъ вліянія польскихъ помѣщиковъ. По возвращеніи изъ заграничной командировки, служебная дѣятельность Тулова была посвящена по преимуществу народнымъ школамъ, которыя въ Кіевскомъ учебномъ округѣ устраивались по образцу прусскаго одноклассного народнаго училища, какъ самаго дешоваго и въ то же время наиболѣе удовлетворительнаго въ учебномъ отношеніи. Правда, учебная программа прусской народной школы того времени была слишкомъ обременена разнаго рода свѣдѣніями церковно-богословскаго характера, такъ-что учителю оставалось немного времени для другихъ занятій; но этотъ недостатокъ прусской народной школы у насъ устранялся тѣмъ, что преподаваніе закона Божія поручалось особому законоучителю, обыкновенно мѣстному приходскому священнику.

Порученное Михаилу Андреевичу дѣло открытія и устройства народныхъ училищъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ сначала шло успѣшно, но потомъ нѣсколько затормозилось, вслѣдствіе возникшихъ пререканій между учебнымъ вѣдомствомъ и епархіальнымъ начальствомъ, которое полагало, что для народнаго образованія довольно и его церковно-приходскихъ школъ, существовавшихъ, впрочемъ, болѣе на бумагѣ, въ консисторскихъ отчётахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Этотъ совершенно излишній у насъ антагонизмъ, послѣ всѣхъ газетныхъ препирательствъ и административныхъ пререканій, кончился всё-таки тѣмъ, что народное образованіе осталось въ рукахъ министерства Народнаго Просвѣщенія, то-есть государства, а на долю духовенства была отчислена только часть денегъ, отпускаемыхъ государствомъ на народное образованіе. Въ этой распрѣ учебнаго вѣдомства съ духовнымъ Кіевское епархіальное начальство видѣло въ Туловѣ, не безъ нѣкотораго основанія, главнаго противника его педагогическихъ притязаній; поэтому ему не разъ приходилось подвергаться самымъ несправедливымъ обвиненіямъ.

По выслугѣ по учебному вѣдомству двадцати пяти лѣтъ, приказомъ министра Народнаго Просвѣщенія отъ 7-го августа 1864 года, Туловъ былъ оставленъ на службѣ ещё на пять лѣтъ, въ 1865 году назначенъ помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а въ 1873 году, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ службы, съ назначеніемъ полной пенсіи и съ выдачею единовременнаго денежнаго пособія.

Находясь въ отставкѣ, Михаилъ Андреевичъ не переставалъ заниматься наукою и напечаталъ въ 1874 году брошюру подъ заглавіемъ: «Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ», о которой съ большою похвалою отозвался Я. К. Гротъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ то же время онъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдилъ и за ходомъ учебнаго дѣла въ Россіи и высказалъ взглядъ свой на господствовавшую у насъ въ послѣднее время учебную систему въ брошюрѣ, напечатанной въ 1876 году въ Кіевѣ: «Нѣсколько словъ по поводу открытаго письма князя Васильчикова къ графу Толстому».

Для ознакомленія нашихъ читателей съ воззрѣніями Михаила Андреевича на воспитаніе русскаго юношества вообще и послѣднія реформы по этой части графа Толстаго, помѣщаемъ здѣсь четыре заключительныя странички этой замѣчательной брошюры, исполненной съ начала до конца искренней любви къ Россіи и русскому народу и глубокимъ пониманіемъ дѣла воспитанія:

«Истинное достоинство школы зависитъ не отъ того, чему въ ней учатъ, а отъ того, какъ учатъ, болѣе же всего зависитъ отъ воспитательнаго вліянія школы на учащихся. Бо̀льшее или меньшее знаніе гимназической латыни или гимназической математики не сдѣлаетъ гимназиста ни филологомъ, ни математикомъ. Даже по выходѣ изъ университета молодой человѣкъ ещё не обладаетъ такимъ обширнымъ кругомъ знаній, чтобы безъ дальнѣйшихъ, самостоятельныхъ занятій могъ похвалиться солиднымъ филологическимъ или же математическимъ образованіемъ. Не въ сообщеніи тѣхъ или другихъ свѣдѣній заключается главная задача школы, и не отъ состава и объёма учебной программы зависитъ ея истинное достоинство. Достоинство школы прежде всего и болѣе всего зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ она успѣетъ внушить учащимся любовь къ наукѣ, къ труду, развить въ нихъ чувство чести, долга, словомъ, зависитъ отъ воспитательнаго вліянія школы. При трудности достиженія этихъ высшихъ педагогическихъ цѣлей, можно бы помириться съ школою и въ томъ случаѣ, когда бы она, научивъ своихъ воспитанниковъ положенному по ея учебной программѣ, возвращала ихъ въ дома родителей по-крайней-мѣрѣ такими, какими они были при поступленіи въ школу: не заговорщиками и не шпіонами, не циниками и не лицемѣрами. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе школы на нравственность учащихся не имѣетъ ничего общаго съ преподаваніемъ въ ней греческой грамматики или химіи, такъ-какъ греческая грамматика учитъ греческому языку, а не нравственности; химія учитъ химіи, а не нравственности: нравственное вліяніе на учащихся могутъ имѣть начальники и преподаватели школъ, а не предметы преподаванія. Смотря

на школу съ этой точки зрѣнія, мы никогда не припишемъ особенной важности составу ея учебной программы; тѣмъ болѣе мы далеки отъ мысли усматривать какую бы то ни было связь между недостатками нашей школы и тою учебною системою, которая указана въ Высочайше утверждённомъ новомъ учебномъ уставѣ. Къ сожалѣнію, не можемъ сказать того же о тѣхъ второстепеннымъ распоряженіяхъ учебной власти, которыми сопровождалось введеніе новаго устава. Что касается этихъ послѣднихъ, то, дѣйствительно, одни изъ нихъ были слишкомъ поспѣшны, иныя, наконецъ, на практикѣ оказали на нашу школу совершенно не то дѣйствіе, котораго можно было ожидать отъ нихъ, судя по ихъ раціональности въ теоріи. Въ одномъ мѣстѣ своей брошюры князь Васильчиковъ пытается разрѣшить вопросъ, что могло побудить графа Толстаго, добраго семьянина, образованнаго и честнаго человѣка, съ такою безпощадною настойчивостію стремиться къ осуществленію усвоенныхъ имъ педагогическихъ воззрѣній и объясняетъ эту настойчивость видами графа — путёмъ классическаго образованія, достигнуть извѣстныхъ политическихъ результатовъ, именно способствовать преобразованію Россіи по образцу аристократической Англіи, гдѣ знатность, богатство и классическое образованіе тѣсно связаны между собою. Съ этимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Допускаемъ, что подобными идеями можетъ увлечься какой-нибудь малоопытный патрицій, одушевлённый больше любовію къ рабовладѣнію, основѣ политическаго устройства древне-классическаго міра, чѣмъ любовью къ классическому образованію въ связи съ англійскимъ аристократизмомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что распространенію и торжеству подобныхъ идей можетъ радоваться политическій врагъ Россіи, разумѣется, принявъ въ расчётъ въ своихъ политическихъ соображеніяхъ не тѣ услуги, которыя оказала и оказываетъ Англіи ея аристократія, а скорѣе тѣ, которыя оказали Польшѣ ея магнаты. Но мы не можемъ допустить, чтобы образованный русскій вельможа, знакомый съ исторіею своего отечества, могъ питать подобныя идеи и стремленія.

«Находясь въ совершенномъ невѣдѣніи политическихъ стремленій и настроеній, мы признаёмъ свою некомпетентность въ обсужденіи вопросовъ политическаго свойства. Руководствуясь однако тѣмъ простымъ политическимъ смысломъ, которымъ руководствуется и русскій крестьянинъ, возлагающій всѣ свои упованія въ дѣлахъ политики только на Царя, смѣемъ думать, что одно монаршее милостивое слово скорѣе бы возродило нашу школу, чѣмъ вся еллинская мудрость и основанныя на ней мѣропріятія. Намъ поздно повторять зады, и чтобы не отстать отъ другихъ, мы должны быстро идти впередъ. Задача и заслуга государственныхъ людей — овладѣть стремленіями общества и направить ихъ къ законнымъ цѣлямъ. Во всякомъ случаѣ полагаемъ, что ходъ и направленіе общественнаго образованія въ Россіи зависятъ отъ воли Монарха, а не отъ сдѣлки между собою какихъ бы то ни было партій, что классическая система образованія введена у насъ не потому, что, какъ говоритъ князь Васильчиковъ, министръ Народнаго Просвѣщенія успѣлъ увѣрить гвардейскихъ генераловъ въ ея противудѣйствіи нигилизму, а потому, что система эта была одобрена самодержавною властью.»

Заключая мою статью небольшою подробностью о причинахъ, побудившихъ Михаила Андреевича оставить мѣсто помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа. При послѣдней моей встрѣчѣ съ нимъ въ Петербургѣ, когда я выразилъ ему удивленіе что онъ оставилъ мѣсто, котораго былъ украшеніемъ и на которомъ онъ приносилъ такъ много пользы дѣлу воспитанья, онъ мнѣ отвѣчалъ буквально слѣдующее: «Управленіе Министерствомъ Просвѣщенія графа Толстаго было, по моему мнѣнію, такого рода, что только злѣйшій врагъ Россіи могъ придумать подобную систему управленія учебною частью, прикрывъ её благовиднымъ названіемъ классицизма. Понятно, что, при такомъ взглядѣ на учебно-административные порядки, заводимые графомъ Толстымъ, дальнѣйшая служба по Министерству Просвѣщенія была бы для меня вѣчнымъ укоромъ въ измѣнѣ долгу службы — и я рѣшился лучше переносить всѣ тяжолыя для меня послѣдствія отставки, чѣмъ получать жалованье за служеніе тому, въ чёмъ видѣлъ только лицемѣріе и обманъ.»

Н. Гербель.

А. Н. Френизи.

Августъ Николаевичъ Френизи, бывшій лекторомъ французскаго языка въ Лицеѣ съ 1866 по 1870 годъ, родился 11-го ноября 1838 года во Франціи, въ департаментѣ Верхней Марны, въ молодыхъ лѣтахъ прибылъ въ Россію и — что случается съ французами рѣдко — очень скоро выучился хорошо русскому языку. Въ августѣ 1863 года, по выдержаніи имъ испытанія при университетѣ Св. Владиміра на званіе учителя французскаго языка, былъ опредѣлёнъ младшимъ учителемъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, а въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 года переведёнъ на ту же должность въ Нѣжинскую гимназію. Здѣсь, послѣ перемѣщенія въ 1866 году въ Полтавскую военную гимназію Ю. Н. Ганнота, назначенъ былъ лекторомъ французскаго языка въ Лицеѣ и учителемъ въ старшихъ классахъ гимназіи. Въ январѣ 1870 года Френизи вышелъ въ отставку и вслѣдъ затѣмъ поступилъ преподаватемъ въ Полоцкую военную гимназію.

И. Сребницкій.

А. Ѳ. Хойнацкій.

Андрей Ѳёдоровичъ Хойнацкій, протоіерей, магистръ богословія, законоучитель Лицея князя Безбородко и состоящей при нёмъ гимназіи, дѣйствительный членъ Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, членъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духов-

ной академіи и Историческаго Общества Преподобнаго Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, сынъ священника Новоградъ-Волынскаго уѣзда, мѣстечка Полоннаго, родился 4-го іюля 1837 года. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Волынской духовной семинаріи, Хойнацкій поступилъ въ 1859 году въ Кіевскую духовную академію, по окончаніи полнаго академическаго курса, опредѣлёнъ былъ 10-го ноября 1863 года учителемъ въ Волынскую духовную семинарію по предметамъ священнаго писанія и соединённыхъ съ нимъ языковъ греческаго и латинскаго, въ параллельныхъ классахъ высшаго, средняго и низшаго отдѣленій семинаріи. Затѣмъ, 30-го ноября 1863 года возведённый на степень магистра богословія съ присвоеніемъ званія профессора семинаріи, онъ всемилостивѣйше удостоенъ былъ получить золотой перстень отъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Александровны, украшенный драгоцѣнными камнями, за составленную и удостоенную Высочайшаго Ея Величества вниманія историческую икону святыхъ угодниковъ Волынскихъ, въ память чудеснаго спасенія драгоцѣнныхъ дней Государя Императора 25-го мая 1865 года въ Парижѣ. 12-го февраля 1870 года, по благословенію преосвященнѣйшаго Варлаама, архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, онъ былъ рукоположонъ Агаѳангеломъ, архіепископомъ Волынскимъ, во священника, а 5-го октября 1871 года опредѣлёнъ на должность законоучителя Лицея Князя Безбородко в Нѣжинской гимназіи съ соединённымъ съ этимъ званіемъ званіе настоятеля лицейской церкви, а 9-го января 1872 года получилъ магистерскій крестъ.

Въ духовной литературѣ отецъ Андрей извѣстенъ какъ авторъ цѣлаго ряда духовныхъ и историческихъ статей, которыя онъ помѣщалъ почти въ теченіи двадцати лѣтъ, то-есть съ 1862 года по 1881 годъ, въ слѣдующихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ: «Воскресномъ Чтеніи», «Христіанскомъ Чтеніи», «Церковномъ Вѣстникѣ», «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ», «Православномъ Обозрѣніи», «Кіевлянинѣ», «Древней и Новой Россіи», «Всемірной Иллюстраціи», «Иллюстрированной Газетѣ», «Нивѣ», «Вѣстникѣ Западнаго края Россіи», «Странникѣ» и «Черниговской Газетѣ». Изъ нихъ, какъ на лучшія, можно указать на слѣдующія: «Древній замокъ на горѣ Боиѣ въ городѣ Кременцѣ», напечатанную въ «Иллюстрированной Газетѣ» на 1869 годъ, «Преподобный Ѳеодоръ князь Острожскій» и «Къ біографіи Гоголя» въ «Древней и Новой Россіи», «Лавра Почаевская» — въ «Христіанскомъ Чтеніи» и «Путеводитель по горамъ Почаевскимъ», изданный въ 1845 году отдѣльной книжкой.

Н. Гербель.

И. Г. Хандожинскій.

Иванъ Григорьевичъ Хандожинскій, коллежскій совѣтникъ и учитель латинскаго языка въ Гимназіи Высшихъ Наукъ съ 1829 по 1834

годъ, родился въ 1797 году и, по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ съ учёною степенью кандидата, опредѣлёнъ былъ въ 1829 году учителемъ латинскаго языка въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, въ которой, сверхъ этой прямой обязанности, почти всѣ три первые года исполнялъ должность учителя славянской грамматики. Когда, по уставу Лицея Князя Безбородко, преподаваніе латинскаго и славянскаго языковъ было уничтожено, Хандожинскій, по назначенію Совѣта Лицея и съ утвержденія попечителя Кіевскаго учебнаго округа, опредѣлёнъ былъ исправляющимъ должность учителя риторики, поэзіи и логики, каковую и исполнялъ съ 15-го сентября 1833 года по 1-е мая 1834. Въ этомъ же году онъ оставилъ Нѣжинскій Лицей и перешёлъ въ Кишинёвскую областную гимназію учителемъ латинскаго языка, затѣмъ въ 1835 году назначенъ былъ тамъ же учителемъ словесности, а съ 3-го августа того же года по 20-е декабря 1838 года исправлялъ въ этой гимназіи должность инспектора. Награждённый въ 1841 году чиномъ коллежскаго совѣтника, Хандожинскій вышелъ въ 1849 году въ отставку и поселился въ Кишинёвѣ.

В. Толвинъ.

К. А. Царевскій.

Кириллъ Алексѣевичъ Царевскій, кандидатъ правъ и исправлявшій должность профессора Лицея по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ и законовъ государственнаго благоустройства съ 1853 по 1866 годъ, родился 23-го марта 1830 года. Окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ Св. Владиміра по юридическому факультету съ степенью кандидата въ іюнѣ 1853 года, онъ 8-го ноября того же года былъ опредѣлёнъ исправляющимъ должность профессора въ Лицей Князя Безбородко, которую и исполнялъ по 1866 годъ.

А. Срезневскій.

А. К. Циммерманъ.

Акимъ Константиновичъ Циммерманъ, статскій совѣтникъ, магистръ правъ и бывшій профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1840 по 1859 годъ, родился 2-го сентября 1817 года. По окончаніи въ 1841 году курса наукъ въ университетѣ Св. Владиміра съ степенью кандидата, Циммерманъ въ томъ же году назначенъ былъ преподавателемъ въ Лицей Князя Безбородко; затѣмъ, въ 1846 году, получилъ степень магистра правъ и утвержденъ профессоромъ Лицея по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣ-

нія и государственныхъ законовъ. Будучи ещё въ университетѣ, Циммерманъ трудами своими, устремлёнными на изученіе юридическихъ наукъ, обращалъ на себя вниманіе, какъ отличный студентъ, а съ окончаніемъ курса онъ обнаружилъ не только основательныя познанія въ наукѣ права, но и замѣчательную эрудицію — и потому, при назначеніи начальствомъ учебнаго округа преподавателей во вновь преобразованный Лицей Князя Безбородко, выборъ палъ и на Циммермана.

По прибытіи Акима Константиновича въ Нѣжинъ, лекціями его изъ энциклопедіи законовѣдѣнія открылось преподаваніе юридическихъ наукъ въ Лицеѣ, причёмъ въ первый годъ новой эпохи этого учебнаго заведенія число слушателей въ первомъ курсѣ было весьма невелико, а именно — оно ограничивалось двумя студентами, вслѣдствіе чего лекціи Акима Константиновича имѣли форму бесѣдъ; тогда-какъ самъ онъ въ свободное время трудился надъ расширеніемъ познаній своихъ въ области права. На второй годъ аудиторія перваго курса была полна студентами и Циммерманъ уже является на каѳедрѣ со всѣми условіями профессора, способнаго привлечь вниманіе и сердца слушателей.

Для умственнаго развитія молодыхъ людей, получившихъ гимназическое образованіе, не вполнѣ ещё тогда освободившееся отъ буквальности, необходима была работа мысли. Предметъ энциклопедіи законовѣдѣнія представлялъ для этого обильную пищу, а способный преподаватель, ясностію и послѣдовательностію изложенія этого предмета, облегчалъ работу молодыхъ умовъ и возбуждалъ ихъ дѣятельность. На лекціяхъ его вниманіе, не смотря на требовавшуюся напряжонность, какъ-то особенно не утомлялось, такъ-какъ сказанное имъ воспринималось сознательно, а по окончаніи лекціи мышленіе продолжало перерабатывать и усвоивать выслушанное.

Въ преподаваніи энциклопедіи законовѣдѣнія Акимъ Константиновичъ придерживался руководства, составленнаго профессоромъ Неволинымъ, которое служило для него такъ-сказать программою, а самое изложеніе предмета и въ особенности ученій философовъ о правѣ у Акима Константиновича было своеобразное. Я теперь живо помню и вѣроятно товарищамъ моимъ также памятны блистательнымъ образомъ читанныя имъ лекціи: напримѣръ о степеняхъ развитія воли, у Неволина уже слишкомъ сжатое, ученіе Канта, Спинозы, Шеллинга, еврейское законодательство и проч. Читая государственные законы, Акимъ Константиновичъ знакомилъ слушателей съ исторіею развитія пользы государственныхъ учрежденій, и затѣмъ дѣйствующіе законы объ учрежденіяхъ и законы о состояніяхъ излагалъ, держась системы Свода, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ приложить послѣдовательную связь между статьями законовъ такъ, что переданное имъ удерживалось легко въ памяти и сознательно усвоивалось.

Вспоминая о Циммерманѣ, какъ о достойномъ профессорѣ, каждый изъ слушавшихъ его всегда вспомнитъ о нёмъ, какъ о человѣкѣ. Не распространяясь о прекрасныхъ качествахъ души и добротѣ сердца его, можно, не обинуясь, сказать, что Акимъ Константиновичъ, по жизни, былъ истиннымъ философомъ, полнымъ любви къ Богу, человѣку и при-

родѣ. Въ сознаніи тѣсной связи между правомъ и обязанностію, какъ философъ-юристъ, онъ, на основаніи этого глубоко-нравственнаго принципа, всегда располагалъ свои дѣйствія по отношенію къ средѣ, въ которой онъ жилъ. Нравственное возмездіе такому человѣку всегда и вездѣ — глубокое уваженіе и любовь.

Въ 1859 году Циммерманъ оставилъ Нѣжинъ и переселился въ Одессу, куда былъ назначенъ директоромъ 2-й гимназіи, которою управлялъ до 11-го марта 1880 года, когда былъ уволенъ отъ службы за выслугою срока.

Н. Петровъ.

К. В. Шаполинскій.

Казиміръ Варѳоломеевичъ Шаполинскій, бывшій старшимъ профессоромъ математическихъ и естественныхъ наукъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ съ 1820 по 1831 годъ, родился въ 1790 году. Происходя изъ польскихъ дворянъ, онъ получилъ образованіе въ Виленской гимназіи и тамошнемъ университетѣ и закончилъ его въ Педагогическомъ институтѣ, впослѣдствіи закрытомъ и потомъ снова возстановленномъ, послѣ чего опредѣлёнъ былъ, въ 1815 году, въ Могилевскую губернскую гимназію старшимъ учителемъ естественной исторіи, технологіи и коммерціи; отсюда былъ переведёнъ, въ 1817 году, въ Кіевскую гимназію учителемъ химіи и технологіи, а 6-го ноября 1820 года въ Нѣжинскую Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, сперва младшимъ, а потомъ, съ 1821 года, старшимъ профессоромъ математическихъ и естественныхъ наукъ. Въ Нѣжинъ вызванъ онъ былъ, при самомъ открытіи Гимназіи, незабвеннымъ ея директоромъ В. Г. Кукольникомъ, который, въ короткое время своего управленія, успѣлъ показать всею своею дѣятельностію, что онъ желалъ и умѣлъ дать основательное направленіе образованію юношества. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведённыхъ до смерти Кукольника первыми воспитанниками благороднаго пансіона, учреждённаго при гимназіи, не могутъ не представляться ихъ воспоминанію иначе, какъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. В. Г. Кукольникъ пріобщилъ ихъ къ собственному своему семейству, проводя съ ними почти неотлучно всѣ часы дня, далъ имъ въ первые наставники двухъ старшихъ своихъ сыновей, Петра и Платона Васильевичей, а въ товарищи — младшаго, Нестора Васильевича; а между-тѣмъ старался съ разборомъ, безъ пристрастія и опрометчивости, выискивать въ професорà такихъ людей, которые, подобно Шаполинскому, соединяли въ себѣ отчётливое и стоящее въ уровень съ современностью знаніе своего предмета съ любовью къ нему, возбуждающею всегда любовь и въ ученикахъ. Онъ положилъ въ основу всего ученія классическое образованіе, поставивъ латинскій языкъ главнымъ предметомъ преподаванія въ такой степени, что сдѣланные воспитанниками неимовѣрно-быстрые въ нёмъ успѣхи и теперь ещё приводятъ въ изумленіе всѣхъ, въ комъ не изгладилась драгоцѣнная па-

мять объ этой цвѣтущей эпохѣ зараждавшагося высшаго учебнаго заведенія. Частыми бесѣдами своими, исполненными отеческой внимательности, нѣжности, дружеской простоты, педагогической опытности, живой занимательности, обширной учоности, плодотворной образованности, онъ очищалъ чувствованія, развивалъ умъ, смягчалъ сердце и укрѣплялъ волю питомцевъ своихъ, направляя ихъ ко всему прекрасному, истинному, высокому и доброму. Словомъ, В. Г. Кукольникъ сдѣлалъ, въ самомъ началѣ новаго своего педагогическаго поприща, столь много полезнаго для ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, что можно было питать несомнѣнную надежду на блестящую будущность этого новаго разсадника русскаго просвѣщенія.

Но внезапная кончина перваго начальника юной гимназіи пріостановила быстрый и вмѣстѣ правильный ходъ ея развитія по прямому пути къ истинной образованности. Наскоро, безъ разбора, на удачу или по связямъ, набранъ былъ, послѣ В. Г. Кукольника, полкъ учителей и профессоровъ для новооткрытаго заведенія, между которыми только случайно попались и люди достойные.

Къ числу послѣднихъ принадлежали, кромѣ Шаполинскаго, ещё профессоръ французской словесности Ландражинъ, профессоръ нѣмецкой словесности Зингеръ, профессоръ латинской словесности Андрущенко и, опредѣлённые впослѣдствіи, профессоръ римскаго права Бѣлоусовъ и профессоръ естественной исторіи Соловьёвъ. По закону взаимнаго притяженія, профессора раздѣлились, не скажу на двѣ партіи, потому-что ихъ не было и быть не могло, а на два кружка. Къ одному принадлежали люди благородные, умные и свѣдущіе, а къ другому — ихъ большая или меньшая противуположность. Сперва эти кружки уживались кое-какъ между собою; но съ того времени, когда Бѣлоусовъ, на окончательномъ экзаменѣ воспитанниковъ перваго выпуска, не получивъ на свои вопросы по юридическимъ предметамъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ ни отъ студентовъ, ни отъ профессора юридическихъ наукъ Билевича, объявилъ во всеуслышаніе съ запальчивостью и съ свойственною ему заносчивостью, въ присутствіи директора Орлая, что онъ находитъ недостаточными юридическія познанія окончившихъ курсъ юношей, долго таившаяся вражда между двумя кружками вспыхнула, и между ними началась открытая война. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ враждующихъ употребили не совсѣмъ рыцарское оружіе для пораженія своихъ противниковъ: доносы и клевету. Жертвою клеветы палъ и Шаполинскій. Послѣ того, какъ онъ признанъ былъ достойнымъ исправлять, впродолженіе цѣлаго года, должность директора гимназіи, остававшуюся вакантною за перемѣщеніемъ Орлая директоромъ въ Одесскій Ришельевскій Лицей, Шаполинскій въ 1830 году былъ отрѣшонъ отъ должности профессора.

Теперь, по прошествіи столькихъ давностей со времени этого грустнаго происшествія, нѣтъ нужды оставлять въ безгласности невольную ошибку, которую потомъ старались нѣсколько изгладить тѣмъ, что въ 1836 году разрѣшено ему было опять вступить въ службу, и что на этой службѣ ему было даваемо много разныхъ порученій, доказывав-

шихъ, въ какой рѣдкой степени пользовался онъ довѣренностью своего новаго начальства.

Вреднаго вліянія на юношество онъ никогда не имѣлъ, какъ по самому свойству преподаваемыхъ имъ предметовъ — математики, физики, химіи и естественной исторіи, такъ и потому, что внѣ лекцій онъ не имѣлъ обыкновенія вступать съ воспитанниками въ какіе-либо посторонніе разговоры и сношенія, будучи отъ природы молчаливымъ, скромнымъ и застѣнчивымъ. Напротивъ, онъ всегда замѣчалъ прямо, кротко и вмѣстѣ строго каждому воспитаннику, коль скоро тотъ забудется и сдѣлаетъ или скажетъ что-нибудь неприличное въ его присутствіи, даже останавливалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей-профессоровъ, когда ему казалось, что они начинали шутить неприлично съ воспитанниками. Говорили, что онъ былъ франк-масонъ; но если это и было, то въ то время, когда масонство не было у насъ воспрещено и когда потому принадлежало къ масонскимъ ложамъ много такихъ лицъ, которыхъ нельзя было заподозрить въ такъ называемомъ политическомъ вольнодумствѣ. Шаполинскій не могъ возбудить ни въ комъ изъ своихъ товарищей личной ненависти, и если пострадалъ, то не за себя лично, а за тѣхъ профессоровъ, съ которыми онъ, не будучи собственно на дружеской ногѣ, водился, или, лучше сказать, чаще видѣлся: его оклеветали враги его пріятелей. Никто, безъ сомнѣнія, не посмѣетъ теперь отвергать, что ученики его питали къ нему такое благоговѣйное уваженіе, какъ и впослѣдствіи на другомъ мѣстѣ, какъ слышалъ я отъ многихъ, внушалъ почтенный старецъ всѣмъ, сближавшимся съ нимъ по какимъ-либо обстоятельствамъ. Безукоризненная честность, неумытная справедливость, правдолюбивое прямодушіе, скромная молчаливость, тихая серьёзность, строгая умѣренность и воздержаніе въ жизни, отсутствіе всякаго эгоизма, всегдашняя готовность ко всякаго рода самопожертвованіямъ для пользы ближняго — вотъ основныя черты нравственнаго характера этого чистаго человѣка, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучшей участи. Какъ профессоръ, онъ горячо любилъ и очень хорошо зналъ преподаваемые имъ предметы и излагалъ ихъ съ краткою, но ясною сжатостью, безъ всякаго фразёрства, но съ увлеченіемъ, умѣя заохочивать къ ихъ изученію тѣхъ изъ учениковъ, въ которыхъ таилась искра безкорыстной преданности истинѣ, наукѣ.

Не имѣя возможности, при всёмъ стараніи, собрать о послѣдующей жизни Шаполинскаго какія-либо подробныя свѣдѣнія, ограничиваюсь свѣдѣніями оффиціальными.

Когда въ 1836 году разрѣшено было Шаполинскому вступить опять въ службу, но уже не учоную, а просто гражданскую, то онъ причисленъ былъ сперва въ штатъ Вятскаго губернскаго правленія, съ порученіемъ надзора за типографіею; потомъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1839 году, онъ былъ опредѣлёнъ Яранскимъ окружнымъ начальникомъ по министерству Государственныхъ Имуществъ; за тѣмъ въ 1842 году перемѣщёнъ въ Вятскій совѣстный судъ дворянскимъ засѣдателемъ; наконецъ въ 1843 году назначенъ дворянскимъ засѣдателемъ Вятской Палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

Отличія Шаполинскаго поименованы оффиціально слѣдующія, которыя также характеризуютъ отчасти его дѣятельность: 1) Во время случившагося въ Могилёвѣ близь самой Гимназіи пожара 10-го февраля 1817 года, онъ подоспѣлъ заблаговременно на помощь и болѣе прочихъ способствовалъ къ ея предохраненію, *подвергая себя величайшей опасности.* 2) Съ 13-го марта по 1-е мая 1817 года преподавалъ *безъ жалованья* ученикамъ Могилёвской гимназіи священное писаніе. 3) По неимѣнію латинскаго учителя, преподавалъ *безъ жалованья* къ Кіевской гимназіи латинскій языкъ съ 4-го апрѣля по 5-е декабря 1820 года. 4) Съ 1-го ноября 1821 года по 1-е декабря 1824 года исправлялъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко должность кассира съ усерднѣйшею ревностью, *безъ жалованья*, а съ 1-го ноября 1821 по 1-е іюля 1822 года, *безъ жалованья* же, исправлялъ должность библіотекаря. 5) По перемѣщеніи директора Орлая изъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ въ Одесскій Ришельевскій Лицей, исправлялъ должность директора Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, съ 28-го октября 1826 по 6-е октября 1827 года. 6) Съ 1-го ноября 1821 по 26-е октября 1830 года исправлялъ должность члена пансіонскаго правленія *безъ жалованья.* 7) Во время служенія въ Вятскомъ совѣстномъ судѣ, былъ командированъ въ разные уѣзды Вятской губерніи для производства *многихъ* слѣдствій по *важнымъ дѣламъ.* 8) Во время служенія въ Вятской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда былъ также *часто* командируемъ въ разные уѣзды Вятской губерніи для производства слѣдствій по *важнымъ* дѣламъ. 9) Былъ нѣсколько разъ командируемъ въ Вятское губернское правленіе для исправленія должности совѣтника.

П. Рѣдкинъ.

Ю. И. Штейнъ.

Юлій Ивановичъ Штейнъ, исправлявшій должность лектора нѣмецкой литературы въ Лицеѣ Князя Безбородко съ 1867 по 1876 годъ, уроженецъ Курляндской губерніи, родился въ 1824 году. Получивши въ іюнѣ 1850 года свидѣтельство на право преподаванія нѣмецкаго языка въ уѣздныхъ училищахъ и низшихъ классахъ гимназій, опредѣлёнъ былъ исправляющимъ должность комнатнаго надзирателя въ пансіонѣ при Нѣжинской гимназіи; 25-го же февраля 1853 года былъ переведёнъ учителемъ въ Роменское дворянское училище, но 20-го декабря 1856 года снова опредѣлёнъ въ Нѣжинъ учителемъ нѣмецкаго языка въ параллельныхъ классахъ гимназіи, причёмъ опять состоялъ комнатнымъ надзирателемъ въ пансіонѣ, въ 1867 году назначенъ исправляющимъ должность лектора нѣмецкой литературы въ Лицеѣ и оставался въ этомъ званіи до 1876 года, когда переведёнъ былъ въ Прилукскую (Полтавской губерніи) прогимназію, гдѣ состоитъ и по нынѣ.

И. Срезневскій.

З. И. Шморгуновъ.

Захарій Ильичъ Шморгуновъ, священникъ и бывшій законоучитель Лицея Князя Безбородко съ 1862 по 1871 годъ, сынъ дьячка одного изъ сёлъ Черниговской губерніи, родился въ 1834 году, причёмъ образованіе получилъ въ Черниговской семинаріи, а затѣмъ въ Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году со степенью магистра и вслѣдъ затѣмъ Шморгуновъ былъ назначенъ въ Екатеринославскую семинарію профессоромъ по классу гражданской исторіи и соединённыхъ съ нею предметовъ; немного спустя, ему же было поручено преподаваніе нѣмецкаго языка. 12-го же іюля 1861 года опредѣленіемъ Святѣйшимъ Синода Шморгуновъ переведёнъ былъ профессоромъ въ Черниговскую семинарію на классъ богословія. Послѣ выбытія изъ Лицея законоучителя Смирнова, архіепископъ Филаретъ рекомендовалъ сюда Шморгунова. 15-го іюля 1862 года Захарій Ильичъ былъ рукоположенъ, а 24-го того же іюля утверждёнъ въ должности законоучителя. Послѣ восьми-лѣтняго пребыванія въ Нѣжинѣ развившееся разстройство здоровья, происходившее отъ малокровія и нервной болѣзни, заставило Шморгунова, чтобы быть поближе къ хорошимъ врачамъ, перейти въ Кіевъ, гдѣ онъ въ октябрѣ 1870 года получилъ мѣсто законоучителя въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Но и здѣсь не повезло Захарію Ильичу: семейныя потери вмѣстѣ съ служебными неудачами до того обострили его нервное разстройство, что онъ впалъ наконецъ въ ипохондрію, приведшую его къ насильственному концу въ 1876 году.

А. Хойнацкій.

Ѳ. Ѳ. Шульговскій.

Ѳёдоръ Ѳёдоровичъ Шульговскій, надворный совѣтникъ и преподаватель исторіи и статистики въ Лицеѣ съ 1827 по 1840 годъ, принадлежалъ къ дворянскому роду Кіевской губерніи. Объ одномъ предкѣ его, называвшемся Шулгою, сохранилось даже извѣстіе въ исторіи Малороссіи. Родился Ѳёдоръ Ѳёдоровичъ въ Нѣжинѣ 19-го ноября 1807 года и чрезъ три дня былъ уже сиротою, причёмъ мать его скончалась, оставивши трёхъ безпомощныхъ младенцевъ своему убитому горемъ мужу. Самому старшему сиротѣ было около четырёхъ лѣтъ. Пословица русская говоритъ: *бѣдненькій — охъ, а за бѣдненькимъ Богъ.* Для сиротъ Богъ послалъ благодѣтелей, помѣщика *А. С. Марчевскаго* и супругу его, которые, будучи сами бездѣтны, взяли къ себѣ всѣхъ трёхъ сиротъ и не только воспитали ихъ со всею попечительностію родителей, но ещё сдѣлали ихъ послѣ себя и наслѣдниками. Отецъ Ѳёдора Ѳёдоровича, отдавши своихъ сиротъ въ семейство Марчевскихъ, поѣхалъ и опредѣлился въ

С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, изъ которой былъ послѣ того выпущенъ медико-хирургомъ и членомъ Врачебной Управы, сперва въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Харьковъ, гдѣ въ 1811 году и умеръ. Марчевскіе старались дать своему усыновлённому любимцу, Ѳёдору Ѳёдоровичу, самое лучшее воспитаніе и въ основаніе онаго положили христіанскую любовь къ Богу и ближнимъ. Въ 1825 году молодой Шульговскій съ отличіемъ кончилъ курсъ въ Черниговской гимназіи и поступилъ въ Харьковскій университетъ студентомъ, откуда былъ выпущенъ въ 1828 году, съ дипломомъ дѣйствительнаго студента и вскорѣ затѣмъ поступилъ на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи. Не долго состоялъ онъ въ гражданской службѣ: смерть благодѣтельницы — второй матери, вызвала его въ деревню къ усыновившему его благодѣтелю - отцу. Наслѣдовавъ послѣ своей благодѣтельницы особую деревушку, болѣе нежели въ 100 крестьянъ, онъ принялся за хозяйство, а въ 1832 году женился. Но образованный умъ и кипучая дѣятельность не удовлетворялись тишиною и однообразіемъ сельской жизни — и Ѳёдоръ Ѳёдоровичъ опять пошолъ въ службу, но уже не по прежней дорогѣ, а по той, которая была ближе его сердцу. Онъ опредѣлился младшимъ учителемъ географіи и русскаго языка въ Каменецъ-Подольскую гимназію. Помѣщикъ — и пошолъ въ учителя! Да, помѣщикъ и — учитель! Слава Богу, у насъ эти примѣры уже не новость: одинъ изъ воспитанниковъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, В. В. Тарнавскій, *помѣщикъ четырёхъ тысячъ душъ крестьянъ*, былъ старшимъ учителемъ исторіи и статистики въ Житомирской гимназіи. Шульговскій, послѣ Каменца, былъ учителемъ въ Винницкой гимназіи, съ іюля 1835 до декабря 1837 года, откуда былъ переведёнъ въ Лицей Князя Безбородко преподавателемъ исторіи и статистики, и эту должность исправлялъ съ 17-го ноября 1837 по 26-е іюля 1840 года. По преобразованіи Лицея изъ математическаго факультета въ юридическій и при открытіи при Лицеѣ особой гимназіи, Шульговскій остался въ этой гимназіи старшимъ учителемъ исторіи и статистики, изъ каковой должности вышелъ въ отставку, по собственному желанію, 9-го декабря 1844 года. Кромѣ особеннаго вниманія начальства и искренней любви своихъ слушателей и учениковъ, онъ былъ постоянно награждаемъ чинами и вышелъ въ отставку въ чинѣ надворнаго совѣтника. Со дня своей отставки, Шульговскій съ семействомъ своимъ сперва жилъ при своёмъ благодѣтелѣ, Марчевскомъ, а потомъ въ своей деревнѣ; но съ 1852 года поселился на своей родинѣ, въ Нѣжинѣ, для воспитанія сына своего въ томъ же заведеніи, въ которомъ самъ служилъ съ пользою и честью. Кромѣ воспитанія сына, у Ѳёдора Ѳёдоровича есть ещё другое любимое занятіе: воспитаніе цвѣтовъ. Небольшой садъ его, вмѣсто травы, весь засѣянъ — можно сказать — цвѣтами. Окружонный цвѣтами и любовью всѣхъ знающихъ его, Шульговскій, какъ опытный мудрецъ, спокойно смотритъ на суету міра и примѣромъ своей мудрой и христіанской жизни продолжаетъ служить человѣчеству, для назиданія его и исправленія.

И. Кулжинскій.

А. Ф. Янишевскій.

Александръ Феликсовичъ Янишевскій, кандидатъ правъ и исправлявшій должность профессора Лицея Князя Безбородко по каѳедрѣ законовъ казённаго управленія съ 1853 по 1860 годъ, родился 26-го февраля 1833 года. По окончаніи курса наукъ въ университетѣ Св. Владиміра, по юридическому факультету, въ іюнѣ 1853 года, онъ 11-го августа того же года опредѣлёнъ былъ въ Лицей Князя Безбородко исправляющимъ должность профессора, гдѣ читалъ, въ теченіи 6-ти лѣтъ, законы казённаго управленія и завѣдывалъ лицейскою библіотекою. Умеръ въ 1860 году отъ оспы въ Одессѣ.

А. Срѣбницкій.

Н. П. Яснопольскій.

Николай Петровичъ Яснопольскій, исправлявшій должность профессора Лицея Князя Безбородко по каѳедрѣ законовъ казённаго управленія съ 1873 по 1876 годъ, родился въ 1846 году. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Кіевской Владимірской военной гимназіи, тогда ещё называвшейся кадетскимъ корпусомъ, гдѣ былъ приходящимъ ученикомъ, по выходѣ изъ котораго выдержалъ въ 1864 году испытаніе при Кіевской 2 й гимназіи на право поступленія въ университетъ. Поступивъ затѣмъ въ университетъ Св. Владиміра, сначала на историко-филологическій факультетъ и перейдя потомъ на юридическій, онъ окончилъ въ 1871 году курсъ со степенью кандидата законовѣдѣнія, а 1-го января 1872 года оставленъ былъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по финансовому праву. Въ званіи стипендіата онъ оставался по 16-е ноября 1872 года, когда получилъ приглашеніе перейти на службу въ институтъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Новой Александріи, находящейся въ Царствѣ Польскомъ, доцентомъ политической экономіи. Отсюда, приказомъ по министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 23-го іюня 1873 года, Яснопольскій переведёнъ былъ исправляющимъ должность профессора въ Лицей Князя Безбородко, гдѣ, въ послѣдній годъ существованія Лицея, Николай Петровичъ, кромѣ законовъ казённаго управленія, преподавалъ ещё законы государственнаго благоустройства.

Послѣ преобразованія Лицея въ Историко-Филологическій институтъ, Яснопольскій вышелъ въ отставку и, живя то въ своёмъ имѣніи, то за границей, куда его часто увлекаетъ слабое здоровье, продолжаетъ свои работы по приготовленію магистерской диссертаціи.

Изъ учоно-литературныхъ трудовъ Яснопольскаго, кромѣ многихъ мелкихъ статей по экономическимъ и статистическимъ вопросамъ, помѣщён-

ныхъ имъ въ различныхъ газетахъ, слѣдуетъ указать на «Экономическую будущность юга Россіи», напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1872 годъ и на «Измѣненіе направленія хлѣбной торговли юго-западнаго края подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ», напечатанную въ «Запискахъ юго-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1873, т. I.

И. Сревницкій.

БІОГРАФІИ

бывшихъ воспитанниковъ Гимназіи Высшихъ Наукъ и Лицея Князя Безбородко.

А. С. Аѳанасьевъ.

Александръ Степановичъ Аѳанасьевъ, авторъ цѣлаго ряда романовъ и повѣстей и нѣсколькихъ большихъ этнографическихъ сочиненій о Южной Россіи, родился 28-го февраля 1817 года въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшимъ населённымъ имѣніемъ. До тринадцати лѣтъ онъ воспитывался дома, послѣ чего былъ отвезёнъ въ Нѣжинъ и отданъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Здѣсь онъ квартировалъ у профессора Соловьёва, человѣка весьма добраго и гуманнаго, что въ то время было явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ. Въ числѣ квартировавшихъ у Соловьёва воспитанниковъ оказался и Е. П. Гребёнка, впослѣдствіи пріобрѣвшій себѣ громкую извѣстность, какъ повѣствователь, а тогда ходившій въ высшіе классы гимназіи. Вскорѣ по вступленіи Аѳанасьева въ число воспитанниковъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, это заведеніе было преобразовано въ физико-математическій Лицей—и онъ окончилъ курсъ наукъ уже съ званіемъ студента Лицея и правомъ на чинъ 14-го класса. Отдохнувъ около года въ деревнѣ, Аѳанасьевъ, по приглашенію одного изъ бывшихъ своихъ товарищей, описавшихъ ему свой бытъ самыми радужными красками, поступилъ юнкеромъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ, но на первыхъ же порахъ былъ сильно разочарованъ — и въ 1843 году былъ уволенъ въ отставку по прошенію, съ чиномъ поручика. Пробывъ четыре года въ отставкѣ, Аѳанасьевъ, 14-го августа 1847 года, снова поступилъ на службу въ канцелярію Воронежскаго гражданскаго губернатора, и, спустя годъ, былъ назначенъ редакторомъ неоффиціальной части «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», а ещё черезъ годъ, вслѣдствіе лестнаго отзыва губернатора, опредѣлёнъ членомъ-корреспондентомъ спе-

ціальной коммиссіи коннозаводства; но и здѣсь онъ прослужилъ всего два года и вышелъ снова въ отставку. Вотъ и всё служебное поприще Аѳанасьева, независимо отъ литературной дѣятельности, которою онъ уже начиналъ тогда пріобрѣтать себѣ извѣстность подъ псевдонимомъ *Чужбинскаго*. Первыми напечатаными его произведеніями, появившимися въ 1838 году въ журналѣ «Современникъ», издаваемомъ въ то время Плетнёвымъ, и въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», издаваемыхъ Краевскимъ, были: стихотвореніе «Кольцо», разсказъ «Свинцовая пуля» и пятая глава изъ задуманнаго имъ историческаго романа: «Чугуевскій казакъ», съ подписью *Чужбинскій*. Съ этого времени имя Аѳанасьева стало появляться всё чаще и чаще и всё подъ тѣмъ же псевдонимомъ Чужбинскаго, въ журналахъ: «Маякъ», «Сынъ Отечества», «Москвитянинъ», «Библіотека для Чтенія», «Галатея», «Сѣверная Пчела», «Русскій Инвалидъ», «Иллюстрація», «Пантеонъ», «Санктпетербургскія Вѣдомости», «Русскій Вѣстникъ», а также въ альманахахъ: «Одесскомъ», «Ластовкѣ», «Молодикѣ», «Дагеротипѣ» и даже въ спеціальныхъ журналахъ, какъ, напримѣръ, «Морской Сборникъ», «Газета Лѣсоводства и Охоты», «Экономическій Указатель» и другихъ. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ продолжалъ писать до 1851 года, то-есть до появленія въ свѣтъ двухъ первыхъ его изданій: «Галлерея польскихъ писателей» и «Русскій Солдатъ», подписанныхъ въ первый разъ его настоящимъ именемъ. Съ-тѣхъ-поръ Аѳанасьевъ началъ выставлять подъ своими статьями и стихотвореніями попеременно то фамилію, то псевдонимъ, а съ 1853 года сталъ соединять фамилію съ псевдонимомъ то-есть подписывать Аѳанасьевъ-Чужбинскій.

Въ 1856 году Александръ Степановичъ, по желанію его высочества великаго князя Константина Николаевича, вмѣстѣ съ другими нашими писателями: Писемскимъ, Островскимъ, Михайловымъ и Максимовымъ, былъ посланъ, на казённый счотъ, для описанія нравовъ, обычаевъ и занятій приморскихъ и прирѣчныхъ жителей Россіи. Аѳанасьевъ избралъ низовья Днѣпра, какъ предѣлы болѣе ему извѣстные. Плодомъ его дѣятельности во время этой поѣздки былъ рядъ статей, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ», каковы: «Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина» и «Поѣздка на днѣпровскіе пороги и на Запорожье» и другіе. Зная основательно польскій языкъ и желая познакомить русскую публику поближе съ литературою нашихъ одноплеменниковъ, Аѳанасьевъ предпринялъ въ 1851 году переводъ беллетристическихъ сочиненій даровитѣйшихъ изъ польскихъ писателей Крашевскаго и Корженевскаго и издалъ ихъ, подъ общимъ названіемъ «Галлерея Польскихъ Писателей», въ пяти частяхъ, въ Кіевѣ.

Изъ оригинальныхъ большихъ сочиненій Аѳанасьева можно указать на «Русскаго Солдата», состоящаго изъ ряда стихотворныхъ разсказовъ изъ солдатскаго быта, въ трёхъ частяхъ, изданнаго въ Кіевѣ и имѣвшаго два изданія, «Сосѣдка», романъ въ двухъ частяхъ, помѣщённый въ журналѣ «Пантеонъ», «Игроки», романъ, напечатанный въ «Зарѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» и, въ особенности, на рядъ повѣстей, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Словѣ», «Зарѣ» и «Со-

временникѣ», подъ общимъ названіемъ «Безымённыхъ типовъ» и «Очерковъ прошлаго».

Изъ этнографическихъ сочиненій Аѳанасьева заслуживаютъ вниманія: «Старинныя малороссійскія думы», «Поѣздка въ Землю Войска Донскаго», «Замѣтки о Малороссіи», «Пластуны» и «Очерки охоты въ Малороссіи», составляющіе цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей. Стихотвореній, написанныхъ Аѳанасьевымъ, подъ псевдонимомъ Чужбинскаго, очень много. Всѣ они лирическаго содержанія и большею частію принадлежатъ къ первымъ годамъ его литературной дѣятельности, почему и не отличаются большимъ достоинствомъ. Кстати помѣщаемъ здѣсь одно изъ нихъ, лучшее, написанное имъ въ альбомъ Н. В. Гербеля и посвящённое воспоминанію о Лицеѣ.

На берегу пустыннаго Остра,
Въ Лицеѣ мирномъ, незабвенномъ
Промчалась и моя счастливая пора
Какимъ-то сномъ, блестящимъ, вдохновеннымъ.
Въ кругу друзей, товарищей — кипѣлъ
Я жизни полнъ, я имъ о славѣ пѣлъ
И посвящалъ имъ вольные досуги...
И гдѣ-жь они теперь — товарищи и други?

Осталось только мнѣ припоминать порой
Тѣ дни блаженные, которымъ нѣтъ возврата,
Когда весь міръ готовъ любить душой
И въ каждомъ ближнемъ видишь брата.
И вспомнишь всё — и грусть въ тиши
Коснётся холодомъ восторженной души
И станетъ жаль, зачѣмъ исчезла скоро
Та жизнь, въ которой нѣтъ неправды и укора.

Лицейская семья разрознилась. Своей
Дорогой всякъ пошолъ по назначенью,
И никогда товарищей, друзей
Ужь не сведётъ судьба: ихъ чувства, мнѣнья
Уже не тѣ; но если разъ иной
Встрѣчаешь Нѣжинца семьи совсѣмъ другой,
Воспоминаньями душа опять богата,
И юношу привѣтствуешь, какъ брата.

Въ заключеніе должно замѣтить, что Аѳанасьевъ въ особенности хорошо изучилъ Малороссію, которой обязанъ и своимъ рожденіемъ и своимъ воспитаніемъ, яснымъ доказательствомъ чего можетъ служить изданный имъ въ 1855 году «Словарь Малорусскаго Нарѣчія» — многолѣтній, и добросовѣстный трудъ.

Аѳанасьевъ умеръ въ 1877 году въ Петербургѣ, гдѣ и похоронёнъ на Волковомъ кладбищѣ. Въ послѣднее время онъ былъ смотрителемъ музея Петропавловской крѣпости.

В. Толбинъ.

К. М. Базили.

Константинъ Михайловичъ Базили, извѣстный русскій писатель, авторъ цѣлаго ряда сочиненій о Востокѣ, извѣстный дипломатъ нашъ и бывшій полномочнымъ Императорскимъ коммиссаромъ въ Дунайскихъ княжествахъ, во время восточной войны, а нынѣ тайный совѣтникъ въ отставкѣ и кавалеръ орденовъ Святыхъ Анны и Станислава 1-хъ степеней, Св. Владиміра 2-го и 3-го классовъ и турецкаго Нишама 1-й степени съ бриллiантами, родился въ Константинополѣ 3-го февраля 1809 года. Дѣдъ его прославился возстаніемъ, произведённымъ между албанцами противу турецкаго ига въ 1772 году. Возстаніе это было подавлено и онъ, спасая жизнь свою, скрылся въ Венгрію, оставивъ турецкому правительству всё своё достояніе. Чрезъ нѣсколько времени, впрочемъ, безначаліе, продолжавшееся въ Албаніи, гдѣ оттоманская власть не могла укорениться до Али, паши Янинскаго, позволило ему опять возвратиться въ родныя горы. Онъ поселился въ Аргиро-Кастро, въ ту пору, когда знаменитый Али Тебеленскій начиналъ бурное своё поприще. Христіане Аргиро-Кастро, враждебные буйному бею, нанесли обиды его семейству и за-то первымъ подвигомъ усилившагося въ послѣдствіи Али была ужасная месть. Приматы Аргиро-Кастро или погибли, или спаслись бѣгствомъ. Михаилъ Базили, сынъ Василія, былъ въ числѣ послѣднихъ. Вмѣстѣ съ двумя братьями, Александромъ и Пасхаліемъ, они переѣхали въ венеціянскія владѣнія, а оттуда въ Вѣну — на воспитаніе, имущество же ихъ было вторично захвачено турками и досталось янинскому пашѣ, котораго внуки владѣютъ и понынѣ помѣстьями рода Базили въ Македоніи. Александръ Базили, оставшись въ Вѣнѣ, посвятилъ себя ученымъ трудамъ и пріобрѣлъ извѣстность въ возрождавшейся въ началѣ нашего вѣка греческой литературѣ; младшій же, Михаилъ, поселился въ Константинополѣ, вступилъ въ родство съ богатымъ банкирскимъ домомъ и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ народности и религіи возрождавшагося племени. Не щадя ни чего для блага Греціи, онъ далъ образованіе на своё иждивеніе въ Германіи многимъ молодымъ людямъ, которые впослѣдствіи много содѣйствовали общему народному возстанію противу турокъ.

Въ кровавую опалу, постигшую въ началѣ 1821 года всю греческую аристократію въ Константинополѣ, отецъ Базили, состоя старостою патріаршей церкви, присутствовалъ съ сыномъ на заутрени Св. Пасхи, когда турецкіе чиновники вошли въ церковь съ приглашеніемъ патріарху Григорію V явиться въ Порту. Малолѣтній Базили былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ тѣхъ дней. По просьбѣ патріарха, турки дождались конца литургіи и позволили обречённой жертвѣ перейти въ патріаршую пріёмную и проститься съ провожавшими его. Въ полдень изъ оконъ своего дома на Золотомъ Рогѣ семейство Базили видѣло какъ престарѣлый мученикъ въ рясѣ, съ связанными за спиною руками, въ сопровожденіи палачей, былъ высаженъ на пристань Фанаря и повѣшенъ на воротахъ патріаршаго дворца. Послѣ казни старшинъ, отецъ Базили, увѣдомленный за

часъ до прихода палачей въ его домъ, что и онъ былъ обреченъ казни, скрылся въ домѣ русскаго посольства, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ, которому угрожала та же участь. Такимъ образомъ жизнь его была спасена и онъ, при содѣйствіи русскаго посланника, графа Строганова, сѣлъ тайно на первый корабль, отплывавшій изъ Босфора и, поручивъ семейство великодушной заботѣ своего избавителя, съ давняго времени любившаго и уважавшаго его, отплылъ въ Тріэстъ, гдѣ другой его сынъ, впослѣдствіи погибшій въ войнѣ грековъ съ турками, былъ въ ту пору генеральнымъ турецкимъ консуломъ. Вотъ какъ разсказывалъ самъ Константинъ Михайловичъ своимъ товарищамъ въ Гимназіи о бѣгствѣ своего отца. Его встрѣтилъ почтенной наружности турокъ, служившій при вельможѣ, который благоволилъ къ нему. «Другъ мой», сказалъ турокъ, «ты нездоровъ и тебѣ надо перемѣнить воздухъ сегодня же.» Въ тѣхъ обстоятельствахъ и одного этого намёка было достаточно. Отецъ Базили поспѣшилъ домой, взялъ сколько могъ золота, переодѣлся въ другое платье, сжогъ бумаги и, не простясь съ дѣтьми, чтобы не было плача и чтобы ничего не замѣтили сосѣди, одной только женѣ объявилъ о своёмъ намѣреніи; потомъ, помолившись предъ образомъ, сѣлъ въ шлюпку и переѣхалъ чрезъ Золотой Рогъ. Не прошло и получаса, какъ уже явились турецкіе чохадары и стали обыскивать домъ. Мать молодого Базили оставалась одна съ пятью малолѣтними дѣтьми и съ немногими вѣрными слугами, рѣшившимися раздѣлить судьбу цѣлаго семейства. Сохранивъ всю твердость духа, мать Базили успѣла увѣрить турокъ, что мужъ ея вышелъ на нѣкоторое время и вскорѣ возвратится. Затѣмъ кровопролитіе усилилось. Разъярённая чернь ограбила и окровавила всѣ греческія церкви, умерщвляла на улицахъ всѣхъ встрѣчаемыхъ христіанъ и врывалась въ дома. Одиннадцатилѣтній Базили, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, чувствуя себя мущинами и защитниками оставшейся семьи, сочли долгомъ вооружиться на случай вторженія. Втайнѣ отъ матери приготовили они себѣ пики, потому-что всякаго рода оружіе, даже столовые ножи, были отобраны турками. Всё время были они на-сторожѣ— днёмъ готовились они къ отраженію, ночью ждали пожара, ибо носились слухи, что турки намѣрены поджечь весь кварталъ, чтобы рѣзать на улицахъ спасающихся отъ пламени христіанъ. Семейство Базили запиралось по ночамъ въ каменной части дома подъ сводами, рѣшившись лучше задохнуться, чѣмъ попасть въ руки турокъ.

О своёмъ бѣгствѣ изъ Константинополя молодой Базили разсказывалъ во время своего пребыванія въ Гимназіи товарищамъ много примѣчательныхъ подробностей. Нужно было сѣсть на корабль днёмъ посреди турокъ, посланныхъ отыскивать ихъ бѣглую семью, обреченную на ссылку. Корабль, увозившій бѣглецовъ, былъ нагруженъ табакомъ и въ его трюмѣ, среди тюковъ, былъ устроенъ тайникъ, гдѣ семья, при грудномъ ребёнкѣ, должна была укрываться часа два, пока турки обыскивали всѣ части корабля.

Мы вошли въ эти подробности потому, что онѣ объясняютъ впечатлѣнія, оставленныя дѣтствомъ въ чувствахъ и въ умѣ автора «Очерковъ Константинополя». Эти-то неостывшія впечатлѣнія и придали его

книгамъ о востокѣ, писаннымъ на 24-мъ и 25-мъ годахъ его жизни, не только колоритъ поэтическій, но и политическій интерес. Подъ видомъ лёгкаго, увлекательнаго разсказа, въ очеркахъ этихъ затаено гораздо болѣе исторической истины, чѣмъ во многихъ учоныхъ и политическихъ книгахъ, которыми наводнила Европу всемірная литература и въ которыхъ попеременно отражается преобладающее вліяніе или времени, или мѣста, или собственной, частной точки зрѣнія на судьбы Востока, на турокъ или христіанъ.

Въ отцовскомъ домѣ молодой Базили получилъ воспитаніе классическое. Онъ прошолъ древнихъ авторовъ до Гомера и до трагиковъ; зналъ съ дѣтства французскій языкъ, но по-русски — ни полслова. Одесса была тогда преимущественно населена греками. Около года провёлъ онъ въ этомъ городѣ, не учась ещё по-русски, а продолжая заниматься лишь греческою литературой, подъ руководствомъ учонаго профессора Генналія, усерднаго этериста, героя народной борьбы и впослѣдствіи гимнасіарха въ Аѳинахъ.

Семейство Базили было совершенно разорено въ ту пору. Всё имущество, оставшееся въ Турціи, было конфисковано. и въ этотъ третій разъ не одно отцовское, но и материнское. Богатые родственники, давно жившіе въ Одессѣ, одни доставляли изгнанникамъ средства къ существованію. Мать Базили продавала уже послѣдніе свои спасённые брилліанты, когда правительство наше великодушно озаботилось о жертвахъ 1821 года. Семейству Базили была назначена пенсія отъ комитета, учреждённаго по волѣ императора Александра I, вслѣдствіе ходатайствъ и заботъ памятнаго для Россіи вельможи-христіанина А. Н. Голицына.

Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко, состоявшій тогда при миссіи нашей во Франкфуртѣ, движимый также благороднымъ соревнованіемъ къ страждущимъ греческимъ семействамъ, исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе принять на своё иждивеніе въ Гимназію шесть воспитанниковъ изъ почётныхъ семействъ, спасавшихся въ Россіи. Въ числѣ избранныхъ воспитанниковъ былъ и тринадцати-лѣтній Базили. При поступленіи въ Гимназію онъ не зналъ даже и русской азбуки, не говорилъ ни слова по-русски. Онъ могъ только хорошо объясняться по-французски, зналъ греческую литературу и порядочно для своихъ лѣтъ начальныя науки. Положеніе его было самое непріятное. Его опредѣлили по необходимости въ первый классъ, гдѣ никто не только изъ воспитанниковъ, но даже изъ наставниковъ не могъ съ нимъ объясняться, причёмъ его выговоръ, когда онъ пробовалъ заговорить по-русски, постоянно возбуждалъ между его товарищами громкій смѣхъ. Онъ сталъ молчаливымъ и первые шесть мѣсяцевъ не говорилъ ни слова съ своими соклассниками. Утѣшенія въ своёмъ отчужденіи онъ искалъ внѣ классовъ, въ обществѣ старшихъ, которые объяснялись по-французски. Базили учился прилежно; послѣ же классовъ запирался въ классной комнатѣ и тамъ декламировалъ уроки священной исторіи, по которой протоіерей, отецъ Волынскій, принявшій въ молодомъ иностранцѣ особое участіе, училъ его преимущественно русскому языку. Воля преодолѣла трудность и, къ удивленію всѣхъ, чрезъ годъ Базили вдругъ заговорилъ по-русски; изрѣдка, правда, онъ

дѣлалъ промахи, но товарищи уже не смѣялись надъ нимъ, а напротивъ дружески поправляли. Успѣхи въ языкѣ доказали, что онъ зналъ всѣ уроки первыхъ двухъ классовъ, а потому, на экзаменѣ 1823 года, онъ безъ труда выдержавъ экзаменъ 1-го и 2-го классовъ, Базили былъ переведёнъ въ третій. Здѣсь проходили словосочиненіе. Знаніе эллинскаго языка открывало молодому воспитаннику всѣ законы синтаксиса, такъ, что онъ объяснялъ иногда самому учителю грамматики логическія причины оборотовъ рѣчи и управленія глаголовъ такимъ или другимъ падежомъ. Тогда грамматика Греча ещё не была извѣстна. Молодой эллинистъ угадалъ законы взаимнаго сродства русскихъ буквъ и постигъ всѣ правила орѳографіи. Съ этой поры и до выхода своего онъ постоянно былъ первымъ ученикомъ въ классахъ по наукамъ и языкамъ.

По окончаніи учебнаго года, Базили выдержалъ экзаменъ третьяго и четвёртаго классовъ вмѣстѣ и былъ переведёнъ въ пятый, гдѣ сошолся съ Кукольникомъ, Прокоповичемъ и другими сверстниками. Литература процвѣтала въ Гимназіи, причёмъ составлялись воспитанниками періодическія тетради литературныхъ попытокъ въ подражаніе альманахамъ и журналамъ той поры. Базили издавалъ вмѣстѣ съ Гоголемъ «Сѣверную Зарю», въ жолтой обёрткѣ съ виньетками, которыя сами они рисовали, и по воскресеньямъ это читалось въ засѣданіи всего литературнаго общества воспитанниковъ. Въ то же время составилось историческое общество подъ предсѣдательствомъ старшихъ изъ воспитанниковъ Гимназіи, Рѣдкина и Любича-Романовича. Со всею смѣлостію дѣтскаго возраста принялись пять или шесть воспитанниковъ составлять полную всемірную исторію въ огромномъ размѣрѣ. На долю Базили достались египтяне, ассиріяне, персы и греки — и онъ года въ полтора написалъ тысячу или 1500 страницъ сверхъ уроковъ по классамъ и всѣхъ литературныхъ изданій, которыя шли своимъ чередомъ.

Изъ пятаго класса Базили рѣшился выдержать экзаменъ по прежнимъ примѣрамъ на шестой и на седьмой тоже разомъ. Въ особенности это было трудно по математическимъ наукамъ, потому-что надлежало знать всю алгебру и всю геометрію, а запасъ домашнихъ свѣдѣній Базили былъ недостаточенъ. Профессоръ математики Шаполинскій, принимая участіе въ Базили, сталъ для этого давать ему приватные уроки, даже безъ платы. Въ лѣто 1825 года трудный экзаменъ былъ выдержанъ и профессора поздравляли отличнаго воспитанника съ переводомъ въ седьмой классъ.

Но вслѣдъ за экзаменомъ Орлай былъ переведёнъ въ Одессу — и между профессорами Гимназіи возникли раздоры. Учоный секретарь Андрущенко, профессоръ латинской литературы, на перекоръ своимъ товарищамъ, которые проэкзаменовали и перевели Базили въ седьмой классъ, перепутавъ дѣло въ конференціи, не составилъ акта и, по возвращеніи Константина Михайловича изъ Глухова, гдѣ онъ проводилъ вакаціи у своего товарища Гинтовта, объявилъ ему, что онъ не въ седьмомъ, а въ шестомъ классѣ. Напрасно другіе профессора заступались за обиженнаго, Андрущенко настоялъ на своёмъ, доказывая противузаконность перехода черезъ классъ и называя это баловствомъ.

Оскорблённый Базили покорился своей судьбѣ, но заболѣлъ. Отъ уроковъ шестого класса онъ былъ почти свободенъ, потому-что до экзаменовъ прошолъ всё, что преподавалось и потому исключительно посвятилъ себя литературѣ и со страстію началъ писать русскіе стихи, которые, впрочемъ, никогда не были въ печати, хотя между ними и было нѣсколько недурныхъ произведеній въ духѣ байроновской поэзіи. Такъ прошло ещё два года.

Между-тѣмъ Орлай, познакомившись въ Одессѣ съ семействомъ Базили, посовѣтовалъ его матери перевести сына изъ Нѣжина въ Одессу — и Константинъ Михайловичъ былъ взятъ на вакаціи, по окончаніи седьмого класса. Базили отправился въ Одессу въ іюлѣ 1827 года, и хотя начальство Гимназіи Высшихъ Наукъ его требовало обратно, но онъ, подъ предлогомъ болѣзни, не возвратился.

Но будемъ продолжать прерванный этимъ эпизодомъ ходъ событій жизни Константина Михайловича. Въ 1827 году Орлай, желая, чтобы молодой студентъ успѣшнѣе продолжалъ курсъ наукъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ, куда онъ вступилъ въ высшій классъ, предложилъ ему жить въ своёмъ домѣ. Въ Лицеѣ была вакансія греческой словесности и Орлай поручилъ её временно своему воспитаннику. Но вскорѣ Базили лишился своего покровителя. Орлай умеръ — и двадцатилѣтнему Базили было поручено совѣтомъ Лицея произнести надгробную рѣчь въ соборѣ на греческомъ языкѣ. Базили кончилъ курсъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ въ 1830 году. Не имѣя достаточнаго состоянія, чтобы по своимъ наклонностямъ опредѣлиться на службу, онъ, не дождавшись публичнаго экзамена, отправился путешествовать на Востокъ.

Пробывъ нѣсколько времени въ Константинополѣ и навѣстивъ мѣста страшныхъ воспоминаній своего дѣтства, Базили поѣхалъ въ Грецію. Первый томъ изданной имъ впослѣдствіи книги «Архипелагъ и Греція» посвященъ описанію его путешествій по этой странѣ, гдѣ свѣжіе слѣды народной борьбы придавали какую-то новую жизнь классическимъ воспоминаніямъ древности.

Президентъ греческаго правительства, графъ Каподистрія, бывшій въ дружеской связи съ семействомъ Базили, ласково принялъ молодого путешественника и поспѣшилъ представить его, какъ русскаго воспитанника, адмиралу Рикорду, командовавшему въ то время отрядомъ русскаго флота въ греческихъ водахъ. Оцѣнивъ способности Базили, Рикордъ предложилъ ему вступить въ русскую службу и, получивъ его согласіе, назначилъ молодого Базили секретарёмъ по дипломатической части на флотѣ.

Между-тѣмъ дѣла Греціи запутывались. Началась борьба партій противу президента. Нашъ дворъ дѣятельно поддерживалъ греческое правительство. Начались бунты — и Базили участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Паросѣ, гдѣ небольшой русскій отрядъ блокировалъ возмутителей, захватившихъ греческій арсеналъ и флотъ. Затѣмъ онъ плавалъ съ Рикордомъ къ берегамъ Мессиніи и Лакедемоніи, гдѣ также начались возмущенія, причёмъ служилъ для переговоровъ съ племенами, вовлечёнными въ бунтъ, а по возвращеніи въ тогдашнюю столицу Греціи,

Навплію, былъ свидѣтелемъ трагической кончины Каподистріи, описанной имъ во второмъ томѣ вышеупомянутой книги.

Флотъ нашъ оставался въ Греціи до воцаренія короля Оттона. Въ 1833 году, вмѣстѣ съ адмираломъ Рикордомъ, Константинъ Михайловичъ навѣстилъ берега Трои, затѣмъ прибылъ въ Константинополь, нѣсколько недѣль спустя по отплытіи оттуда нашего черноморскаго флота и дессантнаго войска, спасавшаго тогда столицу султановъ отъ нашествія египтянъ а осенью пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ вступилъ въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Тѣмъ временемъ домашнія его обстоятельства поправились, такъ какъ отысканные остатки отцовскаго достоянія, возвращённые ему, обезпечивали средства скромнаго его существованія въ столицѣ. Но что для него было ещё полезнѣй—онъ нашолъ въ Петербургѣ школьныхъ товарищей, которыми былъ радушно принятъ и которые помогли ему сдѣлать много новыхъ знакомствъ и ввели въ кругъ молодыхъ литераторовъ. Видя рождавшуюся тогда литературную извѣстность своихъ старыхъ товарищей Гоголя и Кукольника, Базили рѣшился въ свою очередь написать книгу — и въ исходѣ 1834 года издалъ «Архипелагъ и Грецію». По предмету, по слогу и по содержанію, эти два тома произвели большое впечатлѣніе. Оригинальная книга политическаго содержанія, съ описаніемъ современныхъ событій, въ которыхъ участвовалъ нашъ флотъ, книга, въ которой изображалась судьба народа, намъ родственнаго по религіи, по преданіямъ и по сочувствію, не могла не возбудить въ петербургской публикѣ сильнаго любопытства. Иностранное имя автора, писавшаго хорошимъ и лёгкимъ русскимъ слогомъ, возбудило общее любопытство, а «Библіотека для Чтенія», только-что начавшая въ ту пору своё существованіе, превознесла книгу Базили до небесъ, съ обычною своею напыщенностію, чтобъ заманить въ свой кругъ молодого литератора. Ободрённый успѣхомъ, Базили издалъ въ слѣдующемъ году новую книгу, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Очерки Константинополя», а въ 1836 году третье своё сочиненіе, въ двухъ же томахъ, подъ заглавіемъ: «Босфоръ и Новые Очерки Константинополя».

Врядъ ли до того времени и послѣ того являлись въ нашей словесности книги равнаго достоинства о Востокѣ. Базили объясняетъ самъ въ предисловіи къ «Очеркамъ», что онъ не оріенталистъ — и дѣйствительно, въ то время, когда онъ издавалъ свои книги, онъ даже не говорилъ по-турецки. Но извѣстно было, что онъ изучалъ Востокъ не однимъ взглядомъ наблюдателя, не по книгамъ путешественниковъ, а по книгамъ учонымъ, всего болѣе по классическому творенію Мураджи д'Охсона о мусульманскомъ правовѣдѣніи. При такомъ предуготовительномъ трудѣ, при основательномъ изученіи восточной исторіи, самыя воспоминанія дѣтства и бѣглый взглядъ путешественника получаютъ иное значеніе, — и вотъ почему книги Константина Михайловича, подъ обликомъ лёгкаго разсказа, заключаютъ въ себѣ наблюденія основательныя, предчувствія, осуществлённыя послѣдовавшими событіями и доказывающія вѣрность взгляда и основательное знаніе Востока.

«Библіотека для Чтенія» не успѣла однако жь завербовать молодого литератора въ свой кругъ, хотя, по просьбѣ редакціи, одинъ отрывокъ

изъ «Очерковъ Константинополя» и былъ напечатанъ въ этомъ журналѣ. Помѣщая его, редакція, по своей прихоти, сдѣлала перемѣны въ текстѣ безъ вѣдома автора и, главное, не въ слогѣ, а въ смыслѣ. Оскорблённый писатель отказался съ той поры отъ всякаго сношенія съ «Библіотекою», которая отмстила ему за это колкостями въ разборѣ изданной имъ въ слѣдующемъ году книги: «Босфоръ и Новые Очерки».

Въ тѣхъ же годахъ были предприняты изданія «Энциклопедическаго Лексикона» и «Военной Энциклопедіи». Базили принялъ дѣятельное участіе въ редакціи обоихъ изданій по части исторической и литературной. Изъ многихъ весьма дѣльныхъ статей его, напечатанныхъ въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, особенно замѣчательна: «Исторія Венеціанской Республики». Въ то же время, при содѣйствіи Башуцкаго и Строева, было переведено имъ съ французскаго «Путешествіе вокругъ Свѣта» Дюмонъ-Дюрвиля.

Между-тѣмъ дѣла Востока снова начинали запутываться. Новая война готовилась между султаномъ и пашою египетскимъ. Предметомъ раздора была Сирія, гдѣ кипѣли бунты. Надобно было послать туда агента. Выборъ министерства палъ на Базили — и онъ былъ назначенъ консуломъ въ Сиріи и Палестинѣ.

Въ проѣздъ его черезъ Константинополь, въ маѣ 1839 года, заболѣлъ султанъ Махмудъ, а флотъ выступалъ въ походъ. Въ самый день прибытія Константина Михайловича къ берегамъ Египта, совершилась измѣнническая сдача всего султанскаго флота бунтовавшему вассалу, а вслѣдъ за тѣмъ вся армія султанская была уничтожена при Незибѣ Ирбагимъ-Пашею.

До открытія восточной войны, Константинъ Михайловичъ оставался всё время въ Сиріи, отлучаясь лишь по временамъ въ Константинополь и Петербургъ, причёмъ въ 1844 года былъ переименованъ въ генеральные консулы и въ томъ же году женился на внучкѣ бывшаго владѣтельнаго князя Молдавіи Ханжери; но въ 1848 году имѣлъ несчастье ея лишиться. По возвращеніи въ Россію, по четырёхлѣтнемъ вдовствѣ, онъ вступилъ во второй бракъ въ Одессѣ.

Въ октябрѣ 1853 года открылась война — и турецкое правительство стало употреблять всѣ усилія къ возбужденію фанатизма въ мусульманскомъ народѣ. Нашъ генеральный консулъ, въ ожиданіи парохода для своего отправленія, спустилъ русскій флагъ и гербъ и удалилъ стоявшую при нёмъ почётную стражу кавасовъ, оставаясь частнымъ лицомъ въ городѣ, въ которомъ четырнадцать лѣтъ былъ представителемъ Россіи.

Вопросъ о политическомъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ оставался нерѣшоннымъ. Для рѣшенія его составлена была, на основаніи трактата, Европейская Коммиссія, въ которую нашъ дворъ назначилъ своимъ полномочнымъ представителемъ Константина Михайловича, произведённаго, по заключеніи мира, въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Изъ Петербурга полномочный нашъ коммиссаръ отправился осенью въ Константинополь, гдѣ должна былъ соединиться Европейская Коммиссія, чтобы присутствовать при составленіи, въ силу трактата, фирмана о созваніи дивановъ въ Молдавіи и Валахіи. Предстояли новыя затруд-

ненія. Дважды въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ рушилось турецкое министерство подъ вліяніемъ многотруднаго вопроса о княжествахъ. Молдаво-Валахія была занята австрійскимъ и турецкимъ войскомъ. Лишь къ веснѣ 1857 года край былъ очищенъ и Европейская Коммиссія прибыла въ Бухарестъ.

И. Халчинскій.

II.

Въ началѣ 1858 года назначенная Парижскимъ Конгресомъ Коммисія полномочныхъ представителей державъ для изслѣдованія нуждъ и желаній Дунайскихъ Княжествъ, окончила свои занятія и представила свой докладъ въ апрѣлѣ того же года. Нашему коммиссару повѣлено было состоять при представителѣ Россіи въ конференціяхъ графѣ Киселёвѣ. Какъ въ Бухарестѣ между уполномоченными, такъ и въ Парижѣ между представителями великихъ державъ главнымъ спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ о томъ — соединить ли Валахію и Молдавію во единое вассальное княжество, или же оставить ихъ раздѣлёнными, какъ были искони. Ещё въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда княжествами управлялъ полномочный русскій Коммиссаръ Графъ Киселёвъ, была впервые заявлена этимъ либеральнымъ и дальновиднымъ государственнымъ человѣкомъ идея объединенія двухъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ княжествъ, вызванныхъ въ ту пору къ новому политическому бытію оружіемъ Россіи. Оттоманское правительство искони поддерживало въ нихъ внутренніе раздоры въ обезпеченіе своего вліянія и поборовъ въ казну султана и пашей. Послѣ Восточной войны блистательная Порта была баловнемъ Европы. Ея противудѣйствіе всякой попыткѣ къ упроченію самостоятельности двухъ вассальныхъ княжествъ и къ объединенію ихъ было упорно и поддерживалось весьма усердно Англіею и Австріею. Съ другой стороны, при самомъ открытіи дѣятельности Европейской Коммисіи въ Бухарестѣ, общественное мнѣніе выразилось за объединеніе княжествъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно требовало, вмѣсто господарей пожизненныхъ изъ туземныхъ бояръ, наслѣдственнаго принца изъ владѣтельныхъ домовъ Европы, что было точкою преткновенія. Наполеонъ III, звѣзда котораго была въ ту пору на своёмъ зенитѣ, благопріятствовалъ объединенію, но мысль объ иностранномъ принцѣ, казалась и ему уже чрезъ мѣру смѣлою и несоотвѣтствующею условіямъ трактата 1856 года Что же касается Пруссія и Сардинія, то они были въ полномъ послушаніи у повелителя Франціи, такъ-какъ оба эти государства готовились съ своей стороны поживиться на счётъ Австріи, а на горизонтѣ усматривались уже предзнаменованія войны между Франціею и Австріею.

При такой обстановкѣ взаимныхъ отношеній державъ, одна Россія сохраняла за собою полную свободу дѣйствій. Представителямъ нашимъ на конференціяхъ въ Бухарестѣ и въ Парижѣ было предписано совершенное

безпристрастіе и устраненіе всякой предвзятой мысли при рѣшеніи будущихъ судебъ княжествъ, освобождённыхъ Россіею за четверть вѣка предъ симъ и обезпеченныхъ Парижскимъ Трактатомъ отъ посягательствъ Турціи. Представители Россіи не могли противудѣйствовать увлеченію края идеею объединенія, выраженною въ смыслѣ желанной цѣли самого органическаго устава во время управленія графа Киселёва. Было очевидно, что въ виду противудѣйствія Турціи, Австріи и Англіи рѣшеніе вопроса клонилось къ компромиссу и къ полумѣрѣ, а потому долговѣчнымъ не могло быть. Наполеонъ III въ объясненіяхъ своихъ съ графомъ Киселёвымъ и съ полномочнымъ коммиссаромъ Базили безуспѣшно домогался рѣшительнаго заявленія въ смыслѣ объединенія княжествъ. Ему отвѣчали, что Россія желаетъ обезпеченія за княжествами прогрессивнаго развитія самоуправленія, дарованнаго имъ Адріанопольскимъ и утвержденнаго Парижскимъ трактатами; но нисколько не настаиваетъ въ принятіи и въ гарантіи какой бы то ни было полумѣры, далеко не удовлетворяющей естественныхъ стремленій края къ самобытному политическому существованію.

Конвенція 1858 года сохранила раздѣленіе Молдавіи и Валахіи, придавши имъ однако наименованіе Соединённыхъ Княжествъ, при двухъ господаряхъ, и въ то же время ввела единство законодательства, общій кассаціонный судъ, общее устройство арміи. Воззрѣнія нашего Двора относительно такого компромисса не замедлили оправдаться. Конвенція была подписана въ сентябрѣ, а въ октябрѣ было приступлено къ выбору двухъ господарей изъ мѣстныхъ бояръ. Партія объединенія въ Валахіи и въ Молдавіи успѣла сговориться, устранить главныхъ соискателей и въ одинъ и тотъ же день въ обѣихъ столицахъ избирательныя урны дали двумъ княжествамъ одного господаря въ лицѣ Кузы изъ разряда второстепенныхъ бояръ. Порта, подъ давленіемъ большинства державъ, была вынуждена признать совершившійся фактъ, съ подобающими оговорками о верховномъ правѣ своёмъ не допускать такой продѣлки при будущихъ выборахъ.

Немного лѣтъ спустя Куза былъ устранёнъ и, пока Порта хлопотала объ осуществленіи оговоренного ею права, народные представители провозгласили княземъ своимъ принца Карла Гогенцолернскаго.

Мы увлеклись этимъ любопытнымъ эпизодомъ, объясняющимъ щекотливое положеніе нашего полномочнаго коммиссара посреди двухъ лагерей. Тѣмъ не менѣе онъ съумѣлъ сохранить дружескія свои отношенія къ своимъ товарищамъ по Комиссіи, Саффетъ-пашѣ, сэръ Генри Бульверу и барону Таллейрану, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, не помѣшало ему какъ въ княжествахъ, такъ и въ Сиріи и въ Палестинѣ оставить самыя сочувственныя воспоминанія политической своей дѣятельности въ пользу единовѣрныхъ намъ народовъ.

По возвращеніи своёмъ изъ Парижа въ 1858 году Базили исходатайствовалъ продолжительный отпускъ, чтобы отдохнуть послѣ усиленныхъ трудовъ, понесённыхъ имъ въ послѣднее время. Поселившись въ Одессѣ, онъ посвятилъ себя воспитанію своихъ дѣтей, рождённыхъ за границею, съ тѣмъ чтобы сдѣлать ихъ русскими. «Судьбы востока и личная моя судьба», говорилъ онъ, «дали мнѣ новое отечество — Россію.

А чѣмъ можетъ всего вѣрнѣе упрочиться мой родъ въ Россіи, какъ не русскимъ воспитаніемъ.» Въ силу-то этихъ убѣжденій онъ отклонилъ неоднократно предлагаемыя ему впослѣдствіи дипломатическія должности за границею и избралъ мѣстомъ своего постояннаго жительства Одессу. Поселившись въ ней, онъ издалъ въ 1861 году новую книгу свою «Сирія и Палестина подъ Турецкимъ правительствомъ, въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ», заслужившую всеобщія похвалы. Книга эта написана была имъ въ сороковыхъ годахъ, у подножія Ливанскихъ горъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ междоусобій, среди которыхъ Базили, какъ представитель русскаго правительства, съ юношескою энергіею и съ успѣхомъ защищалъ христіанъ отъ турецкой крамолы и народныя массы отъ феодальныхъ поползновеній шейховъ и эмировъ.

Послѣ изданія книги «Сирія и Палестина» Константинъ Михайловичъ, уже будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, принялъ весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Въ ту пору общество наше, пробуждённое къ новой жизни прекращеніемъ крѣпостнаго труда, требовало кредита для преобразованія сельской промышленности. Базили былъ въ то время вице-президентомъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. Бессарабскіе помѣщики ходатайствовали объ учрежденіи земельнаго банка. Губернаторъ спросилъ мнѣнія объ этомъ предметѣ нѣкоторыхъ изъ болѣе видныхъ представителей мѣстнаго землевладѣнія, въ томъ числѣ и у Базили. Въ запискѣ, представленной губернатору, Базили, успѣвшій хорошо ознакомиться съ краемъ, изложилъ тѣ мѣстныя особенности земельной собственности, на которыя слѣдовало обратить вниманіе для упроченія ея залога въ кредитномъ учрежденіи. Эта дѣловая записка, составленная лицомъ, основательно изучившимъ финансовую науку на западѣ, обратила на себя вниманіе министерства, и когда Херсонская губернія въ свою очередь ходатайствовала о земскомъ кредитѣ, была препровождена къ Новороссійскому генералъ-губернатору для сообщенія Херсонскому дворянству. Базили былъ приглашонъ въ качествѣ эксперта на совѣщанія дворянъ-землевладѣльцевъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ составленіи устава земскаго банка Херсонской губерніи. Извѣстно, что уставъ этого старѣйшаго въ Россіи учрежденія земельнаго кредита послужилъ образцомъ для учреждённыхъ послѣдовательно банковъ въ другихъ губерніяхъ. Херсонскій земскій банкъ обнимаетъ теперь весь Новороссійскій край и Бессарабію, а залоги его составляютъ болѣе трёхъ милліоновъ десятинъ. Въ первое время Базили отказался отъ участія въ Банкѣ залогомъ своего херсонскаго имѣнія и откровенно выразилъ свои опасенія относительно практическаго веденія дѣла, хотя обставленнаго самыми надежными въ теоріи поруками. Когда нѣсколько лѣтъ спустя опасенія эти разсѣялись, онъ рѣшился воспользоваться земельнымъ кредитомъ и при первыхъ выборахъ общество, помня оказанное имъ содѣйствіе въ основаніи этого солиднаго финансоваго учрежденія, избрало его предсѣдателемъ наблюдательнаго комитета. Въ настоящее время онъ уже восьмой годъ исполняетъ эту высшую руководящую должность по управленію земскаго банка — и ежегодно общія собранія выражаютъ ему свою признательность.

При введеніи земскихъ учрежденій въ Херсонской губерніи Базили, въ качествѣ гласнаго по Одесскому уѣзду, былъ всё время однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей, какъ равно и во всѣхъ засѣданіяхъ Одесской городской думы, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ коммиссіяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ земскаго дѣла. На съѣздѣ мировыхъ судей, бывшемъ въ Одессѣ, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ на первое трёхлѣтіе, а при открытіи Одесскаго общества попеченія больныхъ и раненыхъ воиновъ—товарищемъ предсѣдателя. Въ этомъ новомъ дѣлѣ онъ оказалъ обществу большую услугу учрежденіемъ Общества Сестёръ Краснаго Креста и образованіемъ фельдшерицъ, услуги которыхъ вполнѣ были оцѣнены въ послѣднюю Турецкую войну.

Но и среди всѣхъ этихъ многосложныхъ занятій, посвящённыхъ общественной дѣятельности, Константинъ Михайловичъ продолжаетъ оставаться вѣрнымъ первоначальному своему литературному призванію, родившемуся и взлелѣянному на благодатной почвѣ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ. Такъ, въ эпоху пребыванія своего въ Вѣнѣ и въ Парижѣ, онъ участвовалъ въ изданіи политическаго журнала «Le Nord». Тогда же издалъ онъ нѣсколько анонимныхъ политическихъ брошюръ, а во время санъ-стефанскихъ переговоровъ — рядъ отдѣльныхъ статей подъ заглавіемъ «Questions du jour». Въ настоящее же время Константинъ Михайловичъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ разныхъ своихъ рукописей и мемуаровъ.

Въ 1865 году Константинъ Михайловичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и награжденъ за тѣмъ орденами св. Анны 1-й степени и св. Владиміра 2-го класса за свою дѣятельность по земству и по обществу Краснаго Креста.

Н. Гербель.

Н. И. Билевичъ.

Николай Ивановичъ Билевичъ, литераторъ-беллетристъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, авторъ «Святочныхъ Разсказовъ» и «Картинной галлереи свѣтской жизни», пользовавшихся въ своё время извѣстностью, а нынѣ коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ и членъ-корреспондентъ Курскаго Статистическаго Комитета, родился 21-го ноября 1812 года въ городѣ Курскѣ, гдѣ отецъ его, природный дворянинъ, былъ учителемъ гимназіи. Женившись на дочери тамошняго помѣщика Аладьина, отецъ Билевича получилъ за женою небольшой хуторъ, находящійся невдалекѣ отъ города; въ этомъ-то хуторѣ, отличавшемся красивымъ мѣстоположеніемъ, и развились первыя впечатлѣнія Николая Ивановича. По восьмому году онъ былъ уже отданъ въ мѣстное уѣздное училище, изъ котораго поступилъ потомъ въ Курскую гимназію, состоявшую тогда изъ четырёхъ классовъ. Переходя съ отличіемъ изъ класса въ классъ и окончивъ въ ней курсъ, Билевичъ на пятнадцатомъ году отвезёнъ былъ въ Нѣжинъ и опредѣлёнъ въ Гимназію

Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, гдѣ дядя его занималъ профессорскую каѳедру Русскаго Права. Отличаясь вообще прилежаніемъ, Билевичъ въ особенности оказывалъ успѣхи въ словесности, языкахъ и Римскомъ Правѣ, которое онъ преимущественно любилъ, по сочувствію къ профессору Бѣлоусову, преподававшему его исторію съ особеннымъ увлеченіемъ. Изъ всѣхъ товарищей онъ былъ ближе всѣхъ съ покойными Гребёнкою и Прокоповичемъ, любя не меньше ихъ поэзію, и въ особенности питалъ почтительную дружбу къ Н. В. Кукольнику, въ которомъ, кромѣ поэтическаго таланта, онъ цѣнилъ ещё глубокія познанія и обширную начитанность. Гоголь былъ также товарищемъ Билевича и выше его двумя классами по наукамъ, но по языкамъ были они въ одномъ отдѣленіи и Николаю Ивановичу не разъ случалось помогать знаменитому автору «Мёртвыхъ Душъ» въ мудрёной для него латыни. Окончивши въ 1830 году курсъ наукъ со степенью кандидата и отличнымъ аттестатомъ, Билевичъ поѣхалъ въ Москву, въ которую манила его пламенная любовь къ наукѣ. Чуждый цѣлому городу, безъ знакомыхъ, безъ покровителей, одинъ съ своею рѣшимостію, Билевичъ ревностно началъ посѣщать лекціи Московскаго университета и слушать профессоровъ словеснаго и юридическаго факультетовъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, къ какому факультету приписаться, онъ рѣшился избрать юридическій, съ цѣлію получить впослѣдствіи степень магистра. Но надежды его не исполнились: въ первый разъ въ жизни встрѣтился онъ въ то время лицомъ къ лицу съ нуждою и, вмѣсто того, чтобы слушать университетскія лекціи, вынужденъ былъ взять мѣсто учителя исторіи и географіи въ Московской Практической Академіи. Въ то время Москва была средоточіемъ ученой и литературной дѣятельности. Въ ней издавались: «Московскій Телеграфъ» Полевого, «Телескопъ» Надеждина, «Галатея» Раича и другіе журналы, и приготовлялось изданіе «Московскаго Наблюдателя» Андроссова и «Европейца» Кирѣевскаго. Билевичу вскорѣ посчастливилось познакомиться съ нѣкоторыми изъ издателей этихъ журналовъ, причёмъ всѣхъ ближе сошолся съ Полевымъ, племянникамъ котораго давалъ уроки и съ Надеждинымъ, чей «Телескопъ» снабжалъ переводами статей изъ разныхъ иностранныхъ изданій, послѣ чего былъ введёнъ въ домъ Кирѣевскаго, вечера котораго были для него истиннымъ наслажденіемъ, такъ-какъ тамъ собиралось всё, что только было ученаго, образованнаго и талантливаго въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи, гдѣ Гоголь прочёлъ впервые только-что оконченныя имъ пять главъ первой части «Мёртвыхъ Душъ» и гдѣ обычными гостями были Чадаевъ и Тургеневъ, люди истинно европейскаго образованія. На этихъ вечерахъ Билевичъ встрѣчалъ корифеевъ нашей словесности: А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, Н. М. Языкова и многихъ изъ московскихъ литераторовъ, собиравшихся участвовать въ «Европейцѣ», прекратившемся, къ сожалѣнію, на второмъ нумерѣ. Сближеніе съ Гребёнкою, Кукольникомъ, Прокоповичемъ, литературныя ученическія собранія въ квартирѣ гувернёра Мышковскаго, на которыхъ читались разныя произведенія, приготовляемыя для гимназическихъ журналовъ и альманаховъ, ещё въ Нѣжинской гимназіи благо-

творно подѣйствовали на Билевича и пріохотили его къ литературнымъ занятіямъ, подстрекая къ попыткамъ пробовать свои собственныя силы. Билевичъ писалъ стихи, но, какъ видно, или не дорожилъ ими, или самъ признавалъ ихъ слабыми, потому-что эти стихотворные опыты, по прочтеніи ихъ или Кукольнику или Гребёнкѣ или Прокоповичу, тотчасъ же уничтожались имъ самимъ. Въ Москвѣ, послѣ знакомства съ настоящими литераторами, Билевичъ совершенно оставилъ поэзію и даже сжогъ переводы двухъ Шиллеровыхъ трагедій, послѣ чего перешолъ къ степенной прозѣ, написалъ нѣсколько сатирическихъ статей и издалъ ихъ въ 1832 году особенной книжкою подъ заглавіемъ: «Картинная Галлерея свѣтской жизни». Книга эта не имѣла того успѣха, котораго ожидалъ авторъ, и слѣдовательно не могла поощрить его на дальнѣйшіе подобные труды, а между-тѣмъ грустная дѣйствительность не переставала толкаться въ труженическія двери и напоминать о томъ, что необходимо трудиться и пріобрѣтать деньги. Учительскій окладъ жалованья едва доставлялъ Билевичу только самое необходимое; надо было пріискать другой родъ службы, болѣе обезпечивающій будущность—и молодой учитель сдѣлался бухгалтеромъ и управляющимъ-письмоводцемъ въ конторѣ одного изъ богоугодныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ Московскаго попечительнаго совѣта. Но служба эта могла-ли удовлетворить потребностямъ столичной, хотя и довольно скромной жизни? Потребность въ матеріальномъ обезпеченіи увеличилась ещё болѣе и сдѣлалась ещё ощутительнѣе съ 1836 года, когда Билевичъ женился и жизнь потребовала средствъ не для одного уже, а для двухъ. Билевичъ рѣшился искать службы болѣе самостоятельной и средствъ къ существованію болѣе вѣрныхъ. Начальство Московскаго воспитательнаго дома, знавшее Билевича по университету, предложило ему мѣсто преподавателя исторіи и статистики въ старшемъ классѣ института оберъ-офицерскихъ дѣтей, готовившихся къ поступленію изъ этого класса въ Московскій университетъ, а чрезъ полгода затѣмъ и мѣсто учителя въ женскомъ Александровскомъ училищѣ. Такимъ образомъ средства Билевича улучшались всё болѣе и болѣе по мѣрѣ возрастанія его занятій по званію учителя русской словесности въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ каждымъ годомъ извѣстность его, какъ опытнаго, хорошаго преподавателя, увеличивалась, въ слѣдствіи чего, имѣя уже уроки въ пяти или шести частныхъ пансіонахъ, онъ былъ приглашонъ и во многіе извѣстные въ Москвѣ дома для преподаванія русской словесности. Но если Билевичъ былъ доволенъ матеріально, такъ-какъ его труды обезпечили семейство и ввели въ домъ довольство и спокойствіе, то онъ всё-таки не могъ не скорбѣть морально, такъ-какъ усиленныя педагогическія занятія отвлекали его отъ любимыхъ занятій литературою, съ которою онъ какъ бы сроднился ещё съ самой школьной скамьи. Литература составляла для него потребность нравственную, необходимую—и онъ, не имѣя возможности писать самъ, не упускалъ ни малѣйшаго случая слѣдить по-крайней-мѣрѣ за другими. Этому не мало способствовали небольшіе литературные вечера, которые онъ не переставалъ посѣщать съ особеннымъ удовольствіемъ. На вечерахъ М. Н. Загоскина, А. Ѳ. Вельтмана, Ѳ. Н. Глинки и нѣкоторыхъ другихъ онъ

въ литературныхъ бесѣдахъ могъ слѣдовать за новыми явленіями въ литературѣ и за ея направленіемъ, а въ ученыхъ бесѣдахъ съ товарищемъ своимъ по Лицею, профессоромъ Московскаго университета Рѣдкинымъ и профессоромъ этого же университета Крюковымъ, изучать современное направленіе науки. И то и другое было особенно полезно Билевичу въ дѣлѣ преподаванія строгаго и добросовѣстнаго.

Было уже сказано, что Билевичъ, обремененный многочисленными уроками, не имѣлъ довольно времени писать, какъ бы ему желалось, но всётаки въ 1839 году онъ вспомнилъ о написанныхъ имъ въ 1834 году «Простонародныхъ Разсказахъ» изданныхъ два года спустя послѣ того однимъ книгопродавцемъ весьма небрежно, но, не смотря на всё это, обратившихъ на себя вниманіе Надеждина въ «Телескопѣ» и Сенковскаго въ «Библіотекѣ для Чтенія». Лестные отзывы этихъ двухъ журналовъ, первенствовавшихъ въ то время и имѣвшихъ въ публикѣ заслуженный авторитетъ, побудили Билевича перепечатать эту книгу вновь. На этотъ разъ «Святочные Вечера» разошлись гораздо удачнѣе, что, при другихъ обстоятельствахъ, могло бы его пріохотить къ продолженію подобныхъ изданій; но служба въ Воспитательномъ Домѣ требовала отъ него занятій серьёзныхъ, а начальство Воспитательнаго Дома сверхъ того поручило ему составить учебное руководство къ преподаванію Всеобщей Исторіи. Билевичъ принялся за этотъ немаловажный трудъ, требовавшій знанія, соображенія и опытности, съ обычною добросовѣстностію и дѣятельностію. Въ непродолжительномъ времени, отнявшемъ у него и послѣдніе часы неслужебнаго досуга, подъ руководствомъ покойнаго профессора Крюкова и пользуясь совѣтами и замѣчаніями П. Г. Рѣдкина, «Древняя Исторія» была уже имъ окончательно обработана, когда смерть инспектора классовъ Вейденгаммера и почти въ то же время смерть статсъ-секретаря по учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ подъ покровительствомъ Императрицы, Вилламова, остановили этотъ полезный трудъ. Онъ остался въ портфелѣ Билевича безъ всякаго приложенія. Знанія и время были истрачены; вознагражденія никакого не послѣдовало. Въ 1840 году, съ перемѣною учебнаго начальства Воспитательнаго Дома, Билевичъ оставилъ въ нёмъ службу поступилъ учителемъ русской словесности во вновь открывавшуюся въ Москвѣ третью гимназію, изъ которой, по распоряженію попечителя Московскаго учебнаго округа графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, перемѣщёнъ старшимъ учителемъ въ Дворянскій институтъ, находившійся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Московскаго университета. Но этимъ не ограничились педагогическія обязанности Билевича. Оставивши службу въ Александровскомъ Сиротскомъ училищѣ, онъ замѣнилъ её службой въ Сиротскомъ Домѣ и въ Московскомъ Дворцовомъ Архитектурномъ училищѣ, гдѣ, кромѣ преподаванія русской словесности и археологіи, возложена была на него и обязанность ученаго секретаря конференціи. Занимая эту должность съ самой первой поры своего вступленія въ Архитектурное училище до послѣдняго срока служенія въ нёмъ, съ 1844 по 1848 годъ, Билевичъ ежегодно, безъ всякой посторонней помощи, составлялъ и самъ переписывалъ всѣ отчёты, касающіеся этого

учебнаго заведенія. Занятій у Билевича было много, свободныхъ часовъ мало, а между-тѣмъ всё-таки онъ, кажется, наскучивъ своею литературною бездѣятельностію въ продолженіи стольких годовъ, принялся снова за педагогическія и историческія сочиненія. «Библіотека для воспитанія», начатая въ Москвѣ, его товарищемъ по Нѣжинской гимназіи, П. Г. Рѣдкинымъ, подвинула его на сотрудничество въ этомъ полезномъ и первомъ ещё въ подобномъ родѣ замѣчательномъ изданіи — и онъ напечаталъ въ нёмъ, въ 1846 году, очень дѣльную и пространную статью: «О преподаваніи русскаго языка». Въ этомъ же году помѣстилъ онъ въ «Москвитянинѣ» одну статью историческаго содержанія, навѣянную одной изъ московскихъ окрестностей. Извѣстно, что со многими изъ московскихъ окрестностей тѣсно связаны воспоминанія прежней, какъ петровской, такъ и до-петровской Руси. Коломенское, Преображенское, Измайловское, Сокольники, Царицыно — съ каждымъ изъ нихъ тѣсно связанъ какой-нибудь особенный историческій интересъ, живо сохранённый народною памятью. Тамъ занимались древніе цари соколиною охотой, тамъ образовались первыя потѣшныя роты, нынѣшняя гвардія, тамъ Екатерина II, подозрѣваемая враждебными державами въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, во время упорныхъ войнъ съ Турціей, приказала Баженову соорудить великолѣпный дворецъ, вовсе ей ненужный и донынѣ неотстроенный и приходящій въ развалины. Одно только Петровское-Разумовское, живописная, лѣсистая мѣстность, принадлежавшая нѣкогда вельможѣ елисаветинскихъ временъ, а нынѣ иностранцу-спекулятору, оставалось неотцвѣченнымъ никакимъ болѣе замѣчательнымъ историческимъ колоритомъ. Народное преданіе соединяло съ нимъ даръ императрицы Елисаветы Петровны послѣднему гетману Малороссіи, графу Разумовскому — и только. Билевичъ въ статьѣ своей «Объ историческомъ значеніи Петровскаго-Разумовскаго», напечатанной въ «Москвитянинѣ», придалъ мѣстности этой гораздо большее и важнѣйшее значеніе. Въ этой статьѣ, кромѣ доказательствъ о томъ, что Петровское-Разумовское было любимымъ мѣстопребываніемъ Петра Великаго, Билевичъ высказалъ догадку, подкрѣплённую многими вѣроятностями, что оно служило ему и его матери также и убѣжищемъ во времена стрѣлецкаго бунта. Въ 1847 году напечатаны были Билевичемъ, въ издававшемся тогда въ Москвѣ «Городскомъ Листкѣ», три статьи историческаго содержанія: «Николай Ивановичъ Новиковъ», «Пребываніе Карамзина въ Москвѣ», «Русскія писательницы XVIII и XIX вѣка» и «Сказка объ Иванѣ Богатырѣ». «Русскія писательницы» въ особенности выказываютъ терпѣливый и любознательный характеръ Билевича. Съ какимъ трудомъ, въ какой пыли и во сколькихъ книгахъ долженъ былъ онъ почерпнуть матеріалы для своего сочиненія! Въ этомъ же году Билевичъ помѣстилъ въ «Невскомъ Альманахѣ», издаваемомъ Аладьинымъ, сказку «Журавль», подъ псевдонимомъ Юрія Юрченки.

Въ слѣдующемъ 1848 году Билевичъ назначенъ былъ инспекторомъ въ Калужскую гимназію. Новая должность, облегчившая занятія Билевича, дала ему возможность снова заняться литературою — и онъ въ

слѣдующемъ 1849 году напечаталъ въ «Москвитянинѣ» небольшую повѣсть: «Мечты и существенность».

Въ 1850 году, по распоряженію попечителя Московскаго округа, Билевичъ переведёнъ былъ инспекторомъ въ Первую Московскую гимназію. Послѣ трёхъ лѣтъ службы разстроенное здоровье принудило Билевича просить объ отставкѣ. Въ 1853 году уволенный отъ службы, онъ уѣхалъ на родину, въ Курскую губернію. Тамъ, окружонный воспоминаніямъ дѣтства и спокойствіемъ, онъ опять предался любимымъ своимъ занятіямъ и напечаталъ въ томъ же году, въ литературномъ, отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» «Коренная ярмарка въ Курскѣ» и въ «Библіотекѣ для Чтенія» — повѣсть «Пётръ Ивановичъ Короткоумкинъ». Въ слѣдующемъ году онъ составилъ программу «Описанія Курской губерніи» и по разсмотрѣніи ея министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, утвержденъ былъ въ званіи члена-корреспондента Курскаго Статистическаго Комитета, съ назначеніемъ и завѣдывать этимъ комитетомъ.

Въ настоящее время Николай Ивановичъ Билевичъ проживаетъ въ Курскѣ и занимается составленіемъ «Памятной книжки для жителей Курской губерніи».

В. Толбинъ.

А. Н. Бородинъ.

Андрей Николаевичъ Бородинъ, бывшій, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, директоромъ канцеляріи совѣта Государственнаго Коннозаводства, родился 23-го октября 1813 года въ С.-Петербургѣ, гдѣ и пробылъ до осьмилѣтняго возраста. Въ 1826 году, по служенію отца его съ 1822 года въ Кіевѣ, директоромъ Императорской фаянсовой фабрики, молодой Бородинъ помѣщёнъ былъ для окончательнаго образованія въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко пансіонеромъ Кабинета Его Императорскаго Величества. То былъ самый счастливый и самый цвѣтущій талантами періодъ этого учебнаго заведенія. Въ нёмъ соединились тогда, какъ нарочно, въ одну общую молодую семью столько замѣчательныхъ впослѣдствіи дарованій, каковы Гоголь, Кукольникъ, Базили, Рѣдкинъ и многіе другіе, пользующіеся въ настоящее время заслуженною извѣстностію на поприщѣ служебномъ, ученомъ и литературномъ. Любовь къ литературнымъ занятіямъ обнаружилась въ Бородинѣ и такъ сказать привилась къ нему почти съ самой первой поры его вступленія въ Нѣжинскую Гимназію. Тогдашніе ея воспитанники, кромѣ литературныхъ собраній (въ комнатѣ П. Г. Рѣдкина), на которыхъ читались и критиковались разныя литературныя школьныя произведенія, устроили въ 1827 и 1828 годахъ домашній театръ, душою котораго былъ Гоголь. Въ этихъ пансіонскихъ спектакляхъ, образовывавшихъ и развивавшихъ любовь къ драматургіи, Бородинъ былъ постоянно въ числѣ актёровъ, исполняя женскія роли. Такъ онъ игралъ Софью въ комедіи фонъ-Ви-

зина «Недоросль», гдѣ Гоголь,—и тогда уже замѣчательный своимъ юморомъ и наблюдательностію,—такъ неподражаемо исполнялъ роль Простаковой, гдѣ Кукольникъ смѣшилъ въ роли Митрофана, а Базилн представлялъ Стародума. Въ комедіи «Урокъ Дочкамъ», въ которой Гоголь игралъ няню Василису, Бородинъ исполнялъ роль одной изъ дочекъ Лукерьи Ивановны. Такія гимназическія представленія развивали смыслъ, вкусъ и любовь къ литературѣ. А межь-тѣмъ классныя занятія шли своимъ чередомъ и такъ старательно, что въ 1831 году Бородинъ былъ выпущенъ первымъ кандидатомъ своего курса. Имѣя тогда отъ роду только семнадцать лѣтъ, Бородинъ посвятилъ первое время продолженію своего образованія изученіемъ иностранныхъ языковъ. Французскій онъ зналъ съ дѣтства; теперь онъ сталъ упражняться въ нѣмецкомъ, котораго начала изучилъ въ Гимназіи и англійскомъ, которымъ занимался съ особенною любовію. Но нужно было выбрать родъ службы—и Бородинъ поступилъ въ 1832 году въ департаментъ Путей Сообщенія, гдѣ служилъ уже одинъ изъ его гимназическихъ товарищей — Каминскій. Способности и занятія Бородина были скоро замѣчены и оцѣнены такъ, что въ слѣдующемъ году онъ занималъ уже должность секретаря при директорѣ департамента, а въ 1834 году былъ переведёнъ въ томъ же званіи къ самому главноуправляющему Путями Сообщенія графу Толю, при которомъ и состоялъ секретарёмъ до самой его смерти. Среди служебныхъ своихъ занятій того времени Андрей Николаевичъ находилъ всегда время заниматься и литературой и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона», издававшагося обществомъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей генералъ-лейтенанта барона Зеддѐлера. Въ этомъ «Лексиконѣ» находятся *девяносто двѣ* большихъ и малыхъ статей А. Н. Бородина, большею частію географическаго и историческаго содержанія, которыя нельзя назвать чисто переводными, потому-что онѣ были составляемы изъ разныхъ сочиненій, относящихся до того предмета, къ которому принадлежала каждая отдѣльная статья. Какъ на болѣе замѣчательныя изъ нихъ можно указать на: Аравію Арменію, Бирманскую Имперію, Варварію, Великую Грецію. Венецію, а историческаго содержанія: Генрихи, короли французскіе, Генрихи, короли англійскіе, Густавы, короли шведскіе, Іоаннъ Безземельный, Іосифъ II, императоръ австрійскій. Въ особенности въ этомъ изданіи замѣчательна прекрасно и подробно обработанная статья, матеріалы для которой были, по мѣсту его служенія, болѣе доступны Бородину, чѣмъ прочимъ: «Внутреннія водяныя сообщенія въ Россіи». Сотрудничество въ «Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ» развило, кажется, въ Бородинѣ наклонность къ географическому труду, такъ-какъ онъ перевёлъ «Военную Географію Европы въ таблицахъ»; сочинённую Рудторферомъ изданную книгопродавцемъ Брифомъ; иначе чѣмъ можно истолковать такую усидчивую, скучную и неблагодарную работу? Будучи также сотрудникомъ «Литературной Газеты», онъ помѣщалъ въ ней разныя мелкія статьи въ стихахъ и прозѣ, переводилъ много изъ Шекспира и другихъ англійскихъ поэтовъ,—и переводилъ съ должнымъ знаніемъ дѣла. Это доказалъ онъ переводомъ пятиактной драмы Шек-

спира «Цимбелинъ», помѣщённой въ журналѣ «Пантеонъ» (на 1840 годъ), и драматической поэмой, въ трёхъ дѣйствіяхъ, лорда Байрона «Манфредъ», напечатанной въ томъ же журналѣ въ 1841 году. Кромѣ того нѣсколько переводныхъ стихотвореній изъ Мура и Шелли напечаталъ онъ въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1848 и 1849 года, находившемся въ то время подъ редакціею Масальскаго. Такова была литературная дѣятельность Андрея Николаевича до 1843 года, въ которомъ онъ избралъ новый родъ службы, сдѣлавшись секретарёмъ канцеляріи бывшаго предсѣдателя Комитета Государственнаго Коннозаводства, генералъ-адъютанта графа Левашова. Кромѣ своихъ служебныхъ занятій онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи «Журнала Коннозаводства и Охоты», и въ теченіи семи лѣтъ, съ 1843 по 1850 годъ, былъ главнымъ сотрудникомъ, а съ 1850 по 1855 и редакторомъ этого журнала, важнаго по своей спеціальности. Въ продолженіи этихъ двѣнадцати лѣтъ Андрей Николаевичъ постоянно помѣщалъ въ «Журналѣ Коннозаводства и Охоты» статьи оригинальныя и переводныя о русскомъ и иностранномъ коннозаводствѣ и, сверхъ того, по порученію Коннозаводскаго Управленія, составилъ «Историческое и статистическое описаніе коннозаводства въ Россіи» и перевёлъ его потомъ на французскій языкъ. Чтобы судить о дѣятельности Андрея Николаевича и о его поразительной неутомимости, стоитъ только сказать, что онъ написалъ 343 статьи, изъ которыхъ очень немного маленькихъ, и хотя значительное число ихъ и почерпнуто изъ иностранныхъ сочиненій, но всё-таки ихъ нельзя считать просто переводными. Какъ и въ статьяхъ, помѣщённыхъ въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ», Андрей Николаевичъ представлялъ каждое своё произведеніе въ видѣ извлеченій, съ собственными замѣчаніями. Статьи эти очень разнообразны, относясь по своему содержанію какъ къ технической части коннозаводства, такъ и къ историческимъ и статистическимъ свѣдѣніямъ объ этой важной государственной и народной промышленности въ Россіи и за границей. Изъ статей перваго рода, то-есть техническихъ, замѣчательны въ особенности: «О породахъ лошадей въ отношеніи къ состоянію земледѣлія и различнымъ потребностямъ сельскихъ и городскихъ обществъ», «О воспитаніи лошадей вообще и о выдержкѣ скаковыхъ въ особенности». По части отечественнаго коннозаводства заслуживаетъ вниманія: «Историческое обозрѣніе коннозаводства въ Россіи», состоящее изъ сорока статистическихъ статей о состояніи этой промышленности въ разныхъ губерніяхъ и подробное описаніе государственныхъ конныхъ заводовъ. Объ арабскомъ коннозаводствѣ, важномъ въ особенности по кровности и упроченной вѣками извѣстности арабскихъ лошадей, служившихъ основаніемъ всѣхъ улучшеній конскихъ породъ въ Европѣ, Бородинымъ составлено также двѣнадцать большихъ статей по лучшимъ новѣйшимъ источникамъ. Въ особенности замѣчательны: арабская иппологія и арабская ветеринарія. Коннозаводству англійскому, какъ первому въ Европѣ, посвящено 75 статей, обнимающихъ всѣ его отрасли, и болѣе 40 статей, относящихся до коннозаводства другихъ европейскихъ государствъ. Сверхъ того Андрей Николаевичъ занимался критическимъ отдѣломъ, который вёлъ въ пространномъ размѣрѣ, подъ рубрикою: «Обозрѣніе иностранныхъ

журналовъ», знакомя читателей со всѣмъ, что только оказывалось замѣчательнымъ въ современномъ коннозаводствѣ Европы и литературѣ иностранныхъ государствъ. Андрей Николаевичъ скончался въ 1865 году въ С.-Петербургѣ, гдѣ и похоронёнъ.

В. Толбинъ.

Н. В. Гербель.

Николай Васильевичъ Гербель, извѣстный современный поэтъ, авторъ «Игоря» — стихотворнаго перевода «Слова о плъку Игоревѣ», переводчикъ и издатель полныхъ собраній сочиненій Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте, Гофмана и Шевченки и русскихъ, славянскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ, родился 26-го ноября 1827 года въ Твери, гдѣ отецъ его въ то время квартировалъ съ своей конно-артиллерійской бригадой. Вполнѣ русскій человѣкъ и по образу мыслей, и по симпатіямъ своимъ, и по всему характеру своей литературной дѣятельности, Николай Васильевичъ тѣмъ не менѣе всётаки происходитъ отъ древняго германскаго рода фонъ-Гербелей, выѣхавшаго въ Россію въ самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка.

Предки Николая Васильевича переселились въ Россію изъ нѣмецкой части Швейцаріи въ самомъ началѣ прошлаго вѣка. Именно, прапрадѣдъ его, Николай фонъ-Гербель, какъ извѣстный инженеръ и архитекторъ своего времени, былъ вызванъ самимъ Петромъ Великимъ въ строившійся тогда Петербургъ. Здѣсь, трудясь подъ личнымъ руководствомъ великаго зодчаго Россіи, онъ ревностно и долго работалъ надъ распланированіемъ, канализаціей и обстройкой «Сѣвернаго Парадиса», причёмъ построилъ извѣстный домъ Меншикова (нынѣ Павловское военное училище) и много другихъ капитальныхъ зданій и представилъ планъ «поправленія улицъ всего Адмиралтейскаго острова», то-есть нынѣшней адмиралтейской части, заключающейся между рѣками Большою Невою и Мойкою. Планъ былъ *апробованъ* самимъ великимъ Императоромъ и утвержденъ имъ 1-го октября 1719 года, причёмъ государь «указалъ по оному чертежу на томъ острову улицы, поставя вѣхи, поправить и гдѣ надлежитъ строенію по тѣмъ вѣхамъ по линіи быть — перестроить». Такимъ образомъ всѣ главныя и лучшія улицы нашей великолѣпной столицы своимъ оригинальнымъ и красивымъ направленіемъ, образующимъ трёхугольникъ, обязаны знаніямъ и вкусу родоначальника Гербелей. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Изъ современныхъ же документовъ видно только, что онъ былъ крутъ и настойчивъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Такимъ изображонъ онъ и покойнымъ Кукольникомъ въ романѣ его «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» и повѣсти «О синемъ и зелёномъ суконѣ».

Сынъ его, Родіонъ Николаевичъ, дослужившійся до чина инженеръ-генералъ-поручика и сдѣлавшій тринадцать походовъ, во время кото-

рыхъ принималъ дѣятельное участіе въ пяти генеральныхъ сраженіяхъ и семи большихъ осадахъ, закончилъ своё боевое поприще славнымъ участіемъ въ блокадѣ и взятіи приступомъ крѣпости Бендеръ въ 1770 году, причёмъ былъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ осадныхъ работъ, окончившихся взрывомъ горна, заряженнаго 500 пудовъ пороха, что образовало въ укрѣпленіяхъ огромную воронку, давшую возможность взять крѣпость приступомъ. Этотъ славный подвигъ Родіона Николаевича былъ награжденъ Екатериной Великой истинно по-царски. Будучи только молодымъ генералъ-маіоромъ, онъ прямо получилъ александровскую ленту и въ придачу 700 душъ крестьянъ подъ Петербургомъ, въ Ямбургскомъ уѣздѣ.

Дѣдъ Николая Васильевича и сынъ Родіона Николаевича, Василій Родіоновичъ, служилъ въ артиллеріи и умеръ въ чинѣ бригадира въ 1808 году, сынъ же его и отецъ нашего поэта, Василій Васильевичъ, извѣстный артиллерійскій генералъ и герой Остроленки и Варшавы, прослуживъ безъ малаго 50 лѣтъ, скончался въ 1870 году въ Санктпетербургѣ, гдѣ и погребёнъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Надѣлённый большимъ умомъ и неисчерпаемой энергіей, Василій Васильевичъ Гербель былъ человѣкомъ замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. По примѣру дѣда и прадѣда онъ вступилъ въ военную службу и точно также, какъ они, избралъ изъ многихъ карьеръ, манящихъ юношу-воина, карьеру ученую, такъ-что въ 1807 году мы уже видимъ его артиллерійскимъ офицеромъ, а въ 1811 — поручикомъ гвардейской конной артиллеріи, послѣ чего съ половины 1812 года начинается для него долгая и тяжолая военная школа, которую онъ проходитъ съ замѣчательнымъ мужествомъ и достоинствомъ. Такъ въ Отечественную войну онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ цѣломъ рядѣ исполинскихъ битвъ, причёмъ особенно отличается въ кровопролитныхъ сраженіяхъ при Бородинѣ и Малоярославцѣ, доставившихъ ему почётныя награды: Владиміра съ бантомъ и золотую саблю. Что же касается кампаніи 1814 года, то Василій Васильевичъ особенно отличился въ битвѣ при Фершаннепуазѣ, гдѣ онъ лично командовалъ четырьмя орудіями и, подскакивая съ ними къ непріятелю на пистолетный выстрѣлъ, сметалъ его картечью. Молодой и храбрый офицеръ былъ замѣченъ и награжденъ за свои подвиги Анною 2-й степени съ бриліантами и чиномъ капитана, а короли Прусскій и Баварскій прислали ему свои военныя ордена, первый — Pour le merite, а второй — Макса-Іосифа. Въ 1816 году, по возвращеніи въ Россію, Василій Васильевичъ былъ уже полковникомъ, хотя ему ещё не было двадцати пяти лѣтъ отъ роду; а черезъ десять лѣтъ послѣ того мы видимъ Василья Васильевича уже генераломъ и узнаёмъ о той чрезвычайной энергіи, съ которою онъ успѣлъ сформировать на югѣ Россіи въ теченіи года всю резервную артиллерію для дѣйствующей арміи во время турецкой компаніи 1829 года, причёмъ ему приходилось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не вылѣзать изъ перекладной, дѣлая иногда до 300 верстъ въ сутки, такъ-какъ батареи формировались въ разныхъ мѣстахъ, на протяженіи всего Новороссійскаго края и Земли Войска Донского. Когда же артиллерія въ 300 орудій была сфор-

мирована, обучена и снабжена снарядами, Гербель былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи гренадерскаго корпуса и артиллерійскаго округа Новгородскаго военнаго поселенія, въ которомъ была расположена ввѣренная ему дивизія, почему и долженъ былъ, бросивъ всё, немедленно отправиться въ Старую-Руссу. Вскорѣ по отъѣздѣ Гербеля, резервная артилерія была представлена на смотръ Императору Николаю, который остался вполнѣ доволенъ ея устройствомъ и изъявилъ свою благодарность новому ея командиру, генералъ-маіору Бартоломею. «Ваше Величество, это труды генерала Гербеля», отвѣчалъ честный Бартоломей. Этотъ откровенный отвѣтъ хотя удивилъ императора, тѣмъ не менѣе Гербель получилъ анненскую ленту, не имѣя станиславской, а Бартоломей — станиславскую.

По пріѣздѣ въ Старую Русу, столицу Аракчеевскихъ военныхъ поселеній, Василію Васильевичу впервые пришлось выказать свой организаторскій талантъ, причёмъ ему пришлось отъ грандіозныхъ военныхъ подвиговъ перейти къ мирной дѣятельности командира-хозяина, приняться за улаживаніе и устраиваніе быта поселянъ, облегчая при этомъ ихъ тягости, не придерживаясь аракчеевской рутины и не обрушаясь на нихъ съ жестокостью и хищностью тѣхъ командировъ, которые довели поселянъ до извѣстнаго поселянскаго бунта 1832 года.

Но военной карьерѣ Василія Васильевича ещё не суждено было окончиться описанными событіями. Едва успѣло вспыхнуть польское возстаніе 1831 года, какъ онъ уже получилъ приказаніе двинуться на театръ военныхъ дѣйствій со своей дивизіей. Важнѣйшими событіями годовой войны съ поляками въ 1831 году, положившими конецъ существованію Польши и нанёсшими ей два смертельныхъ удара, были уничтоженіе польской арміи подъ Остроленкой и взятіе приступомъ ключа Варшавы — шестнадцатипушечнаго редута, носившаго названіе «Воли», надъ укрѣпленіемъ котораго польскіе инженеры истощили всё своё искусство и гдѣ были сосредоточены лучшія силы польской арміи. Оба эти славныхъ подвига храброй русской арміи были совершены при самомъ дѣятельномъ и славномъ участіи Василія Васильевича, такъ-какъ побѣдою подъ Остроленкой она была въ значительной степени обязана личному мужеству и спокойной распорядительности генерала Гербеля, удержавшаго съ своей артиллеріей и двумя гренадерскими полками всю польскую армію и истребившаго её на половину сокрушительнымъ дѣйствіемъ своихъ орудій, стрѣлявшихъ нѣсколько часовъ сряду исключительно гранатами и картечью, какъ равно едва-ли не онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что наша пѣхота была въ состояніи одолѣть всѣ препятствія и овладѣла несокрушимою «Волею», какъ называли свой редутъ поляки. Важность услугъ, оказанныхъ генераломъ Гербелемъ въ этихъ двухъ славныхъ битвахъ, уже доказывается тѣми наградами, которыми были почтены его подвиги въ этихъ двухъ кровопролитныхъ битвахъ, результатомъ которыхъ была полная побѣда Россіи подъ Польшей. Славное участіе въ нихъ доставило Василію Васильевичу двѣ почётнѣйшія награды: золотую саблю съ бриллiантами и надписью «за храбрость» и Георгія 3-й степени, на шею — предѣлъ всѣхъ желаній каждаго русскаго

генерала. Отецъ поэта такъ дорожилъ этой, вполнѣ имъ заслуженной наградой, что впослѣдствіи никогда не снималъ креста съ шеи, такъ что даже въ минуту смерти онъ былъ на нёмъ.

Въ то время, когда Василій Васильевичъ сражался въ Польшѣ, его семейство, оставленное имъ въ Старой Руссѣ, штабъ-квартирѣ артиллеріи гренадерскаго корпуса, неожиданно подвергалось величайшей опасности. Вскорѣ послѣ удаленія войскъ изъ города, въ нёмъ вспыхнулъ поселенскій бунтъ, сопровождавшійся всѣми ужасами народныхъ движеній. Движеніе это подготовлялось долго, долго тлѣло въ народѣ, питаемое ненавистью къ Аракчееву и аракчеевскимъ порядкамъ и наконецъ, вызванное самыми ничтожными поводами, разразилось страшнымъ бѣдствіемъ и гибелью множества совершенно невинныхъ людей. Когда въ Старой Русѣ и ея окрестностяхъ началось избіеніе командировъ и докторовъ, супруга Василія Васильевича, въ первую минуту общаго смятенія и ужаса, хотѣла-было бѣжать съ дѣтьми изъ города; но бѣгство оказалось невозможнымъ, такъ-какъ толпы бунтовщиковъ, вооружонныхъ чѣмъ попало, уже разгуливали по улицамъ и закоулкамъ города — и вскорѣ стоны и крики жертвъ, варварски избиваемыхъ дубьёмъ, послышались во дворѣ и въ саду того самаго дома, въ которомъ Анна Яковлевна жила съ дѣтьми. Несчастная мать въ отчаяніи ожидала, что и ея дѣтей постигнетъ та-же участь, какой подвергались многіе; но бунтовщики даже и не заглянули къ ней, а на другое утро оказалось, что семейство Гербеля даже охранялось отъ всякаго насилія спеціально-приставленнымъ карауломъ отъ самихъ же бунтовщиковъ. Старшій сынъ Василія Васильевича, Василій, тогда ещё девятилѣтній мальчикъ, увидавъ на дворѣ кучку военныхъ поселянъ, тесавшихъ огромные колья, съ наивностью, столь свойственною его возрасту, спросилъ ихъ: «вы вѣрно и насъ тоже будете убивать?» но тѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: «за что же васъ убивать, когда тятенька вашъ насъ не обижалъ. Мы тутъ за тѣмъ и поставлены, чтобы васъ не обидѣлъ кто.» Узнавъ объ этомъ, Анна Яковлевна, успокоенная за дѣтей, не медля ни минуты, перешла къ заботамъ о несчастныхъ. Мужественная женщина, исполненная самоотверженія, выслала людей своихъ на площадь, гдѣ рядомъ лежали прикрытые рогожами изувѣченные трупы несчастныхъ офицеровъ и приказала имъ осмотрѣть внимательно — нѣтъ-ли между ними такихъ, которые ещё показываютъ признаки жизни. Найдя двоихъ ещё дышавшими, Анна Яковлевна приказала спрятать ихъ у себя въ погребѣ и выходила несчастныхъ своими неусыпными о нихъ заботами и попеченіями. Узнавъ объ этомъ подвигѣ геройскаго человѣколюбія, императоръ Николай приказалъ графу Витту, находившемуся тогда въ Руссѣ, благодарить Анну Яковлевну и передать ей отъ Его имени бриллiантовый фермуаръ съ изумрудами «въ награду примѣрнаго человѣколюбія».

По окончаніи Польскаго похода, въ началѣ 1833 года Василій Васильевичъ назначенъ былъ командиромъ Шостинскаго порохового завода, лежащаго на рѣкѣ Шосткѣ, въ Черниговской губерніи. Проживъ здѣсь семнадцать лѣтъ, онъ превратилъ заводъ съ окружавшею его слободкою въ цвѣтущій городъ, причёмъ красивыя каменныя сооруженія замѣнили полусгнившія деревянныя домишки, державшіяся только благодаря

безобразнымъ подпоркамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осушенныя болота и грязные овраги превратились въ тѣнистые сады, всѣ улицы въ красивыя аллеи, обсаженныя берёзами и пирамидальными тополями, а полуразвалившіяся избушки женатыхъ солдатъ и чиновниковъ замѣнились хорошенькими домиками, на каменныхъ фундаментахъ, крытыми тёсомъ. Словомъ, заводъ сталъ неузнаваемъ. И всѣ эти постройки обходились казнѣ или очень дёшево, или не стòили ни копѣйки, благодаря хозяйственнымъ способностямъ Василія Васильевича, который, безъ всякихъ затратъ со стороны казны, съумѣлъ значительно распространить выдѣлку кирпича, тогда-какъ часть лѣса, вырубаемаго ежегодно въ заводскомъ лѣсу, раздѣлённомъ на 60 лѣсосѣковъ, также оставалась въ экономіи. Эти два источника давали средства строить двухэтажные дома, вмѣсто одноэтажныхъ и тѣмъ значительно украсить заводъ. Что же касается женатыхъ солдатъ, изъявлявшихъ желаніе строиться изъ своего лѣсу, то онъ отпускалъ каждому изъ нихъ весь кирпичъ на фундаментъ и печку, лѣсъ на балки, стропилы и полъ — даромъ. Такимъ образомъ, въ теченіи семнадцатилѣтняго его управленія заводомъ возникло около 400 домовъ и «Русскій Инвалидъ», описывая Шостинскій заводъ, имѣлъ полное право сказать, что «это мѣсто, украшенное тополевыми аллеями и во многихъ мѣстахъ двухэтажными каменными зданіями, обязано настоящимъ своимъ положеніемъ неутомимой заботливости бывшаго начальника порохового завода, генералъ-лейтенанта Василія Васильевича Гербеля, имя котораго произносятъ съ благодарностью всѣ живущіе на заводѣ, начиная отъ послѣдняго солдата.» За отличное управленіе заводомъ Гербель былъ награжденъ въ разное время орденами св. Анны 1-й степени съ короною и Владиміра со звѣздою, арендою въ 1,000 рублей въ годъ, чиномъ генералъ-лейтенанта и, наконецъ, «за отличное устройство капсюльнаго заведенія» — орденомъ Бѣлаго-Орла. Пробывъ семнадцать лѣтъ командиромъ Шостенскаго пороховаго завода, Василій Васильевичъ былъ въ началѣ 1850 года назначенъ начальникомъ всѣхъ пороховыхъ заводовъ въ Имперіи, затѣмъ вышелъ въ отставку и окончательно поселился на житьё въ С.-Петербургъ, гдѣ и скончался въ 1870 году на 81 году своей жизни и похороненъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Заключаемъ нашъ очеркъ служебной дѣятельности Василія Васильевича Гербеля характеристикой его частной жизни, сдѣланной однимъ изъ его біографовъ и помѣщённой въ 5 № «Иллюстрированной Газеты» на 1870 годъ:

«До-сихъ-поръ мы говорили о Василіи Васильевичѣ, какъ объ официальномъ дѣятелѣ; теперь поговоримъ о нёмъ, какъ о человѣкѣ. Правдивость, честность и непреклонная энергія, въ соединеніи съ безконечною добротой и снисходительностью, которыми запечатлѣны всѣ дѣйствія долгой и полезной жизни покойнаго, всегда были отличительными свойствами характера этого, по истинѣ, честнаго человѣка. Всё, чѣмъ ни командовалъ, ни управлялъ онъ въ теченіи своей 50-лѣтней службы — всё доводилъ онъ до возможной степени совершенства, вездѣ и всегда былъ первымъ. Вся жизнь его была посвящена служенію Россіи, а сердце отзывалось на всё честное и доброе. Имя его, какъ боевого генерала,

гремѣло въ польскую войну 1831 года на ряду съ именами храбрѣйшихъ; какъ человѣкъ, онъ пользовался любовью всѣхъ его знавшихъ, начиная съ послѣдняго солдата. Чуждый всякаго эгоизма, онъ жилъ весь свой вѣкъ для другихъ: для семейства, для подчинённыхъ, для всѣхъ нуждающихся и угнетённыхъ, весь свой вѣкъ хлопоталъ за всѣхъ и каждаго, и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, когда эти хлопоты увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ. При всей пылкости характера и требовательности по службѣ, отношенія его къ подчинённымъ были самыя гуманныя. Онъ входилъ въ нужды каждаго и дѣлалъ всё возможное для облегченія положенія нижнихъ чиновъ и молодыхъ офицеровъ. Когда онъ командовалъ конно-артиллерійскою бригадой, всѣ служившіе въ ней офицеры, безъ исключенія, то-есть человѣкъ 20 обѣдали у него ежедневно, не смотря на то, что Гербель былъ человѣкъ семейный, а средства къ жизни очень и очень ограничены. Когда же онъ былъ назначенъ командиромъ Шостинскаго порохового завода и средства его расширились, то положительно можно сказать, что вскорѣ на Шосткѣ не было ни одного офицера, ни одного чиновника и ни одного солдата, который бы не былъ многимъ обязанъ ему: онъ давалъ имъ матеріалъ на постройку домовъ и съ строжайшею справедливостью распредѣлялъ между ними командировки по отправкѣ селитры въ Петербургъ и Казань, сопряжонныя съ полученіемъ суточныхъ и порціонныхъ денегъ. Во всю свою службу онъ не сдѣлалъ никого *несчастнымъ*, какъ выражались въ старое время, то-есть не отдалъ ни одного человѣка подъ судъ, что, впрочемъ, не мѣшало командуемымъ имъ частямъ быть всегда первыми. Эта строгая правдивость и снисходительность къ людямъ, эта безкорыстная любовь къ добру и всегдашняя готовность помочь страждущему и угнетённому были вознаграждены сторицею любовью и признательностью всѣхъ знавшихъ его, какъ благодѣтеля и даже спасли собственное его семейство отъ неизбѣжной смерти во время новгородскаго бунта. Не даромъ живётъ тотъ, чья жизнь окружена такою свѣтлою обстановкой! При одной мысли о любви, которая доставляетъ намъ столько счастья, нельзя не быть благодарнымъ человѣчеству. Ознакомленіе же современнаго общества съ жизнью такихъ людей, какъ Василій Васильевичъ Гербель, далеко не безполезно: такіе люди проходятъ не безслѣдно.»

Въ то время, когда Василій Васильевичъ переѣзжалъ въ Петербургъ, младшій сынъ его, Николай Васильевичъ, нашъ поэтъ, успѣлъ уже вырости и окончить полный курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко и даже поступить на службу. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ — и намъ самимъ не разъ приходилось отъ него слышать самые тёплые отзывы о тѣхъ простыхъ и добрыхъ русскихъ людяхъ, которыхъ отецъ приставилъ къ своимъ дѣтямъ въ качествѣ дядекъ. Съ однимъ изъ такихъ дядекъ отправленъ былъ Николай Васильевичъ въ Кіевъ, гдѣ отецъ помѣстилъ его, по совѣту тогдашняго попечителя Кіевскаго учебнаго округа и стараго своего друга Е. Ѳ. фонъ-Брадке, въ 1-й благородный пансіонъ при первой Кіевской гимназіи. Здѣсь прошолъ онъ полный гимназическій курсъ, здѣсь же началъ писать стихи и весьма не дурно, какъ можно судить по слѣдующему началу стихотворенія, —

безобразнымъ подпоркамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осушенныя болота и грязные овраги превратились въ тѣнистые сады, всѣ улицы въ красивыя аллеи, обсаженныя берёзами и пирамидальными тополями, а полуразвалившіяся избушки женатыхъ солдатъ и чиновниковъ замѣнились хорошенькими домиками, на каменныхъ фундаментахъ, крытыми тёсомъ. Словомъ, заводъ сталъ неузнаваемъ. И всѣ эти постройки обходились казнѣ или очень дёшево, или не стоили ни копѣйки, благодаря хозяйственнымъ способностямъ Василія Васильевича, который, безъ всякихъ затратъ со стороны казны, съумѣлъ значительно распространить выдѣлку кирпича, тогда-какъ часть лѣса, вырубаемаго ежегодно въ заводскомъ лѣсу, раздѣлённомъ на 60 лѣсосѣковъ, также оставалась въ экономіи. Эти два источника давали средства строить двухэтажные дома, вмѣсто одноэтажныхъ и тѣмъ значительно украсить заводъ. Что же касается женатыхъ солдатъ, изъявлявшихъ желаніе строиться изъ своего лѣсу, то онъ отпускалъ каждому изъ нихъ весь кирпичъ на фундаментъ и печку, лѣсъ на балки, стропилы и полъ — даромъ. Такимъ образомъ, въ теченіи семнадцатилѣтняго его управленія заводомъ возникло около 400 домовъ и «Русскій Инвалидъ», описывая Шостинскій заводъ, имѣлъ полное право сказать, что «это мѣсто, украшенное тополевыми аллеями и во многихъ мѣстахъ двухэтажными каменными зданіями, обязано настоящимъ своимъ положеніемъ неутомимой заботливости бывшаго начальника порохового завода, генералъ-лейтенанта Василія Васильевича Гербеля, имя котораго произносятъ съ благодарностью всѣ живущіе на заводѣ, начиная отъ послѣдняго солдата.» За отличное управленіе заводомъ Гербель былъ награжденъ въ разное время орденами св. Анны 1-й степени съ короною и Владиміра со звѣздою, арендою въ 1,000 рублей въ годъ, чиномъ генералъ-лейтенанта и, наконецъ, «за отличное устройство капсюльнаго заведенія» — орденомъ Бѣлаго-Орла. Пробывъ семнадцать лѣтъ командиромъ Шостенскаго пороховаго завода, Василій Васильевичъ былъ въ началѣ 1850 года назначенъ начальникомъ всѣхъ пороховыхъ заводовъ въ Имперіи, затѣмъ вышелъ въ отставку и окончательно поселился на житьё въ С.-Петербургъ, гдѣ и скончался въ 1870 году на 81 году своей жизни и похороненъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Заключаемъ нашъ очеркъ служебной дѣятельности Василія Васильевича Гербеля характеристикой его частной жизни, сдѣланной однимъ изъ его біографовъ и помѣщённой въ 5 № «Иллюстрированной Газеты» на 1870 годъ:

«До-сихъ-поръ мы говорили о Василіи Васильевичѣ, какъ объ официальномъ дѣятелѣ; теперь поговоримъ о нёмъ, какъ о человѣкѣ. Правдивость, честность и непреклонная энергія, въ соединеніи съ безконечною добротой и снисходительностью, которыми запечатлѣны всѣ дѣйствія долгой и полезной жизни покойнаго, всегда были отличительными свойствами характера этого, по истинѣ, честнаго человѣка. Всё, чѣмъ ни командовалъ, ни управлялъ онъ въ теченіи своей 50-лѣтней службы — всё доводилъ онъ до возможной степени совершенства, вездѣ и всегда былъ первымъ. Вся жизнь его была посвящена служенію Россіи, а сердце отзывалось на всё честное и доброе. Имя его, какъ боевого генерала.

гремѣло въ польскую войну 1831 года на ряду съ именами храбрѣйшихъ; какъ человѣкъ, онъ пользовался любовью всѣхъ его знавшихъ, начиная съ послѣдняго солдата. Чуждый всякаго эгоизма, онъ жилъ весь свой вѣкъ для другихъ: для семейства, для подчинённыхъ, для всѣхъ нуждающихся и угнетённыхъ, весь свой вѣкъ хлопоталъ за всѣхъ и каждаго, и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, когда эти хлопоты увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ. При всей пылкости характера и требовательности по службѣ, отношенія его къ подчинённымъ были самыя гуманныя. Онъ ходилъ въ нужды каждаго и дѣлалъ всё возможное для облегченія положенія нижнихъ чиновъ и молодыхъ офицеровъ. Когда онъ командовалъ конно-артиллерійскою бригадой, всѣ служившіе въ ней офицеры, безъ исключенія, то-есть человѣкъ 20 обѣдали у него ежедневно, не смотря на то, что Гербель былъ человѣкъ семейный, а средства къ жизни очень и очень ограничены. Когда же онъ былъ назначенъ командиромъ Шостинскаго порохового завода и средства его расширились, то положительно можно сказать, что вскорѣ на Шосткѣ не было ни одного офицера, ни одного чиновника и ни одного солдата, который бы не былъ многимъ обязанъ ему: онъ давалъ имъ матеріалъ на постройку домовъ и съ строжайшею справедливостью распредѣлялъ между ними командировки по отправкѣ селитры въ Петербургъ и Казань, сопряжонныя съ полученіемъ суточныхъ и порціонныхъ денегъ. Во всю свою службу онъ не сдѣлалъ никого *несчастнымъ*, какъ выражались въ старое время, то-есть не отдалъ ни одного человѣка подъ судъ, что, впрочемъ, не мѣшало командуемымъ имъ частямъ быть всегда первыми. Эта строгая правдивость и снисходительность къ людямъ, эта безкорыстная любовь къ добру и всегдашняя готовность помочь страждущему и угнетённому были вознаграждены сторицею любовью и признательностью всѣхъ знавшихъ его, какъ благодѣтеля и даже спасли собственное его семейство отъ неизбѣжной смерти во время новгородскаго бунта. Не даромъ живётъ тотъ, чья жизнь окружена такою свѣтлою обстановкой! При одной мысли о любви, которая доставляетъ намъ столько счастья, нельзя не быть благодарнымъ человѣчеству. Ознакомленіе же современнаго общества съ жизнью такихъ людей, какъ Василій Васильевичъ Гербель, далеко не безполезно: такіе люди проходятъ не безслѣдно.»

Въ то время, когда Василій Васильевичъ переѣзжалъ въ Петербургъ, младшій сынъ его, Николай Васильевичъ, нашъ поэтъ, успѣлъ уже вырости и окончить полный курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко и даже поступить на службу. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ — и намъ самимъ не разъ приходилось отъ него слышать самые тёплые отзывы о тѣхъ простыхъ и добрыхъ русскихъ людяхъ, которыхъ отецъ приставилъ къ своимъ дѣтямъ въ качествѣ дядекъ. Съ однимъ изъ такихъ дядекъ отправленъ былъ Николай Васильевичъ въ Кіевъ, гдѣ отецъ помѣстилъ его, по совѣту тогдашняго попечителя Кіевскаго учебнаго округа и стараго своего друга Е. Ѳ. фонъ-Брадке, въ 1-й благородный пансіонъ при первой Кіевской гимназіи. Здѣсь прошолъ онъ полный гимназическій курсъ, здѣсь же началъ писать стихи и весьма не дурно, какъ можно судить по слѣдующему началу стихотворенія, на-

безобразнымъ подпоркамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осушенныя болота и грязные овраги превратились въ тѣнистые сады, всѣ улицы въ красивыя аллеи, обсаженныя берёзами и пирамидальными тополями, а полуразвалившіяся избушки женатыхъ солдатъ и чиновниковъ замѣнились хорошенькими домиками, на каменныхъ фундаментахъ, крытыми тёсомъ. Словомъ, заводъ сталъ неузнаваемъ. И всѣ эти постройки обходились казнѣ или очень дёшево, или не стòили ни копѣйки, благодаря хозяйственнымъ способностямъ Василія Васильевича, который, безъ всякихъ затратъ со стороны казны, съумѣлъ значительно распространить выдѣлку кирпича, тогда-какъ часть лѣса, вырубаемаго ежегодно въ заводскомъ лѣсу, раздѣлённомъ на 60 лѣсосѣковъ, также оставалась въ экономіи. Эти два источника давали средства строить двухэтажные дома, вмѣсто одноэтажныхъ и тѣмъ значительно украсить заводъ. Что же касается женатыхъ солдатъ, изъявлявшихъ желаніе строиться изъ своего лѣсу, то онъ отпускалъ каждому изъ нихъ весь кирпичъ на фундаментъ и печку, лѣсъ на балки, стропилы и полъ — даромъ. Такимъ образомъ, въ теченіи семнадцатилѣтняго его управленія заводомъ возникло около 400 домовъ и «Русскій Инвалидъ», описывая Шостинскій заводъ, имѣлъ полное право сказать, что «это мѣсто, украшенное тополевыми аллеями и во многихъ мѣстахъ двухэтажными каменными зданіями, обязано настоящимъ своимъ положеніемъ неутомимой заботливости бывшаго начальника порохового завода, генералъ-лейтенанта Василія Васильевича Гербеля, имя котораго произносятъ съ благодарностью всѣ живущіе на заводѣ, начиная отъ послѣдняго солдата.» За отличное управленіе заводомъ Гербель былъ награжденъ въ разное время орденами св. Анны 1-й степени съ короною и Владиміра со звѣздою, арендою въ 1,000 рублей въ годъ, чиномъ генералъ-лейтенанта и, наконецъ, «за отличное устройство капсюльнаго заведенія» — орденомъ Бѣлаго-Орла. Пробывъ семнадцать лѣтъ командиромъ Шостенскаго пороховаго завода, Василій Васильевичъ былъ въ началѣ 1850 года назначенъ начальникомъ всѣхъ пороховыхъ заводовъ въ Имперіи, затѣмъ вышелъ въ отставку и окончательно поселился на житьё въ С.-Петербургъ, гдѣ и скончался въ 1870 году на 81 году своей жизни и похороненъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Заключаемъ нашъ очеркъ служебной дѣятельности Василія Васильевича Гербеля характеристикой его частной жизни, сдѣланной однимъ изъ его біографовъ и помѣщённой въ 5 № «Иллюстрированной Газеты» на 1870 годъ:

«До-сихъ-поръ мы говорили о Василіи Васильевичѣ, какъ объ официальномъ дѣятелѣ; теперь поговоримъ о нёмъ, какъ о человѣкѣ. Правдивость, честность и непреклонная энергія, въ соединеніи съ безконечною добротой и снисходительностью, которыми запечатлѣны всѣ дѣйствія долгой и полезной жизни покойнаго, всегда были отличительными свойствами характера этого, по истинѣ, честнаго человѣка. Всё, чѣмъ ни командовалъ, ни управлялъ онъ въ теченіи своей 50-лѣтней службы — всё доводилъ онъ до возможной степени совершенства, вездѣ и всегда былъ первымъ. Вся жизнь его была посвящена служенію Россіи, а сердце отзывалось на всё честное и доброе. Имя его, какъ боевого генерала,

гремѣло въ польскую войну 1831 года на ряду съ именами храбрѣйшихъ; какъ человѣкъ, онъ пользовался любовью всѣхъ его знавшихъ, начиная съ послѣдняго солдата. Чуждый всякаго эгоизма, онъ жилъ весь свой вѣкъ для другихъ: для семейства, для подчинённыхъ, для всѣхъ нуждающихся и угнетённыхъ, весь свой вѣкъ хлопоталъ за всѣхъ и каждаго, и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, когда эти хлопоты увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ. При всей пылкости характера и требовательности по службѣ, отношенія его къ подчинённымъ были самыя гуманныя. Онъ входилъ въ нужды каждаго и дѣлалъ всё возможное для облегченія положенія нижнихъ чиновъ и молодыхъ офицеровъ. Когда онъ командовалъ конно-артиллерійскою бригадой, всѣ служившіе въ ней офицеры, безъ исключенія, то-есть человѣкъ 20 обѣдали у него ежедневно, не смотря на то, что Гербель былъ человѣкъ семейный, а средства къ жизни очень и очень ограничены. Когда же онъ былъ назначенъ командиромъ Шостинскаго порохового завода и средства его расширились, то положительно можно сказать, что вскорѣ на Шосткѣ не было ни одного офицера, ни одного чиновника и ни одного солдата, который бы не былъ многимъ обязанъ ему: онъ давалъ имъ матеріалъ на постройку домовъ и съ строжайшею справедливостью распредѣлялъ между ними командировки по отправкѣ селитры въ Петербургъ и Казань, сопряжонныя съ полученіемъ суточныхъ и порціонныхъ денегъ. Во всю свою службу онъ не сдѣлалъ никого *несчастнымъ*, какъ выражались въ старое время, то-есть не отдалъ ни одного человѣка подъ судъ, что, впрочемъ, не мѣшало командуемымъ имъ частямъ быть всегда первыми. Эта строгая правдивость и снисходительность къ людямъ, эта безкорыстная любовь къ добру и всегдашняя готовность помочь страждущему и угнетённому были вознаграждены сторицею любовью и признательностью всѣхъ знавшихъ его, какъ благодѣтеля и даже спасли собственное его семейство отъ неизбѣжной смерти во время новгородскаго бунта. Не даромъ живётъ тотъ, чья жизнь окружена такою свѣтлою обстановкой! При одной мысли о любви, которая доставляетъ намъ столько счастья, нельзя не быть благодарнымъ человѣчеству. Ознакомленіе же современнаго общества съ жизнью такихъ людей, какъ Василій Васильевичъ Гербель, далеко не безполезно: такіе люди проходятъ не безслѣдно.»

Въ то время, когда Василій Васильевичъ переѣзжалъ въ Петербургъ, младшій сынъ его, Николай Васильевичъ, нашъ поэтъ, успѣлъ уже вырости и окончить полный курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко и даже поступить на службу. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ — и намъ самимъ не разъ приходилось отъ него слышать самые тёплые отзывы о тѣхъ простыхъ и добрыхъ русскихъ людяхъ, которыхъ отецъ приставилъ къ своимъ дѣтямъ въ качествѣ дядекъ. Съ однимъ изъ такихъ дядекъ отправленъ былъ Николай Васильевичъ въ Кіевъ, гдѣ отецъ помѣстилъ его, по совѣту тогдашняго попечителя Кіевскаго учебнаго округа и стараго своего друга Е. Ѳ. фонъ-Брадке, въ 1-й благородный пансіонъ при первой Кіевской гимназіи. Здѣсь прошолъ онъ полный гимназическій курсъ, здѣсь же началъ писать стихи и весьма не дурно, какъ можно судить по слѣдующему началу стихотворенія, на-

безобразнымъ подпоркамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осушенныя болота и грязные овраги превратились въ тѣнистые сады, всѣ улицы въ красивыя аллеи, обсаженныя берёзами и пирамидальными тополями, а полуразвалившіяся избушки женатыхъ солдатъ и чиновниковъ замѣнились хорошенькими домиками, на каменныхъ фундаментахъ, крытыми тёсомъ. Словомъ, заводъ сталъ неузнаваемъ. И всѣ эти постройки обходились казнѣ или очень дёшево, или не стоили ни копѣйки, благодаря хозяйственнымъ способностямъ Василія Васильевича, который, безъ всякихъ затратъ со стороны казны, съумѣлъ значительно распространить выдѣлку кирпича, тогда-какъ часть лѣса, вырубаемаго ежегодно въ заводскомъ лѣсу, раздѣлённомъ на 60 лѣсосѣковъ, также оставалась въ экономіи. Эти два источника давали средства строить двухэтажные дома, вмѣсто одноэтажныхъ и тѣмъ значительно украсить заводъ. Что же касается женатыхъ солдатъ, изъявлявшихъ желаніе строиться изъ своего лѣсу, то онъ отпускалъ каждому изъ нихъ весь кирпичъ на фундаментъ и печку, лѣсъ на балки, стропилы и полъ — даромъ. Такимъ образомъ, въ теченіи семнадцатилѣтняго его управленія заводомъ возникло около 400 домовъ и «Русскій Инвалидъ», описывая Шостинскій заводъ, имѣлъ полное право сказать, что «это мѣсто, украшенное тополевыми аллеями и во многихъ мѣстахъ двухэтажными каменными зданіями, обязано настоящимъ своимъ положеніемъ неутомимой заботливости бывшаго начальника порохового завода, генералъ-лейтенанта Василія Васильевича Гербеля, имя котораго произносятъ съ благодарностью всѣ живущіе на заводѣ, начиная отъ послѣдняго солдата.» За отличное управленіе заводомъ Гербель былъ награжденъ въ разное время орденами св. Анны 1-й степени съ короною и Владиміра со звѣздою, арендою въ 1,000 рублей въ годъ, чиномъ генералъ-лейтенанта и, наконецъ, «за отличное устройство капсюльнаго заведенія» — орденомъ Бѣлаго-Орла. Пробывъ семнадцать лѣтъ командиромъ Шостенскаго пороховаго завода, Василій Васильевичъ былъ въ началѣ 1850 года назначенъ начальникомъ всѣхъ пороховыхъ заводовъ въ Имперіи, затѣмъ вышелъ въ отставку и окончательно поселился на житьё въ С.-Петербургъ, гдѣ и скончался въ 1870 году на 81 году своей жизни и похороненъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Заключаемъ нашъ очеркъ служебной дѣятельности Василія Васильевича Гербеля характеристикой его частной жизни, сдѣланной однимъ изъ его біографовъ и помѣщённой въ 5 № «Иллюстрированной Газеты» на 1870 годъ:

«До-сихъ-поръ мы говорили о Василіи Васильевичѣ, какъ объ офиціальномъ дѣятелѣ; теперь поговоримъ о нёмъ, какъ о человѣкѣ. Правдивость, честность и непреклонная энергія, въ соединеніи съ безконечною добротой и снисходительностью, которыми запечатлѣны всѣ дѣйствія долгой и полезной жизни покойнаго, всегда были отличительными свойствами характера этого, по истинѣ, честнаго человѣка. Всё, чѣмъ ни командовалъ, ни управлялъ онъ въ теченіи своей 50-лѣтней службы — всё доводилъ онъ до возможной степени совершенства, вездѣ и всегда былъ первымъ. Вся жизнь его была посвящена служенію Россіи, а сердце отзывалось на всё честное и доброе. Имя его, какъ боевого генерала,

гремѣло въ польскую войну 1831 года на ряду съ именами храбрѣйшихъ; какъ человѣкъ, онъ пользовался любовью всѣхъ его знавшихъ, начиная съ послѣдняго солдата. Чуждый всякаго эгоизма, онъ жилъ весь свой вѣкъ для другихъ: для семейства, для подчинённыхъ, для всѣхъ нуждающихся и угнетённыхъ, весь свой вѣкъ хлопоталъ за всѣхъ и каждаго, и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, когда эти хлопоты увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ. При всей пылкости характера и требовательности по службѣ, отношенія его къ подчинённымъ были самыя гуманныя. Онъ входилъ въ нужды каждаго и дѣлалъ всё возможное для облегченія положенія нижнихъ чиновъ и молодыхъ офицеровъ. Когда онъ командовалъ конно-артиллерійскою бригадой, всѣ служившіе въ ней офицеры, безъ исключенія, то-есть человѣкъ 20 обѣдали у него ежедневно, не смотря на то, что Гербель былъ человѣкъ семейный, а средства къ жизни очень и очень ограничены. Когда же онъ былъ назначенъ командиромъ Шостинскаго порохового завода и средства его расширились, то положительно можно сказать, что вскорѣ на Шосткѣ не было ни одного офицера, ни одного чиновника и ни одного солдата, который бы не былъ многимъ обязанъ ему: онъ давалъ имъ матеріалъ на постройку домовъ и съ строжайшею справедливостью распредѣлялъ между ними командировки по отправкѣ селитры въ Петербургъ и Казань, сопряжонныя съ полученіемъ суточныхъ и порціонныхъ денегъ. Во всю свою службу онъ не сдѣлалъ никого *несчастнымъ*, какъ выражались въ старое время, то-есть не отдалъ ни одного человѣка подъ судъ, что, впрочемъ, не мѣшало командуемымъ имъ частямъ быть всегда первыми. Эта строгая правдивость и снисходительность къ людямъ, эта безкорыстная любовь къ добру и всегдашняя готовность помочь страждущему и угнетённому были вознаграждены сторицею любовью и признательностью всѣхъ знавшихъ его, какъ благодѣтеля и даже спасли собственное его семейство отъ неизбѣжной смерти во время новгородскаго бунта. Не даромъ живётъ тотъ, чья жизнь окружена такою свѣтлою обстановкой! При одной мысли о любви, которая доставляетъ намъ столько счастья, нельзя не быть благодарнымъ человѣчеству. Ознакомленіе же современнаго общества съ жизнью такихъ людей, какъ Василій Васильевичъ Гербель, далеко не безполезно: такіе люди проходятъ не безслѣдно.»

Въ то время, когда Василій Васильевичъ переѣзжалъ въ Петербургъ, младшій сынъ его, Николай Васильевичъ, нашъ поэтъ, успѣлъ уже вырости и окончить полный курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко и даже поступить на службу. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ — и намъ самимъ не разъ приходилось отъ него слышать самые тёплые отзывы о тѣхъ простыхъ и добрыхъ русскихъ людяхъ, которыхъ отецъ приставилъ къ своимъ дѣтямъ въ качествѣ дядекъ. Съ однимъ изъ такихъ дядекъ отправленъ былъ Николай Васильевичъ въ Кіевъ, гдѣ отецъ помѣстилъ его, по совѣту тогдашняго попечителя Кіевскаго учебнаго округа и стараго своего друга Е. Ѳ. фонъ-Брадке, въ 1-й благородный пансіонъ при первой Кіевской гимназіи. Здѣсь прошолъ онъ полный гимназическій курсъ, здѣсь же началъ писать стихи и весьма не дурно, какъ можно судить по слѣдующему началу стихотворенія, на-

писаннаго въ пятомъ классѣ на заданную тему «Прощаніе Гектора съ Андромахой», причёмъ вся пьеса была написана въ какіе-нибудь два дня и удостоилась одобренія учителя словесности.

Уже былъ полдень. Солнце мая,
Какъ раскалённое ядро,
Переливаясь и сіяя,
По небу ясному плыло —
И блескъ его переливался
Въ потоки огненныхъ цвѣтовъ
И величаво отражался
Среди катившихся валовъ
Всегда сѣдого Симоиса,
Озолочая корабли
Далёкой греческой земли,
Палатки Нестора, Улиса,
Шатры Аяксовъ молодыхъ,
Агамемнона и другихъ,
А тамъ подальше, возлѣ лѣса,
Златило ставку Ахиллеса
И мирмидонскіе шатры,
А у божественной горы,
У Иды, башни славной Трои,
У стѣнъ которой всѣ въ крови
Погибли многіе герои
Далёко милой имъ земли.

По окончаніи полнаго гимназическаго курса, Николай Васильевичъ, ставшій уже взрослымъ и здоровымъ юношей, отправленъ былъ въ Нѣжинъ, гдѣ и былъ принятъ, по экзамену, въ студенты Лицея Князя Безбородко.

Въ воспоминаніяхъ Николая Васильевича Нѣжинъ и пребываніе его въ Лицеѣ играютъ очень видную роль. Тамъ вѣяло хорошимъ, здоровымъ духомъ и молодёжь училась, развивалась, читала и дурачилась, не задаваясь никакими мрачными помыслами о настоящемъ, никакими смутными чаяніями будущаго. Хорошій, тѣсный кружокъ товарищей, отсутствіе педантизма и стѣсненій со стороны преподавателей и лицейскаго начальства, при полной возможности беззаботно и весело проводить время, дѣля его между дѣломъ и отдыхомъ — всё это чрезвычайно благотворно дѣйствовало на лицейскую молодёжь и вносила въ среду ея ту цѣльность и гармонію, которыхъ мы — увы — уже давно не видимъ болѣе между нашею учащеюся молодежью. При этихъ благопріятныхъ условіяхъ внутренней жизни Лицея, между лицеистами была сильно развита страсть къ занятіямъ литературою, и эти занятія увлекли многихъ впослѣдствіи на литературное и ученое поприще. Но въ ту пору, на лицейской скамьѣ, объ этомъ ещё только мечтали, на возможность литературной славы только дерзали надѣяться и довольствовались покамѣстъ обильнымъ писаніемъ стиховъ на всѣ возможныя и невозможныя тэмы, воспѣваніемъ всякихъ идеаловъ и домашнею полемикою. Николай Васильевичъ, писавшій стихи ещё въ гимназіи, конечно, не преминулъ принять участіе въ лицейской литературѣ и выступилъ съ большимъ

успѣхомъ на арену лицейскихъ турнировъ со своими мадригалами, пародіями, посланіями и цѣлыми поэмами, обличавшими уже тогда присутствіе въ нёмъ несомнѣннаго поэтическаго таланта и большой плодовитости.

Успѣхъ въ средѣ товарищей, а можетъ быть и сознаніе собственныхъ силъ побудили Николая Васильевича попытаться выступить съ однимъ изъ своихъ стихотвореній передъ настоящею — не лицейскою публикою. И вотъ онъ посылаетъ одно изъ своихъ лирическихъ стихотвореній, именно «Бокалъ» — въ редакцію «Библіотеки для Чтенія». Вотъ оно:

Друзья разошлись. На столѣ предо мною
Стоялъ недопитый бокалъ
И, пѣнясь, своей безконечной игрою
Мечту за мечтой навѣвалъ.

Душа утопала въ потокахъ сіянья,
Стремилась въ невѣдомый міръ —
И тамъ, далеко, на краю міразданья
Носилась, легка̀ какъ эѳиръ.

И мысли мои уносились далёко —
Въ равнины, гдѣ пальмы шумятъ,
Гдѣ пышно межъ листьевъ, подъ солнцемъ востока,
Горитъ золотой виноградъ.

И мнѣ представлялись равнины Шампаньи —
Онѣ разстилались вдали.
Я видѣлъ довольство, я видѣлъ старанья
И — вмѣстѣ — всю щедрость земли.

Вся область слилася въ одинъ виноградникъ,
Въ одинъ нескончаемый лѣсъ —
И дивенъ и чуденъ былъ этотъ разсадникъ
Чудеснаго дара небесъ.

Палящее солнце играло лучами
На вызрѣвшихъ, сочныхъ гроздахъ
И вѣтеръ прохладный, шумя межъ листами,
Качалъ ихъ на гибкихъ лозахъ.

Вдали возвышаются синія горы,
Шумятъ на горахъ тѣхъ лѣса;
За ними синѣется что-то, но взоры
Лишь видятъ одни небеса.

Среди виноградниковъ свѣтлой коймою
Рѣка извиваясь течётъ,
Поитъ ихъ своею прозрачной волною
И пѣнитъ, и плещетъ, и бьётъ.

И я на поляну — на этотъ избытокъ —
Съ какимъ-то восторгомъ глядѣлъ
И думалъ невольно про чудный напитокъ,
Который въ бокалѣ кипѣлъ.

Можно себѣ представить восторгъ юнаго поэта, когда въ декабрьской книжкѣ названнаго выше журнала на 1846 годъ появилось наконецъ это первое его печатное стихотвореніе! О томъ же, какое впечатлѣніе эта удача произвела въ товарищескомъ кружкѣ, да, пожалуй, и во всёмъ лицейскомъ

мірѣ — этого нельзя и передать! Словомъ, слава поэта и литератора казались въ ту пору, какъ для него самого, такъ и для товарищей его — вполнѣ упроченною, несомнѣнною.

Въ 1847 году Николай Васильевичъ окончилъ курсъ въ Лицеѣ и въ слѣдующемъ же году опредѣлился въ Изюмскій гусарскій полкъ юнкеромъ, подъ впечатлѣніемъ тогдашнихъ приготовленій къ войнѣ съ Франціей. Произведённый 3-го февраля 1849 года въ корнеты, онъ въ апрѣлѣ того же года выступилъ съ полкомъ въ Венгерскій походъ, во всё продолженіе котораго находился безсмѣннымъ ординарцемъ при командирѣ 4-го пѣхотнаго корпуса, генералѣ отъ инфантеріи М. И. Чеадаевѣ, причёмъ, за отличіе въ дѣлахъ при Герембели и Золчѣ, былъ пожалованъ орденомъ Св. Анны 4-й степени, съ надписью «за храбрость.» По окончаніи похода Николай Васильевичъ возвратился въ свой Изюмскій полкъ, стоявшій въ то время въ Литинѣ, уѣздномъ городѣ Подольской губерніи, и находившійся подъ начальствомъ новаго полковаго командира, полковника Николая Александровича Краснокутскаго, въ настоящее время занимающаго важный постъ походнаго атамана Войска Донского, принявшаго молодого офицера чрезвычайно радушно и затѣмъ, во всё время нахожденія его въ полку, не перестававшаго оказывать ему своё особенное расположеніе. Между многими стихотвореніями, написанными Гербелемъ въ это время, сохранилось одно, хорошо извѣстное однополчанамъ поэта и относящееся къ его тогдашнему полковому командиру, которое мы и помѣщаемъ здѣсь. Это — пародія на стихотвореніе А. С. Пушкина «Талисманъ», извѣстное всякому русскому:

САЛЮТОВКА.

Тамъ, гдѣ Литинъ прозябаетъ
Человѣчеству въ позоръ;
Тамъ, гдѣ градомъ заправляетъ
Изувѣченный майоръ;
Гдѣ средь гибельныхъ примѣровъ
Юдко нажилъ капиталъ —
Тамъ полковникъ офицеровъ
Салютовкѣ обучалъ.

И, откинувъ всѣ уловки,
Откровенно говорилъ:
«Господа, для салютовки
Я сюда васъ пригласилъ.
Отъ опасностей сраженья,
Отъ горячекъ и невзгодъ
Васъ, безъ всякаго сомнѣнья
Салютовка не спасётъ;

«Ни отъ бѣдствій караула,
Гдѣ такъ холодно зимой,
Ни дивана нѣтъ, ни стула,
Гдѣ отравленъ вашъ покой,
Ни отъ крику нашихъ старцевъ

Командировъ въ свой черёдъ,
Ни отъ пѣшихъ ординарцевъ
Салютовка не спасётъ.

«Но когда неугомонный
Нашъ мучитель, нашъ пилатъ
На кампаментъ дивизьонный
Прикатитъ къ намъ не впопадъ
И начнётъ повзводно шагомъ
Передъ носомъ васъ водить
И — къ другимъ возможнымъ благамъ—
Заѣзжать къ себѣ велитъ:

«То тогда отъ бѣдъ случайныхъ,
Предназначенныхъ инымъ,
Отъ поѣздокъ чрезвычайныхъ
По гаубтвахтамъ полковымъ,
Отъ обычныхъ распеканій
И отъ многихъ, многихъ сотъ
Остроумныхъ замѣчаній
Салютовка васъ спасётъ.»

Этому тёплому расположенію къ себѣ своего полковаго командира Гербель былъ отчасти обязанъ и тѣмъ, что въ 1851 году, тотчасъ по прибытіи своёмъ въ Петербургъ, вошолъ въ близкія сношенія съ кружкомъ «Современника», стоявшимъ тогда во главѣ русской либеральной литературы, блистая именами Тургенева, Гончарова, Некрасова, Дружинина, Григоровича, Боткина и другихъ. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1851 года Гербель, переведённый изъ Изюмскаго гусарскаго полка въ лейбъ-гвардіи Уланскій, отправился въ Петербургъ, причёмъ Н. А. Краснокутскій снабдилъ молодого поэта нѣсколькими рекомендательными письмами къ своимъ литературнымъ друзьямъ въ С.-Петербургѣ, въ томъ числѣ къ И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову, тогдашнимъ редакторамъ «Современника». Благодаря именно этимъ письмамъ, Николай Васильевичъ былъ самимъ радушнымъ образомъ принятъ обоими редакторами и вскорѣ могъ проявить свои силы достойнымъ образомъ на страницахъ «Современника». Первыми стихотвореніями Гербеля по пріѣздѣ въ Петербургъ были «Плачъ Ярославны», «Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ» — изъ Байрона и «На двухсотлѣтіе Изюмскаго гусарскаго полка», заслужившіе всеобщее одобреніе.

Ободрённый благопріятными отзывами лучшимъ современныхъ критиковъ, Гербель сталъ продолжать свою поэтическую дѣятельность смѣлѣе — и его стихотворенія, преимущественно переводы изъ Шиллера и Байрона, стали чаще и чаще появляться въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Библіотекѣ для Чтенія». Въ 1852 году Гербель издалъ «Исторію Изюмскаго Слободскаго казачьяго полка», переименованнаго, впослѣдствіи въ гусарскій. Въ нёмъ началъ авторъ свою службу, съ нимъ дѣлилъ труды и опасности — и достойно отплатилъ ему за прослуженные въ нёмъ годы юности.

Вслѣдъ за этою историческою монографіей, Гербель выпустилъ въ свѣтъ свой всѣмъ хорошо извѣстный стихотворный переводъ «Слова о

полку Игоревѣ», подъ общимъ заглавіемъ «Игорь Князь Сѣверскій». Этотъ переводъ, встрѣченный многими съ восторгомъ и вызвавшій хвалебные отзывы даже со стороны учоныхъ спеціалистовъ, окончательно упрочилъ извѣстность Гербеля, выдержавъ по настоящее время шесть отдѣльныхъ изданій.

Крымская война, въ которой хотя и не пришлось участвовать Николаю Васильевичу, такъ-какъ гвардіи, охранявшей наши границы отъ нашей старой и вѣрной союзницы—Австріи, не удалось сойтись съ непріятелемъ, громившимъ Севастополь, на нѣкоторое время прервала его литературныя занятія. Насталъ день выступленія въ походъ. Литературные и полковые друзья проводили его до заставы и, простившись съ уѣзжавшимъ, пожелали ему счастливаго возвращенія, причёмъ И. И. Панаевъ почтилъ его слѣдующимъ напутственнымъ экспромптомъ:

Счастливецъ, музами избранный,
Поэтъ и воинъ, ты летишь
Теперь отъ насъ на подвигъ бранный,
Ты отъ враговъ насъ защитишь
И возвратишься невредимый,
Увѣнчанъ лаврами, въ свой кругъ,
Чтобъ посвятить мечтѣ любимой —
Литературѣ — свой досугъ.
И такъ — прости до свѣтлой встрѣчи!
Ты вѣрно привезёшь съ собой
Стихи и пламенныя рѣчи
О подвигахъ кровавой сѣчи
И повѣсть жизни боевой.

Распрощавшись съ друзьями и со всѣмъ, что оставлялъ милаго въ Петербургѣ, Николай Васильевичъ отправился въ походъ и съ дороги написалъ нѣсколько интересныхъ писемъ, помѣщённыхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» на 1854 годъ.

Но главная и самая важная часть литературной дѣятельности Гербеля была ещё впереди. Увлекаясь иностранными, преимущественно нѣмецкими поэтами, онъ вполнѣ сознавалъ то значеніе, которое можетъ имѣть въ каждой литературѣ полное собраніе сочиненій того или другого великаго поэта, умѣло пересаженное на почву чуждой имъ литературы. Сознавая это, Гербель набрёлъ на чрезвычайно счастливую мысль собрать и издать всё то̀, что уже было переведено изъ Шиллера на русскій языкъ, добавивъ всё ещё не переведённое изъ него вовсе или, хотя и переведённое, но не удовлетворительно, новыми переводами. Пользуясь своими обширными литературными связями и личнымъ поэтическимъ даромъ, Николай Васильевичъ привёлъ свою мысль въ исполненіе — и въ 1857 году «Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей» явилось въ свѣтъ.

Появленіе Шиллера, встрѣченное единодушными похвалами журналовъ и положительный успѣхъ изданія, выдержавшаго въ теченіи двадцати лѣтъ пять изданій, окончательно опредѣлилъ литературную и издательскую карьеру Гербеля, побудивъ его выдти въ отставку и посвятить

себя окончательно самой широкой издательской дѣятельности. Прощаясь съ своими товарищами по лейбъ-гвардіи Уланскому полку, почтившихъ Николая Васильевича по этому случаю торжественнымъ обѣдомъ, онъ отвѣтилъ на общія изъявленія расположенія къ себѣ всѣхъ присутствующихъ слѣдующими задушевными словами:

«Благодарю васъ отъ полноты души за ваше вниманье, за ваше расположенье ко мнѣ. Вы вѣрно не усомнитесь въ искренности моихъ словъ, если я скажу, что разстаюсь со всѣми вами съ глубокимъ сожалѣніемъ. Восемь лѣтъ провёлъ я въ вашемъ кругу, если не со всѣми, то со многими изъ васъ. Восемь лѣтъ — много времени. Привязанности, которыя мы дѣлаемъ въ молодости, остаются навсегда. Сегодня въ послѣдній разъ я ещё могу назвать васъ товарищами; завтра мы пойдёмъ разными дорогами, къ разнымъ цѣлямъ. Но куда бы судьба меня ни забросила, я буду всегда съ любовью слѣдить за каждымъ изъ васъ и радоваться его успѣхамъ.

«Оставляя военное поприще, я перехожу къ занятіямъ болѣе мирнымъ — къ литературѣ, которая всегда была любимымъ моимъ занятіемъ и которой я теперь отдаюсь весь, нераздѣльно. Было время, когда и я мечталъ о славѣ, почестяхъ, блескѣ — словомъ обо всёмъ, о чёмъ мечтаетъ молодость. Теперь мои желанья и стремленья уже не тѣ. Время съ своимъ безпощаднымъ опытомъ разсѣяло призраки и показало жизнь, какою она дѣйствительно есть. Я понялъ, что слава есть удѣлъ немногихъ избранныхъ, но что полезнымъ можетъ и *долженъ* быть каждый. Благодарю васъ ещё разъ за честь, сдѣланную мнѣ — и пью за ваше здоровье и честь полка! Ура!»

Результатомъ усиленной дѣятельности Гербеля какъ издателя было появленіе въ свѣтъ такихъ крупныхъ предпріятій, какъ полныя собранія сочиненій Шекспира, Байрона, Шиллера, Гетё, Гофмана и Шевченки въ переводахъ русскихъ писателей, въ которыхъ весьма значительная часть переводовъ принадлежитъ перу самого издателя и «Славянскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ», въ которыхъ большая часть жизнеописаній тоже составлена Николаемъ Васильевичемъ и, наконецъ, едва ли не самаго капитальнаго изъ его трудовъ — «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», которое выдержало уже два изданія, и въ которомъ всѣ 129 біографій написаны самимъ издателемъ, предпославшимъ своей книгѣ слѣдующее посвященіе:

Вамъ, чистые сердцемъ, вамъ, любящимъ Русь,
Съ ея озерами — морями,
Съ ея неоглядным просторомъ полей,
Съ ея городами, рѣками,
Съ ея благодушнымъ народомъ, волной
Залившимъ отъ краю до краю
Равнины и степи родимой земли —
Вамъ новый мой трудъ посвящаю!

Всѣ эти жемчужины чистой воды,
Всѣ эти крупицы-топазы,

Что также, какъ жемчугъ, играютъ, горятъ
И блещутъ порой, какъ алмазы,
Я бережно собралъ — и нынѣ на судъ
Несу ихъ въ убогой кошницѣ:
Да славится жемчугъ! да снидетъ хвала
И къ блещущей искрой крупицѣ!

При этой широкой, трудной и многообразной издательской дѣятельности, Николай Васильевичъ не оставлялъ и своихъ литературныхъ занятій: онъ продолжалъ писать и переводить и въ то же самое время много успѣлъ сдѣлать для критической разработки нашихъ поэтовъ и писателей, которымъ постоянно посвящалъ свои досуги. Такъ подъ его редакціей были изданы полныя собранія сочиненій Е. П. Гребёнки въ пяти томахъ, А. В. Дружинина — въ восьми большихъ томахъ и стихотворенія Н. Я. Прокоповича, И. С. Крешева, Н. В. Берга и Д. М. Михайловскаго— каждый въ одномъ томѣ, «Лицей Князя Безбородко», «Братская Помощь», сборникъ изданный въ пользу страждущихъ славянъ Балканскаго полуострова, 30-е изданіе «Горя отъ ума» Грибоѣдова и три изданія «Кобзаря» Тараса Шевченки, на половину переведённаго имъ самимъ. Есть основаніе думать, что литературная дѣятельность Николая Васильевича закончится ещё не скоро и что онъ ещё долго будетъ въ состояніи трудиться на пользу той части русской читающей публики, которая ищетъ въ книгѣ не пустого развлеченія, а дѣйствительнаго отдохновенія и забвенія пошлой дѣйствительности. Мы, кажется, не ошибёмся, если скажемъ, что Гербелю удалось создать цѣлый рядъ книгъ, которыя сдѣлались любимымъ чтеніемъ всѣхъ образованныхъ слоевъ русскаго общества и, въ то же время, значительно подняли уровень его образованія.

26-го апрѣля 1864 года Николай Васильевичъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицей Ольгой Ивановной Соколовой, дочерью Иванъ Егоровича и Марьи Павловны Соколовыхъ, тульскихъ помѣщиковъ. Этотъ вполнѣ счастливый бракъ далъ нашему поэту не только достойную супругу, но и превосходную сотрудницу въ литературныхъ его трудахъ, особенно по части переводовъ съ англійскаго языка, съ котораго она сама перевела стихами пяти-актную трагедію лорда Байрона «Вернеръ», помѣщённую въ 4-мъ томѣ изданнаго ея супругомъ въ 1877 году «Полнаго собранія сочиненій Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ».

П. Полевой.

А. Л. Гинтовтъ.

Тѣсныя дружескія отношенія связали меня съ Гинтовтомъ ещё въ гимназіи,—и съ тѣхъ поръ наша дружба не прекращалась, такъ-что я не хотѣлъ никому уступить права начертить хотя въ контурахъ главнѣйшія обстоятельства его жизни. Александръ Людвиговичъ Гинтовтъ, сынъ генералъ-маіора Людвига Ивановича Гинтовта, начавшаго службу

подъ знаменами Суворова, въ Италіи, и продолжавшаго её съ отличіемъ и въ отечественную войну, принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ княжескихъ литовскихъ фамилій. Изъ романа моего «Альфъ и Альдона», тѣ, которые читали этотъ романъ, знаютъ, что при Ольгердѣ въ Вильнѣ былъ криве-кривейто, или языческій первосвященникъ того же имени. Родоначальникомъ своимъ однако же Гинтовты признаютъ князя Юліана Доршпрунга, основателя зàмковъ въ Вилькомирѣ и Дзѣвалтовѣ; отъ послѣдняго одно колѣно ихъ рода получило и прозваніе Гинтовтовъ-Дзѣвалтовскихъ. Эта добавочная фамилія и княжеская корона въ гербѣ сохранились въ семействѣ Гинтовтовъ и донынѣ.

Александръ Людвиговичъ Гинтовтъ окончилъ курсъ наукъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко годомъ позже меня. Отецъ его, бывшій тогда временнымъ комендантомъ въ Севастополѣ, желалъ, чтобы сынъ его шолъ по гражданской части и потому требовалъ, чтобы онъ отправился въ Одессу, для опредѣленія въ канцелярію генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова. Гинтовтъ повиновался, но, не имѣя расположенія къ гражданской службѣ, не спѣшилъ поѣздкой въ Одессу: то съ матушкой надо было проститься, то по дорогѣ товарищей навѣстить, словомъ, ѣхалъ такъ искусно, что явился въ Одессу на третій день послѣ отъѣзда графа Воронцова за границу, причёмъ мѣсто генералъ-губернатора временно занималъ командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенантъ Красовскій. Въ это время Польша была въ полномъ возстаніи, почему войска 3-го корпуса уже имѣли приказаніе выступить въ походъ. Генералъ Красовскій предложилъ молодому человѣку промѣнять гусиное перо на шпагу. Это было Гинтовту по сердцу — и 17-го декабря 1830 года онъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ 17-й егерскій полкъ. Вдругъ послѣдовала перемѣна. Красовскому Высочайше повелѣно остаться въ Одессѣ и управлять Новороссійскимъ краемъ, а на его мѣсто корпуснымъ командиромъ былъ назначенъ генералъ Кайсаровъ. Больно было юношѣ па первомъ такъ сказать шагу новаго поприща потерять такого руководителя и покровителя. Но нечего было дѣлать: назадъ возвращаться было поздно — и, скрѣпя сердце, Гинтовтъ отправился въ армію, причёмъ нашолъ свой полкъ на походѣ, на бивуакахъ, по сю сторону Буга. Точно въ лѣсъ попалъ: ни онъ ни кого, никто его не знаетъ. Да и война самà-то была такая невесёлая, такъ-какъ отряду Кайсарова пришлось блокировать крѣпость Замосць. Словомъ, ни одного порядочнаго военнаго дѣла; одни пустыя стычки, къ которыхъ и отличиться было невозможно. Всё, что могла доставить ему польская кампанія, такъ это чинъ прапорщика, вниманіе начальства, дружбу и уваженіе товарищей — и всё это завоевалъ онъ съ отличнымъ успѣхомъ, такъ-что, не смотря на молодость, вскорѣ былъ назначенъ исправляющимъ должность полкового адъютанта и казначея Брянскаго егерскаго полка, въ составъ коего поступилъ 17-й егерскій. Съ наступленіемъ 1835 года войска стали готовиться къ калишскимъ маневрамъ; затѣмъ полковой командиръ выбылъ; новый, хотя и пріѣхалъ въ Калишъ, но, не вступая въ командованіе полкомъ, подалъ въ отставку. Назначили третьяго, но пока тотъ явился, Гинтовтъ, по должности своей,

сдѣлался извѣстенъ начальнику 9-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Тимофѣеву, который, обративъ на способности молодого офицера особенное вниманіе и заботясь объ устройствѣ полка къ предстоявшему смотру, поручилъ ему непосредственно исполненіе своихъ распоряженій. Это рѣшило судьбу Гинтовта. Какъ только пріѣхалъ новый, то-есть третій командиръ Брянскаго егерскаго полка, генералъ Тимофѣевъ предложилъ Гинтовту находиться при его штабѣ, на что тотъ, разумѣется, охотно согласился—и 25-го января 1834 года поступилъ на открывшуюся при генералѣ вакансію адъютанта. Съ-тѣхъ-поръ, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, то-есть до 1850 года, Гинтовтъ, если можно такъ выразиться, былъ безотлучнымъ спутникомъ генерала Тимофѣева во всѣхъ переходахъ его службы, сначала въ званіи адъютанта, до 1847 года, а потомъ въ должности дежурнаго штабъ-офицера 6-го пѣхотнаго корпуса. Въ 1850 году генералъ Тимофѣевъ скончался; на мѣсто его назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Чеодаевъ, причёмъ Гинтовтъ остался и при нёмъ въ той же должности. Въ 1854 году генералъ Чеодаевъ назначенъ былъ начальникомъ всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ и запасныхъ войскъ арміи. Не желая разстаться съ Гинтовтомъ, онъ оставилъ его при себѣ по особымъ порученіямъ, возложивъ на него письменную часть своего штаба, такъ-что въ отсутствіе начальника штаба Гинтовтъ исправлялъ его должность. Въ сентябрѣ 1856 года генералъ Чеодаевъ, по разстроенному здоровью, уволенъ былъ отъ должности, а Гинтовтъ вскорѣ за тѣмъ, именно 25-го декабря того же года, произведёнъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса.

Въ гимназіи я постоянно думалъ, что Гинтовтъ со временемъ займётъ почётное мѣсто между русскими литераторами; но судьба рѣшила иначе: служба поглотила всѣ его досуги. Я знаю только два напечатанныя его сочиненія; одно, помѣщённое въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», заключаетъ описаніе празднества по случаю юбилея пятидесятилѣтней службы генерала Чеодаева, а другое, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Некрологъ В. И. Тимофѣева 1-го», помѣщено въ журналѣ «Москвитянинъ» за 1850 годъ. Не смотря на всю сжатость и краткость разсказа, нельзя не обратить вниманія на одушевленіе и теплоту, которыми согрѣта эта небольшая, какъ-будто полуоффиціальная статья, и не пожалѣть, что Гинтовтъ, постоянно обремененный штабными занятіями, не имѣлъ возможности посвящать свои немногіе досуги отечественной литературѣ.

По прибытіи на мѣсто новаго своего назначенія въ Сибирь, Александръ Людвиговичъ вскорѣ женился на молодой и весьма красивой дѣвицѣ, мѣстной уроженкѣ, но не долго наслаждался счастіемъ семейной жизни. Черезъ три года по прибытіи въ Тобольскъ онъ заболѣлъ и, послѣ продолжительнаго леченія, умеръ, оплаканный всѣми его знавшими и любившими.

Н. Кукольникъ.

Л. И. Глѣбовъ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ, извѣстный современный малороссійскій баснописецъ и переводчикъ многихъ басень Крылова на малороссійскій языкъ, окончилъ курсъ Лицея Князя Безбородко въ 1855 году. Служебное его поприще было очень скромно. Сначала онъ былъ учителемъ дворянскаго училища въ одномъ изъ городковъ Подольской губерніи, а потомъ чиновникомъ въ канцеляріи Черниговскаго губернатора. Вызванное реформою 1861 года всеобщее возбужденіе умственной дѣятельности въ Малороссіи, направилось, между-прочимъ, на изученіе своего прошлаго, того прошлаго, которое до того времени такъ ревниво охранялось цензурою отъ взоровъ общества. Образованная часть малороссійскаго населенія съ любовью принялась за свой родной языкъ, за свои пѣсни; всё что относилось къ старинѣ, сохранившейся ещё въ народной жизни, сдѣлалось дорого для каждаго малоросіянина. Молодёжь съ особымъ увлеченіемъ отнеслась къ этому направленію, воскресившему переданную ей исторіею народную особенность; люди сходные по мыслямъ, другъ къ другу для бесѣды, образовывали постоянные кружки—*курени*, какъ когда-то назывались кружки сосѣдей казаковъ. Всё это жило въ своёмъ мірѣ идей, хотя и надобно сказать, что этотъ міръ былъ самаго невиннаго свойства, но всё-таки въ нёмъ хорошо чувствовалось молодымъ силамъ, идеализировавшимъ прошлое, безъ другихъ практическихъ цѣлей, кромѣ права сознавать свою народную особенность. Но времена вдругъ перемѣнились: откуда-то явилось слово *украинофилъ*, *украинецъ* значитъ не русскій, а слѣдовательно и врагъ русскаго объединенія и вслѣдъ за этимъ подверглось гоненію всё, что говорило по-малороссійски, что носило малороссійское платье; и многіе изъ дѣятелей кружковъ даже дорого поплатились за свою любовь къ народу, и въ числѣ ихъ и Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ. Заподозрѣнный въ принадлежности къ украйнофильству, онъ долженъ былъ оставить службу, вынеся изъ нея титулъ *неблагонадежнаго*, надолго лишавшій его впослѣдствіи всякой возможности пристроиться къ какому-либо дѣлу. Положеніе его было самое тяжолое и только благодаря кое-какой поддержкѣ отъ своихъ друзей, онъ не дошолъ до крайности; къ этому присоединилась болѣзнь, отъ которой его зрѣніе очень пострадало. Послѣ долгихъ ожиданій лучшаго, ему было наконецъ разрѣшено принять должность завѣдующаго земской типографіею въ Черниговѣ, гдѣ, занимаясь своимъ дѣломъ, онъ могъ успокоиться отъ преслѣдованій судьбы, не домогаясь уже чѣмъ либо выдвигаться.

Литературная дѣятельность Леонида Ивановича принадлежитъ къ первымъ временамъ его молодости. Многіе изъ его басень напечатаны были ещё во время его студенчества; въ пору же претерпенныхъ имъ испытаній и въ особенности въ послѣдующіе за тѣмъ годы, онъ уже ничего не писалъ. Въ его басняхъ малороссійскій юморъ нашолъ себѣ удачное примѣненіе для выраженія сатирической стороны разсказа,

и потому, благодаря необыкновенному умѣнью проводить народный характеръ чрезъ всё разнообразіе содержаніе басень, онѣ пользуются заслуженною извѣстностью.

К. Троцина.

Н. В. Гоголь.

По дворянскому протоколу Гоголя, родъ его восходитъ ко временамъ извѣстнаго полковника подольскаго и потомъ гетмана небольшой дружины козаковъ, Остапа Гоголя, о которомъ впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1655 годомъ, при описаніи битвы на Дрижиполѣ. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь Аѳанасій Гоголь, дѣдъ нашего великаго писателя, въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскаго и тестя бунчуковаго товарища Семёна Лизогуба. Что̀ же касается предковъ Гоголя по женской линіи, то полковникъ переяславскій Василій Танскій происходилъ отъ извѣстной польской фамиліи этого имени и оставилъ Польшу въ то время, когда Пётръ Великій вооружился противъ претендента на польскій престолъ, Лещинскаго. Онъ усердно служилъ Петру въ шведской войнѣ и занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между малороссійскою старшиною. Прадѣдъ писателя, Семёнъ Лизогубъ, происходилъ отъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба, извѣстнаго тоже въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ, а его мать, Марья Ивановна, была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метрическаго свидѣтельства. Такимъ образомъ, Гоголь, по своей родословной, принадлежалъ къ высшему сословію въ Малороссіи и въ числѣ своихъ предковъ могъ считать нѣсколько личностей, хорошо памятныхъ исторіи. Замѣтимъ, что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ Турцію, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный — всё это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что̀ касается дѣдушки поэта, полкового писаря, то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, или по-крайней-мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій и кто знаетъ,—не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти «Вій»? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него рисовалъ онъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича.

Сынъ полкового писаря, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, отецъ поэта, былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Онъ обладалъ даромъ разсказывать занимательно, о чёмъ бы ему ни вздумалось и приправлялъ свои разсказы врождённымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича, то-есть 18-го марта 1809 года, онъ имѣлъ уже

чинъ коллежскаго ассесора, что въ провинціи — и ещё въ тогдашней провинціи — было рѣшительнымъ доказательствомъ, во-первыхъ, умственныхъ достоинствъ, а во-вторыхъ, бывалости и служебной дѣятельности, небольшое же наслѣдственное село его Васильевка, или — какъ оно называется изстари — Яновщина, было центромъ общественности всего околотка, такъ-какъ гостепріимство, умъ и рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далёкихъ сосѣдей. Тутъ-то бывали настоящіе «вечера на хуторѣ», которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣстилъ возлѣ Диканьки; тутъ-то онъ видалъ этихъ неистощимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окаррикатуря, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудаго Панька.

Надобно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи.

Въ сосѣдствѣ села Васильевки, именно въ селѣ Кибинцахъ, проживалъ извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, геній своего рода, который изъ бѣднаго казачьяго мальчика умѣлъ своими способностями и заслугами возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути государственной службы, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Отецъ Гоголя былъ съ Трощинскимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Такъ и должно было случиться неизбѣжно. Оригинальный умъ и рѣдкій даръ слова, какими обладалъ сосѣдъ, были оцѣнены вполнѣ воспитанникомъ высшаго столичнаго круга. Съ своей стороны, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь не могъ найти ни лучшаго собесѣдника, какъ бывшаго министра, ни обширнѣйшаго и болѣе избраннаго круга слушателей, какъ тотъ, который собирался въ домѣ государственнаго человѣка, отдыхающаго на родинѣ послѣ долгихъ трудовъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго обоихъ.

Въ то время Котляревскій только что выступилъ на сцену съ своею «Наталкою Полтавкою» и «Москалёмъ-Чаривныкомъ», пьесами досихъ-поръ неисключёнными изъ репертуара провинціальныхъ и столичныхъ театровъ. Комедіи изъ родной сферы, послѣ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго, понравились малороссіянамъ, — и не одинъ богатый помѣщикъ устраивалъ для нихъ домашній театръ. То же сдѣлалъ и Трощинскій. Собственная ли это его была затѣя, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву — не знаемъ, только старикъ-Гоголь былъ дирижеромъ такого театра и главнымъ его актёромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія, на малороссійскомъ языкѣ.

Къ сожалѣнію, всё это считалось не болѣе, какъ шуткою, и никто

не думалъ сберегать игравшіяся на кибинскомъ театрѣ комедіи. Единственные слѣды этой литературной дѣятельности мы находимъ въ эпиграфахъ къ «Сорочинской Ярмаркѣ» и къ «Майской Ночи».

Изъ этого видно, что Гоголь въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ окружонъ литературною и театральною сферою, и такимъ образомъ тогда уже былъ для него намѣченъ предстоявшій ему путь. Онъ, можно сказать, подъ домашнимъ кровомъ получилъ первые уроки декламаціи и сценическихъ пріёмовъ, которыми впослѣдствіи восхищалъ близкихъ своихъ пріятелей. Пріѣзжая домой на вакаціи, онъ имѣлъ не одинъ случай, если не видѣть театръ Трощинскаго, то слышать о нёмъ и позаимствовать кое-что отъ своего отца. Какъ бы то ни было, только въ Нѣжинской Гимназіи мы находимъ его не только писателемъ и журналистомъ, но и отличнымъ актёромъ. Но прежде, нежели разскажемъ, какъ всё это было, мы должны, для порядка своего повѣствованія, упомянуть, что Гоголь получилъ первоначальное образованіе дома, отъ наёмнаго семинариста. Потомъ готовился къ поступленію въ Гимназію въ Полтавѣ, на дому у одного учителя вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Иваномъ; но когда ихъ взяли домой на каникулы и младшій братъ умеръ, Николай Васильевичъ оставался нѣкоторое время дома. Между-тѣмъ тогдашній черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко и совѣтовалъ ему помѣстить сына въ находящійся при этой Гимназіи пансіонъ, что и было сдѣлано въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года. Гоголь вступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ, а черезъ годъ зачисленъ казённокоштнымъ.

Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской Гимназіи, у водъ поросшей камышомъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ нёмъ грёзы о родинѣ. Онъ—любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость; но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его всё получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться.

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и «добронравнаго»; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинивался жосткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что называется, «смирною овечкою». Маленькія злыя ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что онъ разсказываетъ въ «Мёртвыхъ Душахъ» о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, а между-тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго питалъ комическое отвращеніе. Онъ шутя говаривалъ, что онъ «не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ». — Вспомните слова его: «по англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи». Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

За-то въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ Гимназіи было тогда, да есть и до сихъ поръ нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ своего учителя рисованія Павлова, человѣка необыкновенно преданнаго своему искусству, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ.

Что же касается литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы Кукольника, Гребёнки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ Гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь-Яновскій*. Сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже нѣкоторою опытностію, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстію. Слово въ эту эпоху вообще было какою-то новостію, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей казался тогда восхитительною забавою. Это было время появленія первыхъ главъ «Евгенія Онѣгина», время, когда книги не читались, а, выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и его блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Интересенъ разсказъ о Гоголѣ-гимназистѣ, напечатанный однимъ изъ его наставниковъ, И. Г. Кулжинскимъ, въ 21 № «Москвитянина» на 1854 годъ: «Онъ учился у меня (говоритъ г. Кулжинскій) три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: «Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram», за что и былъ

прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами Universus mundus. Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою и, ежели правду сказать, нехотѣвшій или неумѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть, и къ лучшему».

По разсказу Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи выказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Б — на, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день имянинъ Б — на, 12-го декабря, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище монаховъ всѣхъ,
Индѣ монастыря строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй.

Вскорѣ за тѣмъ Гоголь написалъ сатиру на жителей Нѣжина, подъ заглавіемъ: «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ», и изобразилъ въ ней типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ своё сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: «Освященіе церкви на Греческомъ Кладбищѣ», «Выборъ въ Греческій Магистратъ», «Всѣдная Ярмарка», «Обѣдъ у предводителя П***», «Роспускъ и съѣздъ студентовъ». Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь ещё въ Гимназіи, выписалъ её отъ него изъ Петербурга, подъ предлогомъ — будто бы потерялъ подлинникъ и уже не возвратилъ.

Другой соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши ещё въ одномъ изъ первыхъ классовъ Гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ «Двѣ Рыбки». Въ ней, подъ двумя рыбками, онъ изобразилъ судьбу свою и своего брата — очень

трогательно, сколько припомнитъ г. Прокоповичъ тогдашнее своё впечатлѣніе.

Каковы бы ни были эти первыя литературныя попытки, но онѣ обнаруживали уже, къ чему былъ призванъ въ жизни даровитый юноша. Между тѣмъ Гоголь до конца жизни сомнѣвался (разумѣется, по временамъ), «точно ли поприще писателя есть его поприще», и ему можно, поэтому, вѣрить, что онъ не придавалъ большой важности своимъ первымъ опытамъ въ стихахъ и въ прозѣ.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что́ всего важнѣе, сдѣлать обёртку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: «Звѣзда». Всё это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Всё внимало и восхищалось. Въ «Звѣздѣ», между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: «Братья Твердиславичи» (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современыхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Всё это написано было такъ называемымъ «высокимъ» слогомъ, изъ-за котораго бились и всё сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ Гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта — словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе «Альманаха» и издалъ подъ заглавіемъ: «Парнасскій Навозъ». Отъ этой шутки онъ перешолъ къ серьёзному подражанію журналамъ и работалъ надъ обёртками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Новое литературное направленіе заставило его бросить журналистику. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ Гимназію, онъ привёзъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актёромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ: другого никто не видалъ. Начальство Гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка и ввело въ репертуаръ гоголева театра французскія пьесы. Тутъ-то и Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, непріучённымъ къ нему съ

дѣтства, кажется гораздо труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія пьесы, однако жь, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ Гимназіи, процвѣлъ наконецъ до того, что на представленія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ нихъ помнятъ его досихъ-поръ въ роли Простаковой, и говорятъ, что онъ исполнялъ её превосходно. Этому можно повѣрить.

Ещё мы знаемъ автора «Мёртвыхъ Душъ» въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги не трудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли «Сѣверные Цвѣты», издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе— нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до-тѣхъ-поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завёртывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берёгъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до-того развилась въ нёмъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ «Математическую Энциклопедію» Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ нёмъ; но первое изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» ещё отзывается ею.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса и уѣхалъ на родину, а оттуда, въ концѣ 1828 года, въ Петербургъ. Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ. Изъ его писемъ мы уже знаемъ, что его привлекали въ Петербургъ служба, театръ и поѣздка за границу. Какъ ни разнородны были эти влеченія, но каждое изъ нихъ брало своё начало въ чувствахъ, общихъ всѣмъ геніальнымъ людямъ — въ сознаніи внутреннихъ силъ, въ стремленіи проявить ихъ и въ жаждѣ славы, Гоголь не зналъ, какимъ путёмъ выйти ему изъ неизвѣстности. Всѣ пути къ общей пользѣ были для него равны, и потому его мечты о службѣ были также теплы, также нетерпѣливы, какъ и мечты о духовныхъ наслажденіяхъ столичной жизни. Неопытному мальчику столица представлялась какимъ-то эдемомъ, гдѣ его ожидаютъ однѣ радости. «Зачѣмъ намъ такъ хочется видѣть наше счастіе?» говоритъ онъ. «Мысль о нёмъ и днёмъ и ночью мучитъ, тревожитъ моё сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣнье.»

Прибывъ въ Петербургъ и не рѣшаясь вступить въ службу обыкновеннымъ порядкомъ и пугаясь механической канцелярской работы, Гоголь, по

собственному его выраженію, «стоялъ въ раздумьи на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія ещё нѣкоторымъ ожиданіямъ». Въ это время онъ собиралъ матеріалы для повѣстей, которыя составили «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки». Но прежде нежели онъ обратился къ родной, ещё нетронутой почти никѣмъ почвѣ поэзіи, его фантазія сдѣлала нѣсколько попытокъ въ подражаніе читанному имъ въ книгахъ. Не многіе могли бы по нимъ угадать, что̀ можетъ выдти со временемъ изъ начинающаго писателя. Способности будущаго знаменитаго поэта не получили ещё тѣхъ граней, которыми онѣ сверкаютъ въ глаза каждому, и нужно было ему встрѣтиться развѣ съ глубокимъ знатокомъ талантовъ, чтобъ обратить на себя особенное вниманіе. Ничего подобнаго, покамѣстъ, не случилось, тѣмъ болѣе, что Гоголь самъ боялся гласности и прокладывалъ себѣ дорогу къ литературнымъ успѣхамъ тайкомъ даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Онъ написалъ стихотвореніе «Италія» и отправилъ его incognito къ издателю «Сына Отечества», можетъ быть для того только, чтобъ узнать, удостоятся ли его стихи печати. Стихи *были* напечатаны.

Между-тѣмъ у Гоголя была въ запасѣ поэма «Ганцъ Кюхельгартенъ», написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году. Не довѣряя своимъ силамъ и боясь критики, Гоголь скрылъ это раннее произведеніе своё подъ псевдонимомъ В. Алова. Онъ напечаталъ его на собственный счотъ, вслѣдъ за стихотвореніемъ «Италія», и роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на коммисію. Въ это время онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ землякомъ и соученикомъ по гимназіи Н. Я. Прокоповичемъ, который поэтому-то и зналъ, откуда выпорхнулъ «Ганцъ Кюхельгартенъ». Для всѣхъ прочихъ знакомыхъ Гоголя это оставалось непроницаемою тайною. Нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ П. А. Плетнёвъ, котораго Гоголь зналъ тогда ещё только по имени, и М. П. Погодинъ, получили incognito по экземпляру его поэмы; но авторъ никогда ни однимъ словомъ не далъ имъ понять, отъ кого была прислана книжка. Онъ притаился за своимъ псевдонимомъ и ждалъ, что̀ будутъ говорить о его поэмѣ. Ожиданія его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о «Ганцѣ» равнодушно, а между тѣмъ Н. Полевой прихлопнулъ её въ своёмъ журналѣ насмѣшкою, отъ которой сердце юноши-поэта сжалось болѣзненною скорбью. Онъ бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ экземпляры, нанялъ нумеръ въ гостинницѣ и сжогъ всё до одного.

По возвращеніи изъ своего путешествія въ Любекъ и Травемюнде, Гоголь снова обратился къ литературѣ — и въ продолженіе 1830 и 1831 годовъ появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько безъименныхъ его статей, которыя можно назвать пробою пера, устремлённаго къ широкой дѣятельности. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны безъ всякой подписи, другія — подъ разными псевдонимами. Въ эти первые годы литературной своей дѣятельности онъ работалъ очень много, потому-что къ маю 1831 года у него уже готово было нѣсколько повѣстей, составившихъ первый томъ «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Не зная,

какъ распорядиться съ этими повѣстями, Гоголь обратился за совѣтомъ къ П. А. Плетнёву. Плетнёвъ хотѣлъ оградить юношу отъ вліянія литературныхъ партій и въ то же время спасти повѣсти отъ предубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ, и не получили о нёмъ высокаго понятія. По этому онъ присовѣтовалъ Гоголю, на первый разъ, строжайшее incognito и придумалъ для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились въ свѣтъ «Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ», который будто бы жилъ возлѣ Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею. Книга была принята огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть «Вечеровъ на Хуторѣ». Пасичникъ Рудый Панько очевидно былъ ободрёнъ первымъ пріёмомъ и разболтался въ предисловіяхъ во второй книжкѣ ещё любезнѣе.

24-го іюня 1834 года онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при С.-Петербугскомъ университетѣ. Онъ искалъ этого мѣста вовсе не изъ честолюбія или корыстныхъ видовъ. Честолюбіе его было выше мелочнаго тщеславія ступенью, занимаемою въ обществѣ, а матеріальныя выгоды никогда не составляли цѣли его жизни: онѣ были въ его глазахъ только средствами для осуществленія плановъ, постоянно занимавшихъ его душу. Здѣсь онъ не переставалъ работать по мѣрѣ данныхъ ему Богомъ силъ, не переставалъ учиться и постоянно имѣлъ въ виду цѣль — сдѣлаться наконецъ ученымъ, хорошимъ профессоромъ, именно историкомъ. Но его художническая природа мѣшала постоянно той пассивной дѣятельности, которая нужна для обогащенія себя свѣдѣніями. Его пониманіе исторіи не могло обратиться въ спокойное преподаваніе. Тѣмъ не менѣе, съ юныхъ лѣтъ Гоголь дѣлалъ постоянныя усилія образовать себя, которыя тѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ заслуги, что для художника онѣ тяжеле, нежели для всякаго другаго. Доказательствомъ этому служитъ его записная книга, о которой говорено было выше. Такія записныя книги видали у него постоянно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе заставлялъ онъ себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшіе могутъ это засвидѣтельствовать. Быстрота соображенія, геніальная отгадка смысла вещей и событій мѣшаетъ также заниматься послѣдовательно. Человѣкъ, для котораго смыслъ событія является выводомъ, часто тяжело добываемымъ долгими трудами, видитъ всю цѣну и необходимость для него этихъ трудовъ. Но для того, чей острый взоръ проникаетъ въ смыслъ событія, не дожидаясь полной, окончательной работы, для того не составляетъ она той необходимости, какъ для медленно идущаго ума. Не хочу сказать, чтобы даръ прозрѣнія освобождалъ человѣка отъ труда: я хочу сказать только то, что этотъ даръ, предупреждая выводъ постепенный, мѣшаетъ послѣдовательности работы. Вотъ почему Гоголь, желая служить, какъ истинный гражданинъ своего отечества, на поприщѣ преподаванія наукъ, далеко не достигъ своей цѣли и когда въ концѣ 1835 года вышло постановленіе, по которому онъ долженъ былъ выдержать испытаніе на степень доктора философіи, если бы пожелалъ занять профессорскую должность,

онъ предпочёлъ лучше оставить государственную службу и служить отечеству исключительно на поприщѣ писателя.

Общество Гоголя въ это время составлялъ почти исключительно кружокъ его нѣжинскихъ товарищей. П. В. Анненковъ, въ прекрасной статьѣ своей о Гоголѣ, такъ изображаетъ его отношенія къ товарищамъ: «Надо сказать, что въ Петербургѣ около Гоголя составился кругъ его школьныхъ пріятелей и новыхъ молодыхъ знакомыхъ, которые любили его горячо и были ему по душѣ. Предъ этимъ кругомъ Гоголь всегда стоялъ просто, въ обыкновенной своей позиціи, хотя сосредоточенный, нѣсколько скрытный характеръ и наклонность овладѣвать и управлять людьми не оставляли его никогда. Кромѣ жаркой привязанности, которую онъ питалъ вообще къ двумъ, трёмъ товарищамъ своего дѣтства, «ближайшимъ людямъ своимъ», какъ онъ ихъ называлъ, Гоголю долженъ былъ нравиться и тотъ откровенный энтузіазмъ, который выказывался тутъ къ тогдашней литературной дѣятельности его, не смотря на совершенно короткое, нецеремонное обращеніе пріятелей между собою. Въ этомъ кругѣ онъ встрѣчалъ только ласковыя, часто имъ же воодушевлённыя лица, и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять отъ себя взоры. За чертой круга Гоголь открывалъ себѣ широкій путь жизни всѣми средствами, которыя находились въ его богатой натурѣ, не исключая хитрости и сноровки затрогивать наиболѣе живыя струны человѣческаго сердца. Онъ сходилъ съ этой арены въ безвѣстный и, такъ сказать, уединённый кругъ своихъ пріятелей, если не отдыхать (въ это время онъ не отдыхалъ почти никогда, но жилъ постоянно всѣми своими способностями), то по-крайней-мѣрѣ сравнивать его безкорыстныя сужденія о себѣ и рядъ надеждъ, возлагаемыхъ на него, съ тѣмъ, что говорилось и дѣлалось по поводу его особы на другомъ, болѣе обширномъ поприщѣ. Онъ былъ простъ передъ своимъ кругомъ, добродушенъ, веселъ, хотя и сохранялъ тонкій, можетъ-быть, невольный оттѣнокъ чувства своего превосходства и своего значенія. Мало-по-малу родъ поученія, ободренія и удовольствія, какія онъ почерпалъ въ этомъ кругѣ, становились ему менѣе нужны и менѣе привлекательны; жизнь начала нестись съ такой силой вокругъ него, показались такія горячія, страстныя привязанности, дѣйствовавшія и на общественное мнѣніе, что ни кѣмъ невѣдомый и запертый въ себѣ самомъ кружокъ долженъ былъ потерять значеніе въ его глазахъ. Притомъ же вскорѣ явились требованія со стороны другихъ приверженцевъ Гоголя, на которыя старый кругъ не могъ отвѣчать, и явленія въ самомъ Гоголѣ, которыя трудно было понять ему; но почти ко всѣмъ лицамъ Николай Васильевичъ сохранилъ неизмѣнное расположеніе, доказывавшее теплоту и благородство его сердца. Онъ даже въ минуту развитія самостоятельныхъ, наиболѣе исключительныхъ своихъ мнѣній, ещё вопрошалъ мысль прежнихъ своихъ пріятелей и прислушивался къ ней съ большимъ любопытствомъ. Такъ иногда писатель, пресыщённый критикой и разборомъ своихъ произведеній, охотно склоняетъ ухо къ мнѣнію какого-либо оригинальнаго чудака, живущаго вдали партій, литературныхъ вечеровъ и теченія господствующихъ понятій.»

Лѣто и осень 1835 года Гоголь провёлъ въ Малороссіи и, исполняя обѣщаніе, данное земляку и другу, побывалъ, на пути въ столицу, въ Кіевѣ, у М. А. Максимовича, гдѣ прожилъ около пяти сутокъ. На возвратномъ пути изъ Кіева, онъ хотѣлъ побывать и въ Нѣжинскомъ Лицеѣ, который былъ дорогъ для него по первымъ дружескимъ связямъ въ жизни, по первымъ, ещё тёмнымъ и неуловимымъ для слова, поэтическимъ понятіямъ, хотѣлъ — и не побывалъ.

Возвратясь осенью 1835 года въ Петербургъ, Гоголь почувствовалъ сильнѣе прежняго необходимость поправить своё здоровье въ тёпломъ климатѣ и началъ готовиться къ путешествію на Кавказъ или въ другой подобный край заблаговременно. Второе изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» и постановка на сцену «Ревизора» доставили ему къ тому средства. Но кто бы могъ думать, что авторъ такой смѣшной (я не говорю: весёлой) комедіи, какъ «Ревизоръ», страдалъ не только во время ея представленія, но и задолго до него? Причины его страданій объяснить трудно. Довольно, впрочемъ, сказать, что онъ самъ ставилъ на сцену свою комедію и усиливался образовать для нея актёровъ: подвигъ, требующій усилій продолжительныхъ и авторитета непреложнаго. Душевныя силы поэта были истощены стараніями выразить своею комедіею непонятное для ея исполнителей и непріятными столкновеніями съ людьми, которые не знали цѣны его таланту и не щадили его сердца. Имъ овладѣла тоска, которую долженъ былъ бы почувствовать каждый художникъ, обманувшійся въ своихъ гордыхъ надеждахъ, и тѣмъ сильнѣе она одолѣла его, что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 года сочиненій, трудами по службѣ и приготовленіями къ такимъ работамъ, какъ «Исторія Малороссіи» въ шести и «Исторія Среднихъ Вѣковъ» въ девяти томахъ. Ему необходимо было вырваться изъ своей сферы и искать спокойствія и исцѣленія вдали отъ отечества, среди нѣмыхъ для него племёнъ, среди постороннихъ для него интересовъ, среди памятниковъ минувшаго времени, столь успокоительно говорящихъ поэтической душѣ, среди безсмертныхъ созданій кисти и рѣзца, среди вѣчной весны, которой онъ такъ жаждалъ, бывало, въ Петербургѣ, и о которой писалъ къ своему другу въ Кіевъ: «Дай мнѣ её одну, одну — и никого больше я не желаю видѣть!»

Съ выѣздомъ за границу начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по его письмамъ, является намъ сперва дѣтски-безпечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ всё болѣе и болѣе сумрачнымъ и наконецъ загадочно-торжественнымъ.

Большею частью проживалъ онъ въ Римѣ. Тамъ, въ этомъ городѣ-деревнѣ и деревнѣ-городѣ, на просторѣ и на досугѣ, Гоголь написалъ или докончилъ первую часть «Мёртвыхъ Душъ», въ которой отразилось спокойствіе, лежащее надъ «вѣчнымъ городомъ» и виденъ широкій ходъ эпопеи, забранный поэтомъ въ душу при безконечномъ чтеніи эпопеи Рима.

Въ 1839 году онъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ М. П. Погодинымъ, въ домѣ котораго остановился и жилъ до новаго выѣзда за гра-

ницу въ 1840 году. Здоровье его поправилось; онъ былъ очень веселъ и шутливъ; но объ «Мёртвыхъ Душахъ» онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и на вопросы о нихъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что «у него ничего готоваго нѣтъ». 26-го октября того же года онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ близкимъ семействомъ въ Петербургъ, для того, чтобъ взять двухъ своихъ сестёръ изъ Патріотическаго института. Въ Петербургѣ онъ остановился сначала у Плетнёва, а черезъ двѣ недѣли переѣхалъ къ Жуковскому, который жилъ тогда во дворцѣ. Въ продолженіе дороги въ Петербургъ, Гоголь былъ очень веселъ и заставлялъ хохотать своихъ спутниковъ, но въ Петербургѣ совершенно перемѣнился, встрѣтивъ какія-то неудачи, которыя привели его опять въ затруднительное положеніе на счётъ денегъ. Затѣмъ, 22-го декабря, вмѣстѣ съ тѣмъ же семействомъ и двумя своими сёстрами, возвратился онъ въ Москву.

По возвращеніи, Гоголь началъ читать «Мёртвыя Души» и въ разное время прочёлъ шесть главъ. Читалъ также отрывки изъ комедіи «Тяжба» и начало итальянской повѣсти «Аннуціанта», которое потомъ было нѣсколько передѣлано и составило статью «Римъ», напечатанную въ «Москвитянинѣ». Великимъ постомъ пріѣхала къ Гоголю мать и жила вмѣстѣ съ нимъ и дочерьми также у Погодина. 9-го мая, въ день имянинъ Гоголя, обѣдали у него всѣ его пріятели и знакомые въ саду, что̀ повторялось всякій разъ, когда Гоголю случалось проводить этотъ день въ Москвѣ. Гоголь уже собирался ѣхать въ Римъ, откуда обѣщалъ непремѣнно черезъ годъ воротиться.

Осенью 1840 года Гоголь сдѣлался очень боленъ, и послѣ этой болѣзни характеръ его совершенно перемѣнился.

Наступило время возвращенія Гоголя въ Россію. «Мы давно уже его ждали», говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ «Запискахъ», «и даже ждать перестали. Наконецъ 18-го октября 1841 года внезапно Гоголь явился у насъ въ домѣ. Въ этотъ годъ послѣдовала новая, бо̀льшая перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ — и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ-будто никогда и не бывало. Иногда — очевидно, безъ намѣренія — слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде непротивный ему или незамѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора. Покуда переписывались первыя шесть главъ «Мёртвыхъ Душъ», Гоголь прочёлъ мнѣ, моему сыну Константину и М. П. Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, то-есть въ домѣ Погодина и ни за что не согласился, чтобъ кто-нибудь слышалъ ихъ, кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній. Я не могъ ихъ дѣлать и сказалъ Гоголю, что, слушая «Мёртвыя Души» въ первый разъ, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать недостатковъ его поэмы; что если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочёлъ её, и можетъ-быть не

одинъ разъ. Тогда дѣло другое. Но Гоголь не могъ этого сдѣлать. Рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру, въ Петербургъ. По полученіи рукописи изъ цензуры немедленно приступили къ печатанію 2500 экземпляровъ. Обёртка была нарисована самимъ Гоголемъ. Не смотря на тò, что Гоголь былъ сильно занятъ изданіемъ «Мёртвыхъ Душъ», очевидно было, что онъ часъ отъ часу болѣе разстраивался духомъ и даже тѣломъ: онъ почувствовалъ головокруженіе и одинъ разъ впалъ въ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ всякой помощи, потому-что это случилось на верху, въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ у него на ту пору никого не было. Вдругъ дошли до насъ слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Мы сначала не повѣрили и спросили самого Гоголя, который отвѣчалъ неопредѣлённо: «можетъ быть»; но вскорѣ сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться, потому-что не можетъ писать и потому-что такое положеніе разрушаетъ его здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, часовъ въ семь послѣ обѣда, вдругъ вошолъ къ намъ Гоголь, съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ и просвѣтлённымъ лицомъ. Онъ сказалъ: «Я всё ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій благословилъ меня — и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко Гробу Господню.» Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія и тотъ на прощаніе благословилъ его образомъ. Иннокентію, какъ архіерею, весьма естественно было такъ поступить, но Гоголь видѣлъ въ этомъ указаніе свыше. Всѣ распросы объ отъѣздѣ за границу были Гоголю непріятны. Одинъ разъ спросили его: «Съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію: съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда, или съ тѣмъ, чтобъ скоро уѣхать?» Гоголь съ досадою отвѣчалъ: «Съ тѣмъ, чтобы проститься». Но это была неправда: и письменно, и словесно онъ высказывалъ прежде совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ: «на долго ли онъ ѣдетъ?» Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ — на шесть лѣтъ, а одинъ разъ сказалъ, что ѣдетъ на десять лѣтъ. Послѣдній отвѣтъ, вѣроятно, вырвался у него въ досадѣ на скучные вопросы. Одна пожилая женщина, любимая и уважаемая Гоголемъ, сказала ему, что она будетъ ожидать отъ него описанія Святыхъ Мѣстъ. Гоголь отвѣчалъ: «Да, я опишу вамъ ихъ, но для этого мнѣ надобно очиститься и быть достойнымъ.» Печатанье «Мёртвыхъ Душъ» приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплести десятка два экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить въ Москвѣ и взять съ собою въ Петербургъ. Первые совсѣмъ готовые экземпляры были получены 21-го мая прямо къ намъ въ домъ, къ обѣду. У насъ было довольно гостей, по случаю имянинъ моего сына Константина, и всѣ обѣдали въ саду. Это былъ въ то же время и прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ «Мёртвыхъ Душъ», вдвое толще перваго, но пріѣхать для его напечатанія уже не обѣщалъ. 23-го мая, въ полдень, послѣ завтрака, Гоголь уѣхалъ изъ нашего дома.»

Въ концѣ сентября 1842 года Гоголь былъ опять въ Римѣ, и опять поселился въ Via Felice, № 126, 3 piano, гдѣ онъ былъ окружонъ идиллическими сценами, изображонными имъ въ статьѣ «Римъ».

Здоровье Гоголя въ продолженіе 1843 и 1844 годовъ вообще находилось въ лучшемъ состояніи и онъ дѣятельно трудился надъ вторымъ томомъ «Мёртвыхъ Душъ». По его письмамъ, мы находимъ его весною въ Ниццѣ, потомъ во Франкфуртѣ и наконецъ, зимою, опять во Франкфуртѣ. Изъ писемъ къ нему разныхъ особъ видно, что онъ провёлъ мѣсяцъ или больше въ Остенде, гдѣ купался въ морѣ. Одинъ изъ его друзей, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 6-го ноября 1844 года, такъ вспоминалъ это время: «Письма ваши очень порадовали бы меня, еслибъ не замѣтно было въ нихъ отсутствія той бодрости, которою въ Остенде вы и *насъ* и *всѣхъ* оживляли». Это показываетъ, что онъ провёлъ время своего купанья къ морѣ не безъ друзей и знакомыхъ и что только для людей, знавшихъ его издали, онъ казался въ Остенде несчастнымъ ипохондрикомъ или мизантропомъ, вѣчно одинокимъ и задумчивымъ.

Въ началѣ 1845 года Гоголь сдѣлался очень боленъ. Онъ бросался въ разныя стороны, ища въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое облегченія приступившихъ къ нему недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Иногда ему казалось, что онъ уже умираетъ, и въ такія минуты онъ горько жалѣлъ, что не написалъ ничего истинно полезнаго для ближнихъ. Всѣ печатныя свои произведенія считалъ онъ слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была полна душа его въ предчувствіи загробной жизни. Единственнымъ достойнымъ дѣломъ считалъ онъ свои письма къ друзьямъ нравственно-религіознаго содержанія; и потому, лишь только оправился нѣсколько отъ болѣзни, немедленно занялся собираніемъ ихъ для печати. Такъ составилась его «Переписка съ Друзьями», надѣлавшая столько шуму въ обществѣ, которое вовсе не ожидало такой книги отъ своего любимаго писателя.

Не смотря однако жь на то, что почти всѣ вооружились противъ поворота его духовной дѣятельности, онъ продолжалъ идти своимъ путёмъ, и въ 1848 году привёлъ въ исполненіе давно задуманное имъ путешествіе въ Іерусалимъ, съ которымъ онъ мистически связывалъ окончаніе «Мёртвыхъ Душъ».

Онъ совершилъ переѣздъ чрезъ пустыни Сиріи въ сообществѣ своего соученика по Гимназіи, Базили — того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ курковъ. Базили, занимая значительный постъ въ Сиріи, пользовался особеннымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія, онъ долженъ былъ играть роль полномочнаго вельможи, который признаётъ надъ собой только власть «Великаго Падишаха». Каково же было изумленіе арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его щедушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить, не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности гроз-

наго сатрапа. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ-какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе арабовъ о значеніи Базили въ русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ что угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ позабывалъ дружескія условія и обращался въ избалованнаго ребёнка. Тогда Базили рѣшился вразумить пріятеля самымъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчинённыхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Базили всё-таки полновластный визирь «Великаго Падишаха» и что выше его нѣтъ визиря въ Имперіи.

Изъ Іерусалима Гоголь возвратился въ родную семью свою, къ матери и сёстрамъ, въ село Васильевку и здѣсь занялся продолженіемъ второго тома «Мёртвыхъ Душъ», какъ это видно изъ его писемъ.

Каковы бъ ни были достоинства этого похищеннаго у насъ судьбою произведенія, но актъ его созданія интересенъ уже потому, что Гоголь такъ долго готовился къ нему, такъ много для него страдалъ и томился жаждою свѣта и истины. Этотъ актъ христіански поэтическаго творчества совершился въ Васильевкѣ — и потому сама Васильевка дѣлается для насъ уголкомъ въ высшей степени интереснымъ. Но по одному ли этому обстоятельству она интересна? Здѣсь протекло дѣтство нашего поэта; сюда онъ нетерпѣливо рвался, бывало, изъ надоѣвшей школы, чтобъ обновить свои силы послѣ томительныхъ экзаменовъ; здѣсь онъ, въ ранней юности, по собственнымъ словамъ его, былъ «окружаемъ почти съ утра до вечера веселіемъ» и, наконецъ, сюда, безъ сомнѣнія, часто улетала за свѣжими чувствами его творческая фантазія изъ отдалённаго сѣвера и чужого юга. Бросимъ же взглядъ на эту счастливую точку нашего обширнаго отечества, къ которой долго-долго будутъ обращаться мысли многихъ и многихъ тысячъ людей со всѣхъ концовъ его.

Дорога къ деревнѣ Васильевкѣ изъ Полтавы замѣчательна въ томъ отношеніи, что на пространствѣ тридцати вёрстъ нѣсколько разъ перемѣняетъ свой характеръ. Ровная плоскость пахатныхъ полей склоняется въ долины, накрапленныя кое-гдѣ свѣтлыми пятнами воды. Поднимаетесь изъ долинъ на возвышенность — и передъ вами то, что собственно называется степью: невспаханная площадь во всё пространство широкаго горизонта, съ скирдами сѣна и стадами овецъ и рогатаго скота. Далѣе вы встрѣтите остатки старинныхъ лѣсовъ, гдѣ чаще всего видны дубы, свидѣтели татарскихъ набѣговъ и расправъ съ поляками. Скудная водою и богатая камышами рѣка Голтва нѣсколько разъ покажетъ вамъ свои «загогулины», между сёлъ, спускающихся съ косогоровъ къ водѣ, между плоскихъ и гладкихъ какъ столъ возвышенностей, усѣянныхъ скирдами, и между густыхъ рощъ, обѣщающихъ—хотя напрасно — вдали обширные лѣса. Если ваши лошади бѣгутъ быстро, какъ бѣжали тѣ, на которыхъ ѣхалъ я, вы будете всю дорогу гоняться за развивающимися вдали заманчивыми видами, и скоро передъ вами

появится бѣлая, съ зелёною крышею, небольшая церковь объ одной главѣ, на холмѣ, тихо склоняющемся во всѣ стороны, соотвѣтственно плавнымъ линіямъ степныхъ долинъ и возвышенностей — Васильевская церковь.

Церковь стоитъ впереди села, которое закатилось въ долину, противоположную взъѣзду на плоскій церковный холмъ и выказывается только своими деревьями, чорными «дымарями», да верхами хлѣбныхъ скирдъ. Съ правой стороны церкви, за небольшою купою дубовъ, видно господское гумно, предупреждающее путника, что тутъ не нуждаются въ хлѣбѣ; съ лѣвой — густой старый садъ, или, пожалуй, роща, въ которой уютно укрылся помѣщичій домъ, съ своими службами, амбарами и другими пристройками. Издали видны только красныя деревянныя кровли съ бѣлыми трубами, и кажется, что домъ со всѣхъ сторонъ окутанъ деревьями; но когда вы подъѣдете ближе, передъ вами, сквозь весёлую рѣшотку, откроется просторный, весь зелёный дворъ, симметрически обставленный съ трёхъ сторонъ постройками, которыя пріятно рисуются на садовой зелени.

Садъ въ деревнѣ Васильевкѣ имѣетъ лѣсной характеръ и лѣтомъ долженъ быть очень прохладенъ. Гоголь, въ свои пріѣзды домой, подсаживалъ лѣсныя деревья въ саду, гдѣ только находилъ для нихъ мѣсто. Домъ, въ которомъ теперь помѣщается семейство покойнаго Гоголя, построенъ не очень давно. Не въ нёмъ протекло дѣтство Гоголя. На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ низенькій, ветхій домикъ, украшенный затѣйливыми зубцами вдоль крыши, крыльцомъ съ намёками на готическій вкусъ, боковыми башенками и остроконечными окнами по угламъ. Гоголю, видно, дорого было воспоминаніе объ этомъ домикѣ, потому-что онъ хранилъ собственноручный рисунокъ съ него въ своей записной книгѣ.

Истинное украшеніе дома составляетъ прекрасный грудной портретъ Гоголя, въ натуральную величину, писанный Моллеромъ около 1841 года въ Римѣ. Гоголь просилъ Моллера написать его съ весёлымъ лицомъ, «потому-что христіанинъ не долженъ быть печаленъ» — и художникъ подмѣтилъ очень удачно привлекательную улыбку, оживлявшую уста поэта; но глазамъ его онъ придалъ выраженіе тихой грусти, отъ которой рѣдко бывалъ свободенъ Гоголь. Судя по этому портрету, авторъ «Мёртвыхъ Душъ» одарёнъ былъ наружностью, которая не бросалась въ глаза съ перваго взгляда, но оставляла пріятное впечатлѣніе въ томъ, кто его видѣлъ, а при повторённыхъ свиданіяхъ заохочивала изучать себя и наконецъ дѣлалась дорогою для сердца. Высокій лобъ, полузакрытый спущенными наискось свѣтлорусыми, лоснящими волосами, тонкій съ небольшимъ горбомъ носъ, нѣсколько нагнувшійся надъ русыми усами, глаза, которые въ Малороссіи называютъ карими, съ тонкими, поднятыми какъ бы отъ удивленія бровями и лёгкій румянецъ щёкъ на свѣтломъ, почти бѣломъ цвѣтѣ всего лица: таковъ былъ Гоголь въ то время, когда первый томъ «Мёртвыхъ Душъ» былъ написанъ, а второй и третій существовали только въ его умѣ.

Къ осени Гоголь переѣхалъ въ Москву, гдѣ друзья встрѣтили его съ восторгомъ и окружили самыми почтительными и нѣжными заботами.

Онъ вёлъ жизнь уединённую, но любилъ посидѣть и помолчать въ кругу хорошо извѣстныхъ ему людей и старыхъ пріятелей, а иногда оживлялся юношескою весёлостью—и тогда не было предѣла его затѣйливымъ выходкамъ и смѣху. Особенно привлекалъ его къ себѣ домъ Аксаковыхъ, гдѣ онъ слушалъ и самъ пѣвалъ народныя пѣсни. Гоголь до конца жизни сохранилъ страсть къ этимъ произведеніямъ поэзіи и, по возвращеніи изъ Іерусалима, болѣе полугода бралъ уроки сербскаго языка у Бодинскаго, для того, чтобъ понимать красоты пѣсенъ, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Пѣсня русская вообще увлекала его сердце непобѣдимою силою, какъ живой голосъ всего огромнаго населенія его отечества.

Здоровье Гоголя очень поправилось въ это время. С. Т. Аксаковъ говоритъ о нёмъ въ своихъ запискахъ: «Я никогда не видалъ Гоголя такъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, то-есть въ ноябрѣ и декабрѣ 1848 и въ январѣ и февралѣ 1849 года. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на нёмъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога. Надобно замѣтить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде никогда не могъ выносить сильнаго холода и что теперь онъ одѣвался очень легко. Но не долго предавался я радостнымъ надеждамъ на совершенное возстановленіе его здоровья. Съ появленіемъ первыхъ оттепелей, Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе и хандра очевидно стала имъ овладѣвать. Однако 19-го марта, въ день его рожденья, который онъ всегда проводилъ у насъ, я получилъ отъ него слѣдующую довольно весёлую записку: «Любезный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, имѣютъ сегодня подвернуться вамъ къ обѣду два пріятеля: Петръ Михайловичъ Языковъ и я, оба грѣховодники и скоромники. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ бычачины на одно лишнее рыло».

Гоголь чувствовалъ, что суровая сѣверная зима дѣйствуетъ вредно на его здоровье, но въ его планы не входили уже поѣздки за границу, и потому онъ избралъ своимъ зимовьемъ Одессу, откуда намѣревался проѣхать въ Грецію, или въ Константинополь.

Спутникомъ его былъ М. А. Максимовичъ, съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго изъ Василькова (Кіевской губерніи) еврея, съ извѣстною будкою на колёсахъ, называющеюся, неизвѣстно почему, брикою, или шарабаномъ. Въ неё предполагалось положить вещи, а сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую Максимовичу. Но еврей, порядившійся вести Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остаться подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до полученія паспорта, а потомъ онъ начисто отпёрся отъ своего словеснаго обязательства. Гоголь былъ въ страшной досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ путешественники пріискиваютъ себѣ другаго «долгаго» извощика изъ православныхъ.

Страннымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состояніи ѣхать на почтовыхъ; но таковы именно были тогдашнія его обстоятельства. По-крайней-мѣрѣ онъ считалъ необходимымъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и предпочесть медленную и дешовую ѣзду быстрой и дорогой.

Между-тѣмъ мнѣ извѣстно, что онъ вёзъ матери рублей полтораста серебромъ въ подарокъ.

Путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно; но Гоголь не чувствовалъ, повидимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ѣзды, такъ и на постоялыхъ дворахъ. Его всё занимало въ дорогѣ, какъ ребёнка, и онъ часто, для выраженія своихъ желаній, употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьники. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ «отправлялся къ Храповицкому», а когда желалъ только отдохнуть, то говаривалъ своему спутнику: «Не пойти ли намъ къ Полежаеву?» Хаживалъ онъ также къ «Обѣдову» и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и всё это безъ малѣйшаго вида шутки. Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ бричкѣ, онъ предлагалъ товарищу «пройти пѣхандачка» и мимоходомъ собиралъ разные цвѣты, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему Максимовичъ. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собираніи цвѣтовъ.

Гоголь зимовалъ въ Одессѣ, а изъ Одессы въ послѣдній разъ переѣхалъ въ своё предковское село и провёлъ тамъ въ послѣдній разъ самую цвѣтущую часть весны; потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его смерть.

Наступила осень; съѣхались въ городъ разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачъ. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ прошломъ году. Онъ уже не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживало два-три семейства, въ которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ нему, каждый зналъ его привычки, его любимыя удовольствія и всё старались угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ, или на вечеръ, онъ не имѣлъ надобности надѣвать ненавистный для него фракъ, или совѣтоваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ вообще меньше, нежели въ Петербургѣ, соблюдаются уставы своенравнаго comme il faut. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья и между-прочимъ вареники, которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ разсказывалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ, на родинѣ, всякій разъ, какъ подавались на столъ вареники, непремѣнно произносилъ къ нимъ слѣдующее воззваніе: «Вареныки-побидѐныки! сыромъ бо̀ки позапы̀ханы, масломъ очи позалы̀ваны!»

Это обстоятельство, между-прочимъ, показываетъ, до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же, какъ и въ родной Васильевкѣ, могъ распѣвать украинскія пѣсни своимъ, какъ онъ называлъ, «козлинымъ» голосомъ, могъ молчать, сколько ему угодно и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты, когда ему приходила охота читать свои произведенія, но и строгихъ критиковъ.

Никому не приходило и на мысль въ концѣ 1851 и въ началѣ 1852 года, что Гоголю не долго жить на свѣтѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которыя надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ.

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано имъ вновь — навѣрное неизвѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своихъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи рукописи въ цензуру, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однако жь, почувствовавъ приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ своей поэмы лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Толстого, онъ просилъ его принять на сохраненіе его бумаги, а по смерти его отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, что̀ напечатать и что̀ оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что и другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ — и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя.

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ близкой смерти, Гоголь подвёлъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи. Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ всё, что̀ не отъ истины. Изливъ свою душу предъ Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трёхъ часовъ ночи, онъ рѣшился снова исполнить подвигъ высокаго самоотверженія, за который уже однажды былъ награжденъ духовнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ сожжённаго «въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ».

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семёна, надѣлъ тёплый плащъ, взялъ свѣчу и велѣлъ Семёну слѣдовать за собою въ кабинетъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую они проходили, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и, отобравъ изъ портфеля нѣкоторыя бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, связать тесёмкою и положить въ каминъ. Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобъ не жалѣть, когда выздоровѣетъ. «Не твоё дѣло», отвѣчалъ Гоголь и самъ зажёгъ бумаги. Обгорѣли углы тетрадей и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесёмку и ворочалъ бумаги, крестясь и тихо творя молитву, до-тѣхъ-поръ, пока онѣ превратились въ пепелъ. Окончивъ своё auto da fe, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло. Мальчикъ плакалъ и говорилъ: «Что вы сдѣлали!» — «Тебѣ жаль меня?» сказалъ Гоголь, обнялъ его, поцаловалъ и самъ заплакалъ. Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь по прежнему въ каждой комнатѣ, лёгъ на постель и заплакалъ ещё сильнѣе. Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста.

На другой день онъ объявилъ о томъ, что̀ сдѣлалъ, графу Толстому съ раскаяніемъ; жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ, или допускалъ ихъ только на нѣсколько минутъ и потомъ просилъ удалиться, подъ предлогомъ, что ему дремлется, или что онъ не можетъ говорить. На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія, онъ отвѣчалъ, что они ему не помогутъ и, уступивъ уже не задолго передъ кончиною настояніямъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Такъ прошли первая недѣля поста и половина второй. Всё своё время Гоголь проводилъ въ молитвѣ, или въ молчаливомъ размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь видно долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія изъ Евангелія.

Гоголь скончался 21-го февраля 1852 года. Тѣло его, какъ почётнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24-го февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго учебнаго округа и многихъ почётныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самаго Данилова монастыря несёнъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похоронёнъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи: «Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся».

П. Кулишъ.

Е. П. Гребёнка.

Евгеній Павловичъ Гребёнка родился 21-го января 1812 года, въ отцовскомъ помѣстьѣ Убѣжищѣ, въ шестнадцати верстахъ отъ города Пирятина, Полтавской губерніи. Отецъ его служилъ съ-молоду въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку, но рано вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и посвятилъ себя домашней жизни и хозяйству со своими пятидесятью душами. Первая жена его жила недолго и отъ нея осталась у него только одна дочь. Во второй разъ онъ женился на Надеждѣ Ивановнѣ Чайковской, тоже пирятинской дворянкѣ — и вторымъ сыномъ этого брака былъ Евгеній Павловичъ.

Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ годовъ, проведённыхъ посреди патріархальнаго сельскаго быта, посреди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатымъ самородною поэзіей, отразились на многихъ произведеніяхъ Гребёнки. Вѣроятно не одна изъ народныхъ былинъ, не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впослѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться его дѣтское сердце. Семейныя воспоминанія указываютъ, какъ на первый источникъ, питавшій живое воображеніе ребёнка, на разсказы няньки, которая ходила за маленькимъ Евгеніемъ. Разсказовъ у нея были неистощимые запасы и она переда-

вала ихъ охотно и съ любовью. Евгеній былъ очень привязанъ къ старухѣ, часто потомъ, въ зрѣлые годы, вспоминалъ ея тёплыя заботы о нёмъ и, будучи уже на службѣ въ Петербургѣ, принималъ, въ память этихъ заботъ, сердечное участіе въ судьбѣ ея сына, котораго самъ пристроилъ въ столицѣ.

Непосредственно за этою первой воспитательницей Евгенія слѣдуетъ назвать домашняго учителя, который приготовлялъ мальчика къ ожидавшему его общественному воспитанію. Учитель этотъ былъ Павелъ Ивановичъ Гуслистый, издавшій впослѣдствіи какое-то сочиненіе о воспитаніи, которое, впрочемъ, не попадалось мнѣ въ руки. Евгеній Павловичъ, по словамъ людей, близкихъ къ нему въ годы дѣтства, былъ обязанъ многимъ въ развитіи своёмъ вліянію добряка Гуслистаго.

Въ сочиненіяхъ Гребёнки мы находимъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ, не смотря на вымышленную форму, ясны черты изъ его ранней поры. Такъ, не вдаваясь въ подробныя указанія, упомянемъ, для примѣра, разсказъ о выливаніи сурковъ въ степи, въ были «Двойникъ» и тёплыя строки, посвящённыя описанію перехода отъ мирной домашней жизни къ школьному ученію, въ повѣсти «Записки Студента».

Въ 1825 году Евгеній оставилъ родное Убѣжище и поѣхалъ съ отцомъ въ Нѣжинъ, для поступленія въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, впослѣдствіи Лицей.

«Экзаменъ оконченъ сегодня — и я вступаю въ новую жизнь», говоритъ герой «Записокъ Студента», въ которыхъ ясны на этотъ разъ черты самого автора. «Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, основатель Лицея! Благословляю память твою! Давно ли я былъ ещё ребёнкомъ? Какъ сегодня, помню день моего отъѣзда въ Лицей. Послѣ обѣда мы съ папенькой выѣхали изъ дома. Прощаясь, маменька уговаривала меня не грустить, обѣщала пріѣхать ко мнѣ, дала мнѣ коробочку конфектъ — и я утѣшился. И вотъ я въ Лицеѣ. Меня ввели и оставили въ этомъ огромномъ зданіи. Всё незнакомыя лица; всё такія страшныя, классическія физіономіи профессоровъ; всё такъ сухо, такъ важно. Папенька уѣхалъ. Я подошолъ къ окошку: оно было въ третьемъ этажѣ; внизу краснѣли крыши одноэтажныхъ домиковъ; далѣе стройно вытянулась улица; за нею стояла берёзовая роща; а тамъ — Боже мой, гладкое поле, а на нёмъ змѣилась дорога на мою родину.»

Евгеній Павловичъ былъ записанъ въ Лицей съ фамиліею Гребёнкинъ. Такъ звали его во всё время студенчества; такъ подписывался онъ и подъ первыми напечатанными имъ стихотвореніями своими на малороссійскомъ языкѣ въ 1831 и 1833 годахъ. Только съ 1834 года сталъ онъ подписываться именемъ, которое пріобрѣло извѣстность въ нашей литературѣ. Изъ числа «странныхъ, классическихъ физіономій», пугавшихъ ребёнка, непривычнаго къ оффиціальнымъ формамъ школы, многіе смотрѣли на него потомъ съ тёплымъ сочувствіемъ. Учитель латинскаго языка въ Лицеѣ, И. Г. Кулжинскій, съ которымъ Гребёнка перекидывался иногда письмами и въ свою зрѣлую пору, сохранилъ намъ въ добродушномъ разсказѣ о своихъ отношеніяхъ къ Лицею свѣжій отроческій обликъ своего ученика. Вотъ этотъ разсказъ:

«Вѣчно весёлый, вѣчно смѣющійся, вѣчно любимый всѣми — и товарищами, и учителями — съ открытою, умною и доброю физіономіей, Евгеній Павловичъ, какъ его честили даже наставники, разумѣется, шутя, учился хорошо; даже притворялся, будто любитъ латинскій языкъ; старался всякому угодить, отъ всякаго заслужить благосклонность. Страсть къ русской литературѣ проявилась въ нёмъ очень рано, когда ему ещё не было четырнадцати лѣтъ. Нѣжинскій Лицей построенъ въ предмѣстьѣ города. Эта патріархальная часть Нѣжина, именующаяся Магерками, состоитъ изъ низенькихъ домиковъ, большею частію подъ соломенною крышею, отдѣляющихся одинъ отъ другого плетнёвыми заборами. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ я, а чрезъ плетень, въ другомъ домѣ, квартировалъ Гребёнка. Не помню, какъ онъ сблизился со мною; но это милое, весёлое дитя сдѣлалось моимъ любимцемъ, и не проходило того дня, чтобъ Гребёнка чрезъ плетень не перелѣзалъ ко мнѣ. У меня онъ бралъ читать журналы и альманахи; разсказывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ и наконецъ началъ показывать мнѣ свои стихи. Я любовался этимъ кудрявымъ, весёлымъ мальчикомъ и называлъ его *воплощенною юностью*».

Въ Лицеѣ, какъ и въ большей части общественныхъ учебныхъ заведеній, воспитанники, чувствовавшіе склонность къ литературнымъ занятіямъ, не разъ принимались издавать для кружка товарищей рукописные журналы. Одинъ изъ такихъ журналовъ издавалъ Гребёнка, наполняя каждый еженедѣльный нумеръ его почти исключительно своими стихами и своею прозой. Стихи были бо̀льшею частію сатирическіе, и цѣлью ихъ остротъ и насмѣшекъ служили преимущественно студенты-математики. Потомъ Гребёнка былъ главнымъ сотрудникомъ другого журнала, выходившаго подъ редакціею товарища его, впослѣдствіи профессора университета Св. Владиміра, В. Ѳ. Домбровскаго, подъ хитрымъ миѳологическимъ заглавіемъ: «Аматузія». Бойкій, живой характеръ мальчика часто проявлялся въ весёлыхъ и остроумныхъ шуткахъ. Одну изъ нихъ сыгралъ онъ разъ съ профессоромъ русской словесности. Профессоръ этотъ былъ, можетъ-быть, человѣкъ и почтенный, и когда-то, въ цвѣтущее время своё, считался даже ученымъ; но въ пору преподаванія своего въ Лицеѣ онъ давно забросилъ занятія наукой и вполнѣ довольствовался тѣмъ запасомъ свѣдѣній, который пріобрѣлъ многіе годы тому назадъ.

«За хлопотами жизни», разсказываетъ далѣе Кулжинскій, сохранившій намъ и характеристическій анекдотъ о молодомъ Гребёнкѣ, «онъ отсталъ отъ современнаго состоянія литературы, остановился на Херасковѣ и Державинѣ, Карамзину только изъ милости давалъ мѣсто въ исторіи русской литературы, да и то уже послѣ изданія имъ первыхъ томовъ «Исторіи Русскаго Государства»; а на Пушкина, Козлова, Дельвига и вообще на *всю эту молодежь* смотрѣлъ съ видомъ негодованія и сожалѣнія, которое доказывалъ тѣмъ, что онъ вовсе не читалъ ихъ. Вотъ у какого профессора словесности учились Гоголь и Гребёнка! Однажды этотъ профессоръ приказалъ ученикамъ написать стихи на произвольную тему. Когда такіе стихи были потомъ разсмотрѣны и по-

правлены профессоромъ, Гребёнка послѣ обѣда перелѣзъ черезъ плетень ко мнѣ и, послѣ разныхъ разговоровъ, сопровождаемыхъ дѣтскимъ смѣхомъ, сказалъ: «А показать вамъ штуку?» — «Покажи, другъ мой.» — «А никому не скажете?» — «Что-жь это такое? Разумѣется, если можно, никому не скажу.» — «Пожалуста, не говорите никому.» Съ этими словами Гребёнка вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ, смѣясь, стихи, которые онъ представлялъ профессору для исправленія, какъ своё собственное сочиненіе. Это было извѣстное стихотвореніе Козлова: «Вечерній звонъ».

«Профессоръ, не читавши ничего новаго, ужасно переправилъ эти стихи, почитая ихъ произведеніемъ ученика пятаго класса Гребёнкина; не осталось ни одной строчки непоправленной и въ заключеніе всего профессоръ написалъ похвалу: «изряднёхонько».

Въ одно время съ Гребёнкою воспитывались въ Лицеѣ Гоголь и Кукольникъ; но оба были въ высшихъ классахъ. По словамъ Кукольника, онъ зналъ только, что есть въ низшихъ классахъ мальчикъ, по фамиліи Гребёнкинъ, но и не подозрѣвалъ, что этотъ мальчикъ занимается литературой. Вѣроятно и Гоголю былъ онъ извѣстенъ не больше. Съ Кукольникомъ Гребёнка сошолся потомъ, по окончаніи курса, въ Петербургѣ, уже какъ собратъ по литературѣ, а не какъ однокашникъ. Съ Гоголемъ, кажется, онъ и впослѣдствіи не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ, кромѣ можетъ-быть встрѣчъ у общаго ихъ знакомаго, товарища и пріятеля Гоголя — Прокоповича, да развѣ ещё у Плетнёва.

Ещё въ Лицеѣ, какъ мы уже упомянули, началъ Гребёнка заниматься литературой. Бо̀льшею частію первые опыты его были на малороссійскомъ нарѣчіи. Ко времени студенчества относится между прочимъ его малороссійскій переводъ «Полтавы» Пушкина. Не знаемъ, была ли переведена поэма вся въ Лицеѣ, или только начата, но одинъ отрывокъ изъ перевода былъ напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» въ годъ выхода Евгенія Павловича изъ Лицея, именно въ 1831 году. Въ 1833 году былъ напечатанъ второй отрывокъ изъ перевода «Полтава» въ «Утренней Звѣздѣ», а также и двѣ малороссійскія басни Гребёнки, которыя вошли потомъ въ отдѣльное изданіе басенъ его «Малороссійскія Приказки», выпущенное имъ въ свѣтъ въ 1834 году. Къ этому же году относится появленіе въ печати и перваго стихотворенія Гребёнки на русскомъ языкѣ. Эта довольно слабая пьеса «Курганъ» была помѣщена въ тогдашнемъ «Сынѣ Отечества».

Воспоминанія о городѣ, гдѣ воспитывался Евгеній Павловичъ, не разъ мелькаютъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Та̀къ онъ написалъ стихотворную легенду: «Нѣжинъ-Озеро», та̀къ избралъ Нѣжинъ мѣстомъ дѣйствія въ повѣсти своей «Нѣжинскій Полковникъ Золотоpенко». О прекрасной природѣ Малороссіи вездѣ говоритъ онъ съ горячей любовью.

Гребёнка окончилъ лицейскій курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса въ 1831 году и тотчасъ же поступилъ на службу въ резервы 8-го Малороссійскаго казачьяго полка; но вскорѣ вышелъ въ отставку и около 1834 года переѣхалъ въ Пе-

тербургъ, гдѣ 1-го февраля того же года былъ опредѣлёнъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ.

Въ Петербургѣ Гребёнка началъ усердно заниматься литературой. «Малороссійскія Приказки» его имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малороссійскій переводъ «Полтавы» съ посвященіемъ Пушкину. Посвященіе это познакомило его съ нашимъ славнымъ поэтомъ, извѣстнымъ добротой своей, который принялъ тёплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно съ его же одобренія были напечатаны въ «Современникѣ» на 1837 годъ два стихотворенія Гребёнки. Есть даже свѣдѣнія, что малороссійскія басни молодого писателя такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ онъ перевёлъ на русскій языкъ, именно «Вовкъ и Огонь»; но извѣстія этого мы не принимаемъ за фактъ, а предлагаемъ его на утвержденіе или опроверженіе болѣе знающимъ.

Извѣстный уже въ литературныхъ кружкахъ, Гребёнка всё ещё не былъ знакомъ публикѣ. Первые труды его на малороссійскомъ языкѣ имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный; русскими стихотвореніями, къ которымъ перешолъ Гребенка, было трудно обратить на себя вниманіе въ то время, когда ещё дѣйствовалъ Пушкинъ и вся окружающая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Нужно было обладать силой и самобытностью Кольцова, чтобъ привлечь къ себѣ избалованный слухъ публики; тогда-какъ стихотворенія Гребёнки только легко читались, а другаго достоинства за ними не было. Онъ и впослѣдствіи не переставалъ писать стихи; но они были у него только междудѣльемъ: вся дѣятельность его была посвящена повѣствовательной прозѣ. Справедливость требуетъ, однако жь, сказать, что между стихотвореніями Гребёнки есть нѣсколько очень граціозныхъ, какъ напримѣръ: «Почталіонъ», напечатанный въ «Русской Бесѣдѣ», Смирдина на 1841 годъ, «Пѣсня» — въ «Отечественныхъ Запискахъ» того же года и нѣкоторыя изъ «Украинскихъ Мелодій», которыя, впрочемъ, есть не что иное, какъ переводы или подражанія малороссійскимъ народнымъ пѣснямъ.

Нѣкоторая извѣстность Гребёнки въ публикѣ началась съ изданія имъ въ свѣтъ въ 1837 году небольшой книжки, подъ заглавіемъ: «Разсказы Пирятинца». Всѣ заимствованные изъ быта и преданій Малороссіи, разсказы эти напоминаютъ и содержаніемъ своимъ, и манерой «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки» Гоголя. Несомнѣнно, что повѣсти геніальнаго товарища по школѣ заронили въ Гребёнкѣ мысль его «Разсказовъ Пирятинца», несомнѣнно, что и слогъ, и языкъ, и образъ выраженія въ «Вечерахъ» сильно поразили своею новостью, свѣжестью и свободой молодаго Гребёнку и положили свою печать на его манеру. Но несправедливо было бы обвинять Гребёнку въ исключительномъ подражаніи Гоголю. Если на «Разсказахъ Пирятинца» и на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ повѣстяхъ и разсказахъ Гребёнки есть слѣды вліянія Гоголя, то на нихъ есть слѣды и другихъ вліяній — Марлинскаго, напримѣръ, Загоскина. Никто, перечитывая теперь повѣсти Гребёнки, не назовётъ его слѣпымъ подражателемъ манерѣ Гоголя, какъ не назовётъ подражателемъ Марлинскаго или Загоскина, а только отнесётъ его къ

извѣстному литературному періоду, который наложилъ на него свою печать, какъ на человѣка, необладающаго самостоятельнымъ талантомъ, пролагающимъ новые пути въ литературѣ.

Въ ноябрѣ 1838 года Евгеній Павловичъ былъ опредѣлёнъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскій Полкъ. Намъ не разъ случалось слышать отъ бывшихъ учениковъ Гребёнки тёплые, полные любви и участія разсказы объ ихъ покойномъ преподавателѣ. Всѣ были согласны другъ съ другомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Такъ же добръ, такъ же кротокъ и симпатиченъ былъ Евгеній Павловичъ и въ роли учителя, какъ въ своей домашней жизни или въ кругу своихъ знакомыхъ. По любви къ литературѣ, онъ поощрялъ учениковъ своихъ къ литературнымъ занятіямъ, разумѣется, тѣхъ, въ комъ замѣчалъ способность и любовь къ дѣлу. Въ урокахъ своихъ онъ не былъ педантомъ. Часто случалось, что онъ не умѣлъ сдержать желанія подѣлиться съ юными слушателями своими какою-нибудь замѣчательною литературною новостью и, оставляя разсказъ о прежнихъ судьбахъ русскаго слова или какія-нибудь грамматическія объясненія, съ одушевленіемъ читалъ или новое стихотвореніе или прозаическій отрывокъ. Такъ были прочитаны имъ не одна изъ пѣсенъ Кольцова, не одно изъ стихотвореній Лермонтова, не одинъ отрывокъ изъ Гоголя.

Каждый годъ, начиная съ 1838, стало являться по нѣскольку повѣстей и разсказовъ Гребёнки. Малороссія, исключительно вдохновлявшая его въ первыхъ произведеніяхъ, теперь уступаетъ часть своего вліянія Петербургу и столичному быту. Почти всѣ повѣсти Евгенія Павловича распадаются съ этого времени на два отдѣла: въ однѣхъ описываетъ онъ родныя мѣста, въ другихъ — Петербургъ.

Въ 1838 году, въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» Евгеній Павловичъ напечаталъ «Луку Прохоровича», въ 1840 — повѣсть «Братья» въ «Утренней Зарѣ», разсказъ «Путевыя Записки Зайца»—въ «Литературной Газетѣ», который былъ перепечатанъ потомъ отдѣльною книжкой въ 1844 году, повѣсть «Вѣрное Лекарство»—въ «Отечественныхъ Запискахъ» и повѣсть же «Горевъ Николай Ѳедоровичъ»—въ «Пантеонѣ». Въ «Вѣрномъ Лекарствѣ» болѣе всего видно вліяніе Гоголя, именно его «Записокъ Сумасшедшаго». Время появленія этой повѣсти заставляетъ предполагать, что её-то и имѣлъ въ виду Гоголь, отзываясь съ такою жесткостью о подражательности Гребёнки. Нельзя однако жь не признать за этою повѣстью замѣчательныхъ достоинствъ: она исполнена истинно-комическихъ чертъ; самое положеніе героя повѣсти богато юморомъ. Главная ошибка автора заключалась въ томъ, что онъ избралъ форму, въ которой послѣ Гоголя уже трудно было создать что-нибудь самостоятельное. Въ «Вѣрномъ Лекарствѣ» разсказъ ведётся отъ лица главнаго дѣйствующаго лица, въ формѣ дневника, а это лицо — сумасшедшій. Какъ же было не заслужить упрёковъ въ подражательности послѣ записокъ Поприщина? Въ слѣдующемъ году Гребёнка напечаталъ пять повѣстей: «Куликъ» — въ альманахѣ Владиславлева «Утренняя Заря», «Записки Студента» — въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Сказаніе о Горохѣ и Женитьбѣ Василія Ивановича, что̀ почти всё равно» — тамъ же, и

«Перстень» и «Дальній Родственникъ»—въ «Литературной Газетѣ». Къ этому же году относится изданіе «Ластовки», сборника на малороссійскомъ языкѣ, составленнаго Евгеніемъ Павловичемъ и въ которомъ помѣстилъ онъ нѣсколько своихъ стихотвореній и статеекъ въ прозѣ.

Мы уже говорили, что въ повѣсти «Записки Студента» есть автобіографическія черты. Кромѣ описанія дѣтства, въ ней находится и ещё много взятаго авторомъ изъ жизни. Такъ, опредѣленіе въ военную службу и скорое оставленіе ея напоминаетъ поступленіе Евгенія Павловича въ малороссійскіе казаки и его краткое служеніе въ полку. Въ исторіи переѣзда въ Петербургъ, начала гражданской служебной карьеры и ея непріятностей, замѣтны личныя впечатлѣнія и воспоминанія. По словамъ людей, близкихъ къ автору, самая завязка повѣсти заимствована изъ его собственной жизни. Повѣсть эта едва ли не болѣе всѣхъ другихъ произведеній Гребёнки имѣла успѣха въ публикѣ. Въ ней точно много страницъ тёплыхъ и задушевныхъ, но въ цѣломъ она неудовлетворительна и не лишена нѣкоторой слезливости въ тонѣ. И здѣсь замѣтна, кромѣ того, небрежность и краткость очерковъ, эскизность, отъ которой Гребёнка сталъ отвыкать только въ послѣднее время. Можетъ-быть, кромѣ того, многое въ «Запискахъ Студента» принадлежало и къ первой порѣ дѣятельности Гребёнки. Къ числу лучшихъ и наиболѣе выдержанныхъ повѣстей Гребёнки принадлежитъ «Куликъ»; въ нёмъ есть и довольно хорошо обрисованные характеры и довольно удачно подмѣченныя сцены. Въ 1842 году явились три повѣсти Гребёнки: «Водевиль въ Частной Жизни» — въ «Утренней Зарѣ», «Сеня» — въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Нѣжинскій Полковникъ Золоторенко» — въ «Литературной Газетѣ».

Два послѣдующіе года, 1843 и 1844, были самыми плодовитыми въ дѣятельности Гребёнки. Кромѣ двухъ романовъ: «Чайковскій» и «Докторъ», напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ напечаталъ девять повѣстей и разсказовъ. Замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ этихъ произведеній — романъ «Чайковскій», который есть въ то же время и вообще лучшее произведеніе Гребёнки. Содержаніе его заимствовано изъ семейныхъ преданій его матери. Вотъ что говоритъ рецензентъ «Современника» о «Чайковскомъ», переходя отъ сужденія о лиризмѣ, замѣчаемомъ въ большей части произведеній Гребёнки: «Лирическаго элемента нельзя выпускать изъ виду, говоря о Гребёнкѣ. Этотъ элементъ ему врождёнъ; онъ у него тотъ же, что вѣетъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ; а въ талантѣ Гребёнки большая аналогія съ этими пѣснями. Онъ совершенно не тотъ, когда говоритъ о своей родинѣ, разсказываетъ о бытѣ минувшихъ племёнъ, приводитъ преданія старины о славѣ запорожцевъ. Въ этихъ разсказахъ — онъ дома. Онъ не остритъ съ чужого голоса, а остритъ *характерно* и остроты его изображаютъ понятія и образъ мыслей тѣхъ лицъ, въ уста которыхъ они вложены. Онъ, не маскируясь приличіями свѣтскаго человѣка, предаётся всей живости впечатлѣній и этой богатой природы юга и этихъ людей; онъ сочувствуетъ ихъ прекраснымъ качествамъ, свойственнымъ ещё неиспорченной натурѣ, и не скрываетъ отъ васъ ихъ недостатковъ, но изобра-

жаетъ ихъ съ любовью художника, то-есть съ любовью не къ самымъ недостаткамъ, но къ своему произведенію, по мѣрѣ того какъ эти недостатки помогаютъ ему рисовать болѣе вѣрную картину старины, людей и ихъ быта. Этой неподдѣльной теплоты, знанія старины, обычаевъ и нравовъ такъ много въ его романѣ «Чайковскій», что о недостаткахъ его, право, и говорить нечего. Нѣкоторые не хотятъ признавать въ «Чайковскомъ» всѣхъ его достоинствъ, потому-что Гоголь написалъ «Тараса Бульбу», гдѣ изображены тѣ же, и притомъ, ещё полнѣе, элементы казачества; но изъ того, что Гомеръ написалъ «Иліаду», а Орфей «Походъ Аргонавтовъ», развѣ не читали греки съ удовольствіемъ другихъ поэтовъ, обработывавшихъ эпизоды изъ тѣхъ же событій и изображавшихъ тѣ же лица? Признаёмся, въ «Медеѣ» Аполлонія Родійскаго и мы находимъ такія красоты, которыя нисколько не заставляютъ сожалѣть времени, употреблённаго на прочтеніе этой поэмы, а въ своё время пѣвецъ ея пользовался великой славой, хотя и повторилъ старинную сказку о кораблѣ Арго, приписываемую Орфею.» Мы не намѣрены разсказывать содержанія романа «Чайковскій». Онъ былъ прочтёнъ и будетъ читаться ещё долго съ большимъ удовольствіемъ всѣми понимающими дѣло.

Въ 1845 году явились повѣсти: «Петербургская Сторона» въ изданіи Н. А. Некрасова «Физіологія Петербурга», «Чужая голова — тёмный лѣсъ» — въ «Иллюстраціи», «Иванъ Ивановичъ» — въ «Финскомъ Вѣстникѣ». Изъ нихъ «Иванъ Ивановичъ» принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ произведеній Гребёнки, хотя и здѣсь къ сожалѣнію автору повредилъ его лёгкій взглядъ: онъ скользнулъ только по поверхности факта, представлявшаго много глубокихъ и потрясающихъ сторонъ, которыми грѣхъ не воспользоваться художнику. Въ 1846 году онъ напечаталъ двѣ статьи «Іерусалимъ» и «Разсказъ» въ изданіи Кукольника «Картины Русской Живописи», двѣ повѣсти: «Черта изъ частной жизни Бочёнкова» и «Піитъ» — въ смирдинскомъ альманахѣ «Новоселье» и «Лѣсничій» — «Провинціалъ въ Петербургѣ», — въ «Финскомъ Вѣстникѣ». Въ 1847 году явились: «Приключенія Синей Ассигнаціи» повѣсть — въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Хвастунъ», физіологическій очеркъ въ «Финскомъ Вѣстникѣ» и «Газетное Объявленіе, листокъ изъ хроники добраго города С.-Петербурга» — въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ»; въ 1848 году были напечатаны повѣсти «Сила Кондратьевъ» въ «Современникѣ», «Заборовъ» въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ», изданномъ редакціею «Современника» и «Полтавскіе Вечера» — въ «Библіотекѣ для Чтенія».

Въ это же время Евгеній Павловичъ принялся за собраніе и изданіе всѣхъ своихъ беллетристическихъ произведеній, причёмъ первые четыре томика вышли въ 1847, а послѣдніе четыре въ 1848 году.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, у него образовался довольно обширный кругъ литературныхъ знакомствъ, чему, конечно, способствовало участіе его почти во всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ того времени. Особенно близокъ и друженъ былъ онъ съ Бенедиктовымъ, Ершовымъ, авторомъ «Конька Горбунка», съ Прокоповичемъ, съ семействомъ вице-

президента Академіи Художествъ графа Толстаго и съ Далемъ, съ которымъ два раза ѣздилъ въ свою малороссійскую деревню. Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушіе его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ, сходившіеся съ Гребёнкой, вспоминаютъ о нёмъ съ особенною теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ весёлостью, съ тѣмъ лёгкимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы и въ его сочиненіяхъ. Вообще Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени. Дома Гребёнка былъ радушный хозяинъ. Вечера, на которые собирались къ нему его друзья и знакомые, отличались задушевностью и простотой. Нечего, разумѣется, и говорить о хлѣбосольствѣ: Гребёнка былъ малороссъ, а хлѣбосольство одно изъ главныхъ свойствъ малороссійскаго характера.

Замѣтки наши о характерѣ Гребёнки покажутся похожими на панегирикъ; но всѣ, знавшіе Евгенія Павловича, такъ согласны въ своихъ сужденіяхъ о нёмъ, которые мы передали здѣсь, что никакъ нельзя усомниться въ ихъ правдивости. Мы даже нарочно разспрашивали о недостаткахъ Гребёнки, зная, что нѣтъ человѣка безъ слабостей; но видно слабости Евгенія Павловича были такъ мелки, что даже для самыхъ близкихъ друзей и знакомыхъ его достоинства заставляли не замѣчать этихъ слабостей. Къ сожалѣнію намъ не удалось лично знать Гребёнку; но изустные разсказы, слышанные нами отъ многихъ лицъ, достойныхъ всякаго вѣроятія, возсоздаютъ въ нашемъ воображеніи такой прекрасный, добрый обликъ.

Какъ ни незначительны были средства Евгенія Павловича по переѣздѣ въ Петербургъ, онъ выписалъ къ себѣ младшихъ братьевъ своихъ, Михаила и Николая, держалъ ихъ сначала у себя, а потомъ опредѣлилъ перваго въ Дворянскій Полкъ, а второго въ 3-ю Петербургскую Гимназію. Онъ былъ женатъ на дочери отставного штабсъ-капитана Растенберга, Марьѣ Васильевнѣ (нынѣ Масловой) и отъ этого брака, заключённаго по чистому и постоянно, до смерти Евгенія Павловича хранившемуся чувству, у него осталась дочь Надежда.

Послѣдняя болѣзнь Евгенія Павловича, которая свела его въ могилу, служитъ новымъ подтвержденіемъ общихъ отзывовъ о безграничной добротѣ его и готовности на всякое доброе дѣло. Чувствуя себя уже очень дурно, онъ рѣшился однакожь выѣхать изъ дому по дѣлу одного знакомаго и при переѣздѣ черезъ Неву простудился, слёгъ въ постель и уже не вставалъ болѣе. Онъ умеръ 3-го декабря 1848 года. На отпѣваньѣ его, кромѣ знакомыхъ, друзей и литераторовъ, присутствовало много бывшихъ учениковъ его изъ военно-учебныхъ заведеній. Тѣло Гребёнки перевезено въ Малороссію, которая была ему всегда такъ мила и дорога.

М. Михайловъ.

В. Ѳ. Домбровскій.

Василій Ѳёдоровичъ Домбровскій, коллежскій совѣтникъ и экстраординарный профессоръ Университета Св. Владиміра по каѳедрѣ русской исторіи, родился въ 1810 въ Гомелѣ уѣздномъ городѣ Могилёвской губерніи, гдѣ отецъ его былъ въ то время городничимъ. По девятому году онъ былъ уже отданъ въ уѣздное училище, откуда перешолъ въ Могилёвскую гимназію. По смерти мужа, мать Домбровскаго переѣхала на жительство въ Нѣжинъ и въ 1825 году опредѣлила сына въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Вотъ что говоритъ о Домбровскомъ-гимназистѣ бывшій его наставникъ И. Г. Кулжинскій въ 21-й книжкѣ «Москвитянина» на 1854 годъ: «Бѣдный сирота, Домбровскій воспитывался своею матерью, которая нарочно для этой цѣли приняла должность кастелянши при лицейскомъ пансіонѣ. При счастливыхъ способностяхъ, онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ и провёлъ своё дѣтство и юность, не мѣшаясь въ игры товарищей своихъ, вѣчно занятый, погружонный въ самого себя. Окончивъ курсъ ученія въ Гимназіи Высшихъ Наукъ, онъ тотчасъ же сталъ искать случая облегчить свою мать въ средствахъ существованія и принялъ первое представившееся ему мѣсто — надзирателя при Лицейскомъ пансіонѣ. Не выѣзжая изъ Нѣжина, Домбровскій пріобрѣлъ обширныя познанія: кромѣ основательнаго знанія древнихъ языковъ и всѣхъ преподанныхъ ему наукъ, онъ свободно говорилъ по-французски и понѣмецки. Начальство скоро замѣтило даровитаго труженика и быстро повело его къ возвышенію. Будучи уже профессоромъ, Домбровскій нѣсколько разъ благодарилъ меня за латинскій языкъ и я всегда съ удовольствіемъ хвалюсь этимъ, не боясь упрёка въ тщеславіи, но будучи сладко убѣждёнъ въ душѣ моей, что и я былъ кому-нибудь полезенъ».

По свидѣтельству школьныхъ товарищей Домбровскаго, онъ отличался, во время своего ученичества, остроуміемъ и умѣньемъ подтрунить, былъ весьма пріятнымъ собесѣдникомъ и разсказчикомъ и, не смотря на свою угрюмость и даже нѣкоторую мрачность характера, пользовался любовью своихъ товарищей, въ томъ числѣ покойнаго Евгенія Павловича Гребёнки. Кромѣ того, его помнятъ ещё, какъ журналиста. Именно, съ переходомъ въ высшіе, студентскіе классы, онъ, по примѣру знаменитаго предшественника своего Гоголя, сталъ издавать журналъ, разумѣется, рукописный, подъ заглавіемъ: «Аматузія», главнымъ вкладчикомъ котораго, по литературной части, былъ Гребёнка, а критикомъ — самъ редакторъ.

Домбровскій окончилъ курсъ въ іюнѣ 1831 года кандидатомъ, съ правомъ на чинъ XII-го класса и награжденіемъ медалью. Затѣмъ, 1-го октября того же года, опредѣлёнъ былъ, какъ мы уже видѣли выше, надзирателемъ при Лицейскомъ Пансіонѣ и исправляющимъ должность учителя нѣмецкаго языка при Гимназіи. Нужда, заставившая его принять эту скромную должность, вовсе не отвѣтствовавшую ни его способностямъ, ни даже полученному имъ воспитанію, долго преслѣдовала даро-

витаго труженика и ставила ему всюду препятствія, для преодолѣнія которыхъ нужно было много энергіи и вѣры въ собственныя силы. И тѣмъ и другимъ Домбровскій обладалъ въ высшей степени. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сильныхъ и упорныхъ характеровъ, какими богата Малороссія и нынѣ, готовыхъ на всевозможныя пожертвованія для достиженія однажды избранной цѣли. Задачей жизни положилъ онъ достиженіе высшей ученой степени и съ изумительнымъ постоянствомъ и настойчивостью, впродолженіе всей своей жизни, преслѣдовалъ любимую мысль, не смотря на всѣ препятствія, положенныя завистью и недоброжелательствомъ. Способности Домбровскаго слишкомъ выдавались изъ ряду обыкновенныхъ, чтобы не обратить на себя вниманіе начальства. Оно замѣтило молодого педагога и быстро повело его къ возвышенію. Въ 1833 году Василій Ѳедоровичъ былъ переведёнъ учителемъ историческихъ наукъ въ Кіевское уѣздное училище, черезъ два года опредѣлёнъ младшимъ учителемъ географіи сперва въ Кіевскую губернскую, а по учрежденіи въ Кіевѣ двухъ гимназій, въ Первую гимназію, гдѣ, спустя два года, утверждёнъ былъ старшимъ учителемъ исторіи. Но и въ гимназіи Домбровскій оставался не долго. Прекрасный даръ слова и замѣчательная память, обнаруженные имъ при изложеніи своего предмета, обратили на себя особенное вниманіе попечителя Кіевскаго учебнаго округа и бывшаго министра Народнаго Просвѣщенья С. С. Уварова, который, въ бытность свою въ Кіевѣ, прослушавъ его лекцію въ гимназіи о Іоаннѣ III, остался очень доволенъ и вызвалъ его въ С.-Петербургъ для ознакомленія съ методою Язвинскаго и преподаваніемъ Устрялова. По возвращеніи изъ столицы, Домбровскій, всего кандидатъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, былъ опредѣлёнъ сперва преподавателемъ, потомъ, 19-го января 1838 года, адъюнктомъ и наконецъ, 28-го марта 1840 года, экстраординарнымъ профессоромъ въ университетъ Св. Владиміра, по каѳедрѣ русской исторіи. Такимъ образомъ достигъ онъ того, о чёмъ мечталъ ещё на школьной скамьѣ. Теперь — онъ былъ доволенъ, тѣмъ болѣе, что сознавалъ, что всѣмъ обязанъ самому себѣ, а не протекціи, которою, по врождённой гордости и увѣренности въ самомъ себѣ, онъ всегда гнушался. Эта благородная гордость — нежеланіе заискивать и обязываться — нажила ему впослѣдствіи много враговъ и причинила много горя.

2-го іюля 1838 года Домбровскій былъ избранъ секретарёмъ 1-го отдѣленія Философскаго Факультета и исправлялъ эту должность впродолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, до 25-го ноября 1840 года; въ 1843 году назначенъ членомъ Временной Коммиссіи, учреждённой съ Высочайшаго соизволенія для разбора древнихъ актовъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній, а въ слѣдующемъ году принятъ въ члены Копенгагенскаго Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ.

Кромѣ чтенія лекцій студентамъ, Домбровскій двѣ зимы сряду, въ 1841 и 1842 годахъ, читалъ публичныя лекціи русской исторіи, и кіевскіе жители высшаго образованія толпились въ его аудиторіи.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о литературной дѣятельности

Василія Ѳёдоровича. Первымъ напечатаннымъ его сочиненіемъ была «Рѣчь о вліяніи Греціи на развитіе гражданственности древней Руси», произнесённая имъ въ торжественномъ собраніи Университета, 15-го іюля 1840 года и отпечатанная въ «Отчётѣ Университета Св. Владиміра, за 1840 годъ». За тѣмъ въ альманахѣ «Кіевлянинъ» на 1840 и 1841 годъ, издаваемомъ М. А. Максимовичемъ, напечаталъ онъ двѣ статьи: «Острожская старина» и «Луцкъ», и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1841 и 1842 годовъ также двѣ статьи: «О ямахъ до конца XVII вѣка» и «Письма Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI вѣка». Кромѣ того, Домбровскій издалъ отдѣльной книгой: «Очеркъ города Чернигова и его области въ древнее и новое время», да послѣ его смерти въ «Кіевлянинѣ» на 1840 годъ была напечатана его статья: «О Кременецкомъ замкѣ». Изъ названныхъ мною статей особенно замѣчательны: «О ямахъ», «Острожская старина» и «О Кременецкомъ замкѣ». Не смотря на весьма ограниченное число печатныхъ сочиненій Домбровскаго, онъ всё-таки успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ учоному міру своими трудами по разработкѣ отечественной исторіи, проникнутыми тёплою любовью къ отечественному просвѣщенію и глубокимъ, основательнымъ знаніемъ отечественной старины.

Достигнувъ извѣстности и довольства и уже будучи женихомъ давно имъ любимой особы, въ полномъ цвѣтѣ жизни, молодой профессоръ былъ вдругъ поражонъ жестокимъ недугомъ, выразившимся образованіемъ нарыва въ головѣ, объ который сокрушилось всё знаніе, всё искусство и всё усердіе цѣлаго Медицинскаго Факультета, и который свёлъ его въ могилу, раньше всѣхъ знаменитыхъ товарищей его по Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, въ 1845 году.

Домбровскій былъ вполнѣ благороднымъ и добрымъ человѣкомъ, исполненнымъ гуманности и доступности въ обращеніи съ каждымъ, имѣвшимъ въ нёмъ нужду, что свидѣтельствуютъ всѣ, знавшіе его. При огромномъ, даже, можно сказать, гигантскомъ ростѣ и соотвѣтственной полнотѣ, онъ имѣлъ весьма привлекательную наружность. Голубые глаза его блистали умомъ. Онъ обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и необыкновенною памятью, которою любилъ иногда щеголять. Студенты съ удовольствіемъ посѣщали лекціи Василія Ѳёдоровича, и аудиторія его всегда была полна.

Н. Гербель.

Д. И. Журавскій.

Дмитрій Ивановичъ Журавскій, извѣстный инженеръ и строитель Веребьинскаго моста и Петропавловскаго шпица, тайный совѣтникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ и кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла, Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-го класса, Святыхъ Анны и Станислава 1-хъ степеней и пер-

сидскаго Льва и Солнца 1-го класса, родился 17-го декабря 1821 года Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда, въ селѣ Бѣломъ, помѣстьѣ родныхъ его матери. По девятому году онъ уже отвезёнъ былъ въ Нѣжинъ, для поступленія вольно-приходящимъ воспитанникомъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Не смотря на то, что Журавскому не было тогда полныхъ девяти лѣтъ, онъ былъ такъ хорошо приготовленъ, что по экзамену оказался достойнымъ для поступленія въ 3-й классъ гимназіи и только по молодости былъ принятъ 30-го іюля 1830 года во 2-й классъ. Будучи вообще прилеженъ, онъ съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ особенную наклонность къ наукамъ математическимъ. Пробужденіемъ въ нёмъ этой наклонности, по словамъ самого Дмитрія Ивановича, онъ много обязанъ совоспитаннику своему по Лицею Н. И. Миклухѣ, бывшему впослѣдствіи капитаномъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, который, по дружбѣ къ старшему брату Дмитрія Ивановича, довольно часто пріѣзжалъ гостить къ нимъ въ мѣстечко Мринъ, находящееся въ 20-ти верстахъ отъ Нѣжина, гдѣ проживали въ то время родители Журавскаго.

По окончаніи полнаго лицейскаго курса въ 1838 году, съ правомъ на чинъ XIV класса, Журавскій отправился въ Петербургъ для пріисканія мѣста, но, привлечённый славными именами академиковъ Остроградскаго, Гесса, Купфера и Буняковскаго, бывшихъ тогда профессорами Института Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, отказался на время отъ служебной дѣятельности и поступилъ въ это высшее учебное заведеніе. И этотъ новый курсъ Журавскій окончилъ блистательно: имя его записано золотыми буквами на мраморной доскѣ института.

По выпускѣ въ офицеры счастье благопріятствовало молодому инженеру: его назначили на изысканія начинавшейся тогда желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, бывшей въ то время въ вѣдѣніи начальника Сѣверной Дирекціи инженеръ-полковника Мельникова, впослѣдствіи Министерства Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Въ продолженіе этой трудной работы, сопряжонной со всякаго рода лишеніями и неудобствами жизни, онъ былъ неутомимымъ дѣятелемъ на линіи, проводимой тогда чрезъ Новгородъ. Замѣтивъ въ молодомъ офицерѣ любовь къ дѣлу и основательныя познанія въ инженерномъ искуствѣ, Мельниковъ оставилъ его, по окончаніи работъ, при себѣ, для составленія проэктовъ мостовъ и тѣмъ далъ ему возможность пріобрѣсть познанія и опытность въ той части строительнаго искусства, которая, впослѣдствіи, сдѣлалась его спеціальностью, какъ мы увидимъ это ниже, и пріобрѣла ему громкую извѣстность.

Черезъ два года по выпускѣ изъ Института, Журавскому, не имѣвшему тогда ещё полныхъ 23-хъ лѣтъ, была поручена одна изъ самыхъ значительныхъ работъ петербургско-московской желѣзной дороги: построеніе моста чрезъ рѣчку Веребью. Дмитрій Ивановичъ, высоко цѣня оказанное ему довѣріе, горячо принялся за дѣло и окончилъ его блистательно. Мостъ этотъ, останавливающій на себѣ вниманіе проѣзжающихъ, построенъ по раскосной системѣ Гау и по справедливости можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ сооруженій въ этомъ родѣ не только въ

Россіи, но и въ Европѣ и Америкѣ. Вышина моста, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, 23½ сажени, длина — не много болѣе полуверсты. Не смотря на свои громадные размѣры, онъ держится всего на восьми быкахъ, не считая боковыхъ устьевъ, и образуетъ между ними пролёты въ 25½ сажень каждый.

Занимаясь постройкою моста въ глуши Новгородской губерніи, вдали отъ общества, Журавскій съ жаромъ занимался изученіемъ системы американскихъ мостовъ, приложенной къ мостамъ строимой тогда желѣзной дороги. Самая система, называемая, по имени своего изобрѣтателя, системою Гау, была весьма хороша, но представляла, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько недостатковъ, что первый мостъ, построенный самимъ изобрѣтателемъ на рѣкѣ Сюскеганѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, пришлось черезъ два года перестроить вновь. Рядъ статей, напечатанныхъ по этому предмету въ «Журналѣ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій», свидѣтельствуетъ объ ученой дѣятельности Журавскаго. Результатомъ девяти-лѣтнихъ трудовъ его было большое сочиненіе подъ названіемъ: «О мостахъ по раскосной системѣ Гау», представленное имъ, въ 1854 году, на соисканіе Демидовской преміи. Императорская Академія Наукъ, готовая поощрить всякую новую полезную идею, увѣнчала это сочиненіе присужденіемъ первостепенной награды.

Ученый рецензентъ, генералъ-инженеръ Дестремъ, которому Академія Наукъ поручила разобрать сочиненіе Журавскаго, оканчиваетъ свой разборъ между-прочимъ слѣдующими словами: «Долгомъ считаю отдать полную справедливость отличнымъ познаніямъ подполковника Журавскаго. Трудъ его доказываетъ, по мнѣнію моему, необыкновенную ловкость въ математическихъ пріёмахъ и въ приложеніи положительныхъ наукъ къ строительному искусству. По заключающимся же въ нёмъ выводамъ и формуламъ, сочиненіе это безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми записками и изслѣдованіями о выгодахъ и недостаткахъ мостовъ системы Гау. Я почёлъ бы себя счастливымъ, если бы разсмотрѣнное мною сочиненіе, стоившее автору многолѣтнихъ трудовъ и постоянныхъ наблюденій для удачнаго разрѣшенія трудныхъ вопросовъ по предмету новому и крайне интересному для строителей, обратило на себя вниманіе Императорской Академіи Наукъ».

Въ доставленномъ впослѣдствіи дополненіи къ своему разбору, тотъ же рецензентъ присовокупляетъ, что сдѣланныя авторомъ выкладки прилагаются не только къ мостамъ по системѣ Гау, но и ко всѣмъ вообще мостамъ раскосной системы, деревянным или желѣзнымъ, каковые мосты играютъ весьма важную роль при построеніи новѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границею, и что составленная г. Журавскимъ теорія была имъ изложена прежде, нежели гдѣ-нибудь былъ напечатанъ разборъ раскосной системы, и до-сихъ-поръ самый разборъ нигдѣ не былъ сдѣланъ столь полно и удовлетворительно, какъ въ упомянутомъ сочиненіи.

Столь лестный отзывъ со стороны такого знатока дѣла, какъ генералъ Дестремъ, а равно и мнѣніе члена Академіи Чебышева, разсма-

тривавшаго математическую часть сочиненія, послужили Академіи основаніемъ для присужденія Журавскому полной преміи. Сверхъ того Академія единогласно опредѣлила выдать автору денежное пособіе для изданія его сочиненія, снабжоннаго множествомъ рисунковъ.

Кромѣ названнаго сочиненія, Журавскій напечаталъ мемуаръ, подъ заглавіемъ: «Remarques sur la résistance d'un corps prismatique et d'une pièce composée en bois ou en tôle de fer à une force perpendiculaire à leur longueur», который былъ перепечатанъ почти вполнѣ въ Парижѣ, въ извѣстномъ учоно-литературномъ журналѣ «Annales des ponts et chaussées» на 1856 годъ. Издатели журнала не помѣстили только конца брошюры, гдѣ были изложены правила, относящіяся къ распредѣленію смыковъ въ составномъ брусѣ, подверженномъ растягиванію и, вѣроятно, потому, что выводы Журавскаго противорѣчили господствовавшимъ тогда ошибочнымъ мнѣніямъ инженеровъ, на счётъ расположенія смыковъ частей составной балки, такъ-какъ опыты произведённые потомъ, совершенно оправдали заключенія, сдѣланныя прежде съ помощію теоріи.

Весною 1855 года Дмитрій Ивановичъ былъ командированъ для изысканій по проведенію линіи желѣзной дороги между Москвою и Орломъ, продолжавшихся до осени 1856 года, а по возвращеніи въ Петербургъ, ему поручено было составленіе проекта для перестройки шпица на колокольнѣ Петропавловскаго собора въ Санктпетербургской крѣпости.

Посвятивъ уже столько лѣтъ труда исчисленію раскосной системы, помѣщающейся въ одной плоскости, Журавскому нужно было теперь, при составленіи помянутаго проекта, приняться за вычисленіе напряженій частей неизмѣняемой поверхности, какою должна представляться система шпица. При содѣйствіи инженеръ-поручика Рехневскаго, раздѣлявшаго съ нимъ всѣ труды по сооруженію шпица, былъ разрѣшонъ этотъ новый вопросъ строительнаго искусства,—и частямъ шпица приданы размѣры, указанные вычисленіями. Извѣстный архитекторъ Тонъ также представилъ два проэкта перестройки шпица, изъ которыхъ по одному его предполагалось сдѣлать изъ желѣза, а по другому — изъ кирпича. Одинъ изъ нихъ былъ представленъ Государю Императору вмѣстѣ съ проэктомъ Журавскаго. По утвержденіи проэкта нашего искуснаго инженера, ему поручено было и произвесть эту трудную и особенно-смѣлую по исполненію работу.

Отличенный лестнымъ выборомъ, Журавскій обратилъ особенное вниманіе не только на лучшее составленіе проэкта самаго шпица, но также и на возможное сокращеніе издержекъ при исполненіи работъ. Предстояло рѣшить вопросъ о лѣсахъ, съ помощью которыхъ надлежитъ собрать желѣзную систему шпица. Устроенныя прежде кругомъ шпица лѣса, справедливо удивлявшія жителей Петербурга, стояли на восьми ногахъ и упирались въ старый шпицъ, который представлялъ въ нижней его части крѣпкую и тяжолую массу дерева. Они были построены военнымъ инженеръ-подполковникомъ Паукеромъ для осмотра поврежденій шпица, нѣсколько покривившагося по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Лѣса вполнѣ удовлетворяли своему назначенію и

простояли гораздо дольше, чѣмъ имѣлось первоначально въ виду. Но обстоятельства перемѣнились, когда, по тщательномъ осмотрѣ шпица, оказалось необходимымъ его разобрать и замѣнить новымъ. И такъ — возникъ вопросъ: возможно ли, при дальнѣйшемъ производствѣ работъ, по устроенію новаго шпица, оставить старыя лѣса, которыя, въ такомъ случаѣ, должны будутъ простоять ещё два года, лишаясь при разборкѣ стараго шпица, какъ груза, удерживающаго ихъ отъ опрокидыванія, такъ и крѣпкой массы дерева, представляющей упоръ противъ излома отъ дѣйствія вѣтра? Общее мнѣніе инженеровъ и архитекторовъ и самого строителя лѣсовъ господина Паукера было, что старыя лѣса слѣдуетъ разобрать. Архитекторъ Тонъ полагалъ возвести новыя, начиная ихъ отъ земли во всю высоту колокольни и съуживая постепенно по мѣрѣ возвышенія, съ придачею имъ широкаго основанія на каменномъ фундаментѣ. Обсудивъ различные способы исполненія работъ, Журавскій остановился на чрезвычайно-смѣлой мысли: оставить прежнія лѣса, упрочивъ ихъ систему такъ, чтобы они могли выдержать напоръ вѣтра безъ всякой боковой опоры къ чему, какъ сказано выше, прежде служилъ старый шпицъ, который теперь предполагалось разобрать и потомъ привязать четыре ноги лѣсовъ желѣзными связями къ каменной кладкѣ колокольни, чтобы лѣса не могли быть опрокинуты. Кромѣ того, изъ восьми ногъ лѣсовъ господина Паукера четыре стояли на тѣхъ мѣстахъ каменной кладки, гдѣ приходилось возводить новую и потому необходимость заставляла ихъ подрѣзать снизу на двѣ сажени отъ основанія, поддержавъ ихъ подкосами. Подобный проэктъ могъ быть утвержденъ только при особенномъ довѣріи начальства къ знанію и опытности строителя. Укрѣпившіеся по этому проэкту лѣса выдержали благополучно порывы лѣтнихъ и осеннихъ бурь. Смѣлый проэктъ дозволилъ значительное сокращенье издержекъ на перестройку шпица.

Имѣвъ случай осмотрѣть во всей подробности это сооруженіе, истинно замѣчательное по смѣлости, прочности, расчёту и даже щегольству въ исполненіи, я рѣшаюсь войти въ нѣкоторыя подробности по этому предмету, дѣлающему честь нашимъ инженерамъ и сообщить читателямъ свои наблюденія съ высоты 400 футовъ отъ поверхности земли.

Вся вышина лѣсовъ, считая отъ верхняго карниза каменныхъ стѣнъ колокольни до верхней площадки, равняется 232 футамъ. Не смотря на эту страшную высоту, лѣса даже при сильномъ вѣтрѣ подвергались самому незначительному качанію, котораго устранить совершенно не въ состояніи никакое искусство, по невозможности уничтожить упругость, свойственную дереву. Для совершенно-безопаснаго и лёгкаго сообщенія между ярусами устроены были, съ площадки на площадку, удобныя для ходьбы лѣстницы съ перилами, а на верху, то-есть на высотѣ 396 футовъ отъ земли, устроена площадка, окружонная прочными перилами.

Теперь скажу нѣсколько словъ о своёмъ восхожденіи по этимъ лѣсамъ на верхнюю ихъ площадку, откуда открывается великолѣпный видъ на окрестности Петербурга. Это было въ августѣ мѣсяцѣ 1857 года. Вслѣдствіе обязательнаго приглашенія самого Дмитрія Ивановича, я отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Петропавловскому собору и часовъ около

пяти пополудни началъ своё восхожденіе. Замѣчу мимоходомъ, что не смотря на совершенную безопасность подобнаго путешествія, оно требуетъ нѣкоторой крѣпости нервъ, потому-что подняться на высоту 400 футовъ отъ земли по открытымъ лѣстницамъ, висящимъ, такъ сказать, на воздухѣ, случается намъ не часто и далеко не можетъ назваться ежедневнымъ событіемъ нашей жизни. Пройдя нѣсколько лѣстницъ, мы присѣли на какомъ-то бревнѣ и, отдохнувъ немного, отправились дальше, или точнѣе — выше. Такимъ-образомъ въ пять или шесть пріёмовъ мы добрались до верхней площадки. Былъ вѣтеръ и лѣса немного качались, что, впрочемъ, не было замѣтно для глаза; только ноги чувствовали, что площадка зыблется. Качаніе креста церкви было весьма значительно. Съ нами была подзорная трубка — и мы принялись за наблюденія. Видъ съ площадки представлялся необыкновенный: передъ нами разстилался весь Петербургъ, съ его красавицей Невой, великолѣпными зданіями и далёкими окрестностями. Мы видѣли ясно Кронштадтъ, Царское-Село, Павловскъ, Петергофъ, Колпино, Парголово и множество дачъ, окаймляющихъ городъ со всѣхъ сторонъ; видѣли безконечныя линіи желѣзныхъ дорогъ, съ ихъ быстро летящими поѣздами и дымящимися локомотивами. Петербургъ, съ высоты 400 футовъ, казался намъ совсѣмъ инымъ городомъ, чѣмъ тотъ, который мы привыкли видѣть, разъѣзжая по его улицамъ. Всё тò, что мы привыкли видѣть въ разницу, теперь представлялось намъ разомъ и притомъ совершенно съ другой стороны. Въ особенности поражаетъ наблюдателя правильность и длина улицъ, вмѣстѣ съ рѣками и каналами, прорѣзающихъ городъ во все-возможныхъ направленіяхъ, и тò, что масса крышъ играетъ главную роль, оставляя фасады домовъ на второмъ планѣ. Но что можно назвать истинно-величественнымъ — это видъ на заливъ, съ его кораблями, пароходами и Кронштадтомъ. Зрѣлище это наполняетъ душу невѣдомымъ восторгомъ. Да, надобно видѣть Петербургъ съ вершины Петропавловскаго шпица, чтобы имѣть настоящее понятіе о любимомъ созданіи Петра Великаго.

Въ половинѣ 1858 года всѣ работы, по установкѣ новаго желѣзнаго шпица на колокольнѣ Петропавловскаго собора, были окончены съ полнымъ успѣхомъ — работы, можно сказать не обинуясь, въ высшей степени смѣлыя, что каждый можетъ увидѣть изъ слѣдующаго краткаго описанія, какъ постройки лѣсовъ, такъ и установки самаго шпица. Лѣса, которые возвышались на высоту около 60 сажень, въ видахъ дешевизны исполненія, начинались не отъ земли, но были поставлены на каменной части колокольни, высотою до $23^1/_2$ сажень. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы они не сломались при большой высотѣ и сравнительно-маломъ основаніи и не опрокинулись отъ сильныхъ порывовъ вѣтра, отчего соборъ, въ которомъ покоятся земные останки нашихъ царей, могъ быть превращёнъ въ груду камней. Шпицъ построенъ по раскосной системѣ, которая до тѣхъ поръ никогда не была подвергнута исчисленію и имѣетъ всѣ раскрѣпы по окружности, представляя внутри пустоту, въ которой поставлена винтовая лѣстница, поднимающаяся до шести саженъ отъ верха шпица, то-есть до креста, къ которому устроенъ

ходъ по наружной позолоченной лѣстницѣ, начинающейся отъ окошечка, сдѣланнаго въ позолоченной кровлѣ шпица на высотѣ верха внутренней лѣстницы.

Въ 1856 году, когда всѣхъ такъ занималъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, были напечатаны Журавскимъ двѣ статьи, одна въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи», а другая — въ «Современникѣ»: «Ещё соображенія касательно устроенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи». Въ этихъ статьяхъ Дмитрій Ивановичъ, не увлекаясь никакими мѣстными предпочтеніями, рѣшаетъ вопросъ начертанія сѣти желѣзныхъ дорогъ, принимая въ соображеніе имѣющіеся въ Россіи элементы для торговаго движенія и положеніе какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ рынковъ. Изучивъ характеръ внутренняго движенія въ Россіи, наиболѣе возбуждаемаго обмѣномъ произведеній частей государства, различествующихъ по роду ихъ производительности и обративъ вниманіе на то, что, при такомъ положеніи дѣла, главная цѣль, которую слѣдуетъ имѣть въ виду при начертаніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, есть наибольшее сближеніе отдалённыхъ частей государства, то-есть наибольшее уменьшеніе издержекъ, вынуждаемыхъ этими разстояніями, Журавскій указалъ на выгоднѣйшія направленія, не стѣсняясь высказанными французскими писателями идеями, по его мнѣнію, неприложимыми къ Россіи. Особенности въ распредѣленіи богатствъ и населенія по пространствамъ, занимаемымъ Франціею и Россіею, приводятъ къ различію въ направленіяхъ желѣзныхъ дорогъ: въ первой главныя линіи проходятъ параллельно воднымъ путямъ, а въ Россіи онѣ будутъ направлены преимущественно вдоль плоскихъ возвышенностей, служащихъ водораздѣлами рѣчнымъ бассейнамъ. Глубокимъ изученіемъ предмета и независимостію взгляда отличаются эти статьи, написанныя рукою трудолюбиваго инженера. Онъ особенно настаиваетъ на мысли, что по устроеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ значительная часть отпускной торговли черноморской обратится къ морю Балтійскому. Эти соображенія вполнѣ оправдались въ настоящее время, когда въ Либаву, портъ Балтійскаго моря, отправляется хлѣбъ изъ мѣстностей, отстоящихъ почти въ три раза дальше, чѣмъ отъ ближайшаго Черноморскаго порта — Николаева.

Въ 1869 году Дмитрій Ивановичъ, произведённый за постройку шпица въ полковники, былъ посланъ правительствомъ въ Соединённые Штаты Сѣверной Америки, для изученія желѣзно-дорожнаго дѣла. По возвращеніи изъ Америки, онъ напечаталъ нѣсколько отдѣльныхъ статей по разнымъ отраслямъ желѣзно-дорожнаго дѣла и затѣмъ для него началось поприще административной дѣятельности, которая была развлекаема только два раза собственно техническими трудами. Въ первый разъ — возобновленіемъ части моста чрезъ рѣку Мсту, истреблённой пожаромъ. Будучи въ это время уже генералъ-маіоромъ и правительственнымъ членомъ въ Совѣтѣ Управленія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, онъ не отказался отъ исполненія предложенной ему работы, требовавшей всей энергіи и всѣхъ силъ. Не медля ни минуты, онъ принялся за дѣло — и работа закипѣла. Смѣлая работа эта въ весьма короткое время продолжалась день и ночь, не-

смотря даже на морозы, упорно державшіеся на тридцати градусахъ и была исполнена. На этихъ работахъ было, кажется, въ первый разъ въ Россіи употреблено электрическое освѣщеніе во время ночныхъ работъ. Кромѣ трёхъ электрическихъ солнцъ горѣло среди лѣсовъ большое нефтяное пламя пульверизатора, дѣйствовавшаго силою паровой машины. Зрѣлище было поразительное. Многіе изъ путешественниковъ, которымъ приходилось проходить чрезъ рѣку по временному висячему мосту, пока не былъ открытъ путь для поѣздовъ поверху постояннаго моста, могли видѣть величественную картину моста на облакахъ, на которыя падала его тѣнь отъ электрическаго солнца. За работы этого моста Журавскій получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

Болѣе пятнадцати лѣтъ продолжалась административная дѣятельность Журавскаго въ Совѣтѣ Управленія Главнаго Общества, гдѣ въ теченіи многихъ лѣтъ онъ былъ вице-предсѣдателемъ и принималъ большое участіе въ преобразованіяхъ, послѣдовавшихъ послѣ оказавшейся несостоятельности общества окончить ему отданныя линіи безъ помощи правительства. Въ тотъ же періодъ времени Журавскій принималъ дѣятельное участіе въ Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, гдѣ, въ теченіи девяти лѣтъ былъ предсѣдателемъ отдѣла строительныхъ работъ. Призывъ къ дѣятельности въ центральныхъ учрежденіяхъ Министерства заставилъ его отказаться отъ чести служить великому дѣлу развитія въ нашемъ отечествѣ техники, отъ котораго такъ много зависитъ благосостояніе государства, необходимое для развитія народныхъ силъ. Въ признательность за долговременные труды Императорское Техническое Общество сдѣлало его своимъ почётнымъ членомъ.

Въ запискахъ этого Общества были напечатаны статьи Журавскаго: «Техника и администрація», въ которой указаны разности между умственными способностями и нравственными качествами нужными для техника и администратора; а другая—«Замѣтки, касающіяся управленія техническо-промышленными предпріятіями», въ которой вылился результатъ многолѣтнихъ наблюденій въ высшей сферѣ дѣятельности одного изъ громаднѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ промышленныхъ предпріятій. Въ 1873 году Журавскій былъ назначенъ представителемъ Министерства Путей Сообщенія въ Международномъ Статистическомъ Конгрессѣ, имѣвшемъ восьмую сессію въ С.-Петербургѣ, былъ избранъ вице-предсѣдателемъ отдѣла коммерческой статистики.

Въ 1876 году большое бѣдствіе угрожало С.-Петербургу отъ необыкновеннаго мелководія въ при-Ладожскихъ каналахъ, служащихъ путёмъ подвоза произведеній при-Волжскаго и Заволжскаго краёвъ, а также дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ, которыми сѣверная столица снабжается преимущественно съ береговъ рѣкъ, текущихъ въ Ладожское и Онежское озера. Журавскій былъ назначенъ предсѣдателемъ Коммисіи, которой, при участіи предсѣдателя губернской земской управы и представителей Петербургскаго и Рыбинскаго биржевыхъ комитетовъ было поручено принять мѣры въ воспомоществованію судоходства. Заботами Коммисіи всѣ суда были проведены чрезъ мелкіе каналы и

только около сотни барокъ, по причинѣ ранней зимы, зазимовали въ каналѣ Императора Александра I-го.

Въ 1877 году Журавскій назначенъ былъ директоромъ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ, причёмъ на него было возложено завѣдываніе технически-инспекторскимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ. Много нужно труда на этомъ высокомъ поприщѣ! Всѣ народныя бѣдствія: война, повальныя болѣзни, мѣстные голода, а равно и благодатные урожаи тяжело отражаются на дѣятельности желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, въ настоящее время рѣшаются важные организаціонные вопросы по управленію желѣзными дорогами: вопросы законодательные, административные и контрольные.

Н. Гербель.

В. К. Каминскій.

Викторъ Кирилловичъ Каминскій родился 28-го октября 1808 года. Отецъ Каминскаго, дворянинъ Черниговской губерніи, помѣстилъ его сперва въ Черниговскую гимназію. Прошло нѣсколько лѣтъ. Переходя изъ класса въ классъ, онъ уже оканчивалъ воспитаніе, когда молва о превосходномъ преподаваніи, которымъ отличалась въ то время Гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, побудила отца Виктора Кирилловича отправить сына въ Нѣжинъ. Каминскій поступилъ въ Нѣжинскую гимназію уже въ такихъ лѣтахъ, въ которыя многіе изъ воспитанниковъ оканчивали уже полное образованіе и дѣлались членами гражданскаго общества. Ему оканчивался 19-й годъ, когда онъ долженъ былъ снова приняться за книги и сѣсть на учебную скамью, чуть ли не съ отроками; но ложное самолюбіе было отброшено въ сторону — и въ августѣ 1827 года Викторъ Кирилловичъ состоялъ уже въ спискѣ воспитанниковъ Гимназіи Князя Безбородко. Окончивъ въ ней полный курсъ наукъ, Каминскій за отличные успѣхи былъ удостоенъ степени кандидата въ 1831 году и въ слѣдующемъ опредѣлился уже на службу въ Департаментъ Путей Сообщенія, но вскорѣ оставилъ гражданское служебное поприще и послѣдовалъ своему врождённому призванію. Ещё въ бытность свою въ Гимназіи, Каминскій отличался отъ прочихъ своихъ товарищей особенною любовію къ математическимъ наукамъ, которымъ, кромѣ общихъ классныхъ занятій, посвящалъ чуть ли не всѣ свободные часы отдыха. Узнавъ, что въ Новгородскомъ Кадетскомъ графа Аракчеева Корпусѣ открылась ваканція преподавателя математическихъ наукъ, Каминскій употребилъ всѣ усилія, чтобы занять эту должность, столь сходную съ его учонымъ настроеніемъ. Всѣ средства, всѣ знакомства онъ употребилъ въ дѣло, единственно во имя науки—и старанія его увѣнчались успѣхомъ, къ полному его удовольствію. 20-го сентября 1834 года онъ былъ опредѣлёнъ старшимъ учителемъ и вскорѣ затѣмъ назначенъ

наставникомъ-наблюдателемъ по этому же предмету. Важную эту обязанность исполнялъ онъ до 1845 года, въ которомъ перешолъ для такой же должности наставника-наблюдателя въ Полтавскій Петровскій кадетскій корпусъ. Пять лѣтъ новыхъ постоянныхъ занятій разстроили до того слабое здоровье Каминскаго, что онъ принужденъ былъ просить увольненія—и въ 1850 году вышелъ въ отставку, послѣ шестнадцати-лѣтней полезной ученой дѣятельности. Каминскій удалился на родину, гдѣ здоровье его немного поправилось, а бездѣйствіе начало томить его—и онъ порѣшилъ отправиться путешествовать. Но не Европа манила его; не развлеченія искалъ онъ. Исполненный высокаго религіознаго чувства, Каминскій взялъ страннический посохъ и отправился туда, куда съ давнихъ временъ стекались несмѣтныя полчища пилигримовъ и съ раскалённыхъ песковъ Ливіи, и съ снѣжныхъ сугробовъ Скиѳіи — къ Святымъ мѣстамъ, къ яслямъ Виѳлеема, на пустынные берега Іордана, во глубину Іосафатовой юдоли, первое подробное описаніе которыхъ сдѣлалъ намъ въ XII вѣкѣ паломникъ игуменъ Даніилъ, а потомъ, въ началѣ прошедшаго столѣтія, Барскій, посвятившій на это двадцать пять лѣтъ жизни.

Посѣтивъ мѣста, освящённыя страданіемъ Спасителя, побывавъ на Руснкѣ, на Аѳонѣ, исходивъ большую часть Палестины, Каминскій, чрезъ Константинополь, возвратился въ Россію и издалъ въ 1855 году путевыя свои записки, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія поклонника Святой Земли». Чрезъ годъ записки эти явились вторымъ изданіемъ съ нѣкоторыми дополненіями. Почти вслѣдъ за этимъ Каминскій предпринялъ второе путешествіе—и чрезъ Одессу и Константинополь отправился въ Каменистую Аравію, Синайскую пустыню и Палестину. За этимъ, объѣхавъ весь восточный берегъ Сиріи до Смирны и посѣтивъ Аѳонскую гору, Каминскій обратно чрезъ Константинополь и Одессу, прибылъ въ Петербургъ, чтобы заняться изданіемъ этого втораго своего путешествія. Умеръ въ 1865 году въ Іерусалимѣ, гдѣ и похороненъ на Сіонѣ.

В. Толвинъ.

В. В. Каталей.

Василій Васильевичъ Каталей, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, военныхъ сообщеній Дѣйствующей Арміи и мѣстныхъ войскъ Петербурскаго Военнаго Округа, инспекторъ госпиталей того же округа, членъ Комитета по устройству и образованію войскъ и кавалеръ орденовъ святыхъ Анны и Станислава первыхъ степеней и святого равноапостольнаго князя Владиміра 2-го и 3-го классовъ, родился въ Черниговѣ въ 1818 году. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Лицеѣ Князя Безбородко по математическому факультету въ 1835 году, онъ поступилъ на службу въ Якутскій пѣ-

хотный полкъ унтеръ-офицеромъ, въ которомъ 26-го іюля 1838 года былъ произведёнъ въ прапорщики. Пройдя вскорѣ потомъ всю градацію чиновъ до капитана, причёмъ въ послѣдній чинъ онъ былъ произведёнъ въ 1849 году, и, побывавъ въ эти четырнадцать лѣтъ едва ли не во всѣхъ должностяхъ, начиная отъ жолнернаго офицера и батальоннаго адъютанта и кончая гевальдигеромъ и адъютантомъ начальника дивизіи, онъ былъ наконецъ переведёнъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ штабсъ-капитаномъ, съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ штаба 3-ей гвардейской дивизіи, а въ 1853 году произведёнъ въ капитаны, получивъ сверхъ того въ теченіи того же времени ордена святыхъ Анны и Станислава третьихъ степеней. Затѣмъ въ 1855 году Каталей былъ назначенъ исправляющимъ должность младшаго штабъ-офицера лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, съ переводомъ въ названный полкъ, а въ 1856 году утверждёнъ командиромъ батальона, съ награжденіемъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, а два года спустя пожалованъ кавалеромъ Святаго Станислава 2-й степени съ короной. Прокомандовавъ затѣмъ два года стрѣлковыми ротами и произведённый въ полковники, Василій Васильевичъ былъ назначенъ 26-го декабря 1861 года командиромъ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, съ награжденіемъ орденомъ Св. Анны 2-й степени съ короной, а 26-го августа 1863 года назначенъ командиромъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора Австрійскаго полка, входящаго въ составъ гвардейскаго корпуса и носящаго названіе молодой гвардіи, съ награжденіемъ орденомъ Св. Владиміра 3-го класса, а 19-го апрѣля 1864 года за отличіе по службѣ произведёнъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ настоящей должности. Находясь въ это время съ полкомъ въ Варшавѣ, Василій Васильевичъ, по распоряженію главнокомандующаго, исправлялъ, съ 19-го апрѣла по 24-е мая, должность коменданта Варшавской Александровской цитадели, командуя въ то же время и полкомъ, а 19-го іюля 1864 года былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка. Затѣмъ въ 1865 и 1867 годахъ награждёнъ былъ за отличіе по службѣ орденами святого Станислава и святой Анны 1-хъ степеней. Затѣмъ, съ 9-го іюля 1868 года по 25-е августа того же года, на основаніи приказа по дивизіи, командовалъ 3-ью гвардейской дивизіей. Въ 1869 же году ему было Всемилостивѣйше пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе на маіоратномъ правѣ казённое имѣніе въ Царствѣ Польскомъ, приносящее до 750 рублей годового дохода. Высочайшимъ приказомъ, отъ 30-го августа 1869 года, зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества съ назначеніемъ исправляющимъ должность начальника мѣстныхъ войскъ Казанскаго военнаго округа, съ зачисленіемъ по гвардейской пѣхотѣ, а 16-го апрѣля 1872 года переведёнъ на ту же должность въ Петербургъ, гдѣ 13-го мая произведёнъ въ генералъ-лейтенанты, съ утвержденіемъ въ должности начальника мѣстныхъ войскъ, а 2-го ноября 1876 года назначенъ Высочайшимъ повелѣніемъ начальникомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи. Въ 1876 году Высочайше повелѣно было выдавать ему, вмѣсто аренды, изъ Государственнаго казначейства, съ 1-го января 1877 года,

въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, по двѣ тысячи рублей ежегодно. Наконецъ 6-го марта Каталей былъ назначенъ командиромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, затѣмъ, спустя четыре мѣсяца, былъ награжденъ орденомъ Святаго Владиміра 2-й степени съ мечами, а 29-го декабря того же года Высочайшимъ приказомъ исключёнъ изъ списковъ убитымъ въ сраженіи съ турками.

Этихъ скудныхъ свѣдѣній, добытыхъ мною изъ его формуляра, при всёмъ моёмъ желаніи и хлопотахъ, я не могъ дополнить ни чѣмъ существеннымъ. Будучи человѣкомъ холостымъ и неимѣвшимъ близкихъ родственниковъ, отъ которыхъ можно было бы узнать что-либо о его частной жизни, онъ, внѣ службы, мало съ кѣмъ сближался и потому мало кто его зналъ коротко. Что же касается его служебной карьеры, то онъ всегда имѣлъ репутацію отличнаго офицера въ теченіи всей своей продолжительной службы въ арміи и гвардіи, во фронтѣ и въ штабѣ, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить его успѣшное прохожденіе службы отъ прапорщика до генералъ-лейтенанта и двукратное командованіе полками, въ томъ числѣ однимъ гвардейскимъ, хотя ему во всё продолженіе слишкомъ сорока-лѣтней службы ни разу не удалось быть въ сраженіи и самая смерть его осталась загадкой, такъ-какъ онъ былъ найденъ убитымъ.

Н. Гербель.

И. М. Клейнгаузъ.

Игнатій Михайловичъ Клейнгаузъ, полковникъ и командиръ 19-го пѣхотнаго Костромскаго полка, павшій геройской смертью въ сраженіи подъ Плевной, родился 6-го января 1822 года. По происхожденію—онъ иностранецъ, переселившійся въ Россію и принявшій русское подданство. Воспитаніе своё онъ началъ въ одной изъ русскихъ гимназій и окончилъ его въ Лицеѣ Князя Безбородко, откуда вышелъ въ 1844 году съ чиномъ 14-го класса и въ томъ же году поступилъ въ Колыванскій егерскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Прослуживъ въ нёмъ около полугода, онъ былъ произведёнъ 26-го іюля 1846 въ прапорщики, а 5-го апрѣля 1848 года въ подпоручики, послѣ чего выступилъ съ полкомъ въ походъ противъ венгерскихъ мятежниковъ, гнѣздившихся въ горахъ Трансильваніи, причёмъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ небольшихъ сраженій и за отличіе въ походѣ награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 4-й степени съ надписью за храбрость и чиномъ поручика. Затѣмъ въ 1854 году Клейнгаузъ оставилъ фронтъ и поступилъ старшимъ адъютантомъ къ генералу Павлову, при которымъ и состоялъ до 31-го марта 1856 года, участвуя во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ 11-й пѣхотной дивизіи, зачто былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 2-го класса и чинами штабсъ-капитана и капитана. Произведённый въ мартѣ 1858 году въ маіоры,

онъ былъ переведёнъ въ Днѣпровскій полкъ, а 13-го апрѣля того же года назначенъ командиромъ Черниговскаго губернскаго батальона внутренней стражи, съ производствомъ въ подполковники и съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. Наконецъ въ 1868 году Клейнгаузъ былъ произведёнъ въ полковники а 13-го апрѣля 1870 года назначенъ командиромъ Костромскаго пѣхотнаго полка и награждёнъ орденами Св. Анны 2-й степени и Владиміра 3-го класса.

Насталъ 1877 годъ, обильный событіями — и Клейнгаузъ съ полкомъ двинутъ былъ на границу Молдавіи, затѣмъ перешолъ въ Валахію, оттуда, перейдя Дунай, очутился подъ Плевной, гдѣ, отдѣлённый отъ другихъ частей своей дивизіи глубокимъ оврагомъ, принуждёнъ былъ занять весьма неудобную позицію у деревни Сгалевицы вмѣстѣ съ двумя сотнями Кубанцевъ и восемью орудіями, дѣйствіе которыхъ было стѣснено до крайности всѣмъ вообще характеромъ занятой имъ мѣстности. Отдѣлённый отъ главныхъ силъ, Костромской полкъ не принималъ участія въ первой атакѣ на Плевну, начатой тремя полками дивизіи Шильдеръ-Шульднера, и только въ два часа ночи командиръ его, полковникъ Клейнгаузъ, получилъ приказаніе начать наступленіе. Подойдя, въ пять часовъ утра, къ Гривицкому оврагу, Костромской полкъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнёмъ съ турецкихъ батарей, расположенныхъ на высотѣ позади села Гривицы. Клейнгаузъ выдвинулъ на позицію всѣ свои восемь орудій, а два передовыхъ батальона построилъ въ ротныя колонны. Послѣ непродолжительной канонады лѣво-фланговыя роты двинулись впередъ, предшествуемыя стрѣлками, и бросились съ криками «ура» на непріятеля, причемъ выбили турокъ изъ перваго ряда окоповъ штыками, захвативъ при этомъ одно турецкое орудіе, подбитое огнёмъ нашей батареи. Правофланговыя роты пошли также въ штыки и выбили турокъ изъ двухъ рядовъ окоповъ; но турки, отойдя за третью линію окоповъ, усилили свой огонь до невѣроятной степени, вслѣдствіе чего ряды нашихъ храбрецовъ начали быстро сокращаться, причёмъ двое изъ старшихъ штабъ-офицеровъ были ранены, а одинъ убитъ. Тогда къ правофланговымъ ротамъ подскакалъ самъ командиръ полка полковникъ Клейнгаузъ съ тѣмъ, чтобы лично вести атаку далѣе; но едва онъ успѣлъ стать во главѣ своихъ ротъ и броситься съ ними въ третій рядъ турецкихъ окоповъ, какъ конь его, перескочивъ съ ложемента, упалъ, причёмъ самъ командиръ былъ раненъ пулею, а вслѣдъ за тѣмъ, когда ему стали дѣлать перевязку, турецкая граната лопнула у него надъ самымъ лицомъ, раздробивъ при этомъ ему голову своими осколками.

Игнатій Михайловичъ принадлежалъ къ числу храбрѣйшихъ офицеровъ нашей арміи и, какъ это видно изъ предъидущихъ строкъ, принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею въ послѣднее время и постоянно отличался необыкновенною личною храбростью, что и доставило ему цѣлый рядъ боевыхъ наградъ. Счастливо выйдя изъ всѣхъ кровопролитныхъ битвъ въ горахъ Трансильваніи противъ вдвое многочисленнѣйшаго непріятеля и изъ грозныхъ битвъ подъ Севастополемъ и на Чорной рѣчкѣ ему суждено было сложить голову подъ безвѣстной Плевной, окружоннымъ и подавлен-

нымъ впятеро большимъ числомъ войскъ, увеличивъ собою число жертвъ послѣдней войны съ турками, павшихъ за великое дѣло освобожденія балканскихъ христіанъ отъ ига турокъ.

Н. Гервель.

Н. В. Кукольникъ.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, извѣстный поэтъ, романистъ и журналистъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, авторъ трагедій «Торквато Тассо» и «Рука Всевышняго отечество спасла», романовъ «Альфъ и Альдона», «Эвелина де Вальероль» и «Три періода» и цѣлаго ряда другихъ произведеній, имѣвшихъ громадный успѣхъ, и редакторъ первой русской «Иллюстраціи» и первой русской «Художественной Газеты» въ Россіи, сынъ перваго директора Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко Василія Григорьевича Кукольника, родился 8-го сентября 1809 года въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его занималъ тогда профессорскую каѳедру въ Педагогическомъ институтѣ. По смерти мужа, мать Нестора Васильевича выѣхала изъ Нѣжина и поселилась въ пожалованномъ ея покойному мужу небольшомъ имѣніи въ Виленской губерніи, въ которомъ и прожила до 1820 года, когда директоръ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко былъ назначенъ И. С. Орлай, другъ покойнаго Кукольника. Это послѣднее обстоятельство побудило её немедленно переселиться въ Нѣжинъ и опредѣлить сына въ заведеніе, находившееся подъ управленіемъ этого знаменитаго педагога. Одарённый отъ природы хорошими способностями и любознательностью, молодой Кукольникъ вскорѣ очутился во главѣ своихъ классныхъ товарищей и сталъ принимать самое дѣятельное участіе во всѣхъ литературныхъ и ученыхъ предпріятіяхъ заведенія. Такъ, напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей на литературныхъ собраніяхъ, сходившихся въ квартирѣ его товарища, П. Г. Рѣдкина, бывшаго впослѣдствіи ректоромъ С.-Петербургскаго университета, на которыхъ трудился вмѣстѣ съ нимъ надъ переводомъ большого историческаго сочиненія, редактировалъ одинъ изъ гимназическихъ журналовъ, подъ названіемъ «Звѣзда» и даже отличался на драматическомъ поприщѣ, разыгрывая, вмѣстѣ съ Гоголемъ и другими, комедію Фонвизина «Недоросль», въ которой съ успѣхомъ исполнялъ роль Митрофана, раздѣляя славу рукоплесканій съ Гоголемъ, превосходно воспроизводившимъ типическую личность г-жи Простаковой. Начиная съ низшихъ классовъ и кончая выпускнымъ, Кукольникъ постоянно шолъ первымъ, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему заниматься весьма усердно литературой и музыкой. Любимымъ мѣстомъ отдохновенія была для него гимназическая библіотека, обогатившая его умъ тѣми разнообразными свѣдѣніями, которыя такъ пригодились ему впослѣдствіи, при обработкѣ различныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ является то историкомъ, то педагогомъ, то критикомъ, то музыкантомъ, то художникомъ. Основа-

тельное изученіе исторіи, преимущественно отечественной, познакомило его со многими интересными фактами, которыми онъ весьма искусно воспользовался впослѣдствіи въ своихъ интересныхъ романахъ и цѣломъ рядѣ прекрасныхъ повѣстей изъ временъ Петра Великаго. Въ 1829 году Кукольникъ окончилъ курсъ *первымъ*, съ званіемъ кандидата, и, вслѣдъ затѣмъ, назначенъ былъ учителемъ русскаго языка и русской словесности въ Виленскую гимназію. Здѣсь онъ пробылъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего былъ командированъ въ Петербургъ, а 21-го августа 1832 года уволенъ, по прошенію, въ отставку, которою, впрочемъ, пользовался всего восемь мѣсяцевъ, такъ-какъ 27-го апрѣля 1833 года онъ былъ снова принятъ въ службу въ канцелярію министра финансовъ.

Изъ всего написаннаго Кукольникомъ во время своего пребыванія въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, только одна драматическая фантазія въ стихахъ «Торквато Тассо» уцѣлѣла въ портфелѣ поэта, по отъѣздѣ его изъ Нѣжина; всё остальное было или затеряно, или уничтожено имъ самимъ, или зачитано его товарищами, благодаря небрежности и невниманію къ своимъ произведеніямъ самого автора, не придававшаго имъ большой важности. Поселившись въ Петербургѣ, Кукольникъ вспомнилъ про своего стараго друга «Торквато Тассо», добылъ рукопись изъ портфеля и принялся снова за ея исправленіе, которому она подвергалась уже не разъ и въ Нѣжинѣ, и въ Вильно. Проработавъ цѣлые три мѣсяца надъ исправленіемъ своей драматической фантазіи — своего перваго, лучшаго и, конечно, самаго задушевнаго произведенія, Несторъ Васильевичъ рѣшился, наконецъ, представить своего «Тасса» на судъ публики и критики. «Торквато Тассо» явился въ 1833 году отдѣльною книжкою — и былъ встрѣченъ восторженными похвалами публики и критики. Этотъ неожиданный успѣхъ ободрилъ молодого поэта только-что вступившаго въ двадцать третій годъ своей жизни и поощрилъ его къ дальнѣйшимъ трудамъ по части драматургіи, не смотря на увеличеніе служебныхъ занятій по канцеляріи министра финансовъ, въ которой Несторъ Васильевичъ занималъ уже мѣсто столоначальника. Въ слѣдующемъ 1834 году онъ напечаталъ отдѣльной книжкой свою новую драматическую фантазію въ четырёхъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ: «Джакобо Саназаръ» и поставилъ на сцену Александринскаго театра всѣмъ извѣстную драму — «Рука Всевышняго отечество спасла», которая выдержала цѣлый рядъ представленій на театрахъ обѣихъ столицъ и многихъ провинціальныхъ, была издана два раза въ теченіи одного года и сдѣлала имя Кукольника извѣстнымъ всей Россіи. Что же касается критики, то и она отозвалась о драмѣ весьма благосклонно, за исключеніемъ «Московскаго Телеграфа», отнёсшагося къ пьесѣ весьма враждебно, слѣдствіемъ чего было запрещеніе журнала, которое, въ свою очередь, вызвало слѣдующую, нигдѣ до-сихъ-поръ не напечатанную, эпиграмму, долго ходившую по городу:

Рука Всевышняго три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ходъ дала
И Полевого утопила.

Общее сочувствіе публики къ молодому поэту, горячія похвалы и радушный привѣтъ, встрѣченные имъ въ средѣ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, дали Кукольнику новыя силы на новые труды — и черезъ годъ новая его историческая драма въ стихахъ «Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій» явилась на петербургской сценѣ. Петербургская публика встрѣтила новое произведеніе съ прежней благосклонностью, благодаря которой дирекція театровъ стала давать её весьма часто, что повторялось въ теченіи цѣлыхъ 20 лѣтъ. За «Скопинымъ» послѣдовали: «Роксолана», драма въ пяти дѣйствіяхъ, и драматическая фантазія «Джуліо Мости»; но обѣ пьесы не были даны на сценѣ.

Въ 1836 году возвратился изъ Италіи въ Петербургъ нашъ знаменитый художникъ К. П. Брюловъ. Встрѣча съ Кукольникомъ и М. И. Глинкою, авторомъ «Жизни за Царя» и «Руслана», произвела на него сильное впечатлѣніе, вскорѣ превратившееся въ самую тѣсную дружбу, связавшую ихъ на всю жизнь. Сближеніе съ ними и ещё съ нѣкоторыми другими художниками и артистами навело Кукольника на мысль объ изданіи художественнаго журнала, съ цѣлью ознакомленія русской публики съ произведеніями изящныхъ искусствъ и съ музыкой, которыя съ ранней юности были такъ близки сердцу молодого поэта. Заручившись сотрудничествомъ многихъ опытныхъ писателей по части художествъ, Несторъ Васильевичъ принялся за дѣло — и въ половинѣ августа 1836 года первый нумеръ «Художественной Газеты», почти исключительно наполненный трудами самого редактора, вышелъ въ Петербургѣ. Но, не смотря на возможную полноту и интересъ содержанія и многочисленныя художественныя приложенія, газета не возбудила сочувствія къ себѣ въ публикѣ и потому не могла удержаться, не окупая даже и половины расходовъ. Тѣмъ не менѣе, она просуществовала по 1842 годъ и доставила Кукольнику, 28-го апрѣля 1837 года, званіе почётнаго вольнаго общника Императорской Академіи Художествъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительнаго члена Общества Поощренія Художниковъ. Но усиленныя занятія по газетѣ не мѣшали ему заниматься въ то же время и сочиненіемъ своихъ драмъ. Такъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» на 1837 и 1838 года были напечатаны: «28-е января 1725 года», драматическая картина въ двухъ дѣйствіяхъ и драматическая фантазія въ двухъ частяхъ и десяти дѣйствіяхъ «Доменикино», а въ 1-мъ томѣ «Ста Русскихъ Литераторовъ» новая драматическая фантазія въ пяти актахъ «Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ». Лёгкость, съ которою писалъ Кукольникъ во всѣхъ родахъ — по истинѣ изумительна. Чтобъ показать это наглядно — вотъ перечень драмъ, романовъ и повѣстей, написанныхъ имъ съ 1840 по 1845 годъ, то-есть съ напечатанія «Лейзевица» и до выхода въ свѣтъ перваго нумера «Иллюстраціи». Въ эти пять лѣтъ Кукольникъ написалъ: пять романовъ, въ 17-ти томахъ: «Эвелина де-Вальероль», «Альфъ и Альдона», «Дурочка Луиза», «Историческая красавица» и «Два Ивана, два Степановича, два Костылькова», пять драмъ: «Статуя Кристофа въ Ригѣ», «Князь Холмскій», «Бояринъ Басенокъ», «Монументъ» и «Импровизаторъ», 26 повѣстей и разсказовъ: «Антоніо», «Капустинъ», «Корделія», «Аврора

роль»? а «Альфъ и Альдона»? — романы, когда-то читавшіеся на расхватъ, а теперь едва извѣстные немногимъ только по имени. Такъ минуетъ слава міра сего! Но, какъ бы то ни было, говоря о Кукольникѣ, нельзя не сказать, что онъ принадлежалъ къ числу весьма видныхъ писателей своего времени. Его драмы, стихотворенія, повѣсти и сказки печатались въ современныхъ журналахъ и издавались отдѣльно — и всегда находили многочисленныхъ читателей. Лучшія его произведенія — тѣ, сюжеты для которыхъ черпалъ онъ изъ жизни русскаго общества петровской эпохи.»

Н. Гербель.

И. В. Лашнюковъ.

Иванъ Васильевичъ Лашнюковъ, статскій совѣтникъ и профессоръ Лицея Князя Безбородко съ 1853 по 1868 годъ по каѳедрѣ Русской Исторіи и Статистики, родился 30-го марта 1823 года. Отецъ его былъ бѣдный сельскій священникъ Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, а потому первоначальное образованіе Лашнюковъ получилъ въ Черниговской духовной семинаріи. По окончаніи имъ здѣсь курса въ 1847 году потребность въ высшемъ образованіи сказалась въ нёмъ такъ сильно, что, не смотря на крайнюю свою бѣдность, онъ не соблазнился матеріальными выгодами, какія могла доставить предстоявшая ему духовная карьера и рѣшился продолжать своё ученіе, избравъ для этого Лицей Князя Безбородко въ Нѣжинѣ. А бѣдность его была такова, что въ Нѣжинъ онъ пришолъ пѣшкомъ и тамъ въ первое время, не имѣя квартиры, помѣщался въ амбарѣ. Однако, счастье ему вскорѣ поблагопріятствовало и онъ былъ принятъ въ пансіонъ при Лицеѣ, въ коемъ студенты жили на полномъ иждивеніи Князя Безбородко. Въ Лицеѣ Лашнюкову пришлось знакомиться съ совершенно новой для него сферой знанія. Догматическая сторона законовѣдѣнія мало приходилась ему по сердцу; за-то, никто лучше его не былъ въ состояніи усвоивать отвлечённыя понятія права. Тогда какъ для многихъ другихъ студентовъ, недостаточно развитыхъ предшествующимъ воспитаніемъ, переходъ отъ круга гимназическихъ познаній въ область высшихъ идей философіи былъ такъ рѣзокъ, что часто усилія памяти замѣняли усвоеніе идеи путёмъ ея пониманія, Лашнюковъ безъ труда объяснялъ самыя туманныя мѣста философіи права. Ни что такъ не затрудняло молодые наши умы, какъ ученіе нѣмецкихъ мыслителей, въ особенности Гегеля; но небольшой кружокъ студентовъ, между коими Лашнюковъ занималъ, разумѣется, первое мѣсто, не хотѣлъ отказываться отъ борьбы съ трудностями и принимать на вѣру мысль, не усвоенную сознаніемъ. Лашнюковъ смѣло и со всею силою своей логики встрѣчалъ философскую отвлечённость; путёмъ умозаключенія доходилъ до ея начала, преслѣдовалъ её до-тѣхъ-поръ, пока не разоблачался внутренній ея смыслъ —

и мы съ торжествомъ могли созерцать мысль въ той ея чистотѣ, въ какой она представлялась умамъ великихъ германскихъ мыслителей. Обладая силою діалектики, Лашнюковъ всегда сводилъ товарищескую бесѣду къ какому-нибудь вопросу, становившемуся предметомъ диспута. Такія бесѣды происходили обыкновенно въ лицейскомъ саду, гдѣ студенты, жившіе въ самомъ зданіи Лицея, проводили большую часть своего свободнаго времени. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминается теперь это мѣсто, гдѣ высказываемо было столько мыслей, гдѣ свободно развивались самые отвлечённые вопросы изъ области высшей науки, гдѣ вмѣстѣ съ защитою ученія того или другого философа объ идеѣ добра и правды, сознаніе неизмѣнности этихъ началъ уже сроднялось съ внутреннею природою спорящихъ. Иное совсѣмъ чувствовалось въ самомъ зданіи: тутъ всё намъ говорило о дисциплинѣ и наружной формѣ, составлявшей въ тѣ времена первое условіе нравственности студента — и Лашнюковъ, имѣвшій обыкновеніе ходить въ растёгнутомъ сюртукѣ и съ причёской нѣсколько въ безпорядкѣ, считался, во мнѣніи блюстителей чистоты нравовъ Лицея, чѣмъ-то въ родѣ либерала. Садъ былъ нашей академіей, гдѣ мы свободно предавались нашимъ занятіямъ, куда каждый изъ насъ приходилъ поучиться или изъ книги, или изъ бесѣды, или же просто изъ созерцанія природы. Такъ подъ тѣнью лицейскаго сада воспитывался небольшой кружокъ студентовъ и между ними Лашнюковъ. Трёхлѣтнее его пребываніе въ Лицеѣ не осталось для него безъ послѣдствій: здѣсь онъ освободился отъ нѣсколько односторонняго взгляда, сообщаемаго воспитаніемъ въ духовныхъ училищахъ и пріучился къ повѣркѣ разумомъ истинъ науки и явленій жизни.

Но вотъ окончился курсъ наукъ и настало время для всѣхъ насъ выпускныхъ, въ числѣ двадцати человѣкъ, разойтись по разнымъ дорогамъ. Какой же путь предстоялъ Лашнюкову? Средствъ къ жизни у него не было никакихъ; надѣяться онъ не могъ ни на кого; казённая служба, какъ единственное въ то время средство къ жизни, могла представляться ему развѣ въ видѣ должности писца въ какомъ-нибудь губернскомъ присутственномъ мѣстѣ. Но тратить свои умственныя силы на переписку разныхъ издѣлій канцеляріи было противно его развитому уму; къ тому же такое занятіе не обезпечивало бы ему даже куска хлѣба. Понятно, что въ то время, когда мы всѣ, его товарищи, рисовали предстоявшую намъ жизнь радужными красками юности, положеніе Лашнюкова не могло наводить его на отрадныя мысли. Мы разстались съ нимъ въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ былъ близокъ къ отчаянію. Помню, что когда на прощальномъ товарищескомъ обѣдѣ, съ послѣднимъ выпитымъ бокаломъ всѣ мы весело желали другъ другу всего лучшаго отъ жизни, я увидѣлъ Лашнюкова грустно сидящимъ въ сторонѣ и слёзы блестѣли у него на глазахъ. «Всѣ вы веселы», сказалъ онъ мнѣ: «у каждаго изъ васъ есть будущность; у меня же — ничего нѣтъ.» И дѣйствительно, не смотря на свои дарованія, на свой развитый умъ, человѣкъ заглохъ бы въ жизни, если бы дружеская рука почтеннаго наставника не указала ему путь, приведшій его къ тому положенію, которое онъ занималъ впослѣдствіи. Любимый всѣми студентами, профессоръ Лицея

Михаилъ Андреевичъ Туловъ видѣлъ въ Лашнюковѣ задатки иные, чѣмъ просто чиновника и, принимая въ нёмъ участіе, посовѣтовалъ ему докончить своё образованіе, поступивъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ, какъ болѣе соотвѣтствовавшій кругу знаній, усвоенныхъ Лашнюковымъ уже въ семинаріи и къ которымъ и въ Лицеѣ онъ оказывалъ видимое предпочтеніе предъ юридическими науками. Кажется, Михаилъ Андреевичъ далъ ему отъ себя и средства, необходимыя, чтобы добраться до Кіева. Черезъ четыре года послѣ этого, Лашнюковъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ университетѣ Св. Владиміра по историко-филологическому факультету со степенью кандидата. Время его пребыванія въ университетѣ и затѣмъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ въ званіи профессора мы передадимъ лучше всего словами сослуживца Лашнюкова, профессора Лицея Ѳ. Я. Вороного, написавшаго правдивую и тёплую характеристику дѣятельности Ивана Васильевича въ предисловіи къ изданнымъ имъ въ 1870 году лекціямъ Лашнюкова.

«Четырёхлѣтнее пребываніе Лашнюкова въ Кіевскомъ университетѣ было — не смотря на гнётъ тѣхъ же, что и въ Лицеѣ, дисциплины и формалистики — самымъ плодотворнымъ временемъ въ исторіи его образованія. Кіевскій университетъ имѣлъ въ то время превосходныхъ профессоровъ по политическимъ наукамъ: гг. Павлова, Шульгина, Вернадскаго. Подъ ихъ руководствомъ молодёжь серьёзно изучала классическія сочиненія западно-европейской науки: Гизо, Тьери, Кэтлэ, Сея и другихъ. Авторитетъ историко-филологическаго факультета въ концѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ былъ очень великъ. Лучшіе студенты университета принадлежали историко-филологическому факультету; лекціи же его корифеевъ посѣщались студентами всѣхъ факультетовъ, такъ что обширныя аудиторіи Кіевскаго университета съ трудомъ вмѣщали слушателей. Обаяніе вышеназванными именами и общее стремленіе къ историческимъ знаніямъ увлекали на историческій факультетъ даже и такихъ молодыхъ людей, которые имѣли несомнѣнныя способности къ другимъ наукамъ.

«Въ такой школѣ завершилось развитіе и образованіе Лашнюкова; въ ней окончательно окрѣпъ критическій природный его даръ, пробуждённый, но неудовлетворённый семинарскою діалектикой; изъ нея онъ вынесъ тотъ широкій и гуманный взглядъ на жизнь и исторію, который никогда не допускалъ его до односторонности и мелочности, часто составляющихъ отличіе провинціальныхъ ученыхъ и который помогъ ему навсегда сохранить въ борьбѣ съ уѣздною пошлостью ясность мысли и вѣру въ прогрессъ.

«Подъ руководствомъ профессора Павлова Лашнюковъ началъ спеціально заниматься русскою исторіею. Г. Павловъ первый обратилъ молодёжь къ изученію русской исторіи въ ея источникахъ, но съ сохраненіемъ связи съ исторіею человѣчества и подъ верховнымъ руководствомъ философіи исторіи. Лашнюковъ былъ изъ первыхъ и лучшихъ учениковъ г. Павлова. Усвоенные въ это время программы и методъ остались навсегда характеристическою особенностью Лашнюкова какъ преподавателя и изслѣдователя, именно: критика источниковъ исторіи и

воззрѣній на неё учоныхъ — какъ методъ изслѣдованія, крупные вопросы политической исторіи культуры — какъ главный предметъ изслѣдованія.

«Ещё въ университетѣ Лашнюковъ написалъ сочиненіе на тему: *о причинахъ усобицъ между русскими князьями и о вліяніи ихъ на современное общество въ періодъ времени отъ Рюрика до Ивана Калиты и Гедимина* — сочиненіе, удостоенное золотой медали. По отзыву отчёта университета св. Владиміра за 1850 годъ, «сочиненіе это имѣетъ несомнѣнную цѣну для науки отечественной исторіи, ибо, соединяя въ себѣ результаты прежнихъ изслѣдованій по этой части Устрялова, Погодина, Кавелина и Соловьёва, вноситъ много совершенно новаго въ область историческаго вѣдѣнія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.» Такого же рода отзывъ о названномъ сочиненіи былъ помѣщёнъ въ 17 № «Москвитянина» за 1851 годъ.

«Въ университетѣ же Лашнюковъ началъ заниматься исторіею и древностями западныхъ славянъ, на чёмъ воспиталъ въ себѣ любовь и уваженіе къ западному славянству — явленіе, считавшееся въ Кіевѣ, въ то время и ещё гораздо позднѣе, страннымъ оригинальничаньемъ въ глазахъ господствовавшихъ тогда безусловныхъ поклонниковъ нѣмецкой науки. Впослѣдствіи, во время своего путешествія за границу, въ 1861 и 1862 годахъ, въ бытность свою профессоромъ Лицея Князя Безбородко, Лашнюковъ ещё болѣе укрѣпился въ своихъ воззрѣніяхъ на значеніе для Россіи западно-славянской науки и культуры. Въ краткомъ, но весьма замѣчательномъ — по самостоятельности мысли и тонкости наблюденія — отчётѣ, напечатанномъ въ циркулярѣ по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ, Лашнюковъ высказалъ своё убѣжденіе о положительномъ превосходствѣ западно-славянской исторической науки и педагогіи надъ русскими историческими сочиненіями и русскою системою воспитанія.

«Но особенно замѣчательны находящіяся въ названномъ отчётѣ Лашнюкова наблюденія и заключенія его относительно чешской педагогіи. Здѣсь онъ указываетъ на образцы, которые дѣйствительно заслуживаютъ подражанія и на принципы, которые одни могутъ сообщить дѣлу воспитанія жизнь и силу.»

По окончаніи курса наукъ въ университетѣ Лашнюковъ черезъ два года, именно въ 1853 году, назначенъ былъ въ Лицей Князя Безбородко исправляющимъ должность профессора русской исторіи и статистики, въ каковой должности утвержденъ по выдержаніи въ 1854 году испытанія на степень магистра русской исторіи. Въ Лицеѣ Лашнюковъ оставался до 1868 года, когда онъ былъ переведёнъ доцентомъ русской исторіи въ университетъ Св. Владиміра. Такимъ образомъ большая часть дѣятельности Лашнюкова принадлежитъ Лицею Князя Безбородко.

«Какъ преподаватель», говоритъ далѣе Вороной, «Лашнюковъ долженъ занять мѣсто въ ряду лучшихъ дѣятелей своего времени по огромному воспитательному вліянію, которое онъ имѣлъ на молодёжь. Въ Лицеѣ Князя Безбородко Лашнюковъ занималъ первенствующую роль. Вліяніе его не было результатомъ практическаго искусства устраивать свои дѣла, но вытекало единственно изъ его огромныхъ преподавательныхъ дарованій.

Лашнюковъ не былъ краснобаемъ, но онъ одарёнъ былъ силою пробуждать къ мысли даже опустившіеся и лѣнивые умы. Вступивъ въ Лицей въ то время, когда въ нёмъ господствовалъ казарменный режимъ, Лашнюковъ много содѣйствовалъ возрожденію заведенія какъ характеромъ своего преподаванія, такъ ещё болѣе своею несравненною критикой пошлости и самодурства, которыя опутывали и опутываютъ провинціальную жизнь. Въ худшія времена Лицея Лашнюковъ, своею ученою критикой и своимъ блестящимъ юморомъ, поддерживалъ въ массѣ молодёжи стремленія, которыя дѣлали его хоть сколько-нибудь похожимъ на высшее учебное заведеніе. Страхъ сдѣлаться предметомъ юмористическихъ замѣчаній Лашнюкова заставлялъ дѣлать хотя видимыя уступки наукѣ даже такихъ лицъ, которыя ничего другого не боялись, и, наоборотъ, люди даровитые, но бѣдные и преслѣдуемые, всегда пользовались поддержкой Лашнюкова, которая выражалась, не взирая на всегдашнюю его бѣдность, не только нравственнымъ участіемъ, но и вполнѣ существенными услугами. Какъ Лашнюковъ пользовался своими талантами для обезпеченія личнаго своего благосостоянія можетъ показать слѣдующій фактъ. Н. И. Пироговъ, въ бытность свою попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, желая почтить таланты и благородную дѣятельность Лашнюкова, представилъ его на мѣсто директора Ровенской гимназіи; но когда уже состоялось утвержденіе, Лашнюковъ отказался отъ начальническаго поста, не желая разставаться съ профессорскою дѣятельностью и боясь формализма, сопряжоннаго съ административною ролью.»

Перейдя изъ Лицея на каѳедру университета Св. Владиміра, Лашнюковъ горячо принялся за дѣло; но болѣзнь, вскорѣ приведшая его къ печальному концу, парализовала его силы въ самомъ началѣ его университетской дѣятельности. Въ первый же годъ своего перехода въ Кіевъ, осенью, по совѣту врачей онъ отправился въ Крымъ въ надеждѣ возстановить своё здоровье, но эта поѣздка уже не могла принести ему пользы. Въ университетѣ къ нему относились съ участіемъ и цѣнили его. Такъ факультетъ представлялъ его въ экстраординарные профессора, не смотря на тò, что онъ не имѣлъ ещё докторской степени; на поѣздку въ Крымъ ему выдано было пособіе въ 600 рублей. Всѣ эти знаки сочувствія заставляли его ещё болѣе напрягать свои силы въ надеждѣ отплатить за оказываемое ему участіе, но здоровье быстро измѣняло ему и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постепенно падалъ духомъ. Въ январѣ 1869 года я получилъ отъ него письмо, исполненное мрачнаго настроенія вслѣдствіе сознанія имъ своего положенія. Вотъ что между прочимъ онъ писалъ: «Извините великодушно, что такъ давно не пишу Вамъ. Бываетъ время въ жизни, когда совершенно теряешь охоту къ общительности, и только въ извѣстныя минуты, когда душа уже не въ силахъ выносить тяготящаго её бремени, прибѣгаешь къ перепискѣ съ людьми близкими. Въ такомъ именно положеніи нахожусь я теперь. Я всё болѣю и не вижу конца моей болѣзни. Придётся оставаться доцентомъ до полученія докторства, что при настоящемъ состояніи моего здоровья очень затруднительно. Университетъ дѣлаетъ для меня всё, что только возможно и очень сочувственно осносится къ моему положенію.

Болѣзнь моя очень тяжела, грудь до того разстроена, что нужно года на два совершенно устраниться отъ напряжённыхъ трудовъ; и едва ли я когда-нибудь буду въ силахъ продолжать съ успѣхомъ ученыя занятія. И такъ, предстоитъ влачить тяжолую жизнь, не имѣя возможности работать съ пользою для себя и для другихъ.» Но не долго пришлось ему влачить своё болѣзненное существованіе: 25-го октября того же 1869 года онъ скончался въ городѣ Борзнѣ, Черниговской губерніи.

Такъ кончилъ свою трудовую жизнь этотъ замѣчательный во многомъ человѣкъ, имѣвшій своими высокими нравственными качествами огромное и благотворное вліяніе на всѣхъ окружавшихъ его.

По смерти Лашнюкова профессоръ Лицея Князя Безбородко Ѳ. Я. Воропой принялъ на себя трудъ издать въ пользу семейства Лашнюкова оставшееся въ его бумагахъ изложеніе курса по русской исторіи. Изданный имъ до сего времени 1-й выпускъ курса подъ заглавіемъ: «Пособіе къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ, составлено бывшимъ профессоромъ Лицея Князя Безбородко И. В. Лашнюковымъ. Кіевъ. 1870», обнимаетъ внутреннюю исторію русскаго народа отъ древнѣйшихъ временъ до половины XIII вѣка; въ изложеніи своёмъ онъ основанъ на критическомъ изслѣдованіи мнѣній русскихъ ученыхъ о событіяхъ русской жизни.

К. Троцина.

В. И. Любичъ-Романовичъ.

Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ, русскій литераторъ и переводчикъ цѣлаго ряда стихотворныхъ произведеній съ языковъ нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго, англійскаго — преимущественно изъ Байрона и, польскаго — преимущественно изъ Мицкевича, дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ и служившій много лѣтъ первымъ переводчикомъ при департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства Иностранныхъ Дѣлъ, родился въ 1805 году. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко въ 1827 году со степенью кандидата, Любичъ-Романовичъ поступилъ, въ чинѣ губернскаго секретаря, на службу въ департаментъ Министерства Юстиціи. О служебной его дѣятельности и отличіяхъ, какъ и о служебной дѣятельности столькихъ другихъ, можно сказать только, что онъ служилъ честно и ревностно. Прослуживъ годъ въ Департаментѣ Юстиціи, онъ перешолъ въ Департаментъ Внѣшней Торговли, откуда, по прошествіи двухъ лѣтъ, поступилъ въ Капитулъ Россійскихъ Орденовъ помощникомъ секретаря ордена Святого Владиміра. Получивъ чинъ титулярнаго совѣтника, Любичъ-Романовичъ перешолъ изъ Капитула Орденовъ въ департаментъ Хозяйственныхъ и счётныхъ дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ котораго перешолъ вскорѣ въ департаментъ Внутреннихъ Сношеній этого же министерства, а оттуда въ инспекторскій

департаментъ Военнаго Министерства чиновникомъ для иностранной переписки и переводовъ, исполняя сверхъ этой обязанности должность переводчика съ иностранныхъ языковъ въ департаментѣ Военныхъ Поселеній. За тѣмъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника, онъ поступилъ снова въ прежній департаментъ Хозяйственныхъ и Счётныхъ Дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и наконецъ въ департаментъ Внутреннихъ Сношеній, въ которомъ произведёнъ въ коллежскіе совѣтники, назначенъ первымъ переводчикомъ и награжденъ орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней и Святого Равноапостольнаго Князя Владиміра.

Первоначальное своё образованіе Любичъ-Романовичъ получилъ въ Полоцкомъ Іезуитскомъ Коллегіумѣ, упрочившемъ въ нёмъ основательное знаніе латинскаго языка, которымъ онъ въ особенности отличался предъ прочими учениками Нѣжинской Гимназіи. Вотъ что говоритъ объ этомъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ учителя» бывшій его наставникъ, И. Г. Кулжинскій, разсказывая о первомъ своёмъ посѣщеніи И. С. Орлая: «Когда явился я къ И. С. Орлаю и просилъ опредѣлить меня учителемъ латинскаго языка, онъ, послѣ общаго разговора со мною о томъ, о сёмъ, оставилъ меня у себя обѣдать. Вошедши съ нимъ въ столовую, мы уже застали семейство его за столомъ. Кромѣ супруги и дѣтей Ивана Семёновича, сидѣло за столомъ нѣсколько гимназистовъ въ синихъ мундирахъ съ чорными бархатными воротниками. Мнѣ довелось мѣсто возлѣ хозяина, противъ одного гимназиста, лѣтъ 18-ти, черноволосаго, съ чорными, едва пробивавшимися усиками. Когда мы сѣли, хозяинъ сказалъ сперва обо мнѣ нѣсколько словъ своей супругѣ, причёмъ я какъ-то не совсѣмъ ловко поклонился, потомъ, указывая на моего vis-à-vis, сказалъ мнѣ: «Рекомендую вамъ этого молодого студента: онъ учился въ Полоцкѣ у іезуитовъ, а вотъ по изгнаніи іезуитовъ пріѣхалъ къ намъ оканчивать курсъ. Іезуиты учили его говорить по-латыни — такъ не угодно-ли вамъ проэкзаменовать его за обѣдомъ — умѣетъ ли онъ говорить по-латыни?» Сколько было во мнѣ крови, вся бросилась въ моё лицо. Я понялъ, что это приготовленъ экзаменъ мнѣ, а не моему vis-à-vis, а между-тѣмъ подали тарелку съ супомъ: надобно было и ѣсть и думать, и говорить по-латыни. Благодаря мѣсту моего воспитанія, если я и ничего не знаю, то всё-таки умѣлъ говорить по-латыни, что тогда не было рѣдкостію. Вотъ, пріосанясь я и началъ говорить на безсмертномъ языкѣ квириновъ: сперва спросилъ что-то о Полоцкѣ, о Іезуитской Коллегіи, потомъ, не помню какъ мы заговорили о Гораціѣ. Мой товарищъ, Любичъ-Романовичъ, бойко отвѣчалъ на всѣ мои вопросы и говорилъ свободно чистымъ латинскимъ языкомъ. Искусство товарища и мнѣ придало духу. Я развязался, какъ говорится — благо напали на любимаго поэта — и начали разбирать его по косточкамъ, читать наизусть оду за одою, съ указаніемъ красотъ. Надобно-жь было случиться, что Горацій былъ любимымъ поэтомъ у Орлая. Не утерпѣлъ почтенный старикъ: началъ перебивать нашу декламацію и самъ сталъ декламировать строфы тибурскаго пѣвца. Такъ мы трое, забывъ о котлетахъ, лежавшихъ предъ нами, всё латынствовали да латынствовали.»

Товарищество Гоголя, Кукольника, Гребёнки, Базили и Прокопо-

вича и благородное соревнованіе на литературныхъ сходбищахъ развили въ Васильѣ Игнатьевичѣ любовь къ стихотворству, а замѣчательная способность изучать съ необыкновенною лёгкостію иностранные языки дала ему возможность коротко познакомиться въ оригиналѣ съ лучшими поэтами Франціи, Германіи, Италіи, Голландіи Англіи и Польши, а также изучить латинскихъ и греческихъ классиковъ. Первое собраніе стихотвореній Любича-Романовича вышло отдѣльною книжкою въ 1832 году и — что дѣлаетъ честь благородному чувству благодарности автора — было посвящено воспитавшей его Нѣжинской Гимназіи Князя Безбородко въ слѣдующихъ стихахъ:

Тебѣ, святилище наукъ,
Питомецъ вдохновенья юный,
Въ златыя ударяя струны,
Свой первый посвящаетъ звукъ!
Такъ, солнца первыми лучами
Колоссъ Мемноновъ озарёнъ
Звучалъ — и звукъ его вѣками
Переходя изъ устъ племёнъ,
Давно погасшихъ, въ поколѣнья —
Казалось, шлётъ благодаренья
Свѣтилу, коимъ освѣщёнъ
Былъ этотъ царь степей — Мемнонъ.

Но ещё прежде этого, вскорѣ по прибытіи на службу въ Петербургъ, имя Любича-Романовича начало появляться печатно и сдѣлалось извѣстно отдѣльнымъ изданіемъ перевода стихотвореній Мицкевича и сотрудничествомъ въ «Сынѣ Отечества», «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инваліду», альманахѣ «Альціона» и «Журналѣ иностранной словесности и изящныхъ художествъ», издаваемомъ П. Волковымъ. Съ 1829 года по 1848 включительно, литературная дѣятельность Любича-Романовича была такъ велика, что онъ напечаталъ и издалъ отдѣльно болѣе восьмидесяти произведеній, въ стихахъ и прозѣ, помѣщая свои труды въ журналахъ: «Сынѣ Отечества», «Русскомъ Инвалидѣ», «Маякѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Журналѣ Военно-Учебныхъ Заведеній». Большая часть, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ произведеній Василія Игнатьевича были впрочемъ преимущественно переводы изъ Мицкевича и Байрона, а частію съ французскаго и италіанскаго. Вотъ главные труды неутомимаго автора: «Дерарь», восточная поэма, Александра Ходзько, изданная отдѣльно въ 1832 году; «Донъ-Жуанъ, поэма Лорда Байрона», въ вольномъ переводѣ и его же «Беппо, венеціанская повѣсть», напечатанная въ «Сынѣ Отечества» 1842 года. Изъ прозаическихъ статей Любича-Романовича можно указать на слѣдующія: «Историческія горы и могилы въ Литвѣ», изъ записокъ Юцевича, съ польскаго, «Пинскъ и его окрестности», изъ записокъ Крашевскаго, «Исторія бывшихъ княжествъ Теребовльскаго и Звѣнигородскаго», «Приключеніе съ Шекспиромъ, послѣ перваго представленія «Ромео и Джульетты», «Обычаи, игры, пословицы и преданія Литовскія», переводъ съ польскаго, «Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 году», съ италь-

янскаго, «Сношенія царя Іоанна Васильевича съ императоромъ Фердинандомъ о московскихъ дѣлахъ», съ латинскаго — «Донесенія въ письмахъ о войнѣ Московскаго царя съ Польскимъ королёмъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1580 и 1582 годахъ», съ италіанскаго, «Донесеніе о событіяхъ въ эпоху Лжедимитрія и въ особенности Іоанна Васильевича, найденное въ библіотекѣ князя Барберини въ Римѣ», съ италіанскаго и «Дунайскіе казаки». Василій Игнатьевичъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на вдовѣ Клеопатрѣ Дмитріевнѣ Ниградело-Негри, урождённой Мандзая, дочери послѣдняго хана Золотой орды, воспитанницѣ Маріи Алексѣевнѣ Нарышкиной, урождённой Сенявиной, супруги извѣстнаго каламбуриста, обергофмейстера Александра Ивановича Нарышкина, а во второй, на мадьяркѣ баронессѣ Маріи Яковлевнѣ Хандіаши.

Уволенный въ 1869 году изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ за реформою, съ мундиромъ и пенсіономъ въ 1000 рублей, Василій Игнатьевичъ продолжаетъ дѣятельно заниматься литературой, но уже ничего не печатаетъ послѣ изданнаго имъ въ 1862 году перевода двухъ поэмъ Мицкевича: «Корчма на Упитѣ» и «Гражина».

В. Толбинъ.

Н. Я. Макаровъ.

Николай Яковлевичъ Макаровъ, въ настоящее время дѣйствительный статскій совѣтникъ, товарищъ управляющаго государственнымъ банкомъ и кавалеръ орденовъ Святыхъ Анны и Станислава первыхъ степеней и Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-ей степени, родился 6-го апрѣля 1828 года въ селѣ Малой Дѣвицѣ, Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда, принадлежавшемъ въ то время дѣду Николая Яковлевича, а нынѣ принадлежащемъ ему самому, какъ прямому наслѣднику своего дѣда. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, подъ руководствомъ нѣмца-классика Линденберга, страстнаго любителя латинскаго языка, который онъ, при помощи лёгкихъ трёпокъ и колотушекъ въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ старался во чтобы то ни стало вбить въ голову дѣвяти-лѣтнему мальчику, при чёмъ заставлялъ его зубрить латинскую грамматику, написанную стихами вмѣстѣ съ нѣмецкими баснями, во главѣ которыхъ самое видное мѣсто занимала извѣстная всѣмъ побасёнка Глейма, начинающаяся стихомъ: «Eine kleine Biene flog». По прошествіи двухъ лѣтъ, нѣмца смѣнилъ французъ Ларешь, тоже классикъ. Этотъ тоже не обходился безъ колотушекъ, при ознакомленіи мальчика съ таинствами латинскаго и французскаго языковъ, причёмъ былъ очень падокъ къ женскому полу и билъ мальчика по щекамъ когда тотъ являлся передъ нимъ неожиданнымъ свидѣтелемъ его любовныхъ экскурсій за молодыми крестьянскими или дворовыми дѣвушками. Удостовѣрившись наконецъ въ неудачномъ выборѣ обоихъ менторовъ, принадлежавшихъ къ двумъ самымъ цивилизованнымъ расамъ Европы, что впрочемъ

никогда не мѣшало имъ ненавидѣть другъ друга отъ всего сердца и съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла, во всё продолженіе послѣднихъ двухъ столѣтій пронарывать другъ другу желудки трёхгранными проводниками прогресса, родители Макарова рѣшились наконецъ прогнавъ обоихъ гувернёровъ и отдать своего сына на руки русскимъ воспитателямъ — и на этотъ разъ не ошиблись въ своёмъ расчётѣ. Нѣжинская гимназія — не Высшихъ Наукъ, а обыкновенная и даже не губернская—состоявшая тогда подъ начальствомъ хорошаго человѣка, шведа по рожденію и русскаго по воспитанію и образу мыслей, радушно приняла дѣсятилѣтняго мальчика подъ свой гостепріимный кровъ и выпустила его черезъ семь лѣтъ въ 1845 году первымъ ученикомъ всего выпуска.

Съ поступленія въ Лицей на восемьнадцатомъ году, для Николая Яковлевича началась новая эра, такъ-какъ только по оставленіи гимназическаго пансіона, заведенія закрытаго, онъ началъ дышать свободно и отдавать отчётъ въ своихъ дѣяніяхъ только самому себѣ, неожидая замѣчаній надзирателей, инспектора и директора, людей хотя и хорошихъ, но большихъ педантовъ щеголявшихъ своею суровостью, что придавало имъ въ глазахъ гимназистовъ какой-то далеко не симпатическій оттѣнокъ, а для такого впечатлительнаго юноши, какимъ былъ тогда Макаровъ, имѣло нечто отталкивающее. Съ переходомъ въ первый курсъ Лицея онъ хотя и продолжалъ быть очень прилежнымъ и постоянно былъ первымъ студентомъ, но уже, не будучи *старшимъ*, какъ это было въ гимназіи, имѣлъ несравненно болѣе свободнаго времени, чѣмъ прежде, которое, независимо отъ лекцій, могъ посвящать и обществу своихъ товарищей, составившихъ около этого времени тѣсный кружокъ, связанный самой горячей дружбой, которая не только не прерывалась во всё время пребыванія его членомъ въ Лицеѣ, но не порвалась и по выходѣ ихъ изъ него и продолжается до настоящей поры, когда головы ихъ посѣдѣли, а сердца уже не бьются такъ сильно, какъ это было во время трёхъ-лѣтняго пребыванія ихъ въ Лицеѣ.

По окончаніи полнаго курса въ августѣ 1848 года, онъ познакомился случайно, въ бытность свою въ Кіевѣ, съ хорошо извѣстнымъ всѣмъ правителемъ канцеляріи тогдашняго Кіевскаго генералъ губернатора и грознаго властителя судебъ трёхъ юго-западныхъ губерній Бибикова, Н. Э. Писаревымъ, только-что назначеннымъ Олонецкимъ губернаторомъ и былъ совершенно обворожонъ его умомъ, начитанностью и необыкновеннымъ умѣньемъ вести разговоръ о чёмъ бы то ни было, причёмъ рѣчь его постоянно скрашивалась блёстами остроумія и лёгкой ироніи. Результатомъ этого молодого увлеченія было то̀, что Макаровъ отправился вмѣстѣ съ нимъ и въ его каретѣ въ далёкій Петрозаводскъ и въ октябрѣ того же года состоялъ уже на службѣ въ канцеляріи Олонецкаго губернатора.

Въ Петрозаводскѣ Николай Яковлевичъ близко сошолся съ В. М. Бѣлозерскимъ, сосланнымъ туда за исторію Кулиша, Шевченки и Костомарова и бывшимъ впослѣдствіи редакторомъ малороссійскаго жур-

нала «Основа» и другимъ ссыльнымъ Баласогло, замѣшаннымъ въ исторіи Петрашевскаго, человѣкомъ замѣчательно-умнымъ и ученымъ и даже писавшимъ изрядные стихи. Провѣдавъ объ этомъ, Писаревъ, уже недовольный Макаровымъ за его несогласіе исполнять его неслужебные порученія, которыя Макаровъ считалъ для себя унизительными, началъ — ни съ того, ни съ сего—преслѣдовать его и кончилъ тѣмъ что написалъ кому слѣдуетъ въ Петербургъ, что Макаровъ человѣкъ опасный и сближается съ ссыльными. Николай Яковлевичъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что принужденъ былъ бѣжать ночью изъ Петрозаводска. Узнавъ о случившемся, губернаторъ велѣлъ его арестовать, но посланная за нимъ погоня не догнала его. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Макаровъ бросился къ своему родственнику А. В. Кочубею, бывшему тогда членомъ Государственнаго Совѣта — и тотъ, не медля ни минуты, свёзъ его къ Л. В. Дубельту и, благодаря его вѣскому поручительству въ благонадежности молодаго человѣка, ему разрѣшено было остаться въ Петербургѣ; но такъ-какъ онъ не выслужилъ ещё обязательнаго для каждаго вступающаго въ государственную службу трёхъ-лѣтняго срока въ провинціи, то былъ оставленъ номинально на службѣ въ Петрозаводскѣ, съ откомандированіемъ къ хозяйственному департаменту министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Перейдя затѣмъ въ Государственный Контролъ, онъ 31-го января 1859 года былъ утвержденъ въ должности экспедитора, а 1-го января 1861 года назначенъ оберъ-контролёромъ временной коммисіи, учреждённой при департаментѣ Морскихъ Отчётовъ. Затѣмъ, заболѣвъ, онъ подалъ въ отставку 1-го апрѣля 1861 года, а 15-го февраля слѣдующаго года былъ вновь принятъ на службу въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ, съ причисленіемъ къ нему, а указомъ управляющаго министерствомъ Финансовъ отъ 1-го іюня 1862 года опредѣлёнъ управляющимъ питейно-акцизнымъ сборомъ Гродненской губерніи.

Прибывъ къ мѣсту своего служенія, Николай Яковлевичъ съ разу увидѣлъ всю безвыходность своего положенія. Вокругъ кипѣло повстанье, а граница съ Царствомъ Польскимъ, которое буквально было охвачено пламенемъ повстанья и гдѣ акцизъ на вино былъ гораздо ниже, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ, оберегалась корчемной стражей, вооружонной саблями и пистолетами и комплектъ которой, за неимѣніемъ русскаго элемента, пополнялся всякою сволочью. Какъ ни старался Макаровъ пополнить её отставными солдатами и унтеръ-офицерами, мѣра эта не дала желаемыхъ результатовъ, такъ-какъ въ стражу всё-таки попало много поляковъ и даже жидовъ, вслѣдствіи чего корчемная стража толпами покидала свои ряды и вмѣстѣ съ оружіемъ убѣгала то и дѣло *до лясу* и *старого замка*, причёмъ въ большинствѣ случаевъ переходила къ повстанцамъ. Къ довершенію же всѣхъ благъ гродненскій откупщикъ бѣжалъ тоже, только не до лясу, а куда-то дальше, вѣроятно подъ сѣнь родныхъ пенатовъ. Объятый священнымъ ужасомъ при видѣ всего этого, Николай Яковлевичъ воротился въ Петербургъ для объясненія министру настоящаго положенія дѣла. Тогдашній министръ Финансовъ Рейтернъ призналъ заявленіе Николая Яковлевича

на столько важными, что далъ ему записку къ тогдашнему министру Внутреннихъ Дѣлъ Валуеву. Макаровъ явился къ нему въ пятницу — день доклада его у Государя—и былъ имъ немедленно принятъ. Когда онъ объяснилъ ему, что въ Гродненской губерніи русской администраціи нѣтъ, а существуетъ только правительство повстанцевъ, Валуевъ сухо замѣтилъ, что ему всё это уже извѣстно, прибавивъ въ заключенія: «что же можетъ сдѣлать министръ Внутренныхъ Дѣлъ изъ своего кабинета, когда генералъ-губернаторъ, находясь на мѣстѣ, ничего не предпринимаетъ для упроченія власти русскаго правительства. Но, вѣроятно, всё это вскорѣ измѣнится».

И дѣйствительно всё вскорѣ измѣнилось съ назначеніемъ Муравьёва; но Николай Яковлевичъ этого не дождался, такъ-какъ, по странному стеченію обстоятельствъ, Муравьёвъ въѣзжалъ въ Вильно именно въ тотъ день и часъ, когда Николай Яковлевичъ проѣзжалъ этотъ городъ по дорогѣ въ Петербургъ, куда былъ назначенъ, приказомъ министра Финансовъ отъ 1-го мая 1863 года, на должность вице-директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ.

Принявъ въ своё управленіе брошенныя бѣжавшимъ откупщикомъ дѣла, онъ повёлъ ихъ такъ успѣшно, что въ какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца привёлъ ихъ въ совершенный порядокъ, такъ что не только казна не потеряла ни копѣйки и откупщикъ получилъ всё что ему слѣдовало, но ещё осталась и значительная сумма въ остаткѣ. За эту особенную заботливость о сохраненіи казённыхъ интересовъ, увѣнчавшуюся такимъ блестящимъ успѣхомъ, результатомъ котораго было значительное возвышеніе питейнаго дохода во всё время его управленія акцизными сборами Гродненской губерніи, по всеподданнѣйшему докладу министра Финансовъ, отъ 28-го декабря 1862 года, Высочайше повелѣно было выдать ему, изъ вырученнаго имъ питейнаго дохода по Гроденской губерніи, единовременно пять тысячъ рублей, съ объявленіемъ въ газетахъ объ этой монаршей милости.

Но всѣ эти заслуги, награждённыя такъ щедро и служебнымъ возвышеніемъ и значительной денежной суммой, не помѣшали Николаю Яковлевичу оставить службу въ акцизѣ и промѣнять въ 1869 году должность вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ на мѣсто управляющаго Московской казённой палатою.

Прослуживъ въ должности вице-директора шесть лѣтъ, то-есть до до 1-го іюля 1869 года, онъ прошолъ всю градацію чиновъ до статскаго совѣтника включительно, причёмъ постоянно во время продолжительной отлучки директора департамента изъ столицы занималъ его должность, какъ старшій вице-директоръ, что продолжалось до весны 1869 года, когда онъ былъ неожиданно замѣнёнъ младшимъ своимъ товарищемъ. Это послѣднее обстоятельство сильно повліяло на Николая Яковлевича, человѣка глубоко честнаго и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ и къ тому же отличнаго чиновника, дѣятельность котораго не требовала понужденій, а энергія не знала предѣла. И неудивительно. Онъ окончилъ курсъ *первымъ* студентомъ въ Лицеѣ князя Безбородко сороковыхъ годовъ, что значитъ очень много, особенно сравнительно

съ настоящимъ временемъ, когда такъ мало истинно образованныхъ людей выпускаютъ даже университеты Училище Правоведѣнія и Александровскій Лицей, не смотря на всѣ свои привиллегіи. Я знаю Макарова, этого лучшаго изъ извѣстныхъ мнѣ людей со школьной скамьи Нѣжинскаго Лицея и смѣло скажу, что мало встрѣчалъ людей такихъ честныхъ и исполненныхъ такой любви къ правдѣ, какъ онъ. Такъ въ настоящее время Николай Яковлевичъ конечно, уже далёко не тотъ, какимъ былъ въ молодости, такъ-такъ жизнь сильно его покоробила и лишила прежней энергіи, но и теперь исполненіе служебныхъ обязанностей стоитъ впереди всего.

Въ началѣ своей служебной дѣятельности Николай Яковлевичъ сильно недолюбливалъ сухую канцелярскую дѣятельность чиновника и душа его постоянно стремилась къ чему-то другому, такъ-какъ его всегда сильно манили къ себѣ книги, литература и писательство, особенно — послѣднее. Но не замѣчая въ себѣ особенной талантливости и даже исключительной наклонности къ какому-нибудь роду литературы, ему приходилось довольно долго играть самую незавидную роль въ области тогдашней нашей журналистики. Тѣмъ не менѣе онъ работалъ настойчиво и съ любовью и его непоказная дѣятельность въ петербургскихъ журналахъ была ему во сто разъ милѣе самой службы. Такъ въ 1852 и 1853 годахъ онъ дѣятельно занимался составленіемъ статей, иногда весьма большихъ, для отдѣла Иностраннаго Обозрѣнія въ «Современникѣ», издававшемся тогда Панаевымъ и Некрасовымъ. Конечно, всѣ эти работы имѣли компилятивный характеръ, тѣмъ не менѣе составленіе ихъ требовало много труда и большой начитанности, которыми онъ обладалъ въ достаточной степени, что и было причиной, что работами его были очень довольны редакторы лучшаго изъ тогдашнихъ журналовъ. Одновременно съ этими работами, длившимися цѣлыхъ два года, Николай Яковлевичъ много работалъ и для «Вѣстника Географическаго Общества», состоявшаго въ то время подъ редакціей Н. А. Милютина, по порученію котораго онъ написалъ и перевёлъ многое множество статей, помѣщённыхъ въ названномъ журналѣ. Какъ на лучшія изъ напечатанныхъ въ нёмъ можно указать на рядъ статей подъ заглавіемъ «Охотничьи Записки», составленныя по Герштекеру и обратившія на себя вниманіе критики и читающей публики. Послѣднимъ литературнымъ произведеніемъ Макарова были статьи, напечатанныя въ 5-й книжкѣ «Основы» на 1856 годъ, подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о Николаѣ Андрѣевичѣ Марковичѣ», если не считать его «Письмъ изъ Либавы», напечатаннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 года, въ которомъ разсказывается драматическая исторія одной молодой красавицы-невѣсты, утонувшей въ Либавской бухтѣ во время купанья только потому, что во всей Либавѣ не было въ то время никакого надзора за купавшимися и не существовало ни одной спасительной лодки. Вслѣдствіе этого письма Николая Яковлевича и открытія подписки по его иниціативѣ было появленіе на водахъ Либавы первой спасительной лодки, которую 1879 году самъ Макаровъ уже имѣлъ удовольствіе видѣть качавшеюся на Либавскомъ рейдѣ.

Въ настоящее время Николай Яковлевичъ, отказавшись совершенно отъ литературной дѣятельности, уже въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ ничего не сочиняетъ кромѣ писемъ и дѣловыхъ бумагъ и потому о послѣднихъ годахъ его трудовой, полезной и честной жизни ничего нельзя сказать болѣе того, что значится въ его формулярномъ спискѣ. Формуляръ же его — есть формуляръ честнаго человѣка, что большая рѣдкость въ настоящее время. Высочайшимъ указомъ отъ 1-го августа 1881 года назначенъ товарищемъ управляющаго государственнаго банка.

Н. Гервиль.

А. Н. Мокрицкій.

Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій, коллежскій совѣтникъ, академикъ Императорской Академіи Художествъ и профессоръ Московскаго Училища Живописи и Ваянія, родился въ 1811 году и, по окончаніи курса въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, съ правомъ на чинъ XIV класса, поступилъ въ 1831 году въ департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, изъ котораго вскорѣ перешолъ въ вѣдомство Императорскаго С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Гражданская служба Мокрицкаго продолжалась однако не долго: черезъ годъ онъ уже оставилъ её для другаго поприща — для трудовой художнической жизни, къ которой чувствовалъ врождённое призваніе. Года за два до возвращенія Брюлова въ Россію изъ-за границы съ своимъ знаменитымъ «Послѣднимъ днёмъ Помпеи», Мокрицкій сталъ посѣщать академическіе классы и изучать живопись подъ руководствомъ извѣстнаго академика Венеціанова. Впрочемъ всѣ первоначальныя художественныя занятія эти были прерваны вскорѣ его довольно стѣснёнными обстоятельствами. Бѣдный молодой художникъ долженъ былъ оставить Петербургъ и уѣхать въ родную свою Малороссію, гдѣ подъ отеческимъ кровомъ надѣялся найдти по-крайней-мѣрѣ необходимое обезпеченіе. Устроясь кое-какъ, Мокрицкій сталъ писать съ натуры всё, что ни попадалось подъ руку, но дѣло шло медленно. Не изучивъ рисунка, онъ писалъ наглядно, увлекаясь колеромъ предметовъ и мало обращая вниманія на ихъ форму. Молодой художникъ, предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ, терялся въ трудностяхъ искусства и не зналъ, чѣмъ помочь горю. Нужда, испытанная во время перваго пребыванія въ Петербургѣ, страшила его вернуться туда, но и оставаться въ Малороссіи было невозможно. Въ этотъ-то періодъ уединённой, почти безвыходной жизни Мокрицкаго, наши журналы и газеты восторженно заговорили о новомъ чудѣ искусства, удивившемъ всю Европу и привезённомъ изъ Рима въ Петербургъ. Слухъ о произведеніи Брюлова дошолъ и до малороссійскаго затишья Мокрицкаго. Знакомый съ великимъ мастеромъ по его картинамъ: «Италіянское утро» и «Италіянскій полдень», Мокрицкій пришолъ въ восторгъ — и будущность его была рѣшена. Окончивъ нѣкоторыя начатыя имъ работы портретовъ, обезпечившихъ его суще-

ствованіе, онъ вторично поѣхалъ въ Петербургъ, немедленно явился къ начальникамъ Академіи и снова сдѣлался ея воспитанникомъ, поступивъ почти вмѣстѣ съ этимъ подъ покровительство Общества Поощренія Художниковъ. По пріѣздѣ Брюлова въ Петербургъ, Мокрицкій сдѣлался самымъ приближоннымъ ученикомъ знаменитаго живописца, сближенію съ которымъ послужило восторженное уваженіе Мокрицкаго къ «Послѣднему дню Помпеи». Вотъ какъ самъ онъ говоритъ объ этомъ въ своёмъ «Воспоминаніи о Брюловѣ»:

«Послѣ обѣда, даннаго Брюлову въ Академіи, когда пирующіе оставались ещё вмѣстѣ, изобрѣтая разные сюрпризы виновнику торжества, когда шумъ, смѣхъ и радостные клики достигали до насъ, учениковъ, толпившихся у дверей, чтобы видѣть Брюлова, одинъ изъ членовъ, въ числѣ разсказовъ, сообщилъ Брюлову про одного ученика, который, воротясь изъ Малороссіи въ Петербургъ, долго не рѣшался пойдти взглянуть на его картину. На вопросъ Брюлова «здѣсь ли этотъ ученикъ?» — ему отвѣтили, что вѣрно здѣсь. Онъ пожелалъ его видѣть и вотъ нѣсколько голосовъ громко произнесли мою фамилію: «позвать Мокрицкаго!» Толпа учениковъ раздалась и я вошолъ; но какъ вошолъ! у меня ноги подкосились. Брюловъ шолъ мнѣ на встрѣчу. Когда я приблизился къ нему, то и послѣдняя бодрость меня оставила. Брюловъ подалъ мнѣ руку, я коснулся ея — и слёзы брызнули изъ глазъ моихъ. Настроенный уже всѣмъ происходившимъ здѣсь, могъ ли я равнодушно вынести близкое присутствіе его и стать лицомъ къ лицу передъ тѣмъ, при имени котораго меня обдавало паромъ? Я былъ взволнованъ до глубины души и, не дожидаясь, что будетъ далѣе, поворотился и пошолъ на своё мѣсто; но не успѣлъ я сдѣлать трёхъ шаговъ, какъ почувствовалъ на себѣ чьи-то объятія; оглянулся — то былъ Брюловъ. Великій мастеръ, тронутый слезами восторга юноши, самъ заплакалъ, обнялъ и поцаловалъ меня. Насъ окружила толпа растроганныхъ гостей, которые, обнимая меня со слезами, передавали другъ другу. «Карлъ Павловичъ, вотъ тебѣ ученикъ! вотъ тебѣ ученикъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Сладко звучали эти слова и прожигали душу мою, располагая её къ труднымъ подвигамъ на новомъ поприщѣ. Велѣли подать шампанскаго, налили два бокала и мы чокнулись съ будущимъ моимъ профессоромъ.»

Съ этого дня начался новый періодъ жизни для Мокрицкаго. Онъ поселился въ квартирѣ Брюлова и, пользуясь его совѣтами, оказалъ быстрые успѣхи. Не прошло и году, какъ уже масляныя картины Мокрицкаго, портреты и этюды съ натуры, находились на выставкахъ Академіи и Общества Поощренія Художниковъ. Награждённый за успѣхи въ исторической живописи серебряными медалями втораго и перваго достоинства и золотою медалью втораго достоинства, Мокрицкій выпущёнъ былъ въ 1839 году изъ Академіи съ званіемъ свободнаго художника. Работы Мокрицкаго, въ особенности портреты, шли такъ успѣшно, что въ 1841 году у него нашлись средства поѣхать, для усовершенствованія себя, въ Италію на собственный счётъ. Пять лѣтъ постоянныхъ занятій развили талантъ Мокрицкаго и обратили на него особенное

вниманіе Совѣта Императорской Академіи Художествъ, а въ 1846 году, въ уваженіе необыкновеннаго его прилежанія и оказанныхъ успѣховъ, вслѣдствіе представленія академическаго начальства, послѣдовало Высочайшее повелѣніе производить ему на содержаніе за границею изъ Государственнаго Казначейства, въ теченіе двухъ лѣтъ, наравнѣ съ казёнными пансіонерами Академіи, ежегодно по триста червонныхъ. При возвращеніи Мокрицкаго въ Россію, ему вторично было выдано по Высочайшему повелѣнію пособіе въ сто червонныхъ изъ Государственнаго Казначейства на обратный путь въ Петербургъ.

Прибывъ въ 1849 году въ Петербургъ, Мокрицкій за своё искусство и познанія въ живописи, доказанныя какъ работами, исполненными имъ за границей, такъ и исполненіемъ по программѣ портрета высокопреосвященнаго Никанора, митрополита С.-Петербургскаго, былъ удостоенъ Совѣтомъ Императорской Академіи Художествъ званія академика. Почти два года прожилъ Мокрицкій въ Петербургѣ, существуя заказами, рисуя портреты и историческія картины, до самаго своего назначенія преподавателемъ въ Московское Училище Живописи и Ваянія, обязанное своимъ учрежденіемъ братьямъ-академикамъ Добровольскимъ. Кромѣ заслугъ собственно какъ живописца, Мокрицкій соединяетъ въ себѣ также и достоинство писателя о художествахъ. Кромѣ мелкихъ статей, помѣщённыхъ имъ въ разныхъ журналахъ, наша художественная литература, столь бѣдная дѣятелями, обязана ему интересными подробностями о двухъ замѣчательныхъ художникахъ, бывшихъ его учителями. Въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщённыхъ въ журналѣ «Отечественныя Записки», онъ собралъ, какъ очевидецъ, всё, что бросало особый свѣтъ какъ на личность, такъ и на отличительность талантовъ Венеціанова и Брюлова. Извѣстія, сообщённыя Мокрицкимъ о первомъ художникѣ, въ особенности должны быть важны для любителей отечественныхъ искусствъ, какъ факты малоизвѣстные или позабытые по давности времени.

В. Толвинъ.

Н. Я. Прокоповичъ.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ родился 27-го ноября 1810 года въ Оренбургѣ, гдѣ отецъ его, Яковъ Семёновичъ, занималъ въ то время мѣсто управляющаго пограничной таможней. Намъ ничего неизвѣстно о раннихъ годахъ Прокоповича, кромѣ того, что онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родителей, а по выходѣ отца въ отставку, переѣхалъ, вмѣстѣ съ остальными членами семейства, на жительство въ Нѣжинъ. Около этого времени, то-есть 4-го сентября 1820 года, въ Нѣжинѣ была открыта Гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, куда, два года спустя, былъ принятъ и Прокоповичъ, въ одинъ день съ Н. В. Гоголемъ, впослѣдствіи знаменитымъ авторомъ «Ревизора» и «Мёртвыхъ

Душъ». Прокоповичъ былъ однимъ годомъ моложе своего знаменитаго соученика, что, впрочемъ, не помѣшало имъ вскорѣ сблизиться и потомъ всю жизнь оставаться друзьями. Окончивъ курсъ наукъ въ 1828 году, друзья разстались: Гоголь уѣхалъ въ Петербургъ, а Прокоповичъ остался въ Нѣжинѣ, гдѣ пробылъ цѣлый годъ и только въ 1829 году, по вызову Гоголя, отправился въ Петербургъ для пріисканія мѣста. Разлука не охладила ихъ дружбы, а, напротивъ, усилила её до-того, что, въ первое время пребыванія ихъ въ столицѣ, Прокоповичъ былъ рѣшительно необходимъ для Гоголя. Изъ «Записокъ о жизни Гоголя», изданныхъ г. Кулишомъ, видно, что первое время они даже жили вмѣстѣ. Одинъ Прокоповичъ зналъ, кто авторъ поэмы «Ганцъ Кюхельгартенъ», которую Гоголь, дорожа своей литературной репутаціей, истребилъ всю, до послѣдняго экземпляра; но никогда не безпокоилъ его разспросами и даже не показалъ вида, что подозрѣваетъ его тайну — и только по смерти своего знаменитаго друга объявилъ о томъ П. А. Кулишу. Прокоповичъ былъ послѣднимъ, кто обнялъ и проводилъ Гоголя въ его первое загадочное путешествіе за границу и первымъ, встрѣтившимъ въ Петербургѣ неожиданно возвратившагося друга. И снова Прокоповичъ не потревожилъ его своими безполезными разспросами, вслѣдствіе чего обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни автора «Мёртвыхъ Душъ», осталось тайною для его друга. Эта благородная черта характера Прокоповича, доказывающая необыкновенную его деликатность и доброту, не требуетъ комментарій. Но обратимся къ литературнымъ занятіямъ Прокоповича. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что именно около этого времени, то-есть въ 1831 году, было напечатано въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» первое его стихотвореніе: «Мои мечты». Стихотвореніе это, какъ и всё написанное Прокоповичемъ, прошло почти незамѣченнымъ, хотя и носитъ на себѣ несомнѣнный признакъ таланта, въ присутствіи котораго былъ такъ крѣпко увѣренъ Гоголь. Замѣчательная лёгкость стиха и всегда честная мысль — неотъемлемыя достоинства всѣхъ напечатанныхъ имъ стихотвореній. Будучи въ Лицеѣ, Прокоповичъ былъ, что называется, записнымъ литераторомъ, то-есть писалъ много и во всѣхъ родахъ, прозой и стихами. Всё, по словамъ Гоголя, «пророчило въ нёмъ плодовитаго романиста». Съ переѣздомъ въ Петербургъ, декорація перемѣнилась: обремененный нуждой и множествомъ уроковъ, которые онъ принужденъ былъ давать въ разныхъ частяхъ города, бѣдный поэтъ отказался отъ обольщеній славы и почти бросилъ свои литературныя занятія, не смотря на непрерывавшіяся поощренія и побужденія Гоголя. Всѣ знавшіе Прокоповича свидѣтельствуютъ объ его крайней скромности и той неувѣренности въ самомъ себѣ, о причинахъ которой здѣсь распространяться не мѣсто и которая лишила Россію многихъ замѣчательныхъ писателей. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ 1832 году онъ напечаталъ ещё два небольшихъ стихотворенія: «Полночь» и «Къ портрету Вальтеръ-Скотта»; первое — въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», а второе — въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ».

Въ началѣ 1832 года, судя по письму Гоголя къ А. С. Данилевскому (отъ 30-го марта того же года), Прокоповичъ, подобно своему знамени-

тому другу, задумалъ поступить на сцену. Съ этою цѣлью онъ сталъ посѣщать Театральное Училище — и дѣло уже доходило до того, что онъ являлся на сценѣ въ незначительныхъ роляхъ вѣстниковъ или, такъ-называемыхъ, *предводителей свиты Фортинбраса*, какъ вдругъ, съ наступленіемъ лѣта, въ одно прекрасное утро, онъ исчезъ изъ Петербурга и черезъ недѣлю очутился въ Нѣжинѣ, въ кругу своихъ родныхъ. Что было причиной оставленія имъ сцены — неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, въ декабрѣ того же года Прокоповичъ снова былъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ 1834 году, онъ женился на дѣвицѣ Марьѣ Никифоровнѣ Трохневой, отъ которой имѣлъ впослѣдствіи двухъ сыновей и четырёхъ дочерей. Тихая семейная жизнь, казалось, снова расположила его къ литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ была баллада «Полнолуніе» и большая повѣсть въ стихахъ «Своя семья», напечатанныя въ VIII томѣ «Библіотеки для Чтенія» и 2-й части «Московскаго Наблюдателя» на 1835 годъ.

10-го іюля 1836 года Прокоповичъ былъ назначенъ учителемъ въ 1-й кадетскій корпусъ, по каѳедрѣ русскаго языка и словесности. Хотя уроки въ корпусѣ и отнимали у него много времени, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ свободные часы для литературныхъ занятій, которыя были для него отдыхомъ отъ тяжолыхъ педагогическихъ занятій. Къ сожалѣнію, какъ мы сказали выше, Прокоповичъ, вѣрный своей робкой натурѣ, печаталъ мало и неохотно.

По возвращеніи Гоголя изъ-за границы въ Петербургъ, въ 1839 году, друзья свидѣлись снова, и авторъ «Ревизора» сталъ по прежнему навѣщать весьма часто убогій пріютъ своего стараго товарища и друга и проводилъ у него вечера, гдѣ вскорѣ составился около него кругъ его лицейскихъ пріятелей, которые любили его горячо и были ему по сердцу. «Передъ этимъ кругомъ», говоритъ П. В. Анненковъ, «Гоголь всегда стоялъ просто, въ обыкновенной своей позиціи, хотя сосредоточенный, нѣсколько скрытный характеръ и наклонность овладѣвать и управлять людьми не оставляла его никогда. Кромѣ жаркой привязанности, которую онъ имѣлъ вообще къ двумъ-трёмъ товарищамъ своего дѣтства, «ближайшимъ людямъ своимъ», какъ онъ ихъ называлъ. Гоголю долженъ былъ нравиться и тотъ откровенный энтузіазмъ, который высказывался тутъ къ тогдашней литературной дѣятельности его, несмотря на совершенно-короткое, нецеремонное обращеніе пріятелей между собою. Въ этомъ кругѣ онъ встрѣчалъ только ласковыя, часто имъ же воодушевлённыя лица и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять отъ себя взоры.» На одинъ изъ такихъ вечеровъ, на которомъ былъ и г. Анненковъ, явился Гоголь въ голубомъ фракѣ съ золочёными пуговицами, съ какого-то обѣда и засталъ тамъ, по обыкновенію, всѣхъ скромныхъ, неизвѣстныхъ своихъ друзей и почитателей, которыми ещё дорожилъ въ то время. Надо замѣтить, что первыя главы «Мёртвыхъ Душъ» были уже имъ написаны и пріятели знали, что онъ собирался прочесть имъ новое своё произведеніе, но приступить къ дѣлу было не легко. «Гоголь», продолжаетъ г. Анненковъ, «какъ ни въ чёмъ не бывало, ходилъ по комнатѣ, добродушно подсмѣивался надъ нѣкоторыми общими знакомыми, а объ чтеніи и по-

мину не было. Даже разъ онъ намекнулъ, что можно отложить засѣданіе, но Прокоповичъ, хорошо знавшій его привычки, вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Онъ подошолъ къ Гоголю сзади, ощупалъ карманы его фрака, вытащилъ оттуда тетрадь почтовой бумаги въ осьмушку, мелко-на-мелко исписанную и сказалъ по-малороссійски, кажется, такъ: «А що се таки у васъ, пане?» Гоголь сердито выхватилъ тетрадку, сѣлъ мрачно на диванъ и тотчасъ же началъ читать, при всеобщемъ молчаніи. Онъ читалъ безъ перерыва до-тѣхъ-поръ, пока истощился весь его голосъ и зарябило въ глазахъ. Мы узнали такимъ образомъ первыя четыре главы «Мёртвыхъ Душъ». Общій смѣхъ мало поразилъ Гоголя, но изъявленіе нелицемѣрнаго восторга, которое видимо было на всѣхъ лицахъ подъ конецъ чтенія, его тронуло. Онъ былъ доволенъ.»

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1840 года Гоголь снова уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до конца слѣдующаго года. На возвратномъ пути въ Россію, онъ только проѣздомъ побывалъ въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ Прокоповичемъ и другими близкими ему людьми и отправился прямо въ Москву — печатать первый томъ «Мёртвыхъ Душъ», представивъ тамъ и рукопись свою на цензурное одобреніе. Встрѣченныя затрудненія побудили Гоголя переслать рукопись въ Петербургъ, причёмъ Прокоповичу, по обыкновенію, поручено было хожденіе и хлопоты по этому дѣлу. И того и другого пришлось на долю ходатая порядочное количество. Съ этого времени возникаетъ у нихъ весьма дѣятельная и интересная переписка, изъ которой видно, какъ много томился и страдалъ Гоголь въ нетерпѣливомъ ожиданіи обратной присылки своей рукописи, отправленной въ Москву для напечатанія, какъ говорили, въ половинѣ марта и получённой авторомъ только въ началѣ апрѣля, и того болѣе, какъ онъ огорчался неодобреніемъ цензурой къ печатанью «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ», которую слѣдовало передѣлать. Подъ вліяніемъ занимавшей его мысли о близкомъ появленіи въ свѣтъ поэмы, Гоголь задумалъ кстати выдать новое изданіе своихъ сочиненій, но уже въ Петербургѣ и притомъ не лично, не подъ своимъ наблюденіемъ, потому-что онъ хотѣлъ, по отпечатаніи «Мёртвыхъ Душъ», уѣхать за границу. Слѣдовательно, нужно было найдти человѣка, кто бы и могъ, и хотѣлъ взять на себя довольно сложную, хлопотливую, но совсѣмъ не блестящую и нисколько не вдохновенную работу — печатанья и изданія чужихъ сочиненій. Гоголь не долго колебался. Кто, кромѣ Прокоповича, чья преданная и нелицемѣрная дружба не знала предѣловъ, могъ согласиться на такое самоотверженіе? И вотъ Гоголь, въ концѣ мая 1842 года, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, видится съ Прокоповичемъ, уговариваетъ его принять на себя изданіе сочиненій его и въ первыхъ числахъ іюня уѣзжаетъ за границу. И вотъ между друзьями скоро возникаетъ *дѣльная* переписка. По поводу этой, хотя сложной, но простой коммиссіи, Гоголь заглядываетъ въ будущее и нѣмѣетъ передъ необычайными наградами, которыя готовятся тамъ за подвигъ, доступный всякому. только-что грамотному и порядочному человѣку. Онъ входитъ въ мельчайшія подробности касательно изданія: распредѣляетъ статьи, назначаетъ время выпуска книгъ и условія книгопродавцамъ, расчиты-

ваетъ выгоды, какихъ можно ожидать отъ предпріятія, и, наконецъ, опредѣляетъ употребленіе будущихъ суммъ. Почта за почтою присылаетъ онъ издателю своему перемѣны, дополненія, прибавки къ разнымъ статьямъ. Однимъ словомъ, ведётъ самую дѣятельную переписку. Привожу здѣсь два отрывка изъ писемъ отъ 27-го іюля и 26-го ноября, въ доказательство того, какого высокаго мнѣнія былъ Гоголь о дарованіи Прокоповича, какъ писателя: «При корректурѣ второго тома, прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ «Тарасѣ Бульбѣ» много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву *и;* гдѣ она не у мѣста, тамъ её выбрось; въ двухъ-трёхъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуста, поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота періодовъ, дай имъ другой и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся — будетъ ли хорошо: всё будетъ хорошо. Насчётъ намѣренія твоего назвать «Свѣтскую сцену» просто «Отрывкомъ» я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее названіе было вставлено такъ только, въ ожиданіи другого.»

Въ августѣ 1843 года печатанье «Сочиненій Гоголя» было приведено къ вожделѣнному концу и одинъ экземпляръ былъ тотчасъ же посланъ автору въ Римъ. Къ сожалѣнію, добросовѣстные труды и хлопоты Прокоповича по изданію не заслужили полнаго одобренія автора, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ издателю, отъ 24-го сентября 1843 года: «Изданіе сочиненій моихъ вышло не въ томъ вполнѣ видѣ, какъ я думалъ и виною, разумѣется, этому — я, не распорядившись аккуратнѣе. Книги, я воображалъ, выйдутъ благородной толщины, а, вмѣсто того, онѣ такія тоненькія. Подлецъ типографщикъ далъ мерзкую бумагу; она такъ тонка, что сквозитъ, и цѣна 25 рублей даже кажется теперь большою, въ сравненіи съ маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежатъ писцу или даже мнѣ. Всё, что отъ издателя — то хорошо, что отъ типографіи, то — мерзко. Буквы тоже подлыя... На меня не сердись за это бремя, можетъ-быть тяжкое. Какъ бы ни тяжело оно было и какъ бы ни потерпѣлъ ты чрезъ это, всё будетъ вознаграждено. У меня всё стоитъ въ счету и какъ я ни бѣденъ теперь, какъ ни немощенъ, но возмогу потомъ много такого, что кажется теперь совсѣмъ невозможно.»

Это было послѣднее письмо Гоголя къ Прокоповичу, по поводу изданія его «Сочиненій». Оно не требуетъ комментаріевъ. *Нравственное перерожденіе* Гоголя начиналось. Затѣмъ, до 1847 года, друзья не переписывались. Въ 1847 и 1848 годахъ Прокоповичъ получилъ отъ Гоголя по письму — и только. Послѣднее письмо Гоголя къ товарищу его юности было изъ Москвы, отъ 29-го марта 1851 года.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ умеръ 1-го іюня 1857 года, послѣ продолжительныхъ страданій чахоткою. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

Прокоповичъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣятелей, которые

въ отведённомъ имъ судьбою тѣсномъ кругѣ дѣйствуютъ честно и благородно, часто сами не замѣчая благодѣтельнаго вліянія, оказываемаго ими на развитіе мысли въ людяхъ, встрѣчающихся имъ на ихъ одинокой дорогѣ. Знавшіе его коротко сохранятъ о нёмъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ способномъ къ самой преданной и безкорыстной дружбѣ, а многія сотни его учениковъ долго не забудутъ своего любимаго учителя, его увлекательную рѣчь и простое, чуждое всякаго педантизма, преподаваніе.

Не смотря на свою несомнѣнную даровитость, Прокоповичъ, какъ мы уже сказали выше, писалъ и печаталъ мало и неохотно и потому не только не пользовался, но и не могъ пользоваться извѣстностью въ публикѣ, какъ поэтъ; и, несмотря на это, въ тѣсномъ кружкѣ его друзей-литераторовъ въ нёмъ чтили талантливаго писателя. Но если публика не знаетъ поэта-Прокоповича, то знаетъ хорошо Прокоповича— друга Гоголя, имѣвшаго на автора «Ревизора» и «Мёртвыхъ Душъ» сильное и благотворное вліяніе въ лучшую пору литературной его дѣятельности, что́ уже одно даётъ ему право на извѣстность.

«Стихотворенія Н. Я Прокоповича» были изданы въ 1858 году въ Петербургѣ, съ приложеніемъ полной его біографіи, составленной Н. В. Гербелемъ и озаглавленной такъ: «Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю».

Н. Гербель.

А. П. Рославскій-Петровскій.

Александръ Петровичъ Рославскій-Петровскій, бывшій, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ректоромъ и ординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, деканомъ историко-филологическаго факультета, докторомъ историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики и членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, родился 9-го апрѣля 1816 года въ селѣ Слабинѣ, лежащемъ близъ Чернигова.

Представляемъ нѣкоторыя болѣе значительныя черты изъ жизни Рославскаго-Петровскаго, заимствованныя изъ его собственныхъ разсказовъ. Въ нихъ читатель мало найдётъ яркаго и кидающагося въ глаза. Здѣсь всё тихо, скромно и просто, какова и вся ученая жизнь почтеннаго профессора-литератора. Вынесши первую любовь къ наукѣ изъ Нѣжинскаго Лицея, онъ ея болѣе не покидалъ и университетъ, который смѣло можетъ его считать однимъ изъ благороднѣйшихъ своихъ собратій, не ослабилъ въ нёмъ этого священнаго огня.

Лишившись рано отца, онъ обязанъ всею своею будущностію заботливости и нѣжной любви матери, которая жертвовала послѣдними средствами небольшого своего состоянія, чтобы дать хорошее воспитаніе единственному сыну и тѣмъ открыть ему возможность сдѣлаться полезнымъ членомъ общества. Подъ ея надзоромъ, мальчика училъ дома одинъ

изъ студентовъ Черниговской семинаріи, а съ 1825 года Рославскій обучался въ Черниговѣ, сначала у преподавателя тамошней гимназіи Негаченко, а потомъ у профессора семинаріи Самчевскаго, который имѣлъ значительное вліяніе на развитіе его способностей и пріохотилъ его къ практическимъ занятіямъ отечественною литературою. Домашнее образованіе Рославскаго шло до-того успѣшно, что отвезённый въ 1828 году матерью въ Нѣжинъ для поступленія въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, онъ принятъ былъ прямо въ 4-й классъ, а по языкамъ въ 3-е отдѣленіе, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ находились ученики гораздо старшаго возраста и высшихъ классовъ, въ томъ числѣ покойный Гребёнка, и гдѣ своими познаніями въ латинскомъ языкѣ онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе профессора Андрущенки, назначившаго Рославскаго *авдиторомъ-авдиторовъ* всего отдѣленія, съ предоставленіемъ ему перваго мѣста на передней скамьѣ. По словамъ самого Рославскаго-Петровскаго, «этотъ суровый преподаватель имѣлъ обыкновеніе, для возбужденія соревнованія въ своихъ слушателяхъ, отъ времени до времени разсаживать ихъ по мѣстамъ, соотвѣтственно степени оказанныхъ ими успѣховъ, причёмъ масштабомъ главнымъ-образомъ служило число ошибокъ, сдѣланныхъ въ письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, происходившихъ ежемѣсячно въ присутствіи профессора». Въ то время, когда Рославскій поступилъ въ Нѣжинскую Гимназію, въ этомъ заведеніи вѣялъ литературный духъ. Воспитанники высшихъ классовъ составляли кружки, гдѣ съ жадностію читалось и подвергалось обсужденію всё, что выходило замѣчательнаго въ стихахъ и прозѣ, и ежегодно представляли, въ видѣ альманаха, рукописный экземпляръ своихъ литературныхъ опытовъ профессору русской словесности Никольскому, человѣку, получившему основательное классическое образованіе, но крайне закоснѣлому въ своей непріязни къ такъ называемому романтизму. Авторъ неизданной дидактической поэмы, въ 24 пѣсняхъ, подъ заглавіемъ: «Умъ и Рокъ» и ревностный почитатель Ломоносова, Державина и въ особенности Хераскова, Никольскій очень не жаловалъ Пушкина. Рославскій припоминаетъ, какъ профессоръ порядкомъ намылилъ голову одному воспитаннику за написанный имъ разборъ только-что вышедшей поэмы Пушкина «Цыгане», совѣтуя критику-панегиристу впередъ не заниматься подобными пустяками; но когда другой ученикъ, товарищъ Рославскаго, пользуясь тѣмъ, что Никольскій не считалъ нужнымъ знакомиться съ произведеніями знаменитаго поэта, выдалъ за своё описаніе весны изъ «Евгенія Онѣгина», стихи эти заслужили полное одобреніе неумолимаго противника романтизма. Гоголь выпущенъ былъ изъ Гимназіи въ самый годъ поступленія въ это заведеніе Рославскаго, но ещё тамъ оставались Кукольникъ, Базили, Гребёнка и другіе, впослѣдствіе извѣстные дѣятели русской литературы. Живя въ такой атмосферѣ, Рославскій, который ещё въ дѣтствѣ мечталъ о славѣ писателя, совершенно увлёкся направленіемъ, господствовавшимъ въ Нѣжинской Гимназіи, и даже пустился въ поэзію, занимаясь частію по особенному уваженію къ Державину и Крылову, а частію по совѣту Никольскаго, преимущественно сочиненіемъ торжественныхъ одъ и басенъ, на которыя много истратилъ бумаги и

изъ которыхъ одна ода въ честь генералъ-фельдмаршала Паскевича, написанная имъ на 13-томъ году, заслужила особенное одобреніе профессора, находившаго её даже достойною напечатанія; но молодой авторъ былъ столько разсудителенъ, что не рѣшился выпустить въ свѣтъ этого сочиненія, также какъ и прочихъ опытовъ своей, на чужой ладъ настроенной музы, которые окончательно привели его къ убѣжденію, что онъ не рожденъ поэтомъ и — *Парнасъ гора для него недоступна*. Мало-по-малу онъ охладѣлъ къ поэзіи и въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Гимназіи вовсе не писалъ стиховъ.

Въ 1832 году Гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко была переименована въ Лицей и подверглась преобразованію, усвоивавшему этому заведенію спеціальный характеръ, между-тѣмъ какъ прежде тамъ давалось энциклопедическое образованіе. Вскорѣ послѣ этой перемѣны Рославскій выбылъ изъ Лицея и въ 1834 году опредѣлился въ Харьковскій университетъ въ число студентовъ словеснаго отдѣленія, гдѣ, между-прочимъ, слушалъ энциклопедію филологіи, римскія древности и объясненіе римскихъ писателей у Кронеберга. Вниманію декана факультета. профессора русской исторіи и извѣстнаго малороссійскаго поэта, Артемовскаго-Гулака, Рославскій обязанъ тѣмъ, что, по окончаніи въ 1837 году курса наукъ съ степенью кандидата, онъ получилъ отъ университетскаго начальства лестное приглашеніе занять мѣсто преподавателя въ университетѣ и, по выдержаніи испытанія на степень магистра историческихъ наукъ, въ 1839 году 14-го іюля назначенъ адъюнктомъ въ 1-е отдѣленіе философскаго факультета для преподаванія статистики.

Въ то время когда Рославскій началъ своё поприще, старыя понятія о наукѣ были ещё во всей силѣ и новѣйшая статистическая литература, можно сказать, почти не существовала. При такихъ обстоятельствахъ, сознавая неудовлетворительность господствующаго воззрѣнія на статистику и желая проложить новый путь къ воздѣлыванію ея, преподаватель долженъ былъ болѣе всего заботиться о логической послѣдовательности и ясности изложенія и принять за точку опоры такой пунктъ, въ которомъ сходились бы мнѣнія учоныхъ. Такимъ пунктомъ представилась ему цѣль изученія статистики, откуда выведена неудовлетворительность общепринятаго способа обработыванія статистики и начертана новая теорія ея, написанная преимущественно подъ вліяніемъ незадолго передъ тѣмъ появившагося сочиненія Кетле: «*Sur l'homme et le developpement de ses facultés*», которое встрѣчено было Рославскимъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Сверхъ теоріи науки и общей сравнительной статистики европейскихъ государствъ, онъ излагалъ своимъ слушателямъ спеціальные курсы статистики Россіи, Франціи и Англіи, съ цѣлью представить имъ образцы статистическихъ монографій. Въ 1841 году, по представленію графа Ю. А. Головкина, преподаваніе статистики въ Харьковскомъ университетѣ отдѣлено было отъ каѳедры политической экономіи — и Рославскій назначенъ былъ исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора первой изъ этихъ наукъ, а въ 1845 году, вслѣдствіе избранія и ходатайства Совѣта, перешолъ на каѳедру всеобщей исторіи, осиротѣвшую въ Харьковскомъ университетѣ по смерти

одного изъ достойнѣйшихъ членовъ его, ординарнаго профессора М. М. Лунина, къ сожалѣнію слишкомъ рано окончившаго своё полезное поприще.

Между-тѣмъ Рославскій въ 1845 году окончилъ начатое имъ испытаніе на степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики; въ февралѣ 1846 года Императорское Географическое Общество избрало его въ свои члены-сотрудники; въ томъ же году, 21-го марта, онъ утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а спустя шесть мѣсяцевъ повышенъ въ званіе ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ. Хотя, такимъ-образомъ, главнымъ предметомъ учено-служебной его дѣятельности сдѣлалась всеобщая исторія, но Рославскій, по распоряженію факультета, продолжалъ и преподаваніе статистики, которое въ 1850 году, согласно программѣ, предписанной министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, ограничивалось общими предварительными понятіями о наукѣ и изложеніемъ экономической статистики Россіи. Сверхъ-того, въ теченіи второго семестра $18^{49}/_{50}$ академическаго года, онъ, за отсутствіемъ профессора, читалъ политическую экономію, а въ декабрѣ 1844 года получилъ порученіе руководить практическими занятіями студентовъ Педагогическаго Института по части исторіи и ея вспомогательныхъ наукъ, что и было исполняемо имъ до открытія въ Харьковскомъ университетѣ особой каѳедры педагогіи въ началѣ $185^{2}/_{3}$ академическаго года. Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ историческихъ лекцій Рославскаго. Имѣя въ виду, что всеобщая исторія обладаетъ весьма богатою литературой, которой посвящали свою дѣятельность многіе отличные умы нашего и прежнихъ временъ, Рославскій не считалъ нужнымъ предлагать своимъ слушателямъ собственныя изслѣдованія и выработывать новые взгляды, но постоянно заботился о томъ, чтобы передать имъ въ строгой систематической формѣ и съ юридическою точностію, избѣгая многословія, результаты, добытые другими и получившіе уже право гражданства въ наукѣ, а также обращалъ вниманіе на полноту содержанія излагаемаго имъ предмета, для чего, независимо отъ изложенія политической исторіи, посвящалъ значительную часть своихъ лекцій внутренней исторіи, изученію духовной жизни народовъ, какъ она отразилась въ ихъ религіи, государственномъ устройствѣ, въ наукѣ и искусствѣ, въ промышленной и частной жизни. Вообще о направленіи его дѣятельности, какъ преподавателя исторіи, можетъ дать довольно вѣрное понятіе изданный имъ въ 1851 году конспектъ, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе исторіи древняго міра», о которомъ отозвались съ весьма выгодной стороны извѣстные наши ученые, профессоры Лоренцъ и покойный Грановскій, и который, при появленіи его, былъ встрѣченъ съ живымъ сочувствіемъ тогдашнимъ преподавателемъ исторіи въ Московскомъ Университетѣ Ешевскимъ, помѣстившимъ на 1-й выпускъ сочиненія Рославскаго довольно пространную рецензію въ 125 № «Московскихъ Вѣдомостей» за 1851 годъ.

Александръ Петровичъ Рославскій-Петровскій скончался, послѣ продолжительной болѣзни, 9-го апрѣля 1876 года въ Харьковѣ, гдѣ и похороненъ.

Г. Даниловскій.

Л. П. Рудановскій.

Леонидъ Платоновичъ Рудановскій, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ, родился 21-го ноября 1814 года въ Нѣжинѣ, умеръ 20-го августа 1877 года въ Маріенбадѣ, въ Богеміи, а погребёнъ въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда. Отецъ Леонида Платоновича, Платонъ Осиповичъ, былъ человѣкъ образованный, окончившій курсъ Харьковскаго университета. Женившись по любви, вслѣдъ за окончаніемъ курса университетскаго, онъ назначенъ былъ учителемъ Нѣжинскаго уѣзднаго училища, отъ чего онъ не могъ отказаться, потому-что былъ въ университетѣ казённокошнымъ студентомъ. Служба въ Нѣжинѣ представляла для него только тотъ интересъ, что въ этомъ городѣ жили тогда родные его жены. Чтобы судить о способностяхъ Платона Осиповича, нужно знать, что, безъ всякой протекціи, онъ получилъ, прямо изъ уѣзднаго училища, мѣсто инспектора гимназіи, которое предоставлялось тогда старѣйшимъ и опытнѣйшимъ учителямъ гимназіи. Обладая обширными, разносторонними познаніями и будучи педагогомъ, онъ, заброшенный въ затишье Нѣжина, приложилъ всѣ свои знанія и усилія къ образованію сына, съ которымъ онъ самъ сначала занимался, а впослѣдствіи всегда слѣдилъ за его образованіемъ и воспитаніемъ. Богато надѣлённая натура Леонида Платоновича представляла для этого прекрасный матеріалъ. Чуть ли не пяти лѣтъ — мальчикъ уже хорошо читалъ и писалъ. Разсказы отца развили въ ребёнкѣ любознательность и охоту къ чтенію въ тѣ лѣта, когда дѣти думаютъ объ игрушкахъ, такъ-что серьёзность рѣзко отличала этого ребёнка отъ другихъ его сверстниковъ. Собственно ребёнкомъ, съ дѣтскими шалостями и играми, Рудановскій никогда не былъ. Всё, что находилось въ нѣсколькихъ сундукахъ и шкапахъ разнородныхъ книгъ отца, было имъ прочитано съ жадностію и усвоено, сколько позволяли ребяческія способности. Отецъ Рудановскій былъ филологъ и большая часть книгъ его библіотеки была историческаго содержанія. Болѣе всего производили на него впечатлѣнія жизнеописанія героевъ Греціи и Рима. Разсказы о ихъ дѣяніяхъ дѣйствовали такъ обаятельно, что судьба мальчика тогда уже была рѣшена, и онъ уже воображалъ себя и римляниномъ и воиномъ. Приготовленный впослѣдствіи почти исключительно своею матерью, жившею съ семействомъ въ Мринѣ, въ то время, какъ отецъ служилъ въ Нѣжинѣ, Рудановскій вступилъ въ 1826 году въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, въ четвёртый классъ. Онъ усвоивалъ съ чрезвычайной лёгкостію всё, что ему преподавали, и до-того былъ выше познаніями всѣхъ прочихъ своихъ товарищей, хотя и старшихъ его лѣтами, что, когда однажды профессоръ римскаго права спросилъ учениковъ четвёртаго курса — читалъ ли кто изъ нихъ бесѣды Марка Аврелія, то одинъ только Рудановскій могъ отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ. Пребываніе Леонида Платоновича въ гимназіи осталось ему въ особенности памятно удаленіемъ профессоровъ Шаполинскаго, Андрущенко.

Бѣлоусова и Ландражина, людей даровитыхъ и любимыхъ студентами. Пройдя съ отличіемъ полный гимназическій курсъ, Рудановскій былъ выпущенъ въ іюлѣ 1832 года кандидатомъ, съ правомъ на чинъ XII класса. Отецъ Рудановскаго желалъ, чтобы оба сына его служили въ статской службѣ, поэтому старшій въ августѣ 1833 года, утвержденный въ чинѣ губернскаго секретаря, поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ. Но гражданская служба не сходствовала съ природнымъ призваніемъ Рудановскаго и онъ, говоря собственными его словами, *скоро сдѣлался непокорнымъ сыномъ*. Въ Петербургѣ не доставало ему ни физической дѣятельности, ни простора силамъ. Онъ заболѣлъ и возвратился домой. Разстройство его здоровья продолжалось ровно до 1-го ноября 1834 года, когда онъ перемѣнилъ статскую одежду на военную и былъ уже унтеръ-офицеромъ Якутскаго пѣхотнаго полка, на правахъ, предоставленныхъ студентамъ университетовъ; затѣмъ 17-го сентября слѣдующаго 1835 года, онъ былъ произведёнъ въ прапорщики, а вслѣдъ за тѣмъ назначенъ баталіоннымъ адъютантомъ, баталіона того же полка. По производствѣ въ 1838 году въ подпоручики, Рудановскій отчислился отъ полка для изученія высшихъ военныхъ наукъ, въ Императорскую Военную Академію, по окончаніи курса которой причисленъ былъ къ генеральному штабу съ назначеніемъ на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ, куда и прибылъ въ февралѣ 1842 года, а въ ноябрѣ того же года переведёнъ въ генеральный штабъ.

Въ 1843 году Рудановскій сдѣлалъ первую экспедицію. Откомандированный въ распоряженіе начальника праваго фланга Кавказской линіи, онъ находился весною въ погонѣ за партіею, разбитою у станицы Бекешевской, а потомъ при постройкѣ укрѣпленія Надеждинскаго и участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ и перестрѣлкахъ этого отряда.

Въ экспедиціи слѣдующаго года, Рудановскій, произведённый въ штабсъ-капитаны, находился въ Самурскомъ отрядѣ и 9-го іюня оказалъ первое своё военное отличіе, за которое награждёнъ чиномъ капитана. Онъ принималъ личное дѣятельное участіе въ атакѣ праваго непріятельскаго фланга, въ завладѣніи высотами Даккуль-Бярскаго хребта и въ преслѣдованіи бѣжавшихъ горцевъ до селенія Ницы. Возвратившись изъ этой экспедиціи, Рудановскій, кромѣ Высочайшаго благоволенія и чина капитана, получилъ орденъ св. Анны третьей степени съ бантомъ.

Повышеніе Рудановскаго подвигалось очень быстро. Въ 1845 году, за отличіе, оказанное въ экспедиціи того года, онъ произведёнъ былъ въ подполковники и пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

21-го февраля слѣдующаго 1847 года, чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ окончанія экспедиціи 1846 года, Рудановскій удостоился новой Высочайшей награды: за взятіе штурмомъ заваловъ на хребтѣ Тлія, 25-го іюля 1846 года, пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны второй степени. Этотъ подвигъ Рудановскаго былъ послѣдній во время его дагестанской службы. Назначенный состоять при штабѣ войскъ Кавказской линіи и Черноморія, онъ пробылъ тамъ до ноября 1847 года, когда опять былъ

назначенъ состоять при штабѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и, вслѣдъ за тѣмъ, дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 20-й пѣхотной дивизіи. Экспедиція 1848 года доставила Рудановскому золотую шпагу—съ надписью: «за храбрость». 20-го марта 1849 года онъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ войскъ Кавказской линіи и Черноморія. Затѣмъ, за отличіе въ зимней экспедиціи 1850 года произведёнъ 3-го іюня въ полковники, за экспедицію 1851 года пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ короною, за экспедицію 1852 года—св. Владиміра 3-й степени, а за экспедицію 1853 года — св. Георгія 4-й степени.

1855 года, 8-го мая, открылась новая карьера для дѣятельности и военныхъ способностей Леонида Платоновича. По приказанію главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Муравьёва, онъ былъ командированъ въ должность оберъ-квартирмейстера дѣйствующаго корпуса на Кавказско-турецкой границѣ, на которой сосредоточивались тогда главныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ турокъ. 3-го іюня полковникъ Рудановскій уже участвовалъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ нашего авангарда подъ стѣнами Карса, а 28-го іюня произвёлъ рекогносцировку части карскихъ укрѣпленій, лежащихъ на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая. 17-го сентября назначенъ былъ штурмъ Карса, на которомъ Рудановскому предстояло оказать новое отличіе, запечатлённое раною, неизбѣжною случайностію всякой войны, особенно азіатской и кавказской, отъ которой онъ до-тѣхъ-поръ счастливо былъ хранимъ, не смотря на постоянное своё пребываніе среди самыхъ жаркихъ и упорныхъ схватокъ. 16-го числа, въ одиннадцать часовъ вечера, выступилъ онъ изъ лагеря, при селеньи Томри и къ двѣнадцати часамъ былъ у подошвы Шарахскихъ высотъ, гдѣ оставался до четырёхъ съ половиною часовъ утра 17-го числа — времени назначеннаго главнокомандующимъ для общей атаки. Находясь въ колоннѣ генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, Рудановскій двинулся съ нею въ атаку противъ части турецкихъ войскъ, расположенныхъ на Шарахскихъ высотахъ и другихъ ближайшихъ къ нимъ укрѣпленіяхъ. Непріятель встрѣтилъ колонны сперва ядрами и гранатами, а потомъ картечью, къ которой въ то же время присоединился огонь штуцерный и ружейный. Не смотря на то, колонна генералъ-лейтенанта Ковалевскаго достигла куртины, связывающей два фланговыя укрѣпленія и, предшествуемая своими офицерами, бросилась на приступъ, но была отбита и сброшена въ ровъ. Баталіоны продолжали держаться во рву, поражаемые ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ и камнями, бросаемыми турками чрезъ валъ. Здѣсь-то былъ раненъ смертельно генералъ-лейтенантъ Ковалевскій, а также убиты или ранены большая часть штабъ-и оберъ-офицеровъ Виленскаго и Бѣлёвскаго полковъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Рудановскій, шедшій на штурмъ Карскихъ высотъ, какъ простой солдатъ. Послѣ первой перевязки раны, произведённой осколкомъ гранаты въ ступню лѣвой ноги, съ поврежденіемъ костей, онъ сѣлъ снова на лошадь и не оставлялъ мѣста дѣйствія до-тѣхъ-поръ, пока позволяли ему силы. Пролежавъ четыре недѣли въ Александропольскомъ госпиталѣ, Рудановскій поѣхалъ въ Тифлисъ въ самомъ разстроенномъ состояніи здоровья. Пробывъ нѣсколько вре-

мени во Владикавказѣ и Ставрополѣ, пока закрылась его рана, въ маѣ 1856 года Рудановскій опять явился на службу и принялъ команду надъ отрядомъ, назначеннымъ для укрѣпленія Анапы. За сраженіе предъ Карсомъ Рудановскій пожалованъ былъ 21-го марта 1856 года въ чинъ генералъ-маіора и съ оставленіемъ въ должности оберъ-квартирмейстера, а за укрѣпленіе Анапы — кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й степени. Затѣмъ, апрѣля 8-го 1856 года онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, 16-го августа того же года — начальникомъ штаба войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи, а въ 1858 году — помощникомъ командующаго войсками праваго крыла Кавказской линіи.

Въ 1856—57 годахъ генералъ Рудановскій принималъ дѣятельное участіе въ зимней экспедиціи въ Большой Чечнѣ и въ штурмѣ аула Османъ-Юртъ, за что пожалованъ орденомъ св. Анны 1-ой степени съ мечами. Въ 1858 году онъ участвовалъ въ занятіи нашимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Евдокимова, важнаго для нашего спокойствія Аргунскаго ущелья. Въ этой экспедиціи Рудановскій, командуя лѣвою колонною (пятью батальонами пѣхоты, четырьмя орудіями и сотнею козаковъ) отправленъ былъ по правому берегу Шаро-Аргута, чрезъ Измаилъ-Юртъ, лѣвѣе Дутена, на хребетъ Шимберды, чтобы угрожать непріятелю обходомъ, въ случаѣ, еслибъ онъ рѣшился держаться въ Дутенѣ. Эта экспедиція доставила Рудановскому орденъ св. Анны 1-ой степени съ короною и мечами.

Послѣднимъ военнымъ подвигомъ генерала Рудановскаго въ 1858 года была постройка и укрѣпленіе Майкопа, штабъ-квартиры Кубанскаго пѣхотнаго полка, занятаго нами въ 1857 году, и блистательное участіе въ осенней экспедиціи того года. Преодолѣвая всевозможныя затрудненія, онъ, съ апрѣля по ноябрь мѣсяцы, окончилъ всѣ работы въ Майкопѣ и тѣмъ далъ возможность помѣстить тамъ на зиму, подъ надежной кровлей, четыре баталіона, съ частію конницы и артиллеріи. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ въ осенній походъ и окончилъ его въ теченіи того же ноября мѣсяца взятіемъ и истребленіемъ укрѣплённаго Баракаевскаго аула, съ незначительной для насъ потерею. Вотъ офиціальное донесеніе объ этомъ походѣ:

«Майкопскій отрядъ (7 батальоновъ пѣхоты, 5 сотень козаковъ, 12 орудій, ракетная команда и милиція), подъ начальствомъ генерала Рудановскаго, выступилъ 8-го ноября и, наступая вдоль сѣверной опушки лѣса, покрывающаго скаты Кавказскаго хребта, до 13-го числа того же мѣсяца прорубилъ просѣку чрезъ лѣсъ, раскинутый по теченію рѣки Уля, и разработалъ спуски по рѣкамъ Серале, Фарсъ и Кхатль. При фуражировкѣ 12-го числа была небольшая перестрѣлка съ Махошевцами. 18-го ноября генералъ-маіоръ Рудановскій оставилъ вагенбургъ подъ прикрытіемъ 2-хъ батальоновъ Кубанскаго полка съ частію козаковъ и артиллеріи, а съ остальными войсками двинулся черезъ рѣчки Фарсъ и Псефиръ къ балкѣ Джагіако (дубовой), вдоль которой идётъ дорога къ средней Лабѣ, и приступилъ къ рубкѣ просѣки. Во время движенія впередъ, 13-го ноября, майкопскаго отряда, оставленный имъ позади Вагенбургъ

привлёкъ къ себѣ хищнаго непріятеля: значительныя конныя и пѣшія партіи Махошевцевъ, пользуясь лѣсистою мѣстностію, завязали перестрѣлку съ Вагенбургомъ и даже пробовали бросаться въ шашки, но огонь артиллеріи и стрѣлковъ удачно останавливалъ ихъ покушенія.

«14-го и 15-го продолжалась рубка лѣса, а 16-го предпринята усилённая рекогносцировка береговъ Фарса, вверхъ по его теченію. Войска, слѣдуя по лѣвому берегу рѣки, переправились чрезъ двѣ глубокія, покрытыя сплошнымъ лѣсомъ, балки Пшехоко и достигли урочища Шезоно; но какъ цѣль дѣйствія отряда состояла въ отдѣленіи просѣками и устройствѣ дорогъ лѣсной и горной полосы отъ плоскости, то генералъ-маіоръ Рудановскій, не находя надобности вдаваться въ глубину лѣса, ограничился только занятіемъ опушки его для осмотра мѣстности, при чёмъ лёгкая колонна, подъ начальствомъ подполковника Есакова, овладѣла двумя завалами, устроенными горцами при входѣ въ лѣсъ. При обратномъ движеніи пѣхоты, непріятель горячо преслѣдовалъ арріергардъ.

«17-го числа предпринято обратное движеніе къ укрѣпленію Майкопскому. Продолжая уничтожать непріятельскіе запасы и расчищать лѣсъ, отрядъ направился на рѣку Первый Кхатль, обходной дорогой, дабы миновать глубокія балки лѣваго берега Фарса. 18-го и 19-го, переправясь чрезъ рѣчку Уль и Сарале, войска достигли Длиннаго лѣса и приступили къ разработкѣ просѣки по направленію къ Майкопу. 30-го числа просѣка была окончена и теперь Длинный Лѣсъ, разобщённый ею отъ остального лѣсистаго пространства, находится совершенно въ рукахъ Майкопскаго гарнизона, который можетъ уже безъ потерь добывать въ нёмъ строевой лѣсъ, необходимый для построекъ.

«Во время этихъ работъ непріятель внимательно слѣдилъ за нашими дѣйствіями. Жители аула Аганъ-Шукой, въ направленіи котораго разрабатывалась главная просѣка Длиннаго Лѣса, покинули свои жилища и перебрались въ верховья рѣки Серале. Оставался въ близкомъ отъ мѣста работъ только одинъ аулъ, населённый выходцами баракаевскаго племени, лежащій въ лѣсистой, почти неприступной балкѣ и защищённый рядомъ заваловъ. Находя вреднымъ оставлять нетронутымъ этотъ враждебный намъ аулъ, находящійся въ близкомъ разстояніи отъ сообщенія укрѣпленія Майкопскаго съ Лабою, генералъ-маіоръ Рудановскій движеніемъ къ Майкопу обманулъ бдительность непріятеля, 1-го декабря неожиданно повернулъ къ аулу и ворвался въ него тремя колоннами съ разныхъ сторонъ. Горцы узнали о нападеніи только тогда, когда аулъ былъ объятъ пламенемъ. При уничтоженіи этого аула истреблены большіе запасы хлѣба и сѣна, а множество имущества и скота досталось въ добычу солдатамъ. По распространившейся тревогѣ, жители окрестныхъ ауловъ большими массами стали стекаться къ нашей колоннѣ и съ запальчивостію бросались неоднократно въ атаку, но стрѣлки штыками успѣшно отражали ихъ нападенія, тѣмъ не менѣе, ожесточеніе горцевъ было такъ велико, что отрядъ до самаго выхода на открытую мѣстность, за рѣку Шонтахъ, долженъ былъ имѣть орудія приготовленными къ бою.

«2-го декабря войска распущены по зимнимъ квартирамъ".

Въ 1859 году Рудановскій былъ начальникомъ войскъ Майкопскаго и Бѣлорѣченскаго отрядовъ, а также Люблинскаго, которымъ командовалъ и въ 1860 году. Въ теченіи этого времени участвовалъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: при овладѣніи непріятельскимъ стадомъ при рѣкѣ Куршинсѣ — въ верховьи рѣкъ Фарса и Псефира, на урочищѣ Хамкеты, имѣвшихъ послѣдствіемъ покореніе Абадзеховъ и въ долинѣ рѣкѣ Бѣлой. Съ весны 1860 года были наступательныя дѣйствія Шапсугскаго главнаго отряда, которымъ командовалъ Рудановскій и участвовалъ лично въ слѣдующихъ дѣлахъ: при передвиженіи отряда съ Кубани на рѣки Иль; между рѣкою Иль и Азипсомъ, при штурмѣ аула Кобаницъ, при рубкѣ просѣки около рѣкѣ Убинѣ и при рубкѣ просѣки по Анапской дорогѣ; при занятіи переправы чрезъ рѣку Шебшъ; при рѣкѣ Афипсѣ, при уничтоженіи ауловъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Этогу-Охо, а также при уничтоженіи ауловъ Тей-Мизъ-Хабль и при истребленіи двухъ большихъ ауловъ въ ущельи Догай.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года занятія Рудановскаго состояли въ начальствованіи главнымъ Шапшугскимъ отрядомъ, въ возведеніи Григорьевскаго укрѣпленія и постройкѣ мостовъ на рѣкѣ Шебшѣ, но въ то же время Рудановскій не упускалъ случая наносить вредъ окрестному непріятельскому населенію раззореніемъ ауловъ и истребленіемъ запасовъ. Изъ обзора военныхъ дѣйствій Л. П., изложенныхъ въ газетѣ «Кавказъ» за 1860 годъ № 77, видно, что, при весьма незначительной потерѣ съ нашей стороны, раззорено много ауловъ и при этомъ взято было нашими войсками много скота и сѣна. Послѣднее почти всегда уничтожалось, такъ-какъ при постоянномъ передвиженіи держать большіе запасы сѣна представлялось невозможнымъ. Изъ отчёта, изложеннаго въ этой газетѣ, видно, что съ 21-го по 24-е сентября Рудановскимъ раззорено 38 ауловъ большихъ, множество малыхъ; взято 902 штуки крупнаго скота и много сѣна, а всё ущелье рѣки Азипса очищено отъ непріятеля.

Въ этомъ же 1860 году Л. П. произведёнъ былъ въ генералъ-лейтенанты, но, вслѣдствіе несходства во взглядахъ съ нѣкоторыми служащими, принужденъ былъ оставить Кавказъ. Въ 1861 году былъ назначенъ въ распоряженіе главнокомандующаго 1-ой арміей, по распоряженію котораго назначенъ въ томъ же году Военнымъ Начальникомъ Августовской губерніи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ новое назначеніе — начальника 8-ой пѣхотной дивизіи.

Во время польскаго возстанія, съ января 1863 года по ноябрь мѣсяцъ того же года, командовалъ сначала Владиміро-Волынскимъ, а потомъ Кременецкимъ отрядомъ. При чрезвычайно самостоятельномъ взглядѣ на вещи, Рудановскій былъ мало уступчивъ, что весьма мѣшало его служебному успѣху и обязывало иногда оставлять временно служебныя занятія, что и было въ настоящемъ случаѣ. Въ 1863 году онъ отчисленъ былъ отъ должности и уволенъ въ отпускъ на 11 мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ по запаснымъ войскамъ. Впрочемъ такой отдыхъ былъ и необходимъ ему, такъ-какъ многолѣтняя боевая служба разстроила его здоровье. По возвращеніи изъ отпуска, въ декабрѣ 1864 году, онъ былъ назначенъ начальникомъ 29-й пѣхотной дивизіи.

Служба внутри Россіи доставила Леониду Павловичу нѣсколько наградъ, а именно: въ 1863 году аренда въ 2 тысячи рублей въ годъ, на 12 лѣтъ; въ 1864 полученъ орденъ св. Владиміра 2-й степени; въ 1866 — Бѣлаго Орла, а въ 1868 — пожалована ему табакерка, осыпанная брилліантами съ портретомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II-го. Послѣднею должностію и вообще службою въ Россіи Рудановскій не былъ доволенъ, что, при его разстроенномъ здоровьи, весьма дурно на нёмъ отзывалось. Вслѣдствіе этого, при одномъ изъ свиданій съ Военнымъ Министромъ, онъ просилъ отчислить его отъ послѣдней должности, предоставивъ ему занятія, которыя бы потребовали болѣе энергіи, нежели должность начальника дивизіи. Просьба его была уважена и 25-го марта 1869 года онъ былъ отчисленъ отъ должности начальника 29-й дивизіи, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ и съ назначеніемъ кандидатомъ на должность коменданта, какъ сказано въ увѣдомленіи, присланномъ отъ Военнаго Министра. Этимъ и заканчивается служебная его дѣятельность.

Желая дѣятельныхъ занятій, Рудановскій находилъ неподходящею для него и должность коменданта, а потому, когда здоровье поправилось, просилъ Военнаго Министра имѣть его въ виду для другой дѣятельности. Мы приведёмъ, по возможности, подлинныя слова Рудановскаго изъ письма его къ Военному Министру по этому поводу, такъ-какъ оно характеризуетъ его личность Письмо было написано чрезъ годъ или полтора послѣ отчисленія его отъ должности начальника 29-й дивизіи. Вотъ содержаніе этого письма: «При отчисленіи отъ должности начальника 29-й дивизіи было объявлено, что меня имѣютъ въ виду для должности коменданта. Безъ сомнѣнія, это вниманіе ко мнѣ послѣдовало вслѣдствіе моего разстроеннаго здоровья. Теперь здоровье моё поправилось и я долженъ сказать, что должность коменданта не подходитъ ко мнѣ ни по натурѣ, ни по образованію, ни по прежней моей службѣ. Если прежде здоровье моё разстроилось, то вслѣдствіе неподходящихъ служебныхъ занятій. Служба для общества была всегда для меня цѣлью жизни, а теперь — лучшее лѣкарство. Ни частная жизнь, ни матеріальныя выгоды, никогда не имѣли для меня значенія. Въ своё время я окончилъ два высшія учебныя заведенія, а своей дѣятельностію не имѣлъ случая доказать неспособность къ службѣ. Ещё на Кавказѣ я командовалъ отрядами, которые состояли изъ разнаго рода войскъ и превосходили составъ дивизіи. Вслѣдствіе этого имѣю честь ходатайствовать предъ В. В.-П-омъ о предоставленіи мнѣ занятій дѣятельныхъ, которыя требовали бы болѣе энергіи, чѣмъ должность коменданта. О покоѣ я не хлопочу, потому-что меня интересуетъ живое дѣло, а не спокойствіе. О средствахъ также не заботусь, потому что привыкъ ограничиваться всегда самымъ необходимымъ.» Письмо это осталось безъ отвѣта и это угнетающимъ образомъ подѣйствовало на состояніе здоровья Рудановскаго. Онъ сдѣлался весьма раздражителенъ, упалъ духомъ и началъ хандрить. Всё это окончательно разстроило здоровье его, которое дошло наконецъ до того, что лѣтомъ 1874 года его поразилъ нервный ударъ, который почти парализовалъ ему ноги. Съ этого времени

онъ почти лишился движенія, а чрезъ полгода совершенно принуждёнъ былъ лечь въ постель и такимъ образомъ прошла вся остальная его жизнь. Чтобы судить о тяжести физическаго состоянія Леонида Павловича нужно знать, что руки его были тоже почти парализованы и только голова осталась совершенно свѣжею. Единственнымъ развлеченіемъ его въ это время было чтеніе. Читалъ онъ очень много. Чтеніе было и прежде любимымъ его занятіемъ, но въ такомъ состояніи онъ въ послѣднее время дошолъ до того, что дочитался до отвращенія отъ книгъ. Тяжолое нравственное состояніе, съ большимъ страданіемъ физическимъ, сдѣлали жизнь для него невыносимо тяжелой пыткой, отъ которой онъ желалъ скорѣе освободиться.

Съ оставленіемъ должности начальника 29-й дивизіи, Рудановскій поселился въ своёмъ родовомъ имѣніи, мѣстечкѣ Мринѣ, а потомъ въ Нѣжинѣ, гдѣ жилъ съ матерью, сестрою и племянникомъ, а со смерти матери съ двумя послѣдними. Эти родные не оставляли его до самой смерти, а сестра была постоянно около его кровати сидѣлкою и сестрою милосердія.

Для поправленія здоровья Леонидъ Павловичъ ѣздилъ два раза заграницу и во время втораго своего путешествія умеръ въ Маріенбадѣ, откуда перевезёнъ племянникомъ въ родовое своё имѣніе въ Мринъ, гдѣ и погребёнъ 1-го сентября 1877 года на фамильномъ кладбищѣ.

Характеризуя характеръ Рудановскій какъ общественнаго дѣятеля, нужно сказать, что онъ былъ прежде всего человѣкъ съ замѣчательнымъ образованіемъ, обладалъ большою начитанностію, способностями и прекрасною памятью. Онъ владѣлъ прекрасно французскимъ языкомъ, читалъ по-нѣмецки, по-латыни и зналъ нѣсколько греческій языкъ. Всѣ энциклопедисты и философы XVIII и начала XIX вѣковъ были извѣстны ему въ подлинникахъ, а произведенія русскихъ поэтовъ и нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ, напримѣръ: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Байрона и другихъ онъ зналъ наизусть. Всѣ, кто хоть разъ видѣлъ его въ обществѣ, въ хорошемъ настроеніи духа, не могъ забыть его бойкой, умной рѣчи, которая, такъ сказать, переливалась изреченіями поэтовъ и великихъ людей. Съ нѣкоторою ѣдкостью въ рѣчи онъ соединялъ замѣчательное умѣнье анализировать всякій серіозный предметъ разговора, о которомъ шла рѣчь. Воспитанный отцомъ въ греко-римскихъ воззрѣніяхъ, онъ считалъ человѣка слугою общества, обязаннаго всегда и всѣмъ жертвовать для общественныхъ цѣлей; вся его жизнь была осуществленіемъ этого начала. Онъ всегда имѣлъ цѣлью ратовать за правду, полагая, что истинная жизнь человѣка состоитъ въ исполненіи своего долга, какъ члена общества. По его мнѣнію, нужно только всегда быть хорошимъ человѣкомъ, меньше думать о себѣ и быть всегда готовымъ помочь обществу, а это правило внушитъ каждому, что нужно дѣлать для блага общества. Во взаимномъ исполненіи каждымъ общественныхъ цѣлей онъ видѣлъ гармонію жизни и обезпеченность самостоятельной жизни каждаго человѣка, потому-что при взаимномъ стремленіи каждаго на общую пользу и интересы отдѣльнаго лица будутъ совершенно обезпечены. Исходя изъ этой мысли, онъ полагалъ, что хорошее воспитаніе — пер-

вѣйшая задача общества. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи гражданскаго развитія, онъ находилъ, что наше общество представляется мало образованнымъ, такъ-что человѣку, обладающему свойствами гражданина въ настоящее время, приходится испытывать много непріятностей. Разочарованіе по этому поводу у него доходило до того, что, въ минуты тяжолаго физическаго и нравственнаго страданія, онъ часто повторялъ извѣстное изрѣченіе одного современнаго писателя, что излишнее стремленіе къ истинѣ въ настоящее время разъѣдаетъ жизнь человѣка и есть страшный недугъ, сильно казнящій того, кто воспиталъ его въ груди своей. Впрочемъ, это изреченіе было скорѣе стономъ больнаго человѣка, чѣмъ философская истина. На самомъ дѣлѣ Рудановскій старался всегда близкимъ ему молодымъ людямъ указывать цѣли истиннаго пути жизни и всегда съ омерзеніемъ относился къ неправдѣ и къ различнымъ анти-общественнымъ цѣлямъ. Всякая, даже малѣйшая неправда его раздражала до того, что онъ дѣлался совершенно больнымъ. Вслѣдствіе этого-то раздраженія у него и образовалось сильное разстройство нервъ, окончившееся параличёмъ.

Какъ военный человѣкъ, по отзывамъ спеціалистовъ, Леонидъ Павловичъ былъ прекраснымъ стратегикомъ. Исполняя очень долго обязанность офицера Генеральнаго Штаба, онъ отличался пылкостью, быстротою соображенія, рѣдкою храбростію и переносилъ всѣ трудности похода съ замѣчательною выносливостью, всегда думая прежде всего о солдатѣ, о своей лошади, а потомъ уже о себѣ. Всѣ лучшіе люди прошлаго царствованія, занимавшіе важныя государственныя должности, какъ генералъ К. Ц. фонъ-Кауфманъ, князь А. М. Дундуковъ-Корсаковъ, генералъ Г. И. Филипсонъ и другіе находились всегда съ Леонидомъ Павловичемъ въ хорошихъ отношеніяхъ и относились къ нему съ уваженіемъ.

Будучи всецѣло преданъ интересамъ общества, Рудановскій требовалъ того же и отъ другихъ: всякое виляніе, желаніе воспользоваться на чужой счётъ и вообще отсутствіе въ человѣкѣ гражданскаго долга имъ строго преслѣдовалось. При этомъ онъ, не стѣсняясь выраженіями и лицами, всегда и вездѣ въ рѣзкой формѣ, открыто высказывалъ своё сужденіе. Такое отношеніе къ людямъ очень вредно отзывалось въ его жизни и особенно дурно вліяло на его служебную карьеру. Его называли грубымъ и вообще приписывали, ради этого, много мнимыхъ недостатковъ, для чего всегда такъ находчиво мелочное уязвленное самолюбіе, свойственное въ большей части случаевъ ничтожнымъ людямъ. Конечно, рѣзкость не можетъ считаться достоинствомъ человѣка, но, говоря о ней, всегда забывали побужденія, которыми она вызывалась въ этомъ случаѣ. Къ недостаткамъ Рудановскаго нужно отнести его вспыльчивость, которая всегда свойственна людямъ добрымъ по натурѣ. Эта вспыльчивость очень хорошо характеризовалась солдатами, которые любили называть его «Порохъ Платоновичъ». Отсутствіе уступчивости и большой деликатности были, быть-можетъ, отчасти и причиною, что онъ рано оставилъ свою служебную дѣятельность. Рудановскій не имѣлъ своей семьи и былъ холостъ. Объ отцѣ онъ любилъ часто говорить, указывая на его достоинства какъ человѣка, который не могъ перене-

сти мерзости житейской и, ради самостоятельности взглядовъ, бросилъ хорошее служебное мѣсто и жилъ скромно въ селѣ на получаемую $^{2}/_{3}$ пенсіи, которая была тогда 200 рублей въ годъ. Рудановскій какъ въ послѣднее время, такъ и прежде, всегда былъ очень близокъ съ единственною сестрою и ея сыномъ, котораго онъ воспитывалъ на свои средства. Назависимо отъ этого, онъ помогалъ многимъ родственникамъ при воспитаніи, но не болѣе. Рудановскій былъ того мнѣнія, что молодому человѣку нужно дать только образованіе, какъ онъ выражался, «поставить на ноги», а дальнѣйшее онъ долженъ дѣлать самъ. Въ частной жизни онъ вёлъ простую жизнь. По принципу онъ не любилъ роскоши, въ карты не игралъ и ничего не пилъ; но не прочь былъ затратить деньги для общественной цѣли, такъ, напримѣръ, имъ учреждено при Нѣжинской гимназіи двѣ стипендіи въ память отца его Платона Осиповича Рудановскаго. Среди боевой жизни Рудановскій не забывалъ о перѣ и приготовилъ интересныя записки, подъ заглавіемъ «Военный Обзоръ Южнаго Дагестана», отличающіяся совершенно новымъ взглядомъ, а также «Записки очевидца о нѣкоторыхъ произшествіяхъ кампаній на Кавказѣ въ 1843, 1844, 1845 и 1846 годахъ», «Составляющіе матеріалы для исторіи Кавказской войны». Эти записки, состоящія изъ 4-хъ большихъ томовъ, оставлены его наслѣднику. Въ нихъ представляется очень много интереснаго для исторіи Кавказской войны того времени и находятся прекрасныя характеристики лицъ, которыя въ послѣдующее время занимали весьма важныя государственныя должности. Если жизнь была иногда не вполнѣ справедлива къ автору этихъ записокъ, то потомство, прочитавъ ихъ, въ будущемъ навѣрное оцѣнитъ заслуги предъ обществомъ этого человѣка.

Н. Гербель.

П. Г. Рѣдкинъ.

Пётръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ, предсѣдатель Департамента Удѣловъ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ правъ, почётный членъ императорскихъ университетовъ Санктпетербургскаго и Святого Владиміра и Императорской Академіи Художествъ, членъ-учредитель Санктпетербургскаго Юридическаго Общества, почётный членъ-учредитель и первый предсѣдатель Санктпетербургскаго Педагогическаго Общества, членъ-учредитель и первый предсѣдатель Санктпетербургскаго Фребелевскаго Общества, членъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, членъ Санктпетербургскаго Комитета Грамотности, почётный членъ Мадридскаго Археологическаго Общества, членъ Королевскаго-Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, членъ-учредитель Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, членъ-учредитель Общества вспомоществованія студентамъ Санктпетербургскаго университета, членъ Общества для пособія

слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, почётный членъ Совѣта Санктпетербургскаго Дома Милосердія, членъ-учредитель Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ и многихъ другихъ, кавалеръ орденовъ Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго съ алмазами, Бѣлаго Орла, Святаго Владиміра 2-го и 3-го классовъ и Святыхъ Анны и Станислава 1-хъ степеней—родился 5-го октября 1808 года въ уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи Ромнахъ, въ семьѣ потомственныхъ и зажиточныхъ малороссійскихъ дворянъ, владѣвшимъ небольшимъ, но хорошимъ имѣніемъ. По кончинѣ своихъ четырёхъ братьевъ и одной сестры, умершихъ въ младенчествѣ, онъ остался единственнымъ ребёнкомъ у своихъ родителей, сосредоточившихъ на нёмъ всю любовь свою, хотя и не слишкомъ баловавшихъ его. Отецъ его, Григорій Ѳёдоровичъ, старый воинъ, совершившій въ молодости подъ знаменами великаго Суворова знаменитый Италіянскій походъ и участвовавшій въ кровопролитномъ взятіи варшавскаго предмѣстья Праги, за что̀ былъ награжденъ большимъ золотымъ крестомъ на георгіевской лентѣ, занималъ потомъ весьма долгое время и съ почётомъ мѣсто полиціймейстера въ Ромнахъ, гдѣ вскорѣ по полученіи мѣста женился на тамошней уроженкѣ.

Первоначальное образованіе маленькій Рѣдкинъ получилъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ при нёмъ состояли русскій учитель и дядька французъ, а потомъ, начиная съ 1-го декабря 1816 года, то-есть со дня пророка Наума, какъ благопріятнаго, по народному повѣрью, для начатія ученія, въ Роменскомъ трёхклассномъ уѣздномъ училищѣ. Здѣсь, подъ начальствомъ весьма образованнаго штатнаго смотрителя Вольховскаго, было собрано въ то время нѣсколько необыкновенно хорошихъ учителей, которыми, при помощи весьма хорошихъ, для своего времени, руководствъ, изданнымъ для уѣздныхъ училищъ по повелѣнію Императрицы Екатерины Великой, преподавались здѣсь, кромѣ русскаго и церковно-славянскаго чтенія, чистописанія и рисованія, слѣдующіе учебные прадметы: толкованіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, катихизисъ, Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, объ обязанностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметика, начала алгебры и геометріи, естественная исторія, русская грамматика, всеобщая и русская географія и всеобщая и русская исторія. Въ продолженіе этого времени молодой Рѣдкинъ прочёлъ цѣлый ворохъ разныхъ русскихъ книгъ, частью пользуясь ими изъ небольшой домашней библіотеки, частью получая ихъ для прочтенія отъ своего умнаго и начитаннаго дѣда по матери.

Лѣтомъ 1820 года, Рѣдкинъ окончилъ съ отличіемъ полный курсъ Роменскаго уѣзднаго училища, а осенью того же года, когда открылась въ Нѣжинѣ девятиклассная гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко съ пансіономъ при ней, чадолюбивые родители, желая дать ему окончательное образованіе въ возможной близости отъ себя, помѣстили его въ ноябрѣ того же года въ это высшее учебное заведеніе своекоштнымъ пансіонеромъ.

Первымъ директоромъ гимназіи, при которомъ поступилъ въ неё Пётръ Григорьевичъ, былъ юристъ-писатель В. Г. Кукольникъ, отецъ из-

вѣстного нашего поэта и журналиста Нестора Васильевича. Но директоромъ онъ былъ не долго, окончивъ свою жизнь самоубійствомъ. Судя по тому, какъ Кукольникъ принялся за учебное дѣло, отъ него можно было ожидать только всего хорошаго для Гимназіи. Окончилъ же курсъ въ Гимназіи Рѣдкинъ при второмъ ея директорѣ, медикѣ Иванѣ Семёновичѣ Орлаѣ. Лучшими и болѣе замѣчательными профессорами Гимназіи были въ то время: Шапалинскій, профессоръ математики, физики и химіи, Бѣлоусовъ — профессоръ естественнаго и римскаго правъ, Ландражинъ — профессоръ французской словесности и Зингеръ — профессоръ нѣмецкой словесности; преподавались же здѣсь слѣдующіе предметы: пространный катихизисъ, священная и церковная исторія, толкованіе литургіи, толкованіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, чтеніе изъ «Ветхаго» и «Новаго Завѣта», нравственная философія, естественное право, римское право, русскіе гражданское, уголовное и государственное права, ариѳметика, геометрія, тригонометрія, коническое сѣченіе, приложеніе алгебры къ геометріи, дифференціальное счисленіе, физика, химія, минералогія, ботаника, зоологія, военныя науки, всеобщая и русская географія и всеобщая и русская исторія, затѣмъ — языки: русскій, латинскій, нѣмецкій, французскій и для желающихъ — греческій, съ ихъ грамматикой и литературой, каллиграфія, черченіе, рисованіе, музыка, церковное пѣніе, танцованіе и фехтованіе.

«Проходя курсъ гимназическихъ наукъ», говоритъ одинъ изъ біографовъ Петра Григорьевича: «Рѣдкинъ, независимо отъ общаго преподаванія, много почерпалъ свѣдѣній въ гимназической библіотекѣ, состоявшей почти исключительно изъ французскихъ книгъ, въ особенности историческихъ. Доступъ въ эту библіотеку былъ тѣмъ болѣе свободенъ, что библіотекарь, профессоръ Ландражинъ, взялъ его къ себѣ въ помощники. Въ особенности благотворно дѣйствовало на него литературное направленіе, господствовавшее между воспитанниками. Въ свободное отъ классныхъ занятій время, онъ вмѣстѣ съ другими тремя товарищами — Базили, Кукольникомъ и Тарновскимъ — предпринялъ огромный трудъ: возможно полное сокращеніе всеобщей исторіи, изданной обществомъ англійскихъ ученыхъ и состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ квартантовъ. Трудъ этотъ, хотя и не былъ оконченъ, много способствовалъ не только основательному изученію русскаго и французскаго языковъ, но и развитію историческаго смысла, а главное пріучалъ къ ученымъ занятіямъ. Независимо отъ этого, въ тѣсной комнаткѣ Рѣдкина, въ квартирѣ гувернёра Мышковскаго, надзору котораго былъ онъ поручёнъ, постоянно собирался кружокъ товарищей-журналистовъ, издателей рукописныхъ журналовъ и альманаховъ, для чтенія и критической оцѣнки заключавшихся въ нихъ статей. Въ этихъ ученическихъ изданіяхъ впервые началось литературное поприще впослѣдствіи извѣстныхъ нашихъ писателей: Гоголя, Кукольника, Базили и другихъ, составившихъ себѣ имя въ литературѣ.»

Въ маѣ 1826 года восьмнадцатилѣтній Рѣдкинъ, окончивши полный курсъ, былъ выпущенъ первымъ кандидатомъ перваго выпуска, съ правомъ на полученіе золотой медали по ея изготовленіи, со внесеніемъ его

имени и фамиліи въ заведённую тогда же книгу, подъ названіемъ: Liber honoris, но мысль — быть профессоромъ. не покинула Петра Григорьевича и теперь, хотя для осуществленія ея ему нужно было преодолѣть многія семейныя препятствія. Не смотря на всѣ самыя убѣдительныя просьбы молодого человѣка дозволить ему поступить въ Дерптскій университетъ, для усовершенствованія въ спеціальныхъ юридическихъ наукахъ, родители никакъ не соглашались отпустить такъ далеко отъ себя единственнаго сына, но не видя въ нёмъ рѣшительно никакой наклонности вступить въ военную службу, хотѣли покрайней-мѣрѣ опредѣлить его въ гражданскую, потому-что слово *профессорство* звучало какъ-то странно старому суворовскому воину и никакъ не могло гармонировать съ предубѣжденіемъ зажиточнаго дворянина. И не столько усиленныя просьбы, сколько вниманіе къ его молодости, склонили наконецъ стараго служаку дозволить сыну провести нѣсколько времени, до вступленія на службу, въ Московскомъ университетѣ, о которомъ въ провинціи шла громкая слава.

Рѣдкинъ отправился въ Москву вмѣстѣ съ замѣчательно-даровитымъ товарищемъ своимъ по Гимназіи и лучшимъ его другомъ, В. В. Тарновскимъ, избравшимъ впослѣдствіи также ученое поприще, хотя и на короткое время, и извѣстнымъ особенно по своей дѣятельности въ качествѣ члена Редакціонной Коммисіи для устройства быта крестьянъ, результатомъ работъ которой было освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости по манифесту отъ 19-го февраля 1861 года. Прибывъ въ Москву въ октябрѣ того же 1826 года, Рѣдкинъ былъ вскорѣ включонъ въ число слушателей такъ называемаго тогда этико-политическаго отдѣленія, съ освобожденіемъ отъ слушанія общихъ, то-есть приготовительныхъ курсовъ. Находясь въ Московскомъ университетѣ, Рѣдкинъ слушалъ лекціи: богословія, библейской и церковной исторіи — у архимандрита Иннокентія, русскаго права — у Малова и Смирнова, практическаго судопроизводства — у знаменитаго юриста-практика Сандунова, римскаго права и правъ важнѣйшихъ народовъ — у Цвѣтаева, политическаго и народнаго права — у Василевскаго, политической экономіи и дипломаціи — у Бекетова, всеобщей исторіи и статистики — у Ульрихса, русской исторіи и статистики — у перваго тогдашняго критика отечественной исторіи Каченовскаго и русской словесности — у извѣстнаго поэта-профессора Мерзлякова.

Проходивъ около двухъ лѣтъ на лекціи и далеко неудовлетворённый преподаваніемъ тогдашнихъ профессоровъ Московскаго университета, Рѣдкинъ рѣшился воспользоваться представившимся случаемъ — приглашеніемъ отъ правительства — чтобы привесть въ исполненіе прежнее своё желаніе поступить въ Дерптскій университетъ. Не долго думая, Пётръ Григорьевичъ подалъ прошеніе куда слѣдуетъ и въ іюлѣ 1828 года онъ былъ уже записанъ слушателемъ на юридическій факультетъ этого университета и затѣмъ включонъ въ число воспитанниковъ такъ называемаго Профессорскаго Института, по времени перваго, обязанныхъ, по пробытіи извѣстнаго времени на казённомъ содержаніи въ Дерптскомъ университетѣ и затѣмъ въ иностранныхъ университетахъ, возвратиться

въ Россію и, занявъ, соотвѣтственно своей спеціальности, профессорскую каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, отслужить въ званіи преподавателя двѣнадцать лѣтъ. Обо всёмъ этомъ Рѣдкинъ увѣдомилъ своихъ родителей уже тогда, когда онъ прибылъ въ Дерптъ и поступилъ въ тамошній университетъ, прося у нихъ прощенія въ томъ, что не спросилъ напередъ согласія на то, извиняясь тѣмъ, что онъ имѣлъ причину сильно сомнѣваться въ такомъ согласіи, такъ-какъ онъ зналъ, что они и прежде не желали отпускать его такъ далеко отъ себя и что въ особенности отецъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы его сынъ, потомственный дворянинъ, былъ профессоромъ, на ряду, какъ онъ выражался, съ поповичами, тогда-какъ Пётръ Григорьевичъ, какъ онъ хорошо это помнитъ, всегда страстно желалъ служить по учебной части и, если удастся, занять профессорскую каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Скоро Рѣдкинъ привыкъ понимать и записывать лекціи, преподаваемыя на нѣмецкомъ языкѣ; ходилъ же онъ акуратно на слѣдующія лекціи: къ Клоссіусу — на юридическую энциклопедію, институты, юридическую герменевтику и исторію юридической литературы, къ Дабелову — на пандекты и общегерманское гражданское судопроизводство, къ Эверсу — на политику, общее государственное право и русскую исторію, къ Брекеру — на полицейское право, торговое, вексельное и морское, къ Бунге — на общегерманское право, къ Фридлендеру—на политическую экономію, къ Блуму — на древнюю исторію и всеобщую и русскую статистику, къ Ѣше — на философію, къ Крузе — на всеобщую исторію и — у Франке и Моргенштерна — на объясненіе нѣкоторыхъ греческихъ и римскихъ классиковъ.

Когда временно разстроился юридическій факультетъ Дерптскаго университета, по случаю смерти Эверса и Дабелова и за годовымъ отпускомъ за границу Клоссіуса, Рѣдкинъ, по предложенію главноначальствующаго надъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи графа Михаила Михайловича Сперанскаго, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Колмыковымъ, бывшимъ потомъ до смерти своей профессоромъ Санктпетербургскаго университета былъ причисленъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 5-го октября 1830 года, на службу къ этому отдѣленію, а 22-го ноября они оба были отправлены изъ Дерпта за границу для окончательнаго приготовленія себя къ должности профессоровъ по юридическому факультету.

Заграницею оставался Пётръ Григорьевичъ до половины 1834 года. Въ продолженіе этого времени, онъ слушалъ лекціи преимущественно въ Берлинскомъ университетѣ, какъ самомъ тогда знаменитомъ, но посѣтилъ и многіе другіе университеты, а вакаціонное время употреблялъ на путешествія по Германіи, Швейцаріи и Италіи.

Собственно въ Берлинскомъ университетѣ Рѣдкинъ слушалъ слѣдующія лекціи: у Савиньи—институты, пандекты и прусское право, у Рудорфа — наслѣдственное право, общегерманское гражданское судопроизводство и исторію юридической литературы, у Кленце — юридическую энциклопедію, исторію римскаго права и уголовное право, у

Ганса — философію права, философію исторіи и всеобщую новѣйшую исторію, у Ланицолле — международное право, у Гомейера — исторію общегерманскаго права и общегерманское гражданское право: у Эйхгорна — общегерманское государственное право и церковное право, у Гегеля — логику и исторію философіи и у Бека — энциклопедію филологіи. Сверхъ-того, Пётръ Григорьевичъ продолжалъ частнымъ образомъ изучать древніе классическіе языки и вновь изучилъ языки англійскій, испанскій и португальскій, а у профессора Боппа началъ изучать санскритскій языкъ, по рекомендаціи графа Сперанскаго. Древнееврейскимъ, а также шведскимъ, датскимъ, голландскимъ и польскимъ языками онъ занимался, будучи уже профессоромъ Московскаго университета, а чешскимъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Рейцомъ, ещё въ Дерптѣ.

Изъ заграницы Рѣдкинъ возвратился въ Санктпетербургъ лѣтомъ 1834 года. Здѣсь, оставаясь причисленнымъ ко второму отдѣленію, онъ выдержалъ экзаменъ, по особому конспекту, на учоную степень доктора правъ въ особой коммиссіи, составленной, по Высочайшему повелѣнію, какъ изъ старшихъ чиновниковъ второго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, такъ и изъ профессоровъ Санктпетербургскаго университета. Для докторской диссертаціи онъ представилъ свою статью, помѣщённую въ 1-мъ томѣ его «Юридическихъ Записокъ», подъ заглавіемъ: «Объ уголовной кодификаціи».

Затѣмъ по выбору новаго попечителя Московскаго университета графа Сергѣя Григорьевича Строганова и съ собственнаго своего согласія, 1-го сентября 1835 года, министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ Рѣдкинъ былъ опредѣлёнъ преподавателемъ Юридическаго факультета Московскаго университета, впредь до окончательнаго распоряженія и распредѣленія каѳедръ по новому уставу русскихъ университетовъ 1835 года.

Лекціи свои началъ онъ въ ноябрѣ того же 1835 года фразою «Сбылись, наконецъ, мечты моей юности», намекая ею на то, что онъ, наконецъ, достигъ того, къ чему стремился всю свою жизнь — занять профессорскую каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. 31-го декабря 1836 года Пётръ Григорьевичъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ Энциклопедіи Законовѣдѣнія и Государственныхъ Законовъ, а 24-го марта 1837 года былъ произведёнъ въ ординарные профессоры по этой же каѳедрѣ.

Въ составъ лекцій Петра Григорьевича по «Энциклопедіи Законовѣдѣнія» входила между-прочимъ и Исторія Философіи права, въ связи съ философіею вообще; лекціи же по Государственнымъ Законамъ заключались въ историко-догматическомъ изложеніи Русскаго государственнаго права со введеніемъ въ науку государственнаго права вообще. Сверхъ того, Рѣдкинъ читалъ ежегодно лекціи по разнымъ болѣе частнымъ предметамъ правовѣдѣнія, какъ то: изъ Исторіи Философіи права, изъ историко-догматическаго изложенія государственнаго права иностранныхъ государствъ, исторію общегерманскаго гражданскаго права, Всемірно-историческое обозрѣніе законовъ и обычаевъ о бракѣ, О составленіи французскаго гражданскаго уложенія и Европей-

ское право награжденія. Наконецъ, по особому приглашенію попечителя, онъ нѣсколько лѣтъ съ ряду излагалъ догматически русскіе основные законы и учрежденія и русскіе законы о гражданской службѣ и о состояніяхъ, для студентовъ всѣхъ факультетовъ.

Почти въ началѣ своей профессорской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ, Пётръ Григорьевичъ удостоился быть избраннымъ со стороны совѣта Дерптскаго университета на каѳедру Русскаго права этого университета; но Рѣдкинъ съ глубокою благодарностію отклонилъ это лестное для себя приглашеніе, не желая оставлять старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ и перемѣнять излюбленную имъ каѳедру на другую.

Около половины января 1848 года, вмѣстѣ съ оставленіемъ должности попечителя графомъ Строгановымъ, Пётръ Григорьевичъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности профессора Московскаго университета, но былъ уволенъ не прежде 6-го іюля того же года, когда были имъ окончены годовыя лекціи въ университетѣ.

Въ это время товарищъ Рѣдкина по Дерптскому университету, извѣстный русскій писатель В. И. Даль, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ и товарища министра удѣловъ графа Л. А. Перовскаго, при которомъ, по послѣднему званію графа, Даль состоялъ секретарёмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фактически исполнялъ должность правителя особенной канцеляріи графа, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, дважды письменно приглашалъ Петра Григорьевича занять своё мѣсто. Но онъ на первое письмо вовсе не отвѣтилъ Далю, не желая мѣнять своей учебной службы на административную, а на второе, благодаря настоянію князя Гагарина, отвѣтилъ поѣздкой въ Петербургъ для свиданія съ Далемъ.

По желанію министра, Пётръ Григорьевичъ представился ему и, на его вопросы, высказалъ искренно свои взгляды по нѣкоторымъ предметамъ высшей администраціи, особенно въ пользу религіозной свободы совѣсти въ примѣненіи къ раскольникамъ, находя не только негуманнымъ и несправедливымъ, но и неблагоразумнымъ, съ точки зрѣнія здравой политики, преслѣдовать ихъ. Бесѣда съ Петромъ Григорьевичемъ произвела на министра такое сильное впечатлѣніе, что спустя нѣсколько дней, графъ Перовскій отправилъ къ Рѣдкину Даля спросить — почему онъ, Рѣдкинъ, до-сихъ-поръ не подаётъ прошенія о переводѣ своёмъ на мѣсто Даля? На это Пётръ Григорьевичъ отвѣчалъ, что онъ всё ещё не можетъ рѣшиться — и прибавилъ, что если онъ и рѣшится на это, то не иначе, какъ подъ условіемъ, что съ этою своею административною должностію будетъ ему дозволено соединить и должность профессора юридическаго факультета Санктпетербургскаго университета, когда здѣсь откроется желаемая имъ вакансія. Когда Даль увѣрилъ Петра Григорьевича, что это обѣщаетъ исполнить впослѣдствіи министръ и когда послѣ этого и Даль и самъ министръ настойчиво требовали отъ Рѣдкина не откладывать далѣе изъявленія своего согласія, то онъ рѣшился, наконецъ, принять приглашеніе графа Перовскаго, и затѣмъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 10-го іюня 1849 года, перемѣщёнъ былъ формально секретарёмъ къ товарищу Министра Удѣловъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ министромъ управлять его особенною канцеляріею.

Когда графъ Перовскій вознамѣрился оставить мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, то предложилъ Петру Григорьевичу занять открывшееся внезапно вакантное мѣсто члена Общаго Присутствія Департамента Удѣловъ, на что онъ и согласился, а 11-го марта 1851 года занялъ это мѣсто. Исправляя эту должность, Петръ Григорьевичъ не прежде, какъ 12-го іюля 1863 года и притомъ безъ всякаго съ своей стороны ходатайства, а прямо вслѣдствіе доклада министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, назначенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, ординарныхъ профессоромъ Санктпетербургскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи права, съ оставленіемъ въ должности члена общаго присутствія департемента удѣловъ, а 1-го января 1866 года переименовенъ въ члены совѣта того же департамента.

Затѣмъ 19-го сентября 1873 года онъ былъ избранъ совѣтомъ Санктпетербургскаго университета въ ректоры на четыре года, съ оставленіемъ профессоромъ и членомъ Совѣта Департамента Удѣловъ, а 23-го сентября 1876 года назначенъ предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ.

Изъ сочиненій Петра Григорьевича, полный списокъ которыхъ помѣщёнъ въ концѣ этой книги, мы упомянемъ здѣсь о «Юридическихъ Запискахъ» и «Новой Библіотекѣ для Воспитанія», имѣвшихъ большой успѣхъ. Но главная его ученая дѣятельность состояла въ чтеніи лекцій и въ ихъ постоянной обработкѣ. При этомъ онъ особенно старался сдѣлать изъ Энциклопедіи Права, какъ Юридической, Соціальной и Политической Энциклопедіи, вполнѣ самостоятельную науку въ строжайшемъ смыслѣ этого слова.

Въ день пятидесятилѣтняго юбилея своей службы, истекшій 5-го октября 1880 года, Петръ Григорьевичъ, между-прочимъ, получилъ отъ совѣта Санктпетербургскаго университета за подписаніемъ ректора, его членовъ и прочихъ преподавателей слѣдующій адресъ:

«Въ юбилейный день Вашей службы, наукѣ и ея преподаванію, совѣтъ Санктпетербургскаго университета не можетъ не вспомнить съ благодарностію, что послѣдніе годы этого служенія протекли въ его стѣнахъ. Въ 1863 году, когда университетъ призванъ былъ дѣйствовать подъ покровительствомъ новаго устава, Вы явились въ нашу среду уже опытнымъ преподавателемъ, имя котораго было славно въ Московскомъ университетѣ. Шестнадцать лѣтъ отдѣляли Вашъ выходъ изъ университета Московскаго отъ минуты вступленія въ университетъ Санктпетербургскій. Въ послѣднемъ Вы нашли многихъ старыхъ Вашихъ слушателей; но годы не измѣнили ни духа, ни характера Вашего преподаванія. Вы внесли въ свои лекціи тотъ же юношескій жаръ, тѣ же благородныя стремленія къ правдѣ и къ добру, которыя были такъ дороги Вашимъ Московскимъ слушателямъ. Съ неослабѣвающею энергіею потрудились Вы надъ Вашимъ курсомъ, привлекая толпы слушателей и увлекая ихъ на путь труда и знанія. Дѣло университетовъ было Вамъ дорого: ни годы, ни сложность другихъ занятій не заставили

Васъ отказаться отъ должности ректора, предложенной Вамъ Совѣтомъ университета. На новомъ постѣ Вы остались вѣрнымъ себѣ: въ ректорѣ остался живъ профессоръ, съ его сознаніемъ чести и достоинства университета, съ его любовью къ учащейся молодёжи и къ дѣлу науки. Санктпетербургскій университетъ пережилъ съ Вами и трудныя минуты и всегда будетъ помнить, что подъ Вашимъ руководствомъ онъ вышелъ изъ испытаній съ достоинствомъ. Разстроенное здоровье побудило Васъ оставить университетъ. Покинута Вами и должность ректора и каѳедра Энциклопедіи Права; но оставленіе службы, вынужденное болѣзнью, не могло сдѣлать Васъ чужимъ Совѣту Санктпетербургскаго университета. И въ этотъ торжественный для Васъ день Совѣтъ Санктпетербургскаго университета привѣтствуетъ Васъ какъ своего, какъ всегда дорогого для него сочлена.»

Депутаціею отъ Санктпетербургскаго Комитета Грамотности при письмѣ предсѣдателя онаго, тайнаго совѣтника Ермакова, отъ 9-го февраля 1881 года, поднесена Петру Григорьевичу, отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, большая золотая медаль, при слѣдующей грамотѣ, подписанной президентомъ Общества, княземъ Суворовымъ:

«Императорское Вольное Экономическое Общество, согласно постановленію Комитета Грамотности, въ общемъ собраніи своемъ 22-го января 1881 года, единогласно положило наградить Петра Григорьевича Рѣдкина большою золотою медалью за долговременные и полезные труды его, имѣвшіе несомнѣнно благотворное вліяніе на поднятіе и развитіе народнаго образованія въ Россіи въ удостовѣреніе чего и дана сія грамата, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати Общества. С.-Петербургъ. Февраля 3-го дня 1881 года.»

Н. Гербель.

А. М. Сементовскій.

По окончаніи курса въ Лицеѣ въ 1840 году Александръ Максимовичъ Сементовскій вступилъ въ службу въ драгунскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полкъ, гдѣ 31-го августа слѣдующаго 1841 года произведёнъ въ прапорщики, съ переводомъ въ драгунскій Его Королевскаго Высочества Принца Александра Нидерландскаго полкъ. Не понравилась молодому прапорщику тогдашняя военная служба съ ея кутежами и не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1842 году Сементовскій, оставивъ её, переѣхалъ на жительство въ имѣніе родителей своихъ; но уже въ слѣдующемъ году онъ снова былъ на государственной службѣ, причёмъ на этотъ разъ выборъ служебнаго поприща оказался болѣе подходившимъ къ его склонностямъ и умственному направленію, такъ-какъ онъ опредѣлёнъ былъ лѣсничимъ Звенигородскаго лѣсничества Кіевской губерніи. Съ тѣхъ-поръ Сементовскій продолжалъ

свою службу по лѣсному вѣдомству непрерывно въ теченіи 24 лѣтъ, послѣдовательно переходя всѣ ступени служебной іерархіи и занимая должности сначала лѣсничаго, потомъ лѣснаго ревизора въ Подольской губерніи, наконецъ Витебскаго губернскаго лѣсничаго. Что главное лѣсное начальство безспорно цѣнило дѣятельную и полезную службу Сементовскаго доказывается тѣмъ, что, независимо отъ повышенія въ должностяхъ, всѣ чины, отъ прапорщика до статскаго совѣтника включительно, Сементовскій получилъ за отличіе. Но отдавшись всецѣло службѣ, Сементовскій не упускалъ случая и возможности заниматься литературою и наукою, преимущественно въ практически-реальномъ направленіи. Такъ, во время службы своей въ Кіевѣ, съ 1849 по 1859 годъ, онъ устроилъ при бывшей Кіевской палатѣ государственныхъ имуществъ кабинетъ естественныхъ произведеній края. На первой Кіевской сельскохозяйственной выставкѣ въ 1852 году онъ былъ ближайшимъ распорядителемъ и непосредственно отъ себя выставилъ на ней коллекцію мѣстныхъ минераловъ, а въ томъ числѣ открытый имъ въ казённой Екатеринопольской дачѣ Звенигородскаго уѣзда лигнитъ, за что былъ награжденъ похвальнымъ листомъ. Наконецъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», «Кіевскомъ Телеграфѣ», «Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества», «Экономистѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Сементовскій помѣстилъ много весьма разнообразнаго содержанія статей по лѣсному и сельскому хозяйству. Въ теченіи 1860 года, во время службы въ званіи лѣснаго ревизора Подольской губерніи, Сементовскій написолъ «Исторію города Каменца-Подольскаго», напечатанную въ 1865 году въ журналѣ «Историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи», а потомъ, въ извлеченіи, въ «Сборникѣ свѣдѣній о Подольской губерніи 1880 году». Проѣздомъ изъ Каменца-Подольска въ городъ Витебскъ, по случаю назначенія на должность губернскаго лѣсничаго, Сементовскій посѣтилъ лавру Почаевскую, гдѣ прожилъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ собралъ много интересныхъ письменныхъ, печатныхъ и устныхъ свѣдѣній, послужившихъ ему матеріаломъ для составленія довольно объёмистаго описанія этой обители, напечатаннаго впослѣдствіи, въ извлеченіи, въ журналѣ «Всемірный Трудъ», а вполнѣ въ «Сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года». Съ переводомъ Сементовскаго въ Витебскъ, учено-литературная дѣятельность его получила новое направленіе и оживленіе. Въ 1863 году онъ избранъ былъ въ должность секретаря Витебскаго Статистическаго Комитета, въ которой состоитъ и по настоящее время. Поставленный этимъ избраніемъ у самаго источника статистическихъ свѣдѣній и постоянно одобряемый и поощряемый главными начальниками Сѣверо-Западнаго края, графами Муравьевымъ и Барановымъ и генералъ-адъютантами Кауфманомъ и Потаповымъ, Сементовскій сдѣлался душою названнаго комитета, имъ же самимъ созданнаго и въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживаемаго на почётной высотѣ. Въ то же время ему была ввѣрена редакція неоффиціальной части мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. При такомъ служебномъ положеніи своёмъ, Сементовскій, независимо отъ участія въ разныхъ журналахъ и газетахъ

и оффиціальнаго «Описанія Витебской губерніи въ лѣсномъ отношеніи», напечаталъ рядъ замѣчательныхъ статистическихъ сборниковъ, въ видѣ «Памятныхъ книжекъ» Витебской губерніи и Виленскаго генералъ-губернаторства, украсивъ ихъ множествомъ политипажей, портретовъ и картъ, нисколько въ то же время не ослабляя занятій своихъ и по редакціи неоффиціальнаго отдѣла губернскихъ вѣдомостей.

На сколько учено-литературная дѣятельность Сементовскаго была въ это время плодотворна и на сколько личность его вліяла на образованіе и поддержку витебскаго литературнаго кружка, свидѣтельствуетъ 32-й нумеръ «Виленскаго Вѣстника» за 1869 годъ, въ библіографическомъ отдѣлѣ котораго помѣщена статья: «Витебскія Губернскія Вѣдомости за 1868 годъ». Въ ней, между-прочимъ, говорится: «Въ ряду губернскихъ вѣдомостей и статистическихъ комитетовъ, «Витебскимъ Вѣдомостямъ» и комитету принадлежитъ первое мѣсто въ сѣверо-западной и одно изъ видныхъ мѣстъ въ остальной Россіи. Этимъ первенствующимъ положеніемъ между своими собратьями «Витебскія Вѣдомости» и комитетъ обязаны дѣятельности А. М. Сементовскаго, а также содѣйствію М. Ф. Кущинскаго, А. М. Созонова и нѣкоторыхъ другихъ витебцевъ, составляющихъ хотя малый, но просвѣщённый кружокъ людей, серьёзно преданныхъ наукѣ. Дѣятельность его при самыхъ скудныхъ средствахъ, плоды обильные количествомъ и качествомъ, отрадны и поучительны тѣмъ болѣе что витебскій кружокъ не получаетъ ни тысячныхъ окладовъ жалованья, ни особыхъ суммъ и пособій на изданія, какъ это видимъ въ нѣкоторыхъ ученыхъ учрежденіяхъ». Въ тотъ же періодъ дѣятельности Сементовскаго, онъ почтёнъ былъ избраніемъ въ члены разныхъ ученыхъ обществъ, именно: въ 1862 году членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ 1863 году такимъ же членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ 1864 году членомъ-корреспондентомъ Московскаго Археологическаго Общества, а въ 1867 году корреспондентомъ Россійскаго Общества покровительства животнымъ. Въ 1868 году Сементовскій былъ назначенъ запаснымъ лѣсничимъ, съ командированіемъ, въ званіи начальника таксаціонной партіи, въ Новгородскую губернію. Сжившись съ Витебскою губерніею и кабинетными занятіями, онъ отклонилъ отъ себя это новое назначеніе и поступилъ сперва въ распоряженіе Виленскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Потапова, а потомъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ и состоялъ по 28-е октября 1880 года, продолжая свою статическую дѣятельность и состоя въ то же время, въ теченіи семи лѣтъ, именно до половины 1879 года, директоромъ Витебскаго дѣтскаго пріюта, а съ 2-го іюля 1875 года Полоцкимъ почётнымъ мировымъ судьёю, въ должности котораго состоитъ и нынѣ. Въ 1869, 1870 и 1874 годахъ Сементовскій участвовалъ въ трёхъ статистическихъ съѣздахъ: двухъ въ городѣ Вильнѣ и одномъ въ С.-Петербургѣ. Послѣдствіемъ перваго съѣзда было составленіе Сементовскимъ «Статистическаго атласа Витебской губерніи», состоящаго изъ 12 картъ, доселѣ остающагося неизданнымъ по недостатку средствъ къ тому; послѣдствіемъ же Петербургскаго съѣзда явилось изданіе «Сборника въ память перваго русскаго статистическаго

съѣзда». Степень участія Сементовскаго во второмъ Виленскомъ съѣздѣ, устроенномъ сѣверо-западнымъ отдѣломъ Русскаго Географическаго Общества, видна изъ протоколовъ этого съѣзда, напечатанныхъ въ 1874 году въ Вильнѣ, а ближайшимъ его послѣдствіемъ было изданіе Сементовскимъ брошюры «О мѣрахъ и вѣсѣ, употребляемыхъ въ Витебской губерніи». Въ качествѣ депутата Статистическаго Комитета, Сементовскій принималъ участіе и въ Московской Этнографической Выставкѣ.

Заканчивая этотъ біографическій очеркъ, скажемъ, что оффиціальная оцѣнка служебной дѣятельности Сементовскаго выразилась пожалованіемъ ему орденовъ: Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-го и 3-го классовъ и Св. Владиміра 4-й степени.

К. Сементовскій.

К. М. Сементовскій.

Константинъ Максимовичъ Сементовскій, младшій изъ трёхъ братьевъ, родился въ 1823 году и, по выходѣ изъ Лицея Князя Безбородко въ 1839 году, вступилъ въ канцелярію Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго генералъ-губернатора. Служба Сементовскаго въ Харьковѣ началась подъ счастливыми предзнаменованіями для будущихъ его литературныхъ занятій. Она сблизила его съ даровитымъ народнымъ малороссійскимъ писателемъ Григоріемъ Ѳёдоровичемъ Квиткой, болѣе извѣстнымъ въ Россіи подъ своимъ псевдонимомъ «Грицко Основьяненко», профессорами университета И. И. Срезневскимъ, впослѣдствіи академикомъ Императорской Академіи Наукъ и А. А. Метлинскимъ, писавшимъ подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, Н. И. Костомаровымъ, писавшимъ тогда своего знаменитаго «Богдана Хмѣльницкаго» и другими знатоками и любителями малороссійской исторіи и этнографіи. Въ ту пору Императорское Географическое Общество ещё не существовало и, слѣдовательно, не было центра, къ которому бы стремились труды, изысканія и вообще ученыя занятія, имѣвшія цѣлію изученіе Россіи; но, не смотря на это, между названными нами лицами существовало единство направленія, сближавшее ихъ для общаго любимаго труда. У каждаго, поочерёдно, собирался дружескій кружокъ для ученой бесѣды, для взаимной помощи совѣтомъ и знаніями, причёмъ всѣ дружно и неутомимо трудились на пользу науки. Вскорѣ послѣ прибытія Сементовскаго въ Харьковъ, онъ напечаталъ, въ «Молодикѣ» на 1843 годъ, издававшемся Бецкимъ, первую свою статью, подъ заглавіемъ: «Очеркъ малороссійскихъ повѣрій и обычаевъ, относящихся къ праздникамъ». Но статья эта была только введеніе къ болѣе значительному труду, появившемуся въ томъ же году въ журналѣ «Маякъ», подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ», съ весьма любопытными замѣчаніями и дополненіями Срезневскаго, Метлинскаго и Костомарова. Статьёю этою впослѣдствіи мно-

гіе пользовались, повторяя сказанное въ ней съ лёгкими измѣненіями и добавками. Въ то же время онъ напечаталъ въ «Маякѣ» статью «Ещё вотъ какъ думаютъ областяне», въ опроверженіе мнѣній «Отечественныхъ Записокъ» о малорусскомъ языкѣ и литературѣ, и критическій разборъ сочиненій Костомарова: драмы «Переяславская Ничь» и диссертаціи «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». По смерти Квитки, Сементовскій помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» 1843 года его біографію, которая также служила впослѣдствіи многимъ источникомъ и матеріаломъ для появлявшихся впослѣдствіи его жизнеописаній.

Въ 1847 году Сементовскій, назначенный старшимъ чиновникомъ для особыхъ порученій при Орловскомъ губернаторѣ, долженъ былъ покинуть Харьковъ — и перемѣна мѣста остановила, повидимому, литературную его дѣятельность. Онъ хотя и не оставлялъ своихъ этнографическихъ трудовъ, тщательно собиралъ малорусскія и галицкія загадки, что́ видно изъ предисловія при изданіи ихъ въ Кіевѣ, въ 1851 году, братомъ его Александромъ Максимовичемъ, но ничего болѣе не печаталъ. Въ 1849 году онъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи Таганрогскаго градоначальника. Въ этомъ же году онъ прислалъ въ С.-Петербургское Императорское Географическое Общество любопытную статью: «О характерникахъ и малорусскихъ заговорахъ противу пули», за которую Общество изъявило ему искреннюю признательность. Въ 1853 году Константинъ Максимовичъ, независимо отъ должности правителя канцеляріи, назначенъ былъ членомъ Таганрогскаго Совѣта Приказа Общественнаго Призрѣнія и тамошняго Попечительнаго Комитета о Тюрьмахъ, но въ 1854 году онъ оставилъ службу въ Таганрогѣ и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, въ декабрѣ 1855 года, вступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній, на Высочайше имя приносимыхъ.

Начавшееся у насъ вскорѣ послѣ этого экономическое движеніе, вызвавшее учрежденіе банковъ, образованіе разныхъ промышленныхъ и торговыхъ компаній, устройство желѣзныхъ дорогъ и прочее не замедлило вовлечь Сементовскаго въ свою сферу. Въ 1858 году учредилась въ С.-Петербургѣ Амурская Компанія, предположившая себѣ цѣлью развитіе пароходства, а съ нимъ разныхъ промысловъ и торговли во вновь пріобрѣтённомъ около того же времени, отъ Китая, Пріамурскомъ краѣ, а также въ Камчаткѣ, Японіи и Китаѣ. Сементовскому было предложено и принято имъ управленіе дѣлами Правленія компаніи, образовавшагося въ С.-Петербургѣ. Обязанность эта, лежавшая на нёмъ до половины 1861 года, практически ознакомила его съ многими сторонами торговой и промышленной дѣятельности нашей и приковала его вниманіе къ экономическимъ вопросамъ. Это отразилось и на учоно-литературной дѣятельности его, которая продолжала интересовать Константина Максимовича, несмотря на служебныя занятія. Начавшееся въ 1858 году участіе его въ «Журналѣ для Акціонеровъ», съ 1865 года переносится въ экономическій органъ «Биржевыя Вѣдомости». Въ этой газетѣ 1865, 1866, 1867 и 1868 годовъ очень многія передовыя статьи и не мало статей въ обоихъ отдѣлахъ ея самаго раз-

нообразнаго содержанія, экономическаго и политическаго, принадлежатъ Сементовскому. Позднѣе участіе это стало уменьшаться, такъ-какъ измѣнившееся служебное положеніе, а именно назначеніе Сементовскаго производителемъ дѣлъ Коммиссіи Прошеній, потребовало отъ него усиленной работы и не давало уже ему достаточнаго досуга для иныхъ занятій. Въ какой мѣрѣ служба Сементовскаго была полезна и цѣнима, видно изъ цѣлаго ряда полученныхъ имъ Высочайшихъ наградъ. Такъ, за отличіе, въ 1857 году онъ произведёнъ былъ въ надворные совѣтники, въ 1859 — пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени, въ 1863 — орденомъ Св. Анны 2-й степени, въ 1867 году — орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, въ 1868 году — назначенъ производителемъ дѣлъ Коммиссіи Прошеній, въ 1869 году — пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и наконецъ, въ 1871 году — орденомъ Св. Станислава 1-й степени. Но неразлучный съ усиленными трудами образъ жизни при пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, развилъ въ нёмъ такое сильное болѣзненное состояніе, что онъ почувствовалъ необходимость хотя на время удалиться на покой и 23-го декабря 1873 года, по прошенію его, за болѣзнію, былъ уволенъ отъ службы, съ пенсіею. Отдохновеніе возвратило ему нѣкоторыя силы и съ 1875 года онъ уже является на новомъ поприщѣ. При учрежденіи въ этомъ году, по Высочайшему повелѣнію, опекунскаго управленія надъ имуществомъ и дѣлами наслѣдниковъ Д. Е. Бенардаки, въ составѣ трёхъ опекуновъ, одного по избранію наслѣдниковъ, другого по избранію кредиторовъ и третьяго — по выбору двухъ первыхъ, Сементовскій вошолъ въ составъ этого управленія въ качествѣ опекуна по избранію наслѣдниковъ. Громадный долгъ въ суммѣ около 15000000 рублей серебромъ, при соотвѣтственномъ тому имуществѣ, состоящемъ изъ заводовъ горныхъ, механическихъ и другихъ, изъ имѣній хлѣбопашественныхъ и лѣсныхъ, домовъ въ С.-Петербургѣ, золотыхъ пріисковъ и прочее, при крайней запутанности дѣлъ, требовали отъ опекунскаго управленія не мало разнообразныхъ способностей и усиленнаго труда; тѣмъ не менѣе, сколько слышно, ликвидація долговъ и въ то же время устройство дѣлъ идётъ успѣшно.

Н. Гербель.

Н. М. Сементовскій.

Николай Максимовичъ Сементовскій, братъ предъидущихъ, родился 18-го февраля 1819 года въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, въ предковскомъ имѣніи его родителей, деревнѣ Семеногоркѣ и, по окончаніи гимназическаго образованія въ бывшей Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, поступилъ въ 1836 году въ Лицей. Здѣсь въ 1840 году окончилъ онъ полный курсъ наукъ, съ степенью студента Лицея и правомъ на чинъ XIV класса и въ томъ же году зачислился на службу въ канцелярію Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго генералъ-губерна-

тора. Сементовскій выступилъ печатно, ещё будучи воспитанникомъ Лицея въ 1838 году, небольшою повѣстью подъ заглавіемъ «Андроникъ» въ «Дѣтскомъ Журналѣ», издававшемся тогда подъ редакціею А. Н. Очкина. Въ 1843 году Сементовскій былъ уже въ Петербургѣ, состоялъ при канцеляріи Военнаго министерства и съ этого именно года начинается настоящая его литературная дѣятельность. Если нельзя сказать про Сементовскаго, что онъ произвёлъ что-либо особенное, выдвигающее автора изъ ряда второстепенныхъ писателей, то нельзя также и отрицать пользу добросовѣстныхъ его трудовъ, особенно въ археологическомъ отношеніи. Среди бюрократическихъ занятій по министерству, среди наплыва другихъ дѣлъ и занятій, въ городѣ, гдѣ столько развлеченій, гдѣ всё способно отвлечь молодость отъ мыслей положительныхъ и серьёзныхъ, Сементовскій не увлёкся общимъ потокомъ и трудился усиленно и постоянно. Начиная съ 1843 года литературная его дѣятельность, особенно въ археологическомъ родѣ, идётъ crescendo и всѣ послѣднія произведенія его преимущественно относились до края его рожденія и воспитанія. Послѣ небольшой пьесы «Нищій», помѣщённой въ журналѣ «Маякъ» на 1843 годъ, повѣсти «Губернскій Чиновникъ» — въ «Литературной Газетѣ» и статьи «Харьковскій Театръ», напечатанной въ «Пантеонѣ и Репертуарѣ Русской Сцены», въ томъ же году Сементовскій началъ пробовать себя въ историко-повѣствовательномъ родѣ и напечаталъ въ «Маякѣ» 1845 года повѣсть «Мазепа». Затѣмъ на страницахъ «Иллюстраціи», издававшейся тогда Н. В. Кукольникомъ, началъ появляться непрерывный рядъ статей Сементовскаго, исключительно посвящённыхъ Малороссіи, воспоминаніямъ свѣжей ещё молодости, когда-то имъ видѣнному и слышанному. Вслѣдъ за «Сборною церковью въ Полтавѣ» и двумя статьями «Полтава», Сементовскій занялся сочиненіемъ болѣе серьёзнымъ, продуманнымъ, требовавшимъ изученія и справокъ и видимо навѣяннымъ неполнымъ, хотя и прекраснымъ сочиненіемъ Бантышъ-Каменскаго «Исторія Малороссіи» и началъ печатать въ «Иллюстраціи» продолжительный рядъ статей, подъ заглавіемъ: «Старина Малороссійская, Запорожская и Донская». Внимательный къ усиліямъ Сементовскаго и бывшій самъ воспитанникъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, Н. В. Кукольникъ украсилъ эти статьи необходимыми пояснительными политипажами, потомъ отпечаталъ особенною брошюрою автору, которая продавалась впослѣдствіи отдѣльно и имѣла порядочный успѣхъ въ кругу читателей, наклонныхъ къ произведеніямъ подобнаго рода. За этимъ послѣдовали статья «Харьковъ» и разсказъ «Вѣра Михайловна», напечатанные въ той же «Иллюстраціи» на 1846 годъ, сверхъ другихъ мелкихъ статей Сементовскаго, не подписанныхъ его фамиліею и заключавшихся въ критическомъ разборѣ выходившихъ въ тотъ годъ разныхъ изданій и книгъ. Кромѣ «Иллюстраціи», въ которой сотрудничество Сементовскаго было постоянно во всё время служебнаго его пребыванія въ Петербургѣ, онъ, ещё въ 1843 году, напечаталъ нѣсколько мелкихъ своихъ статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ числѣ этихъ статей только одна относилась къ Малороссіи, именно «О Малороссійской демонологіи», помѣщённая въ «Москвитянинѣ» на 1843 годъ.

Археологическое направленіе Сементовскаго обратило на него вниманіе нѣкоторыхъ спеціалистовъ и, по ихъ представленію, онъ былъ избранъ, 28-го ноября 1846 года, членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Географическаго Общества. Это избраніе побудило Сементовскаго къ новымъ трудамъ и, ободрённый успѣхомъ своихъ прежнихъ попытокъ, онъ, въ слѣдующемъ же году, напечаталъ въ «Иллюстраціи» пять статей подъ общимъ заглавіемъ: «Таврида», посвящённыхъ описанію южнаго берега Крыма и его достопримѣчательностей. Изъ беллетристическихъ произведеній Сементовскаго 1847 и 1848 года извѣстны только: «Квесторка», помѣщённая въ «Иллюстраціи» и трехтомный романъ, напечатанный въ «Пантеонѣ», «Баронесса Флагсбергъ», прошедшій, впрочемъ, незамѣтно. Затѣмъ, въ 1847 году появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» одна небольшая статья Сементовскаго, подъ заглавіемъ: «Ираклійскій полуостровъ»; въ 1848 году напечатана была въ «Иллюстраціи» его статья: «Коренная пустынь», а въ 1849 году отрывокъ изъ романа «Золотая грамота». Въ томъ же году Сементовскій, оставивъ, по болѣзни, службу въ Военномъ министерствѣ, переселился въ Кіевъ. Здѣсь онъ задумалъ большой историческій романъ, изъ котораго нѣсколько отдѣльныхъ главъ были изданы въ 1851 году книгопродавцомъ Поляковымъ отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: «Потёмкинъ, какъ казакъ войска Запорожскаго». Въ 1852 году онъ снова поступилъ на государственную службу въ канцелярію Кіевскаго гражданскаго губернатора. Эта служба дала ему ещё болѣе средствъ и удобствъ для занятія изученіемъ историческихъ особенностей родного края — и первымъ плодомъ его любознательныхъ изысканій была отдѣльная книжка, изданная имъ въ 1852 году, подъ заглавіемъ: «Кіевъ и его достопримѣчательности», за поднесеніе которой онъ удостоился получить отъ императора Николая Павловича драгоцѣнный бриллiантовый перстень, отъ августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества, великаго князя Константина Николаевича — благодарность, а отъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей — драгоцѣнную золотую табакерку. Въ этомъ же году Сементовскій избранъ былъ въ члены-корреспонденты Императорскаго Археологическаго и Нумизматическаго Общества. Бывъ тогда же назначенъ секретарёмъ распорядительнаго комитета первой Кіевской выставки сельскихъ произведеній, онъ составилъ подробное описаніе ея, напечатанное въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» за 1853 годъ. Въ 1856 и 1857 годахъ является длинный рядъ трудовъ Сементовскаго: онъ издалъ въ Кіевѣ «Запорожскую рукопись о кладахъ» и напечаталъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» отдѣльное сочиненіе: «Сказаніе о ловахъ великихъ князей Кіевскихъ», въ которомъ въ первый разъ представлено публикѣ печатно изображеніе велико-княжескихъ лововъ, писанныхъ въ XI вѣкѣ al-fresco на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора. Наконецъ, продолжая быть вѣрнымъ разъ положенной цѣли, Сементовскій предпринялъ изданіе «Галлереи Кіевскихъ достопамятныхъ видовъ и древностей».

Проживая въ Кіевѣ, Сементовскій не переставалъ принимать дѣятельное участіе, какъ корреспондентъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества», «Русскомъ Дневникѣ», «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Полтавскихъ» и «Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» и дру-

гихъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ всё то, что казалось ему заслуживающимъ извѣстности и гласности по своей пользѣ, старинѣ или общезанимательной новости. Въ 1866 году Сементовскій началъ издавать «Кіевскій Хозяйственный Календарь», который въ слѣдующихъ годахъ носилъ уже названіе «Кіевскаго Всенароднаго Календаря», а въ 1876 году напечаталъ задуманный давно и добросовѣстно выполненный трудъ «Повѣренные и довѣрители, защитники и обвинители», въ трёхъ частяхъ. Этотъ трудъ и «Древнѣйшая въ Россіи Церковь Спаса на Берестовѣ» были едва ли не заключительными въ литературной дѣятельности Сементовскаго. Гражданская служба его въ Кіевѣ съ 1859 года, въ званіи почётнаго члена Кіевскаго Попечительства Дѣтскихъ Пріютовъ, доставила ему послѣдовательно чины до статскаго совѣтника включительно. Но годы, болѣзни и неустанная въ теченіи всей жизни работа также дѣлали своё дѣло и, страстно преданный литературному труду, Сементовскій почувствовалъ необходимость въ болѣе покойной жизни. Получивъ въ 1875 году въ наслѣдство послѣ смерти отца то же самое имѣніе, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, Сементовскій переѣхалъ туда и хотя не клалъ пера, продолжая корреспондировать въ разныя столичныя газеты, но надъ нимъ уже стоялъ грозный недугъ и близился къ нему грозный часъ. При достаточной, повидимому, ещё свѣжести и бодрости силъ, въ октябрѣ 1879 года у него развился карбункулъ на спинѣ. Медицинскія средства, бывшія подъ рукою, оказались неудовлетворительными и 24-го числа того же мѣсяца энергическій труженикъ слёгъ на вѣчный покой. Сементовскій похоронёнъ въ оградѣ приходской церкви своей Св. Николая въ мѣстечкѣ Ирклѣевѣ, Золотоношскаго уѣзда, возлѣ своихъ отца и матери, гдѣ онъ и лежитъ нынѣ съ миромъ, честно и усердно проработавъ всю свою жизнь на нивѣ роднаго слова и родной науки.

К. Сементовскій.

П. И. Собко.

Пётръ Ивановичъ Собко, умершій на службѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, родился въ Кіевѣ 18-го мая 1819 года. На одиннадцатомъ году, то-есть 7-го ноября 1829 года, онъ поступилъ въ третій классъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, откуда вышелъ въ 1836 году, когда Гимназія была уже переименована въ Лицей, со степенью студента Лицея и съ правомъ на 14-й классъ. Познакомясь съ молодымъ мальчикомъ на школьной скамьѣ, гдѣ мы сходились на уроки французскаго языка, мнѣ никакъ не приходило въ голову, что мой молодой товарищъ со временемъ будетъ украшеніемъ ученаго корпуса, въ которомъ и мнѣ суждено будетъ заключить свою служебную дѣятельность. Окончивъ курсъ въ Лицеѣ, гдѣ онъ отличался необыкновенными способностями къ математикѣ, Собко поступилъ въ августѣ 1837 году

въ Институтъ Корпуса Путей Сообщенія, представлявшій большое поприще его ученымъ стремленіямъ. Въ іюнѣ 1840 года менѣе чѣмъ черезъ три года, онъ вышелъ оттуда поручикомъ первымъ по выпуску, причёмъ мраморная доска Института золотыми буквами сохранила его имя. Удостоенный выбора въ репетиторы по предмету раціональной механики и составленію проэктовъ по части строительнаго искусства, онъ не оставлялъ занятій другими отраслями высшей математики, и началъ въ 1841 году печатать въ «Журналѣ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій» лекціи трансцендентнаго анализа, какъ онѣ были читаны публично нашимъ знаменитымъ академикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Остроградскимъ.

Съ-тѣхъ-поръ Пётръ Ивановичъ принималъ постоянно самое дѣятельное участіе въ названномъ ученомъ журналѣ. Къ числу замѣчательнѣйшихъ статей, имъ написанныхъ, принадлежатъ:

1) *Проектъ висячаго моста чрезъ Неву* русскаго инженера, капитана (нынѣ инженеръ тайнаго совѣтника) Кербедза. Въ составленіи самаго проэкта Собко принималъ очень большое участіе: почти всѣ чертежи и всѣ обширныя вычисленія къ этому проэкту составлены, разумѣется, подъ руководствомъ главнаго составителя проэкта, Петромъ Ивановичемъ въ теченіи 1839 и 1840 годовъ. Этотъ проэктъ доставилъ торжество Кербедзу надъ извѣстнымъ французскимъ инженеромъ Дефонтенемъ.

2) *Статьи, относящіяся къ теоріи сопротивленія строительныхъ матеріаловъ.* Въ этихъ статьяхъ авторъ излагалъ бывшее въ то время положеніе вопроса о сопротивленіи матеріаловъ — вопроса, котораго рѣшеніе подготовляется многочисленными опытами и вычисленіями, производимыми въ разныхъ концахъ Европы; недостаётъ полной и вѣрной оцѣнки собранныхъ фактовъ. Напечатанныя статьи подавали самыя лучшія надежды на дальнѣйшія изслѣдованія по этой самой важной отрасли строительнаго искусства.

3) *Устойчивость деревянныхъ и металлическихъ мостовъ арочной системы.*

4) *Трубчатые мосты Конуэйскій и Британскій на Честеръ-Голигедской желѣзной дорогѣ въ Англіи.*

Въ концѣ помѣщёнъ полный списокъ всѣхъ статей инженера Петра Ивановича Собко, помѣщённыхъ въ разныхъ журналахъ. Свѣтлый взглядъ на предметъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-ученое изложеніе даютъ особенную цѣну всему, что вышло изъ-подъ пера этого ученаго инженера.

Въ теченіи 1845 и 1846 годовъ составленъ былъ и изданъ Собко *Атласъ мостовъ*, на 360 листахъ, для руководства воспитанниковъ Института при изученіи читаемаго имъ курса. Полнота этого рѣдкаго атласа соотвѣтствовала тогдашнему развитію этого вопроса. Въ 1854 году издана имъ, вмѣстѣ съ инженеръ-подполковникомъ Глуховымъ, *Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, физикѣ, геодезіи, строительному искусству и практической механикѣ.* Надобно желать Россіи поболѣе подобныхъ сочиненій, дѣлающихъ науку легко прилагаемою къ дѣлу и потому способствующихъ къ распространенію просвѣщенія. До-

статочно бѣглаго взгляда на длинный списокъ сочиненій, которыя служили пособіемъ при составленіи *Памятной Книжки*, чтобы видѣть огромность труда, предпринятаго тремя инженерами и совершоннаго только двумя, потому-что капитанъ Сулима былъ похищёнъ смертью у науки почти въ началѣ этого предпріятія. Второе изданіе «Памятной Книжки», сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью, вышло послѣ сметри Петра Ивановича въ 70-хъ годахъ. За внесеніе этого вклада въ сокровищницу учоныхъ пособій, Собко поплатился здоровьемъ — и доктора послали его за границу. Трёхмѣсячное путешествіе въ лѣтніе мѣсяцы 1857 года доставило ему возможность осмотрѣть замѣчательныя европейскія работы и лично познакомиться со многими представителями инженерной науки. По возвращеніи изъ-за границы, Собко, чувствуя свои силы возстановлёнными, принялся опять за работу и намѣревался издать *Курсъ Строительнаго Искусства*. Имя автора и недостатокъ хорошихъ учебныхъ руководствъ по этой отрасли познаній заставляли нашихъ инженеровъ ожидать съ нетерпѣніемъ выхода въ свѣтъ этого сочиненія, особенно важнаго для русскихъ инженеровъ, которые надѣялись найти въ нёмъ приложенія общихъ началъ науки къ сооруженіямъ своего отечества, по климату и особеннымъ мѣстнымъ условіямъ такъ много отличающагося отъ другихъ европейскихъ государствъ. Желая ознакомиться съ практическою стороною инженернаго искусства, Пётръ Ивановичъ неутомимо посѣщалъ работы, производимыя въ Петербургѣ, и особенно по построенію Николаевскаго моста; кромѣ того, имъ сдѣланы вмѣстѣ съ его сотрудникомъ, покойнымъ профессоромъ Сулимою, двѣ большія поѣздки, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ 1849 и 1850 годовъ, для осмотра сооруженій на водяныхъ путяхъ сообщенія по Маріинской и Тихвинской системамъ, въ Финляндіи (на каналѣ Сайма) и по работамъ Николаевской желѣзной дороги, гдѣ представлялось обширное поприще для соображенія практическихъ свѣдѣній по многочисленнымъ работамъ, производимымъ при различныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія и чертежи служили ему большими пособіями, какъ для преподаванія, такъ и для составленія курса строительнаго искусства. Въ библіотекѣ Института Путей Сообщенія хранится отличный атласъ чертежей русскихъ сооруженій, собранныхъ на мѣстѣ и составленныхъ гг. Собко и Сулима въ 1849 и 1850 годахъ. Но по отношенію къ курсу строительнаго искусства надеждамъ нашихъ инженеровъ не было дано осуществиться, равно какъ и надеждамъ видѣть выводы многолѣтнихъ изслѣдованій строительныхъ матеріаловъ, произведённыхъ при помощи особенно точныхъ приборовъ, устроенныхъ по его проэкту въ механическомъ отдѣленіи лабораторіи Института, административная дѣятельность на С.-Петербурго-варшавской желѣзной дорогѣ, на которой онъ въ 1862 году занялъ должность главнаго инженера службы ремонта пути и зданій, а послѣ съ 1869 года до дня смерти и службою подвижнаго состава и тяги отвлекли его отъ учоныхъ трудовъ.

По глубинѣ и обширности познаній въ преподаваемыхъ имъ наукахъ и по неутомимому стремленію къ цѣли, которую особенно долженъ

имѣть въ виду каждый преподаватель (я разумѣю стремленіе къ развитію воспитанниковъ), Собко былъ безъ сомнѣнія одинъ изъ замѣчательныхъ профессоровъ въ Россіи. Онъ читалъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія теорію сопротивленія строительныхъ матеріаловъ, теорію устройства сооруженій вообще, курсъ мостовъ (съ 1844 года), курсъ дорогъ обыкновенныхъ и желѣзныхъ (съ 1849 года) и наконецъ руководилъ воспитанниковъ по составленію проэтовъ мостовъ. Собко въ первый разъ въ Россіи началъ прилагать въ проэктахъ воспитанниковъ идею о замѣненіи въ системѣ Гау деревянныхъ поясовъ желѣзными. Эта мысль нашла примѣненіе при устройствѣ моста чрезъ Оку близь Коломны на Московско-рязанской желѣзной дорогѣ. Пётръ Ивановичъ также имѣлъ занятія и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно: въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, съ 1843 до 1855 года, онъ преподавалъ теоретическую механику въ Горномъ Институтѣ, а въ теченіи трёхъ лѣтъ, съ 1846 по 1849 годъ, практическую механику и аналитическую геометрію въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Преподаваніе теоретической и практической механики Собко прекратилъ, чтобы не развлекаться изслѣдованіемъ множества разнородныхъ предметовъ и посвятить себя всецѣло предметамъ, относящимся къ преподаваемому имъ курсу въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія.

Нельзя не упомянуть ещё объ одномъ предметѣ дѣятельности Собко: съ 1850 по 1856 годъ подъ его руководствомъ и наблюденіемъ изготовлены для музеума Института Путей Сообщенія многія модели русскихъ сооруженій и строительныхъ машинъ, и подъ его же руководствомъ и наблюденіемъ изготовлялась модель арки и разводной части Николаевскаго моста и сдѣлано мастеромъ Колеромъ нѣсколько замѣчательныхъ моделей для музеума Горнаго Института. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, большія способности и сильную любовь къ дѣлу, чтобы выполнять успѣшно столь многотрудныя занятія. Дѣятельность Собко, незамѣтная на первый взглядъ, представлялась приближеніемъ знакомства съ его трудами изумительною.

Въ 1869 году послѣ преобразованія Института въ открытое заведеніе, Собко былъ назначенъ членомъ Конференціи Института и принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ.

П. И. Собко былъ произведёнъ въ статскіе совѣтники въ 1867 году, а 20-го апрѣля 1869 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, скончался 14-го ноября 1870 года и погребёнъ въ С.-Петербургѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Мнѣ случалось не разъ слышать отъ Собко, что онъ обязанъ всѣмъ своей матери (Прасковьѣ Ивановнѣ, урождённой Подвысоцкой), которая по смерти своего мужа, не смотря на недостаточность средствъ, ни на возможность отдать его въ Дворянскій полкъ, куда онъ былъ зачисленъ 10-ти лѣтъ, рѣшилась на свой счётъ опредѣлить его въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи онъ могъ выбрать себѣ поприще по своему собственному желанію.

Д. Журавскій.

В. В. Тарновскій.

Василій Васильевичъ Тарновскій, помѣщикъ Черниговской губерніи, бывшій послѣдовательно, во время крестьянской реформы, членомъ отъ правительства въ Черниговскомъ по улучшенію крестьянскаго быта комитетѣ, членомъ редакціонныхъ коммиссій, членомъ отъ правительства въ Полтавскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи и членомъ Черниговской губернской земской управы, родился въ 1809 году въ отцовскомъ имѣніи Черниговской губерніи, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе, подъ надзоромъ родителей и опытнаго наставника. Затѣмъ, окончивъ въ 1826 году полный курсъ наукъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безпородко кандидатомъ и потомъ въ Московскомъ университетѣ, по юридическому факультету, со степенью кандидата же, онъ, по волѣ родителей, началъ службу въ Петербургѣ, по контрольному вѣдомству. Но призваніе влекло его на другой путь. Оставивъ Петербургъ, климатъ котораго оказался вреднымъ его здоровью, онъ успѣлъ, наконецъ, упросить своихъ родителей позволить ему посвятить себя ученому поприщу, къ которому онъ всегда чувствовалъ влеченіе, но которое въ то время ещё считалось, въ понятіи нашего общества, не дворянскимъ дѣломъ. Имѣя въ виду приготовить себя къ университетской профессурѣ, онъ поступилъ учителемъ русской исторіи въ Житомирскую гимназію.

Но не долго суждено ему было проходить избранное имъ самимъ служебное поприще: смерть отца и матери оторвала его отъ любимыхъ занятій. На его попеченіи остались братья и сёстры и небольшое состояніе, требовавшее личныхъ его трудовъ и заботъ. Весь отдавшись новымъ обязанностямъ, онъ тогда же сталъ въ непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ и вблизи увидѣлъ всю тягость, всю ненормальность крѣпостного права, которое, съ-тѣхъ-поръ, сдѣлалось ему, въ полномъ смыслѣ слова, ненавистнымъ. Любимою его мечтой стало освобожденіе крестьянъ и, какъ-будто предчувствуя готовившуюся ему въ будущемъ дѣятельность, онъ часто говаривалъ: «если бы мнѣ дожить до того счастливаго времени, когда освобожденіе крестьянъ вызоветъ дѣятельность людей, преданныхъ этому дѣлу! Тогда я, можетъ-быть, буду въ числѣ ихъ.» Постоянно лелѣя свою мечту, онъ предался изученію крестьянскаго вопроса во всѣхъ его соприкосновеніяхъ съ жизнью и уяснилъ его себѣ не въ одномъ человѣческомъ, но и въ государственномъ значеніи, какъ ближайшую и коренную помѣху всему нашему нравственному, экономическому, юридическому и политическому развитію. Въ Кіевѣ онъ встрѣтился съ другимъ, такимъ же, какъ онъ, поборникомъ крестьянскаго освобожденія, съ извѣстнымъ нашимъ статистикомъ, Д. П. Журавскимъ, который, во всю свою жизнь, большую часть трудовыхъ средствъ своихъ употреблялъ на выкупъ дворовыхъ людей и, послѣ смерти, завѣщалъ всё своё имущество на это благотворительное дѣло. Сблизившись и сдружившись съ этимъ высшаго разряда

мыслителемъ, Тарновскій ещё болѣе расширилъ кругъ своихъ понятій о любимомъ вопросѣ и, конечно, выработалъ, вмѣстѣ съ Журавскимъ, не одну свѣтлую идею, которую могъ потомъ провести въ это многостороннее дѣло, какъ участникъ въ его разрѣшеніи.

Но ещё прежде великой реформы, онъ имѣлъ утѣшеніе соприкоснуться съ нею въ югозападномъ краѣ, тогдашній правитель котораго, Д. Г. Бибиковъ, положилъ ей первое у насъ основаніе. Я разумѣю инвентарное положеніе, въ обработкѣ котораго Тарновскій принималъ непосредственное участіе, хотя и неоффиціальнымъ образомъ. Здѣсь кстати замѣтить, что инвентарное положеніе, представленное Бибиковымъ, было не тѣмъ, чѣмъ возвратилось оно изъ Петербурга, гдѣ его окончательная редакція прошла черезъ польскія руки. Эта окончательная редакція испортила въ нёмъ всё, что можно было испортить въ его подробностяхъ и много повредила стройности и полнопримѣнимости первоначально выработанной въ Кіевѣ системы.

Но не смотря на искаженія, новый порядокъ всё-таки остался благотворнымъ: обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ уяснились, повинности опредѣлились въ уменьшонномъ размѣрѣ, надѣлы стали въ принципѣ неприкосновенны, произволъ помѣщиковъ воздерживался строгимъ закономъ и можно было съ увѣренностью расчитывать на благодѣтельныя послѣдствія для крестьянскаго благосостоянія. Имѣя въ своёмъ распоряженіи двѣ тысячи душъ въ Кіевской губерніи, принадлежавшихъ его дядѣ и потомъ имъ наслѣдованныхъ, Тарновскій съ живѣйшимъ сочувствіемъ слѣдилъ за вліяніемъ инвентарнаго положенія на крестьянскій бытъ: за пробужденіемъ въ крестьянахъ чувствъ личнаго права и, въ особенности, за успѣхами начавшаго развиваться между ними вольнаго труда, этихъ ближайшихъ результатовъ новыхъ экономическихъ отношеній. Я помню, какъ онъ радовался этимъ начаткамъ крестьянской свободы и какъ онъ тогда уже вѣрно опредѣлялъ слѣдствія полнаго крестьянскаго освобожденія во всѣхъ отправленіяхъ нашей жизни.

Мечта его, наконецъ, начала осуществляться: онъ дожилъ до этого счастливаго времени. Надо было его видѣть въ то время, когда благовѣстъ въ высшихъ нашихъ сферахъ сталъ возвѣщать о приближеніи великаго торжества Россіи. Я помню, съ какимъ юношескимъ воодушевленіемъ онъ открылъ мнѣ, какъ близкому по родству и единомыслію, тайну первыхъ своихъ сношеній съ самымъ центромъ возникавшаго у насъ тогда движенія по этому вопросу и, потомъ, сообщилъ извѣстіе о вызовѣ его къ дѣятельному содѣйствію реформѣ; какъ онъ поскакалъ за границу для личнаго свиданія и совѣщаній съ главнѣйшими тогдашними подвижниками царской мысли; какимъ счастливцемъ онъ возвратился оттуда, уже увѣренный, что реформа — будетъ. Вскорѣ затѣмъ начали возвѣщать о ней Высочайшіе рескрипты, эти безсмертные памятники нашего времени, краеугольные камни новаго зданія Россіи. Само дворянство призывалось къ разрѣшенію великаго вопроса и, надо отдать ему справедливость, вездѣ у насъ нашлись дворяне, искренно принявшіе къ сердцу довѣріе Государя и оправдавшіе его.

Тарновскій былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ Черниговскій комитетъ и приступилъ къ дѣлу съ готовымъ запасомъ соображеній, а главное, съ полною готовностью на всѣ жертвы. Скромный и тихій, не любившій шума и спора, онъ, однако жь, крѣпко держалъ своё завѣтное знамя и былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ отдѣльнаго проэкта, выработаннаго *меньшинствомъ*

По открытіи редакціонныхъ комиссій въ Петербургѣ, онъ былъ призванъ въ нихъ въ качествѣ эксперта, въ числѣ людей, записавшихъ своё имя въ нашу исторію. Тамъ онъ работалъ неутомимо, о чёмъ свидѣтельствуетъ сборникъ трудовъ Комиссій, гдѣ его имя встрѣчается подъ многими самыми капитальними статьями. Особенную заслугу въ его тогдашней дѣятельности составляетъ, безъ сомнѣнія, ясное сознаніе важности бытовыхъ началъ въ народной жизни, принятіе которыхъ въ основу положенія 19-го февраля много обязано его энергическому содѣйствію и даже, кажется, его иниціативѣ. Обративъ на себя вниманіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, онъ, однако жь, не искалъ и даже не желалъ никакихъ наградъ и отличій. Чувствуя себя достаточно награждённымъ тѣмъ, что былъ призванъ содѣйствовать осуществленію завѣтной мечты своей жизни, онъ даже, такъ сказать, прятался отъ знаковъ вниманія и уваженія, которымъ окружали тогда высокія особы этихъ передовыхъ нашихъ дѣятелей. Но за-то какъ онъ цѣнилъ въ душѣ нашего Передового передовыхъ, Царя-Освободителя! Онъ питалъ къ Нему не то-что преданность къ монарху-благодѣтелю своего народа, а страстную любовь къ человѣку, которымъ лично гордился и о которомъ, въ искренней бесѣдѣ, не могъ говорить безъ того, чтобъ слёзы не навернулись у него на глазахъ. При своихъ всегда либеральныхъ воззрѣніяхъ на государство, онъ въ дѣлахъ Александра II-го нашолъ смыслъ и оправданіе основного начала нашей государственной жизни, уразумѣлъ, что не на условныхъ контрактахъ власти съ народомъ и не на взаимныхъ ихъ ограниченіяхъ, а на органической связи между ними и на полнотѣ обоюдныхъ ихъ отправленій зиждутся самые вѣрные залоги общаго и частнаго права, общей и частной свободы — и преклонился передъ нашимъ государственнымъ идеаломъ.

По обнародованіи положенія 19-го февраля, онъ былъ приглашонъ и назначенъ членомъ отъ правительства въ Полтавское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Здѣсь его главное вниманіе было обращено на мирное введеніе уставныхъ грамотъ и на устраненіе насильственныхъ пріёмовъ, при возникавшихъ тогда недоразумѣніяхъ со стороны крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ самъ объѣзжалъ многія части губерніи и своимъ личнымъ вліяніемъ, вразумительнымъ разъясненіемъ крестьянамъ вводимаго порядка, много содѣйствовалъ его мирному водворенію.

По образованіи земскихъ учрежденій, онъ, не смотря на своё поколебавшееся уже здоровье, всецѣло предался новой дѣятельности какъ членъ Черниговской земской управы. Новыя эти занятія, занимая его нравственно, не обнаруживали вреднаго вліянія на его здоровье; но нервное разстройство ждало только повода для потрясенія ослабѣвшаго организма. Первымъ такимъ поводомъ была вѣсть о болѣзни Н. А. Милютина, съ которымъ онъ

сблизился въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и котораго уважалъ и любилъ глубоко. Затѣмъ, при открытіи земскаго собранія, въ одномъ изъ первыхъ его засѣданій, встрѣтились съ нимъ неизбѣжныя состязанія, которыя оказались выше силъ его: возвратясь изъ этого засѣданія сильно огорчённымъ, онъ, на слѣдующій день, 4-го декабря, былъ поражонъ нервическимъ ударомъ, сведшимъ его въ могилу.

Такъ окончилъ жизнь, на 56 году, одинъ изъ самыхъ искреннихъ друзей русскаго народа, одинъ изъ самыхъ разумныхъ поборниковъ его интересовъ, изъ общественныхъ дѣятелей, самыхъ преданныхъ общему благу и охранительнымъ началамъ истиннаго прогресса, наконецъ, изъ самыхъ лучшихъ людей, по душѣ и сердцу. Вся жизнь его была безукоризненна. Ежели онъ имѣлъ враговъ, то они были вызваны не его неправдою, а неуступчивымъ противодѣйствіемъ ихъ неправдѣ. Его честности и безкорыстія не могли поколебать никакіе личные интересы, даже тамъ, гдѣ внѣшняя справедливость была на ихъ сторонѣ. Вотъ тому доказательство: будучи однимъ изъ наслѣдниковъ бездѣтнаго дяди и, послѣ его смерти, узнавъ о существованіи завѣщанія, которымъ дядя предоставлялъ ему одному всё своё огромное состояніе, онъ тотчасъ-же заявилъ мнѣ, что, по долгу совѣсти, не желаетъ воспользоваться одинъ этимъ наслѣдствомъ. Какъ сказалъ — такъ и сдѣлалъ. Изъ завѣщанныхъ ему шести тысячъ душъ, онъ передалъ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ двѣ тысячи пятьсотъ душъ и, кромѣ того, сёстрамъ и нѣкоторымъ даже посторонним лицамъ, чужимъ семейству Тарновскихъ, но свойственникамъ завѣщателя, выплатилъ до ста пятидесяти тысячъ рублей деньгами, принявъ на себя, сверхъ того, до ста тысячъ оказавшагося на имѣніи долга. Нужно ли говорить, послѣ этого, какимъ онъ былъ мужемъ, отцомъ, роднымъ и другомъ? Что касается до его общихъ отношеній къ людямъ, то, служа имъ всегда и во всёмъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, онъ былъ скроменъ до скрытности въ добрыхъ дѣлахъ своихъ, какъ и во всёмъ, что могло свидѣтельствовать въ его пользу. Вотъ отвѣтъ погребавшаго его духовнаго лица на сдѣланное замѣчаніе, почему не несутъ передъ гробомъ орденовъ его: указавъ на шедшихъ за гробомъ вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ чиновниковъ, онъ сказалъ: «вотъ его ордена; другихъ ему не нужно».

Кладу этотъ очеркъ на могилу усопшаго, съ полною увѣренностью, что ни откуда не услышу возраженій, ни отъ кого не встрѣчу обвиненія въ какомъ бы то ни было пристрастіи. Въ словахъ моихъ можно развѣ найти неполноту, недоконченность въ изображеніи начертаннаго мною образа.

М. Юзефовичъ.

К. Е. Троцина.

Константинъ Елисѣевичъ Троцина, землевладѣлецъ Нѣжинскаго уѣзда и тамошній почётный мировой судья, родился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1827 года въ Малороссіи, началъ своё воспитаніе въ Нѣжинской гимназіи и окончилъ его въ Лицеѣ Князя Безбородко въ 1847 году.

Вслѣдъ за окончаніемъ курса, Троцинъ поселился въ одномъ изъ своихъ имѣній, въ селѣ Карпиловкѣ, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ ближайшимъ его занятіемъ сдѣлалось сельское хозяйство. Приступивъ къ этому занятію безъ предварительной подготовки, онъ обратился къ сельско-хозяйственнымъ книгамъ, думая найти въ нихъ руководство въ предстоявшемъ ему дѣлѣ. Всё, что вычитывалось изъ книгъ, тутъ же приводилось имъ въ дѣло, хотя бы въ видѣ опыта. Конечно, существенныхъ результатовъ отъ этого не происходило для хозяйства, такъ-какъ всякія раціональныя улучшенія хозяйства не могли имѣть значенія въ то время уже потому, что крѣпостной трудъ не представлялъ возможности производить правильный учётъ стоимости дѣлаемыхъ нововведеній. Тѣмъ не менѣе, извѣстный запасъ теоретическихъ свѣдѣній, пріобрѣтённый имъ въ то время, принёсъ ему свою долю пользы впослѣдствіи, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, помѣщичьи хозяйства должны были руководствоваться совершенно иными началами.

Къ этому же времени пребыванія его въ имѣніи относится устройство имъ школы въ селѣ Карпиловкѣ. Вообще говоря, въ то время помѣщичьи сельскія школы не представлялись явленіемъ частымъ; Карпиловская же школа замѣчательна была тѣмъ, что въ ней грамотность составляла не исключительный предметъ заботы учредителя. Доказательствомъ извѣстнаго развитія учениковъ этой школы служитъ то, что чрезъ нѣкоторое время по освобожденіи крестьянъ, воспитанники этой школы явились главными дѣятелями въ своёмъ обществѣ и при томъ дѣятелями разумными. Благодаря ихъ вліянію, общественныя нужды крестьянъ Карпиловки получили такое правильное удовлетвореніе, что вскорѣ по своему благоустройству Карпиловка сдѣлалась образцомъ въ уѣздѣ. Послѣдующее развитіе карпиловцевъ отъ школы, устроенной Константиномъ Елисѣевичемъ, подтверждается между-прочимъ и устройствомъ ими въ недавнее время, по своей собственной иниціативѣ и на свои средства, новаго, прекраснаго зданія для школы. То же общество крестьянъ поняло пользу и необходимость принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ обезпеченію себя отъ пожара. Не довольствуясь заведеніемъ, по общепринятому порядку, нѣсколькихъ бочекъ, всегда спокойно стоящихъ подъ навѣсомъ сельской сборни, что обыкновенно и составляетъ сельскую пожарную команду, оно пріобрѣло хорошую, большую пожарную трубу, которая уже не разъ оказала активную помощь въ пожарныхъ случаяхъ. Вообще крестьяне селѣ Карпиловки отличаются смышлёностію и извѣстнымъ благосостояніемъ, что несомнѣнно объясняется тѣмъ, что значительная часть его населенія прошла чрезъ сельскую школу.

Независимо отъ устройства школы и попеченія о ней во всѣхъ отношеніяхъ, Троцина въ это время занимался пополненіемъ лицейскаго образованія, хотя въ Лицеѣ онъ былъ первымъ студентомъ по успѣхамъ и при окончаніи курса получилъ золотую медаль за сочиненіе «Историческое обозрѣніе Судебныхъ Учрежденій отъ Ивана III до позднѣйшихъ времёнъ». Окончательно Троцина завершилъ своё образованіе за границею, куда ѣздилъ два раза на продолжительное время. Слѣдя за дѣятельностію Константина Елисѣевича, какъ члена общества, мы ви-

димъ, что жизнь его не шла тѣмъ порядкомъ, которому слѣдовали въ то время люди съ его образованіемъ и состояніемъ: онъ, по окончаніи Лицея, всю послѣдующую жизнь исключительно посвятилъ мѣстному обществу и оставлялъ жизнь въ селѣ только на то время, какое требовалось для занятій его на общественной службѣ. Даже крестьянская реформа, имѣвшая огромное вліяніе на характеръ и родъ жизни помѣщиковъ, когда многіе изъ нихъ переселились въ городъ, не видоизмѣнила рода жизни Константина Елисѣевича, который, по прежнему, остался сельскимъ жителемъ, занимаясь хозяйствомъ, сообразно требованіямъ новаго времени, при вольнонаёмныхъ работникахъ.

Останавливаясь на дѣятельности Троцины, какъ хозяина, мы видимъ, что онъ вёлъ хозяйство не какъ рутинеръ-помѣщикъ, а какъ человѣкъ просвѣщённый, понимающій условія хорошаго и правильнаго хозяйства. Хорошее скотоводство и уходъ за нимъ, земледѣльческія орудія и всѣ хозяйственныя постройки въ имѣніи Троцины въ селѣ Дарагинкѣ, Нѣжинскаго уѣзда, куда онъ впослѣдствіи переселился, представляютъ много интереснаго и поучительнаго для всякаго хозяина.

Живя въ деревнѣ и стоя близко къ населенію, Троцина знакомо было положеніе крестьянъ, а потому онъ не могъ не отозваться сочувственно на вопросъ объ улучшеніи ихъ быта и когда этотъ вопросъ сдѣлался доступнымъ публичному обсужденію, онъ написалъ для журнала «Сельское Благоустройство» двѣ статьи, въ коихъ высказывалъ свои предположенія относительно надѣленія крестьянъ землёю и установленія за оную повинностей. Признаваемый имъ minimum крестьянскаго надѣла былъ гораздо выше установленнаго впослѣдствіи для Малороссіи. Другая реформа, близко касавшаяся хозяйственнаго положенія Малороссіи, вызвала также публичное выраженіе мнѣнія Троцины. Въ 1862 году издано положенія объ акцизныхъ сборахъ съ питей, совершенно измѣнившее прежній порядокъ и самыя обложенія этого продукта сельскохозяйственнаго производства. Новое законоположеніе объ этой промышленности предъявляло такія серьёзныя требованія къ заводчикамъ и устанавливало такія высокія обязательныя нормы выхода вина изъ хлѣба, что рѣдкій изъ винокуренныхъ заводовъ въ Малороссіи могъ имъ подчиниться и уже первый опытъ примѣненія этого закона выяснилъ будущность винокуренія въ краѣ. Вслѣдствіе этого Троциною было высказано мнѣніе, что вновь изданный законъ долженъ повести къ паденію заводовъ съ сельскохозяйственнымъ значеніемъ и къ учрежденію заводовъ промышленныхъ, требующихъ болѣе или менѣе значительнаго капитала, что неблагопріятно отзовётся и на сельскомъ хозяйствѣ. Эти предположенія его, которыя, къ сожалѣнію, въ скоромъ времени оправдались, были печатно высказаны имъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Замѣтки о винокуреніи въ Малороссіи».

Въ первый разъ, какъ общественный представитель края, Троцина встрѣчается въ 1859 году. Въ началѣ этого года послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату образовать особый комитетъ изъ чиновниковъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, межеваго вѣдомства и опытнѣйшихъ помѣщиковъ Черниговской и Полтавской губерніи, наибо-

лѣе знакомыхъ съ хозяйственнымъ положеніемъ края, для составленія проекта положенія о размежеваніи Черниговской и Полтавской губерніи. Въ этомъ комитетѣ, бывшемъ подъ главнымъ предсѣдательствомъ М. Н. Муравьёва, участвовалъ и Троцина, какъ депутатъ отъ Полтавской губерніи. Составленный комитетомъ проэктъ получилъ Высочайшее утвержденіе 27-го октября 1859 года. Съ открытіемъ, на основаніи этого, размежеванія, Троцина былъ избранъ предсѣдателемъ Нѣжинской межевой коммисіи. Открывши межеваніе и устроивши это дѣло въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, Константинъ Елисѣевичъ 31-го августа 1863 года, по Высочайшему повелѣнію, былъ приглашонъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ на должность члена отъ правительства въ Черниговское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, въ каковой должности оставался до избранія его первымъ предсѣдателемъ черниговской губернской земской управы. Въ это же время онъ избранъ былъ почётнымъ попечителемъ черниговской гимназіи. Въ концѣ 1866 года Троцина оставилъ должность предсѣдателя губернской управы и поселился въ селѣ Дорогинкѣ, гдѣ устроилъ начальную школу, принимая самое живое участіе въ общественной дѣятельности своего уѣзда.

Съ открытіемъ въ 1869 году мировыхъ судебныхъ учрежденій въ Черниговской губерніи, Троцина былъ избранъ почотнымъ мировымъ судьёю и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей Нѣжинскаго уѣзда. Со времени введенія земскихъ учрежденій въ Черниговской губерніи, въ 1865 году, онъ непрерывно былъ избираемъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ.

Лѣтомъ 1880 года Троцина отказался отъ должности предсѣдателя мироваго съѣзда, оставивъ за собою должность почётнаго мироваго судьи и званіе гласнаго уѣзднаго земскаго собранія; а съ 1880 году хотя сохранилъ за собою послѣднія двѣ должности, но совершенно оставилъ занятія общественными дѣлами и съ-тѣхъ-поръ почти безвыѣздно живетъ въ деревнѣ, принимая непосредственное участіе въ воспитаніи своихъ дѣтей. На долю Троцины выпала счастливая участь не только участвовать, но и открывать нѣсколько новыхъ учрежденій прошлаго царствованія: межевую коммисію, губернскую управу, мировой съѣздъ и быть проводникомъ въ своёмъ краѣ благихъ намѣреній правительства въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Свои обязанности Троцина всегда выполнялъ безвозмездно и безкорыстно. отдавая слѣдуемое ему жалованье на благотворительныя заведенія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ всею душою былъ преданъ тому дѣлу, которому служилъ, посвящая ему всё своё время. Характеризуя Константинъ Елисѣевича, какъ общественнаго дѣятеля, нужно сказать, что онъ совершенно чуждъ былъ аффектаціи и тѣхъ внѣшнихъ пріёмовъ, которые имѣютъ въ виду тѣшить своё самолюбіе краснорѣчивой болтовнёй въ общественныхъ собраніяхъ, переливая изъ пустаго въ порожнее. Въ земскихъ собраніяхъ рѣдко можно было слышать рѣчи Троцины, но за-то сказанное имъ всегда отличалось искренностью и серьёзностію. Зная, какъ образованный человѣкъ, что всякое новое общественное явленіе въ жизни не сразу находитъ свою мѣру и предѣлы нормальнаго своего развитія и что весьма часто это новое уве-

кается къ односторонности, Троцина всегда боялся этой односторонности и былъ очень остороженъ и осмотрителенъ въ нововведеніяхъ. Медленно высказывающійся, спокойно говорящій, вообще сдержанный, молчаливый и строгій на видъ, онъ былъ краснорѣчивъ, когда дѣло касалось серьёзнаго вопроса, въ пользѣ котораго онъ былъ убѣжденъ, упорно и настойчиво преслѣдовалъ его исполненіе, всегда готовый въ такомъ дѣлѣ помочь обществу, жертвуя для этого трудомъ и своими собственными средствами. Будучи прекрасно обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ жилъ всегда скромно и былъ совершенно чуждъ извращённыхъ потребностей, которыя иногда встрѣчаются у богатыхъ людей. Добрый, доступный и простой Константинъ Елисѣевичъ былъ всегда готовъ помочь ближнему не словомъ, а дѣломъ, если въ томъ представлялась малѣйшая необходимость. Вмѣстѣ съ этимъ онъ иногда весьма довѣрчиво относился къ людямъ, чѣмъ не рѣдко нѣкоторые пользовались для своихъ личныхъ цѣлей.

Дѣятельность Троцины наиболѣе обозначилась въ смыслѣ общественномъ, какъ предсѣдателя съѣзда и какъ члена училищнаго совѣта отъ земства. Что касается послѣдняго, то мы уже видѣли, что имъ, или благодаря его заботамъ и матеріальнымъ затратамъ, основаны были двѣ начальныя школы въ сёлахъ Карпиловкѣ и Дорогинкѣ. Когда земство Нѣжинскаго уѣзда, въ началѣ 1870 года, принялось за народное образованіе, Троцина былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ училищнаго совѣта отъ земства. Земство уѣзда въ это время задалось цѣлью выработать типъ начальной школы какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи. Такъ-какъ срокъ самостоятельной земской дѣятельности по народному образованію продолжался очень небольшой періодъ времени, то поставленная земствомъ задача не могла быть доведена до конца, а потому ничего нельзя сказать о результатахъ этой задачи. Тѣмъ не менѣе, изъ журналовъ засѣданій нѣжинскаго земскаго собранія мы видимъ нѣкоторыя послѣдствія работы земства того времени по народному образованію, а именно постройка хорошихъ новыхъ школьныхъ зданій во всёмъ уѣздѣ, приготовленіе учителей и устройство учительскихъ курсовъ, снабженіе школъ хорошими пособіями и учебными принадлежностями и составленіе проэкта инструкціи для начальныхъ сельскихъ школъ въ педагогическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Проэктъ этотъ не приводился въ исполненіе, а имѣлъ цѣлью въ будущемъ выработать типъ начальной сельской школы, согласно указаніямъ опыта, что предполагалось вырабатывать сначала на учительскихъ курсахъ, а потомъ на учительскихъ съѣздахъ. Приготовленіе учителей состояло въ посылкѣ молодыхъ людей въ учительскую семинарію на счётъ земства и частныхъ лицъ, причёмъ самъ Троцина воспитывалъ стипендіатовъ на свои личныя средства, чтобы увеличить число лицъ, надлежаще подготовленныхъ для учительской дѣятельности. Журналы земскаго собранія по Нѣжинскому уѣзду отъ 1870 до 1873 года переполнены разными постановленіями по народному образованію, что свидѣтельствуетъ о дѣятельности учительскаго совѣта того времени, въ которомъ всегда принималъ дѣятельное участіе и Константинъ Елисѣевичъ.

Троцина открывалъ мировыя учрежденія въ Нѣжинскомъ уѣздѣ и былъ предсѣдателемъ съѣзда непрерывно въ теченіи нѣсколькихъ трехлѣтій. И въ этой должности, какъ вездѣ и всегда, онъ былъ однимъ и тѣмъ же — всецѣло посвятившимъ себя своимъ обязанностямъ. Засѣданія мироваго съѣзда всегда велись подъ его предсѣдательствомъ, причёмъ онъ непосредственно вникалъ въ дѣло и поставилъ мировой судъ въ уѣздѣ на тѣхъ началахъ, которыя положены въ основаніе новыхъ судебныхъ уставовъ 24 ноября 1864 года.

Константинъ Елисѣевичъ Троцина, какъ человѣкъ образованный, сердечно относящійся къ ближнему и безкорыстно исполняющій свой долгъ предъ обществомъ, своею дѣятельностію оставилъ неизгладимый слѣдъ въ губерніи и посовѣсти, съ полной увѣренностію можетъ сказать, что и его камень лежитъ въ зданіи, устроенномъ на общее благо нашего роднаго края.

П. Коровка.

К. С. Фрейндъ.

Константинъ Сергѣевичъ Фрейндъ, полковникъ и командиръ Прагскаго резервнаго пѣхотнаго полка сынъ полковника русской службы, родился въ 1817 году въ Могилёвской губерніи, но гдѣ именно — неизвѣстно, какъ и то, гдѣ онъ воспитывался до поступленія въ Лицей Князя Безбородко. Изъ того, что Фрейндъ, будучи принятъ въ Лицей 21-го августа 1830 года, окончилъ въ нёмъ полный курсъ, съ степенью студента Лицея и правомъ на чинъ 14-го класса, въ 1834 году, можно безошибочно заключить, что онъ перешолъ въ Лицей изъ высшихъ классовъ какой-нибудь губернской гимназіи. Хотя онъ поступилъ ещё до преобразованія заведенія изъ Гимназіи Высшихъ Наукъ въ Лицей, но окончилъ курсъ уже лиценстомъ и при томъ — первымъ по выпуску вновь преобразованнаго заведенія и сталъ, такимъ-образомъ, первымъ студентомъ Лицея Князя Безбородко, какъ Пётръ Григорьевичъ Рѣдкинъ — первымъ студентомъ Гимназіи Высшихъ Наукъ. По окончаніи курса, Константинъ Сергѣевичъ отправился въ Петербургъ и 14-го февраля 1835 года опредѣлился, для узнанія порядка военной службы въ Дворянскій полкъ. Здѣсь онъ былъ произведёнъ въ унтеръ-офицеры, фельдфебели и наконецъ (28-го іюля 1837 года) въ прапорщики, съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ, гдѣ произведёнъ въ подпоручики (26-го марта 1839 года) и поручики (6-го декабря 1842 года). Затѣмъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ отдѣльный Кавказскій Корпусъ на время военныхъ дѣйствій, куда и отправился въ февралѣ мѣсяцѣ 1843 года. По прибытіи на мѣсто, онъ былъ прикомандированъ къ Житомирскому егерскому полку и участвовалъ съ нимъ въ походахъ и дѣлахъ противу горцевъ на правомъ флангѣ

Кавказской линіи. Именно: 20-го апрѣля при сосредоточеніи войскъ, въ станицѣ Невинномыской, противъ горцевъ, собравшихся за Лабою въ значительныхъ силахъ; затѣмъ въ движеніи отряда полковника Адлерберга вверхъ по рѣкѣ Зеленчуку для сближенія съ кубанскими станицами; 21-го мая при окончательномъ сосредоточеніи войскъ у станицы Невинномыской; 25, 26, 27 и 28-го чиселъ въ движеніи вверхъ по Большому Зеленчуку и расположеніи лагеремъ у каменнаго моста; 29-го — при устройствѣ моста черезъ рѣку и тетъ-де-пона; 2-го іюня — при переправѣ черезъ рѣку и расположеніи лагеремъ при сліяніи рѣкъ Кафира и Бежгона; 5-го и 6-го — при устройствѣ переправы черезъ Кафиръ и, наконецъ, 6-го — при заложеніи укрѣпленія. 22-го ноября, по приведеніи укрѣпленія въ оборонительное положеніе, отрядъ былъ распущенъ на зимнія квартиры. Когда вышелъ срокъ откомандировки, Фрейндъ получилъ позволеніе отправиться обратно въ полкъ, куда и прибылъ 5-го апрѣля 1844 года. За отличіе, оказанное имъ въ дѣлахъ противъ горцевъ, онъ былъ произведёнъ (1-го іюля 1844 года), въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ (30-го апрѣля 1845 года) былъ назначенъ ротнымъ командиромъ, а 6-го декабря 1848 года — произведёнъ на вакансію въ капитаны. Отличное состояніе ввѣренной Фрейнду роты доставило ему въ 1851 и 1853 годахъ ордена Св. Анны 3-й и 2-й степеней. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1853 года Фрейндъ былъ прикомандированъ лейбъ-гвардіи къ Финскому стрѣлковому баталіону, для назначенія, впослѣдствіи, командиромъ одного изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, а 28-го декабря 1853 года назначенъ командиромъ 3-го стрѣлковаго баталіона, съ переименованіемъ въ подполковники. Получивъ назначеніе, Константинъ Сергѣевичъ, нимало не медля, отправился къ мѣсту новаго своего служенія и 11-го февраля слѣдующаго года уже вступилъ въ командованіе баталіономъ, находившимся тогда въ Молдавіи.

Между-тѣмъ война съ Турціею уже началась и русская армія готовилась вторгнуться въ турецкіе предѣлы. При раздѣленіи войскъ на отряды, для переправы за Дунай, 3-й стрѣлковый баталіонъ Фрейнда вошолъ въ составъ браиловскаго отряда, находившагося подъ непосредственнымъ начальствомъ самого князя Горчакова — и 11-го марта въ 4 часа пополудни переправился изъ города Браилова на правый берегъ Дуная. Изумлённые смѣлымъ нашимъ натискомъ, турки отретировались и не рѣшились держаться даже въ Тульчѣ и Мачинѣ, которые, будучи окружены твёрдыми укрѣпленіями и заключая въ себѣ до 15 тысячъ человѣкъ гарнизона, могли стоить намъ большихъ пожертвованій. Обѣ эти крѣпости были брошены и 13-го марта заняты войскомъ браиловскаго отряда, въ числѣ котораго былъ и баталіонъ Фрейнда. 17-го марта 3-й стрѣлковый баталіонъ вошолъ въ составъ авангаднаго отряда генералъ-адъютанта Лидерса и участвовалъ въ движеніи этого отряда изъ Мачина вверхъ по правому берегу Дуная и сосредоточеніи его, 20-го того же мѣсяца, у Гирсова, и въ дальнѣйшемъ движеніи къ Черноводамъ и, наконецъ, 4-го мая при занятіи высотъ, окружающихъ крѣпость Силистрію. Въ ночь съ 5-го на 6-е мая начались осадныя работы. Затѣмъ, 9-го числа, Фрейндъ участвовалъ съ своимъ баталіо-

номъ въ усиленной рекогносцировкѣ къ форту Абдулъ-Меджидъ, предпринятой генералъ-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ для отвлеченія вниманія турокъ отъ нашихъ осадныхъ работъ; въ ночь съ 16-го на 17-е, во время атаки нагорнаго укрѣпленія Арабъ-Табіасъ, произведённой войсками 8-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Сельвана, находился съ баталіономъ въ передовыхъ траншеяхъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнёмъ; 22-го — при отраженіи сильной непріятельской вылазки противъ редута, возведённаго на лѣвомъ флангѣ нашихъ траншей; 28-го — участвовалъ въ усиленной рекогносцировкѣ, произведённой подъ личнымъ начальствомъ самого генералъ-фельдмаршала въ окрестностяхъ Силистріи и наконецъ въ ночь со 2-го на 3-е іюня — въ отраженіи вылазки непріятеля противу праваго фланга осадныхъ работъ. Эта стычка была послѣднею, въ которой участвовалъ Фрейндъ въ войнѣ съ Турками. 14-го іюня осада Силистріи была снята и войска наши, а въ томъ числѣ и 3-й стрѣлковый баталіонъ, переправились обратно на лѣвый берегъ Дуная въ совершенномъ порядкѣ, не понеся ни малѣйшей потери.

По возвращеніи нашихъ войскъ въ русскіе предѣлы, Фрейндъ былъ назначенъ (25-го февраля 1855 года) командующимъ сперва Сѣвскаго, а 11-го апрѣля того же года Прагскаго резервнаго пѣхотнаго полка, а 18-го іюня произведёнъ въ полковники, съ утвержденіемъ командиромъ полка.

Между-тѣмъ Севастопольская драма близилась къ концу и наши войска напрягали послѣднія усилія — или отстоять городъ, или пасть подъ его развалинами. Полки, одинъ за другимъ, тянулись съ турецкой границы къ Севастополю, чтобы омочить кровью его бастіоны. Пришла наконецъ очередь и Прагскому полку принять участіе въ гомерической борьбѣ, справедливо удивлявшей Европу.

До послѣдняго бомбардированія и приступа, Фрейндъ не принималъ особенно-дѣятельнаго участія въ защитѣ Севастополя, но не задолго до бомбардированія ему, съ Прагскимъ полкомъ, поручена была тыльная защита Малахова кургана. Началось бомбардированіе, какого не представляла ещё исторія. Совершенный хаосъ смерти происходилъ въ Севастополѣ, или, лучше, на мѣстѣ бывшаго когда-то Севастополя. Земля дрожала, небо багровѣло, стонали окрестности, по которымъ далеко прокатывались грозные раскаты бѣшеной канонады. Человѣческій умъ не можетъ себѣ представить всего вынесеннаго защитниками города до послѣдняго роковаго дня. Войско убывало у насъ съ каждымъ днёмъ, съ каждымъ часомъ, можно сказать, таяло, какъ снѣгъ. Потеря на обоихъ флангахъ, въ послѣдніе три дня, была неслыханная: изъ строю выбывало около четырёхъ тысячъ человѣкъ въ сутки. Всего же болѣе страдали 2-й бастіонъ и Малаховъ курганъ, въ особенности Малаховъ. Не было уже никакой возможности исправлять окопы. Брустверы, обрушиваясь, заваливали рвы; мерлоны разсыпались; должно было безпрестанно расчищать амбразуры; артиллерійская прислуга и прикрытіе гибли одинаково во множествѣ. Едва успѣвали выносить раненыхъ, убитыхъ оставляли на мѣстѣ.

24-го августа было выпущено непріятелями по городу 86,000 снарядовъ, изъ которыхъ вѣрно четвёртая часть пришлась на долю Малахова кургана. Въ ночь съ 25го на 26-е огонь непріятельскихъ батарей ещё усилился, такъ-что къ утру 26-го курганъ былъ въ худшемъ состояніи, чѣмъ наканунѣ. Это было первое такое утро во всю осаду. Обыкновенно поутру поврежденія исправлялись и батареи глядѣли свѣжѣе, чѣмъ ввечеру. Изъ 63 орудій Малахова кургана оставалось неподбитыми на переднемъ фасѣ только 8, и 14, обращённыхъ къ городу. Здѣсь-то, среди этого ада, находился Фрейндъ съ своимъ полкомъ, уже уменьшившимся до 300 человѣкъ и терявшимъ теперь ежеминутно убитыми и ранеными.

Но вотъ настало знаменитое утро 27-го августа. Съ восходомъ солнца канонада загорѣлась съ прежнею силою, а къ 11 часамъ достигла до невѣроятной степени ожесточенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стала усиливаться на правомъ флангѣ и ослабѣвать на лѣвомъ. Ровно въ полдень начался приступъ. На исходящій уголъ Малахова кургана кинулись главныя и лучшія колонны французовъ. Всего 12 саженъ разстоянія надо было имъ пробѣжать; дѣло совершилось въ полминуты. Головная колонна непріятеля ворвалась въ бастіонъ у лѣваго плеча угла такъ быстро, такъ неожиданно, что даже полевыя орудія не успѣли встрѣтить врага картечью, а Прагскій полкъ — построиться и дать отпоръ. Зуавы и волтижоры, взбѣжавъ на курганъ съ замѣчательной быстротой, оттѣснили Прагцевъ и распустили трёхцвѣтное знамя на башнѣ. Какъ муравьи полѣзли французы на Малаховъ курганъ, завидя своё знамя на башнѣ, заняли всю верхнюю оконечность кургана, прорвались къ развалинамъ башни и, засѣвъ здѣсь, открыли частую ружейную пальбу по Прагскому полку, который въ это время строился, чтобы снова ударить на непріятеля. Не смотря на убійственный штуцерный огонь французовъ, полковникъ Фрейндъ съумѣлъ довольно скоро сформировать полкъ въ ротныя колонны и, во главѣ полка, съ крикомъ «ура» ударилъ на французовъ въ штыки. Завязалась одна изъ тѣхъ ужасныхъ рукопашныхъ свалокъ, когда цѣлыя толпы перемѣшиваются въ крайнемъ опьяненіи боя, поражая другъ друга желѣзомъ, камнями, деревомъ, что ни попадётся подъ руку, душа другъ друга за горло, царапаясь и кусаясь въ звѣрскомъ изступленіи. Нѣсколько минутъ продолжалась эта отчаянная схватка. Наконецъ Прагцы опрокинули французовъ. Къ несчастію въ это самое время храбрый Фрейндъ былъ тяжело раненъ штуцерными пулями въ обѣ руки, а большая часть бывшихъ тутъ офицеровъ перебита и потому этотъ успѣхъ не имѣлъ счастливыхъ послѣдствій. Къ тому же непріятельскія свѣжія массы, слѣдомъ за своею цѣпью, всё валили и валили впередъ, со всѣхъ сторонъ влѣзая по осыпавшемуся брустверу и вскорѣ сильнымъ напоромъ снова оттѣснили Прагскій полкъ. Фрейнда вынесли изъ сраженія безъ чувствъ. Обѣ руки его были раздроблены и кровь текла изъ свѣжихъ ранъ. Бѣдному страдальцу нужна была скорая помощь, которая, можетъ-быть, ещё спасла бы его; но судьба рѣшила иначе. Раненаго перевезли на сѣверную сторону Севастополя и только тамъ подали ему первую помощь.

Сначала медики ещё надѣялись спасти жизнь храбраго полковника, но вскорѣ болѣзнь приняла дурной оборотъ: къ страданіямъ отъ ранъ присоединилась изнурительная лихорадка, которая быстрыми шагами привела его къ могилѣ. Фрейндъ умеръ спокойно и въ полной памяти. Немногіе уцѣлѣвшіе отъ страшнаго малаховскаго побоища Прагцы проводили своего командира до могилы и почтили его память непритворнымъ сожалѣніемъ, которое Фрейндъ вполнѣ заслужилъ, какъ своею храбростью и заботливостью о подчинённыхъ, такъ и рѣдкими качествами души истинно-возвышенной. Тамъ — на кладбищѣ сѣверной стороны Севастополя ещё видна скромная могила Фрейнда, едва отмѣченная простымъ деревяннымъ крестомъ, рядомъ съ многими тысячами такихъ же могилъ другихъ храбрыхъ, павшихъ на бастіонахъ Севастополя. Миръ праху твоему! Ты исполнилъ долгъ свой честно, какъ дай Богъ исполнить его каждому.

Н. Гервиль.

И. Д. Халчинскій.

Иванъ Дмитріевичъ Халчинскій родился въ 1810 году въ городѣ Кременчугѣ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ почтмейстеромъ. По открытіи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, онъ поступилъ однимъ изъ первыхъ въ число воспитанниковъ благороднаго при ней пансіона. Здѣсь ещё въ отрочествѣ обнаружилось въ нёмъ сильное стремленіе къ занятію иностранными языками. Вставая каждый день въ четыре часа, задолго до своихъ товарищей, молодой Халчинскій постоянно посвящалъ это время изученію французскихъ и нѣмецкихъ уроковъ, въ которыхъ особымъ наставникомъ его былъ памятный всѣмъ нѣжинскимъ пансіонерамъ гувернёръ Егоръ Ивановичъ Зольднеръ. Наравнѣ съ языками, шли успѣшно и другія науки. Въ 1829 году Халчинскій вышелъ изъ Гимназіи со степенью кандидата и отправился въ Петербургъ на службу. Вѣрный наклонностямъ своего дѣтства, онъ опредѣлился въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ департаментъ Внутреннихъ Сношеній. При служебныхъ занятіяхъ, жажда къ изученію языковъ не оставляла его и когда въ 1832 году я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, то мы вмѣстѣ стали учиться англійскому языку и перевели на русскій «Восточныя сказки» Вашингтона-Ирвинга. Рукопись была процензурирована покойнымъ профессоромъ Н. И. Бутырскимъ, который при этомъ случаѣ ободрилъ насъ похвалою, но осталась, по разнымъ обстоятельствамъ, ненапечатанною. Ещё при занятіи этимъ переводомъ, Халчинскій восхищался Востокомъ и выражалъ желаніе побывать тамъ. Судьба благопріятствовала вполнѣ исполненію этого желанія, соединивъ его съ служебными обязанностями молодого дипломата. Вскорѣ онъ былъ назначенъ секретарёмъ посольства въ Константинополь. Въ письмахъ оттуда къ пріятелямъ онъ восхищался новымъ открыв-

шимся ему міромъ и съ восторгомъ описывалъ прелестныя окрестности Стамбула. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы на чужбинѣ, ему захотѣлось однако возвратиться на родину — и онъ былъ переведёнъ начальникомъ отдѣленія въ Азіятскій департаментъ. Петербургскій климатъ не благопріятствовалъ однако его слабому здоровью: онъ страдалъ и грудью, и глазами, которые баливали у него ещё въ дѣтствѣ и радовался, когда по службѣ получилъ опять назначеніе на Востокъ, на этотъ разъ уже съ болѣе важнымъ назначеніемъ — совѣтникомъ посольства въ Константинополѣ. Здѣсь онъ пробылъ до 1850 года и впродолженіе этого времени получилъ ордена: персидскій Льва и Солнца 2-й степени, турецкій Нишанъ-Ифтигаръ и отечественный Св. Анны 2-й степени, съ короною. Въ чинахъ онъ достигъ въ это время статскаго совѣтника. Здоровье его всё однако разстраивалось и онъ старался подкрѣпить его деревенскою жизнію въ небольшомъ имѣніи своёмъ Полтавской губерніи, гдѣ съ особенною любовью занимался маленькимъ конскимъ заводомъ изъ арабскихъ лошадей, съ трудомъ выведенныхъ имъ съ Востока. Долгое пребываніе въ деревнѣ не согласовалось однако ни съ потребностями службы, ни съ собственнымъ честолюбіемъ Халчинскаго. Онъ стремился къ новой дѣятельности и получилъ важный постъ генеральнаго консула въ Молдавіи и Валахіи. Труды его были вскорѣ вознаграждены чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденомъ Св. Станислава 1-й степени, но здоровье окончательно разстроилось. Съ очищеніемъ Дунайскихъ княжествъ нашими войсками, Халчинскій возвратился въ Россію, но дома ожидалъ его тяжолый семейный ударъ: онъ пріѣхалъ къ гробу нѣжно любимой имъ матери. Эта потеря, вмѣстѣ съ прежними семейными утратами, повергла Халчинскаго, который не былъ женатъ, въ грустное одиночество. Онъ отправился для излеченія болѣзни въ Германію, но цѣлебныя воды не помогли ему. По возвращеніи его въ Петербургъ, болѣзнь усилилась — и въ 1856 году Халчинскій скончался на 46-мъ году своей жизни, которая, по служебнымъ его успѣхамъ, обѣщала ещё продолжительное поприще полезной дѣятельности.

А. Бородинъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

СПИСКИ СОЧИНЕНІЙ ЛИТЕРАТОРОВЪ,

ПОЛУЧИВШИХЪ ВОСПИТАНІЕ

ВЪ ГИМНАЗІИ ВЫСШИХЪ НАУКЪ И ЛИЦЕѢ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

Составляя списокъ русскихъ переводовъ лирическихъ стихотвореній Шиллера, приложенный къ моему изданію: «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», я имѣлъ случай пересмотрѣть всѣ наши журналы, сборники и альманахи, начиная съ 1800 года и почти всѣ существующія собранія сочиненій, переводовъ и стихотвореній разныхъ авторовъ, что составило по настоящее время слишкомъ 12000 томовъ. Записывая переводы изъ Шиллера, не упускалъ я въ то же время изъ виду и переводовъ другихъ знаменитыхъ иностранныхъ писателей, а также и оригинальныхъ сочиненій нѣкоторыхъ русскихъ литераторовъ, отмѣчая въ особой тетради всё переведённое изъ Шекспира, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Виланда, Лессинга, Гёте, Гейне, Мольера, Шенье, Беранже и Мицкевича, и всё подписанное именами: Н. В. Гоголя, Н. В. Кукольника, Е. П. Гребёнки, К. М. Базили, В. М. Каминскаго, Н. Я. Прокоповича, П. Г. Рѣдкина, А. П. Рославскаго-Петровскаго, В. Ѳ. Домбровскаго, Д. И. Журавскаго, Е. Э. Дріанскаго, А. С. Афанасьева и другихъ литераторовъ, получившихъ воспитаніе въ Лицеѣ Князя Безбородко.

Повѣряя, при случаѣ, свои списки и пополняя ихъ, по указанію нашихъ извѣстныхъ библіографовъ, новыми матеріалами, я составилъ такимъ образомъ возможно полные списки сочиненій литераторовъ, получившихъ воспитаніе въ Гимназіи Высшихъ Наукъ и Лицеѣ Князя Безбородко, предлагаемые здѣсь вниманію библіографовъ. Изъ нихъ списки сочиненій Гоголя и Гребёнки уже были напечатаны, первый — въ VI томѣ «Сочиненій и Писемъ Гоголя», изданныхъ г. Кулишомъ, а второй — въ 5 № «Библіографическихъ Записокъ» на 1858 годъ; остальные — являются здѣсь въ первый разъ.

Н. Гербель.

I.

А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій.

Кольцо. Стих. («Современникъ», 1838, т. XI, отд. III, стр. 187.)
Свинцовая пуля. Разсказъ. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 7, стр. 121.)
Пятая глава изъ романа: «Чугуевскій казакъ». (Тамъ же, № 47, стр. 921.)
Время. Стих. («Галатея», 1839, ч. I, стр. 282.)
Элегія. Стих. (Тамъ же, ч. II, стр. 390.)
Мысль. Стих. (Тамъ же, стр. 550.)
Истина. Стих. (Тамъ же, ч. III, стр. 433.)
Пробужденіе. Разсказъ. (Тамъ же, стр. 511.)
Май. Стих. (Тамъ же, стр. 526.)
Дѣвицѣ Ю***. Стих. (Тамъ же, ч. IV, стр. 25.)
Отрада. Стих. (Тамъ же, стр. 234.)
Нѣмой. Разсказъ. (Тамъ же, стр. 284.)
Послѣ бала. Стих. (Тамъ же, стр. 533.)
Шестая глава изъ романа: «Чугуевскій казакъ». (Тамъ же, ч. V, стр. 14.)
Логика. Стих. (Тамъ же, стр. 145.)
Элегія. Стих. (Тамъ же, стр. 299.)
Упырь. Стих. (Тамъ же, VI, стр. 5.)
Не тронь меня. Стих. (Тамъ же, стр. 503.)
Трубачъ. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, № 9, стр. 192.)
Крестъ. Стих. (Тамъ же, № 15, стр. 285.)
Термометръ. Разсказъ. (Тамъ же, № 19, стр. 364.)
Бандуристъ. Стих. («Одесскій Альманахъ», 1840, стр. 299.)
Мечты. Стих. («Галатея», 1840, № 2, стр. 25.)
Глава X изъ романа: «Чугуевскій казакъ». (Тамъ же, № 12, стр. 207.)
Два ангела. Стих. («Маякъ», 1840, ч. V, стр. 7.)
Орёлъ. Стих. (Тамъ же, стр. 8.)
Ребёнокъ. Стих. (Тамъ же, ч. VIII, стр. 27.)
Быль. Отрывокъ изъ дневника. (Тамъ же, ч. IX, стр. 1.)
Драгунъ. Стих. («Пантеонъ», 1840, № 9, стр. 90.)
Бомбардиръ. Стих. («Москвитянинъ», 1841, ч. V, № 10, стр. 335.)
Е. П. Гребенкѣ. Стих. («Ластовка», 1841, стр. 213.)
Прощаніе. Стих. (Тамъ же, стр. 313.)
Встрѣча. Разсказъ. («Дагеротипъ», 1842, № III, стр. 29.)
Партизанъ. Стих. («Маякъ», 1842, № 7, стр. 6.)
Воспоминаніе. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1843, т. LXI. № 11, отд. I, стр. 7.)

Шевченкови. («Молодикъ», 1843, ч. II, стр. 102.)

Писня. (Тамъ же, стр. 128.)

Зачѣмъ краснѣть?... (Тамъ же, ч. III, стр. 84.)

На могилѣ М. А. Б—ва. Стих. («Москвитянинъ», 1844, ч. V, № 9, стр. 7.)

Есть дальній край... Стих. (Тамъ же, стр. 8.)

Сирота. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1844, т. LXV, № 7, отд. I, стр. 7.)

Знамя. Солдатскій разсказъ. («Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1846, т. LXIII, № 252, стр. 353.)

Ущелье въ Кахетіи. Изъ дорожныхъ записокъ 1844 года. («Русскій Инвалидъ», 1847, № 85.)

Зима, проведённая въ Полтавѣ. Статья. (Тамъ же, № 94.)

Взглядъ на нѣкоторыя мѣста Новороссійскаго края. Статья. (Тамъ же, № 113.)

Дорожныя записки. Три статьи. (Тамъ же, №№ 124, 156 и 163.)

Очерки Ильинской ярмарки. Статья. (Тамъ же, № 186.)

Очерки Воронежской ярмарки. Статья. (Тамъ же, № 201.)

Безумный. Изъ дорожныхъ записокъ 1844 года. (Тамъ же, № 205.)

Провинціальныя замѣтки. Статья. (Тамъ же, № 238.)

Воспоминаніе. Статья. (Тамъ же, № 257.)

Взглядъ на Воронежъ. Статья. (Тамъ же, № 275.)

Безыменные очерки. («Сѣверная Пчела», 1847, №№ 197, 199, 226, 242, 243 и 292 и 1848, №№ 36 и 37.

Перстень. Разсказъ. («Иллюстрація», 1848, т. VI. № 16, стр. 241.)

***. Стих. (Тамъ же, стр. 246.)

Буря. Стих. (Тамъ же.)

Молодой дѣвушкѣ. Стих. (Тамъ же.)

Въ альбомъ. Стих. (Тамъ же, № 18, стр. 278.)

Осенній листокъ. Стих. (Тамъ же.)

Одной моей знакомой. Стих. (Тамъ же, т. VII, № 33, стр. 134.)

Нѣсколько дней изъ провинціальной жизни. Статья. («Русскій Инвалидъ», 1848, № 14.)

Одна изъ моихъ поѣздокъ. Двѣ статьи. (Тамъ же, №№ 52 и 53.)

Галлерея польскихъ писателей. Части I и II. Будникъ и Осторожнѣй съ огнёмъ, двѣ повѣсти I. Крашевскаго. Части III, IV и V. Коллокація, повѣсть I. Корженевскаго. Переводъ А. Афанасьева. Кіевъ. 1851 и 1852.

Русскій солдатъ. Разсказы въ стихахъ А. Афанасьева. Части I, II и III. Кіевъ. 1851 и 1852 и Спб. 1855.

Поѣздка въ землю войска Донскаго въ 1851 году. («Сынъ Отечества», 1852, № 1, отд. VII, стр. 1.)

Письмо къ редактору о малороссійскихъ думахъ. («Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», 1853, т. II, стр. 367.)

Старинныя малороссійскія думы. (Тамъ же, Прибавленіе, стр. 205.)

Рецензія на поэму «Игорь, князь Сѣверскій», въ переводѣ Н. В. Гербеля. («Пантеонъ», 1854, т. XIII, № 2, отд. IV, стр. 22.)

Сосѣдка. Романъ въ двухъ частяхъ. (Тамъ же, т. XIII и XIV, №№ 2 и 3, отд. I, стр. 1 и 130.)

Письма провинціала въ провинцію. Семь писемъ. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1854, №№ 52, 61, 74, 88, 158, 170 и 196.)

Словарь малорусскаго нарѣчія. («Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», 1855, т. IV, Приложеніе.) То же отпечатано отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Словарь малороссійскаго нарѣчія, составленный А. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ. Тетрадь I. Спб. 1855.

Краткая русская исторія для простолюдиновъ. Составилъ дядя Афанасій. Спб. 1855.

Що було на сердци. Собраніе стихотвореній. Спб. 1855.

Нѣсколько дней за Кубанью. Изъ дорожныхъ записокъ. («Пантеонъ», 1855, № III, стр. 1.)

Аулъ за Терекомъ. Изъ дорожныхъ записокъ. (Тамъ же, № 8, отд. III, стр. 1.)

Заслуженный учитель. Романъ въ трёхъ частяхъ I. Корженевскаго. Переводъ съ польскаго. (Тамъ же, №№ 9, 10 и 11.)

Поѣздка на Макарьевскую ярмарку. Три статьи. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1855, №№ 185, 193 и 195.)

Очерки охоты въ Малороссіи. Шесть статей. («Газета Лѣсоводства и Охоты», 1855, №№ 5, 8, 10, 15, 21 и 27, стр. 36, 59, 76, 114, 164 и 212.)

Пластуны. Статья. («Современникъ», 1855, т. LI, № 5, отд. V, стр. 49.)

Зуавы. Переводъ съ французскаго. (Тамъ же, стр. 58.)

Хроника современныхъ военныхъ событій. («Современникъ», 1855, т. LII, Приложеніе.)

Безымённые типы. I. Чиновникъ. II. Провинціальный левъ. («Русскій Вѣстникъ», 1856, т. VI, № 23, отд. I, стр. 447.)

Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина. Двѣ статьи. («Морской Оборникъ», 1856, №№ X и XIV, отд. III, стр. 1 и 45.)

Замѣтки о Малороссіи. («Экономическій Указатель», 1857, № XIII, стр. 289.)

Большія и просёлочныя дороги. Двѣ статьи. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1857, №№ 73 и 150.)

Поѣздка на днѣпровскіе пороги и на Запорожье. («Морской Оборникъ», 1857, т. XXXII, № 11, отд. III, стр. 1; 1858, т. XXXIII, XXXVI, XXXVII и XXXVIII, №№ 2, 8, 9, 10 и 11, стр. 267, 220, 49, 27 и 53 и 1859, т. XXXIX, XL, XLII, XLIII и XLIV, №№ 2, 4, 7, 8 и 11, стр. 209, 257, 1293 и 40.)

Рецензія на «Крымскіе сонеты А. Мицкевича» въ переводѣ Луговскаго. («Атеней», 1858, ч. V, № 39, стр. 250.)

Письма къ редактору «Экономическаго Указателя». Два пись-

ма. I. О станціяхъ и переправахъ. II. О хозяйствѣ Полтавской губерніи («Экономическій Указатель», 1858, №№ 31 и 45, стр. 700 и 1033.)

Письмо къ редактору. («Указатель Политико-Экономическій», 1859. № 2, стр. 30.)

Замѣтка на статью полтавскаго помѣщика въ октябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». (Тамъ же, № 4, стр. 68.)

Старая пѣсня. Стих. («Ласточка», 1859, февраль, стр. 75.)

Фантазія. Стих. (Тамъ же, мартъ, стр. 136.)

Одесскія письма. («Русскій Дневникъ», 1859, № 82.)

Нѣсколько словъ по поводу гласности. (Тамъ же, № 101.)

Письмо къ редактору «Русскаго Дневника». (Тамъ же, № 140.)

Пылкая натура. Безъимённый очеркъ. («Русское Слово», 1859, № X, отд. I, стр. 63.)

Рецензія на «Ужинокъ роднаго поля». (Тамъ же, стр. 67.)

Бѣглыя замѣтки. Двѣ статьи. («Русскій Міръ», 1859, №№ 44, 45 и 57, стр. 832, 839 и 985.)

Дорожныя записки. Три статьи. («Русское Слово», 1860, №№ I, IV и VIII, отд. III, стр. 1 и 22.)

Бѣглыя Замѣтки. («Сѣверная Пчела», 1860, №№ 276 и 288.)

Рецензія на «Кобзаря Тараса Шевченко въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакціею Н. В. Гербеля.» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1860, № 279.)

Бытъ малорусскаго крестьянина. («Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества», ч. XIII, кн. 1-я, стр. 129.)

Поѣздка въ Южную Россію. А. Афанасьева-Чужбинскаго. Часть I. Очерки Днѣпра. Спб. 1861.

Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ. А. С. Афанасьева-Чужбинскаго. Спб. 1861.

Изъ корнетской жизни. Разсказъ. («Современникъ», 1861, т. LXXXVIII, № 7, отд. I, стр. 5.)

Основа, южно-русскій литературный вѣстникъ 1861 года. Рецензія. («Русское Слово», 1868, № I, стр. 37.)

Землякамъ надъ гробомъ Т. Г. Шевченко. (Тамъ же, № II, стр. 46.)

Бѣглыя Замѣтки. («Сѣверная Пчела», 1861, № 12.)

Рецензія на книгу «Изъ Украйны. Разсказы Г. Данилевскаго». («Основа», 1861, январь, стр. 298.)

Бабушка. Деревенскія сцены. А. С. Афанасьева-Чужбинскаго. Спб. 1862.

Мельница близь села Ворошилова. Простонародный разсказъ дяди Афанасія (А. Чужбинскаго). Спб. 1862.

Поѣздка по Днѣстру. («Морской Сборникъ», 1862, т. LVII, LIX и LXII, №№ 2, 6 и 10, стр. 410, 179 и 215.)

Очерки Прошлаго. А. Чужбинскаго. Четыре части. Спб. 1863.

Поѣздка въ Южную Россію. А. Афанасьева-Чужбинскаго. Часть I — «Очерки Днѣпра», часть II — «Очерки Днѣстра».

Рецензія на статью «Земля войска Донскаго» Краснова. («Библіотека для Чтенія», 1864, № 6, стр. 213.)

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки, по французскому переводу Голланда сокращонныя для русскихъ читателей А. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ. Спб. 1865.

Днѣпръ и днѣпровскіе пороги. («Морской Вѣстникъ», 1869, № I, стр. 24.)

Исторія Наполеона I. П. Ланфре. Переводъ Афанасьева-Чужбинскаго. 4 тома, Спб. 1869—73.

Очерки прошлаго. Фаня. («Всемірный Трудъ», 1870, №№ 9, 10, 11 и 12.)

Очерки прошлаго. Городъ Смуровъ. («Заря», 1871, №№ 6 и 7.)

Игроки. Романъ. (Тамъ же, №№ 10, 11 и 12, 1872, № 1 и «Русскій Вѣстникъ», 1872, № 2.)

Листопадъ. Историческій романъ второй половины XVIII столѣтія. Сочиненіе графа А. Ржевуцкаго. Переводъ А. Афанасьева-Чужбинскаго. Двѣ части. Спб. 1873.

Пушечное мясо. Романъ М. Л. Гольера. Переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Афанасьева-Чужбинскаго. Спб. 1874.

II.

К. М. Базили.

Архипелагъ и Греція въ 1830 и 1831 годахъ. Сочиненіе Константина Базили. Двѣ части. Спб. 1834.

Стамбульскіе оригиналы. («Библіотека для Чтенія», 1835, т. X, № 5, отд. II, стр. 104.)

Очерки Константинополя. Сочиненіе Константина Базили. Двѣ части. Спб. 1835.

Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» 1835—1838 годовъ, издававшемся Плюшаромъ, были помѣщены слѣдующія статьи Базили: Томъ II. Антологія. Томъ III. Аттика, Аѳиней, Аѳины. Томъ IV. Базары азіатскіе, Балтаджи. Балтаджи-Мехмедъ. Бани у древнихъ. Бани восточныя. Томъ V. Беоція или Віотія, Библіогнозія, библіографія и библіологія, Библіоманія, библіоманъ и библіотафъ, Библіотека, Библіотекарь. Томъ VI. Боболина. Томъ VII. Бѣлградъ Константинопольскій, Бюстъ. Томъ VIII. Ваза, Вакханаліи, Вакханки и вакханты, Вакхическая стопа, Вакхіады, Вакхіониты, Вакхъ. Томъ IX. Василико, Венеція, Венеціянская республика. Томъ X. Викторія, богиня побѣды. Томъ XI. Волумній-Титъ, римскій всадникъ и Волумній-Публій, товарищъ Брута.

Босфоръ. («Сынъ Отечества», 1836, т. CLXXV, стр. 221.)

Востокъ и Западъ. Отрывокъ изъ «Босфоръ и новые очерки Константинополя». («Сѣверная Пчела», 1836, № 253.)

Константинопольскія библіотеки. Двѣ статьи. («Журналъ Ми-

нистерства Народнаго Просвѣщенія», 1836, ч. IX, отд. IV, стр. 141 и ч. X, отд. IV, стр. 518.)

Коринѳъ. (Тамъ же, ч. XI, отд. IV, стр. 188.)

Босфоръ и новые очерки Константинополя. Сочиненіе Константина Базили. Двѣ части. Спб. 1836.

Въ «Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ», были помѣщены слѣдующіе статьи К. М. Базили:

Томъ I. Агамемнонъ, Агезилай, Агисъ, Акроболисты, Албанцы, Андриско, Антіохъ, Апобаты, Аратъ, Аргироспиды, Аристидъ, Аристодемъ, Аристоменъ. Томъ II. Балтаджи, Балтаджи-Мехмедъ, Бобылина и Буша.

Lettre sur l'etat de la Turquie et la crise actuelle. Paris. 1853.

La guerre d'Orient ses causes et ses consequences. Par un habitant de l'Europe continentale. Brusselles. 1854.

Письмо въ Парижъ о нынѣшнемъ состояніи Турціи. К. Базили. 1854.

L'Autriche et l'Allemagne dans la question d'Orient (Janvier 1856). Brusselles. Delavigne et Callevars.

L'Autriche dans les principautes Danubiennes. Paris. 1858.

Разсказъ объ обращеніи въ христіанство владѣтельныхъ князей Ливанскихъ, Эмировъ Шагонъ, именитыхъ потомковъ Магомета. К. М. Базили. («Прибавленія къ Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ», 1862, ч. V, № 3, стр. 193.)

Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ. Сочиненіе К. Базили. Двѣ части. Одесса. 1862.

Тоже. Изданіе второе. Спб. 1875.

L'empire Ottoman 1839 — 1877. L'angleterre et la Russie dans la question d'orient. Par un ancien diplomate. Paris. 1877.

Questions du Jour (Janvier — Fevrier 1878). Quatres cectures. Odessa. 1878.

По поводу пріобрѣтенія Англіей острова Кипра. («Одесскій Вѣстникъ», 1878, № 152 и 153.)

По поводу сѣтованій и нареканій князя Мещерскаго и иныхъ. (Тамъ же.)

О чумной заразительности и о предохранительныхъ средствахъ. К. М. Базили. Одесса. 1879.

III.

Н. И. Вилевичъ.

Картинная галлерея свѣтской жизни, или нравы XIX столѣтія. Сочиненіе Н. Б. Двѣ части. Москва. 1833.

Святочные вечера или разсказы моей тетушки. Двѣ части. Москва. 1836.

Святочные вечера. Написаны Николаемъ Кунацкимъ, а изданы дядею его Григоріемъ Рацкимъ. Изданіе не первое и не второе. Двѣ части. Спб. 1839.

О преподаваніи русскаго языка и словесности. Двѣ статьи. («Библіотека для Воспитанія», 1846, отд. II, ч. III и IV, стр. 47 и 3.)

Нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи Петровскаго-Разумовскаго. («Москвитянинъ», 1846, т. IV, № 8, отд. II, стр. 12.)

Журавль. Сказка. («Невскій Альманахъ», 1846, стр. 47.)

Пребываніе Карамзина въ Москвѣ. («Московскій Городской Листокъ», 1847, № 24, стр. 97.)

Николай Ивановичъ Новиковъ. (Тамъ же, №№ 43, 44 45 и 46, стр. 181, 177, 181, и 184.)

Русскія писательницы XVIII вѣка. (Тамъ же, №№ 78, 79 и 80, стр. 311, 314 и 319.)

Русскія писательницы XIX вѣка. Періодъ Карамзинскій. (Тамъ же, №№ 108, 109, 113 и 114, стр. 430, 440, 451 и 455.)

Сказка объ Иванѣ-Богатырѣ. (Тамъ же, №№ 153, 154 и 155, стр. 612, 616 и 621.)

Русскія писательницы XIX вѣка. Періодъ Пушкинскій. Тамъ же, №№ 167, 168, 169, 171, 172, 183 и 185, стр. 669, 673, 677, 683, 688, 732 и 740.)

О цѣли и сущности гимназическаго образованія. («Московскія Вѣдомости» на 1848 годъ.)

Мечты и существенность. Повѣсть. («Москвитянинъ», 1849, т. VI, № 23, отд. I, стр. 181.)

Петръ Ивановичъ Короткоумкинъ. Повѣсть. («Библіотека для Чтенія», 1853, т. CXX, № 8, отд. VII, стр. 158.) Подписано: Н. Кунацкій.

Коренная ярмарка въ Курскѣ. («Московскія Вѣдомости» на 1854 годъ.)

IV.

А. Н. Бородинъ.

Военная Географія Европы въ таблицахъ. Сочиненіе Франца Рудторфера. Переводъ съ нѣмецкаго (Бородина). Четыре части. Спб. 1837 — 1839.

Въ «Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ» были помѣщены слѣдующія статьи Бородина: Часть I. Аравія, Арменія и Арминій. Часть II. Бильбао, Бирманская имперія, Бухгольцъ. Часть III. Варварія, Великая Греція, Веллеслей, Веллингтонъ, Венеція, Водяныя внутреннія сообщенія въ Россіи, Волга. Часть IV. Гейсенфельдъ, Ген-

гистъ, Генрихи, короли французскіе, Генрихи, короли англійскіе, Герольдъ, Геруніумъ, Гинегартъ, Гинсъ, Гишъ, Гладіаторы, Гнейзенау, Гогенфридбергъ, Гомбургъ, Гондшоттенъ, Горголи, Гранъ Гревелонгенъ, Гренье, Гренингенъ, Греческій огонь, Грине-шанце, Густавы, короли шведскіе, Густавъ IV, Гьюлай, Гюпингенъ, Датамъ. Часть V. Дезе, Деруа, Дерфлингеръ, Доменилъ, Дорсернъ, Друэ-Д'эрлонъ, Друзъ, Дуилій, Дусмеръ фонъ-Арфсбергъ, Дюэмъ, Дюма, Дюмонсо, Дюнуа, Дюперре, Дюпонъ де Л'этанъ, Дюрюттъ, Евгеній Савойскій, Елашичъ, Желѣзный крестъ, Жераръ, Жубергъ, Жупанъ, Жюно, Заацъ, Загаія, Зандерсгаузенъ, Засбахъ, Зена. Часть VI. Зрини, Зуавы, Зумалакоррегви, Ипернъ, Іисусъ Навинъ, Іоавъ, Іоаннъ Адольфъ II, Іоаннъ Безземельный, Іоаннъ Безстрашный, Іоаннъ Люксембургскій, Іоасъ, Іоменъ, Герцогъ Іоркъ, Графъ Іоркъ, Іорктаунъ, Іосифъ II, Каиръ, Калькрейтъ, Каломаръ, Кальяри, Камбизъ, Камбре, Камброннъ, Камиллъ, Канарисъ.

Цимбелинъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ съ англійскаго А. Бородина. («Пантеонъ», 1840, т. IV, № XI, отд. II, стр. 1.)

Манфредъ. Драматическая поэма, въ трёхъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Лорда Байрона. Переводъ съ англійскаго А. Бородина. («Пантеонъ», 1841, ч. I, № II, отд. I, стр. 1.)

Часы Фридриха Великаго. Переводъ. (Тамъ же, ч. IV, №№ 11 и 12, стр. 126.)

Въ «Журналѣ Коннозаводства и Охоты», въ теченіе двѣнадцати лѣтъ редакторства Бородина, съ 1843 по 1855 годъ, были помѣщены слѣдующія 343 его статьи:

1843 годъ. 1) О породахъ восточныхъ лошадей. 2) Историческій взглядъ на скачки. 3) Объ арабскихъ лошадяхъ и способахъ пріобрѣтенія ихъ. 4) О разныхъ породахъ пшеницы. 5) Арабскія лошади. 6) О коннозаводствѣ въ Королевствѣ Гановерскомъ. 7) О молодыхъ лошадяхъ въ Англіи. 8) Парфорсная охота въ верхней Помераніи. 9) Охота въ присутствіи Великобританской королевы въ Чатсвортѣ и Бельвуаръ Кестлѣ. 10) О коннозаводствѣ въ Пермской губерніи. 11) О различныхъ породахъ лошадей въ Англіи. 12) О пользѣ коннозаводства въ отношеніи къ сельскому хозяйству. 13) О пиренейскихъ лошадяхъ. 14) О коннозаводствѣ Московской губерніи. 15) О коннозаводствѣ Калужской губерніи. 16) О коннозаводствѣ Тульской губерніи. 17) О различныхъ породахъ лошадей въ Англіи. 18) Результатъ скачекъ въ Англіи въ 1843 году. 19) Реестръ лошадямъ, выигравшимъ королевскіе призы въ Англіи въ 1843 году. 20) Реестръ лошадямъ, выигравшимъ главные Нью-маркетскіе призы со времени ихъ учрежденія.

1844 годъ. 21) О породахъ лошадей въ отношеніи къ состоянію земледѣлія и различнымъ потребностямъ обществъ. 22) Обвинскія лошади. 23) О коннозаводствѣ въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ. 24) О преміяхъ для поощренія коннозаводчиковъ. 25) Обозрѣніе французскаго и голштинскаго коннозаводскихъ журналовъ. 26) Обозрѣніе иностранныхъ коннозаводскихъ журналовъ. 27) Ньюмаркетскія скачки въ Англіи. 28) Историческій взглядъ на коннозаводство въ Англіи. 29) Обозрѣніе иностранныхъ коннозаводскихъ журналовъ. 30) Первыя ве-

сеннія Ньюмаркетскія скачки 1844 года. 31) О коннозаводствѣ въ Архангельской губерніи. 32) О коннозаводствѣ въ Вологодской губерніи. 33) О крестьянскомъ коннозаводствѣ въ Средней, Южной и Западной Германіи. 34) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 35) Эпсомскія скачки въ Англіи. 36) О коннозаводствѣ С.-Петербургской губерніи. 37) О коннозаводствѣ Олонецкой губерніи. 38) О коннозаводствѣ Псковской губерніи. 39) О коннозаводствѣ Владимірской губерніи. 40) Историческое обозрѣніе коннозаводства въ Россіи. Статья I. 41) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 42) Эскотскія скачки въ Англіи. 43) Историческій взглядъ на англійскія скачки. Статья I. 44) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 45) Результатъ слѣдствій о подлогахъ въ Эпсомскихъ скачкахъ 1844 года. 46) О коннозаводствѣ въ Харьковской губерніи. 74) О коннозаводствѣ Новгородской губерніи. 48) Историческій взглядъ на англійскія скачки. Статья II. 49) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 50) О коннозаводствѣ Тамбовской губерніи. 51) О коннозаводствѣ Пензенской губерніи. 52) О коннозаводствѣ Таврической губерніи. 53) О воспитаніи земледѣльческихъ лошадей вообще и въ особенности въ Шотландіи. 54) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 55) О коннозаводствѣ Саратовской губерніи. 56) О коннозаводствѣ Тверской губерніи. 57) О коннозаводствѣ Виленской губерніи. 58) Историческій взглядъ на англійскія скачки. Статья III. 59) Обозрѣніе иностранныхъ книгъ и журналовъ. 60) О коннозаводствѣ Курской губерніи. 61) Историческій взглядъ на англійскія скачки. Статья IV. 62) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 63) Замѣчательныя англійскія скачки. 64) О коннозаводствѣ въ Полтавской губерніи. 65) Обозрѣніе Германскихъ скачекъ 1844 года. 66) Послѣднія англійскія скачки 1844 года.

1845 годъ. 67) Нынѣшнее состояніе скачекъ въ Англіи. 68) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 69) О коннозаводствѣ въ Воронежской губерніи. 70) О дикихъ лошадяхъ въ Южной Америкѣ. 71) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 76) О коннозаводствѣ въ Херсонской губерніи. 73) Историческое обозрѣніе коннозаводства въ Россіи. Статья II. 74) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 75) О конскомъ заводѣ графа Растопчина, купленномъ въ коннозаводское вѣдомство. 76) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 77) О двухлѣтнихъ лошадяхъ въ Англіи, скакавшихъ въ 1844 году. 78) Историческое обозрѣніе коннозаводства въ Россіи. Статья III. 79) О родоначальникахъ англійскихъ скаковыхъ лошадей. 80) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 81) О коннозаводствѣ Симбирской губерніи. 82) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 83) О коннозаводствѣ Смоленской губерніи. 84) О коннозаводствѣ Волынской губерніи. 85) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 86) Пещера тигра. 87) О коннозаводствѣ Витебской губерніи. 88) О коннозаводствѣ Могилёвской губерніи. 89) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 90) О коннозаводствѣ Гродненской губерніи. 91) О коннозаводствѣ Минской губерніи. 92) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 93) О коннозаводствѣ Бессарабской области. 94) Замѣчательнѣйшія англійскія скаковыя лошади въ новѣйшее время. Статья I. 95) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 96)

О коннозаводствѣ Томской губерніи. 97) О замѣчательнѣйшихъ англійскихъ скаковыхъ лошадяхъ въ новѣйшее время. Статья II. 98) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ: 99) О коннозаводствѣ Костромской губерніи. 100) О замѣчательнѣйшихъ англійскихъ скаковыхъ лошадяхъ въ новѣйшее время. Статья III. 101) Ньюмаркетскія осеннія скачки. 102) Таблица важнѣйшихъ чистокровныхъ жеребцовъ, объявленныхъ къ случкѣ въ Англіи въ 1845 году. 103) Таблица результатовъ важнѣйшихъ англійскихъ скачекъ съ 1831 по 1846 годъ.

1846 годъ. 104) Историческое обозрѣніе коннозаводства въ Россіи. Статья IV. 105) Арабскія лошади князя Пюклера. 106) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 107) О коннозаводствѣ Черниговской губерніи. 108) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 109) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 110) О коннозаводствѣ Ярославской губерніи. 111) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ, 112) Англійскія скачки. 113) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 114) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 115) Эскотскія скачки 1846 года. 116) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 117) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 118) О пріобрѣтённыхъ для правленія Государственнаго Коннозаводства двухъ англійскихъ чистокровныхъ жеребцахъ. 119) Англійскія скачки. 120) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 121) О коннозаводствѣ въ Испаніи. 122) Донкастерскія скачки 1846 года. 123) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 124) О коннозаводствѣ въ Вятской губерніи. 125) Ньюмаркетскія осеннія скачки. 126) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 127) О коннозаводствѣ Кіевской губерніи. 128) О коннозаводствѣ Казанской губерніи. 129) О коннозаводствѣ Нижегородской губерніи. 130) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ.

1847 годъ. 131) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 132) О коннозаводствѣ Тобольской губерніи. 133) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 134) О состояніи земскихъ конюшенъ въ Россіи за 1846 годъ. 135) Объ успѣхѣ дѣйствій земскихъ конюшенъ въ 1846 году. 136) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 137) О коннозаводствѣ Екатеринославской губерніи. 138) О коннозаводствѣ Подольской губерніи. 139) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 140) Англійскія весеннія скачки 1847 года. 141) Объ успѣхѣ дѣйствій земскихъ конюшенъ въ 1846 году. 142) Извѣстіе о скачкахъ 1847 года. 143) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 144) Объ успѣхѣ дѣйствій земскихъ конюшенъ въ 1846 году. 145) Эскотскія скачки 1847 года. 146) О скаковыхъ испытаніяхъ въ Англіи .147) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 148) Реестръ чистокровнымъ жеребцамъ, объявленнымъ къ случкѣ въ Англіи съ 1847 года. 149) Объ испытаніяхъ лошадей низшаго сорта въ Россіи. 150) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. Сенъ-Леджеръ 1847 года. 151) 152) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ., 153) Ньюмаркетскія осеннія скачки. 154) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 155) Ѣздоки на скачкахъ въ Англіи. 156) Сравнительная скоростъ Сенъ-Леджера.

1848 годъ. 157) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 158) Англійская лошадь. 159) Англійская лошадь. 160) Обозрѣніе иностранныхъ журна-

ловъ. 161) Англійскія скачки. 162) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 163) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ.

1849 годъ. 164) Взглядъ на англійскія скачки 1848 года. 165) Обозрѣніе англійскаго коннзаводскаго журнала за первое полугодіе 1848 года. 166) О выдержкѣ скаковыхъ лошадей. Статья I. 167) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 181) О выдержкѣ скаковыхъ лошадей. Статья II. 169) О выдержкѣ скаковыхъ лошадей. Статья III. 170) Англійскія лошади. 171) Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. 172) О выдержкѣ скаковыхъ лошадей. Статья. IV. 173) О предположеніяхъ по учрежденію коннозаводства въ Пруссіи. 174) О выдержкѣ скаковыхъ лошадей. Статья V. 175) Взглядъ на англійскія скачки 1849 и 1850 годовъ.

1850 годъ. 176) О способѣ ремонтированія кавалеріи и артиллеріи въ Пруссіи. 177) Отчётъ Французскаго Коннозаводскаго Управленія за 1849 годъ. 178) Англійскія скачки за первое полугодіе 1850 года. 179) Англійскіе кровные жеребцы въ 1850 году (тамъ же). 180) О послѣдствіи вызова Египетскаго паши на состязаніе его лошадей съ англійскими. 181) О бюджетѣ Коннозаводскаго Управленія во Франціи. 182) Объ англійскихъ скачкахъ въ прежнее и настоящее время. 183) Окончаніе той же статьи. 184) Отчётъ Французскаго Коннозаводскаго Управленія за 1849 годъ. 185) День охоты въ Южной Африкѣ. 186) Англійскія скачки за второе полугодіе 1850 года. 187) Отчётъ Французскаго Коннозаводскаго Управленія за 1849 годъ.

1851 годъ. 188) О пріобрѣтенныхъ для Государственныхъ Конскихъ Заводовъ лошадяхъ. 189) Объ испытаніяхъ крестьянскихъ лошадей въ 1850 году. 190) Скачки въ Урюпинской станицѣ и Киргизской ордѣ. 191) Замѣчанія о старомъ англійскомъ коннозаводствѣ. 192) О студбухахъ и заводскихъ книгахъ. 193) Знаменитые охотники XVIII вѣка. 194) О состояніи конскихъ заведеній во Франціи, Виртембергѣ и Ганноверѣ. 195) О студбухахъ и заводскихъ книгахъ. 196) Скачка и кровные жеребцы въ Англіи. 197) Знаменитые охотники XVIII вѣка. 198) О вліяніи нынѣшней системы англійскихъ скачекъ на коннозаводство. Статья I. 199) Статистика англійскаго коннозаводства. 200) О вліяніи нынѣшней системы англійскихъ скачекъ на коннозаводство. Статья II. 201) Статистика англійскихъ скачекъ. 202) О русскихъ студбухахъ и заводскихъ книгахъ. 203) Англійскіе кровные жеребцы. 204) Англійскія скачки за первое полугодіе 1851 года. 205) О чистокровной породѣ лошадей на Востокѣ и въ Европѣ. Статья I. 206) Эскотскія скачки въ Англіи. 207) О чистокровныхъ лошадяхъ на Востокѣ и въ Европѣ. Статья II. 208) О чистокровныхъ лошадяхъ на Востокѣ и въ Европѣ. Статья III. 209) Охота на львовъ. 210) О коннозаводствѣ во Франціи по послѣднимъ оффиціяльнымъ свѣдѣніямъ. 211) Объ успѣхѣ на скачкахъ лошадей, приплодившихся отъ жеребцовъ Государственнаго Коннозаводства. 212) Охота на тигровъ въ Индіи. 213) О чистокровныхъ лошадяхъ на Востокѣ и въ Европѣ. Статья IV. 214) Англійскія скачки за второе полугодіе 1851 года.

1852 годъ. 215) Обзоръ испытаній лошадей въ Россіи за 185 годъ. 216) О кровномъ коннозаводствѣ въ Голштиніи и Мекленбургѣ.

217) Охота на оленей въ Сѣверной Америкѣ. 218) Наставленія о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья I. 219) Воспоминаніе объ охотѣ въ Сѣверной Америкѣ. 220) Приплодъ кровныхъ жеребцовъ въ Англіи въ 1851 году и продажа тамъ кровныхъ лошадей. 221) Успѣхи кровнаго коннозаводства во Франціи. 222) Наставленія о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья II. 223) Объ отчётѣ Коннозаводскаго Управленія во Франціи за 1851 годъ. 224) Охота на буйволовъ въ Сѣверной Америкѣ. 225) Замѣчанія объ австрійскихъ государственныхъ конскихъ заводахъ. 226) Наставленія о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья III. 227) Охота съ корсиканскими бандитами. 228) Наставленія о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья IV. 229) Обозрѣніе англійскаго коннозаводскаго журнала за первую треть 1852 года по части коннозаводства. 230) Охота въ Калифорніи. 231) О ремонтѣ кавалеріи во Франціи. 232) О торговлѣ лошадьми въ Англіи. 233) Обозрѣніе англійскаго коннозаводскаго журнала за первую треть 1852 года, по части охоты. 234) О лошадяхъ степи Сахары. Статья I. 235) О коннозаводствѣ и скачкахъ въ Австріи. 236) Охота у арабовъ. Статья I. 237) Лошадь Наполеона. 238) Англійскія скачки за первое полугодіе 1852 года. 239) О лошадяхъ степи Сахары. Статья II. 240) Охота у арабовъ. Статья II. 241) Письмо Абдъ-Эль-Кадера къ окружному инспектору конскихъ заводовъ во Франціи. 242) Голубая лента скачекъ. 243) О лошадяхъ степи Сахары. Статья III. 244) Омнибусы и лошади въ Парижѣ. 245) Жизнь въ Американскихъ лѣсахъ. 246) О разныхъ породахъ орловъ. 247) О лошадяхъ степи Сахары. Статья IV. 248) Зимняя охота въ Сѣверной Америкѣ. 249) О примѣтахъ на лошадяхъ у арабовъ. 250) Замѣчательная скачка въ Алжиріи. 251) Вновь изобрѣтённое лекарство отъ шпата и костяныхъ наростовъ. 252) Отчётъ французскаго коннозаводскаго управленія за 1851 годъ. 253) Статистика англійскихъ скачекъ. 254) Англійскія скачки за второе полугодіе 1852 года. 255) О пошлинахъ на лошадей въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. 256) Объ учрежденіи въ Пруссіи заведенія для обученія верховой и упряжной ѣздѣ.

1853 годъ. 257) О приводѣ изъ-за границы лошадей для государственныхъ конскихъ заводовъ. 258) Обзоръ испытаній лошадей въ Россіи за 1852 годъ. 259) Пипъ О-де-Бой. 260) Дѣдъ Матвѣй. Разсказъ охотника. 261. Представители скакового коннозаводства въ Англіи. 262) Описаніе англійскаго отдѣленія Чесменскаго государственнаго конскаго завода. 263) Новое положеніе о скачкахъ во Франціи. 264) Описаніе азіятскаго отдѣленія Чесменскаго государственнаго конскаго завода и поѣздокъ въ Азію для покупки лошадей въ государственные конскіе заводы. 265) Описаніе Хрѣновскаго государственнаго конскаго завода. 266) Соколиная охота въ Африкѣ. Статья Абдъ-Эль-Кадера. 267) О преміяхъ за хорошихъ крестьянскихъ лошадей въ Пруссіи. 268) О вліяніи соли на кормъ лошадей. 269) Анекдотическая исторія замѣчательнѣйшихъ животныхъ. Статья мистриссъ Ли. 270) Англійскія скачки за первое полугодіе 1853 года. 271) Ветери-

нарія у арабовъ. 272) Сцены китовой ловли. 273) Статистическія свѣдѣнія о скачкахъ въ Пруссіи. 274) Сила Ніагарскаго водопада. 275) Выставка птицъ въ Лондонѣ. 276) Англійскіе парки. 277) О мѣрахъ къ улучшенію коннозаводства Земля Войска Донскаго. 278) Наставленіе о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья I. 279) Эскотскія скачки. 280) Охотничьи прогулки на островѣ Явѣ. 281) Новаго рода скачки въ Англіи. 282) Приводъ кровныхъ лошадей въ Россію. 283) Узда съ удилами регуляторами. 284) Наставленіе о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья II. 285) Обозрѣніе Англійскаго Коннозаводскаго и Охотничьяго Журнала за первое полугодіе 1853 года. 286) Замѣчанія о коннозаводствѣ. 287) Ветеринарія у арабовъ. 288) Скачки въ Индіи и Бирманіи. 289) Замѣчательный рысистый бѣгъ въ Америкѣ. 290) Жеребята отъ Ванъ-Тромпа. 291) Описаніе Деркульскаго государственнаго конскаго завода. 292) Споръ о первенствѣ англійскихъ и арабскихъ лошадей. 293) Лекарство Маджора отъ шпата. 294) Наставленіе о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья III. 295) Хлороформъ въ злокачественныхъ язвахъ. 296) Смерть цѣлаго семейства отъ сапа. 297) Наставленіе о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Статья IV. 298) Амедей. Сцены изъ жизни охотника. 299) Курсъ иппологіи профессора Гуэля въ Парижѣ, въ 1849 и 1850 годахъ. Статья I. 300) О постепенномъ развитіи Прусской кавалеріи и правильнаго ея ремонтированія. 301) Гиппическая прогулка кругомъ свѣта. 302) Пищальная охота. 303) Курсъ иппологіи профессора Гуэля. Статья II. 304) Обзоръ англійскихъ скачекъ за второе полугодіе 1853 года. 305) Исторія волчьей охоты во Франціи. 306) Двѣ недѣли въ Орескихъ горахъ. 307) Начало знаменитыхъ скачекъ Дерби и Оксъ въ Эпсомѣ. 308) Арабскія и англійскія лошади.

1854 годъ. 309) Объ упадкѣ англійскихъ верховыхъ лошадей. 310) Фантастическая охота. 311) Извлеченіе изъ бюджета министерства земледѣлія и охоты во Франціи за 1852 годъ. 312) Лошади, охота и ветеринарія у патагоновъ. 313) О ковкѣ лошадей въ Бельгіи. 314) О результатахъ скачекъ въ Пруссіи въ 1853 году. 315) Курсъ иппологіи профессора Гуэля. Статья III. 316) О конскихъ заводахъ въ Гамптонъ-Кортѣ и Дюддинъ-Галлѣ близъ Лондона. 317) Сравнительныя таблицы англійскихъ погонныхъ мѣръ и вѣсовъ съ русскими. 318) О частномъ коннозаводствѣ и содѣйствіи оному правительства во Франціи. 319) Курсъ иппологіи профессора Гуэля. Статья IV. 320) О новой эпизоотической болѣзни, замѣченной на жеребцахъ и кобылахъ во Франціи. 321) Варварійская лошадь. 322) О прирученіи полезныхъ животныхъ. 323) Обзоръ испытаній лошадей въ Россіи за 1853 годъ. 324) Курсъ иппологіи, профессора Гуэля. Статья V. 325) Охота на пантеръ. 326) Курсъ иппологіи, профессора Гуэля. Статья VI. 327) Арабская иппологія и иппіатрика. Статья I. 328) Охота на дикихъ голубей. 329) Наставленіе о производствѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. 330) Арабская иппологія и иппіатрика. Статья II 331) Альпійскій охотникъ. 332) Арабская иппологія и иппіатрика

Статья III. 333) Письма съ Востока. 334) Поѣздка Спортсмана въ Германію, Францію, Италію и Россію. Статья I. 335) Арабская иппологія и иппіатрика. Статья IV. 336) Поѣздка Спортсмана въ Германію, Францію, Италію и Россію. Статья II. 337) Арабская иппологія и иппіатрика. Статья V. 338) Охота на Альпахъ. 339) Дамскій зимній бѣгъ. 340) О скачкахъ въ селѣ Хрѣновомъ лошадей Чесменскаго кровнаго разсадника. 341) Арабская иппологія и иппіатрика. Статья VI. 342) Новое сочиненіе о верховой ѣздѣ. 343) Объ историческомъ романѣ: «Мона».

Четыре стихотворенія Томаса Мура. Съ англійскаго. («Сынъ Отечества», 1848, № V, отд. III, стр. 2.)

Пора любви. Изъ Томаса Мура. Стих. (Тамъ же, № IX, отд. III, стр. 1.)

Поздно. Изъ Томаса Мура. Стих. («Сынъ Отечества», 1849, № III, отд. III, стр. 9.)

Любовь. Изъ Шелли. Стих. (Тамъ же, стр. 10.)

V.

Н. В. Гербеля.

Бокалъ. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1846, т. LXXIX, № 12, отд. I, стр. 117.)

На двухсотлѣтіе Изюмскаго гусарскаго полка. Стих. («Русскій Инвалидъ», 1851, № 142.) Перепечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1851, т. CVIII, отд. VI, стр. 77). Также отпечатано отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ:

На двухсотлѣтіе Изюмскаго гусарскаго полка. Николая Гербеля. Спб. 1851.

Изюмскій гусарскій полкъ подъ Сенъ-Дизье. Статья. («Русскій Инвалидъ», 1851, № 162.)

Плачъ Ярославны. Стих. («Современникъ», 1851, т. XXX, № 11, отд. I, стр. 70.) Перепечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1854, т. XCIII, № 8, стр. 1).

Геро и Леандръ. Изъ Шиллера. Стих. («Современникъ», 1852, т. XXXII, № 4, отд. I. стр. 194.)

Нѣжинъ. Статья. (Тамъ же, отд. VI, стр. 153.)

Изюмскій Слободской казачій полкъ. Три первыя главы. («Русскій Инвалидъ», 1852, №№ 52, 53, 54, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 80, 87, 88, 89, 90, 91 и 92.)

Слободскіе полки подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ. Статья. (Тамъ же, №№ 136, 137 и 138.)

Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ. Изъ Байрона. Стих. («Современникъ», 1852, т. XXXV, № 9, отд. I, стр. 135.)

Изюмскій слободской казачій полкъ. 1651—1765. Николая Гербеля. Спб. 1852.

Пляска. Изъ Шиллера. Стих. («Современникъ», 1853, т. XXXVII, № 1, отд. I, стр. 7.)

Могущество пѣснопѣнія. Изъ Шиллера. Стих. (Тамъ же, т. XXXVII, № 2, отд. I, стр. 58.)

Пѣвцы минувшаго времени. Изъ Шиллера. Стих. (Тамъ же, т. XLII, № 11, отд. I, стр. 53.)

Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Спб. 1854.

Изъ Шиллера. Стих. («Современникъ», 1854, т. XLIV, № 4, отд. I, стр. 138.)

Изюмцамъ. Стих. («Русскій Инвалидъ», 1854, № 196.) Такъ же отпечатано отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ:

Изюмцамъ. Николая Гербеля. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1854.

Три біографическихъ очерка: Гербель — Василій Васильевичъ, Гербель — Карлъ Густавовичъ и Гербель — Родіонъ Николаевичъ. («Справочный Энциклопедическій Словарь», 1854, т. III, стр. 400—402.)

Письма съ похода. Три письма. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1854, №№ 244, 268 и 279.) Перепечатаны, въ исправленномъ видѣ, въ «Библіотекѣ для Дачъ, Пароходовъ и Желѣзныхъ Дорогъ» (1857, ч. CVII, стр. 3).

Незнакомка. Изъ Шиллера. Стих. («Отечественныя Записки», 1854, т. XCVII, № 12, отд. I, стр. 217.)

Просторъ. Стих. (Тамъ же, 1855, т. XCVIII, № 2, отд. I, стр. 293.)

Узница. Изъ Шенье. Стих. («Современникъ», 1855, т. L, № 3, отд. I, стр. 189.)

Миньона. Изъ Гёте. Стих. («Пантеонъ», 1855, т. XXII, отд. I, стр. 1.)

Карѳагенъ. Изъ Шиллера. Стих. (Тамъ же, стр. 2.)

Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Изданіе второе. Спб. 1855. Переводъ исправленъ, а нѣкоторыя пѣсни переведены вновь.

Въ дорогу! въ дорогу! Стих. («Современникъ» 1855, т. L, № 4, отд. I, стр. 393.)

Прохожій. Стих. («Отечественныя Записки», 1855, т. CI, № 7, отд. I, стр. 2.)

Фабулу. Изъ Катулла. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1855, т. CXXXIV, отд. I, стр. 52.)

Передъ каминомъ. Стих. («Пантеонъ», 1855, т. XXIV, отд. I, стр. 1.)

Молодость. Стих. (Тамъ же, отд. I, стр. 10.)

Слонимъ. Письмо съ похода. («Санктпетербургскія Вѣдомости» 1856. № 9..) Перепечатано въ «Библіотекѣ для Дачь, Пароходовъ и Желѣзныхъ Дорогъ» (1857, ч. CVII, стр. 62—87).

Уже одиннадцать часовъ... Стих. («Сынъ Отечества», 1856, № 19, стр. 14.)

Орлеанской дѣвѣ. Изъ Шиллера. Стих. («Современникъ», 1856, т. LX, № 11, отд. I, стр. 168.)

Изъ Крабба. Стих. («Отечественныя Записки», 1856, т. CIX, № 12, отд. I, стр. 345.)

Зной. Стих. («Отечественныя Записки», 1856, т. CIX, № 12, отд. I, стр. 345.)

Дума. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1856, т. CXL, № 12, отд. I, стр. VII.)

Шиллеръ. Лирическія Стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Части I и II. Спб. 1857.

Здѣсь, въ первый разъ, напечатаны слѣдующіе переводы издателя: Часть I. Юноша у ручья, Веснѣ, Путеводители жизни, Притча Конфуція, Купецъ, Играющій ребёнокъ, Фортуна и Мудрость, Эпическій гекзаметръ, Октава, Тріумфальная арка, Ворота и Прощаніе съ читателемъ. Часть II. Фантазія — Лаурѣ, Порука, Почести и Къ***. Кромѣ того здѣсь помѣщены подробная біографія Шиллера и библіографическая статья о русскихъ переводахъ произведеній великаго поэта, написанныя издателемъ, и списокъ ихъ, составленный имъ.

Шиллеръ. Драматическія сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Часть III. Спб. 1857.

Альпухары. Изъ Мицкевича. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1857, т. CXLII, № 3, отд. I, стр. 6.)

Прощай. Стих. («Сынъ Отечества», 1857, № 17, стр. 391.)

Съ малороссійскаго. Стих. (Тамъ же.)

Дубъ и тополь. Стих. (Тамъ же, № 22, стр. 512.)

Полный списокъ печатныхъ сочиненій Гоголя, составленный Н. В. Гербелемъ. («Сочиненія и Письма Гоголя», 1857, т. VI, стр. 555—567.)

Свадьба. Изъ Крабба («Библіотека для Чтенія», 1857, т. CXLIV, № 8, отд. I, стр. 114.)

На смерть воробья Лезбіи. Изъ Катулла. Стих. (Тамъ же, стр. 178.)

Пѣснь Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка. Стих. («Русскій Инвалитъ», 1857, № 174.)

Опять ты здѣсь моя любовь! Стих. («Сынъ Отечества», 1857, № 39, стр. 941.)

Изъ Крабба. Стих. (Тамъ же, 1857, № 39, стр. 941.)

Другу. Стих. (Тамъ же, 1857, № 42, стр. 1013.)

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю. («Современникъ», 1858, т. LXVII, отд. I, стр. 267.)

Списокъ сочиненій Е. П. Гребенки, составленный Н. В. Гербелемъ. («Библіографическія Записки», 1858, № 5, стр. 145.)

Стихотворенія Н. Я. Прокоповича. Изданіе Н. В. Гербеля. Спб. 1858. Здѣсь перепечатана, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, біографія покойнаго поэта, подъ заглавіемъ «Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю».

Шиллеръ. Драматическія сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныя подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Часть IV. Спб. 1858.

Отголоски. Стихотворенія Николая Гербеля. Двѣ части. Спб. 1858.

Здѣсь въ первый разъ напечатаны слѣдующія стихотворенія автора: Часть I. Въ Карпатахъ, Миньона, Заутра бой, Уже давно я не молился, Меня преслѣдуетъ какой-то демонъ злой, Тайная грусть, Отрывокъ изъ поэмы, Уланы, Ещё одинъ годъ пролетѣлъ надо мной, На смерть брата, Подражаніе, Звѣздочка, Вейнсбергскія женщины, Изъ Гёте, Ты на балахъ окружена и Передъ судомъ. Часть II. Здѣсь помѣщено — третье изданіе поэмы «Игорь, Князь Сѣверскій» въ исправленномъ видѣ.

Шиллеръ. Драматическія Сочиненія Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, изданныя подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Части V, VI и VII. Спб. 1859. Здѣсь, въ первой изъ нихъ, помѣщена трагедія въ пяти актахъ «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ», переведённая издателемъ и изданная имъ также отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ пяти актахъ. Сочиненіе Фридриха Шиллера. Переводъ Николая Гербеля. Спб. 1859.

Нѣтъ больше гемороя! Стих. («Искра», 1859, № 20, стр. 199.) Подписано: Эрастъ Моховоевъ.

Нищій. Баллада. («Развлеченіе», 1859, т. I, № 23, стр. 265.)

Описаніе Петергофской скачки, бывшей тамъ 15-го августа 1859 года. («Современникъ», 1859, т. LXXVII, № 9, отд. III, стр. 226 — 228, въ статьѣ: «Замѣтки Новаго Поэта».)

Письмо къ членамъ комитета, учреждённаго для празднованія столѣтняго юбилея дня рожденія Шиллера въ Марбахѣ. («Современникъ», 1859, т. LXXVIII, № 11, отд. III, стр. 144, въ статьѣ: «Замѣтки Новаго Поэта».)

Пораженіе Сеннахерима. Изъ Байрона. Стих. («Отечественныя Записки», 1859, т. CXXVII, № 11, отд. I, стр. 244.)

Шиллеръ. Разныя сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныя подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Часть VIII. Спб. 1860. Здѣсь помѣщёнъ драматическій отрывокъ: «Мизантропъ» въ переводѣ издателя.

Шиллеръ. Лирическія Стихотворенія. Часть I. Изданіе второе. Спб. 1860.

Сцена изъ «Эдуарда II» — Марло. Стих. («Русское Слово», 1860, ч. 2, отд. I, стр. 413.)

Изъ Гёте, только не нѣмецкаго. Пародія. («Развлеченіе», 1860, т. III, № 6, стр. 76.) Подписано: Эрастъ Моховоевъ — послѣдній эпикъ.

Списокъ періодическимъ изданіямъ, русскимъ и иностраннымъ, прекратившимся въ 1858 и 1859 годахъ въ Россіи. Статья первая. («Современникъ», 1860, т. LXXIX, № 2, отд. III, стр. 390.)

Тополь. Изъ Шевченко. Стих. (Тамъ же, т. LXXX, № 3, отд. III, стр. 109.)

Сивуха и Поэтъ. Изъ поэмы: «Русскій патріотъ изъ нѣмцевъ». Стих. («Развлеченіе», 1860, т. IV, № 33, стр. 398.) Подписано: Эрастъ Моховоевъ — послѣдній эпикъ.

Катерина. Повѣсть въ стихахъ. Изъ Шевченко («Русское Слово», 1860, № IX, отд. I, стр. 215 — 234.)

Кобзарь Тараса Шевченко въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Спб. 1860.

Здѣсь въ первый разъ напечатаны слѣдующіе переводы издателя: Посвященіе, Перебендя, двѣ «Думы», Тарасова ночь, Доля, Канунъ Рождества, Покинутая избушка и Казацкая доля. Кромѣ того здѣсь помѣщены два списка: 1) печатныхъ сочиненій Шевченко и 2) русскихъ переводовъ его стихотвореній, составленные издателемъ.

Два разныхъ жребія намъ вынуты судьбою. Изъ Мицкевича. Стих. («Свѣточь», 1860, ч. 5, стр. 138.)

Списокъ періодическимъ изданіямъ, русскимъ и иностраннымъ, прекратившимся въ 1860 году въ Россіи. Статья вторая. («Современникъ», 1861, т. LXXXV, № 1, отд. II, стр. 148.) Перепечатанъ въ «Вѣкѣ» (1861, № 10.)

Шиллеръ. Историческія Сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Томъ IX. Спб. 1861.

Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ полный переводъ «Исторіи тридцатилѣтней войны», сдѣланный издателемъ.

О рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ Лицею князя Безбородко. («Время», 1861, т. II, № 4, отд. I, стр. 606.)

Сцена изъ трагедіи Марло: «Эдуардъ II». (Второе приложеніе къ журналу «Вѣкъ», 1861, стр. 332.)

Письмо къ редактору «Библіографическихъ Записокъ». («Библіографическія Записки», 1862, № 18, стр. 563.)

Афанасьевъ, Александръ Степановичъ. Статья. («Энциклопедическій Словарь», 1862, т. V, стр. 744.)

Списокъ переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній И. П. Крешева, составленный Н. В. Гербелемъ. («Переводы и подражанія И. П. Крешева», 1862, стр. 133.)

Сочиненія Е. П. Гребёнки, собранныя, приведённыя въ порядокъ и изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля, съ его предисловіемъ и библіографическою статьёю. Пять частей. Спб. 1862.

Ты прекрасна, какъ Психея! Стих. («Модный Магазинъ», 1862, № 22, стр, 491.)

Шиллерѣ. Драматическія сочиненія. Томы III и IV. Изданіе второе. Спб. 1862.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей. Драматическія сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныя подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Часть III. Изданіе второе. Спб. 1862. Перепечатано съ изданія 1857 года съ дополненіемъ всѣхъ пропущенныхъ мѣстъ.

Шиллеръ. Лирическія стихотворенія. Части I и II. Изданіе третье. Лейпцигъ. 1862. Сюда вошли всѣ стихотворные переводы издателя изъ Шиллера, печатавшіяся до того въ повременныхъ изданіяхъ и въ 1-мъ и 2-мъ томахъ двухъ первыхъ изданій того же «Собраніе Сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей».

Посланіе къ Основьяненкѣ. Изъ Шевченко. Стих. («Время», 1863, № 3, отд. I, стр.. 188.)

Собраніе Сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Томъ I. Изданіе четвёртое. Лейпцигъ. 1863. Перепечатано цѣликомъ съ третьяго изданія, за исключеніемъ нѣсколькихъ самыхъ незначительныхъ исправленій въ предисловіи и библіографической статьѣ о русскихъ переводахъ лирическихъ стихотвореній Шиллера.

Тоже. Томы II, III и V. Изданіе третье. Спб. 1863 и 1864.

Тоже. Томы IV, VI и VII. Изданіе второе. 1865 и 1866.

Тоже. Томъ VIII. Изданіе первое. 1870.

Любовь! какъ звучно это слово! Стих. («Модный Магазинъ», 1863, № 11, стр. 129.)

Пѣсня. Изъ Шевченко. Стих. (Тамъ же, № 22, стр. 259.)

Стансы. Изъ Байрона. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1863, № 10, отд. I, стр. 56.)

Плачъ Ирода по Маріамнѣ. Изъ Байрона. (Тамъ же, № 12, отд. I, стр. 34.)

Пѣснь Саула передъ послѣднимъ боемъ. Изъ Байрона. Стих. («Модный Магазинъ», 1864, № I, стр. 1.)

Дочь Іефѳая. Изъ Байрона. Стих. (Тамъ же, № III, стр. 33.)

Мнѣ призракъ явился. Изъ Байрона. («Развлеченіе», 1864, № 8, стр. 113.)

Еврейскія Мелодіи. Изъ Байрона. Стих. («Современникъ», 1864, т. C, № 1, отд. I, стр. 265.)

Давно мнѣ не въ радость сіянье лазури... Стих. («Эпоха», 1864, № 1 и 2, отд. I, стр. 320.)

Стансы. Изъ Байрона. (Тамъ же, стр. 181.)

Три сцены изъ трагедіи Марло «Эдуардъ II». («Современникъ», 1864, т. CIII, № 8, стр. 201.)

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1864—1867. Изъ переводовъ издателя сюда вошло восемь еврейскихъ мелодій, поэма «Колмаръ и Орла», и стихотворенія «Не вспоминай», «Къ М***», «Томасу Муру» и «Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ».

Собраніе Сочиненій А. В. Дружинина. Восемь томовъ. (Редакція изданія Н. В. Гербеля.) Спб. 1865 — 1867.

Полное Собраніе драматическихъ произведеній Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Четыре тома. Спб. 1866 — 1868.

Кобзарь Тараса Шевченко въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1869.

Изъ Котляревскаго. Стих. («Модный Магазинъ», 1869, № 22, стр. 349.)

Дочь Таубенгеймскаго пастора. Баллада. Изъ Бюргера. («Вѣстникъ Европы», 1869, т. VI, № 12, стр. 778.)

В. В. Гербель. Некрологъ. («Голосъ», 1870, № 268.)

Генералъ-лейтенантъ Гербель. («Русскій Инвалидъ», 1870, № 218.)

Поэзія Славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводѣ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Спб. 1871. Изъ помѣщённыхъ здѣсь стихотворныхъ переводовъ, 56 принадлежатъ издателю, какъ равно и большинство біографій славянскихъ поэтовъ.

Письмо къ издателямъ. («Московскія Вѣдомости», 1872, № 317.) Перепечатано въ «Голосѣ» (1872, № 227), «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1872, № 349) и «Русскомъ Архивѣ» (1873, книга I, столб. 0221.)

Горе отъ ума. Комедія Грибоѣдова. Изданіе Н. В. Гербеля. Счётомъ 30-е, напечатанное въ первый разъ съ соблюденіемъ всѣхъ стихотворныхъ правилъ при размѣщеніи стиховъ по стопамъ, чего не было сдѣлано ни при одномъ изданіи. Спб. 1873.

Н. В. Кукольникъ. Біографическій очеркъ. («Иллюстрированная Газета», 1873, т. XXXI, № 12, стр. 177.)

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ Н. В. Гербель. Спб. 1873. Здѣсь помѣщены 123 біографіи, составленныя издателемъ и его-же «Посвященіе» — стихотвореніе.

Полное собраніе сочиненій Гофмана переведённыхъ и изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Четыре тома. Спб. 1872 и 1873.

Осада Коринфа. Поэма. Изъ Байрона. («Вѣстникъ Европы», 1873, т. III, № 6, стр. 465.)

Передъ судомъ. Изъ Гёте. (Тамъ же, 1874, т. X, № 5, стр. 85.)

Послѣднее прости. Изъ Байрона. («Складчина», 1874, стр. 309.)

Сестрѣ. Изъ Байрона. («Отечественныя Записки», 1875, т. CCXVIII, № 7, стр. 141.)

Жалоба Тасса. Изъ Байрона. («Вѣстникъ Европы», 1875, т. I, № 2, стр. 559.)

Миньона. Изъ Гёте. (Тамъ же, т. III, № 6, стр. 671.)

Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ Н. В. Гербель. Спб. 1875. Здѣсь помѣщены 34 біографіи и 28 стихотворныхъ переводовъ, принадлежащихъ издателю.

Полное Собраніе Сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ

писателей, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Два большихъ тома. Изданіе пятое. Спб. 1875.

Сюда вошли: Біографія Шиллера, написанная издателемъ, двѣ драмы («Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» и «Мизантропъ»), одно большое историческое сочиненіе («Исторія тридцатилѣтней войны») и 24 стихотворенія переведённыя имъ же.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Четыре тома. Изданіе второе. Спб. 1874 — 1877. Сюда вошли: Біографія Байрона и списокъ русскихъ переводовъ его сочиненій, написанный издателемъ, семь поэмъ («Паризина», «Осада Коринѳа», «Морской разбойникъ», «Лара», «Островъ», «Жалоба Тасса», «Проклятіе Минервы» и «Смерть Колмара и Орлы») и 18 мелкихъ стихотвореній, переведённыхъ имъ же.

Изюмскій гусарскій полкъ въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи полка. («Военный Сборникъ», 1875, т. CIV, № 7, отд, I, стр. 5.)

Кобзарь Тараса Шевченко въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное. Спб. 1876.

Лара. Поэма. Изъ Байрона. («Вѣстникъ Европы», 1876, т. II, № 4, стр. 559.)

Для будущаго «Полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина». («Русскій Архивъ», 1876, № 10, стр. 205.)

Полное Собраніе Драматическихъ Произведеній Шекспира въ переводахъ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Три первыхъ тома. Изданіе второе. Спб. 1876 — 1877. Перепечатка предъидущаго изданія.

Чудная ночь. Изъ Гёте. («Вѣстникъ Европы», 1877, № 12, стр. 138.)

Амуръ и Пѣсня, изъ Гёте и Горація. (Тамъ же, 1879, № 1, стр. 305.)

Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1877. Большой томъ въ 700 страницъ. Спб. 1878. Здѣсь помѣщено 75 біографій, составленныхъ издателемъ и 58 стихотворныхъ переводовъ, сдѣланныхъ имъ же.

Собраніе Сочиненій Гёте въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Десять томовъ. Спб. 1878—1880.

Сюда вошли: Біографія Гёте, составленная издателемъ, двѣ трагедіи («Гёцъ-фонъ-Берлихингенъ» и «Эгмонтъ»), двѣ комедіи («Братъ и сестра» и «Боги, герои и Виландъ», одна повѣсть («Добрыя женщины»), двѣ статьи по части художествъ («Лаокоонъ» и «Тайная Вечеря Леонардо Да-Винчи») и 24 мелкихъ стихотворенія, переведённыя имъ же и «Списокъ русскихъ переводовъ всѣхъ сочиненій Гёте».

Посѣщеніе. Изъ Гёте Стих. («Еженедѣльное Новое Время», 1879, т. I, № 8, стр. 508.)

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1880.

Полное собраніе сонетовъ Вилліама Шекспира въ переводѣ Ник. Вас. Гербеля. Спб. 1880.

Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе третье, исправленное и дополненное подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Съ портретомъ автора. Три тома. Спб. 1880. Сюда вошли сто пятьдесятъ четыре сонета Шекспира, въ переводѣ Н. В. Гербеля.

VI.

А. Л. Гинтовта.

Некрологъ В. И. Тимофѣева 1-го. («Москвитянинъ», 1850, ч. II, № 8, отд. V, стр. 179.)

Юбилей пятидесяти-лѣтней службы генерала отъ инфантеріи М. И. Чеодаева. («Вѣдомости Московской Городской Полиціи», 1850, № 273.)

VII.

Л. И. Глѣбова.

Стихотворенія Леонида Глѣбова. 1845 — 1846. Полтава. 1847.

Байки. Изъ Крылова. I. Вовкъ и Китъ. II. Вовкъ и Вивчари. III. Лебидь, Щука и Ракъ. («Черниговскія Губернскія Вѣдомости», 1853, № 8, часть неофиціальная, стр. 55.) IV. Лысыця и Оврагъ. V. Вовкъ и Лысыця. (Тамъ же, № 11, стр. 82—83.) VI. Мирошникъ. VII. Лысыця и Оселъ. VIII. Чыжъ та Голубъ. (Тамъ же, № 12, стр. 92—93.) IX. Двѣ Бочкы. X. Жаба й Вилъ. XI. Мужыкъ та Лысыця. XII. Прохожи та Боканы. (Тамъ же, № 16, стр. 136—137.) XIII. Мыша и пацюкъ. (Тамъ же, № 18, стр. 151.) XIV. Хлопчикъ и Гадюка. (Тамъ же. № 19, стр. 164.) XV. Вовкъ и Мышиня. (Тамъ же, № 20, стр. 174.) XVI. Зузуля и Пивень. XVII. Левъ та Мыша. (Тамъ же, № 21, стр. 161—182.) XVIII. Спивакы. (Тамъ же, № 22, стр. 194—195.) XIX. Левъ та Вовкъ. XX. Хозяйинъ та Шкапа. Тамъ же, № 25, стр. 282—283.) XXI. Троеженецъ. (Тамъ же, № 28, стр. 361—303.) XXII. Охримова Свыта. XXIII. Два Кума. (Тамъ же. № 29, стр. 307—308.) XXIV. Каминь та Чирвякъ. (Тамъ же, № 35, стр. 357.) XXV. Сыныця. (Тамъ же, № 36, стр. 365.) Остапова правда. Стих. (Тамъ же, № 46, стр. 365.) Писня. Стих. (Тамъ же, № 48, стр. 381.) Байкы. Изъ Крылова: XXVI. Вовкъ та Ягня. (Тамъ же, № 50, стр. 397.) XXVII. Шпакъ. (Тамъ же, 1856, № 15, стр. 113.) Стрижено! стрижено! малороссійская пословица-легенда. (Тамъ же, 1858, № 16.) Вечіръ, Журба, Доля, Прохожій та собаки, Писня — стихотворенія. («Основа», 1861, № I, стр. 97.) Байкы.

Вовкъ та котъ, Вовкъ та мышиня. (Тамъ же, № II, стр. 53.) Лисиця та оселъ. (Тамъ же, № III, стр. 166.) Вовкъ та вивчари, Жаби и волъ, Мирошникъ, Горлиця и горобецъ. (Тамъ же, № IV, стр. 115.) Вовкъ та ягня, Левъ та мишь. (Тамъ же, № XI, стр. 117.) Скажить мини добри люди.... Стих. (Тамъ же, № XII, стр. 16.)

Байки Леонида Глѣбова. Кіевъ. 1863.

Черниговскій Листокъ. Газета, выходившая въ 1861 и 1862 годахъ въ Черниговѣ подъ редакціей Л. П. Глѣбова. Здѣсь, въ №№ 1, 2, 3 и 4 на 1861 годъ были помѣщены слѣдующія стихотворенія редактора: «Поэзія», «Путникъ», «Воспоминаніе», «Цвѣтокъ», «Далеко — посмотрѣть....» и «Пѣсня», а въ 3-мъ № на 1862 годъ: «Проѣзжіе». Отрывокъ изъ комедіи «Хуторянка».

Байки Леонида Глѣбова. Изданіе второе. Черниговъ. 1872.

VIII.

Н. В. Гоголя.

Италія. Стих. Напечатано безъ имени сочинителя. («Сынъ Отечества», 1829, т. II, № XII, стр. 301.) Перепечатано въ статьѣ г. Тихонравова: Библіографическія поправки и дополненія къ статьѣ: «Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя». («Московскія Вѣдомости», 1853, № 51), въ «Опытѣ Біографіи Гоголя», «Запискахъ о Жизни Гоголя» и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя».

Ганцъ Кюхельгартенъ. Изданіе въ картинахъ. Сочиненіе В. Алова. Писано въ 1827 году. Спб. 1829. Книга эта, какъ извѣстно, была сожжена самимъ Гоголемъ, въ слѣдствіе чего сдѣлалась величайшею библіографическою рѣдкостью. Въ настоящее время, кромѣ экземпляра, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ, существуетъ всего пять экземпляровъ этой рѣдкой книги. Поэма перепечатана въ «Сочиненіяхъ Гоголя» и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя».

Бисаврюкъ, или вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Малороссійская повѣсть изъ народнаго преданія, разсказанная дьячкомъ Покровской церкви. («Отечественныя Записки», 1830, ч. XLI, кн. 118, стр. 238 и кн. 119, стр. 421.) Безъ имени сочинителя. Въ концѣ — объясненіе шести малороссійскихъ словъ. Перепечатана, подъ заглавіемъ: Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, въ «Вечерахъ на Хуторѣ» и всѣхъ изданіяхъ «Сочиненій Гоголя», но съ значительными перемѣнами и небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ сочинитель, въ шутливомъ тонѣ, разсказываетъ исторію передѣлки своей повѣсти редакторомъ журнала Свиньинымъ, безъ его вѣдома, давая тѣмъ знать, что онъ не признаетъ ея первоначальной редакціи.

Глава изъ историческаго романа. («Сѣверные Цвѣты» на 1836

годъ, стр. 225). Подписана: ОООО, то есть — четырьмя буквами О, какъ справедливо объясняетъ В. П. Гаевскій, потому что *о* встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи автора. Николай Гоголь-Яновскій. Обнародованіе писемъ Гоголя подтвердило эту догадку (см. письмо его къ матери отъ 21-го августа 1831 года, помѣщённое въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя», т. V, стр. 134). Перепечатано въ «Арабескахъ», «Сочиненіяхъ Гоголя» и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя», съ слѣдующею выноскою, не помѣщённою въ альманахѣ: «Изъ романа подъ заглавіемъ: «Гетьманъ»; первая часть его была написана и сожжена, потому-что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.»

Учитель. Изъ малороссійской повѣсти: «Страшный Кабанъ». («Литературная Газета», 1831, т. III, № 1, стр. 1.) Подписано: П. Глечикъ. Употреблённый здѣсь псевдонимъ, (по объясненію В. П. Гаевскаго) имѣетъ то основаніе, что въ романѣ, изъ котораго напечатана глава въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», одно изъ дѣйствующихъ лицъ — Миргородскій полковникъ Глечикъ. Перепечатанъ въ «Сочиненіяхъ Гоголя» и въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя».

Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ Географіи. («Литературная Газета», 1831, т. III, № I, стр. 4.) Подписано: Г. Яновъ, то есть Гоголь-Яновскій. Это — первая подпись, обнаруживающая готовность робкаго и недовѣрчиваго къ самому себѣ автора объявить настоящее своё имя. Подъ статьею отмѣтка: продолженіе обѣщано; но обѣщаніе не было исполнено. Кромѣ того въ концѣ статьи находится выноска, не помѣщённая ни въ «Арабескахъ», ни въ «Сочиненіяхъ Гоголя», гдѣ она перепечатана безъ измѣненія: «Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о сёмъ предметѣ мнѣніе учоныхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ, читатели встрѣтятъ, можетъ-быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей.»

Женщина. («Литературная Газета», 1831, т. III, № IV, стр. 27.) Эта статья замѣчательна тѣмъ, что авторъ въ первый разъ выставилъ подъ нею своё настоящее имя: Н. Гоголь. «Авторъ», говоритъ г-нъ Кулишъ въ своихъ Запискахъ о Жизни Гоголя, «очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣроятно, считалъ это молодое произведеніе вполнѣ достойнымъ своего имени.» Перепечатана безъ перемѣны въ «Сочиненіяхъ Гоголя» и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя».

Успѣхъ посольства. Изъ малороссійской повѣсти: «Страшный Кабанъ». («Литературная Газета», 1831, т. III. № XVII, стр. 133.) Безъ означенія имени сочинителя. Перепечатана въ «Сочиненіяхъ Гоголя» и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (стр. 286).

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Первая книжка. Спб. 1831. Здѣсь помѣщены: Предисловіе, Объясненіе малороссійскихъ словъ, встрѣчающихся

въ книгѣ, Сорочинская ярмарка, Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, Майская ночь, или утопленница и Пропавшая грамота.

Тоже. Вторая книжка. Спб. 1832. Здѣсь помѣщены: Предисловіе, Ночь предъ Рождествомъ, Страшная месть, Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тётушка и Заколдованное мѣсто.

Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. («Новоселье» 1834, т. II, стр. 478.) Подписано: Рудый-Панько.

Объявленіе объ изданіи «Малороссійской Исторіи» сочиненія Н. Гоголя. («Сѣверная Пчела», 1834, № 24, «Молва» 1834, стр. 118 и «Московскій Телеграфъ», 1834, № III, стр. 523.)

Планъ преподаванія Всеобщей Исторіи. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1834, ч. I, № II, стр. 189.) Перепечатанъ, съ небольшими перемѣнами, въ «Арабескахъ», «Сочиненіяхъ Гоголя» и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя».

Отрывокъ изъ Исторіи Малороссіи. Томъ I, Книга I, Глава I. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1834, ч. II, № IV, отд. II, стр. 1.) Внизу въ выноскѣ сказано: «Авторъ избралъ первую главу Исторіи Малороссіи для помѣщенія въ журналѣ потому что она представляетъ нечто цѣлое и вмѣстѣ служитъ введеніемъ въ самую исторію.» Перепечатанъ въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя», подъ заглавіемъ: «Взглядъ на составленіе Малороссіи», съ примѣчаніемъ, въ выноскѣ, что «эскизъ составлялъ введеніе въ Исторію Малороссіи; такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь, какъ совершенно отдѣльная статья».

О малороссійскихъ пѣсняхъ. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1834, ч. II, № IV, отд. II, стр. 16.)

О среднихъ вѣкахъ. Вступительная лекція, читанная въ Санктпетербургскомъ Университетѣ адъюнкт-профессоромъ Н. Гоголемъ («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1834, ч. III, отд. II, стр. 409.)

Миргородъ. Повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки». Н. Гоголя. Двѣ части. Спб. 1835. Здѣсь помѣщены: Часть I. Старосвѣтскіе помѣщики и Тарасъ Бульба. Часть II. Вій и Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Арабески. Разныя сочиненія Н. Гоголя. Двѣ части. Спб. 1835.

Здѣсь помѣщено: Часть I. Предисловіе, Скульптура, живопись и музыка, О среднихъ вѣкахъ, Глава изъ историческаго романа, О преподаваніи всеобщей исторіи, Портретъ, повѣсть, Взглядъ на составленіе Малороссіи, Нѣсколько словъ у Пушкинѣ, Объ архитектурѣ нынѣшняго времени, Ал. Мамунъ. Часть II. Жизнь, Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ, Невскій проспектъ, повѣсть, О малороссійскихъ пѣсняхъ, Мысли о Географіи, для дѣтскаго возраста, Послѣдній день Помпеи, картина Брюлова, Плѣнникъ, отрывокъ изъ историческаго романа, О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка и Записки Сумасшедшаго. Статьи: 1) Скульп-

тура, живопись и музыка, 2) Нѣсколько словъ о Пушкинѣ, 3) Жизнь, 4) Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ, 5) О картинѣ Брюлова, 6) Движеніе народовъ въ V вѣкѣ, и повѣсти: 1) Портретъ, 2) Невскій проспектъ, 3) Плѣнникъ и 4) Записки Сумашедшаго — напечатаны здѣсь въ первый разъ. Остальныя перепечатаны изъ разныхъ повременныхъ изданій, о чемъ было сказано выше.

Вечера на Хуторѣ близь Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Двѣ части. Изданіе второе. Спб. 1836. Перепечатано съ перваго изданія безъ всякой перемѣны.

Коляска. Повѣсть. («Современникъ», 1836, т. I, стр. 170.)

О движеніи журнальной литературы, въ 1834 и 1835 году. («Современникъ», 1836, т. I, стр. 192.) Статья напечатана безъ означенія имени сочинителя, хотя ещё при жизни Гоголя была печатно приписана ему въ статьѣ С. Д. Полторацкаго: «Русскія біографическія и библіографическія лѣтописи», отрывокъ 5-й («Иллюстрація», 1864, т. II, № 12, стр. 177). Перепечатана въ «Сочиненіяхъ Гоголя» (т. V, стр. 299) и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. II, стр. 365).

Утро дѣловаго человѣка. Петербургскія сцены. («Современникъ», 1836, т. I, стр. 227.) Подписано: Н. Гоголь. Перепечатаны съ незначительными перемѣнами во всѣхъ изданіяхъ «Сочиненій Гоголя».

Новыя книги. («Современникъ», 1836, т. I, стр. 296.) По свидѣтельству П. А. Кулиша и Н. С. Тихонравова, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ черновыя тетради Гоголя, статья эта принадлежитъ ему, за исключеніемъ замѣтокъ о «Вастолѣ» и «Вечерахъ на Хуторѣ близь Диканьки». Ту и другую рецензіи г. Анненковъ приписываетъ Пушкину, что весьма вѣроятно, судя по отношеніямъ его къ тѣмъ, кому принадлежатъ упомянутыя книги.

Носъ. Повѣсть. («Современникъ», 1836, т. III, стр. 54.) Подписано: Н. Гоголь. Примѣчаніе издателя: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, весёлаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.»

Ревизоръ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя. Спб. 1836.

Петербургскія Записки 1836 года. («Современникъ», 1837, т. VI, стр. 403.) Вмѣсто подписи, три звѣздочки.

Новыя сцены изъ комедіи «Ревизоръ». Дѣйствіе IV. («Москвитянинъ», 1841, ч. I, № IV, стр. 578.)

Сцена изъ «Ревизора». (Тамъ же, ч. III, № VII, стр. 37.)

Письмо о первомъ представленіи «Ревизора». (Тамъ же, ч. III, № VI, стр. 483.) Перепечатано, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ комедіи вскорѣ послѣ перваго представленія ея къ одному литератору, въ «Репертуарѣ», 1841, кн. VI, стр. 33, въ приложеніи ко второму изданію «Ревизора» и въ обоихъ изданіяхъ «Сочиненій Гоголя» (т. IV, стр. 197). Письмо написано къ А. С. Пушкину.

Ревизоръ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя. Изданіе

второе, исправленное и умноженное, съ приложеніями. Москва. 1841. Въ приложеніяхъ помѣщены: 1) Письмо (приведенное выше), 2) двѣ сцены, выключенныя при первомъ изданіи, какъ замедлявшія ходъ пьесы, 3) монологъ Хлестакова, напечатанный на 123 страницѣ перваго изданія и 4) «Характеры и костюмы. Замѣчанія для господъ актеровъ.»

Похожденія Чичикова, или Мёртвыя Души. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842.

Разборъ альманаха «Утренняя Заря». («Москвитянинъ», 1842, № I, стр. 304.) Подписано: NN. По свидѣтельству г. Тихонравова («Московскія Вѣдомости», 1853, № 51), начало этой статьи, до словъ: «эта сіяющая игрушка», написано Гоголемъ, что видно изъ оригинала, сохранившагося у М. П. Погодина и писаннаго рукою Гоголя.

Римъ. Отрывокъ. («Москвитянинъ», 1842, № III, стр. 22.)

Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома. Спб. 1842. Содержаніе:

Томъ I. Предисловіе, съ подписью: Н. Г. Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Составъ и порядокъ статей тотъ же, какъ и въ первомъ изданіи.

Томъ II. Миргородъ. Перепечатанъ безъ измѣненія съ изданія 1835 года, за исключеніемъ Тараса Бульбы, который во многихъ мѣстахъ значительно исправленъ и дополненъ, и Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ, также нѣсколько поправленныхъ авторомъ.

Томъ III. Повѣсти: Невскій проспектъ, Носъ, Портретъ, Шинель, Коляска, Записки сумасшедшаго и Римъ. Всѣ эти повѣсти вошли сюда безъ перемѣны, кромѣ Портрета, который помѣщенъ въ «Сочиненіяхъ» съ значительными перемѣнами въ изложеніи и слогѣ. Что же касается повѣсти Шинель, то она является здѣсь въ первый разъ.

Томъ IV. Комедіи: Ревизоръ, Приложенія къ комедіи «Ревизоръ», Женитьба, совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ. Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены: Игроки, Утро дѣловаго человѣка, Тяжба, Лакейская, отрывокъ и Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. Всѣ эти пьесы, за исключеніемъ Ревизора и Утра дѣловаго человѣка, напечатаны здѣсь въ первый разъ.

Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ. Изъ письма къ Н. М. Языкову. («Москвитянинъ», 1846, № VII, отд. 5, стр. 19.)

Похожденія Чичикова, или Мёртвыя Души. Поэма. Н. Гоголя. Изданіе второе. Москва. 1846. Перепечатана безъ перемѣны съ изданія 1842 года, съ присовокупленіемъ предисловія, подъ заглавіемъ: «Къ читателю отъ сочинителя».

Выбранныя Мѣста изъ переписки съ друзьями. Николая Гоголя. Спб. 1847. (Въ 8-ю д. л.) Содержаніе: Предисловіе, Завѣщаніе, Женщина въ свѣтѣ, Значеніе болѣзней, О томъ, что такое слово, Чтенія русскихъ поэтовъ передъ публикою, О помощи бѣднымъ, Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ, Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ, О томъ же, О лиризмѣ нашихъ поэтовъ, Споры, Христіанинъ идетъ впередъ, Карамзинъ, О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ, и вообще объ односторонности, Предметы для лирическаго поэта

въ нынѣшнее время, Совѣты, Просвѣщеніе, Четыре письма къ разнымъ лицамъ, по поводу «Мёртвыхъ Душъ», Русскій помѣщикъ, Историческій живописецъ Ивановъ, Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, Сельскій судъ и расправа, Близорукому пріятелю, Чей удѣлъ на землѣ выше, Напутствіе, Въ чёмъ-же наконецъ существо русской поэзіи, и въ чёмъ ея особенность и Свѣтлое Воскресенье.

Четыре письма къ матери. («Московскія Вѣдомости», 1852, № 124, въ статьѣ Г. П. Данилевскаго: «Хуторъ близь Диканьки», перепечатанной въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1853, № 26.) Перепечатаны въ «Современникѣ» (1854, т. XLIII, отд. I, стр. 62), «Опытѣ Біографіи Гоголя» (стр. 26), «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 31) и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. V, стр. 15). Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ есть исправленія.

Письмо къ М. С. Щепкину. («Московскія Вѣдомости», 1853, № 2.) Перепечатана въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи» (1853, № 6), «Современникѣ» 1854, т. XLIV, отъ. I, стр. 64), «Опытѣ Біографіи Гоголя», «Запискахъ о Жизни Гоголя» (т. I, стр. 263) и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. V, стр. 410).

Письмо Н. В. Гоголя къ Ф. Ф. Вигелю. («Раутъ на 1854 годъ», стр. 362.) Перепечатано въ «Запискахъ о Жизни Гоголя» (т. II, стр. 118) и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. VI, стр. 376).

О томъ, что требуется отъ критики. («Современникъ», 1854, т. XLIV, отд. I, стр. 151.) Классное упражненіе Гоголя. Внизу отмѣтка профессора Никольскаго: изрядно. Перепечатано въ «Опытѣ Біографіи Гоголя», и «Запискахъ о Жизни Гоголя» (т. II, стр. 275).

Изложить законные обряды апелляціи, какъ изъ низшихъ инстанцій и въ Департаментѣ Сената. («Современникъ», 1854, т. XLIV, отд. I, стр. 152.) Также классное упражненіе Гоголя изъ Русскаго Права. Внизу отмѣтка профессора Билевича: «хотя не обстоятельно, но понятіе о предметѣ видно». Перепечатано въ «Опытѣ Біографіи Гоголя» и «Запискахъ о Жизни Гоголя (т. II, стр. 276).

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя, найденныя послѣ его смерти. Москва. 1855. Здѣсь помѣщены: 1) Похожденія Чичикова или Мёртвыя Души. Томъ второй. 5 главъ и 2) Авторская исповѣдь. Въ концѣ приложенъ снимокъ съ почерка Гоголя: страница изъ рукописи второй части «Мёртвыхъ Душъ».

Сочиненія Гоголя. Четыре тома. Изданіе второе. Москва. 1855. Перепечатано съ изданія 1842 года, съ незначительными перемѣнами.

Неизданныя письма Гоголя къ А. С. Данилевскому. («Библіотека для Чтенія», 1855, т. CXXXI, № 5, отд. I, стр. 99.) Перепечатаны въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. V, стр. 281 и 299 и т. VI, стр. 64.)

Письма къ М. П. Погодину. («Москвитянинъ», 1855, №№ 19 и 20, отд. I, стр. 1.) Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, именно, писанныя отъ 10 января, 1 и 20 февраля и 8 мая 1833 года, 11 января, 2 ноября и 19 декабря 1834 года, перепечатаны, съ выпусками, въ «Запискахъ о Жизни Гоголя» (т. I, стр. 152—161).

Отрывокъ изъ «Мёртвыхъ Душъ». («Русскій Вѣстникъ», 1856, т. I, кн. I, отд. I, стр. 1.) Перепечатанъ въ «Сочиненіяхъ Гоголя» (т. V, стр. 417) и «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. IV, стр. 538). Отрывокъ этотъ, судя по содержанію, относится къ первому тому «Мёртвыхъ Душъ» и составляетъ варіантъ окончанія IX главы.

Сочиненія Гоголя. Томы V и VI. Москва. 1856. Содержаніе:

Томъ V. Статьи изъ «Арабесокъ»: Скульптура, живопись и музыка, О среднихъ вѣкахъ, Глава изъ историческаго романа, О преподаваніи всеобщей исторіи, Взглядъ на составленіе Малороссіи, Нѣсколько словъ о Пушкинѣ, Объ архитектурѣ нынѣшняго времени, Ал-Мамунъ, Жизнь, Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ, О малороссійскихъ пѣсняхъ, Мысли о Географіи, Послѣдній день Помпеи, Плѣнникъ, О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка. Журнальныя статьи: О движеніи журнальной литературы, въ 1834 и 1835 году, Петербургскія записки 1836 года. Неизданныя сочиненія: Отрывокъ неизвѣстной повѣсти, Развязка «Ревизора» и Отрывокъ изъ «Мёртвыхъ Душъ».

Томъ VI. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Юношескіе опыты: Ганцъ Кюхельгартенъ, Италія, Два отрывка изъ малороссійской повѣсти: «Страшный Кабанъ» и Женщина.

Воззваніе къ генію. («Записки о Жизни Гоголя, т. I, стр. 128.)

Начало неизвѣстной повѣсти. (Тамъ же, т. I, стр. 167—169.) Перепечатано въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. III, стр. 318).

Два приступа къ повѣстямъ. («Записки о Жизни Гоголя», т. I. стр. 171—175.) Перепечатаны въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. III, стр. 320.)

Ночи на Виллѣ. («Записки о Жизни Гоголя», т. I, стр. 227.)

Набросокъ начала безыменной трагедіи изъ англійской жизни. (Тамъ же, т. II, стр. 281.) Перепечатанъ, подъ заглавіемъ: «Альфредъ, начало трагедіи изъ англійской исторіи», въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. II, стр. 543.)

Похожденія Чичикова, или Мёртвыя Души. Поэма. Н. В. Гоголя. Изданіе третіе. Москва. 1856. Съ отмѣткою: Печатано съ изданія 1846 года. Безъ предисловія автора, бывшемъ во 2-мъ изданіи.

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя, найденныя послѣ его смерти. (Второй томъ «Мёртвыхъ Душъ» и «Авторская исповѣдь».) Изданіе второе. Москва. 1856. Перепечатано съ изданія 1855 года.

Ненапечатанное письмо Гоголя къ Княжнѣ В—ѣ Н—ѣ Р—ой. («Сынъ Отечества», 1856, № 35, стр. 186.) Перепечатано въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. V, стр. 338 и 355.)

Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя. Шесть томовъ. Изданіе П. А. Кулиша. Спб. 1857. Содержаніе: Томъ I. 1) Вечера на Хуторѣ близь Диканьки. 2) Юношескіе опыты. 3) Миргородъ. Томъ II: 1) Арабески. 2) Журнальныя статьи. 3) Драматическія сочиненія. Томъ III. 1) Повѣсти. 2) Выбранныя мѣста изъ Переписки съ Друзьями. 3) Авторская исповѣдь. Въ числѣ повѣстей помѣщены вторично: «Тарасъ Бульба» и «Портретъ» въ исправленномъ видѣ. Томъ IV. 1) Мёртвыя Души. Томы I и II, изъ которыхъ послѣдній напечатанъ два раза: въ перво-

начальномъ и исправленномъ видахъ. 2) Приложенія къ первому тому «Мёртвыхъ Душъ»: I) Предисловіе ко второму изданію, II) Варіантъ IX главы, III) Наброски на лоскуткахъ, IV) Повѣсть о Капитанѣ Копейкинѣ въ первоначальномъ видѣ. Послѣднія два приложенія являются здѣсь въ первый разъ. Томы V и VI. 1) Письма. 2) Полный списокъ печатныхъ сочиненій Гоголя, составленный Н. В. Гербелемъ.

Изъ помѣщённыхъ здѣсь писемъ къ разнымъ лицамъ, напечатаны въ первый разъ: 1) письмо къ отцу и матери, 2) бабушкѣ, 3) матери, за исключеніемъ четырёхъ, появившихся въ первый разъ въ 124 № «Московскихъ Вѣдомостей» на 1852 годъ, 4) тёткѣ В. П., 5) сёстрамъ Е. В. и А. В., 6) Сестрѣ Е. В., 7) Сестрѣ А. В., 8) Сестрѣ О. В., 9) зятю В. Бакову, 10) С. Т. Аксакову, со включеніемъ и напечатаннаго впослѣдствіи въ 12 № «Русской Старины» на 1871 годъ, 11) К. С. Аксакову, 12) М. П. Балабиной, за исключеніемъ помѣщённыхъ впослѣдствіи въ 12 № «Русскаго Слова» на 1860 годъ, 13) В. Г. Бѣлинскому, 14) Н. Д. Бѣлозерскому, 15) Ф. Ф. Вигелю, 16) Г. П. Высоцкому, 17) Дондукову-Корсакову, 18) А. П. Елагиной, 19) В. А. Жуковскому, со включеніемъ двѣнадцати, помѣщённыхъ впослѣдствіи въ «Русскомъ Архивѣ» на 1871 годъ, 20) П. П. Косяровскому, 21) L. L., 22) Князю В. В. Львову, 23) М. А. Максимовичу, 24) Отцу Матвѣю, 25) N* N*, 26) N. F., 27) Князю В. Ѳ. Одоевскому, 28) П. А. Плетнёву, 29) Е. В. Погодиной, 30) П — му, 31) Княжнѣ В. П. Рѣпниной, 32) П. П. Раевской, 33) А. О. Смирновой, 34) Графу А. П. Толстому, 35) Графу С. С. Уварову, 36) Ѳ. В. Чижову, 37) С. П. Шевырёву, 38) Н. И. Шереметевой и 39) Н. М. Языкову.

Размышленія о Божественной Литургіи. Н. В. Гоголя. Издалъ П. А. Кулишъ. Спб. 1857.

Письма и отрывки изъ писемъ къ Н. Я. Прокоповичу, помѣщённыя въ статьѣ Н. В. Гербеля: «Н. Я. Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю». («Современникъ», 1858, т. LXVII, № 2, отд. I, стр. 267—290.) Всѣ эти письма помѣщены здѣсь въ отрывкахъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, напечатанныхъ вполнѣ.

Неоконченные стихи Гоголя и Данилевскаго, присланные изъ Парижа. («Современникъ», 1858, т. LXVII, № 2, отд. I, стр. 279.) Перепечатаны въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1858, № IV, стр. 122) и «Стихотвореніяхъ Прокоповича» (стр. 30), изданныхъ въ томъ же году.

Письма Гоголя къ Иванову, помѣщённыя въ статьѣ г. Кулиша: «Переписка Н. В. Гоголя съ Ивановымъ». («Современникъ», 1858, т. LXXII, №. 11, отд. I, стр. 123.) Многія изъ этихъ писемъ помѣщены здѣсь съ первый разъ, а нѣкоторыя въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, что означено въ примѣчаніяхъ.

Письмо Гоголя къ Прокоповичу. («Библіографическія Записки», 1858, № IV, стр. 115.)

Альбомная замѣтка Гоголя. (Тамъ же, № XVI, стр. 492.)

Письма Гоголя къ Прокоповичу. («Русское Слово», 1859, т. I, отд. I, стр. 83—136.) Всего 33 письма.

Письма Н. В. Гоголя къ разнымъ лицамъ. («Библіографическія Записки», 1859, № IV, стр. 97.) Всего 20 писемъ.

Сцена изъ «Ревизора» Гоголя, ненапечатанная авторомъ. (Тамъ же, № 7, стр. 220.)

Два письма къ А. С. Стурдзѣ. («Тамъ же, № 9, стр. 264.) Второе изъ этихъ писемъ было частью напечатано ещё въ 1852 году въ «Москвитянинѣ» (ч. XX, стр. 224) въ статьѣ Стурдзы: «Дань памяти Н. В. Гоголя».

Изъ переписки Гоголя съ друзьями. (Тамъ же, № 10, стр. 303.) Три исключённыхъ отрывка изъ письма къ Жуковскому: «О лиризмѣ нашихъ поэтовъ».

Письмо Гоголя П. И. Раевской. («Московскія Вѣдомости», 1859, № 204.)

Размышленія о Божественной Литургіи. Сочиненіе Н. В. Гоголя. Изданіе второе. Спб. 1859.

Два письма Гоголя къ Б....й и къ М. П. Балабиной. («Русское Слово», 1860, т. XII, отд. III, стр. 26.) Второе изъ этихъ писемъ на итальянскомъ языкѣ, съ приложеніемъ русскаго перевода.

Замѣтки и наброски Н. В. Гоголя для драмы изъ украинской исторіи. («Основа», 1861, т. I, стр. 118.) Статьѣ предпослано: «Нѣсколько объяснительныхъ словъ г. Кулиша».

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Изданіе его наслѣдниковъ. М. 1862.

Письмо Н. В. Гоголя. («Домашняя Бесѣда», 1863.)

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Лейпцигъ. 1863.

Письмо Гоголя къ Я. Гроту. («Русскій Архивъ», 1864, № 2, столб. 178.) Помѣщено въ статьѣ г. Грота: «Воспоминаніе о Гоголѣ».

Письмо Гоголя къ князю В. Ѳ. Одоевскому. (Тамъ же, №№ 7 и 8, столб. 839.)

Письмо Гоголя къ архіепископу Инокентію. («Харьковскія Духовныя Вѣдомости», 1864, № 4.)

Два письма Гоголя къ Малиновскому. («Русскій Архивъ», 1865, столб. 1278.)

Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ въ первоначальной редакціи. (Тамъ же, столб. 1282.)

Письмо Гоголя къ князю П. А. Вяземскому. (Тамъ же, стр. 1295.)

Что такое Губернаторша? Письмо къ А. О. Смирновой. («Современность», 1866, №№ I и II, стр. 9 и 33.)

Письмо Гоголя къ П. А. Плетнёву о «Мёртвыхъ Душахъ». («Русскій Архивъ», 1866, столб. 766.)

Письмо Гоголя къ князю Вяземскому. (Тамъ же, № 7, столб. 1077 — 1081.)

Три письма Гоголя къ И. И. Дмитріеву. (Тамъ же, столб. 1726.)

Неизданные мѣста изъ писемъ Гоголя къ друзьямъ. (Тамъ же, столб. 1730.)

Шуточное письмо Гоголя къ русской дамѣ. (Тамъ же, 1867, столб. 473.)

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Второе изданіе его наслѣдниковъ. Четыре тома. Москва. 1867.

Два носа. Замѣтка въ альбомъ Е. Г. Чертковой. («Русская Старина», 1870, № 11, стр. 528.)

Письмо Гоголя къ С. Т. Аксакову. (Тамъ же, 1871, № 12, стр. 681.)

Двѣнадцать писемъ Гоголя въ В. А. Жуковскому. («Русскій Архивъ», 1871, №№ 4 и 5, столб. 946.)

Письмо Гоголя къ М. П. Погодину. (Тамъ же, 1872, столб. 2369.) Письмо это было большею частью напечатано въ изданіи «Сочиненій Гоголя» (1857, т. V, стр. 174).

Новые отрывки и варьянты къ «Мёртвымъ Душамъ». («Русская Старина», 1872, т. V, стр. 85.)

Письма къ князю Вяземскому. («Русскій Архивъ», 1872, №№ 7 и 8, столб. 1329.)

Письмо Гоголя къ П. И. Сосницкому о постановкѣ «Ревизора». («Русская Старина» 1872, т. VI, № 10, стр. 442.)

Тарасъ Бульба. Сочиненіе Н. В. Гоголя, съ предисловіемъ Н. И. Костомарова. Спб. 1874.

Письма Гоголя къ С. П. Шевырёву. («Русская Старина», 1875, №№ 9, 10 и 12, стр. 113, 116, 117, 120, 123 и 198.)

Письмо Гоголя къ Н. М. Языкову. (Тамъ же, № 9, стр. 121.)

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Четыре тома. М. 1874.

Четыре письма Гоголя къ Косяровскому. («Русская Старина», 1876, т. XV, стр. 40.)

Двѣ записки Гоголя къ Сербиновичу. («Русскій Архивъ», 1876, кн. III, стр. 202.)

Подлинники всѣхъ писемъ Гоголя къ Максимовичу, исправленныя и дополненныя С. И. Пономарёвымъ. Спб. 1877. (Отдѣльный оттискъ изъ XVIII тома «Сборника Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ».)

Письмо Гоголя къ Нащокину. («Русскій Архивъ», 1878, кн. I, стр. 76.)

Представляя на судъ русскихъ библіографовъ мой «Полный Списокъ печатныхъ Сочиненій Гоголя», принадлежащихъ ему несомнѣнно, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ изъ нихъ, принадлежность которыхъ Гоголю ещё не вполнѣ доказана критикою:

1) Въ реэстрѣ, составленномъ самимъ Гоголемъ своимъ доходамъ и издержкамъ за декабрь 1829 и январь 1830 года и приложенномъ имъ къ письму къ матери отъ 2-го апрѣля 1830 года, значится. «Выручилъ за статью, переведённую съ французскаго: «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка» — для «Сѣвернаго Архива» — 20 рублей». («Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 95 и «Сочиненія и Письма Гоголя», т. V, стр. 111.)

2) «Въ апрѣлѣ 1830 года, въ № 130 «Отечественныхъ Записокъ», была напечатана его статья «Полтава». Въ заглавіи ея сказано: «Изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отечественныхъ Записокъ», но я знаю отъ Н. Я. Прокоповича, что статья «Полтава» писана Гоголемъ и, можетъ-быть, только передѣлана издателемъ журнала, подобно тому, какъ и «Бисаврюкъ», появившійся почти черезъ годъ въ собраніи Гоголевыхъ повѣстей, съ нѣкоторыми перемѣнами въ содержаніи и въ слогѣ.» «Опытъ Біографіи Н. В. Гоголя», стр. 43.)

3) Въ «Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній» было помѣщено нѣсколько статей Гоголя, что видно изъ писемъ его къ матери, предшествовавшихъ изданію «Вечеровъ на Хуторѣ»; но какія именно — неизвѣстно.

4) Существуетъ ещё одна комедія, переведённая Гоголемъ съ итальянскаго языка въ 1840 году, подъ заглавіемъ: «Дядька въ затруднительномъ положеніи», принадлежащая перу Джіовани Жиро, «перваго итальянскаго комика нашего времени», какъ говорилъ самъ Гоголь. Она до-сихъ-поръ не была ни напечатана, ни играна на сценѣ и даже неизвѣстно—цѣлъ ли или нѣтъ ея оригиналъ.

5) Въ письмѣ Гоголя къ матери, отъ 2-го февраля 1830 года, между прочимъ сказано: «Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу, или переведу какую-нибудь статейку для гг. журналистовъ.» («Сочиненія и письма Гоголя», т. V, стр. 103.)

6) Наконецъ, въ 96 нумерѣ «Русскаго Міра» на 1860 годъ находится извѣстіе о разсказѣ его «Прачка», перепечатанное въ 3-мъ нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» на 1861 годъ.

Считаю лишнимъ указывать здѣсь письма Гоголя, помѣщённыя въ спеціальныхъ изданіяхъ г. Кулиша «Опытѣ Біографіи Гоголя» и «Запискахъ о жизни Гоголя», а также въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя», изданныхъ имъ въ 1857 году.

IX.

Е. П. Гребенки.

Рогдаевъ пиръ. Стих. («Украинскій Альманахъ, 1831, стр. 7.)

Опытъ перевода «Полтавы», поэмы А. С. Пушкина, на малороссійскій языкъ. Изъ пѣсни 1-ой. («Московскій Телеграфъ», 1831, ч. XLI, № 17, стр. 128.) Внизу выставлено: Г. Пирятинъ.

Отрывки изъ «Полтавы», поэмы А. С. Пушкина, переложенной на малороссійскій языкъ. («Утренняя Звѣзда», 1833, книжка II, стр.) Оба отрывка вошли, съ незначительными измѣненіями, въ полный переводъ «Полтавы», изданный въ 1836 году.

Будякъ и конопелечка. Приказка. Пшениця. Приказка. (Тамъ же, стр. 88 и 89.) Какъ подъ этимъ, такъ и подъ всѣми назван-

ными мною выше стихотвореніями подписано: Е. Гребёнкинъ. По свидѣтельству г. Кулжинскаго, покойный Евгеній Павловичъ извѣстенъ былъ подъ этою фамиліею и въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко; гдѣ онъ окончилъ воспитаніе. Съ 1834 года онъ сталъ подписываться: Гребёнка. Первое сочиненіе, подъ которымъ онъ подписался такимъ образомъ, было:

Курганъ. Стих. («Сынъ Отечества», 1834, т. XLIV, № 27, стр. 4.)

Малороссійскія Приказки Е. Гребенки. Спб. 1834. Съ посвященіемъ: Добрымъ моимъ землякамъ и любителямъ малороссійскаго слова. Содержаніе: Предувѣдомленіе, 1) Цапъ, 2) Лебедь и гусы, 3) Ячмень, 4) Зазуля та снигыръ, 5) Ведмежый судъ, 6) Пшеныця, 7) Солнце да хмары, 8) Горобци да вишня, 9) Будякъ да коноплыночка, 10) Верша та болото, 11) Макивка, 12) Рожа да хмель, 13) Могылыни родыни, 14) Човенъ, 15) Школяръ Денысъ, 16) Сонце да витеръ, 17) Гай да сокиры, 18) Вилъ, 19) Гришныкъ, 20) Ворона и ягня, 21) Злый кинь, 22) Мирошникъ, 23) Вовкъ и огонь, 24) Утята да степъ, 25) Рыбалка и 26) Соловей. Піэсы, подъ №№ 3, 5, 9, 12, 13, 18, 20, 22, 23 и 25 были впослѣдствіи перепечатаны въ альманахѣ «Хата» (1860, стр. 43—57), а въ «Сочиненіяхъ Е. П. Гребёнки», вышедшихъ въ 1862 году, были перепечатаны цѣликомъ.

Листокъ изъ записокъ не съумасшедшаго. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1835, № 54, стр. 425.) Статья эта не вошла ни въ одно изъ изданій «Сочиненій Гребёнки».

Романсъ. Стих. («Осенній вечеръ», 1835, стр. 21.)

Малороссійское преданіе. (Тамъ же, стр. 46.)

Варена. Стих. (Тамъ же, стр. 185.)

Сто сорокъ пять. Анекдотъ. (Тамъ же, стр. 220.) Подписано: Г. Въ оглавленіи же фамилія автора выставлена полностію.

Полтава. Поэма А. С. Пушкина. Вольный переводъ на малороссійскій языкъ Е. Гребенки. Спб. 1836. Посвящается Александру Сергѣевичу Пушкину.

Малороссійскія Приказки Е. Гребенки. Изданіе второе. Спб. 1836.

Разсказы Пирятинца. Е. Гребёнки. Спб. 1837.

Недугъ. Стих. («Современникъ», 1837, т. VI, стр. 171.)

Молитва. Стих. (Тамъ же, т. VII, стр. 221.)

Пѣснь казаковъ. Стих. («Сынъ Отечества», 1837, ч. CLXXXV, стр. 129.)

Нѣжинъ-озеро. Малороссійское преданіе. Стих. (Тамъ же, ч. CLXXXVI, стр. 3.) Подписано: Е. Гребенко.

Роса. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1837, т. XXIII, № VII, отд. I, стр. 12.)

Печаль. Стих. (Тамъ же, т. XXV, № XI, отд. I, стр. 13.)

Скала. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1837, № 15, стр. 143.)

Мѣсяцъ и земля. Стих. (Тамъ же, № 23, стр. 221.)

Украинскій бардъ. Стих. (Тамъ же, № 49, стр. 481.)

Рецензія «Повѣстей Основьяненка». («Сѣверная Пчела», 1837, № 26, стр. 1037.) Статья эта не вошла въ «Собраніе сочиненій Гребёнки».

Казакъ на чужбинѣ. Украинская мелодія. Стих. («Альманахъ на 1838 годъ», стр. 311.)

Соловей. Стих. (Тамъ же, стр. 337.)

Отрывокъ изъ Записокъ Студента .....го Лицея. («Дѣтская Библіотека», 1838, ч. II, № 4, стр. 250.)

Мотылёкъ. Стих. («Современникъ», 1838, т. X, отд. III, стр. 178.)

Мачиха и панночка. Малороссійское преданіе. (Тамъ же, т. XII, отд. III, стр. 1.)

Вотъ кому зузуля ковала. Разсказъ. («Сборникъ на 1838 годъ», стр. 25.)

Моя месть. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 4, стр. 69.)

Лавровый листокъ. Стих. (Тамъ же, № 7, стр. 126.) Внизу выставлено: 3 февраля 1838 годъ. Стихотвореніе это сочинено по случаю пятидесятилѣтняго юбилея И. А. Крылова.

Утѣшеніе. Стих. (Тамъ же, № 21, стр. 406.)

Воспоминаніе. Разсказъ. (Тамъ же, № 33, стр. 641.) Подписано: Е. Г.

Лука Прохоровичъ. Разсказъ. (Тамъ же, № 46, стр. 901.)

Такъ иногда люди женятся. Разсказъ. («Утренняя Заря на 1839 годъ», стр. 109.)

Сонъ. Стих. (Тамъ же, стр. 133.)

Богданъ. Отрывокъ изъ поэмы. («Современникъ», 1839, т. XIV, отд. III, стр. 137.)

Признаніе. Стих. («Отечественныя Записки», 1839, т. II, отд. III, стр. 140.)

Кукушка. Украинская мелодія. (Тамъ же, стр. 213.)

Украинская мелодія. Стих. (Тамъ же, т. V, № 8, отд. III, стр. 165.)

Гетманъ Свирговскій. Стих. (Тамъ же, т. VII, отд. III, стр. 176.)

Ноготокъ. Стих. («Одесскій Альманахъ на 1839 годъ», стр. 254.)

Лилея. Стих. («Новогодникъ», 1839, стр. 101.)

Бывальщина. Разсказъ. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, № IV, стр. 69.)

Братья. Повѣсть. («Утренняя Заря на 1840 годъ», стр. 187.)

Богданъ. Отрывокъ изъ поэмы. («Современникъ», 1840, т. XVII, отд. III, стр. 126.)

Путевыя записки зайца. Три статьи. («Литературная Газета», 1840, №№ 11, 21 и 32, стр. 244, 480 и 739.)

Провинціальные театры. Статья. (Тамъ же, № 85, стр. 1939.)

Вѣрное лѣкарство. Повѣсть. («Отечественныя Записки», 1840, т. VIII, отд. III, стр. 2.)

Юность. Стих. (Тамъ же, стр. 191.)

Дѣвица за фортепьяно. Стих. («Кіевлянинъ», 1840, стр. 201.)

Горевъ, Николай Ѳёдоровичъ. Сюжетъ, пожалуй, хоть для мелодрамы. Повѣсть. («Пантеонъ», 1840, ч. I, № 2, стр. 103.)

Малиновка. Стих. (Тамъ же, стр. 130.)

Путевыя и театральныя впечатлѣнія. Лубны. (Тамъ же, ч. III, № 9, стр. 115.)

Куликъ. Повѣсть. («Утренняя Заря на 1841 годъ», стр. 241.)

Почтальонъ. Стих. («Русская Бесѣда», 1841, т. II, стр. 1.)

Записки студента. Повѣсть. («Отечественныя Записки», 1841, т. XIV, отд. III, стр. 159.)

Сказаніе о горохѣ и женитьба Василія Ивановича, что почти всё равно. Повѣсть. (Тамъ же, т. XVI, отд. III, стр. 135.)

Пѣсня. Стих. (Тамъ же, т. XIX, отд. III, стр. 65.)

Два. Стих. («Современникъ», 1841, т. XXIII, отд. III, стр. 172.)

Ластовка. Сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Повѣсти и разсказы, нѣкоторыя народныя малороссійскія пѣсни, поговорки, пословицы, стихотворенія и сказки. Собралъ Е. Гребёнка. Въ ней помѣщены слѣдующія статьи и стихотворенія издателя: 1) Такъ соби до землякивъ, 2) Дядька на дзвоныци, 3) Хлопци, 4) Украинска мелодія и 5) До зобачення.

Перстень. Петербургская быль. («Литературная Газета», 1841, №№ 11 и 12, стр. 41 и 45.)

Пѣсня бандуриста. Стих. (Тамъ же, № 13, стр. 49.)

Дальній родственникъ. Разсказъ. (Тамъ же, № 109, стр. 433.)

Отрывокъ изъ поэмы: «Богданъ Хмѣльницкій». («Пантеонъ», 1841, ч. I, № 1, отд. II, стр. 38.)

Водевиль въ частной жизни. Повѣсть. («Утренняя Заря на 1842 годъ», стр. 148.)

Въ альбомъ. Стих. (Тамъ же, стр. 259.)

Сеня. Повѣсть. («Отечественныя Записки», 1842, т. XXI, отд. I, стр. 207.)

Нѣжинскій полковникъ Золоторенко. Историческая быль. («Литературная Газета», 1842, № I, стр. 1.)

Мѣдный змѣй. Стих. («Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1842, т. XXXVII, № 145, стр. 3.) Послѣ заглавія слѣдуетъ выноска: «Поэтическое изображеніе знаменитой картины нашего художника Ѳ. А. Бруни, которую теперь можно видѣть въ залахъ Академіи».

Прудъ. Повѣсть. («Утренняя Заря на 1843 годъ», стр. 271.)

Чайковскій. Романъ въ двухъ частяхъ. («Отечественныя Записки», 1843, т. XXVII и XXVIII, отд. I, стр. 185 и 5.)

Искатель мѣста. Разсказъ. («Литературная Газета», 1843, № I, стр. 1.)

Чорныя очи. Стих. (Тамъ же, № III, стр. 54.)

Первый концертъ Рубини. Разсказъ. (Тамъ же, № XIII, стр. 247.)

Маскарадный случай. Разсказъ. (Тамъ же, № XVIII, стр. 347.)

Богданъ. Сцены изъ жизни малороссійскаго гетмана Зиновія Хмѣль-

ницкаго. Поэма. («Библіотека для Чтенія», 1843, т. LVI. № 2, отд. I, стр. 149.)

Пріятелю. Стих. (Тамъ же, т. LVIII, № V, отд. I, стр. 9.)

Лисъ. Стих. («Молодикъ», 1843, ч. I, стр. 341.)

Солдатскій анекдотъ. («Листокъ для свѣтскихъ людей», 1843.) Не вошолъ въ «Собраніе сочиненій Гребёнки».

Докторъ. Романъ въ двухъ частяхъ. («Отечественныя Записки», 1844, т. XXXIII, №№ 3 и 4, отд. I, стр. 104 и 271.)

Путевыя записки зайца. Сочиненіе Е. Гребёнки. Спб. 1844. Перепечатаны, безъ перемѣны, изъ «Литературной Газеты» 1840 года.

Надпись къ рисунку К. С. А. Г—ной. Стих. («Молодикъ на 1844 годъ», стр. 58.)

Маруся. Стих. (Тамъ же, стр. 73.)

Степь. Стих. («Современникъ», 1844, т. XXXV, отд. III, стр. 106.

Пѣсня. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1844, т. LXII, № 2) отд. I, стр. 135.)

Игрокъ. Разсказъ. (Тамъ же, т. LXIII, № 3, отд. I, стр. 31.)

Быль не быль и не сказка. Разсказъ. (Тамъ же, т. LXVII, № 11, отд. I, стр. 57.)

Калифъ на часъ. Разсказъ. («Литературная Газета», 1844, №№ 6 и 7, стр. 109 и 125.) Къ тексту приложено шесть политипажей.

Странная перепёлка. Разсказъ. (Тамъ же, №№ 29 и 30, стр. 488 и 507.) Къ тексту приложено семь политипажей.

Злой человѣкъ. Разсказъ. (Тамъ же, №№ 36 и 37, стр. 599 и 615.) Къ тексту приложено пять политипажей.

Ловля перепёлокъ въ Крыму. («Записки для Хозяевъ», приложеніе къ «Литературной Газетѣ» на 1844 годъ, № 24, стр. 185.)

О заводѣ иноходцевъ въ Таврической губерніи. Статья. (Тамъ же, № 27, стр. 209.)

Петербургская сторона. Повѣсть. («Физіологія Петербурга», 1845, ч. I, стр. 193.) Внизу выставлено: 19 сентября 1844 года. Къ тексту приложено четыре политипажа.

Чужая голова—тёмный лѣсъ. Разсказъ. («Иллюстрація», 1845, т. I, № 8, стр. 113.)

Анекдотъ. (Тамъ же, № 11, стр. 175.)

Опера въ Лубнахъ. Статья. (Тамъ же, № 36, стр. 573.)

Иванъ Ивановичъ. Повѣсть. («Финскій Вѣстникъ», 1845, т. II, отд. I, стр. 5.)

Пѣсня. Стих. («Метеоръ на 1845 годъ», стр. 111.)

Факторъ. Нравоописательный разсказъ. («Финскій Вѣстникъ», 1845, т. VI, отд. III, стр. 1.)

Іерусалимъ. Статья. («Картины Русской Живописи», 1846, стр. 139.)

Разсказъ. (Тамъ же, стр. 294.)

Письмо къ Редактору. («Иллюстрація», 1846, т. II, № 4, стр. 49.)

Черта изъ частной жизни Бочёночка. Разсказъ. («Новоселье», 1846, ч. III, стр. 269.) Къ тексту приложенъ политипажъ.

Піита. Повѣсть. (Тамъ же, стр. 281.) Внизу выставлено: 1844 годъ. Къ тексту приложенъ политипажъ.

Лѣсничій. Разсказъ. («Финскій Вѣстникъ», 1846, т. VII, отд. I, стр. 5.)

Провинціалъ въ Петербургѣ. Физіологическія замѣтки. (Тамъ же, т. VIII, отд. III, стр. 17.)

Крученая овца. Разсказъ. («Иллюстрація», 1846, № 47, стр. 748.)

Приключенія синей ассигнаціи. Повѣсть. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1847, №№ 7, 8, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 26, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 38 и 39.)

Хвастунъ. Физіологическій очеркъ. («Финскій Вѣстникъ», 1847, т. XIII, отд. III, стр. 1.)

Газетное объявленіе. Листокъ изъ хроники добраго города С.-Петербурга. («Московскій Городской Листокъ» 1847, №№ 18, 19 и 20, стр. 71, 84 и 79.)

Письмо провинціала о выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1847.)

Романы, Повѣсти и Разсказы Евгенія Гребёнки. Томы I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII. Спб. 1847—48. Содержаніе: Томъ I. Искатель мѣста, Вѣрное лекарство, Такъ иногда люди женятся. Томъ II. Иванъ Ивановичъ, Горевъ, Николай Ѳёдоровичъ. Томъ III. Быль не быль и не сказка, Лука Прохоровичъ, Мачиха и панночка. Томъ IV. Нѣжинскій полковникъ Золотаренко, Куликъ, Первый концертъ Рубини. Томъ V. Записки студента, Факторъ. Томъ VI. Маскарадный случай, Двойникъ, Братья, Бывальщина. Томы VII и VIII. Чайковскій. Романъ въ двухъ частяхъ.

Сила Кондратьевъ. Повѣсть. («Современникъ», 1858, т. IX, № 5, отд. I, стр. 5.)

Заборовъ. Повѣсть. («Иллюстрированный Альманахъ», 1847, стр. 106.) Къ тексту приложено одиннадцать политипажей.

Полтавскіе вечера. Вечера первый и второй. («Библіотека для Чтенія», 1848, т. LXXXVIIIXC, № 6 и 10, отд. I, стр. 101 и 211.)

Три письма Гребёнки къ Г. Ѳ. Квиткѣ, извѣстному въ литературѣ болѣе подъ псевдонимомъ «Основьяненко». («Отечественныя Записки», 1855, т. CIII, № 12, отд. II, стр. 135.)

Стихотвореніе Гребёнки. («Библіографическія Записки», 1858, № 16, стр. 493.)

Вотъ всё, что напечаталъ покойный Гребёнка, подъ своимъ именемъ, въ теченіи своей весемнадцатилѣтней литературной дѣятельности, съ 1831 по 1849 годъ. Писалъ ли онъ подъ псевдонимами — не знаю. Есть ещё нѣсколько ненапечатанныхъ стихотвореній Евгенія Павловича бо́льшею частью писанныхъ въ альбомы, или посланія и двѣ-три начатыхъ повѣсти, оставшихся послѣ смерти автора въ рукахъ его родственниковъ.

Сочиненія Е. П. Гребёнки, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1862. Сюда вошло почти всё напечатанное Гребёнкой въ теченіи его восемнадцатилѣтней литературной дѣятельности.

X.

Л. Н. Дѐмиса.

Нормальный контрактъ, или правила, опредѣляющія взаимныя обязанности Бессарабскихъ владѣльцевъ земель и живущихъ на нихъ царанъ, когда между ими не заключено добровольныхъ условій. Сочиненіе Л. Деми. Кишиневъ. 1847.

Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ. («Морской Сборникъ», 1854, №№ 6, 7 и 8.)

Отпечатано отдѣльно подъ заглавіемъ:

Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ. Составилъ Л. Д. Спб. 1854.

Юридическій словарь. Опытъ практическаго словаря гражданскаго права преимущественно частнаго то-есть объ отношеніяхъ семейныхъ и по имуществамъ и договорамъ. Составилъ Леонидъ Демисъ. Выпускъ I. Спб. 1856.

Тоже. Выпускъ II. Бал — Бѣд. Спб. 1857.

Письмо къ редактору: «О поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ». («Экономическій Указатель», 1858, № 50, стр. 1170.)

Аѳинское археологическое общество. Л. Демиса. Спб. 1859.

Юридическій Словарь практическій гражданскаго права, преимущественно частнаго, то-есть объ отношеніяхъ семейныхъ и по имуществамъ и договорамъ. Часть первая. Буквы А, Б, В, Г, Д и Е. Составилъ Леонидъ Дѐмисъ. Спб. 1859.

Новые оклады податей и сборовъ и отношенія ихъ къ современнымъ потребностямъ. Л. Демиса. Спб. 1862.

Земство. Л. Демисъ. Спб. 1862.

Букварь совѣта воскресныхъ школъ. Л. Демиса. Спб. 1863.

Азбука по способу — Наманскаго. Изданіе Л. Демиса. Спб. 1864.

О внутреннемъ 5% займѣ. Л. Демиса. Спб. 1864.

Краткій азбучный указатель гражданскихъ законовъ и относящихся къ гражданскому праву статей тома IX положенія о крестьянахъ, а также тома XI, устава о векселяхъ по Своду Законовъ изданія 1837 года. Л. Демиса. Спб. 1864.

Молитва покрову и знаменію пресвятыя Богородицы. Изданіе второе. Л. Демисъ. Спб. 1865.

Земскія учрежденія. Спб. 1865.

Общество взаимнаго кредита. («Народное Богатство», 1864, № 21.)

Конкурсныя преміи на составленіе народнаго читальника. («Современный Листокъ», 1864, №№ 71 и 72.)

Сокращённый сводъ законовъ гражданскихъ, съ исправленіями по продолженію 1863 года. Л. Демиса. Спб. 1865.

Судебникъ. Л. Демиса. Спб. 1866.

Всеобщая Газета, преимущественно земская, издающаяся въ Санктпетербургѣ съ ноября 1866 года подъ редакціей Л. Демиса. Спб. 1866.

XI.

В. Ѳ. Домбровскаго.

Острожская старина. («Кіевлянинъ», 1840, стр. 81.)

Луцкъ. Статья. (Тамъ же, 1841, стр. 49.)

Рѣчь о вліяніи Греціи на развитіе гражданственности въ древней Руси, читанное исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Домбровскимъ. («Отчётъ Университета Св. Владиміра за 1840 годъ», стр. 18.) Перепечатана, подъ заглавіемъ: «О вліяніи Греціи на развитіе гражданскаго образованія древней Руси», въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1841, ч. XXIX, отд. II, стр. 1) и въ «Журналѣ Военно-Учебныхъ Заведеній» (1842, т. XXXV, № 140, стр. 388).

О ямахъ до конца XVII вѣка. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1841, ч. XXXI, отд. II, стр. 123.)

Письмо Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI вѣка, съ примѣчаніями переводчика. Переводъ съ латинскаго. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1842, ч. XXXV, отд. II, стр. 137.)

Очеркъ города Чернигова и его области въ древнее и новое время. В. Домбровскаго. Кіевъ. 1846.

О Кременецкомъ зàмкѣ. («Кіевлянинъ», 1850, стр. 38.)

XII.

Е. Э. Дріанскаго.

Мелкотравчатые. Очеркъ изъ охотничьей жизни. («Москвитянинъ», 1851, ч. I, № 1, стр. 133.)

Лихой сосѣдъ. Повѣсть. Изъ стараго казацкаго быта. («Библіотека для Чтенія», 1856, т. CXL, № 11, отд. I, стр. 11.)

Записки мелкотравчатаго. Главы I — VI. («Библіотека для Чтенія», 1857, т. CXLV и CXLVI, №№ 9, 10 и 12, отд. I, стр. 1, 235 и 129.) Перепечатаны въ приложеніи къ «Русскому Слову», (1859, т. V, стр. 1.)

Записки мелкотравчатаго. Главы VII — IX. («Русское Слово», 1859, т. VII, стр. 109.)

Одарка Квочка. Повѣсть. («Москвитянинъ», 1850, ч. V, №№ 17 и 18, отд. I, стр. 3 и 83.)

Комедія въ комедіи. Комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ. («Москвитянинъ», 1855, т. II, № 6, отд. I, стр. 7.)

Тоже, отдѣльное изданіе. Москва. 1855.

Квартетъ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. («Библіотека для Чтенія», 1858, т. CLI, №№ 9 и 10, отд. I, стр. 1 и 108.)

Притонъ. Не быль, а правда. («Отечественныя Записки», 1860, т. CXXIX, № 3, отд. I, стр. 113.)

Амазонка. Повѣсть. («Русскій Вѣстникъ», 1860, т. XXIX, № 18, отд. I, стр. 318—375.)

Тузъ. Жизнеописаніе Антона Антоновича. Романъ. Е. Дріанскаго. Два тома. М. 1867.

Изумрудъ Сердоликовичъ. Изъ записокъ мелкотравчатаго. («Зритель», 1863, №№ 18, 19 и 20, стр. 567, 597 и 625.)

Конфетка. Повѣсть; («Современникъ», 1863, т. XCVII, № 7, отд. I, стр. 73.)

Скипидаръ Купоросычъ. Изъ «Записокъ Мелкотравчатаго». («Журналъ Московскаго Общества Охоты», 1870, №№ 1, 4 и 5.)

Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ. Комедія. («Бесѣда», 1872, № 7, стр. 97.)

XIII.

Д. И. Журавскаго.

Результаты изслѣдованія системы Гау, приложенной къ мостамъ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Статьи I—VII. («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщеній и Публичныхъ Зданій», 1850, № I, стр. 1, 1852, №№ II и V, стр. 71 и 75, 1855, №№ III, IV, V и VI, стр. 185, 73 и 179.)

Remarques sur la resistance d'un corps prismatique et d'une pièce composée en bois ou en tôle de fer a une force perpendiculaire a leur longueur. Extrait de l'ouvrage: о мостахъ по раскосной системѣ Гау, au quel vient d'être adjugé le grand prix Démidoff, par Jouravsky, Lieutenant Colonel du corps des ingénieurs des voies de communication. St. Pétersbourg. 1855.

Ещё соображеніе касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. («Современникъ», 1856, т. LIX, № 9, отд. II, стр. 1.)

О выборѣ стихотворнаго размѣра. Обзоръ трёхъ родовъ стихосложенія. О началахъ логическаго образованія словъ и о происхожденіи поэтическихъ размѣровъ. Двѣ части. Москва. 1856.

О мостахъ раскосной системы Гау. Сочиненіе, удостоенное

полной Демидовской преміи, подполковника Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Журавскаго. Спб. Двѣ части. 1856 и 1857.

О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи. («Русскій Вѣстникъ», 1856, т. III, № 11, отд. I, стр. 417.)

Общія соображенія къ проектированію деревянныхъ мостовъ раскосной системы Гау съ желѣзными поясами. («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщеній и Публичныхъ Зданій», 1859.)

Позолота мѣдныхъ листовъ для кровель Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ. (Тамъ же.)

Мостъ черезъ рѣку Гаронну въ Бордо, для соединенія Южной желѣзной дороги съ Орлеанскою. (Тамъ же.)

Описаніе работъ по возведенію верхней части колокольни Петропавловскаго собора въ Санктпетербургской крѣпости и по исправленію зданія собора. (Тамъ же.)

Опредѣленіе направленія частей желѣзныхъ стропилъ шпица. (Тамъ же, 1860 годъ.)

Машины Эриксона. (Тамъ же.)

Айсъ-ботъ. (Тамъ же.)

Замѣтки о торговлѣ въ Америкѣ пшеницей и о зависимости между производствомъ торговли и состояніемъ путей сообщеній. (Тамъ же, 1861 годъ.)

О сложной системѣ, представляющей соединеніе арки съ раскосною системой. (Тамъ же.)

Изслѣдованія рѣшотчатыхъ и сплошныхъ желѣзныхъ фермъ. (Тамъ же.)

О нѣкоторыхъ смазяхъ, употребляемыхъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ для подвижного состава желѣзныхъ дорогъ. (Тамъ же.)

О колёсахъ, употребляемыхъ въ Америкѣ для вагоновъ и паровозовъ. (Тамъ же.)

О Гуссакскомъ тонелѣ и желѣзной дорогѣ чрезъ Сѣрыя горы. (Тамъ же.)

Приложенія электричества къ увеличенію сцѣпленія колёсъ съ рельсами. (Тамъ же.)

Замѣтки о тарифѣ на перевозку пассажировъ и товаровъ и вообще коммерческой части предпріятія желѣзныхъ дорогъ. (Тамъ же, 1864, № 24.)

Замѣтка на счётъ построенія въ Россіи желѣзныхъ дорогъ. («Биржевыя Вѣдомости», 1865, №№ 47, 55 и 59.)

Замѣтка по поводу статьи гг. фонъ-Греффо и Комаровскаго на счётъ судоходства по рѣкѣ Дону. (Тамъ же, № 9.)

Возраженія на статью «Голоса»: «О состояніи водяныхъ сообщеній въ Россіи» и отвѣтъ редакціи. («Голосъ», 1865, № 64.)

Remarques sur les poutres en freilles et les poutres pleinnes en tôle vobat. (Annales des ponts et chaussée V.)

Техники и администрація. («Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества», 1874 годъ.)

Замѣтки, касающіяся управленія техническо-промышленными предпріятіями. (Тамъ же, на 1875 годъ.).

О сборкѣ и установкѣ желѣзныхъ мостовъ на Николаевской желѣзной дорогѣ. (Тамъ же, 1874, № 3, стр. 123.)

XIV.

В. К. Каминскаго.

Воспоминанія поклонника Святой Земли. Виктора Каминскаго. Спб. 1855.

Тоже. Изданіе второе. Спб. 1856.

Тоже. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Двѣ части. Спб. 1859.

XV.

Н. В. Кукольника.

Сцены изъ драматическагостихотворенія «Торквато-Тассо». («Невскій Альманахъ», 1832, стр. 46.)

Отрывокъ изъ драматической фантазіи Торквато-Тассо». («Комета Бѣлы», 1833, стр. 282.)

Торквато Тассо. Большая драматическая фантазія въ стихахъ, Сочиненіе Н. К. Спб. 1833.

Тортини. Интермедія-фантазія въ трёхъ частяхъ. («Альціона», 1833, отд. II, стр. 1.)

Отрывокъ изъ драматической фантазіи «Джакобо Санназаръ». («Сынъ Отечества», 1834, т. XLIV, стр. 337.)

Рука Всевышняго отечество спасла. Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1834.

Тоже. Изданіе второе. Спб. 1834.

Джакобо Санназаръ. Драматическая фантазія въ четырёхъ актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1834.

Отрывокъ изъ драматической фантазіи «Джуліо Мости». («Сынъ Отечества», 1834, т. XLI, стр. 81.)

Сѣверное сіянье. Картина. (Тамъ же, стр. 379.)

Загадка. Шутка.. (Тамъ же, стр. 466.)

Замѣчаніе на слово г. профессора Надеждина. (Тамъ же, стр. 41)

Новыя сцены изъ драмы «Рука Всевышняго Отечество спасла». (Тамъ же, т. XLII, стр. 3.)

Отрывокъ изъ драмы «Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій». («Сынъ Отечества», 1835, т. XLVII, стр. 77.)

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1835.

Роксалана. Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1835.

Джуліо Мости. Драматическая фантазія въ четырёхъ частяхъ, съ интермедіей въ стихахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1836.

Торквато Тассо. Изданіе второе, съ интермедіей. Спб. 1836.

Объявленіе объ изданіи «Художественной Газеты». («Сѣверная Пчела» 1836, № 159.)

Художественная Газета на 1836 годъ. Редакторъ Н. Кукольникъ. Спб. 1836.

Здѣсь напечатаны слѣдующія статьи издателя:

1) Отъ издателя, 2) Новый иконостасъ въ Казанскомъ соборѣ, 3) Французская живопись въ XIX вѣкѣ, двѣ статьи, 4) Нѣсколько словъ объ А. Ф. Кокоринѣ, 5) Библіографія, 6) К. К. Штейбенъ, 7) Любопытныя рѣчи, 8) Тиціано Вечеліо, 9) Рафаэль Санціо, 10) Выставки художественныхъ произведеній въ 1836 году, 11) О новопріобрѣтённыхъ картинахъ для Императорскаго Эрмитажа, статья 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, и 5-я, 12) Осипъ Трезинъ, 13) Кипренскій, 14) Художники въ Россіи при Петрѣ Великомъ и 15) Миѳологическая галлерея.

28 января 1725 года. Драматическій разсказъ. («Библіотека для Чтенія», 1837, т. XXII, отд. I, стр. 11.) Также отпечатанъ отдѣльно, подъ заглавіемъ:

28 января 1725 года. Драматическая картина въ двухъ явленіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1837.

Къ Ленорѣ. Стих. («Сынъ Отечества», 1837, ч. 183, отд. I, стр. 3.)

Законъ. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1837, т. XXV, № 11, отд. I, стр. 5.)

Изъ записокъ влюблённаго. Стих. (Тамъ же, стр. 57.)

Вилла. Статья. («Энциклопедическій Лексиконъ», 1837, т. X, стр. 196.)

Къ П.... Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1837, № 30, стр. 289.)

Рецензія на «Босфоръ и Новые Очерки Константинополя». Сочиненіе К. Базили. («Сѣверная Пчела», 1837, № 6.)

Извѣстіе о выходѣ книги: «О обязанностяхъ человѣка», соч. Сильвіо Пелико. (Тамъ же, № 15.)

Художественная газета на 1837 годъ, издаваемая Несторомъ Кукольникомъ. Спб. 1837.

Здѣсь напечатаны слѣдующія статьи издателя:

1) Отъ издателя, 2) Императорскій Санктпетербургскій Большой Театръ, 3) Декораціи санктпетербургскихъ театровъ, 4) Тишбейнъ и Томонъ, 5) Замѣчанія на статью г. Струйскаго, 6) О картинахъ Иванова и Маркова и гравюрѣ Іордана, 7) А. Н. Воронихинъ, 8) Письмо въ Парижъ, 9) Новыя постройки въ Петергофѣ, 10) Вилла, 11) Что если

бы дамы — и такъ далѣе, 12) Всемірный альбомъ, 13) Художественная лѣтопись, 14) Годовая выставка въ Императорской Академіи Художествъ, двѣ статьи, 16) О изданіи «Художественной Газеты» на 1838 годъ, 17) Художественная лѣтопись, 18) Новая чугунная рѣшотка предъ домомъ графа Шереметева, 19) Художественная лѣтопись, 20) Новая картина Айвазовскаго, 21) Тріумфальныя ворота и 22) Оберонъ.

Школа. Стих. («Утренная Заря», 1838, стр. 3.)

Демонъ сомнѣнія. Стих. (Тамъ же, стр. 184.)

Италлу-пѣснопѣвцу. Стих. (Тамъ же, стр. 305.)

Сцена пословъ, изъ трагедіи: «Генералъ-поручикъ Паткуль». («Сынъ Отечества», 1838, т. I, отд. I, стр. 7.)

Доменикино. Драматическая фантазія въ двухъ частьяхъ. Часть I. Доменикино въ Римѣ. («Библіотека для Чтенія», 1838, т. XXVI, № 1, отд. I, стр. 5.) Часть II. Доменикино въ Неаполѣ. (Тамъ же, т. XXVIII. № 5, отд. I, стр. 5.)

Встрѣча пароходовъ. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1838, т. XXVII, № 3, отд. I, стр. 5.)

Просьба поэта. Стих. (Тамъ же, стр. 168.)

Стихи, написанные при перепискѣ драматической фантазіи: «Доменикино». (Тамъ же, т. XXVIII, № 5, отд. I, стр. 135.)

Во, Ле-Во, знаменитый французскій архитекторъ. («Энциклопедическій Лексиконъ», 1838, т. XI, стр. 110.)

Ворота. (Тамъ же, т. XII, стр. 53.)

Вортманнъ, гравёръ. (Тамъ же, стр. 78.)

Габіи. (Тамъ же, т. XIII, стр. 10.)

Ленора. Стих. («Сборникъ на 1838 годъ», стр. 214.)

Охлажденіе. Стих. (Тамъ же, стр. 239.)

Художественная газета на 1838 годъ. Редакторъ Н. Кукольникъ. Спб. 1838.

Распутье Стих. («Утренняя Заря», 1839, стр. 162.)

Exordium изъ большой романтической поэмы: «Марія Стюартъ». Стих. (Тамъ же, стр. 367.)

Элегія. Стих. («Одесскій Альманахъ», 1839, стр. 111.)

Иванъ Рябовъ, рыбакъ архангелогородскій. Драматическій анекдотъ въ двухъ актахъ. («Библіотека для Чтенія», 1839, т. XXXII, № 12, отд. I, стр. 131.)

Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ. Драматическая фантазія въ пяти актахъ, съ прологомъ, въ прозѣ. («Сто Русскихъ Литераторовъ», 1839, т. I, стр. 599.)

Новогодникъ. Собраніе сочиненій, въ прозѣ и стихахъ, современныхъ русскихъ писателей, изданное Н. Кукольникомъ. Спб. 1839.

Здѣсь помѣщены слѣдующія сочиненія издателя:

1) Прогулка Маріи Стюартъ въ С.-Жерменскомъ паркѣ. 2) Измѣна. Мавританскій драматическій разсказъ въ одномъ актѣ. 3) Прологъ къ трагедіи «Генералъ-Поручикъ Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль».

Антоніо. Повѣсть. («Утренняя Заря», 1840, стр. 360.)

Первая сцена изъ большой драматической фантазіи: «Аврора и Рикардо». («Маякъ», 1840, ч. I, стр. 3.)

Корделія. Новелла. («Сынъ Отечества», 1840, т. V, отд. I, стр. 213.)

Монологъ изъ драматической фантазіи: «Эрнестъ Миннезингеръ». («Библіотека для Чтенія», 1840, т, XXXVIII, № 1, отд. I, стр. 5.)

Изъ альбома Рицціо. Стих. (Тамъ же, стр. 10.)

Ленорѣ. Стих. (Тамъ же, стр. 13.)

Статуя Кристофа въ Ригѣ, или — будетъ война. Историческая драма въ шести актахъ, въ прозѣ. (Тамъ же, стр. 101.)

Авдотья Петровна Лихончиха. Историческій разсказъ. («Библіотека для Чтенія», 1840, т. XLI, № 7, отд. I, стр. 9.)

Прощальная пѣсня. Стих. (Тамъ же, т. XLII, № 9, отд. I, стр. 5.)

Жаворонокъ. Стих. (Тамъ же, стр. 7.)

Новый годъ. Историческій разсказъ. (Тамъ же, т. XLIII, № 11, отд. I, стр. 13.)

Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. Историческая драма въ пяти актахъ, въ стихахъ и прозѣ. (Тамъ же, т. XLIII, № 12, отд. I, стр. 69.)

Тоже. Отдѣльное изданіе. Спб. 1840.

Музыка въ Петербургѣ. («Художественная Газета», 1840, № 8, стр. 15.)

Концерты Дрейшока. (Тамъ же, № 9, стр. 19.)

Музыка. (Тамъ же, № 11, стр. 1.)

Г-жа Бишопъ и Г-нъ Боксо. (Тамъ же, № 12, стр. 22.)

Торжество Евангелія. (Тамъ же, № 14, стр. 19.)

Прощаніе съ Петербургомъ. (Тамъ же, № 17, стр. 8.)

Концертъ г-жи Пасты. (Тамъ же, № 22, стр. 16.)

Сабина Гейнефеттеръ. (Тамъ же, № 23, стр. 23.)

Русскій Вѣстникъ на 1841 годъ, издаваемый С. Глинкою, подъ редакціею Н. И. Греча, Н. В. Кукольника и Н. А. Полевого, Спб. 1841.

Здѣсь помѣщены слѣдующія сочиненія Кукольника:

I. Аврора Галиган. Тулузская легенда XIII столѣтія.

II. Рецензія «Репертуара» и «Пантеона». (Т. I, стр. 199.)

III. Прокуроръ. Разсказъ. (Т. I, стр. 285.)

IV. Аннинскій зимній домъ. (Т. I, стр. 346.)

V. Сабина Гейнефеттеръ. Статья. (Т. I, стр. 499.)

VI. Сказаніе о синемъ и зелёномъ сукнѣ. Разсказъ. (Т. I, стр. 555.)

VII. Рецензія «*La Riforma musicale*». (Т. II, стр. 232.)

VIII. Три оперы. Современная быль. (Т. II, стр. 609.)

IX. Художественныя и музыкальныя извѣстія. (Т. II, стр. 743.)

X. Рецензія «Фритіофа». (Т. III, стр. 400.)

XI. Сооруженіе зимняго дворца въ царствованіе императрицы Елисаветы. (Т. IV, стр. 1.)

Психея. Первая новелла доктора Сильвіо Теста. («Утренняя Заря», 1841, стр. 311.)

Князь Маргеръ Пилонскій. Историческая повѣсть XIV вѣка. («Русская Бесѣда», 1841, т. I, отд. VI, стр. I.)

Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырёхъ частяхъ. («Библіотека для Чтенія», 1841, т. XLV, №№ 3 и 4, отд. I, стр. 13 и 107, т. XLVI, №№ 5 и 6, отд. I, стр. 13 и 115, т. XLVII, №№ 7 и 8, отд. I, стр. 11 и 105, т. XLVIII, №№ 9 и 10, отд. I, стр. 13 и 89 и т. XLIX, №№ 11 и 12, отд. I, стр. 17.) Также отпечатанъ отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Эвелина де Вальероль. Романъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Четыре части. Спб. 1841.

Тоже. Изданіе второе. 1842.

Сказка за сказкой, изданныя подъ редакціею Н. В. Кукольника. Т. I. Спб. 1841. Здѣсь напечатаны слѣдующія сочиненія издателя:

I. Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, или всѣ за одно. Историческій разсказъ. II. Эдуардъ и Кунигунда, или серебряная свадьба. Анекдотъ. III. Полковникъ Лесли. Историческій разсказъ.

Джіорджіо Фенороли, или сердце въ банкѣ. Вторая новелла доктора Сильвіо Теста. («Утренняя Заря», 1842, стр. 65.)

Капустинъ, московскій купецъ. Историческій разсказъ. (Тамъ же, стр. 311.)

Альфъ и Альдона. Историческій романъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Четыре части. Спб. 1842.

Имперія. Стих. («Библіотека для Чтенія», 1842, т. LI, № 3, отд. I, стр. 5.)

Благодѣтельный Андроникъ, или романтическіе характеры стараго времени. Повѣсть съ эмблемами. (Тамъ же, № 4, отд. I, стр. 139.)

Дурочка Луиза. Романъ въ трёхъ частяхъ. (Тамъ же, т. LIII, №№ 7 и 8, отд. I, стр. 9 и 123 и т. LIV, № 9, отд. I, стр. 9.)

Сказка за сказкой, изданныя подъ редакціею Н. В. Кукольника. Томы II и III. Спб. 1842.

Здѣсь напечатаны слѣдующія сочиненія издателя: I. Позументы. Разсказъ. II. Жанъ Батистъ Людо. Историческая повѣсть. III. Каролина. Повѣсть. IV. Монтеки и Капулетти, или Чернышовскій миръ. Историческій анекдотъ. V. Часовой. Историческая повѣсть.

Дагеротипъ. Изданіе литературно-дагеротипныхъ произведеній. Редакторъ Н. Кукольникъ. Двѣнадцать тетрадей. Спб. 1842.

Здѣсь помѣщены слѣдующія сочиненія издателя:

Тетрадь I. Листъ въ Санктпетербургѣ. Три. Бомбоччіада, Сенъ-Медаръ, Первое Астраханское письмо. Тетрадь II. Форма и характеръ въ музыкѣ, Кажинскій, Второе Астраханское письмо. Тетрадь IV. Надпись, Замѣтки о Петербургѣ, статья I, Третье Астраханское письмо. Тетрадь V. Замѣтки о Петербургѣ, статья II, Четвертое Астраханское письмо. Тетрадь VI. Ахеменисъ, Пятое Астраханское письмо. Тетрадь VII. Къ Душенькѣ, по случаю неудачныхъ портретовъ. Тетрадь VIII. Прологъ изъ большой драматической фантазіи: «Піэтро

Аретино», Шестое Астраханское письмо. Тетради IX, X и XI. Двѣ сцены изъ рукописной трагедіи: «Генералъ Поручикъ Паткуль», Замѣтки о Петербургѣ. Статьи III и IV. Седьмое Астраханское письмо. Тетрадь XII. Невинные злодѣи, или сюжетъ для комедіи. Историческій анекдотъ. Кромѣ того, статьи подъ заглавіемъ: «Дагеротипъ» (тетради, I, II, III, VI, VII и XII) принадлежатъ издателю.

Надинька. Случай. («Утренняя Заря», 1843, стр. 79.)

Историческія замѣтки о картинахъ, помѣщённыхъ въ альманахѣ: «Утренняя Заря на 1843 годъ». («Тамъ же, стр. 552.)

Преферансъ, или + и —. Разсказъ. («Картинки Русскихъ Нравовъ», 1843, кн. VI, стр. 1.)

Романсъ Давида Рицціо. Стих. («Молодикъ», 1843, стр. 110.)

Англійскій романсъ. Стих. (Тамъ же, стр. 297.)

Современныя художества въ Россіи. Три статьи. («Библіотека для Чтенія», 1843, т. LVI, №№ 1 и 2, отд. III, стр. 45 и т. LVII, № 3, отд. III, стр. 31 и 67.)

Къ Бугу. Стих. (Тамъ же, т. LVII, № 3, отд. I, стр. 13.)

Историческая Красавица. Романъ въ двухъ частяхъ. (Тамъ же, т. LVII, № 4, отд. I, стр. 133 и т. LVIII, №№ 5 и 6, отд. I, стр. 13.)

Монументъ. Историческій анекдотъ, въ стихахъ и прозѣ. (Тамъ же, т. LXI, отд. I, стр. 5.)

Квитъ. Случай. («Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, т. I, № 2, стр. 155.)

Повѣсти и разсказы. Нестора Кукольника. Двѣ части. Спб. 1843.

Часть I. Лихончиха, Новый годъ, Благодѣтельный Андроникъ, Капустинъ, Сказаніе о синемъ и зелёномъ сукнѣ и Прокуроръ. Часть II. Надинька, Антоніо, Аврора Галигаи, Три оперы, Психея и Корделія.

Есть образъ у меня живой. Стих. («Молодикъ», 1844, стр. 105.)

Кликуша. Повѣсть. («Сынъ Отечества», 1844, № I, стр. 9, № II, стр. 41 и № III, стр. 71.)

Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ въ четырёхъ частяхъ. («Библіотека для Чтенія», 1844, т. LXIV, №№ 5 и 6 отд. I, стр. 9 и 133 и т. LXV, №№ 7 и 8, отд. I, стр. 9 и 149.)

Также изданъ отдѣльно подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1846.

Импровизаторъ. Драматическое стихотвореніе. («Библіотека для Чтенія», т. LXVII, отд. I, стр. 5.)

Бояринъ Ѳёдоръ Васильевичъ Бàсенокъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. («Репертуаръ и Пантеонъ», 1844, т. VI, № 4, стр. 9.)

Сказка за сказкой, изданныя подъ редакціею Н. В. Кукольника. Томъ IV. Спб. 1844.

Изъ сочиненій издателя здѣсь напечатанъ: Максимъ Созонтовичъ Березовскій. Историческій разсказъ.

Иллюстрація. Еженедѣльное изданіе всего полезнаго и изящнаго, подъ редакціею Н. В. Кукольника. Т. I. Спб. 1845.

Здѣсь помѣщены слѣдующія сочиненія издателя: Инструментъ. Повѣсть изъ временъ Петра Великаго. (№№ IV, V, стр. 59 и 65.) Нераспечатанное письмо. Изъ путевыхъ записокъ М. Ѳ. К. (№ V, стр. 71.) Тергошъ, или Эолова арфа. Разсказъ М. Ѳ. К. (№ V, стр. 73.) Мусье Бальбенъ, булавочникъ. Разсказъ М. Ѳ. К. (№ VI, стр. 89.) Вольный гетманъ панъ Савва. Красно-русская легенда. (№ VII, стр. 103.) Профессоръ Кригеръ. (№ VII, стр. 109.)

Лѣтній садъ. Разсказъ. (№ IX, стр. 129.)

Въ альбомъ Е. П. Ковалевскому. Стих. (№ X, стр. 159.)

Двѣ палки. Изъ путевыхъ записокъ М. Ѳ. К. (№ XIII, стр. 196.)

Закладъ. Романъ въ немногихъ письмахъ. (№№ XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XIX, XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXV, стр. 202, 222, 235, 253, 270, 299, 329, 337, 366, 382 и 394.) Подписано: Койневъ.

Примѣты. Разсказъ (№№ XIV и XV, стр. 218 и 225.) Подписано: А. Б—ова.

Поэтелло. М. Ѳ. К. (№ XV, стр. 229.)

Постакки. Разсказъ. (№ XXVIII, стр. 438.)

Беверинъ. Латышская легенда. (№ XXXIV, стр. 536.)

Кромѣ того издателю принадлежитъ: «Еженедѣльникъ» за весь годъ, помѣщенный въ 28 нумерахъ, на страницахъ: 91, 109, 126, 187, 194, 219, 227, 255, 271, 283, 295, 315, 335, 347, 363, 375, 396, 407, 420, 445, 456, 475, 486, 507, 519, 532, 556 и 567.

Егоръ Ивановичъ Сильвановскій, или покореніе Финляндіи при Петрѣ Великомъ. Повѣсть. («Финскій Вѣстникъ», 1845, т. I, отд. I, стр. 5.)

Три періода. Романъ въ двухъ частяхъ. («Библіотека для Чтенія», 1845, т. LXXII и LXXIII, №№ 9, 10, 11 и 12, отд. I, стр. 175 и 65.)

Генералъ-Поручикъ Паткуль. Трагедія въ пяти актахъ. («Финскій Вѣстникъ», 1846, т. VIII, отд. I, стр. 5.)

Также отпечатана отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Генералъ-Поручикъ Паткуль. Трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1846.

Старый хламъ. Преданіе. («Новоселье», 1846, ч. III, стр. 21.)

Картины Русской Живописи, изданныя подъ редакціею Н. В. Кукольника. Спб. 1846.

Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи издателя:

I. Русская живописная школа. Двѣ статьи.

II. Староста Меланья. Разсказъ.

Иллюстрація на 1846 годъ. Редакторъ Н. В. Кукольникъ. Томы II и III. Спб. 1846.

Сюда вошли слѣдующія статьи издателя:

Леночка, или новый 1746 годъ. Разсказъ. (Т. II, № 1, стр. 1.)

Воспоминанія объ Одессѣ. М. Ѳ. К. (Т. II, № 1, стр. 4.)

Первая милость. Разсказъ. (Т. II, № 2, стр. 19.)

Гитана. Разсказъ. (Т. II, № 7, стр. 102.)

Альбомъ. Стих. (Т. II, № 10, стр. 158.)

Андрей Филипповичъ Митрохинъ. (Т. II, № 14, стр. 219.)

Выставка въ Императорской Академіи Художествъ 1845/6 годовъ. Три статьи. (Т. II, №№ 16, 17 и 18, стр. 243, 259 и 278.)

Останъ и Ульяна. Разсказъ. (Т. II, № 24, стр. 371.)

Она кокетка. (Т. II, № 24, стр. 380.)

Корина, или двадцать лѣтъ. Современный оригинальный разсказъ. (Т. III, №№ 29, 30, 31, 32, 33 и 34, стр. 460, 475, 489, 499, 516 и 537.)

Кромѣ того Н. В. Кукольнику принадлежитъ «Еженедѣльникъ» за весь годъ (48 статей), на страницахъ: 11, 28, 43, 62, 72, 91, 108, 124, 138, 158, 173, 184, 204, 221, 236, 252, 270, 286, 303, 316, 330, 344, 365, 380, 393, 417, 430, 444, 459, 473, 493, 510, 526, 541, 560, 576, 591, 606, 625, 637, 655, 669, 688, 705, 717, 736, 748 и 765.)

Иллюстрація на 1847 годъ. Томъ IV. (Первые одиннадцать нумеровъ.) Редакторъ Н. В. Кукольникъ. Спб. 1847.

Сюда вошли слѣдующія статьи издателя:

Отъ редактора. (№ 11, стр. 161.)

Каріатиды А. И. Теребенева. (Тамъ же, стр. 174.)

Кромѣ того Н. В. Кукольнику принадлежитъ «Еженедѣльникъ» (9 статей), напечатанный на страницахъ 13, 28, 47, 77, 91, 110, 123, 141 и 158.)

Баронъ Фанфаронъ и маркизъ Петиметръ. Быль временъ Петра Великаго. Сочиненіе Н. В. Кукольника. Спб. 1847.

Девятое марта. Быль. («Библіотека для Чтенія», 1848, т. XC, № 10, отд. I, стр. 141.)

Русская школа живописи. Стих. («Сѣверная Пчела», 1848, № 92, стр. 365.)

Сила Россіи. Стих. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1848, ч. LX, отд. VI, стр. 208.)

Третій понедѣльникъ. Быль. («Современникъ, 1851, т. XXX, № 11, отд. I, стр. 5.)

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Нестора Кукольника. Десять томовъ, въ трёхъ отдѣленіяхъ: 1) Романы, 2) Сочиненія драматическія и 3) Повѣсти и Разсказы). Спб. 1851—1853.

Романы. Томъ I. Эвелина де Вальероль. Томъ II. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова (первыя три части). Томъ III. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова (часть четвертая), Три періода и Альфъ и Альдона (части I и II). Томъ IV. Альфъ и Альдона (части III, IV, V, VI, VII, VIII и IX). Сочиненія Драматическія. Томъ I. Торквато Тассо, Рука Всевышняго отечество спасла, Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій и Джуліо Мости. Томъ II. Джакобо Санназаръ, Доменикино, части I и II, Статуя Кристофа въ Ригѣ, Князь Холмскій, Иванъ Рябовъ. Томъ III. Бояринъ Ѳ. В. Басенокъ, Генералъ-Поручикъ Паткуль, Деньщикъ, Ермилъ Ивановичъ Костровъ и Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ. Повѣсти и Разсказы. Томъ I. Авдотья Лихончиха, Жанъ-Бантистъ Людо, Новый годъ, Аврора Галиган, Надинька, Полковникъ

Лесли, Психея, Благодѣтельный Андроникъ, Монтекки и Капулетти. Томъ II. Прокуроръ, Антоніо, Капустинъ, Корделія, Сказаніе о синемъ и зелёномъ сукнѣ, Часовой, Березовскій, Позументы. Томъ III. Сильвановскій, Три оперы, Староста Меланья, Старый хламъ, Шахъ и матъ, Закладъ, Инструментъ, Остапъ и Ульяна, Леночка, Вольный гетманъ панъ Савва и Девятое марта.

Деньщикъ. Историческая драма въ пяти актахъ, въ стихахъ. («Сынъ Отечества», 1852, № 1, отд. II, стр. 1 и № 2, отд. II, стр. 1.)

Тоже. Отдѣльное изданіе. Спб. 1852.

Тоже. Изданіе второе. Спб. 1860.

Степи. Эпизодъ изъ романа: «Собиратель Земли Русской». (Тамъ же, № 9, отд. III, стр. 1.)

Регистраторъ. Эпизодъ изъ романа: «Абрикосовое дерево». («Библіотека для Чтенія», 1852, т. CXI, отд. I, стр. 55.)

Ермилъ Ивановичъ Костровъ. Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ. (Тамъ же, 1853, т. CXVII, отд. I. стр. 1.)

Тонни, или Ревель при Петрѣ Великомъ. Историческій романъ въ четырёхъ частяхъ. (Тамъ же, 1853 и 1854, т. CXXII, CXXIII и CXXIV, отд. I, стр. 99, 1, 101 и 151.)

Листки изъ записной книжки русскаго. (Тамъ же, т. CXXVI, отд. I, стр. 91.)

Морской праздникъ въ Севастополѣ. Драматическое представленіе въ пяти картинахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1854.

Маркитантка. Драма. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1854.

Азовскія письма. («Сѣверная Пчела», 1854, № 157.)

Азовское сидѣнье. Историческое сказанье въ лицахъ, въ пяти актахъ и девяти картинахъ. Нестора Кукольника. Спб. 1855.

Нѣсколько словъ о педагогическомъ движеніи въ Германіи. («Сынъ Отечества», 1857, № 18, стр. 420.)

Статьи безъ заглавія. Изъ памятной книжки. Три статьи. (Тамъ же, 1857, № 46, стр. 1124 и 1858, № 1, стр. 18 и № 6, стр. 169.)

Мартынъ Лукичъ Дьяконовъ. Историческій разсказъ изъ временъ Петра Великаго. («Сборникъ Литературныхъ Статей», 1858, т. II, стр. 1.)

Азовскія письма. 4 письма. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1859, №№ 29, 76 и 1860, №№ 28, 148.)

Бояринъ Ѳёдоръ Васильевичъ Басенокъ. Историческая драма въ пяти актахъ въ стихахъ. Спб. 1860.

Доменикино. Драматическая фантазія въ стихахъ. Сочиненіе Н. В. Кукольника. Спб. 1860.

Три періода. Романъ Н. В. Кукольника. Спб. 1860.

Максимъ Созонтовичъ Березовскій. Историческій разсказъ. Н. В. Кукольника. Спб. 1860.

Давидъ Гаррикъ. Драма въ пяти актахъ. («Русское Слово», 1861, № 3, отд. I, стр. 1.)

Азовскія письма. Письмо XII. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1862, № 20.)

Музыкальный вопросъ. Двѣ статьи. (Тамъ же, 1862, №№ 50 и 68.)

По музыкальному вопросу. Статья послѣдняя. (Тамъ же, № 116.)

Замѣтка. («Голосъ», 1863, № 33.)

М. С. Щепкинъ. («Голосъ», 1864, №№ 77 и 78.)

Двѣ сестры. Эпизодъ изъ послѣдней польской смуты. Романъ въ трёхъ частяхъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1865.

Желѣзныя дороги въ Россіи. («Сѣверная Почта», 1865, №№ 246 и 247.)

Корреспонденція изъ Одессы. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1865, №№ 124, 151, 161, 172, 180, 223, 246, 256 и 269.)

Желѣзныя дороги въ Россіи. («Сѣверная Почта», 1865, №№ 246 и 247.)

По вопросу о средствахъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. («Биржевыя Вѣдомости», 1865, №№ 278 и 282.)

Азовская желѣзная дорога. («Голосъ», 1866, № 158.)

Объ искаженіи фактовъ касательно постройки дороги отъ Курска черезъ Харьковъ. («Содѣйствіе Русской Торговлѣ и Промышленности», 1868, № 60.)

Выдержки изъ записокъ Н. В. Кукольника. («Русская Старина», 1870, № XII, стр. 635.)

Повѣсти и разсказы Н. В. Кукольника. Двѣ серіи, пять томовъ. Спб. 1871.

Іоаннъ III, собиратель Земли Русской. Историческій романъ. Н. Кукольника. Спб. 1874.

XVI.

И. В. Лашнюковъ.

О междукняжескихъ и общественныхъ отношеніяхъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи отъ призванія варяго-руссовъ до смерти Ярослава. Рѣчь, произнесённая въ торжественномъ собраніи Лицея Князя Безбородко, 18-го іюня 1854 года, исправляющимъ должность профессора Иваномъ Лашнюковымъ. («Рѣчи, произнесённыя въ торжественномъ собраніи Лицея Князя Безбородко», 1856, стр. 1.)

Письма изъ Саксонской Швейцаріи о Лужицкой семинаріи. («Вѣстникъ Юго-западной Россіи», 1862, т. I, № 2, стр. 148.)

Современное политическое положеніе западныхъ славянъ. («Черниговскій Листокъ», 1863, № 3.)

Состояніе исторіи науки у западныхъ славянъ — характеръ журналистики на Западѣ. (Тамъ же, №№ 1 и 2.)

Чешская школа и педагогическій институтъ для приготовленія учителей народныхъ школъ въ Прагѣ. (Тамъ же, №№ 4, 5 и 6.)

Рѣшонъ ли вопросъ о первомъ самозванцѣ? («Кіевлянинъ», 1865, №№ 82 и 83.)

Славянская идея и ея судьба. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1867, №№ 126 и 129.)

Лекціи по русской исторіи. («Кіевскія Университетскія Извѣстія», 1871, №№ 5, 6 и 7.)

Славянство и міръ будущаго. («Санктпетербургскія Вѣдомости», 1867, №№ 212 и 213.)

Пособіе къ изученію Русской Исторіи критическимъ методомъ. Два выпуска. Кіевъ. 1870.

XVII.

П. Я. Лукашевичъ.

Малороссійскія и Червонно-русскія пѣсни. Собраны П. Лукашевичемъ. Спб. 1836.

Предисторическій славянскій міръ. («Москвитянинъ», 1843, ч. VI, № 12, стр. 347.)

Чаромутіе, или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращённыхъ имъ же въ прямую истоть чаромутія и чорной истоти языковъ русскаго и другихъ славянскихъ и части латинскаго. Петрьгородъ. 1846.

Примѣръ всесвѣтнаго славянскаго чаромутія въ словѣ мужъ, открытый и составленный Платономъ Лукашевичемъ. Кіевъ. 1850.

Ключь къ познанію, на всѣхъ языкахъ міра, прямыхъ значеній въ развитіяхъ численныхъ имёнъ перваго десятка, на основаніи всесвѣтнаго славянскаго чаромутія. Платона Лукашевича. Кіевъ. 1851.

Примѣры всесвѣтнаго славянскаго чаромутія астрономическихъ выкладокъ, съ присоединеніемъ объясненія обратнаго чтенія названій буквъ алфавитовъ греческаго и коптскаго. Сочиненіе Платона Лукашевича. Кіевъ. 1854.

Тоже. Изданіе II. Москва. 1855.

Нѣчто о славянскомъ чаромутіи, въ отвѣтъ г. Бестужеву-Рюмину. («Кіевскій Телеграфъ», 1864, №№ 4 и 5.)

Объясненіе ассирійскихъ имёнъ. Платона Лукашевича. Кіевъ. 1868.

Корнесловъ греческаго языка. Платона Лукашевича. Кіевъ. 1869.

Корнесловъ латинскаго языка. Платона Лукашевича. Кіевъ. 1871.

Мнимый индо-германскій міръ, или истинное начало и образованіе языковъ нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и другихъ западно-европейскихъ. Сочиненіе Платона Лукашевича. Кіевъ. 1873.

О примѣчательныхъ обычаяхъ и увеселеніяхъ малоросіянъ на праздникахъ Рождества Христова и въ Новый годъ. П. Лукашевича. («Сѣверный Архивъ», 1876, ч. II, стр. 389.)

Причина ненависти англичанъ къ славянскимъ народамъ. Сочиненіе Платона Лукашевича. Кіевъ. 1877.

XVIII.

В. И. Любичъ-Романовичъ.

Сказаніе о Хмельницкомъ. Стих. («Сынъ Отечества», 1829, т. VII, стр. 49.)

Стихотворенія Адама Мицкевича. Переводъ съ польскаго. В. Р. Спб. 1829.

Лукреція Давидсонъ. Переводъ съ польскаго. («Литературная Газета», 1830, т. I, № 19, стр. 147.)

Нѣсколько подробностей объ индійцахъ астраханскихъ. Переводъ съ польскаго. (Тамъ же, № 27, стр. 211.)

Маглановы рощи. Изъ Нодье. (Тамъ же, т. II, № 41, стр. 33.)

Отрывокъ изъ письма путешествующаго оріенталиста. Изъ Ходзки. (Тамъ же, № 57, стр. 165.)

Монастырь святаго Онуфрія. (Тамъ же, № 58, стр. 173.)

Банкиръ Торлоніо. Переводъ съ французскаго. (Тамъ же, № 59, стр. 181.)

О морлакахъ. Изъ записокъ Аббата Фортиса. («Сынъ Отечества», 1830, т. XIV, стр. 162.)

Къ изображенію молодой матери. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалида», 1831, № 21, стр. 166.)

Къ идеалу весёлой дѣвушки. Стих. (Тамъ же, № 26, стр. 207.)

Изъ Адама Мицкевича. (Тамъ же, № 28, стр. 222.)

Истина. Стих. (Тамъ же, № 29, стр. 231.)

Къ Лаурѣ. Изъ Мицкевича. (Тамъ же, № 42, стр. 326.)

Сонетъ. (Тамъ же, № 43, стр. 335.)

Мысли. Съ французскаго. (Тамъ же, № 49, стр. 383.)

Пѣснь Альдоны. Изъ Мицкевича. (Тамъ же, № 51, стр. 396.)

Подражаніе Петраркѣ. (Тамъ же, № 55, стр. 429.)

Кружка. Стих. (Тамъ же.)

Молитва дѣтей. Изъ Мицкевича. (Тамъ же, № 57, стр. 446.)

Пѣвецъ. Стих. (Тамъ же, № 64, стр. 502.)

Отголосокъ. Стих. (Тамъ же, № 73, стр. 575.)

Отрывокъ изъ Мицкевича. (Тамъ же, № 89, стр. 702.)

Месть тирана. Стих. («Альціона» на 1831 годъ, отд. II, стр. 11.)

Бедуинъ. Изъ Ходзки. (Тамъ же, стр. 42.)

Воспоминаніе. Изъ Мицкевича. (Тамъ же, стр. 79.)

Отрывокъ изъ поэмы: «Конрадъ Валенродъ» Мицкевича. («Журналъ Иностранной Словесности и Изящныхъ Художествъ», издаваемый П. Волковымъ, 1831, ч. I, № 1, стр. 40.)

О старинныхъ драматическихъ игрищахъ въ Женевѣ. Съ французскаго. («Литературная Газета», 1831, т. III, № 10, стр. 79.)

Выписки изъ рукописи, подъ заглавіемъ: «Критическія или умозрительныя записки». Переводъ съ польскаго. (Тамъ же, № 19, стр. 152.)

Письмо путешественника, писанное изъ Калькутты къ одному его родственнику. Переводъ съ польскаго. (Тамъ же, № 22, стр. 175.)

Татарская сказка. Переводъ съ польскаго. (Тамъ же, № 26, стр. 239.)

Кладбище. Изъ Одынца. Стих. («Сынъ Отечества», 1832, т. XXV, стр. 184.)

Къ измѣнницѣ. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1832, № 10, стр. 80.)

Двѣ газели. Стих. (Тамъ же, № 20, стр. 158.)

Ночной крикунъ. Съ французскаго. (Тамъ же, № 24, стр. 191.)

Стихотворенія Василія Романовича. Спб. 1832. Посвящается Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Новый годъ. Изъ Мицкевича. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1833, № 15, стр. 119.)

Мелодія. Стих. (Тамъ же, № 32, стр. 253.)

Экспромптъ. (Тамъ же, № 39, стр. 311.)

Кадуръ. Восточная сказка. (Тамъ же, № 49, стр. 385.)

Къ пѣвицѣ. Стих. (Тамъ же, № 63, стр. 500.)

Подражаніе Парни. Стих. (Тамъ же, № 99, стр. 788.)

Минута горячки. Стих. (Тамъ же, 1834, № 78, стр. 623.)

Романсъ. (Тамъ же, №№ 103 и 104, стр. 829.)

Историческія горы и могилы въ Литвѣ. Изъ записокъ Юцевича. Съ польскаго. («Сынъ Отечества», 1837, т. CLXXXIV, стр. 292.)

Пинскъ и его окрестности. Изъ записокъ Крашевскаго. Переводъ съ польскаго. (Тамъ же, т. CLXXXVII, стр. 194.)

О большой картинѣ Ѳедора Антоновича Бруни. («Художественная Газета», 1837, №№ 4 и 5, стр. 59.)

Придѣлъ Св. Владиміра въ Виленской каѳедральной церкви. (Тамъ же, № 24, стр. 381.)

Исторія бывшихъ княжествъ Теребовльскаго и Звѣнигородскаго. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1838, ч. XIX, отд. II, стр. 80.)

Жизнь. Стих. («Сынъ Отечества», 1838, т. II, отд. I, стр. 96.)

Вѣнки. Стих. (Тамъ же, т. V, отд. I, стр. 85.)

Дерарь. Восточная поэма, въ стихахъ. Сочиненіе Александра Ходзько. Переводъ. Спб. 1839.

Приключеніе съ Шекспиромъ послѣ перваго представленія «Ромео и Джульетты». («Библіотека для Чтенія», 1839, т. XXXIV, отд. VII, стр. 40.)

Дума. Съ польскаго. Стих. («Сынъ Отечества», 1839, т. IX, стр. 11.)

Обычаи, игры, пословицы и преданія литовскія. Съ польскаго. (Тамъ же, т. XI, отд. III, стр. 115.)

Онъ. Съ польскаго. Стих. («Маякъ», 1841, ч. XVII и XVIII, стр. 8.)

Погребеніе рыбака. Стих. (Тамъ же.)

Съ голландскаго. Стих. (Тамъ же, стр. 9.)

Смерть бандуриста. Стих. (Тамъ же, стр. 10.)

Пѣсня. (Тамъ же, стр. 11.)

Казацкая смерть. Стих. (Тамъ же, ч. XIX, XX и XXI, стр. 21.)

Разлука. Стих. (Тамъ же.)

Могила. Стих. (Тамъ же.)
Вайделотъ. Изъ Мицкевича. Стих. (Тамъ же, стр. 22.)
Суженый. Стих. (Тамъ же, стр. 23.)
Три цвѣтка. Стих. (Тамъ же, ч. XXII, стр. 9.)
Dalibug je powiem mamie! (Стих. (Тамъ же, стр. 11.)
Открытая тайна. Съ чешскаго. Стих. (Тамъ же.)
Липовая пѣсня. (Тамъ же, стр. 12.)
Подводный бракъ. Стих. (Тамъ же, ч. XXIII, стр. 14.)
Запорожецъ. Стих. (Тамъ же, стр. 15.)
Кошевой. Стих. (Тамъ же.)
Панъ Каневскій. Стих. (Тамъ же, ч. XXIV, стр. 24.)
Запорожье. Стих. (Тамъ же.)
Беппо. Венеціанская повѣсть. Вольный переводъ изъ сочиненій Байрона. («Сынъ Отечества», 1842, т. II, № IV, отд. IV, стр. 1.)
Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 году. Переводъ съ итальянскаго. Двѣ статьи. (Тамъ же, т. III и IV, №№ VI и VII, отд. 1, стр. 3—16 и 3—50.) Напечатано также отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Сказаніе иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII вѣкѣ.» Переводъ. Спб. 1843.
Пѣснь о Тримѣ, или отнятіе молота. Скандинавская поэма. (Тамъ же, т. IV, № VII, отд. III, стр. 3.)
Сношеніе царя Іоанна Васильевича съ императоромъ Фердинандомъ о ливонскихъ дѣлахъ. Переводъ съ латинскаго. (Тамъ же, т. V, № IX, отд. I, стр. 1.)
Донесеніе въ письмахъ о войнѣ Московскаго царя съ Польскимъ королёмъ (Іоанна Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ), въ 1580—1582 годахъ. Переводъ съ итальянскаго. (Тамъ же, № X, отд. I, стр. 1.
Алексѣй Поповичъ. Стих. («Маякъ», 1842, т. I, № I, стр. 9.)
Иванъ Коновченко. Стих. (Тамъ же, стр. 12.)
Невѣста. Стих. (Тамъ же, стр. 15.)
Иллюминація. Стих. (Тамъ же, № II, стр. 30.)
Мечты. Стих. (Тамъ же.)
Природа. Стих. (Тамъ же, стр. 34.)
Небо и земля. Стих. (Тамъ же, стр. 35.)
Онъ. Стих. (Тамъ же, стр. 36.)
Конь. Стих. (Тамъ же, т. VI, № 11, стр. 3.)
Донесеніе о событіяхъ въ эпоху Лжедимитрія и, въ особенности, царствованія Іоанна Васильевича, найденное въ библіотекѣ князя Барберини, въ Римѣ. Переводъ съ итальянскаго. («Сынъ Отечества», 1843, № I, отд. I, стр. 1.)
Любовь художника. Стих. (Тамъ же, отд. III, стр. 1.)
Безнадежность. Стих. (Тамъ же, № III, отд. III, стр. 14.)
Странникъ. Стих. (Тамъ же, стр. 15.)
Ода. Изъ Клопштока. («Маякъ», 1845, т, XXIII, отд. I, стр. 27.)
Донъ-Жуанъ, поэма лорда Байрона. Вольный переводъ В. Любичъ-Романовича. Двѣ части. Спб. 1847.
Юное поколѣніе. Стих. («Сынъ Отечества», 1847, № VIII, стр. 1.)

Къ Италіи. Стих. (Тамъ же, стр. 2.)

Дунайскіе казаки. Статья. («Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1848, т. LXXI, № 283, стр. 248.)

Корчма на Ужитѣ и Гражина. Двѣ повѣсти въ стихахъ Адама Мицкевича. Переводъ съ польскаго В. Любичъ-Романовича. Спб. 1862.

XVIII.

Н. Я. Макарова.

Путешествіе доктора Крапфа къ истокамъ Нила. Экспедиція доктора Рэ въ Викторію. Американская военная экспедиція въ землю Новахо. Золотые пріиски въ Австраліи. Письмо Герштекера. («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1852, ч. IV, отд. V, стр. 127.)

Путешествіе Джоржа Мелли въ Хартумъ, къ берегамъ Бѣлаго и Синяго Нила. Статья I. (Тамъ же, ч. V, отд. II, стр. 85.)

Бѣловѣжскій боръ въ Гродненской губерніи. Путешествіе Джоржа Мелли въ Хартумъ, къ берегамъ Бѣлаго и Синяго Нила. Статья II. Куба. Изъ письма путешественника Геле. Изслѣдованіе рѣки Амазонской. Экспедиція Кастельно въ Южную Америку. (Тамъ же, ч. VI, отд. VI, стр. 79 — 121.)

Засѣданіе Лондонскаго Географическаго Общества. Засѣданіе Лондонскаго Геологическаго Общества. Засѣданіе Общества Британскихъ Актуаріевъ. Засѣданіе Лондонскаго Статистическаго Общества. Засѣданіе Лондонскаго Этнографическаго Общества. Засѣданіе Берлинскаго Географическаго Общества. Некрологъ Джона Стефенса. Іосифъ Флетчеръ и Джонъ Портеръ. Докторъ Овервегъ. Леопольдъ фонъ-Букъ. (Тамъ же.)

Янтарное озеро въ Курляндіи. Арктическія экспедиціи. Свѣдѣнія о Канадѣ. Нѣмецкіе поселенцы въ Бразиліи. Обозрѣніе дѣятельности Общества Естествоиспытателей въ Ригѣ. Засѣданія Лондонскаго Геологическаго Общества 19-го января 1853 года. Засѣданіе Лондонскаго Географическаго Общества 24-го января 1853 года. Засѣданіе Лондонскаго Статистическаго Общества. Засѣданіе Лондонскаго Энтомологическаго Общества. Лондонское Минералогическое Общество. Парижское Географическое Общество. Очеркъ жизни и трудовъ Кастрена. Этимологія названій мѣстъ съ окончаніемъ на «au» и «owe», встрѣчаемыхъ чаще всего въ Курляндіи и сосѣднихъ мѣстахъ. (Тамъ же, 1853, ч. VII, отд. VII, стр. 42 — 137.)

Историческое изложеніе хода работъ для измѣренія дуги меридіана между Фугленесомъ и Измаиломъ. (Тамъ же, ч. VIII, отд. VII, стр. 5 — 22.)

Воспоминаніе о Н. А. Марковичѣ. («Основа», 1861, январь, стр. 293.)

XIX.

А. Н. Мокрицкаго.

Микель-Анджело. Изъ романа «Анджелло». Переводъ съ нѣмецкаго. («Литературная Газета», 1831, т. III, № 20, стр. 157.)

Воспоминаніе о Брюловѣ. («Отечественныя Записки», 1855, т. CIII, № 12, отд. II, стр. 145.)

Воспоминаніе объ А. Г. Венеціановѣ и ученикахъ его. («Отечественныя Записки», 1857, т. CXV, № II, отд. I, стр. 81.)

Явленіе Христа народу. Картина Иванова. Сочиненіе А. Мокрицкаго. Москва. 1858.

Праздникъ Петра и Павла въ Римѣ. («Искусство», 1860, № 6, стр. 1.)

О преподаваніи рисованія и черченія въ гимназіяхъ. («Педагогическое Обозрѣніе», 1869, № IX, стр. 58.)

Выставка въ Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянія. («Обёрточный Листокъ», 1860, №№ 17 — 22.)

XX.

Н. И. Петрова.

Е. Я. Зимовской. («Лицей князя Безбородко», 1858, отд. I, стр. 106.)
П. Н. Іеропесъ. Біографія. (Тамъ же, стр. 108.)
П. Ѳ. Клерперъ. Біографія. (Тамъ же, стр. 109.)
Я. Я. Лельевръ. Біографія. (Тамъ же, стр. 121.)
І. Ѳ. Мерцаловъ. Біографія. (Тамъ же, стр. 125.)
О. Ѳ. Паевскій. Біографія. (Тамъ же, стр. 133.)
Н. И. Пилянкевичъ. Біографія. (Тамъ же, стр. 134.)
А. К. Цимерманъ. Біографія. (Тамъ же, стр. 139.)

XXI.

П. П. Погорѣлко.

Соображенія объ устройствѣ экономическаго общества чиновниковъ. («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1860, № 167.)

XXII.

Ѳ. П. Погорѣлко.

О дружбѣ. («Прибавленіе къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1841 г.) Труды воспитанниковъ учебныхъ заведеній.

XXIII.

Н. Я. Прокоповича.

Мои мечты. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инваливу», 1831, № 43, стр. 335.)

Полночь. Стих. («Сѣверные Цвѣты», 1832, отд. II, стр. 151.)

Къ портрету Вальтеръ-Скота. Стих. («Литературныя Прибавленія къ Русскому Инваливу», 1832, № 13, стр. 103.)

Полнолуніе. Баллада. («Библіотека для Чтенія», 1835, т. VIII, отд. I, стр. 145.)

Своя семья. Повѣсть. Стих. («Московскій Наблюдатель», 1835, ч. II, стр. 5.)

Повѣсть о томъ, какъ Садко Богатый былъ въ гостяхъ у царя Морского. Стих. («Сынъ Отечества», 1836, ч. CLXXV, стр. 197.)

Сестра и братья. Сербская баллада. («Современникъ», 1838, т. X, отд. III, стр. 157.)

Городъ. Стих. (Тамъ же, стр. 175.)

Старость. Стих. (Тамъ же, стр. 182.)

Графъ Конрадъ и его жена. Баллада. («Современникъ», 1840, т. XIX, отд. III, стр. 164.)

Ѳедина ёлка. Съ нѣмецкаго. Стих. («Звѣздочка», 1847, т. IX, ч. 12, стр. 677.)

Письмо къ одному изъ издателей «Сѣверной Пчелы». («Сѣверная Пчела», 1854, № 133.)

Тѣни Пушкина. 19-го февраля 1855 года. Стих. («Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1855, т. CXIV, № 453, стр. 3.)

Стихотворенія Н. Я. Прокоповича. Изданы Н. В. Гербелемъ. Спб. 1858. Кромѣ вышеозначенныхъ стихотвореній, здѣсь помѣщены въ первый разъ: Три желанія, сказка и Панъ Мышковскій, старинная сказка.

XXIV.

М. А. Риттера.

Къ И. П. С. Стих. («Дамскій Журналъ», 1826, ч. XIV, № 19, стр. 18.)

XXV.

А. П. Рославскаго-Петровскаго.

Очеркъ быта и правленія древней Спарты. Сочиненіе Ксенофонта. Разобранное и представленное въ связи съ другими источниками кандидатомъ Александромъ Рославскимъ. Харьковъ. 1838.

Рѣшеніе вопроса: въ чёмъ состоитъ истинное значеніе прагматической исторіи и какова должна быть ея обработка. Разсужденіе Александра Рославскаго-Петровскаго. Харьковъ. 1839.

Австрійское посольство въ Москвѣ 1698 года. («Очерки Россіи», издаваемые Владиміромъ Пассекомъ (1840, кн. IV, стр. 67.)

Лекціи статистики, читанныя въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Александромъ Рославскимъ. Харьковъ. 1841.

Обозрѣніе настоящаго состоянія Императорскаго Харьковскаго Университета. («Москвитянинъ», 1841, ч. IV, стр. 527.)

Объ успѣхахъ народонаселенія въ Россіи сравнительно съ нѣкоторыми изъ европейскихъ государствъ. («Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1841, № V, стр. 211.)

Статистическое обозрѣніе европейскаго народонаселенія и управленія. («Маякъ», 1843, т. XI, № XXII, стр. 83.)

Руководство къ статистикѣ, написанное Александромъ Рославскимъ. Харьковъ. 1844.

Сравненіе Россіи въ статистическомъ отношеніи съ другими первоклассными европейскими государствами. («Москвитянинъ», 1844, ч. III, № VI, стр. 232.)

Извѣстіе о кончинѣ профессора Лунина. («Москвитянинъ», 1844, ч. VI, № XII, стр. 525.)

О торговлѣ на харьковскихъ ярмаркахъ. («Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1847.)

Краткое историко-статистическое обозрѣніе Императорскаго Харьковскаго Университета. («Харьковск. Губ. Вѣдомости», 1850.)

Обозрѣніе исторіи древняго міра. Сочиненіе профессора

Харьковскаго Университета Александра Рославскаго. Первый выпускъ. Исторія азіатскихъ и африканскихъ народовъ. Харьковъ. 1851.

Замѣчанія по поводу рецензіи на первый выпускъ «Исторіи Древняго Міра». («Отечественныя Записки», 1851, т. LIX, отд. VIII, стр. 155.)

Рецензія на магистерскую диссертацію г. Петрова: «О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI». («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1851, ч. LXXI, отд. VI, стр. 202.)

Исторія Древняго Міра. Второй выпускъ. Исторія Грековъ до начала борьбы ихъ съ Персами. Харьковъ. 1852.

Нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу новѣйшихъ изслѣдованій о населеніи европейской Россіи. («Москвитянинъ», 1852, т. IV, № XV, отд. II, стр. 91.)

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Вернадскаго: «Задача Статистики». (Тамъ же, т. V, № XVIII, отд. III, стр. 31.)

Мысли объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Харькова къ Черному морю. Сочиненіе Рославскаго-Петровскаго. Харьковъ. 1852.

Изслѣдованіе о движеніи народонаселенія въ Россіи. («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1853, кн. III, стр. 1.)

Статистическія свѣдѣнія о государственныхъ крестьянахъ Харьковской губерніи. («Сборникъ Статистическихъ Свѣдѣній о Россіи», 1854, кн. II, стр. 85.)

Очеркъ исторіи персидскихъ войнъ. («Москвитянинъ», 1855, №№ XXI и XXII, отд. I, стр. 31.)

Объ ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго Университета въ первое десятилѣтіе его существованія. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1855, ч. LXXXVII, отд. V, стр. 1.)

Критическій обзоръ исторіи трёхъ послѣднихъ римскихъ царей. (Тамъ же, 1856, ч. LXXXIX, отд. II, стр. 299.)

Руководство къ Статистикѣ, написанное ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго Университета Александромъ Рославскимъ-Петровскимъ. Харьковъ. 1856.

Статистико-экономическія замѣтки о Харьковской губерніи. («Экономическій Указатель», 1857, № XXV, стр. 586.)

Нѣсколько словъ объ Альфредѣ Великомъ. («Русское Слово», 1860, № VII, отд. II, стр. 98.)

Нѣсколько замѣчаній на послѣдній отчётъ Коммиссіи для Жуковской преміи. («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1858, ч. XXIV, № 12, стр. 24.)

О численномъ неравенствѣ мужескаго и женскаго рожденій. («Русскій Дневникъ», 1859, № 96.)

Русскіе университеты и «Университетскій вопросъ» Пирогова. («Прибавленіякъ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», 1864, стр. 16.)

П. П. Артемовскій-Гулакъ. («Отчётъ Императорскаго Харьковскаго Университета за 1865 годъ».)

Введеніе въ курсъ исторіи цивилизаціи, читанное Рославскимъ-Петровскимъ. Харьковъ. 1865.

Руководство къ исторіи главныхъ народовъ древняго Востока

и ихъ цивилизаціи. Харьковъ. 1865 и 1869. Выпускъ I. Египетъ. Выпускъ II. Халдея.

Письмо А. Рославскаго-Петровскаго по поводу сочиненія Роммеля: «Пять лѣтъ въ исторіи Харьковскаго университета». («Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1869, № 33.)

Введеніе въ курсъ исторіи главнѣйшихъ народовъ древняго міра и ихъ цивилизацій. А. Рославскаго-Петровскаго. Харьковъ. 1870.

Очерки древней Индіи. А. Рославскаго-Петровскаго. Харьковъ. 1871.

XXV.

П. Г. Рѣдкинъ.

Обозрѣніе Гегелевой логики. («Москвитянинъ», 1841, ч. IV, № 8, стр. 410.)

Юридическія Записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ, докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета. Томъ I. Москва. 1841.

Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи издателя: 1) Предисловіе, 2) О казённыхъ подрядахъ и поставкахъ въ Россіи до перваго ихъ преобразованія и 3) О гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ.

Юридическія Записки. Томъ II. Москва. 1842.

Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи издателя: 1) Прусскій уставъ о домашнихъ случаяхъ, 2) О причинахъ преступленій и о средствахъ противодѣйствовать ихъ умноженію и 3) Объ уголовной кодификаціи.

Библіотека для Воспитанія. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Двѣнадцать частей. Москва. 1843 — 1846.

Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи Рѣдкина: 1) Плиній Младшій, 2) Ѳукидидъ, 3) Объ изученіи новыхъ языковъ и 4) На чёмъ должна основываться наука воспитанія?

Какое общее образованіе требуется современностію отъ русскаго правовѣдца? Рѣчь, произнесённая въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва. 1846.

Новая Библіотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Десять частей. Москва. 1847.

Что такое воспитаніе? Три статьи. («Журналъ для Воспитанія», 1857, т. I, №№ 1, 2 и 3, стр. 3, 137 и 265.)

Исторія педагогики отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Ф. Кернера. Рецензія. (Тамъ же, т. I, стр. 125.)

Обозрѣніе педагогической литературы. Двѣ статьи. (Тамъ же, №№ 1 и 2, стр. 125 и 213.)

Можно ли и должно ли воспитывать дѣтей? (Тамъ же, № 4, стр. 373.)

Съ чего начать? (Тамъ же, т. II, № 10.)

Начинъ дѣло краситъ. (Тамъ же, т. XI.)

Первое знакомство дѣтей съ природою. (Тамъ же, стр. 395.)

Обозрѣніе педагогической литературы во Франціи. Двѣ статьи. (Тамъ же, 1858, т. III, № 1 и 2, отд. I, стр. 75 и 140.)

Юридическія Записки. Томъ третій, изданный П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. Спб. 1859.

Здѣсь помѣщена слѣдующая статья Рѣдкина:

Обозрѣніе юридической литературы (стр. 250—402).

Юридическія Записки. Томъ четвёртый, изданный П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. Спб. 1860.

Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи Рѣдкина:

1) О независимости юстиціи и 2) Обозрѣніе юридической литературы.

XXVI.

А. М. Сементовскій.

Молочай. («Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1845, № 3, часть неофиціальная, стр. 13.)

Очерки малороссійской демонологіи. Домовой. Вѣдьмы. Русалки. Болотяный. Лѣшій. (Тамъ же, №№ 13, 14, 15 и 16, стр. 91, 98, 108 и 117.)

О различномъ хозяйственномъ, фабричномъ и медицинскомъ употребленіи берёзы въ здѣшнемъ краѣ. (Тамъ же, № 34, стр. 286.)

Исполинская липа. (Тамъ же, 1848, № 27.)

Дѣйствіе грома на берегу. (Тамъ же.)

Леченіе водобоязни корнемъ молочая. (Тамъ же.)

Замѣтки о народныхъ праздникахъ Кіевской губерніи. («Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1850, №№ 16, 17 и 18.)

Тоже. («Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1851, №№ 20, 21 и 22.)

Предисловіе къ извлеченіямъ изъ неизданной древней малороссійской лѣтописи: «О войнѣ Богдана Хмѣльницкаго съ поляками». (Тамъ же, № 13.)

Малорусскія и Галицкія Загадки. Изданы Александромъ Сементовскимъ. Кіевъ. 1851.

Крушина. («Труды Вольнаго Экономическаго Общества», 1856, № 9.)

Черника. (Тамъ же, № 16.)

Копытникъ. (Тамъ же, № 26.)

Курзѣлье. (Тамъ же.)

Правильное смолосадничество. («Экономическія Записки», 1856, № 36.)

Кіевскій янтарь. (Тамъ же, № 37.)

Какъ сохранять орѣхи свѣжими. (Тамъ же, № 38.)

Горець и Сердечникъ. (Тамъ же, № 39.)

Отвѣтъ на статью г. Дмитріева: «О причинахъ медленнаго распространенія посѣвовъ многихъ полезныхъ растеній въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества.» (Тамъ же, № 43.)

Ещё способъ обкладывать жилыя строенія кирпичёмъ. («Экономическія Записки», издаваемыя Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, 1857, № I, стр. 1.)

О плетневыхъ землянкахъ. (Тамъ же, стр. 2.)

Объ освѣщеніи крестьянскихъ избъ. (Тамъ же, № II, стр. 9.)

Объ открытіи въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, лигнита и желѣзнаго колчедана. (Тамъ же, № XVI, стр. 126.)

Замѣтка для любителей лимоновъ. (Тамъ же, № XIX, стр. 142.)

Хозяйственная ботаника. (Тамъ же, № XXIII, стр. 182.)

Объ открытіи лигнита въ Кіевскомъ уѣздѣ. (Тамъ же, № XLII, стр. 334.)

Нѣсколько словъ о выставкѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній въ Кіевѣ. («Труды Вольнаго Экономическаго Общества», 1857, ноябрь.)

Голосъ противу несправедливыхъ нареканій на лѣсничихъ и лѣсныя науки. (Тамъ же, 1858, январь.)

Ещё о кіевскомъ лигнитѣ. («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1857, № 269, стр. 1406.)

Отвѣтъ на возраженіе. (Тамъ же, 1858, № 81, стр. 469.)

Торговля лѣсными матеріялами и издѣліями въ Кіевѣ. («Экономистъ», 1858, приложеніе II.)

Еще слово за животныхъ. («Кіевскій Телеграфъ», 1859.)

Торговые бюлетени. (Тамъ же.)

Статистическое описаніе Витебской губерніи въ лѣсномъ отношеніи. («Труды Вольнаго Экономическаго Общества», 1862.)

Охота и звѣриные промыслы Витебской губерніи. (Тамъ же, 1863.)

Практическое руководство къ устройству смоло-скипидарныхъ и дегтярно-уксусныхъ заводовъ. Сочиненіе А. Сементовскаго. Спб. 1863.

Промышленность еврейскими религіозными предметами въ Витебскѣ. («Витебскія Губернскія Вѣдомости», 1863, № 1.)

Церковь во имя усѣкновенія главы Іоанна Крестителя въ Витебскѣ. (Тамъ же, № 2.)

Церковь Іоанна, Богословскаго прихода въ Витебскѣ. (Тамъ же, № 3.)

Матеріалы для исторіи. Инвентарь имущества архіепископа Полоцкаго, отъ 10-го января 1618 года. (Тамъ же, № 9.).

Замѣтки для археолога. («Витебскія Губернскія Вѣдомости», 1863, № 44.)

Статистическое изслѣдованіе надъ личнымъ составомъ администраціи Витебской губерніи. («Витебскія Губернскія Вѣдомости», 1864, № 31.)

Свято-Благовѣщенская единовѣрческая церковь въ Витебскѣ. (Тамъ же, № 41.)

Очеркъ быта латышей. (Тамъ же, № 43.)

Статистика синильно-набойнаго производства въ городѣ Витебскѣ. (Тамъ же, № 45.)

Витебскія письма. («Кіевскій Телеграфъ, 1863, № 20.)

Зиньковскій замокъ. (Тамъ же, № 24.)

Витебскъ и уѣздные города Витебской губерніи. А. М. Сементовскаго. Спб. 1864.

Свѣдѣнія о числѣ подкидышей въ Витебской губерніи съ 1853 по 1863 годъ. («Витебскія Губернскія Вѣдомости» на 1864 годъ.)

Подтвержденіе королёмъ Августомъ II правъ и привелегій города Велижа. (Тамъ же.)

Инвентарь имущества архіепископа Полоцкаго на 1618 годъ. (Тамъ же.)

Книжная лавка и читальня въ Витебскѣ. (Тамъ же.)

Еврейскія училища. (Тамъ же.)

Столъ для нищей братіи. (Тамъ же.)

О мукомольныхъ мельницахъ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Празднованіе 19-го февраля 1864 года въ Витебскѣ. (Тамъ же.)

Современныя замѣтки. Витебскъ 26-го и 30-го августа и 8-го ноября 1864 года (Тамъ же.)

Витебскъ. Статистическій очеркъ. Статья эта написана авторомъ почти исключительно на основаніи лично имъ собранныхъ свѣдѣній. («Памятная книжка Витебской губерніи на 1865 годъ.»)

Археологическая находка въ Лепелѣ. («Витебскія Губернскія Вѣдомости» на 1865 годъ.)

Ещё памятникъ старины. (Тамъ же.)

Центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ въ Витебскѣ. (Тамъ же.)

Оспопрививаніе въ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Волостные суды Витебской губерніи. Первый статистическо-критическій опытъ оцѣнки дѣятельности волостного суда. Статья эта въ своё время произвела сильное впечатлѣніе. (Тамъ же.)

Статистическія свѣдѣнія о Витебской губерніи за 1808 годъ. (Тамъ же.)

Замѣтка на корреспонденцію изъ Витебска. (Тамъ же.)

О ходѣ народнаго образованія въ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Рисунки и стихотворенія на древнихъ актовыхъ книгахъ, хранящихся въ Витебскомъ центральномъ архивѣ. (Тамъ же.)

Современныя замѣтки по разнымъ случаямъ. (Тамъ же, №№ 23, 27 и 41.)

Отчётъ Секретаря Витебскаго статистическаго Комитета за 1865 годъ. (Тамъ же.)

Заводская и фабричная промышленность Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Археологическая находка въ Витебскѣ. («Витебскія Губернскія Вѣдомости» на 1866 годъ.)

Кладъ въ церкви. (Тамъ же.)

Нѣсколько словъ о бѣлорусской рѣчи. (Тамъ же.)

Свадьба на кладбищѣ. (Тамъ же.)

Данныя для опредѣленія климата Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Памятники существованія бобровъ въ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Геологическія свѣдѣнія о Витебской губерніи. (Тамъ же.)

О скотоводствѣ въ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Современныя замѣтки. (Тамъ же, №№ 5, 6, 7, 9, 17, 23.)

Отвѣтъ газетѣ «Голосъ» по поводу замѣтки ея на передовую статью 6 № «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» объ указѣ 10-го декабря 1865 года. (Тамъ же, № 12.)

По поводу замѣтки «Московскихъ Вѣдомостей» якобы о недозволеніи Витебскимъ католикамъ перевода своихъ молитвъ на русскій языкъ. (Тамъ же, № 13.)

Новый Хлестаковъ. (Тамъ же.)

По поводу покушенія 5-го апрѣля на жизнь Государя Императора. (Тамъ же.)

Польская революціонная обѣдня. (Тамъ же.)

Отвѣтъ на статью газеты «Вѣсть»: «Католическое богослуженіе на русскомъ языкѣ». (Тамъ же, № 24.)

Объ открытіи въ Витебскѣ женской гимназіи. (Тамъ же.)

По поводу открытія Динабурго-Витебской желѣзной дороги. (Тамъ же.)

Объ открытіи въ Витебскѣ отдѣла Россійскаго Общества покровительства животнымъ. (Тамъ же.)

Ординарія и жалованье ксендзовъ-миссіонеровъ въ поіезуитскихъ имѣніяхъ, переводъ съ польскаго А. Сементовскаго. (Тамъ же.)

Тадулинскій Успенскій монастырь. («Памятная книжка Витебской губерніи» на 1866 годъ, стр. 62.)

Полотскій Борисо-Глѣбскій монастырь 1190 года. (Тамъ же, стр. 38.)

Заводская и фабричная промышленность Витебской губерніи въ 1866 году. (Тамъ же, стр. 119.)

Памятники старины Витебской губерніи. А. Сементовскаго. Спб. 1867.

Отчётъ секретаря Витебскаго Статистическаго Комитета за 1867 годъ. («Витебскія Губернскія Вѣдомости», 1867, №№ 17, 87 и 92.)

Статистическія свѣдѣнія о продажѣ питей въ уѣздныхъ городахъ Витебской губерніи и объ участіи въ томъ евреевъ. (Тамъ же, № 67.)

Статистика происшествій за первую половину 1868 года въ Витебской губерніи. (Тамъ же, №№ 72 — 75.)

Отвѣтъ Гродненскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ на замѣтку ихъ въ 13-мъ № «Виленскаго Вѣстника». (Тамъ же.)

Памятники старины Витебской губерніи съ рисунками и археологической картой. («Памятная книжка Витебской губерніи» на 1867 годъ.)

О ярмаркахъ и кирмашахъ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Историческія свѣдѣнія о Витебскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ. («Витебскія Губернскія Вѣдомости» на 1867 годъ.)

По поводу продажи ловленной сѣтьми дичи. (Тамъ же.)

Разныя замѣтки. (Тамъ же, №№ 10, 26, 53.)

Историческія свѣдѣнія о губернскихъ городахъ Виленскаго генералъ-губернаторства. («Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ.»)

Историческая записка о панцырныхъ боярахъ. (Тамъ же.)

Свѣдѣнія о православныхъ братствахъ при церквахъ Виленскаго генералъ-губернаторства. (Тамъ же.)

Свѣдѣнія о пространствѣ Виленскаго генералъ-губернаторства. (Тамъ же.)

Статистическія данныя объ имѣніяхъ, назначенныхъ въ продажу въ Виленскомъ губернскомъ правленіи въ 1868 году. (Тамъ же.)

Разныя современныя замѣтки. (Витебскія Губернскія Вѣдомости №№ 18, 25, 50, 51, 54, 56, 60, 68, 71, 76, 78, 86.)

Нѣсколько словъ о бывшемъ въ городѣ Невелѣ церковномъ братствѣ и обществѣ церковнаго пѣнія. (Тамъ же.)

О пользѣ введенія въ употребленіе въ пищу народа Витебской губерніи конины. (Тамъ же.)

Статистическія данныя о послѣдствіяхъ войны 1812 года для Полотска. («Витебскія Губернскія Вѣдомости», 1868, № 86.)

Друскеники — съ ихъ минеральными водами. Памятная книжка Витебскаго генералъ-губернаторства. Составилъ Н. М. Сементовскій. Витебскъ. 1868.

Замѣтка о скотоводствѣ въ Витебской губерніи. («Вѣстникъ Россійскаго Общества покровительства животнымъ», 1868, № 24.)

О мѣрахъ и вѣсахъ, употребляемыхъ въ Витебской губерніи. Витебскъ. 1874.

Экономическое положеніе Витебской губерніи. («Русское Богатство», 1876, № 7.)

Объ открытіи въ Витебскѣ Общества Сельскихъ Хозяевъ. (Тамъ же.)

Первый сборъ лошадей для войскъ изъ Витебскаго уѣзда. (Тамъ же.)

Избіеніе лошадей въ Витебской и Минской губерніяхъ. (Тамъ же, № 1.)

О количествѣ потребляемой въ городѣ Полоцкѣ мясной пищи, статистическое изслѣдованіе. («Витебскія Губернскія Вѣдомости» на 1869 годъ.)

Современныя замѣтки и наблюденія. (Тамъ же.)

Заведенія искуственныхъ минеральныхъ водъ въ Витебскѣ. (Тамъ же.)

Художественно-археологическая выставка 1871 года въ г. Витебскѣ, съ фотографическими снимками выставленныхъ предметовъ и видами выставки. Витебскъ. 1871.

О движеніи народонаселенія по Витебской губерніи за 1870 годъ. («Витебскія Губернскія Вѣдомости», 1872, №№ 26 и 30.)

Этнографическій обзоръ Витебской губерніи А. Сементовскаго. Спб. 1872.

Малорусскія загадки. А. М. Сементовскаго. Спб. 1872.

Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года. А. М. Сементовскаго. Спб. 1872.

Почаевская Лавра. Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда. Спб. 1872. Первыя двѣ главы этого сочиненія были напечатаны въ «Всемірномъ Трудѣ» (1872, № 2, стр. 211.)

Гидрографическій обзоръ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Обзоръ сухопутныхъ сообщеній Витебской губерніи, съ 3-мя приложеніями. (Тамъ же.)

Этнографическій обзоръ Витебской губерніи съ картой и рисунками народныхъ типовъ. (Тамъ же.)

Торговая и фабричная промышленности въ Витебской губерніи. (Витебскія Губернскія Вѣдомости», 1872, №№ 7, 8 и 9.)

Урожай хлѣбовъ и огородныхъ овощей въ Витебской губерніи въ 1875 году. («Листокъ Сельскихъ Хозяевъ», 1875, № 21.)

Воспоминанія объ А. Н. Муравьевѣ. («Древняя и Новая Россія», 1877, т. I, № 4, стр. 76.)

Краткая лѣтопись событій, вліявшихъ на судьбу Витебской губерніи. (Памятная книжка Витебской губерніи, на 1878 г.)

Полоцкъ, историко-статистическій очеркъ. (Тамъ же.)

Полоцкая Софійская церковь. (Тамъ же.)

Свѣдѣнія о пространствѣ Витебской губерніи. (Тамъ же.)

Озера и торговля рыбой въ Витебской губерніи, съ 5-ю приложеніями. (Тамъ же.)

Эксплоатація желѣзныхъ дорогъ Динабурго-Витебской и Риго-Динабургской въ 1874 году. (Тамъ же.)

Убытки населенія Витебской губерніи отъ волковъ и къ вопросу о способахъ истребленія ихъ. (Тамъ же.)

Свѣдѣнія о числѣ молодыхъ людей, призывавшихся къ исполненію воинской повинности въ 1874, 5 и 6 годахъ по Витебской губерніи, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. (Тамъ же.)

Перепись лошадей Витебской губерніи въ 1876 году для исполненія населеніемъ военно-конской повинности. (Тамъ же.)

Исторія города Каменецъ-Подольска. («Сборникъ свѣдѣній о Подольской губерніи», 1880, выпускъ 1-й.)

Корреспонденціи изъ городовъ: Витебска, Полоцка, Дриссы и мѣстечкѣ Креславки. («Россія», 1880, №№ 2, 5, 7, 9, 12, 15, 20, 26, 29, 38, 39, 54, 57, 61.)

Лёгкій статистическій очеркъ природы и населенія Витебской губерніи. («Памятная книжка Витебской губерніи на 1881 г.».)

Кромѣ исчисленныхъ въ этомъ спискѣ статей и сочиненій, А. М. Сементовскій составилъ и редактировалъ восемь томовъ Памятныхъ книжекъ Витебской губерніи на 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1869, 1878 и 1881 годы, Памятную книжку Виленскаго генералъ-губернаторства и Адресъ-календарь на 1868 годъ и Сборникъ въ память

перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года. Вся оффиціальная часть этихъ изданій, а равно вся статистическая, помѣщённая въ нихъ въ видѣ матеріала, составлена А. М. Сементовскимъ.

Независимо того, его же перу принадлежатъ всѣ протоколы Витебскаго губернскаго статистическаго комитета, послѣднихъ 17-и лѣтъ. Протоколы эти, въ своё время, были напечатаны въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, откуда перепечатывались вполнѣ или въ извлеченіяхъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», «Сѣверной Почтѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ» и другихъ газетахъ. А. М. Сементовскій помѣщалъ такъ же, хотя изрѣдка, свои корреспонденціи и мелкія статьи въ журналахъ: «Живописное Обозрѣніе», «Промышленность», «Древности» и газетахъ «Биржевыя Вѣдомости» и «Русскій Курьеръ».

XXVII.

К. М. Сементовскій.

Ещё вотъ какъ думаютъ областяне. («Маякъ», 1842, т. VI, № 12, отд. III, стр. 116.) Подписано: Константинъ Калойденскій.

Очеркъ малороссійскихъ повѣрій и обычаевъ, относящихся къ праздникамъ. («Молодикъ», 1843, ч. II, стр. 86.)

Гаданіе. Народная малороссійская сказка. («Маякъ», 1843, т. IX, № 17, отд. V, стр. 38.)

Замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ. (Тамъ же, т. XI, № 22, отд. III, стр. 1.) Къ ней слѣдуютъ «Дополненія и Замѣчанія» И. И. Срезневскаго, Н. И. Костомарова и А. Л. Метлинскаго (стр. 45—74).

Разборъ трагедіи Іеронима Галки: «Переяславска Ничь». (Тамъ же, т. XII, № 22, стр. 42.)

Г. Ѳ. Квитка. («Москвитянинъ», 1843, ч. V, № 10, стр. 41.)

Разборъ сочиненія Костомарова: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». («Маякъ», 1844, т. XV, № 30, отд. IV, стр. 31.)

Отвѣтъ даурскому корреспонденту «Сѣверной Пчелы». («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1858, № 213.)

Письмо къ редактору управляющаго Амурскою компаніею. («Журналъ для Акціонеровъ», 1858, №№ 103 и 104.)

По вопросу о Южной желѣзной дорогѣ. («Биржевыя Вѣдомости», 1864, № 335.)

Туруханскій графитъ. (Тамъ же, 1865, № 9.)

Нѣсколько словъ объ Азовской желѣзной дорогѣ. (Тамъ же, № 36.)

XXVIII.

Н. М. Сементовскій.

Андроникъ. Повѣсть. («Дѣтскій Журналъ», 1838.)

Губернскій чиновникъ. Повѣсть. («Литературная Газета», 1843, № 47, стр. 825.)

О малороссійской демонологіи. («Москвитянинъ», 1843.)

Нищій. Быль. («Маякъ», 1843, т. IX, № 17, отд. II, стр. 1.)

Харьковскій театръ. Статья. («Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, т. I, № 2, стр. 155.)

Лизанька. Повѣсть. («Маякъ», 1845, т. XX, отд. I, стр. 91.)

Ещё видѣніе покойниковъ. Письмо къ издателю. (Тамъ же, т. XXII, отд. I, стр. 55.)

Мазепа. Историческая повѣсть въ трёхъ частяхъ. (Тамъ же, т. XXIII и XXIV, отд. I, стр. 1—168 и 1—91.) Романъ этотъ отпечатанъ также и отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Кочубей, генеральный судья. Историческая повѣсть. Николая Сементовскаго. Спб. 1845.

Вѣра Михайловна. Разсказъ. («Иллюстрація», 1846, т. II, № 3, стр. 33.)

Соборная церковь въ Полтавѣ. (Тамъ же, № 13, стр. 199.)

Путешествіе по всей Россіи. Очерки Малороссіи. I. Полтава. Двѣ статьи. (Тамъ же, №№ 20 и 21, стр. 307 и 223.)

Старина малороссійская, запорожская и донская. Четыре статьи. (Тамъ же, т. III, №№ 34, 35, 36 и 37, стр. 531, 547, 563 и 581.) Отпечатана также и отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Старина малороссійская, запорожская и донская. Николая Сементовскаго. Спб. 1846. Изданіе украшено сорока политипажами.

Харьковъ. («Иллюстрація», 1846, т. III, № 46, стр. 723.)

Библіографія. Три статьи. (Тамъ же, №№ 47, 48 и 49, стр. 739, 768 и 783.)

Таврида. Пять статей. («Иллюстрація», 1847, т. IV, №№ 2, 3, 4, 5 и 6, стр. 20, 38, 49, 65 и 81.) Отпечатана также отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Путешественникъ. Южный берегъ Крыма. Н. Сементовскаго. Спб. 1847.

Квесторка. Быль. («Иллюстрація», 1847, т. V, №№ 45 и 46, стр. 321 и 337.)

Ираклійскій полуостровъ. («Сѣверная Пчела», 1847, № 84, стр. 335.)

Коренная пустынь. («Иллюстрація», 1848, т. VI, № 21, стр. 326.)

Баронесса Флогсбергъ. Романъ въ трёхъ частяхъ. («Пантеонъ», 1848, т. II, № 4, отд. II, стр. 53; т. III, № 5, отд. II, стр. 1 и № 6, стр. 27.)

Золотая грамата. Отрывокъ изъ историческаго романа. («Иллюстрація», 1849, т. VIII, №№ 1 и 2, стр. 1 и 17.)

Потёмкинъ, какъ казакъ войска запорожскаго. Николая Сементовскаго. Двѣ части. Спб. 1851.

Кіевъ и его достопримѣчательности. Сочиненіе члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго и члена-корреспондента Археологическо-Нумизматическаго Обществъ Николая Сементовскаго. Кіевъ. 1852.

Выставка сельскихъ произведеній, фабричныхъ и ремесленныхъ издѣлій въ городѣ Кіевѣ въ 1852 году. («Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ», 1853, ч. XLVI, №№ 2 и 3, стр. 119 и 245.)

Снятіе верхняго слоя земли на старомъ Кіевѣ. («Сѣверная Пчела», 1854, № 24.)

Первый и единственный по святости для турокъ фирманъ Магомета. (Тамъ же, № 71.)

Поѣздка на Пустынно-Николаевскій островъ. («Кіевскія Губернскія. Вѣдомости», 1856, № 30.)

Фрески Кіево-Софійскаго собора, изображающія велико-княжескую охоту. («Московскія Вѣдомости», 1856, литературный отдѣлъ, № 124.)

Нѣсколько словъ по поводу учреждённой въ Кіевѣ лѣтней ярмаркѣ. («Московскія Вѣдомости», 1856, № 91.)

Запорожская рукопись, указывающая, въ какихъ именно мѣстахъ и какіе сокрыты клады гайдамаками и мѣстными жителями. Издана членомъ Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ Николаемъ Сементовскимъ. Кіевъ. 1857.

Кіевскіе контракты. («Сынъ Отечества», 1857, № 8, стр. 171.)

Вѣсти изъ Кіева. (Тамъ же, № 18, стр. 405.)

Корреспонденція «Сына Отечества». (Тамъ же, № 46, стр. 1110.)

Письмо изъ губерніи къ редактору «Сѣверной Пчелы». («Сѣверная Пчела», 1857, № 124.)

Сказаніе о ловахъ Великихъ Князей Кіевскихъ. («Русская Живописная Библіотека», 1857, №№ 12, 13 и 14, стр. 89, 97 и 106.)

Галлерея Кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей. Изданіе Н. Сементовскаго и А. Гаммершмида. 12 тетрадей. Кіевъ. 1857.

Церковь Десятинная Рождества Пресвятыя Богородицы. Сочиненіе члена Императорскихъ русскихъ обществъ Географическаго и Археологическаго Н. Сементовскаго. Кіевъ. 1857.

Провинціальныя извѣстія. Кіевъ, 10 февраля. («Сѣверная Пчела», 1858, № 48, стр. 228.)

Нѣсколько словъ объ оружіи, музыкальныхъ инструментахъ и одеждахъ древнихъ кіевлянъ. («Живописная Русская Библіотека», 1858, т. III, № 39, стр, 307.)

Письмо въ редакцію «Сына Отечества». («Сынъ Отечества», 1858, № 20, стр. 572.)

Корреспонденція. (Тамъ же, № 49, стр. 1486.)

Галлерея Кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей. Издатель и редакторъ Н. Сементовскій. 12 тетрадей. Кіевъ. 1858.

Кіевъ. («Сынъ Отечества», 1859, № 7, стр. 166.)

Письмо изъ Кіева. («Русскій Дневникъ», 1859, № 22.)

Кіевское кресто-рѣзное ремесло. (Тамъ же, № 95.)

Нѣсколько словъ по поводу статьи «Замѣтка о свеклопромышленности въ Россіи». («Одесскій Вѣстникъ», 1860, № 22.)

Замѣтки о женскихъ пансіонахъ. (Тамъ же, № 127.)

Кресто-иконное ремесло въ Кіевѣ. («Труды Вольно-Экономическаго Общества», 1860, т. I, стр. 75.)

Фрески XII вѣка, открытые въ Кіевской Кирилловской обители. («Сѣверная Пчела», 1860, № 204.)

Жизнь Святой Великомученицы Варвары и повѣсть о ея святыхъ мощахъ. Н. Сементовскаго. Кіевъ. 1860.

Пустыня Феофанія. («Кіевскій Телеграфъ», 1864, № 92.)

Кіевскія пещеры и Кіево-Печерская лавра. Н. Сементовскаго. Кіевъ. 1864.

Кіевъ и его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1864.

Тоже. Изданіе третье. Кіевъ. 1868.

Тоже. Изданіе четвёртое. Кіевъ. 1871.

Тоже. Изданіе пятое 1876.

Церковь Спаса на Берестовѣ, въ Кіевѣ. («Кіевлянинъ», 1866, № 87.)

Тоже. («Кіевскій Телеграфъ», 1867, № 89.)

Что дѣйствительно осталось отъ церкви Спаса на Берестовѣ, созданной святымъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. (Тамъ же, №№ 1, 2, 3, 4, 12 и 15.)

Паровозъ, литературная и политическая газета, издаваемая въ Кіевѣ съ 1869 года по три раза въ недѣлю Н. Сементовскимъ.

Древнѣйшая въ Россіи церковь Спаса на Берестовѣ, построенная святымъ Владиміромъ въ Кіевѣ. Н. Сементовскаго. Кіевъ. 1870.

Исторія введенія въ Кіевѣ взаимнаго страхованія имуществъ. («Кіевскій Листокъ объявленій», 1874, № 10.)

Плащаница XVI вѣка въ Переяславлѣ. («Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества», т. VIII, выпускъ I.)

Повѣренные и довѣрители, защитники и обвинители. Н. М. Сементовскаго. Кіевъ. 1876.

XXIX.

П. И. Собко.

Извлеченіе изъ первой и второй публичныхъ лекцій трансцендентнаго анализа, читанныхъ академикомъ Остроградскимъ. («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій», 1841, т. II, кн. 1 и 2, стр. 30 и 92; вмѣстѣ съ Агамоновымъ.)

Тоже — отдѣльно. Спб. 1841. 8⁰. 25 стр.

Чугунный судоходный мостъ. *Переводъ съ французскаго.* (Тамъ же, 1843, кн. 1, стр. 195.)

Морской клей. (Тамъ же, 1845, т. II, № 4, стр. 21.)

Проэктъ висячаго моста черезъ Неву въ С.-Петербургѣ. (Тамъ же, 1846, т. III, № 2, стр. 55.)

Тоже — отдѣльно. Спб. 1846. 8⁰. 59 стр.

Пародѣйствующій механизмъ для забивки свай, ковки желѣза и тески камней. (Тамъ же, № 3, стр. 146.)

Механическая формовка гончарныхъ водопроводныхъ трубъ, кирпича, черепицы, изразцовъ и другихъ глиняныхъ издѣлій. (Тамъ же, 1847, т. V, № 3, стр. 107.)

The Engineer's pocket-book, for the years 1847 and 1848. London 1847. *Разборъ.* (Тамъ же, стр. 142.)

Историческій взглядъ на гидротехническія сооруженія въ Нидерландахъ. (Тамъ же, т. VI, № 5 и 6, стр. 59 и 123, и 1848, т. VII, № 1, стр. 1.)

Новые опыты надъ сопротивленіемъ воздуха при движеніи поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ. (Тамъ же, 1848, т. VII, № 3, стр. 135.)

A catechism of the steam engine. By John Bourne. London 1847. *Разборъ.* (Тамъ же, стр. 168.)

Подъемные мосты. (Тамъ же, т. VIII, № 4, стр. 1.)

Новыя изслѣдованія трубки Пито. (Тамъ же, стр. 70.)

Règles pratiques sur l'art de conduire les machines locomotives, par M. Chevalier. Paris 1847. *Разборъ.* (Тамъ же, № 5, стр. 138.)

Изслѣдованіе расходовъ по движенію на желѣзныхъ дорогахъ. (Тамъ же, № 6, стр. 188.)

Relation des expériences entreprises pour déterminer les principales lois physiques et les données numériques qui entrent dans le calcul des machines à vapeur. Par M. Regnault. Paris 1847. *Разборъ.* (Тамъ же, стр. 217).

The Assistant Engineers Railway Guide. By Davis Haskoll. London 1848, и Railway Practice. By S. C. Brees. London 1847. *Разборъ.* (Тамъ же, 1849, т. X, № 4, стр. 49.)

Фашинные тюфяки, употребленные при устройствѣ висячаго моста на Днѣпрѣ въ Кіевѣ. Статья Кирхенпауера. *Переводъ.* (Тамъ же, № 6, стр. 157.)

Программа механики для II спеціальнаго курса военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1849. 8⁰. (Вмѣстѣ съ Остроградскимъ.)

Чертежи курса построеній. Основанія каменныхъ зданій. Мосты. Спб. 1849. 36 листовъ.

Теорія сопротивленія строительныхъ матеріаловъ. («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій», 1850, т. XI, № 1 и 2, стр. 27 и 73.)

Тоже — отдѣльно. Спб. 1851. 8⁰. 32 стр.

Трубчатые мосты Конуэйскій и Британскій на Честеръ-Голигедской желѣзной дорогѣ, въ Англіи. (Тамъ же, т. XII, № 5, стр. 85.)

Изслѣдованіе вопроса объ употребленіи желѣза въ сооруженіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ. (Тамъ же, 1851, т. XIII, № 1, стр. 10.)

Устройство дока въ Грэтъ-Гримсби. — Пародѣйствующій коперъ Насмидса. (Тамъ же, т. XIV, № 4, стр. 1.)

Винтовыя сваи и якоря. (Тамъ же, № 6, стр. 141.)

Гидравлическій растворъ, употребляемый при работахъ канала Сайма. (Тамъ же, стр. 174.)

Примѣч. Статья эта составлена г. Собко, вмѣстѣ съ г. Сулимою, по замѣткамъ, собраннымъ ими въ теченіе каникулярнаго времени 1850 года, при осмотрѣ разныхъ русскихъ сооруженій и работъ.

The theory, formation and construction of british and foreign harbours. By Sir John Rennie. 2 vol. London 1852. — A treatise on slide-rule, with description of Lalanne's glass slide-rule. By W. Elliot. London 1852. — The machinery of the neneteenh century. By D. G. Dempsey. London 1852. *Разборъ.* (Тамъ же, 1852, т. XVI, № 4, стр. 42.)

Предѣлъ безопаснаго существованія висячихъ мостовъ на проволочныхъ канатахъ. — Новый способъ передавать вращательное движеніе одного вала къ другому безъ помощи зубчатыхъ колесъ. — Мостъ, соединяющій въ себѣ систему висячую съ трубчатою. — Опыты надъ сопротивленіемъ различныхъ цементовъ. — Опыты надъ степенью водопоглощаемости дерева. (Тамъ же, стр. 44; вмѣстѣ съ Соболевскимъ.)

General theory of bridge construction. By H. Haupt. New-Iork 1851. *Разборъ.* (Тамъ же, 1853, т. XVII, № 3, стр. 118.)

Устойчивость деревянныхъ и металлическихъ мостовъ арочной системы. Разборъ системы Кулибина. (Тамъ же, т. XVIII, № 5, стр. 77.)

Leçons de mécanique pratique, par A. Morin. Paris 1846-53. *Разборъ.* (Тамъ же, стр. 140.)

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, физикѣ, геодезіи, строительному искусству и практической механикѣ. Часть I. Чистый математическій анализъ. Общая Геометрія. Общая Механика. Физика. Спб. 1854. 16⁰. (Вмѣстѣ съ В. Глуховымъ и Ѳ. Сулимой.)

Тоже. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1872.

Формулы для разсчета зубчатыхъ колесъ цилиндрическихъ. Формулы и Примѣръ для разсчета колеса Понсле. (Спб. 1854.) На 3 табл.

Considérations théoriques au point de vue de l'application sur l'établissement des ponts, par A. Boudsot. Paris 1853. *Разборъ.* («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій», 1854, т. XX, № 4, стр. 49.)

Recherches sur les rails et leurs support, par E. Locard. Paris 1854. *Разборъ.* (Тамъ же, № 6, стр. 219.)

Railway Machinery. A treatise on the mechanical engineering of railways, by D. K. Clark. Glasgow. *Разборъ.* (Тамъ же, 1855, т. XXII, № 4, стр. 36.)

The steam engine for practical men; by James Hann, Placido and Justo Genner. London 1855. *Разборъ.* (Тамъ же, № 5, стр. 138.)

Die Technik des Eisenbahnbetriebes in Bezug auf die Sicherheit desselben. Von Weber. Leipzig 1854. (Тамъ же, № 6, стр. 239.)

Traité élémentaire des chemins de fer, par A. Perdonnet. 2 vol. Paris 1855. *Разборъ.* (Тамъ же, 1856, XXIII, № 1, стр. 73.)

Sur l'établissement des arches de pont envisagé au point de vue de la plus grande stabilité, par Ivon Villarceau. Paris 1854. *Разборъ.* (Тамъ же, т. XXIV, № 5, стр. 299.)

Курсъ строительнаго искусства. I. Сопротивленіе матеріаловъ и II. Главныя части сооруженій. 1857. (Литографированныя записки для воспитанниковъ Горнаго Института.)

Записки строительнаго искусства. Сопротивленіе матеріаловъ и Устойчивость главныхъ частей сооруженій. 1856—57. (Литографированныя записки для воспитанниковъ Института Путей Сообщенія.)

Записки съ лекцій строительнаго искусства. Сухопутныя сообщенія. Мосты. 1857—58. (Литографированныя записки для воспитанниковъ II спеціальнаго класса.)

Тоже, 1861 г.

Тоже, 1862 г.

Дороги. (1857—58.)

Тоже. 1860—61. Издали А. Прелинъ и В. Залеманъ.

Тоже. (1861—62.) Изданіе В. Ж....а.

О сообщеніяхъ вообще. Желѣзныя дороги. (1856—57.) (Литографированныя записки для воспитанниковъ III спеціальнаго класса.)

Тоже, 1861 г.

Тоже. Изданіе А. Прелина 1862 г.

Annales des conducteurs des ponts et chaussées. Paris 1857. *Разборъ.* («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій» 1858, т. XXVII, № 2, стр. 207.)

Traité théorique et pratique de la construction des pont métalliques, par Molinos et Pronier. Paris 1857. *Разборъ.* (Тамъ же, № 3, стр. 345.)

Результаты опытовъ надъ механическимъ сопротивленіемъ камней, которые предполагается употребить въ Севастополѣ при сооруженіи памятниковъ адмираламъ. (Тамъ же, т. XXVIII, № 5, стр. 234.)

Нѣсколько словъ о компаніи русской лѣсной торговли. («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1858, № 72, стр. 411.)

Тоже — отдѣльно. Спб. 1858. 8⁰. 4 стр.

Замѣтка на статьи г. инженера Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ, помѣщенныя въ «Journal de St. Pétersbourg.» (Тамъ же, 1860, № 106, стр. 543.)

Тоже — отдѣльно. Спб. 1860. 8⁰. 14 стр.

Одессо-Кіево-Курская желѣзная дорога. Инструкція для производства полевыхъ работъ, относящихся къ опредѣленію вида поверхности земли и рода верхняго слоя, для составленія предварительнаго проекта. Спб. 1859. 8⁰.

Тоже. Положенія о техникахъ, производящихъ изысканія, для составленія предварительнаго проекта. Спб. 1859. 8⁰.

О необходимости описанія замѣчательныхъ работъ, исполненныхъ въ Россіи. («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій», 1861, т. XXXIV, № 4, смѣсь, стр. 95.)

Программа данныхъ, относящихся къ опредѣленію отверзтій трубъ и небольшихъ мостовъ. (Тамъ же, стр. 111.)

Гельсингфорсо-Тавасгусская дорога. (Тамъ же, т. XXXV, № 5, смѣсь, стр. 1.)

Compagnie des chemins de fer de Paris à Lyon et à la Mediterranée. Ligne de Bourbonnais. Recueil des documents relatifs au matériel roulant. Paris 1859. *Разборъ*. (Тамъ же, № 6, библіографія, стр. 45.)

О препятствіяхъ къ движенію на иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ отъ снѣжныхъ заносовъ. («Записки Русскаго Техническаго Общества» 1868, № 6, стр. 357.)

Бетонъ Коанье, привилегированный во Франціи, Россіи, Англіи, Италіи и другихъ странахъ. Спб. 1868. 12⁰.

XXX.

В. В. Тарновскій.

Юридическій бытъ Малороссіи. («Юридическія Записки», 1842, т. II, стр. 30.)

О дѣлимости семействъ въ Малороссіи. Статья дѣйствительнаго члена Коммиссіи В. В. Тарновскаго. («Труды Коммиссіи Высочайше учреждённой при Университетѣ Св. Владиміра», 1853, т. II, стр. 1.)

Программа для подробнаго описанія имѣнія въ хозяйственномъ отношеніи, составленная, по порученію коммиссіи, Высочайше учреждённой при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра, дѣйствительными членами В. В. Тарновскимъ и С. М. Ходецкимъ. (Тамъ же, 1855, т. III, отд. III, стр. 1.)

Письмо изъ Кіева, отъ 3-го января 1858 года. («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1858, № 23, стр. 123.)

О вознагражденіи владѣльца за землю, предоставляемую въ пользованіе крестьянамъ. («Сельское Благоустройство», 1858, № 5, отд. I, стр. 135.)

Объ основаніяхъ для опредѣленія цѣнности земель. («Юридическія Записки», 1859, т. III, стр. 78.)

XXXI.

К. Е. Троцина.

Историческое развитіе судоустройства въ Россіи отъ времёнъ великаго князя Іоанна III до нашихъ дней. Разсужденіе студента Лицея Князя Безбородко Константина Троцины, написанное на тему, предложенную Совѣтомъ того Лицея и удостоенное награжденія золотою медалью. Кіевъ. 1847.

Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. Сочиненіе Константина Троцины. Спб. 1851.

О повинности крестьянъ за надѣлённую имъ землю. («Сельское Благоустройство», на 1850 годъ.)

О крестьянскомъ поземельномъ надѣлѣ. («Сельское Благоустройство», 1858, № 11, отд. I, стр. 167.) Здѣсь же, въ выноскѣ, помѣщено письмо автора къ издателю.

Николай Христіановичъ Бунге. Біографія. («Лицей князя Безбородко», 1858, отд. I, стр. 93.)

Иванъ Васильевичъ Лашнюковъ. Біографія. (Тамъ же, стр. 119.)

Николай Васильевичъ Гербель. Біографія. (Тамъ же, отд. II, стр. 21.)

Замѣтки о состояніи винокуренія въ Малороссіи. («Биржевыя Вѣдомости», 1863, № 39.)

XXXII.

Т. С. Тупица.

О цѣли жизни человѣческой, по ученію древнихъ греческихъ философовъ. («Прибавленія къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1844, кн. I, отд. IV, стр. 8.)

1881. **Н. Гербель.**

ШУТОЧНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ
НѢЖИНСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

I.

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНІЕ ГОГОЛЯ [1]).

Да здравствуетъ нѣжинская бурса,
Севрюгинъ [2]), Билевичъ [3]) и Урсо [4]),

---

[1]) Это шуточное посланіе изъ Парижа къ петербургскимъ пріятелямъ, написанное нарочно безъ мѣры и соблюденія какихъ либо стихотворныхъ правилъ, было найдено при разборѣ бумагъ покойнаго Н. Я. Прокоповича, друга Гоголя, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Неоконченные стихи Гоголя и Данилевскаго, присланныя изъ Парижа». Они были вложены въ письмо А. С. Данилевскаго къ Прокоповичу, помѣченное пятымъ декабрёмъ 1836 года и полученное Прокоповичемъ въ Петербургѣ три недѣли спустя. Кстати помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ названнаго письма, какъ имѣющій связь съ приводимымъ посланьемъ и разсказывающимъ исторію его сочиненія. Вотъ онъ: «Вчера, едва мы — *я* и Гоголь — сѣли за чайный столикъ, какъ явился нашъ portier — человѣкъ весьма интересный: отставной воинъ и карлистъ — и положилъ письмо на столъ съ надписью на моё имя. Окончивъ чай и закуривъ сигару, я расположился въ креслѣ, а Гоголь сталъ позади меня. Распечатавъ письмо, я вытащилъ во первыхъ твои каракулы, а потомъ листокъ съ красивымъ почеркомъ Ивана Григорьевича (Пащенко). Да, мой милый Николай, ты нехотя, предаваясь воспоминаніямъ, написалъ нѣчто въ родѣ элегіи, глубокой, траурной элегіи въ прозѣ, нѣчто имѣющее для меня образъ осенняго, жолтаго листа, изъ котораго, будь я поэтъ, выкроилъ бы двадцать элегій по формѣ. Ты же, Иванъ Григорьевичъ, написалъ не элегію — скорѣй что-то въ родѣ куплетовъ, по-крайней-мѣрѣ письмо твоё навело насъ на куплеты ещё весьма не оконченные, плохіе покамѣстъ, но обѣщающіе впереди много. Вотъ ихъ начало! (Слѣдуютъ стихи.) Можетъ-быть мы продолжали бы куплеты ещё и далѣе, но сегодня пріѣхалъ Симоновскій — и вдохновеніе, какъ робкая птица, улетѣло.»

[2]) Учитель музыки и танцованья въ Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Безбородко въ бытность въ ней Гоголя.

[3]) Старшій профессоръ въ томъ же заведеніи и въ то же время.

[4]) Учитель фехтованья тамъ же.

Студенты перваго курса
И прочіе курсы всѣ также!
Безъ нихъ обойтиться какъ же?

Не всѣ они теперь въ Петербургѣ:
Въ каретѣ въ Стамбулъ уѣхалъ одинъ [5]), другой въ Оренбургѣ [6]),
А тѣ же, что прочихъ здоровьемъ пожиже,
Всё лѣто водами лечились, а зиму проводятъ въ Парижѣ [7]).

Женились одни и въ сладкомъ дремлятъ покоѣ [8]);
Учители въ корпусѣ двое [9]);
Извѣстный лгунишка бумаги въ Юстиціи пишетъ [10]) —
Чортъ его колышетъ.

Артистовъ [11]), поэтовъ [12]) межъ нихъ есть довольно:
Читаешь — сердцу становится больно!
А тѣ, что въ гусарахъ [13]), не храбраго люди десятку,
Коней объѣзжаютъ въ манежѣ, гнутъ короля и десятку.

1837. Н. Гоголь.

---

[5]) Константинъ Михайловичъ Базили — нашъ извѣстный дипломатъ, бывшій въ 1853 и 1854 годахъ полномочнымъ коммисаромъ въ соединённыхъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи и авторъ цѣлаго ряда сочиненій о Востокѣ.

[6]) Иванъ Степановичъ Шапошниковъ, служившій тогда въ Оренбургѣ.

[7]) Сами сочинители посланія.

[8]) Сергѣй Григорьевичъ и Левъ Григорьевичъ Милорадовичи, женившіеся около того времени.

[9]) Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и братъ его Василій Яковлевичъ, умершіе — первый 1-го іюня 1857 года, а второй 11-го ноября 1840 года.

[10]) Покойный Иванъ Григорьевичъ Пащенко, въ честь котораго и было написано помѣщённое здѣсь стихотвореніе.

[11]) Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій—Академикъ Императорской Академіи Художествъ.

[12]) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, Николай Яковлевичъ Прокоповичъ, Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ и другіе.

[13]) Николай Ѳёдоровичъ Романовичъ, Ѳёдоръ Корниловичъ Бороздинъ, Пётръ Александровичъ Барановъ и другіе.

II.

O TEMPORA! O MORES!

ПОЭМА.

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей:
На уголовные въ Лицей
Толпа студентовъ собиралась.
Что за смѣшеніе штановъ,
Племёнъ, воззрѣній и жилетовъ!
Изъ трёхъ губернскихъ городовъ
И тридцати шести повѣтовъ
Они стеклись подъ мирный кровъ
Лицея князя Безбородки,
Чтобъ, не жалѣя силъ и глотки,
Зубрить законы прежнихъ лѣтъ.
И ежегодно имъ во слѣдъ
Толпы любителей закона
Съ бреговъ Днѣпра, Десны и Дона
И изъ херсонскихъ пустырей
Сюда стекаются въ Лицей.

Межь ними есть и бессарабцы,
И холостые, и вдовцы,
Жиды, хлысты, старообрядцы,
Гермафродиты и скопцы.
И это странное смѣшенье
Мнѣ захотѣлось описать!
И такъ, богиня пѣснопѣнья,
Я твой — зову тебя опять!

Сынъ [1]) Малороссіи счастливой,
Потомокъ дюжихъ козаковъ
Глядѣлъ съ усмѣшкой горделивой
На худощавыхъ поляковъ.
Взглянулъ — и въ думу погрузился,
Склонясь могучей головой
И необузданной мечтой
Въ сѣдую древность погрузился,
Въ вѣка минувшіе, въ тотъ вѣкъ,
Когда былъ силенъ человѣкъ,
Когда лишь мужество и сила
На свѣтѣ были почтены
И въ грозномъ обликѣ Ахилла
Являлся пламенникъ войны.
И онъ въ упрёкахъ разразился:
«Увы, зачѣмъ я не родился
Въ тѣ золотыя времена,
Когда дрался на аренахъ,
Когда упругость въ нашихъ членахъ
Была уму предпочтена
И безпощадно, безъ огласки
Кулакъ сворачивалъ салазки!
Съ какой бы радостью вошолъ
Я въ необъятную арену!
И вотъ я выступилъ на сцену,
Глазами публику обвёлъ —
И сталъ съ улыбкой горделивой,
Съ высоко-поднятымъ челомъ.
Меня обмазали оливой,
Меня осыпали пескомъ;
Въ моихъ рукахъ блеснули цесты;
Завыли трубы и рога —
И я въ честь Рима и невѣсты
Кидаюсь съ воплемъ на врага.
Удары сыплятся, частятся,
Стальныя челюсти дробятся;
Но — шагъ впередъ — ударъ, другой —
И врагъ недвижимъ предо мной.»

И, покосившися очами
На свой поблёкшій вицмундиръ,
Онъ вздёрнулъ мощными плечами,
Какъ трёхъ-аршинный кирасиръ.

---

[1]) Кондратій Игнатьевичъ Щербина.

Друзья, онъ юность удалую
Провёлъ въ селѣ, гдѣ, какъ Ахиллъ,
Своихъ товарищей вчастую
Немилосердно колотилъ.
Когда жь вполнѣ сформировался,
Окрѣпъ душой и кулакомъ,
Съ нимъ вёрстъ на семдесятъ кругомъ
Ни кто тягаться не рѣшался —
Такъ сталъ онъ доблестенъ и такъ
Сталъ мускулистъ его кулакъ.
Но вскорѣ жажда просвѣщенья
Его въ Прилуки увлекла:
Звѣзда вперёдъ его вела —
Ему понравилось ученье.
Пятнадцать лѣтъ учился онъ;
Они промчалися моментомъ
И, постарѣвъ, онъ сталъ студентомъ —
И образованъ, и ученъ.

На третьей лавкѣ — скуки ради —
Зѣвалъ приземистый бурсакъ [1]).
Онъ перелистывалъ тетради,
Но не давалася никакъ
Ему искомая страница,
Затѣмъ-что — видите ль — предъ нимъ,
Передъ мечтателемъ моимъ,
Вставали дружескія лица
Иныхъ товарищей, гдѣ былъ
Онъ принимаемъ за родного
И межь которыми ходилъ
Въ штанахъ широкихъ богослова.
Онъ вспоминалъ о дняхъ былыхъ,
Свои полночные походы
На баштаны и огороды
Своихъ сосѣдей городскихъ;
Какъ онъ за штуки тѣ порою
Платился бѣдною спиною
И какъ однажды въ-семеромъ
Они испили, не вставая,
Ведро простого сивалдая
И закусили баштанòмъ.
А нынѣ вянетъ онъ въ Лицеѣ,
Отъ милой бурсы вдалекѣ

---

[1]) Ѳёдоръ Андреевичъ Брокко.

И за настойку на шалфеѣ
Должаетъ въ ближнемъ кабакѣ.

У печки, ёрзая ногами
О полъ, сквернѣйшій изъ половъ,
Хохолъ [1]) двѣнадцати вершковъ
Кривлялся, сыпалъ остротами,
Смѣялся самъ и всѣхъ смѣшилъ —
И говорилъ, и говорилъ.
Вотъ типъ славянскаго начала,
Вотъ чисто-русскій человѣкъ,
Какихъ теперь мы видимъ мало
Въ эгоистическій нашъ вѣкъ.
Вотъ онъ — безъ дна и безъ покрышки,
Вотъ та разгульная душа,
Въ которой всё на шерамыжку,
Всё — до послѣдняго гроша;
Который сроденъ веселиться,
Когда доволенъ и хмѣлёнъ,
Не прочь наѣсться и напиться
И заднимъ разумомъ силёнъ.

Онъ больше жилъ своей реальной,
Своей тѣлесной стороной,
Чѣмъ жизнью нравственной, моральной,
Чѣмъ жизнью духа, головой.
Онъ не охотникъ былъ до чтенья:
Его познанья и мышленья
Не запятналися въ свой вѣкъ
Ни чѣмъ, какъ первый человѣкъ
До своего грѣхопаденья.
Онъ никогда и ни объ чёмъ
Не думалъ долго, постоянно:
Ему казалось даже странно
Мечтать и дѣйствовать умомъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нёмъ много было
И добрыхъ качествъ и страстей:
Въ нёмъ сердце громче говорило,
Чѣмъ умъ и мелочность идей.
Онъ для товарища и друга
Всегда на жертвы былъ готовъ —
И не боялся трудовъ

---

[1]) Егоръ Александровичъ Шрамченко.

Его надежная услуга.
Онъ за товарища горой
Всегда стоялъ — и шла порой
Въ закладъ послѣдняя рубаха,
Друзьямъ бы только услужить —
И былъ всегда готовъ безъ страха
За нихъ съ трактатомъ Фейербаха
Онъ душу чорту заложить.

Литвинъ [1]) и подданный австрійскій [2])
Вели учоный разговоръ
Или точнѣй пороли вздоръ
На-счётъ торговли финикійскій.
Со дня вступленія въ Лицей
Они сошлись и подружились
И съ той поры до этихъ дней
Ещё ни въ чёмъ не расходились.
Они любили почитать
И — прочитавъ — потолковать;
Обоимъ нравилися пренья —
Спиноза, Фихте и Гобезъ;
Но ихъ не самый интересъ
Влёкъ къ изученью ихъ ученья,
А больше ходъ или процессъ
Ихъ велемудраго мышленья.

Одинъ изъ нихъ когда-то былъ
Лихимъ, отчаяннымъ уланомъ
И часто ночи проводилъ
За опорожненнымъ стаканомъ;
Но какъ-то, гдѣ-то на смотру
Ему пришлось не понутру:
Не дорожа своей утробой,
Онъ, словно сказочный Бова,
Скакалъ — упалъ и ёмкость рва
Измѣрилъ собственной особой.
Тогда, хромая и стеня,
Онъ проклялъ службу и ученья
И до зари того же дня
Просилъ отъ службы увольненья,
Оставилъ полкъ и поступилъ
Въ Лицей, прибѣжище талантовъ

---

[1]) Алексѣй Николаевичъ Литвиновъ.
[2]) Иванъ Ивановичъ Шкода, родомъ чехъ.

И тамъ себя закабалилъ
Межь книгъ, тетрадей и фольянтовъ.

Другой — отъ самыхъ юныхъ дней
Артистъ съ возвышенной душою —
Гонимый злобною судьбою,
Прошолъ всѣ степени страстей.
Онъ изъ Германіи счастливой
Пріѣхалъ съ мыслью горделивой
По всей Россіи прогремѣть,
Затьмить весь свѣтъ своею славой —
И чтобъ межь Рыльскомъ и Полтавой
Всякъ могъ его уразумѣть.
Онъ думалъ сдѣлаться артистомъ,
Но годы быстро протекли —
И нашъ артистъ сталъ лицеистомъ,
Чтобъ быть посредственнымъ юристомъ
Для благъ чужой ему земли.
Ему отъ самой колыбели
Удачи не было ни въ чёмъ:
Коня ли купитъ — что жь? — на нёмъ
Онъ не проѣздитъ и недѣли;
Возьмётъ ли въ лавочкѣ духи,
Обзаведётся ли помадой —
Увидишь каждый разъ съ досадой,
Что онъ, какъ будто за грѣхи,
Всегда накупитъ чепухи.
Сошьётъ ли новую жилетку,
Сюртукъ ли сдѣлаютъ ему —
Портной на всёмъ оставитъ мѣтку
Непостижимую уму:
Прижжётъ, засалитъ, не разгладитъ,
Вездѣ обузитъ, искоситъ
И до того всё перегадитъ,
Что нѣтъ возможности носить.
И самой странной неудачей
Онъ неудачи заключилъ:
Онъ шкуръ медвѣжьихъ накупилъ,
Но, вмѣсто шкуры настоящей,
Его поддѣльною, собачей
Мѣхоторговецъ надѣлилъ.

Теперь въ Лицей онъ регулярно
Съ тетрадью ходитъ подъ рукой
На репетиціи порой
И говоритъ высокопарно;
Въ восторгѣ отъ «Gazette de France»,

Бранитъ весь свѣтъ и всё на свѣтѣ,
Играетъ плохо въ преферансъ
И ходитъ въ бархатномъ жилетѣ.

Два безтѣлесныхъ поляка [1]) —
Таки рѣшительно безтѣлыхъ,
Сухихъ и точно пригорѣлыхъ,
Какъ два кончёныхъ языка —
Вели бесѣду про болота,
Про тò, что птица на зарѣ
Смѣлѣй, что лучшая охота
Не въ сентябрѣ, а въ октябрѣ;
Что ружья пана Непомука
Берутъ на тысячу шаговъ
И что охота на нырковъ
Едва ль не цѣлая наука.

Но кто тамъ фертомъ возсидитъ
На крайней лавкѣ? Что за видъ,
Что за свободныя манеры!
А, это ты, мой сибаритъ,
Любимецъ вѣтренной Венеры!
Ты треплешь друга по плечу,
Ты улыбаешься невольно
И говоришь самодовольно:
Ну, прелесть! Право, не шучу!
Что за божественная дѣва!
Бѣлà, румяна и стройна...
За Воскобойничкой — налѣво,
Четвёртый домикъ въ три окна.
И другъ, скрывая восхищенье,
Сухія руки потиралъ
И безкорыстно выхвалялъ
Его снаровку и умѣнье.

Друзья мои, Венеринъ сынъ,
Питомецъ бурныхъ наслажденій,
Лицея вѣрный гражданинъ —
Былъ врагъ Лицея и ученья.
Ещё на утрѣ юныхъ лѣтъ,
Имѣя славные примѣры,
Онъ далъ торжественный обѣтъ
Служенью вѣтренной Венеры.

---

[1]) Антонъ Антоновичъ Бенкевичъ и Игнатій Казиміровичъ Ярошевскій, отличавшіеся необыкновенной худобой.

И пересталъ онъ навсегда
Съ минуты той, боясь труда,
Умомъ въ науку углубляться,
Хоть надъ губой завёлъ усы
И сталъ страстямъ во всѣ часы
И дня и ночи отдаваться.

Съ нимъ рядомъ сгорбившись сидитъ
Еврей изъ Шклова — и молчитъ,
А бессарабскій арендаторъ [1])
Ему желаетъ доказать,
Что онъ коллежскій регистраторъ,
Что лицеистъ — ни дать, ни взять —
Чиновникъ... Эка благодать!
Что онъ хорошъ съ профессорами,
Что онъ имъ всѣмъ отмѣнно милъ
За-то, что всѣхъ ихъ одарилъ —
Кого двумѣстными санями,
Кого триковыми штанами,
Кого шербетомъ окормилъ,
Кому привёзъ бутылку кваса,
Кому смычокъ для контробаса —
И потому, какъ дважды два,
Докажетъ онъ свои права
На чинъ двѣнадцатаго класса.

Но колокольчикъ зазвенѣлъ:
Всѣ поднялись, засуетились,
По лавкамъ чинно размѣстились,
Тетрадью каждый зашумѣлъ,
Ища желаемой страницы
И приготовился писать —
И вмигъ какъ-будто бы ихъ лица
Пріосѣнила благодать.

Вотъ двери тихо отворились —
Профессоръ [2]) медленно вошолъ.
Ему всѣ, вставши, поклонились;
Онъ имъ кивнулъ и подошолъ
Къ каѳедрѣ, вынулъ двѣ тетради
Изъ своего кармана сзади

---

[1]) Николай Ивановичъ Скордели.
[2]) Иванъ Андреевичъ Максимовичъ, профессоръ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ.

И предъ собою положилъ,
Затѣмъ на столъ облокотился
И въ рѣчи пламенной излился.
Онъ вдохновлялся, говорилъ —
И всѣ какъ-будто вдохновлялись;
Румянецъ ликъ его покрылъ —
И всѣ вспотѣвшими казались.
Всѣ понимали глубоко̀
Кипучихъ словъ его значенье —
И лилась рѣчь его ученья
Какъ-будто мёдъ и молоко.

Друзья, вотъ будущіе судьи
И предсѣдатели палатъ —
Тѣ благородныя орудья
Борьбы со зломъ, какъ говорятъ!

1846. Н. Гербель.

III.

ВОСПОМИНАНІЕ О НЕДѢЛѢ СТРАДАНІЙ, ПРОВЕДЕННОЙ МНОЮ У МОИХЪ ДОРОГИХЪ ДРУЗЕЙ МИСТЕРА ВИНКЛЯ И МИСТЕРА ТОПМЕНА.

Юмористическій разсказъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поводомъ къ сочиненію помѣщаемаго здѣсь разсказа послужило появленіе въ 1845 году въ печати русскаго перевода лучшаго изъ романовъ Чарльза Диккенса «Замогильныя записки Пиквикскаго Клуба или подробнѣйшій и достовѣрный рапортъ о странствованіяхъ, путешествіяхъ, приключеніяхъ и забавныхъ дѣйствіяхъ ученыхъ членовъ-корреспондентовъ Пиквикскаго Клуба». Сильное впечатлѣніе, сдѣланное этимъ романомъ на весь читающій міръ, отразилось и на небольшомъ кружкѣ нѣжинскихъ студентовъ того времени, жадно слѣдившихъ за произведеніями нарождавшихся свѣжихъ русскихъ талантовъ начала сороковыхъ годовъ и знавшихъ всего Гоголя наизустъ, и не оставлявшихъ безъ прочёту ничего замѣчательнаго въ англійской, французской и нѣмецкой литературахъ по части беллетристики.

Независимо отъ высокихъ достоинствъ самаго романа, облетѣвшаго весь міръ и произведшаго сильное впечатлѣніе на юныхъ членовъ нѣжинскаго студенческаго кружка, онъ едва ли ещё не болѣе былъ поражонъ тѣмъ обстоятельствомъ, что характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ этого первоклассного произведенія были точно списаны съ нѣкоторыхъ изъ членовъ кружка, конечно — въ каррикатурѣ, а многія изъ приключеній, случившихся съ товарищами Пиквика, разительно напоминали такія же приключенія съ членами студентскаго кружка. Это такъ поразило молодёжь, что она — не долго думая — окрестила пятерыхъ изъ своихъ членовъ именами дѣйствующихъ лицъ романа Диккенса, въ которыхъ они и прощеголяли до самаго выхода изъ Лицея. Всё это, взятое вмѣстѣ, навело

одного изъ членовъ кружка, фигурирующаго въ предлагаемомъ разсказѣ подъ именемъ Слеммера, именно — Ивана Ивановича Шкоду, облечь всѣ выпавшія на долю его пріятелей невзгоды и всё, случившееся съ ними въ злополучную недѣлю, проведённую у пріятелей, въ юмористическій разсказъ, чтобъ тѣмъ предостеречь ихъ на будущее время и избавить ихъ отъ всевозможныхъ невзгодъ, напоминающихъ самымъ разительнымъ образомъ всякаго рода бѣды, преслѣдовавшія злополучныхъ членовъ Пиквикскаго Клуба, такъ прекрасно описанныхъ геніальнымъ Диккенсомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Много лѣтъ прошло со времени описываемаго мною происшествія; много случалось мнѣ въ жизни испытывать неудобствъ, непріятностей; были и такія минуты, въ которыя казалось уже невозможно было испытать большихъ лишеній; но всё это ничто въ сравненіи съ тѣми страданіями, съ тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ которомъ я находился, гостя недѣлю у моихъ дорогихъ друзей мистера Винкля и мистера Топмена. Но прежде нежели я приступлю къ описанію этого убійственнаго гостепріимства, позвольте мнѣ васъ познакомить съ моими друзьями.

Мистеръ Винкль *) и мистеръ Топменъ **) были два джентельмена, которые, подобно всѣмъ своимъ собратіямъ, находились на службѣ, то-есть были членами Общества Распространенія Полезныхъ Знаній и Искусствъ, находившагося въ ихъ маленькомъ городкѣ. Но не думайте, чтобы любовь къ просвѣщенію или желаніе добра цѣлому человѣчеству заставило вступить ихъ въ это общество. Нѣтъ, у нихъ была одна совершенно современная цѣль, то-есть получить почётный титулъ конюшаго — и тогда, раскланявшись на всѣ четыре стороны, убраться во-свояси.

Друзья мои нимало не походили другъ на друга. Мистеръ Топменъ былъ блондинъ съ одутловатымъ лицомъ и волосами немного курчавыми; нельзя сказать, чтобъ онъ былъ толстъ, но ужь слишкомъ широкъ для человѣка порядочнаго, если только такъ можно выразиться. Мистеръ Винкль былъ, напротивъ, брюнетъ, худенькій, щедушный человѣчекъ, котораго люди, рѣдко его видѣвшіе, часто принимали за китайскую тѣнь; у Топмена были большіе сѣрые глаза, у Винкля — маленькіе, чорные, живые глазки. Кромѣ того они были совершенно противуположнаго характера, привычекъ и наклонностей: мистеръ Винкль любилъ охоту и имѣлъ множество огнестрѣльнаго и холоднаго оружія; мистеръ Топменъ, напротивъ, ненавидѣлъ охоту и пугался даже, проходя мимо стѣны,

---

*) Сергѣй Яковлевичъ Мыльниковъ. Вышелъ изъ Лицея въ 1848 году, не окончивъ курса.

** Викторъ Викентьевичъ Вержбицкій. Окончилъ курсъ въ 1848 году.

увѣшанной оружіемъ Винкля; мистеръ Винкль пилъ чай очень сладкій и очень мало, мистеръ Топменъ—совершенно безъ сахару и въ баснословномъ количествѣ; мистеръ Винкль постоянно ходилъ въ охотничьемъ сюртукѣ; мистеръ Топменъ—въ какомъ-то нарядѣ собственнаго изобрѣтенія, болѣе походившемъ на тогу древнихъ римлянъ, чѣмъ на пальто XIX вѣка; мистеру Винклю случалось иногда скидывать свой охотничій сюртучёкъ и, облёкшись въ праздничную одежду, отправляться въ клубъ, находившійся въ ихъ городкѣ; мистеръ же Топменъ часто по цѣлой недѣлѣ лежалъ на диванѣ, не имѣя силы и воли, чтобъ одѣться и выдти на улицу. Кромѣ того Топменъ былъ большой любитель женщинъ, а Винкль ненавидѣлъ ихъ; Топменъ по цѣлымъ днямъ занимался своей физіономіей и причёской, Винкль — только по утрамъ; Топменъ любилъ музыку и игралъ на гитарѣ, Винкль, хотя также любилъ музыку, но былъ болѣе флейтистъ; Топменъ грызъ ногти, Винкль обтачивалъ ихъ пилочкой; у Топмена былъ басъ, у Винкля — теноръ.

Друзья мои нанимали квартиру со столомъ у мистера Пиквика *), очень почтеннаго и уважаемаго человѣка въ городѣ — и потому мнѣ не стоило большаго труда отыскать ихъ. Домъ мистера Пиквика поразилъ меня своей архитектурой. Это было старое зданіе, построенное въ видѣ сарая. Многочисленныя колонны, стоявшія вдоль длиннаго крыльца, представляли что-то готическое; но опытный глазъ сейчасъ же замѣчалъ, что эти колонны поставлены были не для украшенія, но съ единственной цѣлью поддержать ветхій навѣсъ надъ крыльцомъ, грозившій неминуемымъ паденіемъ. Съ большой осторожностью проскользнулъ я по этому крыльцу въ сѣни, отворилъ двери и вошолъ въ переднюю.

Меня поразила эта ветхость, сырость и нечистота, царствовавшая во всей комнатѣ. Огромный столъ былъ загроможденъ чайными чашками, подсвѣчниками, сальными огарками и тому подобною дрянью. Сверхъ того тутъ же стояла бутылка съ какою-то вонючею жидкостью и пара нечищенныхъ сапогъ. Подъ столомъ стоялъ тазъ до того не чистый, что самому учоному металлургу мало бы было цѣлой жизни, чтобъ добиться, изъ какого металла онъ сдѣланъ. На окнахъ въ этой комнатѣ стояли особаго рода украшенія, какъ-то: бутылка съ ваксой, разбитыя помадныя банки, кровельные гвозди, сапожная щётка и протоптанный охотничій сапогъ; въ углу же стояло слабое подражаніе вѣнику: какіе-то пять прутиковъ, тщательно связанные грязнымъ утиральникомъ.

Нѣсколько минутъ разсматривалъ я переднюю моихъ друзей, которая не очень рекомендовала удобства ихъ жизни. Я начиналъ уже сомнѣваться, была ли это ихъ квартира, какъ вдругъ сзади меня послышалось чавканіе. Я оглянулся. Въ углу изъ-подъ шубъ и шинелей выползало какое-то существо, заплывшее совершенно отъ сна и жиру. Оно повидимому силилось что-то сказать, но судорожное подёргиваніе лица выказывало лишь одни его усилія проглотить что-то съѣстное, остановив-

*) Акимъ Константиновичъ Цимерманъ, профессоръ Лицея (1840—1859) по каѳедрѣ Энциклопедіи Законовѣдѣнія и Государственныхъ Законовъ. Въ настоящее время онъ въ отставкѣ и проживаетъ въ Одессѣ.

шееся въ его горлѣ. Сомнѣнія мои исчезли: это сонное существо былъ Джой, слуга мистера Винкля.

— Джой, дома господа? спросилъ я.

Опять то же чавканіе, храпѣніе и судорожное кривляніе лица вмѣсто отвѣта.

Я подошолъ поближе — и съ ужасомъ замѣтилъ, что Джой, имѣвшій привычку жевать даже во снѣ, подавился. Не долго думая, я принялся колотить его въ спину и, послѣ двухъ или трёхъ ударовъ, огромная куриная нога вывалилась изо рта соннаго Джоя. Онъ почувствовалъ маленькое облегченіе, но всё ещё жестами намекалъ мнѣ, чтобы я продолжалъ свою операцію. Я опять началъ наносить неистовые удары — и опять огромный кусокъ свиного сала шлёпнулся объ полъ. Джой вздохнулъ свободнѣе; но въ ту же минуту схватилъ упавшій кусокъ сала и спряталъ въ карманъ. Между-тѣмъ я снова сбирался спросить его — дома ли господа, какъ вдругъ громкое пѣніе раздалось въ сѣняхъ и сиповатый басъ мистера Топмена, рѣзко отличаясь отъ дребезжащаго тенора мистера Винкля, началъ выдѣлывать какую-то итальянскую руладу такъ фальшиво, что она могла бы привести въ отчаяніе самое не музыкальное ухо. Вслѣдъ за этимъ дверь отворилась и друзья бросились въ мои объятія.

— Здравствуй, другъ мой Слеммеръ! кричалъ Топменъ: — здоровъ ли ты? Поздравь насъ: мы только-что съ урока пѣнія.

— Учитель нами чрезвычайно доволенъ, прибавилъ Винкль.

— Я имѣю большія надежды сдѣлаться великимъ пѣвцомъ, началъ опять Топменъ. — Вообрази, у меня открылся огромный, колоссальный голосъ — basso profondo.

— Помилуй, другъ мой, возразилъ я: — что за странная идея! тебѣ ужь подъ сорокъ: какой тутъ можетъ открыться голосъ. Я тебѣ совѣтывалъ бы лучше открыть геморой.

— О! это чрезвычайно трудно, возразилъ Винкль: — вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ я постоянно глотаю пилюли Морисона, а всё-таки не добьюсь желаемой цѣли.

Можетъ-быть разговоръ нашъ ещё бы долго продолжался въ этомъ родѣ, если бы Джой, которому захотѣлось опять заснуть, ползя на своё ложе, не опрокинулъ вѣшалки и если бы шубы и шинели, висѣвшія на ней, не скрыли на нѣсколько минутъ Винкля отъ нашихъ взоровъ. Топменъ разразился громкимъ смѣхомъ, а бѣдный Винкль, съ трудомъ высвободившись изъ-подъ этого груза, бросился на Джоя и началъ его тормошить.

— Джой! фу ты, проклятый, опять заснулъ! кричалъ онъ.

Джой раскрылъ глаза, зѣвнулъ, потянулся и захрапѣлъ снова. Тогда Винкль схватилъ щётку и началъ тереть ею лицо Джоя: это было единственное средство пробудить его отъ сна.

Можетъ-быть вамъ покажется страннымъ и непонятнымъ необыкновенная сонливость грума друга моего Винкля; можетъ-быть найдутся скептики, которые ни за что не допустятъ подобной сонливости въ человѣкѣ; но это фактъ, истина. Джой былъ феноменъ въ своёмъ родѣ.

Онъ постоянно былъ погруженъ почти въ летаргическое состояніе и если не ѣлъ, то ужь вѣрно спалъ. Способность его спать была удивительная: онъ спалъ стоя, сидя и на ходу. Рѣдко, очень рѣдко можно было видѣть его съ открытыми глазами. Позовёшь ли его, чтобы что-нибудь приказать, то не прежде добьёшься толку, какъ послѣ неимовѣрныхъ угрозъ и крику. Иногда онъ выходилъ изъ этого соннаго оцѣпененія и дѣлался жильцомъ сего міра, но и тогда способъ его отвѣтовъ заставлялъ сомнѣваться въ способности его говорить. На всѣ ваши вопросы онъ отвѣчалъ какимъ-то глупымъ, идіотскимъ смѣхомъ.

— Джой, подай сапоги.

— Ха, ха, ха!

— Джой, принеси воды.

— Ха, ха, ха!

— Джой — трубку!

— Ха, ха, ха!

Разбудивши Джоя, Винкль, Топменъ и я пошли въ другую комнату.

— Не поскучай, любезный другъ, сказалъ мнѣ Топменъ, усаживая меня на ветхой кровати: — побудь тутъ, а мы съ Винклемъ сходимъ на минуту къ мистеру Пиквику и попросимъ его, чтобы ужинъ сегодня былъ получше.

Оставшись одинъ, я со вниманіемъ началъ осматривать комнату Винкля. На стѣнѣ были развѣшаны въ симметрическомъ порядкѣ ружья, пистолеты, пороховницы, ягдташи и другія принадлежности охоты. Въ углу около кровати стоялъ комодъ, который повидимому испыталъ уже силу времени. На комодѣ стояло два ящика. Любопытство заставило меня заглянуть въ нихъ. Въ одномъ, проткнутыя булавками, торчали разныя букашки, между которыми занимали первое мѣсто чорный таракань и жолтая козявка. Другой ящикъ наполненъ былъ пилками разныхъ величинъ, терпугами, молотками, гебелями и коловоротами. Возлѣ этихъ ящиковъ стоялъ небольшой вызолоченный медвѣдь и чернильница съ оливой.

Надобно вамъ сказать, что другъ мой Винкль имѣлъ страсть ко всѣмъ механическимъ искусствамъ. Одинъ день онъ то стругалъ что-нибудь, то точилъ, то развинчивалъ курки у ружій и смазывалъ пружины; на другой день онъ начиналъ заниматься минералогіей: пилилъ камни, обтачивалъ ихъ, точилъ на брускѣ; на третій день новое занятіе — онъ весь предавался натуральной исторіи и былъ въ восторгѣ, если ему случалось, между щелями дома, поймать стонога. или другое какое-нибудь гадкое насѣкомое.

Комната Топмена была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Она болѣе походила на чуланъ, или на складочное мѣсто всѣхъ ненужныхъ вещей, чѣмъ на комнату сколько-нибудь порядочнаго джентельмена. Тутъ было разбросано въ безпорядкѣ разное платье, поломанные чубуки и разбитыя трубки; на столѣ разсыпанъ былъ табакъ и капсули Lamota. Единственное окно пропускало такъ мало свѣту, что нужно было устройство кошачьихъ глазъ, чтобы различать въ ней предметы въ самый полдень. Возлѣ наружной стѣны стояли двѣ тоненькія колонны, поддерживавшія перегнив-

шія балки. Тутъ же стоялъ диванъ, огромностію своей предназначенный для сибаритства великановъ; кровать же была такъ мала, что человѣку самаго маленькаго роста не иначе на ней можно было лежать, какъ только съёжившись. На стѣнахъ висѣли портреты Жоржъ-Зандъ въ чорномъ сюртукѣ, герцогини Абрантесъ со взбитой причёской, Лоренца Сальви и зеркало, которое имѣло необыкновенную способность показывать тò, что вовсе не существовало въ мірѣ дѣйствительномъ — in res natura. Надъ диваномъ были прибиты къ стѣнѣ полки съ книгами, между которыми по огромности своей занималъ первое мѣсто «Литовскій Статутъ». Эта библіотека составлена была новымъ способомъ пріобрѣтенія: именно, другъ мой Топменъ имѣлъ привычку зачитывать чужія книги и собирать всё, что есть печатнаго. Иного сочиненія была у него первая часть и четверть послѣдней, другого половина второй и четверть первой. Самыя лучшія книги въ библіотекѣ его были: «Дочь купца Жолобова», «Новый Робинзонъ», «Самопожертвованіе», романъ въ 4-хъ частяхъ и басни графа Хвостова; изъ переводныхъ: «Сенъ-Клерское Абатство или ужасъ Шварцвальдскихъ лѣсовъ», романъ Леди Радклифъ чуть ли не въ 15-ти частяхъ и цѣлая фаланга романовъ Поль-де-Кока, во главѣ которыхъ красовалась «Сельская красавица, или семейство Гого». Но что всего болѣе поражало наблюдателя — это двери, которыя, вопреки порядку вещей, вмѣсто того, чтобъ быть на своёмъ мѣстѣ, лишонныя петель, уныло стояли возлѣ печки. Вообще вся комната наводила какое-то мрачное чувство на душу.

Окончивши свои наблюденія, я вошолъ въ комнату мистера Винкля и, сѣвши на стулъ, предался по предчувствію мрачнымъ размышленіямъ о грозившихъ мнѣ неудобствахъ; какъ дверь съ шумомъ отворилась и Топменъ съ Винклемъ, сопровождаемые вѣчно куда-то спѣшащимъ джентельменомъ Магнусомъ *), вошли въ комнату.

Ещё я не успѣлъ разсмотрѣть его лица, какъ онъ уже сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ и, цалуя самымъ немилосерднымъ образомъ, приговаривалъ:

— Дружище! Слемеръ! Да откуда ты? да какими судьбами? Да надолго ли? Да у тебя нѣтъ ни на волосъ товарищества! Да я тебя не видѣлъ цѣлый вѣкъ! Ну хоть теперь по-крайней-мѣрѣ я могу провести съ тобой нѣсколько дней. Однако жь мнѣ надо отлучиться на четверть часа.

— Да помилуй: нѣтъ двухъ минутъ, какъ я тебя вижу, а ты уже хочешь бѣжать, сказалъ я.

— Честное слово, приду, отвѣчалъ Магнусъ. — Знаешь — пріѣхали двѣ tant'ы и oncle; papa говорилъ — непремѣнно придти. Честное слово, приду чрезъ четверть часа, ну, чрезъ десять минутъ.

Я хотѣлъ ещё возразить, но Магнусъ уже мелькалъ между готическими колоннами крыльца, видимо мѣшавшими его быстрому бѣгству.

Ещё я не успѣлъ оправиться отъ удивленія, причинённаго бѣг-

---

*) Николай Яковлевичъ Макаровъ. Окончилъ курсъ въ 1848 году. Въ настоящее время занимаетъ мѣсто управляющаго Московской казённой палатой.

ствомъ Магнуса, какъ колокольчикъ зазвенѣлъ и тройка почтовыхъ лошадей подкатила подъ крыльцо что-то закутанное въ нѣсколько тулуповъ и шинелей и обмотанное множествомъ шарфовъ. Какая же была наша радость, когда дверь отворилась и мы узнали въ этомъ живомъ тюкѣ, ввалившемся въ комнату, джентельмена древняго рода, нашего современнаго поэта, мистера Спондграса *), который, сбивъ при своёмъ стремительномъ входѣ съ ногъ мистера Топмена, бросился въ мои объятія. Я уже былъ въ опасности быть раздавленнымъ тяжестью его тѣла и затылокъ мой собирался попробовать крѣпость ветхаго комода, какъ крикъ Топмена, въ паденіи своёмъ какъ-то нечаянно задѣвшаго лбомъ уголъ печки, спасъ мнѣ жизнь.

Но позвольте мнѣ сдѣлать здѣсь маленькое отступленіе и поговорить о томъ, что такое современный поэтъ.

Современный поэтъ есть порожденіе больного духа нашего времени. Это есть человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего святого: онъ готовъ осмѣять родныхъ, друзей, отечество, природу, самого себя. Современные поэты раздѣляются на нѣсколько родовъ: на поэтовъ, пишущихъ порядочные стихи и незнающихъ отечественной грамоты; на поэтовъ, знающихъ отечественную грамоту и пишущихъ скверные стихи, и, наконецъ, на поэтовъ, владѣющихъ хорошо языкомъ и пишущихъ хорошіе стихи. По содержанію же они раздѣляются ещё на поэтовъ любви и чувства, на поэтовъ туманныхъ, на поэтовъ — страдальцевъ и на поэтовъ нечаянностей и чудныхъ эффектовъ. Кромѣ этихъ главныхъ подраздѣленій, существуетъ ещё множество второстепенныхъ, но я лучше умолчу о нихъ, боясь наскучить моимъ снисходительнымъ слушателямъ.

Какъ человѣкъ, Спондграсъ имѣлъ свои слабости. Первая и самая ужаснѣйшая изъ его слабостей была страсть къ чтенію собственныхъ стиховъ. Онъ вамъ читалъ ихъ постоянно — и наизусть, и изъ книги и изъ рукописи — не жалѣя ни груди, ни здоровья. Едва оканчивалъ онъ одно стихотвореніе, какъ въ ту же минуту начиналъ другое. Какая ему надобность, что вы, утомлённые долгимъ вниманіемъ, не слушали его: онъ васъ громитъ своими стихами, приклонившись къ вашему уху; вы дѣлали движеніе, чтобъ уйти, онъ васъ ловилъ за петлю сюртука — и вы слушали его, ничего не понимая, не слыша и не помня. Кромѣ того онъ имѣлъ слабость къ геральдикѣ и уже черезъ-чуръ сочувствовалъ интерессамъ европейскихъ кабинетовъ. Каждая его собственность была заклеймена его гербомъ. Число его гербовыхъ печатей восходило до баснословнаго количества, во всевозможныхъ форматахъ и на всѣхъ извѣстныхъ металлахъ и камняхъ, такъ что одно вырѣзываніе ихъ въ продолженіе трёхъ лѣтъ обогатило двухъ евреевъ. Страсть же его къ политикѣ простиралась до nec plus ultra. Покамѣсть дѣло шло о швей-

---

*) Николай Васильевичъ Гербель. Окончилъ курсъ въ 1847 году. Современный поэтъ, авторъ «Игоря», — стихотворнаго перевода «Слова о пълку Игоревѣ» и издатель полныхъ собраній сочиненій Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, Гофмана и Шевченки въ русскомъ переводѣ и «Славянскихъ, Русскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ».

царскихъ смутахъ, или о шумныхъ засѣданіяхъ вортесовъ, то это ещё было сносно; но если его рѣчь касалась Америки, и что ещё ужаснѣе, Канады, то самое привычное ухо не въ состояніи было вынести и получаса его разсказа.

Но возвратимся къ Топмену, лежащему на полу, съ огромной шишкой на лбу и проклинающему скорую ходьбу современныхъ поэтовъ.

— Несчастный! вопилъ онъ, обращаясь къ Спондграсу. — Что ты сдѣлалъ? Я изуродованъ! я погибъ! Мнѣ не остаётся ничего болѣе, кромѣ объятій смерти.

Пусть стонъ стремится въ объятія смерти,
Но я всё надѣюсь, склоняюсь при вѣтрѣ,
Чтобъ лучше подняться опять!

отвѣчалъ величественно Спондграсъ.

— Боже мой! опять стихи! воскликнулъ жалобно Винкль.

О, люди! о, люди! презрѣнные люди!
Удѣлъ вашъ и цѣль — суета!
Измѣной вздымаются гордыя груди
И дышутъ коварствомъ уста!

отвѣчалъ Спондграсъ.

— Откуда ты? гдѣ былъ? спросилъ я, желая прервать священный восторгъ поэта.

— Гдѣ я былъ? отвѣчалъ онъ: — я былъ тамъ —

Гдѣ нѣтъ ни истинныхъ друзей,
Гдѣ спятъ желанья и природа,
Гдѣ только дышутъ для связей
И лишь владычествуетъ мода.

— Ахъ, счастливецъ! прервалъ его Топменъ. — Ты, конечно, былъ въ обществѣ прекрасныхъ дамъ? Счастливецъ! счастливецъ!

— Счастливъ, кто рано не созрѣлъ
Въ борьбѣ сражающаго рока!
Кто не отжилъ, не постарѣлъ
До всѣмъ положеннаго срока!

отвѣчалъ гордо Спондграсъ.

— Вѣрно весело проводилъ время? игралъ въ карты? спросилъ я.

Не карты — клочки разноцвѣтной бумаги,
Не яркость ихъ пёстрыхъ мастей
Люблю я, исполненъ безумной отваги,
Всей силой кипучихъ страстей.

— Бѣдняжка, возразилъ Винкль: ты озябъ; не хочешь ли чаю?

— Не оскорбляй моей души
Высокомѣрнымъ сожалѣньемъ:
Она и такъ въ своей тиши
Насквозь источена мученьемъ!

возразилъ гнѣвно Спондграсъ.

Много труда стоило мнѣ успокоить поэтическій восторгъ Спондграса, обѣщаніемъ прослушать впослѣдствіи всѣ его стихи. Онъ согласился. Я начиналъ уже успокоиваться, какъ Топменъ, забывши на время о своёмъ разбитомъ лбѣ, съ листкомъ какого-то романса стоялъ надъ моимъ ухомъ и немилосердно выводилъ трели, прося меня его прослушать.

— Слемеръ, говорилъ онъ, не правда ли, удивительный романсъ? Леди Рахиль въ восторгѣ отъ него.

— Слемеръ! кричалъ Спондграсъ: — послушай мои новые стихи: «Ожиданіе», или нѣтъ, нѣтъ — Легенду, переводъ съ польскаго. Удивительное произведеніе!

— Взгляни, что за удивительная букашка, говорилъ Винкль, дёргая меня за фалду. — Пойдёмъ: у меня въ кровати есть цѣлое семейство подобныхъ насѣкомыхъ.

— Да дайте мнѣ немного отдохнуть, отвѣчалъ я: — я усталъ съ дороги и притомъ голоденъ, а голодному не до романсовъ, стиховъ и изученія породы твоихъ насѣкомыхъ, прибавилъ я, обратившись къ Винклю.

— Сейчасъ подадутъ ужинъ, сказалъ Топменъ. — Эй, Самъ, Самъ! Подавай же скорѣе!

Самъ, слуга Топмена, былъ ещё болѣе извѣстенъ подъ именемъ свирѣпаго бульдога. Въ физіономіи его было что-то собачье. Не смотря на это, Топменъ чувствовалъ къ нему симпатію.

Черезъ десять минутъ Самъ принёсъ ужинъ. Мы всѣ бросились къ столу и Спондграсъ, несмотря на свою поэтичность, любившій хорошо поѣсть, первый завладѣлъ единственной вилкой, лежавшей на столѣ. Ужинъ состоялъ изъ трёхъ кусочковъ почти оглоданнаго гуся. На мгновеніе рука Спондраса остановилась въ воздухѣ и потомъ, со свистомъ, воткнулась въ гусиную ногу, единственный кусокъ, на которомъ были ещё видны слѣды мяса. Топменъ поймалъ рукой гусиную шею; а на мою долю достался хребетъ, съ котораго, при всёмъ моёмъ стараніи, я не могъ добыть болѣе двухъ золотниковъ мяса. Винклю ничего не досталось.

— Эй, Самъ, подавай другое блюдо! кричалъ Топменъ: — что тамъ ещё?

— Да ничего нѣтъ, отвѣчалъ свирѣпый бульдогъ.

— Безотрадное положеніе! заговорилъ въ первый разъ прозою Спондграсъ. — Я съ ужасомъ помышляю, что мнѣ придётся умереть съ голоду до истеченія двухъ недѣль, которыя я намѣревался провести вмѣстѣ съ вами.

— Эй, Самъ! крикнулъ Топменъ: — чтобы мнѣ сію минуту былъ ужинъ. Ступай къ мистеру Пиквику и скажи, что я не даромъ плачу ему 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

— Да я уже спрашивалъ, отвѣчалъ свирѣпый бульдогъ: — нѣтъ ничего.

— Это ни на что не похоже! завопилъ взбѣшонный Топменъ — и, схвативъ дверь, стоявшую возлѣ печки, началъ ею колотить въ стѣну, отдѣлявшую его комнату отъ комнатъ мистера Пиквика, крича при этомъ во всё горло:

— Дрянь, дрянь ужинъ! скверный ужинъ!

Удары въ стѣну были такъ сильны, что грозили обрушить на наши головы ветхій домъ мистера Пиквика. Тутъ только я понялъ предназначеніе этихъ дверей: онѣ служили Топмену ручнымъ тараномъ.

— Боже мой, Боже мой! прибавилъ Топменъ, поставивъ дверь на своё мѣсто. — Можешь себѣ представить, Слемеръ, что это ещё роскошный ужинъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Но мнѣ было не до ужина. Ужасная тошнота не давала мнѣ покоя ни на одну минуту, тогда-какъ въ желудкѣ поднялась рѣзь. Я полагалъ, что это было слѣдствіе пагубнаго ужина — и не ошибся, потому-что вскорѣ съ ужасомъ замѣтилъ, что единственная вилка, которою я ѣлъ, была до того заржавлена, что очень легко было отравиться, употребивши её нѣсколько разъ въ дѣло; а тарелка, на которой лежали куски гуся, была облита скипидаромъ. Онъ-то производилъ въ желудкѣ моёмъ ужасную рѣзь. Друзья мои, взявши меня подъ руки, отвели въ комнату Топмена и уложили на диванъ великановъ.

— Я думаю, не худо бы пустить кровь, сказалъ Винкль, вынимая изъ комода ланцетъ.

— Помилуй! что ты хочешь дѣлать? съ живостью возразилъ Топменъ, падавшій въ обморокъ при видѣ оцарапаннаго пальца. — У меня есть мятныя капли. Вотъ лучше прими ихъ. Эй, Самъ!

Но Сама не было въ комнатѣ.

— Гдѣ это вѣчно пропадаетъ этотъ проклятый бульдогъ, пробормоталъ Топменъ. Джой! Фу, ты пропасть, опять заснулъ!

Винкль опять хотѣлъ-было приступить къ оттиранію, но на этотъ разъ сильный пинёкъ Топмена разбудилъ его.

— Джой, принеси бутылочку съ мятными каплями, которую я поставилъ въ передней на окнѣ.

Джой съ просонокъ принёсъ какую-то баночку и подалъ Топмену, который, наливъ въ рюмку воды и отсчитавъ 20 капель, подалъ мнѣ рюмку. Къ счастію я имѣлъ осторожность понюхать содержащуюся въ ней жидкость — и хорошо сдѣлалъ, потому-что баночка была наполнена не мятными каплями, а ядовитымъ cali hydrojodicum. Но тутъ я вспомнилъ, что со мною были содовые порошки — и пріёмъ ихъ облегчитъ моё плачевное положеніе. Я немного успокоился. Всѣ непріятности, испытанныя мною въ продолженіе этого дня, начали изглаживаться изъ моей памяти и я уже начиналъ мечтать объ удовольствіяхъ слѣдующаго дня. Злополучный! я и не предвидѣлъ, что это было только начало тѣхъ бѣдствій, которыя мнѣ суждено было перенести.

Вскорѣ шумъ мало-по-малу затихъ. Спондграсъ лёгъ спать на другомъ концѣ дивана великановъ, а Топменъ, доставши съ полки «L'art de plaire aux femmes» и лёгши на кровать пигмеевъ, погрузился въ чтеніе, и по самодовольному выраженію его лица можно было заключить, что великія тайны, проповѣдываемыя сочинителемъ этой книги, были ему давно извѣстны. Только въ комнатѣ Винкля по временамъ раздавался визгъ терпуга и сливался съ однообразнымъ крикомъ сверчка и трескомъ нагорѣлой свѣчи. Всё располагало къ дремотѣ и вскорѣ благотворный сонъ началъ смыкать мои вежды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На другой день рано утромъ я проснулся съ сильной головною болью и былъ не мало удивлёнъ, замѣтивъ, что и Топменъ страдалъ отъ флюса на щекѣ, а Спондграсъ безпрестанно чихалъ, проклиная свой насморкъ. Мы всѣ трое молча взглянули другъ на друга и покачали головами; но это безмолвное качаніе головъ было многозначительно: въ нёмъ выразилась тысяча проклятій на домъ мистера Пиквика.

— Это ужасно! сказалъ Спондграсъ, прикладывая платокъ къ своему носу. — Я чувствую, что здоровье моё видимо разстраивается: здѣсь такъ холодно и сыро, что не удивительно, если у меня насморкъ.

— И не мудрено, отвѣчалъ я: — посмотри, какая огромная щель въ стѣнѣ. Эти сами собою образовавшіеся вентиляторы не слишкомъ пріятны зимою.

— Я думаю, будетъ оттепель, простоналъ Топменъ: — у меня флюсъ, а это самый вѣрный барометръ въ этой проклятой квартирѣ.

— Прикажи подавать чай. Надо поскорѣй согрѣться; я чувствую, что сырость проникла въ мои кости, прошепталъ я, тщательно закутываясь въ одѣяло.

Чрезъ четверть часа Самъ подалъ чай. Никогда не казался онъ мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ въ ту пору; какая-то пріятная теплота разлилась по всему тѣлу, прострадавшему цѣлую ночь отъ холода и сырости. Съ полчаса мы провели довольно пріятно, разговаривая о томъ о сёмъ и вспоминая прошедшее. Между-тѣмъ въ комнатѣ стало свѣтло, а вмѣстѣ съ свѣтомъ возобновились и мои страданія.

— Слемеръ, хочешь я тебѣ прочту мою повѣсть: «Графиня Карпатская»? сказалъ Спондграсъ, обращаясь ко мнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ рука его, вооруженная носовымъ платкомъ, впилась въ носъ. — Проклятый насморъ! продолжалъ онъ: — къ тому же и въ ушахъ шумитъ. Это ужасно: за одну ночь пріобрѣсть тысячу болѣзней. Что же будетъ далѣе?

— То, что наша квартира обратится въ госпиталь, отвѣчалъ Топменъ. — Самъ, сшей мнѣ подушечку и набей её ароматическими травами.

— Слушаю, отвѣчалъ свирѣпый бульдогъ.

— Вниманіе, господа: я начинаю читать, воскликнулъ Спондграсъ, вынимая изъ-подъ подушки книгу въ фіолетовомъ переплётѣ.

— Погоди: ещё темно. Не лучше ль послѣ чаю заняться литературой?

— Слушайте же, продолжалъ онъ, не обращая никакого вниманія на мои слова и пододвигаясь ко мнѣ. — «Графиня Карпатская. Нравственно-сатирическая повѣсть.»

— Тише, тише! завопилъ я: — ты опрокинешь свой стаканъ.

Но это предостереженіе, опоздало: Спондграсъ успѣлъ уже опрокинуть стаканъ и обварить мнѣ ногу. Я, съ крикомъ, соскочилъ съ дивана великановъ и бросился въ другую комнату, призывая людей на помощь. Но — увы — Спондграсъ преслѣдовалъ меня, махая фіолетовой книгой.

— Замѣть, говорилъ онъ, какъ я тутъ хорошо говорю о воспитаніи женщинъ. Или хоть вотъ это описаніе будуара графини.

— Да дай мнѣ перевязать ногу. Самъ, нѣтъ ли у васъ куска холста?

— Вотъ, баринъ, сейчасъ несу, отвѣчалъ изъ другой комнаты сиповатый голосъ — и вслѣдъ за этимъ глазамъ моимъ представилось существо, съ которымъ я не пожелалъ бы вамъ встрѣтиться ночью.

Вообразите себѣ человѣка до-того отвратительнаго, что вы, увидѣвши его, ночли бы за переодѣтую обезьяну и, удостовѣрившись въ противномъ, не иначе допустили бы возможность его созданія Богомъ, какъ человѣка, какъ только съ единственною цѣлію, чтобъ онъ служилъ упрёкомъ для цѣлаго человѣчества и живымъ примѣромъ, до какой степени животности можетъ низойти это прекрасное существо, одарённое безсмертною душою, разумомъ и волею.

Онъ былъ средняго роста, худъ и сутуловатъ; лицо его, рябое и обрюзглое, было покрыто волосами тёмно-бураго цвѣта, рѣдкими, щетинистыми и висѣвшими клочьями, а изъ-подъ нависшихъ бровей сверкали впалые плутовскіе глаза пепельнаго цвѣта. Онъ былъ одѣтъ въ засаленный сюртукъ какого-то неизвѣстнаго цвѣта и панталоны, лежавшіе широкими складками на протоптанныхъ сапогахъ. Синій, холстяной платокъ, обмотанный вокругъ шеи, и жилетъ, до-того вытертый и засаленный, что ни одинъ фабрикантъ въ мірѣ не назвалъ бы матеріи, изъ которой онъ былъ сдѣланъ, довершали его костюмъ. Это гнусное существо былъ Вовкулакъ, повѣренный по дѣламъ мистера Топмена.

— Извольте, баринъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ какую-то ветошку. — Для такого барина послѣдней рубахи не пожалѣю. Честь имѣю поздравить съ пріѣздомъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Спондграсу. Давно ли изволили пріѣхать? На своихъ или на почтовыхъ? Здѣсь изволили остановиться или въ гостинницѣ?

Бѣдный Спондграсъ принужденъ былъ закрыть книгу и сдѣлать фланговое движеніе обратно въ комнату Топмена, чтобы избавиться отъ удовольствія бесѣдовать съ этимъ чудовищемъ.

— Помилуй, можно ли пускать въ комнату такого скота, сказалъ онъ, обращаясь къ Топмену. Этотъ человѣкъ опаснѣе, ужаснѣе и безнравственнѣе Бюгъ-Жаргалей, Метръ д'Еколей и всѣхъ возможныхъ злодѣевъ новѣйшей французской школы.

— Что же дѣлать? отвѣчалъ Топменъ. Человѣкъ нужный, наметанный: достать ли что-нибудь, занять ли денегъ — всё мигомъ готово.

— Не нужно ли чего-нибудь? говорилъ между-тѣмъ Вовкулака, высунувши голову изъ-за дверей и обращаясь къ Спондрасу: — у меня есть превосходныя китайскія картинки.

— Не нужно, отвѣчалъ сердито Спондграсъ.

— Можетъ-быть нуженъ скрипичный смычёкъ?

— Убирайся съ нимъ къ чорту!

— Отличнѣйшій, краснаго дерева.

Въ это время въ передней послышался шумъ скидыванія калошъ и, вслѣдъ за тѣмъ, быстрые и тяжолые шаги предвозвѣстили намъ прибытіе мистера Магнуса.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ? кричалъ Магнусъ. — Вотъ такъ товарищъ! ай да Спондграсъ — удружилъ! Здравствуй, другъ мой!

Тутъ началось обоюдное лобызаніе.

— Куда ты вчера такъ поспѣшно скрылся? спросилъ я его.

— Знаешь, пріѣхали двѣ tant'ы и oncle, какъ я уже говорилъ, а вечеръ провёлъ за преферансомъ. Такая, право, скука!

— Не хотите ли, господа, сыграть пульку? подхватилъ Топменъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ я.

— Хорошо, сказалъ Спондграсъ.

— Если хотите, пожалуй и я буду играть, промолвилъ Магнусъ такимъ тономъ, какъ-будто это его ничуть не занимало.

— Эй, Джой! Самъ! кто тамъ? поставьте поскорѣе столъ.

— Гдѣ Винкль? спросилъ Спондграсъ: — куда онъ ушолъ такъ рано?

— Вѣроятно поѣхалъ къ Юхнису, токарныхъ дѣлъ мастеру: тамъ ему дѣлаютъ токарный станокъ — и вотъ, уже въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, это обыкновенная его утренняя прогулка. Да скоро ли поставите вы столъ?

— Да вотъ никакъ не можемъ отыскать ножки, отвѣчалъ въ просонкахъ Джой.

— Какой ножки?

— Ха, ха, ха! отъ стола, баринъ.

Мистеръ Магнусъ, при всёмъ желаніи показать, что игра его нисколько не интересуетъ, полѣзъ подъ кровать отыскивать ножку, гдѣ ему, послѣ долгихъ усилій, и удалось отыскать её, между всякимъ хламомъ. Приведши всё въ порядокъ, мы усѣлись за столъ.

Боже мой! если карты доставляютъ намъ удовольствіе, или лучше сказать развлеченіе, то всё-таки оно не можетъ искупить тѣхъ непріятностей, которыя испытываетъ человѣкъ, попавшій въ такую партію, въ какой мнѣ предстояло играть. Во-первыхъ, другъ мой Топменъ едва умѣлъ сдать карты, но и тутъ не рѣдко случалось ему одному передать, другому недодать и результатомъ этого было тò, что онъ сдавалъ снова. Покамѣсть онъ пасовалъ или помогалъ вистомъ, то игра шла ещё довольно скоро; но едва къ нему приходила игра, то можно было смѣло положить карты на столъ, пройтиться по комнатѣ, заглянуть въ окно, чтобъ узнать, какова погода — и тогда вамъ пришлось бы ещё ждать, пока онъ объявитъ сколько играетъ и въ чёмъ.

Спондграсъ игралъ сносно, пока удачно разыгрывалъ свои игры или ремизилъ другихъ: тогда онъ былъ веселъ, говорилъ стихи, иногда цѣлые монологи изъ своихъ драматическихъ фантазій; но бѣда, если ему случалось проиграть вѣрную игру: тутъ самое крѣпкое терпѣніе его партнёровъ должно было лопнуть.

— Да какъ это случилось? да это невѣроятно! восклицалъ онъ и долго вспоминалъ ещё ту игру, которую онъ проигралъ, пока новый переломъ игры, новая катастрофа съ Топменомъ, часто бывавшимъ безъ пяти, не заставляла забыть его о своей неудачѣ.

Магнусъ былъ страстный игрокъ. Пагубная страсть къ игрѣ рано изсушила его юное чело и покрыла его морщинами. О, карты, карты!

сколько зла вы причиняете въ мірѣ! сколько юныхъ и пылкихъ созданій вовлекли вы въ свои сѣти! сколько ума и способностей, которые, если-бы были употреблены на болѣе благородное занятіе, доставили бы пользу цѣлому человѣчеству, вы уничтожили, вы убили въ нихъ! Магнусъ былъ игрокъ-теоретикъ и игралъ, какъ онъ самъ выражался, непогрѣшительно. Но теоретическія его свѣдѣнія были часто дурно прилагаемы къ практикѣ и служили ко вреду его кармана. Играя, онъ погружался въ какія-то кабалистическіе разсчёты и увѣрялъ, будто бы сама судьба, какой-то незримый духъ руководилъ его игрою. Въ ней онъ видѣлъ тонкости, недостижимыя для человѣческаго ума и предполагалъ какіе-то ходы - аксіомы, которыя рѣшали игру такъ, какъ вѣрный ударъ полководца рѣшалъ битву. Во всё время игры онъ былъ глухъ и нѣмъ для всего некасавшагося игры. Однообразные: «куплю», «пасъ» и «человѣкъ, подай трубку» — вотъ всё, что можно было отъ него услышать, за исключеніемъ теоретическихъ разсужденій, которыя градомъ сыпались за каждою игрою.

— Да скоро ли ты сдашь карты? спросилъ нетерпѣливо Магнусъ, обращаясь къ Топмену, который, какъ-будто бы на зло, уже третій разъ заздался и, къ довершенію бѣдъ, уронилъ половину картъ подъ столъ.

— Да ты развѣ не видишь, что карты второго разбора. Этотъ проклятый Самъ вѣчно хочетъ взять двойной барышъ, отвѣчалъ Топменъ, медленно собирая карты.

Наконецъ послѣ многихъ усилій карты были сданы.

— Пасъ, сказалъ Магнусъ.

— Куплю, сказалъ я.

— Сыграю въ бубнахъ, провозгласилъ торжественно Спондграсъ.

— Пасъ.

— Приглашу, сказалъ Магнусъ.

Началась игра и Магнусъ остался безъ одной.

— Да возможно ли такъ играть! закричалъ Магнусъ, обращаясь ко мнѣ. Спондграсъ козыряетъ. У тебя семёрка, осьмёрка и девятка трефъ. Ты, вмѣсто семёрки, сносишь девятку, а вслѣдъ за тѣмъ семёрку. Этимъ ты даёшь знать, что у тебя сильные трефы. Я принимаю, иду въ трефы — и не нахожу у тебя ничего. Нѣтъ, Слемеръ, ты не имѣешь никакого понятія объ игрѣ; совсѣмъ не умѣешь играть.

— Хорошо, я замѣчу это метафизическое правило, и если у меня случится сильная масть, то посбрасываю всѣ старшія фигуры.

Послѣ этого игра шла сносно, пока Спондграсъ, играя семь, не остался безъ одной.

— Да это непонятно! кричалъ онъ: — какъ это могло случиться? Тузъ, король, дама самъ-пятъ, два туза — и остаться безъ одной! Тьфу ты пропасть, что за несчастіе!

— Да какъ тебѣ не стыдно! кричалъ Магнусъ, обращаясь ко мнѣ: — какъ честный человѣкъ, ты не умѣешь играть. Пойди въ трефы — и онъ былъ бы безъ двухъ.

— Да у меня трефъ король самъ-другъ.

— Всё равно, продолжалъ онъ: — въ извѣстныхъ случаяхъ необходи-

мо ходить отъ короля самъ-другъ: во-первыхъ, если приглашающій покупалъ хоть одинъ разъ....

— Но ты не покупалъ ни разу.

— Всё равно. Во-вторыхъ, если приглашающій показалъ тебѣ масть и тѣмъ обнаружилъ игру.

— Но я не могъ этого видѣть, потому-что первый ходъ былъ мой.

— Все равно. Въ третьихъ...

— Да какъ же это я безъ одной? говорилъ между-тѣмъ Спондграсъ, дёргая меня за рукавъ: — тузъ, король, дама самъ-пять червей, тузъ пикъ и тузъ бубенъ: это непостижимо!

И вслѣдъ за этимъ пошли толки съ Магнусомъ, которые едва кончились черезъ полчаса.

Но въ это время всё моё вниманіе было обращено совсѣмъ въ другую сторону. Топменъ поставилъ возлѣ меня на столѣ стаканъ съ чаемъ, четыре куска булки, сигарочницу и коробочку спичекъ. Вся эта пирамида приводила меня въ трепетъ, грозя неминуемымъ паденіемъ, при малѣйшей неловкости кого-нибудь изъ насъ, что и не замедлило случиться. Магнусъ, въ жару разыгрыванія какой-то игры, которой, по его словамъ, никто изъ сорока милліоновъ игроковъ не въ состояніи былъ бы выиграть, забывши о бренности стола, такъ сильно толкнулъ его, что ножка отлетѣла въ сторону и всё колоніальные припасы Топмена полетѣли на полъ, а чай изъ стакана перешолъ въ карманъ моего пальто. Пока я старательно выкачивалъ чай изъ этого небывалаго сосуда, а Топменъ ревѣлъ какъ бѣшеный о своей потерѣ, проклиная неловкость Магнуса, Спондграсъ вскочилъ со стула такъ проворно, какъ будто бы его укололи сзади иголкой. Причиной тому было то, что онъ уже нѣсколько времени чувствовалъ запахъ гари и только въ это мгновеніе, осмотрѣвшись, увидѣлъ, что въ халатѣ его, подбитомъ ангорскими котами, по милости трубки Магнуса прогорѣла дыра, въ которую легко бы могла пролѣзть голова двухлѣтняго ребёнка.

— Пожаръ, пожаръ! кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ.

А между-тѣмъ пламя раздувалось и трескъ горящихъ ангорскихъ котовъ раздавался всё сильнѣе и сильнѣе. Топменъ, видя, что терять время было опасно, схватилъ ведро воды и, обдавъ ею халатъ Спондграса, тѣмъ прекратилъ пожаръ.

Оправившись кое-какъ, мы опять усѣлись за столъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Топменъ, подвязавши къ больной щекѣ подушечку, принесённую Самомъ, дулся болѣе всѣхъ, не въ состояніи будучи забыть своей потери, и ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Остаться безъ чаю! выпить всего только семь стакановъ!

Между-тѣмъ игра приближалась къ концу; но вдругъ Топменъ, водя носомъ и нюхая воздухъ, какъ гончая собака, всталъ со стула и сказалъ:

— Странно, какъ вдругъ запахло конюшней.

— Да я тоже чувствую непріятный запахъ, сказалъ Спондграсъ.

— Не отъ подушечки ли это? спросилъ я.

— О нѣтъ! отвѣчалъ Топменъ: — она набита ароматическими травами.

— Однако, понюхай.

— Точно, сказалъ Топменъ. — Странно однако жь, какъ это ароматическія травы могутъ имѣть такой странный запахъ! Эй, Самъ! гдѣ ты бралъ травы?

— Въ конюшнѣ, отвѣчалъ Самъ.

Топменъ поспѣшно снялъ подушечку, разорвалъ её и увидѣлъ, что она была набита сѣномъ. Мы всѣ покатились со смѣху. Топменъ, зная, что сердиться было бы напрасно, послѣдовалъ нашему примѣру. Въ это время Винкль возвратился домой, забрызганный съ головы до ногъ.

— Фу! какая гадкая погода, сказалъ онъ, витирая лицо платкомъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ Спондграсъ.

— Ѣздилъ къ Юхнису: тамъ дѣлаютъ мнѣ чудесный токарный станокъ, съ желѣзнымъ стаканомъ для точенія круглыхъ вещей. На дняхъ онъ будетъ готовъ и я на память каждому изъ васъ выточу по вещицѣ.

— О, Боже мой! подумалъ я; ещё мало шуму! Это будетъ окончательное орудіе для разстройства мозговыхъ фибръ. Однако жь, господа, прибавилъ я, обращаясь къ моимъ партнёрамъ, мы окончили нашъ преферансъ и къ тому же около двухъ часовъ, такъ не пора ли намъ отправиться обѣдать въ гостинницу.

— Да, сказалъ Спондграсъ, пора, пора. Я сейчасъ одѣнусь и мы отправимся пообѣдать, а послѣ я сдѣлаю кой-какіе визиты.

— Хорошо, отвѣчалъ Винкль. — Но пока ты будешь одѣваться, мы съ Топменомъ и Магнусомъ пойдёмъ впередъ и велимъ приготовить обѣдъ; а ты съ Слемеромъ пріѣзжай въ моихъ саняхъ.

Вслѣдъ за этимъ друзья мои поспѣшно собрались и отправились въ гостинницу Дромадера, лучшую въ городѣ; содержимую мистеромъ Бельтомъ и Комп., а мы съ Спондграсомъ начали одѣваться. Но это было не такъ легко, какъ мнѣ казалось, потому-что платье моё было разбросано по всей комнатѣ и мнѣ не мало труда стоило отыскать и собрать его. Но — увы — шейный платокъ былъ найденъ мною весь испачканный: вѣроятно Самъ успѣлъ уже имъ вытереть что-нибудь жирное.

Спондграсъ былъ въ неменьшемъ затрудненіи, потому-что чемоданъ его былъ запертъ, а ключъ находился у слуги.

— Эй, Самъ, позови ко мнѣ Пинча! Гдѣ это онъ пропадаетъ? Я ещё ни разу не видалъ его въ комнатѣ.

Пинчъ былъ слуга мистера Спондграса. Онъ былъ человѣкъ честныхъ правилъ, но руководствовался не рѣдко своими философическими правилами: часто прибѣгалъ къ физической силѣ въ спорѣ съ жидами и лавочниками, а иногда любилъ и выпить. Однажды, когда Спондграсъ укорялъ его за дурное поведеніе, онъ отвѣчалъ ему флегматически: «Это бы ещё ничего что напился, а вотъ худо, что задрался». Теперь, пріѣхавъ въ городъ, гдѣ у него было много знакомыхъ, онъ сдалъ барина своего на попеченіе Джоя и Сама, а самъ проводилъ время въ гостяхъ. На этотъ разъ Самъ засталъ его въ кухнѣ.

— Пинчъ, гдѣ это ты пропадаешь?

— Я всё время былъ здѣсь, отвѣчалъ Пинчъ.

— Что ты мнѣ говоришь — былъ здѣсь! Полчаса назадъ я посылалъ за тобою — и тебя не было.

— Я ходилъ къ прачкѣ.

— Ну то-то! Одѣваться!

Черезъ четверть часа Спонгдрасъ явился предо мной въ самомъ фешенэбельномъ видѣ: на нёмъ былъ чорный фракъ, такіе же панталоны, жилетъ и галстукъ, изъ-за котораго кокетливо выглядывали два кончика рубахи, почти неуловимые для взора. Сверхъ жилета, на огромномъ крючкѣ висѣла модная золотая цѣпочка — chaîne mônstre, толщиною съ дѣтскую ногу. На рукахъ были натянуты перчатки канареечнаго цвѣта, до такой степени узкія, что пальцы, казалось, каждую минуту готовы были вылѣзть изъ своего заточенія, и наконецъ пуховая шляпа довершала его костюмъ.

Оправившись ещё разъ передъ зеркаломъ и приведши окончательно въ порядокъ свою причёску, Спондграсъ объявилъ, что онъ готовъ отправиться въ экспедицію для прінсканія обѣда.

Надѣвши шинели, мы вышли на крыльцо, сопровождаемые Самомъ и Джоемъ — и нашимъ взорамъ представился экипажъ Винкля. Лошадь, запряженная въ сани маленькія и неуклюжія, была достойна, чтобъ внести её въ каталогъ рѣдкостей уже по одному блѣдножолтому своему цвѣту. Не могу судить объ ея статьяхъ, но коннозаводчикъ, продавшій её Винклю, божился, что она рождена отъ королевскихъ жеребцовъ ея величества вдовствующей королевы Испанской. Мы усѣлись въ сани и, довольно благополучно проѣхавъ черезъ дворъ, выбрались на улицу.

— На-лѣво, на-лѣво! закричалъ громовымъ голосомъ Спондграсъ.

Но — увы — не смотря на бдительность Спондграса, лошадь уже стояла у противуположнаго забора и радостно махала головою. Кучеръ Винкля, дородный туземецъ, какъ видно, не слишкомъ искусный въ ѣздѣ, съ большимъ трудомъ отворотилъ её отъ забора; но лошадка въ ту же минуту бросилась вскачь — и мы очутились у сосѣднихъ воротъ.

— Да что жь ты выпустилъ вожжи изъ рукъ, кричалъ Спондграсъ. Да держи же прямо по улицѣ.

Но туземецъ не показывалъ никакого признака жизни. Онъ сидѣлъ, какъ истуканъ, не въ состояніи будучи пошевелить руками, потому-что былъ одѣтъ въ два тулупа, суконный армякъ и вооруженъ двумя парами кожаныхъ рукавицъ.

— Ну что же, поѣдемъ мы или нѣтъ? спросилъ я его.

— А кто её знаетъ, отвѣчалъ туземецъ: — она съ норовомъ; вотъ побѣжитъ немножко, да и станетъ. Ну же, савраска! прибавилъ онъ и началъ её стегать кнутомъ.

Такимъ образомъ мы кое-какъ добрались до главной улицы, въ концѣ которой была гостинница Дромадера. Здѣсь движеніе народа было замѣтнѣе. По одну сторону улицы были лавки съ колоніальными произведеніями, магазины часовыхъ дѣлъ мастеровъ и цырульни. Однимъ словомъ, въ этомъ мѣстѣ сосредоточивалась вся торговая дѣятельность города — и потому проѣздъ нашъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлался гораздо затруднительнѣе, а безпрестанно раздававшіеся крики: «поди! держи правѣе!» привели нашего туземца въ совершенное замѣшательство. Лошадь наша остановилась, повернулась поперёгъ улицы и начала пятиться назадъ.

— Что это значитъ? спросилъ Спондграсъ.

— Да это у нея такой норовъ, отвѣчалъ туземецъ и началъ помукать лошадь.

— Но, но! кричалъ онъ.

— Но, но! кричали мы хоромъ.

Лошадка сдѣлала нѣсколько шаговъ, послѣ чего начала пятиться такъ быстро, что наши сани, прежде нежели мы успѣли опомниться, въѣхали до половины въ двери какой-то мелочной лавочки, набитой яблоками, грушами и орѣхами. Тутъ произошло смятеніе: Спондграсъ, въ испугѣ, чтобы лошадь не подкатила наши сани подъ полку, гдѣ можно было сломить себѣ шею, поспѣшно выпрыгнулъ изъ саней и, зацѣпившись за порогъ лавки, растянулся на тротуарѣ. Торговка, видя, что куча яблокъ, лежавшая около дверей, раздавлена нашими санями, подняла такой крикъ и плачъ, что въ скоромъ времени цѣлая толпа зѣвакъ собралась возлѣ лавки. Я поспѣшилъ удовлетворить торговку и поскорѣй удалился изъ лавки, оставивши въ ней туземца, который во всё время продолженія этой сцены не переставалъ набивать ротъ раздавленными яблоками. Выпачкавъ ноги въ грязи, я наконецъ достигъ обѣтованной гостинницы. Въ ней Топменъ и Винкль съ участіемъ стирали грязь, покрывавшую Спондграса, который печально смотрѣлъ на свои перчатки, изъ канареечнаго цвѣта превратившіяся въ бурый.

— Спасибо, сказалъ я, обращаясь къ Винклю: — нечего сказать, у тебя славная лошадь.

— Я не знаю, что это съ ней сдѣлалось, отвѣчалъ онъ: — вѣрно чего-нибудь испугалась. Лошадь породистая и хорошо вымѣзженная.

— Отлично: видно, что твой туземецъ объѣзжалъ её.

Скоро намъ подали обѣдать и мы, усѣвшись, забыли о непріятностяхъ, случившихся съ нами. Послѣ отличныхъ куропатокъ Спондграсъ, за бокаломъ шампанскаго, объявилъ намъ, что намѣренъ дать обѣдъ, пригласивъ ещё нѣсколько знакомыхъ джентельменовъ. При этомъ извѣстіи лица наши прояснились. Во всякое время хорошій обѣдъ вещь не дурная, тѣмъ болѣе въ нашемъ положеніи, когда мы страдали отъ голода и когда не всякій день намъ могло посчастливиться найти въ гостинницѣ куропатокъ. Магнусъ съ энтузіазмомъ принялъ эту мысль и клялся, что Спондграсъ не могъ ничего лучшаго выдумать; но только совѣтовалъ взять извѣстнаго метръ-д'отеля въ городѣ. Спондграсъ согласился на всё.

— Теперь, господа, сказалъ онъ, составимъ списокъ блюдъ, которыя завтра должны быть за обѣдомъ.

— Супъ на шампанскомъ, сказалъ Топменъ.

— Нѣтъ, лучше супъ на бульонѣ изъ бекасиныхъ ножекъ, воскликнулъ Магнусъ.

— И такъ я пишу, началъ Спондграсъ: супъ изъ бекасиныхъ ножекъ. Что дальше?

— Стерлядь.

— Хорошо.

— Паштетъ съ рябчиками и трюфелями.

— Паштетъ, начинённый иголками, закричалъ Топменъ, у котораго вкусъ до того былъ испорченъ, что онъ могъ ѣсть не иначе, какъ приправляя всё горчицею, соей и иными острыми пряностями.

— Ахъ! чудесно, чудесно — паштетъ съ иголками, кричалъ съ энтузіазмомъ Магнусъ.

— Пудингъ.

— Горящій, сказалъ я: — à flâme.

— Нѣтъ, я думаю на винѣ, сказалъ Спондграсъ.

— Какъ можно, воскликнулъ Магнусъ — надобно, чтобъ пудингъ горѣлъ. Ахъ! это будетъ чудо, прелесть!

— Ну что дальше?

— Жаркое — рябчики, сказалъ Винкль. Ахъ, еслибъ теперь было лѣто, я бы сейчасъ отправился на охоту и у насъ завтра были бы бекасы.

На это Топменъ что-то сомнительно покачалъ головою.

— Ну теперь очередь Магнуса говорить, какое сдѣлать пирожное. Не желе ли?

— Ахъ, нѣтъ! сказалъ Магнусъ — лучше Psyché!

— Что это за Psyché?

— Вы увидите, какъ это хорошо. Это дивное, предсмертное произведеніе великаго Карема. Кстати пусть сдѣлаютъ страсбургскій пирогъ съ мороженымъ въ серединѣ; пожалуй желе на винѣ, но недурно бы было всё это обложить различными безе. Сверхъ того нужно ещё велѣть сдѣлать пирамиду изъ конфектъ.

Нужно замѣтить, чтъ конфекты для Магнуса были то же, что вода для рыбы. Безъ нихъ онъ не могъ жить, не могъ дышать — они служили ему главною пищею. Карманы его всегда были наполнены ими. Онъ ихъ ѣлъ отъ утра до вечера и даже ночью — и потому не удивительно, что онъ заказалъ столько сладкихъ блюдъ.

— Теперь вина, сказалъ Спондграсъ: мадера, бордо и шампанское.

— Всё это должно быть подогрѣто. Бордо въ двадцать градусовъ, портвейнъ въ тридцать, прибавилъ Топменъ.

— Ахъ, нѣтъ! воскликнулъ Магнусъ: — лучше разогрѣть ихъ до пятидесяти градусовъ. Ахъ, какъ это будетъ хорошо!

— Значитъ мы будемъ завтра, вмѣсто вина, пить кипятокъ, сказалъ серьёзно Винкль.

— Нѣтъ, въ пятьдесятъ градусовъ это ужь будетъ много, произнёсъ Топменъ, который ещё не забылъ, какъ на послѣднемъ обѣдѣ у мера обжогъ себѣ поднебенье.

— Теперь нужно сдѣлать списокъ приглашаемыхъ особъ, сказалъ Спондграсъ. Надобно, чтобъ было двѣнадцать. Во-первыхъ — я, во-вторыхъ — Слемеръ, въ третьихъ — Магнусъ, въ четвёртыхъ — Винкль, въ пятыхъ — Топменъ, въ шестыхъ — Джингль, въ седьмыхъ — джентельменъ, съ успѣхомъ подражающій крику свиньи, въ восьмыхъ — капитанъ 37-го пѣхотнаго полка, въ девятыхъ — новопріѣзжій изъ столицы, въ десятыхъ — джентельменъ-великанъ, въ одиннадцатыхъ — мичманъ Громрекъ, набирающій здѣсь матросовъ, и въ двѣнадцатыхъ — моложавый джентельменъ.

Между-тѣмъ стало совершенно темно и мы отправились домой, гдѣ, не смотря на происшествія этого дня и нашу усталость, Спондграсъ таки прочиталъ намъ свою нравственно-сатирическую повѣсть, послѣ чего тотъ-часъ улёгся спать, а за нимъ и мы съ Топменомъ также улеглись на своихъ твёрдыхъ ложахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день послѣ описанныхъ мною происшествій, часа въ два пополудни, въ одной изъ залъ гостинницы Дромадера былъ накрытъ столъ на двѣнадцать кувертовъ, убранный со всевозможнымъ изяществомъ. Спондграсъ ходилъ вокругъ стола, по временамъ посматривалъ на часы и насвистывалъ что-то среднее между молитвою муэзина и Sperl-полькой, а Топменъ, сидя на диванѣ, грызъ ногти и о чёмъ-то размышлялъ.

— Будетъ ли мичманъ Громрекъ *)? спросилъ Топменъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Спондграсъ; но я просилъ его пріѣхать.

Въ это время двери отворились и толпа джентельменовъ, приглашонныхъ къ обѣду, ввалилась въ комнату.

Мы сѣли за столъ. По правую руку у меня сидѣлъ мичманъ Громрекъ, а по лѣвую новопріѣзжій изъ столицы. Разговоръ сначала не клеился и только по временамъ слышалось:

— Какъ вамъ нравится супъ?

— Хорошъ.

— А пирожки?

— Не дурны.

Что же касается до меня и моихъ друзей, то очень естественно, что мы, постоянно страдавшіе отъ голода, не теряли времени понапрасну, а Топменъ даже раза два чуть было не подавился. Но за вторымъ блюдомъ разговоръ оживился, причёмъ мичманъ Громрекъ, ѣхавшій чрезъ нѣсколько дней въ Ботанибей, разсказалъ о выгодахъ тамошней службы, новопріѣзжій изъ столицы наговорилъ съ три короба о божественной Фреццолинѣ, а джентельменъ, съ искусствомъ подражавшій крику свиньи, успѣлъ въ это время два раза прохрюкать поросёнкомъ. Наконецъ разговоръ коснулся политики.

— Кажется, въ Индіи не совсѣмъ спокойно, замѣтилъ Громрекъ, стараясь овладѣть кускомъ стерляди, скользившимъ съ его вилки.

— О, да, съ живостью возразилъ Спондграсъ: — развѣ вы не читали послѣдняго манифеста Остъ-Индскаго губернатора о войнѣ съ Кабуломъ?

— Нѣтъ! Но какія причины заставили его поднять оружіе?

---

*) Степанъ Степановичъ Громека — извѣстный публицистъ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Въ началѣ 1848 года, командированный въ Нѣжинъ для наблюденія за правильностью рекрутскаго набора, онъ прожилъ въ нёмъ всю зиму. Умеръ въ чинѣ генералъ-маіора и званіи Седлецкаго губернатора.

— Очень важныя. Извольте видѣть: договоры, заключённые британскимъ правительствомъ съ эмирами Синга и Набобомъ Багавульпорскимъ и Магардажею Реджитъ Сингомъ, имѣли цѣлію распространеніе торговли посредствомъ судоходства по Инду.

— Знаю, знаю, сказалъ Громрекъ.

— Да, но вы не знаете, какъ вѣроломно поступилъ Достъ Мухамедъ Ханъ въ отношеніи къ союзнику Британіи Магараджѣ.

— Но всё же изъ за этого не стоитъ начинать войну.

— Помилуйте, это дѣло чрезвычайной важности! Достъ Мухамедъ Ханъ раздуваетъ пламя междоусобій между пріязненными намъ племенами.

— Я читалъ на-дняхъ очень замѣчательную статью, сказалъ новопріѣзжій изъ столицы. Въ Канадѣ...

— А, вы вѣроятно хотите сказать, перебилъ его Спондграсъ: — о томъ, что у Канадскаго губернатора сдѣлался на губѣ ракъ.

— Нѣтъ, нѣтъ: въ Канадѣ возмущеніе.

По несчастію я не могъ слѣдить за политическимъ разговоромъ, потому-что замѣтилъ невыгодное положеніе своё за столомъ. Блюда, начинавшіяся съ капитана и совершившія кругъ около стола, доходили до меня совершенно пустыми, или съ однимъ соусомъ. Одинъ пудингъ дошолъ до меня въ достаточномъ количествѣ, но въ то самое время, какъ я хотѣлъ его взять, мичманъ Громрекъ, разсказывая въ это время объ атакѣ города Герата, махнулъ рукой — и пудингъ, слѣтѣвши съ блюда, приклеился къ моему жилету, а соусъ исписалъ узорами моё платье; но мичманъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ, какъ ни въ чёмъ не бывало, свой разсказъ кавалерійской атаки. Обѣдъ приближался къ концу и всё общество развеселилось. Но покамѣсть гости разговаривали, Спондграсъ таинственно всталъ изъ-за стола и ушолъ въ другую комнату, откуда возвратился съ бутылкой шампанскаго, сопровождаемый Пинчемъ съ подносомъ, уставленнымъ бокалами.

— Несутъ, несутъ! завопилъ Топменъ, на котораго винные пары начали уже дѣйствовать не хуже сѣрнаго эѳира. Между-тѣмъ Спондграсъ подошолъ къ столу и, остановившись около меня, сталъ раскупоривать бутылку. Я съ участіемъ пригнулся къ нему и началъ слѣдить за движеніемъ его руки, какъ вдругъ пробка съ трескомъ выскочила изъ бутылки и ударила меня въ глазъ такъ сильно, что въ одно мгновеніе огромный желвакъ скрылъ его совсѣмъ. Это былъ послѣдній ударъ моему терпѣнью. Я съ крикомъ соскочилъ со стула и бросился бѣжать на квартиру моихъ друзей, гдѣ, уложившись, я вышелъ на улицу, сопровождаемый туземцемъ, нёсшимъ чемоданъ. Тамъ встрѣтилъ я отъѣзжавшій дилижансъ, сѣлъ въ него, и, прежде нежели друзья мои успѣли отобѣдать и возвратиться домой, я былъ уже далеко отъ мѣста моихъ страданій.

1848. Н. Шкода.

IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ, НАЙДЕННОЕ ПО СМЕРТИ КВАРТАЛЬНАГО ПУДА ГУРЫЧА ПЕРЧИКОВКИ ВЪ ХОЛЯВѢ САПОГА ЕГО.

Въ Черниговскую Градскую Полицію, отъ внимающаго лекціямъ въ оной же Семинаріи студента философіи Тарасія Власьева сына Басовелія

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Сего 1845 года мѣсяца семптембрія случилось удивленія достойное событіе, каково могло токмо озарить времена Нерона и Діоклитіана! Оное происшествіе не причинило собою вреда цѣлому сословію нашему, но токмо мнѣ единому изъ стада архисвященнаго нашего общества. Азъ, вышереченный семинаристъ и совокупно съ тѣмъ философъ Тарасій Власьевъ сынъ Басовелій, онаго въ горѣ поименованнаго числа вышелъ изъ обиталища хозяина своего діякова Назарія Мухи проходиться наслажденія ради и купно съ тѣмъ, дабы воспѣть тему предназначенную профессоромъ Игнатіемъ Ипахондріею. Но возвратясь вспять, едва стопы мои достигли подножія дверіевъ обители моея, какъ я узрѣлъ сердцевину желѣзной цѣвницы расторгнутою и изуродованною, весьма слабо висящею на пробоѣ. Расторгнувъ дверіе, вошедъ въ нію и трижды околесивъ оную, паче чаянія воззрѣлъ на верею, поверхность коея отягчена была исподнею и внѣшнею одеждою, хранительницею плоти моея, но — горе мнѣ бѣдному — не обрѣтохъ ю тамо! Я устремился къ нѣдрамъ ложа моего, гдѣ опричь трёхъ веліихъ кружаловъ лука и четырёхъ надесять трезубцевъ чеснока, уязвителя сердца, ничего не обрѣталось. Я устремилъ молніеносный взоръ свой подъ логовище, но и тамо, кромѣ американскихъ

произведеній, сирѣчь картофеля, ничего не пребывало. Оттоль я обратилъ курсъ свой ко домочадцу, яко всевѣдцу вся имущая; но, получивъ и отъ онаго отвѣтъ невѣдѣнія, азъ ракоподобно попятился въ обитель свою. Такимъ страннымъ для слуха случаемъ или оказіею вся моя имущая похищена безвѣстными мздоимцами; а оная заключалась въ слѣдующихъ формахъ здравія моего касающихся:

1) Тёмно-синяя о двухъ крылахъ фонеберія совершенно новая, едва протекло два курса какъ сшитая, трижды на изнанку вывернутая, съ находящимися при оной роговыми пуговицами, кои едва только поблекли отъ сіянія солнечнаго. Изъ оныхъ пуговицъ единая со зади отсутствовала. Оная фонеберія употребляема была токмо во дни празднествъ при отправленіи обязанностей послушника во время литургіи.

2) Двукалошники оливковые, паталонами обыкновенно называемые, съ разноцвѣтными вдоль и поперегъ полосами и съ находящимися при оныхъ тощими рейтузами кожевеннаго вещества.

3) Жолтаго фриза хломида (шинелія инразъ именуемая въ прочихъ языцахъ).

4) Шлафоръ изъ доморощенныхъ агнцевъ, не покрытый никакою матеріею. Оный, отъ частаго поползновенія по заборамъ въ ночное время, созади бысть мало разодранъ.

5) Подвыйники, сирѣчь воротнички, коихъ рога отъ частаго смоченія и ударенія прачемъ учинили отпаденіе и изуродованіе нѣкое.

6) Подвыйникъ, сирѣчь не иное что либо какъ токмо подгалстушникъ жолтаго кашемира съ красными цвѣтоподобіями и различными удивленія достойными образностями розъ и иныхъ весеннихъ благоуханій. Оный подгалстушникъ на центрѣ своёмъ совмѣщалъ зѣло велій банъ съ находящимся на ономъ чернильнымъ пятномъ, величиною въ самую меньшую мѣдную монету. Опричь сего на бантѣ находилась бронзовая игла, изображающая на поверхности своей нагого Купидона съ лукомъ въ десницахъ.

7) Наперстники, перчатками неправильно мірянами называемые, самаго лучшаго сафьяна, содѣланныя мною во время вакаціонное изъ ботинокъ сестры моей Епистиміи Власьевны.

8) Защитители стопъ, иначе нарицаемые сапогами, кои по причинѣ ветхости, тѣснаго союза ради, облекались новымъ ремнемъ.

9) Футляры для оныхъ защитителей стопъ, сирѣчь калоши, изъ коихъ единый былъ лишонъ обонятельнаго члена, сирѣчь носка, вслѣдствіе чего и выглядывалъ изъ онаго защититель стопъ, будто бы для обозрѣнія природы.

10) Картузъ или обличитель главы моей, составленный изъ девяти суконныхъ треугольниковъ, съ находящеюся при оной шелковою кистью, выходящею внѣ за горизонтъ онаго картуза.

11) Нагрудникъ, неправильно жилетомъ нарицаемый, изъ зелёной матеріи съ красными цвѣтами и съ зеркальными пуговицами, подобными зіяющимъ во мракѣ звѣздамъ.

Сверхъ сего похититель простёръ злобу свою и на вещи питательныя, изъ коихъ заслуживаютъ вниманія нижеслѣдующія:

Четыре мѣры американскихъ произведеній, сирѣчь картофеля, и пять кружалокъ лука, баклажка постнаго масла, сирѣчь олѣю, который употреблялся всечасно для кушанья, а во время празденствъ и дней торжественныхъ на мащеніе головы и сапоговъ.

Равномѣрно съ похищеніемъ вещей питательныхъ причинено похищеніе и орудій, къ употребленію оныхъ служащихъ:

1) Чревопитательная миса, сирѣчь лахань, коя всевремено утоляла и насыщала моё вопіющее отъ глада чрево.

2) Единорожникъ, сирѣчь вилка. Оная получила своё названіе по причинѣ отпаденія прочихъ двухъ остріевъ, кои уподобились во всёмъ нечестивымъ колѣнамъ Израиля, отпавшимъ отъ колѣна Іудина.

3) Совмѣститель благовоннаго налоя, сирѣчь чайникъ, съ поврежденнымъ рыльцемъ, но искуственно поправленнымъ мною очеретовою дудочкою, коя прилѣплена была сургучёмъ въ первобытномъ его состояніи — смолою. Оный совмѣститель благовоннаго налоя совмѣщалъ въ себѣ обыкновенно бузиновый цвѣтъ, а въ дни празденствъ — цвѣтъ столь благовонной липы.

4) Чисесловецъ, сирѣчь святцы, находящійся хотя и не въ цвѣтущемъ состояніи по причинѣ лишенія единой политурки и отсутствія пяти страницъ, блуждающихъ гдѣ-то, яко неистовыя козлища. Оные листья чуть ли не извлечены разъяреннымъ моимъ собратомъ Евтихіемъ Пупазадичемъ въ нетрезвомъ положеніи за перебитіе ему мною обонятельнаго члена онымъ чисесловцемъ.

5) Дымоизвергательница табачнаго фиміама, сирѣчь люлька, но не для убаюкиванія младенцевъ, а для куренія. Оная всечасно наполнялась отраслями доморощеннаго табака—а въ дни празденствъ и четвёртымъ сортомъ Джестера. Она была подарена мнѣ хозяиномъ моимъ Назаріемъ Мухою не токмо тезеименитства моего ради, но расположенія личнаго для.

И такъ вся моя имущая похищена безвѣстными и презрѣнными злопохитителями, о коихъ знанія ради прошу Черниговскую городскую полицію, дабы, открывъ вредное сословіе оныхъ издоимцевъ, исторгнула она изъ десницъ ихъ вся моя имущая и препроводила оная къ собственноручному принятію моему, а оныхъ злокозненныхъ злодѣевъ ввергнула подъ стражу многочисленную, дабы очеса ихъ впредь чуждаго отнюдь не зрѣли, а десницы предала желѣзнымъ вереямъ.

Собственноручное писаніе учинилъ семинаристъ философіи Тарасій Власьевъ сынъ Басовелій.

1844. А. Пащенко.

V.

РЕЦЕНЗІЯ ЯКО БЫ ГДѢ-ТО НАПЕЧАТАННАЯ.

Бокалъ. Стихотвореніе Н. Гербеля. «Библіотека для Чтенія», 1846, т. LXXIX, № 12, отд. I, стр. 117.

Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ мы имя новаго поэта, который изъ такого антипоэтическаго предмета какъ бокалъ съумѣлъ создать такую милую вещицу. Господинъ Гербель, какъ видно, молодой человѣкъ съ талантомъ. Давно уже не встрѣчали мы такого плавнаго, гармоническаго и такъ изящно-обработаннаго стиха. Словомъ, форма его созданія совершенно удовлетворительна; что же касается содержанія, то — да проститъ его Богъ! Онъ — полагаемъ мы — увлёкся на этотъ разъ тою злосчастною школою, которая избрала себѣ девизомъ вывѣску съ виноградною кистью и съ надписью: «продажа разныхъ виноградныхъ винъ» — и въ поэтическомъ бреду воспѣваетъ шампанское, пуншъ, іоханнисбергъ и пѣнное вино. Уже самое благородство въ изображеніи такого непоэтическаго предмета, какъ бокалъ, а также отсутствіе тривіальныхъ стиховъ служитъ намъ ручательствомъ, что это было только минутное увлеченіе автора «Бокала». Послушайте, напримѣръ, какъ поэтъ начинаетъ своё стихотвореніе:

Друзья разошлись. На столѣ предо мною
Стоялъ недопитый бокалъ.

Что? Я вижу на вашемъ лицѣ всѣ признаки страха: вы думаете, что вотъ начинается описаніе вакханаліи и съ ужасомъ уже представляете рядъ фіаловъ, съ искрящимися въ нихъ топазовыми струями. Ошибаетесь! Г-нъ Гербель, благодаря чудной игрѣ напитка, погружается въ мечты. Напитокъ же этотъ повидимому есть благороднѣйшій изъ напитковъ, именно — нектаръ, потому-что — посмотрите, что за чудныя видѣнья представляются поэту. Прежде всего душа поэта начинаетъ утопать въ волшебномъ сіяніи. Мы думаемъ, что это волшебное сіянье было ни что иное, какъ вдохновенье, осѣнившее поэта; но душѣ его и этого показалось мало — и вотъ она, неблагодарная, начинаетъ «стремиться въ невѣдомый міръ» и, какъ видно изъ послѣдствій, безъ позволенія поэта, отрѣшается отъ него и улетаетъ, «пронзая эѳиръ», причёмъ поэтъ, желая скрыть своеволіе души, далѣе говоритъ, что мысли его отправились погулять:

И мысли мои уносились далёко —
Въ равнины, гдѣ пальмы шумятъ,
Гдѣ пышно межь листьевъ, подъ солнцемъ востока,
Горитъ золотой виноградъ.

И мнѣ представлялись равнины Шампаньи:
Онѣ разстилались вдали —
Я видѣлъ довольство, я видѣлъ старанье
И — вмѣстѣ — всю щедрость земли.

Вся область слилася въ одинъ виноградникъ,
Въ одинъ нескончаемый лѣсъ —
И дивенъ и чуденъ былъ этотъ разсадникъ,
Чудеснаго дара небесъ.

Палящее солнце играло лучами
На вызрѣвшихъ, сочныхъ гроздахъ
И вѣтеръ прохладный, шумя межь листами,
Качалъ ихъ на гибкихъ лозахъ.

Вдали возвышаются синія горы,
Шумятъ на горахъ тѣхъ лѣса,
За ними синѣется что-то, но взоры
Лишь видятъ одни небеса.

О, господинъ Гербель одарёнъ неоспоримо обширнымъ воображеніемъ! Что за чудная картина: этотъ виноградный нескончаемый лѣсъ, этотъ отблескъ знойнаго солнца на сочныхъ, вызрѣвшихъ гроздахъ! Всё это приводитъ душу въ восторженное состояніе, взоръ отрадно покоится на этихъ сочныхъ гроздахъ и лѣсахъ и душа оказывается преисполненной восторгомъ; но вотъ ей и послѣдній ударъ: вдали что-то синѣется, но взоръ этого *что-то* недосягаетъ, потому-что это *что-то* до-того безконечно, неосязаемо, неуловимо, что его можно видѣть только въ минуту высочайшаго поэтическаго прозрѣнія, когда духъ человѣческій отрѣшается отъ всего земного и летитъ къ небеснымъ высямъ.

Всё это такъ хорошо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, туманно, что я, при всёмъ моёмъ желаніи написать ещё что-нибудь, оказался безсильнымъ исполнить желаемое, такъ-какъ мои взоры уже ровно ничего не видѣли, кромѣ этой художественной и поэтической картины. Если воображеніе г. Гербеля было такъ игриво въ то время, когда предъ нимъ стоялъ ещё недопитый бокалъ, то чтобы написалъ онъ, если бы осушилъ его до дна? О, тогда бы онъ представилъ намъ міръ абсолютный съ его свѣтлыми духами, которые, восхищённые пѣснями молодого поэта, унесли бы его въ свою отчизну — седьмое небо.

Желаю отъ души, чтобы слѣдующія стихотворенія г. Гербеля, которыми онъ вѣроятно насъ скоро подаритъ, мы встрѣтили бы идею болѣе вызрѣвшую и утверждённую не на гибкой лозѣ съ сочными гроздами, а на чёмъ-нибудь болѣе прочномъ.

И. Шкода.

1846.

VI.

ВВЕДЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ.

Пробѣжавъ по струнамъ,
Золотымъ пѣвунамъ,
Не жалѣю ни груди, ни глотки:
И сіяй, и свѣтлѣй
Незабвенный Лицей,
Знаменитый Лицей Безбородки!

Гдѣ окрѣпъ, возмужалъ
Тотъ, кто выше похвалъ,
Дивный Гоголь [1]), изъ геніевъ геній,
Гдѣ Торкватовъ пѣвецъ [2])
Ужъ мечталъ про вѣнецъ,
Гдѣ трудился Гребёнка Евгеній [3]).

Гдѣ Рославскій [4]) корпѣлъ,
Гдѣ Пётръ Рѣдкинъ [5]) потѣлъ
Надъ латынью сухой, гдѣ Базили [6])

---

[1]) Н. В. Гоголь — знаменитый авторъ «Ревизора» и «Мёртвыхъ Душъ».

[2]) Н. В. Кукольникъ — извѣстный поэтъ и писатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, авторъ трагедій «Торквато Тассо» и «Рука Всевышняго Отечество спасла» и романовъ «Альфъ и Альдона» и «Эвелина де Вальероль».

[3]) Е. П. Гребёнка — извѣстный писатель сороковыхъ годовъ, авторъ романа «Чайковскій» и цѣлаго ряда прекрасныхъ повѣстей.

[4]) А. П. Рославскій-Петровскій — извѣстный писатель по части статистики, ординарный профессоръ и ректоръ Харьковскаго Университета въ теченіи многихъ лѣтъ.

[5]) П. Г. Рѣдкинъ — извѣстный педагогъ сороковыхъ годовъ, ординарный профессоръ Московскаго и Санктпетербургскаго университетовъ и ректоръ послѣдняго изъ нихъ. Въ настоящее время — дѣйствительный тайный совѣтникъ и предсѣдатель Департамента Удѣловъ.

[6]) К. М. Базили — нашъ извѣстный дипломатъ и авторъ извѣстныхъ сочиненій о Востокѣ: «Архипелагъ и Греція», «Очерки Константинополя» и «Сирія и Палестина». Нынѣ — тайный совѣтникъ въ отставкѣ. Живётъ въ Одессѣ.

О Элладѣ мечталъ
И гдѣ росъ-выросталъ
Крѣпко-тѣлый Домбровскій [7]) Василій.

Гдѣ Миклуха [8]), Собко [9])
Усвояли легко
Математики высшей начала
И гдѣ въ мракѣ ночей
Проработалъ надъ ней
Нашъ Журавскій Димитрій [10]) не мало.

Гдѣ Иванъ Лашнюковъ [11])
На кропанье стиховъ
Промѣнялъ упражненія въ латынѣ
И гдѣ, полонъ любви,
Всѣ надежды свои
Созидалъ Экебладъ [12]) на Троцинѣ [13]).

И свѣтлѣй, и сіяй
Дорогой «Неминай»,
Украшеніе Нѣжина-града!
Пусть бутылки твои
Съ искрометнымъ ан
Возростутъ до библейскаго стада!

Гдѣ нашъ Шкода [14]) Иванъ,
Минестрѣль и боянъ,
Нашъ Конисскій [15]), Шрамченко [16]), Макаровъ [17])

---

[7]) В. Ѳ. Домбровскій — умеръ. Былъ экстроординарнымъ профессоромъ Университета Св. Владиміра.

[8]) Н. И. Миклуха — извѣстный инженеръ корпуса Путей Сообщенія, подававшій большіе надежды, но умершій очень рано. Отецъ извѣстнаго нашего путешественника и ученаго Миклухи-Маклая.

[9]) П. И. Собко. Авторъ лучшихъ русскихъ сочиненій по инженерной части и профессоръ Инженеровъ Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій. Умеръ въ 1879 году.

[10]) Д. И. Журавскій — извѣстный строитель знаменитаго Веребьинскаго моста и Петропавловскаго шпица. Нынѣ — тайный совѣтникъ и директоръ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ.

[11]) И. В. Лашнюковъ. Умеръ въ 1869 году. Былъ экстроординарнымъ профессоромъ въ Университетѣ Св. Владиміра.

[12]) Х. А. Экебладъ. Умеръ въ 1870 году. Былъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, директоромъ Лицея Князя Безбородко.

[13]) К. Е. Троцина. Почётный мировой судья Борзенскаго уѣзда.

[14]) И. И. Шкоде. Помощникъ Начальника Лифляндскаго губернскаго жандармскаго управленія въ Дерптѣ.

[15]) А. И. Конисскій. Вышелъ изъ Лицея въ 1848 году, не окончивъ курса.

[16]) Е. А. Шрамченко. Вышелъ изъ Лицея въ 1847 году, не окончивъ курса.

[17]) Н. Я. Макаровъ. Управляющій Московской Казённой Палатою.

Напивались со мной
До того, что, порой,
Принимали людей за омаровъ.

Западъ вспыхнулъ огнёмъ:
За сосѣднимъ холмомъ
Догоралъ такъ роскошенъ и мѣженъ
Умирающій день
И вечерняя тѣнь
Осѣняла безжизненный Нѣжинъ.

Огоньки кое-гдѣ;
Но какъ пусто вездѣ
На ристалищахъ Нѣжина-града;
Всё заснуло кругомъ,
Лишь подъ чьимъ-то окномъ
Замирала въ дали серенада.

Это *онъ* [18]) и *она!*
Чуть зажжотся луна —
Ужь, съ дрянною гитарой подъ мышкой,
Онъ стоитъ у воротъ,
И брянчитъ, и поётъ —
И смѣётся *она* надъ мальчишкой.

Да извощикъ домой
Проѣзжалъ стороной;
У трактира похрюкивалъ боровъ,
Да какой-то бѣднякъ,
По дорогѣ въ кабакъ,
Пробирался вдоль длинныхъ заборовъ.

Да въ стеклянныхъ дверяхъ
Появлялся въ очкахъ
Дорогой властелинъ [19]) «Неминая»
И глядѣлъ на востокъ,
И сморкался въ платокъ,
Понапрасно гостей поджидая...

1845. Н. Гербель.

---

[18]) И. Ѳ. Кнышъ. Оставилъ Лицей въ 1848 году, не окончивъ курса.
[19]) Хорошо-извѣстный въ своё время всему Нѣжину и его окрестностямъ Павелъ Даниловичъ, содержатель не менѣе извѣстной гостинницы «Неминая».

СПИСОКЪ ДОЛЖНОСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ

Гимназіи Высшихъ Наукъ и Лицея Князя Безбородко, состоявшимъ въ обоихъ заведеніяхъ съ 1820 по 1876 годъ включительно.

А.

Агнивцевъ, Павелъ (1835—1841). Секретарь правленія Лицея. Въ чинѣ губернскаго секретаря.

Аманъ, Августъ Ивановичъ (1820—1831). Библіотекарь.

Аманъ, Адольфъ Ивановичъ (1823—1829). Надзиратель.

Андржіевскій, Антонъ Лукьяновичъ (1839—1841). Исправляющій должность профессора естественныхъ наукъ. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Андреевскій, Александръ Герасимовичъ (1859—1863). Инспекторъ. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Андрущенко, Семёнъ Матвѣевичъ (1822—1832). Младшій профессоръ латинской словесности. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Б.

Берхъ, Карлъ Ивановичъ (1844—1852). Исправляющій должность надзирателя.

Билевичъ, Михаилъ Васильевичъ (1821—1833). Старшій профессоръ политическихъ наукъ. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Блохинъ, Платонъ (1825—1826). Надзиратель. Въ чинѣ коллежскаго регистратора.

Бордоносъ, Ѳедоръ Матвѣевичъ (1841—1842). Чиновникъ правленія Лицея.

Будзынскій, Константинъ Андреевичъ (1834—1838). Профессоръ прикладной математики. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Бунге, Николай Христіановичъ (1845—1850). Профессоръ законовъ казённаго управленія Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Бѣлобровъ, Емельянъ Максимовичъ (1856—1875). Исправляющій

должность профессора русской словесности. Въ чинѣ статскаго совѣтника. Инспекторъ Лицея (1863—1875).

Бѣлоусовъ, Николай Григорьевичъ (1825—1830). Младшій профессоръ римскаго права. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

В.

Ванновскій, Семёнъ Ивановичъ (1825—1831). Надзиратель.

Волынскій, Павелъ Ивановичъ (1821—1829). Законоучитель. Въ санѣ протоіерея.

Волынскій, Михаилъ Павловичъ (1850—1876). Кассиръ.

Вороной, Ѳеодосій Яковлевичъ (1864—1872). Исправляющій должность профессора русской словесности.

Вуаргардъ, Яковъ Клавдіевичъ (1824—1832). Учитель французскаго языка. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Выѣзжій, Егоръ (1841—1849). Секретарь правленія Лицея. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Вѣшневскій, Вильгельмъ Станиславовичъ (1838—1841). Преподаватель чистой и прикладной математики. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Г.

Ганпотъ, Юстинъ Николаевичъ (1850—1866). Лекторъ французской словесности.

Глушановскій, Антонъ Андреевичъ (1842—1844). Преподаватель законовъ казённаго управленія. Въ чинѣ коллежскато ассесора.

Горанвъ, Антонъ Павловичъ (1861). Законоучитель.

Гофманъ, Эдуардъ (1861—1862). Лекторъ нѣмецкой словесности.

Гудима, Егоръ Васильевичъ (1866—1869). Директоръ. Въ чинѣ статскаго совѣтника.

Д.

Даневскій, Пій Никодимовичъ (1843—1853). Профессоръ гражданскихъ законовъ и законовъ государственнаго благоустройства. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Дашковичъ-Чайковскій, Флоріанъ Феликсовичъ (1859—1865). Помощникъ инспектора.

Дельартъ, Карлъ (1829—1834). Надзиратель. Въ чинѣ коллежскаго секретаря.

Дени, Людвигъ Людвиговичъ (1872—1873). Лекторъ французской литературы.

Домбровскій, Василій Ѳедоровичъ (1831—1833). Исправляющій должность учителя нѣмецкаго языка. Въ чинѣ губернскаго секретаря.

Ж.

Ждановичъ, Левъ Ивановичъ (1862, 1866—1873). Исправляющій должность профессора законовъ казённаго управленія.

Жовнассъ, Николай Григорьевичъ (1870—1872). Лекторъ французской словесности.

З.

Завугинъ, Иванъ Платоновичъ (1868—1875). Исправляющій должность профессора законовъ гражданскихъ.

Зальпіусъ, Александръ (1849—1850). Исправляющій должность надзирателя.

Захаревичъ, Николай Карловичъ (1841—1849). Исправляющій должность надзирателя.

Затыркевичъ, Михаилъ Дмитріевичъ (1859—1875). Профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ.

Зевеке, Богданъ Ивановичъ (1832—1841). Лекарь.

Зимовской, Егоръ Яковлевичъ (1840—1841). Исправляющій должность инспектора. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Зингеръ, Ѳёдоръ Осиповичъ (1824—1830). Профессоръ нѣмецкой словесности.

Зольднеръ, Егоръ Ивановичъ (1820—1829). Надзиратель.

И.

Иващенко, Пётръ Семёновичъ (1873—1874). Исправляющій должность профессора русской словесности.

Ильяшевичъ, Родіонъ (1828—1829). Канцелярскій чиновникъ.

І.

Іеропесъ, Павелъ Николаевичъ (1843—1849). Инспекторъ. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Іеропесъ, Христофоръ Николаевичъ (1822—1833). Младшій профессоръ греческаго языка. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

К.

Казелли, Александръ Осиповичъ (1848). Лекторъ французской словесности. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Клернеръ, Иванъ Ѳёдоровичъ (1841—1854). Лекторъ нѣмецкой словесности. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Ковалевскій, Осипъ (1832—1837). Надзиратель.

Ковперъ, Совелій Григорьевичъ (1873—1876). Врачъ.

Конисскій, Иванъ Ѳедоровичъ (1836 — 1876). Экономъ.

Корицкій, Дмитрій (1849—1858). Секретарь правленія Лицея. Въ чинѣ коллежскаго секретаря.

Крыловскій, Герасимъ Павловичъ (1831—1834). Надзиратель. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Кукольникъ, Василій Григорьевичъ (1820—1821). Директоръ. Въ чинѣ статскаго совѣтника.

Кукольникъ, Платонъ Васильевичъ (1820—1821). Учитель низшихъ классовъ. Въ чинѣ коллежскаго регистратора.

Кулжинскій, Иванъ Григорьевичъ (1825—1829). Учитель латинскаго языка (1841—1843). Инспекторъ. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Кулишъ, Пантелеймонъ Александровичъ. Чиновникъ правленія Лицея.

Купферъ, Карлъ Генриховичъ (1835—1836). Профессоръ чистой математики. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Кушелевъ-Безбородко, графъ Александръ Григорьевичъ (1820—1855). Почётный попечитель. Въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи камергера двора Его Императорскаго Величества.

Кушелевъ-Безбородко, графъ Григорій Александровичъ (1855). Почётный попечитель. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіи камергера двора Его Императорскаго Величества.

Л.

Лавровскій, Николай Алексѣевичъ (1875—1876). Директоръ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Лавровъ, Владиміръ Григорьевичъ (1854—1861). Лекторъ нѣмецкой словесности.

Ландражинъ, Иванъ Яковлевичъ (1822—1830). Младшій профессоръ французской словесности. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Лашнюковъ, Иванъ Васильевичъ (1853—1868). Профессоръ русской исторіи и статистики. Въ чинѣ статскаго совѣтника.

Лельевръ, Яковъ Яковлевичъ (1832—1847). Лекторъ французской словесности. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Лембахъ, Иванъ Ильичъ (1833—1840). Лекторъ нѣмецкой словесности. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Линниченко, Андрей Ивановичъ (1853—1855). Профессоръ русской словесности. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Лихошерстовъ, Константинъ Никитичъ (1843—1859). Помощникъ инспектора. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Лопушевскій, Антонъ Васильевичъ (1823—1834). Учитель ариѳметики. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Лучисскій, Дмитрій Степановичъ (1842—1849). Лекарь. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

М.

Македонскій, Григорій Прокофьевичъ (1837—1840). Инспекторъ и преподаватель русской словесности. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Максимовичъ, Иванъ Андреевичъ (1842—1869). Профессоръ законовъ уголовныхъ.

Маслянниковъ, Николай Никитичъ (1826—1829). Надзиратель.

Мерцъ, Ѳёдоръ Эдуардовичъ (1861—1867). Лекторъ нѣмецкой словесности.

Мерцаловъ, Іоаннъ Ѳёдоровичъ. Протоіерей (1829—1861). Законоучитель. Въ санѣ протоіерея.

Месонье, Осипъ Вильгельмовичъ (1847). Лекторъ французской словесности. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Могилянскій, Матвѣй Матвѣевичъ (1855—1856). Директоръ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Моисеевъ, Кириллъ Абрамовичъ (1820—1837). Профессоръ русской словесности, исторіи и статистики. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Молотковъ, Кириллъ Степановичъ (1873—1875). Помощникъ инспектора.

Морачевскій, Филиппъ Семёновичъ (1849—1859). Инспекторъ. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Мусинъ-Пушкинъ, Алексѣй Ивановичъ, графъ (1873—1876). Почётный попечитель. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіи гофмейстера двора Его Императорскаго Величества.

Мышковскій, Иванъ Григорьевичъ (1825—1826). Надзиратель.

Н.

Незабитовскій, Василій Андреевичъ (1851—1853). Профессоръ законовъ казённаго управленія. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Никольскій, Парфеній Ивановичъ (1820—1833). Старшій профессоръ русской словесности. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

О.

Орлай, Иванъ Семёновичъ (1821—1827). Директоръ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

П.

Павловъ, Капитонъ Степановичъ (1820—1835). Учитель рисованія. Свободный художникъ.

Палевскій, Осипъ Ѳаддеевичъ (1840—1853). Преподаватель русской исторіи, всеобщей и русской статистики. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Патлаевскій, Инокентій Юстиновичъ (1863—1866). Исправляющій должность профессора законовъ казённаго управленія.

Прокоповичъ, Иванъ Антоновичъ (1865—1872). Помощникъ инспектора.

Папаи, Антонъ (1838—1840). Надзиратель. Въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Персидскій, Константинъ Андреевичъ (1823). Учитель грамматики и чистописанія.

Петинье, Виталій (1849—1850). Исправляющій должность лектора французской словесности.

Пилянкевичъ, Иванъ Николаевичъ (1820—1822). Младшій профессоръ латинской словесности. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Пилянкевичъ, Николай Ивановичъ (1841—1843). Исправляющій должность профессора гражданскихъ законовъ. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Погорѣлко, Константинъ (1831—1835). Канцелярскій чиновникъ.

Подгайскій, Давидъ (1830—1838). Секретарь совѣта Лицея.

Проценко, Георгій Титовичъ (1858—1874). Секретарь правленія.

Р.

Росланевскій, Валентинъ Павловичъ (1848—1873). Врачъ.

С.

Савицкій, Исидоръ Николаевичъ (1840—1846). Учитель рисованія. Въ чинѣ коллежскаго секретаря.

Савченко, Василій (1843—1849). Чиновникъ правленія Лицея. Въ чинѣ коллежскаго регистратора.

Самойленко, Алексѣй Ильичъ (1823—1838). Кассиръ и учитель географіи. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Севрюгинъ, Ѳёдоръ Емельяновичъ (1822—1838). Учитель музыки.

Скальскій, Иванъ Яковлевичъ (1833—1841). Профессоръ химіи и физики. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Скордели, Пантелеймонъ Константиновичъ (1871—1875). Исправляющій должность профессора законовъ уголовныхъ.

Скороходъ, Василій (1833—1838). Кассиръ. Въ чинѣ коллежскаго регистратора.

Слоницкій, Никита (1848—1875). Исправляющій должность секретаря правленія (1874—1875).

Смирновъ, Пётръ Семёновичъ (1861—1862). Законоучитель.

Соловьевъ, Никита Ѳёдоровичъ (1825—1837). Профессоръ естественныхъ наукъ. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Соломовичъ, Ѳома Васильевичъ (1851—1875). Учитель рисованія.

Сомчевскій, Василій Ѳёдоровичъ (1838—1850). Кассиръ Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Сомчевскій, Тимоѳей Фёдоровичъ (1839—1843). Канцелярскій чиновникъ.

Сребницкій, Иванъ Аѳанасьевичъ (1873—1875). Исправляющій должность профессора русской исторіи и статистики.

Стеблинъ-Каминскій, (1856—1866). Директоръ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Сырневъ, Иванъ (1838—1839). Секретарь совѣта Лицея. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Т.

Тарновскій, Аѳанасій Ивановичъ (1820—1835). Экономъ и экзекуторъ. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Терашкевичъ, Пётръ (1844—1847). Чиновникъ правленія Лицея.

Туловъ, Михаилъ Андреевичъ (1840—1853). Профессоръ русской словесности. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

У.

Урсо, Осипъ Демьяновичъ (1824—1835). Учитель фехтованія. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Ф.

Фибингъ, Карлъ Карловичъ (1823—1833). Лекарь. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Филибертъ, Иванъ (1823). Надзиратель.

Френизи, Августъ Николаевичъ (1866—1870). Лекторъ французской словесности.

Х.

Хандожинскій, Иванъ Григорьевичъ (1829—1834). Учитель латинскаго языка.

Хойнацкій, Андрей Ѳёдоровичъ (1871—1876). Законоучитель. Въ санѣ протоіерея.

Ц.

Царевскій, Кириллъ Алексѣевичъ (1853—1866). Исправляющій должность профессора законовъ гражданскихъ.

Циммерманъ, Акимъ Константиновичъ (1840—1859). Профессоръ энциклопедіи законовѣденія и государственныхъ законовъ. Въ чинѣ статскаго совѣтника.

Ч.

Чалый, Михаилъ Корнѣевичъ (1870 — 1875). Директоръ. Въ чинѣ статскаго совѣтника.

Черепов, Андрей Михайловичъ (1867). Исправляющій должность профессора законовъ гражданскихъ.

Чижиковъ, Александръ (1837—1838). Исправляющій должность надзирателя.

Ш.

Шапалинскій, Казиміръ Варѳоломеевичъ (1820—1830). Старшій профессоръ математическихъ наукъ. Въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Шапошниковъ, Александръ Антоновичъ (1845—1849). Чиновникъ правленія Лицея. Въ чинѣ коллежскаго секретаря.

Шишкинъ, Сила Ивановичъ (1826—1834). Экзекуторъ. (1840—1849). Помощникъ инспектора. Въ чинѣ майора.

Шморгуновъ, Захарій Ильичъ (1862—1871). Законоучитель.

Штейнъ, Юлій Ивановичъ (1867—1876). Исправляющій должность лектора нѣмецкаго языка.

Штейнъ, Францъ Ивановичъ (1829—1831). Надзиратель.

Шульговскій, Ѳёдоръ Ѳёдоровичъ (1827—1840). Преподаватель исторіи и статистики. Въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Э.

Эквладъ, Христіанъ Адольфовичъ (1836—1855). Директоръ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Я.

Янишевскій, Александръ Феликсовичъ (1853—1860). Исправляющій должность профессора законовъ казённаго управленія.

Ясновскій, Данило Емельяновичъ (1827—1835). Директоръ. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Яснопольскій, Николай Петровичъ (1873—1876). Исправляющій должность профессора законовъ казённаго управленія.

СПИСКИ СТУДЕНТОВЪ.

I.

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ,

окончившихъ курсъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Безбородко со времени ея основанія до преобразованія въ Лицей.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. 1826.

Кандидаты.

Рѣдкинъ, Пётръ Григорьевичъ. — Дѣйствительный тайный совѣтникъ, предсѣдатель Департамента Удѣловъ и кавалеръ орденовъ Св. Александра Невскаго съ брильянтами, Бѣлаго Орла, Св. Анны и Станислава первыхъ степеней и Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-го класса. Извѣстный педагогъ сороковыхъ годовъ, редакторъ и издатель весьма распространённыхъ въ своё время журналовъ «Юридическія Записки» и «Новая Библіотека для Воспитанія», заслуженный ординарный профессоръ Московскаго и Санктпетербургскаго университетовъ и ректоръ послѣдняго изъ нихъ въ теченіи трёхъ лѣтъ, почётный членъ университетовъ Санктпетербургскаго и Кіевскаго и Императорской Академіи Художествъ.

Тарновскій, Василій Васильевичъ. — Умеръ 20-го сентября 1874 года въ чинѣ титулярнаго совѣтника въ своёмъ черниговскомъ имѣніи. Былъ однимъ изъ двухъ нечиновныхъ членовъ знаменитой редакціонной коммисіи, учреждённой для улучшенія быта крестьянъ, окончательнымъ результатомъ который было освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крестьянъ въ Россіи по Высочайшему манифесту отъ 19-го февраля 1861 года, тѣмъ и записалъ своё имя въ исторію.

Любичъ-Романовичъ, Василій Игнатьевичъ. — Писатель и переводчикъ съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго языковъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ

первымъ переводчикомъ департамента Внутреннихъ Сношеній министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Романовичъ, Николай Ѳёдоровичъ. — Подполковникъ въ отставкѣ. Служилъ въ кирасирскомъ Принца Альберта полку.

Барановъ, Пётръ Александровичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Садовничій, Григорій Моисеевичъ. — Умеръ въ 1830 году. Служилъ въ гражданской службѣ.

Дѣйствительные студенты.

Высоцкій, Герасимъ Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Бороздинъ, Ѳёдоръ Корниловичъ. — Умеръ. Служилъ въ военной службѣ.

Миницкій, Иліодоръ Осиповичъ. — Умеръ въ чинѣ подполковника. Былъ адъютантомъ при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ графѣ Паскевичѣ Эриванскомъ.

Милорадовичъ, Сергѣй Григорьевичъ. — Умеръ 29-го августа 1855 года въ Полтавѣ, гдѣ и погребёнъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Былъ Зѣньковскимъ (Полтавской губерніи) уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Милорадовичъ, Левъ Григорьевичъ. — Умеръ въ 1880 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ Полтавѣ, гдѣ и погребёнъ. Былъ почётнымъ попечителемъ Полтавской гимназіи и Полтавскаго реальнаго училища.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ. 1827.

Кандидаты.

Бороздинъ, Николай Корниловичъ. — Статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Шапошниковъ, Иванъ Степановичъ. — На службѣ въ Сибири.

Шапошниковъ, Григорій Степановичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Саратовской казённой палатѣ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ. 1828.

Кандидаты.

Божко, Андрей Андреевичъ. — Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. Состоялъ при Коммиссаріатскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства.

Марковъ, Владиміръ Михайловичъ. — Умеръ въ чинѣ поручика въ 1836 году. Служилъ въ Охотскомъ егерскомъ полку и слушалъ курсъ въ Императорской Академіи Генеральнаго Штаба.

Котляревскій, Александръ Андреевичъ. — Служилъ въ Кременчугской коммисаріатской коммисіи.

Бороздинъ, Яковъ Корниловичъ. — Умеръ.

Котляревскій, Егоръ Андреевичъ. — Служилъ въ конныхъ егеряхъ.

Дѣйствительные студенты.

Гоголь-Яновскій, Николай Васильевичъ. — Величайшій изъ русскихъ писателей, авторъ «Ревизора» и «Мёртвыхъ Душъ». Умеръ 21-го февраля 1852 года въ Москвѣ, гдѣ и погребёнъ на кладбищѣ Данилова монастыря.

Григоровъ, Николай Петровичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ городничимъ въ Судогдѣ.

Миллеръ, Николай Николаевичъ. — Умеръ въ чинѣ поручика. Служилъ въ конно-егерскомъ Его Величества Короля Виртембергскаго полку.

Данилевскій, Александръ Семёновичъ. — Умеръ въ чинѣ колежскаго совѣтника. Былъ директоромъ Полтавской гимназіи и училищъ Полтавской губерніи.

Котляревскій, Николай Андреевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ конныхъ егеряхъ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. 1829.

Кандидаты.

Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ. — Извѣстный поэтъ, романистъ и журналистъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, авторъ трагедій «Торквато Тассо» и «Рука Всевышняго отечество спасла», романовъ «Альфъ и Альдона», «Евелина де Вальероль» и «Три періода» и цѣлаго ряда другихъ произведеній, имѣвшихъ громадный успѣхъ, и редакторъ первой русской «Иллюстраціи» и первой русской «Художественной Газеты» въ Россіи. Умеръ 8-го декабря 1868 года въ Таганрогѣ, гдѣ и погребёнъ.

Базили, Константинъ Михайловичъ. — Тайный совѣтникъ въ отставкѣ, кавалеръ орденовъ Св. Анны и Св. Станислава первыхъ степеней, Св. равноапостольнаго кн. Владиміра 2-го класса и турецкаго Нишама съ брилліантами и авторъ извѣстныхъ сочиненій о Востокѣ: «Архипелагъ и Греція», «Очерки Константинополя» и «Сирія и Палестина». Служилъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и былъ въ 1854 году полномочнымъ императорскимъ россійскимъ коммиссаромъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Въ настоящее время проживаетъ въ Одессѣ.

Халчинскій, Иванъ Дмитріевичъ. — Умеръ въ 1856 году въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Былъ генеральнымъ консуломъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи.

Горановичъ, Пётръ Николаевичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго секретаря въ 1833 году. Служилъ помощникомъ столоначальника въ Департаментѣ Удѣловъ.

Риттеръ, Михаилъ Александровичъ. — Умеръ. Служилъ по Министерству Финансовъ.

Родзянко, Николай Петровичъ. — Умеръ въ 1831 году. Служилъ по особымъ порученіямъ при генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ Забалканскомъ.

Дѣйствительные студенты.

Прокоповичъ, Николай Яковлевичъ. — Писатель. Умеръ 1-го іюня 1857 года въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Былъ старшимъ учителемъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и Дворянскомъ Полку.

Гороновичъ, Павелъ Николаевичъ. — Капитанъ въ отставкѣ. Служилъ непремѣннымъ засѣдателемъ Борзенскаго Земскаго Суда.

Юркевичъ, Пётръ Михайловичъ. — Умеръ 8-го декабря 1842 года, въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Служилъ помощникомъ экспедитора С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

Колышкевичъ, Алексѣй Ивановичъ. — Умеръ. Служилъ въ Орловской казённой палатѣ.

Нестелей, Моисей Яковлевичъ. — Коллежскій секретарь. Почётный мировой судья Александровскаго уѣзда (Екатеринославской губерніи).

Чеканъ, Алексѣй Михайловичъ. — Умеръ. Служилъ въ военной службѣ.

Новохацкій, Александръ Михайловичъ. — Ротмистръ въ отставкѣ. Служилъ Харьковскимъ совѣстнымъ судьёю.

Филипченко, Ефимъ Ивановичъ. — Коллежскій совѣтникъ, въ отставкѣ. Служилъ штабъ-лекаремъ въ Новгородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ. 1830.

Кандидаты.

Пащенко, Иванъ Григорьевичъ. — Умеръ. Служилъ въ Министерствѣ Юстиціи.

Симоновскій, Иванъ Павловичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ чиновникомъ для особыхъ порученій при Московской Коммиссаріатской Коммиссіи.

Билевичъ, Николай Ивановичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Членъ-корреспондентъ Курскаго Статистическаго Комитета. Былъ инспекторомъ 1-й Московской гимназіи.

Бѣльченко, Пётръ Ѳедоровичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ.

Дѣйствительные студенты.

Гинтовтъ, Александръ Людвиговичъ. — Умеръ въ чинѣ генералъ-майора. Былъ начальникомъ штаба Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса.

Пузыревскій, Андрей Осиповичъ. — Надворный совѣтникъ. Помощникъ управляющаго Вятскою удѣльною конторою и управляющій ея Мостовинскимъ отдѣленіемъ.

Пащенко, Тимоѳей Григорьевичъ — Въ отставкѣ.

Закревскій, Николай Васильевичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ Пирятинскимъ (Полтавской губерніи) уѣзднымъ судьёю.

Мокрицкій, Аполлонъ Николаевичъ.—Коллежскій ассесоръ. Академикъ Императорской Академіи Художествъ по живописи исторической и портретной и преподаватель въ Училищѣ Живописи и Ваянія Московскаго Художественнаго Общества.

Садовничій, Андрей Моисеевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Былъ исправляющимъ должность товарища предсѣдателя Екатеринославской Палаты Гражданскаго Суда.

Юркевичъ, Степанъ Михайловичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ старшимъ бухгалтеромъ Главнаго Казначейства.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ. 1831.

Кандидаты.

Бородинъ, Андрей Николаевичъ. — Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Былъ директоромъ канцеляріи совѣта Государственнаго Коннозаводства.

Бородинъ, Александръ Николаевичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Начальникъ 2-го отдѣленія канцеляріи Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства.

Домбровскій, Василій Ѳёдоровичъ. — Умеръ въ 1845 году. Былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ университета Св. Владиміра, по каѳедрѣ Русской Исторіи.

Каминскій, Викторъ Кириловичъ.—Писатель и авторъ «Воспоминаній поклонника Святой Земли».— Умеръ 20-го апрѣля 1865 года въ Іерусалимѣ, гдѣ и погребёнъ на Сіонѣ.

Зміевъ, Александръ Семёновичъ.— Въ отставкѣ. Занимается частными уроками въ Харьковѣ.

Миницкій, Леонидъ Осиповичъ.—Умеръ въ 1876 году въ чинѣ статскаго совѣтника. Былъ почётнымъ смотрителемъ Прилукскаго уѣзднаго училища и тамошнимъ почётнымъ мировымъ судьёй.

Дѣйствительные студенты.

Гребёнка, Евгеній Павловичъ. — Извѣстный писатель и авторъ «Чайковскаго» и цѣлаго ряда романовъ и повѣстей, имѣвшихъ большой успѣхъ въ сороковыхъ годахъ. Умеръ 3-го декабря 1849 года въ Петербургѣ, откуда перевезёнъ для погребенія въ Малороссію.

Вольскій, Климентій Еремѣевичъ. — Умеръ въ 1850 году. Служилъ въ Днѣпровскомъ пѣхотномъ полку.

Гютенъ, Степанъ Антоновичъ.— Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ въ канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора.

Колодѣевъ, Платонъ Ивановичъ.—Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Былъ Сосницкимъ (Черниговской губерніи) уѣзднымъ лекаремъ.

Квитка, Константинъ Андреевичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ Лубенскимъ (Полтавской губерніи) уѣзднымъ судьёй.

Гербаневскій, Николай Григорьевичъ.— Умеръ. Служилъ въ Департаментѣ Удѣловъ

Шоттъ, Лёвъ Даниловичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ линейномъ казачьемъ войскѣ.

Рубецъ, Афанасій.— Умеръ. Служилъ въ Черниговскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи.

Юркевичъ, Василій Михайловичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ непремѣннымъ членомъ Черниговскаго приказа общественнаго призрѣнія.

Новицкій, Николай Михайловичъ. — Умеръ. Служилъ по выборамъ дворянства въ Полтавской губерніи.

Ланге, Леопольдъ Ивановичъ. — Полковникъ въ отставкѣ. Служилъ въ С.-Петербургскомъ жандармскомъ дивизіонѣ.

Слива, Иванъ Ивановичъ. — Умеръ. Былъ управляющимъ Носовскаго (Нѣжинскаго уѣзда) имѣнія графа Кушелева-Безбородко.

Гармашъ, Пётръ Алексѣевичъ. — Умеръ въ 1857 году въ чинѣ коллежскаго ассесора. Былъ штатнымъ смотрителемъ Суражскаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго училища.

Шапошниковъ, Александръ Степановичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора. Былъ учителемъ Конотопскаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго училища.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ. 1832.

Кандидаты.

Графъ де Бальменъ, Яковъ Петровичъ.— Въ чинѣ ротмистра убитъ 14-го іюля 1845 года при отступленіи отъ Дарго. Служилъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку и состоялъ при командирѣ 5-го пѣхотнаго корпуса генералѣ отъ инфантеріи Лидерсѣ.

Гудима, Егоръ Васильевичъ. — Умеръ въ Кіевѣ въ чинѣ статскаго совѣтника. Былъ директоромъ Черниговской гимназіи и училищъ Черниговской губерніи, а потомъ директоромъ Лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи.

Забѣлло, Яковъ Павловичъ.—Умеръ въ 1833 году. Нигдѣ не служилъ.

Хоменко, Василій Ивановичъ. — Статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ правителемъ канцеляріи Гидрографическаго Департамента морскаго министерства.

Рудановскій, Леонидъ Платоновичъ. — Служилъ въ генеральномъ штабѣ и умеръ 20-го августа 1877 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Былъ начальникомъ штаба войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи, начальникомъ 8-й, а потомъ 29-й пѣхотныхъ дивизій и кавалеромъ орденовъ: Бѣлаго Орла, Святаго равноапостольнаго князя Владиміра 2-го класса и Св. Анны и Св. Станислава 1-хъ степеней. Умеръ 20-го августа 1877 года въ Карльсбадѣ (въ

Чехіи) откуда перевезёнъ въ родовое имѣніе Мрина (Нѣжинскаго уѣзда), гдѣ и похоронёнъ 10-го сентября того же года.

Храповицкій, Викторъ Александровичъ.—Умеръ на службѣ въ Оренбургѣ.

Данченко, Николай Ѳёдоровичъ.—Умеръ въ 1842 году. Служилъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ.

Прокоповичъ, Василій Яковлевичъ.—Умеръ 11-го ноября 1840 года. Былъ учителемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Дѣйствительные студенты.

Катериничъ, Пётръ Андреевичъ.—Штабсъ-ротмистръ. Почётный мировой судья Козелецкаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Шепелёвъ, Николай Ильичъ.—Умеръ. Былъ Кременчугскимъ (Полтавской губерніи) уѣзднымъ судьёю.

Савицкій, Андрей Лукичъ.—Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ въ департаментѣ Сельскаго Хозяйства.

Соловьёвъ, Ѳёдоръ Васильевичъ.—Въ отставкѣ. Служилъ въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Жадкѣвичъ, Григорій Ѳёдоровичъ.—Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Служилъ журналистомъ въ департаментѣ Ревизіи Отчётовъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Горовой, Иванъ Самойловичъ.—Служитъ ревизоромъ въ контролѣ Министерства Двора.

Креховецкій, Владиміръ Павловичъ.—Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ смотрителемъ Староконстантиновскаго еврейскаго училища I-го класса.

Вербицкій, Михаилъ Осиповичъ.—Ни гдѣ не служилъ.

Артюховъ, Константинъ Николаевичъ.—Умеръ. Служилъ въ Министерствѣ Юстиціи.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ. 1833.

Кандидаты.

Заводовскій, Василій Степановичъ.—Ни гдѣ не служилъ.

Ксенисъ, Егоръ Спиридоновичъ.—Статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ предсѣдателемъ Кишеневскаго коммерческаго суда.

Марковскій, Николай Дмитріевичъ.—Въ чинѣ майора убитъ въ 1854 году на Дунаѣ. Служилъ въ Колыванскомъ егерскомъ полку.

Магеровскій, Помпей Андреевичъ.—Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ Роменскимъ (Полтавской губерніи) уѣзднымъ судьёю.

Соломахинъ, Корнилій Тимоѳеевичъ.—Поручикъ въ отставкѣ. Служилъ въ драгунахъ.

Каминскій, Александръ Кириловичъ.—Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ въ Лохвицкомъ межевомъ судѣ.

Дѣйствительные студенты.

Рославскій-Петровскій, Александръ Петровичъ.—Умеръ 9-го апрѣля 1878 года, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника,

въ Харьковѣ, гдѣ и погребёнъ. Былъ ординарнымъ профессоромъ и ректоромъ Харьковскаго университета.

Рудановскій, Павелъ Платоновичъ. — Умеръ 27-го августа 1839 года въ чинѣ губернскаго секретаря. Служилъ столоначальникомъ въ Кіевской временной коммиссіи, составленной для окончанія счётовъ интендантства 1-й и 2-й арміи.

Артюховъ, Илья Николаевичъ. — Корнетъ въ отставкѣ. Былъ Дмитріевскимъ на Свапѣ (Курской губерніи) земскимъ исправникомъ.

Данилевскій, Иванъ Семёновичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Былъ депутатомъ дворянства Миргородскаго уѣзда.

Марковскій, Иванъ Дмитріевичъ.

Суковъ, Семёнъ Николаевичъ. — Умеръ въ 1880 году. Былъ Лохвицкимъ (Полтавской губерніи) предводителемъ дворянства и почётнымъ мировымъ судьёю.

Дзюбенко, Михаилъ Макаровичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ штатнымъ смотрителемъ Богодуховскаго (Харьковской губерніи) уѣзднаго училища.

Еллинскій, Николай Васильевичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Служилъ въ Военномъ министерствѣ.

Колесниковъ, Василій Андреевичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ штатнымъ смотрителемъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзднаго училища.

Хильчевскій, Пётръ Ѳёдоровичъ. — Штабсъ-ротмистръ въ отставкѣ. Почётный мировой судья Хорольскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Крушковскій, Иванъ Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ столоначальникомъ окружного правленія 1-го округа Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Мирковскій, Василій Дмитріевичъ. — Умеръ. Служилъ при университетѣ Св. Владиміра.

Почека, Яковъ Матвѣевичъ. — Умеръ въ 1879 году въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Былъ въ теченіи 25 лѣтъ Нѣжинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ послѣднее время — предсѣдателемъ Нѣжинской земской управы.

II.

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ,

окончившихъ курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко со времени преобразованія его изъ Гимназіи Высшихъ Наукъ до новаго преобразованія изъ математическаго факультета въ юридическій.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ. 1834.

Удостоены степени студентовъ Лицея, съ правомъ на чинъ XIV класса.

Фрейндъ, Константинъ Сергѣевичъ. — Умеръ въ чинѣ полковника отъ ранъ, полученныхъ 27-го августа 1854 года при геройской защитѣ Малахова Кургана и погребёнъ на Братскомъ кладбищѣ въ Севастополѣ. Былъ командиромъ Прагскаго резервнаго пѣхотнаго полка.

Рашевскій, Иванъ Осиповичъ. — Умеръ въ 1844 году.

Журавскій, Пётръ Ивановичъ. — Умеръ 11-го сентября 1848 года въ чинѣ надворнаго совѣтника. Служилъ секретарёмъ канцеляріи Коммисаріатскаго Департамента Военнаго Министерства.

Флёровъ, Николай Алексѣевичъ. — Поручикъ въ отставкѣ. Служилъ въ Колыванскомъ егерскомъ полку.

Баталинъ, Захарій Васильевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ Тарутинскомъ егерскомъ полку.

Баталинъ, Ѳёдоръ Васильевичъ. — Поручикъ въ отставкѣ. Служилъ въ Тарутинскомъ егерскомъ полку.

Якимахъ, Созонтъ Моисеевичъ. — Умеръ 25-го іюля 1873 года въ своёмъ тульскомъ имѣніи, гдѣ и погребёнъ. Служилъ въ артилеріи, которую оставилъ въ чинѣ поручика.

Пащенко, Василій Іасоновичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Былъ старшимъ бухгалтеромъ въ канцеляріи министра Финансовъ.

Тризна, Андрей Дмитріевичъ. — Артиллеріи подполковникъ въ отставкѣ. Командовалъ лёгкой № 1-й батарей 13-й артиллерійской бригады.

Гербаневскій, Леонтій Михайловичъ. — Умеръ въ 1851 году въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Былъ засѣдателемъ Пирятинскаго (Полтавской губерніи) уѣзднаго суда.

Дараганъ, Максимъ Яковлевичъ. — Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. Служилъ старшимъ столоначальникомъ 2-го департамента министерства Государственныхъ Имуществъ.

Катеринничъ, Кириллъ Осиповичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ Пирятинскимъ (Полтавской губерніи) уѣзднымъ предводителемъ дворянства и директоромъ тамошняго тюремнаго отдѣленія.

Крушковскій, Николай Ивановичъ.

Вольфъ, Василій Ивановичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ учителемъ Полтавскаго окружного училища.

Гороновичъ, Яковъ Николаевичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ Стародубскимъ (Черниговской губерніи) уѣзднымъ землемѣромъ.

Захаревскій, Ермій Васильевичъ. — Умеръ. Служилъ въ канцеляріи министра Финансовъ.

Савченко, Иванъ Андреевичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Креховецкій, Александръ Павловичъ. — Майоръ въ отставкѣ. Былъ ротнымъ командиромъ Волынской бригады пограничной стражи.

Князь Баратовъ, Ѳёдоръ Григорьевичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ помощникомъ инспектора студентовъ въ университетѣ Св. Владиміра.

Котельниковъ; Иванъ Ивановичъ.

Тризна, Николай Дмитріевичъ. — Служилъ въ военной службѣ.

Пащенко, Василій Андреевичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора. Былъ Таращенскимъ (Кіевской губерніи) земскимъ исправникомъ.

Столица, Степанъ Степановичъ.—Умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора. Былъ акцизнымъ надзирателемъ Черниговской губерніи.

Столица, Пётръ Степановичъ. — Поручикъ въ отставкѣ. Служилъ засѣдателемъ Черниговской палаты гражданскаго суда.

Савельевъ, Андрей Егоровичъ. — Поручикъ въ отставкѣ. Служилъ въ Низовскомъ пѣхотномъ полку.

ВЫПУСКЪ ДЕСЯТЫЙ. 1835.

Афанасьевъ, Александръ Степановичъ. — Литераторъ. Умеръ въ 1877 году въ Петербургѣ, гдѣ и погребёнъ на Волковскомъ кладбищѣ. Служилъ въ Бѣлгородскомъ уланскомъ полку, по оставленіи котораго вступилъ въ гражданскую службу. Въ послѣднее время былъ смотрителемъ музея Петропавловской крѣпости.

Божко, Георгій Андреевичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ засѣдателемъ Дубенскаго (Волынской губерніи) уѣзднаго суда.

Гороновичъ, Андрей Николаевичъ. — Умеръ. Служилъ въ артиллеріи,

а потомъ въ Императорской Академіи Художествъ, откуда вышелъ съ званіемъ свободнаго художника.

Ревеліоти, Аристидъ Ѳедосѣевичъ. — Ротмистръ въ отставкѣ. Почётный мировой судья Симферопольскаго уѣзда (Таврической губерніи).

Миклуха-Маклай, Николай Ильичъ. — Умеръ 20-го декабря 1857 года въ Петербургѣ. Былъ капитаномъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Отецъ извѣстнаго путешественника и ученаго Ивана Николаевича Миклухи-Маклая.

Бовинъ, Ѳёдоръ Григорьевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Служилъ старшимъ столоначальникомъ департамента Сельскаго Хозяйства министерства Государственныхъ Имуществъ.

Великожонъ, Василій Григорьевичъ. — Поручикъ въ отставкѣ. Служилъ въ Бѣлгородскомъ уланскомъ полку.

Голенковскій, Евгеній Осиповичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Мировой судья Прилукскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Голенковскій, Андрей Осиповичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ Пирятинскимъ межевымъ судьёй.

Косовичъ, Павелъ Демьяновичъ. — Умеръ. Служилъ помощникомъ столоначальника хозяйственнаго Департамента вѣдомства Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Каталей, Василій Васильевичъ. — Убитъ 29-го декабря 1877 года въ сраженіи съ турками. Генералъ-лейтенантъ и кавалеръ орденовъ Св. Анны и Св. Станислава первой степеней и Св. Владиміра 3-го и 4-го классовъ. Былъ во время послѣдней войны съ турками начальникомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи, состоя по гвардейской пѣхотѣ, а до войны — командиромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Кулябка, Николай Григорьевичъ. — Умеръ. Служилъ штабсъ-ротмистромъ въ Орденскомъ кирасирскомъ полку.

Логвиновъ, Тимоѳей Васильевичъ. — Штабсъ-капитанъ въ отставкѣ. Былъ корпуснымъ офицеромъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса.

Масловъ, Иванъ Ильичъ. — Тайный совѣтникъ. Членъ Совѣта Департамента Удѣловъ. Кавалеръ орденовъ Св. Анны и Св. Станислава 1-хъ степеней и Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-го и 3-го классовъ.

Мисниковъ, Александръ Даниловичъ. — Умеръ. Служилъ въ Искуственномъ департаментѣ вѣдомства Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Прединскій, Василій Васильевичъ.

Риттеръ, Алексѣй Александровичъ. — Штабсъ-капитанъ въ отставкѣ. Служилъ въ Тверскомъ драгунскомъ полку.

Сабесковъ, Афанасій Кирилловичъ. — Умеръ.

Сахновскій, Егоръ Васильевичъ. — Статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ товарищемъ предсѣдателя 1-го Департамента С.-Петербургской Управы Благочинія.

Свѣтъ, Пётръ Исааковичъ. — Служилъ въ гражданской службѣ. Выйдя въ отставку, умеръ въ Лохвицкомъ уѣздѣ.

Супруновъ, Павелъ Павловичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ помощникомъ Кролевецкаго окружнаго начальника.

Тонконогъ, Николай Марковичъ. — Умеръ. Былъ попечителемъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ Козелецкаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Тризна, Романъ Дмитріевичъ. — Статскій совѣтникъ. Членъ отъ дворянъ Черниговской межевой палаты.

Троцкій, Викторъ Григорьевичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ младшимъ учителемъ Нѣжинской гимназіи. Въ настоящее время живётъ въ Нѣжинѣ.

Филоновичъ, Павелъ Михайловичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ учителемъ Златопольскаго дворянскаго училища.

Хоменко, Гавріилъ Тимоѳеевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Чайковскій, Василій Яковлевичъ. — Статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ помощникомъ управляющаго Вятскою удѣльною конторою.

Шульгинъ, Ѳёдоръ Яковлевичъ. — Былъ убитъ, въ чинѣ поручика, въ стычкѣ съ черкесами въ 1844 году, на Кавказѣ.

Шульгинъ, Николай Яковлевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ.

Юскевичъ, Семёнъ Дмитріевичъ. — Капитанъ въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ, на Кавказѣ. Въ настоящее время проживаетъ въ мѣстечкѣ Ичнѣ (Борзенскаго уѣзда).

Ясникольскій, Михаилъ Давыдовичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ оберъ-контролёромъ Контрольнаго Департамента морскихъ Отчётовъ. Въ настоящее время проживаетъ въ городѣ Ромнахъ (Полтавской губерніи).

ВЫПУСКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ. 1836.

Собко, Пётръ Ивановичъ. — Умеръ 16-го ноября 1870 года въ г. Лугѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника инженеровъ Корпуса Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Былъ Профессоромъ Институтовъ Корпуса Путей Сообщенія, Корпуса Горныхъ Инженеровъ и Николаевскаго Инженернаго Училища.

Каминскій, Василій Кириловичъ. — Капитанъ въ отставкѣ. Служилъ въ Кременчугскомъ пѣхотномъ полку.

Батаровскій, Назарій Тимоѳеевичъ.

Гербаневскій, Павелъ Михайловичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ Государственнаго Казначейства.

Гербаневскій, Андрей Михайловичъ. — Почётный мировой судья Пирятинскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Горленко, Алексѣй Александровичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Данчичъ, Василій Ивановичъ. — Статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ старшимъ столоначальникомъ во 2-мъ департаментѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Зубъ, Александръ Степановичъ. — Умеръ 24-го сентября 1844 года въ чинѣ подпоручика. Служилъ въ 10-й артиллерійской бригадѣ.

Кузьминскій, Василій Моисеевичъ. — Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Служилъ совѣтникомъ во 2-мъ департаментѣ С.-Петербургской Управы Благочинія.

Ревеліоти, Павелъ Ѳёдоровичъ. — Штабсъ-ротмистръ. Почётный мировой судья Симферопольскаго уѣзда (Таврической губерніи).

Мелаевскій, Пётръ Семёновичъ. — Въ отставкѣ.

Собко, Алексѣй Ивановичъ. — Умеръ въ Петербургѣ въ 1859 году въ чинѣ штабсъ-капитана. Служилъ сначала въ 5-й сводной резервной артиллерійской бригадѣ, потомъ на Тульскомъ оружейномъ заводѣ и наконецъ въ Шостенскомъ капсюльномъ заведеніи.

Юркевичъ, Николай Михайловичъ. — Умеръ въ 1854 году въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Служилъ въ Черниговской гражданской палатѣ.

Юскевичъ, Аполлонъ Дмитріевичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ старшимъ учителемъ Динабургской гимназіи, а въ настоящее время проживаетъ въ Землѣ Войска Донскаго.

ВЫПУСКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ. 1837.

Бѣлявскій, Сергѣй Наумовичъ. — Надворный совѣтникъ. Непремѣнный членъ общаго присутствія Орловской губернской строительной и дорожной коммиссіи.

Головачёвъ, Николай Алексѣевичъ. — Въ отставкѣ.

Горовой, Григорій Самойловичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Давыдовскій, Лёвъ Ивановичъ. — Коллежскій ассесоръ. Учитель Георгіевскаго уѣзднаго училища.

Лазаревскій, Михаилъ Матвѣевичъ. — Ближайшій другъ поэта Шевченко и много способствовавшій его освобожденію изъ ссылки. Былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ малороссійскаго кружка въ Петербургѣ, органомъ котораго былъ журналъ «Основа». Умеръ въ 1866 году въ Москвѣ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Служилъ старшимъ совѣтникомъ С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія.

Лѣсаневичъ, Михаилъ Павловичъ. — Коллежскій секретарь. Почётный мировой судья Золотоношскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Манцовъ, Николай Григорьевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Членъ Нѣжинской городской управы.

Мокрицкій, Иванъ Николаевичъ. — Умеръ. — Служилъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, правителемъ канцеляріи С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Риттеръ, Пётръ Александровичъ. — Въ чинѣ капитана убитъ подъ Севастополемъ. Служилъ въ генеральномъ штабѣ.

Ступачевскій, Михаилъ Яковлевичъ. — Въ отставкѣ.

Иваненко-Самойловъ, Александръ Степановичъ. — Майоръ въ отставкѣ. Служилъ въ лейбъ-гусарскомъ Павлоградскомъ Его Величества полку.

ВЫПУСКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ. 1838.

Журавскій, Дмитрій Ивановичъ. — Извѣстный строитель знаменитаго Веребьинскаго моста и Петропавловскаго шпица. Тайный совѣтникъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, директоръ департамента Желѣзныхъ Дорогъ и кавалеръ орденовъ: Бѣлаго Орла, Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-го класса, Святыхъ Анны, Станислава и персидскаго Льва и Солнца первыхъ степеней.

Журавскій, Николай Ивановичъ. — Статскій совѣтникъ. Начальникъ службы магазиновъ Варшавской желѣзной дороги.

Губскій, Ѳёдоръ Ильичъ. — Умеръ въ 1856 году на службѣ въ Витебскѣ.

Головачёвъ, Гавріилъ Алексѣевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Лалашъ, Михаилъ Николаевичъ. — Капитанъ въ отставкѣ. Служилъ въ гвардейской конной артиллеріи.

Лесенко, Алексѣй Григорьевичъ.

Миклуха, Ѳёдоръ Егоровичъ. — Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Служилъ младшимъ бухгалтеромъ департамента хозяйственныхъ дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Ничипоренко, Семёнъ Ѳёдоровичъ. — Умеръ.

Оболонскій, Егоръ Яковлевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Риттеръ, Егоръ Александровичъ. — Умеръ. Служилъ въ военной службѣ.

Симоновскій, Иванъ Алексѣевичъ. — Въ отставкѣ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. 1839.

Галузевскій, Яковъ Юрьевичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ правителемъ канцеляріи президента С.-Петербургской медико-хирургической академіи.

Погорѣлко, Ѳёдоръ Павловичъ. — Умеръ. Служилъ въ штабѣ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Салеманъ, Лукьянъ Карловичъ. — Подполковникъ. Членъ отъ дворянъ Черниговской межевой палаты.

Сементовскій, Константинъ Максимовичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Былъ производителемъ дѣлъ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. Въ настоящее время въ отставкѣ и состоитъ однимъ изъ трёхъ опекуновъ Высочайше учреждённаго въ 1875 году опекунскаго

управленія надъ имуществомъ и дѣлами наслѣдниковъ Д. Е. Бернардаки.

Курганскій, Григорій Өёдоровичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ учителемъ Конотопскаго уѣзднаго училища.

Лоссовскій, Семёнъ Осиповичъ. — Въ военной службѣ.

Манжурнетъ, Михаилъ Өёдоровичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ младшимъ учителемъ математики въ Кіевской 1-й гимназіи.

Полторацкій, Николай Васильевичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ почётнымъ смотрителемъ Сосницкаго уѣзднаго училища.

Риттеръ, Өёдоръ Александровичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Савицкій, Досифей Семёновичъ. — Коллежскій ассессоръ. Засѣдатель Кролевецкаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго суда.

Скопцовъ, Павелъ Петровичъ.

Соколовъ, Степанъ Дмитріевичъ.

Ступаковъ, Пётръ Павловичъ. — Умеръ. Былъ учителемъ Бобруйскаго дворянскаго училища.

Өёдоровъ, Өёдоръ Николаевичъ.

Черняховскій, Василій Исааковичъ. — Умеръ. Служилъ въ Кіевской коммиссаріатской коммиссіи.

Шульцъ, Фридрихъ Людвиговичъ. — Умеръ.

ВЫПУСКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ. 1840.

Буда, Пётръ Прокофьевичъ.

Демковъ, Иванъ Петровичъ. — Служилъ въ военной службѣ. Проживаетъ въ настоящее время въ Прилукскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи).

Залога, Николай Өёдоровичъ. — Умеръ.

Каталей, Георгій Васильевичъ. — Умеръ въ чинѣ артиллеріи генералъ-маіора.

Лоссовскій, Викентій Осиповичъ. — Въ военной службѣ.

Погорѣлко, Пантелеймонъ Павловичъ. — Коллежскій ассессоръ въ отставкѣ. Былъ бухгалтеромъ 4-го отдѣленія канцеляріи Провіантнаго Департамента Военнаго Министерства.

Савченко, Григорій Андреевичъ. — Умеръ.

Сементовскій, Александръ Максимовичъ. — Статскій совѣтникъ. Авторъ многихъ хозяйственныхъ и статистическихъ сочиненій. Нынѣ — секретарь Витебскаго Статистическаго Комитета.

Сементовскій, Николай Максимовичъ. — Авторъ цѣлаго ряда сочиненій о кіевскихъ и малорусскихъ древностяхъ. Умеръ 24-го октября 1879 года въ своёмъ имѣніи, находящемся въ Золотоношскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи). Состоялъ при Кіевскомъ гражданскомъ губернаторѣ и былъ членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго и членомъ-корреспондентомъ

Императорскаго Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго обществъ.

Ауэрбахъ, Германъ Андреевичъ.

Бобровскій, Василій Львовичъ. — Поручикъ въ отставкѣ. Былъ засѣдателемъ Конотопскаго уѣзднаго суда.

Захаревскій, Исаакъ Васильевичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Служилъ помощникомъ столоначальника Черниговской казённой палаты.

Зубъ, Павелъ Степановичъ. — Артиллеріи подпоручикъ въ отставкѣ. Былъ засѣдателемъ Конотопскаго уѣзднаго суда.

Ковалевскій, Владиміръ Осиповичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ старшимъ учителемъ математики Орловской губернской гимназіи.

Ковалевскій, Ѳома Осиповичъ.

Кузнецовъ, Николай Андреевичъ.—Умеръ. Служилъ въ военной службѣ.

Макухинъ, Иванъ Яковлевичъ. — Въ отставкѣ.

Мерцаловъ, Михаилъ Ивановичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Чиновникъ особыхъ порученій при Кіевскомъ гражданскомъ губернаторѣ.

Мерцаловъ. Яковъ Ивановичъ. — Коллежскій ассессоръ. Служитъ исправникомъ въ Сибири.

Оболонскій, Василій Яковлевичъ. — Въ отставкѣ.

Рубановъ, Флавіанъ Ивановичъ. — Въ отставкѣ.

Савченко, Иванъ Григорьевичъ.

Слѣсаренко, Александръ Владиміровичъ. — Умеръ въ чинѣ прапорщика. Служилъ въ военной службѣ.

Тимченко, Георгій Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ управляющимъ Сызранскою удѣльною конторой.

Цѣхановецкій, Лаврентій Матвѣевичъ. — Умеръ. Былъ старшимъ учителемъ Кіевской 2-й гимназіи.

ВЫПУСКЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ. 1841.

Пилипенко, Григорій Петровичъ. — Коллежскій ассессоръ въ отставкѣ. Служилъ становымъ приставомъ въ Борзенскомъ уѣздѣ.

Филипченко, Евгеній Петровичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ учителемъ 3-го рода Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

Фонтинъ, Егоръ Петровичъ.

Довкгела, Аѳанасій Ивановичъ. — Умеръ въ 1844 году въ чинѣ губернскаго секретаря. Служилъ въ С.-Петербургскомъ губернскомъ правленіи.

Захаревскій, Андроникъ Васильевичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ журналистомъ Городнянскаго уѣзднаго казначейства.

Зоцъ, Илья Павловичъ. — Умеръ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ Прилукскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи). Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Завихостскаго таможеннаго округа.

Зубъ, Ѳёдоръ Степановичъ. — Умеръ въ 1850 году. Служилъ во 2-мъ департаментѣ С.-Петербургской Управы Благочинія.

Ильяшенко, Егоръ Андреевичъ.

Ильяшенко, Прокофій Андреевичъ.

Каминскій, Михаилъ Кириловичъ.

Магденко, Александръ Ивановичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Мерцаловъ, Андрей Ивановичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ по Департаменту Удѣловъ. Проживаетъ нынѣ въ Кіевѣ.

Саханскій, Матвѣй Ивановичъ. — Коллежскій ассессоръ въ отставкѣ. Былъ Пензенскихъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ.

Сахновскій, Михаилъ Яковлевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Участковый мировой судья Сосницкаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Троцина, Дмитрій Елисеевичъ. — Почётный мировой судья въ Прилукахъ (Полтавской губерніи).

Шандрина, Василій Игнатьевичъ.

Ревеліоти, Ксенофонтъ Ѳёдоровичъ. — Штабсъ-ротмистръ. Почётный мировой судья Симферопольскаго уѣзда (Таврической губерніи).

III.

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ,

окончившихъ курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко со времени преобразованія его изъ математическаго факультета въ юридическій до настоящаго времени.

ВЫПУСКЪ СЕМНАДЦАТЫЙ. 1843.

Удостоены степени студентовъ Лицея — XII классомъ.

Ланге, Лёвъ Ивановичъ.—Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Предсѣдатель Нѣжинскаго окружного суда.

Тупица, Трофимъ Семёновичъ. — Умеръ въ 1870 году въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Былъ начальникомъ отдѣленія въ Инспекторскомъ Департаментѣ Гражданскаго Вѣдомства.

ВЫПУСКЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ. 1844.

Удостоены степени студентовъ Лицея — XII классомъ.

Петровъ, Николай Ивановичъ.—Умеръ въ 1878 году въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Былъ управляющимъ Радомской казённой палаты. Пожертвовалъ три тысячи рублей на учрежденіе стипендіи въ Черниговской гимназіи имени его учителя латинскаго языка Моніевскаго.

Третьяковъ, Антонъ Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ дѣлопроизводителемъ Пензенской палаты государственныхъ имуществъ.

Демисъ, Леонидъ Николаевичъ.—Коллежскій совѣтникъ. Служилъ секретарёмъ 2-го отдѣленія 3-го Департамента Правительствующаго Сената. Въ настоящее время Санктпетербургскій нотаріусъ.

Клейнгаузъ, Игнатій Михайловичъ. — Палъ геройской смертью во главѣ своего полка подъ Плевной въ рукопашной битвѣ съ турками. Былъ командиромъ 19-го пѣхотнаго Костромскаго полка.

Лапинскій, Иванъ Викентьевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Столоначальникъ Департамента Искусственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщеній и Публичныхъ Зданій.

Роксиковъ, Константинъ Валеріановичъ. — Въ отставкѣ; служилъ въ военной службѣ.

Ромишевскій, Филиппъ Антоновичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ Минскимъ губернскимъ стряпчимъ казённыхъ дѣлъ.

Стржелецкій, Казиміръ Николаевичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ начальникомъ отдѣленія Департамента Хозяйственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Въ настоящее время проживаетъ въ Парижѣ, гдѣ посвящаетъ свою дѣятельность осуществленію разнаго рода предпріятій, приносящихъ ему хорошій доходъ.

Трояновскій, Феликсъ Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Былъ секретарёмъ Черкасскаго магистрата.

Удостоены степени студентовъ Лицея — XIV классомъ.

Бровцынъ, Алексѣй Даниловичъ. — Надворный совѣтникъ. Членъ Екатеринославскаго окружнаго суда. Былъ библіотекаремъ Гидрографическаго депо Главнаго управленія морскою частью въ Николаевѣ.

Видавскій, Феликсъ Блажьевичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ Житомірскимъ уѣзднымъ стряпчимъ.

Глѣбовъ, Николай Прокофьевичъ. — Умеръ. Былъ членомъ Черниговскаго комитета о губернскомъ коннозаводствѣ.

Даниловичъ, Василій Ѳёдоровичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ засѣдателемъ отъ короны Дубенскаго (Волынской губерніи) уѣзднаго суда.

Касперовъ, Алексѣй Григорьевичъ. — Умеръ въ 1855 году въ Летичевѣ, въ чинѣ губернскаго секретаря. Служилъ короннымъ засѣдателемъ по корчемной части Летичевскаго (Каменецъ-Подольской губерніи) земскаго суда.

Козловъ, Иванъ Карповичъ. — Умеръ. Служилъ въ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Козловскій, Ансельмъ Станиславовичъ.—Въ отставкѣ. Служилъ штабсъ-капитаномъ въ Брянскомъ егерскомъ полку.

Корабейниковъ, Ѳёдоръ Ивановичъ. — Умеръ.

Кухарскій, Антонъ Мартыновичъ. —Умеръ. Служилъ въ военной службѣ.

Макаренко, Филиппъ Петровичъ. — Подполковникъ въ отставкѣ. Служилъ воспитателемъ въ Орловскомъ-Бахтина кадетскомъ корпусѣ.

Погоржельскій, Адольфъ Бернардовичъ. — Служилъ въ Каменецъ-Подольской казённой палатѣ.

Ростовцевъ, Николай Яковлевичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ.

Рутковскій, Степанъ Казимировичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ засѣдателемъ отъ поселянъ Новоградъ-Волынскаго уѣзднаго суда.

Сведерскій, Нарцисъ Робертовичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ секретарёмъ Балтской (Подольской губерніи) городской думы.

Шидловскій, Владиміръ Никифоровичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ стряпчимъ Херсонской Палаты Государственныхъ Имуществъ.

Шидловскій, Иванъ Никифоровичъ. — Умеръ въ 1853 году въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Служилъ столоначальникомъ въ Кораблестроительномъ Департаментѣ морского министерства.

Шостакъ, Михаилъ Ѳёдоровичъ. — Статскій совѣтникъ. Начальникъ Отдѣленія Виленскаго Окружнаго Интендантства.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ. 1845.

XII классомъ.

Новаковскій, Владиславъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ.

Шапошниковъ, Александръ Антоновичъ. — Надворный совѣтникъ. Почётный мировой судья Рузскаго уѣзда (Московской губерніи).

Филоновичъ, Николай Михайловичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ помощникомъ столоначальника Новгородской Палаты Государственныхъ Имуществъ.

Куханскій, Людвигъ Ивановичъ. — Коллежскій ассесоръ. Городничій въ Оханскѣ (Пермской губерніи).

Каминскій, Ѳома Павловичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ становымъ приставомъ 4-го стана Заславльскаго уѣзда (Волынской губерніи).

XIV классомъ.

Мощинскій, Андрей Ивановичъ. — По выходѣ изъ Лицея, поступилъ въ университетъ Св. Владиміра, по окончаніи курса въ которомъ, по медицинскому факультету, былъ назначенъ младшимъ лекаремъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ.

Вагила, Пётръ Петровичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго секретаря.

Зиновичъ, Корнилій. — Умеръ въ чинѣ корнета. Служилъ въ уланахъ.

Касперовъ, Иванъ Григорьевичъ. — Коллежскій ассессоръ. Умеръ. Былъ совѣтникомъ Псковскаго губернскаго правленія.

Гаасъ, Генрихъ Францевичъ. — Ни гдѣ не служилъ.

Губенко, Иванъ Ѳёдоровичъ. — На службѣ въ Житомирѣ.

Огоновскій, Густавъ Албертовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Служитъ въ Волынскомъ губернскомъ правленіи.

Саксоновъ, Иванъ Алексѣевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ штабсъ-капитаномъ въ Нарвскомъ пѣхотномъ полку.

Черкесъ, Игнатій Антоновичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Попечительномъ Комитетѣ объ иностранныхъ переселенцахъ Южнаго края.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЫЙ. 1846.

XII классомъ.

Литвиновъ, Алексѣй Николаевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Участковый мировый судья Дмитровскаго уѣзда (Курской губерніи) и непремѣнный членъ тамошняго мироваго съѣзда.

Щербина, Кондратій Игнатьевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Секретарь Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи.

XIV классомъ.

Бенкевичъ, Антонъ Антоновичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ засѣдателемъ отъ дворянства въ Подольской палатѣ Уголовнаго Суда.

Бровко, Ѳёдоръ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ корректоромъ въ типографіи университета Св. Владиміра.

Долинскій, Дмитрій Яковлевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Былъ помощникомъ Камышинскаго (Саратовской губерніи) окружнаго начальника государственныхъ имуществъ.

Красниковскій, Михаилъ Елисѣевичъ. — Статскій совѣтникъ. Былъ товарищемъ предсѣдателя Подольской палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

Кулябка-Корецкій, Иванъ Григорьевичъ. — Служилъ засѣдателемъ въ Суражской (Черниговской губерніи) дворянской опекѣ.

Любарскій, Василій Ивановичъ. — Коллежскій секретарь. Служитъ въ Конотопскомъ (Черниговской губерніи) межевомъ судѣ.

Нарбутъ, Дмитрій Александровичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ столоначальникомъ въ Орловской палатѣ уголовнаго суда.

Скордели, Николай Ивановичъ. — Коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ Хотинскимъ уѣзднымъ судьёй.

Чайковскій, Михаилъ Яковлевичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ редакторомъ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и смотрителемъ тамошней губернской типографіи.

Шкода, Иванъ Ивановичъ. — Майоръ. Помощникъ начальника лифляндскаго губернскаго жандармскаго управленія въ городѣ Дерптѣ (Лифляндской губерніи).

Ярошевскій, Игнатій Казиміровичъ. — Умеръ.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. 1847.

XII классомъ.

Троцина, Константинъ Елисеевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Почётный мировой судья Нѣжинскаго уѣзда и почётный смотритель Кобелякскаго (Полтавской губерніи) уѣзднаго училища.

Бордоносъ, Аркадій Матвѣевичъ. — Статскій совѣтникъ. Членъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сѵнодѣ.

Селедцовъ, Михаилъ Ивановичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ въ Полтавской гражданской палатѣ.

Терещенко, Василій Григорьевичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ управляющимъ акцизными сборами Ставропольской губерніи.

Левинскій, Станиславъ Ивановичъ. — По окончаніи курса въ Лицеѣ опредѣлился въ университетъ Св. Владиміра на медицинскій факультетъ, который и окончилъ со степенью лекаря.

XIV классомъ.

Лашнюковъ, Иванъ Васильевичъ. — Умеръ 25-го октября 1869 года, въ чинѣ надворнаго совѣтника, въ Кіевѣ, гдѣ и погребёнъ. Былъ профессоромъ исторіи въ Лицеѣ Князя Безбородко, а затѣмъ экстраординарнымъ профессоромъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ по каѳедрѣ всеобщей и русской статистики и русской исторіи.

Гербель, Николай Васильевичъ. — Современный поэтъ, авторъ «Игоря» — стихотворнаго перевода «Слова о полку Игоревѣ», переводчикъ и издатель Полныхъ Собраній Сочиненій Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, Гофмана и Шевченко въ русскомъ переводѣ и Славянскихъ, Русскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ, Дѣйствительный членъ Общества Любителей Россійской Словесности, Старѣйшій членъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и Почётный членъ Лейпцигскаго и Дрезденскаго Шиллеровскихъ Обществъ. Гвардіи ротмистръ въ отставкѣ. Служилъ лейбъ-гвардіи въ уланскомъ полку, который оставилъ въ 1860 году.

Саховичъ, Василій Петровичъ. — Умеръ въ 1854 году въ чинѣ губернскаго секретаря. Служилъ секретарёмъ Самарскаго губернскаго правленія.

Андріяшевъ, Николай Ѳомичъ. — Коллежскій регистраторъ въ отставкѣ. Служилъ въ Полтавскомъ губернскомъ правленіи.

Визель, Оскаръ Борисовичъ. — Статскій совѣтникъ. Чиновникъ для особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ.

Гольштейнъ, Корнилій Францовичъ. — Умеръ въ городѣ Лугѣ въ 1875 году, гдѣ былъ нотаріусомъ.

Котляровъ, Дмитрій Еремеевичъ. — Умеръ. Служилъ въ Полтавской палатѣ гражданскаго суда.

Морозъ, Василій Константиновичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ помощникомъ столоначальника въ Черниговской казённой палатѣ.

Охрѣменко, Константинъ Александровичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ секретарёмъ канцеляріи Общаго Собранія первыхъ трёхъ департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.

Померанскій, Яковъ Антоновичъ. — Статскій совѣтникъ. Гродненскій городской голова.

Рашевскій, Николай Васильевичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ попечителемъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ Черниговскаго уѣзда.

Сендаровскій, Степанъ Прокофьевичъ. — Умеръ въ 1848 году въ Люблинѣ. Служилъ юнкеромъ въ Селенгинскомъ пѣхотномъ полку.

Скорделли, Георгій Ивановичъ. — Умеръ. Состоялъ членомъ Бессарабской областной межевой конторы.

Филоновичъ, Өёдоръ Михайловичъ. — Коллежскій секретарь. Столоначальникъ Черниговской палаты государственныхъ имуществъ.

Фишеръ, Александръ Абрамовичъ. — Ни гдѣ не служилъ.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ. 1848.

XII классомъ.

Макаровъ, Николай Яковлевичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ, управляющій Московской казённой палатой и кавалеръ орденовъ Св. Анны и Св. Станислава 1-хъ степеней и Св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра 3-го класса.

Панченко, Амфіанъ Харлампіевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Чиновникъ для порученій при Динабургской Коммисаріатской Коммисіи.

Луночарскій, Василій Өёдоровичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Членъ Полтавскаго окружного суда.

XIV классомъ.

Москальскій, Иванъ Петровичъ. — Коллежскій ассесоръ. Дѣлопроизводитель отдѣленія поземельнаго въ Ставропольскомъ управленіи Государственныхъ Имуществъ.

Безрадецкій, Апполонъ Никитичъ. — Служитъ въ Канцеляріи Кіевскаго гражданскаго губернатора.

Рашевскій, Андрей Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Чепелевскій, Францъ Андреевичъ. — Коллежскій секретарь. Служилъ секретарёмъ Кишеневской палаты уголовнаго суда.

Бавыкинъ, Василій Петровичъ. — Служитъ въ Кіевскомъ управленіи Государственныхъ Имуществъ.

Басанько, Аөанасій. — Умеръ въ чинѣ губернскаго секретаря. Служилъ столоначальникомъ въ Кіевской казённой палатѣ.

Бучинскій, Семёнъ Антоновичъ. — Въ отставкѣ; служилъ въ военной службѣ.

Вержбицкій, Викторъ Викентьевичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ Быховскимъ (Могилёвской губерніи) земскимъ исправникомъ.

Вержбицкій, Николай Васильевичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Былъ помощникомъ столоначальника Черниговской палаты гражданскаго суда.

Виницкій, Владиміръ Николаевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ С.-Пэтербургской казённой палатѣ.

Кондура, Аөанасій Александровичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго секретаря. Служилъ въ Астраханскомъ губернскомъ правленіи.

Кричевскій, Василій Егоровичъ.— Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Управляющій питейно-акцизнымъ управленіемъ Тамбовской губерніи.

Линевичъ, Тимоѳей Дмитріевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ засѣдателемъ Чигиринскаго уѣзднаго суда.

Лѣстовничій, Пётръ Яковлевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ засѣдателемъ Остёрскаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго суда и былъ депутатомъ отъ дворянства тамошней квартирной коммисіи.

Маріошенко, Левъ Ивановичъ. — Коллежскій ассесоръ. Секретарь при управляющемъ акцизнымъ сборомъ Гродненской губерніи.

Моравскій, Иванъ Матвѣевичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Былъ учителемъ русскаго языка въ Грубешовскомъ (Люблинской губерніи) уѣздномъ училищѣ.

Пономаренко, Пётръ Ивановичъ.—Умеръ въ 1855 году.

Свѣжевскій, Викторъ Касперовичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ въ канцеляріи Подольскаго гражданскаго губернатора.

Славотинскій, Измаилъ Яковлевичъ.— Почётный мировой судья Переяславскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Хмельниковъ, Пётръ Георгіевичъ.—На службѣ въ Тулѣ.

Шанявскій, Константинъ Петровичъ. — Коллежскій ассесоръ. Казначей канцеляріи Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ.

Морозовъ, Варѳоломей Тимоѳеевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Служитъ судебнымъ слѣдователемъ въ С.-Петербургѣ.

Рева, Степанъ Ивановичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Былъ учителемъ Гадячскаго (Полтавской губерніи) уѣзднаго училища.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ. 1849.

XII классомъ.

Гессе, Николай Павловичъ. — Гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ, кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла, Св. Анны и Св. Станислава 1-хъ степеней и Св. равноапостольнаго Князя Владиміра 2-го класса. Кіевскій губернаторъ.

Захаровъ, Николай Алексѣевичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Полтавской казённой палатѣ.

Козинцовъ, Николай Александровичъ. — Надворный совѣтникъ. Исправникъ Васильковскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Пршибысовъ, Константинъ Яковлевичъ. — Умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора. Былъ секретарёмъ Каменецъ-Подольской уголовной палаты.

Экебладъ, Илья Христіановичъ. — Умеръ въ чинѣ полковника. Былъ командиромъ Сибирскаго линейнаго баталіона № 8, а потомъ старшимъ членомъ войскового правленія Забайкальскаго казачьяго войска.

XIV классомъ.

Скибинскій, Дмитрій Ивановичъ. — Присяжный повѣренный въ Полтавѣ.

Старицкій, Ананій Степановичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Предсѣдатель Полтавской уѣздной Земской Управы. Почётный мировой судья Полтавскаго уѣзда.

Глезеръ, Карлъ Ивановичъ.

Данѣльскій, Михаилъ Ивановичъ.

Грозгеймъ, Карлъ Григорьевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Младшій учитель географіи въ Кейданской (Ковенской губерніи) гимназіи.

Гуща, Степанъ Павловичъ. — Коллежскій секретарь. Служитъ учителемъ Городненскаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго училища.

Козинцовъ, Яковъ Александровичъ. — Поручикъ въ отставкѣ. Служилъ въ Полоцкомъ егерскомъ полку.

Марковъ, Илья Михайловичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ въ Курской палатѣ гражданскаго суда.

Савченко-Бѣльскій, Леонтій Ѳёдоровичъ. — Коллежскій секретарь. Столоначальникъ Черниговскаго губернскаго правленія.

Снѣжко, Василій Ивановичъ. — Поручикъ въ отставкѣ.

Сокологорскій, Григорій Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Казначей Екатеринославскаго Управленія Государственныхъ Имуществъ.

Сомчевскій, Тимоѳей Ѳёдоровичъ.—Умеръ въ 1854 году. Служилъ въ С.-Петербургской управѣ благочинія.

Сощенко, Пётръ Ивановичъ. Ни гдѣ не служилъ.

Трипольскій, Пётръ Ивановичъ. — Умеръ въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Служилъ засѣдателемъ Новозыбковскаго уѣзднаго суда (Черниговской губерніи), а потомъ межевымъ судьёю въ Новозыбковскомъ уѣздѣ.

Фаленко, Семенъ Яковлевичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ.

Яковлевъ, Михаилъ Михайловичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Былъ юрисконсультомъ при корпусѣ жандармовъ.

Костенко, Пётръ Ивановичъ.—Ни гдѣ не служилъ.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. 1850.

XII классомъ.

Иващенко, Василій Егоровичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Кулжинскій, Владиміръ Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ. Служитъ въ канцеляріи Министра Двора.

Малюга, Григорій Григорьевичъ. — Статскій совѣтникъ. Управляющій Вѣрушевскою таможнею.

Наливайко, Иванъ Кирилловичъ. — Надворный совѣтникъ. Товарищъ предсѣдателя Калужскаго окружного суда.

Скрибцовъ, Иванъ Павловичъ. — Умеръ въ чинѣ титулярнаго совѣт-

ника. Служилъ старшимъ помощникомъ правителя канцеляріи Кіевскаго гражданскаго губернатора.

Твердохлѣбовъ, Иванъ Михайловичъ. — Коллежскій секретарь. Служитъ въ Полтавской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Вотчалъ, Филиппъ Ивановичъ. — Титулярный совѣтникъ. Почётный мировой судья Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ (Казанской губерніи).

Сердюковъ, Порфирій Ивановичъ.—Ни гдѣ не служилъ.

XIV классомъ.

Колосовскій, Пётръ Лукичъ. — Коллежскій ассесоръ. Старшій помощникъ акцизнаго надзирателя въ городѣ Лидѣ (Виленской губерніи).

Шишовъ, Алексѣй Петровичъ. — Коллежскій ассесоръ. Служитъ въ Витебскомъ Управленіи Государственныхъ Имуществъ.

Буриновъ, Левъ Андреевичъ.—Титулярный совѣтникъ. Столоначальникъ Черниговской казённой палаты.

Бучинскій, Григорій Антоновичъ. — Капитанъ. Корпусный офицеръ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса.

Вангенгеймъ, Пётръ Яковлевичъ. — Статскій совѣтникъ. Товарищъ предсѣдателя Череповецкаго (Новгородской губерніи) окружнаго суда.

Вѣнцковскій, Осипъ Даниловичъ.

Ждановичъ, Ѳома Васильевичъ. — Умеръ 19-го марта 1880 года въ Петербургѣ. Былъ участковымъ Санктпетербургскимъ мировымъ судьёй.

Зайцевъ, Дмитрій Ивановичъ. — Поручикъ Корпуса Лѣсничихъ. Кузнецкій лѣсничій (Саратовской губерніи).

Козаковъ, Игорь Ѳёдоровичъ. — Статскій совѣтникъ. Управляющій государственными имуществами въ Кутаисской губерніи.

Подгорный, Василій Тимоѳеевичъ. — Умеръ. Былъ становымъ приставомъ 1-го стана Кобелякскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Черкесъ, Николай Леонтьевичъ. — Штабсъ-капитанъ въ отставкѣ. Служилъ въ Тобольскомъ пѣхотномъ полку.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ. 1851.

XII классомъ.

Стеблинъ, Ѳёдоръ Павловичъ. — Статскій совѣтникъ. Совѣтникъ Черниговскаго губернскаго правленія.

Бордоносъ, Ипполитъ Матвѣевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Почётный мировой судья Бобруйскаго округа (Минской губерніи) и директоръ тамошней прогимназіи

Матросовъ, Александръ Наумычъ. — Чиновникъ департамента внѣшней торговли.

Ѳедоровичъ, Михаилъ Павловичъ. — Надворный совѣтникъ. Участковый мировой судья Чериковскаго округа (Могилевской губерніи).

XIV классомъ.

Каневскій, Михаилъ Яковлевичъ.

Коробчицъ, Василій Яковлевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Становой приставъ 2-го стана Каневскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Макаровъ, Александръ Яковлевичъ — Коллежскій асессоръ въ отставкѣ.

Москальскій, Яковъ Петровичъ. — Коллежскій ассесоръ. Старшій учитель Шемахинскаго высшаго 4-хъ классного училища и комнатный надзиратель при пансіонѣ того же заведенія.

Пальчиковскій, Ѳёдоръ Кузьмичъ. — Коллежскій секретарь. Помощникъ столоначальника Черниговской казённой палаты.

Саханскій, Иванъ Яковлевичъ. — Подпоручикъ въ отставкѣ. Служилъ въ Сѣвскомъ пѣхотномъ полку.

Шаула, Захарій Кирилловичъ.— Участковый мировой судья Нѣжинскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Бугаевскій, Георгій Самсоновичъ. — Коллежскій ассесоръ. Былъ столоначальникомъ 2-го департамента Санктпетербургской Управы Благочинія.

Бутвила, Павелъ Осиповичъ.

Донцовъ, Андрей Филипповичъ.

Кутневичъ, Андрей Ивановичъ.

Лихошерстовъ, Дмитрій Никитичъ. — Надворный совѣтникъ. Секретарь Оренбургской казённой палаты.

Миклуха, Василій Ильичъ. — Коллежскій секретарь. Помощникъ столоначальника Правленія 1-го округа Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Савичъ, Николай Николаевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Участковый мировой судья Сумскаго уѣзда (Харьковской губерніи).

Остроградскій, Иванъ Дмитріевичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Былъ Кременчугскимъ уѣзднымъ судьёй (Полтавской губерніи).

Одынецъ, Каетанъ Павловичъ. — Коллежскій секретарь. Старшій помощникъ правителя канцеляріи начальника Могилёвской губерніи.

Полуботко, Ефимъ Михайловичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ.

Савицкій, Егоръ Павловичъ. — Коллежскій ассесоръ. Становой приставъ 2-го стана Астраханскаго уѣзда.

Сердюковъ, Гавріилъ. — Въ военной службѣ.

Ярмоленко, Андрей Осиповичъ.—Ни гдѣ не служилъ.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ. 1852.

XII классомъ.

Абраменко-Забровскій, Викторъ Николаевичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ въ канцелярія Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора.

Дмисевичъ, Фабіянъ Карловичъ.—Занимается адвокатурою въ Минской губерніи.

Дунинъ-Барковскій, Иванъ Яковлевичъ. — Поручикъ. Почётный мировой судья Черниговскаго уѣзда.

Карачевскій-Волкъ, Никодимъ Никодимовичъ. — Предсѣдатель Борзенской земской управы.

Козинцовъ, Григорій Александровичъ. — Поручикъ въ отставкѣ.

Кузьминскій, Иванъ Моисеевичъ. — Умеръ. Служилъ въ гражданской службѣ.

Паливода, Григорій Ивановичъ. — Умеръ въ 1861 году въ чинѣ коллежскаго секретаря. Служилъ въ канцеляріи Черниговскаго гражданскаго губернатора и былъ редакторомъ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Пейкеръ, Өёдоръ Ивановичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Начальникъ округа при правленіи Московскаго Воспитательнаго Дома.

Прокоповичъ, Николай Антоновичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ столоначальникомъ въ Кіевской палатѣ гражданскаго суда.

XIV классомъ.

Бекманъ, Николай Николаевичъ. — Надворный совѣтникъ. Козинецкій участковый мировой судья 1-го округа Радомской губерніи.

Влодковскій, Северинъ Львовичъ. Коллежскій секретарь. Стряпчій при Кіевской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Гиппіусъ, Николай Карловичъ. — Коллежскій секретарь. Младшій помощникъ секретаря 1-го департамента Правительствующаго Сената.

Гродзскій, Андрей Михайловичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Былъ Житомирскимъ уѣзднымъ судьёю; нынѣ состоитъ при департаментѣ Министерства Юстиціи.

Климовичъ, Яковъ Игнатьевичъ.—Ни гдѣ не служилъ.

Самарскій, Николай Ивановичъ.—Коллежскій аесесоръ. Учитель исторіи въ Луцкомъ (Волынской губерніи) уѣздномъ дворянскомъ училищѣ.

Самойленко, Михаилъ Алексѣевичъ. — Умеръ.

Туловъ, Иванъ Андреевичъ. — Штабсъ-капитанъ въ отставкѣ. Служилъ въ Лейбъ-Бородинскомъ пѣхотномъ Его Величества полку.

Головатенко, Наумъ Моисеевичъ. — Умеръ. Служилъ въ 1-мъ департаментѣ С.-Петербургской Управы Благочинія.

Дубовскій, Иванъ Наумовичъ. — Губернскій секретарь. Учитель Борзенскаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго училища.

Журавскій, Константинъ Доминиковичъ. — Служитъ надзирателемъ за учениками при Волынской губернской гимназіи.

Зѣновичъ, Өеодосій Петровичъ.—Ни гдѣ не служилъ.

Коровинъ, Николай Алексѣевичъ. — Статскій совѣтникъ. Былъ Харьковскимъ полиціймейстеромъ.

Костенецкій, Григорій Ѳёдоровичъ. — Почётный мировой судья въ Конотопѣ.

Лебедь, Василій. — Умеръ.

Лесенко, Николай Васильевичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ казначеемъ Черниговской дружинѣ государственнаго ополченія.

Луночарскій, Павелъ Ѳёдоровичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ непремѣннымъ засѣдателемъ Сумскаго (Харьковской губерніи) земскаго суда.

Михайловскій, Иванъ Тимоѳеевичъ.—Ни гдѣ ни служилъ.

Саханскій, Василій Яковлевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ корнетомъ въ Вознесенскомъ уланскомъ полку.

Собескій, Иванъ Андреевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ прапорщикомъ въ 5-мъ саперномъ батальонѣ.

Тихоновичъ-Мищенко, Яковъ Степановичъ. — Губернскій секретарь. Служитъ въ канцеляріи Владимірскаго гражданскаго губернатора.

Шкода, Николай Ивановичъ. — Умеръ въ 1856 году. Служилъ адъютантомъ при начальникѣ Черниговскаго ополченія, генералѣ отъ инфантеріи Алферьевѣ.

Шрамченко, Павелъ Платоновичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Уфимскій губернаторъ.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ. 1853.

XII классомъ.

Исаевъ, Александръ Павловичъ.—Ни гдѣ ни служилъ.

Сукрухо, Осипъ Григорьевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Участковый мировой судья Оршанскаго округа (Могилевской губерніи).

Завацкій, Иванъ Поликарповичъ. — Губернскій секретарь. Помощникъ столоначальника Олонецкаго губернскаго правленія.

XIV классомъ.

Гирманъ, Яковъ Кузьмичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ помощникомъ столоначальника Олонецкаго губернскаго правленія.

Курдюмовъ, Владиміръ Ивановичъ.

Красниковскій, Николай Елисеевичъ. — Статскій совѣтникъ. Членъ Житомирскаго окружнаго суда.

Огроновичъ, Николай Акимовичъ. — Умеръ. Служилъ засѣдателемъ Лубенскаго (Полтавской губерніи) уѣзднаго суда.

Прокопенко, Николай Семёновичъ. — Умеръ въ 1858 году. Служилъ въ канцеляріи Черниговскаго гражданскаго губернатора.

Рудановскій, Андріанъ Осиповичъ. — Коллежскій ассесоръ. Членъ Ставропольскаго окружнаго суда.

Соколовъ, Павелъ Петровичъ. — Надворный совѣтникъ. Членъ Тифлисской судебной палаты.

Бржезинскій, Иванъ Михайловичъ.—Ни гдѣ ни служилъ.

Бялковскій, Александръ Феликсовичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Служилъ секретарёмъ Кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія.

Вощининъ, Василій Евграфовичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ въ Роменскомъ (Полтавской губерніи) уѣздномъ судѣ.

Гавриленко, Дмитрій Павловичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Состоитъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Грудина, Аѳанасій Павловичъ.

Карачевскій-Волкъ, Григорій Никодимовичъ. — Коллежскій ассесоръ. Непремѣнный членъ Борзенскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по Борзенскому уѣзду (Черниговской губерніи).

Лисѣевъ, Ѳома Платоновичъ.—Губернскій секретарь. Письмоводитель при Олонецкомъ губернскомъ прокурорѣ.

Облеуховъ, Николай Ивановичъ. — Въ чинѣ прапорщика убитъ подъ Севастополемъ. Служилъ въ Охотскомъ егерскомъ полку.

Околовичъ, Антонъ Павловичъ. — Губернскій секретарь. Столоначальникъ Полтавской палаты гражданскаго суда.

Самохинъ, Егоръ Васильевичъ. — Умеръ. Служилъ въ Волынской палатѣ гражданскаго суда.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ. 1854.

XII классомъ.

Бузинарскій, Лука Назаровичъ. — Служилъ въ военной службѣ.

Ворожбитъ, Иванъ Васильевичъ. — Убитъ въ чинѣ прапорщика подъ Севастополемъ. Служилъ въ Одесскомъ пѣхотномъ полку.

Войцеховичъ, Алексѣй Алексѣевичъ. — Губернскій секретарь. Служитъ въ Кролевецкомъ (Черниговской губерніи) межевомъ судѣ.

Ковалевскій, Николай Евстафьевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Участковый мировой судья Харьковскаго уѣзда.

Королёвъ, Ѳёдоръ Александровичъ. — Статскій совѣтникъ. Начальникъ отдѣленія Тобольской казённой палаты.

Креховецкій, Александръ Дмитріевичъ. — Коллежскій секретарь. Столоначальникъ Курской палаты государственныхъ имуществъ.

Блохинъ, Александръ Платоновичъ. — Статскій совѣтникъ. Директоръ Байрамчской (Таврической губерніи) учительской семинаріи.

Дроздовскій, Пётръ Ивановичъ. — Полковникъ. Военный слѣдователь Варшавскаго окружнаго суда.

Милорадовичъ, Пётръ Михайловичъ. — Полковникъ. Начальникъ штаба мѣстныхъ войскъ Виленскаго военнаго округа.

Перезоловъ, Иванъ Терентьевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Секретарь Пермскаго губернскаго правленія.

XIV классомъ.

Соболевскій, Николай Александровичъ.— Губернскій секретарь. Помощникъ контролёра Черниговской казённой палаты.

Федѣевъ, Иванъ Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ пѣхотномъ лейбъ Бородинскомъ Его Величества полку.

Алексѣевъ, Степанъ Александровичъ.

Вонче-Бруевичъ, Андрей Трофимовичъ.

Говорецкій, Василій Лукьяновичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ канцеляріи Черниговскаго гражданскаго губернатора.

Горовой, Яковъ Ѳёдоровичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ Черниговской палатѣ гражданскаго суда.

Дроздовскій, Осипъ Ивановичъ. — Служитъ въ военной службѣ.

Зоценко, Михаилъ Георгіевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ учителемъ уѣзднаго училища въ Закавказскомъ краѣ.

Лосикъ, Алексѣй Харитоновичъ. — Надворный совѣтникъ. Штатный смотритель Каменецкаго уѣзднаго училища (Подольской губерніи).

Мерцаловъ, Александръ Ивановичъ. — Умеръ въ чинѣ губернскаго секретаря. Былъ учителемъ Суражскаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго училища.

Страховскій, Иванъ Варѳоломеевичъ. — Служитъ въ Одесскомъ пѣхотномъ полку.

Троцкій, Степанъ Григорьевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ учителемъ Борзенскаго (Черниговской губерніи) уѣзднаго училища.

Цигра, Адольфъ Оттовичъ. — Умеръ. Служилъ корнетомъ въ кирасирскомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны полку.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ. 1855.

XII классомъ.

Борсукъ, Николай Григорьевичъ. — Присяжный повѣренный въ Полтавѣ.

Гнучевскій, Семёнъ Григорьевичъ. — Надворный совѣтникъ. Участковый мировой судья Бобруйскаго округа (Минской губерніи).

Ильяшевичъ, Николай Петровичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Членъ Совѣта учебныхъ заведеній и учебныхъ заведеній Императрицы Маріи.

Кулжинскій, Степанъ Ивановичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Членъ Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда.

Леонтовичъ, Ѳёдоръ Ивановичъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Деканъ и ординарный профессоръ исторіи Русскаго права въ Новороссійскомъ университетѣ.

Москальскій, Пётръ Петровичъ. — Статскій совѣтникъ, помощникъ юрисконсульта министерства государственныхъ имуществъ.

Зиньковскій, Титъ Игнатьевичъ.

Лукашевичъ, Викторъ Аполлоновичъ. — Коллежскій ассесоръ. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Соколовъ, Митрофанъ Дмитріевичъ. — Членъ Орловскаго Окружнаго Суда и почётный мировой судья Карачевскаго уѣзда (Орловской губерніи).

Кругляковъ-Чердацкій, Георгій Петровичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Шамраевскій, Аркадій Ѳёдоровичъ. — Членъ Казанской судебной палаты.

XIV классомъ.

Клечковскій, Пётръ Викторовичъ — Коллежскій совѣтникъ. Членъ Варшавской казённой палаты: Служилъ въ канцеляріи Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора.

Глѣбовъ, Леонидъ Ивановичъ. — Извѣстный малороссійскій поэтъ. Былъ редакторомъ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и издателемъ «Черниговскаго Листка». Въ настоящее время завѣдуетъ Черниговской Земской Типографіей.

Заика, Василій Васильевичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ по Министерству Финансовъ.

Зубцовъ, Василій Антоновичъ.

Коханскій, Александръ Ивановичъ. — По окончаніи курса въ Лицеѣ поступилъ въ медицинскій факультетъ Кіевскаго университета и въ настоящее время занимаетъ мѣсто младшаго ординатора въ Житомирѣ.

Околовичъ, Иванъ Павловичъ. — Коллежскій регистраторъ. Служитъ въ Санктпетербургской казённой палатѣ.

Троцина, Владиміръ Елисеевичъ.—Былъ Почётнымъ смотрителемъ Козелецкаго уѣзднаго училища.

Чарнолуцкій, Иванъ Ѳёдоровичъ.—Коллежскій регистраторъ. Чиновникъ канцеляріи Новозыбковскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

Черняховскій, Николай Исаковичъ.—Въ отставкѣ. Былъ учителемъ Борзенскаго уѣзднаго училища (Черниговской губерніи).

Юрковскій, Сигизмундъ Антоновичъ. — По окончаніи курса въ Лицеѣ, поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую академію.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЫЙ. 1856.

XII классомъ.

Калита, Иванъ Семёновичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ Кіевской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Каминскій, Михаилъ Ивановичъ.— Коллежскій совѣтникъ. Членъ Вержболовской таможни.

Тарасевичъ, Филиппъ Яковлевичъ. — Въ отставкѣ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Нѣжинѣ.

Филоновичъ, Ѳеофилактъ Кондратьевичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Служилъ столоначальникомъ Черниговскаго губернскаго правленія.

Шабловскій, Михаилъ Дмитріевичъ. — Надворный совѣтникъ. Участ-

ковый мировой судья Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Борсукъ, Владиміръ Григорьевичъ. — Служитъ окружнымъ надзирателемъ въ Нѣжинѣ.

Трубицкій, Григорій Андреевичъ. Въ отставкѣ. Проживаетъ въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниговской губерніи).

Зубовъ, Ѳедотъ Николаевичъ. — Губернскій секретарь въ отставкѣ. Былъ акцизнымъ надзирателемъ въ Черниговской губерніи.

Марковскій, Яковъ Захарьевичъ.

XIV классомъ.

Карпенко-Бережецкій, Ѳёдоръ Петровичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Чиновникъ особыхъ порученій пятаго класса при окружномъ интендантѣ Виленскаго округа.

Онапрѣенко-Шовковый, Ѳёдоръ Ивановичъ. — Умеръ. Служилъ въ Черниговской уголовной палатѣ.

Котюховъ, Никаноръ Захарьевичъ. — Находится на частной службѣ.

Миллеръ, Адамъ Адамовичъ. — Въ военной службѣ.

Пршибысовъ, Тимоѳей Яковлевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ. Въ настоящее время проживаетъ въ Нѣжинѣ.

Рклицкій, Михаилъ Семёновичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Чиновникъ особыхъ порученій VIII класса при окружномъ интендантѣ Варшавскаго округа.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. 1857.

XII классомъ.

Бабіевскій, Константинъ Петровичъ. — Служитъ въ Одесской Контрольной Палатѣ.

Котюховъ, Антонъ Захарьевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Бухгалтеръ питейно-акцизнаго управленія Черниговской губерніи

Ляскаронскій, Григорій Дмитріевичъ. — Умеръ. Былъ учителемъ Золотоношскаго (Полтавской губерніи) уѣзднаго училища.

Нечипоренко, Ефимъ Ѳёдоровичъ. — Губернскій секретарь. Служитъ въ Могилёвской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ.

Танскій, Владиміръ Михайловичъ.

Турикъ, Митрофанъ Ивановичъ. — Статскій совѣтникъ. Старшій ревизоръ Нижегородской контрольной палаты.

Черновъ, Александръ Кириловичъ. — Надворный совѣтникъ. Старшій ревизоръ питейно-акцизнаго управленія Западной Сибири.

Политовскій, Нилъ Васильевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Товарищъ предсѣдателя Владикавказскаго окружнаго суда.

Зубцовъ, Василій Антоновичъ.

Савченко, Василій Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ помощникомъ исправника въ Борзнѣ (Черниговской губерніи).

Ярошевскій, Александръ Васильевичъ.—Членъ дворянской опеки въ Прилукахъ (Полтавской губерніи).

XIV классомъ.

Фоссовичъ, Михаилъ Антоновичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ исправникомъ въ Волоколамскѣ (Московской губерніи).

Забѣла, Осипъ Антоновичъ.— Коллежскій регистраторъ, въ отставкѣ. Занимается частными уроками въ Кіевѣ.

Филатовъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

Трушевскій, Анастасій Фортунатовичъ.

Шкода, Александръ Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ въ отставкѣ. Служилъ по акцизу, откуда вышелъ въ 1878 году.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ. 1858.

XII классомъ.

Дейкунъ, Андрей Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ. Контролёръ Екатеринославской контрольной палаты.

Мазуръ, Гавріилъ Филипповичъ. — Умеръ, не поступая на службу.

Мерцаловъ, Николай Ивановичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Прокуроръ Якутскаго областнаго правленія.

Михайловскій-Цеблинскій, Николай Васильевичъ. — Умеръ въ 1869 году, въ бытность исправникомъ въ Суражскомъ уѣздѣ (Черниговской губерніи).

Лосина, Георгій Михайловичъ. — Секретарь Нѣжинскаго Мирового Съѣзда.

Піоро, Эдуардъ Ильичъ. — Ни гдѣ не служилъ.

Радзивиловичъ, Владиславъ Павловичъ. — Ни гдѣ не служилъ.

Филипченко, Павелъ Петровичъ. — Товарищъ Предсѣдателя Полтавскаго окружного суда.

XIV классомъ.

Ленсъ, Карлъ Александровичъ. — Не служитъ.

Лосина, Аѳанасій Михайловичъ. — Находится на службѣ въ Витебскѣ.

Милорадовичъ, Николай Николаевичъ. — Непремѣнный членъ Черниговскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и почётный мировой судья Черниговскаго и Нѣжинскаго уѣздовъ.

Старевскій, Андрей Андреевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Учитель русскаго языка въ Коростышевской (Кіевской губерніи) учительской семинаріи.

Троицкій, Михаилъ Викторовичъ. — Ни гдѣ не служитъ.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ. 1859.

XII классомъ.

Берсзовскій, Трофимъ Арсеньевичъ. — Членъ Костромскаго окружного суда.

Вашкевичъ, Григорій Станиславовичъ. — Старшій ревизоръ временменной ревизіонной коммиссіи Государственнаго Контроля.

Ганкевичъ, Игнатій Степановичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ судебнымъ слѣдователемъ на Кавказѣ.

Ковалевскій, Павелъ Петровичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ Черниговской гражданской палатѣ.

Лихошерстовъ, Павелъ Ѳедотовичъ. — Въ отставкѣ. Проживаетъ въ своёмъ имѣніи въ Борзенскомъ уѣздѣ (Черниговской губерніи).

Пришбысовъ, Василій Яковлевичъ. — Умеръ въ 1865 году, состоя судебнымъ слѣдователемъ Проскуровскаго уѣзда (Подольской губерніи).

Симоновскій, Дмитрій Александровичъ. — Служитъ въ сапёрахъ.

Тычина, Николай Гавриловичъ. — Почётный мировой судья Борзенскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Федѣевъ, Николай Ивановичъ. — Умеръ.

Харченко, Ѳёдоръ Лукичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ судебнымъ слѣдователемъ Мглинскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

XIV классомъ.

Алексѣевъ, Степанъ Александровичъ. — Участковый мировой судья Хорольскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Богдановъ, Александръ Ивановичъ. — Умеръ въ Кременчугѣ въ 1860 году.

Боровиковъ, Гавріилъ Кузьмичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ исправникомъ Острогскаго уѣзда (Волынской губерніи).

Буйновскій, Кириллъ Гавриловичъ. — Надворный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 1-го участка Чигиринскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Дворецкій, Митрофанъ Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Былъ смотрителемъ Нѣжинскаго богоугоднаго заведенія.

Лосикъ, Иванъ Харитоновичъ. — Умеръ. Служилъ въ уланахъ.

Лукашевскій, Пётръ Николаевичъ. — Въ отставкѣ.

Мошинскій, Фаустинъ Андреевичъ. — Служилъ въ военной службѣ; въ настоящее же время въ отставкѣ и проживаетъ въ Житомірѣ, занимаясь адвокатурой.

Радзивиловичъ, Карлъ Павловичъ. — Ни гдѣ не служилъ.

Саксъ, Мартынъ Акимовичъ. — Съ 1862 по 1864 годъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Полтавской гимназіи, затѣмъ поступилъ въ мировые посредники юго-западнаго края, а въ настоящее время служитъ мировымъ судьёю въ Варшавѣ.

Соколовскій, Ѳёдоръ Львовичъ. — Мировой судья Курской губерніи.

Соколовскій, Павелъ Львовичъ. — Въ отставкѣ.

Федорцовъ-Малышъ, Николай Никитичъ. — Умеръ въ 1879 году, не поступая на службу.

Чаплицъ, Николай Николаевичъ. — Умеръ. Служилъ учителемъ въ Роменскомъ реальномъ училищѣ (Полтавской губерніи).

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. 1860

XII классомъ.

Комаровскій, Сергѣй Игнатьевичъ. — Не служитъ.

Лосина, Иванъ Григорьевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ гражданской службѣ въ городѣ Поти (на Кавказѣ).

Манцевичъ, Антонъ Антоновичъ. — Умеръ.

Парадѣловъ, Пантелеймонъ Григорьевичъ. — Мировой судья въ городѣ Пинчовѣ (въ Царствѣ Польскомъ).

Примо, Степанъ Иларіоновичъ. — Присяжный повѣренный при Кіевской судебной палатѣ.

Соколовскій, Григорій Васильевичъ. — Не служитъ.

Суліевъ, Ѳёдоръ Леонтьевичъ. — Коллежскій совѣтникъ. Дѣлопроизводитель инспекторскаго департамента Морского Министерства.

Тиль, Сигизмундъ Владиславовичъ. — Служитъ въ обществѣ Курско-Кіевской желѣзной дороги.

XIV классомъ.

Брозинъ, Левъ Ивановичъ. — Ни гдѣ не служитъ.

Добринскій, Николай Ксаверьевичъ. — Ни гдѣ не служитъ.

Кулжинскій, Григорій Ивановичъ. — Съ 1876 года въ отставкѣ, до того служилъ директоромъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи.

Лосикъ, Ѳедотъ Харитоновичъ. — Умеръ. Служилъ учителемъ въ Стародубскомъ уѣздномъ училищѣ (Черниговской губерніи).

Михѣевъ, Иванъ Александровичъ. — Надворный совѣтникъ. Штатный смотритель Трокскаго городскаго училища (Виленской губерніи).

Поляковъ, Василій Савичъ. — Умеръ.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ. 1861.

XII классомъ.

Бѣлецкій, Николай Михайловичъ. — Умеръ. Служилъ акцизнымъ надзирателемъ Кролевецкаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Дейнека, Иванъ Петровичъ. — Служитъ по акцизу.

Косуновичъ, Иванъ Акинѳовичъ. — Коллежскій ассесоръ. Совѣтникъ Могилёвскаго губернскаго правленія.

Кулжинскій, Александръ Ивановичъ. — Служитъ нотаріусомъ въ Воронежѣ.

Маркевичъ, Ипполитъ Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Былъ Лохвицкимъ (Полтавской губерніи) мировымъ судьёю.

Морачевскій, Александръ Филипповичъ. — Надзиратель акцизныхъ сборовъ въ Прилукахъ (Полтавской губерніи).

Подвысоцкій, Флоръ Ивановичъ.—Въ отставкѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Подольскомъ губернаторѣ.

Подольскій, Пётръ Захарьевичъ. — Надворный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 2-го участка Мглинскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Романовскій-Романько, Александръ Александровичъ. — Товарищъ предсѣдателя Плоцкаго окружного суда.

Сендаровскій, Андрей Прокофьевичъ. — Акцизный надзиратель въ Черниговской губерніи.

Слабневичъ, Вацлавъ Францовичъ. — Умеръ въ 1869 году. Былъ учителемъ Гродненскаго уѣзднаго училища.

XIV классомъ.

Мазуръ, Митрофанъ Филипповичъ. — Умеръ.

Матвѣевскій, Павелъ Петровичъ. — Ни гдѣ не служилъ.

Паливода, Андрей Ивановичъ. — Служитъ помощникомъ исправника въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Екатеринославской губерніи).

Швачка, Пётръ Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Живётъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ.

Шварцъ, Яковъ Бенедиктовичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ военной службѣ.

Алексѣевъ, Павелъ Андреевичъ. — Умеръ, не поступая на службу.

Романченко, Северьянъ Мартыновичъ. — Умеръ. Служилъ въ Черниговской уголовной палатѣ.

Рубецъ, Александръ Ивановичъ. — Профессоръ С.-Петербургской Консерваторіи.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ. 1862.

XII классомъ.

Барковскій, Фабіанъ.

Борсукъ, Митрофанъ Григорьевичъ. — Занимаетъ должность Нотаріуса въ городѣ Нѣжинѣ.

Вильчковскій, Цезарь Лукичъ. — Служитъ по акцизному вѣдомству въ Кіевѣ.

Довкгела, Өёдоръ Өёдоровичъ. — Судебный слѣдователь 2-го участка Кролевецкаго уѣзда.

Долинскій, Николай Филипповичъ. — Городенскій (Черниговской губерніи) судебный слѣдователь.

Коломійцевъ, Филиппъ Сильвестровичъ.

Конопницкій, Владиміръ Степановичъ.

Копичевскій, Николай Ивановичъ.

Левдикъ, Акимъ Савичъ. — Умеръ въ 1871 году. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Черниговской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Луковскій, Константинъ Людвиговичъ. — Ни гдѣ не служилъ.

Метельскій, Василій Андреевичъ. — Умеръ.

Радзивиловичъ, Казиміръ Павловичъ. — По окончаніи курса поступилъ въ Кіевскій университетъ.

Созонцевъ, Иванъ Захарьевичъ. — Надворный совѣтникъ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ при Стародубскомъ окружномъ судѣ.

Солонина, Владиміръ. — Умеръ. Служилъ помощникомъ военнаго прокурора.

Турчаниновъ, Константинъ Васильевичъ. — Судебный слѣдователь Лохвицкаго уѣзда.

Шуляковскій, Мечиславъ Аполлинаріевичъ.

XIV классомъ.

Боровскій, Василій Петровичъ. — Не служитъ.

Райскій, Целестинъ Викентьевичъ. — Находится на частной службѣ въ Одессѣ.

Троицкій, Вячеславъ Викторовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ. 1863.

XII классомъ.

Адаменко, Ѳёдоръ Васильевичъ. — Присяжный повѣренный Одесскаго Округа.

Анисимовъ, Пётръ Григорьевичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Глокке, Эрнестъ Ѳёдоровичъ. — Присяжный повѣренный Тифлиской судебной палаты.

Вейсбахъ, Михаилъ Карловичъ. — Умеръ. Служилъ становымъ приставомъ.

Ждановичъ, Михаилъ Васильевичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при Департаментѣ Министерства Юстиціи.

Затыркевичъ, Дмитрій Александровичъ. — Членъ Лохвицко-Прилукской межевой комиссіи.

Затыркевичъ, Николай Дмитріевичъ. — Надворный совѣтникъ. Начальникъ отдѣленія Екатеринославской казённой палаты.

Лучицкій, Брониславъ Александровичъ. — Служитъ въ обществѣ Либаво-Роменской желѣзной дороги.

Матросовъ, Алексѣй Наумовичъ. — Участковый мировой судья Новогрудскаго округа (Минской губерніи).

Немировичъ-Данченко, Иванъ. — Служилъ судебнымъ слѣдователемъ, а нынѣ присяжный повѣренный въ городѣ Стародубѣ.

Подберезскій, Илья Леопольдовичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при департаментѣ Министерства Юстиціи. Былъ мировымъ судьёй Кузнецкаго уѣзда (Саратовской губерніи).

Ризничъ, Иванъ Ивановичъ. — Мировой судья Яновскаго уѣзда (Люблинской губерніи). Изучалъ земледѣліе въ Сѣверной Америкѣ.
Свириденко, Илья Терентьевичъ. — Губернскій секретарь. Товарищъ прокурора Черниговскаго окружного суда.
Соколовскій, Николай Михайловичъ.
Якимовичъ-Кожуховскій, Григорій Александровичъ.

XIV классомъ.

Анисимовъ, Тимофей Петровичъ. — Умеръ.
Гамалѣя, Николай Николаевичъ. — Умеръ. Служилъ почётнымъ мировымъ судьёй въ Конотопѣ (Черниговской губерніи).
Губскій, Иванъ Петровичъ. — Умеръ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Прилукахъ (Полтавской губерніи).
Заика, Николай Васильевичъ. — Мировымъ посредникомъ въ Минской губерніи.
Зайцевъ, Александръ. — Служитъ въ Кіевской Контрольной Палатѣ.
Князь Орбельяни, Иванъ Яковлевичъ. — Умеръ. Служилъ въ военной службѣ.
Радзивиловичъ, Николай Павловичъ.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ. 1864.

XII классомъ.

Василевскій, Пётръ Ивановичъ. — Умеръ въ Черниговѣ.
Гавриленко, Михаилъ Сидоровичъ. — Мировой судья Черкасскаго уѣзда (Кіевской губерніи).
Губскій, Василій Петровичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи. Былъ мировымъ судьёй Луцкаго уѣзда (Волынской губерніи).
Жуковскій, Пётръ Андреевичъ. — Мировой судья Чигиринскаго уѣзда (Кіевской губерніи).
Загурскій, Иванъ Ивановичъ.
Крестовскій, Яковъ Григорьевичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Сморгонскаго уѣзда (Виленской губерніи).
Меридіановъ, Александръ Михайловичъ. — Въ отставкѣ. Былъ мировымъ судьёй.
Морачевскій, Николай Филипповичъ. — Нигдѣ не служитъ.
Огіевскій, Яковъ Петровичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка, Золотоношскаго уѣзда, Лубенскаго Окружного Суда.
Полуботко, Павелъ Михайловичъ. — Членъ Кіевской судебной палаты.
Глокке, Эразмъ Ѳёдоровичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при Министертвѣ Юстиціи.
Радченко, Николай Григорьевичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Глуховскаго уѣзда (Черниговской губерніи).
Черновъ, Викторъ Кирилловичъ. — Титулярный совѣтникъ. Участковый мировой судья Виленскаго округа.

XIV классомъ.

Вакуленко, Павелъ Васильевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Гамалѣя, Михаилъ Николаевичъ. — Ни гдѣ не служитъ.

Гамалѣя, Иванъ Николаевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Почётный мировой судья Конотопскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Меридіановъ, Александръ.

Товстолѣсъ, Андрей Ивановичъ. — Умеръ. Былъ Борзенскимъ предводителемъ дворянства.

Сахно-Устимовичъ, Виталій Васильевичъ. — Ни гдѣ не служитъ. Проживаетъ въ Полтавской губерніи.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ. 1865.

XII классомъ.

Андреевъ, Семёнъ Григорьевичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Черкасскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Григоровичъ, Семёнъ Васильевичъ. — Надворный совѣтникъ. Членъ Нѣжинскаго Окружнаго Суда.

Дедевичъ, Іосифъ Николаевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Судебный слѣдователь 1-го участка Суражскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Иващенко, Евлампій Георгіевичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при департаментѣ Министерства Юстиціи.

Кушакевичъ, Поліевктъ Григорьевичъ. — Умеръ въ 1880 году. Служилъ судебнымъ слѣдователемъ 1-го участка Борзенскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Люренцевичъ, Эпипдифоръ Ивановичъ. — Умеръ.

XIV классомъ.

Александровичъ, Ѳеодосій Осиповичъ. — Въ отставкѣ. Проживаетъ въ Прилукскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи).

Буйновскій, Алексѣй Львовичъ. — Коллежскій секретарь. Мировой судья Черноярско-Енотаевскаго уѣзда (Астраханской губерніи).

Домонтовичъ, Николай Александровичъ. — Мировой судья Остёрскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Лукомскій, Митрофанъ Николаевичъ. — Умеръ судебнымъ слѣдователемъ Оренбургскаго округа.

Туманскій, Николай Захарьевичъ. — Губернскій секретарь. Почётный мировой судья Городницкаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Чернявскій, Поликарпъ Ивановичъ.

ВЫПУСКЪ СОРОКОВОЙ. 1866.

XII классомъ.

Булахъ, Владиміръ Филипповичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Тульскаго уѣзда.

Гудима, Николай Григорьевичъ. — Служитъ секретарёмъ при Владикавказскомъ окружномъ судѣ.

Двужильный, Григорій Марковичъ. — Занимается адвокатурой въ Черниговѣ.

Демяновскій, Григорій Дмитріевичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Могилёвскаго округа (Подольской губерніи).

Доливо-Добровольскій, Пётръ Николаевичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Челябинскаго округа (Оренбургской губерніи).

Домиловскій, Николай Ивановичъ. — Товарищъ прокурора Вятскаго окружнаго суда.

Ересько, Иванъ Ивановичъ. — Умеръ судебнымъ слѣдователемъ Глуховскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Карпенко, Моисей Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 1-го участка города Кіева.

Колодчевскій, Павелъ Ивановичъ. — Титулярный совѣтникъ. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Лабунскій, Валентинъ Константиновичъ. — Надворный совѣтникъ. Товарищъ Астраханскаго губернскаго прокурора.

Лось, Василій Васильевичъ. — Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Рѣжицѣ (Витебской губерніи).

Лященко, Николай Даниловичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Балтскаго округа (Подольской губерніи).

Макухинъ, Гавріилъ Ананьевичъ. — Коллежскій ассесоръ въ отставкѣ. Былъ исправникомъ Литинскаго уѣзда (Подольской губерніи).

Макухинъ, Михаилъ Ананьевичъ. — Ни гдѣ не служитъ.

Максимовичъ, Николай Ивановичъ. — Умеръ, не поступая на службу.

Масловъ, Викторъ Моисѣевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Состоитъ при министрѣ Финансовъ.

Матусевичъ, Адамъ Ѳаддѣевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Старшій помощникъ секретаря пятаго департамента Правительствующаго Сената.

Осмоловскій, Николай Ивановичъ.

Подгурскій, Михаилъ Васильевичъ. — Состоитъ при Московскомъ губернаторѣ.

Сененко, Андрей Андреевичъ. — Коллежскій секретарь. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Горецкаго уѣзда (Могилевской губерніи).

Тереховъ, Ѳёдоръ Севастьяновичъ. — Умеръ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ.

Тетеря, Меѳодій Филипповичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Литинскаго уѣзда (Подольской губерніи).

Храпковскій, Ѳёдоръ Павловичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Спаскаго уѣзда Тамбовскаго окружнаго суда.

XIV классомъ.

Летенко, Павелъ Ивановичъ. — Титулярный совѣтникъ. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Михѣевъ, Павелъ Александровичъ. — Умеръ.
Радзивиловичъ, Николай.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ. 1867.

XII классомъ.

Аришевъ, Клементій Семёновичъ. — Коллежскій ассесоръ. Состоитъ при министрѣ Юстиціи.

Байдаковскій, Иванъ Степановичъ. — Умеръ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ 1-го участка Кролевецкаго уѣзда Нѣжинскаго окружнаго суда.

Гавриленко, Михаилъ Сидоровичъ. — Коллежскій секретарь. Непремѣнный членъ и участковый мировой судья Черкасскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Голевецъ-Михайловскій, Даніилъ Петровичъ. — Служитъ помощникомъ акцизнаго надзирателя въ городѣ Прилукахъ (Полтавской губерніи).

Кокорекинъ, Николай Петровичъ.

Лотоцкій, Игнатій Аѳанасьевичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Житомирскаго округа.

Мазуръ, Иванъ Филипповичъ. — Надворный совѣтникъ. Товарищъ прокурора Саратовскаго Окружнаго Суда.

Матусевичъ, Болеславъ Ѳаддѣевичъ. — Умеръ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ 1-го участка Глуховскаго уѣзда Нѣжинскаго окружнаго суда.

Можаровъ, Ѳёдоръ. — Служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при Смоленскомъ губернаторѣ.

Пронинъ, Дмитрій Лукичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 1-го участка Царицынскаго уѣзда (Саратовской губерніи).

Ракочи, Владиміръ Ефимовичъ. — Губернскій секретарь. Почётный мировой судья Королевецкаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Ренардъ, Густавъ Ромуальдовичъ. — Судебный слѣдователь Климовичскаго уѣзда (Могилёвской губерніи).

Жуковскій, Пётръ Александровичъ. — Коллежскій секретарь. Участковый мировой судья Чигиринскаго округа (Кіевской губерніи).

Ришави, Адальбертъ Адальбертовичъ. — Членъ Владикавказскаго окружнаго суда.

Ситенскій, Алексѣй Яковлевичъ. — Помощникъ окружнаго надзирателя въ Черниговѣ.

Тюшковъ, Пётръ Григорьевичъ. — Служитъ секретарёмъ съѣзда мировыхъ судей въ Прилукахъ (Полтавской губерніи).

Шкляревскій, Адріянъ Сергѣевичъ. — Состоитъ при департаментѣ Министерства Юстиціи.

XIV классомъ.

Байдаковскій, Михаилъ Степановичъ. — Служитъ дѣлопроизводителемъ въ канцеляріи Плоцкаго губернатора.

Васьковскій, Владиславъ Яковлевичъ. — Губернскій секретарь. Помощникъ класныхъ наставниковъ.

Ильяшенко, Николай Степановичъ. — Полковникъ въ отставкѣ. Почётный мировой судья Новомосковскаго уѣзда (Екатеринославской губерніи).

Михѣевъ, Антонъ Александровичъ. — Умеръ.

Парчевскій, Андрей Осиповичъ. — Мировой судья Калишской губерніи.

Пухальскій, Владиміръ Генриховичъ. — Не служитъ. Проживаетъ въ Полтавѣ.

Рудановскій, Сергѣй Павловичъ. — Разъѣздной чиновникъ почтоваго вѣдомства въ Кіевѣ.

Столица, Александръ.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ. 1868.

XII классомъ.

Адасовскій, Михаилъ Васильевичъ. — Помощникъ акцизнаго надзирателя Глуховскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Базилевичъ, Дмитрій Васильевичъ. — Судебный слѣдователь Старооскольскаго уѣзда (Курской губерніи).

Барвинскій, Ананій Григорьевичъ. — Судебный слѣдователь 2-го участка Бѣлгородскаго уѣзда (Курской губерніи).

Богушевичъ, Францъ Казиміровичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Конотопскаго уѣзда Нѣжинскаго окружнаго суда.

Голенковскій, Александръ Андреевичъ. — Надворный совѣтникъ. Начальникъ отдѣленія въ Министерствѣ Финансовъ.

Громыко, Григорій Павловичъ. — Чиновникъ Виленскаго Окружнаго Интендантства.

Гульбинскій, Владиміръ Игнатьевичъ.

Даниилевскій, Дмитрій Ивановичъ. — Коллежскій ассесоръ. Членъ Харьковской судебной палаты.

Двужильный, Георгій Марковичъ. — Секретарь Стародубскаго окружнаго суда.

Дейкунъ, Иванъ Леонтьевичъ. — Членъ Нѣжинскаго окружнаго суда.

Ельницкій, Константинъ Васильевичъ. Надворный совѣтникъ. Преподаватель въ Сибирской военной гимназіи.

Зоричъ, Василій Петровичъ. — Умеръ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Суражскомъ уѣздѣ (Черниговской губерніи).

Кончицъ, Аѳанасій.

Кулжинскій, Пантелеймонъ Ивановичъ. — Титулярный совѣтникъ. Участковый мировой судья Полтавскаго уѣзда.

Лещовъ, Василій Павловичъ. Умеръ.

Малюга, Василій Ѳёдоровичъ. — Губернскій секретарь. Временной членъ Витебской палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

Карнѣевъ, Дмитрій Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Проживаетъ въ своёмъ

имѣніи, Черниговской губерніи, Нѣжинскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Монастырищѣ.

Романченко, Иванъ Мартыновичъ. — Секретарь Нѣжинскаго окружнаго суда.

Солтанъ-Пересвѣтъ, Ѳаддей Мечиславовичъ. — Не служитъ.

Свяцкій, Иванъ Васильевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Судебный слѣдователь Житомірскаго окружнаго суда.

Сикорскій, Александръ Антоновичъ. — Служитъ въ Нѣжинской земской управѣ.

Товстолѣсъ, Иванъ Александровичъ. — Губернскій секретарь. Почётный мировой судья Черниговскаго уѣзда.

Ханенко, Алексѣй Александровичъ. — Отставной штабсъ-ротмистръ. Участковый мировой судья 1-го округа Варшавской губерніи.

Шолковичъ, Георгій Вуколовичъ. — Судебный слѣдователь 2-го участка Рогачёвскаго уѣзда (Могилёвской губерніи).

Ясинскій, Тимофей Антоновичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Козелецкаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Пясецкій, Ахиллесъ Карповичъ. — Губернскій секретарь. Участковый мировой судья Хотинскаго уѣзда (Бессарабской губерніи).

XIV классомъ.

Боголюбовъ, Михаилъ Яковлевичъ. — Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Глуховѣ (Черниговской губерніи).

Гульбинскій, Владиміръ.

Ельницкій, Григорій Васильевичъ.

Климовичъ, Ѳёдоръ Михайловичъ. Судебный слѣдователь 2-го участка Новозыбковскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Каржинскій, Николай Григорьевичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 2-го участка Новозыбковскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Лукомскій, Сергѣй Николаевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Участковый мировой судья Кременецкаго округа (Волынской губерніи).

Миньковскій, Вацлавъ. — Ни гдѣ не служитъ.

Петровскій, Августинъ Флоровичъ. — Служитъ судебнымъ слѣдователемъ въ Астраханской губерніи.

Пронинъ, Николай Лукичъ. — Служитъ дѣлопроизводителемъ въ канцеляріи Черниговскаго губернатора.

Ярошевскій, Пётръ Ивановичъ. — Умеръ. Служилъ судебнымъ слѣдователемъ Курскаго окружнаго суда.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ. 1869.

XII классомъ.

Анисимовъ, Иванъ Григорьевичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при департаментѣ Министерства Юстиціи.

Вороной, Иванъ Яковлевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣ-

дователь 1-го участка Новгородсѣверскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Глушановскій, Тимофей Тимофеевичъ. — Судебный слѣдователь 4-го участка Московскаго окружнаго суда.

Дорошенко, Василій Яковлевичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 2-го участка Глуховскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Захаровъ, Александръ Игнатьевичъ.

Зубковскій, Евгеній Николаевичъ.

Небудкинъ, Матвѣй Григорьевичъ.

Оребинскій, Павелъ Ивановичъ. — Въ отставкѣ; былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Кіевѣ.

Подревскій, Василій Николаевичъ. — Коллежскій ассесоръ. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Мстиславскаго уѣзда (Могилёвской губерніи).

Подревскій, Ипполитъ Николаевичъ. — Умеръ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ Люблинской губерніи.

Плесцовъ, Өёдоръ Петровичъ. — Надворный совѣтникъ. Начальникъ отдѣленія Варшавской казённой палаты.

Симоновичъ, Александръ Мартыновичъ. — Товарищъ прокурора Курскаго окружнаго суда.

Самчевскій, Николай Васильевичъ. — Товарищъ предсѣдателя Ставропольскаго окружнаго суда.

Стародубцевъ, Митрофанъ Николаевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Дѣлопроизводитель Военнаго Кодификаціоннаго Комитета.

Стравинскій, Өёдоръ Игнатьевичъ. — Артистъ русской Петербургской оперы.

Сѣтковъ, Александръ Діонисьевичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь при Екатеринославскомъ окружномъ судѣ.

Сеникъ, Митрофанъ Дмитріевичъ. — Судебный слѣдователь Аткарскаго уѣзда (Саратовской губерніи).

Старицкій, Николай Дмитріевичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи. Служилъ судебнымъ слѣдователемъ Изюмскаго окружнаго суда.

Турковскій, Александръ.

Туцевичъ, Феликсъ. — Умеръ.

Филипповскій, Пётръ Станиславовичъ. — Товарищъ прокурора Острогожскаго окружнаго суда.

Францессонъ, Игнатій Владиславовичъ. — Губернскій секретарь. Предсѣдатель съѣзда и мировой судья Горецкаго округа (Могилевской губерніи).

Язвицкій, Андрей Семёновичъ. — Судебный слѣдователь 3-го участка Бобровскаго уѣзда (Воронежской губерніи).

Прель, Александръ Фридриховичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Финансовъ. Былъ мировымъ судьёй Проскуровскаго уѣзда (Подольской губерніи).

XIV классомъ.

Врахоритъ, Григорій Павловичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Грайворонскаго уѣзда (Курской губерніи).

Выѣзжій, Дмитрій Георгіевичъ. — Умеръ.

Головня, Владиміръ Илларіоновичъ.

Голубовъ, Александръ Яковлевичъ. — Секретарь при департаментѣ Министерства Юстиціи.

Гордійчукъ, Василій Васильевичъ.

Залозный, Георгій Николаевичъ. — Участковый мировой судья Бердичевскаго округа (Кіевской губерніи).

Лещовъ, Николай Павловичъ. — Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Мартосъ, Виталій Александровичъ. — Судебный слѣдователь Самарскаго окружнаго суда.

Малашевичъ, Николай Ивановичъ. — Въ отставкѣ. Былъ учителемъ уѣзднаго училища въ Сосницѣ (Черниговской губерніи).

Нуджевскій, Василій Васильевичъ. — Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Стеблинъ-Каминскій, Георгій Степановичъ. — Присяжный повѣренный въ Полтавѣ.

Штейнъ, Эдмундъ Юліевичъ. — Умеръ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ Кіевской губерніи.

Юскевичъ, Иванъ Петровичъ. — Членъ Варшавскаго окружнаго суда.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. 1870.

XII классомъ.

Алексѣенко, Ѳёдоръ Васильевичъ. — Судебный слѣдователь 2-го участка Новгородскаго окружнаго суда.

Богомолецъ, Виталій Михайловичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 2-го участка города Кіева.

Воденюкъ, Филиппъ Ерофѣевичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 3-го участка города Кіева.

Гороновскій, Михаилъ Антоновичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь Симферопольскаго окружнаго суда.

Ивановъ, Ѳёдоръ Степановичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь Купянскаго уѣзда (Харьковской губерніи).

Карпенко, Пётръ Ивановичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Новозыбковскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Кареницкій, Яковъ Ивановичъ. — Коллежскій ассесоръ. Временный членъ Ковенской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

Кольчевскій, Павелъ Дмитріевичъ.

Крестовскій, Константинъ Петровичъ. — Умеръ. Состоялъ при департаментѣ Министерства Юстиціи.

Крушковскій, Александръ Николаевичъ. — Мировой судья въ Пятигорскѣ.

Макинскій, Альфонсъ Карловичъ. — Не служитъ.

Лаврененко, Степанъ Өёдоровичъ. — Коллежскій ассесоръ. Судебный слѣдователь Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда.

Петре, Антонъ Феликсовичъ. — Умеръ, не поступивъ на службу.

Порожній, Александръ Никандровичъ.

Ранчъ-Дмитрашко, Николай. — Служитъ въ Кіевскомъ Банкѣ.

Стравинскій, Людвигъ Станиславовичъ. — Судебный слѣдователь по особенно важнымъ дѣламъ при Саратовскомъ окружномъ судѣ.

Теренецкій-Климовичъ, Өёдоръ Михайловичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Хамецъ, Ксаверій Эдуардовичъ. — Не служитъ.

Шиманскій, Александръ Ивановичъ. — Надворный совѣтникъ. Воспитатель въ Полоцкой военной гимназіи.

Щёчкинъ, Василій Степановичъ. — Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи. Служилъ судебнымъ слѣдователемъ 2-го участка Летичевскаго уѣзда (Подольской губерніи).

XIV классомъ.

Землеръ, Иванъ Карловичъ. — Судебный слѣдователь 2-го участка Чигиринскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Дикій, Михаилъ Ивановичъ. — Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Ильичъ-Шишацкій, Викторъ Николаевичъ.

Костинъ, Иванъ Александровичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Бѣльскаго уѣзда (Бессарабской губерніи).

Охримовичъ, Александръ Степановичъ.

Сваричевскій, Мечиславъ Францовичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Чириковскаго уѣзда (Могилевской губерніи).

Шанецкій, Станиславъ Ивановичъ. — Бугурусланскій (Самарской губерніи) судебный слѣдователь.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ. 1871.

XII классомъ.

Алексѣевъ, Николай Александровичъ. — Губернскій секретарь. Участковый мировой судья въ Хорольскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи).

Бордоносъ, Александръ Өёдоровичъ. — Старшій нотаріусъ Нѣжинскаго окружнаго суда.

Голембіовскій, Александръ Евдокимовичъ. — Участковый мировой судья Овручскаго округа (Волынской губерніи).

Дьяченко, Юліанъ Моисѣевичъ. — Надворный совѣтникъ. Воспитатель въ Кіевской военной гимназіи.

Вишневскій, Антонъ Адамовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Начальникъ отдѣленія областнаго правленія Семирѣчинской области.

Зуевъ, Анатолій Егоровичъ. — Товарищъ Могилёвскаго губернскаго прокурора.

Кадыгробовъ, Антонъ Андреевичъ. — Коллежскій секретарь. Мировой судья Борисовскаго округа (Минской губерніи).

Крушковскій, Леонидъ Евгеніевичъ. — Нигдѣ не служитъ.

Кульчицкій, Эразмъ Юліановичъ. — Товарищъ прокурора Симбирскаго окружнаго суда.

Мартыновскій, Адольфъ Ивановичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 1-го участка города Оренбурга.

Мышлаевскій, Григорій Захарьевичъ. — Губернскій секретарь. Участковый мировой судья Заславско-Острогскаго округа (Волынской губерніи).

Неговоровъ, Пётръ Васильевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Младшій ревизоръ Варшавской контрольной палаты.

Полѣсскій-Щепило, Антонъ Петровичъ. — Судебный слѣдователь въ Александровѣ.

Скробонскій, Константинъ Ивановичъ. — Титулярный совѣтникъ. Участковый мировой судья и предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Троицкаго округа (Оренбургской губерніи).

Чеховскій, Адамъ Ивановичъ. — Коллежскій ассесоръ. Старшій помощникъ оберъ-секретаря 1-го департамента Правительствующаго Сената.

Щастный, Василій Ивановичъ.

Юлинскій, Антонъ Осиповичъ. — Губернскій секретарь. Присяжный повѣренный въ Екатеринбургѣ.

Юцковскій, Константинъ Ѳёдоровичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Влацлавскаго уѣзда (Сѣдлецкой губерніи).

XIV классомъ.

Алексѣевъ, Степанъ Алексѣевичъ. — Губернскій секретарь. Участковый мировой судья Хорольскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Арутюновъ, Серопъ.

Бринкенъ, Евгеній Александровичъ. — Губернскій секретарь. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

Горовой, Григорій Яковлевичъ.

Гомолка, Иванъ Азарьевичъ.

Дембскій, Евгеній Варфоломеевичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 1-го участка Поневѣжскаго уѣзда (Ковенской губерніи).

Демешко, Поликарпъ Петровичъ.

Клюковскій, Александръ Даниловичъ.

Кушакевичъ, Ѳёдоръ Ѳёдоровичъ. — Умеръ.

Левицкій, Константинъ Павловичъ. — Радинскій участковый мировой судья 2-го участка Седлецкой губерніи.

Оголовецъ, Николай Константиновичъ. — Товарищъ прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда.

Потоцкій, Николай Іосифовичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 1-го участка города Сѣвска (Курской губерніи).

Пронинъ, Константинъ Лукичъ. Титулярный совѣтникъ. Чиновникъ особыхъ порученій при Черниговскомъ губернаторѣ.

Рудковскій, Осипъ Осиповичъ. — Умеръ.

Саковичъ, Пётръ Антоновичъ. — Ни гдѣ не служитъ.

Троцкій, Николай Викторовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 1-го участка Винницкаго уѣзда (Подольской губерніи).

Чеканъ, Иванъ Александровичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Рѣжицкаго уѣзда.

Ѳедоровичъ, Пётръ Акимовичъ. — Судебный слѣдователь въ Ливнахъ.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ. 1872.

XII классомъ.

Апсентовъ, Дмитрій Александровичъ. — Умеръ.

Башуцкій, Александръ Александровичъ. — Коллежскій секретарь. Товарищъ Минскаго губернскаго прокурора.

Богородскій, Иванъ Александровичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Гродненскаго уѣзда.

Бржостовскій, Виталій Леопольдовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Овручьскій уѣздный казначей (Волынской губерніи).

Бугославскій, Григорій Кирилловичъ. — Титулярный совѣтникъ. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка Владиміръ-Волынскаго уѣзда.

Васильевъ, Константинъ Гавриловичъ. — Коллежскій секретарь. Мировой судья Брестскаго округа (Гродненской губерніи).

Войцѣховичъ, Иванъ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Секретарь таможни въ Севастополѣ.

Войцѣховичъ, Антонъ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Участковый мировой судья Дисненскаго округа (Виленской губерніи).

Волковскій, Николай Константиновичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 2-го участка Ольгопольскаго уѣзда.

Вороновичъ, Владиміръ Петровичъ. — Титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Былъ судебнымъ слѣдователемъ Звенигородскаго уѣзда.

Бекаревичъ, Владиміръ Михайловичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка Оршанскаго округа (Могилёвской губерніи).

Графъ Головинъ, Александръ Ивановичъ. — Занимается адвокатурой.

Гроза, Людвигъ Александровичъ. — Присяжный повѣренный въ Житомирѣ.

Демчинскій, Николай Михайловичъ. — Присяжный повѣренный въ городѣ Стародубѣ.

Демчинскій, Иванъ Михайловичъ. — Коллежскій секретарь. Служилъ секретарёмъ въ Черниговской судебной палатѣ.

Долгоруковъ, Иванъ Дмитріевичъ. — Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ городѣ Нѣжинѣ.

Житинскій, Николай Федосѣевичъ.

Засядко, Александръ. — Губернскій секретарь. Участковый мировой судья Богодуховскаго уѣзда (Харьковской губерніи).

Зефировъ, Николай Ивановичъ.

Іорданъ, Александръ Георгіевичъ. — Дѣлопроизводитель въ департаментѣ Удѣловъ.

Калингъ, Александръ Петровичъ. — Судебный слѣдователь Херсонскаго окружнаго суда.

Катроновъ, Пётръ Ивановичъ. — Состоитъ при Департаментѣ Министерства Юстиціи.

Кочановскій, Өёдоръ Степановичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь при Стародубскомъ (Черниговской губерніи) окружномъ судѣ.

Коробка, Илья Ефимовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Помощникъ оберъ-секретаря Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената.

Коробка, Павелъ Степановичъ. — Санктъ-Петербургскій участковый мировой судья, почётный мировой судья Нѣжинскаго уѣзда и попечитель Мринской и Ядутинской начальныхъ школъ Нѣжинскаго и Борзенскаго уѣздовъ (Черниговской губерніи).

Коропъ, Антонъ Іосифовичъ. — Мировой судья въ Ставрополѣ.

Мацуревичъ, Феликсъ Өомичъ. — Титулярный совѣтникъ. Исправникъ Гижичинскаго округа Приморской области.

Микулинскій, Өёдоръ Павловичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Ровенскаго уѣзда (Волынской губерніи).

Недзѣльскій, Елеазаръ Пантелеймоновичъ. — Членъ палаты уголовнаго и гражданскаго суда въ Могилёвѣ на Днѣпрѣ.

Нововъ, Николай Михайловичъ. — Присяжный повѣренный Харьковскаго округа.

Осиповъ, Александръ Петровичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь въ Кіевѣ.

Парпура, Георгій Парфентьевичъ. — Нигдѣ не служитъ. Проживаетъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ.

Поповъ, Пётръ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Предсѣдатель съѣзда и участковый мировой судья Новогрудскаго округа.

Скандовъ, Алексѣй Петровичъ. — Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

Скринниковъ, Венедиктъ Өёдоровичъ. — Губернскій секретарь. Служитъ въ Кіевской Контрольной Палатѣ.

Соломка, Николай Степановичъ. — Въ отставкѣ. Былъ секретарёмъ въ Лубенскомъ уѣздномъ судѣ.

Тарновскій, Григорій Васильевичъ. — Въ отставкѣ. Служилъ въ Сенатѣ. Въ настоящее время проживаетъ въ городѣ Прилукахъ.

Томашевскій, Нилъ Ефимовичъ. — Коллежскій секретарь. Секретарь Оренбургской консисторіи.

Трофимовичъ, Николай Петровичъ. — Служитъ воспитателемъ въ Кіевской военной гимназіи.

Троцкій, Евгеній Аристарховичъ. — Судебный слѣдователь Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда.

Туловъ, Константинъ Михайловичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи. Служитъ судебнымъ слѣдователемъ въ городѣ Черкассахъ (Кіевской губерніи).

Френкель, Андрей Өёдоровичъ. — Въ отставкѣ. Проживаетъ въ Кіевѣ.

Юзефовичъ, Владиміръ Викторовичъ. — Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Юрьевъ-Псковецъ, Василій Васильевичъ. — Присяжный повѣренный въ Полтавѣ.

Яскевичъ, Алексѣй Ивановичъ. — Состоитъ при департаментѣ Министерства Юстиціи. Былъ Мстиславскимъ (Могилевской губерніи) судебнымъ слѣдователемъ.

Аксамитовскій, Левъ Людвиговичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при департаментѣ Министерства Юстиціи.

XIV классомъ.

Абазали, Павелъ Николаевичъ. — Коллежскій секретарь. Секретарь Керченскаго коммерческаго суда.

Баклашовъ, Григорій Константиновичъ. — Ковенскій судебный слѣдователь.

Бѣльгольскій, Дмитрій Яковлевичъ.

Бѣляцкій, Цезарій Ивановичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 4-го участка Челябинскаго уѣзда.

Вериго, Василій Константиновичъ.

Галковскій, Александръ Ѳёдоровичъ. — Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Могилевской губерніи.

Дрогичинскій, Владиміръ Ѳёдоровичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка Россіенскаго уѣзда (Ковенской губерніи).

Колосовскій, Гавріилъ Яковлевичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя при Оренбургской Палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

Кульчицкій, Владиміръ Петровичъ. — Товарищъ прокурора Радомскаго окружнаго суда.

Лазаревичъ, Николай Дмитріевичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка Рогачёвскаго уѣзда (Могилёвской губерніи).

Лансере, Георгій Захарьевичъ. — Директоръ Кременчугскаго Поземельнаго Банка.

Лапицкій, Павелъ Александровичъ. На службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ.

Литинскій, Андрей Ефимовичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 1-го участка Бердянскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Лесневскій, Пётръ Васильевичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Шавельскаго уѣзда.

Мельченко, Иннокентій Григорьевичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 1-го участка Нѣжинскаго уѣзда.

Подревскій, Николай Михайловичъ.

Рутковскій, Константинъ Савельевичъ.

Скальскій, Николай Николаевичъ. — Губернскій секретарь. Участковый мировой судья Измаильскаго округа.

Толстоногъ, Андрей Николаевичъ. — Умеръ.

Чеховскій, Александръ Ивановичъ. — Коллежскій секретарь. Членъ Астраханской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

Шульцъ, Иванъ Карловичъ. — Нигдѣ не служитъ. Проживаетъ въ Харьковѣ.

Яворскій, Ѳёдоръ Григорьевичъ. — Товарищъ прокурора Бакинскаго окружнаго суда.

Эльцинъ, Николай Ѳаддѣевичъ. — На службѣ въ Сибири.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ. 1873.

XII классомъ.

Берестовскій, Аркадій Васильевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 1-го участка Радомысльскаго уѣзда.

Войнаховскій, Николай Павловичъ.

Витковскій, Станиславъ Леопольдовичъ. — Маріупольскій судебный слѣдователь.

Вощининъ, Платонъ Сергѣевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Совѣтникъ Волынскаго губернскаго правленія.

Грекъ, Андрей Ефимовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда.

Добровольскій, Едмундъ Францовичъ.

Захарьяновъ, Андрей Авгаровичъ.

Костылёвъ, Николай Евстафіевичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 2-го участка Рогачёвскаго уѣзда.

Лагода, Александръ Николаевичъ. — Служитъ чиновникомъ для особыхъ порученій при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

Лацинниковъ, Иванъ Ивановичъ. — Членъ Оренбургской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

Епифановичъ, Софроній Ивановичъ. — Устьмедвѣдицкій судебный слѣдователь.

Манцовъ, Николай Николаевичъ. — Присяжный повѣренный при Нѣжинскомъ окружномъ судѣ.

Мацкевичъ, Владиміръ Ивановичъ. — Слуцкій судебный слѣдователь.

Миклашевскій, Михаилъ Андреевичъ. — Штабсъ-ротмистръ Кіевскаго гусарскаго полка.

Недзвѣцкій, Владиміръ Калисѳеновичъ. — Былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Ростовѣ на Дону.

Рышковъ, Александръ Ильичъ. — Судебный слѣдователь въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниговской губерніи).

Тарановскій, Дмитрій Андреевичъ.

Ходосовскій, Иванъ Васильевичъ.

Хорьковъ, Дмитрій Ивановичъ.

Шатовъ, Николай Васильевичъ.

Яновскій, Вильгельмъ Станиславовичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 3-го участка Екатеринославскаго уѣзда.

Яновскій, Гавріилъ Васильевичъ. — Секретарь Харьковской судебной палаты.

Яскевичъ, Алексѣй Ивановичъ. — Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Мстиславскаго уѣзда (Могилёвской губерніи).

XIV классомъ.

Адасовскій, Александръ Константиновичъ. — Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Бендерахъ (Бессарабской губерніи).

Байдаковскій, Николай Степановичъ. — Судебный слѣдователь 1-го участка Кролевецкаго уѣзда Нѣжинскаго окружнаго суда.

Балабуха, Александръ Павловичъ. — Въ отставкѣ.

Бобрикъ, Ѳёдоръ Антоновичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи. Былъ мировымъ судьёй въ Ковенской губерніи.

Бекаревичъ, Владиміръ Михайловичъ. — Судебный слѣдователь Оршанскаго уѣзда (Могилёвской губерніи).

Буштетъ, Иванъ Андреевичъ.

Велигорскій, Автономъ Антоновичъ. — Умеръ.

Волкогонъ, Иванъ Антоновичъ. — Умеръ, не поступая на службу.

Гетинкау, Александръ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Помощникъ Полтавскаго уѣзднаго исправника.

Дѣдинъ, Пётръ Михайловичъ. — Губернскій секретарь. Помощникъ исправника Мелитопольскаго уѣзда.

Доброгаевъ, Иванъ Степановичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда.

Дублянскій, Пётръ Николаевичъ. — Присяжный повѣренный въ Стародубѣ (Черниговской губерніи).

Засадкевичъ, Кузьма Александровичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Бѣлостокскаго уѣзда.

Калингъ, Александръ Давыдовичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 2-го участка Свенцянскаго уѣзда.

Кленовскій, Викторъ Семёновичъ.

Красовскій, Алексѣй Николаевичъ. — Губернскій секретарь. Членъ Виленской палаты Гражданскаго и Уголовнаго Суда.

Коморскій. Евгеній Казиміровичъ. — Губернскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Свенцянскаго уѣзда.

Кубаніевъ, Іеремія Осиповичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Лепельскаго уѣзда (Витебской губерніи).

Куловскій, Иванъ. — Умеръ въ Вильнѣ.

Малеванскій, Павелъ.

Малявка, Алексѣй Симоновичъ.

Матвѣевъ, Владиміръ Дмитріевичъ. — Коллежскій регистраторъ. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Новоузенскаго уѣзда.

Меланченко, Виталій Савичъ. — Губернскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Моисеенко, Андрей Игнатьевичъ.

Молчановскій, Николай Симоновичъ. — Коллежскій регистраторъ. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 2-го участка Вилейскаго уѣзда (Виленской губерніи).

Новицкій, Василій Леоновичъ. — Секретарь съѣзда мировыхъ судей въ Пирятинскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи).

Пановъ, Павелъ Ивановичъ. — Коллежскій регистраторъ. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Полетика, Яковъ Петровичъ. — Коллежскій регистраторъ. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Чебоксарскаго уѣзда.

Поповъ, Андрей Васильевичъ.

Пятибоковъ, Михаилъ Дмитріевичъ. — Коллежскій регистраторъ. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Арлатовскаго уѣзда.

Рубановъ, Анатолій Андреевичъ. — Служитъ на Кавказѣ.

Рогальскій, Игнатій Францовичъ.

Рознатовскій, Михаилъ Григорьевичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Бѣльскаго уѣзда.

Россовецкій, Целестинъ Александровичъ.

Сендаровскій, Владиміръ Прокофьевичъ. — Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Стародубѣ (Черниговской губерніи).

Спарро, Леопольдъ Павловичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 3-го участка Радомысльскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Филипповъ, Александръ Ивановичъ.

Ханенко, Александръ Александровичъ. — Участковый мировой судья Черниговскаго уѣзда.

Цуймановъ, Иванъ Ефремовичъ. — Въ отставкѣ.

Чернышовъ, Александръ.

Шаповаленко, Яковъ Константиновичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Уфимскаго уѣзда.

Ѳеофилактовъ, Владиміръ Константиновичъ. — Кандидатъ на судебныя должности при Кіевскомъ окружномъ судѣ.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ. 1874.

XII классомъ.

Князь Ахріевъ, Чахъ. Служитъ на Кавказѣ.

Вѣтровъ, Пётръ Григорьевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь Глуховскаго уѣзда (Черниговской губерніи).

Деркачёвъ, Василій Михайловичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 1-го участка Черкасскаго уѣзда.

Загорѣльскій, Кронидъ Ивановичъ. — Помощникъ секретаря Кіевскаго губернскаго окружного управленія.

Людоговскій, Никита Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Исправляющій должность временнаго судебнаго слѣдователя Уголовнаго и Гражданскаго Суда Черниковскаго уѣзда (Могилевской губерніи).

Матвѣевскій, Владиміръ Васильевичъ. — Служитъ слѣдователемъ на Кавказѣ.

Маковскій, Пётръ Феликсовичъ.

Мозговой, Василій Григорьевичъ. — Служитъ въ канцеляріи Кіевскаго губернатора.

Назаревскій, Степанъ Григорьевичъ. — Губернскій секретарь. Мировой судья Оршанскаго округа (Могилёвской губерніи).

Николаевичъ-Гмызовичъ, Василій Васильевичъ. — Коллежскій се-

кретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Ошмянскаго уѣзда (Виленской губерніи).

Поставскій, Аристархъ. — Судебный слѣдователь Кіевскаго окружнаго суда.

Князь Ратіевъ, Пётръ Ивановичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 2-го участка Уманскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

Соллогубъ, Степанъ. — Правитель канцеляріи начальника Ферганской области.

Сомчевскій, Сергѣй Васильевичъ. — Титулярный совѣтникъ. Судебный слѣдователь 1-го участка Бердичевскаго уѣзда.

Старосвѣтскій, Александръ Петровичъ. — Коллежскій секретарь. Членъ Волынской Палаты Гражданскаго и Уголовнаго Суда.

XIV классомъ.

Барановскій, Дмитрій Павловичъ. — Священникъ въ селѣ Валокитѣ (Глуховскаго уѣзда).

Голицинскій, Николай Михайловичъ. — Кандидатъ на судебныя должности Кіевскаго окружнаго суда.

Дьяковскій, Пётръ Семёновичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь 2-го участка Царевскаго уѣзда.

Зимовскій, Александръ Өёдоровичъ. — Помощникъ секретаря въ Сумскомъ судѣ.

Зубрицкій, Николай Симоновичъ. — Секретарь прокурора Черниговскаго окружнаго суда.

Ивановъ, Михаилъ Глѣбовичъ.

Кордюковъ, Михаилъ Өёдоровичъ. — Помощникъ секретаря при Нѣжинскомъ окружномъ судѣ.

Кибальчикъ, Өёдоръ Ивановичъ. — Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Былъ членомъ Подольской палаты Уголовныхъ и Гражданскихъ дѣлъ. Проживаетъ въ городѣ Коропѣ (Черниговской губерніи).

Любепецкій, Александръ Карловичъ. — Губернскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 3-го участка Оренбургской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

Наказный, Павелъ Дмитріевичъ. — Секретарь при Нѣжинскомъ окружномъ судѣ.

Поповъ, Константинъ Антиповичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда.

Реутскій, Василій Георгіевичъ. — Судебный слѣдователь 3-го участка Белебеевскаго уѣзда (Уфимской губерніи).

Сердюковъ, Осипъ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 3-го участка города Вильны.

Тюренко, Корнилій Ильичъ. — Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Глуховскомъ уѣздѣ.

Фуринъ, Кузьма Ивановичъ. — Секретарь при прокурорѣ Нѣжинскаго окружного суда.

Шмитъ, Пётръ Петровичъ.

Яновскій, Иванъ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ 1875.

XII классомъ.

Базоркинъ, Асламъ-Бекъ.

Бойко, Николай Яковлевичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка города Оренбурга.

Бугаевъ, Георгій Васильевичъ. — Занимается адвокатурой въ Москвѣ.

Бурцовъ, Александръ Васильевичъ. — Коллежскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Виленскаго уѣзда.

Броведовскій, Иванъ Ивановичъ. — Присяжный повѣренный въ Лубнахъ.

Волковскій, Владиміръ Константиновичъ. — Помощникъ классныхъ наставниковъ въ Нѣжинской гимназіи.

Волковъ, Василій Матвѣевичъ. — Кандидатъ на судебныя должности.

Гинко, Игнатій Львовичъ.

Громачевскій, Семёнъ Григорьевичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь 3-го участка Новоградъ-Волынскаго уѣзда.

Грепачевскій, Каликстъ Захарьевичъ. — Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.

Гогоцкій, Николай Сильвестровичъ. — Ни гдѣ не служитъ.

Добротворскій, Николай Амвросьевичъ. — Коллежскій регистраторъ. Помощникъ секретаря въ Лубенскомъ окружномъ судѣ.

Киркоръ, Сигизмундъ Феликсовичъ. — Коллежскій регистраторъ. Занимается адвокатурой въ Харьковѣ.

Корбутъ, Василій Игнатьевичъ.

Лозинскій, Маврикій Юстиновичъ. — Секретарь при прокурорѣ Тифлисской судебной палаты.

Лунякинъ, Алексѣй Михайловичъ.

Левковскій, Василій Онуфріевичъ. — Нотаріусъ въ мѣстечкѣ Корцѣ (Волынской губерніи).

Князь Орбельяни, Константинъ Яковлевичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 4-го участка Черкасскаго уѣзда.

Рощаковскій, Владиміръ Константиновичъ. — Судебный слѣдователь въ Елизаветградѣ.

Сидоренко, Дмитрій Дмитріевичъ. — Судебный слѣдователь въ Волынской губерніи.

Сеньковскій, Григорій Петровичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 2-го участка города Житомира.

Степенко, Константинъ Ивановичъ. — Служитъ въ Кіевской контрольной палатѣ.

Томашевскій, Семёнъ Николаевичъ.

Баронъ Ропнъ, Лотарь Эмиліевичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда.

Чарнецкій, Францъ Мартыновичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.
Чепліевскій, Александръ Ивановичъ. — Умеръ.
Чернышовъ, Алексѣй Марковичъ. — Губернскій секретарь. Членъ Оренбургской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.
Шевандинъ, Леонидъ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь 2-го участка Кіевскаго уѣзда.
Пекарскій, Владиміръ Францовичъ.

XIV классомъ.

Гудимъ-Левковичъ, Филиппъ Михайловичъ. — Умеръ.
Григорьевъ, Дмитрій Александровичъ.
Валевскій-Левковскій, Василій Онуфріевичъ. — Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.
Даманскій, Антонъ Николаевичъ.
Деменко, Поликарпъ Петровичъ.—Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.
Лукинъ, Николай Васильевичъ. — Служитъ въ палатѣ государственныхъ имуществъ въ Курскѣ.
Метельскій, Пётръ Андреевичъ.— Почётный мировой судья Борзенскаго уѣзда (Черниговской губерніи).
Мацкевичъ, Александръ.
Первенцовъ, Филаретъ Владиміровичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь 2-го участка Суражскаго уѣзда.
Петровскій, Владиміръ Петровичъ.
Слоницкій, Григорій Макарьевичъ. — Губернскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Мглинскаго уѣзда.
Требинскій, Николай Викторовичъ.
Туманскій, Александръ Захарьевичъ. — Губернскій секретарь. Мировой судья. Городнинскаго уѣзда (Черниговской губерніи).
Фурсовъ, Сергѣй Матвѣевичъ.
Чернявскій, Ѳеодосій Ивановичъ. — Служитъ учителемъ уѣзднаго училища въ Кіевской губерніи.
Юденковъ, Павелъ Павловичъ. — Кандидатъ на судебныя должности при Кіевскомъ Окружномъ Судѣ.
Смоличовъ, Иванъ Филипповичъ. — Губернскій секретарь. Судебный слѣдователь Радомысльскаго уѣзда (Кіевской губерніи).

ВЫПУСКЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ. 1876.

XII классомъ.

Іошковскій, Иванъ Дмитріевичъ. — Нотаріусъ въ городѣ Черкассахъ.
Калюжный, Василій Григорьевичъ.
Леонтовичъ, Георгій Ѳеодосьевичъ.
Лукомскій, Николай.
Максимовичъ, Василій Владиміровичъ.

Мандельштамъ, Викторъ Николаевичъ. — Коллежскій секретарь. Состоитъ при Министерствѣ Юстиціи.
Пославскій, Владиміръ.
Пашкевичъ, Дмитрій Самойловичъ.
Реутскій, Иванъ Георгіевичъ. — Коллежскій секретарь. Судебный слѣдователь 3-го участка Гродненскаго уѣзда.
Слоницкій, Степанъ Макарьевичъ. — Присяжный повѣренный въ городѣ Житомирѣ.
Спиридоновъ, Иванъ Александровичъ.
Томъ, Василій Станиславовичъ. — Помощникъ секретаря при Нѣжинскомъ окружномъ судѣ.
Чеканъ, Ѳёдоръ Ивановичъ. — Кандидатъ на судебныя должности при Нѣжинскомъ Окружномъ Судѣ.
Юнаковъ, Евгеній. — Секретарь Лубенскаго окружнаго суда.
Ящинскій, Павелъ Александровичъ. — Губернскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя Плоцкаго уѣзда.

XIV классомъ.

Бакуревичъ, Степанъ Михайловичъ.
Булахъ, Ѳёдоръ Даниловичъ. — Умеръ.
Бакѣевъ, Константинъ Андреевичъ. — Участковый мировой судья Тимскаго уѣзда (Курской губерніи).
Волоковъ, Викторъ.
Николаевичъ-Грызовичъ, Василій Васильевичъ. — Губернскій секретарь. Былъ Судебнымъ слѣдователемъ при Волынской палатѣ Гражданскаго и Уголовнаго Суда.
Зимовскій, Василій Дмитріевичъ. — Губернскій секретарь. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя при Витебской палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда.
Кульчицкій, Иванъ Александровичъ.
Ленартовичъ, Александръ. — Служитъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при гражданскомъ губернаторѣ.
Моляровъ, Александръ Ивановичъ. — Губернскій секретарь. Членъ Олонецкой Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.
Петровскій, Генрихъ Ипполитовичъ. — Частный повѣренный и секретарь Нѣжинскаго Банка.
Тереховъ, Александръ Севастьяновичъ. — Ни гдѣ не служитъ. Проживаетъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ.

Санктпетербургъ. 1881. Николай Гербель.

КОНЕЦЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

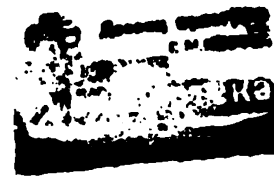
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читай:*
14	36	XIII	XVIII
28	15	рзсуждалъ	разсуждалъ
54	42	храктеристику	характеристику
56	21	обрязованія	образованія
77	5	предложеніе	предложеніе
80	16	отиосительно	относительно
81	7	нопечитель	попечитель
110	7	гимназій	гимназіи
112	44	унотребить	употребить
117	10	Ферейндъ	Фрейндъ
125	1	Линниченна	Линниченка
132	14	Мусиныпъ	Мусинымъ
132	послѣдняя	А. ебницкій	И. Сребницкій
137	35	подъ	надъ
147	12	способноети	способности
148	9	избриніе	избраніе
180, 222 и 297	послѣдніе	А. Сребницкіи	И. Сребницкій
205	23	гимнаназіи	гимназіи
25, 258, 260, 276, 287, 298, 313 и 321	6, 4, 16, 27, 11, 7, 1, 28 и 11	А. Сребницкій	И. Сребницкій
243	8	летераторахъ	литераторахъ
249	30	Ромномъ	Ромнами
256	3	повеленіе	повелѣно
257	26	нелгода	полгода
269	4	май	мой
275	2	изслѣдованіе	изслѣдованіе
279	31	действительный	дѣйствительный
301	44	Скердели	Скордели
307	1	гоборитъ	говоритъ
359	23	украинофилъ	украйнофилъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читай:*
LXXXIV	5	*погрузился*	*опустился*
CXIV	13	паталонами	панталонами
CXIX	25 и 36	экстроординарнымъ	экстраординарнымъ

105624



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

стр.

Въ дорогу. — Стихотвореніе Н. Гербеля. 7
Нѣжинъ. — Статья И. Сребницкаго. 11
Гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. — Статья Н. Лавровскаго 20
Лицей Князя Безбородко. — Статья И. Сребницкаго. 117

II.

Основатели и почётные попечители.

Князь А. А. Безбородко. — В. Толбина 133
Графъ И. А. Безбородко. — В. Толбина. 154
Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко. — П. Полевого. 158
Графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко. — Л. Мея. 176
Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. — И. Сребницкаго 178

III.

Директоры.

В. Г. Кукольникъ. — Н. Кукольника. 181
И. С. Орлай. — Н. Кукольника 189
Д. Е. Ясновскій. — И. Кулжинскаго 206
Х. А. Экебладъ. — П. Даневскаго 210
М. М. Могилянскій. — П. Коробки. 212
Е. П. Стеблинъ-Каминскій. — П. Коробки 217
Е. В. Гудима. — И. Сребницкаго 221
М. К. Чалый. — И. Сребницкаго. 223
Н. А. Лавровскій. — И. Сребницкаго 225

IV.

Профессора и преподаватели.

	стр.
А. А. Андржіевскій. — Н. Гербеля	227
А. Г. Андріевскій. — И. Сребницкаго	229
С. М. Андрущенко. — В. Каминскаго	—
М. В. Билевичъ. — Н. Лавровскаго	231
К. А. Будзынскій. — Д. Журавскаго	232
Н. Х. Бунге. — К. Троцины	233
Е. М. Бѣлобровъ. — И. Сребницкаго	239
Н. Г. Бѣлоусовъ. — Н. Кукольника	240
Н. Лавровскаго	244
И. И. Волынскій. — Н. Кукольника	245
Ѳ. Я. Вороной. — И. Сребницкаго	247
В. С. Вѣшеневскій. — В. Толбина	248
Ю. Н. Ганнотъ. — В. Толбина	—
А. А. Глушановскій. — Н. Гербеля	249
А. П. Горанинъ. — А. Хойнацкаго	254
П. Н. Даневскій. — Н. Гербеля	—
Л. И. Ждановичъ. — И. Сребницкаго	257
Ы. Г. Жокпасъ. — И. Сребницкаго	258
А. П. Забугинъ. — И. Сребницкаго	—
М. Д. Затыркевичъ. — И. Сребницкаго	259
Е. Я. Зимовскій. — Н. Петрова	260
Ѳ. Ѳ. Зингеръ. — Н. Кукольника	261
П. С. Иващенко. — И. Сребницкаго	263
П. Н. Іеропесъ. — Н. Петрова	—
Х. Н. Іеропесъ. — Н. Лавровскаго	264
А. О. Казелли. — В. Толбина	266
И. Ѳ. Клернеръ. — Н. Петрова	267
П. В. Кукольникъ. — Н. Кукольника	—
И. Г. Кулжинскій. — И. Кулжинскаго	269
К. Г. Купферъ. — К. Сементовскаго	274
В. Г. Лавровъ. — И. Сребницкаго	275
Н. Я. Ландражинъ. — Н. Кукольника	276
Я. Я. Лельевръ. — Н. Петрова	277
И. И. Лембахъ. — В. Толбина	279
А. И. Линниченко. — В. Толбина	—
А. В. Лопушевскій. — А. Бородина	280
Г. П. Македонскій. — В. Толбина	282
И. А. Максимовичъ. — К. Троцины	283
І. Ѳ. Мерцаловъ. — Н. Петрова	284
Ѳ. Э. Мерцъ. — И. Сребницкаго	286
І. В. Месонье. — В. Толбина	287
К. А. Моисеевъ. — Н. Кукольника	—
Ф. С. Морачевскій. — В. Толбина	290
В. А. Незабитовскій. — В. Толбина	292
П. И. Никольскій. — Н. Кукольника	—
О. Ѳ. Паевскій. — Н. Петрова	296
Н. Ю. Патлаевскій. — И. Сребницкаго	297
В. Петинье. — И. Сребницкаго	298
И. Н. Пилянкевичъ. — Н. Кукольника	—
Н. И. Пилянкевичъ. — Н. Петрова	—
Н. Я. Скальскій. — В. Толбина	300
П. К. Скорделли. — П. Коробки	—
И. А. Сребницкій. — Н. Гербеля	302

стр.
Н. Ѳ. Соловьёвъ. — Н. Кукольника 303
П. С. Смирновъ. — А. Хойнацкаго 304
М. А. Туловъ. — Н. Гербеля 305
А. Н. Френиви. — И. Сребницкаго 311
А. Ѳ. Хойнацкій. — Н. Гербеля . . . . . —
И. Г. Хандажинскій. — В. Толбина 312
К. А. Царевскій. — И. Сребницкаго 313
А. К. Циммерманъ. — Н. Петрова . . . . . —
К. В. Шаполинскій. — П. Рѣдкина 315
Ю. И. Штейнъ. — И. Сребницкаго 318
З. П. Шморгуновъ. — А. Хойнацкаго 319
Ѳ. Ѳ. Шульговскій. — И. Кулжинскаго . . . . . —
А. Ф. Янишевскій. — И. Сребницкаго 321
Н. П. Яснопольскій. — И. Сребницкаго . . . . . —

V.

Воспитанники Гимназіи Высшихъ Наукъ Лицея Князя Безбородко.

А. С. Аѳанасьевъ. — В. Толбина 323
К. М. Базили. — И. Халчинскаго 326
Н. Гербеля 333
Н. И. Билевичъ. — В. Толбина 336
А. Н. Бородинъ. — В. Толбина 341
Н. В. Гербель. — П. Полевого 344
Л. И. Гинтовтъ. — Н. Кукольника 356
Л. Н. Глѣбовъ. — К. Троцины 359
Н. В. Гоголь. — П. Кулиша 360
Е, П. Гребёнка. — М. Михайлова 379
В. Ѳ. Домбровскій. — Н. Гербеля 388
Д. И. Журавскій. — Н. Гербеля 390
В. К. Каминскій. — В. Толбина 398
В. В. Каталей. — Н. Гербеля 399
И. М. Клейнгаузъ. — Н. Гербеля 401
Н. В. Кукольникъ. — Н. Гербеля 403
И. В. Лашнюковъ. — К. Троцины 408
В. И. Любичъ-Романовичъ. — В. Толбина 413
Н. Я. Макаровъ. — Н. Гербеля 416
А. П. Мокрицкій. — В. Толбина 421
Н. Я. Прокоповичъ. — Н. Гербеля 423
А. И. Рославскій-Петровскій. — Г. Данилевскаго 428
Л. П. Рудановскій. — Н. Гербеля 431
П. Г. Рѣдкинъ. — Н. Гербеля 441
А. М. Сементовскій. — К. Сементовскаго 449
К. М. Сементовскій. — Н. Гербеля 452
Н. М. Сементовскій. — К. Сементовскаго 454
П. И. Собко. — Д. Журавскаго 457
В. В. Тарновскій. — М. Юзефовича 461
К. Е. Троцина. — В. Коробки 463
К. С. Фрейндъ. — Н. Гербеля 469
И. Д. Халчинскій. — В. Толбина 473

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I.

стр.

Списки сочиненій литераторовъ, получившихъ воспитаніе въ Гимназіи Высшихъ Наукъ и Лицеѣ Князя Безбородко. — Составлены Н. Гербелемъ III

II.

Шуточныя произведенія Нѣжинскихъ студентовъ.

1. Шуточное посланіе. — Н. Гоголя LXXXI
2. O tempora! o mores! — Поэма Н. Гербеля LXXXIII
3. Воспоминаніе о недѣлѣ страданій, проведённой мною у моихъ дорогихъ друзей мистера Винкля и мистера Топмена. — Юмористическій разсказъ И. Шкоды XCII
4. Объявленіе, найденное по смерти квартальнаго Пуда Гурыча Перчикова въ халявѣ сапога его. — А. Пащенка . . . CXIII
5. Рецензія яко бы гдѣ-то найденная. — И. Шкоды CXVI
6. Введеніе къ поэмѣ. — Н. Гербеля CXVIII

III.

Списокъ должностнымъ лицамъ

Гимназіи Высшихъ Наукъ и Лицея Князя Безбородко CXXI

IV.

Списки студентовъ.

1. Списокъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко со времени ея основанія до преобразованія въ Лицей. — Н. Гербеля CXXIX
2. Списокъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко со времени преобразованія его изъ Гимназіи Высшихъ Наукъ до новаго преобразованія изъ математическаго факультета въ юридическій. — Н. Гербеля CXXXVII
3. Списокъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Лицеѣ Князя Безбородко со времени преобразованія его изъ математическаго факультета въ юридическій, до преобразованія его въ Филологическій институтъ. — Н. Гербеля CXLVI

Замѣченныя опечатки CLXXXVII

M 15

№ 57/168г.п

3 2044 072 698 053

R71/144
W5185

014 H

Обм.
232690